РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

А.И. Терюков

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ КОМИ

Санкт-Петербург
2011

УДК 94:39(=511.132)
ББК 63.3+63.5
Т 35

Издание осуществлено при финансовой помощи
Правительства Республики Коми
в рамках празднования 90-летия Республики Коми

Рецензенты:
д.и.н. А.К. Салмин, к.и.н. А.Г. Новожилов

Терюков А.И.

Т 35 История этнографического изучения народов коми. — СПб.: МАЭ РАН, 2011. — 514 с.

ISBN 978-5-88431-217-3

В монографии на базе значительного количества литературных и архивных источников рассматривается процесс накопления сведений о традиционной культуре народов коми начиная с первых письменных памятников вплоть до 1940-х годов. Этот научно-познавательный процесс анализируется на фоне развития отечественной этнографической науки, а также на фоне становления и развития современного финно-угроведения.

Книга рассчитана на этнографов, историков, лингвистов, краеведов.

УДК 94:39(=511.132)
ББК 63.3+63.5

При оформлении обложки были использованы фотографии
С.И. Сергеля из собрания МАЭ РАН

ISBN 978-5-88431-217-3

© Терюков А.И., 2011
© МАЭ РАН, 2011

Оглавление

Введение 5

Глава 1. ПЕРИОД НАКОПЛЕНИЯ РАННИХ ИСТОРИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О НАРОДАХ КОМИ 11

1.1. Сведения о народах коми в арабских источниках 11

1.2. Сведения о народах коми в скандинавских источниках 15

1.3. Сведения о народах коми в древнерусской литературе 18

1.4. Предки современных коми в западноевропейских источниках 27

Глава 2. ПЕРВЫЕ ДОСТОВЕРНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КОМИ В РУССКОЙ НАУКЕ. XVIII в. 48

Глава 3. НАЧАЛО СИСТЕМАТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ КОМИ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в. 85

3.1. Этнографические материалы по народам коми, собранные в ходе специальных научных исследований 85

3.1.1. Изучение Коми края в ходе специальных этнографических научных исследований. 85

3.1.2. Материалы естественно-научных экспедиций как этнографический источник 112

3.1.3. Народы коми в материалах социально-экономических исследований 121

3.1.4. Материалы по коми этнографии в деятельности российских предпринимателей 142

3.2. Императорское Русское географическое общество и исследования Коми края . . . 149

3.2.1. Создание ИРГО 149

3.2.2. Исследовательские проекты РГО 150

3.2.2.1. Печорская экспедиция ИРГО 150

3.2.2.2. Члены ИРГО и коми этнография 153

3.2.3. Первая попытка обобщения собранного материала 158

3.3. Коми тема в русской этнографической беллетристике 160

Глава 4. РОЛЬ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ И КРАЕВЕДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НАРОДОВ КОМИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в. 177
4.1. Вологда как центр исследования традиционной культуры народов коми 177
4.2. Изучение народов коми в Архангельске 198
4.3. Изучение народов коми в Казани 206
4.4. Исследования народов коми в Перми 217
4.5. Изучение этнографии коми в Екатеринбурге 261
4.6. Усть-Сысольск как основной центр коми краеведения 266
4.6.1. Усть-сысольская лексикографическая группа Н.П. Попова 266
4.6.2. Усть-сысольские корреспонденты Русского географического общества . . . 270
4.6.3. Политические ссыльные как исследователи этнографии народов коми 281
4.7. Изучение этнографии народов коми в Тобольске 285

Глава 5. СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМИ НАУЧНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ. КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в. 293

Глава 6. ОБРАЗОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА В СЫКТЫВКАРЕ в 1920–1940-е гг. 347
6.1. Этнография народов коми в 1920-е гг. 347
6.1.1. Общество изучения Коми края 348
6.2. Этнография народов коми в 1930-е гг. 377

Глава 7. РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИИ НАРОДОВ КОМИ. СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX в. 400
7.1. Венгерские исследователи этнографии народов коми 400
7.2. Финские исследователи этнографии народов коми 411

Вместо заключения 441

Библиография 444

Список сокращений 513

Время необратимо.
Но ничто не исчезает бесследно.
Уходящие оставляют грядущим историю.
Ю. Нагибин

Ушедшим в историю исследователям
культуры народов коми.
Известным и безвестным.
А. Терюков

Введение

Историография этнографии представляет собой важную и сложную научную область, о значимости которой сказано достаточно много. Очевиден тот факт, что без знания путей становления этнографии, как отечественной, так и международной, невозможно ее успешное и интенсивное развитие. Выдающийся отечественный этнограф и исследователь истории науки С.А. Токарев в своей «Истории зарубежной этнографии» высказал мнение, что историографический путь постижения науки представляет собой наиболее результативную возможность овладения ею.

Методологические подходы к изучению истории науки довольно разнообразны. С.А. Токарев писал, что «*исторический подход к этнографической науке как раз и обеспечивает максимально полное, максимально глубокое — хотя, может быть, и не всегда систематическое — постижение всей этой области познания*»[1].

Существуют различные способы группировки обширного историографического материала:

— выделение (определение) основных исторических периодов развития этнографического изучения народа (народов отдельной языковой семьи и т.д.), обозначение научных школ и исследовательских направлений. Этот метод широко использовал как сам С.А. Токарев, так и многие другие исследователи в СССР, России и за рубежом[2]. В истории финно-угроведения на данный методологический подход опирались ученые Н.В. Шлыгина (Москва), А.Е. Загребин (Ижевск) и Гюнтер Штипа (Гамбург)[3];

— биографический подход, который предполагает рассмотрение научной биографии ученого на широком историческом и идеологическом (интеллектуальном) фоне. Подобный метод очень актуален и часто используется в современном финно-угроведении, так как позволяет определить место и роль той или иной личности в контексте развития народа. Этот методологический подход был избран, например, авторами сборника «Они любили край родной», посвященного истории краеведения Коми края[4]; можно также отметить работы финского (Ю.У.Э. Лехтонена) и английского (М. Бранча) исследователей, посвященные ***У.Т. Сирелиусу*** и ***А.И. Шегрену***[5].

---

[1] *Токарев С.А.* Истоки этнографической науки. М., 1978. С. 5.

[2] *Токарев С.А.* История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М., 1966.

[3] *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. 1880–1980 гг. М., 1995; *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX в. Ижевск, 1999; *Он же.* Финно-угорские этнографические исследования в России. (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006; *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Schprachforschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus. Helsinki, 1990.

[4] Они любили край родной. Сыктывкар, 1999.

[5] *Lehtonen J.U.E.* U.T Sirelius ja kansatiede. Helsinki, 1972; *Branch M.A.J.* Sjögren studies of North. Helsinki, 1973.

Историографических работ по отечественной этнографии в целом и этнографии народов коми в частности немного. Объясняется это многими факторами, в том числе идеологическими. Например, ключевая монография по этнографии коми (*Белицер В.Н.* Очерки этнографии народов коми), изданная в 1958 г., вообще не содержит историографического раздела. Подобное положение сохраняется до настоящего времени, в частности, последнее издание «Истории Республики Коми» также не содержит подобного очерка[1]. Еще в недавнем прошлом было принято крайне негативно оценивать деятельность выдающихся представителей коми народа — ***Г.С. Лыткина, К.Ф. Жакова, В.П. Налимова, П.А. Сорокина***[2]. Однако в последнее время появились работы, в частности сыктывкарских исследователей, в которых наблюдается «перекос» в другую сторону — в сторону абсолютного преувеличения роли этих людей в становлении культуры и науки коми. Все это подтолкнуло автора к написанию исследования по истории изучения этнографии народов коми с целью обобщить в одной монографии результаты деятельности на этом поприще значительного числа отечественных и зарубежных ученых и краеведов.

Одной из сложных и принципиальных проблем, возникающих при исследовании истории науки, является выработка схемы периодизации рассматриваемых явлений. С.А. Токарев полагал, что «*периодизация есть установление качественно своеобразных этапов исторического процесса, развертывающегося во времени*»[3]. Изучение традиционной культуры народов коми и попытки ее периодизации имеют давнюю историю. Здесь уместно привести высказывание ***А.В. Круглова***, русского писателя второй половины XIX в., который считал, что «*нельзя, однако, сказать, чтобы о зырянах ничего не писали*». По-видимому, первую попытку периодизации накопления этнографических знаний о народах коми предпринял вологодский краевед и публицист И.К. Степановский, который разделил историю вологодского краеведения на несколько периодов. Он выделил «*без точного определения граней: 1) эпоху «древней истории», о которой мы знаем только по преданиям, записанными в последующие годы и века; 2) эпоху «старой истории», начинающейся со времени появления письменных исторических актов и документов, содержащих сведения о Вологодском крае до 1550-х гг., то есть до начала прочных сношений края с Западной Европой, когда Северный край и, в частности, Вологодский стали привлекать особое внимание не только русских людей, но и иноземцев; 3) эпоху «новой истории», которая насчитывала два столетия со второй половины XVI в., когда появившееся значительное количество документальных данных и печатных трудов предоставили достаточную возможность для более или менее систематического изучения Вологодского края; и 4) «эпоху новейшей истории», которая начинается с 1872 г., когда пробужденные с 1860-х гг. местные интеллектуальные силы получили, с момента связи Вологодского края железной дорогой с прочим миром, возможность связаться более прочно с умственными силами других центров России*»[4]. Несмотря на некоторую наивность, в этой классификации есть зерно, в ней заложены периоды, с которыми можно согласиться, особенно с «эпохой старой истории». Здесь И.К. Степановский верно отметил появление в середине XVI в., в завершающий период эпохи Великих географических открытий, интереса к Русскому Северу со стороны западноевропейской науки и тот факт, что общий подъем общественной жизни с началом проведения буржуазно-либеральных реформ 1860-х гг. резко стимулировал рост краеведческого движения как своеобразной формы выражения гражданственного долга.

---

[1] История Республики Коми. Сыктывкар, 2007.

[2] История коми литературы. Сыктывкар, 1979. Т. 1.

[3] *Токарев С.А.* Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии // СЭ. 1951. № 2. С. 161.

[4] *Степановский И.К.* Вологодский край. Страницы из истории североведения. Вологда, 1923. С. 39.

В настоящее время можно обозначить несколько периодов накопления и обобщения этнографического материала о народах коми. В.А. Семенов вслед за Л.Н. Жеребцовым выделяет три этапа этого процесса: 1) дореволюционный (до 1917 г.), 2) период 1917–1945 гг. и 3) современный (с 1945 г. до наших дней)[1]. Попытки рассмотреть историографию данного вопроса предпринимались и раннее. Один из первых на этом пути — ***И.Н. Смирнов***, но его работа в основном была посвящена истории и этнографии коми-пермяков и отчасти касалась коми-зырян[2]. Не потерял своего научного значения очерк А.А. Погодина, посвященный обзору деятельности гельсингфорской школы филологов и лингвистов[3]. Ряд сведений можно найти в работах ***П.А Дилакторского*** и отца и сына Веселовских, посвященных обзору деятельности вологодских краеведов[4]. Определенный материал представлен в обзоре Н.Н. Поппе, посвященном этнографическому изучению финно-угорских народов[5]. К нему примыкают очерки Д.В. Бубриха и А.И. Андреева[6]. Интерес представляет рекомендательный указатель литературы «Исследователи Коми края»[7]. Очень информативна статья Л.Н. Жеребцова «Этнографическое изучение народа коми», посвященная описанию состояния коми этнографии с 1945 по 1985 гг.[8] Были и другие публикации, посвященные вопросу периодизации, среди которых можно упомянуть статьи ***П.С. Богословского***[9], И.К. Степановского[10], Н.А. Богословского[11], А.К. Микушева[12], В.В. Соловьева[13], А.И. Терюкова[14]. В числе серьезных сочинений следует указать работы ***А.А. Дмитриева***[15], А.Д. Шмидта[16], ***А.Н. Грена***[17].

В последнее время несколько статей по этой тематике опубликовали Н.Д. Конаков и Ю.П. Шабаев[18]. В одной из них они неверно

---

[1] *Семенов В.А.* Этнография коми (зырян). Сыктывкар, 1986. С. 3.

[2] *Смирнов И.Н.* Пермяки // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1891. Т. 9. Вып. 2. С. 3–76.

[3] *Погодин А.А.* Гельсингфорсская школа филологов и лингвистов // ЖМНП. 1903. Ч. 348.

[4] *Дилакторский П.А*. Вологжане-писатели. (Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии). Вологда, 1900; *Веселовские Ал. и Ал-др.* Вологжане-краеведы: Источники словаря. Вологда, 1923.

[5] *Поппе Н.Н*. Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угор. сб. Л., 1928. С. 27–79.

[6] *Бубрих Д.В*. Финно-угорское языкознание в СССР // Финно-угор. сб. Л., 1928. С. 77–134; *Андреев А.И.* Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР // Там же. С. 243–329.

[7] Исследователи Коми края. Сыктывкар, 1984.

[8] *Жеребцов Л.Н.* Этнографическое изучение народа коми // Вопр. этнографии народов коми. (Труды ИЯЛИ. Вып. 32). Сыктывкар, 1985. С. 5–21.

[9] *Богословский П.С.* Об изучении Пермского края в лингвистическом и этнографическом отношении // Север. Вологда. 1924. № 1 (15). С. 133–143; *Он же.* Пермский край в историко-литературном отношении // Экономика. Пермь, 1925. № 2–3; *Он же.* Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае // Перм. краевед. сб. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 94–108.

[10] *Степановский И.К.* Труды местных исследователей по истории и археологии края // Вологодская старина. Историко-археолог. сб. Вологда, 1890. С. 527–566.

[11] *Богословский Н.А.* Зыряне и зырянский край в русской литературе // Коми Му. 1927. № 3. С. 25–29; № 4–5. С. 39–42; № 6–7. С. 60–66.

[12] *Микушев А.К.* Роль русской науки в развитии коми фольклористики // Фольклор Российской Федерации: материалы конф., посвящ. итогам и проблемам изучения народного творчества автономных республик (областей) РСФСР (Ленинград, ноябрь 1972 г.). Л., 1975. С. 27–41.

[13] *Соловьев В.В.* Дореволюционная литература о коми крестьянской семье эпохи позднего феодализма // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. (Труды ИЯЛИ. Вып. 54). Сыктывкар, 1993. С. 24–28.

[14] *Терюков А.И.* Изучение обрядов жизненного цикла народов коми // Проблемы общей этнографии и музееведения. Л., 1987. С. 14–15; *Он же.* История изучения мифологии коми // Уральская мифология: тез. докл. междунар. симп. Сыктывкар, 1992. С. 113–116.

[15] *Дмитриев А.А.* Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902.

[16] *Шмидт А.Д.* Изучение доисторического прошлого Предуралья и его задачи // Экономика. Пермь, 1926. № 5.

[17] *Грен А.Н.* Зырянская (коми) литература // Перм. краевед. сб. Пермь, 1927. Вып. 2. С. 80–86.

[18] *Конаков Н.Д., Шабаев Ю.П*. История этнографического изучения коми // Зырянский мир: Очерки о традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2004. С. 7–30;

приписывают ***К.Ф. Жакову*** псевдоним *Яков Камасинский*[1]. Во-первых, у К.Ф. Жакова не было такого псевдонима. Во-вторых, Яков Камасинский — совершенно другой человек, исследователь коми-пермяков, Его настоящее имя — ***Иаков Шестаков,*** и его деятельности посвящен в книге отдельный очерк. Он под псевдонимом Яков Камасинский издал сборник статьей «Около Камы», в который и включил статью К.Ф. Жакова о коми-пермяках. Д.К. Зеленин, откликнувшийся на выход этой книжки, назвал ее слабой, отметил только статью К.Ф. Жакова, а об остальных написал, что «*в книге, что называется, всякого жита по лопате*»[2].

Мы предлагаем иную периодизацию: I этап (до конца XVII в.) — период накопления отрывочных сведений о народах коми; II этап (XVIII в.) — начало научных исследований народов коми; III этап (XIX — начало XX в.) — период интенсивного изучения всех сторон культуры народов коми; IV этап (1920-е гг. — по настоящее время) — стадия теоретического осмысления всего комплекса собранных в предшествующее время данных и фиксации быстро меняющейся традиционной культуры и одновременно становление в Сыктывкаре национального этнографического исследовательского центра. В работе рассматривается только первая часть этого этапа — время до 1950-х гг. Автор сознательно оставляет период второй половины XX века будущим исследователям.

Цели данной работы:

— исследование процесса накопления и изменения этнографического знания о народах коми;

— периодизация этого процесса;

— выявление основных деятелей;

— история публикаций генерального массива источников;

— рассмотрение биографий ключевых исследователей, их публикаций и прочего, определение их роли в контексте общего развития финно-угроведения;

— выявление значения региональных научных учреждений и центров, объединивших представителей различного научного профиля, которые внесли существенный вклад в изучение народов коми.

При этом процесс накопления знаний о традиционной культуре народов коми рассматривается в рамках становления отечественных этнографии и финно-угроведения. Кроме того, следует учитывать, что финно-угроведение как наука зародилось в различных уголках Европы. В исследовании предпринята попытка выявления места и роли национальной интеллигенции в изучении традиционной культуры народов коми, а также общественного значения этого фактора в движении этнической мобилизации и становлении коми этноса.

В работе используются многие методологические приемы, но при общем историческом подходе к исследуемому материалу основным является биобиблиографический метод. Биобиблиография — древнейший и популярнейший историографический жанр, получивший широкое распространение в СССР и России, достаточно вспомнить, например, серию «Жизнь знаменитых людей» Ф.Ф. Павленкова, возобновленную позднее в советскую эпоху по инициативе А.М. Горького[3]. Именно биобиблиографический подход позволяет выявить личный вклад той или иной личности в разработку определенной проблемы, отрасли знания. И хотя биография используется многим научными дисциплинами: философией, психологией, педагогикой, литературоведением и другими, — в работе рассматривает-

---

История этнографического изучения народов коми // Финно-угроведение. 2004. № 2. С. 24–65; *Они же.* История этнографического изучения народов коми // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 8–44.

[1] *Конаков Н.Д., Шабаев Ю.П.* История этнографического изучения коми // Зырянский мир: Очерки о традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2004. С. 16.

[2] *Зеленин Д.К.* Яков Камасинский. Около Камы // ЖС. 1906. № 3–4. С. 336–338.

[3] Биография как историческое исследование // История СССР. 1970. № 4. С. 231–242; *Беленький И.Л.* Биография как историко-культурная проблема (к историографии темы в отечественной литературе) // Историческая биография: сб. обзоров. М., 1990. С. 136–164.

ся по преимуществу историческая биография как особый жанр и составная часть исторической науки. Поэтому методологическую основу исследования составляет принцип историзма, использование которого позволяет проследить характер эволюции научного знания о народах коми в определенных исторических условиях и в связи с формированием собственно методологических установок развивающейся этнографической науки. Существенным и обязательным признаком научной биографии является наличие библиографии и научного аппарата, критики историографических концепций, экскурсов в историографию и т.д. Комплекс этих положений позволяет определить место определенной личности в этнографической науке.

Для достижения этой цели используются многочисленные источники. Во-первых, собственно оригинальные публикации и рукописи различных ученых, так или иначе касавшихся проблем коми этнографии. Знакомство с ними, анализ текстов и стиля позволяют определить историческую эпоху, академическую традицию, а также эволюцию научного мировоззрения ученого. Достижению цели — выявлению работ — служили различные отечественные и зарубежные библиографические пособия[1].

Вторую группу источников составляют различные отечественные и зарубежные биографические словари, историографические обзоры, хроники деятельности различных научных обществ России, СССР, Финляндии и Венгрии, сведения о перемещениях по службе, присужденных научных наградах и т.д. В этом разделе подспорьем для исследователя являются такие источники, как губернские памятные книжки, справочные книжки, адреса-календари и так далее, содержащие сведения о местных чиновниках, занимавшихся краеведением.

Третья группа — это издания различных научных обществ и правительственных учреждений, в первую очередь Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества, Финно-угорского общества в Финляндии, различных министерств и ведомств. Например, некоторые статьи о народах коми, написанные ***А. Кейзерлингом, П.И. Крузенштерном, В.Н. Латкиным, М.И. Михайловым*** и другими, были опубликованы в «Журнале Министерства внутренних дел», который издавался с 1829 по 1861 г. Это было связано с тем, что статистику в дореволюционной России вели по ведомству МВД, и в этом журнале наряду с официальными документами публиковались материалы по демографии, хозяйственной статистике, а также археологические, этнографические и краеведческие материалы, которые собирались на местах и присылались в столицу[2]. К сожалению, публикации по этнографии, появившиеся на страницах ЖМВД, не проанализированы, в отличие от публикаций по археологии, которые были рассмотрены А.А. Формозовым. С 1834 до 1852 г. при МВД существовал отдельный статистический отдел[3]. Несколько позднее, в 1858 г., начали действовать губернские статистические комитеты, которые активно занимались изучением своих областей[4]. Собранные ими данные публиковались в различных губернских изданиях, в первую оче-

[1] См., например: *Межов В.И., Зеленин Д.К., Дилакторский П.А.* Опыт указателя литературы по Северному краю. Вологда, 1921; Библиографический указатель литературы о Коми АССР. Сыктывкар, 1963; Bibliograhpia Studiorum Uralicorum. 1917–1987. Helsinki, 1988–1993; Bibliograhpie der uralischen Sprachwissenschaft 1830–1970. München, 2001; Suomalais-Ugrilaisen Seuran julkaisut (1885–2004). Helsinki, 2005.

[2] *Формозов А.А.* Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел». 1830–1860 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995. С. 28–35.

[3] *Вальская В.А.* Об экономико-географическом изучении России Статистическим отделением Министерства внутренних дел в 1835–1852 гг. // Вопр. географии. 1951. Сб. 27. С. 294–317.

[4] *Левин Д.Э.* Памятные книжки губерний и областей в системе книжной культуры дореволюционной России // Памятные книжки губерний и областей Российской империи: указ. содерж. СПб., 2002. Т. 1: Европейский Север (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии). С. 17–50.

редь в памятных книжках[1]. Их издание специально оговаривалось в Положении о губернских и областных статистических комитетах от 26 декабря 1860 г.[2] Для нашего исследования весьма полезны материалы о деятельности Архангельского, Вологодского и Пермского комитетов.

Интерес представляют и издания Министерства государственных имуществ, которое для хозяйственно-статистических изысканий и описаний также широко привлекало местных чиновников, священников и других лиц, иногда по специальным программам[3]. Эти сообщения печатались в «Журнале Министерства государственных имуществ».

Исследователям традиционной культуры народов коми следует учитывать и публикации в основных русских литературно-публицистических журналах начала XIX в., таких как «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Сын Отечества», «Северный архив», которые издавались в 1802–1830 гг. В них представлены материалы разнообразного характера: публикации источников, исследования и описания исторического типа, путевые записки, статьи и заметки, содержащие сведения о быте, хозяйстве и культуре народов России[4]. В этих журналах появились сочинения ***Евгения (Болховитинова), А. Флерова, П.И. Савваитова, П.Н. Мельникова, А. Деньгина*** и других.

Книга создавалась долго. Это было связано с многими проблемами. Наконец она готова. Разумеется, дотошный читатель найдет в ней какие-то неточности, пропуски, а может быть, и ошибки. Я буду рад выслушать коллег, их замечания.

Хотелось бы отметить тех людей, в беседах с которыми возник интерес к этой теме. Увы, некоторых из них уже нет среди нас. Это Л.Н. Жеребцов, Ю.В. Гагарин, Л.С. Грибова, К.В. Чистов, Т.А. Бернштам, Н.Д. Конаков. Большое спасибо И.Л. Жеребцову, А.Е. Загребину, В.В. Напольских, Д.А. Несанелису, М.Б. Рогачеву, В.А. Семенову, А.К. Салмину, Ю.П. Шабаеву, в беседах с которыми обсуждались некоторые вопросы истории коми этнографии.

Выход книги стал возможен благодаря финансовой помощи Правительства Республики Коми, которое решило издать ее в год 90-летия Республики.

Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что в тексте полужирным курсивом выделены фамилии исследователей, деятельности которых посвящены отдельные очерки.

---

[1] Об издании памятных книжек // ЖМВД. 1855. № 12. С. 129–130.

[2] Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1862. Собр. 2. Т. 35. Отд-ние 2. С. 506.

[3] См., например: Отчет Ученого комитета Министерства государственных имуществ о присуждении наград за хозяйственно-статистическое описание губерний и уездов, присланные в ответ на предложенную им задачу // ЖМГИ. 1851. № 1. С. 71–73.

[4] Обзор этих журналов см.: *Афиани В.Ю.* Публикация источников и материалов по истории Европейского Севера в журналах первой трети XIX века // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археограф. сб. Вологда, 1978. Вып. 6. С. 98–102.

Глава 1

ПЕРИОД НАКОПЛЕНИЯ РАННИХ ИСТОРИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О НАРОДАХ КОМИ

Интерпретация ранних сведений о народах коми носит противоречивый характер и осложняется тем, что это в основном сообщения иностранцев. Свидетельства иностранцев — неотъемлемая и важная страница истории каждого народа, ибо народ познает свою историю в сравнении с историей других народов. Задача историка и этнографа состоит в том, чтобы определить, с одной стороны, самобытность, неповторимое своеобразие многовекового пути развития данного народа, а с другой — место народа в мировой истории, его вклад в мировую цивилизацию. Чтобы понять это, следует учитывать взгляд на события изнутри и извне, причем взгляд со стороны играет немаловажную роль.

1.1. Сведения о народах коми в арабских источниках

По мнению ряда отечественных исследователей, наиболее ранними письменными источниками, в которых появляются некоторые данные о народах Европейского Севера, в том числе и о предках современных народов коми, являются средневековые арабские сочинения[1]. Это было связано с тем, что в IX–XI вв., в период расцвета Арабского Халифата, одним из главных коммуникационных путей между Западом и Востоком становится Великий Волжский путь[2]. Эта торговая и дипломатическая трасса связала различные районы Халифата с городом Булгар, столицей Волжской Булгарии, крупнейшим ремесленным, торговым и культурным центром эпохи Средневековья. Расположенный на пересечении Европы и Сибири, он фактически являлся международным торговым центром, где мирно уживались различные этносы[3].

Булгарское царство окончательно сформировалось к началу X в. В его состав вошли многие племена, населявшие Поволжье, в том числе и предки нынешних удмуртов, коми-пермяков, мари, мордвы и чувашей[4]. Кочевни-

[1] Например: *Королев К.С., Савельева Э.А*. Средневековые арабские источники о народах Севера // Атлас Республики Коми. М., 2001. С 236–237.

[2] *Леонтьев А.Е.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА АН СССР. 1986. Вып. 183. С. 3–9; *Дубов И.В*. Великий Волжский путь. Л., 1989.

[3] *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993; *Она же*. Торговля Болгара // Великий Волжский путь: История формирования и развития: Материалы круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария». Казань, 2002. С. 21–30; *Руденко К.А*. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья // Там же. С. 31–52.

[4] *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории); *Он же.* Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugria. Казань. 1997. № 1. С. 33–53; *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Этнокультурное взаимодействие средневекового населения Западного Урала с ближними и дальними соседями // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Екатеринбург. Ч. I. 1998. С. 142–146; *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.

ки-булгары, объединившие эти племена и давшие название государству, к X в. окончательно переходят к оседлому образу жизни. Именно Волжская Булгария с ее богатствами привлекала не только купцов, но и арабских ученых. Но больше всего их интересовала «Страна Мрака», расположенная где-то на Севере и из которой поступала пушнина. В настоящее время известно, что булгарские купцы проникали на территорию Коми края, о чем свидетельствуют находки предметов булгарского происхождения в этих местах[1]. А возможно, местные торговцы посещали город.

Но факт остается фактом: определенные сведения об этих северных народах присутствуют в различных географических и исторических сочинениях[2]. В частности, в арабской географической литературе сохранилось множество сведений, собранных от купцов, путешественников, ученых, об истории, этнографии многих стран мира, в том числе и Европейского Севера и Прикамья. Как отмечал выдающийся советский арабист И.Ю. Крачковский, «*кругозор арабов обнимал, в сущности, всю Европу, за исключением Крайнего Севера, южную половину Азии, Северную Африку и берега средневековой Африки до мыса Кирриентес около южного тропика*»[3]. Следует учитывать, что в отличие от западно-европейской средневековой географии, которая в то время разъясняла топографию Священного Писания, арабскую географию интересовала в основном практическая ценность получаемых данных. Для эффективного управления арабам, создавшим огромную империю, населенную различными народами, необходимо было иметь реальные знания не только о самом Халифате, но и об окружении. Именно в это время и по этой причине возникают описательные географические сочинения арабских исследователей, называвшиеся «*книгами о путях и странах*»[4].

В первую очередь следует упомянуть книги ***Ибн-Фадлана*** и ***ал-Гарнати***, которые непосредственно побывали в Восточной Европе и имели информацию из первых рук. Сведения этих авторов о Восточной Европе — важнейший на сегодняшний день исторический источник.

Арабский путешественник ***Ахмад ибн-Фадлан ибн-ал-Аббас ибн-Рашид ин Хаммад*** в 921–922 гг. совершил в составе посольства Багдадского халифата путешествие из Багдада в Булгар в качестве секретаря и оста-

---

[1] *Белавин А.М. Оборин В.А.* Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII в. // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 63–75; *Белавин А.М.* О раннем этапе болгарско-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 125–129; *Он же*. Волжская Болгария и Пермское Предуралье в X–XIII вв. (К вопросу о культурном и экономическом взаимодействии): автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 1992.

[2] Об этом см.: *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. № 2. С. 364–412; № 3. С. 1–52; *Хеннинг Р.* Арабские купцы на севере России // Неведомые земли. М., 1961. Т. 2. С. 265–266; *Марков С*. Известия о Севере арабских географов // Летопись Севера. Т. 1. 1949. С. 288–291; *Бартольд В.В.* Арабские известия о руссах // Сочинения. М., 1963. Т. III. Ч. I. С. 810–858; *Заходер Б.Н*. Среднеазиатско-хорсанская география IX–X вв. о Поволжье и Восточной Европе // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. 1956. Т. XIV. С. 6–30; *Он же.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II; *Ястребов Е.В.* Сведения о Приуралье и Уральских горах в описаниях арабских путешественников и географов X–XIV вв. // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1970. № 230. С. 171–188; *Давлетшин Г.М.* О географических и исторических знаниях волжских булгар домонгольского периода // Из истории ранних булгар. Казань, 1971. С. 97–101; *Поляк А.Н.* Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 79–101; *Markwart J.* Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Lander aus dem 10 Jahrhundert // Ungarische Jarhbüher. 1924. Bd. 6. № 3–4. S. 261–334; *Miquel A.* La Géographe humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XIe siècle. P., La Haye, Vol. 1–4, 1967–1988; *Rosenthal. A.* A History of MusIim Historiography. Leyden, 1968; *Seezgin F*. Geschichte des Arabischen Schrifttums. Leyden, 1967.

[3] *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV.

[4] Обзор основных жанров восточных источников по истории Восточной Европы см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников* / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2003. С.175–182.

вил подробное описание своего пути. Посольство выехало из Багдада летом 921 г. и через Бухару и Хорезм добралось до устья Волги. Перезимовав в Хазарии, арабы в мае 922 г. прибыли в Булгар, проведя в пути 11 месяцев. Это посольство было предпринято по инициативе правителя Волжской Булгарии Алмуша, который, желая избавиться от зависимости Хазарского каганата, решил искать помощи у халифа ал-Муктадира, правившего в 908–932 гг.

О личности этого путешественника практически ничего не известно. Положение автора в посольстве также не вполне ясно из текста его записки. Он возвращался на родину один, пробыв на Волге еще некоторое время после отбытия посольства. Именно в это время Ахмед ибн-Фадлан и получает информацию о Крайнем Севере Европы и Западной Сибири. Сообщенные им сведения о народах Средней Азии и особенно Восточной Европы уникальны, благодаря чему его сочинение долгое время считалось классическим[1].

Так, со слов царя булгар, через Ибн-Фадлана становится известно о народе и стране *Вису*, откуда привозят соболей и куниц. В этой стране зимой ночь равна летнему дню, а день становится коротким. А летом, наоборот, ночь становится недолгой. В этой стране много снега. Арабский путешественник также привел сведения о набегах норманнов (скандинавов) на страну *Вису,* которая находится севернее Булгар и простирается до Белого моря.

Позднее, в 1133–1134 и 1135–1136 гг., в этом северном регионе дважды побывал ***Абу Хамид ал-Гарнати***[2]. Уроженец Гренады, значительную часть своей жизни он провел в Багдаде и Дамаске. В его сочинениях «*Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб*» (Подарок умам и выборка из чудес) и «*Ал-Му'риб ан ба'д аджаиб ал-магриб*» (Ясное изложение некоторых чудес Магриба) личные наблюдениях перемежаются с услышанными легендами и преданиями. Тем не менее они не только представляют интерес как свидетельства очевидца, но и являются ценным историческим документом.

Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалуси родился в Гренаде в 1080 г. О его жизни известно крайне мало. Он получил, вероятно, обычное для своего времени и для Арабского халифата богословско-филологическое образование. Но через некоторое время покинул Испанию и в 1114 г. отправился в Александрию, а позднее в Каир для продолжения образования. Каир, как и Багдад, был крупнейшим культурным и торговым центром арабского мира. В 1122–1123 гг. ал-Гарнати прибыл в Багдад, где прожил несколько лет. В 1130 г. он уже в Южном Азербайджане, где наставляет местных мусульман, не искушенных в тонкостях вероисповедания и мусульманского права. Затем путешественник перебирается в низовья Волги, где на 20 лет город Саксин становится его домом. Оттуда ал-Гарнати совершил поездку в Булгар (1135–1136), где пробыл по крайней мере зиму и лето, и дважды побывал в Хорезме[3]. В 1150 г. ал-Гарнати из Булгара отправился на Русь, проехав по какой-то «Славянской реке», откуда продолжил свой путь в Венгрию, где прожил три года. Оттуда он совершил хадж в Мекку, после посещения которой возвратился в Багдад.

За сорок лет странствий ал-Гарнати повидал столько необычайного, сколько не снилось многим его собеседникам в Багдаде. Под влиянием слушателей он начинает писать собственные сочинения. Вот что он говорит об этом в рукописи: «*Просила меня группа людей науки и веры, чтобы я рассказал им о том,*

---

[1] *Fraehn C.M.* Ibn-Fozlfn´s und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit. SPb., 1823; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и комм., под ред. акад. И.Ю Крачковского. М.; Л., 1939; *Ковалевский А.П.* Книга Ахмада ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Ст., пер. и коммент. Харьков, 1953; *Ibn Fadlan.* A Voyages chez les Bulgares de la Volga. Sindbad, 1988; *Miquel A.* Ibn Fadlān // Dictionnaire de l´Islam. Religion et civilization / Encyclopaedia Universalis. Albin Michel. P., 1997.

[2] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1135 гг.) / публикация О.Г. Большакова, А.А. Монгайта. М., 1971.

[3] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу… С. 10.

что я видел из чудес в странах и морях и какие чудеса я считаю действительными в сообщениях достойных авторитетов. И я согласился на то, о чем они просили, прося помощи у Аллаха великого и славного. <…> И составил я этот сборник для библиотеки Абу-л-Музаффара Йахйи ибн Хубайры».

Затем он перебрался Сирию, где и скончался в возрасте семидесяти лет от роду. Описания путешествий ал-Гарнати были очень популярны в арабском мире, его часто цитировали в арабоязычной литературе[1].

В своем описании Булгар он упоминает область *Вису*, которая располагается от Булгара в одном месяце пути[2]. Кроме того, в его книге представлены сведения о народах *ару* и *йура,* стране, расположенной за *вису,* на *море мрака*. Арабский писатель очень подробно описывает систему меновой торговли с этими народами. Эти данные надолго станут основным сведениями в описаниях более поздних западноевропейских исследователей. Одновременно в его книге имеются сведения о снеге, который «*якобы не сходит никогда*», о лыжах, которые используют жители этих стран: «*Дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и люди делают для ног доски и обстругивают их; длина каждой доски ба, а ширина — пядь. Перед и конец такой доски приподняты над землей, посредине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нем отверстие, в котором закреплены прочные кожаные ремни, которые привязывают к ногам*»[3].

Ал-Гарнати лично встречался с людьми с севера и оставил красочное описание их внешнего вида: «*Я видел группу их в Булгаре во время зимы: красного цвета, с голубыми глазами, волосы их белы, как лен, они носят льняные одежды. А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров повернут наружу. И пьют они ячменный напиток, кислый, как уксус*». Несмотря на такое реалистическое описание, этнически привязать эти зарисовки трудно.

В сочинениях Ал-Гарнати и других арабских авторов постоянно идет речь о народах *вису* и *йуру.* Указываются пути в эти страны, предполагаемое место расположения и т.д. В частности, они известны и другим восточным авторам. До ал-Гарнати о ней упоминают Ибн Фадлан, ал-Бируни и ал-Марвази[4].

Ученые по-разному интерпретировали сведения арабских источников. Так, академик Х.М. Френ в обстоятельном специальном исследовании пришел к выводу, что «*страна Вису*» — это белозерская весь[5]. Р. Хенниг относит страну *Вису* к бассейну Колвы и Печоры, исходя из астрономических подсчетов долготы светлого времени летом[6]. Отдельные исследователи отождествляют *вису* с летописной *весью* и *пермью*, предками современных вепсов и коми, удмуртов. Жителей области *Ара,* находящейся рядом с *Вису*, по-видимому, можно сопоставить с Арской землей русских летописей, населенной финским племенем, возможно, предками современных удмуртов[7]. Область *Йуру* — это Югра русских летописей, которая жила на территории, простиравшейся от р. Печоры до северо-западных склонов Уральского хребта.

Описание ал-Гарнати меновой торговли, существовавшей в это время, — пожалуй, одно из лучших в мировой этнографической литературе, очень ясное, несмотря на краткость и лаконичность. Впоследствии оно легло в основу многих арабских сочинений. В его книге мы находим наиболее подробное из древних описаний лыж. Некоторых современных комментаторов смущает наличие одной палки. На самом деле в обычной жизни охотники всегда пользовались именно одной палкой. У коми-зырян она называлась *кой бедь*

---

[1] О публикациях этих текстов см.: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу… С. 13–15.

[2] Там же. С. 32.

[3] Там же. С. 34.

[4] *Монгайт А.Л.* Исторический комментарий // Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу… С. 103.

[5] *Fraehn Ch. M.* Ibn-Foszlan´s...

[6] *Хенниг. Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. II. С. 266.

[7] ПСРЛ. VIII, С. 34; XI, С. 45, 166, 167, 176, 202, 210, 211, 222, 225, 229, 230 и далее.

и была многофункциональной: служила для облегчения передвижения, помогала сгребать снег с ловушек и т.д.

Поэтому данные арабских авторов могут быть использованы для интерпретации некоторых археологических данных Европейского Севера.

По мнению И.Ю. Пастушенко, в настоящее время большинство ученых придерживаются точки зрения, высказанной еще академиком С.М. Френом, о том, что Вису — это летописная Весь[1]. Хотя известны и другие суждения. Так, Ф. Нансен предлагал распространить это название на весь Север, «*подобно тому, как термин "Левант" объединяет все страны Ближнего Востока*»[2]. Ряд исследователей располагали эту мифическую страну в Прикамье[3].

Таким образом, можно предположить, что жители этой страны-земли Вису могли быть предками современных народов коми или принять участие в их этногенезе. В пользу этой гипотезы может служить также еще одно описание ***Ибн-Фадлана,*** в котором дается описание упряжного собаководства у этого народа[4]. Из всех народов, проживающих на Европейском Севере, оно было только у коми[5].

1.2. Сведения о народах коми в скандинавских источниках

Другая достаточно ранняя по времени создания группа письменных источников, содержащих сведения о предках коми в числе многих народов Европейского Севера, — исландские саги о путешествиях и походах викингов (норманнов) IX–XIII вв. в легендарную страну Биармию / Бьярмию (Bjarmaland). В это время у скандинавов происходит осмысление того богатого опыта и знаний, которые были накоплены в эпоху широкой нормандской экспансии как на юг, так и на север.

Эпоха викингов — яркая страница в истории Скандинавских стран, когда большая часть мужского населения время от времени пускалась на поиски богатства и славы в далекие страны. Походы викингов были естественным результатом бурного социально-политического развития древнескандинавского общества в эпоху военной демократии. В это время выходцы из Скандинавии доходили до Испании и Италии, добирались до Белого, Каспийского и Черного морей. Именно в это время возникает древнескандинавская, в первую очередь древнеисландская, литература.

В большинстве произведений древнескандинавской литературы упоминаются Древняя Русь и ее соседи. Информация о ней присутствует в отдельных рунических надписях, скальдической поэзии, всех видах саг, историографической, географической и церковной литературе[6]. Постепенно в сагах и географических сочинениях складывается образ скандинавского мира. На северной границе известной им ойкумены и находилась эта легендарная страна[7].

---

[1] *Пастушенко И.Ю.* Еще раз о локализации Вису // Fenno-Ugrica. 2001–2002. № 1 (5–6). С. 56; *Fraehn Ch.M.* Ibn-Foszlan´s…

[2] Цит. по: *Хеннинг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. II. С. 265–266.

[3] Сводку данных об этом см.: *Пастушенко И.Ю.* Еще раз о локализации Вису… С. 56.

[4] Цит. по: *Хеннинг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. II. С. 264, 271.

[5] *Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. М., 1983. С. 71–75; *Он же*. Упряжное собаководство у коми // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми (Материалы по истории Коми). Сыктывкар, 1997. С. 124–127.

[6] Исландские саги. Ирландский эпос / *Стеблин-Каменский М.И.* М., 1973; Поэзия скальдов / пер. С.В. Петрова; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1979; *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977; *Стеблин-Каменский И.М.* Древнескандинавская литература. М., 1979; *Он же.* Мир саги. Становление литературы. М., 1984. Краткий обзор скандинавских источников по истории Древней Руси см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2003. С. 412–443.

[7] *Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе V–XIV вв. М., 1998. С. 176–206; *Она же.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод,

Привлечение древнескандинавских письменных памятников для освещения истории Древней Руси имеет давнюю историю, интерес к ним в XVII — начале XVIII в. был связан в первую очередь со сложными политическими отношениями между Швецией, Данией, Норвегией и отчасти Россией для оправдания территориальных претензий друг к другу в момент создания национальных государств. Известия саг чаще всего воспринимались как достоверные и широко применялись в различных историографических исследованиях[1].

В историографию России они были введены академиками Г.З. Байером и А.Л. Шлецером. Первый относился к ним с полным доверием, второй, наоборот, с полным отрицанием, как позднее и Н.М. Карамзин. Это в большой степени было вызвано отсутствием этих сочинений в переводе на русском языке. Лишь в конце XIX в. возникает настоящий интерес к этим источникам, ими начинают заниматься такие русские ученые, как А.Н. Веселовский, Я.К. Грот, Ф.А. Браун, а в XX в. их переводами на русский язык и их изучением занимались Е.А. Рыдзевская и М.И. Стеблин-Каменский. И хотя эти переводы и открыли для историков новую информацию, ее осмысление было сопряжено с большими трудностями, что, как отмечал М.И. Стеблин-Каменский, было связано с художественным вымыслом, авторским началом, присутствующим в сагах, — частью художественного мышления того времени[2].

Сама Биармия, «земля бьярмов», до настоящего времени остается во многом загадкой. Именно поэтому она привлекала внимание многих исследователей. Первое упоминание об этой стране и ее жителях, а также описание пути туда встречается в рассказах о путешествии (плавании) норвежца Отера (Оттара), записанных англосаксонским королем Альфредом Великим в его дополнении к сочинению IX в. Орозия, пользовавшегося необычно большим авторитетом в Средние века[3]. Сам король Альфред принадлежал к числу тех немногих средневековых государей, которые поощряли географические исследования[4]. Считается, что Отер был отправлен королем в эту страну за моржовым клыком и шкурами. Но в последнее время появилось мнение, что это путешествие было предпринято до его появления в Англии. Р. Хенинг убедительно доказывает, что норвежский мореплаватель был в устье Северной Двины.

Позднее Биармия упоминается в ряде других раннесредневековых произведений скандинавского происхождения, что позволяет говорить о достаточно тесных связях населения Скандинавии, называемого в русских летописях то варягами, то норманнами, с Европейским Севером. Скандинавские исторические и географические источники свидетельствуют о хорошем знании ими этой территории[5]. Наилучший дореволюци-

комментарий // Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1986.

[1] Критику подобных взглядов на саги см.: Древняя Русь… С. 422–425, 444–445.

[2] Цит. по: Древняя Русь… С. 451.

[3] *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарии // Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1979. С. 30–32.

[4] О Альфреде Великом и Отере см.: *Хенниг Р.* Неведомые земли… Т. II. 214–224.

[5] *Свердлов М.Б.* Сведения скандинавов о географии Восточной Европы IX–XI вв. // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973. С. 39–58; *Мельникова Е.А.* Этнонимы Севера европейской части СССР по древнескандинавским письменам и «Повести временных лет» // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 124–127; *Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Древнескандинавские письменные источники по истории Европейского региона СССР // Вопр. ист. 1985. С. 36–53; *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996; *Джаксон Т.Н.* Русский Север в древенскандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 58–67; *Она же.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988–1989. М., 1991; *Она же.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994. 2-е изд. М., 2000; *Она же.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000.

онный обзор этих саг дан в работе К.Ф. Тиандера[1].

Поэтические саги полны вымыслов, однако они содержат и исторические сведения, а также ряд этнографических данных. В частности, именно к исландским сагам восходят легенды о Йомале, Золотой Бабе — *ЗАРНИ АНЬ* из коми фольклора[2].

Исследователи, проанализировав эти сведения, разделились на две большие группы. Ряд ученых напрямую связывали Биармию с народами коми. Например, ***М.В. Ломоносов*** писал: «*Пермия, кою они Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и другими нормандцами*»[3]. Такого же мнения был и К.Ф. Тиандер. Р. Хеннинг, который также исследовал сведения об Биармии, фонетически сопоставлял этот термин с наименованием «Пермь», исторической территории, которая располагалась в районе г. Чердыни и влияние которой распространялось вплоть до Белого моря. Земли вокруг этого города, по его мнению, носили название «Bjarma ulterior» — «более отдаленная Биармия»[4]. Он полагает, что «Bjarma ulterior» — это собирательное название значительной территории от Печоры и Колвы до Урала и что именно этот регион арабские купцы, торговавшие пушниной, называли Югрой. В наши дни этого взгляда придерживается финский ученый Хейкки Киркинен, который прямо отождествляет жителей Биармии с летописной Пермью[5].

Н.И. Смирнов в своей работе «Пермяки» подробно рассмотрел весь цикл скандинавских (исландских) саг, доступных ему на момент написания книги. Он считает их очень ценным историко-этнографическим источником, однако категорически отвергает сопоставление этого легендарного народа с коми, соглашаясь с исследованиями ***М.А. Кастрена***, ***А.И. Шегрена*** и Н. Веске о том, что биармийцы являются представителями западных финнов[6].

В начале XX в. к этому вопросу возвратился К.Ф. Тиандер, который еще раз подтвердил скандинавское происхождение слова «Биармия»[7]. Его поддержал С.К. Кузнецов, который, однако, вслед за некоторыми норвежскими исследователями предложил разместить эту легендарную страну на Кольском полуострове[8]. Против выступили Г. Гебель и Ф.А. Браун, предложившие вернуться к старой гипотезе о нахождении Биармии на Северной Двине[9]. Этот вопрос не разрешен до наших дней[10].

Следует отметить еще одну гипотезу, связанную с норманнами, — о существовании их поселений-факторий в Среднем Поволжье. Она была высказана шведским археологом Т. Арне и киевским профессором П.П. Смирновым[11].

---

[1] *Тиандер К.Ф.* Поездка норманнов на Белое море // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. Т. 7. 1902. Кн. 3. С. 127–155; *Он же*. Поездки скандинавов в Белое море // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. 1906. Ч. 79.

[2] *Королев К.С., Савельева Э.А.* Биармия — страна тайн // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 240–243.

[3] *Ломоносов М.В.* Древняя российская история…

[4] *Хенниг Р*. Неведомые земли. Т. II. С. 223.

[5] *Киркинен Х.* О связях биармов и Скандинавии в средние века // Скандинавский сборник. XXVI. Таллин, 1981. С. 87–97.

[6] *Смирнов И.Н.* Пермяки…. С. 3–12.

[7] *Тиандер К.Ф*. Поездки скандинавов…; *Он же*. О происхождении имени Пермь // ЖМНП. 1901. Январь. С. 16–25.

[8] *Кузнецов С.К.* К вопросу о Биармии // ЭО. 1905. № 2–3. С. 3–21.

[9] *Гебель Г*. Биармия и низовья Северной Двины // Известия АОИРС. 1910. № 9. С. 21–28; № 12. С. 31–41; *Браун Ф.А.* «Поездки скандинавов в Белое море» К.Ф. Тиандера // ЖМНП. 1907. Октябрь. С. 413–423.

[10] *Джаксон Т.Н., Глазырина Г.В*. Русский Север в древнескандинавской письменности: Отечественная историография вопроса о локализации Бьярмии // История и культура Архангельского Севера: (Досоветский период). Вологда, 1986. С. 7–14; *Они же*. Бьярмия в отечественной историографии // История и археология Псковской земли. Псков, 1986. С. 62–64.

[11] *Arne T*. La Suéde et l´Orient. Etudes archéologiques sur les relations de la Sude et de l´Orient pendant l´age des Vicing. Upsala, 1914. Обзор материалов в защиту этой гипотезы см.: *Юрченков В.* Взгляд со стороны. Саранск, 1995. С. 39–42.

В современной исторической науке общепринятым является мнение, что Биармия — это обширная страна, куда скандинавы (викинги, норманны) всегда попадали морским путем, огибая Кольский полуостров, затем пересекали современное Белое море (Гандвик) и попадали в устье Северной Двины (Vinu, Вину — в скандинавских текстах). Об этом свидетельствует так называемый Архангельский клад, обнаруженный в этих краях в 1989 г. и содержащий свыше 2000 западноевропейских серебряных монет.

Этот клад позволил О.В. Овсянникову сделать вывод о том, что в раннее Средневековье здесь существовала северо-восточная часть торгового пути, пролегавшего от берегов Англии через Скандинавию и Белое море до предгорий Полярного Урала, а через Новгородскую Русь — на Восток[1]. Потом плыли вверх по этой реке, по берегам которой и проживали биармы. Скандинавские источники располагали эту страну в разных местах — от Кольского полуострова на севере до Приладожья на юге и Прикамья на востоке.

А.А. Куратов отмечал, что каждый древний скандинавский источник сообщал о «своей» Биармии. По его мнению, в IX–XII вв. она постепенно перемещалась с юго-востока на северо-запад — от устья Северной Двины через Карелию на Кольский полуостров[2]. В настоящее время главным противником идеи размещения Биармии на Русском Севере является А.Л. Никитин, который с 1976 г. высказывает свою гипотезу о том, что эта страна располагалась в Прибалтике, в устье Западной Двины.

Однако попытки отождествить биармов с предками карел, коми, вепсов, а также чудью заволочской пока не увенчались успехом. Поэтому большинство исследователей считает, что *биармы, бьярмы* — это собирательный образ всего финно-угорского населения Европейского Севера. Обычно термин *биарм, бьярмар* расшифровывается как прибалтийско-финское *permaa, perramaa* — задняя земля, окраинная земля. А.А. Куратов считает, что речь идет о северной группе саамов, *лопи* русских летописей, которых финны называли бьярмами. Эти протосаамы занимал в прошлом значительные территории на Европейском Севере, а в XI–XVI вв. постепенно перемещались с востока на запад, пока не дошли до современной Лапландии[3].

Дискуссия о Биармии имела отношение к национальному районированию на Европейском Севере в конце 1920 — начале 1930 гг., когда существование этой легендарной страны (местности) в прошлом пытались положить в основу образования автономной области Коми. (Об этом подробнее в гл. 6.) Вновь идеи об Биармии получили широкое распространение среди некоторой части жителей Коми АССР (Республики Коми) в начале 1990 г., когда развернулись бурные дискуссии по национальному вопросу и получению республикой статуса суверенной в составе России.

1.3. Сведения о народах коми в древнерусской литературе

Ряд сведений о жизни предков коми содержат русские летописи[4]. Л.П. Лашук считал, что первое упоминание коми в русских письменных источниках относится к XI в.[5]

---

[1] *Носов Е.Н.* Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб., 1997. С. 146–157.

[2] *Куратов А.А.* Севернорусская ономастика // *Куратов А.А.* Археология и история Архангельского Севера. Архангельск. С. 194–195.

[3] *Куратов А.А.* Севернорусская ономастика… С. 195.

[4] Полное собрание русских летописей. СПб., 1841–1927. Т. 1–24. Более подробно об издании древнерусских исторических материалов см.: *Андреев А.И.* Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР // Финно-угорский сборник. (Труды комиссии по изучению племенного состав населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15). Л., 1928. С. 241–254. Сводку о публикации таких материалов до 1860 г. см.: *Кеппен П.И.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

[5] *Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М., 1972. С. 7.

Основой для подобного утверждения служит ставшее хрестоматийным описание народностей, входивших в сферу влияния Древнерусского государства, в числе которых упоминается и народ по имени *«Пермь»*. Оно датируется в «Повести временных лет» временем не позднее 1113 г. Следующее упоминание о коми, по данным ***В.Н. Татищева***, содержится в «Степенной книге»[1]. В этих источниках мы встречаем сведения о расселении коми, о древней языческой религии и т.д.

Но после этого упоминания предки современных коми на некоторое время исчезают из общерусских исторических источников. Это было связано с тем, что вся территория Русского Севера позднее оказалась под юрисдикцией Великого Новгорода. Поэтому сведения о пермянах (коми), их местоположении, древней религии «перетекают» в новгородские летописи и другие источники[2].

Но наиболее достоверным во всем корпусе ранних русских источников по этнографии коми является «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом», датируемое концом 1390-х — началом 1400-х гг.[3] Это произведение древнерусской литературы написано после кончины святителя (Стефан Пермский скончался в 1396 г.) известным церковным писателем ***Епифанием Премудрым***.

Биография Епифания не вполне прояснена. Его перу принадлежат несколько житий древнерусских святых, в том числе и Сергия Радонежского[4]. По словам В.О. Ключевского, «*Епифаний — блестящий русский писатель*»[5]. По его сведениям, автор «Жития Стефана Пермского» родился в Ростове, где в монастыре святого Григория Богослова принял постриг. Именно здесь он и сошелся близко со Стефаном, будущим героем одного из его произведений. Позднее писатель перешел в Троице-Сергиевский монастырь, где был рукоположен в диаконы. Предполагают, что он мог бывать в Византии, в Святой земле, так как знал греческий язык. Умер Епифаний между 1418–1422 гг.

Блестящую характеристику Епифанию дал Д.С. Лихачев. «*Прозванный за свою начитанность и литературное умение "Премудрым", Епифаний долго путешествовал на Востоке, прекрасно знал греческий, а возможно, и другие языки. Начитанность Епифания, отразившаяся в его сочинениях, поразительна. Епифаний отлично знает произведения современной ему и прошлой церковно-учительной, богословской, житейной и исторической литературы. В составленные им "житиях" обильно включены самые разнообразные сведения: географические названия, имена богословов, исторических лиц, ученых, писателей, а также рассуждения о пользе чтения книг*»[6].

А.В. Чернецов считает Епифания представителем школы древнерусской литературы, возникшей под влиянием южнославянских (болгарских и сербских) образцов[7]. На это, по его мнению, указывают чрезвычайно изощренное изложение и увлечение ритори-

---

[1] Повесть временных лет. Текст и перевод. М., 1950. С. 167–165. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1994.

[2] См., например, Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9, 11, 12 и т.д.

[3] Слово о жизни и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом // Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевым-Безбородко. Вып. IV. СПб., 1862; Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897; Сказание о Стефане Пермском. Свод разнообразных преданий, историй и сведений о жизни и трудах Святителя Стефана, епископа Пермского, волхва Пама низвергнувшего и просветившего Север дикий светом Христовой веры. Сыктывкар, 1992; Последнюю по времени публикацию текста Жития см. в кн. «Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления» / Под. ред. Г.М. Прохорова. СПб., 1995.

[4] Биографию Епифания см.: *Прохоров Г.М.* Епифаний Премудрый; *Дробленкова Н.Ф.* Библиография литературы о Епифании Премудром // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Л. Ч. 1. С. 211–220.

[5] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

[6] *Лихачев Д.С.* Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962. С. 11.

[7] *Чернецов А.В.* «Самотворитель новыя грамоты» Стефан Пермский // Древнерусская книжность (Творчество и деятельность Стефана Пермского, естественнонаучные и сокровенные знания на Руси). М., 1995. С. 57.

кой, «плетение словес», цепочки эпитетов для описания какого-либо события.

Протограф, написанный рукой Епифания, до нас не дошел, возможно, он еще не обнаружен. К настоящему времени известно более 50 списков «Жития Стефана Пермского» XV–XVIII вв. в составе различных рукописных сборников, Трефологов, Прологов, Миней Четьих и т.д. Двадцать из них считаются полными, остальные — с различными вариантами сокращения[1]. Недавно И.А. Лушина предприняла попытку сопоставления текстов трех опубликованных наиболее полных списков «Жития»[2].

«Житие» Стефана является ценнейшим историко-этнографическим источником[3]. Обычно между смертью подвижника и причислением его к лику святых проходит значительное время, и авторы житий писали о людях, которых никогда не видели, на основе разных воспоминаний и документов. Здесь же иная ситуация, оно было написано сразу, по «горячим следам». Епифаний был лично знаком со Стефаном Пермским и провел значительное время в беседах с этим церковным деятелем, что позволяет относиться к этому источнику с большим доверием[4].

Остается загадкой, было это житие социальным заказом или личной инициативой автора. А.В. Чернецов считает, что в отличие от «Жития Сергея Радонежского», носящего официальный характер, «Житие Стефана» было создано под влиянием личных чувств, размышлений и оценок, как бы для себя[5]. Я бы добавил, что это сочинение, направленное в будущее, для потомков. Епифаний стремился зафиксировать интеллектуальный (просветительский) и религиозный (миссионерский) подвиг этого уникального человека.

Деятельность его героя протекала в очень сложный период. Русь начала «подымать свою голову», на первом месте стояла борьба с Ордой и другие герои (Дмитрий Донской и его окружение, Сергей Радонежский), идеологически связанные с этой борьбой. Однако в летописях не упоминается Стефан Пермский, хотя его деяния имеют большое государственное значение. К Московской Руси без войны, без подкупов и убийств был присоединен громадный край, пушнина, ловчие птицы-соколы и другие богатства[6]. Так что без Епифания Премудрого мы не знали бы очень многого.

«Житие св. Стефана» является ценнейшим источником по истории летописной *Перми* — предков современных коми. Чтобы оценить ее значение, необходимо учитывать, что нам было известно о коми до Епифания. О *Перми, Печоре и Югре* неясные сведения дает историко-географическое введение к «Повести временных лет». Об этой территории как своих данниках говорят новгородские договорные грамоты. Из них можно сделать только один вывод: эти народы проживают один за одним, с запада на восток. Именно с этого сочинения мы вступаем в полосу реальных знаний о народах коми.

Прежде чем рассмотреть «Житие» в качестве исторического источника, остановимся на личности самого Стефана, ибо роль этого святого в становлении коми культуры очень велика. Дата его рождения неизвестна. Л.Н. Смоленцев предлагает считать в качестве таковой 1339 г.[7] Родился в Великом Устюге в семье клирика местной соборной церкви Пресвятой Богородицы Сименона и его жены Марии. С рождением будущего святого связа-

---

[1] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половин XIV — XVI в. Л. Вып. 2. Ч. 1. С. 315.

[2] *Лушина И.А.* Некоторые проблемы исследования «Жития Стефанга Пермского» в качестве исторического источника // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М., 2007. С. 241–254.

[3] *Власов А.Н., Бунчук Т.Н.* Житие Стефана Пермского // Вестник культуры Коми ССР. 1992. № 2. С. 8–11; № 4. С. 8–9.

[4] *Низов В.В.* Епифаний Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 190–198.

[5] *Чернецов А.В.* «Самотворитель новыя грамоты»… С. 56.

[6] *Чернецов А.В.* «Самотворитель новыя грамоты»… С. 72–74.

[7] *Смоленцев Лев.* Святитель Стефан Пермский — 1339–1396 // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 100. Обычно считается, что Стефан родился в 1330–1340 гг.

на легенда о том, что его появление на свет было предсказано устюжским юродивым Прокопием Праведным[1]. Отец Стефана был русским, но этническая принадлежность матери до сих пор вызывает споры. Утверждают, что она была зырянкой[2]. И в этом нет ничего удивительного, так как западные границы расселения предков коми (пермян) охватывали в XI–XIV вв. бассейны рек Юга, Сухоны, Устьи и верховьев Северной Двины[3].

Отец надеялся, что сын, как было принято в духовной среде, унаследует его чин и место. Но для этого надо было быть грамотным. Поэтому его рано начали учить грамоте, в чем он значительно преуспел. Он прислуживал своему отцу, читая каноны и молитвы в храме. В то же время Стефан принимает решение постричься в монахи и продолжить образование. Для этого юноша отправляется в Ростов Великий, епархиальный центр, славившийся своей ученостью. Это произошло около 1365 (или 1366) года, когда Стефану было 20–25 лет.

Местом дальнейшего служения он избрал монастырь святого Григория Богослова, выполнявший в какой-то степени функции учебного заведения и славившийся своей библиотекой. Иногда его еще называли «Братский затвор». Здесь Стефан принял монашество.

В этом месте его биографии возникает неясность. По церковным правилам, он должен был обязательно сменить при пострижении свое имя, но почему-то это сделано не было. Таким образом, сегодня сложно определить его настоящее имя, и этот момент требует пристального рассмотрения будущими исследователями его жизни. На это впервые обратил внимание Г.М. Прохоров, предположив, что он, возможно, сменил своего святого покровителя[4]. Хотя об этом отступлении от церковных правил должен был написать ***Епифаний***. Возможно, у него было совершенно иное имя, и Стефаном он стал уже в Ростове Великом.

Товарищем Стефана в «братском затворе» оказался его будущий агиограф. Они подружились и сохраняли дружеское расположение друг к другу всю свою жизнью. Здесь они в дискуссиях изучали Святое Писание, труды отцов церкви, языки, учились переписывать книги. И именно здесь, по словам Епифания, Стефан «*сам выучился пермьскому языку*» и «*грамоту нову, пермьску сложи*».

Изобретение оригинальной, новой письменности (азбуки) для какого-либо языка — событие редкое в мировой истории. До Стефана был период, когда азбуки изобретали. Это происходило во время распространения христианства с его книжной культурой за пределами Римской империи. Чаще всего для проповеди Священного Писания использовали греческий или латинский языки, но иногда письменность все же приходилось изобретать.

Наивысшим типом миссионерского письмотворчества было создание азбук, полностью соответствующих фонетике речи того народа, среди которого велось распространение христианства. И, как казалось, эта эпоха христианского азбуко- и литературотворчества закончилась созданием славянской письменности[5]. Но нашелся еще один человек, который решил повторить подвиг Кирилла и Мефодия. Им и стал Стефан, который около 1372 или 1375 г. в Ростове Великом создает

---

[1] Житие Прокопия Устюжского. СПб., 1893; *Белоброва О.А., Власов А.Н.* Житие Прокопия Устюжского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV –XVI в. Ч. 1. А–К. Л., 1988. С. 322–324; *Власов А.Н.* К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 144–159; *Власов А.Н., Рыжова Е.А.* Краткая повесть о житии Прокопия Устюжского // Устные и письменные традиции в духовной культуре народов Севера. Сыктывкар, 1989. С. 107–120.

[2] *Макарий*. Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856. С. 36; *Прохоров Г.М.* Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления» / Под. ред. Г.М. Прохорова. СПб., 1995. С.5–6

[3] *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 32.

[4] *Прохоров Г.М.* Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф… С. 9.

[5] *Прохоров Г.М.* Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. ИРЛИ. СПб., 1992. Т. 45. С. 178–199; *Он же*. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф… С. 12–14.

древнекоми (древнепермскую) азбуку, которая иногда еще называется *абур* или *анбур*.

До сих пор не решен вопрос, на основе какой графики она была создана[1]. Ибо в ядре стефановской письменности, кроме греческой и славянской графики, явно лежит что-то другое. Одни, как В.И. Лыткин, усматривают здесь иранское влияние[2]. Г. Стипа сравнивал алфавит коми с алфавитами древних семито-хамитских языков[3]. А.И. Туркин возводил *анбур* к финикийскому алфавиту[4].

В последние годы В.В. Понарядов выдвинул гипотезу о связи стефановской азбуки с древнетюркской рунической письменностью[5]. Однако, как нам известно, впервые о подобном сходстве написал ***А.Н. Грен***[6]. Он сравнивал наличие у коми деревянных календарей с иероглифическими знаками с подобными предметами у шведов и финнов, которые имеют близкую к стефановской письменности руническую графику. Основанием для этого вывода у А.Н. Грена послужило сравнение хранящихся в музеях Санкт-Петербурга образцов коми-зырянских, финских и шведских деревянных календарей. Часто их происхождение связывают с употребляемым коми еще в первой половине XX в. родовым знаком *мпас*.

Как мы видим, все теории гипотетичны. Едва ли Стефан мог читать о финикийской и древнетюркской письменности, а также видеть подобную графику. Тем не менее письменность была создана. Причем она до настоящего времени остается единственной оригинальной национальной графикой среди финно-угорских народов.

Возникает вопрос о том, для чего она была создана. На это Епифаний отвечает: «*И перевел на пермьский язык русские книги, — переложил и переписал*». А начав проповедь в Перми, стал учить людей *«пермской грамоте, которую перед этим впервые сложил. И всем новокрещенным — мужам, и юношам, и молодым отрокам, и малым детям — повелел он изучать грамоту*». До сих пор остается загадкой, сколько книг и что именно было переведено на древнекоми (древнепермский) язык.

Известно всего 236 слов на основе стефановской графики, которые говорят о былом разнообразии и богатстве древнекоми литературного языка[7]. Небольшой лексический состав не позволяет соглашаться с мнением, высказанным Е.А. Цыпановым, что Стефан ввел древнекоми язык и в переписку и управление, ибо они говорят только в пользу переводов религиозных, в первую очередь богослужебных текстов[8]. Этот вопрос окончательно возможно разрешить только с привлечением новых текстов.

Действительно, уже в XVI в. начинается постепенное вытеснение из богослужения древнекоми языка церковно-славянским и древнерусским в административно-управленческом делопроизводстве. Язык коми сохраняется в традиционно-бытовой сфере и фольклоре. И здесь можно согласиться

---

[1] *Королев К.С., Савельева Э.А.* К проблеме происхождения коми письменности // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 24–29; *Ляшев В.А.* К истокам стефановского наследия // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 6–10; *Понарядов В.В.* Загадки древнепермской письменности // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 124–128.

[2] *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. М., 1952.

[3] *Stipa G.* Der Ursprung der permischen Sprachen // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischtn Gesellschaft Bd. 110. H. 2. Noue Folge. Bd. 35. Wiesbaden, 1961.

[4] *Туркин А.И.* Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 2: Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996. С. 278–283.

[5] *Понарядов В. В.* О возможной связи стефановской письменности с древнетюркской руникой // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 2: Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996. С. 238–242; *Он же.* Загадки древнепермской письменности… С. 124–128.

[6] *Грен А.Н.* Зырянская (коми) литература // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. III. С. 80.

[7] *Лыткин В.И.* Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 2. С. 15–16.

[8] *Цыпанов Е.А.* Коми язык как государственный: мечта и реальность? // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 5.

с мнением венгерского лингвиста К. Редеи, который прямо заявлял, что «*последовательная утрата древнезырянского литературного языка после XVI в. обычно объясняется тем, что русскоязычный клир этого периода уже не понимал этих текстов. Частично это так, но также надо считаться и с сознательным уничтожением литургии на древнезырянском языке. Из истории православной церкви мы знаем, что после падения Константинополя (1453) русская власть, стремившаяся к централизации, и Русская православная церковь провозгласили Москву Третьим Римом. Начиная с XVI в. московская церковь принимает однозначно русский национальный характер. Последовательное искоренение из церковной практики других языков, кроме русского, связано с эти коренным поворотом, а также с экспансией Русского государства. Работы по истории церкви не упоминают о мероприятиях, связанных с языком (языками), но этот argumentum ex silenti (т.е. аргумент замалчивания) доказывает, что вытеснение малых языков не считалось достойным упоминания деяния в истории Русской православной церкви*»[1].

Впрочем, факты говорят именно об этом. Например, епархиальный центр в это время был переведен из Усть-Выми в Вологду. А впоследствии, как считает Г.М. Прохоров, «*эти книги отбирали и уничтожали, а тех, кто укрывал, преследовали, как это бывало со славянскими книгами в Болгарии, когда она оказалась под властью Константинопольского патриарха*»[2].

Второе важное дело Стефана, благодаря чему он попал в русскую историю, — это христианизация древних коми и присоединение Пермского края к великому княжеству Московскому. Его миссионерская деятельность началась в 1379 г. на «*Пыросе и Виледи, где он крестил "нечестивые племени пермян"*». Уже в 1380 г. в Усть-Выми, в то время центре Земли Пермской, на месте срубленной священной березы он ставит первую деревянную церковь Благовещения. К 1382 г. значительная часть Перми была крещена, несмотря на противодействие местной родовой знати, объединенной вокруг волхва Пама. Этот период красочно описан Епифанием в «Житии».

В этом же году Стефан едет в Москву, к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому и митрополиту Пимену с просьбой назначить в этот край епископа. И в 1383 г. он избирается епископом Пермским. Кроме того, Дмитрий Донской пожаловал ему часть своих доходов с Перми, право беспошлинной торговли в русских землях, сбор пошлин с проезжающих купцов, судебные пошлины. Т.е. Стефан был наделен и светскими функциями, став, таким образом, полномочным представителем Москвы в этом регионе. Это означало, что территория современной Республики Коми фактически была присоединена к Московской Руси.

И вся дальнейшая деятельность Стефана — это совмещение духовной и государственной деятельности. Он не только продолжал крестить местных жителей, строить храмы, переводить книги, но и защищал их от набегов вогул (манси), новгородских ушкуйников, вятских дружин, снабжал хлебом и т.д. Например, в 1386 г. он едет в Новгород со сложной дипломатической миссией — добиться прекращения набегов новгородцев. Положение было достаточно щекотливым: Новгород Великий считал весь Европейский Север своей «отчиной» и привык к тому, что пушнина, главное богатство этих районов, поставлялась в основном в город на Волхове. Новгород был вне пределов юрисдикции Великого князя Московского. Но Стефану удалось благополучно разрешить эту дилемму, «*поклонившись владыке и боярам новгородским <…> с милостью и дарами*», добившись признания перехода Коми края под юрисдикцию Москвы.

Он умер в 1396 г. в Москве, куда был вызван митрополитом Киприаном для решения церковных дел, и был похоронен в кремлевской монастырской церкви Спаса Преображе-

[1] *Редеи К.* Влияние церковнославянского языка… С. 45.

[2] *Прохоров Г.М.* Равноапостольный Стефан Пермский… С. 14–15.

ния на Бору, бывшей в то время великокняжеской усыпальницей. К сожалению, в связи с работами в Кремле в 1930 г. Спас на Бору был снесен, и сегодня место захоронения Стефана неизвестно.

В 1549 г. Стефан Пермский был канонизирован и включен в состав общерусского пантеона. И этим общецерковным актом была вновь отмечена заслуга святителя в процессе объединения русских земель вокруг Москвы[1].

Можно отметить два периода, когда «Житие» и деятельность Стефана особенно привлекали внимание ученых. Первый период пришелся на вторую половину XIX в., когда отмечалось 500-летие присоединения Коми края к Московскому государству и деятельности Стефана Пермского. Тогда дискуссия началась книгой профессора Казанского университета ***П.Д. Шестакова***. В ней принял активно участие ***Г.С. Лыткин,*** опубликовавший ряд работ по этому вопросу. Итог подвел А.В. Красов[2]. Всего за это время вышло 52 публикации, авторы которых так или иначе касались данной темы.

Второй период — 1993–1996 гг., когда отмечалось 600-летие со дня кончины святителя Стефана. В 1996 г. в Сыктывкаре была проведена конференция «Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры». Несмотря на прошедшие сто лет, круг обсуждаемых проблем не изменился: место и роль Стефана Пермского в истории Русской православной церкви, истории Коми края, становлении коми письменности и культуры[3]. В оценке его деятельности можно выделить несколько моментов.

Наиболее распространенным является мнение о том, что он — «*москвитянин по духу деятельности в собирании Руси*», и в этом смысле он государственный чиновник, который провел христианизацию Перми с целью присоединения его к Московскому государству. Наиболее ярко до революции эту тенденцию обосновал ***Г.С. Лыткин***[4]. Такого мнения придерживались и многие историки советского времени, например ***Н.И. Ульянов, В.Н. Подоров***, Ю.В. Гагарин, Э.А. Савельева, А.Н. Власов[5].

Противоположное мнение заключается в трактовке деятельности Стефана Пермского как уничтожения подлинно национальной, пусть и языческой в своей основе, культуры, абсолютно чуждой христианству. В 1920-е гг. его впервые высказал ***И.Н. Мошегов***[6]. Подобное толкование деятельности Стефана характерно для некоторой части современной коми интеллигенции, в частности для М.Д. Игнатова.

---

[1] *Хорошев А.С.* Политическая история русской колонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 171. 174.

[2] *Шестаков П.Д.* Святой Стефан, первосвятитель Пермский // Ученые записки Казанского университета. 1868. Т. IV. С. 21–110; *Лыткин Г.С.* Пятисотлетие Зырянского края // ЖМНП. 1883. № 12. С. 275–326; *Он же.* Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1880; *Красов А.С.* Зыряне и просветитель их святой Стефан, первый епископ Пермский и Устьвымский. СПб., 1896; *Лебедев А.* Святой Стефан, первый епископ Пермский. 1396–1896 // Вологодские ЕВ. 1896. № 5. С. 67–77; № 6. С. 85–106.

[3] Деятельность Стефана Пермского неоднократно привлекала внимание исследователей, основную сводку публикаций на эту тему см.: *Табаленкова И.Н.* Библиографический указатель изданий, посвященных Стефану Пермскому // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы. К 600-летию со дня представления Стефана Пермского. Сыктывкар, 1996. С. 121–151; *Терюков А.И.* Празднование 500-летия со дня блаженной кончины св. Стефана, епископа Пермского в 1896 г. Приложение 1. Опыт библиографии о деятельности Стефана Пермского // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 23–25; *Лимеров П.* Явление св. Стефана: рука Москвы или подвиг духа? // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 111–123.

[4] *Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах пермских… СПб. 1880. С. 4.

[5] *Ульянов Н.И.* Очерки истории народа Коми. М.; Л., 1932; *Подоров В.Н.* Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1933. Т. 1. С. 96 и сл.; *Гагарин Ю.В.* История религии и атеизма народа коми. М., 1979. С. 43 и сл.; *Савельева Э.А.* Европейский Северо-Восток накануне христианизации // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 16–26; *Власов А.Н.* Миссия Русской православной церкви в Пермском крае // История Пермской епархии в памятниках письменной и устной прозы. Сыктывкар, 1996. С. 4–59.

[6] *Мошегов И.Н.* Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом // Коми му. 1926. № 4; *Он же.* Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми // Коми му. 1927. № 4–5, 6–7.

В одной из своих работ он прямо заявил, что «*не будет большого преувеличения и натяжки, если скажем, что первый наместник московских князей в Коми крае, Стефан Храп, прозванный Пермским и канонизированный православной церковью как святой, своей агрессивно-насильственной миссионерской деятельностью причинил чудовищный и непоправимый урон самобытной, подлинно национальной языческой культуре коми народа и благополучию Коми края вообще*»[1].

Другим достаточно распространенным мнением является рассмотрение его деятельности только как подвига духа, подвига православного миссионера, направившегося в глухие дебри Севера, чтобы донести до язычников Святое Писание. Его поддерживали в прошлом А.В. Красов и ***Е. Попов***, которые занимались историей христианизации Русского Севера[2]. В настоящее время эту точку зрения разделяют сыктывкарский писатель Л.Н. Смоленцев, а также Н.Н. Петренко[3].

Но как бы ни оценивалась деятельность этого исторического лица, мы должны признать ее неординарность. Можно согласиться с Е.А. Цыпановым в том, что, несмотря на то что о нем написано достаточно много, «*эта ключевая фигура в средневековой коми истории до сих пор остается большой загадкой*»[4].

«Житие», кроме сведений о личности самого Стефана, содержит важнейшие материалы этнографического и историко-культурного характера о жителях Перми Вычегодской, предках современных коми. Так как сам источник связан со специфической миссионерской деятельностью просветителя, в нем достаточно подробно описаны языческие верования древних пермян, многочисленные божества, духи, идолы, языческие жертвоприношения, кудесники-волхвы и т.п.

Еще в самом начале «Жития» дается общая характеристика пермян, которые «*имя боже не именовася, идеже поклоняются идолам, идеже жрут жертвища, служащие глухым кумиром, идеже молятся издолбленным болванам, идеже веруют в кудесы, и волхования, и чарования, и беснования и в проча прелести диаволскиа, ижде суть глаголеми иноязычницы неверники*»[5].

В сочинении Епифания мы встречаем упоминание о распространенном в то время культе многочисленных духов-покровителей: «*А у нас, пермичей, мнози бози, мнози поспешницы, мнози поборницы*»[6]. По мнению Стефана, *Пермь* была народом, видевшим вокруг себя массу богов-духов в лесах, реках, озерах, которые обеспечивали им удачу в лове. Правда, он не дает нам конкретных терминов, что несколько снижает информативность его сочинения. У коми существовала определенная иерархия духов — «*большии и меньшии, а инни нарочитии и словутнии, и инии мнози*»[7]. Кроме того, автор пишет, что отдельные «кумиры» почитались отдельными погостами, некоторые — отдельными семьями. Но были и общие божества, к которым приходили молиться и за 4–7 дней пути[8].

Из отдельных мест «Жития» видно, что пермяне делали из дерева человекообразные изображения своих богов. Они устанавливались в «*кумирницах», «мольбищах*», перед ними находились «*жертвища, требища*», подобные алтарю. Стефан опрокидывал их, когда разрушал эти ритуальные сооружения. Этим идолам приносились жертвы: звериные шкуры и металлические предметы. Посредники между людьми и богами названы им

---

[1] *Игнатов М.Д.* Языческая, православная и большевистская идеологии в истории Коми края // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 1. Пленарные доклады. История. Сыктывкар, 1996. С. 107–116.

[2] *Красов А.В.* Зыряне и просветитель их, св. Стефан, первый епископ Пермский…; *Попов Е.А.* Святитель Стефан Великопермский. (Жизнь его с литографированным портретом). Пермь, 1885.

[3] *Смоленцев Л.* Святитель Стефан Пермский… С. 100–110; *Петренко Н.Н.* Исторический путь православия в Коми крае // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 53–55.

[4] *Цыпанов Е.А.* Коми язык как государственный… С. 6.

[5] Житие Стефана Пермского. СПб., 1897. С. 18.

[6] Там же. С. 47.

[7] Там же. С. 36.

[8] Там же. С. 36.

«*кудесниками, обаянниками, одержимыми волшеванием*», они получают это искусство от своих родителей и передают их своим детям.

Даже в XIX в. многие исследователи отмечали веру коми в различных духов, говорили о развитом у них культе анимизма[1]. Поедание «*жертвища*» перед изображением божества перекликается с более поздними коллективными ритуальными поеданиями жертвенного животного (быка, теленка, барана и т.д.). Последнее описано у коми в XVIII в. ***И.И. Лепехиным,*** а позднее и другими учеными[2].

Чрезвычайно ярко показан в «Житии» промысловый быт пермян[3]. И это вполне объяснимо при наличии громадного спроса на пушнину как основной товар, поставляемый жителями Перми как на московский, так и на восточный рынок. Имеются сведения об их жилищах, занятиях, общественном устройстве.

Как произведение, посвященное религиозному деятелю и направленное на восхваление христианской религии, оно естественно направлено на борьбу с язычеством, в которой святой Стефан совершает чудеса.

Текст этого сочинения долгое время являлся одним из главных письменных источников для исследователей традиционной культуры народов коми, и поэтому он так или иначе фигурирует в работах большинства авторов, писавших о коми.

Один из наиболее ценных разделов «Жития» — подробная этногеография Европейского Севера. Здесь впервые описываются границы Перми Вычегодской, что позволяет впоследствии тщательно рассматривать динамику этнического расселения коми. Стефан говорит о реках, протекающих в регионе, районах, с которыми граничит эта племенная территория.

Но в его описании можно отметить несколько неточностей. Во-первых, в них нет ориентации по странам света, все построено на примыкании различных районов друг к другу. Во-вторых, некоторую путаницу создает в его сочинении наличие просто Перми и Перми Великой, глаголемой Чусовая. Автор не счел нужным более четко провести границу между этими двумя регионами, что позднее способствовало созданию ряда легенд. В-третьих, неясна граница Перми с Лопью и Корелой.

Данные Епифания в дальнейшем широко использовались более поздними летописцами. Так, сокращенный вариант жития помещен в Царском списке Софийской первой летописи под 1396 годом. Близкая версия встречается в Никоновской летописи середины XVI в. Описание Пермской земли имеется в Степенной книге середины XVI в., Хронографе первой редакции, а позднее — в различных «Алфавитах» и «Азбуковниках» XVIII в.

Завершая обзор сведений о народах коми в древнерусской литературе, необходимо остановиться еще на одном письменном памятнике — т.н. Вычегодско-Вымской летописи. Это чрезвычайно интересный и важный для истории становления народа коми документ, содержащий массу уникальных сведений о ранних этапах этнической истории народа коми[4]. Она была начата в конце XVI в. в Усть-Выми (долгое время, с 1383 по 1564 гг., бывшей местом пребывания сначала пермских, а потом некоторое время и вологодских епископов) основателем местной Усть-Вымской Архангельской пустыни Мисаилом. После его смерти летопись продолжал священник Евтихий.

Первые сведения в летописи датируются под 1178 г., но регулярными становятся с 1379 г., с начала проповеди христианства в Пермской земле ***Стефана Пермского***. Завершается она записью 1619 г., когда местное летописание было запрещено вологодским архиепископом Макарием. Здесь мы видим

---

[1] *Сорокин П.А*. О пережитках анимизма у зырян...; *Смирнов И.Н.* Пермяки…

[2] Дневниковые записки путешествия И. Лепехина. Т. III. С. 236–137.

[3] Житие Стефана Пермского. СПб., 1897. С. 47.

[4] *Флоря Б.Н.* Коми-Вымская летопись // Новое в прошлом нашей страны. М., 1967; Вычегодско-Вымская летопись / публ. и коммент. И.Л. Жеребцова // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 23–34.

события, связанные с крещением коми-зырян, включение Пермской земли в состав Великого княжества Московского, события на Русском Севере во время междоусобиц, в частности разорение Севера Дмитрием Шемякой. Очень интересны и подробны сведения об участи коми в освоении Сибири, в частности роль коми в знаменитом походе Семена Курбского и Петра Ушатого на Обь в 1499 г.

Летопись (точнее — копия начала XIX в., сделанная вологодским семинаристом А. Шергиным) была открыта в 1927 г. краеведом и начинающим писателем ***П.Г. Дорониным***. Тогда же он скопировал этот текст. К сожалению, сам оригинал был изъят в 1813 г. по приказу вологодского епископа ***Евгения (Болховитинова)***, который собирал старые рукописи по местным церквям и монастырям. Поэтому судьба первоначального текста неизвестна, летопись пропала.

Печальна участь и шергинского варианта. Оставленная П.Г. Дорониным в Усть-Выми, она погибла в лихие 1920-е годы. И только через много лет, в 1958 г., она была впервые введена в научный оборот П.Г. Дорониным[1].

1.4. Предки современных коми в западноевропейских источниках

Ряд сведений по этнографии народов коми содержится в сочинениях западноевропейских писателей и путешественников, побывавших в России в XIV–XVII вв.[2]

Эти путешествия были спровоцированы не просто любопытством, а целым рядом обстоятельств. Голос Русского государства, до недавнего времени воспринимавшийся как некая экзотическая данность, со времени правления Ивана III начинает все звонче и увереннее звучать на европейской политической арене. Московия воспринималась поразному: с интересом, предубеждением, часто с опасением. Но игнорировать ее уже было невозможно.

В рамках Великих географических открытий происходило и открытие западным миром незнакомой Московии. Одновременно закрытие и монополизация Португалией торговли с Индией вынудило Европу искать альтернативные торговые пути между Западом и Востоком, которые были возможны только через Московскую Русь. Западная Европа открывала для себя этническое многообразие этой страны. Именно поэтому она в это время оказалась под пристальным вниманием королей, купцов, ученых, просто авантюристов.

Многие из них оставили записки о своих открытиях на Востоке. Рассматривая процесс взаимного познания России и Запада, В.О. Ключевский отмечал, что «*от XV в. мы имеем немногие краткие заметки о нем от иностранцев, случайно попавших в Россию и остававшихся в ней очень недолго. Но скоро разные исторические обстоятельства подали повод к более близким и частным сношениям между Москвой и некоторыми западноевропейскими дворами, и, начиная со времени княжения Василия Иоанновича, идет длинный ряд более или менее подробных описаний Московского государства*[3]».

Чем больше русские власти старались скрыть информацию о путях в Сибирь, за Урал и далее, тем настойчивее иностранцы стремились узнать об этом. В связи с поиском северо-восточного (северного) морского пути в этих сочинениях появляются сведения о Европейском Северо-Востоке, населенном наро-

[1] Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.

[2] Общий обзор этих путешествий см.: *Аделунг Ф.П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. СПб., 1864. Т. 1–2; *Кордт В.А.* Библиографические заметки об иностранных путешествиях по России до конца XVII в. Добавление и поправка к труду Ф. Аделунга. Юрьев, 1893; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. 2-е изд. Иркутск, 1941. Ч. I–II.

[3] *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве... С. 10–11.

дами коми, ибо по этим землям шли некоторые пути за Урал. В подобных сочинениях о путешествиях правда переплетается с вымыслом.

Интерес к Московскому государству на Западе подстегивали и известия о баснословных богатствах, имевшихся на севере. Так, окольничий М. Вельяминов, сопровождая посла императора Николая Варкоча в 1593 г., привез в Вену императору Рудольфу II в качестве подарка 40 360 соболей, 3000 бобров, 20 760 куниц, 337 235 белок, 120 черно-бурых лисиц[1]. Следует отметить, что это был исключительный дар, так как московские власти ждали помощи в борьбе с турками. А в это время основная масса пушнины в Москву поступала с Европейского Севера, в том числе и Коми края. Это тоже способствовало включению региона в сферу интересов западноевропейских купцов.

Чаще всего в произведениях иностранцев Коми край упоминается под названием *Перми* и *Печоры*. К наиболее ранним таким источникам относится книга итальянца ***Юлия Помпония Лэта***[2], побывавшего в Московском государстве в 1479–1480 гг. Лэт Помпоний (Джулио Сансеверино, Leto Pomponio, Lactus Pomponius, 1428–1497) — писатель, гуманист. В 1465 г. основал в Риме кружок гуманистов — так называемую Римскую академию, где изучалась античная философия, подвергались критике средневековая схоластика, деятельность католической церкви. Сам Лэт увлекался изучением древностей, в частности Древнего Рима: его государственности, быта, учреждений, античной литературы. В 1468 г. он вместе с другими членами академии был обвинен в заговоре, целью которого являлись устранение Папы Павла II и организация в Риме философско-языческой республики; был арестован, но вскоре освобожден из тюрьмы после иквизиционного процесса преемником Павла II.

В 1479–1480 гг. Лэт Помпоний совершил путешествие по землям Южной Руси, «Скифии и Сарматии», впечатления о котором изложил в комментариях к «Георгикам» Вергилия под названием «Скифские заметки»[3]. Исследователь жизни и творчества Лэта В. Забугин установил, что он путешествовал в составе экспедиции, отправленной Папой Сикстом IV в 1479 г. за книгами для Ватиканской библиотеки. Один из его современников, Петр Мааре, писал, что он «*храбро двинулся на север, о котором читал удивительные и почти превышающие веру известия, посетил страны каринтийцев, венгров, поляков и русских, достиг до Татарской земли*»[4].

Последующие исследователи очень высоко оценивали данные римского гуманиста. Например, А. Шлецер, высказывая мнение о значении его сведений о Югре и Заволочье, отмечал, «*каким образом он получил эти известия о северной России, в которых было мого нового и отчасти верного*»[5]. Действительно, он первым в европейской историографии оперирует термином «Сибирь».

Именно у Помпония Лэта мы впервые в западной литературе встречаем упоминание о предках народа коми под именем *Пермь* (*Permii*) и местонахождении этой страны. Правда, располагает он их на восточном склоне Рифейских (Уральских. — *А.Т.*) гор, что неверно, ибо историческая область Пермь Великая находилась на западной стороне Урала. Также он часто отождествляет эту страну с Печорой («*Permii, et Pecerri*»)[6].

Помпоний Лэт в своем сочинении четко различает Скифию — Русь — и Сарматию — Польшу. Весь Север России он описывает как часть Скифии, в числе жителей которой упоминает и другие финно-угорские народы:

---

[1] *Марков С.* Земной круг. М., 1976. С. 291.

[2] *Забугин В.* Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1914. Т. XVIII; *Zabughin V.* Giulio Pomponio Leto. V. 1–2, Roma, 1909–1912; *Алексеев М.П.* Сибирь… С. 59–74.

[3] Там же. С. 74–77. Полный текст на латинском языке см.: Там же. С. 195–218.

[4] Цит. по: *Алексеев М.П.* Сибирь… С. 60.

[5] *Шлецер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809. Т. 1. С. 43–44.

[6] Там же. С. 80.

угаров, или угров, пермских вогуличей (*Permskani vahuczkani*), башкирских черемисов (*Baskidi Cziremissi*[1]). Кроме того, он знает и вогулов как жителей Югры[2].

Впоследствии почти все западноевропейские писатели исходили из его упоминания об этом далеком крае, продолжая уточнять сведения о нем. Его сочинение, по-видимому, стоит у истоков одного из знаменательнейших мифологических сюжетов раннего Возрождения — легенды о Золотой Бабе. Именно Лэт Помпоний написал, что «*угры приходили вместе с готами в Рим и участвовали в разгроме его Аларихом. <…> На обратном пути часть их (угаров) осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, часть вернулась на родину, к Ледовитому океану, и до сих пор имеет какие-то медные статуи, принесенные из Рима, которым поклоняются как божествам*»[3]. Позднее эти медные статуи у ***Матвея Меховского*** превращаются в Золотую Бабу, которая, по его мнению, находилась в «*землях за Вяткой*».

У этого же автора мы встречаем и другие данные[4]. М. Меховский, Мехов Матиас, де, Меховит, Мачея Каприга из Мехова (1457–1523), — профессор, астроном и историк, ректор Краковского университета. О его жизни сохранились отрывистые сведения, в основном извлеченные из его надгробной плиты. Матвей Меховский родился в 1457 г. в бедной мещанской семье в Мехове, небольшом городке Краковского воеводства, по которому впоследствии и был прозван (de Miechow, Miechow, Miechowita). Известно, что 16-ти лет он пришел в Краков и в 1473 г., уплатив 8 грошей вступительного взноса, был включен в список студентов университета. Начав с Аристотеля и философии, он в дальнейшем все более склоняется к медицинским наукам. В 1476 г. он уже бакалавр, в 1479 г. — магистр, а 1480–1485 гг. проводит за границей, работая в немецких и итальянских университетах — в Праге, Флоренции, Падуе. По возвращении в Краков уже в звании доктора медицины М. Меховский становится профессором университета и с этих пор почти не покидает Кракова[5].

Наиболее плодотворный период университетской деятельности М. Меховского приходится на 1501–1519 гг. В это время он девять раз, с перерывами, избирался ректором и в течение двух лет был вице-канцлером университета. К 1501 г. М. Меховский был известен как врач: был придворным врачом и астрологом Сигизмунда I Польского и Владислава Чешско-Венгерского. В эти годы творческого расцвета им были написаны основные исторические сочинения — «Chronica Polonorum» и «Tractatus de duabus Sarmatiis»[6]. Умер М. Меховский 8 сентября 1523 г. в Кракове. Его похороны превратились в большую манифестацию, где рядом с ученым миром, сановниками и городскими властями участвовала многотысячная масса бедноты.

Своей небольшой книжкой, насчитывавшей немногим более 30 страниц, он фактически открыл Московское государство для Европы и сыграл важную роль в деле ознакомления с ним западного мира. Она увидела свет в Кракове в 1517 г. на латинском языке. Книга произвела чрезвычайно сильное впечатление на современников, немедленно стала фокусом ученых споров, выдержала одно за другим 16 изданий на четырех языках только в XVI в., долгое время оставалась одним из самых читаемых произведений и источником постоянного заимствования для многих[7].

---

[1] *Шлецер А.Л.* Нестор. С. 80.

[2] Обзор знаний о вогулах см.: *Алексеев М.П.* Сибирь… С. 70–71.

[3] *Забугин В*. Юлий Помпоний Лэт... С. 97.

[4] *Maceij z Miechowa.* Tractatus de duabus Sarmatiic Asiana et Europiana et de cjntentis in eis. 1517. Анализ этой книги см.: *Корф М.* Матвей Меховский и его сочинение «Трактат о двух Сарматиях» // Отечественные записки. 1854. Т. CXVII. № 12. С. 137–160; *Дитмар Б.* «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Землеведение. 1928. Т. 30. Вып. 4. С. 63–75; *Алексеев М.П.* Сибирь… С. 77–82. Русский перевод: *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях / введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936. Библиографию о жизни и деятельности М. Меховского см. во введении С.А. Аннинского: *Меховский Матвей*. Трактат… С. 1–2.

[5] *Аннинский С.А*. Введение ... С. 4.

[6] Там же. С. 5.

[7] Сводку об изданиях «Трактата» см.: *Аннинский С.А.* Введение… С. 7–8.

На основе ряда сведений, извлеченных им из различных литературных сочинений, а также лично полученных от людей, побывавших на Руси, и от русских военнопленных, ему удалось скомпоновать сочинение, содержавшее многое из того, что не было известно до выхода его книги[1]. М. Корф писал, что «*его рассказы носят на себе печать какого-то особенного незлобивого добродушия, а излагаемые им сведения отзываются истинной любознательностью и сочувствием к описываемому предмету. Есть, конечно, много неверностей в его книге, но прочитавший ее всю со вниманием обвинит скорее некоторых из тогдашних современников наших, не хотевших или не умевших оценить благородной его пытливости касательно всего, что относилось к нашему Отечеству, и сообщивших ему вещи небывалые. Зато некоторые из показаний Меховского имеют, видимо, характер достоверности и могут служить подтверждением и частью дополнением местным источникам*»[2].

Что подвинуло М. Меховского к созданию этого произведения, не ясно. Х. Барыч, подготовивший польский перевод «Трактата», высказал предположение о том, что книга была написана в период подготовки свадьбы польского короля Сигизмунда на итальянке Бонне Сфорца. Сочинение было посвящено рассмотрению спорной в то время в европейской науке проблемы двух Сарматий: что это такое, их пределы, политическое устройство Восточной Европы. Ведь согласно европейской историографии одна из этих Сарматий — бывшая Киевская Русь, Московия, часть которой уже вошла в состав Польского королевства. За эти земли шла длительная непрекращающаяся война, и обосновать их принадлежность Польше было важной задачей[3].

Одновременно Польша и остальные страны Европы нуждались в информации об активно вторгающемся в европейскую геополитику новом игроке. Кроме того, появление книги следует связывать с Великими географическими открытиями XVI в., с поисками сухопутного пути в Индию и далее на восток. Не случайно М. Меховской в предисловии к своей книге вставляет такой пассаж: «*Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру*»[4]. Т.е. Польша, которая периодически одерживала победы над Московским государством, всерьез готовилась к его оккупации и созданию конкурентного торгового пути на Восток.

Много внимания уделяет М. Меховский в «Трактате» описанию народов, которые, по его мнению, населяли нашу страну в прошлом или в описываемое им время: скифам, сарматам, готам, вандалам, аланам, свевами, половцам, татарам, калмыкам, черкесам, югре, пермякам, карелам, черемисам, евреям, литовцам и др. Следует сказать, что автор вполне справился и с этой своей задачей и дал нам более или менее удовлетворительный географический и историко-этнографический очерк[5].

Однако у М. Меховского есть положения совершенно фантастические и не выдерживающие никакой критики с научной точки зрения (например, вандалы, свевы, бургунды у него считаются поляками и говорят по-польски; югра — это венгры и т.д.). Эти исторические экскурсы автора весьма любопытны, но интересны лишь как типичный и очень показательный образчик современной ему западноевропейской историографии.

Как первоисточник, «Трактат» предоставляет нам сравнительно немного фактов, но безусловно интересен как политико-географическое произведение, долгое время счи-

---

[1] Об источниковедческой базе М. Меховского см.: *Аннинский С.А.* Введение... С. 13–20.

[2] *Корф М.* Матвей Меховский и его сочинение… С. 137.

[3] *Barycz H. Wstep.* Maciej z Mechowa. Opis Sarmacij Azjatyckiej i Europejskiej. Warszawa, 1972. S. 11.

[4] *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях… С. 46.

[5] *Бычкова М.Е.* География России в «Трактате о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Проблемы исторической географии и демографии в России. М., 2007. Вып. 1. С. 184–196.

тавшееся одним из главных источников для изучения нашей страны, как выразительный памятник в истории науки. Его сочинение было ярким примером сочетания географического и исторического описания. По своему содержанию оно еще больше напоминает традиционную античную «Космографию», так как большая часть все же посвящена географическому описанию земель «сарматских» и этнографической характеристике их населения. При этом проявляются и некоторые элементы исторических рассуждений, поскольку географические материалы и выводы самого автора часто обосновываются с помощью исторических аргументов.

В то же время «Трактат» вполне отвечал требованиям справочного пособия, предназначенного для информирования западноевропейского читателя о восточноевропейских землях, народах. Именно этим была обусловлена его популярность. По мере накопления конкретного историко-географического материала это сочинение теряет свое значение, уступая свою роль другим работам.

В его труде есть и описание Карелы, Перми, Югры и ее жителей. М. Меховский помещает эти области с одноименными народами в «Скифии», границей которой на Востоке он считает Вогульскую землю. Именно он впервые поведал для жителей Западной Европы о Югре — «*самой северной и холодной скифской земле у Северного океана*». Правда, краковский историк соотносит жителей Югры с венграми, которые пришли отсюда в Панонию[1].

У него имеются сведения и о Перми. В частности, он пишет: «*Пермь — односложное слово, отсюда — земля Пермская, читая Пермская (Permska) двумя слогами. Эту область, почитавшую идолов, князь московский Иван около двадцати лет тому назад принудил принять крещение по русскому или греческому обряду. Он поставил там владыку, то есть епископа, по имени Стефан, но дикари по уходе князя содрали с него кожу заживо и умертвили. Князь, воротившись, побил их и снова поставил им другого главу, под духовной властью которого они и живут теперь вновь обращенными в христианство, следуя русскому схизматическому обряду*»[2].

Мы видим, что М. Меховский путает естественный ход исторических событий. Деятельность ***Стефана Пермского*** была связана со временем правления Дмитрия Донского. Умер он своей смертью. Убитым «дикарями», точнее вогулами (манси), был третий по счету пермский епископ — Питирим. Кроме того, никто из собственно московских князей не ходил военным походом в Пермский край, а сама эта территория фактически была присоединена к Москве благодаря деятельности пермских епископов ***Стефана***, Герасима, Ионы и Питирима без применения военной силы.

Далее автор указывает, что Пермь имеет «*свое наречие*», то есть сохраняет свой язык. По его мнению, «*в этих областях не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесным зверем, которого у них много, а пьют только воду. Живут они в чаще лесов, в шалашах, сделанных из ветвей*». Этот пассаж показывает уровень знаний о коми у человека, считавшегося в то время крупнейшим знатоком Московии. Но главной причиной мифологизации некоторых данных о Московии является еще достаточно невысокий уровень тогдашней осведомленности о предмете повествования.

Именно в книге краковского ученого впервые была упомянута и начала самостоятельную жизнь знаменитая легенда о Золотой Бабе: «*За областью, называемой Вятка, по дороге в Скифию, стоит большой идол, золотая баба (Zlota baba), что в переводе значит золотая старуха. Соседние племена весьма чтут его и поклоняются ему, и никто, проходя поблизости или гоня и преследуя зверя на охоте, не минует идола с пустыми руками, без приношения. Если нет приличного дара, то бросают перед идолом звериную шкуру или*

[1] *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях... С. 79–80.

[2] Там же. С. 118.

хоть волос, вытянутый из одежды, и, склонившись с почтением, идут дальше»[1].

После «Трактата» М. Меховского Русский Север и Урал становятся часто упоминаемыми в западноевропейских географических сочинениях.

Следующий шаг в уточнении сведений об этих районах был предпринят в книге ватиканского философа, историка и врача ***Павла Иовия*** (Paolo Giovio, 1483–1552)[2]. Иногда его еще называли Павлом Новокомским от названия города Кома в Ломбардии, Италии, где он родился и позднее был каноником. В молодости он занимался медициною, а потом богословскими науками, был возведен в сан епископа при папе Клименте VII. Умер во Флоренции в 1552 г.[3]

Автор сочинения «Novocomensis libellus de legatione Basilii, Magni Principis Moschouiae, ad Clementem VII pont. max…» никогда на Руси не был, а книга написана на основе бесед с московским послом к папскому двору Дмитрием Герасимовым (1465–1533)[4]. Последний находился в Риме с 1491–1493 гг. и побывал там еще раз в 1525 г.

Пребывание Д. Герасимова в «Вечном городе» было связано с интенсивными переговорами, которые вел папский престол с Москвой, о соединении Западной и Восточной церквей (они закончились неудачей) и выявлении торговых путей из Италии сухопутным путем на восток. Д. Герасимов считался достаточно знающим в Московской Руси человеком, до этого не раз бывавшим в Швеции, Дании, а в 1496 г. даже обогнувшим морем Скандинавию. На основе бесед с ним и другими итальянцами, которые торговали с севером, в частности с Московией, и была создана Павлом Иовием его замечательная книга. Оценивая свой труд, автор отмечает, что в ней «*с достоверностью описано положение страны, неизвестной древним, религия и обычаи народа, показаны заблуждения Страбона, Птолемея и других географов, упоминаших о Рифейских горах, существование коих в наше время отвергнуто ясными доводами*».

Сочинение Павла Иовия было значительным достижением западноевропейской географии, так как в нем впервые уточнялись и корректировались многие существовавшие в западноевропейской историографии легенды о Севере Руси. В том числе встречается описание Перми. Эта книга имела поразительный успех в Европе, в период с 1525 по 1606 г. она была издана 37 раз на пяти языках, в том числе 21 раз по-латыни[5]. В книге прежде всего рассказывается о пушнине, которая являет-

---

[1] *Меховский Матвей*. Трактат о двух Сарматиях... С. 117. Обзор по вопросу о Золотой Бабе см.: *Анучин Д.Н*. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1890. С. 277–282; *Алексеев М.П*. Сибирь в известиях… С. 77–82; *Игнатов М.Д.* Собственное имя «Золотой бабы» и этимология гидронима «Обь» // Арт-Лад. Сыктывкар, 2004. № 3. С. 97–112; *То же.* Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Вып. 1. Сыктывкар, 2004. С. 199–219.

[2] *Jovius (Giovio) Paolo.* Novocomensis libellus de legatione Basilii, Magni Principis Moschouiae, ad Clementem VII pont. max. … Romae, 1525; *Новокомский Павел Иовий* (*Джовио Паоло*). Книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем, Великим князем Московским, к папе Клементу VII / пер. с лат. М. Михайловского // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 1–93; Полный русский перевод был опубликован под именем: *Новокомский Павел Иовий.* «Книга о посольстве Василия, Великого государя Московского к папе Клементу VII, в которой с особой достоверностью описаны положения страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указуются заблуждения Страбона, Птолемея и других, писавших о Географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время, нигде не существуют» в приложении к книге «Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах». СПб., 1908.

[3] *Михайловский М.* Предуведомление от переводчика // Павел Иовий. Книга о посольстве… С. 6.

[4] *Казакова Н.А.* Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 248–266; *Она же.* Дмитрий Герасимов (Дмитрий Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV –XVI в.). Ч. 1. А–К. Л., 1988. С. 195–196.

[5] *Ляйш В*. О ранних переводах «Московии» Сигизмунда Герберштейна // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 77.

ся основным богатством жителей этой страны, а также автор пишет, что еще недавно они были язычниками, но теперь «*чтут господа Христа*».

Приведем текст с описанием Перми полностью: «*В 600 милях от Москвы, там, где река Юг впадает в Двину, лежит торговый город Устюг. Туда приезжают Пермь (Permii), Печера (Peccerri), Югры (Inugri), Вогуличи (Ugulici), Пеняжане (Pinnagi) и другие отдаленнейшие народы и привозят с собою дорогие меха (как то куниц, соболей, волков, оленей и черных и белых лисиц), которые променивают на различные товары. Лучшие собольи меха с проседью доставляются из Перми и Печеры и употребляются для царской одежды и для украшения нежных плеч знатных боярынь, которые умеют придать сему наряду вид живых соболей. Впрочем, эти народы не сами добывают их, а получают от других отдаленнейших племен, живущих близ Океана. Еще в минувшем веке Пермь и Печера были язычниками и приносили жертвы идолам; ныне же исповедуют Христианскую веру*»[1].

Следует отметить труд австрийского (немецкого) дипломата и путешественника, писателя, находившегося на службе у Габсбургского дома, барона ***Сигизмунда Герберштейна*** (Sigismund Siegmund Freiherr von Herberstein, 1486–1566)[2]. Он дважды (в 1516–1518 и 1526–1528 гг.) по поручению императора Священной Германской империи Максимилиана ездил в Москву в качестве посредника на переговорах советников Великого князя всея Руси Василия III с послами Великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I.

С. Герберштейн родился в 1486 г. в дворянской семье в замке Виппах (ныне Випава) в Штирии, в южной Австрии[3]. Он рос в среде словенцев, где словенский язык был родным для значительной части населения, что способствовало позднее его общению в Москве. В 1499 г. С. Герберштейн поступил в Венский университет, переживавший тогда период расцвета, связанный с проникновением духа Возрождения. Здесь он изучал право и философию. В возрасте 16 лет С. Герберштейн получил степень бакалавра. В 1506 г. начинается его многолетняя служба Габсбургам, сначала как офицера, а потом и как дипломата. В 1508 г., во время войны с Венгрией, за заслуги перед императорской фамилией он был возведен в рыцарство, получив дворянство. В 1514 г. С. Герберштейн поступает на службу при дворе императора Максимилиана I, а в 1515 г. становится членом Имперского совета, с 1516 г. начинает исполнять различные дипломатические поручения. С тех пор почти в течение 50 лет (до своих 77 лет) он выполнял сложные задания четырех королей в самых разных краях Европы, включая Турцию, совершив за это время 69 миссий.

Вершиной своей дипломатической деятельности С. Герберштейн считал поездку к Сулейману Великолепному в Турцию, где ему удалось говорить с султаном не распростертым ниц перед ним, как было принято при османском дворе, а стоя на одном колене. Недаром позднее с разрешения императора С. Герберштейн пополнил родовой герб изображением «*московита*» и «*турка*», имея в виду две важнейшие дипломатические миссии в своей жизни. За заслуги перед империей в 1532 г. С. Герберштейн был возведен в баронское звание.

Дважды он побывал на Руси, прожив в ней в общей сложности 16 месяцев, больше, чем все бывшие до него в Москве западноевропейские путешественники. Цель первого визита С. Герберштейна в Москву — сначала склонить великого князя Василия III Ивановича к миру с Великим княжеством Литовским для совместной борьбы против Турции и к передаче Смоленска польскому королю, второ-

---

[1] *Павел Иовий.* Книга о посольстве… С. 31

[2] *Аделунг* Ф. Критико-литературное обозрение… Ч. I. С. 106–115.

[3] *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии / пер. с латин. и нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко; вступ. ст. А.Л. Хорошкович; под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 28; *Ленарчич А.* Жига Герберштейн: его среда и жизнь // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М., 2000. С. 13–103.

го — превращение пятилетнего перемирия между русскими и поляками, срок которого истекал в 1527 г., в вечный мир. Обе его миссии не увенчались успехом. Однако здесь непосредственно от местных чиновников и купцов он смог получить важные сведения историко-этнографического характера о Московском государстве[1]. В частности, одним из его информантов был упомянутый выше Д. Герасимов[2].

Кроме того, С. Герберштейн был достаточно хорошо знаком с европейской географической литературой. А так как знал русский язык, то смог ознакомиться и с русскими летописями, рукописными дорожниками, картами и другими документами[3]. Например, в его книге имеется латинский перевод не дошедшего до наших дней в русском оригинале «Дорожника», или «Указателя пути на Печору, Югру и Обь», составленного между 1500–1517 гг. участниками знаменитого похода 1499 г. под руководством Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Бражника в Югру. Результатом похода стало установление зависимости этого зауральского района от Москвы. Кроме того, «Указатель» знакомит нас с обитателями Русского Севера и Зауралья. По-видимому, он является первым подробным топонимическим источником по Коми краю, в котором была зафиксирована близкая к современному ономастическая номенклатура. В свое время ***А.А. Дмитриев*** обратил внимание на то, что в сочинении австрийского дипломата встречается самое раннее упоминание о так называемом «Бухонином волоке», который соединял водные пути с Вологды на Каму[4]. В результате всего этого С. Герберштейну удалось относительно полно изобразить картину жизни Московского государства, причем не только столицы, но и ее окраин.

Это сочинение отличается полнотой первоклассных сведений о позднесредневековой Московии[5]. В главе «Путь к Печоре, Югре и до самой реки Оби» С. Герберштейн приводит чрезвычайно ценные данные о народах Севера[6]. Здесь мы встречаем и описание Перми, Печоры, Югры. Так, он приводит любопытные известия о дани, которую ежегодно платили пермяки мехами и лошадьми, упоминает о почитании ими идолов и т.д. Но наиболее занимательным является его ремарка об употреблении пермяками лыж и собак как

---

[1] Записки о Московии (Rerum Moscoviticarum Commentarii) барона Герберштейна. С латинского Базельского издания 1556 г., пер. *И. Анонимов* преподаватель VII С.-Петербургской гимназии. СПб., 1866; *Герберштейн С.* Книга о Московитском посольстве // Новокомский И.П. Книга о московитском посольстве / введ., пер. и примеч. А.И. Маленина. СПб., 1908; *Herberstein S. vom.* Rerum Moscoviticarum Commentarii. Basileae, [1556].

[2] *Рыбаков Б.А.* Дмитрий Герасимов и Сигизмунд Герберштейн // Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974. С. 70–110.

[3] О нем и его книге см.: *Аделунг Ф.П.* О важнейших изданиях Герберштейна С. «Записок о России» с критическим обозрением их содержания. С приложением портрета Герберштейна, рисунка и карты России. СПб., 1818; *Замысловский Е.* Барон Герберштейн // Древняя и новая Россия. 1880. № 9. С. 320–327; *Он же.* Герберштейн и его историко-географические сведения о России. С приложением материалов для историко-географического атласа России XVI века // Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Т. 13. 1884; *Ерюхин А.П.* Историко-географические известия о севере Московского государства в XVI столетии, заключенные в «Записках о Московии» Герберштейна // Труды Архангельского статистического комитета за 1890. Архангельск, 1891. С. 1–29; Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников — иностранцев. Сост. В.Н. Бочкарев. СПб., 1914; *Nehring A.* Freiherr von Herberstein, 1897. Wien, Об издании книги на русском языке см.: *Прахов М.* Об издании Герберштейна с русским переводом и объяснениями // Записки Академии наук. 1864. Т. IV. С. 246–264; *Adelung F.* S. Herberstein, mit besonderer Rucksicht fur seine Reisen in Russland. SPb., 1827; Русский перевод. СПб., 1827; *Ляйш В.* О ранних переводах «Московии» Сигизмунда Герберштейна... С. 76–79; *Хорошкевич А.Л.* Герберштейннана сегодня // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М., 2000. С. 107–118.

[4] *Дмитриев А.А.* Происхождение названия и судьба Бухонина волока // Пермский край. Пермь, 1892. Т. I. С. 134–137.

[5] *Хорошкевич А.Л.* Русь и русские в «Записках об Московии» // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М., 2000. С. 127–184.

[6] *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии… С. 156–164.

вьючных животных. (***И.Н. Смирнов*** приводит это сообщение в своей книге о пермяках[1].) Повидимому, С. Герберштейн здесь имел в виду не столько коми-пермяков, которые действительно не использовали собак в таком назначении, сколько пермян, жителей Перми Вычегодской, предков коми-зырян, которые как раз часто использовали собак со специальными нартами во время охоты.

Это подтверждает мнение о том, что С. Герберштейн не различал пермян, живших на Каме, от пермян, живших по Вычегде. Он еще придерживается епифаневской традиции, когда под названием *пермь* рассматривали и зырян, и пермяков. С. Герберштейн был наслышан об особой письменности, которая употреблялась пермянами: «*Имеют особый язык и точно так же письмена*». Это позволяет предположить, что он был знаком с каким-то списком «Жития ***Стефана Пермского***» и что, возможно, стефановская древнекоми письменность использовалась еще в XVI в. Это вообще единственное письменное свидетельство об этом через много лет после сочинения ***Епифания Премудрого***. Он так же, как ***Матвей Меховский***, упоминает о епископе Стефане, который проповедовал христианство среди жителей Перми и который был умерщвлен там (дикари заживо содрали с него кожу). Между тем убитым вогулами был третий преемник Стефана — Питирим, и произошло это в 1456 г.

На страницах его сочинения вновь появляется легенда о Золотой Бабе (Золотой старухе), которую он располагает в устье Оби. Интересны его сведения о том, что она издает звуки «*наподобие трубы*»[2]. Его книга долгое время служила основным источником о Московском государстве и активно использовалась многими исследователями[3]. Как пишет А.С. Мыльников, его сочинение было чрезвычайно популярно в Европе, неоднократно переиздавалось на многих языках и было известно в России. Так, в Российской национальной библиотеке имеется 14 изданий книги С. Герберштейна[4].

Рейтенфельс (Reutenfels) Яков, годы рождения и смерти неизвестны, курляндский дворянин, автор записок о Русском государстве XVII века. Известно, что его отец состоял при дворе польского короля Яна II Казимира. В 1670–1673 гг. жил в Москве. Благодаря своему дяде — врачу царя Алексея Михайловича — имел доступ ко двору. В 1674 г. Я. Рейтенфельс находился в Риме, где при помощи кардинала Распони подал три проекта относительно распространения католичества на Руси. В двух первых проектах он предлагал отправить в Россию миссионеров под видом врачей или инженеров и давал обстоятельные рекомендации, как действовать в России, описывая все трудности, с которыми придется столкнуться.

Третий проект содержал предложение церковной унии, средствами к достижению которой, по мнению автора, было предложение антитурецкого союза, направление в Россию мастеров горного дела и обещание учредить в землях Священной Римской империи компанию для торговли с Россией[5]. Не имея успеха в Риме, Я. Рейтенфельс перебрался в Тоскану и был приветливо принят великим герцогом Козимо III Медичи, которому в знак благодарности перед отъездом в Польшу преподнес свое сочинение. Оно было составлено около 1676 г. Им заинтересовался некий знатный германец и снял с него копию, которую в свою очередь уступил книгопродавцу Фрамботти. Последний в 1680 г. в Падуе опубликовал сочинение Я. Рейтенфельса под заглавием

---

[1] *Смирнов И.Н.* Пермяки… С. 20.

[2] Обзор сведений о Золотой Бабе в западноевропейской и русской литературе см.: *Трубецкой Н.С.* К вопросу о Золотой Бабе // ЭО. 1906. Кн. 1–2. С. 56–65; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях… С. 114–119.

[3] *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии… С. 43–45; *Хорошкевич А.Л.* Герберштейнинана сегодня // Ziga Herberstain — Сигизмунд Герберштейн. М., 2000.

[4] *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 131.

[5] *Пирлинг П*. Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса. Тексты документов перевел *Алексей Станкевич* // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1906. Кн. 4. С. 1–7, 16, 21.

«О событиях Московских Светлейшему Герцогу Тосканскому Козимо III»[1]. Его сочинение содержит описание территории, населения, политического и экономического строя, административного устройства, судопроизводства Московского царства и т.д. Автор дает портреты целого ряда политических деятелей того времени, например А. С. Матвеева, С. Полоцкого и др.[2]

В его сочинении некоторое место уделено финно-угорским народам, в том числе и народам коми. Например, в главе 17 книги 3 «О языке и науках» он пишет, что «*в московской области Мордве, а также и в Вятке и Перми, или Беармии, граничащих с лапландцами, долгое время держалась своя особая азбука, в общежитии называемая азбукою епископа Стефана*»[3]. Это высказывание интересно тем, что свидетельствует об известности в Москве азбуки ***Стефана Пермского*** еще во времена Алексея Михайловича. Хотя здесь Я. Рейтенфельс ошибается, ибо стефановская азбука никогда не употреблялась мордвой, а также жителями Вятского края.

В следующий раз автор обращается к этим народам в книге 4, где дает описание местностей, упоминаемых в царском титуле. По его сведениям, «*Пермь — также громадная область, с городом Пермью, прозванная русскими Великою, и изобилует всем, кроме хлеба. Жители ее едят вместо хлеба сушеную рыбу и багный корень. Опираясь на палку, они быстро несутся по снегу на двух деревянных сандалиях в три локтя длиною, устраивают облавы и охотятся всегда удачно на скифских соболей, белок и прочих зверей. Кажется, это, как и самоеды, остатки древних финнов и земголы, которые в 830 году под именем беармийцев, умея колдовать и будучи совершенно, впрочем, безоружными, обратили в бегство датского короля Регнера с войском*»[4].

Здесь представляет интерес упоминание автором лыж, которые им названы «*деревянными сандалиями*», причем во всей книге лыжи упоминаются только у жителей Перми. Далее он дает описание Удории и Печоры как областей, «*границы коих также широко раскинуты, живет народ, соблюдающий в пище, одежде и во всем своем образе жизни величайшую простоту. По берегам реки Печоры тянутся длинным хребтом весьма высокие горы, которые русскими зовутся "Поясом земли". По этим горам водятся, говорят, совершенно черные соболи, знаменитые своим мехом, белые соколы и высокие кедры, похожие на можжевельник. Обитатели этих областей сохранили свой дедовский язык, но немного понимают и по-русски*»[5].

Крупное место в ряду источников по истории России в период царствования Ивана Грозного занимают «*Записки о Московии*» ***Генриха Штадена*** (Henrich von Staden 1542–?). Как пишет М.П. Алексеев, «*он представляет тип типичного авантюриста, переменившего на своем веку монжество различных профессий*»[6]. В них мы находим интересные географические сведения о Московском государстве и, что особенно интересно для нас, о его северных и северо-восточных окраинах, б в том числе о Коми крае.

Г. Штаден родился около 1542 г. в маленьком вестфальском городке Ален в семье местного бюргера Вальтера Штадена. Родители его готовили к духовной карьере, но некий несчастный случай, угрожавший ему уголовным

---

[1] *Reutenfels J.* De rebys Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tetrium. Patavii MDCLXXX. Typis Petri Mariae Frambotti Bibliopol.

[2] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. Падуя, 1680 г. / пер. с лат. Алексей Станкевич. М., 1906. Историю русских изданий текста см.: *Шокарев. С.* Введение // *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу… / Утверждение династии. М., 1997. С. 417.

[3] Там же. С. 340.

[4] Там же. С. 398.

[5] Там же. С. 399.

[6] *Генрих Штаден.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Перевод и вступительная статья И.И. Полосина // Записки прошлого. Воспоминания и письма / под ред. С.В. Бахрушина и М. Цявловского. М., 1925; *Островский Д.* Вновь открытое описание России XVI века // Исторический вестник. 1905. № 5. С. 539–544; *Полосин И.И.* Новый источник по истории Русского Севера // Север. 1928. № 7–8. С. 50–56; *Алексеев М.П.* Сибирь в описаниях... С. 155.

преследованием, заставил Г. Штадена скрыться из родного города[1]. Он нашел пристанище и работу в Любеке. Позднее, в январе 1559 г., он перебрался в Ригу. Шла Ливонская война, ожидалась осада города войсками Ивана Грозного, и в городе царила паника. Поэтому Г. Штаден покидает Ригу и скитается по Ливонии, позднее получает должность приказчика на мызе Вольгартен. Пытается заняться торговлей. Но в это время Ливония снова становится полем битвы, на этот раз между братьями — шведским королем Эриком XIV и Иоанном, герцогом Финляндским.

Г. Штаден ограблен, он нищий. В 1563 г. он вторично попадает в Ригу, а оттуда переходит в польский Вольмар. Из этого города польские отряды часто совершали набеги на пограничные русские области, в частности на Юрьевский уезд, недавно отошедший к Москве (1558 г.). Г. Штаден некоторое время принимает участие в подобных набегах на русские земли. Но ему снова не везет, он оказывается в тюрьме, ибо повздорил с сообщниками из-за добычи. Через некоторое время, выйдя на свободу, он покинул Ливонию и решил перебраться за рубеж, в таинственную и заманчивую Московию.

Так судьба забросила бедного вестфальца в столицу бурно развивавшейся Московской Руси на целых 12 лет. Он становится толмачем в Посольском приказе, получает поместный оклад, поместье, а также двор на Москве и, как иноземец, право «*курить вино, варить пиво и ставить мед*». Так Г. Штаден занялся обычным для иноземца занятием — корчемством. Однако, не довольствуясь этими доходами, он завязывает связи с местными купцами-промышленниками и сборщиками мягкой рухляди с инородческих окраин Московского государства и начинает заниматься меховой торговлей. У него появляются друзья и покровители в окружении И. Грозного.

В 1570 г. Г. Штаден в качестве опричника принимал участие в Новгородском походе и «*погроме*». В это время отдельные опричные отряды, отрываясь от царской ставки под Новгородом, уходили далеко на север, доходя даже до берегов Студеного моря, оставляя после себя кровавые следы. Генрих Штаден, подобрав свой собственный отряд-дружину, предпринял самостоятельный поход и отличался грабительскими набегами на мирные русские монастыри и посады. Выйдя из Москвы в царском отряде с одной лошадью, он вернулся с табуном в 27 голов, да 22 лошади пришли в санях, с верхом заваленных награбленным добром[2].

Во время набега крымского хана Девлет-Гирея в 1572 г. на Москву он теряет все свое добро и покидает столицу. Г. Штаден пытался наладить мукомольное дело на Волге: в Рыбной Слободе (Рыбинске) он заводит мельницу. Но вскоре оттуда переезжает в Поморье (1574–1575 гг.). Интерес к Поморью, проявленный вестфальцем-авантюристом, понятен. Здесь, от Холмогор и Колы через Вологду и Каргополь, проходили главные торные торговые пути из «*еуропских стран*» на Восток — в Шемаху и Персию, Хиву и Бухару, Индию и Китай. Этот регион долгое время был источником экономической мощи и политической силы Новгородской республики, а после разгрома Новгорода вошел в опричнину.

К 1575–1576 гг. Г. Штаден перебрался в Колу в расчете уехать с товаром за рубеж. Некоторое время выступал торговым посредником между английскими, голландскими, норвежскими и русскими купцами. В эти годы он побывал в Каргополе, Белоозере, Вологде, Пустозерске. Именно здесь Г. Штаден получил сведения о *Печоре* и *Югре*, о путях на Обь, за Урал, о богатствах этого региона, о которых позднее поведал в своей книге.

В навигацию 1576 г. с одним из голландских кораблей Г. Штадену удалось, наконец, покинуть Россию. Сначала он отправился в Копенгаген, оттуда в Германию и Швецию. Там пытался найти поручения для новой поездки в Москву, но неудачно. В конечном счете он осел в Лютцельштайне, в Вогезах,

[1] *Бахрушин С.В.* Предисловие // Генрих Штаден. Записки о Московии. М., 1925. С. 44.

[2] Там же. С. 47.

где по заданию местного пфальцграфа Ганса Георга Вельденцского и написал свое сочинение *«Описание правления и страны Московитов»* и составил проект военной оккупации Колы и Онеги. Штаденское описание Московии, основанное на личных впечатлениях участника и современника событий, а также на устной традиции придворной или народной среды, займет одно из первых мест в ряду Rossica XVI в.[1]

На основе личных впечатлений Г. Штадена сложилось топографо-экономическое описание русского Поморья и описание Москвы эпохи Ивана Грозного. Замечательное, единственное в литературе изображение опричного двора на Неглинной (1565–1571 гг.), сгоревшего во время набега Девлет-Гирея, сделано также по личным воспоминаниям. Его мемуары вызывают интерес благодаря многим деталям характеристики быта и культуры Московской Руси. В них имеются краткие сведения о Перми Великой, обозначенной как Felika Perma, слободка Усть-Цильма — der Bach aus Silma и т.д.

Несколько позднее некоторые сведения о Русском Севере появляются в сочинениях английских путешественников. Это было связано с тем, что во второй половине XVI в. английские купцы активно ищут путь в Индию через Северный Ледовитый океан и таким образом исследуют Европейский Север. Они как бы вновь «открыли» морской путь викингов из Западной Европы к устью Северной Двины. Активность англичан на севере была вызвана постоянными войнами на европейском континенте, что сильно мешало торговле. В 1553 г. капитан Ричард Ченслер (Чанселлор) привел первое английское судно к устью этой реки, на борту которого, кроме различных товаров, находилось английское посольство[2]. Тогда же начинается торговля с Московским государством, которая шла через Белое море и Северную Двину, для чего в Лондоне учреждается «Московская компания». В 1557 г. на Руси побывал Ричард Джонсон, который оставил отдельные заметки о путях сообщениях с Пермью и Обью, а также самоедах[3].

Некоторые сообщения о жителях Перми содержатся в книге ***Джильса Флетчера*** (1548–1610) «*О государстве Российском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны*»[4]. Дж. Флетчер родился в Кенте в 1548 г. Учился в Кэмбриджском университете, имел степень доктора гражданского права, был магистром теологии; ездил с дипломатическими поручениями в Шотландию, Германию, Нидерланды. В 1588 г. он был послан в Москву послом от Елизаветы Английской к царю Федору Иоанновичу для заключения дружественного союза и восстановление торговых отношений Англии с Россией, а также для поддержания перед русским правительством ходатайства английской «Московской компании» о монополии на торговлю с северорусскими портами

[1] *Бахрушин С.В.* Предисловие // Генрих Штаден. Записки о Московии... С. 52.

[2] Записки Чанселлора: открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай. Архангельск, 1998.

[3] *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья I // Прибавления к 8 тому Записок ИАН. 1865. № 1. С. 1–179; Статья II. Прибавления к 15 тому Записок ИАН. 1869. № 2. С. 181–308; Английские путешественники о Московском государстве в XVI в // Иностранные путешественники о России. Л., 1937. С. 13–14, 34–36; *Морозова Л.Е.* Сочинения англичан о России XVI в.: правда или вымысел // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М., 2007. С. 132–154; *Andersen M.* S. Britain's discovery of Russia 1553–1815. L., 1958; *Branch M.* British traveleers among the Samoydes // JSFOu. Vol. 72. 1975.

[4] *Середонин С.М.* Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР. 1870. Кн. 3. Разд. IV; *Он же*. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891; *Флетчер Дж.* О государстве русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским). С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб., 1901; *Титов А.А.* История перевода сочинений Флетчера // Флетчер Дж. О государстве Российском. СПб., 1906; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях… С.196–197. Последнее издание книги см.: Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII века глазами дипломатов). М., 1991. С. 25–138; *Флетчер Д.* О государстве Российском. М., 2002; *Fletcher G.* Of the Russe Common wealth. Cambridge, Mass., 1966.

вплоть до Енисея. Одновременно он должен был уладить дела одного из агентов этой компании, английского купца Марша, наделавшего в России от имени компании значительных долгов[1]. В Россию он прибыл через Холмогоры, а перед тем как покинуть страну, некоторое время пробыл в Вологде.

Посольство Дж. Флетчера не было удачным. Подарки, присланные с ним от королевы Елизаветы царю, были найдены неудовлетворительными и не были приняты царем «*по причине их ничтожности*». В даровании компании монополии было отказано; у нее было отнято право беспошлинной торговли в пределах России; по делу Марша часть предъявленных долговых претензий была переведена на компанию. В Англию члены посольства выехали из Москвы только 6 мая 1589 г., но около двух месяцев прожили в Вологде, ожидая царского ответа на новую грамоту, полученную от королевы Елизаветы I. В середине июля из Москвы был отправлен указ вологодскому воеводе об отпуске посольства в Холмогоры, а оттуда в Лондон.

Вернувшись, Дж. Флетчер подал отчет английскому министерству, а затем в 1591 г. написал подробное сочинение об увиденном и услышанном во время пути и пребывания в России под названием «Of the Russe Common Wealth». О дальнейшей его жизни известно, что он был городским секретарем в Лондоне, рекетмейстером королевы и казначеем церкви св. Павла и что он умер в 1611 г.

Сочинение Дж. Флетчера состоит из 28 глав. В 1–4 главах помещен географический очерк России, в 5–13 главах описано устройство суда, в 15–20 главах — организация войска и быт инородцев, в 21–25 главах — церковное устройство, в 26–28 главах — частный быт русских. При составлении своего труда автор пользовался показаниями других английских купцов, проживавших в то время в Москве, Вологде и Холмогорах, а также сведениями Д. Горсея, одного из агентов лондонской «Московской компании». Он был знаком с сочинениями ***С. Герберштейна*** и ***М. Меховского***. Дж. Флетчер как ученый систематизировал и группировал данные, обобщая и используя их для своих доказательств. Он создал свою во многом соответствующую действительности концепцию расположения политических сил в России.

Управление, общественный быт и народные нравы России нарисованы мрачными красками, но это сочинение содержит в себе, при некоторой односторонности общего взгляда, немало важных сведений, характеризующих сословный и административный строй Московского государства. Именно поэтому оно до настоящего времени считается одним из главных источников по истории России XVI в. Отдельные ошибки и неточности, неизбежно возникшие под пером иностранца, мимолетно посетившего Россию, не умаляют общей ценности источника, по многим вопросам сообщающего единственные дошедшие до нас показания.

Справедливости ради надо сказать, что Дж. Флетчер, несомненно, одаренный человек, ученый, юрист, дал систематическое описание российского феодального общества, административного устройства, русского войска. Его сочинение — ценный источник для изучения права и истории России XVI в.

В его сочинении Пермь и Югра изображаются как места, откуда в Москву поступает пушнина — один из главных предметов торговли между Англией и Москвой. Дж. Флетчер, описывая Московскую Русь, в числе территорий, входящих в ее состав, упоминает земли «*Югорскую, Пермскую, <...> Удорскую, Обдорскую, Кондийскую*»[2]. В числе значительных рек наряду с Волгой, Доном, Двиной упоминает и Вычегду, которая «*также весьма широкая и длинная река: она берет начало в Пермской области и впадает в Волгу*»[3]. Ученый делает непростительную географическую ошибку, так как Вычегда впадает в Северную Двину.

---

[1] *Рогожин Н.М.* Введение // Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII века глазами дипломатов). М., 1991. С. 6–7.

[2] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. М., 2002. С. 17.

[3] Там же. С. 22.

Дж. Флетчер выдвигает этногенетическое предположение о том, что пермяки и самоеды происходят от татар, на что указывает их внешний вид, в первую очередь широкие лица. «*Пермяки почитаются народом очень древним, и в настоящее время они находятся под властью России. Промышляют они звериной ловлею и меховою торговлею».* Правда, он, как и многие европейцы, здесь путается, называя зырян пермяками. По мнению исследователя, «*пермяки и другие народы, живущие на севере и в странах пустынных, получают хлеб из стран, лежащих к югу. Иногда они принуждены бывают печь себе хлеб из корня (называемого Vaghnoy) и из средней коры соснового дерева*»[1].

Он подробно описывает меховой рынок внутри страны, указывая, откуда и какая пушнина поступает в продажу: «*Лучшие собольи меха добываются в областях Печорской, Югорской и Обдорской, а низших сортов в Сибири, Перми и других местах. Черные и красные лисицы идут из Сибири, а белые и бурые из Печоры, откуда получают также белые волчьи и белые медвежьи меха; лучшие меха росомахи вывозят оттуда и из Перми, а лучшие куньи из Сибири, Кадома, Мурома, Перми и Казани. Лучшие рысьи, беличьи и горностаевые меха идут из Галича и Углича, много также из Новгорода и Перми*»[2].

Дж. Флетчер пишет так же о вывозе шкур и кожи, упоминая, что «*лоси самой крупной породы водятся около Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми*». Упоминает о местах добычи соли: «*Соль добывается и во многих других местах, а именно: в Перми, Вычегде, Тотьме, Кинешме, Соловках, Оконе (Ocona), Bobasey и Неноксе, притом все из соляных копей, за исключением Соловков, лежащих близ моря*»[3].

По мнению английского дипломата, области Пермь и Печора, населенные народом, совершенно отличным от русских и говорящим на другом языке, покорены в недавнее время, и то более страхом и грозою меча, нежели действительной силой, так как это народ слабый и бедный, не имеющий никаких средств к защите. Что касается до Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежит царю, то их удерживают тем же простым способом, каким они были покорены, то есть более грозой меча, нежели самым оружием. Во-первых: царь разместил в этих странах столько же русских, сколько там жило туземцев, кроме того, содержал гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдат, но достаточные для удержания аборигенов в повиновении. Во-вторых: местные начальники и судьи все русские и часто сменяются царем, каждый год по два и по три раза, несмотря на то что здесь нечего опасаться какого-либо нововведения. В-третьих: он разделяет их на многие мелкие управления, подобно трости, переломленной на несколько мелких частей, так что, будучи разделены, они не имеют никакой силы, которой, впрочем, не имели и тогда, когда составляли одно целое. В-четвертых, царь заботился, чтобы тамошние жители не имели ни оружия, ни денег, и для того обложил их податями и обирал их.

Из описания Дж. Флетчера видно, что территория, населенная коми, уже находилась в юрисдикции московских царей, а точнее — Ивана IV Грозного и его сына Федора Иоанновича.

Дж. Флетчер полагал, что «*пермяки и самоеды, обитающие на севере и северо-востоке от России, происходят также, как полагают, от татар. Такое заключение подтверждается отчасти их наружностью, ибо у них вообще широкие и плоские лица, как у татар, за исключением только черкесов. Пермяки почитаются народом очень древним и в настоящее время подвластны России. Промышляют они звериной ловлей и меховой торговлей, так же как и самоеды, которые живут далее к Северному морю*»[4]. Эту ошибку автора можно понять, так как для науки того времени вопрос о происхождении коми был открыт и чаще всего западноевропейские

[1] *Флетчер Дж.* О государстве Русском... С. 23.

[2] Там же. С. 24.

[3] Там же. С. 27.

[4] Там же. С. 114.

авторы все нерусское (неславянское) население Московии называли татарами. Такая традиция продолжалась фактически до середины XVIII в., когда финно-угры были выделены в особую, отличную от татар (тюрков) группу народов.

Дж. Флетчер также затронул вопрос о Золотой Бабе: «*Но что касается до рассказа о золотой или яге-бабе, о которой случалось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи, дающей, на вопросы жреца, прорицательные ответы об успехе предприятий и о будущем, то я убедился, что это пустая басня. Только в области Обдорской со стороны моря, близ устья большой реки Оби, есть скала, которая от природы (впрочем, отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях с ребенком на руках (так точно, как скала близ Норд-Капа представляет собой монаха)*»[1].

У этой книги удивительная судьба. Первый раз она была запрещена в Англии, что было связано с тем, что Дж. Флетчер довольно резко отзывается о Борисе Годунове. Свою задачу он видел в том, чтобы изобразить порядки российские как противоположные порядкам английским: «*Русский деспотизм — британская вольность*». Тяжелое бремя тиранического правления в России описывается одновременно с восхвалением политической системы Англии[2]. Это посчитали опасным для будущих торговых и политических контактов. Кроме того, английские купцы боялись конкурентов, ибо именно англичане в тот момент были главными посредниками в транзитной торговле из России. Поэтому первое издание фактически было уничтожено.

В 1848 г. профессор О.М. Бодянский обнаружил английскую версию этой книги в Московском архиве Министерства иностранных дел и опубликовал ее в «Чтениях Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском университете»[3]. Но журнал был изъят из продажи. Причина — описание Дж. Флетчером правления Ивана Грозного. На самом деле причина крылась во вражде между двумя крупными сановниками того времени — министром народного просвещения графом С.С. Уваровым и попечителем Московского университета графом С.Г. Строгановым. Чтобы насолить С.Г. Строганову, который помог напечатать книгу Дж. Флетчера, С.С. Уваров добился запрета и уничтожения тиража, ибо напечатанное сочинение изображало в мрачных красках прошлое России и оскорбляло патриотические чувства[4]. С.С. Уварову все удалось: С.Г. Строганов получил высочайший выговор и вышел в отставку. Вместе с тем секретарь Общества профессор О.М. Бодянский был снят с этой должности и переведен из Московского университета в Казанский. А так как туда он отказался уехать, то был вынужден уйти в отставку.

Известный общественный деятель середины XIX в. А.В. Никитенко, бывший в то время цензором, записал в своем дневнике: «*Строганов, по выражению Гоголя, “нагадил” Уварову, Уваров — Строганову. Это в порядке вещей на Святой Руси, где такие явления между государственными людьми только доказывают обычную и глубокую безнравственность, к которой все привыкли. Но за что погибла книга Флетчера, книга, полезная для нашей истории? За что пострадал секретарь Общества Бодянский, которого велили удалить в Казань?*»[5]

Упомянутыми выше именами круг средневековых источников, которые могут быть полезны исследователю традиционной культуры коми, не ограничивается. Здесь названы основные авторы, которые так или иначе пытались, с одной стороны, собственными ис-

---

[1] *Флетчер Дж.* О государстве Русском... С. 114.

[2] *Рогожин Н.М.* Введение // Проезжая по Московии… С. 9.

[3] *Бодянский О.М.* Д. Флетчер. О государстве Российском // ЧИОИД. 1848. Вып. 1.

[4] В Российской национальной библиотеке имеется цензорский экземпляр этого издания, а также женевское издание сочинения Флетчера на русском и французском языках.

[5] Записки и дневники А.В. Никитенко. СПб., 1905. Т. 1. С. 379.

следованиями расширить знания географии того времени о Севере Европы, а с другой стороны, включить полученные сведения в европейскую географическую литературу. Часто они пользовались информацией из третьих рук, слухами, ибо сами не имели по ряду причин возможности побывать в этих местах.

На первое место в этих сочинениях выдвигаются сведения о местоположении Перми (Биармии), путях сообщениях с этим регионом, богатствах (в первую очередь о пушнине, игравшей главную роль в средневековой торговле с Севером) и языческих (нехристианских) верованиях. Здесь же возникают те основные исторические легенды, связанные с Русским Севером, например о Биармии, Золотой Бабе, которые остаются дискуссионными и до нашего времени, несмотря на широкое обсуждение этих проблем в течение трехсот лет (XVIII–XX вв.).

Ситуация начинает меняться в самом конце XVII — начале XVIII в., когда при молодом царе Петре Алексеевиче Московская Русь становится более открытым государством и Петр начинает нуждаться в специалистах, которые бы помогли ему изменить государство, осознать его просторы и богатства. Многие из них, побывав на Руси, возвращались в Европу и приносили с собой уже достаточно достоверные, почти научные данные об этом загадочном государстве. И одним из первых такие сведения о народах коми появляются в сочинениях ***Избранта Идеса*** и ***Адам Бранда***.

В 1692 г. из Москвы в Китай было отправлено посольство во главе с Избрантом Идесом. Одним из его участников был Адам Бранд. Путешествие в Китай, пребывание в Пекине и обратный путь продолжались почти три года. По возвращении из Китая И. Идес и А. Бранд опубликовали в Западной Европе свои записки о посольстве[1]. Их сочинения можно считать последними западноевропейскими источниками периода Нового времени, в которых уделено некоторое место описанию коми-зырян. В литературе Избранта Идеса обычно именуют просто Избрант; однако издатели его сочинений, а также все западноевропейские переводчики считают, что Избрант — имя, а Идес — фамилия автора «Записок»[2]. В настоящее время он именуется чаще всего Идесом, чтобы избежать путаницы со своим спутником и коллегой Брандом, у которого по случайному совпадению очень похожая фамилия. Кроме того, в русской исторической традиции эти два сочинения обычно публикуются вместе. В отечественных исследованиях первого из них часто называют Елизарием на русский манер.

Эверт Избранд (Исбрандт) Идес, или, как его звали на Руси, Елизарий Елизарьев сын Исбрандт, происходил из голландской семьи, в XVII в. переселившейся в Германию, в Шлезвиг-Голштинию. Он родился и был крещен в 1657 г. в Глюкштадте. Известно, что в 1687 г. И. Идес проживал в Гамбурге, где вел торговые операции. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что в числе прочего он торговал с Россией, совершив свое первое плавание в Архангельск в 1677 г., еще в 20-летнем возрасте. В 1688 г. по царскому указу ему был уплачен 71 рубль с полтиной за различные купленные у него для двора вещи. В указе упоминаются шляпы со страусиными перьями, изделия из серебра, слоновой кости, хрусталя.

С 1677 по 1687 г. И. Идес вел торговлю с Россией, проживал в связи с делами то в России, то за границей, в 1687 г. был еще в Гам-

---

[1] *Эбергард Избраннедес.* Путешествие и журнал по указу Великих государей, Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай И.Э. посланником в 1692 году, марта 14 // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. II. Часть. VIII. М., 1789. С. 360–475; *Идес Избрант, и Бранд Адам*. Записки о русском посольстве в Китай / вступ. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. М., 1967; *Hundt M.* (Hg). Beschreibung der dreijahrigen chinesischen Riese. Die russische Gesandtschaft von Moskau nach Peking 1692 bis 1695 in Darstellungen von Eberhard Isbrand Ides und Adam Brand. Stuttgart, 1999. Об истории издания этого сочинения см.; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях… С. 519; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению… Вып. I. С. 84–86.

[2] *Henning G.* Reiseberichte über Sibirien von Herberstein bis Ides // Mitteilungen des Vereins fur Erdkunde zu Leipzig, 1950. Leipzig, 1906. S. 312–394.

бурге, а с 1687 по 1692 г. жил почти безвыездно в Москве[1]. Он, будучи крупным коммерсантом, занимал видное положение в Немецкой слободе в Москве и входил в ее высшие круги, которые, как известно, были близки к царю Петру, был знаком с ним. Видная роль И. Идеса в Немецкой слободе, крупные связи, близость к царю способствовали посылке его с правительственным поручением в Китай[2]. Он был заинтересован в этой поездке еще и потому, что надеялся поправить свои расстроенные дела, так как у него были значительные долги. Он рассчитывал на значительный финансовый успех. Но поездка его в Пекин, по-видимому, была все же предприятием частным, государство только оказывало содействие, ибо в официальных актах не сохранилось никакого упоминания об отношении правительства к миссии Избранта Идеса.

Некоторые данные заставляют предполагать, что в отправке миссии в Китай во главе с И. Идесом существенную роль сыграл ***Н. Витсен***. Они были знакомы и переписывались, а сведения И. Идеса были использованы Н. Витсеном. Еще в 1690 г. Н. Витсен прислал Петру из Амстердама карту Северо-Восточной Азии. Она была составлена им в 1687 г., к ней прилагался разработанный проект развития торговли с Персией через Каспийское море и с Китаем — через Сибирь. В начале 1691 г. Н. Витсен обратился к царю с письмом, в конце мая ему был дан ответ, вскоре, еще до конца года, последовали челобитная И. Идеса и резолюция царя отправить Избранта послом в Китай[3].

После возвращения из Китая он продолжил свою деятельность в России. Известно, что Петр Великий в 1698 г. передал ему исключительные права на печатание в Нидерландах книг и карт о России и Сибири. Однако в Нидерланды он не вернулся[4]. Известно, что он строил в 1697–1698 гг. корабли для Петра в Воронеже. Позднее под Москвой у него был оружейный завод, он поставлял русской армии порох и т.д.[5] Но со временем он переносит свою кораблестроительную деятельность из Воронежа в Архангельск, который пока оставался главным морским портом России[6].

Как сообщает С.Ф. Огородников, И. Идес умер в 1708 г. в Вологде[7]. Так закончил свой жизненный путь И. Идес, иноземный купец, приехавший в Россию торговать, совершивший в качестве русского посланника поездку в Китай, осевший на новой родине и отдавший ей свою предприимчивость и опыт. Помощник Петра I и один из промышленных деятелей Петровского времени, И. Идес принадлежал к той многочисленной группе иностранных купцов и наемников, проникших в Россию в поисках наживы или карьеры. Как писал немецкий историк Э. Амбургер, «*Виниус и вскоре обогнавший его Петр Марселис открывают собой галерею предпринимателей, типичных для XVII в. Это в первую очередь купцы, опирающиеся на родственников и деловых друзей в Амстердаме и Гамбурге, а также заводчики, правительственные поставщики, откупщики государственных монополий, торговые агенты иностранных держав в России, иногда используемые царем для дипломатических поручений. <…> Как на последнего представителя этого типа можно указать на Эверта Избранта Идеса, ездившего по приказу царя в Китай, затем поставившего свои собственные оружейные и пороховые заводы, строившего для Петра суда и закончившего свою деятельность торговым комиссаром в Архангельске*»[8].

---

[1] *Казанин М.И.* Предисловие… // Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве… С. 10–12.

[2] Там же. С. 10–12.

[3] Там же. С. 17–18.; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 7.

[4] *Наарден Б.* Николаас Витсен и Тартария // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Т. III. Научные материалы. Амстердам, 2010. С. 120–121.

[5] *Любомиров П.Г.* Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX в.). Л., 1957. С. 53.

[6] *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. 1889. Ноябрь. С. 124, 137.

[7] Там же. С. 68.

[8] *Amburger E.* Fremde Unternehmer in Russland bis zur Oktoberrevolution im Jahre 1917 // Zeitschrift fuer

Русский перевод записок И. Идеса появился в 1788 г. во втором издании «Древней Российской Вивлиофики» Н.И. Новикова[1]. Этим переводом до сих пор пользуются отечественные историки и географы, но, по мнению М.И. Казанина, он совершенно неудовлетворителен[2]. Перевод записок И. Идеса и А. Бранда на европейские языки сделал их известными во многих странах. Они стали значительными памятниками географической и этнографической литературы конца XVII в.[3] А.И. Андреев вообще предлагает считать это сочинение первым этнографическим трудом русского происхождения, хотя и изданным на немецком языке. И в этом он прав, ибо об этом путешествии сохранились отчеты на русском языке[4]. Ценность известий И. Идеса и в том, что он «*описал лишь то, о чем подлинно ведал, и в оном описании, кроме существа, никакого украшения не употреблял*».

Экспедиция И. Идеса до Урала двигалась по хорошо известной в то время дороге через Вологду, Великий Устюг, Сольвычегодск, Кайгородок, Соликамск и далее в Сибирь. Именно здесь в поле зрения путешественника и попали народы коми. Поскольку познания авторов в русском языке были более чем скромными, а на языках коми или других национальных меньшинств они не знали ни слова, мы можем с полным основанием предположить, что все приводимые ими данные были изложением увиденного и услышанного от спутников и других встреченных ими лиц.

Описание И. Идеса о зырянах начинается с прибытием в волость Ужгу[5]. Это название вызвало недоумение уже у исследователей XVIII в. Лучший знаток Русского Севера того времени А. Л. Шлецер, проживавший в Германии, предполагал, что автор здесь ошибается и путает это место с Устюгом[6]. По данным ***А.И Шегрена***, подобная волость существовала[7]. Коми исследователь, скрывавшийся под псевдонимом Чожмор, в 1920-е гг. обратившийся к анализу данных, опубликованных в работе И. Идеса, упоминает одноименный населенный пункт в верховьях р. Сысолы. В XVII в. Ужга была уже волостью и через нее шла зимняя дорога от Сольвычегодска на Кайгородок, то есть на пути, которым следовало посольство[8]. У ***Н. Витсена*** в таблице расстояний между Кайгородком и Сольвычегодском мы также находим Ужгу[9].

Л.П. Лашук приводит жалованную грамоту 1485 г., в которой упоминаются «крещенные сиряне Ужговские», которых он считал одной из верхнесысольских этнотерриториальных групп коми. По мнению И. Идеса, именно отсюда начинается страна зырян, названных им сгренами, народа, «*говорящего на языке, который не имеет ничего общего с московским, а скорее близок к немецкому языку населения Лифляндии; кое-кто из моих спутников, знавших этот язык, понимал многое из местного наречия*». Из этого И. Идес сделал заключение, что этот народ раньше жил по «*Лифляндским и Курляндским границам*».

Firmengeschichte und Unternehmer-Biographie. Baden-Baden, 1957. № 4. S. 339.

[1] Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай, господина Эбергарда Избраннедеса посланником в 1692 году, марта 14 дня // Древняя Российская Вивлиофика, изданная Н. Новиковым. 2-е изд. СПб., 1788. Т. VIII, С. 360–475 и т. IX. С. 381–461.

[2] *Идес Избрант, Бранд Адам*. Записки о русском посольстве… С. 375.

[3] *Казанин М.И.* Издания записок Избранта Идеса и Адама Бранда и материалы о посольстве… // Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве… С. 366–381; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению…. Вып. 1. С. 83–85.

[4] По возвращении в Москву Идес представил в Посольский приказ статейный список своего посольства. Он упоминается А.И. Андреевым, см.: *Андреев А.И*. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. С. 83.

[5] *Идес Избрант, Бранд Адам*. Записки о русском посольстве… С. 56 и далее.

[6] *Schloezer A.L*. Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771. S. 296.

[7] *Sjögren A.J.* Die Syrjaenen, ein historisch-statistisch-phitologischer Versuch // Gesammelte Schriften, Bd. 1. SPb., 1861. S. 314.

[8] *Чожмор (С.А. Попов)*. Избраннедес о зырянах (сгренах) // Коми му. 1928. № I (47). С. 36–39.

[9] *Witsen N*. Noord-en Oost-Tartarye. II. Amsterdam, 1705. S. 844.

Сразу следует оговориться, что здесь автор ошибался, ибо коми язык не относится к германским языкам. Возможно, вместе с ним был кто-то, знавший эстонский, но и он не смог бы понять коми речь. Хотя вопрос этот неоднократно поднимался[1]. Несмотря на эти разногласия, сведения И. Идеса позволяют уточнить западную границу проживания коми на рубеже XVII–XVIII вв. — один день санного пути от Сольвычегодска.

Затем в его записках следует описание этого народа. И. Идес отмечает, что они «*исповедуют православие, являются подданными их царских величеств и платят им положенную дань; однако же не знают никаких наместников или воевод, а выбирают сами себе судей, и если случается им разбирать какое-либо дело большого значения и они не могут его решить, то обращаются в Посольский приказ в Москве, чтобы дело было решено там. По одежде и внешнему облику как мужчины, так и женщины мало отличаются от русских*».

По поводу происхождения народа коми он приходит к заключению, что «*народ этот в древние времена из-за войны или других причин попал сюда с лифляндской или карельской границы. Некоторых из них я из любознательности расспрашивал об их происхождении, но они не могли дать мне никакого представления о том, пришли ли их предки из чужих стран или нет; не могли также они объяснить, почему их язык не имеет ничего общего с русским*».

Далее следует описание земель (величины и расположения), населенных коми, а также их жилищ. По данным путешественника, они, кроме тех, которые живут по одной стороне реки Сысолы, промышляют серой пушниной и обрабатывают землю. Занимаемая ими территория довольно велика и простирается до Кайгорода на 70 чумкасов. Чумкас же равняется большой немецкой миле. У них нет крупных поселений или городов, и они живут в основном в маленьких деревнях, разбросанных в обширных лесах. Дома их такие же, как у русских.

Здесь мы видим свидетельство распространения на Русском Севере неопределенной коми народной старинной меры для обозначения расстояния — *чомкос*. Это слово обозначает дистанцию между двумя охотничьими избушками *чом*. Н. Витсен приравнивал чумкас к пяти верстам или одной немецкой миле и указывал, что это слово зырянское, но одновременно употребляемое и пермяками[2]. Далее следует описание пути через Урал и данные о Соликамске.

По сравнению с тем что мы знаем об ***Избранте Идесе***, биографические сведения об ***Адаме Бранде*** несравненно беднее[3]. Он пользовался некой известностью лишь на своей родине — в Голштинии — и в Северной Германии. А. Бранд был уроженцем г. Любек. Даты рождения и смерти неизвестны. Он с молодых лет занимался торговыми делами в Москве. Известно, что он сопровождал И. Идеса в Китай, но неясно, в качестве кого он ездил в это путешествие (возможно, в качестве секретаря посольства). В предисловии к первому изданию своих записок А. Бранд пишет: «*Среди как немецких, так и русских моих спутников нашлось несколько человек, взявших на себя обязанность описать путешествие. Кончилось же дело тем, что они свалили всю работу на меня, не отказывая при этом мне в дружеской помощи*».

Между И. Идесом и А. Брандом, видимо, не было особенно близких отношений. А. Бранд упоминает об И. Идесе хотя и часто, но очень холодно и официально; И. Идес же совсем не упоминает А. Бранда. «*Перед отъездом из Китая*, — повествует А. Бранд во втором издании своей книги, — *просил я господина посла об увольнении, чтобы мог из любознательности путешествовать дальше по Китаю до страны Могола, а оттуда через*

[1] О сходстве языка коми с балтийскими языками см.: *Sjögren A.J.* Die Syrjaenen... S. 314.

[2] *Witsen N.* Noord-en Oost-Tartarye. Bd. II. S. 844; *Unverzagt G.-J.* Die Gesandschaft... von Gross-Russland und den Sinesischen Kayser. Lubeck, 1725. S. 26.

[3] *Казанин М.И.* Предисловие… // Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве… С. 29–30.

Батавию в Голландию на родину, но счастье мне на этот раз не улыбнулось, так как господин посол, чтобы не отвечать за меня перед его царским величеством, отказался уволить меня, вследствие чего я вынужден был вместе с ним ехать обратно в Россию»[1].

Вскоре по возвращении в Москву А. Бранд уехал за границу, на родину, в Любек, где снова занимался торговлей. Больше он никогда в Россию не возвращался. Известно, что некоторое время он состоял коммерции советником прусского короля Фридриха I. Первое издание своих записок о путешествии в Китай А. Бранд выпустил в Гамбурге в 1698 г. В 1712 г. вышло второе издание его книги, которое, как считают некоторые исследователи, утратило характер сообщений о непосредственно увиденном благодаря вставкам из чужих сочинений, в том числе из записок И. Идеса[2].

Адам Бранд дает несколько иное, чем И. Идес, описание Зырянского края. У А. Бранда эта земля ассоциируется с густым, большим и темным лесом, раскинувшимся на 800 верст (или 160 немецких миль) и достаточно населенным[3]. В деревнях и местечках живет народ по имени зыряне, тоже православной веры. Русские к ним относятся, как немцы к гренам или вендам.

Но самое ценное его замечание — это описание празднования Пасхи. Это вообще первое упоминание о существовании у коми этого праздника: *«Когда мы туда приехали, повсюду шло большое веселье по случаю Пасхи и повсюду женщины подносили нам красные яички. Во всей России господствует старый и похвальный обычай: не только в этот день, но и четырнадцать последующих каждый, будь он знатный или простой человек, старый или малый, имеет при себе красные яйца. На улицах сидят бесчисленные торговцы вареными и окрашенными в красную краску яйцами. При получении такого яйца нужно женщину приличным образом поцеловать, и не полагается никому, мужчине или женщине, высокого или низкого положения, отказать в таком поцелуе при вручении крашеного яйца. Когда люди встречаются на улице, то приветствуют друг друга поцелуем в губы и говорят по-русски “Христос воскресе”, на что другой отвечает “Воистину воскрес”. И если случится, что русский окажет вам честь приглашением в гости и гость не почтит находящихся в доме женщин поцелуем, то это сочтут не только глупостью, но и большим оскорблением. Когда обычай исполняется по всем правилам (но женщин при этом касаться не полагается, руки должны оставаться опущенными по бокам), то гостю кроме дружеского угощения в благодарность преподносят чарку водки*»[4].

Таким образом, первые сведения о предках современных народов коми появляются в ходе знакомства и постоянного освоения человеком субарктической ойкумены на Европейском Севере. Этот процесс сопровождался не только хозяйственным освоением этой территории коми и русскими, но и кратковременным пребыванием на Севере различных торговцев, путешественников и авантюристов, искателей приключений (арабов, скандинавов, позднее англичан и голландцев). В этот период через Европейский Север пролегали два транзитных пути: 1) северо-восточный отрезок великого восточного супохутно-водного пути, пролегшего от Англии и Скандинавии до Урала и далее на восток и юг, который проходил по рекам бассейна Северной Двины, Онеги, Мезени, Печоры, Камы, Оби; 2) морской путь вокруг Скандинавии в Белое море и к устью Северной Двины, освоенной к середине XVI в.

Все это приводило, с одной стороны, к расширению географического знания, исторического пространства, а с другой стороны — к возрастанию интереса к «*чужеродному*» в этнокультурном и конфессиональном

[1] *Brand Adam*. Neu vermehrte Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise... Berlin, 1712, S. 263–264.

[2] *Казанин М.И.* Предисловие…С. 31.

[3] *Идес Избрант, Бранд Адам.* Записки о русском посольстве… С. 66.

[4] Там же.

плане. В ходе такого познавательно-колонизационного процесса информация об этой территории и народах, ее населяющих, постепенно изменяется. Бывшая на первых этапах информация скорее мифологическая, чем реальная, со временем, к концу XVI — XVII в., она становится все более реальной. Если первые сведения о народах этого региона трудно идентифицируются в этническом отношении, то к концу этого периода они становятся более реальными, появляются понимаемые этнонимии, топонимы, в том числе и первые этнографические описания народов коми. К началу XVIII в. был накоплен существенный объем разносторонних сведений о народах коми, не всегда еще достоверных и доброжелательных, но включавших их в сферу научного знания.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ДОСТОВЕРНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КОМИ В РУССКОЙ НАУКЕ. XVIII в.

Становление профессионального научного подхода к изучению народов коми связано с именем голландского государственного деятеля, ученого, друга Петра Великого ***Николааса Витсена*** (Nicolaas Cornelisz Witsen, 1641–1717).

Н. Витсен происходил из знатного амстердамского купеческого рода, представители которого славно потрудились на благо родного города и Отчизны. Его отец был образованным человеком, юристом, одно время возглавлял голландскую Ост-Индскую компанию. В 1656 г. Н. Витсен сопровождал отца в Англию, где познакомился со многими государственными деятелями. Позднее он изучал математику, астрономию и философию в прославленной школе Атеней в Амстердаме, занимался поэзией, а также совершенствовал свои знания в гравировании, которое использовал в своих научных исследованиях и кораблестроении[1]. Затем продолжил образование в Лейденском университете, где в 1664 г. получил степень доктора права. Образование полагалось завершить путешествием, и Н. Витсен был прикомандирован к свите голландского посольства Якоба Борейля, с которым в 1664–1665 гг. совершил поездку в Московию и пробыл в Москве около года.

Эта поездка в Москву не была чем-то чрезвычайным. В XVI–XVII вв. голландцы поддерживали достаточно тесные торговые отношения с Московским государством. Поэтому посольства Нидерландской Республики с известной регулярностью посещали Москву. Кроме того, представителей голландских торговых компаний интересовали сведения о Московии, ее природных ресурсах и богатствах, в первую очередь находящихся в Сибири, недоступной европейцам. Купцы голландской Ост-Индской компании к этому времени поняли, что добираться до Азии морским путем чрезвычайно опасно и долго, попытки найти более короткий путь через Северный Ледовитый океан ни к чему не привели. Москва же контролировала любые попытки попасть в Сибирь и далее Китай. В публикациях и картах Н. Витсена путешествия по Сибири и Центральной Азии становятся одной из главных тем. А чтобы получать информацию с обширной территории, он создает широкую сеть корреспондентов в Западной Европе, России и Азии.

---

[1] *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 517–521; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 426–438; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 88–95; *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. С. 10–32; *Максимова Р.И., Трисман В.Г.* Предисловие // Николаас Витсен. Путешествие в Московию. 1664–1665: дневник / пер. с староголланд. В.Г. Трисман. СПб., 1996. С. 6; *Keuning J.* Nicolaas Witsen as a cartographer // Imago Mundi. 1954. Bd. 11. S. 95–110; *Наарден Б.* Николаас Витсен и Тартария // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Т. III. Научные материалы. Амстердам, 2010. С. 35–137.

Результатом его пребывания в России стало составление дневника, в котором нарисована яркая, живая, хотя и не всегда беспристрастная картина России того времени, увиденная глазами иностранца. Автора дневника отличают острая наблюдательность, свежесть ума, юмор, юношеская непосредственность и откровенность. Дневник был богато иллюстрирован автором[1]. Как оказалось, эта поездка была лишь предвестником возникновения большого научного интереса Н. Витсена к Московскому государству. До самой кончины он собирал научные материалы об этой загадочной для европейцев стране. Позднее этому также способствовало знакомство с Петром I в 1697–1698 гг., когда Правительство Нидерландов поручило Н. Витсену принять и сопровождать Петра I в Голландии, в его поездках в Гаагу и Утрехт. Вместе с ним участвовал в публичных приемах послов, в празднованиях, давал советы при отборе людей на службу в Россию. Поскольку царь хотел брать уроки мореплавания и навигации, учиться проектированию кораблей, искусству гравирования, то Н. Витсен рекомендовал ему преподавателей. От имени города Н. Витсен подарил царю полностью оснащенный корабль, который Петр назвал «Амстердам». В ответ Н. Витсен на долгое время становится доверенным лицом русского царя. Он получает доступ ко многим закрытым материалам. Все это легло в основу его обширного научного сочинения о России — книги «*Северная и Восточная Тартария…*», снабженной подробной картой региона. Это произведение, которое можно назвать грандиозной научной компиляцией на тему России, было напечатано в 1692 г.[2] В.Г. Мирзоев назвал это произведение «*образцовым сочинением исследователя издалека*»[3]. В предисловии ко второму изданию книги Н. Витсен написал, что посвятил 25 лет своей жизни подготовке первого издания и еще десять лет ушло на переработку для второй публикации. До настоящего времени его сочинение считалось просто книгой. Но голландский исследователь творчества Н. Витсена Б. Наарден считает, что на самом деле она прилагалась в качестве обширного комментария к его одноименной карте[4]. Третье издание вышло через много лет после его смерти, в 1785 г., в двух томах, с картой Сибири и было дополнено 100 иллюстрациями, которых не было в первых изданиях. Этот труд основан, с одной стороны, на обширной литературе, а с другой — на многочисленных сообщениях, которые поступали в Амстердам от самых различных лиц. Как пишет сам Н. Витсен, «*почти 28 лет назад я ездил в Россию, и так как я находился там только ради своего любопытства, то вошел в сношения не только с русскими, но и с татарами всех родов. Там я впервые получил сведения о Московии и отдаленных стран. И с тех пор я не прекращал добывать сведения разными способами и нашел путь пересылки и получения писем из самых северных и северо-восточных частей света из самой Тартарии, а также Московии, Астрахани, Сиби*ри, *Персии, Грузии, и т.д. Я собрал томы журналов и реестров, в которых были названия гор, рек, городов, а также большое число рисунков, которые были сделаны по моему указанию, в них изображены те земли, о которых я упоминал. Именно на основе этого фонда, который я собираю много лет, сравнивая и проверяя все материалы и продолжая беспрерывно их собирать, составлена карта Тартарии*»[5]. Русские корреспонденты предоставляли ему не только информацию, основан-

---

[1] Более подробно о рисунках Н. Витсена и их истолковании как историко-культурного источника см.: *Кирпичников А.Н.* Россия XVII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1996.

[2] *Witsen N.* Noord en Oost Tartarie, behezende eene Beschryving van verscheldene Gewesten, in de Noorder en Oestelykste Deelen van Asien en Europa, zedert naauw keurig onderzoek van veele Jaaren , en eigen onderwin dig outworhen, beschreven,geteekent, en int licht gegeven, door Mr Nicolaas Witsen, Burgemeester te Amsterdam, etc. etc. etc. Amsterdam, 1692. (Второе издание в 1705 г.); Русское издание: *Николаас Витсен.* Северная и Восточная Тартария. Амстердам. 2010. Т. I–III.

[3] *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963. С. 10.

[4] *Наарден Б.* Предисловие // Николаас Витсен. Северная и Восточная… Т. 1. С. 8.

[5] *Witsen N.* Noord en Oost Tartarie… Предисловие к читателям. Цит. по: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири... Вып. 1. С. 93–94.

ную на личных впечатлениях, но и копии ряда документов. Из его переписки с ***Г.В. Лейбницем*** можно узнать, что в качестве его корреспондента выступал и Петр Великий[1]. Таким образом, книга Н. Витсена представляет собой колоссальное собрание географических, этнографических и лингвистических данных об огромной территории, постиравшейся от Волги до Тихого океана и от Каспийсого моря до Ледовитого океана. Н.П. Копанева называет этот труд хрестоматией, в которой собраны сведения об этой территории от античных авторов до западноевропейских и русских современников Н. Витсена[2]. Но у этого компендиума был один недостаток — собранный гигантский материал был расположен достаточно хаотично и затруднял пользование им.

Одним из первых в России к труду Н. Витсена обратился ***Г.Ф. Миллер***, который опубликовал сводку сведений о самоедах (ненцах). Столкнувшись с проблемой поиска материалов по конкретным народам, позднее он предпринял попытку составить указатель к первому и второму изданию этого сочинения[3]. А.П. и Н.П. Копаневы сегодня аргументированно доказывают, что эти материалы, опубликованные Г.Ф. Миллером, не являются работой этого ученого. На самом деле это переводы Ж.-Н. Делиля и Х.Н. фон Винсгейма, сотрудников Петербургской академии наук[4]. После возвращения из сибирской экспедиции Г.Ф. Миллер неоднократно обращался к этим переводам.

Один из русских исследователей творчества Н. Витсена И.И. Тыжнов отмечал, что «*некоторая бессистемность произошла, может быть, вследствие расположения материала по мере того, как он его получал*»[5].

Составив на основе полученных русских сведений карту Тартарии (Сибири), Н. Витсен первым в Западной Европе дал достаточно достоверное изображение огромного Российского государства на рубеже XVII–XVIII вв.[6] Эта книга удостоилась похвалы ученых современников, сравнивавших этот труд с «*открытием Нового Света Колумбом*». Значение книги Н. Витсена — в том, что она познакомила европейский ученый мир с новой историко-лингвистической информацией и дала толчок к изучению Евразии. Это сочинение обогатило западноевропейскую историографию о России новыми правдивыми сведениями, но в то же время утвердила в ней те ошибки, которые были допущены Н. Витсеном[7]. К большому сожалению, это ценнейшее сочинение о России XVII в. не было переведено не только на русский, но и на другие европейские языки.

Этому мешало несколько обстоятельств. Во-первых, язык, на котором была издана книга — нидерландский (староголландский)[8]. Во-вторых, как пишет Б. Наарден, Н. Витсен опасался, что из-за большого количества све-

---

[1] О русских адресатах Н. Витсена см.: *Зиннер Э.П.* Сибирь в записках… С. 12–13; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению… С. 58–62; *Копанева Н.П.* Земли Приобья в описаниях XVIII в.: Николаас Витсен // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница: материалы междунар. симп. Екатеринбург, 2006. Ч. 1: Академические исследования северо-западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. С. 258–268.

[2] *Копанева Н.П.* Земли Приобья… С. 258–268.

[3] Sammlungen Rusichen Geschichte. SPb., 1733. Bd. 1. Th. 3. S. 222–272.

[4] *Копанева А.Н., Копанева Н.П.* Северная и Восточная Тартария Н. Витсена в России XVIII в. // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т. III. С. 154–158.

[5] *Тыжнов И.И.* Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVII века // Сибирский сб. (Приложение к «Восточному Обозрению» 1887 г.) СПб., 1887. С. 134–135.

[6] *Катанов Н.Ф.* Голландский путешественник Николай Витзен и труд его о России и Сибири // Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те за 1900 г. / Изв. ОАИЭ. 1901. Т. 17. Вып. 4. С. 248–249; *Водарский Я.Е.* Книга Н. Витсена «Северная и восточная Татария» как источник по исторической географии России конца XVII в. // Проблемы исторической географии и демографии в России. М., 2007. Вып. 1. С. 221–244.

[7] Обзор ошибок Н. Витсена и вероятность их происхождения см.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению… Вып. I. С. 89–91.

[8] *Копанева Н.П.* О принципах публикации русского перевода Северной и Восточной Тартарии // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т. III. С. 25–33.

дений о неизвестных землях, путях сообщениях и т.д. книгу могут засекретить как российская власть, так и руководство Ост-Индской компании. Поэтому он препятствовал распространению первых двух изданий своего сочинения. И лишь третье издание 1785 г., самое полное по своему составу, выкупленное у наследников Н. Витсена, начало распространяться книготорговцем. Но к этому времени сочинение стало историко-информационным фактом, ибо многие сведения, известные только Н. Витсену, или подтвердились, или были отвергнуты в трудах российских ученых в ходе их путешествий по Северу и Сибири.

Несмотря на то что Н. Витсен специально не занимался сравнением языков, собранные им фактические лингвистические материалы — небольшие словари, отдельные слова — способствовали обогащению сведений о финно-угорских языках и народах, в том числе о коми[1]. Н. Витсен, по-видимому, первым отделил зырян от пермяков. Например, он говорит о Перми Великой, *Groot Permia*, и пермяках, *Permakken*, с одной стороны, и о зырянах, *Zirianen*, и Зырянской стране, *Zireners Land*, — с другой. На своей карте он попытался определить места их расселения: вокруг Перми Великой и соответственно с севера от пермяков располагаются зыряне, с юга — башкиры, на западе — Вятская земля, а на востоке — земля вогуличей, *Landshap vogulits*. В его книге впервые появляется относительно точная географическая привязка Коми края — области зырян (*Zirianen*, или *Sireners*), которая располагается на 64º северной широты[2]. В настоящее время территория расселения коми-зырян тянется с севера на юг с 62º по 64º северной широты. Эта область расположена «*недалеко от Вычегды, рядом с Сибирью*», и иначе ее называют «*Волость Ужга (Wollost Usgy)*». По мнению Н. Витсена, зыряне в давние времена попали сюда из Карелии (*Corelen Land*), из Финляндии или Лифляндии в результате войны или других обстоятельств, о чем однако не существует сведений и преданий. Он отмечает у зырян особый язык, который не имеет ничего общего с русским: «*Язык народа зырян, области, расположенной на 64^0, отличается от московитского языка*»[3]. По его мнению, он похож на лифляндский, а также несколько на пермский и остяксий языки. Кроме того, Н. Витсен упоминает о деревянных идолах, которым поклоняются зыряне, как и вогуличи, остяки. Рассказывает он и о пермяках, которые проживают в Великой Перми и населяют многолюдные деревни, богатые хлебом, скотом и рыбой; описывает охоту, рыболовство, торговлю с зауральскими народами. Голландский ученый знал, что у пермян в прошлом был древний алфавит и собственная письменность, от которой сохранилась лишь «церковная письменность». Слышал он и о Стефане Пермском, которого пермяне «убили стрелами и содрали с живого кожу»[4]. А.И. Копанева предполагает, что эта информация о зырянах и пермяках была получена Н. Витсеном от Фредерика Крижанича[5].

Фредерик (Юрий, в монашестве Августин) Крижанич (1618–1683), хорватский религиозный деятель, богослов, историк и филолог, писатель, публицист, прожил трудную жизнь. Одни называли его предателем и шпионом, другие — энциклопедически образованным ученым. Он учился в Загребе, Вене, Болонье, в коллегиуме Св. Афанасия (Св. Анастасия) в Ватикане. В 1642–1646 гг. занимался миссионерской деятельностью в западнославянских землях в пользу католической церкви. В это же время увлекся идеей славянского единства. Пропагандируя идею панславизма, он предлагал объединить всех славян под властью русского царя, но духовной эгидой Папы Римского. Будучи истинным и убежденным католиком, он вошел в исто-

[1] *Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. С. 200–201.

[2] *Witsen N.* Noord en Oost Tartarie… P. 627–628.

[3] Ibid. P. 776.

[4] Ibid. P. 687, 776, 800, 811, 816.833. 856.

[5] *Копанева А.Н.* Сведения о финно-угорских народах в «Северной и восточной Тартарии» Николааса Витсена // Памяти академика А.И. Шегрена. СПб., 2007. С. 76.

риографию как певец славянского единства[1]. Для выполнения этой миссии — сплочения славян «*на основе просвещения и литературного сближения*» при дворе Алексея Михайловича — Ю. Крижанич в 1659 г. через Польшу и Украину отправляется в Москву. Там он начинает создавать грамматику русского и «всеславянского» языков, а также писать «всеславянскую историю». Несмотря на все это, он был принят достаточно холодно, ибо в нем видели «папского соглядатая» и в конце концов сослали в Тобольск, где он находился в 1661–1676 гг. После смерти Алексея Михайловича Крижанич вернулся в Москву, а затем выехал в Польшу. Там он принял монашество и стал иезуитом. Погиб в знаменитой битве Яна Собеского с турками под Веной. Ю. Крижанич, будучи автором большого сочинения «Relatio de Sibiria», владел определенными сведениями об этнографии и лингвистике Московского государства.

Не отрицая этого, я позволю не согласиться с А.И. Копаневой. До этого только один человек писал о родстве коми-зырянского и т.н. «лифляндского» языка — это ***Эверт Избрант (Исбрандт) Идес***. Они были знакомы, переписывались, и Н. Витсен использовал его данные о путешествии в Сибирь в своем компендиуме издания 1705 г.[2] Кроме того, Н. Витсен опубликовал в Голландии его книгу с посвящением Петру Великому с 29 гравюрами. Некоторые из них позднее он использовал в своем сочинении[3]. Именно Э.И. Идес впервые выдвинул подобную гипотезу, описав зырян как народ, «*говорящий на языке, который не имеет ничего общего с московским, а скорее близок к немецкому языку населения Лифляндии; кое-кто из моих спутников, знавших этот язык, понимал многое из местного наречия*»[4]. Насколько это соответствует действительности, судить трудно. Возможно, здесь идет речь об эстонцах или ливах, которые действительно проживали на территории, которая была известна как Лифляндия (Ливония в русской транскрипции) и выходцы из которой уже населяли Русь. Вообще, живописание зырян Н. Витсена напоминает описание Э.И. Идеса во многих деталях, включая редкое упоминание волости Ужга, о которой впервые говорит Э.И. Идес и которую не знают более поздние писатели и исследователи.

В книге Н. Витсена приведен анонимный перевод молитвы «Отче наш» на коми языке на основе кириллицы. Несмотря на то что он сильно искажен, тем не менее это один из ранних образцов вновь возникающих текстов на коми языке после долгого периода забвения стефановских переводов[5]. Он же говорит о родстве языка «пермяцкого народа» с языком хантов и манси. По версии ученого, эти народы когда-то составляли единый «пермяцкий» народ, но в ходе крещения некоторая его часть бежала на Обь, где стала называться хантами и манси и продолжала сохранять язычество; их язык — «ломаный пермский». Сегодня сложно найти источник, на основе которого построены его рассуждения, ибо это родство достаточно дальнее, и уже в витсеновские времена они не понимали друг друга, хотя и проживали рядом. Говоря о значении исследований Н. Витсена для сравнительно-исторического языкознания, надо отметить, что, по-видимому, он был первым, кто обратился к сравнению одинаковых текстов на

---

[1] *Бессонов П.А.* Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православный благовестник. 1870. № 1, 2, 4, 5, 11, 12; *Епифанов П.П.* Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич // Вопр. истории. 1953. № 10. С. 18–36; *Пушкарев Л.И.* Об оценке деятельности Юрия Крижанича // Вопр. истории. 1957. № 1. С. 77–86; *Гольдберг А.Л.* Идея славянского единства в сочинениях Юрия Крижанича // ТОДРЛ. Л., 1963. Т. 19. С. 373–390; *Пушкарев Л.И.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.

[2] Об этом см.: *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России. М., 1902. Вып. 1. С. 131, 140, 143, 177, Приложение. С. 19–27.

[3] *Наарден Б.* Николаас Витсен и Тартария… С. 120–121.

[4] *Идес Избрант, Бранд Адам.* Записки о русском посольстве… С. 56. и далее.

[5] *Witsen N.* Noorden en Oost Tartarye... Bd. 2. Amsterdam, 1692. S. 811. Текст молитвы приведен З.И. Кузнецовой в: *Кузнецова З.И.* Обзор памятников коми письменности XVIII в. // ИФС. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 228.

разных языках. Для этого он использовал переводы на языки различных народов, обитающих в России, молитвы «Отче наш». В настоящее время можно утверждать, что он воспользовался предложением ***Г.В. Лейбница*** о получении подобного материала через Петра I, использовал его в своей книге, в то время как немецкий ученый привел эти сведения только в ходе общетеоретических разысканий[1]. Позднее, в XVIII в., этот прием широко применялся в российской лингвистике.

В начале XVIII в. почти одновременно в научных кругах России, Германии и Швеции возникает «идея о финно-угорском родстве», которая постепенно становится предметом серьезного исследования[2]. У истоков этой многообещающей гипотезы стоял ***Готфрид Вильгельм Лейбниц*** (1646–1716), крупнейший немецкий ученый, математик, философ, лингвист, историк, который впервые обосновал генеральную идею классификации языков на основе их генетического родства[3]. Он резко выступил против распространенной в то время теории моногенетического происхождения всех языков из древнееврейского, первым осознав необходимость выяснения родственных отношений между языками на основе серьезных этимологических разысканий. Отсюда и появляется высказанная им идея о связи истории языка с историей народа: «*Племенные различия народов ничем лучше не могут быть определены, как посредством языка, их сходств и родства*»[4]. Впервые в целом виде эта теория была опубликована в книге «Новые опыты о человеческом разуме» в 1704 г. В ней он, в частности, пишет: «*Так как языки вообще являются самыми древними памятниками народов, возникшими до письменности и искусств, то они лучше всего свидетельствуют об их происхождении, родстве и переселении. Вот почему правильно понятые этимологии были бы крайне интересны и важны, надо только сопоставлять языки нескольких народов и не делать слишком больших скачков от одного народа к другому, очень отдаленному, не имея для этого надлежащих оснований*»[5]. Он ратовал за то, чтобы записать все языки мира, составить словари и грамматики, что позволит произвести их сравнение.

Г.В. Лейбниц знал, что для решения вопроса о родстве языков и происхождении народов необходимо исследовать громадное степное пространство от Карпат до границ Китая. Не имея возможности самому пройти этот путь, он через своих корреспондентов старался получить как можно больше филологического и этнографического материала. Чтобы удовлетворить свою любознательность, он заводит переписку со всеми лингвистами, которые владеют языками и народами Восточной Европы и Азии, особенно с теми, которые или побывали, или имели контакты в Польше и России. Именно с этой целью он внимательно расспрашивал путешественников и дипломатов, искал контакты со шведскими, голландскими и польскими учеными, ратовал за создание научного центра в России.

В своей переписке Г.В. Лейбниц начинает часто упоминать о России в 1690-е гг.[6] В это время, как видно из его писем Н. Витсену и Ю.Г. Спарвенфельду, «русский вопрос» начинает все больше привлекать его[7].

---

[1] *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому. По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке // Герье В.И. Лейбниц и его время. СПб.,1871. Т. 2. С. 41–42.

[2] *Терюков А.И.* Швеция и становление современного финно-угроведения в конце XVII — начале XVIII в. // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. СПб., 2008. С. 5–18.

[3] О деятельности Г.В. Лейбниц как финно-угроведа см.: *Герье Вл*. Лейбниц и его время. СПб., 1868–1871. Т. 1–2; *Томсен В.* История языкознания до конца XIX века. (Краткий обзор основных моментов.) М., 1938. С. 44–45; *Погребысский И.Б.* Готфрид Вильгельм Лейбниц. 1646–1711. М., 1971; *Schulenburg S., von.* Leibniz als Sprachforscher. Frankfurt-am-Main, 1973; *Stipa G.J*. Finnish-ugrische Sprachforschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus // MSFOu. 1990. Vol. 206. S. 159–164; *Gulya Janos*. Das 18 Jaharhundert und Sibirien // UAJ. NF. Bd. 11. S. 193–195.

[4] *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России… С. 12.

[5] *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л., 1936. С. 240–249.

[6] *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России… С. 6.

[7] *Пекарский П.П.* Переписка Лейбница о славянских наречиях и древностях // Записки ИАН.

Осознавая, что составление словарей и грамматик требует непомерного труда и значительного числа подготовленных людей, он предлагал сделать подстрочные переводы на разных языках одинакового текста и составить списки самых употребительных слов. В 1692 г. Г.В. Лейбниц в обращении к польскому иезуиту и лингвисту Кохановскому о присылке ему сведений о языках «*внутренней Скифии*» впервые ставит вопрос о переводах молитвы «*Отче наш*» на разные языки. В 1698 г. Г.В. Лейбниц предпринимает попытку встретиться с «Великим посольством», в составе которого находился Петр I. В письме к графу Палмери, сопровождавшему ганноверского курфюрста, который должен был передать вопросы Ф. Лефорту, он пишет: «*Я желал бы узнать различные подробности <…> насчет этнографического различия подвластных ему народов. <…> Что же касается до различия народов, то я очень желал бы получить образчики тех наречий в России, которые совсем различаются с русским языком, например наречий черкесских, сибирских, языка черемисов, калмыков и т.п. Может быть, через это мы бы узнали, из какой части Сибири вышли гунны и венгры*»[1].

В письме Ф. Лефорту Г.В. Лейбниц вновь поднимает наболевший вопрос: «*Я прошу образчиков всех языков, которые употребляются народами, подвластными царю. Я разумею языки, которые совершенно не сходные с русским, а для этих образчиков, по моему мнению, было бы лучше всего перевести "Отче наш" и составить список самых обыкновенных слов на каждый из этих языков*»[2]. В ходе переписки с Францем и Петром Лефортами выясняется, что в Московии существует 27 языков, «*до такой степени различных, что ни один из них не понятен жителям даже соседних областей*». И, как отвечали его корреспонденты, вопрос в том, что переводы невозможны в связи с незнанием языков народов России.

Видя, что дело не двигается, он обращается к посредничеству ***Н. Витсена***, чтобы получить через Петра I подобные материалы на языках народов России. На некоторое время Н. Витсен становится посредником между ним и московским царем[3]. А книга Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» становится основным источником для его лингвистических разысканий. Именно через Н. Витсена немецкий ученый начал получать материалы из Москвы. Как пишет В.И. Герье, вопросом сбора подобного материала и переводами молитвы ведал глава Сибирского приказа А. Виниус, который распорядился об их подготовке на местах[4].

Другим его консультантом по славянским и финно-угорским языкам стал Ю.Г. Спарвенфельд[5]. ***Юхан Габриель Спарвенфельд*** (Sparfvenfelt, Sparwenfeld J.G., 1655–1727) — шведский дипломат, филолог, историк, один из крупных шведских государственных деятелей кануна Северной войны. Происходил из дворянской среды, окончил Упсальский университет. В 1677–1682 гг. совершил путешествие по Европе. В 1684 г. в составе шведского посольства прибыл в Москву, где оставался в течение трех лет в качестве королевского стипендиата. Выучил русский язык, собирал материалы по русской истории, географии, книги и рукописи. Вывез из Москвы значительное количество лингвистических материалов, которые легли в основу большого латинско-славянского словаря — Lexicon Slavonicum. При его жизни словарь остался неопубликованным и был издан Уллой Биргегорд в наше время[6].

---

[1] *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России… С. 11–12.

[2] Там же. С. 13.

[3] Сборник писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому СПб., 1873. С. VII; *Пекарский П.П.* Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 25–32.

[4] *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России… С. 31.

[5] *Wessel Katri, von.* Leibniz und das Finnisch-Ugrische in seinen Brifwechsel (Teil I) // UAJ. NF. Bd. 18. 2003–2004. S. 67–102.

[6] *Биргегорд Улла*. Первый шведский славист // Баренц-журнал. 2009. № 1. С. 18–24. О словаре см.: *Алексеев А.А., Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI–XVII вв.: старшая разновидность. Л., 1989; *Birgegard U.* Johan

Его интерес к русскому языку не был случайным. С середины XVI до начала XVIII в. Московское государство и Шведское королевство вели бесконечные войны за гегемонию на Балтике, которые завершались обменами посольствами и заключением мирных договоров. Обе стороны стремились к получению сведений друг о друге, пытались создавать словари и разговорники[1]. В 1689 г. по распоряжению короля Юхана III он отправляется в новое путешествие по Европе в поисках «старинных свео-готских памятников», которое продолжалось пять лет и в ходе которого он посетил Париж, Ватикан, Испанию, Алжир, Тунис, Египет. Позднее состоял на службе на различных придворных должностях. Был знаком с Г.В. Лейбницем и переписывался с ним с 1696 г.[2] Их переписка закончилась после начла Северной войны, когда, с одной стороны, они оказались «*по разные стороны баррикад*», а с другой стороны, Ю.Г. Спарвенфельд прервал свои контакты с русскими знакомыми.

В 1696 г. в письме к нему немецкий ученый писал: «*Я полагаю, что Пермяки, различные сибирские народы и т.п. говорят на языках, не сходных с языком Русских. В языке первых заметили ливонские слова. Это утверждает меня в убеждении, что все народы от Лапонцев до Татар, живущих за Каспийским морем, родственны по своему происхождению (d'une rase approchante) и что к ним нужно отнести Финнов, Эстонцев, Ливонцев, Пермяков, Самоедов и даже Венгерцев, которые живут между Сибирью и Каспийским морем*»[3]. И хотя Ю.Г. Спарвенфельд не оставил нам связного текста по истории и языкам финно-угорских народов, его вклад в становлении финно-угроведения очень велик.

К началу 1700-х гг. у Г.В. Лейбница уже сложились определенные представления о том, что по языкам можно лучше всего различать народы. На основе собранных данных он предпринял первую попытку рассмотреть многообразие европейских и азиатских языков[4].

Необходимо сделать одно замечание. В этот момент наука характеризуется стремлением к поиску классификационных типологических схем как в естественных, так и в гуманитарных науках. Исходя из этой идеи, он разделил языки на три большие группы: арамейские (семитские), кельтские (индоевропейские) и скифские (включив в их число тюркские, славянские и финно-угорские)[5]. Позднее, 9 августа 1708 г., он писал Урбиху, одному из своих коллег, следующее: *«Значительная часть народов в Европе и Азии вышла из областей, подвластных теперь царю. Поэтому такие исследования особенно возможны. До сих пор знаю в Скифии только три языка очень распространенные: 1) Сарматский, на котором говорят русские, словаки, поляки, богемцы и пр.; 2) Татарский, на котором говорят турки, калмыки, монголы; 3) Финский употребляется Лапонцами, Финляндцами, Венгерцами и простирается за пределы Каспийского моря. Я не знаю, есть ли в России другие языки, столь распространенные, и куда отнести множество отдельных наречий, например, язык Самоедов, Сибиряков, Мордвы, Черкесов и Черемисов*»[6].

Первые конкретные данные, подтверждающие эти гипотезы, были собраны ***Даниилом***

Gabriel Sparfvenfelt and the Lexicon Slavonicum; his contribution to the 17th centry Slavonic lexicography. Uppsala. 1985 // Вопросы языкознания. 1993. № 1–3. С. 147–151.

[1] *Некрасов Г.А.* Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей. IX–XVIII вв. М., 1993. С. 85–89, 136–138.

[2] См., например, *Gottfried Wilhelm Leibniz*. Sämtliche Schriften und Briefe. Bd. 8. Berlin, 2005. S. 141–159; 445–448, 500–501 и т.д.

[3] *Герье В.* Отношения Лейбница к России… С. 41.

[4] *Чучмарев В.И.* Г.В. Лейбниц и русская культура. М., 1968.

[5] *Лейбниц В. Г.* Новые опыты… С. 244.

[6] *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России… С. 71; *Richter L.* G.W. Leibniz und sein Ruslandbild. Berlin, 1946. S. 75–87; Барон Иоганн Кристоф фон Урбих (1653–1715) — выходец из Тюрингии, с 1703 г. на службе Петра I. 1707–1712 гг. — русский посол в Вене, один из источников Г.В. Лейбница по русским делам, именно через него немецкий ученый представил в Петербурге план распространения наук в России и создания Академии наук с университетом.

Готлибом Мессершмидтом (1685–1735) и ***Филиппом Иоганном Таббертом фон Страленбергом*** (1671–1747) в ходе т.н. Первой Камчатской, или Сибирской, экспедиции 1720–1728 гг.[1] Этнолингвистические и картографические данные, собранные в ходе этого путешествия Д.Г. Мессершмидтом среди коми-пермяков и удмуртов, можно считать первыми достоверными научными данными об этих народах. Янош Гуя считает, что автором всех материалов является Ф.И. Страленберг, обосновывая свой вывод тем, что они присутствуют в его книге[2]. Но данный вывод ошибочен, так как их автором является Д.Г. Мессершмидт. Как показывают сохранившиеся в архиве Академии наук рукописи Д.Г. Мессершмидта, часть из которых, в первую очередь касающиеся сибирских народов, была опубликована лишь в 1962–1977 гг., Ф.И. Страленберг лишь воспользовался сложившейся ситуацией и первым их опубликовал, тогда как Д.Г. Мессершмидт не смог этого сделать в силу независящих от него условий. Тем не менее мы остановимся на описании имеющихся сведений в трудах обоих путешественников.

Об известном путешествии ***Даниила Готлиба Мессершмидта*** до революции было написано довольно мало[3]. Интерес к нему как исследователю возник только в советское время, когда деятельность этого ученого стала объектом специальных разысканий[4]. Это было связано с тем, что он был достаточно противоречивой фигурой в истории русской науки. Реабилитация Д.Г. Мессершмидта произошла после публикаций М.Г. Новлянской[5]. Тогда же Академиями наук СССР и ГДР были изданы дневники его путешествия на немецком языке с соответствующими комментариями[6]. Хотя полной научной оценки деятельности этого ученого не существует до настоящего времени.

Даниил Готлиб Мессершмидт (Messerschmidt Daniel Gotlib, 1685–1735) родился в г. Данциг (Гданьск, Польша) в семье мелкого чиновника[7]. Известно, что в 1706–1713 гг. Д.Г. Мессершмидт учился в университетах Йены и Галле, где в основном изучал естественные науки и классические языки. В Университете Галле он числился студентом медицинского факультета. Это подтверждают книги из его собрания, сохранившиеся в Библиотеке Российской академии наук[8]. Надо отметить, что г. Галле в то время был одним из

---

[1] *Новолянская М.Г.* Филипп-Иоганн Страленберг. М.; Л., 1966; *Она же*. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по истории Сибири. Л., 1970; *Напольских В.В*. Дважды забытый (Д.Г. Мессершмидт — первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 4. С. 146–156; *Он же.* Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск, 2001; *Pallas P.S.* Nachricht von D.G. Messerschmidts siebenjahrigee Raise in Sibirien // Nordische Beytrage zur physikalischen und geographischen Erd- und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. SPb., 1782. Bd. 3. S. 97–158.

[2] *Гуя Я.* Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. С. 58–59.

[3] *Евгений (Болховитинов)*. Словарь русских светских писателей. Т. 2. М., 1845; Материалы для истории Академии наук. Т. 1. СПб., 1885; Т. 6. СПб., 1890; *Пекарский П.П.* Ведение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 350–362; *Он же.* Наука и литература в России при Петре I. СПб., 1862. С. 300–362.

[4] *Андреев А.И.* Материалы по этнографии Сибири. XVIII в. // Советский Север. № 3. 1939. С. 73–83; *Он же.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век. (первая половина). М.; Л., 1965. С. 39–40; *Бондарский М.С*. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947. Вып. 1. С. 93–95; *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (XVIII в.)... С. 13–19.

[5] *Новлянская М.Г*. Д.-Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири // Изв. Государ. географич. об-ва. 1962. Т. 94. № 3. С. 231–239; *Она же.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970; *Винтер Э.* Научное исследование Сибири в петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д.Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727). М., 1971.

[6] *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibiria 1720–1727. Tagebuchfufzeichnungen. Teile 1–5. Berlin, 1962–1968.

[7] *Новлянская М.Г*. Даниил Готлиб Мессершмидт… С. 7; *Messerschmidt D.G*. Forschungsreise durch Sibiria. Teile 1; *Напольских В.В.* Удмуртские материалы… С. 15–25.

[8] *Беляева И.М.* Редкие книги в фонде Библиотеки РАН из собрания Д.Г. Мессершмидта // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 22–26.

главных центров изучения России и Востока в Германии, и эта атмосфера, по-видимому, повлияла на его научные интересы[1]. В 1713 г. он окончил университет и получил степень доктора медицины. Некоторое время занимался медицинской практикой в родном городе. Здесь молодой ученый познакомился с профессором Иоганном Филиппом Брейном, основателем Музея естественной истории в Данциге. Позднее Д.Г. Мессершмидт назвал его своим научным учителем, прививший ему стремление к познанию окружающего мира. В 1716 г. профессор И.Ф. Брейн представил Д.Г. Мессершмидта Петру I как ученого, который мог бы заняться исследованием естественных богатств Российской империи. В 1718 г. немецкий ученый прибыл в Петербург, посетив по пути Финляндию. Согласно контракту, подписанному с Академией наук, он должен был ехать в Сибирь для занятий «*a) географией страны, b) натуральной историей, c) медициной, лекарственными растениями и эпидемическими болезнями, d) описанием сибирских народов и филологией, e) памятниками и древностями и f) вообще достопримечательностями*»[2]. А уже 15 ноября того же года появляется Указ Петра I «*О посылке доктора Мессершмидта в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корения и семян и прочих принадлежащих статьей*»[3], а сам ученый был причислен к Медицинской канцелярии Петербургской академии наук. На основе этого документа он должен был изучать географию страны, естественные богатства, этнографию и исторические памятники. В сентябре 1719 г. в свите посольства князя Л. Измайлова, направленного Петром I в Китай, Д.Г. Мессершмидт отправляется из Москвы в Сибирь через Казань, Хлынов (Вятку), Соликамск, Верхотурье в Тобольск. Здесь ему было разрешено взять в помощь «*швецких арестантов обер-офицера Ивана Филиппова Табберта и унтер-офицера Даниила Каппеля*».

Д.Г. Мессершмидт работал в Сибири с 1720 по 1727 г., проводил систематические сборы в области ботаники, зоологии, минералогии, истории, археологии и этнографии на обширной территории от Волги до Енисея. Собранные им данные отличались новизной и занимательностью, были интересными для XVIII в. Как позднее отмечал академик ***Г.Ф. Миллер***, принимавший материалы экспедиции Д.Г. Мессершмидта в составе специальной комиссии академиков, результаты его путешествия «*превзошли все ожидания*». Но они заслуживают более пристального изучения, являясь, по сути, первоисточником наших сведений по языкам и этнографии народов России[4]. Кроме того, он стоял у истоков и археологического изучения Сибири. Именно Д.Г. Мессершмидт интересовался происхождением того большого собрания древностей, которое сегодня известно как «Сибирская коллекция Петра I»[5].

Сведений о народах коми он, по-видимому, собрал во время своего пребывания в Соликамске. Там он был дважды, в 1720 г. по пути в Тобольск и в 1725–1726 г., когда, следуя в Петербург, он пробыл в этом городе около восьми месяцев. Пермяцко-остяцкие числительные, местоимения и существитель-

---

[1] *Winter E*. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Ruβlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 290–302.

[2] *Пекарский П.П.* Ведение в историю просвещения… С. 351.

[3] *Мессершмидт Д.Г.* Sibiria perlustrata // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 98, оп. 1, № 1, л. 6 об.

[4] Об этом см.: *Титова З.Д.* Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.-Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып. 8. (Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 107.) С. 5–14.

[5] Более подробно об этом см.: История археологического исследования Сибири. Омск, 1990; Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири. Омск, 1992; *Матющенко В.И.* История археологических исследований в Сибири (до конца 1930-х гг.). Омск, 1992; *Курочкин Г.Н.* Большая охота за сибирским «могильным золотом» // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995. С. 9–17. Общий обзор его археологических материалов см.: *Brentjes Burchard, von.* Dannil Gotlib Messerchmidt — der Pioner der sibirischen Archeologi // UAJ. NF. Bd. 8. S. 137–138.

ные присутствуют в его рукописи, озаглавленной «*Vocabularium polyglotton Tattaricum adornatum a Daniele Gottlieb Messerschmidt med. D. in itineribus per Sibiriam et circumjacentem Tattariam Magnam ab A. 1720 usquam a 17*»[1]. Частично они приведены в рукописи Д.Г. Мессершмидта "*Specimen Philologicum Hyperborei*", которая содержит таблицу "*Specimen der Zahlen und Sprachen Einiger Orientalischen und Siberischen Völker…*" и включает ряд этнолингвистических материалов по коми[2]. З.И. Кузнецова, изучавшая рукописи Д.Г. Мессершмидта, опубликовала только названия числительных от 1 до 10 и отметила, что больше в его рукописях ничего нет[3]. Но она ошиблась: в путевых дневниках имеется значительный этнолингвистический материал, который может быть использован для характеристики традиционной культуры коми начала XVIII в. Как отмечает Янош Гуя, эта таблица была составлена в 1720 г. и она фактически аналогична той, которая была опубликована Ф.-И. Страленбергом в 1730 г.[4] Он полагает, что Д.Г. Мессершмидт оказал помощь в составлении подобной таблицы Ф.-И. Страленбергу. Правильнее считать, что эти таблицы были составлены в Тобольске на основе материалов Д.Г. Мессершмидта, Ф.-И. Страленберга и тобольских архивов, ибо основное их путешествие еще только начиналось.

В дневниках Д.Г. Мессершмидта, опубликованных В.В. Напольских, имеется следующий пассаж. Рассуждая о языке удмуртов, ученый отмечает: «*Что касается их языка, то я нашел его весьма и весьма схожим с пермяцким на Пелыме и т.д., с которым меня познакомил один крещеный пермяк в 1722 г. в Красноярской у устья Качи на реке Енисее*»[5]. Здесь можно указать на один интересный момент. Ученый пишет о какой-то пермяцкой группе, существовавшей в его время в районе р. Пелым, о которых не имеется сведений сегодня. Из данного фрагмента также неясно, кого он понимает под пермяками.

Д.Г. Мессершмидт возвратился в Петербург в марте 1827 г. Здесь он оказался в центре громкого скандала, когда ученого обвинили в «своекорыстных интересах», а все его материалы были опечатаны. С путешественника была взята подписка, что он не будет ничего публиковать без разрешения академии, т.е. его лишили всех собранных им материалов[6]. Именно этим объясняется то, что его дневники и другие материалы пролежали в академии более 200 лет. В 1729 г. он покинул Россию, но несчастья продолжали преследовать его. Корабль, на котором Мессершмидт возвращался в Германию, затонул, и ученый потерял все оставшиеся у него на руках книги и рукописи. Дома он также оказался никому не нужен, и Д.Г. Мессершмидт принимает решение снова отправиться в Россию, чтобы иметь возможность работать со своими материалами. 1730–1735 гг. он провел в нищете в Петербурге, где и умер. Как написал П.П. Пекарский, «*честный и необщительный доктор считал унизительным для себя просить должного по его заслугам воспомоществования и в последнее время жил при пособии некоторых из друзей, а также Феофана Прокоповича*»[7].

Хотя его имя и было известно ученому миру, сибирская часть его материалов была издана лишь в 1960-е гг.[8] Недавно его записки об удмуртах опубликовал В.В. Напольских[9]. Но большая часть его материалов до настоящего времени не опубликована. Анализ высказанных Д.Г. Мессершмидтом идей в области финно-угроведения был недавно дан В.В. Напольских[10]. Из записей ученого видно,

---

[1] Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 98, оп. 1, № 35, л. 12 об. — 20 об.

[2] Там же, № 36.

[3] *Кузнецова З.И.* Обзор памятников коми… С. 228–229.

[4] *Гуя Я.* Краткий очерк истории… С. 59.

[5] *Напольских В.В.* Удмуртские материалы… С. 79.

[6] Их общий обзор см.: *Новлянская М.Г.* Д.Г. Мессершмидт… С. 157–179.

[7] *Пекарский П.П.* Ведение в историю просвещения… С. 362.

[8] *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibiria…

[9] *Напольских В.В.* Удмуртские материалы… С. 123–130.

[10] Там же.

что он одним из первых в европейской науке, в российской частности, отметил родство удмуртов, черемисов (марийцев), мордвы, пермяков с вогулами (манси) и остяками (ханты), а также с самоедами и тунгусами (сходство их наречий, обычаев и т.д.)[1]. То есть он предвосхитил теорию урало-алтайского родства, более серьезно разработанную ***М.А. Кастреном*** спустя почти 100 лет. Д.Г. Мессершмидт был достаточно подготовлен для подобных теоретических изысканий. Так, он полемизирует со шведским историком Олафом Рудбеком Старшим, который в своем труде «Атлантика или родина человечества…» полагает Скандинавию прародиной большинства европейских народов, вышедших оттуда вместе с готами. Сам Д.Г. Мессершмидт считал, что былое место обитания готов, в число которых он включал всех финно-угров, находилось на востоке, в центре Азии[2]. Также им было высказано предположение, что современные финно-угорские и самодийские народы относятся к «*древним гуннам и скифам*». Вообще говоря, именно Д.Г. Мессершмидт впервые предложил классификацию народов Сибири и Поволжья, позднее опубликованную ***Ф.-И. Страленбергом***, который ввел в научный оборот «гуннскую группу» народов, впервые определенную Д.Г. Мессершмидтом.

Филипп Иоганн (Юхан) Табберт фон Страленберг (Philipp Iohann Tabbert von Stralenberg, 1676–1747) родился в небольшом немецком городке Стральзунд (Штральзунд) в Померании, бывшем в то время шведской провинцией[3]. Его настоящая фамилия — Табберт, но в историю науки он вошел как Страленберг. В.В. Напольских предлагает написание этой фамилии как Штраленберг, что с филологической точки зрения правильно, но в данной работе мы будем придерживаться ставшего традиционным в русской науке правописания[4].

Его отец был королевским чиновником — ландрентмайстером-казначеем, мать происходила из богатой бюргерской семьи, позднее получившей дворянский титул. У его родителей было 11 детей, в том числе четверо сыновей. Получив первоначальное образование в местной школе, Филипп в 1694 г. поступил вольноопределяющим в шведскую армию Карла XII. В армии он прошел практическую подготовку в области фортификации, участвуя в строительстве ряда военных объектов и укреплений в Померании. Как пишет А. Стринберг, с 1694 г. он капрал, в 1697 г. уже унтер-кондуктор[5]. В 1701 г. лейтенант Ф.-И. Табберт становится квартирмейстером Зюдермандландского (Сюдермандланского) полка и отправляется на театр военных действий. В 1703 г. за участие в штурме крепости Торн получил чин капитана. В 1706 г. принимает участие в разгроме саксонско-польской армии под Фрауштадтом. За заслуги перед шведской короной 31 января 1707 г. Карл XII возводит его и его брата Мартина, бывшего офицером этого же полка, во дворянство под фамилией Страленберг. В 1709 г. он в чине капитана после Полтавского сражения попал в русский плен.

---

[1] *Напольских В.В.* Удмуртские материалы… С. 81.

[2] *Rudbeck O.* Atland eller Manheim. Atlantica sive Manheim. Upsala, 1679–1702. Bd. 1–4. Цит. по: *Напольских В.В*. Удмуртские материалы… С. 127, 129.

[3] *Новлянская М.Г*. Ф.-И. Страленберг… С. 25–28; *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях… С. 121–136; *Ярош Г.* Ф.И. Табберт-Страленберг — спутник исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта // Изв. Сибир. отд-ния наук. 1968. Т. 1 (136). Вып. 1. С. 68–72; *Ларссон Ларс-Гуннар.* Жизнь Ф.-Й. фон Страленберга и значение его трудов для финно-угорских штудий // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. Чебоксары, 2003. С. 15–18; *Загребин А.Е*. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. С. 52–88; *Stralenberg F.J.* Svenskt biografiskt handelexikon. Stokholm, 1906. Bd. 2. S. 541; *Jarosch G.* Tabbert-Strahlenberg als Reisegefährte Messerschmidt // Quellen und Stulien zur Geschichte Osteuropas. Berlin, 1966. Vol. 15. S. 215–220; *Jarring G.* Strahlenberg in schwediscer Literatur und Wissenschaft, Ein bio-bibliographische Übersicht // UAJ. 1976. Bd. 48. S. 121–123.

[4] *Напольских В.В.* Дважды забытый (Д.Г. Мессершмидт — исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 4. С. 146–156.

[5] *Strindberg A.* Philipp Johann Strahlenberg och hans Karta ofver Asien // Svenska Sälleskapet för Antropologi och Geogrtafi. Geografiska Sektion Tidskrift. 1879. № 6.

Имеются несколько версий этого события. Согласно первой, это случилось сразу поле битвы, когда, не найдя брата в числе солдат, ушедших за Днепр, он вернулся с целью его поисков на русскую сторону, где и был пленен. По второй версии он отступил вместе с Карлом XII под Бендеры, откуда королем был отправлен в Валахию и пленен русскими в Сучаве[1]. По данным Г.В. Шебалдиной, это случилось в конце сентября 1709 г. под Черновцами, когда была пленена основная часть армии Карла XII[2].

Вначале он оказался в Хлынове, а позднее в числе 16 тыс. шведских пленных после попытки мятежа и побега в г. Свияжске под Казанью был отправлен в Сибирь. Начиная с августа 1711 г. Ф.-И. Страленберг провел в Тобольске 13 лет[58]. Его судьбу круто изменил приезд в этот сибирский город в 1720 г. ***Д.Г. Мессершмидта***. Последнему было разрешено использовать в качестве помощников для выполнения поставленных перед ним задач грамотных шведских пленных, находящихся в Сибири «*для искания разных материалов, а как он, доктор, возвратится из низовых сибирской губернии городов, тех швецких арестантов ему, дохтору, объявить в тобольской губернской канцелярии*»[3]. Так «*швецкие арестанты обер-офицер Иван Филиппов Табберт и унтер-офицер Данила Каппель*» стали спутниками доверенного лица Петра Великого и начальника первой русской научной экспедиции.

Сам Ф.-И. Страленберг к тому времени уже обратил на себя внимание местных властей своей любознательностью и стремлением к познанию неведомых земель. Англичанин Джон Белл, еще один иностранный участник экспедиции Льва Измайлова, встречавшийся с нашим героем в Тобольске, позднее писал: «*Капитан Таборт, шведский офицер, в это время писал историю Сибири. Он был джентльменом, весьма способным для такого предприятия; и ежели она когда-либо будет опубликована, она не сможет не дать большого удовлетворения любознательным*»[4]. Ни для кого не было секретом, что он длительное время работал над рукописной картой Сибири, собирал различные естественно-научные и исторические данные. Например, им были составлены 3 варианта карты Сибири, один из которых позднее даже был показан Петру I[5]. Н.Ф. Катанов пишет, что из них сохранилась только одна, последняя версия, две предыдущие были отобраны у Ф.И. Страленберга по приказанию сибирского губернатора князя М.П. Гагарина с запретом заниматься картографией под угрозой высылки из Тобольска на Север. Карта была завершена им только после ареста и казни М.П. Гагарина[6]. В 1730 г. он издал ее в Стокгольме под названием «*Новое географическое описание Великой Татарии как восточной, так и западной, точно воспроизводящее как отдельной части, так и всю территорию в целом вместе со всей Российской империи и в особенности Сибирью*». Сегодня имеются сведения о том, что Ф.И. Табберт-Страленберг некоторое время преподавал в школе, организованной пленными шведами под руководством Курта фон Вреха в этом сибирском городе[7].

---

[1] Эта версия была озвучена его братом Мартином Страленбергом в письме профессору, а позднее академику Петербургской академии наук Г.-З. Байеру от 8 января 1724 г. Цит. по: *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг… С. 27.

[2] *Шебалдина Г.В.* Московские перекрестки полтавских пленников // Шведы в Москве. М., 2002. С. 50–62; Об истории пленения армии КарлаXII см. также: *Долгова С.Г.* Шведские пленные в Москве // Шведы в Москве. М., 2002. С. 45–49.

[3] Об условиях жизни шведских пленных в Сибири см.: *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг… С. 30–31, 47–69; *Загребин А.Е.* Финно-угорские этнографические… С. 54–58.

[4] Цит. по: *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях… С. 139.

[5] *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг… С. 30–31, 47–48.

[6] *Катанов Н.Ф.* Швед Филипп Иоганн Страленберг и его труд об истории России и Сибири // Известия ОАИЭ. Т. XIX. Казань, 1903. Вып. 2. С. 171.

[7] *Черказьянова И.В.* Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России. Российско-германский диалог. СПб., 2001. С. 159. О деятельности К. Вреха в Тобольске см.: *Пекарский П.* Наука и литература… Т. I. С. 133–134; *Грот Я.К.* О пребывании шведских пленных …

Во время путешествия по Сибири с марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. вместе с Д.Г. Мессершмидтом он продолжил свои научные изыскания[1]. В это время в обязанности пленного офицера входили переписка различных бумаг и документов на немецкий и латинский языки, а также ведение официального дневника экспедиции. В течение 14 месяцев он был «*честным, набожным, верным и прилежным помощником*» Д.Г. Мессершмидта в сибирской экспедиции[2]. В это время в Сибири получают указ Петра I о том, что шведские пленные могут вернуться на родину. Ф.-И. Страленберг, несмотря на уговоры Д.Г. Мессершмидта остаться и продолжить путешествие, принимает решение покинуть место ссылки. Его начальник по этому случаю написал: «*Проливая много слез, я простился с красноречивым, прилежным, верным Таббертом, моим единственным другом и подпорою. Теперь я остаюсь без знакомых и помощника; никогда я не забуду моего любимого Таббертa*»[3] . В 1723 г. он был уже в Москве, где ему было разрешено вернуться на родину. После возвращения шведский король Фридрих пожаловал ему чин подполковника, и он был вновь зачислен в Зюдерманландский полк. В 1740 г. назначается комендантом крепости Карлсгам (Карлсхгам), где прослужил до своей смерти. На самом деле эти должности были своеобразной компенсацией со стороны короля за трудности во время пребывания в сибирском плену, ибо он не занимался прямыми служебными делами, посвятив дальнейшую свою жизнь публикации собранных материалов.

В результате этого печального и одновременно счастливого жизненного опыта в 1730 г. в Стокгольме появился его большой литературный труд — «*Северная и восточная часть Европы и Азии, поскольку таковые охватывают все Русское государство с Сибирью и Великую Татарию, представленные в историко-географическом описании древнего и нового времени и со многими другими неизвестными сведениями и с никогда еще не издававшимся "Tabula Poliglotta" 32 различных языков татарских народов, с калмыцким словарем и особенно с большой и точной ландкартой вышеуказанных стран и другими гравюрами на меди, касающихся азиатско-скифских древностей. Собрано и составлено Филиппом Иоганном фон Страленбергом во время пребывания в России в качестве шведского военнопленного на основании личных тщательных расспросов и дозволенных ему дальних путешествий изданный*» на немецком языке[4].

Его книга состоит из двух больших частей. Первая носит название «*Введение в историко-географическое описание древнего и нового времени северной и восточной частей Европы и Азии*». В ней подробно описываются карты, составленные Ф.-И. Страленбергом, приведенные в данном сочинении. В этой части также находятся наиболее интересные для современного исследователя материалы и идеи, которые до настоящего времени обсуждаются учеными-лингвистами и этнографами. Речь идет о 3–4 главах «*Введения*». Первая из них посвящена описанию языков и народов России. Неславянские народы Московского государ-

С. 131; *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях… С. 72–73, 77–79.

[1] О совместном путешествии Ф.-И. Страленберга и Д.Г. Мессершмидта см.: *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг… С. 35–40.

[2] *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг… С. 43.

[3] Цит. по: *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях… С. 122–123; *Пекарский П.П.* Ведение в историю просвещения… С. 355.

[4] *Stralenberg F.J. von.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia in so weit solches das ganze Russische Reich und Sibirien und grossen Tatarey in sich begruffet, in iner Historich-Geographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten, und vielen andem unbekannten Nachrichten vorgestelle, nebst einer noch neimahls ans Licht gegebenen Tabula Polydlotta von zwei und dreizigerley Arten Tatariscvher Völkersprachen und einem Kalmuckischen Vokabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Landcarte von de benannten Länderen und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Scythische Antiqyität betreffen; Bei Gelegenheit der Schwedischen Kriegsgefangenschafft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstatteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget von Philipp Johann von Stralenberg. Stocholm, 1730.

ства вплоть до начала XVIII в. в Европе были известны под именем татар. Именно Ф.-И. Страленберг впервые публично выступил против такого заблуждения, заявив, что оно возникло из-за незнания реальной картины этнического мира Сибири, ибо на этой территории проживает много различных народов. Их описание и классификация на основе сопоставления определенных слов и были изложены Ф.-И. Страленбергом в виде специальной таблицы «*Gentium Boreo-Orientalium Vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum» («Свод языков северо-восточных народов, в просторечии татар»*)[1]. Для этого он сопоставил 60 важных для жизни слов и терминов, таких как «отец», «мать», «род», «огонь», числительные от 1 до 10 и т.д. на 32 языках, и разбил их на 6 групп[2]: 1) народы, составляющие в совокупности обро-венгерскую и финскую нацию, имеющие «*единый диалект*», живущие в Европе и Азии, прародителями которых были гунны, или унны: венгры, финны, вогулы, мордва, марийцы, пермяки, вотякаи остяки; 2) тюркские народности: якуты, чуваши, сибирские татары; 3) народы самодийские (самоедские); 4) народы, «*не состоящие под одним управлением*», но родственные по вере: калмыки, маньчжуры и тангуты или тибетцы; 5) народы южносамодийские, тунгусские, палеоазиатские; 6) кавказские народы[3].

Четвертая глава теоретическая, ибо в ней Ф.-И. Страленберг объясняет методику составления своего «Tabula Polyglotta» и ее значение для изучения древней истории. Так, исходя установленного по таблице сходства языков 1-го класса, он предлагает считать эти языки родственными и что эти народы, проживающие в разных регионах Европы и Сибири, в древности жили в одном месте[4].

Вторая часть, являющаяся по большому счету собственно описанием России, названа автором «*Историко-географическое описание древнего и нового времени северной и восточной части Европы и Азии, и при сем Российской империи, особенно ее северной части*». В ней подробно описывается древняя история России, хотя основной акцент делается на Петровском времени. Она представляет собой исторический обзор.

Переизданное в 1738 г. в Лондоне на английском языке, а в 1757-м в Амстердаме на французском, в 1780-м на испанском, это сочинение надолго сделало Ф.-И. Страленберга главным знатоком Сибири, а его книгу — одним из первых научно достоверных источников по этнографии народов России в западноевропейской историографии[5]. Успеху книги способствовало и то, что в то время в Европе особым вниманием пользовались те сочинения, авторам которых приходилось лично бывать в России. А в начале XVIII в. такими людьми были шведы, занесенные в Московское государство в ходе длительной Северной войны. Вернувшись на родину, многие из них опубликовали свои записки об этом государстве[6]. Ведь в ней впервые опубликованы ре-

---

[1] *Stralenberg F.J.* von. Das Nord- und Östliche Theil… S. 15–50, 55–72.

[2] Характеристику взглядов Ф.И. Страленберга с точки зрения современной лингвистики см.: *Manaster Ramer A., Sidwell P.* The truth about Stralenberg's classification of the languages Norteastern Eurasia // JSFOu. 1997. Vol. 87. P. 139–160.

[3] *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд., доп. и исправ. Л., 1982. С. 62–63.

[4] *Stralenberg F.J., von.* Das Nord- und Östliche Theil… S. 61.

[5] Известия иностранных писателей о народах Восточной Европы. F.J. Stralenberg // Изв. ОАИЭ. 1893. Т. 19. Вып. 3. С. 241–251; *Катанов Н.Ф.* Швед Филипп Иоганн Страленберг и его труд об истории России и Сибири // Изв. ОАИЭ. 1903. Т. 19. Вып. 2. С. 170–174.

[6] Подробно о пленных шведах в Сибири и их значении в знакомстве Европы с Россией см.: *Грот Я.К.* О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // ЖМНП. 1853. № 2. С. 119–178; *Он же.* О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Тр. Я.К. Грота из русской истории. Исследования, очерки, критические заметки и материалы (1846–1890). СПб., 1901. С. 122–137; *Зиннер Э.П.* Известия шведских военнопленных о Сибири // Уч. зап. Иркут. гос. пед. ин-та. Вып. 1961. 18 (10); *Он же.* Сибирь в известиях… С. 70–71; 89–100; *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг... С. 13–24; *Шарыпкин Д.М.* Русские дневники шведов — полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1976. С. 50–85; *Дмитрие-*

альные сведения о крупнейших географических открытиях русских на Востоке, сделанных в течение XVII — начале XVIII в., приведены замечательные картографические материалы, основанные на новейших для того времени данных и т.д. Материалы же его патрона, Д.Г. Мессершмидта, фактически остались неизвестными для науки.

Книга Ф.-И. Страленберга достаточно быстро попала в Россию и стала предметом пристального изучения со стороны российских ученых. Особенно она заинтересовала ***В.Н. Татищева***, который в это время работал над своей «Историей Российской». Они были лично знакомы, впервые встретились в Сибири, а позднее общались во время пребывания В.Н. Татищева в Швеции в 1724–1726 гг.[1] Возможно, что именно В.Н. Татищеву Ф.-И. Страленберг обязан некоторыми своими сведениями по истории России[2]. В.Н. Татищев нашел это сочинение очень содержательным и полезным, хотя и отнесся к нему снисходительно: «*Сей господин издатель по его любопытству и по трудам весьма похвалы достоин и подлинно можно сказать, что он другим подал немалую причину о происхождении и переселениях народов, обретавших в сих странах… и хотя некоторые погрешности в его мнении находятся, однако ж видимо, что то наиболее от недостатка полученных им известий и знания русского и татарского языков*»[3]. Но несмотря на такое мнение, по его поручению некоторые разделы этой книги были переведены на русский язык, а отдельные материалы В.Н. Татищев даже включил в свою «Историю». Им же были составлены и опубликованы на немецком и русском языках примечания к этому сочинению[4].

Книга Ф.И. Страленберга тщательно изучалась ***Г.Ф. Миллером***, который в своей «Сибирской истории» во многих местах полемизирует со шведом, уточняя или опровергая его данные и указывая на неточность и сомнительность некоторых этнографических сведений[5]. Не обошел вниманием эту книгу и ***И.Э. Фишер***, который критиковал лингвистические построения шведско-немецкого ученого (об этом см. в разделе о ***И.Э. Фишере***). В этом есть определенный смысл, так как с лингвистическими идеями того времени, в частности с изучением языков с помощью параллельных типовых текстов, он смог познакомиться только у ***Д.Г. Мессершмидта***. Однако, к большому сожалению, перевод на русский язык этой интересной книги был сделан только в конце XX в.[6]

ва Л.В. Шведы в Тобольске // Скандинавские чтения 2002 г. СПб., 2003. С. 439–443; *Шебалдина Г.В.* Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. М., 2005; *Wreech C.F. v.* Wahrhafte und umständliche Historic von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien... Sorau, 1725; *Hämäläinen A.* Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karls XII über die finnisch-ugrischen Völker // JSFOu. 1937–1938. Vol. 49. P. 1–55.

[1] *Юхм А.И.* Поездка В.Н. Татищева в Швецию (1724–1726 гг.) // Исторические зап. М., 1971. С. 269–335.

[2] *Савельева Е.А.* Русские переводы книги Ф.-И. Страленберга в первой половине XVIII века // Зап. капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого / Сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспятых, В.Е. Возгрин. М.; Л., 1986. Т. 2. С. 230.

[3] *Татищев В.Н.* «Примечания на книгу, учиненную г-ом Страленбергом, имянуемую северной, восточной страны Европы и Азии, печатанной 1730 году в Стокгольме» (Хранятся в отделе рукописной книги Библиотеки РАН. 17.9.7). С. 1–2.

[4] Примечания В.Н. Татищева на книгу Ф.-Н. Страленберга см.: *Попов Н.* В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861. С. 586–589, 709–716. В советское время примечания В.Н. Татищева 1732–1736 гг. были включены в его книгу: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. VII. Л., 1968. С. 379–431.

[5] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 174, 175, 184–188, 221, 247, 248–249 и т.д.

[6] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого / сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспятых, В.Е. Возгрин. М., 1985. Т. 1; М., 1986. Т. 2. Но фактически это издание русского перевода XVIII столетия, который содержит только историческую часть сочинения немецко-шведского ученого. И тогда, и в 1985 г. переводчики прошли мимо лингвистических штудий Ф.-И. Страленберга, изложенных им во введении к книге, которые имеют важнейшее значение для становления современного финно-угроведения.

Книга шведского путешественника действительно была богата новыми для того времени научными сведениями. Ряд используемых материалов он получил от некоторых местных исследователей, например от С.У. Ремезова и его сыновей. Л.С. Берг писал, что «*на основании сибирских источников, главным образом чертежей Ремезова, составлена впервые в 1715 г. в Тобольске шведом Страленбергом карта Сибири*»[1]. «Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова была составлена в 1699–1700 гг. и пользовалась известностью в Тобольске. А.И. Андреев пишет, что патрон Ф.-И. Страленберга, ***Д.Г. Мессершмидт***, имел копии с чертежей (карт) С. Ремезова, хотя оба они ни разу в своих сочинениях и рукописях не упомянули имя тобольского картографа[2]. И.И. Тыжнов считает, что известия Ф.-И. Страленберга о покорении Сибири заимствованы им из т.н. Строгановской летописи[3]. Что-то было собрано им самим, что-то получено от Д.Г. Мессершмидта. Сам Ф.-И. Страленберг открыто пишет в предисловии к своей книге, что «*ожидал возвращения одного моего друга, который провел в тех отдаленных странах больше времени, чем я, с тем чтобы он мог эту мою работу принять на себя, так как он как ученый мог бы ее, вероятно, лучше исполнить. Однако, не имея известий от него и не видя никаких работ, которые были бы выпущены им в свет, он сам решил приступить к написанию книги*»[4] . Бурхард Брентес указывает, что Ф.-И. Страленберг скопировал часть материалов и большинство рисунков из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта, увез их с собой из России и впоследствии опубликовал в своей книге[5]. А.И. Андреев считает, что знаменитый рисунок «чудского письма», опубликованный шведским ученым в своей книге, впервые составлен С. Ремезовым, что видно из сопоставления рукописи Мессершмидта и книги Ф.-И. Страленберга[6].

Тем не менее заслуги Ф.-И. Страленберга важны для развития финно-угроведения как самостоятельной науки. Так, на основе своей «*Tabula Poliglotta*» он впервые показал родство финно-угорских народов, а также высказал идею урало-алтайского родства, предположив, что финно-угры в древности жили вместе с некоторыми сибирскими народами намного восточнее их расселения в XVIII столетии. Поэтому многие современные ученые достаточно высоко оценивают заслуги Ф.-И. Страленберга. Например, Д.М. Насилов отмечает, что «*ему первому удалось дать наиболее точную для своего времени картину языкового мира северо-восточных народов*»[7]. Н.А. Баскаков считал Ф.-И. Страленберга основателем урало-алтайской теории, отмечая, что он впервые обратил внимание на типологическое сходство этих языков[8].

Этот вывод был сделан ученым на основе сопоставительного анализа 60 слов в языках 32 народов, которые включали несколько числительных и такие важные слова, как «отец», «мать», «род», «огонь» и т.д. На языке коми он приводит всего 28 слов, объясняя это утерей части своих дневников. Перечислим эти слова: Ottik (*ӧтик*) — один, Kek (*кык*) — два, Kuim (*куим*) — три, Niall (*нёль*) — четыре, Witt (*вит*) — пять, Kuatt (*квайт*) — шесть, Zzisim (*сизим*) — семь, Kakiems (*кӧкъямыс*) — восемь, Ocekmas (*ӧкмыс*) — девять, Das (*дас*) — десять, scho (*сё*) — сто, Jahn (*ен*) — бог, Mort (*морт*) — 1 человек, Nian (*нянь*) — хлеб, Jay (*яй*) — мясо, Kärr (*кар*) — город, Ma (*му*) — земля, Kizillas (*кодзувъяс*) — звезды, Schonde (*шонді*) — солнце, Schin (*син*) — глаз, Kill (*кыв*) — язык, Tosch (*тош*) — борода, Ку

---

[1] *Берг Л.С.* Открытие Камчатки и экспедиция Беринга 1725–1742 гг. М.; Л., 1946. С. 310.

[2] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению… Вып. 1. С. 147–149.

[3] *Тыжнов И.И.* Обзор иностранных известий… С. 39, 55.

[4] *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг… С. 72; *Stralenberg*… S. 62.

[5] *Brentjes Burchard, von*. Dannil Gotlib Messerchmidt — der Pioner der sibirischen Archeologi // UAJ. NF. 1988. Bd. 8. S. 138.

[6] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению… Вып. 1. С. 148.

[7] *Насилов Д.М.* Об алтайской языковой общности // Тюркологический сб. 1974. М., 1978. С. 103.

[8] *Баскаков Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение. Л., 1981. С. 29–30.

(*ки*) — рука, Lapa (*лапа*) — нога, Tolich (*тӧлысь*) — месяц, Pönn (*пон*) — собака, By (*би*) — огонь, Wow (*вӧв*) — лошадь[1]. К сожалению, неясно, где они были записаны: или на обратном пути из Сибири, или в районе Соликамска, или Вятки; может быть, он услышал их в Сибири. Можно предположить, что эти записи были выполнены им самостоятельно, так как у Д.Г. Мессершмидта количество коми слов намного больше. В его работе есть и другие интересные сведения, например, достаточно подробное описание «Перми Великой», в котором перечисляются земли и уезды, которые входили в ее состав. В.В. Низов, проанализировав эти сведения, пришел к выводу, что они восходят к «Житию Стефана Пермского»[2]. Это замечание позволяет предполагать, что Ф.-И. Страленберг или был знаком с этим произведением, или имел информантов, знакомых с Житием. Кроме того, он впервые приводит современное название народа коми на латинице — *comi*, в то время как остальные исследователи называли этот народ зырянами. В его книге также имеется некоторое количество географических названий с территории обитания народов коми, в частности в разделе, посвященном водным путям, пролегающим в Сибирь через Вологду и Великий Устюг по Вычегде и Кельтме[3].

Рассматривая научные достижения Ф.-И. Страленберга, следует отметить, что он фактически является автором одной книги, хотя и достаточно значимой даже для современной науки. Но ведь он был не ученым, а всего лишь продвинутым краеведом. Например, М.Г. Новлянская упоминает, что Ф.-И. Страленберг в своей книге сетует: «*Должен признаться, что в первое время своего пребывания в плену я знал об особенностях этих стран столько же, сколько же остяк о Германии. И как бы мне не хотелось получить сведения об этих странах, мне недоставало знания необходимых для этого языков*»[4]. Кроме того, во время пребывания в Сибири он не имел доступа к специальной научной литературе. Этот факт отмечали некоторые исследователи его творчества. Рассматривая лингвистическую классификацию Ф.-И. Страленберга, исследователь А.П. Хузангай (Чебоксары) отметил некую мистичность этого сочинения: «*Остается только догадываться, как на основе столь скудного лексического материала (его общий список сравниваемых лексем насчитывал примерно 60 единиц) ему удалось в общих чертах ярко показать родственные связи между языками. Было ли это результатом особой интуиции или же гениальным прозрением автора?*»[5]

Парадокс заключается в том, что абсолютное большинство отечественных и зарубежных ученых рассматривают Ф.-И. Страленберга в качестве самостоятельного исследователя, первооткрывателя Сибири. Чтобы понять феномен Ф.-И. Страленберга, следует рассмотреть его достижения в связи с научными знаниями и концепциями его патрона — Д.-Г. Мессершмидта. Необходимо отметить, что на тот момент в России был только один человек, знакомый с генетической классификацией языков, созданной на рубеже XVII–XVIII вв. крупнейшим немецким ученым, математиком, философом, лингвистом, историком ***Готфридом Вильгельмом Лейбницем***.

Этим человеком был Даниил Готлиб Мессершмидт. К моменту приезда в Россию он был знаком с новейшими достижениями в области гуманитарных наук и естественной истории. А Ф.-И. Страленберг в это время знакомился с основами фортификационного искусства, картографии, воевал и т.д. Не мог

---

[1] *Кузнецова З.И.* Обзор памятников коми… С. 229.

[2] *Низов В.В.* Епифаний Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 192–193.

[3] *Мусанов А.* Коми географические названия в дневниках шведских военнопленных // Финно-угорские народы: проблемы этнической и языковой идентификации. Сыктывкар, 1999. С. 69–71; *Stralenberg*… S. 427–428.

[4] *Stralenberg*… S. 7.

[5] *Хузангай А.П.* Шведский «прибавочный элемент» в чувашской компаративистике // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. Чебоксары, 2003. С. 4.

он познакомиться с идеями Г.В. Лейбница и в Сибири. Конечно, они обменивались мнениями, знаниями, идеями, что было интересно обоим исследователям. Собственно в книге Ф.-И. Страленберга имя Г.В. Лейбница появляется только один раз, когда автор ссылается на мнение немецкого ученого о том, что Скифия — это имя собственное и не принадлежит конкретному народу, а у греков оно обозначало всех тех людей, которые отличались в охоте на зверей и в стрельбе из лука[1].

К сожалению, мы не можем должным образом оценить труды Д.-Г. Мессершмидта, так как в нашем распоряжении имеются лишь опубликованные дневники его путешествия. Ранее уже говорилось, что Ф.-И. Страленберг сумел вывезти некоторые копии экспедиционных материалов. Поэтому можно предположить, что Д.-Г. Мессершмидт и Ф.-И. Страленберг — одно и то же лицо, а книга, вышедшая в 1730 г. под именем последнего, есть сочинение первого, в крайнем случае, это их совместный труд, написанный во время пребывания в Сибири. Но это гипотеза, которая требует дальнейшей разработки. Во всяком случае Ф.П. Аделунг видел в бумагах Бакмейстера написанный самим Д.Г. Мессершмидтом «*Spicemen der Zahlen einiger orientalischen und sibirichen Völker*», содержащий записи слов 20 народов[2].

Следующий этап исследований народов коми связан с именами участников Второй камчатской, или Великой северной, экспедиции (1733–1743) Герхарда Фидриха Миллера и Иоганна Эберхарда Фишера, в ходе которой они проводили свои изыскания в том числе и среди финно-угорских народов.

Миллер Герард Фридрих (Фридерих), или, как его звали в России, Федор Иванович (1705–1783), — российский историк, путешественник, академик Санкт-Петербургской академии наук[3]. Родился в городе Герфорд в Вестфалии (Германия)[4]. Происходил из семьи местного пастора, бывшего одновременно и ректором местной гимназии. Учился в Ринтельнском и Лейпцигском университетах, где изучал историю. Из учебы в университетах Г.Ф. Миллер вынес философские и лингвистические познания, знание классической литературы, а также знакомство с последними теориями в области лингвистики и этнографии, в частности с генетической системой языкового родства ***Г.В. Лейбница***. Он принадлежал, по словам А.Л. Шлецера, к той категории немецких студентов, которые полагали, что легче, чем в России, нигде нельзя сделать себе счастье[5]. Поэтому в 1725 г. Г.Ф. Миллер приехал в Россию, чтобы сделать служебную карьеру, «*не только без всяких рекомендаций, но и с последним червонцем в кармане*», и был принят преподавателем латинского языка, истории и географии в академическую гимназию по контракту на один год[6]. Правда, надо сказать, что Г.Ф. Миллеру все же была оказана поддержка со стороны знакомого историка И. Коля, который переехал в Россию в 1725 г. в числе первых приглашенных иностранных ученых и искал себе помощников[7]. Он позднее писал, что на первых порах «*более прилежал к сведениям, требуемым от библиотека-*

---

[1] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга… Т. 2. С. 18.

[2] *Пекарский П.П.* Ведение в историю просвещения… С. 351.

[3] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 305–430; *Копелевич Ю.Х.* Г.Ф. Миллер и Петербургская академия наук // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 475–483.

[4] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. М., 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина). С. 74–75; *Каменский А.Б.* Судьба и труды Г.Ф. Миллера // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996; *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 19–27.

[5] Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе // Сб. Отд-ния русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. 13. С. 378.

[6] *Black J.L.* G.F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston. Montreal, 1986; *Смагина Г.И.* Педагогические взгляды Г.Ф. Миллера // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 497–504.

[7] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. С. 310.

ря, рассчитывая сделаться зятем Шумахера и наследником его должности. И лишь когда у меня исчезла надежда сделаться его зятем, я счел продолжить другой, ученый путь»[1]. (Здесь речь идет о И.Д. Шумахере, советнике канцелярии Академии наук, фактически первом человеке в Академии. Известна постоянная борьба с ним М.В. Ломоносова против засилья иностранцев в Академии. — *А.Т.*) По совету академика Г.З. Байера он стал заниматься разысканиями в области русской истории. И надо сказать, что в этом он достаточно преуспел[2]. В 1728–1730 гг. — редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Примечаний» к ним на русском и немецком языках. С 1732 г. — издатель сборников «Собрание русской истории» на немецком языке[3]. В 1730 г. избирается экстраординарным профессором академии. В 1730–1731 гг. был командирован Академией наук в Англию, Голландию и Германию для знакомства с организацией учебного процесса[4]. В 1733 г. Г.Ф. Миллер был включен в состав Второй камчатской экспедиции под руководством В. Беринга в качестве историка и в течение 10 лет объехал Поволжье, Урал и Сибирь[5]. В круг его обязанностей входили изучение «*географии земли, древности, обыкновений, обрядов различных народов*». Этому назначению в какой-то степени способствовало его знакомство с И.К. Кириловым и В. Берингом. С последним он работал в качестве переводчика после возвращения датского капитана из своей первой экспедиции на Камчатку, осуществленной с целью поисков морского прохода между Азией и Америкой[6].

Из этой поездки Г.Ф. Миллер вернулся признанным специалистом в области истории, этнографии и языкознания. Десять лет работы в сибирских архивах и собственные полевые наблюдения не только обогатили его познания, но и выработали научные методы, приемы работы над источниками. По возвращению из Сибири он продолжал работать в Академии наук. В 1747–1750 гг. — ректор академического университета. С 1754 по 1765 г. состоял конференц-секретарем академии, редактировал журнал «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах»[7]. Несмотря на то что он занимал достаточно высокое административное положение в Академии, его постоянно сопровождали скандалы. Начало им было по-

---

[1] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. С. 317–318.

[2] *Мирзоев В.Г.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири в оценке русской дореволюционной и советской историографии // Учен. зап. Кемеров. пед. ин-та. 1963. № 5. С. 45–71; *Он же.* Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963; *Он же.* Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; *Белковец Л.П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г.Ф. Миллера // История СССР. 1985. № 4. С. 154–166; *Она же.* Г.Ф. Миллер в оценке отечественной историографии // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 111–122; *Она же.* Г.Ф. Миллер и В.Н. Татищев // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 21–31; *Каменский А.Б.* Академик Г.Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // История СССР. 1989. № 1. С. 144–159.

[3] Анализ журналистской, а точнее — научно-публицистической, деятельности Г.Ф. Миллера см.: *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988. Характеристику этого журнала см.: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XVIII — первая половина XIX в. М., 1985. С. 19–27.

[4] *Копелевич Ю.Х.* Из истории международных связей Петербургской Академии наук XVIII в. (поездка Г.Ф. Миллера в Англию, Голландию и Германию в 1730–1731 гг.) // Наука и техника. Вопросы теории и истории. Л., 1972. Вып. 7. Ч. 2. С. 153–159.

[5] Об экспедиции см.: *Островский Б.Г.* Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг. Архангельск, 1937; *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л., 1940; *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л., 1940; *Ефимов А.В.* Великие русские географические открытия (в XVII — первой половине XVIII в.). М., 1949.

[6] *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. 1. С. 103–104; *Дальман Д.* Записки путешественников. Переписка Г.Ф. Миллера, Л. Эйлера и А.Ф. Бюшинга во время и после Второй Камчатской экспедиции, 1733–1743 // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 8–15.

[7] *Копелевич Ю.Х.* Г.Ф. Миллер и Петербургская Академия наук… С. 480–482; *Белковец Л.П.* Г.Ф. Миллер и публикация источников в первом историческом журнале Петербургской Академии наук // Источники по истории общественной мысли и культуре эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 62–77.

ложено в 1749 г., когда Г.Ф. Миллер подготовил свой печально известный доклад «О начале народа и имени российского», с которого в русской исторической науке инициируется конфликт между норманистами и антинорманистами. В его докладе увидели «*унижение славы Русского государства*». Это вызвало обострение отношений с М.В. Ломоносовым. В 1765 г. Г.Ф. Миллер переезжает в Москву, приняв предложение стать директором Воспитательного дома. Одновременно с 1766 г. до самой кончины был директором Московского архива Коллегии иностранных дел (предшественника современного Центрального государственного архива древних актов)[1] .

За время пребывания в Сибири Г.Ф. Миллер, согласно полученной от Канцелярии Академии наук инструкции, занимался одновременно историей и географией этого громадного региона, этнографией и лингвистикой народов, проживающих там, проблемами экономики и внешней политики, геодезии и картографии, проводил археологические и археографические изыскания[2]. Его задачей было написать историю народов, встречающихся на пути экспедиции, описать их религию, быт, обычаи, язык, одежду, торговлю, систему военных и политических убеждений и местность, в которой они живут. Как он писал позднее, «*понеже при отправлении моем в Сибирь главное намерение к тому склонялось, чтоб историю сей пространной земли обстоятельно описать, чего ради имел я позволение во всех сибирских городах канцелярские архивы пересматривать, и что к тому намерению годно казалось, отдавать списывать, то я по должности своей большую часть моих трудов положил…*»[3].

В каждом из сибирских городов Г.Ф. Миллер, а он побывал почти во всех крупных населенных пунктах Урала и Сибири, обследовал архивы, выбирая из них важнейшие документы, изымая или копируя их. Так образовались 34 тома документов, известных как «портфели Миллера», представляющие сегодня настоящий кладезь исторических документов[4]. Наиболее полную и объективную оценку этнографических материалов из его архивных фондов в 1961 г. дал М.О. Косвен[5]. Но подлинное значение деятельности Г.Ф. Миллера как этнографа еще предстоит оценить, что невозможно без публикации всего комплекса его этнографических сочинений. Однако сегодня уже ясно, что он может считаться «отцом» этнографии как науки и эта наука родилась не в Западной Европе, как считалось раньше, а в России[6].

---

[1] Основным источником жизни и деятельности Г.Ф. Миллера до сих пор остается работа А.Ф. Бюшинга, который много общался с историком и знал о его путешествиях из первых рук: *Büsching A.F.* Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwüdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer. Halle, 1785. Th. 3. S. 1–160.

[2] Инструкция, данная Академией Г.Ф. Миллеру при отправлении в Сибирское путешествие «О истории народов» // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 460–461; *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990; *Он же.* Миллер Г.Ф. — этнограф сибирских народов // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 484–489; *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937 Т. 1. С. 3–57*; Андреев А.И.* Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Там же. С. 59–144; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению… Вып. 2. С. 76 и след.

[3] Предисловие Г.Ф. Миллера к русскому переводу «Истории Сибири» // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 159.

[4] *Голицын Н.В.* Портфели Г.-Ф. Миллера // Сб. Москов. главного архива Министерства иностранных дел. М., 1899. Вып. 6. С. 401–550; *Бакланова Н.А., Андреев А.И.* Обзор рукописей Г.Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 523–544. О взглядах Г.Ф. Миллера на этнографию см.: *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири… С. 132–135.

[5] *Косвен М.О.* Г.-Ф. Миллер // СЭ. 1956. № 1. С. 73–75; *Он же.* Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. М., 1961. Вып. 3. С. 167–212.

[6] *Шишло Б.* Истоки и источники русской антропологии (этнографии): взгляд из Парижа // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2003. Вып. 1. С. 257–265; *Элерт А.Х.* Герхард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница: материалы Междунар. симп. Екатеринбург, 2006. Ч. 1: Академические исследования северо-западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. С. 15–28.

Источниковедческий анализ анкет, путевых записей и описаний Г.Ф. Миллера был выполнен А.Х. Элерт[1]. Составленная на основе изучения архивов сибирских городов «История Сибири» Г.Ф. Миллера, настоящее название которой «*Описание Сибирского царства*…», является первым научным историческим трудом, в котором представлена основанная на документах история многих народов восточной части Российской империи, в том числе коми[2]. Так, в этом сочинении ученый высказывает предположение об общности языка коми с языком ханты и манси; говорит о том, что многие коми бежали от проповеди ***Стефана Пермского*** за Урал. Интересна его ремарка о том, что у обских угров найдено много идолов, привезенных бежавшими коми из Пермской земли, чтобы скрыть их от уничтожения. Это еще одно подтверждение мнения ***Епифания Премудрого*** о том, что в прошлом предки коми поклонялись антропоморфным фигурам духов. Возможно, это были семейные (родовые) реликвии, которые хранились у них в жилищах, как у обских угров (это было описано впоследствии некоторыми исследователями). Они сохранялись у них до второй половины XX в. Г.Ф. Миллер в приложении к своей книге опубликовал в числе других документов «Грамоту царя Бориса Федоровича в Верхотурье князю Матвею Львову о рассылке по церквям посланных церковных книг и предметов и об отправке колокола в Пелым» от 2 июня 1602 г. В тексте этой грамоты упоминается отправленный «*с Москвы <…> образ Стефана Пермского чудотворца*», что говорит о том, что ***Стефан Пермский*** был в числе почитаемых общероссийских святых и иконы в честь него направлялись правительством в Сибирь[3].

Кроме того, историк в своей книге уделил значительное место выявлению роли коми в освоении Сибири. Так, он утверждает, что коми достаточно давно узнали пути за Урал, охотились там, торговали и сыграли важную роль в присоединении Сибири к Российскому государству и т.д. Причем в этом деле «*особенно отличились зыряне, жившие по берегам Вычегды и Выми*»[4]. Со слов хантов Г.Ф. Миллер пишет о т.н. «*зырянской дороге*», по которой в г. Березов была привезена пушка к моменту основания этого города[5]. Сегодня эта точка зрения считается документально доказанной и принята в науке[6]. Кроме того, он предположил, что название «Сибирь» «*возникло в России и происходит, по всей видимости, из языка того народа, который дал первые сведения об этой стране; я имею в виду пермяков или зырян, и от них оно перешло затем к русским*»[7]. Позднее против этого выступила К.В. Вяткина, вслед за С.Н. Быковским предложившая выводить это слово из языка киммерийцев; причем оба исследователя были последователями Н.Я. Марра и пользовались его методологией, не имея под рукой данных лексики киммерийского языка[8].

---

[1] *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера…

[2] Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Сочиненно Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором Университета Академии наук и Социетета Аглинскаго Членом. СПб., 1750. Ч. 1; Вторым тиснением. СПб., 1787; переиздана под названием «История Сибири». М.; Л., 1937–1941. Т. 1–2; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. Об этом сочинении см.: *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири… С. 126–163.

[3] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 396.

[4] Там же. С. 197, 210, 212 и след.

[5] Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1758. 1. С. 115.

[6] *Жеребцов Л.Н.* К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Коми АССР (XVII — начало XX в). (Тр. ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 16.) Сыктывкар, 1975. С. 3–16; *Красильникова Э.Д.* Участие населения Коми края в заселении и освоении Сибири во второй половине XVI–XVII вв. // Там же. С. 17–36; *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века). Сыктывкар, 2005. С. 8, 233–234.

[7] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 191.

[8] *Быковский С.Н.* Яфетический предок восточных славян — киммерийцы // Изв. ГАИМК. 1931. Т. 8. № 8–10; *Вяткина К.В.* К вопросу о термине «Сибирь» // СЭ. 1935. № 1. С. 91–96.

Но одним из главных научных достижений ученого было решение этногенетических проблем Сибири на основе новой методологии. В этом вопросе он исходил из идей ***Г.В. Лейбница*** о генетическом родстве языков. Как писал С.В. Бахрушин, «*он резко прорывает со средневековой этнографией, оперировавшей при определении принадлежности к той или иной группе народов почти исключительно сходством или единообразием их обычаев*»[1]. На смену фантастической генеалогии народов, господствовавшей в науке в течение XVII–XVIII вв., которая выводила историю любого народа из Библии, а также показаний греческих и латинских писателей, приходит классификация на основе языкового сходства. Г.Ф. Миллер так определяет свое кредо: «*Характеристическое различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности*»[2]. По словам Г.Ф. Миллера, «*единственным и необманчивым»* признаком всегда был и остается язык, определяющий сходство народов, но данные лингвистики следует проверять историческими фактами, подтверждает ли родство или сходство народов их историческое развитие[3]. Поэтому, знакомясь с жизнью различных народов в отдаленных районах Российского государства, Г.Ф. Миллер записывал их языки, составлял словари. Всего в настоящее время сохранилось 30 таких лексиконов. В частности, именно в его бумагах Н.М. Карамзмн впоследствии обнаружил и опубликовал список стефановского алфавита. Правда, Г.Ф. Миллер не указал источник этого крайне важного для исследователей коми языка сообщения[4]. По данным А.И. Андреева, в 1734 г., будучи в Томске, Г.Ф. Миллер продолжил работу по собиранию словарного материала языков разных народов, в том числе зырян и пермяков[5]. Это говорит о том, что в начале XVIII в. некоторые представители этих народов проживали в районе Томска. Кроме того, небольшой материал по коми языкам был напечатан им в 3-м томе «Sammlung Russischerer Geschichte»[6]. Это небольшой словарь, чуть более 300 слов, в котором представлены некоторые термины, характеризующие различные стороны жизни коми середины XVIII в.: термины родства, частей тела, названия отдельных видов одежды, пищи и т.д. Лингвистические материалы использовались ученым и для решения других проблем. Так, он впервые высказал мысль о том, что многие топонимы в Западной Сибири могут быть объяснены на основе коми-зырянского языка[7]. Эта идея поддерживается некоторыми современными учеными[8].

Из других сочинений Г.Ф. Миллера, касающихся народов коми, следует упомянуть «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов»[9]. Анализ этого сочинения

---

[1] *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. С. 41

[2] *Соловьев С.М.* Герард-Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Современник. 1854. Октябрь. С. 144.

[3] *Миллер Г.Ф.* О народах, издревле в России обитавших. СПб., 1773. С. 2–3.

[4] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 65–67, 256–266. Н.М. Карамзин ссылается на 199-й портфель из собрания Г.Ф. Миллера

[5] *Андреев А.И.* Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. С. 71.

[6] *Кузнецова З.И.* Обзор памятников коми… С. 229–233; *Она же.* Лексический материал по коми языку в работах Г.Ф. Миллера // СФУ. 1976. № 1. С. 59–62

[7] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 264–265.

[8] См., например: *Вершинин Е.В., Шашков А.Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. ст. Сургут, 2004. С. 13.

[9] *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии Казанской губернии языческих народов, яко-то: Черемис, Чуваш и Вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, отчего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребитель-

и его значения для развития современного финно-угроведения был сделан А.Е. Загребиным[1]. Г.Ф. Миллер в приложении к этому сочинению приводит словарь разнообразных слов на 7 языках, в том числе на коми-пермяцком и коми-зырянском[2]. Кроме того, во введении он называет достаточно общее место расселения коми-пермяков, добавляя, что «*пермяки и перемичи, яко жители между Соль-Камскою и Чердынем, которые с зырянами Устюжскими, Соль-Вычегодскими и Яренскими за один народ почитаются*»[3]. В этой книге он также приводит молитву «Отче наш», переведенную на коми язык. Таким образом, Г.Ф. Миллер одним из первым в XVIII в. подтвердил генетическое родство этих двух народов, опираясь на собственные наблюдения, так как «*слова на пермском и зырянском языках собирал <...> я сам в бытность у сих народов при возвращении моем из Сибири*». Действительно, на обратном пути из Сибири в 1743 г. он посетил Верхотурье и Соликамск и через Кайгородок, Устюг и Вологду вернулся в Петербург, т.е. посетил по пути районы, в которых проживали коми[4].

Рассматривая зарождение российской этнографии, истории, археологии, а также финно-угроведения, нельзя обойти фигуру Иоганна Эбергарда Фишера (Johann Eberchard Fischer, 1697–1771), немецкого ученого, сделавшего научную карьеру в России. Родился в г. Эсслингене, Вюртемберг, Германия, в семье директора местной гимназии. З.Д. Титова утверждает, что И.Э. Фишер родился в Швеции, в г. Эстлинге[5]. В России он появляется в 1730 г., имея ученую степень магистра. Сначала И.Э. Фишер был назначен проректором, а потом, в 1732 г., ректором Академической гимназии. По поручению президента Академии наук барона фон Кейзерлинга им был подготовлен проект об устройстве гимназий и училищ в Петербурге[6]. В 1738 г. он выразил желание поехать в Сибирь, чтобы заменить там Г.Ф. Миллера, жаловавшегося на здоровье. Тогда же президент Академии барон А.И. Корф заключил с ним контракт на пять лет (в должности адъюнкта с переводом в профессора по возвращении из экспедиции). По решению Академии Г.Ф. Миллер должен был передать И.Э. Фишеру все собранные материалы для продолжения разысканий, но тот категорически отказался. Вместо этого Г.Ф. Миллер составил для И.Э. Фишера подробную инструкцию проведения исследований. Она состояла из 1287 пунктов, из которых 100 касались изучения сибирских древностей, а 923 — описания быта и нравов, также предоставил форму особого словаря для сбора материалов по языку и диалектов различных народов. В частности, в ней был список, содержащий около 700 слов, которые надлежало переводить на максимально большое количество языков[7]. Составляя эту ин-

---

ных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как-то: на Казанско-Татарском, Черемисском, Чувашском, Вотяцком, Мордовском, Пермском и Зырянском, и приобщенным переводом Господней молитвы «Отче наш» черемисском и чувашском языках, сочиненные Герардом Фридрихом Миллером, Императорской Академии наук профессором, по возвращении его в 1743 г. из Камчатской экспедиции. СПб., 1791.

[1] *Загребин А.Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. С. 110–122.

[2] Vocabularium Harmonicum — немецко-татарско-черемисско-чувашско-вотяцко-мордовско-пермско-зырянский вокабулярий // Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской… С. 378–399.

[3] Цит. по: Хрестоматия по культуре чувашского края. Дореволюционный период / Под ред. М.И. Скворцова. Чебоксары, 2001. С. 93.

[4] Маршрут сибирского путешествия Г.Ф. Миллера и даты его пребывания в населенных пунктах // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера… С. 149–153.

[5] *Титова З.Д.* И.Э. Фишер — участник Второй Камчатской экспедиции (неопубликованные материалы середины XVIII в.) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 27–32. Но ее мнение является единственным утверждением, в то время как в большинстве энциклопедий и биографических словарей местом рождения немецкого ученого называется Германия.

[6] *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук. Т. 1. С. 617.

[7] *Элерт А.Х.* Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 25. Сама инструкция была опубликована Д.А. Клеменцом в «Сборнике Музея ан-

струкцию, Г.Ф. Миллер исходил из своей практики, когда был вынужден начать работу в Сибири фактически с нуля, без всяких предписаний, вырабатывая как методику проведения исследований, так и политику и практику общения с местными властями. Одновременно в ней были поставлены задачи, которые Г.Ф. Миллер не успел решить во время своего путешествия. Но, как считал В.В. Радлов, *«Фишер не сумел воспользоваться этой инструкцией».* Этим замечательным наставлением позднее воспользовались П.С. Паллас и А.И. Шегрен, увидев в нем решение многих задач историко-филологической науки того времени.

По возвращении И.Э. Фишер был назначен профессором университета и ректором гимназии. Кроме того, он вместе с Г.Ф. Миллером должен был обрабатывать собранные ими в Сибири материалы и «*трудиться в русской истории*»[1]. О педагогической деятельности И.Э. Фишера имеются разные отзывы — от крайне отрицательных (П.П. Пекарский) до положительных (Г.И. Смагина)[2]. Во всяком случае известно, что он очень серьезно готовился к занятиям по риторике, поэтике, географии и латинскому языку, заказывая много книг в академической библиотеке[3]. В 1750 г. был уволен с поста ректора. Вообще у И.Э. Фишера был сложный характер. По воспоминаниям современников, он странно держал себя в обществе, обижался на мелочи, терял хладнокровие по всякому поводу. Например, И.Г. Гмелин писал в 1740 г. Г.Ф. Миллеру из Томска, что «*людей, с ним бывших, я нашел в полном против него восстании*»[4]. Из другого письма И.Г. Гмелина видно, что он скептически относился к деятельности своего коллеги: «*Полагаю очень бесплодною для Академии посылку его сюда: он ничего не делает и дает заметить, что ничего не хочет делать, прежде чем не получит инструкцию*»[5] .

Из экспедиции И.Э. Фишер вернулся в 1747 г. и привез 28 рукописей. Для нас из всех привезенных сочинений набольший интерес представляет рукопись «*Описание пути от города Тобольска через Москву до Санктпетербурга и притом разные известия о разных народах, яко: татарах, вонгуличах, пермяках, вотяках и черемисах, которые обретаются на том пути, на немецком языке*», которая, большому сожалению, в настоящее время не найдена[6]. Собранные в ходе Сибирской экспедиции материалы должны были публиковаться в основном Г.Ф. Миллером. И.Э. Фишер же предполагал издать собственный «*Историко-географический лексикон о Сибири*», что вызвало негативную реакцию со стороны первого[7]. В это время Академия постоянно критиковала Г.Ф. Миллера за задержку публикации своей «*Истории Сибири*», и в конце концов она поручила И.Э. Фишеру написать сокращенный вариант книги по материалам Сибирской экспедиции[8]. В результате появилась «*Сибирская история…*» И.Э. Фишера, завершенная в 1757 г. и изданная в 1768 г. на немецком языке, а позднее переведенная на русский язык[9]. Эта книга

тропологии и этнографии» (СПб., 1900. Т. 1. С. 37–108), а ранее отдельные положения — В.В. Радловым в его «Сибирских древностях» (СПб., 1894. Т. 1. Вып. 3. С. 88 и след.).

[1] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук… Т. 1. С. 624.

[2] Там же. С. 627; *Смагина Г.И.* Немцы-учителя и устроители учебных заведений Петербурга в XVIII веке // Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур. М., 2000. С. 205.

[3] *Хотев П.И.* Немцы — читатели библиотеки Петербургской Академии наук (1724–1736 гг.) // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 23.

[4] Цит. по: *Андреев А.И.* Очерки по историографии… Вып. 2. С. 288.

[5] Там же. С. 289.

[6] Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 3, оп. 1, д. 813, л. 311–313.

[7] *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири… С. 168–169.

[8] Об этом см.: *Андреев А.И.* Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. С. 84–85, 94 и след.

[9] *Fischer J.E.* Sibirische Geschihte von Entdeckung Sibiriens bis auf Eroberung dieses Landes durch Russischen Waffen. St. SPb., 1768; *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненным на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-

в работах по историографии Сибири часто оценивалась негативно, а автор рассматривался как носитель реакционных, расистских взглядов по отношению к русскому населению и коренным жителям Сибири, оправдывающим колониальную политику царского правительства[1]. Во многом формированию такого мнения способствовал сам автор, так как в русском издании он не указал, что книга является изложением сочинения Г.Ф. Миллера. Поэтому характеристика И.Э. Фишера как исследователя российских древностей впоследствии неоднократно привлекала внимание отечественных ученых[2].

В 1760–1770 гг. деятельное участие в судьбе И.Э. Фишера принял А.Л. Шлецер[3]. Он высоко ценил его познания в латыни и других классических языках и литературе. И.Э. Фишер придавал лингвистике большое значение в изучении народов, считая ее частью необходимых комплексных исследований. Сегодня сложно понять, это было его личное мнение или оно возникло под воздействием Г.Ф. Миллера и его инструкции. Во всяком случае его взгляды на эту науку близки миллеровским. В частности, он писал: «*При всем том охотно я признаюсь, что произведение слов само по себе есть недостаточно к показанию сродства языков: когда же оное имеет подпоркою географию и историю древних времен, так же общие нравы и обыкновения народов, то, по мнению моему, можно с основанием заключить из одного о другом*»[4]. Именно эти лингвистические познания позволили ему критиковать ***Ф.-И. Страленберга***, который, по его мнению, «*взял себе в голову при этимологических разыскания все слова из всяких языков соединять и производить от одного начала, когда только оные имеют некоторый вид сходного между собой звону, не взирая на то, что знаменование тех слов между собой разнствуют*»[5]. Собственные языковедческие материалы, в частности словари на различных языках сибирских народов, были вывезены И.Э. Фишером в Германию[6]. В этих словарях представлен материал по коми языку[7]. Серьезному лингвистическому анализу данные материалы подверг лишь в конце прошлого столетия Янош Гуя[8].

В 1770 г. А.Л. Шлецер издал в Геттингене на немецком языке статьи И.Э. Фишера о ги-

---

Петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингенского собрания Иоганном Ебергердом Фишером. СПб., 1774

[1] *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири… С. 170–178; *Он же.* Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 54.

[2] Обзор его разысканий по древней истории Сибири см.: *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Иоганн Эберхард Фишер — исследователь истории и древностей Южной Сибири XVIII века // Немцы Сибири. История и культура. Новосибирск, 2003. С. 114–118.

[3] О А.Л. Шлецере см.: *Черепнин Л.В.* А.Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки: из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII — начале XIX вв. // Международные связи России в XVII–XVIII вв.: экономика, политика, культура. М., 1966; *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль… С. 29–61; *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 270–277; *Осипов В.И.* Петербургская академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб., 1995. С. 65–73; *Farkas J., von.* August Ludwig Schläzer und finnish-ugrische Geschihts-, Sprach- und Volkskunde // Ural-Altaische Jahrbucher. Bd. 24. № 1–2. S. 1–22; August Ludwig Schläzer und Russland. Berlin, 1961.

[4] *Фишер И.Э.* Сибирская история. СПб., 1774. С. 103.

[5] Там же. С. 58–59, 73–74.

[6] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии… Т. 1. С. 630, 633; *Fischer J.E.* Vocabularium continens trecenta vocabula triginta guator gentium, maxime ex parte Sibiricarum. 1741–1747. Göettingen. Niedersächsische Staat-und Universität Bibliothek. Опубликовано: *Doerfer G.* Altere westeuropaische Quellen zur Kalmickischen Sprachgeschichte // Asiatische Forschungen. 1965. Vol. 18. S. 45–182. О нем: *Stipa G.J.* Finnisch-Ugriche Schprachforschung... S. 185–187. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН имеется копия этого словаря (Р. 3, оп. 1, № 135).

[7] В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранился словарь Фишера «Слова, взятые из французских разговоров Российские, расположенные по урокам», в котором имеется список коми-зырянских слов.

[8] *Fischer J.E.* Vocabalarium Sibiricum (1747). Der etimologisch-vergleichende Anteil. Bearbeitet und herausgegeben *von Janos Gylia*. Frankfurt-am-Main, 1995; *Он же.* J.E. Fischer (1697–1771) und Uralische Etimologieforschung // Linguistica et Philologica. Gedenkschrift für Björn Collinder. Wien, 1984. S. 183–189.

перборeях, татарских и угорских языках. Они представляли собой оригинальные сочинения, написанные на основе сибирских материалов как собственных, так и миллеровских. Он так же, как и ***П.С. Паллас***, считал реальным родство венгерского языка с «чудским», т.е. с языком древнейшего населения Сибири. Одновременно путем языкового анализа отвергает распространенную в то время гипотезу о происхождении венгров от «*пропавших колен Израильских*», еще раз подтверждая азиатское происхождение венгров и остальных финно-угров, в том числе коми[1]. Не потеряла своего значения и его статья о гиперборейцах, в которой он рассматривал вопрос о неком северном народе, волновавшем умы ученых мужей с античных времен и не забытом до настоящего времени. Сопоставляя и критикуя античных и византийских авторов (от Геродота до Константина Багрянородного), И.Э. Фишер приходит к выводу о том, что понятие «гиперборийцы» для греков было собирательным, под которым они подразумевали северные народы вообще. И чем больше греческая наука расширяла свои познания о мире, тем более гиперборейцы передвигались далее на Север, вплоть до Северного океана[2]. Этот вывод продвинул исследователей в дискуссии о гиперборейцах и месте их обитания, которая вновь возникла в XVIII в. в ряде исторических сочинений, начиная с ***Ф.-И. Страленеберга*** и заканчивая ***В.Н. Татищевем***. Это важный шаг в историографии, так как И.Э. Фишер доказал, что они не являются жителями Сибири. Выводы, пусть и несовершенные, оказали существенное воздействие на исторические разыскания А.Л. Шлецера. Так, на основе личных изысканий по текстам русских летописей, проведенных во время пребывания в России, и материалов, привезенных И.Э. Фишером, крупнейший историк того времени Август Людвиг Шлецер в своей книге «Всеобщая истории Севера» впервые приводит полный достоверный список всех финно-угорских народов и обосновывает их родство[3].

В то же время И.Э. Фишер высказал мнение и о коми-зырянах. Так, вслед за Г.Ф. Миллером он считал, что слово «Сибирь» имеет коми происхождение: «*Вероятнейшее мнение есть сие, что имя Сибирь произошло от Пермяков, или от Зырян: ибо сии последние задолго до завоевания россиянами Сибири отправляли торги в нижних местах реки Оби, а по им и имя стало известно в России*»[4]. Им же был составлен один из первых многоязычных словарей по финно-угорским языкам — «Словарь латино-финско-зырянско-пермяцко-вотяцко-вогульско-тангутско-китайский»[5]. Этот словарь свидетельствует, что, во-первых, И.Э. Фишер имел контакты с представителями этих народов или пользовался работами своих предшественников. Во-вторых, что он уже имел к этому времени представление о финно-угорском родстве. Таким образом, его разыскания были важным звеном в формулировании общей теории финно-угорского родства, т.е. ранних этапов этнической истории народов коми.

В середине XVIII в. появляются первые крупные обобщающие работы по истории России. В них начинают обобщаться и осмысливаться история собственно Российского государства и проблемы происхождения культуры не только русского, но и других народов многонациональной Руси. Выше упоминалась работа ***Г.Ф. Миллера***, которая была посвящена в основном Сибири. Но были и другие исследователи, которые серьезно работали в этой области. Из них в первую очередь необходимо отметить ***В.Н. Татищева*** и его «Историю Российскую».

Василий Николаевич Татищев (1686–1750), один из «птенцов гнезда Петрова», деятельный сподвижник Петра Великого, изве-

[1] *Фишер И.Э.* Сибирская история… С. 98–101.

[2] *Фишер И.Э.* Рассуждение И.Э. Фишера о гиперборийцах, или о народе, за севером находящемся // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Февраль. С. 130–135.

[3] *Schlazer F.L.* Fllgemeine Nordische Geschihte. Halle, 1771.

[4] *Фишер И.Э.* Сибирская история… С. 3–4.

[5] *Фишер И.Э.* Словарь латино-финско-зырянско-пермяцко-вотяцко-вогульско-тангутско-китайский // Санкт-Петербургском филиал Архива РАН. Р. 3, оп. 1, № 135.

стен не только как крупный государственный деятель, но и как один из основоположников отечественной истории[1]. В своей исследовательской практике он исходил из необходимости комплексного изучения истории России — в нерасчлененном единстве географии, истории, этнографии и археологии. В.А. Татищев предполагал создать «*Общее географическое описание Сибири*», в котором 13-я глава могла называться «*О жителях или народах*» и представляла этнографическое описание всех народов[2].

«*История Российская*» В.Н. Татищева, по своей сути, является одним из первых русских научных исторических сочинений, в котором рассматриваются проблемы европейской части Севера, а также ход исторических событий на этой территории по данным русских летописей. А.Л. Шлецер еще в 1767 г. писал: «*Татищев — русский, он является отцом русской истории, и мир должен знать, что русский, а не немец проломил лед в русской истории*»[3]. Данное произведение современными исследователями традиционной культуры народов коми рассматривается как одна из наиболее ранних официальных концепций этнической истории Севера, Урала и Сибири. В ней содержатся пусть и незначительные по количеству, но ценные сведения о народах коми, которые были обобщены историком после изучения большого количества древнерусских письменных источников. В числе других финно-угорских народов коми, по классификации В.Н. Татищева, относились к т.н. сарматским народам, древнейшим жителям Севера и Сибири[4]. В этом сочинении нарисована определенная картина расселения финно-угорских племен на Европейском Севере от Ладожского озера до реки Камы; встречается упоминание о Стефане Пермском. В.Н. Татищев предложил оригинальную теорию определения месторасположения легендарной Биармии. По его мнению, слово Бярмия, которое встречается у многих писателей, есть переделанное Пярмия, подобное которому Перима — оленная земля. Сама Перима, по его мнению, включала в себя «*всю Корелию, часть Лапландии, Русь Великая и Помория*». В работе В.Н. Татищева мы также встречаем упоминание этнонима *коми* наряду с *зырянами.* Это вполне объяснимо, так как В.Н. Татищев активно пользовался работой ***Ф.-И. Страленберга*** и был, по большому счету, первым его критиком. Собственно Ф.И. Страленберг ввел в науку этот этноним. Кроме того, В.Н. Татищев приводит для коми еще один этноним — *суды*, который не упоминается больше никем и до сих пор остается неэтимологизированным.

Вслед за ***Ф.-И. Страленбергом*** В.Н. Татищев разрабатывает классификацию народов России, базирующуюся на историко-лингвистической основе[5]. Так, он одним из первых российских ученых обратил внимание на родство т.н. «*чудских племен*», или «*народов финского корпуса*». Правда, как было принято в то время в исторической науке (эта традиция восходит к ***М. Меховскому***), он относил современные финно-угорские народы к «сарматским»[6] .

К рассматриваемой проблематике, связанной с финно-угорскими народами в целом и коми в частности, обращался в своих исторических работах и ***М.В. Ломоносов***[7]. Коми

---

[1] *Андреев А.И.* Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири // СЭ. 1936. № 6. С. 93–103. О деятельности В.Н. Татищева как историка см.: *Андреев А.И.* Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962 Т. 1; *Шапиро А.Л.* Российская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 162–188.

[2] *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 70–72.

[3] A.L.v. Schlözer und Russland. Berlin, 1961. S. 191.

[4] *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России… С. 130.

[5] *Степанов Н.Н.* В.Н. Татищев и русская этнография // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 1. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 30.) М., 1956. С. 71–84.

[6] *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 226–227.

[7] Об исторических воззрениях М.В. Ломоносова см.: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль… 1985. С. 61–71; *Шапиро А.Л.* Российская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 189–202.

попали в его поле зрения в связи с гуманитарными изысканиями и размышлениями о формировании русского народа. М.В. Ломоносову принадлежит замечательный тезис об отсутствии «*чистых*» в расовом и этническом отношении народов. Он высказал важную мысль о том, что в образовании русского народа принимали участие не только «*славенские*», но и «ч*удские*» (т.е. финно-угорские. — *А.Т.*) племена: «*И то правда*, — писал он в работе "Краткий Российский летописец с родословием", опубликованной в Санкт-Петербурге в 1760 г., — *что от переселения и дел военных немалое число чудского поколения соединилось со племенем славенским и участие имеет в составлении российского народа*»[1]. М.В. Ломоносов справедливо считал, что территория расселения финно-угорских народов, в том числе коми, или «*чуди*», как он их называл, в прошлом была значительно больше: «*Многие области, которые в самодержавство первых князей российских чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились. Чуди часть с ними соединилась, часть, уступив место, уклонилась далее к северу и востоку. Показывают сие некоторые остатки чудской породы, которые по словесным преданиям от славенского поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего не токмо многих сел, но рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях, поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке обще употребляются*»[2]. Исследования Л.Н. Жеребцова показали, что современная этническая территория народов коми достаточно сильно изменилась, а часть коми населения на периферии своей основной территории была ассимилирована славянами (русскими)[3]. М.В. Ломоносов с уважением пишет о древней культуре чудских народов и их общении со славянами, в результате которого в древности произошло их взаимное слияние: «*Уже и тогда чудь со славянами в один народ по некоторым местам соединилась. После того в первые христианские времена и в средние веки еще много больше меж ними совокупление воспоследовало*»[4] .

Огромны заслуги М.В. Ломоносова и в изучении проблемы происхождения финно-угорских народов. Несмотря на то что идея о родстве финно-угорских языков была высказана ранее ***Ф-.И. Страленбергом*** и ***В.Н. Татищевым***, он не только поддержал ее, но и уточнил[5]. В 1766 г. в работе «Древняя российская история» он одним из первых в мировой науке высказал мысль о сходстве финно-угорских народов: «*Ливония, Естляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лапония, Пермия, черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собою, которые хотя и во многом разнятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала*»[6] . По его мнению, к этой группе также следует отнести венгров.

Определенный интерес для исследователей культуры народов коми представляет многоязычный словарь ***Петра Симона Палласа*** (1741–1817), русского естествоиспытателя, географа, путешественника[7]. Его детство про-

---

[1] *Ломоносов М.В*. Краткий российский летописец с родословием // Полное собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 295.

[2] *Ломоносов М.В.* Древняя российская история // Полное собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 173.

[3] *Жеребцов Л.Н*. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

[4] *Ломоносов М.В.* Древняя российская история… С. 201.

[5] *Бомштейн Г.И*. Роль Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористики // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 30.) М., 1956. Вып. 1. С. 85–110.

[6] *Ломоносов М.В.* Древняя российская история… С. 195.

[7] *Маракуев В.* П.-С. Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877; *Кеппен Ф.П.* Ученые труды П.-С. Палласа. СПб., 1895; *Муравьев В.Б.* Дорогами российских провинций. Путешествие Петра-Симона Палласа. М., 1977; *Осипов В.И.* Петербургская академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII в. СПб., 1995. С. 53–55, 84–87; *Колчинский Э.И.* Немецкие ученые у истоков русской биологии // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 58–59; *Сытин А.К.* Петр Симон Паллас и его коллекции // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 66–77; *Streseman E*. Leben und

шло в Германии, в семье профессора хирургии Берлинской медицинской академии. Учился в Германии (Университетах Галле и Геттингена), Голландии, Англии. В 1760 г. получил диплом доктора медицины Лейденского университета. П.С. Паллас хотел заниматься «*натуральной историей*», в частности зоологией, но в европейских университетах не было вакансий, и он не мог занять соответствующего места, несмотря на то, что к этому времени уже был избран членом Римской академии и Королевского общества в Лондоне. В 1766 г. П.С. Паллас получил приглашение занять должность профессора натуральной истории в Петербургской академии наук по рекомендации лейпцигского профессора Лудвига. В 1767 г. П.С. Паллас прибывает в Петербург и подписывает контракт на службу в Академии. В 1768–1774 гг. он возглавлял один из отрядов знаменитых «академических» экспедиций — так называемую Первую оренбургскую экспедицию в центральных районах России, Поволжья, Прикаспия и Среднего и Южного Урала. Одновременно был научным куратором еще двух оренбургских экспедиций, которые возглавляли ***И.И. Лепехин*** и ***И.-П. Фальк***. Материалы этой экспедиции, которые содержали значительные сведения о географии, истории и этнографии Сибири и Поволжья, позднее были опубликованы[1]. В описании П.С. Палласа перед читателем предстает достоверная и широкая картина жизни российской провинции.

Именно П.С. Паллас выдвинул оригинальную гипотезу, доказывающую родство венгров, вогулов (хантов) и башкир. Изучая древние рудные разработки, встречающиеся в южной Сибири, в районе рек Абакана и Енисея, у подножия Алтайских гор, а также рассматривая предметы древнего металлургического производства, ученый пришел к выводу, что носители этой культуры, которых русское население называло «*чудью*», «*чудаками*», не могло быть монгольского или татарского происхождения. Он полагал, что этот чудской народ был вытеснен с мест своего первоначального обитания пришельцами с востока[2]. Рассмотрению этой проблемы он посвятил специальную работу «*Рассуждения о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с Венгерскими, различествующими от копей Римских*». Отмечая схожесть ряда археологических находок на территории от Алтая до Поволжья, он полагал, что один и тот же народ двигался от Енисея на запад: «…*народ сей, обитавший сперва на полях Енисейских, принужден был их оставить или по причине войны, или для промыслов; что он подался к нам на запад, следуя вдоль по хребтам рудные горы заключающим, в коих находим мы и ныне следы его разрабатываний… От сих то может быть произошли нынешние сибирские поколения, сродственные венгерцам, как может быть отчасти по соседству с славянами, а отчасти и по нужде научились жить на одном месте и пахать землю*»[3]. Эти высказывания позволяют нам считать П.С. Палласа первым ученым, который предпринял попытку обоснования финно-угорского родства на основе археологического материала.

Идея составления многоязычных «вокабулярных списков» принадлежит ***Г.В. Лейбницу*** и нашла своих приверженцев в России. В 1770-х гг. в Петербургской академии наук начались работы по составлению большого сравнительного словаря, руководство которыми было возложено на П.С. Палласа[4]. Даже императрица Екатерина II собственноручно

Werk von Peter Simon Pallas // Lomonosov, Schlazer, Pallas. Deutsche-Russische Wissenschaftsbeziehungen im 18 Jahrhundert. Berlin, 1962. S. 247–257; *Stipa G.J.* Finnisch-Ugriche Schprachforschung... S. 199–200, 202–203, 206–207; *Wendland F.* Peter Simon Pallas. Materialien einer Biograhpie. Berlin, 1992.

[1] *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1788. Ч. 1–3.

[2] Там же. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 2. С. 353–354.

[3] *Паллас П.С.* Рассуждения о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с Венгерскими, различествующими от копей Римских // Академические известия. 1780. Ч. 5. С. 312–337.

[4] Об истории издания этого словаря см.: *Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России // Зап. ист.-филол. фак-та С.-Петерб. ун-та. СПб., 1904. Ч. 75. С. 420–427; *Грот Я.К.* Филологические занятия Екатерины II // Русский архив. 1877. № 4. С. 425–442; *Кононов А.Н.* История изучения… С. 98–102; *Осипов В.И.* Петербургская академия наук… С. 79–81.

переписывала для этой цели некоторые подобные материалы. Составленные по специально разработанной единой форме, они включали в себя лингвистические материалы — термины по материальной и духовной культуре[1]. Во второй части этого словаря приводится около 300 коми-пермяцких и коми-зырянских слов. Для графической передачи лексики была использована кириллица. Все слова распределены по семантическим группам, из которых для этнографии важны термины родства, обозначающие домашних и диких животных, орудия труда и т.д. Происхождение этого массива неизвестно. Судя по предисловию автора, *«о финских наречиях присланы из разных стран словари, из коих иные под названием языков Варяжского и Чудского, я из всех их выбрал все отличия, какие токмо мне встречались. Равным образом на карельском, черемисском, вотяцком языках*». З.И. Кузнецова, которая занималась сопоставлением словарей ***Г.Ф. Миллера*** и П.С. Палласа, отмечает, что они были записаны на разных диалектах коми языка. Поэтому этот лексикографический материал имеет большую ценность для исследователей и в наши дни. Следует отметить еще один этнолингвистический источник по народам коми, который связан с именем П.С. Палласа и на который не обращали внимания исследователи коми языка. Речь идет о его знаменитой «Flora Rossica» — первом научном описании всего растительного мира России, основанном на систематике К. Линнея. В этой книге ученый, кроме латинских и русских названий растений, приводит и местные этнические названия. Таким образом, он упоминает в ней 27 коми-пермяцких и 13 коми-зырянских народных названий растений[2].

Завершая очерк о деятельности П.С. Палласа в области финно-угроведения, следует остановиться на еще одном моменте. М. Бранч пишет, что в 1795 г. он от имени Петербургской академии наук обратился к профессору Академии Або (Университета Турку) в Финляндии ***Габриелю Хенрику Портану*** с просьбой приехать в Россию и принять участие в путешествии по этой стране для изучения финно-угорских народов[3]. Но Г.Х. Портан в тот момент отказался от этого предложения, сославшись на свой возраст, но на самом деле для отказа были другие причины: Г.Х. Портан был противником существовавшей в России крепостнической системы и Екатерины II. Известно, что по предложению Академии П.С. Паллас в 1776 и 1779 гг. составлял планы проведения новых масштабных экспедиций для изучения страны. Возможно, что подобные планы составлялись им и позднее, и именно тогда возникла идея привлечь для участия в подобных изысканиях крупнейшего на тот момент исследователя финно-угорских народов. Во время работы по составлению многоязычного словаря П.С. Паллас столкнулся с проблемой скудности материалов по финно-угорским народам.

Проводимые Петром Великим и его потомками реформы потребовали всестороннего изучения природных условий страны, населяющих ее народов, путей сообщения, в том числе и исследование Великого Северного морского пути[4]. Они были начаты при Петре I, но наибольшего охвата достигли при Екатерине II, в 1768–1774 гг. В истории русской науки эти исследования известны под названием «академических или физических экспедиций», которые охватили Сибирь, берега Ледовитого океана, Урал и Приуралье, Алтай, Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье, и проводились под эгидой Санкт-Петербургской

---

[1] *Pallas P.S.* Linguanim titus orbis vocabularia comparativa. Petropoli, 1787–1789. Vol. 1–2; *Паллас П.С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий. СПб., 1787–1789; *Он же.* Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790–1791. Т. 1–4.

[2] *Pallas P.S.* Flora Rossica. SPb., 1784–1788. Количество коми терминов подсчитано по: *Fehlig Bodo, von.* Index zu P.S. Pallas´ «Flora Rossica» // UAJ. NF. 1982. Bd. 2. S. 114–137.

[3] *Branch M.* A.J. Sjögren studies of the Nortrh // MSFOu. 1975. Vol. 152. P. 26.

[4] *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — первая половина XVIII в. М., 1950; *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XVIII в. (1728–1800). М., 1957.

академии наук. Поводом для организации этого масштабного предприятия послужило ожидаемое весной 1769 г. прохождение планеты Венеры через диск Солнца. Для наблюдения этого явления в разных местах страны было принято решение создать несколько экспедиций. Участниками этого грандиозного исследовательского проекта стали ***И.И. Лепехин***, ***П.С. Паллас*** и ***И.Г. Георги***. Предпринятые для изучения природных и экономических ресурсов страны, они имели большое научное и практическое значение. Помимо физико-географических сведений, в ходе исследований предполагалось получить данные о хозяйственных занятиях сельского населения, промыслах, состоянии торговли, местных путях сообщения и т.д., что имело значение для этнографической характеристики различных народов. Одновременно учеными формируется проект «Общего исторического описания Российского государства». Основной целью проекта было, с одной стороны, определить главные направления изучения отечественной истории, а с другой — приступить к изучению истории конкретных народов империи[1]. Задачи Академии были озвучены директором Академии наук С.Г. Домашневым, который в качестве одного из направлений исследований выделил финские народы, «Nations finladoises», под которыми он понимал финнов Выборгской и С.-Петербургской губерний, эстонцев Таллинской губернии и части Ливонии, ливов Рижского уезда, а также саамов, коми, удмуртов, мари, чувашей, тептярей, мордвы, хантов и манси[2].

Участником этих масштабных исследований был один из крупнейших русских естествоиспытателей, путешественник и ботаник ***Иван Иванович Лепехин*** (1740–1802), с именем которого можно связать начало научного, в том числе и этнографического, изучения Коми края[3]. Он родился в Петербурге. Окончил Академическую гимназию, в 20 лет стал студентом академического университета. Затем, в 1762–1767 гг., продолжил образование в Германии, в Страсбурге, где находился один из лучших в то время европейских университетов. Здесь он получил степень доктора медицины, а после возвращения на родину в 1768 г. был избран адъюнктом по ботанике и натуральной истории Санкт-Петербургской академии наук. В это время Академия приступила к организации одного из грандиозных научных проектов XVIII в., известного как «физическая» экспедиция. Она состояла из небольших отрядов участников. Поводом для ее организации послужила подготовка к наблюдению за прохождением Венеры перед диском Солнца, что должно было состояться в мае 1769 г. Но в действительности перед отрядами стояли более широкие исследовательские задачи. Как профессионального естествоиспытателя, в 1768 г. И.И. Лепехина назначают начальником т.н. Второй академической оренбургской экспедиции. Отряд И.И. Лепехина выехал из Москвы в июне 1769 г., обследовал Среднее Поволжье, потом направился в оренбургские степи, пройдя которые они должны были двинуться к Уральским горам. Летом 1771 г. И.И. Лепехин предпринял поездку с Урала на Архангельск через южные районы Коми края, во время которой он познакомился с культурой коми-пермяков и коми-зырян. В течение 6 лет отрядом И.И. Ле-

---

[1] *Щетинина Г.И.* Центры изучения истории в дореволюционной Академии наук // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1978. С. 197.

[2] *Domaschnev S.* Acta Academie Scientiarum Imperialis Petropolitane. SPb., 1780; *Branch M.* The Akademy of Science in St-Petersburg as a center for the study of nationalities in the North — East Baltic // National History and Identity / Studia Fennica. Ethnologica. 1999. № 6. P. 125.

[3] Биография и труды И.И. Лепехина см.: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. СПб., 1875. Вып. 2. С. 159–299; *Таранович В.П.* Путешествие академика И.И. Лепехина по северу Европейской России в 1771 и 1772 гг. // Тр. Ин-та истории науки и техники. Л., 1934. Сер. 1. Вып. 4. С. 349–364; Вып. 5. Л., С. 545–568; *Цембер А.А.* Путешествие академика Лепехина в 1771–1772 году // Коми му. 1927. № 4–5. С. 54–57; *Фрадкин Н.Г.* Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. М., 1950; *Лукина Т.А.* Иван Иванович Лепехин. М., 1965; *Вавилов П.П., Кудрявцева Л.А.* «Дневниковые записки» академика И.И. Лепехина о Коми крае в XVIII в. // Известия КФ ВГО. 1965. Вып. 10, С. 142–145.

пехина была обследована большая территория от Белого моря на севере и Закавказья на юге, от Петербурга на западе и Урала на востоке. В результате проведенных исследований был собран огромный уникальный научный материал. Позднее его впечатления и полученные результаты экспедиции были опубликованы в виде нескольких книг[1]. В своих записках он выступает не только как ботаник, зоолог, врач, химик, геолог, но и этнограф, лингвист, историк. Как справедливо отмечал ***Н.К. Чупин***, «*Лепехин более чем кто-либо из современных ему путешественников обращает внимание на быт, нравы, на промыслы народа и с редкой искренностью раскрывает различные обстоятельства, в некоторых местах препятствующих народному благосостоянию*»[2].

Материалы, касающиеся народов коми, опубликованы в III томе «Записок» И.И. Лепехина[3]. Во время своего путешествия, как видно из них, он побывал в Объячево, Ношуле, Кунибе, Межадоре, Вильгорте, Пажге, Яренске, Серегове, Усть-Выми, Усть-Сысольске, который он назвал «славной зырянской селитьбой». Согласно его описанию зыряне — землепашцы, но они «*весьма искусны в стрелянии*». И.И. Лепехин отмечает важную роль в хозяйстве коми сохранившегося подсечно-огневого земледелия. Также он говорит об уходе коми в Сибирь, так как они не всегда могут найти пропитание на своей родине. В его сочинении имеется небольшой очерк о коми-пермяках. Например, он описывает районы их обитания: бассейн р. Камы, Вишеры и Чусовой. В его «Записках» мы встречаем первый по времени появления историографический очерк по истории коми, в котором приводятся данные об этом народе в сочинениях ***В.Н. Татищева*** и ***М.В. Ломоносова***. Здесь представлены рассуждения о происхождении коми-зырян, но они имеют двойственный характер. С одной стороны, автор считает, что коми переселились на современную территорию обитания с Камы, аргументируя этот тезис их родством с пермяками, с которыми у них один этноним — *комияс*, или *коммусаъяс.* С другой стороны, он приводит т.н. «емскую» теорию, согласно которой коми произошли от переселившегося с запада на эту территорию финского племени *Емь*. Он считает, что пермяки родственны остякам, а на основе сопоставления названия пермяцкого бога *Йомала* делает вывод, что язык коми-пермяков относится, как и финский и ливонский, к «чудским» диалектам. И.И. Лепехин приводит очень оригинальную этимологию соотношения терминов Биармия (Бярмия в его написании) и Пермь. Он не сомневается, что современные ему пермяки восходят к биармам. По его мнению, сарматы (пермяки) не произносят, не выговаривают букву *Б,* переделывая ее в *П*, поэтому слово Бьярмия превращается в Пярмия, Пермь. Кроме И.И. Лепехина никто не предлагал такого толкования. В его дневнике мы встречаем первый по времени после ***Епифания*** текст на древнепермском языке, но выполненный кириллицей, — т.н. Лепехинский список обедни[4]. Кроме того, он приводит также 380 слов и выражений на коми языке, которые также представляют большой интерес для характеристики коми-зырян.

Представленные сведения долгое время служили своеобразной энциклопедией, откуда ученый мир черпал научные данные об истории и культуре населения Коми края кон-

---

[1] Дневниковые записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. СПб., 1771–1805 Ч. I–IV; 2-е изд. СПб., 1795–1814; То же // Полное собрание ученых путешествий. СПб., 1821. Т. 3; 1822. Т. 4. Главы, посвященные путешествию по территории Коми края, были переизданы З.Я. Немшиловой в 1983 г. в Сыктывкаре в сборнике «В дебрях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми».

[2] *Чупин Н.К.* Указатель сочинений, в которых заключаются географические и статистические сведения о Пермской губернии // Перм. сб. Пермь, 1860. Кн. 2. Прил. С. 4.

[3] *Немшилова З.Я.* Коми народ в русской литературе в русской литературе XVIII–XIX вв. Сыктывкар, 1968. С. 6–20.

[4] *Лепехин И.И.* Дневниковые записки… С. 189–190.

ца XVIII в. Сведения, опубликованные И.И. Лепехиным, в ряде случаев уникальны, так как фиксируют отдельные детали народной жизни, которые исчезли в начале XIX в. и не описываются последующими исследователями, что позволяет считать его «Записки » одним из ценных литературных источников. Например, он публикует достаточно редкий сюжет о богатыре Пере, главном герое коми-пермяцких эпических сказаний[1]. Кроме того, он связывает этого героя и чудь из народных преданий, называя его «Чудениным». В его книге появляется самый известный персонаж коми-зырянского фольклора — колдун Шипича. Все эти сюжеты впервые появляются в русской научной литературе. Наряду с описанием традиционной культуры коми И.И. Лепехин в первый раз после ***Епифания Премудрого*** опубликовал текст литургии на древнекоми (древнепермском) языке. Однако И.И. Лепехин путает время христианизации коми-зырян и коми-пермяков, полагая, что это совершено ***Стефаном Пермским***. В настоящее время мы знаем, что это был разновременный процесс. По-видимому, И.И. Лепехин был знаком с текстом «Жития Стефана Пермского» Епифания, потому что его описание верований коми-пермяков, в частности поклонения и жертвоприношения «кумирам и истуканам», очень похоже на приводимое Епифанием Премудрым[2]. Именно благодаря этой публикации научной общественности стал доступен давно забытый к этому времени пласт древней культуры народа коми[3]. Перевод сочинения И.И. Лепехина на немецкий и частично французский языки сделал эти материалы доступными мировому научному сообществу. О популярности сочинения И.И. Лепехина свидетельствует следующий факт. В Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике имеется анонимный рукописный сборник, который содержит «Исторические известия о зырянах И. Лепехина», выполненный уже в третьей четверти XIX в.[4]

Еще во время экспедиции в 1771 г. И.И. Лепехин был избран профессором естественной истории и академиком Санкт-Петербургской академии наук. Позднее он стал членом различных зарубежных научных обществ. Его перу принадлежит ряд ученых трудов. Помимо научной работы он вел большую организаторскую деятельность. В течение 15 лет был инспектором Академической гимназии, исполнял функции директора Ботанического сада, редактора «Новых ежемесячных сочинений». Редактировал и перевел на русский язык «Естественную историю» крупнейшего французского естествоиспытателя Жоржа Бюффона.

Иоганн-Готлиб Георги (Jogann-Gotlib Georgi, 1729–1802) — русский натуралист, путешественник, этнограф, историк, академик[5]. Родился в Германии, в Померании, в небольшом городке Вехгольцхаген в семье священнослужителя. Здесь он получил первоначальное образование. Позднее несколько лет служил аптекарем, потом переехал в Швецию, где изучал медицину в Уппсальском университете. В Уппсале он посещал лекции Карла Линнея. Здесь он, по некоторым сведениям, получил степень доктора медицины. Но при назначении на должность адъюнкта Петербургской академии наук доказательств этому И.-Г. Георги привести не смог. Затем он вновь работал на родине. Услышав о подготовке научных экспедиций в России, предложил свои услуги Санкт-Петербургской академии наук, и был приглашен для работы в России по

---

[1] *Лепехин И.И.* Дневниковые записки… Т. 3. С. 194–195.

[2] Там же. С. 396, 398.

[3] Там же. С. 242–249. Текст литургии и приложенный к нему словарь подробно рассмотрены *В.И. Лыткиным* в его книге «Древнепермский язык». (М., 1952. С. 51–74, 149–161.)

[4] Памятники письменности в музеях Вологодской области: каталог-путеводитель. Вологда, 1989. Ч. 1. Вып. 3. С. 91.

[5] Двести двадцать пять лет со дня рождения академика И.И. Георги // Изв. АН СССР. Сер. геологическая. 1954. № 5. С. 148–149; *Осипов В.И.* Петербургская академия наук… С. 51, 83–84; *Пирютко Ю.М.* Предисловие к книге И.-Г. Георги. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб., 1996. С. 3–12.

рекомендации директора Ботанического сада профессора И.П. Фалька. Так он в 1769 г. оказался в числе участников Первого оренбургского отряда ***П.С. Палласа*** и посетил Поволжье, Среднее и Южное Приуралье, Западную Сибирь, Прибайкалье[1]. В 1776 г. был произведен в адъюнкты Академии по рекомендации ***П.С. Палласа***, а в 1783 г. избран академиком. Через некоторое время после смерти М.В. Ломоносова он назначается директором химической лаборатории Академии наук. И.-Г. Георги — автор одного из первых описаний Петербурга. За свои достижения в науке был избран почетным членом ряда иностранных научных обществ.

Во время своего путешествия по России И.-Г. Георги собрал множество этнолингвистических материалов. Бóльшая часть этого собрания была использована им при подготовке «*Описания всех, в Российском государстве обитающих народов...*»[2] Книга И.-Г. Георги обобщила огромный этнографический материал, собранный в ходе научного исследования России его предшественниками и современниками. Автор в своем предуведомлении отмечал, что «*источники, из которых почерпнуто сие описание народов, обитающих в России, их житейских обрядов… суть во первых Летописцы Российския, а во вторых, и по большей частию, описания частныя России подданных народов, сделанные и изданные в Свете Профессорами и Историографами: Миллером, Гмелиным, Крашенниниковым, Штеллером, Фишером, Рычковым, Палласом, Лепехиным, Лемом… и другими*»[3]. Эти путешествия показали, что, несмотря на длительный период межэтнических контактов и взаимовлияний, воздействие православия, народы России сохранили свои этнокультурные и языковые особенности. Первая сводная работа о народах России была выполнена в виде очерков об отдельных народах и проиллюстрирована рисунками. В этом сочинении И.-Г. Георги впервые в российской науке применил историко-лингвистический принцип классификации народов, выделив особую группу народов «финского племени». И.-Г. Георги как ученому была присуща редкая способность синтезировать разнохарактерные источники и мнения, восходящая к ботанической классификации его учителя К. Линнея. Кроме того, он уверенно, пользуясь сведениями своих предшественников и коллег, делает важный вывод о происхождении этих народов из одного пранарода. Говоря о родстве финно-угорских народов, И.-Г. Георги заключает: «*...весьма удивительно, что премногие, в рассеянии живущие, финские поколения, и при различном положении занимаемых ими мест, имеют еще и теперь очень много собственного и сообразного главным финского племени коленом в рассуждении телообразия, общенародных свойств, языка, нравов, одежды, суеверия и прочего... Впрочем, кажется быть и действительно вероятно, что столь великое сходство доказывает неоспоримо основанное на самой истине мнение г. Статского Советника Миллера, так и профессора Фишера: что все сии народы суть не особливые какие, но только отщетившиеся от финского племени колена*»[4]. Он дает самую полную для XVIII в. картину, изображающую финно-угорские народы, посвятив им первый том своего описания, хотя его очерки о них неодинаковы. Так, И.-Г. Георги достаточно подробно пишет о народах Поволжья, о саамах и т.д., дает характеристику коми-пермякам, но совсем мало пишет о коми-зырянах. Сегодня мы можем сказать, что он ошибочно включил в их число латышей и чувашей. Правда, следует отметить, что в XVIII в. большинство ученых считало чува-

[1] *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов // Тр. архива АН СССР. 1940. Вып. 4. С. 106–108.

[2] *Георги И.-Г.* Описания всех, в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, достопамятностей. СПб., 1776–1777. Ч. 1–3. Более подробную характеристику этого сочинения см.: *Токарев С.А.* Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестн. Москов. ун-та. 1958. № 4. С. 113–127.

[3] Там же. С. 5.

[4] Там же. С. 42.

шей финно-уграми. Однако И.-Г. Георги обозначает, что «*они свой язык смешали с Татарским*». Главное — И.-Г. Георги первым в мировой науке попытался дать общую этногенетическую характеристику финно-угров и народов Европейского Севера. В наиболее полном виде она приведена ученым в издании 1799 г.[1] Здесь он впервые высказывает парадоксальную мысль: «*финские народы или древние руссы суть коренной России народ*». По его мнению, древние руссы в прошлом занимали все пространство Европейского Севера, «*от Хвалынского моря по восточную сторону Волги, до Белаго простирались по Северному Океяну, по восточной стороне Ботнического залива*». То есть он первым попытался идентифицировать летописные мифологические народы Русского Севера. Он пишет, что «*по пришествии на княжение Рурика, да и прежде уже столько перемешались и породнились со Славянами, что напоследок стали составлять один народ*». А финно-угорские племена «*суть того древняго Русскаго народа*» и являются самыми древними обитателями северной России.

Его сведения о народах коми достаточно скудны, но интересны. Так, И.-Г. Георги считал, что в прошлом они были жителями отдельного государственного объединения в Западном Приуралье. Сами же «*древние Пермяки и Зиряне во всем сообразны Финнам, язык их, и все идолослужение, малым чем отменены от Финскаго. В самые древние времена славны они были в торговле, которую производили они с Персиянами и подвластными Великому Моголу народами… Остатки древних Северной сей страны городов свидетельствуют и теперь о благополучном старинных жителей состоянии*»[2]. Оригинальна его мысль о том, что миссионерская деятельность Русской православной церкви, начиная со ***Стефана Пермского*** и его преемников, привела к тому, что «*большая половина пермяков и Зирян, в Великой Перми обитавших*», была вынуждена перебраться за Урал и стала называться «*Отяками*». Ученый придерживался теории, согласно которой ханты — отяки происходили от коми, переселившихся в нижнее течение Оби. Эта гипотеза И.-Г. Георги имеет лишь исторический характер, ибо этногенез обских угров сегодня рассматривается совершенно иначе.

Завершая разговор о материалах эпохи академических экспедиций, необходимо вспомнить об исследованиях еще одного участника этих научных мероприятий. Речь идет об академике Санкт-Петербургской академии наук ***Петре Борисовиче Иноходцеве*** (1742–1806), русском путешественнике, естествоиспытателе, астрономе. Он происходил из мелкопоместных дворян. В 1752 г. был определен в Академическую гимназию, а в 1760 г. — переведен в академический университет. В 1765 г. П.Б. Иноходцев направляется для учебы в Германию, где занимается физикой, математикой, геологией, ботаникой, но особенно астрономией. В 1767 г. возвращается в Петербург и становится адъюнктом Петербургской академии наук. С 1778 г. — экстраординарный, а с 1783 г. — ординарный академик. Некоторое время работал цензором в Риге. В 1769–1775 и 1781–1785 гг. провел две большие экспедиции по Европейской России. В ходе второй побывал в Вологде. В описании вологодского наместничества он приводит некоторые сведения о коми-зырянах, их языке, отдавая должное описательной этнографии[3].

Собранный в течение всего XVIII в. свод данных как по народу коми, так и по другим финно-угорским народам показал, что научный потенциал фактологических сведений, доступных ученым для решения проблемы финно-угорского родства (а изучение коми народа в этот период следует рассматривать именно в таком ключе), исчерпан и нужны активные специальные полевые исследования этих народов в местах их проживания. Эта за-

[1] *Георги И.-Г.* Описания всех, в Российском государстве... 1799. С. 1–2 и след.

[2] Там же. С. 77–78.

[3] *Иноходцев П.* Описание городов Вологодского наместничества с их округами // Месяцеслов исторический и географический на 1792 г. С. 1–40.

дача была решена уже в течение следующего, XIX века. И здесь, как ни странно, в силу ряда обстоятельств важная роль принадлежала народу коми, который в какой-тот момент оказался «эталоном», на котором отрабатывались новые для того времени методы исследования, в частности в работах таких исследователей, как ***А.И. Шегрен*** и ***М.А. Кастрен***.

Таким образом, в течение XVIII столетия появляется значительное количество данных о традиционной культуре народов коми. Они существенно отличаются от того, что было известно из работ авторов предшествующих столетий, не только количеством, но и качеством, несмотря на то, что их знания о Московской Руси были недостаточны, а иногда и неверны. Эти сведения не только более научно обоснованны, но и содержат значительно меньше легендарного, мифологического материала. Характерный для предшествующего времени эмпирический характер подбора фактов, тенденциозность, при которых грань между фантастическим и достоверным знанием зачастую стирается, постепенно сменяется систематизацией, основанной на научной методологии, новой философской и исторической концепциях, вниманием к реальным общественным и хо хозяйственным отношениям у различных народов России, в том числе и у коми. Народоведческие описания и обобщения постепенно сменяются первичной рациональной теоретической обработкой. На это сильное влияние оказала методология Г. Лейбница. Например, хаотичность изложения материала в сочинении Н. Витсена у Ф.-И. Страленберга сменяется стремлением к систематизации собранного лингвистического материала в виде специальных таблиц. Кроме того, этот этап, хронологически охватывающий фактически весь XVIII в., был подчинен общей идее эпохи Просвещения — рационального познания окружающего мира. Народоведение было частью общей программы академических экспедиций, которые зафиксировали огромный пласт этнокультурной информации. Ее осмысление было предпринято многими выдающимися исследователями этой эпохи как в России, так и за ее пределами. Прежнее мифологизированное пространство, этнические очертания которого были весьма расплывчаты и условны и обозначались собирательными названиями типа «*чудь, чухна, пермь, печора, югра*», постепенно приобретает реальные границы. Позднее принцип всеохватывающего энциклопедизма, характерный для научного познания эпохи Просвещения, приводит к появлению первых монографических описаний, в частности, можно назвать работы И.И. Лепехина, П.С. Палласа и И.Г. Георги. Финно-угорская проблематика становится неотъемлемой частью исторических исследований, проводимых Санкт-Петербургской академией наук. Несмотря на то что они чрезвычайно пестры и многообразны, полученные данные позволили ученым сделать несколько важных выводов.

Во-первых, стало ясно, что коми-зыряне и коми-пермяки «однородные», как отмечал И.И. Лепехин, т.е. родственные, народы. Были очерчены границы их расселения, стала понятна система хозяйствования и т.д.

Во-вторых, эти исследования также подтвердили, что народы коми являются родственными другим финно-угорским народам. Появились первые теории их происхождения, которые были сформулированы Д.Г. Мессершмидтом, Ф.-И. Страленбергом, Г.Ф. Миллером, В.Н. Татищевым, И.Э. Фишерорм, П.С. Палласом и Г.-И. Георги[1].

В-третьих, началось изучение древней истории этих народов, рассматривались проблемы вхождения народов коми в состав Русского государства.

[1] *Терюков А.И.* Финно-угорские народы в российской науке XVIII века // Мавродинские чтения — 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: материалы юбилейной конф., посвящ. 70-летию ист. фак-та С.-Петерб. ун-та. СПб., 2004. С. 282–284.

Глава 3

НАЧАЛО СИСТЕМАТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ КОМИ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

В XIX в. увеличивается количество информации по традиционной культуре народов коми. Она становится более достоверной и качественной, чем в предыдущие годы. Весь материал по способу сбора и публикации можно разделить на три большие категории:

1) материалы, собранные в ходе специальных научных исследований;

2) исследования, являющиеся результатом деятельности местных краеведов и краеведческих организаций;

3) данные этнографической беллетристики.

Именно наличие значительной информационной базы позволяет некоторым исследователям в этот период приступить к новому этапу в исследовании народов коми — первым попыткам монографического обобщения, которые предпринимались в начале 1830-х гг. ***А.И. Шегреном***, в 1860-е гг. — ***К.А. Поповым*** и в конце 1880-х гг. — ***И.Н. Смирновым.***

3.1. Этнографические материалы по народам коми, собранные в ходе специальных научных исследований

3.1.1. Изучение Коми края в ходе специальных этнографических научных исследований

Основным центром изучения народов коми в начале данного периода был Санкт-Петербург. Это связано с тем, что здесь находилась Академия наук, главный центр научных исследований в России. Здесь функционировал университет, который готовил необходимых специалистов. Основанное в 1845 г. Русское географическое общество стало организатором собственных исследований и, что более важно, методическим центром организации широкого краеведческого движения на местах[1]. Чуть позднее финно-угорская, в том числе и коми, проблематика становится актуальной для Казанского университета, где было выполнено несколько подобных исследований. С 1880-х гг. активное изучение финно-угорских народов наблюдается в Финляндии, в рамках Финского литературного и Финно-угорского обществ[2].

---

[1] *Терюков А.И.* Финно-угорская этнография в Петербурге-Ленинграде // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л. 1989. С. 7–17; *Он же*. Санкт-Петербургская Императорская Академия наук и становление современного финно-угроведения // Петербургская Академия наук в истории Академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы междунар. конф. Т. 2. СПб., 1999. С. 227–233; *Сануков К.* Финно-угристика о финно-угорских народах России: основные этапы и тенденции развития исследований // Финно-угроведение. 2000. № 1. С. 3–16; *Branch M.* The Academy of Science in St-Petersburg as center of Finno-Ugrian studies 1760-1860 // JSFOu. 1995. V. 86. P. 67–86; *Он же*. The Academy of Science in St-Petersburg as center for study of nationalities in the North-East Baltic // Studia Fennica. Ethnologica. 1999. 6. P. 122–137.

[2] *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. 1880–1980 гг. М., 1995.

Крупный вклад в изучение данной проблемы в этот период был сделан ***Андреем Михайловичем Шегреном*** (1794–1855), финским ученым, для которого Россия стала второй родиной[1]. Андреас Иоханес Шегрен (Andreas Johann Sjögren) родился в 1794 г. в семье сапожника в деревне Ситиккаля прихода Иитти (Финляндия). Своими способностями он обратил на себя внимание местного пастора Израеля Штольберга (I. Ståhlberg), который помог закончить ему сначала народную начальную школу г. Ловиза (Ловииса), затем гимназию в г. Поорво (Борго) и поступить в 1813 г. в Академию Або (Университет Турку). Пастор И. Штольберг был известным переводчиком и писателем. Именно он раскрыл юноше научную идею финно-угорского родства. Кроме того, он познакомил своего ученика с Куста (Густавом) Ренваллом, финским священником, автором словаря и грамматики финского языка, представителем т.н. «ранних будителей», неформальной группы представителей интеллигенции г. Або, которые стремились к возрождению интереса к финской культуре[2]. В гимназии г. Поорво его учителем истории был известный финский просветитель Пер (Петер) Йоханн Алопеус (P.J. Alopaeus). П.Й. Алопеус, в свою очередь, был студентом Хенрика Габриэльа Портана (H.G. Porthan), выдающегося финского ученого-гуманитария. Именно П.Й. Алопеус впервые в своих лекциях раскрыл А.И. Шегрену идеи Г. Портана об истории Севера Европы, о народах, населяющих этот регион, их лингвистическом и генетическом родстве[3]. Его научное мировоззрение в дальнейшем формировалось в стенах Академии Або, где он изучал новые, классические (древние) и восточные языки под влиянием лингвистических открытий датского филолога, одного из основоположников индоевропеистики и сравнительно-исторического языкознания Расмуса Кристиана Раска, историко-культурных взглядов немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера и духовного наследия Х.Г. Портана. Во время общения с Р. Раском в Або в 1818 г., когда он направлялся в Персию и Индию, он впервые понял основную идею датского ученого: только исследуя и сравнивая языки, можно постичь историю народа и установить его родственные связи, если отсутствуют письменные источники.

После возвращения из поездки Р. Раск уточнил имевшуюся к тому времени общую картину финно-угорского мира, выделив в ней три группы: финскую (финны, эстонцы, саамы, марийцы, мордва), югорскую (венгры, манси, ханты) и биармийскую (коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты)[4]. В это же время университант А.И. Шегрен познакомился с научными публикациями еще одного финского просветителя — Кристфрида Гананде́ра, тоже ученика Г. Портана, в частности с его «Финской мифологией»[5]. Впоследствии эти положения стали основными в его научной методологии. Во многом эти положения исследователя сформировались во время проведенных со своим сокурсником по Академии

---

[1] О жизни и деятельности Шегрена см.: Андрей Михайлович Шегрен // ЖМНП. 1855. Ч. 86. Отд. 5. С. 1–8; Перечень сочинений академика Шегрена, напечатанных с 1821 по 1854 год // Учен. зап. Императорской Академии наук по I и III отделениям. 1855. Т. 3. Ч. 4. С. 569–583; Шегрен — академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук. К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993; *Терюков А.И.* А.И. Шегрен и граф Н.П. Румянцев // Румянцевские чтения. М. Ч. 2. С. 256–262; *Он же.* А.И. Шегрен и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 3–15; *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах...; *Он же.* Финно-угорские этнографические исследования... С. 194–225; *Ahlqvist A.E.* A.J. Sjögrenin elamakerta ja kirjoikest // Kieletär. Helsinki, 1875. № 1. S. 3–20.

[2] О роли Г. Ренвалла в становлении теории финно-угорского родства см.: *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus // MSFOu. Vol. 206. S. 260–264.

[3] *Branch M.* A.J. Sjögren studies of North // MSFOu. Vol. 260–264.

[4] О финно-угроведческих идеях Р. Раска см.: *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung… S. 242–243, 295–298; *Кузьмеенко Ю.К.* Лингвистическая концепция Расмуса Раска // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. Л., 1984. С. 25.

[5] *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung… S. 222; *Карху Э.Г.* Карельский и Ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии. СПб., 1994. Т. 1. С. 15–16.

Арвидом Строльманом в 1816 г. каникул под Петербургом, в Губаницах, когда он впервые услышал финскую и ижорскую речь за пределами Финляндии. К этому моменту относятся его первые этнографические и фольклористические опыты: А.И. Шегрен записал здесь свадебный обряд ингерманландских финнов и несколько рун калевальского цикла. Результаты этой поездки, а также вторичного посещения Ингерманландии в 1817 г. привлекли его внимание к финскому языку. Как пишет М. Бранч, именно с этого времени в его дневниках начинают появляться записи, сделанные по-фински, до этого он писал только на шведском языке. Там же появляются заметки и о самом финском языке[1]. В студенческие годы А.И. Шегрен со своим другом Абрахамом Поппиусом организуют в Або публичный литературный студенческий клуб из студентов Выборгского и Ньюландского землячеств, на заседаниях которого, кроме обсуждения переводов текстов немецких философов и эстетических статей, рассматривались образцы народной поэзии[2]. Ко времени окончания университета за ним закрепилась слава человека, желающего заниматься изучением истории и культуры финно-угорских народов.

После завершения образования и получения степени магистра философии и свободных искусств, а также стажировки в Упсале, с 1819 по 1820 гг. он состоял помощником библиотекаря «Абовского университета»[3]. В том же 1820 г. А.И. Шегрен приезжает в Петербург, где получает место домашнего учителя в семье епископа Финской лютеранско-евангелической церкви Ингерманландии Захария Сюгнеуса, где служил около года. Здесь он активно изучает русский язык, знакомится с сочинениями Н.М. Карамзина и ***Евгения Болховитинова***, переводит на немецкий язык ряд русских исторических сочинений, которые не были опубликованы. Но его положение в столице империи было неопределенным, он постоянно искал повод для возвращения в Финляндию. В этот период его активно поддерживал Андрес Йоханес Гиппинг (Andres Johann Hipping, 1788–1862), финский пастор и ученый. Они познакомились еще в Або (Турку), где обсуждали планы будущих исследований. Именно тогда он предложил А.И. Шегрену поехать в Петербург, лично познакомиться с графом Н.П. Румянцевым, членами Петербургской академии наук и заинтересовать их со своими научными планами. А.И. Гиппинг, выпустник Або Академии, был известен как автор «Опыта шведско-русского разговорника», первого русско-шведского словаря, благосклонно принятого русским обществом и отмеченного личной наградой Александра I. Появление этого разговорника было вызвано присоединением Финляндии к Российской империи и должно было помочь русским чиновникам в управлении новыми землями. В Петербурге он начал активно заниматься изучением истории Севера и публиковать небольшие статьи, чем привлек к себе внимание выдающегося историка, русского академика Ф. Круга. Н.П. Румянцев принимает его на работу библиотекарем. За время работы А.Й. Гиппинг привел в порядок огромное собрание книг и манускриптов, составил первый рабочий каталог. Сотрудником Н.П. Румянцева он оставался до 27 февраля 1823 г., когда по высочайшему повелению был назначен пастором в Финляндию. Уже там он заканчивает свое главное сочинение «Нева и Ниеншанц», посвященное шведскому периоду владения устьем Невы и Ингерманландией[4]. По его рекомендации А.И. Шегрен становится библиотекарем Румянцева. Воздействие

[1] *Branch M.* A.J. Sjögren...

[2] *Haltsonen S.* Antii Juhanna Hippingin...

[3] Формулярный список о службе и достоинстве ординарного академика Императорской Академии наук статского советника Шегрена. 5 января 1855 г. // Дело Комитета правления Императорской академии наук о смерти академика Шегрена и назначении вдове его пенсии. 7 января 1855 — 25 июня 1876 гг. // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 656, л. 3.

[4] *Терюков А.И.* Петербург и финская наука // Санкт-Петербург–Хельсинки. Хельсинки–Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С. 25–26; *Haltsonen S.* Antti Juhanna Hippingin tutkielma suomalaisesta kirjallisuudesta v. 1820 // Kirjallisuudentutkijain seuran vuosikirja. Helsinki, 1954. Vol. 13. S. 125–136.

А.И. Гиппинга на историческое образование А.И. Шегрена несомненно; с его помощью он попал в академические круги и, что было немаловажно, получил доступ к уникальной румянцевской библиотеке. Позднее А.Й. Шегрен записал в своем дневнике: «*Я был щедро снабжен из богатой именно по тому предмету библиотеки известного мецената России, государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, с которым лично познакомиться имел счастье в свое пребывание в Санкт-Петербурге*»[1].

Одновременно А.Й. Гиппинг знакомит молодого ученого с архиепископом Финской лютеранско-евангелической церкви Якобом Тенгстремом (J. Tengström) и статс-секретарем Великого княжества Финляндского Робертом Генрихом Ребиндером (R.H. Rehbinder). В это время они были одними из самых влиятельных людей в Финляндии.

Я. Тенгстрем был представителем той части финской элиты, которая была настроена по-российски, и связывала будущее Финляндии после 1809 г. с Россией. Он был одними из главных действующих лиц отторжения Финляндии от Швеции и присоединения ее к России. Как видно из его письма графу Н.П. Румянцеву, он связывал с Россией не только политическое будущее страны, но и изучение ее истории: «*Я с полным основанием надеюсь, что история Финляндии, пока столь мало изученная, получит новые богатые сведения благодаря мемуарам и произведениям русских авторов, которых до сих пор у нас не было достаточно, и что будущие исследователи финской истории будут всегда признательны Вашему превосходительству за предоставленные им в таком изобилии источники для новых исследований древностей своей родины*»[2]. Поэтому исследовательские планы А.И. Шегрена были близки им. Именно под воздействием А.И. Гиппинга он пишет и публикует свою первую научную работу, названную «О финском языке и литературе»[3]. Она была издана при финансовой поддержке Н.П. Румянцева. И хотя эта книжка вызвала споры среди финских публицистов и историков, она была первой попыткой доказать, что финский язык, как и другие европейские языки, — это развитый язык, который имеет богатые фольклорные традиции и литературу.

А.И. Шегрен отмечает в начале своей брошюры: «*Особенно необходимо обстоятельное исследование нашего языка, в первую очередь необходимо из-за того, что он из-за полной нехватки памятников древности является единственным источником, из которого можно надеяться вывести какие-нибудь знания, поясняющие историю финляндского народа более раннего периода*»[4]. Уже в первой научной работе он четко определяет методологию — сравнительно-исторический лингвистический метод, что сыграло важную роль: на молодого ученого обратили внимание как в Петербурге, так и в Гельсингфорсе и Або. После этого Н.П. Румянцев предложил А.И. Шегрену выработать и представить ему на рассмотрение свой план экспедиции по изучению финно-угорских народов и их языков. Ибо государственный канцлер считал, «*что молодому ученому надо было бы предпринять путешествие во внутренних губерниях России, чтобы познакомиться с разными остатками некогда обширного и многочисленного финского племени*»[5].

В плане, который он представил, А.И. Шегрен исходил из того, что для полного понимания истории Севера Европы крайне важно изучение финно-угорских народов, в первую очередь «*языка зырян, пермяков, вогулов, вотяков, черемисов, мордвы и остяков*». В основу плана была положена идея финно-угорского родства, высказанная к этому времени С. Дьярмати, С. Шайновичем

[1] Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, д. 35, л. 1 об.

[2] *Похлебкин В.В.* Переписка Н.П. Румянцева с финляндскими учеными // Скандинавский сборник. 1962. Вып. 5. С. 322–323.

[3] *Sjögren A.J.* Uber die finnische Schprache und ihre Literatur. SPb., 1821.

[4] Там же. S. 2.

[5] Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, д. 35, л. 2.

и Г. Портаном. Методологически он предлагал провести масштабное изучение не только словарного состава, но и, что крайне важно, в первую очередь структуры и грамматики этих языков. Исполнить этот план, по его мнению, мог человек, имеющий специальное образование и знающий финский язык. Реализовать весь план предполагалось за три года, причем один год отводился на подготовительные работы в архивах и библиотеках. В ходе путешествия исследователь предполагал проехать по Русской Карелии, между Ладогой и Онегой, затем по районам, населенным коми-зырянами и коми-пермяками, вплоть до остяков на Оби и Конде и возвратиться через Оренбург. Кроме изучения языков, он намеревался собирать материалы по обычаям, традициям и обрядам, записывать сказания, народные песни и т.д.[1] Н.П. Румянцев хотя и одобрил этот план, но от его финансирования, чего добивался А.И. Шегрен, отказался, заявив, что не доживет до завершения такого масштабного проекта.

В 1822 г. к планам финского ученого обращается Р. Ребиндер. По его просьбе А.И. Шегрен направляет ему для ознакомления свой план и просьбу о финансировании из специальных средств казначейства Великого княжества Финляндского. Получив разрешение Александра I, Р. Ребиндер сообщил А.И. Шегрену, что он наделяется на 3 года всеми правами и привилегиями официального путешественника, выполняющего дела государства с выплатой ему 3000 рублей ассигнациями ежегодно. В 1826 г. по предложению академика И. Круга его путешествие было продолжено еще на два года, но уже за счет Академии наук.

Так, в 1824–1829 гг. А.И. Шегрен предпринял большое путешествие по Европейскому Северу, в ходе которого побывал у карел, вепсов, саамов, коми-зырян, ненцев, коми-пермяков, удмуртов[2]. За это время он проехал 18 432 верст. Собранный им материал совершил революцию в науке о финно-угорских народах. Ибо, как образно заметил М. Бранч, «*финно-угроведение в 1829 г. было интересным и часто спекулятивным занятием лингвистов и историков. И именно вклад А.И. Шегрена в эту область науки через 5 лет после возвращения в Санкт-Петербург дал научному миру основу идей и методологию, которая превратила это интересное хобби в научную дисциплину*»[3]. Наиболее полный анализ методологии исследований А.И. Шегрена был сделан М. Бранчем[4]. В его сочинениях, опубликованных в течение 1828–1834 гг., впервые была нарисована ясная и определенная картина истории, расселения и развития языков саамов, прибалтийско-финских и пермских народов[5]. В ходе путешествия А.И. Шегрен установил границы расселения этих народов, описал основные диалекты их языков, открыл науке новый народ — вепсов, нарисовал картину этнического состава Ингерманландии. Он впервые показал, что сравнительно-исторический метод, предложенный Я. Гримом и Р. Раском для индоевропейских языков, можно и необходимо применять в финно-угроведении. Новый метод, а также использование данных ономастики, этнографии, археологии, считавшихся до этого времени вспомогательными в исторических изысканиях, позволили А.И. Шегрену серьезно продвинуться в решении проблемы финно-угорского родства.

Можно согласиться с мнением А.Е. Загребина о том, что, «*находясь в экспедиции, А.И. Шегрен прошел сложную трансформацию от восторженного юноши до умудренно-*

---

[1] *Branch M.* Op. cit. P. 41–42.

[2] Путешествие доктора Шегрена для исследования обитающих в России народов финского племени // Исторический, статистический, географический журнал. 1829. Ч. 3. № 8. С. 99–103; Ч. 4. № 11. С. 98–112; № 12. С. 191–193; Путешествие доктора Шегрена для исследования обитающих в России народов финского племени // Санкт-Петербургские ведомости. 1829. № 128, 130–133.

[3] *Branch M.* Op. cit. P. 182.

[4] Idem. P. 185–219.

[5] *Терюков А.И.* К историографии этнической истории Русского Севера: А.И. Шегрен // Нестор. № 10; Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 360–380.

го во многих вопросах ученого, не утратившего, тем не менее, изначального выбранного пути»[1].

На основе собранных материалов А.Й. Шегрен написал первый обобщающий труд по народам коми — «Зыряне», который был опубликован на немецком языке уже после его смерти[2]. К сожалению, не изданный до сих пор на русском языке и поэтому мало используемый современными учеными основополагающий труд А.Й. Шегрена отражает новый этап в изучении истории и культуры народов коми. Во-первых, в нем впервые был представлен свод большого массива исторических документов, которые касались политической истории Русского Севера в период борьбы за эту территорию между Москвой и Новгородом. Во-вторых, рассматривая проблему *Биармии, Еми* и *Чуди*, любимых тем исторических исследований конца XVIII — начала XIX в., он впервые для решения этой проблемы применил т.н. «ономастический метод», под которыми он понимал в первую очередь использование данных топонимики и антропонимики. Одновременно он привлек материал по диалектологии и историческим преданиям. В-третьих, в этой работе он впервые выдвинул научную гипотезу происхождения народа коми и попытался на основе топонимического материала определить районы прежнего проживания коми. Вместе с тем А.Й. Шегрен определил место коми языка в числе остальных финно-угорских языков. Кроме того, в работе мы встречаем большое количество фактического материала по физической географии Коми края, сельскому хозяйству, промыслам местного населения, календарным и семейным обрядам, фольклору. И если теоретическая сторона его изысканий сегодня имеет значение лишь для истории финно-угроведения, то фактический материал, приведенный в этом разыскании, не потерял своего значения до настоящего времени.

Что было известно о Коми крае в начале XIX в. до Шегрена? В основном данные, представленные в сочинениях ***И.И. Лепехина и Евгения (Болховитинова)***. История присоединения Коми края была в общих чертах обрисована в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Как этот народ воспринимался русской интеллигенцией, показано в отрывке «Петрозаводской руны» Федора Глинки, поэта-декабриста, знакомого А.И. Шегрена по Петрозаводску, отбывавшего ссылку в Карелии:

Дорогой доктор Шегрен,
Так долго, так долго
Я печально ждал твоего письма.
Я думал, где же теперь наш Шегрен.
Может быть, он там, где мирные зыряне,
Хорошие дети природы,
Стреляют диких животных в дубовых лесах,
Разводят диких пчел.
Целомудренный народ,
Который ничего не знает о воровстве и лжи[3].

Как оказалось, все было иначе: не было, дубрав, бортничества и т.д.

Впервые А.И. Шегрен заинтересовался зырянами еще во время путешествия по Архангельской губернии в 1826 г. К этому моменту он уже выдвинул научную гипотезу о том, что финские племена, названные им *Емью*, занимали территорию дальше на восток, вплоть до Мезени. Поэтому, судя по записям в его дневнике, он занимался поисками материалов о зырянах. Но по-настоящему этой проблемой он занялся в марте 1827 г. в Вологде[4]. Вологодский губернатор Брусилов, вице-губернатор Татаринов и епископ Онисифор оказали полное содействие в деле получения материалов из местных архивов. Здесь он познакомился со знаменитой «Зырянской Троицей», иконой, согласно легенде написанной ***Стефаном Пермским***, и текстом на древнепермском языке. Этот отрывок был

[1] *Загребин А.Е.* Финно-угорские этнографические … С. 207.

[2] *Sjögren A.J.* Die Syrjänen: ein historisch-statistisch-philologiscer Versuch // Sjögren A.J. Gesammelte Schriften. SPb., 1861. Bd. 1. S. 235–459.

[3] *Branch M.* Op. cit. P. 141.

[4] *Суворов И.Н.* Академик Шегрен в Вологодской губернии // Вологодские ГВ. 1899. № 256, 257.

ранее опубликован ***Евгением (Болховитиновым)***[1]. И хотя Шегрен впоследствии сам опубликовал эту надпись, он не смог ее расшифровать, сославшись на плохо сохранившийся текст[2]. Тем не менее позднее он специально заехал в с. Вожем, где в местной церкви находилась копия с «Зырянской Троицы». Как А.И. Шегрен пишет в своих дневниках, язык коми он начал изучать еще в Архангельске в 1826 г.[3]

В июле 1927 г. Шегрен достиг пределов Коми края. Через Усть-Вымь и Серегово он добрался до Усть-Сысольска, где провел 5 недель. Здесь он исследовал местный архив и занялся совершенствованием знаний в коми языке, а также ознакомился с жизнью и бытом местного населения. Его учителем и консультантом был местный житель Иван Родионович Мальков. С его помощью А.И. Шегрен попытался расшифровать отрывки древнепермского языка, но неудачно. Согласно записям в его дневнике, ученый убеждал своего учителя заняться составлением словаря зырянского языка. В Усть-Сысольске он вновь встретился с ***Н. Поповым***, с которым познакомился еще в Яренске. Позднее вокруг этого незаурядного человека объединятся местные краеведы-любители и начнут собирать лексикологический материал по коми-зырянскому языку. Усть-Сысольские же краеведы постоянно снабжали ученого своими материалами в Петербурге. В сентябре 1827 г. он выехал из Усть-Сысольска на юг, через Межадор, Вотчу и Ужгу на Нювчимские и Кажимские заводы, а оттуда его путь пролегал через Кайгородок в направлении на г. Глазов[4]. Во время пребывания в этих районах был собран значительный материал, что позволило ученому написать большую монографическую работу, представленную в Академию наук в качестве диссертации. Фактически она была написана в Казани, где А.Й. Шегрен «застрял» из-за болезни; там его настигла весть об избрании членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

Работа «Зыряне» состоит из семи глав разного объема. Первые четыре главы посвящены описанию географических условий и экономическо-статистических данных Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии, на территории которых проживало большинство коми-зырянского населения. По мнению М. Бранча, структура книги отражает форму сочинения академика Петербургской академии наук, экономиста и статистика Генрика Шторха «Материалы к познанию Российской империи», изданной на немецком языке, в частности ее раздел, озаглавленный как «Всеобщее описание Вологодского наместничества»[5].

Первая глава книги «Расположение и физические условия» посвящена описанию физической географии и природных богатств региона. Вторая — климату и его влиянию на продуктивность местного сельского хозяйства. При ее написании А.И. Шегрен широко использовал материалы метеорологических наблюдений, проводимых уездным лекарем из Яренска ***Н. Поповым*** и преподавателем Вологодской семинарии А.Ф. Фортунатовым. Третья глава, озаглавленная как «Промышленность и ремесло», дает подробную характеристику сельского хозяйства в количественном и качественном отношении, а также его доходности. Есть небольшой очерк о значении охоты и лесного промысла для местного населения. Из собственно промышленности описывается солеварный промысел в Серегово, а также небольшие местные железоделательные заводы. Эта часть его книги не потеряла своего научного значения и сегодня. Следующая глава — «Деление и население» — по своей сути, является историко-демографическим описанием городского и сельского населения региона, а также характеристикой и описанием основных мест обита-

[1] *Евгений (Болховитинов)*. О древностях вологодских и зырянских // Вестн. Европы. 1813. Ч. 71. № 17. С. 27–47; То же // Вологодские ЕВ. 1867. № 16. С. 535–545.

[2] *Sjögren A.J.* Die Syrjänen… S. 406.

[3] *Branch M.* Op. cit. P. 141.

[4] Idem. P. 144–148.

[5] Idem. P. 151; *Storch H.* Materialen zur Kenntniss des Russischen Reichs. Riga, 1798. Vol. 1.

ния зырян в Вологодской губернии (Яренский и Усть-Сысольский уезды). Она также представляет большой интерес для современных исследователей в силу богатства фактологического материала.

За этими четырьмя главами общего характера следует самая большая часть работы, названная автором «История и древность». Фактически в ней теоретически осмысливается громадный материал, собранный в ходе экспедиции в рамках гипотезы финно-угорского родства. Глава не ограничивается рассмотрением истории коми-зырян; предпринято исследование исторического развития всех финно-угорских народов. Как считает М. Бранч, в этой главе нашли отражение основные этапы эволюции идей А.И. Шегрена, касающихся истории и расселения финно-угорских народов[1].

В первой части этой главы А.И. Шегрен на основе анализа данных русских летописей, опубликованных источников, легенд и ономастической информации утверждает, что легендарная заволочская чудь включает предков лопарей (саамов), карелов, пермских народов и возможно самоедов (ненцев), а также *Еми* (предков финского племени *Хяме*)[2]. По мнению исследователя, в прошлом коми-зыряне проживали несколько севернее, чем теперь, и на западе ареал их проживания соприкасался с территорией расселения карел, лопарей и *Еми*. В этой работе он также исследует скандинавские саги, считая их достоверными источниками по истории Севера Европы. Далее предпринимает попытку обзора имеющихся сведений о племени (народе) *Пермь* с целью определения этимологии этого слова. По его мнению, русское слово Перм, Пермь, Перемь восходит к коми-зырянскому *перйöм(а) — то, что было вытащено*. Несмотря на то, что подобная этимология сегодня не принята в науке, это первая попытка научного объяснения этимологии данного слова.

Далее А.Й. Шегрен поднимает вопрос о коренном населении этой территории — *Заволочской чуди*. Слово «Заволочье» ученый сравнивал с финским словом Savo — Саво. По его мнению, русское (новгородское) вторжение на Европейский Север разделило единый массив карельской группы, оттеснив часть ее на северо-восток, до Пинеги и Мезени, а другую — на запад, северо-запад[3]. Поэтому в дальнейшем его исследование посвящено объяснению того, когда и как эта территория попала под русское влияние. Этот раздел интересен тем, что исследователь изображает картину расселения финских племен к началу русской колонизации. На востоке Европейского Севера А.И. Шегрен размещает предков коми-зырян и коми-пермяков, которые проживали на огромной территории беломорского побережья вплоть до устья Северной Двины. Их соседями были карелы и Емь, на юге до бассейна р. Волхова, а на запад от Северной Двины жили лопари (саамы). В местах контактов народов наблюдалось смешение этих этнических групп. Вторжение новгородцев привело к расколу финского этнического массива и движению отдельных этнических групп в места их современного проживания, причем *Емь* ушла дальше всех на запад. Эти процессы, по мнению ученого, завершились в течении XV столетия, к 1499 г. (В 1499 г. состоялся поход московской рати за Урал под предводительством С. Курбского, что привело к началу присоединения Югры к Московскому государству. — *А.Т.*) Высказанная теория об этнической истории Русского Севера долго была предметом научной дискуссии,

[1] *Branch M.* Op. cit. P. 152.

[2] «Зыряне» в полном объеме при жизни А.Й. Шегрена не публиковались, поэтому эта часть была издана им в виде отдельных статьей: *Sjögren A.J.* О древних местах жительства Еми. Материал для истории чудских племен в России // Чтения Императорской академии наук. 1831. Т. 1. С. 14–23; *Он же.* Uber die ältertn Wohnsitze der Jemen. I-II // Mémoires de l´Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. St.-Pétersbourg, 1832. Vol. 1. P. 263–345; *Он же.* Wann und wie wurden Sawolotschje und Sawolotschjen Tschuden Russisch? // Mémoires de l´Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. St.-Pétersbourg, 1832.Vol. 1. P. 491–526.

[3] *Sjögren A.J.* Die Syrjänen… S. 281–325.

последний всплеск интереса относится к 1950-м гг.[1]

Далее следуют рассуждения А.Й. Шегрена о других легендарных терминах — *Биармии*, *Холмгарде* и *Йомале*, часто встречающихся в скандинавских сагах, основанные на письменных источниках и собственных экспедиционных наблюдениях в Архангельской губернии в 1826 г. Ученый доказывает, что эта легендарная страна располагалась на берегах Северной Двины. По его мнению, на это в знаменитом рассказе Отера о его путешествии указывает слово Wjena, именно так карелы называют эту реку. Согласно его точке зрения сведения об этой стране викинги получили из русских летописей, в которых говорилось о местности, богатой мехами. Затем следует анализ слова *Йомала*. Для этого он использует сведения о зафиксированных в ходе путешествия легендах о *Чуди*. Предыдущие исследователи отрицали существование культа *Йомалы* и древнего города Холмграда из-за отсутствия документальных свидетельств. Ученый исходил из того, что саги не изображают Холмград в виде большого города. Речь идет не более чем о поселении рядом с храмом *Йомалы*. Храм был деревянным, как и многие другие постройки этого города, поэтому его следы трудно обнаружить. На то, что культ *Йомалы* на Русском Севере существовал, по мнению А.И. Шегрена, указывает тот факт, что на данной территории найдено значительное количество древней металлической пластики, имеющей определенный религиозный характер. Сам термин «Холмград» он расшифровывает, пользуясь данными коми языка, выводя его из словосочетания *кольем горт, кольӧм горт* — покинутый, оставленный двор, дом, поскольку имеет отношение к пришедшему в упадок храму-поселению. (Слово *горт* в коми языке имеет также значение «населенный пункт». — *А.Т.*) Отсюда А.И. Шегрен делает основной вывод этого раздела — легенда о Йомале и Холмграде имеет реальную основу, и Холмград существовал на месте современных Холмогор.

Следующий раздел этой большой главы посвящен рассмотрению истории городов и сельских поселений Яренского и Усть-Сысольского уездов. Особенное внимание обращается на коми-зырянское население, при этом используется ономастический метод[2]. Здесь он анализирует записанные им в районе г. Яренска фамилии местных жителей и легенды о некоем народе *Гам*. По мнению ученого, слово *Гам* сходно со словом *Емь*, этот народ был частью *Еми*, проживавшей здесь до ухода этого племени на запад и соответственно родствен финскому племени *Хяме*.

Интересны его рассуждения о деятельности ***Стефана Пермского***. Он скептически относится к факту создания миссионером древнепермской азбуки, заявляя, что святитель получил ее от местных жителей. Также он ставит под сомнение факт перевода им большого количества книг на этот язык и распространения литературы на этом языке. По его мнению, этому мешала, с одной стороны, высокая стоимость тиражирования книг, переписанных вручную, а с другой стороны, было слишком мало литературы, пригодной для перевода на древнепермский язык.

Завершается глава рассуждениями А.И. Шегрена об общем расселении финских племен и выводом о том что, коми-зыряне находятся «*на восточном фланге Еми*»[3]. В своих рассуждениях ученый исходил из того, что слово *зырянин (zyryan)* родственно (сходно) финскому слову *syrjäinen*, *syrjänen.* Здесь он делает еще один важный вывод о том, что различие между коми-зырянами и коми-пермяками только в языке, на самом деле они говорят на разных диалектах одного языка. Этот вывод долго считался аксиомой для финских лингвистов, хотя сегодня наука считает коми-зырянский и коми-пермяцкий разными литературными языками.

---

[1] *Бубрих Д.В.* Не достаточно ли емских теорий? // Изв. Карело-Финского филиала АН СССР. 1950. № 1. С. 80–92; *Шаскольский И.П.* О емской теории Шегрена и ее последователях. (К статье Д.В. Бубриха «Не достаточно ли емских теорий?») // Изв. Карело-Финского филиала АН СССР. 1950. № 1. С. 93–102.

[2] *Sjögren A.J.* Die Syrjänen… S. 404 и след.

[3] Ibid. S. 428 и след.

Шестая глава названа автором «Современные обитатели». Фактически это общее стандартное этнографическое описание коми-зырян, созданное на основе личных наблюдений[1]. Здесь указываются зоны проживания этого народа и распространения коми-зырянского языка, дается описание внешнего облика и народной нравственности, образа жизни и праздников. Много внимания уделяется изображению обрядов и обычаев, акцент делается на свадебном и похоронном ритуалах. Он первым из ученых обращается к народной словесности коми-зырян и публикует текст двух народных песен и 11 загадок[2]. По мнению А.К. Микушева, в работе А.Й. Шегрена достаточно подробно охарактеризована фольклорная традиция южных групп коми-зырян, в первую очередь сысольско-лузских диалектов, и представлены образцы посиделок, колядок, братчин[3].

Рассматривая коми-зырянский материал, ученый постоянно сопоставляет его с прибалтийско-финской, в первую очередь собственно финской, народной культурой, отмечая некоторые общие черты в свадебной обрядности и мифологии, а также все возрастающее влияние русской культуры на коми фольклор. Но из этого фактического материала он делает несколько странный вывод о недостаточности имеющихся форм народной поэзии у коми-зырян. А.И. Шегрене полагает, что это обусловлено религиозными причинами. Финская народная поэзия обеспечивает выход человеческой фантазии и воображения, которые сдерживаются суровостью лютеранской церкви. А приверженцы Русской православной церкви могут удовлетворять свои духовные потребности в великолепии и пышности религиозных обрядов. В завершении этого раздела А.И. Шегрен задает риторический вопрос: что бы произошло в Финляндии, если бы она осталась в рамках Римской католической церкви. Но ответа на свой вопрос не дает.

Седьмая глава посвящена лингвистической характеристике языка коми-зырян. Впервые к этому вопросу он обращался в 1821 г. в своей статье «О финском языке и ее литературе», в которой приводит некоторые лексические примеры из коми языка в сводной таблице по финно-угорским языкам[4]. Его языковедческие воззрения неоднократно становились предметом специальных исследований[5]. Эта глава интересна прежде всего в плане развития этногенетических взглядов ученого. Именно здесь он впервые ставит задачу доказать древнее родство между коми-зырянским и финским языками. По его мнению, раньше это родство не было установлено в связи с тем, что его пытались обнаружить, основываясь лишь на элементарные лексические параллели[6]. Однако если бы его предшественники имели возможность изучить структуру и грамматику зырянского языка, то они, возможно, пришли бы к другим выводам. Именно на основе изучения грамматики коми-зырянского языка А.И. Шегрен делает вывод о существовании подобного родства. Свое исследование он строит, основываясь на собственных наблюдениях, так как считает, что вышедшая к тому времени книга

---

[1] *Sjögren A.J.* Die Syrjänen… S. 433–446.

[2] По данным А.К. Микушева, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки имеется единственный известный к настоящему времени краткий текст коми заговора, записанный неизвестным автором скорописью XVIII в. (F. XVII, № 111, л. 198).

[3] *Микушев А.К.* Роль русской науки в развитии коми фольклористики // Фольклор Российской Федерации: материалы конф., посвящ. итогам и проблемам изучения народного творчества автономных республик (областей) РСФСР (Ленинград, ноябрь 1972 г.). Л., 1975. С. 31.

[4] *Sjögren A.J.* Uber die finnische Sprache und ihre literature. SPb., 1821.

[5] Например, *Лыткин В.И.* Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969. С. 310; *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов — языковед. Сыктывкар, 1980. С. 95–99; *Туркин А.И.* Материалы по коми языку в архиве А.М. Шегрена // Вопр. финно-угорской филологии. Л., 1977. Вып. 3. С. 86–93; *Он же.* А.М. Шегрен как исследователь пермских языков // 1994. № 2. С. 128–132.

[6] В преамбуле к главе А.И. Шегрен полемизирует с Ф.К. Аделунгом, отрицавшем в своем сочинении подобное родство: *Adelung J.C.* Mithridatres oder allgemeine Sprachenkunde. Berlin, 1806. Vol. 1. S. 535–537.

А. Флерова содержит многочисленные ошибки[1].

Ученый высказывался об этом так: «*Эта грамматика излишне много места отводит описанию общеизвестных грамматических понятий, что же касается основного ее предмета исследования — зырянского языка, то он освещается без надлежащего знания его специфики, с оглядкой на русскую грамматику, очень скупо и с крупными ошибками*»[2]. Кроме того, по его мнению, грамматика А. Флерова в целом основана на удорском диалекте коми-зырянского языка, в котором наблюдается сильное влияние ненецкого языка. (В настоящее время последнее наблюдение А.И. Шегрена не поддерживается современными лингвистами.) Ради справедливости надо сказать, что он впервые назвал имя автора этой грамматики — вологодского семинариста Филиппа Козлова, общетеоретические познания которого были крайне скудны.

В последующем финский ученый описывает основные диалекты и фонетическую систему языка. Он предлагает использовать для коми языка латиницу вместо кириллицы, так как она более удобна для письма. Для этого он сопоставляет 61 русское (церковно-славянское) слово и их коми-зырянские эквиваленты. Хотя ученый и провозгласил возможность использования латиницы в коми языке, его вариант коми алфавита использует только одну букву *J* для обозначения звука *Й*. Затем идет описание падежной системы, где он выделяет 13 падежей, которые в своей основе совпадают с нынешней классификацией (в современном коми литературном языке выделяют 16 падежей, а в грамматике А. Флерова, как и в русском, — всего 6). Далее характеризуются другие грамматические категории. Из них наиболее тщательно был разработан раздел о числительных, который, по мнению А.Й. Шегрена, является основным в теории финно-угорского родства[3].

К большому сожалению, как уже было сказано выше, эта фундаментальное сочинение А.Й. Шегрена не было опубликовано при его жизни. Научной общественности в это время стал доступен лишь краткий обзор его лингвистической части, опубликованный в 1832 г.[4] В нем он впервые дал научное описание грамматического строя языка коми и, что более важно, путем сравнения коми языка с финским доказал их родство. Последнее до этого времени отрицалось наукой.

Тем не менее значение этой статьи и лингвистической главы из «Зырян…» для науки, а точнее — для истории финно-угроведения, велико. Ибо, как пишет М. Бранч, именно эту главу о языке коми следует считать началом современного финно-угроведения[5]. «Зыряне…» являются существенным и ценным вкладом А.Й. Шегрена в финно-угорскую науку. Здесь отразилась эволюция взглядов этого выдающегося ученого на теорию финно-угорского родства: происхождение, историю, языковое родство и расселение финно-угорских народов. В этом сочинении также показаны методологические основы ученого, базирующиеся прежде всего на данных ономастики. В «Зырянах…» большая часть лингвистического материала используется автором для исторического толкования топонимов и антропонимов с целью определения первоначальных жителей этого региона.

Прежде чем завершить очерк об А.И. Шегрене, необходимо сказать следующее. «Зыря-

---

[1] *Флеров А.* Зырянская грамматика. СПб., 1813. О его вкладе в изучение коми языка см.: *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов — языковед… С. 64–70; Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М., 1969. С. 308–315; *Костромина И.Н.* Флеров А.В. // Коми язык: энцикл. 1998. С. 525.

[2] *Sjögren A.J.* Die Syrjänen… S. 448. В архиве А.И. Шегрена имеется экземпляр флеровской «Зырянской грамматики» с его исправлениями и замечаниями // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 103.

[3] Подробный анализ лингвистических воззрений А.И. Шегрена см.: *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов — языковед… С. 96–100.

[4] *Sjögren A.J.* Über grammatischen Bau der syrjänischen Sprachen mit Rücksicht auf die Finnischen // Mémoires de l´Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. Vol. 1. St.-Pétersbourg, 1832. P. 149–169.

[5] *Branch M.* A.J. Sjögren… P. 161.

не…» рисуют общую картину этнической истории финно-угров. В древности эти народы образовывали единую, связанную друг с другом группу, объединенную на основе языкового родства, которая позднее была разделена и расселилась в различных направлениях под воздействием русской, по его мнению, в основном новгородской, колонизации. Одновременно ученый понимал, что для окончательного утверждения этой теории требуются дополнительные сведения, более подробная детализация. Для этого он предлагает новый план исследований. Прежде всего, по его мнению, необходимо провести разыскания на востоке, у хантов и манси, чтобы выявить, каким образом они связаны с венграми и зырянами, и тем самым закончить дискуссию по поводу финско-венгерского родства. Одновременно он поставил вопрос о тщательном изучении ненецкого народа (самоедов) с целью объяснить древнюю историю районов, занятых в настоящее время этим народом.

В ходе своего путешествия А.И. Шегрен успел побывать и у коми-пермяков. После пребывания в Вятской и Казанской губерниях ученый путешественник в сентябре 1828 г. добрался до г. Перми, где пробыл до конца ноября, занимаясь сбором статистических и исторических материалов, знакомясь с губернскими властями и краеведами. Так, управляющий пермскими нераздельными имениями графини Строгановой в с. Ильинском Лев Ослоповский выдал ему следующий документ: «Иньвенских селений прикащикам. Путешествующего г. Доктора философии А.М. Шегрена предписываю в проезде его по иньвенским волостям принимать в господских домах с должною вежливостью и в сведениях о пермяцком языке и о местах, если он, г. Шегрен, осведомится, или видеть какие пожелает, способствовать всевозможно»[1]. Затем из Перми ученый отправился в районы непосредственного проживания коми-пермяков. Его пребывание в зонах обитания коми-пермяков продолжалось до конца января 1829 г., в это время он возвратился в Пермь, где оставался до конца февраля. После этого он отправился в обратный путь, в Петербург, куда рекомендовал ему возвратиться как можно быстрее академик Ф. Круг. Вернувшись в столицу 19 июня 1829 г., почти через пять лет после своего отъезда, он завершил свое многолетнее путешествие,

Несмотря на то что, живя у коми-пермяков, он успел ознакомиться с их языком, а также собрать необходимые ономастические материалы, они не использовались им активно в работах. Сегодня представляют интерес небольшие и разрозненные сведения о пермяках, в первую очередь об их расселении, зафиксированные в его путевом дневнике[2]. Но в его архиве сохранилось большое количество интересного материала, в том числе различные оригинальные сочинения местных краеведов-любителей[3]. Также следует отметить небольшое лингвистическое собрание Льва Ослоповского[4]. От него же А.Й. Шегрен получил «Лексикон пермского языка…» Георгия Чечулина[5]. Позже эти сочинения часто использовались им в отзывах по финно-угорским языкам. Суммируя сведения о коми-пермяках, представленные ученым, можно отметить, что он первым в русской науке относительно точно определил границы расселения этого народа, отмечая их смешанное расселение с русскими. В его дневниковых за-

[1] Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Оп. 1, № 5/1-48, л. 332.

[2] *Branch M.* A.J. Sjögren… P. 178–180.

[3] Например, «Описание древней Перми и Пермской губернии, сочиненной в 1824 г. пермским губернским заседателем [Сущевским]. 49 л. с об. // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1.

[4] Например, «Евангелие от Матвея на пермяцком языке», поднесенное А.И. Шегрену управляющим Строгановскими имениями в Пермской губернии Львом Ослоповским // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 218. Л. Ослоповский был управляющим в с. Ильинском в 1820–1829 гг.

[5] Лексикон пермского языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкарского бывшего священника иереем Георгием Чечулиным // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1. Анализ этого словаря см.: Баталова Р.М. Рукописные коми-пермяцкие словари XVIII — первой половины XIX вв. // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3. М. 1965. С. 110–121.

писях можно встретить и психологический портрет коми-пермяка. В районе обитания коми-пермяков он искал следы древней Биармии, для чего предпринял путешествие к селению Ныроб, в котором хотел ознакомиться с имеющимися в ее окрестностях археологическими древностями.

А.И. Шегрен 29 декабря 1827 г., во время путешествия, был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук[1]. Но это избрание было скорее символическим признанием его заслуг, чем началом реальной службы. По сведениям М. Бранча, который ссылается на дневник ученого, друзья и некоторые влиятельные круги в Финляндии хотели видеть его на посту профессора кафедры русского языка и литературы Александровского университета в Гельсингфорсе[2]. Но по рекомендации академика Ф.И. Круга он вынужден был вернуться из Казани в Петербург, хотя и предполагал совершить путешествие по Поволжью. На обратном пути в столицу он оформляет свое диссертационное сочинение «О зырянах». По возвращении в Петербург ученый представил на рассмотрение Императорской Академии наук рукопись своей диссертации. Она была одобрена академиком Ф.И. Кругом и побудила «*конференцию ходатайствовать о принятии автора сей диссертации, известного сверх того многими путешествиями и историческими своими сочинениями в число своих адъюнктов*». Это предложение было поддержано другим академиком, статистиком К.Ф. Германом, который одобрил статистическую часть шегреновского сочинения[3]. 30 сентября 1829 г. он избирается адъюнктом «*по части отечественной истории*». Как отмечал в своем представлении министру народного просвещения президент Академии А.К. Шторх, «*выбор Шегрена, в отличии от Погодина, который баллотировался вместе с ним и тоже был избран адъюнктом, но специализирующийся на истории славянских племен*, *был более полезен для Академии, ибо он преимущественно имел предметом своих занятий еще мало обработанную историю чудских или финских племен* (курисв мой. — *А.Т.*)».

В феврале 1830 г. А.И. Шегрен представил на рассмотрение Академии наук свою диссертацию под названием «*О грамматическом устройстве зырянского языка в сравнении с финским*», которая в сокращенном виде была опубликована на немецком языке в 1832 г.[4] В ней он проводит анализ грамматической структуры коми-зырянского и финского языков, считая, что именно сходство в данной области говорит о древнем родстве этих языков. Кроме того, он предлагает очень осторожно относиться к словарному сходству, ибо оно может говорить не столько о родстве, сколько о заимствовании. Он отмечает большое влияние на финский, карельский, эстонский и саамский язык ново- и древнешведского, готского, немецкого языков, а на коми-зырянский — русского и ненецкого, и впервые в русской науке ставит вопрос о составлении специального словаря заимствований в финском и коми-зырянском языках. Как видим, высказанные в работе идеи не потеряли своего значения и в наши дни. В 1830 г. Академия поручает ему редакцию статистической и политической частей издаваемого на немецком языке в Петербурге ежегодного «Немецкого календаря». В декабре 1832 г. в знак достижений в области финно-угроведения он был избран экстраординарным академиком по русской истории и древностям, а 4 июня 1833 г. определяется библиотекарем Второго (Иностранного) отделения Библиотеки Академии наук. В 1835–1838 гг. в сферу его научных интересов вошли языки народов Кавказа. Это связано с тем, что врачи посоветовали ему лечение на Кавказских минераль-

---

[1] Формулярный список о службе… // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 656, л. 3 и след.

[2] *Branch M.* Sjögren studies… P. 185.

[3] *Шегрен А.М.* Историк. Дело об утверждении его в звании адъюнкта Академии наук // РГИА. Ф. 733, оп. 12, д. 396.

[4] *Sjögren A.J.* Über geammatischen Bau der syrjänischen Sprachen mit Rücksicht auf die Finnischen // Mémoires de l´Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. SPb., 1832. Vol. 1. P. 149–169.

ных водах, и по поручению Академии он совершает длительное путешествие на Кавказ. Итогом поездки становится его «Осетинская грамматика и словарь», которая также была высоко оценена мировой научной общественностью[1]. В 1842 г., будучи уже известным ученым, он в составе делегации академии после долгого перерыва побывал в Гельсингфорсе на праздновании 200-летия Александровского университета. Здесь А.И. Шегрен возобновляет личные контакты с финскими учеными. 5 октября 1844 г. избирается ординарным академиком Императорской Академии наук по части филологии и этнографии финских и кавказских племен в России. В 1844–1855 гг. А.И. Шегрен — директор Этнографического музея Академии наук[2]. С 1846 г. он активно занимается изучением языка и народной культуры ливов, небольшого вымирающего финно-угорского народа в Прибалтике. В настоящее время его материалы остаются главным источником по языку и фольклору ливов. Зафиксированный им в то время лингвистический материал, составленная грамматика ливского языка в конце XX в. была использована энтузиастами для восстановления разговорного ливского языка.

За свои научные заслуги А.И. Шегрен был избран членом многих российских и иностранных научных обществ, например Казанского общества любителей общественной словесности (1829), Финляндского экономического общества (1831), Королевского Датского общества северных антикваріев (1833), Московского общества истории и древностей российских (1834), Общества финской словесности в Гельсингфорсе (1834) и т.д., а также удостоен многих российских и иностранных государственных наград[3]. Скончался 7 января 1855 г. в Петербурге.

После смерти А.И. Шегрена остался уникальнейший богатейший архив, который долгое время хранился в Библиотеке Академии наук, а в 1931 г. был передан в архив Академии наук (в настоящее время — Санкт-Петербургский филиал архива РАН). После смерти бумаги ученого разбирал и описывал сначала П.И. Лерх, а позднее Э.А. Вольтер[4]. В этом отчете фиксируется факт рассмотрения научного наследия ученого, но состав его неясен. В нем просто перечислены 22 тома нового переплета, 5 картонов и 25 томов старого переплета, 2 печатные книги с заметками автора. Академик К. Залеман сообщает, что там были рукописи на турецком, грузинском и осетинском языках, которые он предлагал передать в Азиатский музей. В 1894 г. некоторая их часть, в первую очередь его дневниковые записи, была временно передана для изучения в Александровский университет в Гельсингфорсе и осталась там после революции, составив основу финской части его личного архива, которая хранится в настоящее время в Библиотеке Университета Хельсинки[5].

В этом документальном массиве, в котором встречаются материалы и по коми-зырянам и коми-пермякам, можно выделить несколько блоков.

1. Исторические, статистические, демографические и этнографические материалы по Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской и Казанской губерниям, собранные А.И. Шегреном в 1824–1829 гг. Позднее они были сброшюрованы в несколько больших томов по отдельным губерниям. Частью это его собственноручные выписки, частью писарские копии различных официальных доку-

---

[1] *Шегрен А.* Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским. СПб., 1844. О Шегрене-кавказоведе см.: *Цибиров Г.И.* Осетия в русской науке (XVIII — первая половина XIX в.). Орджоникидзе; *Уарзиати В.С.* Осетиноведческие штудии академика А.И. Шегрена // Шегрен А.М. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998. С. 119–158.

[2] *Терюков А.И.* Академик А.Й. Шегрен — первый директор Этнографического музея Академии наук // Русская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. СПб., 2003. Вып. 1. С. 185–190.

[3] Формулярный список о службе… // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 656.

[4] *Вольтер Э.А.* Предварительный отчет о разборке бумаг и рукописей академика Шегрена // Зап. Императорской Академии наук. 1891. Т. 64. Кн. 1. С. 117.

[5] Описание этой части см.: *Branch M.* A.J. Sjögren… P. 265–266.

ментов из местных архивов, а также справки, подготовленные на местах по его просьбе, и оригинальные сочинения[1]. Например, здесь сохранились записи поговорок и загадок на коми языке, уникальные тексты песенных свадебных величаний, которые он назвал «зырянскими наблюдными песнями»[2]. Кроме того, в этот блок входит большой этнографический очерк «Описание Ношульской пристани», который содержит подробное изображение свадебного обряда и является, по сути, первой научной записью части семейной обрядности коми-зырян[3].

2. Лингвистические и ономастические материалы, объединенные в тома по народам. В основном это оригинальные разработки и подготовительные материалы для языковедческих штудий А.И. Шегрена. К этой группе можно отнести и собственно беловую писарскую копию рукописи «Зырян…» на немецком языке, представленную им в академию[4].

3. Особую группу составляют сочинения, связанные с научно-редакторской деятельностью ученого. По поручению Академии наук он неоднократно давал отзывы на издание переводов религиозной и общедоступной литературы на финно-угорские языки[5]. Кроме того, эта группа рукописей характеризует стиль и метод работы ученого, так как сохранилось несколько вариантов отзывов на одну работу. Они свидетельствуют, как он добивался от авторов улучшения качества подготовленных переводов. К этой группе документов можно также отнести и ряд оригинальных словарей, полученных лично А.И. Шегреном и Академией наук от местных лингвистов-любителей для рецензирования и публикации. Так в ней оказалось некоторое количество материалов и по коми народам[6].

---

[1] См., например: Достопримечательное известие о реке Печоре с впадающими в оную водами и обитающими близ ее различных народах, с изъяснением существующих там неистощимых богатств из трех царств природы с весьма любопытными предположениями об улучшении торговли, навигации и промышленности в тамошнем крае. С достоверными примечаниями, собранных по опытам и очевидным сведениям в течение нескольких лет во время своих путешествий Вологодским гражданином Александром Деньгиным». Вологда, 1826 // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 5/1–48, л. 88–109 об.); Список Перми Великой 7090 г. // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 5/1–48, л. 296–299 об.; Статистические сведения от Яранского земского суда Вятской губернии // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 5/1–48, л. 175–203; Краткое статистическое описание Пермской губернии // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 6/1–10, л. 244–286 об.; Сокращенная физикомедицинская табель Пермской губернии за 1816–1825 гг. // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 6/1–10, л. 348–371; Отзыв академика Шегрена о книге «Усть-Сысола», составленный учителем Усть-Сысольского уездного училища В.М. Михайловым // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 101.

[2] Замечания о зырянских древностях // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 9/29–68, л. 139 об. — 149 об.; Известия о зырянах // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 9/29–68, л. 446–451; Собрание зырянских пословиц и поговорок // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 10/1–38, л. 145–160.

[3] Географическое описание Ношульской пристани // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 9/29–68, л. 114–138; Часть сведений об этом содержится в дневнике ученого, который хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 94, оп. 1, № 256, л. 39 и след.).

[4] *Плосков И.А*. Из рукописей академика А. Шегрена (материалы о составлении коми словарей XIX века) // Родники Пармы. Сыктывкар, 2001. Вып. VI. С. 195–198.

[5] Отзыв о переводах П. Савваитова академика Шегрена // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 73, 76, 87; Сокращенный катехизис, переведенный Андреем Поповым (Усть-Сысольск) на зырянский язык в 1843 г. // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 229; Отзыв о переводах Андрея Попова академика Шегрена // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 86, 95, 97–99; Отзыв о рукописном словаре Николая Попова академика Шегрена // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 86, 93.

[6] *Туркин А.И.* Материалы по коми языкам в архиве А.М. Шегрена // Вопросы финно-угорской филологии. Л., 1977. Вып. 3. С. 86–93. Например, «Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка, собранные соликамского духовного правления третьего благочиния села Егвиеского Николаевской церкви благочинного иерея Федором Любимовым 1814 года мая 24 дня» // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 5/1–48, л. 271–288 об.; Примечания академика Шегрена на «Краткие грамматиче-

Следующий крупный шаг в научном изучении коми был сделан его земляком ***Матиасом Александром (Матвеем Александровичем) Кастреном*** (Matias Alexsander Castren)[1].

М.А. Кастрен (1813–1852) родился на севере Финляндии, в Остроботнии, в приходе Тервола, в семье священнослужителя. В 1830 г. он поступает в Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе (Хельсинки), где изучает философию и восточные языки.

Во время обучения под влиянием работ Р. Раска и братьев Гримм, а также собирательской деятельности Элиаса Ленрота его интересы постепенно изменяются в сторону изучения языков «*финского племени*»[2]. Но для подробного изучения «*отдельных языков этого огромного корня*» необходимо было ознакомиться с ними на территории их бытования. Поэтому еще в студенческие годы М.А. Кастрен, начиная с 1838 г. совершает ряд поездок по Финляндии и Лапландии, преследуя лингвистические цели. Основные материалы были обобщены в его магистерской диссертации, посвященной системе склонения в финском, эстонском и саамском языках. В 1839 г. он назначается доцентом финского и древних северных языков Александровского университета. Именно тогда его привлекла идея комплексного изучения языков и культуры народов Севера и Сибири. В этом же году на средства Финского литературного общества он предпринимает поездку в Русскую Лапландию с целью сбора песен, сказок и других фольклорных материалов для объяснения «Калевалы». В 1841–1844 гг. М.А. Кастрен совершает новую, более длительную экспедицию в Олонецкую Карелию и Архангельскую губернию, в ходе которой впервые использует методологию и данные ***А.И. Шегрена***[3]. Часть пути этого путешествия он прошел вместе со знаменитым финским фольклористом и филологом Э. Ленротом[4]. К середине 1842 г. М.А. Кастрен добрался до Архангельска, где

ские правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка», составленные протоиереем Ф. Любимовым // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 109.

[1] О М.А. Кастрене см.: *Тиандер К.Ф.* Матиас Кастрен — основатель финнологии // ЖМНП. 1904. Май. С. 1–68; Памяти М.А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти // Очерки по истории знаний. Л., 1927. Вып. 2; *Модзалевский Л.Б.* Материалы для библиографии трудов М.А. Кастрена // Памяти М.А. Кастрена... С. 131–141; *Пасецкий В.М.* Единственный в своем роде. О путешествиях М. Кастрена в Северную Сибирь и Печорский край // Очарованный надеждой. Л., 1970. С. 200–207; *Муравьев В.Б.* Вехи забытых путей. М., 1975; *Терюков А.И.* А.И. Шегрен и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. историко-культурный контекст и личность. СПб., 1996. С. 3–15; *Setälä E.N.* Zum andenken Matthias Aleksander Castren // FUF. 1901. Bd. 1; *Estlander B.* Mathias Alexander Castren. Tampere, 1928; *Aalto P.A.* Oriental studies in Finland. 1829–1918. Helsinki, 1971. P. 83–88; *Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland. 1828–1918. Helsinki, 1986. P. 50–67, 73–80, *Branch M.* Sjögren studies… P. 227–229, 239–240, 243–246, 248–250, 252–253, 255–257, 262–264. Более полную библиографию о жизни и творчестве М.А. Кастрена см.: Зарубежные ученые-исследователи коми языка. Сыктывкар, 2003. С. 133–138.

[2] Об этом он упоминает во введении к своей книге «Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844». SPb., 1853.

[3] Русские известия об его путешествиях см.: *Грот Я.К.* Путевые письма Кастрена из Северной России // Современник. 1845. Т. 39. С. 36–74; Этнографическое путешествие г. Кастрена по Западной Сибири. Ученое путешествие г. Кастрена по Сибири // Географ. изв. ИРГО. 1848; Результаты этнографического путешествия по Сибири г. Кастрена // Там же. 1849; Возвращение г. Кастрена из путешествия по Западной Сибири // Там же. 1848; Путешествия по Европе: Кастрена на север Европейской России // Свенске К.Ф. Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 г. СПб., 1855. Т. 1; *Ламанский В.И.* 1) Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах, остяках; 2) Путешествие в Русскую Карелию // Вестн. ИРГО. СПб., 1856. Ч. 17, 18; Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северу России и Сибири: 1834–1844, 1845–1849 // Магазин землеведения и путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 5–69; Этнографические замечания и наблюдения о лопарях, корелах, саамах и остяках, извлеченных из его путешествий 1834–1844 гг. // Этнографич. сб. ИРГО. 1858. Ч. 4; Лапландия. Карелия. Россия // Матиас Александр Кастрен. Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 1; M.A. Castren´s Reiseringerungen aus den Jahren 1838–1844 im aufrage der Kaiserlichen Akademi der Wissenschaften herausgegaben von A. Schiefner. SPb., 1853. S. 219–320.

[4] *Грот Я.К.* Кастрен и Ленрот в Русской Лапландии // Современник. 1943. Т. 29. С. 145–160; То же // Олонецкие губернские ведомости. 1850. № 8, 9.

начал изучать ненецкий язык. Полученная здесь от Финляндского казначейства материальная помощь в сумме 1000 руб. позволила ему зимой 1842 г. отправиться к низовьям Оби. В марте–сентябре 1843 г. он побывал в Коми крае, на Колве и Ижме, где изучал коми язык. В Колве с ним встретился ***В.Н. Латкин***, предприниматель, выходец из коми, путешествовавший в это время по Печоре с целью знакомства с лесными богатствами края. Он оставил воспоминания об этой встрече. «*На другой день, со священниками пришел я на квартиру г. Кастрена. Он стоял у искусственной конторки, составленной из двух столов, углубляясь в свои филологические соображения. Тут же был его переводчик, пономарь, коренной самоед… Молодой самоед выучился хорошо читать, и его сделали причетником в Колвинском погосте. Теперь он служит переводчиком г. Кастрену. Г. Кастрену двадцать восемь лет. Он имел хорошее место в Гельсингфорсе, и оставил его, увлекшись любознательною страстью к филологии языков финских. В его комнате было два-три стула, в одном углу пребольшая печь, в другом, над постелей, полог, необходимая принадлежность здешних спален для защиты от комаров; по стенам комнаты географические карты*»[1] . Далее он пишет о злоключениях М.А. Кастрена во время путешествия. В.Н. Латкин отмечает, что финский ученый составляет «*зырянскую и самоедскую грамматики*», что он собирается по Усе пройти в тундру к ненцам, а потом, перейдя Урал, проехать дальше в Сибирь. Насколько мне известно, это единственное в русской печати воспоминание о путешествии М.А. Кастрена. Упоминавшиеся выше сообщения о нем в русской прессе появляются несколько позднее и основаны на личных письмах ученого, опубликованных в Финляндии в различных газетах и журналах.

В сентябре–октябре 1843 г. М.А. Кастрен вместе с проводниками ненцами и коми с Усы перебрался на Обь. Его, как и многих других исследователей, увлекает идея возможного соединения Печоры с Обью, что «*неминуемо окажет величайшее влияние на культуру страны и цивилизацию диких ее областей*»[2]. Затем финский ученый прожил несколько месяцев в Обдорске (Салехарде) и занимался изучением языка ханты. Но расстроенное здоровье вынудило М.А. Кастрена в марте 1844 г. вернуться из Тобольска в Гельсингфорс.

На основе собранных материалов ученый публикует книгу «Первоначальные сведения о грамматике зырянского языка»[3]. Это сочинение было высоко оценено российской научной общественностью и присуждена половинная Демидовская премия. Эти материалы послужили основой для его докторской диссертации «О склонениях имен существительных в зырянском языке», защищенной в Александровском университете в 1844 г.[4] Одновременно пишет статью «Anteckningar om savolotscheskaja Tschud», в которой на основе анализа топонимического материала Русского Севера он пытался доказать распространение карел до Северной Двины и Мезени[5]. В ней М.А. Кастрен также объясняет происхождение некоторых северно-русских слов из финского языка. Его первые публикации привлекают внимание ***А.И. Шегрена***, который ходатайствует пред руководством Император-

[1] Заметки о самоедах. Из дорожного дневника В.Н. Латкина // ЖМВД. 1844. № 7. С. 7–13. Позднее он включил этот отрывок в свою книгу: «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Часть первая и вторая» // Записки ИРГО. Кн. 7. С. 89–93.

[2] Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северу России и Сибири: 1834–1844, 1845–1849… С. 176.

[3] *Castren M.A.* Elementa grammatices Syrjaena. Helsigforsiae, 1844. Позднее она была отмечена Демидовской премией Императорской Академии наук. Положительный отзыв на эту книгу дал *А.И. Шегрен*: «Отзыв академика А.М. Шегрена о рукописи М.А. Кастрена «Основания зырянской грамматики» // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2, оп. 1–1843. № 1, л. 178–183; Лингвистический анализ этого сочинения см.: *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов-языковед… С. 103–111.

[4] *Castren M.A.* De nominum diclinatione in lingua Syrjaena. Helsigforsiae, 1844.

[5] *Castren M.A.* Anteckningar om savolotscheskaja Tschud // Suomi. 1844. S. 1–22.

ской Академии наук о выделении ему денег для специального научного путешествия в Сибирь[1]. Он дал блестящую характеристику научной деятельности своего земляка, отметив, что во время путешествия в Печорский край и на Обдорский Север М.А. Кастрен «*собрал такое множество важных лингвистических и этнографических материалов, что невозможно найти лучшего кандидата для исполнения целей Сибирской этнографической экспедиции*»[2]. В результате М. А. Кастрен совершил новое большое путешествие по Сибири в течение 1845–1849 гг.[3] ***А.И. Шегрен*** осуществлял научное руководство этой поездкой, представив академии «Общую инструкцию г. Кастрену по поводу поручения ему Академией исследования Северной и Средней Азии в этнографическом и лингвистическом отношении»[4]. Вернувшись из Сибири, М. А. Кастрен получил разрешение обработать свои материалы в Финляндии, где в 1851 г. стал первым профессором недавно основанной кафедры финского языка в Александровском университете в Гельсингфорсе, оставаясь одновременно на службе при Императорской Академии наук[5]. К большому сожалению, ранняя смерть в 1852 г. помешала ему завершить публикацию своих полевых наблюдений. Но даже то, что М. А. Кастрен успел сделать, повлияло на финно-угроведение, выдвинуло на передний план изучение родства этих народов с самодийцами и тюркам на основе гипотезы об урало-алтайской прародине финно-угров и самодийцев[6]. Как писал К. Тиандер, в М.А. Кастрене «*скрывался и мифолог, и археолог, и если не смерть, мир стал бы для него тесен*»[7]. Сочинения М.А. Кастрена позднее были изданы «*иждивением Императорской Академии наук*» под наблюдением академика А. Шифнера в 12 томах, в которых содержались грамматики 20 различных языков[8].

Во время пребывания на территории Коми края М.А. Кастрен собрал значительный материал по культуре коми-зырян, часть которого, в частности коми свадебные песни, точнее свадебные причитания, обозначенные публикатором как песни, были изданы позднее финским лингвистом ***Т.Г. Аминоффым***[9]. Общий объем записей М.А. Кастрена — 260 строк, 7 причитаний, исполняемых невестой во время свадьбы у коми-ижемцев[10].

В его письмах о путешествии содержатся некоторые сведения о коми-зырянах. Так, М. А. Кастрен считал наличие русских и зырян, кочующих в тундре, главной причиной плохого состояния ненцев: «*Всеми неправда-*

---

[1] О путешествии доктора Кастрена в Сибирь для этнографических и лингвистических исследований // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2, оп. 1–1841, № 6; Об определении по Сибирской экспедиции магистра Кастрена // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 2 (1844), № 129; Материалы о М.А. Кастрене // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 250, оп. 1, № 210; *Терюков А.И.* А.И. Шегрен и М.А. Кастрен… С. 3–15.

[2] О путешествии доктора Кастрена в Сибирь для этнографических и лингвистических исследований… Л. 12.

[3] *Кеппен П.* Странствующие финляндцы и производимые им этнографические исследования // Санкт-Петербургские ведомости. 1848. № 154; То же // Вятские ГВ. 1848. № 34; Ученое путешествие г. Кастрена по Сибири // Олонецкие ГВ. 1850. № 8, 9.

[4] Инструкция была опубликована // ЖМНП. 1845. Ч. 47. № 8. От. 2. С. 101–113.

[5] ЖМНП. 1850. № 5. С. 3–4.

[6] *Грот Я.К.* Некролог Кастрена // Санкт-Петербургские ведомости. 1852. № 101; Профессор Кастрен. Некролог // ЖМНП. 1852. Май. С. 57–61; М.А. Кастрен (Некролог) // Вестн. ИРГО. 1852. Ч. 5; Очерк жизни и трудов Кастрена // Вестн. ИРГО. 1853. Ч. 7; Некролог. Чл.-сотруд. М.А. Кастрен // Отчет ИРГО за 1852 г. СПб., 1853.

[7] *Тиандер К.Ф.* Матиас Кастрен — основатель финнологии… С. 67.

[8] Об издании посмертных сочинений ученого путешественника Академии, профессора Кастрена // Учен. зап. Императорской Академии наук. 1853. Т. 1. С. 366–370.

[9] Syrjääniläisiä häälauluja. Alkutekstistä suomenleisella ja saksalaisella käännöksellä varust T.G. Aminoff // Acta Societatis Scientiasrum Fennicae. Helsingforsiae. № 11. 1880; *Он же*. Syrjänische Hochzeitsgesänge. Mit finnischer und deutsher Ubersetzung hrsg. T.G. Aminoff. // Acta Societatis Scientiasrum Fennicae. Helsingforsiae. № 11. 1880. S. 203–231.

[10] *Филиппова В.В.* Обрядовая поэзия коми в записях XIX века // Вопросы коми филологии. Сыктывкар, 2006. С. 39–45.

ми и даже явным грабежом они завладели стадами самоедских оленей и мало-помалу сделались почти полновластными господами всей страны»[1]. Также исследователь полагал, что основное зло в тундре — водка, которую пьют и русские, и коми. Он предложил упорядочить торговлю ею и ввести специальные воинские посты для конфискации этого напитка. Вопрос о взаимодействии зырян и самоедов волновал ученого, и он неоднократно возвращается к этой теме, предоставляя высказаться обеим сторонам. Но сам он так и не заявил о своей точке зрения на эту проблему.

В сочинениях М.А. Кастрена имеется описание нравов коми-ижемцев. Ученого поразили их суеверия, которые выразились в том, что он был принят за колдуна, и никто не хотел общаться с ним. Говоря о рассудительности, прямоте, степенности, честности ижемцев, что, по его мнению, обнаруживает несомненное сходство с финским характером, он высказывается о низкой цивилизованности коми[2]. По его мнению, об этом говорит то, что у коми-ижемцев принято перекладывать на плечи женщины всю работу по дому. М.А. Кастрен считает, что как не уважает зырянин женщину, видно уже из отношения жениха к невесте в день свадьбы. Он считает причитания невесты, которые она исполняет жениху, актом унижения. Кроме того, приводится факт раздевания молодого и молодой после свадебного пира. Вряд ли можно согласиться с такой оценкой свадебных причитаний у коми, которые были основной частью их свадебного ритуала. Мотив прощания со своей семьей, родителями, домом, который был главным в свадебных причитаниях, воспринимался им слишком буквально. Далее он приводит повествовательный текст двух причитаний[3].

Интересно замечание М.А. Кастрена о жителях с. Колва (на р. Уса) как самоедах, принявших язык и обычаи зырян. Кроме того, для современных исследователей важен тот факт, что финский ученый путешествовал по еще не заселенным берегам р. Уса, коми здесь появились позднее.

Собственно лингвистические материалы финского ученого и его филологические разыскания имеют большое значение для изучения этнической истории коми-зырян, так как сыграли важную роль в упрочении теории общего финно-угорского родства. Помимо этого, М.А. Кастрен впервые научно обосновал идею об урало-алтайском родстве, что в последующем дало новый импульс для развития как финно-угроведения в частности, так и сравнительно-исторического языкознания вообще[4]. По мнению Д.В. Бубриха, деятельность М.А. Кастрена была переломной в истории финно-угорского языкознания[5]. Ученый утвердил систему в собирании материалов. Этого было достаточно, чтобы финно-угорское языкознание стало научной дисциплиной. В то же время он попытался сформулировать основной закон этого предмета. С точки зрения М.А. Кастрена, «*оно ставит своей задачей сравнивать не только слова и формы, но весь внутренний строй языков — законы, которые в них обнаруживаются. Ибо если языки находятся в непрерывном развитии и притом подвергаются внешним воздействиям, то ясно, что они в разной обстановке в своем внешнем облике они могут развиваться самым различным образом. Если, таким образом, сравнительное языкознание желает приносить плоды, то ему надо опираться главным образом на языковые законы*»[6]. Он сыграл выдающуюся роль в становлении идеи финно-угорского родства, ибо, как он писал незадолго до своей смерти, «*до последних времен на все финское племя не обращали почти никакого внимания. Не зная древних судеб онаго, разбросанные ветви его почитали бесполезными побегами родового*

---

[1] Лапландия. Карелия. Россия // Матиас Александри Кастрен Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 175.

[2] Там же. С. 190–191.

[3] Там же. С. 191–192.

[4] О его вкладе в формирование урало-алтайской теории см.: *Загребин А.Е.* Финно-угорские этнографические … С. 241–246.

[5] *Бубрих Д.В.* Финно-угорское языкознание… С. 93.

[6] *Setälä E.N.* Mathias Alexander Castrénin satavuotiaspäivänä // JSFOu. 1913–1918 Bd. 30. S. 22.

древа человечества, которые историк преспокойно обрубал, предавая забвению и гибели. Если в последнее время воззрения на это племя начали изменяться, то этим мы по преимуществу обязаны Петербургской академии наук»[1].

На наш взгляд, XIX в. был золотым веком исследования коми языка, а вместе с ним и коми этнолингвистики. В период с 1813 по 1889 г. были изданы 10 грамматик и словарей языка коми, больше, чем у всех остальных финно-угорских народов. В это время коми язык стал основным объектом в процессе разработки сравнительно-исторического финно-угроведения. Этот язык был в сфере научных исследований всех крупнейших финно-угроведов того времени. Кроме упомянутых ***А.И. Шегрена*** и ***М.А. Кастрена***, к этому материалу обращались такие крупные лингвисты, как Х.К. Габеленц, Ф.И. Видеман, ***П.И. Савваитов***, ***Г.С. Лыткин***. Были опубликованы книги А. Флерова, Ф. Козлова, А. Попова, Н.П. Попова, П. Михайлова, ***Н.А. Рогова***[2].

Как ни парадоксально, но путешествия А.И. Шегрена и М.А. Кастрена оказались единственными крупномасштабными историко-этнографическими изысканиями этого периода, не считая серии географических и естественно-научных обследований Коми края (об этом см. ниже). И лишь в конце XIX в. была предпринята специальная поездка с целью этнографического исследования Коми края. Она связана с именем В.В. Кандинского (1866–1944), крупнейшего русского художника-абстракциониста, основателя так называемого «беспредметного» искусства[3]. Еще в 1975 г. в своей студенческой дипломной работе, посвященной погребальным обрядам народов коми, я написал о том, что автор одной интересной работы по верованиям коми, написанной В. Кандинским, и знаменитый художник не просто однофамильцы, а один человек. Позднее я упомянул об этом в одной из своих публикаций, когда имя художника в СССР было еще табуировано[4]. Но было неясно, почему он обратился к этой теме. Чтобы понять это, необходимо обратиться к его биографии.

Кандинский Василий Васильевич родился в Москве в купеческой семье. Окончил 3-ю Одесскую гимназию (его семья с 1871 г. жила в Одессе). Как видно из аттестата, лучше всего давались ему такие предметы, как «Закон Божий», «История», «Русский язык», «Логика»[5]. В 1885 г. он подает прошение ректору Московского университета с просьбой принять его на юридический факультет. Его научным руководителем был профессор А.И. Чупров, один из основателей нового научного направления, возникшего на стыке этнографии и юстиции, — изучение т.н. «народных юридических обычаев». Центром проведения таких исследований был этнографический отдел Общества любителей естествознания, археологии и этнографии (ЭО ОЛЕАЭ) при Императорском Московском университете, а фактический материал часто собирали студенты юридического факультета. По заданию ЭО ОЛЕАЭ ряд профессоров, в числе которых, кроме А.И. Чупрова, были М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, В.Ф. Миллер, составляют специальную программу «*для собирания сведений о юридических обычаях*», которая была опубликована и стала основой для проведения широкомасштабных исследований по этой проблеме[6].

А.И. Чупров (1842–1908), экономист, статистик, общественный и земский деятель, сторонник развития земского образования,

---

[1] *Castren M.A.* Reisberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reise und Forschungen. SPb., 1856. Bd. 2. S. 74.

[2] *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов — языковед. Сыктывкар, 1980. С. 63–64; Коми язык: энцикл. М., 1998.

[3] *Сарабьянов Д.В., Автономова Н.Б.* Василий Кандинский. М., 1994.

[4] *Терюков А.И.* История изучения погребального обряда коми-зырян // Крат. содерж. докл. науч. сессии, посвящ. основным итогам работы Института этнографии в X пятилетке. Л., 1983. С. 79–80.

[5] *Турчин В.* В.В. Кандинский в Московском университете // Вопр. искусствознания. 1993. № 2–3. С. 194–212.

[6] Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ. М., 1889. Вып. 1.

с 1878 г. — профессор Московского университета, с 1887 г. — член-корреспондент по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения Императорской академии наук[1]. Выходец из семьи священнослужителей, он учился в духовной семинарии и академии, а потом на юридическом факультете Московского университета. Позднее стажировался в Германии, а с 1874 г читал в университете лекции по политической экономии и статистике. Один из основоположников русской статистики, автор многочисленных трудов по политэкономии, аграрному вопросу и железнодорожному хозяйству. В области теории А.И. Чупров разделял воззрения исторической и этической школ политической экономии, частично научного социализма. Возглавлял либерально-народническое направление русской экономической мысли, которое признавало необходимость аграрных и социальных преобразований с сохранением крестьянской общины[2]. Критиковался В.И. Лениным. Выдающаяся заслуга А.И. Чупрова — возбуждение интереса к научным занятиям среди студентов, работавших под его руководством. Многие из них позднее стали известными учеными. Достигалось это не только научностью и изяществом изложения, но и вниманием профессора к студентам. Он не только давал обращавшимся к нему советы и указания, но и предоставлял в их распоряжение книги из своей библиотеки.

А.И. Чупров ежегодно отправлял своих студентов в экспедиции по сбору полевого материала. Так благодаря финансовой поддержке Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете В.В. Кандинский в 1889 г. оказался среди коми-зырян Вологодской губернии. С. Сальников пишет, что поездка В.В. Кандинского была связана с его проблемами со здоровьем, якобы воздух тайги был полезен для легких[3]. Но это была обычная учебная командировка, и о проблемах с здоровьем сам В.В. Кандинский не упоминает. Определить точный маршрут его поездки до недавнего времени было сложно.

Опубликованная недавно т.н. «Вологодская записная книжка», хранящаяся в Центре современного искусства имени Ж. Помпиду в Париже, которую раньше называли дневником его путешествия, позволяет уточнить время его пребывания в Коми крае и маршрут путешествия[4]. Судя по упоминаемым в нем населенным пунктам, он добирался в Коми край через Котлас, Сольвычегодск, затем его дорога от Яренска лежала через нижнее течение Вычегды на Усть-Сысольск. Далее в его дневнике упоминаются селения Ыб, Подъельск, Маджа, Богородск, Корткерос, Усть-Нем, Усть-Кулом, Турья. Весь путь от Котласа он проделал с ямщиками, иногда верхом, иногда на лодке. Само путешествие продолжалось с 14 июня, когда он выехал из Вологды, до 7 июля, когда он покинул Усть-Сысольск.

В его записях встречается несколько песен, загадок, сказаний. Несмотря на то что основной темой студенческих изысканий было крестьянское обычное право у коми-зырян, результатом его исследования стала статья о народной мифологии коми[5]. Обращение В.В. Кандинского к проблеме народных веро-

---

[1] *Каблуков Н А*. А. И. Чупров. Биографический очерк // А. И. Чупров. Речи и статьи. М., 1900. Т. 1; *Он же.* Александр Иванович Чупров // Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1908 г. М., 1909. С. 415–445; *Анучин Д.Н.* Памяти А.И. Чупрова // Русские ведомости. 1908. № 44; *Б.Г.* Памяти А.И. Чупрова // Исторический вестн. 1908. Апрель. Т. 112. С. 233–248; *Казарин А.И.* А.И. Чупров как экономист // Учен. зап. МГУ. 1947. Вып. 123; *Остроумов С.* Значение А.И. Чупрова в развитии русской статистики // Вестн. статистики. 1956. № 3; История русской экономической мысли. Т. 2. Ч. 1. С. 129–148, 501–503 (список трудов); Высшее образование в России: очерк истории до 1917 г. / А.Я. Савельев, А.И. Момот, В.Ф. Хотеенков и др. М., 1995.

[2] *Чупров А.И.* Крестьянский вопрос. М., 1909.

[3] *Сальников С.* К истории одного путешествия // Арт-Лад. Сыктывкар. 2000. № 1. С. 101.

[4] *Kandinsky Wassily* Gesammelte Schriften 1889-1916 / Farbenshprache, Kompositionslehre und andere unver Őffentlichte Texte. München, 2007. S. 29–77; русский перевод см.: Василий Кандинский. Избранные труды. М., 2008. Т. 2.

[5] *Кандинский В.В.* Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества // ЭО. 1889. № 3. С. 102–110.

ваний можно объяснить двояко. С одной стороны, программа ЭО ОЛЕАЭ включала специальный раздел, озаглавленный «О верованиях», в котором затрагивались вопросы народной космографии и космогонии, были сформулированы 50 вопросов по анимистическим представлениям, 17 вопросов о колдунах и знахарях, 36 вопросов по календарной обрядности. С другой стороны, в процессе своего исследования начинающий ученый приходит к выводу, что хранителями обычного права, традиций и обрядов (т.е. собственно «юридической власти» в традиционном обществе) являлись местные колдуны. Характерно, что почти 30 лет спустя к аналогичным выводам пришел ***А.С. Сидоров*** — крупнейший специалист по этнографии коми в 1920–1930-гг., хотя неизвестно, был ли он знаком с этнографическим отчетом В.В. Кандинского, ибо ссылок на эту статью у него нет. А.С. Сидоров отмечал, что «*порча во многих случаях является актом мести за нарушение обычного права. <…> Ввиду отсутствия большой имущественной дифференциации личные интересы колдуна являются на почве колдовского мировоззрения типичными и для остальной части населения*»[1].

Статья показывает, что ко времени своей поездки В.В. Кандинский проштудировал литературу о коми-зырянах и хорошо разбирался в происходящих процессах. Несмотря на небольшой объем, статья достаточно информативна и показывает автора как хорошего наблюдателя. Так, В.В. Кандинский четко уловил различия в культуре отдельных групп коми и впервые среди исследователей отметил необходимость их учитывать. Он пишет, что «*всякий, кому доводилось познакомиться с литературой о зырянах, естественно, должен был поразиться многим неточностям и зачастую непримиримым противоречиям. Источником этих недостатков является то, что некоторые исследователи, не определяя точно описываемой местности, говорят вообще о зырянах*». Он пишет, что «*такие обобщения немыслимы в виду ясно выраженного различия между всеми частями зырянского народа. Существующими названиями: "сысольские", "вычегодские", "печорские", "удорские" — зыряне определяют не только местность, но и различие быта, верований, обычаев*»[2]. Поэтому он подчеркивает как в названии статьи, так и в тексте, что говорит только о сысольских и вычегодских зырянах.

Сегодня можно говорить о том, что В.В. Кандинский был прав. На самом деле народная культура коми многовариантна, иногда существенно различается у отдельных локальных групп. Коми до настоящего времени различают друг друга по принадлежности к этим группам. Поэтому статья В.В. Кандинского имеет значение как важный этнографический источник. Пытаясь выяснить сведения о таких персонажах народных верований коми, как Золотая Баба, Войпель, Ема, о которых много дискутировали его предшественники, и не получив информацию о них, автор приходит к выводу, что зыряне «*забыли свою прошлую религию*». По его мнению, это произошло по той причине, что во времена св. ***Стефана Пермского*** произошел резкий поворот в религиозном сознании зырян в ходе уничтожения их традиционных религиозных верований, объявленных проповедником «*поганьми*». Тем не менее, по его словам, ему удалось найти «*несколько весьма слабо обозначающих следов*» утерянной религии: почитание огня, культ предков, веру в духа *ОРТ*, а также в домового.

В последнее время развернулась дискуссия о месте В.В. Кандинского в русской этнографии, в коми этнографии в частности. В ней можно обозначить, как мне кажется, две крайности. Пег Вайс, Н.Б. Автономова и иные преувеличивают его роль, а другие, в частности Б. Шишло, стараются преуменьшить. Причем все ссылаются на одни и те же материалы. Я позволю остановиться на ней, так как знаю ее участников.

---

[1] *Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа Коми. Материалы по психологии колдовства. Л., 1928. С. 131; (Книга была переиздана в СПб. в 1997 г.).

[2] *Кандинский В.В.* Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян…

О дневнике мне с 1990 г. известно со слов американской исследовательницы Пег Вайс, которая во время своего пребывания в Ленинграде попросила прокомментировать отдельные записи художника из этого дневника / записной книжки. В тот момент у нее в наличии были, если я не ошибаюсь, копии пяти страниц, причем несвязного текста. Это было вызвано тем, что по желанию родственников В.В. Кандинского его архив был закрыт для исследователей до 2000 какого-то года. В 1995 г. выходит ее большая книга о влиянии народной культуры, точнее народных верований, на творчество В.В. Кандинского[1]. Некоторые материалы из нее опубликованы С. Сальниковым[2]. С этого момента тема «Кандинский и этнография» становится популярной[3].

В приложении к книге Валерия Турчина «Кандинский. Опыт разных лет. Сумма искусств. Художник в России и в Германии» в 2008 г. появляется статья Б. Шишло «Об этнографическом опыте Василия Кандинского: взгляд этнолога»[4]. Мы встречались в Петербурге, когда он был приглашен принять участие в публикации «Вологодской записной книжки» после открытия архива художника. Он просил перевести меня встречавшиеся в тексте коми термины. Он считает, что «*его этнографический опыт с научной точки зрения был безуспешным*»[5]. Хотя В.В. Кандинский и пытался заниматься этнографией, значительных успехов в этой науке он не достиг, в отличие от своих друзей, Н.Н. Харузина и П. Богаевского.

Мне кажется, что Б. Шишло как этнолог хотел от этой поездки большего. Так, он проанализировал несколько рецензий, написанных В.В. Кандинским на различные этнографические сочинения. Б. Шишло огорчает непозволительный тон его рецензии на книгу ***Г.С. Лыткина***, с чем можно согласиться. Но, как ни странно, это единственная рецензия на сочинение Г.С. Лыткина в России. Она была написана до его поездки к зырянам; возможно, напиши он эту рецензию позднее, она могла быть другой[6]. Была-ли эта рецензия личной инициативой В.В. Кандинского, или она была заказана редакцией, или же знакомство с книгой выдающегося представителя коми национальной интеллигенции связано с подготовкой предстоящей поездки в Вологодскую губ., неизвестно.

Б. Шишло прошел мимо некоторых записей «Вологодского дневника». Если прочитать их внимательно, то мы видим, что В.В. Кандинский интересовался тем, чего хотел от него А.И. Чупров, то есть выяснял отношение крестьян к судам, делал выписки из дел местных волостных правлений, волостных судов, беседовал с местными чиновниками[7]. Он упоминает в своем дневнике ***В.Е. Кичина*** (Кичева), которому следует выслать программы. По-видимому, речь идет о программах ОЛЕАЭ по обычному праву. С ним он мог встретиться только в Усть-Сысольске, где последний учительствовал и занимался краеведением. Да, в дневнике мы не находим, выражаясь современным языком, полевого материала по обычному праву. Но он может находиться в архиве ОЛЕАЭ. Ведь сам «Дневник» уместился в небольшой записной книжке на 22 страницах. Да и ждать от студента, впервые выехавшего в поле, не следует многого.

Тем не менее эта публикация, как я уже указал выше, содержит реальные этнографические данные и использовалась коллегами. Например, она попала в «Библиографический указатель литературы о Коми АССР», где не

---

[1] *Weiss Peg*. Kandinsky and Old Russia. The Artist as Ethnographer and Shaman. New Haven and London, 1995.

[2] *Сальников С.* К истории одного путешествия ... С. 103–107.

[3] *Автономова Н.Б.* Об этнографических исследованиях Василия Кандинского (Вологодская экспедиция 1889 года) // Электронный ресурс. Режим доступа http://www.komi.com/pole/publ/history/.

[4] *Шишло Б.* Об этнографическом опыте Василия Кандинского: взгляд этнолога // *Турчин В.* Кандинский. Опыт разных лет. Сумма искусств. Художник в России и в Германии М., 2008. С. 276–293.

[5] Там же. С.289.

[6] *Автономова Н.Б.* Об этнографических исследованиях…; *Кандинский В.В.* Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык // ЭО. 1889. № 3. Библиография. С. 166–168.

[7] *Шишло Б.* Об этнографическом опыте… С. 278.

указаны работы Питирима Сорокина[1]. На нее как на источник по коми мифологии ссылается известный шведский религиовед Ивар Паульсон в своей монографии о представлениях о душе у североевразийских народов[2]. Как мне кажется, он просто не стремился к этнографии. Да и мы смотрим на этот эпизод жизни В.В. Кандинского с высоты сегодняшнего дня, сегодняшних знаний и пытаемся оценить то, что он не вкладывал тогда в свои записи. Ему, наверное, и в страшном сне не могло присниться, что они будут предметом дотошного изучения, в них будут искать основы его творчества и т.д. А если мы хотим понять, что же в научном плане он принес из своего путешествия, то следует искать его реальные полевые записи.

Ибо само путешествие впоследствии сильно повлияло на него и его жизнь. «*Дальнейшими, особенно сильными впечатлениями моего студенческого времени, так как определенно сказывавшимися в течение многих лет, были: Рембрант в Петербургском Эрмитаже и поездка моя в Вологодскую губернию, куда я был командирован Московским обществом естествознания, антропологии и этнографии*»[3]. Он очень симпатизирует коми: «*Зыряне — премилый народ. Все на них клевещут, <…> встретил пригостеприимнейший прием*». В.В. Кандинский характеризует коми как веселый и открытый народ. Впечатления от неброской, но в то же время ярко контрастной природы северного края приводят его к мысли заняться живописью. Немного позднее он становится художником[4].

Американская исследовательница творчества В.В. Кандинского Пег Вайс рассматривала этнографический опыт В.В. Кандинского как ключ к пониманию его творчества на этапе становления мастера[5]. Сам художник впоследствии писал: «*Я въезжал в деревни, где население с желто-серыми лицами и волосами ходило с головы до ног в желто-серых одеяниях или белолицее, румяное с черными волосами было одето так пестро и ярко, что казалось подвижными двуногими картинками. Никогда не изгладятся из памяти большие, 2-этажные резные избы с блестящими самоварами в окне. Этот самовар не был здесь предметом роскоши, а первой необходимостью. В этих-то необыкновенных избах я и повстречался* ***впервые с тем чудом*** *(*выделено В.К. — *А.Т.), которое впоследствии стало одним из элементов моих работ. Тут я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому превращаться в картину, в ней жить. Ярко помню, как я остановился на пороге. <…>. Стол, лавки, важная и огромная печь, шкафы, поставцы — все было расписано пестрым, размашистым узором, орнаментом. По стенам лубки: символически представлены богатырь, сражение, красками переданная песня. Красный угол весь завешен писаными и печатными образами, а перед ними красно-теплящая лампадка, будто что-то про себя знающая, про себя живущая таинственно-щипящая, скромная и гордая звезда*»[6]. Приведенный фрагмент, в котором раскрывается оказанное на автора воздействие, сам по себе информативен, так как дает яркое описание интерьера крестьянской избы.

У В.В. Кандинского был еще один опыт обращения к этнографии, в студенческие годы. Во время работы в семинаре А.И. Чупрова им была написана статья и рецензии на книги. Частично они касались как раз обычного права, частично этнографии[7]. Б. Шишло

---

[1] Библиографический указатель литературы о Коми АССР. Сыктывкар, 1963. С. 172.

[2] *Paulson Ivar.* Die primitiven Seelenvorstellungen der nordeurasischen Völker // The Etnographical Museum of Sweden. Monographic Series. №. 5. Stockholm, 1958.

[3] *Кандинский В.В.* Ступени. Текст художника. М., 1918. С. 21.

[4] Там же. С. 5; С. 27–28; *Сальников С.* К истории одного путешествия .. С. 100–107.

[5] *Weiss Peg*. Kandinsky and Old Russia…

[6] *Кандинский В.В.* Ступени… С. 27–28.

[7] *Кандинский В*. О наказаниях по решению волостных судов Московской губернии // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России / Изв. ИОЛЕЭ. Т. 61. 13–19; *Он же.* Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2 / под ред. Н. Харузина // Изв. ИОЛЕЭ. Т. 69. (Тр. Этнограф. отд-ния. М., 1896. Т. 11. Вып. 1; *Он же.* Maxime Kovalevsky. Tableau des origines el de l´évolution de la

пишет, что это было выполнено по просьбе не столько А.И. Чупрова, сколько Н.Н. Харузина, одного из крупнейших русских этнографов конца XIX — начала XX в.[1] Можно согласиться с Б. Шишло, что они просто информативны. Это дает ему право считать рецензии В.В. Кандинского поверхностными и не всегда правомерными. Но если мы внимательно посмотрим опубликованные в «Этнографическом обозрении», «Живой старине», «Землеведении», «Известиях РГО» подобные сочинения, то мы увидим, что большинство из них носят информационный, а не аналитический характер.

В 1889 г. Василий Кандинский прерывает учебу «*по состоянию здоровья*» на три года. Ему рекомендуют отдых в одном из приморских городов Западной Европы. В том же году он впервые побывал в Париже. Но это не освобождало его от сдачи экзаменов испытательной комиссии. Поэтому В.В. Кандинский был вынужден периодически бывать в Москве. В 1892 г. ему удалось сдать экзамены с третьего раза, и он получил диплом первой степени. Профессор А.И. Чупров рекомендует оставить его «*на два года для подготовки к профессорскому званию и написанию диссертации*». В своем ходатайстве он писал: «*Имею честь предложить окончившего с дипломом первой степени Василия Кандинского к оставлению на кафедре политической экономии и статистики. Усердные занятия политической экономией и сродными с ней науками в течение университетского курса, основательное знакомство с тремя новейшими языками, равно как и представленное весьма дельное сочинение, убеждают меня в том, что из г. Кандинского может выработаться со временем полезный научный деятель*»[2]. Как было выше сказано, после окончания университета в 1892 г. он, пытаясь перебороть себя, становится ученым-исследователем, активно готовится к магистерской диссертации. Сохранилась инструкция, составленная на кафедре политической экономии и статистике для В.В. Кандинского. Она включала громадный список литературы, с которым он должен был ознакомиться, а также перечень специальных предметов, которые он должен был прослушать[3]. В 1986 г. он получает приглашение от ректора Дерптского (сегодня — Тартуского) университета занять свободную должность приват-доцента, но в 1895 г. принимает окончательное решение оставить науку, чтобы серьезно заняться живописью. В письме своему учителю А.И. Чупрову от 4 ноября 1895 г. он написал следующее: «*Глубокоуважаемый Александр Иванович, меня очень тяготит, что я до сих пор не написал Вам того, что буду писать сейчас. Весь конец прошлой зимы я был еще в колебании, а в последнее время Вы переживали тяжелые минуты, и мне не хотелось обращаться к Вам с делом личного свойства.* ***Я решил оставить занятия наукой*** (выделено мной. — *А.Т.*). *Ваше постоянное доброе отношение ко мне возбуждали во мне желание сказать Вам о причинах, вызвавших мое решение. Прежде всего я убедился, что не способен к постоянному усидчивому труду. Но во мне нет еще более важных условий — нет сильной захватывающей все существо любви к науке. А самое важное — во мне нет веры... И чем дальше идет время, тем сильнее притягивает меня к себе моя старая и безнадежная любовь к живописи*»[4]. Так русская наука потеряла одного из своих потенциальных исследователей, а мировая культура получила величайшего художника. В этом важную роль сыграло его путешествие в Коми край.

Прежде чем закончить раздел о специальных этнографических экспедициях, организованных для изучения народов коми, необходимо остановиться на исследованиях ***С.И. Сергеля*** (1883–1955). Хотя он и не был профессиональным этнографом, его поездки

famille et de la propriété. Stockholm // ЭО. 1890. № 4. С. 176–177.

[1] *Керимова М.М.* Письма В.В. Кандинского к Н.Н. Харузину // Вестник истории, литературы и искусства. 2006. № 3.

[2] *Турчин В.* В.В. Кандинский в Московском университете… С. 201–202.

[3] Там же. С. 201–202.

[4] Письма В. Кандинского к А.И. Чупрову // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1983. С. 341.

в Коми край, как ни странно, оказались последними экспедициями, совершенными с этнографическими целями к коми-зырянам. После него подобная практика прекратилась почти на 50 лет по ряду причин. Поэтому его деятельность представляет для нас большой интерес, тем более что его имя известно только узкому кругу музейных специалистов.

Сергей Иванович Сергель родился 23 сентября 1883 г. в местечке Синявка Слуцкого уезда Минской губернии в семье волостного писаря. В 1894 г. он поступил в Могилевскую гимназию и закончил ее в 1904 г.[1] В гимназии он проучился 10 лет вместо положенных восьми. Скорее всего это было связано с трудностями жизни и необходимостью зарабатывания на учебу, ибо он остался без родителей.

В 1903 г. гимназист Сергей Сергель предпринимает в одиночку дальнее путешествие в далеко отстоящие от Могилева места — на северную реку Печору. Выехав из г. Чердыни Пермской губ. на лодке, он поднялся до верховьев р. Колвы, перебрался волоком в р. Унью, приток Печоры, по которой на лодке почти дошел до верховьев Печоры. Затем пешком он отправился в горы южной части Северного Урала. Как он писал позднее, «*во время этих скитаний мне пришлось близко узнать тип и характер тамошнего жителя, пришлось часто сталкиваться с русским старообрядческим населением, с зырянами, вогулами, даже с самоедами-пастухами зырянских оленей*»[2] . Эта поездка зародила в нем интерес к этнографическим исследованиям. Жаль, что об этой поездке не осталось материалов, и мы должны верить ему на слово.

В 1904 г., окончив гимназию, С.И. Сергель поступил в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, в группу, где готовили географов. Жизнь в Петербурге складывалась нелегко. Как было написано в справке, выданной ему Могилёвской гимназией для предоставления в Санкт-Петербургский университет и удостоверяющей его материальное положение, «*С. Сергель вследствие действительно большой бедности и неимения решительно никаких средств к жизни был на время пребывания в Могилёвской гимназии освобожден от платы за учение и получал ежегодные денежные пособия*»[3]. Он вынужден был зарабатывать деньги на жизнь репетиторством. Так, он занимался с детьми профессора университета Д. Грима[4]. В периоды полного безденежья ему приходилось оставлять учебу в университете до более благоприятных времен. Одним из его преподавателей Ф.К. Волков, археолог, этнограф, антрополог.

В 1913 г. С.И. Сергель получил свидетельство об окончании университета. Сведения о дальнейшей его жизни весьма скудны. Известно, что в 1915–1916 гг. он работал в г. Вельске Вологодской губ. чиновником Удельного округа Министерства Имперского Двора и уделов[5]. По другим сведениям, в Вельске он работал лесничим до 1922 г., там в 1920 г. родился его сын. В 1922 г. он с семьей переезжает в Московскую губернию, в г. Волоколамск. Здесь С.И. Сергель работает преподавателем географии в Волоколамском зооветеринарном (сельскохозяйственном) техникуме. В это время он публикует несколько книг, в том числе и, как бы сегодня это сказали, пособия по экстре-

---

[1] *Ивановская Н.И.* Забытые имена: путешественник и этнограф С.И. Сергель // Хранители: Материалы XI Царскосельской науч. конф. СПб., 2005. С. 154–166; *Она же*. Этнографическая поездка на территорию коми С.И. Сергеля (май-сентябрь 1906) // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 141–151; *Она же.* Образ эпохи, образ народа (опыт биографического изучения собирателей Российского этнографического музея) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреновские чтения. СПб., 2011. С. 286–302.

[2] Переписка с С.И. Сергелем, студентом СПб университета, командированным для собирания этнографического материала у зырян Архангельской и Вологодской губ. и лопарского населения Скандинавского полуострова и Финляндии // Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 566. Л. 4.

[3] *Ивановская Н.И.* Образ эпохи, образ народа… С. 289.

[4] Переписка с С.И. Сергелем… Л. 5.

[5] Адрес-календарь Российской империи. 1915, 1916 гг.

мальному туризму[1]. Кроме того, публикует материалы своих поездок к коми-зырянам и саамам[2]. Как пишет А.Ю. Заднепровская, в 1930 г. он обращался к Д.А. Золотареву, заведующему отделением этнографии великорусов и финнов этнографического отдела Русского музея для рекомендации его для работы в Комитете Севера при Президиуме ВЦИК[3].

В феврале 1906 г. Сергей Сергель, будучи студентом Петербургского университета, пишет заявление в этнографический отдел Русского музея с просьбой выделить ему 1000 рублей для сбора коллекций и этнографического обследования зырянского населения, живущего по берегам рек, впадающих в р. Печору в среднем ее течении. Обосновывая свою просьбу, он сообщает о том, что в 1903 г. он уже побывал в этом районе, где имел возможность близко познакомиться с местным населением. С.И. Сергель обязуется собрать коллекции, характеризующие хозяйственные занятия коми (охоту и рыболовство), жилище, домашний быт (утварь, одежда)[4]. Его предложение было принято, и он отправился в путь из Вологды по р. Сухоне пароходом, шедшим на север. Добравшись до Великого Устюга, он пересел на другой пароход, плывший вверх по р. Вычегде, и через несколько суток сошел на берег в г. Усть-Сысольске. Далее его путь лежал по берегу в верховья р. Вычегды, где С.И. Сергель надеялся, по его словам, найти «*более интересное место для наблюдений за жизнью зырян*»[5]. В конце июня 1906 г. он добрался до крупного волостного села Помоздин в верховьях Вычегды. В поисках типичной зырянской деревни, где сохранились архаичные формы традиционной народной культуры, С.И. Сергель, по совету местного учителя, направился в дер. Бадь-йоль, расположенную в нескольких километрах к западу от Помоздино. В этой деревне он прожил два месяца, занимаясь стационарными исследованиями традиционного образа жизни коми.

В своей книге С.И. Сергель достаточно подробно описывает антропологический тип местных жителей, разновидности жилых и хозяйственных построек, их внешний вид и внутреннюю планировку, традиционную пищу и одежду. Пользуясь современной терминологией, он вел углубленное наблюдение окружающей жизни, принимал непосредственное участие в жизни сельской общины. Он участвует в сенокосе и разработке лесной подсеки под поле, подробно описывая не только трудовой процесс, но и используемые орудия труда, попутно дает общую характеристику хозяйства коми. Одновременно им было собрано 490 первоклассных этнографических памятников и сделано более 200 уникальных фотографий, которые хранятся в настоящее время в Российском этнографическом музее[6]. Ценность этих экспонатов и фотографий в том, что они блестяще аннотированы собирателем и в настоящее время являются ценнейшим этнографическим источником по традиционной культуре коми-зырян начала XX в. Кроме того, в архиве РЭМ сохранилась его рукопись «Описание зырянских построек в Помоздинской волости Усть-Сысольского у., Вологодской губернии. Лето 1906 г.», которая не опубликована, но представляет большой интерес для исследователей[7]. Частично они были использованы им в ниге о коми-зырянах.

---

[1] *Сергель С.И.* Географические экскурсии в лодке и пешком. Пособие для преподавателя по организации экскурсий. М., 1925; 2-е изд. М., 1936; *Он же.* На парусном судне. М., 1929; *Он же.* Водный туризм. М.; Л., 1929; *Он же.* На лыжах по Скандинавскому Северу. М.; Л., 1930. (Эти книги выявлены по генеральному каталогу Российской национальной библиотеки.)

[2] *Сергель С.И.* В зырянском крае. М., Л., 1928; *Он же.* Год кочевки с лопарями. М., 1927.

[3] *Сергель С.И.* Экскурсия к норвежским лопарям / Публ. А.Ю. Заднепровской // Материалы по этнографии. СПб., 2004. Т. II. Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 283.

[4] Переписка с С.И. Сергелем… Л. 4.

[5] *Сергель С.И.* В зырянском крае… С. 9.

[6] Каталог-указатель этнографических коллекций. Народы Среднего Поволжья и Приуралья / сост. Л.Л. Добрачева, А.Ю. Заднепровская, Е.Н. Котова. Л., 1990. Ч. 1: Финно-угорские народы. В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого также хранится коллекция фотографий С.И. Сергеля из этой экспедиции.

[7] Описание С.И. Сергеля о зырянских постройках в Вологодской губернии (рукопись, чертежи). 1906 год // Архив РЭМ. Ф. № 1, оп. 2, д. 567.

3.1.2. Материалы естественно-научных экспедиций как этнографический источник

К категории источников по этнографии народов коми следует отнести опубликованные отчеты ряда естественно-научных экспедиций, направляемых на Европейский Север для географического и геологического изучения края[1]. В начале XIX в. русскую научную общественность беспокоило отставание в изучении Русского Севера. Несмотря на то, что в обществе постепенно углублялся интерес к промышленному освоению этого региона, реальных знаний не хватало. На рубеже XVIII–XIX вв. силами Морского ведомства, Корпуса горных инженеров была картографирована и описана большая часть побережья Северного ледовитого океана от Белого моря до устья Оби. Но внутренние районы Европейского Севера еще оставались неизвестными. Поэтому Академия наук предпринимает ряд усилий для выхода из этой ситуации и начинает ряд новых проектов. Часть этих исследователей прошла через Коми край[2]. Участники некоторых из них оставили очень интересные этнографические наблюдения. Именно к разряду таких относится путешествие ботаника А.И. Шренка в 1837 г., организованное с целью изучения природы, растительности и быта народов Севера России.

Александр (Густав) Иванович Шренк (1816–1876) родился в с. Тризново Одоевского уезда Тульской губ., где его отец, выходец из Германии, Иоганн Генрих, служил управляющим поместьями графа М.Д. Бутурлина. Брат — Леопольд Иванович, академик, путешественник, зоолог, этнограф; директор Музея антропологии и этнографии. Мать происходила из известной семьи Клодтов фон Юргенсбург. В 1837 г. окончил Дерптский (Тартуский) университет со степенью кандидата и поступил на службу в Ботанический сад Академии наук «ботаником для путешествий». За время своей службы он совершил несколько научных экспедиций, в том числе в Финляндию и Русскую Лапландию, казахские степи, Джунгарию. Кроме ботаники интересовался фольклором. В Архиве РГО хранится большая коллекция казачьих песен, собранных во время путешествия по Казахстану и Джунгарии. В 1848 г. защитил диссертацию в Дерптском университете и был утвержден в звании приват-доцента. Преподавал там минералогию, палеонтологию и геологию. В 1852 г. защитил магистерскую диссертацию, которая была посвящена силурийскому периоду геологии Эстляндии и Лифляндии и издана на немецком языке. В 1853 г. избирается ординарным профессором минералогии, но не был утвержден в звании по неизвестным причинам, после чего вышел в отставку и удалился в свое поместье. В 1859 г. был возведен в дворянство.

В 1837 г. он по поручению Ботанического сада был направлен на Север[3]. Хотя основной целью этой экспедиции было тщательное научное изучение растительности северной тундры, А.И. Шренк расширил поле своей деятельности до всестороннего многопланового обследования всего Европейского Северо-Востока. Это путешествие превратилось в исключительное по свой значимости, которое его современники называли классическим. В течение семи месяцев через Архангельск, Мезень, Усть-Цильму он прошел Больше-

---

[1] Сводку геологических исследований на Севере, в частности Урало-Новоземельском регионе см.: Геологическая изученность Арктики и Субарктики Союза ССР. Л., 1938. С. 45–255.

[2] *Котов П.П.* Экспедиции и обследования Коми края // Атлас Республики Коми… С. 302–305.

[3] Биография и труды А.И. Шренка напечатаны в кн.: *Липский В.И.* История Санкт-Петербургского Ботанического сада за 200 лет его существования. 1713–1913. СПб., 1913–1915. Т. 1–2. С. 479–482; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского университета за 100 лет его существования (1802–1902). Юрьев, 1902. Т. 1; *Пасецкий В.М.* Счастливый путь Александра Шренка // Пасецкий В.М. О чем шептались полярные маки. М., 1965. С. 108–130; *Он же.* Ради пользы России // Пасецкий В.М. Очарованный надеждой. Л., 1970. С. 185–199; *Щербакова А.А.* История ботаники в России (додарвиновский период). Новосибирск, 1979; *Хохлов В.П.* Родословная фамилии Шренк // Краеведческий вестник. Владивосток, 1994. Вып. 3.

земельскую тундру, добравшись до Югорского пролива и Полярного Урала[1]. Результатом этой экспедиции стала книга, опубликованная сначала по-немецки, а потом по-русски[2]. Это сочинение на некоторое время стало своеобразной энциклопедией по Малоземельской и Большеземельской тундрам, Полярному Уралу. В нем кроме описания природы и животного мира имеется значительное количество этнографического материала, характеризующего хозяйство и быт коми-ижемцев, оленеводства, маршруты кочевок, их взаимоотношения с ненцами. А.И. Шренк является первооткрывателем коми-ижемских трудовых песен, автором словаря коми-ижемского наречия[3].

Ученый поставил вопрос о необходимости соединения Печоры и Оби единой системой водных путей, для чего необходимо прорыть канал между этими реками. Это, по его мнению, значительно оживит хозяйство северного края, предотвратит хронический голод и поспособствует благосостоянию местных жителей. В 1850 г. Академией наук А.И. Шренк был удостоен за свои исследования Демидовской премии, самой почетной научной премии дореволюционной России, учрежденной знаменитыми заводчиками и промышленниками Демидовыми[4]. ***М. А. Кастрен***, который сам побывал в этом регионе, в своем отзыве на книгу заметил, что А.И. Шренк проявил себя как пытливый этнограф, изображающий все явления крайне точно[5].

В 1911 г. известный русский географ Г.И. Танфильев, проводивший исследования в этих районах, отмечал, что «*двухтомное сочинение Шренка представляет собой до настоящего времени важнейший источник для ознакомления с крайним северо-востоком Европейской России. Ни природа, ни подробно описываемый автором быт самоедов и зырян с тех пор не изменились*»[6] .

Для исследователя этнокультурной истории Русского Севера интересна еще одна его работа — «Областные выражения русского языка», представленная им в ИРГО и содержавшая небольшой словарь в 374 слов. К написанию этой работы его подтолкнуло обсуждение в РГО идеи о «*составлении русского географическо-терминологического лексикона; в том смысле, как я понимаю такой* ***русский*** *лексикон, это должен быть сборник всех выражений, употребляемых Русскими в различных частях государства, для обозначенья местностей, в котором, следовательно, должны заключаться и особенное внимание заслуживать областные географические выраженья всех стран России, их объяснение и производство; ибо что́ такое гора, это едва ли кому неизвестно, и значение этого слова русскому человеку не вздумается отыскивать в географическом лексиконе; но что такое* ***хибе́н*** *или* ***ва́рака****, многие из нас не узнают, не наведя справки: а в обыкновенном словаре не найдете этих слов. Известно также, что такое* ***скала****; но знаете ли вы значение слов:* ***корга́, подво́дница, поливу́ха, па́хта, стами́к, лу́да, шерло́пы****?*»[7].

Существовавшую на Русском Севере топонимистическую систему А.И. Шренк рассматривает с точки зрения контактов и взаимоотношений в этом регионе русских, саамов, ненцев и коми-зырян. Все они оставили след на этой территории. Хотя в своем словаре он

---

[1] *Есаков В.А.* География в России в XIX — начале XX в. (Открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). М., 1978. С. 89–90.

[2] *Schrenck A.G.* Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojeden zum arktichen Uralgebirge. Dorpart. 1848–1850. Th. 1–2.; *Шренк А.И.* Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным уральским горам в 1837 г. СПб., 1855.

[3] *Микушев А.К.* Эпические формы коми фольклора. Л., 1973. С. 29.

[4] *Мезенин Н.А.* Лауреаты Демидовских премий Петербургской академии наук. Л., 1978.

[5] Девятнадцатое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1850. С. 23, 25.

[6] *Танфильев Г.И.* Пределы лесов в Полярной России по исследованиям в тундре Тиманских самоедов с приложением сокращенного дневника путешествия. Одесса, 1911. С. 144.

[7] *Шренк А.И.* Областные выражения русского языка в Архангельской губернии // Записки ИРГО. Кн. IV. СПб., 1850. С. 123–167.

исходил в основном из топонимики, в нем имеются и ряд других слов, которые он считает заимствованными из коми языка.

Следует упомянуть о результатах экспедиции 1843 г. Александра Андреевича Кейзерлинга и Павла Ивановича Крузенштерна в Печорский край. И хотя эта экспедиция был снаряжена Министерством финансов и Корпусом горных инженеров в первую очередь для геологического и топографического описания этого региона и выполнения картографических работ, она пополнила финно-угроведение сведениями об экономике местных жителей[1]. Экспедиция была вызвана необходимостью нанесения территории Коми края на географическую карту и определения точных географических координат.

Граф ***Александр (Александр-Фридрих-Михаил-Лебрехт-Николай-Артур) Андреевич Кейзерлинг*** (***А.А. Keyserling*** 1815–1891) — русский геолог и географ, действительный статский советник, гофмейстер Императорского двора, почетный член Императорской Академии наук, член-учредитель ИРГО, происходил из старинного курляндского дворянского рода[2]. Родился в местечке Кабиллен в Курляндии (ныне Латвия). Получил первоначальное домашнее образование. Учился с 1834 г. на юридическом факультете Берлинского университета, но под влиянием А. Гумбольта увлекся естественными науками: геологией, палеонтологией, зоологией. В студенческие годы совершил первые естественно-научные экскурсии в Альпы и Карпаты.

В 1840 г. вместе с товарищем по университету, французским палеонтологом И. Блазиусом участвовал в экспедиции директора российского Департамента мануфактур и внутренней торговли барона А.К. Мейендорфа для исследования фабрично-заводского дела и естественных богатств центральных губерний Европейской России. С 1841 г. чиновник особых поручений в Горном ведомстве в Петербурге. В 1841 г. получил степень доктора Берлинского университета. В 1840–1841 гг. был приглашен Департаментом мануфактур и внутренней торговли для работы в России в составе экспедиции Роберта Мурчисона (R. Murchison), крупнейшего английского геолога того времени, и французского палеонтолога Э. Вернейля (E. Verneuil) для изучения геологического строения Европейской России и фабрично-заводской промышленности, в ходе которой он впервые побывал в Коми крае, посетив Усть-Сысольск[3]. А.А. Кейзерлинг — один из авторов фундаментального геологического описания Европы, написанного по материалам этой экспедиции. Одно из главных научных открытий этой международной экспедиции — на геохронологической шкале Земли появился т.н. пермский период, существование которого было выявлено этими геологами.

В 1843 г. в рамках большого научного проекта он вместе с капитан-лейтенантом русского флота ***П.И. Крузенштерном*** по высочайшему повелению вновь побывал в Пе-

---

[1] Извлечение из путешествия экспедиции гр. Кейзерлинга и г. Крузенштерна в 1843 г. по Печоре // Зап. Военно-топографического депо. 1848. Ч. 12. С. 17–20; *Кейзерлинг А., Крузенштерн П*. Печорский край в географическом и гидрографическом отношениях. Статьи 1–4 // ЖМВД. 1851. Ч. 34. С. 421–455; Ч. 35. С. 71–101; 235–251; 361–392; То же. Архангельские ГВ. 1851. № 29–46; *Шульга-Нестеренко*. Экспедиция капитана 2-го ранга Крузенштерна в Печорский край // Вестник ИРГО. 1853. № 7. С. 57–61; *Keyserling A., Krusenstern P.* Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land im Jare 1843. SPb., 1846.

[2] *Шмидт Ф.Б., Никитин С.Н.* Граф Александр Андреевич Кейзерлинг (Некролог). СПб. 1891; *То же.* Известия Геологического комитета. 1891. Т. 10. № 5. С. 1–11: Кейзерлинг Александр Андреевич // *Райков Б.Е.* Русские биологии-эволюционисты до Дарвина. Т. IV Материалы к истории эволюционной идеи в России. М., Л., 1959. С. 612–646; *Потолицын В.П.* Исследователь нашего севера // Родники пармы. 93. Сыктывкар, 1993. С. 60–65; *Дроздов Н.И., Федорченко В.И.* Министерство Народного просвещения Российской империи в лицах: 1802–1917 гг. Красноярск, 2005. С. 153–154.

[3] *Мурчисон Р., Вернейль Е., Кейзерлинг А*. Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского. СПб., 1849; *Murchison R., Verneuil E, Keyserling A.* Geologie des europäischeen Russland und Urals. SPb., 1849. Отзыв об этом путешествии см.: *Чупин Н.К.* Геологическое путешествие по России Мурчисона, де Вернеля и гр. Кайзерлинга, замечания их относительно Казанской губернии // Казанские ГВ. 1864. № 11–17.

чорском крае, который остался неизученным в ходе экспедиций 1840–1841 гг. Как позднее он писал, «*Печорский край представлял совершенно загадочную землю, подобную внутренней Африке*». Цель этой экспедиции — обозрение «*малоизвестных Припечорских стран в геологическом и географическом отношениях*»[1]. Написанная ими совместно книга по описанию Печорского края позднее, в 1847 г., Академией наук была удостоена Демидовской премии. Это исследование содержит ряд сведений о промыслах коми-зырян, путях сообщения края, торговых отношениях. Ценными являются топонимические данные, сведения о населенных пунктах, которые они посетили в ходе своего путешествия, и, что важно, о заселении их коми-зырянами и ненцами. Так, по их данным, в 1843 г. в с. Колва проживали только оседлые ненцы, что еще раз подтверждается данными ***В.Н. Латкина***, хотя коми встречались этим исследователям в бассейне р. Усы. А.А. Кейзерлинг составил первую геологическую карту Печорского края. Ученый отмечал, что результаты экспедиции во многом были обусловлены помощью местных проводников, из которых он отмечает грамотного, расторопного и любознательного зырянина Филиппа Попова.

Позднее, в 1848 г., А.А. Кейзерлинг был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, с 1887 г. — ее почетный член. Член-корреспондент Лондонского и Парижского геологических обществ, других иностранных научных учреждений. Сочинение А.А. Кейзерлинга и П.И. Крузенштерна почти в полном объеме вошло в обобщающую работу Р. Мурчисона «Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского», которая была издана в 1845 г. на английском и французском языках. С 1847 г. А.А. Кейзерлинг большую часть времени проживал в своем поместье Рейкюль в Эстляндии, а в 1850 г. ушел с государственной службы. (Благодаря женитьбе на дочери министра финансов Российской империи графа Канкрина у него не было материальных проблем.) Фактически после этого он полностью отошел от науки вообще и геологии в частности и занимался ботаникой и сельским хозяйством в своем родовом имении. В это время он занимался изучением папоротников и издал книгу по этому вопросу, содействовал устройству естественно-научного музея в г. Ревель. Неоднократно избирался предводителем дворянства Эстляндской губернии. Некоторое время, с 1862 по 1869 г., был попечителем Дерптского учебного округа.

Павел Иванович (Пауль-Теодор) Крузенштерн (1809–1881) — русский вице-адмирал, полярный исследователь, географ, топограф, предприниматель[2]. Родился в фамильном имении Асс близ г. Рапла Эстляндии (Эстония) в семье великого русского мореплавателя И.Ф. Крузенштерна[3]. Учился в Царскосельском лицее и в Морском корпусе, после окончания которого, в 1826 г. был зачислен юнкером в Морской гвардейский экипаж. В 1826–1829 гг. он участник русского кругосветного путешествия под командованием Ф.П. Литке на шлюпе «Синявин», которое продолжалось 3 года и 5 дней. В 1830–1832 гг. принимал участие в морской съемке (в проведении тригонометрических, астрономических и геодезических измерений) в Финском заливе, совершал морские походы на различных судах. Как пишет его биограф В.М. Пасецкий,

[1] О значении геологических научных результатов экспедиции см.: Геологическая изученность Арктики и Субарктики Союза ССР. Л., 1938. С. 52–53, 124–125.

[2] Павел Иванович Крузенштерн (Некролог) // Отчет ИРГО за 1881 год. СПб., 1882. С. 9; Крузенштерн П.И. // Общий морской список. СПб., 1889. Т. 10. С. 464–466; Контр-адмирал П.И. Крузенштерн // Морской сб. 1867. № 11. С. 18–19; П.И. Крузенштерн (некролог) // Кронштадтский вестник. 1881. № 147; Крузенштерн П.И. // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. Кн.–Кюх. С. 458–459; *Шидловский А.Ф.* М.К. Сидоров и П.И. Крузенштерн (К истории открытия Северного морского пути) // Изв. Гос. географ. общ-ва. 1939. Т. 71. № 6. С. 946–948; *Пасецкий В.М.* О чем шептались полярные маки. М., 1965. С. 153–162; *Он же.* Сын великого мореплавателя // Пасецкий В.М. Очарованный надеждой. Л., 1970. С. 66–81.

[3] *Федорова О.* Морская династия Крузенштернов в истории России // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект. Вып. 1. СПб. 2003. С. 51–59.

по-видимому, в это время он пытался обратить внимание правительства на необходимость отправки новой экспедиции для описания Антарктиды. В 1835–1839 гг. — адъютант Ревельского военного губернатора графа Л.П. Гейдена. Потом некоторое время служил в Гельсингфорсе. В 1964 г. произведен в контр-адмиралы, 1869 г. — в вице-адмиралы с отставкой от службы.

Как опытный топограф и астроном принял участие в экспедиции ***А.А. Кейзерлинга*** в Печорский край в 1843 г. Это предприятие было организовано Министерством финансов и Корпусом горных инженеров, ибо «*из всех ученых по России путешественников еще никто не был»* в этой области Русского Севера. Между тем министерство имело сведения, что там «*находятся разного рода минералы. Кроме того, обозрение мест около верховьев Печоры до устья реки Усы, а буде и реки Ижмы необходимо для пополнения геологической карты*»[1]. Действительно, большая часть бассейна Печоры была не исследована геологами и географами мира. Нижнее течение этой реки было описано в 1837 г. ботаником ***А.И. Шренком***, но его данные еще были не изданы и содержались лишь в рукописи**.** Материалы путешествия по Печоре ***В.Н. Латкина*** также были опубликованы позднее и носили социально-экономический характер. А.А. Кейзерлинг должен был заниматься геологией, а П.И. Крузенштерн — в первую очередь геодезией. Так как на всем большом пространстве северо-востока Европейской России не было определено ни одного астрономического пункта, что делало невозможным картографирование региона. Всего во время экспедиции он определил 47 геодезических пунктов. Кроме того, экспедиция должна была собирать сведения о корабельных лесах. Исследователи через Шлиссельбург, Новую Ладогу, Тихвин Великий Устюг добрались до Усть-Сысольска, а оттуда по Вычегде — до Печоры. Материалы этих исследований были опубликованы в специальной книге, изданной на средства Министерства финансов[2]. Она содержала геологические, геодезические и картографические материалы и, по мнению современников, «*заслуживала особенного внимания как важностью собранных ими фактов о любопытной, но мало еще известной еще стране, так и потому, что это есть первый пример издания в России обширного геологического сочинения, украшенного рисунками и картами работы здешних художников*»[3].

Первая поездка П.И. Крузенштерна прочно связала его с Коми краем и северо-востоком Европейской России. Он, по его словам, «*решил посвятить свою жизнь на разрешение вопроса, от которого зависела судьба богатой, но, по отдаленности своей, забытой области России. Ибо Печорский край представлял собой совершенно загадочную землю*». После экспедиции в записке, представленной в Русское географическое общество, он отмечал, что о «*публике в Печорском крае никто ничего не знал, да и в административных сферах сведения в Печорском крае были весьма неполные и неверные*»[4]. Поэтому до конца своей жизни П.И. Крузенштерн занимался не только исследованиями, но и по попытками развернуть промышленную деятельность в Печорском крае. Впоследствии ученый еще 9 раз был в этих местах, занимался научной и предпринимательской деятельностью, пытался отыскать водный путь с Печоры на Обь как по Ледовитому океану, так и по притокам Печоры и Оби[5]. Ибо от «*разрешения этого вопроса зависело процветание богатой, но, по отдаленности своей, забытой об-*

---

[1] Эта цитата из «Всеподданнейшего доклада министра финансов» приведена В.М. Пасецким.

[2] *Keyserling A., Krusenstern P.* Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land im Jare 1843. SPb., 1846.

[3] *Пасецкий В.М.* Сын великого адмирала… С. 71–72.

[4] *Крузенштерн П.И.* Замечания о Печорском крае // Архив Русского географического общества. Ф. 10, оп. 1, д. 69, л. 1.

[5] Путешествия *П.И. Крузенштерна* к Северному Уралу в 1874–1876 годах для исследования водного сообщения между притоками Печоры и Оби. СПб., 1879; *Он же.* Записка о Печорском крае. СПб., 1879; *Он же.* Экспедиция на р. Печору // Изв. ИРГО. 1879. Т. 15.

ласти России»[1]. Так, в 1849–1850 гг. он на своей шхуне «Ермак» исследовал Белое море, описал устье Печоры и Индиги, а также занимался поиском морского пути к устью Оби[2]. Как известный исследователь, в 1852 г. он был командирован Министерством государственных имуществ в Печорский край, чтобы искать пути вывоза корабельных лесов из этого региона. Используя свои связи при дворе, ему удалось в 1859 г. получить привилегию на промышленную вырубку лесов в Печорском крае, и он пытался организовать вывоз древесины в Кронштадт и Европу[3]. Его практическая деятельность была направлена на осуществление грандиозного проекта соединения Печоры и Оби в единую судоходную систему. Сегодня мы видим, что этот проект был в большой степени утопическим, ибо его не удалось осуществить даже в наше время. Позднее совместно с ***М.К. Сидоровым*** П.И. Крузенштерн вошел в организованную ***В.Н. Латкиным*** компанию по заготовке и вывозу лиственничного мачтового леса за границу. Из-за недостаточных капиталовложений и при отсутствии хороших путей сообщения дело не развивалось. Компания после смерти В.Н. Латкина распалась. В 1879 г. П.И. Крузенштерн писал: «*Без содействия и расходов со стороны правительства Печорский край не сможет выйти из своего безотрадного состояния, хотя деятельность отдельных предпринимателей способствует поднятию культуры края*». Для нас подобная деятельность П.И. Крузенштерна интересна в аспекте определения места и роли лесного промысла в системе жизнеобеспечения печорских коми. Сотрудничал с ***В.Н. Латкиным***. В связи с деятельностью П.И. Крузенштерна и В.Н. Латкина в русском обществе растет интерес к Северу вообще и Печорскому краю и Тобольскому Северу в частности. Этот регион становится объектом серьезного и пристального внимания российской прессы. В многочисленных публикациях этого времени мы видим ряд сведений социально-экономического характера, в первую очередь о хозяйстве края. Например, автор, скрывавшийся под псевдонимом Бр. Р.К., дает превосходное описание лесных промыслов населения Печорского края, а затем описывает историю освоения лесных богатств П.И. Крузенштерном и В.Н. Латкиным[4].

Позднее дело по изучению Севера продолжил его сын — ***Павел Павлович (Адам Август Отто Пауль) Крузенштерн*** (1834–1871)[5]. П.П. Крузенштерн родился в Ревеле, с 1842 по 1846 гг. жил вместе с матерью в Германии. В 1846 г. вернулся в Ревель и учился в Вышгородской школе. В 1849–1850 гг. вместе с отцом принял участие в исследовании Белого моря. В 1851 г. поступил юнкером во флот (ибо не учился в Морском корпусе) и на шлюпе «Диана» совершил морской поход на Камчатку, откуда возвратился сухопутным путем через Сибирь в Петербург, где его произвели в мичманы. Участвовал в охране морского побережья Финляндии во время Крымской войны, приняв в 1854 г. участие в отражении высадки английского десанта под Або (Турку). Позднее, в 1855 г., П.П. Крузенштерн обеспечивал испытания первой русской подводной лодки, построенной Вильгельмом Бауэром, и спас его команду. В 1856–1859 гг. проходил службу на русской эскадре в Средиземном море. В 1860 г. он на шхуне «Ермак» предпринял собственное исследование Пе-

---

[1] *Крузенштерн П.И.* Замечания о Печорском крае… Л. 2.

[2] Материалы этого исследования были опубликованы им отдельной работе: *Крузенштерн П.И.* Печорский край в географическом и гидрографическом отношениях // ЖМВД. 1851. № 6–9.

[3] О предоставлении капитану Крузенштерну прав на поставку лиственнического леса в Архангельск // Морской сб. 1859. № 6. С. 335–337; Высочайшия повеления. О предоставлении компании капитана Крузенштерна привилегии на вырубку лесов в Печорском крае // ЖМГИ. 1863. Ч. 82. № 1. С. 12–15; Последние известия с Печоры // ЖМГИ. 1861. Ч. 78. № 12. С. 91–92.

[4] *Бр. Р.К.* Печорский край // ЖМГИ. 1861. Ч. 78. № 9. С. 15–46.

[5] *Шидловский А.Ф.* М.К. Сидоров и П.П. Крузенштерн… С. 947–948; *А.Фр.* П.П. Крузенштерн // Морской сб. 1974. № 1. С. 9–16; Общий морской список. СПб., 1889. Т. 10. С. 466–467; Крузенштерн П.П. // Русский библиографический слов. СПб., 1903. Т. Кн.–Кюх. С. 460–461.

чорского залива и устья р. Печоры, побывал у Новой Земли.

После знакомства в 1862 г. с ***М.К. Сидоровым*** он предпринимает поиск морского пути из Белого моря к устью Енисея с целью вывоза графита, но безуспешно[1]. Шхуну «Ермак» осенью 1862 г. вынесло льдами в Карское море, и ему с командой пришлось по льду добираться пешком к берегам Ямала. Это была последняя попытка семьи Крузенштернов открыть Северный морской путь. Позднее П.П. Крузенштерн продолжил службу в военно-морском флоте, командуя различными судами на Балтике и в Средиземном море и пытаясь организовать новую экспедицию на Север. С 1868 г. служил на Аральском море, во время среднеазиатских походов генералов Черняева и Кауфмана, где показал себя образцовым командиром. Принимая участие в спасении парохода «Самарканд», простудился и был вынужден выйти в 1870 г. в отставку. Умер молодым после неудачной операции в Дерпте (Тарту).

Ряд этнографических сведений о коми можно встретить и в работах ***Эрнеста Карловича Гофмана*** (1801–1871), геолога и географа, профессора минералогии и геогностики Киевского и Петербургского университетов, генерал-лейтенанта Корпуса горных инженеров[2]. Родился в семье лютеранского пастора в Лифляндии. Как и ***А.И. Шренк***, он закончил физико-математический факультет Дерптского (Тартуского) университета. В 1823–1826 гг. принял участие в русском кругосветном плавании под командованием Отто Коцебу на корабле «Предприятие». Во время этого путешествия Э.К. Гофман получил опыт работы в самых различных регионах: Океании, Северной Америке, на Камчатке, что сделало его одним из опытных геологов и географов России[3]. Геологические наблюдения, опубликованные в виде отдельной книги, принесли ему мировую известность, так как они были написаны профессионалом[4]. В 1828 г., сдав кандидатский экзамен, поступил на службу по Горному ведомству и вместе с Г.П. Гельмерсеном совершил научное путешествие по Южному Уралу в 1829 г. В 1830–1832 гг. слушал лекции в германских университетах. В 1833–1837 гг. преподавал в Дерптском университете, путешествовал по Финляндии, Южному Уралу. В 1837–1842 гг. — ординарный профессор минералогии и геогнозии университета св. Владимира в Киеве, в 1841–1842 гг. — декан физико-математического факультета. В 1843 г. совершил по заданию Министерства финансов поездку в Восточную Сибирь для исследования золотоносных россыпей с целью разработки поисковых признаков на золото. В 1842 г. назначается профессором Горного института, а с 1845 г. — профессор геологии и минералогии Петербургского университета и преподаватель Института Корпуса горных инженеров, член Русского географического общества.

В 1847 г. недавно учрежденное Русское географическое общество совместно с Корпусом горных инженеров организовало Североуральскую экспедицию для определения границы между Европой и Азией на Северном Урале[5]. Полковник Корпуса военных топо-

---

[1] Известия об экспедиции к устью Енисея // Морской сб. 1862. № 12. С. 35–37; Об экспедиции к устью реки Енисей, предпринятой в 1862 г. под начальством лейтенантом Крузенштерна (Из рапортов начальника экспедиции) // Морской сб. 1863. №. 2. С. 33–59.

[2] *Архипова Н.П.* Непроторенными путями: Э.К. Гофман — геолог, географ, путешественник. Екатеринбург, 1994; *Она же*. Вклад западноевропейских ученых XVIII–XIX веков в познание природы Урала // Изв. УрГУ. 2002. № 23. С. 135–145; *Есаков В.А., Соловьев А.И.* Русские географические исследования Европейской России и Урала в XIX — начале XX веков. М., 1966. С. 91–92; *Он же.* География в Московском университете. М., 1983; *Бархатова Н.Н.* Геологические исследования Русского географического общества (1845–1917). М.; Л., 1955; *Шишкин Н.И.* К истории географических исследований в Коми АССР // Изв. Коми филиала ВГО. 1957. Вып. 4. С. 12–13; *Пасецкий В.М.* Очарованный надеждой. Л., 1970. С. 240–262.

[3] *Есаков В.А.* География в России в XIX — начале XX века (Открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). М., 1978. С. 37–39.

[4] *Hoffmann E.* Geognostishe Beobachtungen, angestellt auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1823–1826. Berlin, 1928.

[5] Уральская экспедиция, предпринятая Русским географическим обществом // ЖМВД. 1847. Ч. 18. № 5.

графов Э.К. Гофман стал его начальником. В пользу Э.К. Гофмана сыграло то, что в 1828–1829 гг. он уже путешествовал по Южному Уралу в составе специальной экспедиции Министерства финансов, которая занималась поиском золота. В течение 1847, 1848 и 1850 гг. он и астроном М.А. Ковальский проводили исследования на огромной территории — от истоков р. Печоры до Ледовитого океана: север Урала, хребет Пай-Хой, междуречье рек Кары, Усы, Печоры, Цильмы, Мылвы, нижнее течение Оби. Отряд Э.К. Гофмана и топографа Брагина занимался изучением западного склона Урала со стороны г. Чердынь Пермской губ, а второй отряд во главе майора Корпуса военных топографов, горного инженера Г. Стражевского с астрономом М.А. Ковальским, естествоиспытателем И.Ф. Брантом и прапорщиком Д. Юрьевым — восточного склона этой горной системы. Фактически им был обследован весь бассейн р. Печоры и часть бассейна р. Оби, то есть та территория, где проживали народы коми. Кроме топографических, картографических и геологических данных (например, были определены географические координаты 186 пунктов, что значительно помогло в составлении карт данного региона), был собран значительный этнографический материал, например описание охотничьего инвентаря, приемов охоты, охотничьего быта коми и т.д.[1] Это связано с тем, что именно коми-ижемцы оказались основными проводниками экспедиции, не только оказывая содействие ее работе, как знатоки местного края, но и снабжая ученых продовольствием и транспортом. Одновременно в его книге нарисованы прекрасные обобщенные этнопсихологические портреты местного населения. Позднее М.А. Ковальский указывал, что «*зырянин оживляет эту мрачную страну*». Подобное мнение высказывал и Э.К. Гофман: «*Железный народ эти зыряне-ижемцы: холод, жара, бессонные ночи, тяжелая работа — все это нипочем. Ничто их не ужасает и ничто не пугает*». Он дает прекрасный психологический портрет представителей этой этнической группы. По его описанию, у ижемцев орлиный нос, атлетическое телосложение, смелый взгляд, уверенная поступь. Они отличаются острым умом, расчетливостью, «себе на уме», равнодушным отношением к опасности и тяжелому труду. Одежда, способ постройки и расположение дома говорят об их благосостоянии. Коми-ижемец не боится ничего нового, расчетливый рассудок тотчас показывает ему все «за» и «против». Если новый торговый оборот не удается, но он убежден в выгоде, то не оставит его, пока дело не наладится[2].

Участник этой экспедиции прапорщик Дмитрий Юрьев опубликовал о ней две работы. В первой из них содержится общий обзор работы экспедиции, список определенных астрономических пунктов, а также подробный отчет о путешествии 1847 и 1849 гг. Экспедиция столкнулась с непредвиденными обстоятельствами — эпидемией сибирской язвы, которая не позволила участникам выполнить план работы. Лишившись оленей и не имея возможности их приобрести, они были вынуждены выбираться с Северного Урала к Оби.

Но в этом проникнутом трагическими событиями описании можно увидеть положительные моменты. Как и ***А.И. Шренк,*** он при-

---

С. 333–342; Уральская экспедиция // ЖМНП. Ч. 53. С. 42; Ч. 54. С. 6–8, Ч. 56. С. 1–4; Дополнительная Уральская экспедиция // Географич. изв. ИРГО. 1850. С. 340–348; *Архипова Н.П.* Северноуральская экспедиция Русского географического общества // Зап. Урал. отдела ГО СССР. Свердловск, 1954. Вып. 1; *Есаков В.А., Соловьев А.И.* Русские географические исследования Европейской России и Урала в XIX — начале XX веков. М., 1966. С. 91–92; *Он же.* География в Московском университете. М., 1983; *Бархатова Н.Н.* Геологические исследования Русского географического общества (1845–1917). М.; Л., 1955; *Шишкин Н.И.* К истории географических исследований в Коми АССР // Изв. Коми филиала ВГО. 1957. Вып. 4. С. 12–13; *Пасецкий В.М.* Очарованный надеждой. Л., 1970. С. 240–262.

[1] *Hoffmann E.K.* Der Nordische Ural und Küstengebierge Pai-Choi. SPb., 1853–1856. Bd. 1–2; Русский перевод: *Гофман Э.* Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции, снаряженной Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 гг. СПб., 1853–1856. Т. 1–2.

[2] *Hofmann E.K.* Der Nordische Ural… S. 201–202.

водит большой список топонимистических терминов, разделив их ненецкие, мансийские, коми-зырянские и русские. Даже небольшие упоминания о коми-зырянах позволяют отметить их научную ценность. Так, он отмечает незаселенность р. Усы, отмечая там только три промысловые избушки, принадлежащие зырянам Попову, Истомину и Терентьеву. Этот факт позволяет отнести заселение бассейна р. Усы к более позднему времени. В то же время он указывает, что р. Уса лежит на маршруте кочевок коми оленеводов в тундру. Он пишет, что манси и коми считают высочайшую вершину Северного Урала Тельпоз-Из местом обитания нечистого духа, который не допускает смельчаков на эту вершину. Упоминает, что коми снабжают манси меховой одеждой, ибо первые мало занимаются ее изготовлением[1].

Д. Юрьев отмечает участие коми-ижемцев в торговле на ярмарках Обдорска (Салехарда) и с. Мужей, но не фиксирует их там в числе постоянных местных жителей. Таким образом, по его сведениям, время юридического заселения Зауралья коми следует относить к периоду не ранее 1849 г.[2] Но в то же время Д. Юрьев отмечает в районе Мужей «Зырянскую дорогу», по которой экспедиция вышла к р. Обь к с. Мужи[3]. Этот факт связан со сложной системой административной регистрации переселенцев. Известно, что коми появились в Зауралье достаточно давно, о чем упоминает еще ***Г.Ф. Миллер***. Но юридически, то есть фискально, многие из них продолжали числиться жителями обществ и приходов Коми края, отбывая там повинности и уплачивая подушную подать. Только в середине XIX в. эта юридическая коллизия была разрешена местной властью, и они официально стали жителями Тобольского Севера как податное население и начали учитываться местной статистикой. Эти соображения следует учитывать в настоящее время, когда исследователи пытаются определить время появления коми в этом регионе. Участники экспедиции в силу ряда причин были вынуждены принять помощь коми-ижемцев для завершения выполнения поставленных перед ними задач, и все отмечали их доброжелательство и готовность помочь[4].

Результаты исследования Э.К. Гофмана были высоко оценены научной общественностью. В 1849 г. ему первому была присуждена только что учрежденная Большая золотая Константиновская медаль Русского географического общества и Демидовская премия Академии наук[5]. Долгое время он состоял директором Императорского Русского минералогического общества.

Одной из последних естественно-научных экспедиций, работавших на Полярном Урале до революции, была экспедиция братьев Н.Г. и Г.Г. Кузнецовых. Братья Кузнецовы были владельцами крупнейшего в России чаеторгового товарищества. В 1908 г. они обратились к академику Ф.Н. Чернышеву с предложением «*израсходовать часть имеющихся свободных средств на какое-нибудь полезное для науки дело*». Обсуждение этого предложения в Русском географическом обществе и Императорской Академии наук привело к организации комплексной научной экспедиции в малоизученные р-ны Полярного Урала. Спонсоры этого научного мероприятия были готовы финансировать поездку 10 специали-

---

[1] Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедициею в 1847 и 1848 годах с присовокуплением общего обзора путешествия экспедиций, отчета по съемке, различных замечаний в статистическом и этнографическом отношениях, карты Северного Урала и плана г. Березова / Соч. Д. Юрьева. СПб,, 1852. С. 41–43, 51, 60 и т.д.

[2] Общий обзор путешествия Уральской экспедиции, составленный Корпуса топографов прапорщиком Юрьевым // Зап. Военно-топографического депо. 1852. Ч. 14. С. 25–27, 31–33, 81–90.

[3] Топографическое описание Северного Урала… С. 134–133.

[4] *Сухогузов П.Г.* Карты нашего Севера // Родники пармы. 93. Сыктывкар, 1993. С. 178–179.

[5] *Гельмерсен Г.П.* Разбор сочинения г. Гофмана под заглавием «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции, снаряженной Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 гг. СПб., 1853–1856. Т. 1–2» // Извлечения из 26-го присуждения учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1857. С. 117–128.

стов, а также организовать обработку полученных материалов с последующей передачей их в музеи Академии наук[1]. Начальником экспедиции с общего согласия устроителей и представителей научных кругов был назначен О.О. Баклунд. Он пригласил для участия в этом научном предприятии ряд начинающих исследователей. Так, в качестве коллектора этнографических коллекций был приглашен студент Московского университета ***Д.Т. Янович***.

Олег Оскарович Баклунд (Helge Gotrik Backlund, 1878–1958) известный русский и шведский геолог, минералог. Родился в г. Дерпте (в настоящее время — г. Тарту, Эстония). Сын крупного русского астронома, академика О.А. Баклунда, бывшего некоторое время директором Пулковской обсерватории. В 1897 г. окончил Петербургский университет. Научная деятельность началась с участия в 1898–1901 гг. в русской экспедиции на Шпицберген. В 1908–1918 гг. — ученый хранитель Геологического музея. Участник и руководитель ряда экспедиций на Север, в Сибирь, Монголию, Туркестан. После революции эмигрировал из России в Финляндию, где с 1918 г. состоял профессором геологии и минералогии в Академии Або в Турку, а в 1924 г. был приглашен в Университет Упсала, в Швеции, где прожил до своей смерти.

Экспедиция из Москвы через Тюмень и Тобольск по Оби добралась до Обдорска (Салехарда), откуда отправилась на Полярный Урал. В книге О.О. Баклунда, которая в основном посвящена геологии и гидрографии этого региона, имеется значительное количество сведений о коми-ижемцах. В первую очередь это касается мест их кочевок[2]. Во многих местах можно найти зарисовки этнопсихологического портрета зырян. Например: «*Первое знакомство с зырянами, заселяющими этот оживленный пункт, произвело весьма выгодное впечатление: рослые белокурые, веселые, они открыто смотрят в глаза, своим молодцеватым видом и чистой одеждой они выгодно отличаются от русского населения вышележащих деревень и Березова* (о зырянах с. Мужи. — *А.Т.*)»[3]. Коми-ижемцы неоднократно помогали экспедиции при передвижении на оленях от Обдорска до берегов Карского моря. В исследовании имеется масса ценных замечаний, которые интересны и для современных исследователей, например, информация о том, что многие самоеды владеют зырянским языком лучше, чем русским; как ижемцы и ненцы обменивают перебежавших оленей. Уникальным является известие о том, что на Ильин день кочующие на Полярном Урале коми устраивали гонки на оленях, на которые собиралось посмотреть все коми-ижемское население. Таким образом, можно сказать, что, несмотря на фрагментарность, эти сведения достаточно информативны.

3.1.3. Народы коми в материалах социально-экономических исследований

На рубеже XIX–XX вв. царское правительство организовало на Русском Севере широкие землеустроительные обследования, что в первую очередь было связано с общим земельным кризисом в стране. Россия переживала промышленный и демографический бум. Правительство было вынуждено решать земельный вопрос, для этого было необходимо определить будущие колонизационные направления. Один из архангелогородских деятелей, А. Норманн, в это время выступил с рядом статей об обширных свободных землях

[1] Журнал заседания Отделения географии математической и физической ИРГО // Изв. ИРГО. 1908. Т. 44. Вып. 10. С. 79, 88; *Баклунд О.О.* Экспедиция братьев Кузнецовых на Полярный Урал летом 1909 // Изв. ИРГО. 1910. Т. 45. Вып. 1–5. С. 35–51; *Он же*. Общий обзор деятельности экспедиции братьев Кузнецовых на Полярный Урал летом 1909 г. // Зап. ИАН. 1911. Сер. 8. Т. 28. № 1. С. 2–3; Экспедиция братьев Н.Г. и Г.Г. Кузнецовых на Северный Урал // Землеведение. 1909. Кн. 4. С. 70–74; *Горчаковский П.Л.* Уральский след академика В.Н. Сукачева // Изв. УрГУ. 2003. № 27.

[2] *Баклунд О.О.* Общий обзор деятельности… С. 77, 81, 82, 84, 86, 87 и т.д.

[3] Там же. С. 9.

в северных губерниях[1]. Так, в одной из них он писал, что «*колонизация такой обширной территории (речь идет об Архангельской губернии), составляющей одну шестую часть Европейской России, находящейся в столь близком расстоянии от обеих столиц и имеющей к тому же превосходный морской сбыт продуктов труда, даже помимо целей государственного землеустройства, не только крайне желательна, но и настоятельно необходима, как очень крупное и важное экономическое предприятие, обещающее при относительно малых затратах на него сразу значительные экономические и финансовые выгоды государству*»[2].

В местной и центральной печати развернулась дискуссия, в которую были вовлечены многие ученые, журналисты, государственные деятели, включая губернатора А.Н. Энгельгарта. Они обменялись взаимными статьями[3].

Следует отметить, что подобные дискуссии проходили и раньше. Правительство, используя подконтрольные ему научные общества, неоднократно предпринимало попытки получить определенные данные по некоторым экономическим вопросам. Для этой цели часто использовались Императорское Вольное экономическое и Императорское Русское географическое общества. Например, в 1867 г. они образовали специальную экспедицию для изучения хлебной торговли и производительности по специальной единой программе. Исследования проводились по всей Европейской части России. В Архангельске этой работой занимался П.П. Чубинский, в то время секретарь губернского статистического комитета[4]. Помимо сбора материала по основной тематике — сельскому хозяйству северного региона (земледелию, хлебной торговле, скотоводству, в том числе по оленеводству и т.д.) — в сфере его интересов оказались и этнографические вопросы: общественный и семейный быт, религиозные представления, фольклор и т.п. В опубликованном отчете подробно описываются земледельческие орудия, формы хозяйства, системы земледелия, урожайность и т.д. Поэтому эти материалы имеют большую научную ценность и в наши дни[5]. Не потеряла значения и его работа по льноводству, которая содержит интересные материалы по технологии переработки льна[6].

В конце 1880-х гг. Министерство государственных имуществ проводило исследование экономического состояния крестьян северной части Вологодской губернии[7]. Руководил эти-

---

[1] *Норман А.С.* Условия организации переселений на Север. СПб., 1902; *Он же.* Истинные богатства нашего Севера и возможность его заселения. СПб., 1902; *Он же.* К вопросу о заселении Архангельской губернии и ответ г. Сущевскому. Архангельск, 1907; *Он же.* Почему необходимо заселение Архангельской губернии СПб., 1909; *Он же.* О колонизации Архангельской губернии и ответ газете «Архангельск». Архангельск, 1909.

[2] *Норман А.С.* Записка к вопросу об организации заселения Архангельской губернии (составлен А.С. Норманом, действительным членом Русского географического общества, автором книги «Почему необходимо заселение Архангельской губернии» (СПб., 1910).

[3] *Энгельгардт А.П.* Замечания по поводу записки А.С. Н-на «Истинные богатства нашего Севера и возможность его заселения», [представленной Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности]. СПб., 1902; *Норман А.С.* По поводу замечания г. А. Энгельгарта на записку А.С. Н-на на «Истинные богатства нашего Севера и возможность его заселения». СПб., 1902.

[4] О П.П. Чубинском см.: *Попов А.Н.* П.П. Чубинский на Севере (К 30-летию со дня его смерти) // Изв. АОИРС. 1914. № 3. С. 70–87; Разумова А.П. Из истории русской фольклористики. М.; Л., 1954.

[5] *Чубинский П.П.* О состоянии хлебной торговли и производительности в Северном районе // Тр. экспедиции, снаряженной Императорским Вольным экономическим и Императорским Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и производительности в России. 1868–1877. СПб., 1880. Т. 1. Вып. 6. С. 497–775.

[6] Отчет о льноводстве, льняном производстве и льняной торговле в северном районе члена Императорских обществ: Русского географического, Вольного экономического, Любителей естествознания, состоящем при Московском университете, Московского общества сельского хозяйства, члена и секретаря Архангельского статистического комитета Павла Чубинского. СПб. ,1869.

[7] О работе экспедиции см.: Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археографиче-

ми работами П.В. Котляровский. В сферу его работы пропали Усть-Сысольский и Яренский уезды[1].

Также следует вспомнить деятельность архангельского губернатора, гофмейстера ***Александра Платоновича Энгельгардта*** (1847–1903) и его очерк «Русский Север»[2]. Он остался в анналах Архангельской губернии как выдающийся губернатор, преобразователь Русского Севера. За неполное десятилетие своего правления Александр Платонович смог осуществить ряд крупных технико-экономических проектов, которые вывели губернию из состояния «спячки» и дали возможность «*вызвать на свет ее несметные богатства*»[3].

Он родился 14 августа 1845 г. в имении Климове Духовщинского уезда Смоленской губернии, в дворянской семье, много потрудившейся на благо России. В 1864 г. окончил юридический факультет Московского университета, затем служил судебным следователем Палаты уголовного и гражданского суда в Смоленске. В 1877 г. единогласно был избран на должность городского Головы и прослужил в этой должности 13 лет. За эти годы им было много сделано для упорядочения городского хозяйства. В 1890–1893 гг., будучи вице-губернатором Казанской губернии, А.П. Энгельгардт занимался сельским хозяйством края и выпустил брошюру, посвященную крестьянскому вопросу[4]. К этому времени состоял членом многих научных обществ, в т.ч. ИРГО.

В 1793 г. камергеру двора Его Императорского Величества, действительному статскому советнику Александру Платоновичу Энгельгардту «*высочайше повелено быть Архангельским губернатором*»[5]. В Архангельске его деятельность как ученого-практика проявилась особенно ярко. Он обеспечил представительство Архангельской губернии на Всемирной выставке, которая состоялась в Париже в 1900 г. Оснастил экспонатами Архангельский публичный музей (многие из этих экспонатов он привозил из собственных поездок по губернии). Поддерживал гидрографические работы по трассе будущего Северного морского пути. Он участвовал в строительстве первого отечественного ледокола «Ермак» и строительстве Мурманской биологической станции.

Одним из самых впечатляющих деяний А.П. Энгельгардта на посту архангельского губернатора явилось строительство Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, что позволило соединить Русский Север с остальной Россией. Кроме того, он был инициатором строительства военного порта и военно-морской базы на Мурмане, которые надежно защитят Русский Север как от военного, так и контрабандного вторжения. Всемерно стремясь интенсифицировать процесс колонизации Мурманского побережья, А. П. Энгельгардт летом 1895 г. совершил обстоятельную поездку по Мурману для выяснения общей и промысловой ситуации в этом районе[6]. Дол-

---

ский сборник. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 235–299; *Чупров В.И.* Землевладение и экономический быт крестьян Яренского уезда во второй половине XIX в. // Вычегодский край в истории России. Сыктывкар, 1994. С. 46–49.

[1] *Котляровский П.В.* Экономический быт крестьян Усть-Сысольского уезда за 1890 г. // Вологодские ГВ. 1891. № 41, 42, 45 ,46; *Он же.* Экономический быт государственных крестьян северо-восточной половины Вологодской губ. // Вологодские ГВ. 1892. № 24, 26–28, 30–31, 33, 35–38, 40–43, 45, 47–52; 1893. № 1–4; 7–8Б 10–11, 13.

[2] *Энгельгардт А.П.* Русский Север. Путевые записки. СПб., 1897.

[3] *Скрипицын В.А.* Воистину человек. Из воспоминаний об А. П. Энгельгардте. СПб., 1903; *Вехов Н.* Архангельский губернатор Александр Платонович Энгельгардт // Московский журнал. 2003. № 5. С. 2-8; Жабина Н. Энгельгардты в истории России // Вестник библиотек России // 2008. № 4. С. 18–20.

[4] *Энгельгардт А. П.* Очерк крестьянских хозяйств в Казанской и других средневолжских губерниях. Казань, 1892. Позднее он написал еще ряд книг по экономической тематике, например: Черноземная Россия. Очерк экономического положения края. Саратов, 1902; О лесном хозяйстве в Европейской России. СПб., 1904; Положение в земледельческой промышленности России и средства по ее улучшению. Посмертный труд А. П. Энгельгардта. СПб., 1904.

[5] Архангельские губернские ведомости. 1893. 25 авг.

[6] Краткий очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгарта в 1894 г. на Мурман, Новую Землю и в Печорский край // Архангельские ГВ. 1894. № 71–72.

гие годы иностранцы имели здесь преимущество перед русскими: значительные финансовые средства, лучшие промысловые суда и оборудование, гарантированные рынки сбыта продукции (в Норвегии); они пользовались самыми удобными угодьями, были надежнее защищены юридически. Борьба за русские интересы оказалась нелегкой, поскольку у многих «варяжских гостей» в правительственных кругах нашлись высокие покровители. Например, он писал, что с устройством коммерческого порта на Мурмане, в Екатерининской гавани, Россия сделается действительною обладательницею Белого моря, Северного океана и их неисчерпаемых богатств.

Но прежде всего А.П. Энгельгардт думал о насущных нуждах местного населения: «*Без телеграфа на Мурмане,* — писал он, — *все усилия к упорядочению и развитию рыбных промыслов и колонизации Мурманского берега не могут иметь успеха. Телеграф же послужит к благосостоянию поморского населения Кемского, Онежского и частью Архангельского уездов, для которого мурманские промыслы составляют главный источник заработка*». Однако к окончанию своего губернаторского срока он смог добиться запрещения иностранцам селиться на наших берегах.

Еще одна инициатива А.П. Энгельгардта — проложить вторую северную железную дорогу, теперь уже на Мурман, — понимания не нашла. Как показало время — напрасно, ибо с началом Первой мировой войны необходимость в надежной транспортной магистрали к незамерзающему порту стала очевидной. И в 1916 г. дорогу пришлось построить, причем в спешке и огромными усилиями.

Книга «Русский Север», скромно названная автором «путевыми записками», на самом деле представляет собой настоящую энциклопедию Русского Севера. Она исключительно богата историческим, географическим и этнографическим материалом, который иллюстрируется множеством фотографий. Ценность этого материала состоит в том, что он собран не простым путешественником и не кабинетным ученым, а губернатором, который обладал наблюдательностью путешественника, эрудицией ученого и к тому же прекрасно владел пером.

В этой книге целый раздел посвящен Печорскому краю. А.П. Энгельгардт отмечает места проживания коми-зырян на этой территории, их численности, хозяйственной деятельности. Автор приводит короткую историческую справку по региону, показывая свою осведомленность в этих проблемах. Так, он пишет, что зыряне называют себя «*коми войтыр*», «*коми морт*». Знакомит читателей с историей христианизации коми, новгородской экспансии в этот район. В его книге приводятся сведения об истории заселения некоторых районов Коми края. Например, только у него встречается дата основания с. Ижмы — 1567 г., которая отличается от общепринятой в наше время. Этот год основания он установил на основании лично увиденных в этом селе старых церковных документов, как он их называет, памятной книжки ижемской церкви. В настоящее время они утеряны, а датой основания этого села чаше всего называют 1572 г.[1]

Губернатор отдельно останавливается на таких сложных для губернии вопросах, как оленеводство и взаимоотношения коми и ненцев в тундре. Приводит цифры численности оленей у русских, ненцев и коми, об экономическом значении этого вида хозяйственной деятельности. Надо отметить, что он очень осторожно относится к вопросу о запрете на кочевке коми в тундре, замечая: «*Нельзя не отдать справедливости зырянам в том, что они сумели развить оленеводство и сделать его производительным. Самоед требует от оленя только одного: чтобы он давал ему самое необходимое в его неприхотливой жизни, т. е. пищу и одежду, нисколько не заботясь об увеличении числа оленей и извлечении из своего стада денежных выгод; зырянин же старается увеличить число принадлежащих ему оленей, извлечь из них возможные выгоды*

[1] *Ульяновский А.* Село Усть-Цильма // Архангельские ГВ. 1868. № 26. О дискуссии о дате основания с. Ижма см.: *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века). Сыктывкар, 2005. С. 162–164.

и разумно воспользоваться продуктами, получаемыми от этих животных. Вековой спор зырян и русских с самоедами о праве пользоваться тундрами — спор, в котором обе стороны, с их точки зрения, действительно, правы, — в конце концов должен быть разрешен так, как того требуют интересы государства и населения всего края, а не преувеличенные требования сравнительно небольшой группы самоедского населения. Никто, конечно, не станет отрицать известных прав самоедов на тундру, которая должна обеспечивать их жизненные потребности; но из этого вовсе еще не следует, что должно лишить права пользоваться тундрою остальное население и этим разорить его, тем более что тундровые пространства столь обширны, что их хватит на всех. Между тем, по климатическим и этнографическим условиям края, оленеводство представляется здесь столь же существенно необходимым, как, например, в земледельческих местностях разведение скота. Без оленя житель Печорского края — тот же безлошадный и не имеющий скота хозяин в земледельческой полосе. Во всяком случае, если и есть доля правды в тех, отчасти сентиментальных, жалобах на судьбу самоедов, как обездоленного племени, которые так часто у нас слышатся, то улучшения их быта едва ли можно ожидать от той правительственной опеки, предлагаемой некоторыми радетелями за них, которая должна, по их мнению, ограждать самоедов от всяких сношений с соседями и преградить доступ в тундру зырянам и русским. Наоборот, мне кажется, улучшение их быта и благосостояния будет достигнуто только тогда, когда они войдут в более тесную связь с остальным населением и, вследствие этого, их умственный кругозор получит более широкий простор. Совершенно закрыть доступ в тундру русским и зырянам едва ли возможно и выполнимо; можно, наверное, сказать, что такая мера вконец разорила бы край и отняла бы у него главные его экономические силы, так как оленеводство, важнейшая статья народного хозяйства на Севере, в руках одних самоедов не получила бы никакого производительного значения. Основывать права самоедов на давностном пользовании их тундрами и на некоторых старинных актах и грамотах, предоставляющих им, будто бы, все тундры в исключительное владение, едва ли верно и целесообразно; экономические условия жизни меняются, и подобные грамоты теряют свое значение, а давность пользования тундрами одинаково относится как к самоедам, так и к зырянам и русским, а потому тундры, как целое, могут быть рассматриваемы не иначе как государственная собственность, так как они никогда не состояли в частном владении того или другого лица и предоставлялись лишь в пользование самоедам, в мере надобности».

Архангельский губернатор скептически смотрит на дальнейшую судьбу коми, предрекая им ассимиляцию: «*О будущности зырянского племени можно почти с уверенностью сказать, что оно совершенно сольется с русскою народностью, что уже произошло со многими другими финскими племенами, оказавшимися способными к воспринятию культуры. Нет сомнения, что таковыми являются и зыряне; они уже на полпути к обрусению, в чем легко может убедиться всякий, кто ближе познакомится с ними; по своему домашнему быту они мало отличаются от русских, религиозные их верования и управление — общие, с оседлою жизнью они уже вполне освоились и прежние кочевые наклонности совсем оставили. Они сохранили пока только свой язык; но так как у них нет своей литературы и своих письменных памятников, то расстаться с этим языком им будет нетрудно. С устройством школ, с развитием русской грамотности, с расширением торговых сношений все зыряне будут говорить по-русски, и тогда исчезнет всякое различие с русскими — исчезнет всякая память об этом племени. Где сходятся два племени, менее культурное всегда подчиняется влиянию другого и ассимилируется с ним — это общий исторический закон, вполне подтверждаемый, между прочим, историею колонизации наших инородческих земель. Такая ассимиляция спасает, может быть, менее культурное*

племя от вымирания, и, во всяком случае, нет надобности искусственно ее задерживать». Сегодня мы можем сказать, что в этом вопросе он мглубоко ошибался, ибо коми сохранили свою этничность, так же, как и ненцы.

А.П. Энгельгардт уехал с Севера в 1901 г. Сначала его назначили саратовским губернатором, где его сменил П.А. Столыпин, потом — товарищем министра земледелия и государственных имуществ, а в 1903 г. — министром земледелия. Но приступить к исполнению своих обязанностей он не успел.

В 1900 г. принимается решение о направлении в Коми край специальной партии по подготовке переселенческих участков под руководством А.Е. Богдановского и старшего топографа Л.Н. Рума. Она работала в течение 1901–1902 гг. в Усть-Сысольском уезде по определенной, содержащей много пунктов программе. В первую очередь проводилось социально-экономическое обследование, в котором важное место отводилось исследованию демографических, бытовых, хозяйственных условий местного населения, существующих порядков землепользования и т.д. Конечная цель исследований — нарезка пригодных для земледелия и скотоводства колонизационных, переселенческих участков, с составлением подробного их плана и описания для последующего их заселения колонистами из центральных губерний России и Прибалтики. В нем приняли участие и местные земские деятели, в частности ***В.Ф. Попов*** и отбывавший в Вологде ссылку ***В.А. Русанов***. Материалы этой экспедиции позднее были опубликованы, в них содержится масса полезных и интересных сведений [1].

Об одном исполнителе этих исследований известно немного, причем эти сведения не очень положительные. ***Леопольд Николаевич Рума*** (Леопольд Ламбертович Рум) был участником первых марксистских кружков. Еще в 1895 г. он был арестован, а затем завербован жандармским полковником С. В. Зубатовым. В августе 1896 г. Л.Н. Рума способствовал провалу московской социал-демократической организации. Провокаторство Л.Н. Румы, по свидетельству А.И. Ульяновой и Н.К. Крупской, «*выплыло при этом провале со всей очевидностью*». В 1908 г. в г. Верный полицией была разгромлена «Семиреченская революционная группа социалистов», в чем в партийных кругах обвинили одного из руководителей группы Л.Н. Рума — помощника заведующего статистической частью Семиреченского переселенческого управления. По-видимому, речь идет об одном и том же человеке[2].

В промежутке между этими событиями он проводил статистические исследования в Вологодской и Пермской губерниях. Во всяком случае, согласно «Памятной книжке Вологодской губернии на 1904/1905 гг.» не имевший чина Л.Н. Рума занимал должность производителя работ «Партии по заготовлению переселенческих участков в Пермской и Вологодской губерниях», которая располагалась в Вологде. Позднее Л.Н. Рума вместе с А.Е. Богдановским создали «Бюро экономических работ Рума Л.Л. и К°». Согласно генеральному каталогу РНБ, это бюро в 1914–1916 гг. опубликовало материалы по экономическому обоснованию строительства

---

[1] Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Т. 1 / Под. ред. *Л. Рума*. Результаты подворного исследования Верхневычегодских волостей, произведенного в 1902 г. Пермь, 1903; *Он же.* Объяснительная записка к отчету о работах партии по заготоаке переселенческих участков в Пермской и Вологодской губерниях, произведенных в 1901 г. Пермь. 1902; *Он же.* К вопросу о колонизационных предложениях Летского и Ношульского лестничеств Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (Объяснительная записка исп. об. Производителя работ старш. топографа Л. Рума к Отчету об исследованиях 1901 г.). Пермь, 1902. В Национальном архиве Республики Коми, хранятся некоторые документы этой экспедиции, зарегистрированные нод названием «Материалы экспедиции Л.Н. Рума (Экономический обзор, доклады, переписка, ответы) об исследовании Усть-Сысольского у. в кололнизационном отношении (заселение переселенцами)». Ф. 273. оп. 1. Д. 572. 235 с.

[2] Доклад о Московском социал-демократическом движении на II съездеРСДРП // Электронный ресурс. Режим доступа: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/doklady_2_syezdu_files/107.htm; Карл Овчаров // Электронный ресурс. Режим доступа http://www.retro-almaty.kz/istoria/178-karp-ovcharov.html.

Каспийско-Аральской и Обь-Котласской железных дорог. Причем в последней книге есть интересный материал по лесному хозяйству Коми края и ухтинской нефти.

В 1901–1902 гг. Л.Н. Рума обследует Прилузские и Верхне-Вычегодские волости и с заведующим партией по заготовке колонизационных участков представляет в Усть-Сысольское уездное собрание доклад, где делает следующие выводы:

1) В Усть-Сысольском уезде, особенно в Прилузье, леса, воды, земли пригодны для выращивания значительного количества хлеба, сбора большого количества сена, а следовательно, территория пригодна для заселения колонистами-переселенцами из России.

2) Старожильное население Усть-Сысольского уезда, в том числе и Прилузья, хозяйствует неудовлетворительно, но хлеба получает достаточно.

С такими выводами уездное земское Собрание не было согласно.

Необходимо сказать, что эти исследования принесли только теоретический результат. При обсуждении итогов работы экспедиции на сессии Усть-Сысольского земского собрания в 1903 г. развернулись дебаты. С критикой плана правительства выступил ряд местных деятелей, в том числе председатель земской управы В.И. Беляев и ***В.Ф. Попов***. Суть дискуссии заключалась в том, что центральная власть хотела провести колонизацию за счет местного коми населения, урезав у них земельные угодья для новых пришлых поселенцев. А земель уже недоставало для развития местного сельского хозяйства. Представители уездной администрации, наоборот, предлагали провести колонизацию за счет казенных земель и лесов. Поэтому эти обследования не привели к практическим действиям, но оставили современным исследователям великолепный статистический и этнографический материал.

В 1903 г. в юго-западной части Печорского у. Архангельской губ. работала экспедиция под руководством управляющего Архангельской казенной губернской палаты А.П. Ушакова. Основной целью этой исследовательской группы было изучение социально-экономического и санитарного состояния Печорского края. По другим сведениям, это исследование выполнялось на средства Комитета для помощи поморам Русского Севера[1]. Одним из основных исполнителей этого проекта был врач ***С.В. Мартынов***, который обобщил собранные материалы и опубликовал их в нескольких книгах[2]. Одна из них спровоцировала появление целого ряда рецензий[3].

Мартынов Сергей Васильевич (1855–1919), врач, русский политический и общественный деятель. Занимался революционной пропагандой в Москве, позднее в Петербурге. Был арестован в 1881 г. в Петербурге за участие в работе Исполнительного комитета «Народной воли». Некоторе время находился в заключении в Петропавловской крепости[4]. После трехлетнего предварительного заключения С.В. Мартынов высылается в административном порядке в Енисейскую губ. сроком на 5 лет. По истечении этого времени период ссылки был увеличен сначала на 2 года, а затем еще на год. В 1893 г. он вернулся из Сибири и жил в Воронеже, работал в местном земстве врачом в с. Перелешино. По некоторым сведениям, после завершения архангельской ссылки он вернулся на жительство сюда, ибо из этого села была его жена. Снова служил главным врачом больницы, на базе которой в годы Первой мировой войны был развернут военный госпиталь.

---

[1] Это видно из записки *Н.А. Голубцова* «Перечень объектов для составления статистических таблиц для исследования санитарного состояния Печорского края». 1903 г. (Архив РГО. Р. 1, оп. 1, № 87.)

[2] *Мартынов С.В* Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда. Ч. 1–2. СПб., 1904; *Он же*. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб., 1905.

[3] Современность. 1906. № 1. С. 94–97; Вестник Европы. 1906. Март. С. 381–383; Этнографическое обозрение. 1906. Кн. 1–2. С. 142–145; Естествознание и география. 1906. № 5; Живая старина. 1905. № 1–2. С. 83–84.

[4] *Мартынов С.В.* Истинное происшествие (Из воспоминаний) // Заветы. 1913. № 2. С. 65–76; *Он же.* По «закону» // Заветы. 1914. № 7. С. 141–152.

За участие в Воронежском «Уездном комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности», на заседании которого С.В. Мартынов прочел записку о необходимости созыва представительного собрания, немедленно был арестован и по распоряжению министра внутренних дел Плеве отправлен в 1903 г в административном порядке на три года в Архангельскую губ. Одновременно с ним из Воронежа и по одному делу был выслан ***Н.Ф. Бунаков.*** Привлечение С.В. Мартынова к этому исследованию не было случайным, так как в он проводил подобную работу в Воронежском уезде, обследовав с. Малышево[1]. На Печоре С.В. Мартынов был дважды, сначала в 1903 г. с А.П. Ушаковым, а в следующем сопровождал известного этнографа и фольклориста Е.А. Ляцкого. В итоге этих путешествий появились две книги.

В книге «Печорский край. Очерки природы и быта» наряду с рядом демографических данных приводится большой статистический материал о состоянии оленеводства у русских, коми-ижемцев и ненцев в 1900–1902 гг., базирующийся на материалах местного губернского статистического комитета, причем автор сомневается в их достоверности. С.В. Мартынов замечает, что «*об эксплуатации самоедов ижемцами и пустозерами говорить не буду, так как сам в тундре не бывал*»[2]. В ней подробно описывается внутрисемейный быт ижемских коми, особенности половозрастного распределения трудовых функций в хозяйстве и семье. Например, он отмечает как отрицательную черту то, что замужние женщины у коми-ижемцев очень много работают (в основном ухаживают за скотом). Следует отметить, что в этом случае С.В. Мартынов не заметил, что подобное положение было обусловлено конкретной ситуацией: мужчины большую часть времени кочевали с оленьими стадами в тундре, дом, дети, скот, земельный надел оставались на попечении женщины и старших детей. Кроме того, автор отмечает употребление местными жителями наряду с квашеной рыбой квашеной оленины.

Ряд его рукописей сохранился в архиве РГО. В своей основе они повторяют отдельные разделы книги, лишь немногим отличаясь в деталях. Так, рукопись, озаглавленная им как «Печорский край — опыт медико-санитарного описания», — часть полного отчета, представленного исследователем в Общество по борьбе с заразными болезнями[3]. К нему приложено письмо автора с просьбой о выделении субсидий для продолжения исследований Печорского края. Как врача, С.В. Мартынова очень интересовал один интересный феномен, распространенный на Русском Севере и известный здесь под названием «икота». Эта тема затронута во всех его сочинениях. Занимательна его рукопись «Печорский край»[4]. В ней наряду со сведениями о жилище, земледелии, скотоводстве имеются интересные материалы о народной медицине, колдовстве, заговорной традиции у коми-ижемцев. Автор анализирует влияние пищи на состояние здоровья местного населения. Ему же принадлежит «Описание волостей Печорского уезда с приложением статистических таблиц»[5]. Большой раздел этого описания посвящен изображению рыболовства у ижемцев: способов лова, количества вылавливаемой рыбы, цен на рыбу, и т.д. Кроме того, исследователь приводит интересную типологию местных лодок. Однако эти исследования также не имели практического результата, так как не ответили на главный вопрос — имеются ли здесь свободные земли. Как отмечает В.В. Богданов, сам С.В. Мартынов уже связы-

[1] *Мартынов С.В.* Современное положение русской деревни (Санитарно-экономическое описание с. Малышево Воронежского уезда). Воронеж, 1903.

[2] *Мартынов С.В*. Печорский край .. С. 119.

[3] *Мартынов С.В.* Печорский край — опыт медико-санитарного описания // Архив РГО. Разряд I, оп. 1, № 98. В РНБ имеется машинописная копия этой работы, озаглавленной как «Краткое извлечение из отчета экспедиции по обследованию санитарного состояния Печорского края, организованной А.П. Ушаковым в 1903 г.».

[4] Там же. № 102.

[5] *Мартынов С.В.* Описание волостей Печорского у. с приложением статистических таблиц (исследование 1903 г.) // Архив РГО. Разряд I, оп. 1, № 101.

вал будущее Печорского края с развитием промышленности, в первую очередь, с разработкой нефти на Ухте[1]. И как мы видим, что он был прав.

Из материалов данной экспедиции следует отметить сохранившиеся в Географическом обществе две рукописи Д. Тихомирова, посвященные описанию народных построек в Печорском уезде Архангельской губ. В них дается соотношение различных типов жилищ коми-зырянского населения Усть-Кожвинской и Красноборской волостей с имущественной дифференциаций семей, а также указываются конструктивные особенности жилищ, строительного материала и, что важно, приводятся рисунки и чертежи. Если описание коми-зырянского жилища встречается у различных исследователей достаточно часто, то иллюстративный ряд их скуден, поэтому рукописи Д. Тихомирова крайне любопытны[2].

Тем не менее подобные исследования были продолжены. В 1907–1909 гг. другая партия под начальством чиновника Главного управления землеустройства и земледелия П.И. Соколова занималась исследованием верхнесысольских волостей. Задачи партии были обширны: за 10 лет обследовать гигантский район — бассейн Вычегды, Сысолы и Печоры. Летом 1908 и 1909 гг. она работала в Коми крае[3]. В этой экспедиции этнографической и статистической частями заведовал ***К.Ф. Жаков***, который привлек к работам в качестве своих помощников молодого ***П.А. Сорокина***, в то время студента Психоневрологического института, и В.Ф. Попова.

Василий Филиппович Попов (1866–1927) — земский статистик, краевед, прозаик[4]. Родился в дер. Кочпон, пригороде Усть-Сысольска в семье крестьянина ***Филиппа Попова***, человека достаточно известного в Коми крае. Он был знаком с ***А.И. Шегреном***, входил в состав устьсысольской лексикографической группы ***Н.П. Попова***, которая работала над русско-зырянским словарем. Кроме того, он был проводником ***А.А. Кейзерлинга*** и ***П.И. Крузенштерна***. В 1880 г. В.Ф. Попов окончил с отличием Усть-Сысольское уездное училище. Затем поступил в Тотемскую учительскую семинарию. Здесь судьба свела его с земляком ***К.Ф. Жаковым***, который тоже учился в ней. Они неоднократно встречались и сотрудничали. После семинарии с 1885 г. В.Ф. Попов немного учительствовал в родных краях, а после 5 лет служил волостным писарем. В 1892 г. он становится делопроизводителем оценочной комиссии Усть-Сысольской земской уездной управы, которая занималась оценкой недвижимости местного населения для обложения земским налогом. Так он стал заниматься статистикой. В это же время В. Попов разрабатывает программу исследования экономического состояния уезда. Она была принята местным земством и разослана по волостям. Полученные им во время исследования в 1893–1894 гг. сведения были обобщены в статье «Полеводство и порядки землепользования у крестьян Усть-Сысольского уезда», которая позднее вошла в отчет экспедиции Л.Н. Рума, хотя была выполнена раньше[5]. В ней он впервые высказался о том, что

---

[1] *В.В.Б [В.В. Богданов]* Мартынов С.В. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб., 1905. // Землеведение. 1906. № 1–2. С. 197–201.

[2] *Тихомиров Д.* Описание построек в Печорском уезде Архангельской губернии. 1903 г. // Архив РГО. Р. 1, оп. 1, № 94; *Он же.* Описание построек в Печорском уезде Архангельской губернии. 1903 г. // Архив РГО. Р. 1, оп. 1, № 113.

[3] Труды экспедиции для исследования земель Печорского края Вологодской губернии / Под ред. П.И. Соколова. СПб., 1909. Т. 1; Тр. экспедиции для исследования земель Печорского края Вологодской губернии / Под ред. П.И. Соколова. СПб., 1910. Т. 2: Усть-Сысольский уезд. Район Усть-Сысольского и части Вычегодского лесничеств; Исследование Печорского края // Вестн. путей сообщения. 1909. № 26; *Геммерлинг В.В.* К вопросу об исследованию Печорского края // Вестн. сельского хозяйства. 1910. № 8–9; *Соколов П.И.* Что сделала экспедиция по исследованию Печорского края // Бог Помочь. 1913. № 3; *К.* Экспедиция для изучения Севера (Экспедиция Соколова в Усть-Сысольском у. Вологодской губ.) // Архангельск, 1910. № 206–208.

[4] *Попова Р.Л.* Заботясь о народе // Родники Пармы 93. Сыктывкар, 1993. С. 65–78.

[5] *Попов В.Ф.* Полеводство и порядки землепользования у крестьян Усть-Сысольского уезда // Итоги зем-

коми села страдают от малоземелья, а жители вынуждены заниматься отходничеством и мигрировать в Сибирь. Также он ставит вопрос о проведении землеустройства. По его мнению, «*пора отрешиться от поверхностного и ничем не оправданного взгляда о приволии и изобилии свободных и удобных земель, каковой взгляд целиком, без всяких разграничений, применяется к Северу России*»[1].

В 1894 г. по его предложению земство создает статистическое управление, а в 1900 г. он становится его заведующим. В.Ф. Попов создает на местах широкую сеть корреспондентов из числа учителей, священников, волостных писарей, которые начинают вести статистический учет. На основе полученных данных он публикует ряд статей социально-экономического содержания по сельскому хозяйству в Усть-Сысольском уезде. Эти работы не потеряли своего значения до наших дней, так как в них дан тщательный анализ хозяйства коми-зырян. Например, им были опубликованы сборники сведений о сельском хозяйстве и промыслах за несколько лет[2].

Кроме статистической деятельности, В.Ф. Попов занимал активную общественную позицию, выступая за увеличение численности школ, пахотных земель за счет казенных лесов, с критикой деятельности местного земства и т.д. Особенно он был активен в годы Первой русской революции. И как следствие — в 1907 г. он был уволен с работы, статистический отдел был ликвидирован, а исследования прекратились. В.Ф. Попов был вынужден перебиваться разными временными заработками. Некоторое время работал статистиком в соседнем, Яренском уезде. В революционном 1917-м он на некоторое время становится политическим деятелем — избирается председателем городской Думы. В это время он сотрудничает с эсерами, что через некоторое время было поставлено ему в вину. После завершения Гражданской войны он вернулся к работе статистиком в областном земельном управлении. Был членом Общества изучения Коми края, продолжал публиковаться[3]. Умер от болезни в 1927 г. в родном Усть-Сысольске.

Результаты этого предприятия были аналогичны работе партии Л.Н. Рума и А.П. Ушакова — дали материал, который не соответствовал решению поставленных задач[4].

Как ни странно, наиболее серьезной критике деятельность экспедиций Л. Рума и И. Соколова подверглась со стороны некоторых ее участников, в первую очередь ***К.Ф. Жакова*** и ***П.А. Сорокина***, которые выступили в печати со своими публикациями[5]. Основные возражения, которые они выдвигали по поводу опубликованных официальных данных, касались оценки колонизационных возможностей Коми края. Основной целью всех этих экспедиций, которые проводились в рамках аграрных реформ П.А. Столыпина, было выявление пригодных земель для жи-

---

ледельческого исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда / Под. ред. Л.Н. Рума. Пермь, 1903.

[1] *Попов В.Ф.* Полеводство и порядки землепользования… С. 49.

[2] *Попов В.Ф.* Земельные порядки у зырян // Северный вестн. 1896. № 1; *Он же.* Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства и промыслов за весну 1900 г. Вологда, 1901; *Он же.* Сборник сведений о состоянии внеземледельческих промыслов населения в зиму 1902–1903 г. Вологда, 1904; *Он же.* Земельно-хозяйственное описание Деревянской волости. Вологда, 1906; *Он же.* К вопросу об общине у зырян. (По поводу статьи М.А. Большакова) // ЖС. 1908. Вып. 2–3; *Он же.* Сборник сведений о земельно-экономическом положении и промыслах Яренского уезда за зимний период 1915–1916 г. Яренск, 1916.

[3] *Попов В.Ф.* Перспективы земледельческого и промышленного развития Коми области // Коми му. 1925. № 9. С. 25–31; № 10–11. С. 69–75; *Он же.* Материалы к познанию коми народа // Коми му. 1926. № 10. С. 21–26; № 11. С. 23–30.

[4] О результатах экспедиции 1909 г. П.И. Соколова в Печорский край // Архангельские ГВ. 1909. № 88, 89, 101, 257.

[5] *Жаков К.Ф.* Историко-статистический очерк зырянского населения // Тр. экспедиции для исследования земель Печорского края Вологодской губернии / Под ред. П.И. Соколова. СПб., 1909. Т. 1. С. 1–77; *Сорокин П.А.* Печорская экспедиция и колонизация зырянского края // Изв. АОИРС. № 8–9. С. 645–651; № 11. С. 863–866; *Он же.* Колонизационные вожделения // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 134–138.

тельства на Севере переселенцев из центральных районов России. Экспедиции выявили здесь 400 тыс. десятин свободных земель. К.Ф. Жаков и П.А. Сорокин высказались, что «*свободные 400 000 десятин П.И. Соколова — это миф, что при таких условиях, в которых сейчас находится земледелие исследованных районов, говорить о какой-либо колонизации этих районов преждевременно*». Они утверждали, что у местного населения, наоборот, земли не хватает[1]. Одновременно П.А. Сорокин отмечал крайне низкую подготовленность сотрудников экспедиции для работы у зырян. По его мнению, объективности получаемых данных препятствовали, с одной стороны, незнание коми языка, что часто мешало местному населению понимать задаваемые вопросы, а с другой — непонимание местных реалий. Например, статистики постоянно пытались выяснить объем получаемого местными мужиками урожая в пудах, в то время как зыряне урожай измеряли овинами и числом снопов и т.д. Кроме того, в его статье приводится ряд сведений о состоянии земледелия в местных селениях[2]. П.А. Сорокин приводит данные своего учителя о том, что в верхневычегодских волостях своим хлебом обеспечены от 18 до 48 % хозяйств, и это вызвано в основном нехваткой земель. Местные крестьяне сами готовы переселиться в другие регионы, но этому противится губернское начальство. Кроме того, по мнению К.Ф. Жакова, общинное земледелие коми-зырян невозможно заменить системой отрубов и хуторов[3]. Профессор П.А. Земятчинский, участник этого обследования, также отмечал неразвитость сельского хозяйства у коми-зырян и необеспеченность их собственным хлебом[4]. С критикой выводов этой экспедиции выступило и Усть-Сысольское земское собрание. В это был втянут и В.Ф. Попов, который был вынужден включиться в дискуссию по поводу общины у коми-зырян. В 1906 г. М.А. Большаков публикует большую статью об общине у коми-зырян[5]. Как видно из его текста, она так же основана на данных исследований экспедиции Л.Н. Рума и работы В.Ф. Попова. Начав с реверанса в адрес В.Ф. Попова «*как знатока края и пионера в деле исследования существующих земельно-правовых норм у зырян*», далее М.А. Большаков отмечает, что он «*имеет не достаточно отчетливое и ясное представление об общине*». В ответ В.Ф. Попов публикует в том же журнале аргументированный ответ своему критику[6]. Не вникая в суть терминологического и фактологического спора исследователей, отметим, что в этих работах можно найти очень интересный этнографический материал.

Для выявления истины была создана специальная комиссия под руководством члена Государственной Думы ***Н.Л. Скалозубова***, в которую вошли академик Ф.Н. Чернышев, проф. Д.Н. Анучин, заведующий Почвенным музеем П.В. Отоцкий. Комиссия также подвергла сомнению «научность» исследований этих экспедиций, а их работа была приостановлена. Так, К.Ф. Жаков и П.А. Сорокин сумели на некоторое время уберечь свою родину от социальных потрясений, так как водворение переселенцев в Сибири не всегда проходило гладко.

Пытаясь разобраться с ситуацией на месте, в эти дальние края совершил в 1907–1908 гг. две экспедиции вологодский губернатор А.Н. Хвостов[7].

---

[1] *Сорокин П.А*. Печорская экспедиция… № 8–9. С. 648.

[2] *Сорокин П.А*. Колонизационные вожделения… С. 136.

[3] Цит. по: *Леонов М.* Проф. К.Ф. Жаков и землеустройство у зырян // Северное утро. 1913. № 157.

[4] Исследование Печорской экспедиции в Усть-Сысольском у. Вологодской губ. // Водное дело. 1910. № 3.

[5] *Большаков М.А.* Община у зырян // ЖС. 1906. Вып. 1. С. 1–54; Вып. 2. С. 167–188; Вып. 3. С. 221; Вып. 4. С. 281–296. Отд. изд. М., 1907.

[6] *Попов В.Ф.* К вопросу об общине у зырян. (По поводу статьи М.А. Большакова) // ЖС. 1908. Вып. II. С. 158–169; Вып. III. С. 301–311.

[7] *Бессонов Б.В.* Поездка по Вологодской губ. к нефтяным богатствам на р. Ухту. СПб. 1903; *Он же.* Поездка по Вологодской губ. в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь. СПб. 1908; *Он же.* Водный путь на Сибирь по Вологодской губернии. Вологда, 1910.

Продолжением этих исследований была специальная поездка земского начальника Л.В. Корвин-Пиотровского на Печору в пределах Усть-Сысольского уезда. Основной целью поездки вологодского чиновника было тщательное изучение природных богатств Печорского края и возможности его колонизации и устройства путей сообщения на Обь с Печоры через Урал. В опубликованном по этой поездке отчете имеется большое количество этнографических сведений: о численности населения, хозяйстве, промыслах и т.д.[1] К сожалению, из материалов Л.В. Корвин-Пиотровского на сегодняшний день в научный оборот введены лишь данные по печорскому старообрядчеству и народной нравственности, а социально-экономическая информация еще ждет своего исследователя[2].

В рамках этого проекта проводились подобные обследования и в Архангельской губернии под руководством ***А.В. Журавского***. В истории развития русской науки можно найти много имен, вокруг которых в свое время шли бурные дискуссии, о них много говорили, обсуждали высказанные ими идеи. Но проходило время, и о них по разным причинам быстро забывали. Именно к таким людям относится ***Андрей Владимирович Журавский*** (1882–1914). Его деятельность в 1905–1914 гг. в качестве исследователя, работавшего на пересечении разных наук на Русском Севере, вызвала неоднозначные мнения, но, тем не менее, стимулировала новый всплеск интереса к всевозможным разысканиям в этом регионе. Нельзя сказать, что фигура А.В. Журавского не привлекала исследователей раньше. Сведения о нем присутствуют в некоторых справочниках, появились специальные статьи, рассматривавшие его как агронома и т.д. К столетию со дня рождения А.В. Журавского сыктывкарский писатель Л. Смоленцев опубликовал два романа, в которых он описывается как романтический герой, но в них имеется ряд неточностей, связанных в первую очередь с незнанием писателем реальной биографии этого русского естествоиспытателя. Все это дает нам право посвятить деятельности данного замечательного человека специальный очерк[3].

Считается, что А.В. Журавский родился 22 сентября 1882 г. в г. Елизаветграде (ныне — г. Кировоград, Украина) в семье военного инженера, генерал-майора В.И. Журавского. Но знакомство с документами А.В. Журавского, сохранившимися в личном деле студента Санкт-Петербургского университета, показывает, что на самом деле он был приемным сыном В.И. и С.К. Журавских, которые в начале октября 1882 г. усыновили подкидыша[4]. Стремясь обеспечить будущее своего приемного сына, В И. Журавский пытался передать ему свое дворянство, но это не удалось. В именном указе императора Александра III от 14 января 1890 г. говорилось: «*Воспитаннику генерал-майора В.И. Журавского Андрею дозволено носить его фамилию, отчество и пользоваться правами личного почетного*

---

[1] Труды экспедиции 1909 г. земского начальника Корвин-Круковского Л.В. по обследованию 5-го участка Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии и по предварительному исследованию вопроса о возможности соединения водным, через Урал путем бассейнов Оби и Печоры. СПб., 1910.

[2] *Титков О.А.* Материалы экспедиции 1909 г. земского начальника Корвин-Круковского Л.В. как источник по исследованию нравственных аспектов повседневной жизни крестьянства Печорского края // Изв. ОИКК. № 1 (10). Сыктывкар, 2007. С. 17–24.

[3] Русские ботаники: слов. М., 1950. Т. 3. С. 304–306; *Вавилов П.П.* Пионер северного земледелия (А.В. Журавский. 1882–1914). Из истории русской агрономии // Советская агрономия. 1951. № 4; Русские географы и путешественники Л., 1971; *Смоленцев Л.* Печорские дали. Сыктывкар, 1979; *Он же.* Родные гнездовья. М., 1982; *Носов Я.Н.* Подвиг ученого. К 110-летию со дня рождения Андрея Владимировича Журавского. Усть-Цильма, 1992; *Терюков А.И.* Коллекции А.В. Журавского в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Судьба собирателя) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 2–3. С. 254–265; *Он же.* Андрей Владимирович Журавский: жизнь и идеи // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 73–84; *Вехов Н.В.* Андрей Владимирович Журавский // Московский журн. 2001. № 2.

[4] Личное дело студента Санкт-Петербургского университета А.В Журавского: Удостоверение Елизаветградского Благотворительного общества от 22 апреля 1889 г., копия метрической выписки № 804 от 25 сентября 1884 г. // ГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 38986, л. 8, 9.

гражданина, но без права наследования по закону имущества его воспитателя»[1]. Через некоторое время после смерти родителей этот указ оставил А.В Журавского почти нищим, и только через суд и после трудных мытарств ему удалось стать наследником имущества своих приемных родителей, в частности небольшой суммы денег, которые он израсходовал на свои исследования на Севере.

В 1901 г. после окончания гимназии Я.Г. Гуревича в Санкт-Петербурге А.В. Журавский был зачислен и число студентов I курса естественного разряда физико-математического факультета Петербургского университета. Родители, в первую очередь его мать, хотели, чтобы он по примеру своего отца стал военным. Сам же Андрей с детства увлекался естественными науками: зоологией, ботаникой, географией. Этому во многом способствовал давний друг отца, профессор университета В.В. Заленский, ставший в студенческие годы А.В. Журавского академиком Императорской Академии наук, директором Зоологического музея и в некоторой степени его наставником после смерти родителей. Смерть отца в 1892 г. и матери в 1901-м позволила А.В. Журавскому по-своему распорядиться своей судьбой и отдаться любимому делу.

В университете А.В. Журавский слушал лекции геолога, академика, директора Геологического музея Ф.Н. Чернышева, зоолога В.В. Заленского, ботаника и почвоведа В.Н. Танфильева, профессора В.М. Шишкевнча и др. Еще на I курсе учебы сложился небольшой кружок, состоящий из близких друзей А.В. Журавского: студентов университета А. Григорьева и Д. Руднева, студента Института путей сообщения М. Шпарберга. В последующем они разделили с А.В. Журавским как тяготы многих путешествий, так и радость открытий и научного признания. Только А.А. Григорьев пережил своих друзей, став впоследствии действительным членом АН СССР и одним из крупнейших советских географов[2]. С географией связал свою жизнь и Д. Руднев, он занимался наукой и преподавательской деятельностью в Географическом институте[3].

В 1902 г. А.В. Журавский под влиянием рассказов о Севере академика Ф.Н. Чернышева, который неоднократно там бывал, предпринимает частную ознакомительную поездку в Архангельскую губернию и Печорский край, который просто очаровал его своей природой, людьми и их образом жизни. Здесь же он находит и свою любовь, Веру Александровну Рогачеву, дочь местного уездного полицейского исправника в селе Усть-Цильме, которая завершается законным браком и венчанием в г. Архангельске.

С этого времени он каждый год выезжает на Север, подолгу оставаясь там, совершая путешествия по неисследованным районам, проводя исследования, наблюдении и собирая коллекции для музеев Академии наук. Так, в течение 1903–1905 гг. им была обследована большая часть Большеземельской тундры, которая еще во многом оставалась terra incognita для науки. За эти путешествия он получил сначала малую серебряную, а в 1905-м — большую золотую медаль им. Н.Н. Пржевальского — высшую почетную награду Императорского Русского географического общества, награду, которую не получал никто из студентов[4].

Чтобы интенсифицировать свои исследования, в 1905 г. А.В. Журавский на личные

---

[1] Копию указа см.: Там же. Л. 10.

[2] *Рихтер Г.Д., Исаченко А.Г., Калесник С.В.* Андрей Александрович Григорьев // Изв. ВГО. 1960. Т. 101. Вып. 1. С. 87–88; *Рихтер Г.Д.* Андрей Александрович Григорьев. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия географических наук. Вып. 1. М.; Л., 1947.

[3] Русские географы и путешественники. Л., 1971. С. 116–117.

[4] *Журавский А.В*. О Западе Большой Земли // Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспытателей. 1905. Т. 35. № 2. С. 65–95; *Руднев Д.Д* Предварительный отчет о Большеземельской экспедиции 1904 г. // Изв. ИРГО. 1905. Т. 41. Вып. 3. С. 571–585; Большеземельская экспедиция А.В. Журавского // ЭО. 1905. № 4. С. 174; Отзыв академика Ф Н. Чернышева о трудах А.В. Журавского // Отчет ИРГО за 1905 год. С. 18–19; О награждениях А.В. Журавского см.: Журнал заседания Совета ИРГО от 28 января 1905 г. // Изв. ИРГО. Т. 41. Вып. 5. С. 47; Журнал заседания Совета ИРГО от 30 января 1906 г. // Изв. ИРГО. Т. 42. Вып. 5. С. 50.

средства основывает в селе Усть-Цильма Печорского уезда Архангельской губернии, в административном центре Печорского края, Печорскую зоологическую станцию. Начинается наиболее благополучный период сотрудничества с Академией наук, в первую очередь с ее музеями. В том же году А.В. Журавский обратился через академика Ф.Н. Чернышева к председателю Совета директоров академических Музеев академику В.В. Радлову с просьбой принять станцию под покровительство Императорской Академии наук. Именно с 1905 г. он начинает снабжать музеи коллекциями по ботанике, зоологии, геологии и этнографии. А в 1908 г. Академия утверждает Устав Печорской естественно-исторической станции при Императорской Академии наук[1]. Станция учреждалась для всестороннего изучения Печорско-Мезенского края и сопредельных районов в биогеографическом отношении и пополнения коллекций Зоологического, Ботанического, Геологического и Этнографического музеев Академии наук. А.В. Журавского можно назвать в числе одного из крупнейших собирателей Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого начала XX в.[2]

Успешно начавшаяся совместная деятельность Академии наук и А.В. Журавского скоро была омрачена неприятностями, так как обе стороны вкладывали в это сотрудничество различный смысл. А.В. Журавский предполагал, что Академия выделит значительные средства на проведение исследований, и в ожидании этого вложил в деятельность станции большую часть своих личных средств, около 5000 руб. Когда же он поставил перед академией вопрос о возмещении этих средств, то выяснилось, что у академии нет таких денег, ибо руководство академии считало, что она несет ответственность только за научно-методическое руководство деятельностью станции. А финансирование станции должно было, по Уставу, осуществляться из а) взносов действительных и почетных членов станции; б) наблюдательных ассигнований от музеев академии; в) частных пожертвований и ни в коем случае не из постоянных ассигнований АН. Началась сложная длительная тяжба А.В. Журавского с академией. Например, в 1906 г. А.В. Журавский в одном из писем на имя старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга поднял вопрос о возмещении ему определенных денежных средств за собранные коллекции и накладные расходы: «*Экспедиция 1905 г. мне обошлась в 2660 р., Музей Александра III* (в настоящее время — Русский музей. — *А.Т.*) *не уплатил мне 1000 р. Я предлагаю дополнить коллекции МАЭ еще рядом экспонатов по самоедам и устьцылемам. Меня угнетает мысль превратиться из исследователя в продавца, но я должен уплатить к 29–31 января 1808 р., к 19 февраля 574 р., к 24 марта 1000 р.*» Большая часть переписки А.В. Журавского с президентом Академии наук великим князем Константином Романовым, вице-президентом академии академиком П. Никитиным, с непременным секретарем АН академиком С.Ф. Ольденбургом, председателем Совета музеев АН академиком В.В. Радловым сохранилась и производит тяжкое впечатление[3]. С одной стороны, Академия признает заслуги А.В. Журавского как исследователя и собирателя, с другой — она не желает брать на себя никаких финан-

[1] Переписка с Печорской естественно-исторической станцией // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 2, оп. I–1906, ед. хр. 37, л. 1–2; *Журавский А.В.* Печорская естественно-историческая станция при Академии наук. Ее задачи и история возникновения. Архангельск, 1908.

[2] О собирательской деятельности А.В. Журавского см.: *Терюков А.И.* Коллекции А.В. Журавского в Музее антропологии к этнографии имени Петра Великого (Судьба собирателя) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 2–3. С. 254–265; *Он же.* Андрей Владимирович Журавский: жизнь и идеи // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 73–84.

[3] Музей антропологии и этнографии. Переписка по сбору коллекций, январь 1906 — декабрь 1908 гг. // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), ед. хр. 58, л. 9–10; Переписка с Печорской естественно-исторической станцией // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 2, оп. 1–1906, ед. хр. 37, л. 12–75; Канцелярия президента АН великого князя К. К. Романова // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 34, л. 25–88.

совых обязательств. Правда, после длительных препирательств академия возместила А.В. Журавскому 2000 руб. и некоторую сумму из средств Попечительского совета МАЭ, но тесное сотрудничество между ними прекратилось.

Не последнюю роль в разрыве А.В. Журавского с Академией наук сыграли еще два обстоятельства. Во-первых, во второй половине 1907 — первой половине 1908 г. А.В. Журавский, не получая из Академии наук ясных ответов о финансовой помощи, провел «сепаратные» переговоры с главноуправляющим Главным управлением землеустройства и земледелия Л.В. Кривошеиным об открытии при Печорской естественно-исторической станции сельскохозяйственного отдела за счет ассигнований Главного управления. Несколько позже А.В. Журавский поставил вопрос об объединении Печорской станции с сельскохозяйственным отделом в одно учреждение под его руководством при условии, что Главное управление выделит для станции единовременно 75 тыс. руб. и 50 тыс. руб. ежегодно, а академия наук будет выделять для содержания сотрудников станции 14 620 руб. ежегодно. Это заявление А.В. Журавского обсуждалось на заседании Совета директоров академических музеев 20 ноября 1908 г., который, «*признав устройство сельскохозяйственной станции полезным, в то же время не смог войти в детальное рассмотрение о финансировании станции Академией наук и счел возможным выделить на содержание Печорской станции 3000 р.*»[1]. Отказ в финансировании станции вынудил А.В. Журавского временно ее закрыть.

Кроме того, разрыву А.В. Журавского с Академией во многом способствовало охлаждение отношений между ним и академиком В.В. Радловым, директором МАЭ и одновременно председателем Совета директоров академических музеев. Это было вызвано тем, что А.В. Журавский публично обвинил В.В. Радлова в неэтичных действиях с собранными и переданными им в МАЭ коллекциями. В.В. Радлов как директор МАЭ заключил с членом Попечительского совета МАЭ петербургским купцом А.Е. Александером негласное соглашение о том, что последний предоставляет деньги, а В.В. Радлов поручает своим сотрудникам и собирателям на местах приобретать за эти деньги коллекции в двойном количестве. После доставки коллекций в Петербург за казенный, льготный счет А.Е. Александер получал в свое распоряжение часть поступлений. Практической стороной дела ведал старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг. Таким образом, А.Е. Александеру удалось составить значительную коллекцию по этнографии народов России, в которую вошла часть коллекции А.В. Журавского по самоедам, печорским русским и коми-ижемцам, вывезти их в Германию, в Лейпциг, и продать различным заграничным музеям, и не только заграничным. Например, часть коллекций А.В. Журавского, не распроданная в Германии, была приобретена казной для этнографического отдела Русского музея им. императора Александра III (в настоящее время — Российский этнографический музей, бывший Государственный музей этнографии народов СССР).

Этот вопрос публично был поднят Б.Ф. Адлером, сотрудником МАЭ. Он обвинил Л.Я. Штернберга, правую руку В. В. Радлова и проводника этой акции, в том, что тот не только способствует этим «неприличным» делам, но и вводит зарубежных исследователей в заблуждение, сознательно меняя этническую принадлежность тех или иных предметов. Основной пункт обвинений А.В. Журавского — коллекции были проданы без его разрешения. Как видно из сохранившихся бумаг Третейского суда, Л.Я. Штернберг воспользовался стесненными денежными делами А.В. Журавского. Последний, находясь в это время в очередной экспедиции в Печорском крае, начал по заказу МАЭ приобретать коллекции, направил Л.Я. Штернбергу письмо с просьбой прислать денег для оплаты своих покупок. Тот же предложил А.В. Журавскому собирать коллекции в двой-

[1] Выписка из протокола заседания Общего собрания Академии наук от 13 декабря 1908 г. // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 2, оп. 1–1906, ед. хр. 37, л. 48.

ном количестве за счет частного лица для обмена с другими музеями. Согласившись на эти условия и получив часть денег, А.В. Журавский поставил условие, что уникальные экспонаты, которые будут особо отмечены в его списке и имеют особые бирки, должны остаться в МАЭ. Но Л.Я. Штернберг не выполнил своего обещания и передал А.Е. Александеру не предназначавшуюся для отчуждения из музея часть коллекции. Оскорбило А.В Журавского и то, что он случайно обнаружил свои сборы в этнографическом отделе Русского музея со своими особыми бирками как собрание А.Е. Александера[1].

Несмотря на то что руководство Академии наук прилагало усилия, чтобы скандал не вышел за ее пределы, оно было вынуждено принять некоторые меры: дело разбиралось в Третейском суде, было предметом специального разбирательства в академии и поводом для ревизии деятельности МАЭ. Так, академик П. Кеппеп, назначенный президентом АН к предварительному рассмотрению этого дела, писал: «*Дело произвело на меня тягостное впечатление и дает основание признать в действиях администрации действия, не отвечающие достоинству Академии наук*». Он считает «*не заслуживающим представления господина Александера к награждению орденом* (это представление было сделано В.В. Радловым без согласия президента АН великого князя Константина Романова. — *А.Т.*), *так как он преследовал в данной сделке личные материальные выгоды*»[2]. Эти события обострили отношения между А.В. Журавским и В.В. Радловым. Произошел окончательный разрыв, несмотря на посредничество академиков Ф.Н. Чернышева и В.В Заленского, знавших А.В. Журавского с детских лет. Кроме того, в результате из МАЭ были вынуждены уйти Б.Ф. Адлер и Н.И. Воробьев как лица, «*вынесшие сор из избы*».

Вообще в жизни А.В. Журавского было больше трагического, чем счастливого. Несколько раньше, в 1908 г., ему окончательно было отказано в университетском дипломе. Как упоминалось выше, он поступил в университет в 1901 г. и был отчислен в осеннем семестре 1906 г. «*за невзнос платы*» и за то, что «*записей студента Журавского на лекции за весну и осень 1906 г. не обнаружено*»[3]. Этому во многом способствовал сам А.В. Журавский, ибо с точки зрения формального права он часто опаздывал к началу занятий и не сдал многих экзаменов. Правда, он предъявлял в ректорат документы об объективности своего отсутствия: письма, рапорты, записки от представителей местных властей об отсутствии дорог, опоздании к последнему пароходу, распутице, болезни и т. д. Часть из них сохранилась в его личном деле. В 1907–1908 гг. А.В. Журавский несколько раз обращался на имя ректора, в Совет университета, на имя попечителя Санкт-Петербургского учебного округа с просьбой зачесть ему в качестве экзаменов и прослушанных лекций опубликованные им к тому времени научные статьи и результаты экспедиций и заменить ему устные экзамены диссертациями. Но Совет университета категорически отказал А.В. Журавскому в этом. Факт отсутствия у него университетского диплома много раз сыграет отрицательную роль в его жизни, ибо противники постоянно напоминали ему об этом. Кроме того, этот факт доставлял массу хлопот его покровителям, так как он не мог занять «классную» должность и они вынуждены были придумывать внештатные должности и чины.

Все эти неудачи не сломили А.В. Журавского, и он продолжил свои исследования на Севере, но уже вне связи с академией.

---

[1] Документы по делу Третейского суда между академиком В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом с одной стороны и Б.Ф. Адлером с другой стороны // С.-Петерб. филиал архива РАН. Разряд 2, оп. 1, № 286. л. 213; О Третейском суде между академиком В.В Радловым, Л.Я. Штернбергом и проф. Б.Ф. Адлером как представителями Музея антропологии и этнографии, и назначении ревизии // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 2, оп. I–I9I0, л. 54, 130.

[2] Канцелярия Президента АН великого князя Константина. К. Романова Переписка за 1911 г. // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 6, оп. 1, № 34, л. 25–26, 27–39, 67–88.

[3] Личное дело студента А.В Журавского // ГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 38968, л. 32, 34, 35.

В 1909 г. он был назначен начальником Северо-Печорской экспедиции, а и 1910 г. — заведующим Печорской сельскохозяйственной станцией Главного управления землеустройства и земледелия в селе Усть-Цильме, на посту которого и работал до своей гибели. Он продолжает ставить сельскохозяйственные опыты, основывает естественно-исторический музей, собирает новую великолепную этнографическую коллекцию. Эта коллекция, вернее ее остатки, были вывезены в 1923 г. Дмитрием Травиным с Печоры в Петроград, в МАЭ. Она была зарегистрирована под № 2911 (всего 297 предметов) и после смерти собирателя соединилась с его более ранними сборами.

Основной же в деятельности А.В. Журавского в последний период его жизни становится идея широкого хозяйственного освоения Русского Севера. Он публикует большое количества работ, в которых призывает правительство и местные власти к активной колонизаторской политике на Севере[1]. Вопрос о способах заселения и использования огромного Печорского края на страницах северной печати возник в 1906 г. А.В. Журавский поддержал идеи патриота Русского Севера А.С. Нормана, который на основе своих исследовании в Архангельской губернии обосновал идею практической возможности сельскохозяйственного освоения этого края[2]. Правда, А.В. Журавский смотрел на этот вопрос шире: «*Заселение Архангельской губ. есть крупное экономическое и финансовое предприятие России, а не чисто аграрное*»[3]. И А.С. Норман, и А.В. Журавский ставили вопрос о широком экономическом использовании края, его неиссякаемых природных богатств, об устройстве путей сообщения, а также как «*о естественной географической зоне травяного*», т.е. мясо-молочно-маслодельческого животноводства. Одновременно они высказали мнение о Печорском крае как об области, пригодной для колонизации из центральных и даже более южных губерниях. На подобные взгляды А.В. Журавского во многом повлияли его сельскохозяйственные опыты в Усть-Цильме, которые давали обнадеживающие результаты (правда, в силу локальных благоприятных климатических условий расположения с. Усть-Цильмы). Эти данные он пытался распространить на весь регион[4].

Со временем А.В. Журавский выработал более или менее целостную «Программу очередных срочных законодательных предложении к оживлению Крайнего Севера России»[5]. Вся его практическая и публицистическая деятельность стимулировала, с одной стороны, бурную дискуссию, как в научной, так и в широкой печати, а с другой — вынуждала местную администрацию к проведению обследования Печорского края. Как следствие — проведение в Архангельске в мае и ноябре 1909 г. серии губернских совещании по вопросу о колонизационной пригодности Печорского уезда под председательством архангельского губернатора И.В. Сосновского, а также поездка последнего в сопровождении губернского агронома И.И. Тулубьева в те районы, о колонизации которых говорил А.В. Журавский. Решения этих совещаний были отрицательными для А.В. Журавского, ибо они признали, что «*вопрос о колонизации Печорского края не имеет значения неотложк-*

---

[1] *Журавский А.В.* К проблеме колонизации Печорского края. Архангельск, 1908; *Он же.* Приполярная Россия в связи с разрешением общегосударственного аграрного и финансового кризиса (Экономический потенциал Севера). Архангельск, 1908; *Он же.* Европейский Русский Север. К вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск, 1911.

[2] *Норман А.С.* Почему необходимо заселение Архангельской губернии. СПб., 1909; *Он же.* Записка к вопросу об организации заселения Архангельской губернии. СПб., 1910.

[3] *Журавский А.В*. Почему Печорский край // Изв. АОИРС. 1910 № 14. С. 3.

[4] О сельскохозяйственных опытах А.В. Журавского см.: *Журавский А.В.* Сельскохозяйственный вопрос в Архангельской губ. в связи с колонизацией края // Изв. АОИРС. 1909. № 2. С. 37–42; № 3. С. 39–50; *Он же.* Северо-Печорская экспедиция // Изв. АОИРС. 1909. № 9. С. 59–64; *Он же.* Приполярная Россия // Изв. АОИРС. 1909. № 13. С. 1–8; *Федоров В.Д.* Сельское хозяйство на Крайнем Севере // Изв. АОИРС. 1909. № 8. С. 3–12.

[5] Архангельские ГВ. 1909. № 91.

ной государственной задачи ни с точки зрения ее возможных результатов, ни тем более с точки зрения условий, существенно необходимых для успешного ее осуществления. Колонизация Печорского края желательна вслед за осуществлением колонизации центральных районов Архангельской губернии»[1]. Но, несмотря на отрицательный результат, А.В. Журавскому все же удалось продолжить свои работы благодаря покровительству Кривошеина и Васильчикова. Но отношения с губернской администрацией испортились окончательно. Однако отношения с губернской администрацией испортились окончательно.

В последние годы А.В. Журавский начал писать главный труд своей жизни — «Биогеографические формулы и проблемы. Полярные окраины в ином освещении», который ему не суждено было завершить[2]. В нем он доказывает, что в связи с отступлением Северного Ледовитого океана на север одновременно происходит продвижение границы растительности. Заболоченность тундры является мнимой и поверхностной, а снятие торфяного покрова приводит к поразительно роскошным лугам, что позволяет увеличить используемую земледельческую территорию. По его данным, Север переживает возвращение геологически-климатической амплитуды к максимуму, что тоже позволяет вести активную сельскохозяйственную практику. Следовательно, результатом рационального заселения Русского Севера и превращения последнего из мертвой пустоши в площадку луговодства, скотоводства и маслоделия явилось бы возникновение из всех основных отраслей северного хозяйства нового, колоссального капитала, достигающего, по упомянутым выкладкам, 73 млрд руб. в год.

Современники по-разному относились к деятельности А.В. Журавского, его имя часто встречалось на страницах северной прессы и вызывало неодинаковую оценку у многих государственных, общественных и частных лиц[3]. Например, архангельская газета «Северное утро» в своем новогоднем номере за 1912 г. опубликовала следующее шутливое пожелание: «*А.В. Журавскому 300 000 курьеров, 300 миллионов переселенцев, 30 сребреников, фунт изюму, который, кажется, еще не произрастает на Печорских плантациях*»[4].

Его жизнь трагически оборвалась в августе 1914 г., на 32-м году жизни он был убит выстрелом из ружья одним из своих сотрудников. Причины этого поступка неясны до настоящего времени, а сам убийца в одночасье был признан невменяемым и отправлен в сумасшедший дом[5]. Центральная и северная пресса последний раз откликнулась на фамилию А.В. Журавского, чтобы затем надолго забыть его[6]. Но память о нем живет в Усть-Цильме, где до настоящего времени сохранилось здание станции, перенесенной на новое место и преобразованной в музей его имени. Там восстановлен мемориальный кабинет А.В. Журавского, собрана часть его книг и т.д. Перед домом установлен небольшой памятник.

По прошествии времени лучше видны ошибки и просчеты А.А. Журавского. Были правы его оппоненты, которые считали, что земледельческие ресурсы Печорского края ничтожны и зона «рискованного» земледелия

---

[1] *Тулубьев И.И.* О колонизации Печорского уезда. Архангельск, 1910. С. 64–65; Материалы по вопросу об исследовании колонизационной пригодности Печорского уезда. Архангельск, 1910.

[2] Краткие тезисы этого труда были опубликованы после его смерти в 1915 г. // Изв. ИРГО. Т. 51. Вып. 4. С. 237–245.

[3] А.В. Журавский много печатался, например, в «Библиографическом указателе литературы о Коми АССР» отмечены 58 его работ.

[4] Наши новогодние поздравления // Северное утро. 1912. № 1.

[5] *Смоленцев Л.* Печорские дали... С 341–350.

[6] Памяти А.В. Журавского // Изв. АОИРС. 1914. № 17. С. 559–560; А.В. Журавский (некролог) // Изв. ОИОГ. 1914 № 5. С. 44–45; Смерть А.В. Журавского // Землеведение. 1914. Т. 21. Кн. 3. С. 170–171; А.В. Журавский (некролог) // Правительственный вестн. 1914. № 202; Убийство А.В Журавского // Архангельск. 1914 № 185; *Максимов*. К убийству Журавского. Архангельск. 1914. № 193, 209; *Г.Э.* Похороны А.В. Журавского // Северное утро. 1914. № 199; Андрей Владимирович Журавский // Северное утро. 1914. 15 авг.; Обзор трудов А В. Журавского // Северное утро 1914. № 190.

никогда не даст здесь больших гарантированных урожаев. Не удалось получить их в данном районе и за последние 70 лет. Зато регион пережил период бурного промышленного роста. Здесь были открыты залежи каменного угля, образцы которого доставил в Горный музей А.В. Журавский; нефть, поиски которой начались при жизни исследователя; газ и многие другие полезные ископаемые, которые переменили образ жизни и хозяйство жителей Печорского края.

Ошибочна позиция А.В. Журавского и в так называемом «самоедском вопросе». А.В. Журавский и некоторые его последователи в начале XX в. широко муссировали вопрос о «*вымирании и уничтожении самоедов*» другими народами, которые хозяйственно осваивали северные тундры, и в первую очередь коми-ижемцами и русскими устьцилемами[1]. Как этнограф, он много занимался этнической историей Печорского края, пытаясь разобраться в сложном сплетении хозяйственных и торговых взаимоотношений коми, русских и ненцев. Одновременно в сфере его интересов оказалось оленеводство как основная отрасль этого региона. Ученый был первым, кто сообщил о природоохранных обычаях оленеводов, начал серьезно исследовать технологию оленеводства, поднял вопрос о соотношении оленеводства и кормовой базы, а также рассмотрел традиционное право, в особенности земельное.

С.В. Керцелли в одной из своих статей называет Журавского «*большим ненавистником зырян*»[2]. Можно согласиться с К. Истоминым, что в своей публицистике А.В. Журавский развивает идеи В. Ославина в подходе к истории и функционированию оленеводства на Русском Севере и его проблемам. В ряде работ он последовательно доказывает, что зыряне оказали и продолжают оказывать крайне разрушительное влияние на культуру ненцев — мысль, красной нитью проходящая через все его этнографическое наследие. Фактически все элементы культуры ненцев, по какой либо причине расцениваемые А.В. Журавским как негативные (такие как пьянство, отсутствие бережливости, грязь в чумах и т.д.), возникли под воздействием коми. Его возмущение деятельностью ижемцев заходит так далеко, что он присваивает себе роль правозащитника, борца за права угнетенных ненцев. По его мнению, коми оленеводство едва ли насчитывает сто лет; его развитие шло на основе неравного обмена, обмана и открытого грабежа ненцев. Его функционирование основано на использовании наемного ненецкого труда, оно разрушительно для природы и культуры и, наконец, неправомочно с юридической точки зрения, поскольку опирается на использование земли, по праву принадлежащей ненцам и преступно украденной у них[3]. В целях «*спасения самоедов*» А.В. Журавский предлагал запретить выход в тундру других этносов, в первую очередь коми, а лучше — вообще ликвидировать у них эту отрасль хозяйства. Подобные предложения наиболее полно были изложены им в работе «Самоедское право»[4]. Исследования последних лет, проводимые Л.Н. Жеребцовым, И.И. Крупником и автором, показывают, что процесс взаимодействия самоедов (ненцев) с русскими и коми-ижемцами был более сложным, многосторонним и взаимовыгодным, чем его пытались представить раньше[5].

---

[1] См., например: *Любов.* Защитите самоеда, помогите ему (Экономическая жизнь и взаимные отношения зырян и самоедов Печорского края) // Архангельск. 1911. № 5; *Журавский А.В.* Как хозяйничают в Большеземельской тундре ижемцы // Голос Севера. 1907. № 132; *Он же.* К самоедскому вопросу // Изв. АОИРС. 1909. № 12; *Он же.* Местное хозяйство и контроль государства (К вопросу о землеустройстве печорских самоедов). Архангельск, 1909.

[2] *Керцелли С.В.* Архангельские тундры // Изв. АОИРС. 1910. № 23. С. 2.

[3] *Журавский А.В.* К самоедскому вопросу // Изв. АОИРС. 1909. № 12.

[4] *Журавский А.В.* Самоедское право. Архангельск, 1908.

[5] *Жеребцов Л.Н* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами М., 1982. С. 157–175; *Крупник И.И.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1976. № 2. С. 57–69; *Teryukov A.I.* Concering the question ol komi-samoyed ethno-cultural parallels / Traces of the Central Asian cultur in the North // MSFOu. Helsinki, 1986. Vol. 194. P. 249–261.

Большой интерес для коми этнографии, особенно для характеристики хозяйства коми-ижемцев, имеют исследования ***С.В. Керцелли*** (1869–1935), губернского ветеринара, занимавшегося изучением оленеводства Архангельской губернии[1]. Он родился в г. Таендин Царства Польского. Закончил Харьковский зооветеринарный институт. В 1907 г. в Большеземельской тундре прошла очередная волна сибирской язвы, от которой погибло большое количество оленей. Поэтому правительство в 1908 г. создает специальную экспедицию для выявления причин массового падежа. Начальником этой экспедиции был назначен С.В. Керцелли, служивший архангельским губернским ветеринаром. Материал для своих исследований С.В. Керцелли собирал в ходе длительных полевых работ, кочуя вместе с оленеводами в 1908–1909 гг., непосредственно участвуя в их повседневных хозяйственных занятиях и их жизни. Он скопил огромный материал по технологии коми и ненецкого оленеводства (включая систему кочевий, особенности ухода за стадом и т.д.), отличиям между ними, экономическому состоянию этой отрасли и проблемам. Этот материал был издан исследователем в виде серии отдельных статей и лег в основу обобщающего труда «По Большеземельской тундре с кочевниками», который, возможно, следует признать лучшим из работ по коми оленеводству и значительным вкладом в изучение русского оленеводства вообще[2]. Представленный в этой работе материал долго служил основой для аналитических статей С.В. Керцелли, посвященных видам и классификации оленеводства, его проблемам, перспективам развития отрасли, а исследователь стал крупнейшим русским и советским специалистом в этой области[3].

В 1910 г. С.В. Керцелли создал на Печоре первую в России станцию по изучению оленеводства, болезней оленей, созданию вакцин и проведению вакцинации. В 1911 г. провел экспедицию по изучению оленеводства на островах Колгуев и Вайгач[4]. Этот практический опыт используется до настоящего времени. После революции деятельность станции была распространена на все оленеводческие территории СССР. Вместе с Р.Л. Самойловичем и Н.А. Куликом он стал одним из организаторов Северной Научно-промысловой экспедиции, на базе которой позднее создается Арктический институт. Кроме того, он был научным руководителем НИИ оленеводства. Занимался изучением охоты и охотничьего промысла, охотничьего собаководства. Стоял у истоков системы охраны дикой природы и устройства заповедников. Состоял членом Комитета содействия малым народностям Севера при ВЦИК[5].

---

[1] *Соколов И.И.* С.В. Керцелли (некролог) // Бюллетень Арктического института СССР. 1935. Вып. 3–4. С. 4–85; *Котов О.В.* Керцелли С.В. — исследователь ижемского оленеводства // Научные экспедиции и исследования Коми края. Сыктывкар, 1993. С. 38–40; *Малкова Т.А.* Из истории становления исследований по ветеринарии оленеводства Коми края в конце XIX — 30-е годы XX века // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми. (Материалы по истории Коми). Сыктывкар, 1997. С. 70–84.

[2] *Керцелли С.В.* Материалы для изучения оленеводства Большеземельской тундры // Архив ветеринарных наук. 1909. № 7. С. 817–835; *Он же.* Архангельские тундры // Изв. АОИРС. 1910. № 23. С. 1–3; *Он же.* По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, 1911; *Он же.* Производство оленьей замши на Печоре. СПб., 1914. Более полную библиографию трудов С.В. Керцелли см: Северное оленеводство в России (Материалы к библиографии) / Сост. Е.А. *Кузанкова.* М., 1994; Библиографический указатель литературы, касающейся Большеземельской тундры и оленеводства, по материалам, собранным Архангельским обществом изучения Русского Севера / Сост. А.Ф. Шидловским. Архангельск, 1911.

[3] *Керцелли С.В.* Избенное оленеводство и его значение в сельском хозяйстве. Пг., 1919; *Он же.* Материалы к изучению оленеводства. Опыт классификации оленеводства. Опытное дело в оленеводстве // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Пг., 1921. Вып. 13.

[4] *Керцелли С.В.* Предварительный отчет об экспедиции, совершенной в 1911 г. архангельским ветеринарным инспектором С.В. Керцелли на острова Колгуев и Вайгач на средства, отпущенные Главным управлением землеустройства и земледелия // Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 г. Архангельск, 1913. С. 208–233.

[5] *Керцелли С.В.* О типе ружья, наиболее пригодного для северного промышленника // Изв. АОИРС. 1911.

С.В. Керцелли в своих исследованиях проявлял себя принципиальным противником ославинского взгляда на коми оленеводство и непримиримым оппонентом А.В. Журавского и его «программы» спасения ненцев. На основе собственных материалов С.В. Керцелли убедительно доказал, что коми оленеводство значительно отличается от ненецкого, что оно было сформировано не на основе массового грабеже ненцев, хотя такие факты и имели место. Он считал, что коми оленеводство нельзя считать разрушительным для северной тундры, хотя у него, как и у всякого вида деятельности, есть свои пределы в развитии, при достижении которых оно может нанести определенный вред окружающей среде; что коми-ижемская торговля не ограничивается только алкоголем, а играет важную роль в жизни ненцев, и ее запрет будет разрушительным в первую очередь для ненецкой экономики, самих ненцев, лишившихся доступа к товарам и рабочим местам. Подобные идеи противоречили общепринятым взглядам на проблему коми-ненецких отношений, но благодаря им законодательная инициатива А.В Журавского, получившая к тому времени поддержку ряда русских ученых и политических деятелей, так и не была принята. К. Истомин считает С.В. Керцелли «*не только исследователем, но и спасителем коми оленеводства*». В его многочисленных публикациях, посвященных Европейскому Северу, имеютя чрезвычайно любопытные сведения о хозяйственной жизни коми-ижемцев и ненцев, русских усть-цилемов, их культурном взаимодействии, о влиянии на традиционный уклад этих народов появившихся в тундре товарно-денежных отношений.

А.В. Журавский привлек для выполнения части своих работ ссыльного ***Н.Н. Мамадышского***. Как пишет И. Лукнов, родился Н.Н. Мамадышский в 1866 г. в г. Ключи Казанской губернии[1]. Происходил из мещан, был почетным гражданином. Учился в местной гимназии, затем поступил в Казанский университет одновременно на юридический и естественный факультеты. Но университет не окончил. С 1889 г. занимался земскими статистическими работами, участвовал в исследованиях Тверской, Орловской, Уфимской и Тамбовской губерний. Затем состоял секретарем Кирсановской уездной земской управы и городским секретарем этого города. Позднее Н.Н. Мамадышский работал в Черниговской губернии. 21 сентября 1903 г. был арестован за принадлежность к «Северному союзу Российской социал-демократической рабочей партии» и выслан под гласный надзор полиции в Архангельск. В сопроводительных документах начальник Черниговского губернского жандармского управления охарактеризовал Н.Н. Мамадышского как человека «*представляющего из себя весьма серьезного деятеля в преступной среде, требующего неослабного наблюдения. Во время проживания в городе Чернигов он вел знакомство только с лицами, известными по своим крайним убеждениям*». Основой его противоправительственной деятельности было сотрудничество с заграничными изданиями «Революционная Россия» и «Освобождение».

Прибыв на Север, Н.Н. Мамадышский обратился к губернатору с разрешением отбывать свой срок в городе Архангельске, так как он хотел «*получать материалы для литературных работ по изучению местного края в бытовом, экономическом, естественно-историческом отношениях*». Губернатор, проигнорировав просьбу, отправил его сначала в Онегу (октябрь 1903 г.), а затем в Сумский посад Кемского уезда (ноябрь 1903 г. — декабрь 1905 г), где он работал письмоводителем у местного мирового судьи.

Летом 1906 г., когда ему было позволено вернуться в Архангельск, он некоторое время

№ 10. С .777–782; № 11. С. 854–869; *Он же.* Избенное оленеводство и его значение в сельском хозяйстве. Пг., 1919; *Он же.* Значение оленеводства и мероприятия для ее развития. М., 1919; *Он же.* Материалы к изучению оленеводства. Опыт классификации оленеводства. Опытное дело в оленеводстве // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Пг., 1921. Вып. 13.

[1] *Лукнов И.* Один из первых // Архангельский хронограф. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.achroniclenarod.ru/mamad.html.

состоял редактором частной архангельской газеты «Северный листок», часто выступая под псевдонимом Н. Бирский. В 1907 г. недолгое время был редактором новой частной газеты «Архангельск». Как редактор этих газет, стал участником скандала, связанного с идейными разногласиями между ним и редактором И.В. Галецким[1]. Потом устроился статистиком местного губернского комитета. С момента создания — член Архангельского общества изучения Русского Севера.

В 1909 г. Архангельское губернское совещание, состоявшееся под председательством Архангельского губернатора И.В. Сосновского, откомандировало его на реку Усу с целью «*подворно-экономических исследований Усинских самовольных поселков и описания Большеземельской тундры, в целях выяснения вопроса о возможности колонизации их, возбужденного исследователем Печорского края А.В. Журавским*». На основе данных этой экспедиции ученый написал книгу, которую опубликовал в 1910 г. под названием «Усинский край». В том же году в первом номере журнала «Вестник Европы» напечатал статью «Земство в Архангельской губернии»[2]. Его книга — яркий пример конкретно-статистического описания с подробной характеристикой крестьянских домохозяйств. Им приведены интересные сводки и таблицы, показывающие в первую очередь существующую в то время значительную имущественную дифференциацию у коми-ижемцев, которые в это время активно осваивали бассейн р. Усы[3]. Для нас же важны этнографические описания, имеющиеся в его книге. В 1911 г. Н.Н. Мамадышский руководил проведением переписи населения Архангельска, которая, по мнению местной общественности, была плохо организована и проведена и вызвала дискуссию.

Одновременно изучением социально-экономического положения местного края занималось земство. Существовали различные формы проведения подобных мероприятий. Так, в Пермской губернии весомый вклад внесла деятельность Пермской губернской оценочной комиссии. Действовала она на основе Закона об оценке недвижимых имуществ от 8 июля 1893 г. Порядок деятельности этой комиссии определялся специальными Правилами оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами. Результатом деятельности такой комиссии в Пермской губернии стали 18 сборников под названием «Материалы к оценке земель Пермской губернии»[4]. В этих сборниках собран богатый материал по землепользованию, промыслам, жилищу и другим разделам традиционного хозяйства многих народов, обитающих в Пермской губернии, в том числе и коми-пермяков. К большому сожалению, эти материалы крайне редко используются в этнографических исследованиях. О деятельности Усть-Сысольского уездного земства уже рассказывалось в разделе, посвященном ***В.Ф. Попову***.

3.1.4. Материалы по коми этнографии в деятельности российских предпринимателей

Особое место в сборе этнографических сведений о народах коми принадлежит русским предпринимателям, которые занимались изучением Севера. Они составили различные дневники путешествий, специальные книги, статьи и т.д. Несмотря на то что эти публикации носили характер исследований в области экономической географии, они изобиловали прекрасными данными о хозяйстве и промыслах проживающих в этом регионе народов, в том числе коми. К таким источникам в первую очередь относятся сочинения ***В.Н. Латкина*** и ***М.К. Сидорова***. Одним из первых со-

[1] Архангельск. 1907. № 152–157; Архангельск. 1908. № 65.

[2] *Мамадышский Н.Н.* Усинский край. Подворно-экономическое исследование поселений р. Усы Печорского у. в 1909 г. Архангельск, 1910.

[3] Там же. С. 3, 12–21.

[4] *Гилева С.И.* Исследовательская и издательская деятельность Пермской губернской оценочной комиссии в конце XIX — начале XX века // Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 23–26.

чинений, в которых прослеживается подобный подход, следует назвать сочинение вологодского купца А. Деньгина. Он одним из первых в своих публикациях поставил вопрос об освоении российского севера. Он побывал в Печорском крае и оставил об этом интересные записки, в которых имеются и сведения о коми[1]. Большая рукопись А. Деньгина хранится в архиве ***А.И. Шегрена***. Возможно, они встречались во время путешествия последнего по Русскому Северу[2].

Василий Николаевич Латкин (1810–1867) — золото- и лесопромышленник, путешественник, исследователь Севера, писатель. Родился в г. Усть-Сысольске в купеческой семье. В.М. Мартынов указывает другое место рождения будущего предпринимателя — с. Корткерос Усть-Сысольского у., его семья переехала в этот город лишь в 1821 г.[3] Его отец, устьсысольский купец 2-й гильдии Николай Латкин, был общественным деятелем: несколько раз избирался бургомистром и городской головой этого небольшого северного города, а позднее и церковным старостой[4]. Несмотря на это, как писал позднее зять Латкина, известный русский общественный деятель Л.Ф. Пантелеев, В.Н. Латкин «*был человеком выдающимся для своего времени, хотя получившим только домашнее образование в глухом Усть-Сысольске*»[5]. Как и многие дети того времени, его образование началось с изучения псалтыря и часовника у местного дьячка. Здесь уместно вспомнить, что домашней учительницей русского и французского языков В.Н. Латкина некоторое время была ***А.О. Ишимова***, в будущем известная русская детская писательница и общественный деятель, находившаяся в этом уездном городе вместе со своим ссыльным отцом.

Уже в 12 лет В.Н. Латкин был помощником отца в торговых делах в Архангельской и Вологодской губерниях, а с 1825 г., т.е. в 15 лет, стал самостоятельно вести торговые дела своей семьи[6]. За это время он с отцом успел побывать Вологде, Архангельске, а в 1825 г. прожил семь недель в Печорском крае. Именно из этих поездок он вынес свою любовь к Северу, знание его богатств и свою высокую гражданскую позицию — во что бы то ни стало использовать эти богатства на благо Родины.

В 1832 г. молодой промышленник после женитьбы (он породнился с известнейшим архангельским родом Баженинных, выдвиженцев Петра Великого) отправляется на Урал, а потом в Восточную Сибирь. На Урале он становится управляющим Быкбардинского винокуренного завода и активно изучает местные пути сообщения и экономику региона. В 1837 г. впервые публично ставит вопрос об освоении Печорского края. В.Н. Латкин отправляется в Петербург для обсуждения с властями вопроса о создании Печорской торговой компании. В связи с этим в 1840 г. он предпринимает свою первую научно-пред-

---

[1] Сведения о реке Печоре, собранные на местах Вологодским гражданином *А. Деньгиным* // Отечественные записки. 1828. Ч. 36. № 104. С. 349–379; *Он же.* Печора. Из записок вологодского купца *А. Деньгина* // Журнал мануфактур и торговли. 1831. Вып. 6. С. 99–110.

[2] Достопримечательное известие о реке Печоре с впадающими в оную водами и обитающими близ ее различных народах, с изъяснением существующих там неистощимых богатств из трех царств природы с весьма любопытными предположениями об улучшении торговли, навигации и промышленности в тамошнем крае. С достоверными примечаниями, собранных по опытам и очевидным сведениям в течение нескольких лет во время своих путешествий Вологодским гражданином Александром Деньгиным». Вологда. 1826. // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94. Оп. 1. № 5/1–48. Л. 88–109 с об.

[3] *Мартынов В.И.* Пэрымса Стэфансянь миян немӧдз (От Стефана Пермского до нашего века, на коми яз.). Сыктывкар, 1997. С. 41.

[4] *Лашкарев С.С.* В.Н. Латкин и Печорская компания // Голос. 1867. № 354; *Пасецкий В.М.* На рубеже континентов // Пасецкий В.М. Очарованный надеждой. Л., 1979. С. 224–228; *Богданов И.* Петербургская фамилия: Латкины. СПб., 2002. С. 16.

[5] *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958; О В.Н. Латкине см.: *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. СПб., 1880. Т. 2. С. 217; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 33. С. 314.

[6] *Доронин П.Г.* Материалы по коми этнографии // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1346, оп. 1, № 40, л. 2–3.

принимательскую поездку на Печору со стороны Перми, через Чердынь, для изучения экономических возможностей реально существующего традиционного торгового пути через Каму на Печору, который активно использовался уральскими купцами. И хотя, как он сам пишет, «*обстоятельства отвлекли меня от дальнейшего обозрения края, но я собрал много сведений, они подтвердили мои предположения, и я с твердой волею принимаюсь за предприятие, хотя и трудное, зато обещающее много полезного жителям этого дальнего края*»[1]. Эти данные легли в основу торгово-экономического проекта, представленного путешественником и предпринимателем в 1841 г. министру государственных имуществ графу П.Д. Киселеву, суть которого составляло «*основание в устье Печоры морского порта для вывоза леса из этого региона*».

В тот момент казалось, что его проект поддержит правительство. В числе его покровителей был, кроме П.Д. Киселева, министр финансов Е.Ф. Канкрин, а в число компаньонов готов был войти ряд купцов и сановников, таких как Д.Е. Бенардаки, И.А. Иконников, князья Н.С. и С.С. Гагарины, граф С.А. Орлов, писатели и издатели Н.А. Полевой и ***Н.И. Надеждин***. Именно эти люди предложили ему совершить новую поездку в Печорский край для более тщательного изучения устья р. Печоры, с одной стороны, и пути за Урал по рекам Усе и Воркуте — с другой. Но начавшееся так удачно дело остановилось.

Его конкурентом стал ***Павел Иванович Крузенштерн***, который совместно с ***А.А. Кейзерлингом*** в том же 1843 г. занялся изучением бассейна Печоры. П.И. Крузенштерн обращается в правительство с просьбой передать ему на 25 лет «исключительное право на вырубку тамошних лесов».

Пока шла переписка, которая явно затягивалась, В.Н. Латкин по предложению Д.Е. Бенардаки отправился в Восточную Сибирь управлять принадлежащими ему золотыми приисками с жалованьем в 36 тыс. руб. в год и с 1844 по 1848 гг. жил в Красноярске[2]. Здесь В.Н. Латкин постепенно становится владельцем еще нескольких приисков и знакомится с ***Михаилом Константиновичем Сидоровым***, который стал на многие годы его доверенным лицом, помощником и компаньоном.

В 1856 г. В.Н. Латкин возвращается в Петербург достаточно состоятельным человеком и вновь принимается за осуществление своей мечты. Объединив капиталы с М.К. Сидоровым, он договаривается с П.И. Крузенштерном, который сумел получить привилегию на вырубку печорской лиственницы, но не имел денег на их вывоз, основать в 1859 г. Печорскую компанию «*для торговли печорским лесом за границу и вывоза в Кронштадт, для нужд Адмиралтейства*»[3]. Но деятельность Печорской компании оказалась нерентабельной. Его владельцы столкнулись с рядом объективных причин: суровый климат, арктические льды, отсутствие нормальных условий судоходства, отмеченного фарватера и т.д. Зафрахтованные суда не всегда могли добраться морским путем до устья Печоры, а иногда разбивались с лесом в океане. В результате часть компаньонов потребовала вернуть свои деньги, а казна — заплатить налоги. В результате Печорская компания оказалась в собственности М.К. Сидорова, который рассчитался с его долгами и позднее также безуспешно пытался реанимировать ее, истратив на это дело фактически все свое состояние[4].

Последние годы жизни В.Н. Латкин прожил в бедноте. В этом состоянии он был вы-

---

[1] Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах // Зап. ИРГО. СПб., 1853. Кн. 7. Ч. 1. С. 3.

[2] Перу В.Н. Латкина принадлежит несколько работ о состоянии русской золотопромышленности: *Латкин В.Н.* О золотопромышленности в Сибири. СПб., 1864; То же // С.-Петерб. ведомости. 1863. № 103; То же // Биржевые ведомости. 1893. № 193; *Он же.* Ответ золотопромышленника на статьи, напечатанные в «Народном богатстве», № 81, «Биржевых ведомостях», № 89. СПб., 1864; *Он же.* По поводу составленных новых правил о золотопромышленности. СПб., 1864.

[3] *Латкин Н.В.* В.Н. Латкин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 23. С. 577.

[4] *Латкин В.Н.* Ответ корреспондентам Санкт-Петербургских ведомостей о Печорском деле // С.-Петерб. ведомости. 1867. № 40.

нужден сам заниматься ссудами, которые он раздавал в прежние годы. Например, известна его тяжба с Ф.М. Достоевским, который когда-то занял у него 250 рублей и, судя по всему, так и не вернул их. Именно этот факт, по-видимому, лежал в основе неприязни писателя к предпринимателю, который высказался о последнем таким образом: *«Как вспомню о всех этих Врангелях, Латкиных, Рейслерах, <...> так и собьюсь совсем и спутаюсь»*. Сам Ф.М. Достоевский признавался: «*Кредиторы ждать больше не могли, и в то время, как я выезжал (за границу в 1867 г.), уже было подано ко взысканию Латкиным, <...> немного меня не захватили*»[1].

В 1862 г. В.Н. Латкин участвовал во Всемирной выставке в Лондоне, где был удостоен награды Королевского географического общества. В 1863 г. получил за свои заслуги большую золотую медаль Императорского Вольно-экономического общества.

Как было сказано выше, в 1840 и 1843 гг. В.Н. Латкин дважды предпринимал путешествия на Печору за собственный счет[2]. В 1840 г. В.Н. Латкин проехал на Печору из Пермской губернии, через Чердынь, по Камскому волоку. Но эта поездка была краткой и мало результативной. Поэтому в 1843 г. он предпринимает новую поездку, на этот раз через Усть-Сысольск и Печорский волок.

Его поездку нельзя считать в полной мере научной экспедицией, так как она предпринималась в первую очередь с коммерческими целями, ибо главной задачей автора, которую он ставил перед собой, было изучение возможности использования богатств Печорского края в торговом отношении. Но одновременно мы встречаем в его работе массу историко-статистических и этнографических сведений[3]. До настоящего времени его книга является своеобразной энциклопедией Печорского края 1840-х гг., эти данные были представлены им в опубликованном дневнике[4]. Научная ценность его сочинения заключается в том, что это первое научно-публицистическое описание данного края, ибо собственно научное его описание появилось лишь через несколько лет, после путешествия ***П.И. Крузенштерна*** и ***А.А. Кейзерлинга***[5].

Дневник содержит, корме описания природы и естественных богатств Печорского края, длинные экскурсы в историю народа коми, примеры народных легенд и преданий, достоверные описания труда и быта проживающего местного населения. Он изобилует многочисленными бытовыми зарисовками. Например, мы встретим здесь сведения о семейной жизни коми-зырян, о методах трудового воспитания детей, товарном значении некоторых отраслей хозяйства. Кроме того, в дневнике можно имеются описания некоторых конкретных семей, с которыми автор встречался во время своих скитаний, что крайне редко встречается в этнографических очерках. Одновременно исследователь приводит массу научных данных о коми, известных к этому момент русской науке. Все это делает дневник В.Н. Латкина одним из ценнейших этнографических источников по коми населе-

---

[1] Об этом см.: Переписка В.Н. Латкина и Ф.М. Достоевского // Достоевский Ф.М. Полное собр. соч. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 184–185; а также ИРЛИ.Ф. 9, д. 756.

[2] *Свенске К.Ф.* Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 г. СПб., 1855. Т. 1. С. 42; Поездка на Печору купца Латкина // Северная Пчела. 1844. № 242; Путешествие г. Латкина по северо-восточной части Архангельской губ. // С.-Петерб. ведомости. 1844. № 140. С. 637–638; № 141. С. 641–642.

[3] *Вавилов П.П., Кудрявцева Л.А.* В.Н. Латкин и его дневник путешествия на Печору // Изв. Коми филиала ВГО. 1964. № 9. С. 70–75.

[4] Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. // Зап. ИРГО. СПб., 1853. Кн. 7. Ч. 1, 2; Отдельное издание: СПб., 1853; Репринтное издание. Сыктывкар, 2010. Выдержки из дневников публиковались под названием «Путешествие на Печору» в других изданиях: Московские ведомости. 1844. № 65, 66; Вологодские ГВ. 1844. № 33, 34; Архангельские ГВ. 1844. № 35–37; ЖМГИ. 1844. Ч. 2. С. 18–30, 129–144; ЖМВД. 1844. № 1.

[5] Извлечения из путешествия экспедиции гр. Кейзерлинга и г. Крузенштерна в 1843 г. по Печоре // Зап. Военно-топографического депо. 1848. Ч. 12. С. 17–20: *Кейзерлинг А., Крузенштерн П.* Печорский край в географическом и гидрологическом отношениях. Ст. I–IV // ЖМВД. 1851. Ч. 34. С. 421–455; Ч. 35. С. 71–101, 235–251, 361–392.

нию печорского края. Его публикация сделала В.Н. Латкина широко известным в России. Среди его знакомых можно назвать А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, В.М. Гаршина, первооткрывателя Трои Генриха Шлимана и др. Дневник долгое время считался образцом для подобных сочинений.

Как упоминает В.Н. Латкин, он начал готовить свои записи к публикации сразу после путешествия, но полностью издать их не удалось, вышло лишь несколько отдельных очерков[1]. Несмотря на то что автор просит снисхождения у публики «к нескладному рассказу», получилась замечательная книга.

В своем дневнике В.Н. Латкин пишет, что «*есть на севере-востоке Европейской России край пустынный, малонаселенный, но таящий огромные богатства всех трех царств, край, куда еще не проникла промышленная деятельность, где мощные начала будущего благоденствия тысяч людей остаются пока в бездействии. Это край Печорс*кий». Далее он продолжает: «*Я стремился туда с целью — исследовать и описать его и, если возможно, учредить компанию, чтобы с помощью ее капиталов развить там промышленность… С этой целью я был два раза в этом краю; слушал рассказы разноплеменных его обитателей, внимательно всматривался в их быт, нравы, обычаи, занятия, промыслы, собирал предания, изучал местность, вглядывался в богатства этой страны, и таким образом собрал много сведений*»[2].

Действительно, в книге приводится большое количество разнообразных данных. Во-первых, это топонимика. В.Н. Латкин не только фиксирует названия, но и приводит ряд этимологий. Во-вторых, это этническая демография: мы встречаем в книге численность коми населения всех населенных пунктов, через которые он проехал. Одновременно он обозначает этнические границы, замечая, например, что деревня Межог на Вычегде является границей между русскими и коми, где одна часть русская, а вторая — коми[3]. Фактически эта граница сохранилась в этом месте до настоящего времени.

Но основная информация носит экономический характер: пути сообщения, ярмарки, цены, промыслы: охота (выкармливание лисиц дома), добыча брусяного камня (процесс добычи, цены на изделия, принадлежность гор), чердынская торговля, ее значение в жизни Печорского края. В дневнике аргументируется польза нового пути с Печоры на Обь, который В.Н. Латкин прошел пешком, он говорит о выгоде предложенного им варианта[4].

В дневнике имеются сведения по общей истории и истории христианизации Коми края. Объяснение этнонима *зыряне* от *зырэдем еэз* — «оттесненные, вытесненные люди» происходит в связи с процессом вытеснения предков коми с Урала, с Камы во времена Аллариха и Аттилы. Вообще он показывает хорошее знание истории Русского Севера по сочинениям Лепехина, Ломоносова, Татищева, Карамзина, Миллера. Встречаются описания некоторых обрядов: жертвоприношения на Илью — быка, на Прокопия — барана. Этот обычай В.Н. Латкин определяет термином *молитны* — замаливать.

В дневнике встречаем интересные моменты об этнических взаимоотношениях коми с манси, хантами и ненцами. Так, В.Н. Латкин замечает, что в среднем течении Печоры коми встречались с манси и рассчитывались с ними за охоту на их угодьях свинцом и порохом, но иногда дело доходило до драк[5]. Судя по его дневнику, в недавно основанном селении Колва проживают только ненцы и священнослужители. Он был первым путешественником,

---

[1] *Латкин В.Н.* Заметки о самоедах. Из дорожного дневника В.Н. Латкина // ЖМВД. 1844. № 7. С. 3–36; *Он же.* Поездка на Печору (Извлечение из дневника В.Н. Латкина) // ЖМГИ. 1844. Ч. 2. Смесь. С. 18–30, 129–144; *Он же.* Поездка на Печору // Московские ведомости. 1844. № 64, 65; *Он же.* Поездка на Печору // Вологодские ГВ. 1844. № 33, 34; *Он же.* Поездка на Печору // Архангельские ГВ. 1844. № 35–37; *Он же.* О зырянах // ЖМГИ. 1845. Ч. 15. Смесь. С. 1–5.

[2] *Латкин В.Н.* Дневник… Ч. 1. С. 1, 2.

[3] Там же. Ч. 2. С. 36.

[4] Там же. Ч. 1. С. 140–146.

[5] Там же. Ч. 1. С. 80.

наряду с ***М.А. Кастреном*** посетившим это место.

Не утратили своей информативной ценности его заметки «О зырянах» и «О самоедах». Фактически они являются частью «Дневника», но были опубликованы несколько ранее.

Умер В.Н. Латкин в Петербурге в нищете, не дождавшись обещанных правительством льгот для его Печорской компании. Несколько изданий откликнулись на это печальное событие некрологами, напомнив русскому обществу о его заслугах[1]. Прежде чем завершить очерк о В.Н. Латкине, следует вспомнить о его детях. Дочь Серафима Васильевна (1846–1918) была замужем за известным общественным деятелем Л.Ф. Пантелеевым, закончила медицинский факультет Цюрихского университета, занималась педагогической и публицистической деятельностью. Сын Николай Васильевич (1832–1904) тоже стал золотопромышленником, геологом, географом. Долгое время жил и работал в Восточной Сибири, опубликовал ряд научных трудов. Его сын, тезка деда — Василий Николаевич Латкин — родился в Красноярске в 1858 г. Закончил юридический факультет Петербургского университета. Позднее стал профессором этого университета, крупным знатоком государственного права, автором ряда книг по истории русского права.

Компаньоном и продолжателем дела В.Н. Латкина был ***Михаил Константинович Сидоров*** (1823–1887), русский купец, золото- и лесопромышленник, общественный деятель. Заработав в Сибири в 1847–1859 гг. громадный по тем временам капитал, он полностью истратил его на благотворительность и исследования Печорского края и Западной Сибири[2]. Он занимался одновременно восстановлением северного мореходства, поиском полезных ископаемых, принимал участие в работе российских и международных выставок. Среди его знакомых — ряд государственных деятелей России, которым он надоедал своими проектами, многие видные ученые и организаторы науки, такие как президент Русского географического общества адмирал Ф.П. Литке, попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский, петербургский купец и знаменитый археолог Генрих Шлиман, шведский полярный исследователь Н.А.Э. Норденшельд и др.

Родился в Архангельске в купеческой среде. У него была нелегкая жизнь, в основном из-за характера правдолюба, и проблемы начались уже в отрочестве. Из-за этого ему не удалось закончить гимназию. Позднее, в 1886 г., в альбоме известного русского историка, археографа, издателя Михаила Семевского он оставил о себе такую запись: «*Я сын архангельского купца, учился только до 6-го класса архангельской гимназии, которую оставил в 1842 г. более потому, что учитель французского языка, Оттон Казимирович Гутковский, называл учеников <...> русской тварью*»[3]. У него было обостренное чувство собственного достоинства. Он служит сначала у своего деда, потом у дяди, набирается разума в торговых делах у потомственных архангелогородских купцов. Но он все же стремится получить образование, и с помощью директора училищ Архангельской губернии И.А. Никольского в 1845 г. М.К. Сидоров выдержал испытание педагогического совета, сдал экзамены и получил звание домашнего учителя.

В это время он увлекается первой авантюрой. Среди архангельских купцов давно зрела идея о создании частного коммерческого банка. Этот проект не поддерживался местной администрацией. М.К. Сидоров собрал

---

[1] Латкин В.Н. (некролог) // Народная газета. 1867. № 44; Иллюстрированная газета. 1867. № 45; Голос. 1867. № 354; Вологодские ГВ. 1868. № 4; Русский архив. 1869. № 11–12. С. 2004; Биржевые ведомости. 1866. № 135–137, 165; Отчет РГО за 1867 год. СПб., 1868.

[2] *Жилинский А.А.* Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918; *Фрейдин И.Л.* Сидоров М.К. // Летопись Севера. М., 1971. Т. 5; *Королев В.* России беспокойный гражданин. Сыктывкар, 1987; *Богданов И.* «Неутомимый поборник севера» // Богданов И. Петербургская фамилия — Латкины. СПб., 2002. С. 50–104.

[3] *Семевский М.И.* Знакомые. СПб., 1888. С. 264.

более 400 подписей под этим планом и отвез его в столицу, где с помощью своих земляков сумел получить положительную резолюцию министра внутренних дел Л.А. Перовского. Это вызвало гнев архангельского губернатора маркиза де Траверзе, начавшего судебное преследование «вольнодумца» М.К. Сидорова, что вынудило последнего уехать в Восточную Сибирь.

Так в 1845 г. наш герой очутился в Красноярске. Он домашний учитель. Сначала у Михаила Николаевича Латкина, «усть-сысольского и каннского 2-ой гильдии купца». В 1849 г. он отлучается в столицу, где знакомится с ***Василием Николаевичем Латкиным***, братом отца своих воспитанников, который позднее сыграл важную роль в его жизни. Вообще педагогическая деятельность Сидорова продолжалась 14 лет, до 1859 г., когда он был «*уволен по собственному прошению*» и произведен в чин коллежского регистратора (последний, 14-й класс «Табели о рангах Российской империи»).

Но у учителя М.К. Сидорова была и другая жизнь: он не только учил детей письму, грамматике, арифметике и истории, а также Закону Божьему. В 1847 г. по поручению В.Н. Латкина Михаил Сидоров участвовал в процессе против недобросовестных компаньонов своего доверенного лица. В.Н. Латкин в это время был управляющим золотыми приисками греческого подданного, петербургского купца Дмитрия Бенардаки, человека очень богатого. Выиграв процесс, М.К. Сидоров своей обстоятельностью и оборотистостью обратил на себя внимание деловых кругов Красноярска. Поэтому в 1848 г. известный на всю Сибирь золотопромышленник В.Ф. Базилевский пригласил его в оценочную поездку по своим приискам, расположенным на севере Енисейского округа. Именно тогда начинающий промышленник открыл свои первые 6 месторождений золота. Но они не заинтересовали Базилевского, он не поверил чутью молодого предпринимателя. Поэтому эти месторождения регистрируются на имя В.Н. Латкина, который в 1849 г. подал прошение генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову об отводе ему этих участков под прииски Италийский и Мариинский. Почувствовав удачу, самоучка-геолог каждое лето отправляется в путешествие по Восточной Сибири и открывает все новые золотые россыпи. Он сам не занимался добычей золота, а сдавал месторождения местным золотопромышленникам. За это ему по договору платили по 1000 рублей с каждого добытого пуда золота. Позднее генерал-губернатор Западной Сибири А.И. Дюгамель писал: «*В первые годы своих золотопромышленных занятий в Сибири <…> г. Сидоров, располагая самыми незначительными средствами, употреблял их почти исключительно на поиски золотоносных россыпей, на открытие и заявки приисков. <…>Через 10 лет имел уже в своем владении и в компании с другими лицами до 170 приисков, из коих в настоящее время разрабатывается 35 приисков, на которых добыто до 1000 пудов золота, что доставило казне до 3-х миллионов дохода и заняло рабочих рук до 20000 человек*».

М.К. Сидоров разбогател. Решив оставить учительский труд, он в 1860 г. обращается в Министерство народного просвещения за разрешением заняться промыслом золота и получает положительный ответ.

Всю жизнь М.К. Сидоров провел в беспрестанном поездках между Иркутском, Якутском, Березовым, Архангельском, Пермью, Ухтой, Петербургом, Варной, Лондоном, Парижем, Веной. Трижды объехал Кавказ и Закавказье, прошел Финляндию и всюду преследовал одну цель: исследовать и привести в движение богатства земли русской.

В 1862–1863 гг. М.К. Сидоров снарядил три экспедиции, открывшие водное и сухопутное сообщение между Сибирью и Европейской Россией, на которые он потратил 500 тыс. руб. Весной 1864 г. его доверенный Кушелевский наметил трассу Обь — Войкар — Милькая — Уса — Печора. Именно по ней на оленьих обозах был переправлен первый груз енисейского графита, привезенного из Туруханска через устье Таза, Тазовскую и Обскую губу, Обь и Обдорск. Летом этого года Сидоров сам прошел по Войкару и обна-

ружил там медные руды и каменный уголь. Затем он предложил и вовсе фантастический проект рельсовой дороги от деревень Усть-Щугор и Аранец (на Печоре) к бывшему древнему вогульскому городку Ляпин (Сарапауль) на Сыгве, притоке Оби. Эта дорога позволяла Европе организовать торговлю и с Сибирью, и с Азией, ее удобство заключалось в том, что с обеих сторон были водные подходы[1]. С 1865 г. М.К. Сидоров увлекся поисками ухтинской нефти, причем ему первому удалось не только доказать ее существование, но и организовать добычу.

В 1870–1880-х гг. ни одно значимое событие, связанное с Севером и Сибирью, не осталось без его внимания. Пытаясь привлечь внимание высокопоставленных лиц империи к Северу и его богатствам, М.К. Сидоров организовывал, пользуясь современной терминологией, пиар-акции, известные в Петербурге как «*Северные вечера для ознакомления деятелей по Северу между собой»*. В своем доме он угощал аристократию блюдами и напитками из того, что можно добыть на севере (морошки, клюквы, оленины, семги и т.д.).

На заседаниях различных научных и промышленных обществ им был прочитан 181 доклад. Он был незаурядным публицистом, автором 80 книг и брошюр[2]. Одновременно активно занимался благотворительной деятельностью, жертвуя деньги на больницы, госпитали, школы, учреждая стипендии, премии на проведение научных разысканий и т.д. Несколько раз обращался к властям с предложением учредить в Сибири университет. В 1864 г. Н.Н. Муравьев-Амурский ходатайствовал о высылке М.К. Сидорова в Архангельскую губернию, но одновременно его конкурент А.О. Дюгамель сделал представление о его награждении орденом Св. Владимира 4-й степени. В результате М.К. Сидорова не выслали, но и не наградили. После открытия при генерал-губернаторе Западной Сибири Н.Г. Казнакове Томского университета (1880 г.) он подарил будущему музею университета коллекцию сибирских древностей[3].

Во славу России в качестве экспонента М. К. Сидоров принимал за свой счет участие в 25 выставках, в том числе в 9 Всемирных за границей, вывозя туда образцы полезных ископаемых и кустарных промыслов. Также М.К. Сидоров участвовал в снаряжении экспедиции шведского полярного исследователя А. Норденшельда.

После М.К. Сидорова остался богатый архив, в котором имеется значительный массив материалов для характеристики социально-экономического состояния Коми края.

3.2. Императорское Русское географическое общество и исследования Коми края

3.2.1. Создание ИРГО

Важной вехой на пути накопления знаний о народах России стало создание в 1845 г. Императорского Русского географического общества (ИРГО), так как одна из его задач заключалась в «*познании разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения*»[4]. Входящее

[1] *Манькова, И. Л.* Печора — Обь — Енисей: поиски и исследования транспортных путей через Северный Урал, полуостров Ямал и Нижнее Приобье (XIX — начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2006. № 13. Ямальский выпуск. С. 156–167.

[2] Они были собраны им в нескольких книгах: *Сидоров М.К.* Беседы о Севере России. СПб., 1867; *Он же.* Север России. СПб., 1870; *Он же.* Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб., 1872; *Он же.* О нефти на Севере России. СПб., 1882; *Он же.* Труды для ознакомления с Севером России СПб., 1882.

[3] *Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М. , Ноздрин Г. А.* Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск, 2000. С. 47–104; *Беспалова Ю. М.* Западносибирские предприниматели второй половины XIX — начала XX в.: имена, биографии, судьбы. Тюмень, 2002. С. 73–81; *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882. Сургут, 1993. С. 219, 272, 273, 346.

[4] *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845-1895. Ч. 1–3. СПб. 1896; *Берг Л.С.* Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л. 1946. С. 33.

в его состав Отделение этнографии надолго стало главным и влиятельным организационно-научным центром этнографии в дореволюционной России. Предметом деятельности Отделения была «*не только антропология в тесном смысле, но и изучение наречий, нравов, обычаев разных народностей и в особенности изучение бытовых сторон жизни русского народа*»[1]. Отделения организовало планомерный сбор материалов на местах. Для этого оно широко использовало программы, рассылаемые в губернские центры для публикации в местной печати. Первая из них была составлена в 1847 г.[2] Уже к 1853 г. с мест, в том числе и из Архангельской, Вологодской и Пермской губерний, было прислано более 2 тыс. ответов. Материалы поступали от местных чиновников, сельских и городских учителей, приходских священников, волостных писарей, служащих губернских статистических комитетов, врачей, грамотных крестьян и т.д. Одновременно Географическое общество начало издание серии журналов: «Записки ИРГО», «Географические известия», «Известия ИРГО», «Вестник ИГГО». Позднее Отделение этнографии стало издавать специальный этнографический журнал «Живая старина». В этих изданиях, кроме ряда статьей по коми этнографии, можно найти значительное число материалов научно-организационного характера по проведению различных экспедиций, конференций, юбилеев ученых и т.д. С самого начала образования при ИРГО формируются архив и библиотека, которые до настоящего времени являются источником по изучению этнографии народов коми[3].

3.2.2. Исследовательские проекты РГО

Одним из первых крупных исследовательских проектов Императорского Русского географического общества, в ходе которого были получены новые и значительные данные по традиционной культуре народов коми, была т.н. Уральская экспедиция 1849–1850 гг., о которой было сказано выше. Только через много лет ИРГО организовало новую специальную экспедицию в эти края.

3.2.2.1. Печорская экспедиция ИРГО

В 1888 г. архангельский губернатор князь Гагарин предпринял поездку для ознакомления с Запечорским краем. Впоследствии на имя императора Александра III им была представлена специальная записка, в которой предлагалось провести ряд мер для освоения края, в частности создать в низовьях Печоры отдельный Печорский уезд. После этого по высочайшему повелению Министерство государственных имуществ и Министерство внутренних дел организовали специальную геологическую экспедицию под руководством академика Ф.Н. Чернышева[4]. Совет

---

[1] *Степанов Н.Н.* Русское географическое общество и этнография (1845–1861) // СЭ. 1946. № 4. С. 187–206; *Азадовский М.К.* Значение Географического общества в истории русской фольклористики // ОИРЭФА. М., 1965. Вып. 3. С. 5–17; *Сабурова Л.М.* Русское географическое общество и этнографические исследования (Дооктябрьский период) // ОИРЭФА. М., 1977. Вып. 7. С. 5–11; *Титова З.Д.* Этнографическая библиография в изданиях Русского географического общества (1845–1917) // ОИРЭФА. М., 1982. Вып. 9. С. 34.

[2] Программа для собирания местных этнографических сведений. СПб., 1852; Опыт программы исследования поземельной общины, составленный комиссией при Императорском Русском географическом обществе // Отечественные записки. 1878. Т. 4. № 8. С. 331–352.

[3] *Зеленин Д.К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Пг., 1914–1916. Вып. 1–3. Продолжением работы является его «Описание коллекций рукописей научного архива Географического общества СССР» (Л., 1973). Можно указать несколько работ, которые касаются народов коми и хранятся в Архиве РГО. Например, Никольский Илья, директор народных училищ Архангельской губернии. Общий взгляд на климат, земледелие и скотоводство в Архангельской губ. 1847. 37 с.; А. Софронов. Замечания на статью г. Никольского. 19 стр.; Священник Подосенов Афанасий. О Мезенском у. 1852. 44 с.; Священник с. Архангельского Александр Третьяков. С. Архангельское Соликамского у. 1849. 35 с.; Попов Николай. Географические, статистические и этнографические сведения, собранные в 1848 г. в с. Гайнском Чердынского у. 22 с.

[4] *Чернышев Ф.Н.* По поводу возбужденного Архангельским губернатором ходатайства о геологическом исследовании Печорского края // Изв. Геологиче-

ИРГО обратился к министру госимуществ М.М. Островскому с ходатайством о разрешении прикомандировать к экспедиции члена ИРГО (на средства общества) для проведения этнографических исследований в Печорском крае. После получения согласия министерства Совет ИРГО отправил в экспедицию члена общества Ф.М. Истомина.

Выбор Ф.М. Истомина был обусловлен не столько тем, что он был известный исследователь, сколько тем, как особо было отмечено в журнале заседания отделения этнографии, «*что облегчение своей задачи он надеется найти в том, что род его происходит от поселившихся на Ижме новгородцев, и что отец его, архангелогородский местный писатель, и дед, печорский миссионер, пользовались в свое время в Печорском крае большой известностью и уважением*»[1].

Федор Михайлович Истомин (1856–1920), русский фольклорист, этнограф, славист, общественный деятель. Родился в г. Архангельске в семье мелкого губернского чиновника, известного архангельского краеведа ***М.Ф. Истомина***. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, ученик слависта В.И. Ламанского. На момент организации экспедиции — секретарь Отделения этнографии ИРГО, известный исследователь[2]. К этому времени Ф.М. Истомин уже совершил этнографическую поездку в Архангельскую губернию, экспедицию для собирания русских народных песен в Олонецкой и Архангельской губерниях 1886 г., организованную Песенной комиссией РГО[3]. 17 декабря 1885 г. он на заседании Отделения этнографии ИРГО сделал доклад «О свадебных обрядах Архангельской губ.», в которой впервые в русской этнографии поставил вопрос о необходимости изучения локальных вариантов свадебного обряда, «*так как из-за сложного историко-этнографического и религиозного состава населения губернии очень сложно описать однотипный обряд*»[4]. В 1889 г. за участие в этой экспедиции Истомин был удостоен малой золотой медали ИРГО «*за труды по этнографии и статистике*»[5]. В 1893 г. он принял участие во второй экспедиции этой комиссии в Вологодскую, Вятскую и Костромскую губернии. Историки русского фольклора высоко оценивают деятельность Ф.М. Истомина по сбору и популяризации русской народной песни[6].

Ф.М. Истомин представил Отделению этнографии свой план проведения исследований, который был одобрен коллегами[7]. Одновременно Отделение математической географии предложило ему проверить существующие карты Печорского края, а Императорская Археологическая комиссия — собрать сведения и материалы по древнейшему про-

ского комитета. 1888. Т. 7. № 9. С. 129–132; Краткий отчет о работе этой экспедиции см.: Изв. ИРГО. 1891. Т. 27. Вып. 3. С. 215–216; *Он же.* О ходе работ Тиманской экспедиции в 1890 г. // Зап. Минералогического об-ва. Сер. 2. 1891. Т. 28. С. 458–492.

[1] Журнал заседания Отделения этнографии ИРГО от 3 ноября 1889 г. // Изв. ИРГО. 1889. Т. 25. Вып. 3. С. 45–46.

[2] Истомин Федор Михайлович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1896. Т. 1. С. 363–364.

[3] *Истомин Ф.М.* Предварительный отчет о поездке в Архангельскую губернию летом 1884 г. // Изв. ИРГО. 1885. Т. 20. Вып. 5. С. 562–571; Поездка чл.-сотр. Ф.М. Истомина в Печорский край // Отчет ИРГО за 1884 год. СПб., 1885; *Он же.* О рукописных находках в Архангельской и Олонецкой губерниях // Изв. ИРГО. 1886. Т. 22. Вып. 5. С. 593–596; *Он же.* Предварительный отчет о результатах экспедиции для собирания русских народных песен с напевами // Изв. ИРГО. 1887. Т. 23. Вып. 1. С. 35–51; Песни русского народа: собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / записали: слова — Ф.М. Истомин; напевы — Г.О. Дютш. СПб., 1894; *Он же.* О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губ. // ЖС. 1892. Вып. 3.

[4] *Истомин Ф.М.* О свадебных обрядах Архангельской губ. // Изв. ИРГО. 1886. Т. 22. Вып. 2. С. 175.

5 Действия ИГО за 1889 г. // Изв. ИРГО. 1889. Т. 25. Вып. 3. С. 8.

[6] *Колпакова Н.П.* Песенная комиссия Русского географического общества // Русский фольклор. 1962. Т. 7. С. 354–366.

[7] Известия ИРГО. 1889. Т. 25. Вып. 3. С. 45–46; Отчет ИРГО за 1889 год. СПб., 1890; Отчет ИРГО за 1890 г. СПб., 1891.

шлому края. Так эта поездка превратилась в комплексную научную экспедицию.

Начавшись благополучно, экспедиция 1889 г. столкнулась с рядом проблем. Произошло рассогласование планов: академик Ф.Н. Чернышев начал работать в Вологодской губернии, а Ф.М. Истомину нужно было уехать на Печору. Поэтому он с разрешения вице-президента РГО П.П. Семенова-Тянь-Шанского самостоятельно отправился в Печору через Пермь — Чердынь. Этот путь давно и успешно использовался чердынскими купцами для торговых отношений с жителями Печорского края. В 1840 г. этим путем на Печору прошел ***В.Н. Латкин***. Фактически это была основная дорога вплоть до конца XIX в., ведущая на Печору. В результате Ф.М. Истомин за один сезон прошел от верховьев реки до Усть-Цильмы.

Поднявшись из Чердыни по р. Колве до ее верховьев, Ф.М. Истомин прошел волоком на р. Унья, впадающую в Печору. Обследовав населенные пункты на р. Унья, спустился по Печоре до Усть-Цильмы, побывав одновременно в селениях по р. Уса и р. Ижма. Из-за неблагоприятной погоды Ф.М. Истомин был вынужден отказаться от поездки в Пустозерск. Он отправился по р. Цильма и Пеше в г. Мезень, а оттуда — в Архангельск. Судя по его отчету, во время путешествия исследователь посетил все населенные пункты и ознакомился, насколько это было возможно, с *«внутренним и внешним бытом припечорского населения: русского, зырянского и оседлого самоедского, произведя в некоторых населенных пунктах детальные этнографические исследования*». Одновременно наносил возможные исправления в карту бассейна р. Печоры, главным образом уточняя названия населенных пунктов, рек и речек, составлял статистические данные о жителях края. Кроме того, он собрал информацию по археологии края, обнаружил некоторые предметы древности, а также 20 рукописей[1]. Ф.М. Истомин впервые в русской этнографической литературе предпринял районирование региона по этническому признаку. По его мнению, Печорский край, входящий в состав Мезенского уезда, следует разделить на две части: 1) Ижемско-Зырянский район в составе Красноборской и Мохченской волостей и 2) низовую русскую Печору, состоящую из Усть-Цилемской и Пустозерской волостей.

После возвращения из экспедиции Ф.М. Истомин выступил с несколькими докладами о проделанной работе: на Общем собрании РГО, на заседании Отделения этнографии и т.д.[2] Так, 13 октября 1889 г. на заседании Отделения этнографии он делает сообщение «Из путешествия в Печорский край: этнографические сведения об Усть-Кожвинской волости Мезенского уезда Архангельской губернии». Докладчик указывает географическое положение волости, численность населения, «ижемско-зырянское» наречие местных жителей, их религиозное состояние. Подробно описывает жилище, одежду, пищу, обряды и обычаи местных жителей, обращая особое внимание на бытующий здесь с давних времен обряд «похорон клопа»[3]. Свой доклад он иллюстрировал некоторыми предметами одежды местного населения.

На заседании отделений математической и физической географии Ф.М. Истомин представил листы специальной десятиверстной карты, на которую были нанесены дополнения и исправления в бассейнах рек Колвы, Печоры и Мезени. Эти Отделения, признав исправления путешественника и полученные новые данные существенными, приняли решение передать выправленную карту в военно-топографический отдел Главного штаба, чтобы они были учтены при подготовке новой карты региона. В архиве ИРГО сохранилась

[1] Известия ИРГО. Т. 25. Вып. 7. С. 126–127.

[2] Известия РГО. 1889. Т. 25. Вып. 7. С. 112, 126–127, 128; *Истомин Ф.М.* Поездка в Печорский край летом 1889 г. // Изв. ИРГО. Т. 26. С. 142–179; Сообщение Ф.М. Истомина о Печорском крае // Московские ведомости. 1890. № 315. С. 3–4; Сообщение об экспедиции Ф.М. Истомина в Архангельскую губернию // Правительственный вестн. 1885. № 171.

[3] *Истомин Ф.М.* Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1889 г. // Известия РГО. 1890. Т. 26. Вып. 6. С. 432–459.

рукопись отчета и дискуссии по этому докладу[1]. Появляются научные отчеты и публикуются материалы. Ф.М. Истомин пишет статью о религиозной ситуации в Печорском крае, что было вызвано существованием здесь больших старообрядческих общин. В ней он останавливается на описании «раскольничьего» свадебного обряда[2]. Многие сыктывкарские исследователи, например И.Н. Костромина и В.И. Мартынов, статью Ф.М. Истомина «Об этнографическом изучении Печорского края» приписывают его отцу ***М.Ф. Истомину***[3]. Есть сведения, что во время своего путешествия Ф.М. Истомин занимался сбором этнографических коллекций среди коми-зырян и самоедов (ненцев). Часть из них сегодня хранится в МАЭ РАН[4].

В 1890 г. он в рамках Тиманской экспедиции совершил вторую поездку на Печору, которая продолжалась с 15 мая по 28 сентября. Ученый проехал через Архангельск–Пижму–Мезень. В этом путешествии Ф.М. Истомин занимался изучением русского старообрядческого населения[5]. Отчет об этой поездке также изобилует этнографическим материалом: имеется описание празднования Петрова дня в Усть-Цильме и т.д. Интерес представляет пассаж исследователя о том, что в 1889 г. в Усть-Кожве среди зырян он записал несколько былин. Ф.М. Истомина волновал вопрос: от кого они были заимствованы. Но и в 1889, и в 1890 гг. в Усть-Цильме ему не удалось встретиться со знатоками «старин», и этот вопрос остался открытым. Сам исследователь считал, что в этом селении нет настоящих былин, а их заменяют *«рассказы и записи об Усть-Цилемсклой местной старине»*.

Перед революцией, во время Первой мировой войны, действительный статский советник Ф.М. Истомин служил государственным контролером, одновременно был секретарем Издательской комиссии Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

3.2.2.2. Члены ИРГО и коми этнография

Члены Императорского Русского географического общества внесли большой вклад в изучение и ознакомлении русского общества с этнографией народов коми. Членами этой научной организации были многие исследователи, такие как *Н.Я. Данилевский, К.Э. Гофман, К.Ф. Жаков, А.В. Журавский, Ф.М. Истомин, П.И. Крузенштерн, Г.С. Лыткин, П.И. Савваитов, П.А. Сорокин* и другие. Одни из них посещали Русский Север в ходе экспедиций правительственных учреждений, другие обращались в Правление ИРГО за финансовой помощью и часто ее получали, третьи присылали в Общество материалы, собранные на основе специальных программ ИРГО.

Одним из таких активных деятелей ИРГО, внесших значительный вклад в изучение традиционной культуры народов коми, сбор и сохранение письменных источников, был ***Павел Иванович Савваитов*** (1815–1895), историк, лингвист, этнограф и археограф, библеист, член-корреспондент Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности[6]. Родился в Вологде, в семье священ-

---

[1] *Истомин Ф.М.* Поездка в Печорский край летом 1889 г. // Архив ИРГО. Разряд I, оп. 1, № 88, л. 52; № 69 и 70.

[2] *Истомин Ф.М.* О религиозном состоянии обывателей Печорского края // Церковные ведомости. Прибавления. 1890. № 19. С. 607–617.

[3] *Истомин Ф.М.* Об этнографическом изучении Печорского края // Тр. VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб., 1890; *Костромина И.Н., Мартынов В.И.* Истомин М.Ф. // Коми язык: энцикл. Сыктывкар, 1998. С. 158–159.

[4] *Терюков А.И.* Коллекция Ф.М. Истомина из Печорского края в собрании МАЭ // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2008. С. 231–235.

[5] *Истомин Ф.М.* Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1889 г. // Изв. РГО. 1890. Т. 26. Вып. 6. С. 432–459.

[6] *Семевский М.И.* Павел Иванович Савваитов: юбилей его ученой деятельности, 1837–1887 // Русская старина. 1887. № 10. С. 245–262. Приложен список трудов П.И. Савваитова, составленный М.И Семевским; То же. Отдельный оттиск. СПб., 1887; *Срезневский И.И.* Труды П.И. Савваитова // Зап. Академии наук. 1873. Т. 22. Кн. 1. С. 133–141; *Дилакторский П.А.* Вологжане-писатели… С. 103–107; *Веселовские Ал. и Ал-др.* Вологжане-краеведы… С. 94–97; *Костромина И.Н.* П.И. Савваитов // Этнография и фольклор коми (Тр. ИЯЛИ. Вып. 17). Сыктывкар, 1976. С. 124–130; *Безносико-*

нослужителя местного кафедрального собора. Окончил Вологодскую семинарию (1833), затем Духовную академию в Петербурге (1837). После окончания Академии по I разряду в 1837 г. Комиссией духовных училищ был направлен преподавателем в Вологодскую духовную семинарию, где служил 5 лет. Затем состоял преподавателем Санкт-Петербургской духовной семинарии, где преподавал патристику и герменевтику. Эту службу он совмещал с преподаванием русского языка и словесности в военных учебных заведениях столицы, в частности в Павловском кадетском корпусе (1843–1862), Петербургском коммерческом училище (1845–1847), Школе гвардейских прапорщиков (1853–1854).

Одновременно начинается его научно-краеведческая работа. Во многом на это его подвигло знакомство с М.П. Погодиным, с которым он познакомился во время посещения московским ученым г. Вологды. Под руководством известного московского ученого появляются первые краеведческие сочинения П.И. Савваитова[1]. Особенно его интересует местная церковная история. Одновременно он активно собирал различные исторические документы и рукописные сочинения, особенно в 1846–1853 гг., когда занимался обследованием губернских и монастырских книгохранилищ в Вологодской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях. Так, в 1859 г. он передал в Археографическую комиссию Академии наук 1315 различных актов XVI–XVIII вв., связанных с историей Вологодского края. Со временем П.И. Савваитов становится одним из крупнейших специалистов по отечественной истории, автором ряда книг, которые можно охарактеризовать как событие в русской науке, издает ряд важных для русской истории текстов[2].

Позднее П.И. Савваитов был назначен профессором Духовной академии в Петербурге. В эти годы он серьезно занимается богословием. Например, он являлся активным участником подготовки перевода Библии с церковно-славянского на современный русский язык. По поручению А.С. Норова он в 1861–1866 гг. подготовил и выпустил славяно-греческую билингву Нового Завета. Важнейшей работой его как библеиста является «Библейская герменевтика», изданная в 1857 г. Это краткое, но предельно ясное и строго систематическое руководство оставалось образцовым в русской библеистике на протяжении всего XIX века. П.И. Савваитов определяет герменевтику как «*науку, в которой перечисляются правила, как узнавать и понимать подлинный смысл Священного Писания*». Следуя общепринятому делению, он указывает на различие между смыслом «буквальным» и «таинственным»; рассматривает словоупотребление в текстах священных авторов; показывает, насколько важно для толкования Слова Божьего учитывать обстоятельства, время, обстановку и прочие условия создания библейских книг. Заключительные главы посвящены библейским переводам и парафразам. Под его руководством начато издание Великих Четьи-Миней, собранных митрополитом Макарием.

В 1867 г. он назначается правителем дел Ученого комитета Министерства народного просвещения, в этой должности он служил до

ва Л.М. Савваитов П.И // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 418; Русские писатели-богословы. Историки церкви. Исследователи и толкователи Священного писания. Биобиблиографический указатель. 2-е изд. М., 2001. С. 382–389.

[1] *Савваитов П.И.* Вологодские песни // Москвитянин. 1841. Ч. 2. № 3. С. 270–271; *Он же.* Дорожные заметки: от Вологды до Устюга // Москвитянин. 1842. Ч. 6. № 12. С. 310–336. О публикациях П.И. Савваитовым образцов русского фольклора см.: *Гура В.В.* Вологодский край и его народная поэзия: (История собирания и изучения) // Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: сказки, песни, частушки / Под ред. В.В. Гура. Архангельск, 1965. С. 5–20.

[2] *Савваитов П.И.* Путешествия новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия, с предисловием и примечаниями. СПб., 1872; *Он же.* Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенное. СПб., 1865; То же. 2-е изд. СПб., 1896; Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1885. Т. 1; Новгородская летопись по Синодальному хартейному списку. СПб., 1888.

смерти. Был членом ряда научных обществ, с 1873 г. член-корреспондент Императорской Академии наук[1].

Во время преподавательской работы в Вологодской семинарии в 1837–1842 и 1843–1850 гг. в должности профессора философии и преподавателя всеобщей гражданской истории он столкнулся с проблемой перевода богослужебных книг на коми язык, вследствие чего он выучил этот язык. Совершил несколько поездок к коми, начал собирать сведения о них. В 1848 г. написал первую заметку о коми языке[2]. Позднее он писал: «*Живая речь народа была главным источником, из которого почерпались сведения о грамматическом устройстве зырянского языка*»[3]. В 1850 г. издал зырянскую грамматику и словарь[4]. К составлению «Грамматики» его подтолкнуло открытие по указу Святейшего Синода в 1843 г. класса зырянского языка при Вологодской семинарии, готовящего священнослужителей для работы среди комизырян. В прошении, представленном на имя министра народного просвещения в ноябре 1845 г., он говорит, что инициатива создания данного класса принадлежит ему, т.е. П.И. Савваитову[5]. В нем он пишет, что необходимость в создании такого класса вызвана желанием стимулировать возвращение семинаристов в коми приходы для проповеди святого слова. Для успешности этого дела необходима грамматика коми языка. Рукопись «Грамматики» была готова в 1845 г. и представлена для издания в Министерство народного просвещения. По принятому в то время порядку рукопись была направлена на обсуждение в Академию наук и Вологодскую епархию. Основным рецензентом выступил академик ***А.И. Шегрен***[6]. Отметив в своем отзыве, датированном 1846 г., плюсы и минусы представленного сочинения, академик предложил автору отправиться в Коми край для сбора дополнительного лингвистического материала. Активное обсуждение этого сочинения продолжалось в первую очередь священнослужителями из числа зырян и пермяков и после издания[7]. Сочинение П.И. Савваитова было удостоено Академией наук Демидовской премии и премии от Святейшего Синода. Деятельность П.И. Савваитова во многом способствовала становлению литературных норм языка коми. Однако материалы этих дискуссий остались вне поля зрения современных исследователей и не используются ими. В архиве сохранились его материалы по изучению памятников древнекоми (древнепермской) письменности, в частности текста на иконе т.н. «Зырянской Троицы». Его предшественники, ***И.И. Лепехин*** и ***А.И. Шегрен***, в свое время видели их, написали об этом, но только П.И. Савваитов скопировал и предложил первый вариант их прочтения[8]. После этого начи-

---

[1] *Кондаков Н.П.* П.И. Савваитов: (некролог) // ЖМНП. 1895. № 9. С. 26–31; П.И. Савваитов. Некролог // Нижегородские ГВ. 1895. № 30; П.И. Савваитов. Некролог // Правительственный вестн. 1895. № 153; П.Р.С. П.И. Савваитов. (Некролог) // Московские ведомости. 1895. № 193; *Полевой П.* П.И. Савваитов. [Некролог] // Нива. 1895. № 31. С. 745–746; П.И Савваитов. [Некролог] // Исторический вестн. 1895. № 9. С. 820–821; Чествование Археологическим институтом памяти Н.В. Качалова, П.И. Савваитова и Д.А. Ровинского // Исторический вестн. 1896. № 1. С. 352–353.

[2] *Савваитов П.И.* Сведения о наречиях зырянского языка // Географич. изв. ИРГО. 1848. Вып. 2.

[3] *Савваитов П.И.* Грамматика зырянского языка. СПб., 1850. С. 8.

[4] *Савваитов П.И.* Грамматика зырянского языка. СПб., 1850; Зырянско-русский и русско-зырянский словарь. СПб., 1850. В Российской национальной библиотеке имеется печатный экземпляр «Грамматики» и «Словаря», где указан другой год издания — 1849. Рец.: Грамматика и словарь Зырянского языка П. Савваитова // Географич. изв. РГО. 1848. Современную характеристику этой книги см.: *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов-языковед. Сыктывкар, 1980. С. 85–93.

[5] Прошение П.И. Савваитова на имя министра народного просвещения // Сб. материалов по истории изучения зырянского языка // Рукописный отдел РНБ. F XVI–9, л. 1.

[6] Мнение академика А.М. Шегрена о «Зырянской грамматике» П.И. Савваитова // Сб. материалов по истории изучения зырянского языка // Рукописный отдел РНБ. F XVI–9, л. 2–14, 14–21 об. Ответ П.И. Савваитова см.: Там же. Л. 22–25.

[7] Сборник материалов по истории изучения зырянского языка // Рукописном отдел РНБ. F XVI–9, л. 27–94.

[8] Сборник материалов о зырянах Рукописном отдел РНБ. F XVII–70, л. 20–22 а.

нается настоящее научное изучение этого уже «мертвого» языка. П.И. Савваитов принял активное участие в переводе на коми язык различных богослужебных и официальных текстов как переводчик и рецензент. Материалы об этой деятельности также сохранились в его архиве[1]. На этой почве П.И. Савваитов открыто конфликтовал со своим основным конкурентом — ***Г.С. Лыткиным***. Основополагающая причина их разногласий — использование разных форм правописания коми языка. П.И. Савваитов настаивал на своем алфавите, а Г.С. Лыткин предлагал использовать при переводах т.н. «шегреновско-академический» вариант[2]. Например, в 1881 г. П.И. Савваитов обращается с письмом на имя обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, где выступает против издания перевода на коми язык «Литургии Иоанна Златоуста», выполненного Г.С. Лыткиным. Последнего поддержала великая княгиня Александра Иосифовна, поэтому П.И. Савваитов надеялся только на покровительство К.П. Победоносцева[3]. Это издание не было осуществлено. В связи с этим его деятельность в сфере религиозного просвещения позднее стала поводом для характеристики П.И. Савваитова как человека, «*стремившегося воспитать народ в духе религиозной покорности и смирения*». Вообще, П.И. Савваитов считал свои лингвистические взгляды «*истинно правильными*» и боролся за принятие «Зырянской грамматики» в качестве основного учебного пособия для преподавания. Поэтому многие лингвистические тексты его оппонентов и сделанные ими переводы содержат многочисленные ремарки «*неправильно*» и его исправления.

После переезда в столицу П.И. Савваитов становится одним из главных знатоков языка и традиционной культуры коми. Он получает на рецензирование все материалы, связанные с данной тематикой, которые поступали в Русское географическое общество, Министерство народного просвещения и другие учреждения, поддерживает связи с местными корреспондентами. Так складывается знаменитое «собрание Савваитова», которое теперь хранится в Российской национальной библиотеке[4].

Изучая историю и культуру Русского Севера в целом и Коми края в частности, И.И. Савваитов не мог обойти вниманием деятельность Русской православной церкви в этом регионе. Несмотря на то что он опубликовал лишь одну небольшую статью на эту тему, его вклад в разработку данного научного направления весьма значителен[5]. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в рукописях подготовительные материалы. Имея доступ к церковным архивам, он не только делал выписки, но и собирал оригинальные документы. Он разобрал подробно статью митрополита ***Евгения (Болховитинова)***[6].

В лингвистических штудиях П.И. Савваитов большое значение придавал фольклорным материалам. Чтобы продемонстрировать возможности живого языка коми, в дополнение к своей «Грамматике» он опубликовал некоторые тексты на языке оригинала: 4 сказки,

---

[1] См., например: *Савваитов П.И.* Рецензия на «Сокращенный Катехизис на русском и зырянском языках, составленный Андреем Поповым» // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 91–100 и т.д.

[2] *Терюков А.И.* Г.С. Лыткин — коми-зырянский просветитель // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008 С. 229–244; *Он же.* Из истории перевода Священного Писания на язык коми-зырян (П.И. Савваитов и Г.С. Лыткин) // Христианство в регионах мира. СПб., 2008. С. 206–222.

[3] Письмо П.И. Савваитова обер-прокурору Св. Синода П.К. Победоносцеву. Писарская копия // Сб. материалов о зырянах // Рукописный отдел РНБ. F XVII–70, л. 10–10 об.; То же. Карандашный черновик. Автограф // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 101–102 об.

[4] Аннотированный указатель рукописных фондов Государственной публичной библиотеки. Л., 1984. Вып. 4: Фонды русских деятелей XVIII–XX веков. Савваитов–Ястребцев.

[5] *Савваитов П.И.* Начало и распространение христианства в Вологодской епархии. Учреждение Вологодской епархии // Вестн. ИРГО. 1858. Ч. 22. № 2. С. 11–25.

[6] Исторические сведения о Вологодской епархии и о Пермских, Вологодских и Устюжских преосвященных архиереях митрополита Евгения (Болховитинова) с рукописными дополнениями П.И. Савваитова // Сб. материалов по истории Вологодской губернии и епархии // Рукописный отдел РНБ. F XVII–68, л. 84–100.

около 100 пословиц и поговорок, цикл свадебных причитаний. После выхода книги устьсысольские краеведы установили человека, от которого П.И. Савваитов получил этот текст. Правда, об этом стало известно только в конце 1930-х гг. из опубликованных лингвистических работ ***И.А. Куратова***[1]. По его мнению, этот текст был записан его братом, ***В.А. Куратовым***. Рукопись этих причитаний сохранилась в архиве. На сегодняшний день имеются два варианта текста, один из которых по структуре несколько отличается от опубликованного в книге. Текстологический анализ показывает, что в рукописях содержат некоторые разночтения с публикацией. Так, неозаглавленные П.И. Савваитовым части в рукописях имеют особые названия. В книгу не попали комментарии на русском языке, например к причитаниям в бане. Вообще рукописи содержат много неясных моментов. Во-первых, они написаны разными людьми (можно различить несколько почерков. — *А.Т.*). Во-вторых, имеют несколько раздельных пагинаций, начинающихся с № 1. В-третьих, некоторые разделы содержат русский перевод, причем коми и русский тексты написаны разными людьми и разными чернилами. В-четвертых, все тексты написаны не П.И. Савваитовым; об этом можно судить, если сопоставить их с подписанными им текстами и собственноручными черновиками. Но они не имеют четко указанного авторства. Лишь на листе 141, где записан текст причитания, исполняемого невестой утром в день венчания, имеется приписка карандашом «*сочинительница мещанка вдова Tatiana Иванова*». Эта приписка помогает прояснить лишь место записи текста — г. Усть-Сысольск, ибо это единственное место в Коми крае, где горожане имели сословный статус мещан[2].

Еще во время работы в Вологодской семинарии П.И. Савваитов начал публиковать работы по этнографии народов коми. Первая из них — «Некоторые сведения об Усть-Сысольском уезде Вологодской губ.». В ней дается краткий очерк хозяйственной жизни коми. В архиве сохранились подготовительные материалы к этой статье, датированные автором 9 июня 1842 г.[3] В них имеются коми термины охотничьих и рыболовных снастей, ловушек, заготовки дичи и рыбы и т.д. Не утратили своего значения как этнографического источника его статьи о зырянских деревянных календарях и денежном счете. В основу его статьи о деревянных календарях лег анализ значков с образца, принадлежавшего Русскому археологическому обществу[4]. По-видимому, речь идет о календаре, представленном обществу ***С.Е. Мельниковым***.

Полемизируя с ***Г.С. Лыткиным*** о времени присоединения Коми края к Московскому государству, П.И. Савваитов предлагал праздновать 500-летие начала крещения коми не в Усть-Выми, а в Котласе (по коми — в Пырасе), где в 1375 г. началась просветительская деятельность ***Стефана Пермского***. Кроме того, он считал, что окончательное вхождение Коми края в Московское государство произошло позднее, в 1472 г., при Иване III, с чем соглашаются современные историки[5].

---

[1] *Куратов И.А.* Лингвистические работы. Сыктывкар, 1939. Т. 2. С. 71.

[2] Тексты коми свадебных причитаний // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 135–148, 149–167.

[3] *Савваитов П.И.* Некоторые сведения об Усть-Сысольском уезде Вологодской губ. // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 8. С. 428–433; То же // Вологодские ГВ. 1843. № 27, *Он же.* Количество земли, народонаселения, промыслы, торговля и судоходство в Усть-Сысольском у. (Вологодской губ). Подписанный автограф. 1842. Л. 4 об. — 5 об.

[4] *Савваитов П.И.* О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной св. Стефаном. М., 1873; То же // Тр. Первого археологического съезда в Москве. М., 1871. Т. 2. С. 408–416; *Он же.* Ур и шайт. Зырянские названия копейки и рубля. Извлечено из записки Г.С. Лыткина // Изв. Императорского Археологического общества. 1859. Т. 2. Вып. 1. С. 56–57; *Он же.* Материалы для изучения зырянских святцев (Название условное. Здесь мною объединены несколько материалов с прорисовками и оттисками с календаря и древнепермских букв. — *А.Т.*) (Хранятся в рукописном отделе РНБ. F XVII–70, л. 15–19).

[5] *Савваитов П.И.* О предполагаемом в Усть-Выми праздновании 500-летия со времени Пермской епархии и присоединении Зырянского края к Москве // Рукописный отдел РНБ. F XVII–70, л. 12–14 об.

Наибольший вклад П.И. Савваитова в изучение коми этнографии связан с его архивным собранием, хранящимся в настоящее время Российской национальной библиотеке. Там содержатся различные материалы[1]. Из подписанных экземпляров многочисленно представлены рукописи ***С.Е. Мельникова*** (их оценка П.И. Савваитовым будет дана в следующей главе). Интересны работы семинаристов Вологодской семинарии, выходцев из Коми края, которые, судя по всему, по просьбе своего преподавателя, собирали различные материалы во время каникул на своей родине, в первую очередь по обрядовой жизни. Следует отметить еще одну анонимную рукопись этнографического характера, озаглавленную «Зыряне, степень их образования, господствующие нравы, обычаи и поверья»[2]. Она написана в Вологодской губ., так как на листах бумаги имеется тисненая надпись «Вологодский склад». Несмотря на то что рукопись имеет беллетристический характер, она содержит много интересных сведений, в том числе об отношении коми к духовенству, народному православию, а также описание семейных нравов и свадебных обычаев, колдовства и колдунов и т.д.

3.2.3. Первая попытка обобщения собранного материала

Как видно из написанного выше, постепенно в течение первой половины XIX в. в различных научных организациях и благодаря деятельности отдельных исследователей был накоплен значительный материал по этнографии народов коми. Он оседал в архивах, публиковался в различных периодических изданиях. Появилась необходимость обобщения данного материала. И одним из первых попытался справиться с этой проблемой ***Клавдий Александрович Попов***. В 1874 г. появляется его работа «Зыряне и зырянский край», которая, как пишет автор, является следствием сбора опубликованного в «Вологодских губернских ведомостях» материала об этом народе[3].

О его авторе известно немного. По данным, полученным из Памятных книжек Вологодской губернии, он в чине титулярного советника с 1856 г. состоял помощником производителя работ Вологодского губернского статистического комитета. С 1861 г. коллежский асессор К.А. Попов — исполняющий обязанности, а с 1862 г. по 1866 г. — судебный следователь в Вельском уезде Вологодской губернии. С 1861 г. по 1876 г. — член Вологодского губернского статистического комитета, занимался историко-экономическими разысканиями, сотрудничал в местной прессе[4].

Как пишет К. Попов в предисловии к своей книге, он провел *«детство близ самой границы, заселенной зырянами местности; после того не один раз проезжал по этой местности в разных направлениях; находясь… в сношениях с множеством лиц, подолгу жившими между зырянами, и даже с природными зырянами, и наконец, через наши руки прошла не одна сотня официальных и неофициальных бумаг, статистических таблиц и т.п., касающихся зырян и Зырянского края»*[5]. В 1860 г. он оказался инициатором небольшой дискуссии, связанной со статьей местного краеведа Н.И. Суворова «Воспоминание о бывших в XVII столетии двух хлебных неурожаях в Вологодском крае». Попов опубликовал статью-рецензию в губернских ведомостях. В полемику были вовлечены почти все местные краеведы. С 1863 г. состоял членом Вологодского губернского статистического комитета и занимался историко-экономическими разысканиями, сотрудничал с местной прессой. Проводил систематический разбор неофици-

---

[1] *Бычков И.А.* Каталог собрания рукописей П.И. Савваитова, ныне принадлежащей Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1900–1902. Вып. 1–2.

[2] Сборник сочинений воспитанников Вологодской семинарии. 1841 г. // Рукописный отдел РНБ. Q XVII–231.); Зыряне, степень их образования, господствующие нравы, обычаи и поверья // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 30–39 об.

[3] *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край // ТЭО ИОЛЕАЭ. М., 1874. Т. 13. Вып. 2.

[4] Список его публикаций см.: *Веселовские Ал. и Ал-др.* Волгожане-краеведы… С. 92.

[5] *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край… С. V.

альной части «Вологодских губернских ведомостях», для чего ему по распоряжению губернских властей доставляли все номера местных изданий и выдали 14 руб. серебром. В 1866 г. он уведомил Вологодский губернский статистический комитет, что приступил к обработке статей, касающихся происхождения, истории, языка и быта зырян. В 1867 г. представил первую часть своей работы, озаглавленную как «Сборник сведений о зырянах в Вологодской губернии». Позднее, в том же году, он представил вторую часть, за что получил 25 руб. серебром. К.А. Попов обязался представить и третью часть, но она не была опубликована в Вологде, как первоначально предполагалось[1]. Книга была издана в Москве под другим названием.

Известно, что 12 октября 1868 г. К.А. Попов на заседании этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, археологии и этнографии при Московском университете прочел «*несколько глав из своего обширного сочинения "Зыряне и зырянский край"*»[2]. Как записано в протоколе, докладчик выслушал замечания со стороны присутствующих и изъявил согласие внести некоторые поправки в свою работу. Отдел принял решение «*иметь в виду сочинение К.А. Попова для напечатания его в трудах отдела*»[3]. 27 марта 1869 г. К.А. Попов был принят в действительные члены этнографического отдела ОЛЕАЭ[4].

12 октября 1870 г. на заседании отдела К.А. Попов выступил с докладом «Заметки о свадебных песнях и обрядах в Вологодской губернии», который был напечатан в приложении к «Протоколам»[5]. По словам автора, в этом докладе он «*сообщил лишь немногие факты для оправдания своего убеждения, что свадебные обряды и песни Вологодской губ. заслуживают внимательного изучения*». Представляет интерес та часть исследования, которая касается зырян, в частности описание умыкания невест. Этот сюжет представлен в расширенном варианте по сравнению с книгой. Вообще, на основе собранного им материала К.А. Попов опубликовал еще несколько работ по этнографии коми-зырян, в частности по обычному праву, этнической истории Русского Севера, и предложил свой вариант решения проблемы Чуди[6].

На заседании 1 ноября 1873 г. этнографический отдел ОЛЕАЭ принял решение о публикации книги К.А. Попова и в следующем, 1874 г. она была издана[7].

Составленное как классическое этнографическое описание, оно содержало большой свод этнографических данных и долго оставалось единственным обобщающим научным произведением о народе коми. При знакомстве с книгой становится ясно, что К.А. Попов обладал удивительной осведомленностью о Коми крае, ибо в книге содержатся сведения о тех фактах, которые не публиковались до этого времени другими исследователями. Правда, автор скептически относился к своему труду. Он замечает, что не хотел писать монографию, которая рассмотрела бы предмет описания со всех сторон. К.А. Попов считал, что выполнение этой задачи невозможно. Поэтому исследователь сосредоточился на описании тех моментов, которые, по его мнению, в течение непродолжительного времени могут исчезнуть как явления этнографического характера и истории зырян, например предания и необнародованные памятники древней письменности.

К. Попов написал эту книгу под влиянием того факта, что «*зыряне все более и более*

[1] Отчет о деятельности Вологодского губернского статистического комитета за 1867 год // Вологодские ГВ. 1868. № 20.

[2] Протоколы заседания этнографического отдела ОЛЕАЭ // ТЭО ИОЛЕАЭ. М., 1874. Т. 13. Вып. 2. С. 40.

[3] Там же. С. 40, 41.

[4] Там же. С. 55.

[5] Там же. С. 63–68.

[6] *Попов К.А.* Несколько слов о движении народонаселения Вологодской губернии за 1850 г. // Вологодские ГВ. 1853. № 42, 45; *Он же.* Два способа заключения брачных союзов у зырян // Вологодские ГВ. 1854. № 4; *Он же.* Охотничье право собственности у зырян // Изв. ИОЛЕАЭ. Т. 28 (ТЭО ИОЛЕАЭ). М., 1877. Кн. 4. С. 96–102); *Он же.* Колонизация Заволочья и обрусение Заволочской Чуди // Беседа. 1872. № 2, 3.

[7] Протоколы заседания этнографического отдела ОЛЕАЭ // ТЭО ИОЛЕАЭ. М., 1874. Т. 13. Вып. 2. С. 77.

расширяющимися шагами идут по пути к окончательному обрусению. ...Уже не за горами то время, когда слово "Зырянин" лишится живого содержания и будет достоянием истории. И история наследует лишь пустой звук, если в современной литературе не останется следов этого пока живого, но без шума и огласки угасающего народа»[1]. Прошедшие 150 лет показали, что он глубоко ошибался: народная культура и язык коми существуют до сих пор, хотя и пережили определенную трансформацию. Следует отметить еще обстоятельство: он одним из первых русских исследователей подверг критике высказывания своих современников о коми-зырянах. Так, он выступил против взглядов на коми народ ***М.И. Михайлова***, который крайне отрицательно отзывался об их нравственных чертах. К.А. Попов, наоборот, характеризует коми как честных, гостеприимных, любящих своих детей людей[2]. Книга К.А. Попова до сих пор остается одним из главных источников для исследователей традиционной культуры народа коми середины XIX в.

В какой-то степени продолжил работу К.А. Попова на коми-пермяцком материале ***И.Н. Смирнов***, который издал в 1891 г. книгу «Пермяки. Историко-этнографический очерк»[3].

3.3. Коми тема в русской этнографической беллетристике

В течение XIX в. появляется ряд художественно-публицистических произведений, в которых в качестве героя выступает коми народ[4]. Авторы этих творений по-разному попали в суровый северный край, но оставили правдивые и доброжелательные воспоминания о своем пребывании в этих далеких местах. Подобные работы нельзя отнести к научным исследованиям, так как в них отсутствует научный аппарат: ссылки на литературу, указания на конкретных информантов, место события. Авторы выбирают вольный стиль изложения, текст часто содержит диалектизмы. В то же время эти сочинения заключают в себе этнографическую специфику, знание народной жизни, что позволяет отнести их к народоведческой литературе и использовать в качестве источника. К этой группе можно отнести различные дорожные записи, бывшие популярными в XIX в., которые публиковались в большом количестве в русской периодической печати.

Первым таким произведением стало эссе ***Н.И. Надеждина*** «Народная поэзия у зырян», которое сложно отнести к разряду научной литературы, но оно открыло для русского общества народ коми.

Николай Иванович Надеждин (1804–1856), русский литературный критик, журналист, историк, этнограф, оказался в Коми крае не по своей воле. Он родился в семье сельского священника. Учился в Рязанской духовной семинарии, в 1824 г. окончил Московскую духовную академию, т.е. прошел традиционный путь выходца из духовного сословия. Но Н.И. Надеждин оставил духовную стезю, начав преподавать в Рязанской семинарии. Его литературная деятельность началась в 1828 г., когда он начал печататься в «Вестнике Европы». В 1830 г. Н.И. Надеждин защитил диссертацию на тему «О происхождении, природе и судьбе поэзии, называемой романтической». С 1831 г. по 1836 г. — ординарный профессор кафедры теории изящных искусств и археологии Московского университета[5].

---

[1] *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край… С. 5.

[2] Там же. С. 16, 48–53.

[3] *Смирнов И.Н.* Пермяки // Изв ОАИЭ. Казань, 1891. Т. 9. Вып. 2.

[4] *Немшилова З.Я.* Коми народ в русской литературе XVIII–XIX вв. Сыктывкар, 1965; Зыряне в истории русской словесности. Сыктывкар, 2000.

[5] *Козьмин Н.К.* Надеждин Н.И. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1856 // Зап. историко-филол. фак-та С.-Петерб. ун-та. СПб., 1912. Ч. 3; *Каменский З.А.* Н.И. Надеждин: очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М., 1984; *Немшилова З.Я.* Коми народ в русской литературе XVIII–XIX вв. Сыктывкар, 1968. С. 21–46; *Немшилова З.Я.* Страница, выпавшая из биографии (Н.И. Надеждин

Одновременно выпускал журнал «Телескоп», проповедовавший идеи народного и реалистического искусства (штатным сотрудником которого был Виссарион Белинский). Это периодическое издание долгое время пользовалось популярностью у читающей публики и одновременно вызывало недоверие властей. Из-за публикации «Философических писем» П.Я. Чаадаева, имевших большой общественный резонанс по причине антиправительственной направленности, журнал был закрыт. Как писал А.И. Герцен, «“*Письмо” Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет, –- все равно надобно было проснуться. <…> “Письмо”Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию*».

Выводы были сделаны сразу. Редактор — выслан сначала в г. Усть-Сысольск, а затем — в Вологду[1]. Высочайшая резолюция Николая I от 30 ноября 1836 г. гласила: «*Чаадаева продолжать считать умалишенным и как за таковым иметь медико-полицейский надзор; Надеждина выслать на житье в Усть-Сысольск под присмотром полиции, а Болдырева* (цензора, пропустившего материал в печать. — *А.Т.*) *отстранить за нерадение от службы*». Николай I избрал место ссылки на основании фразы, упоминаемой Н.И. Надеждиным в одной из прежних публикаций: «*Бельфор городок прекрасный с отличным обществом из офицеров, знающих крепость, городок почти швейцарский, перед лицеем Юры, не больше как в трехстах верстах от Парижа, следовательно, не какой-нибудь наш Усть-Сысольск или Стерлитамак*»[2]. На самом деле Николай I предложил ему определить различия между этими городами. На основании послания военного губернатора г. Вологды Д.Н. Болговского на имя шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа можно сделать вывод, что Н.И. Надеждин задержался на некоторое время в Вологде «*по болезни*», но «*по двукратному освидетельствованию его врачебною управою*» был отправлен «*во вверенной мне губернии в город Усть-Сысольск, отстоящий от губернского в 900 верстах*». Далее вологодский губернатор отмечает, что «*сия болезнь послужила мне поводом лично более узнать Надеждина и в то же время убедиться в искренности раскаяния его в издании статьи*». Затем Д.Н. Болговский предлагает оставить надворного советника Надеждина под «*ближайшим его личным надзором, чтобы сохранить дарования сего писателя*». Одновременно он направляет А.Х. Бенкендорфу личное письмо Н.И. Надеждина, отмечая, что «*Надеждин во все время пребывания его в губернии ведет себя отлично скромно, ежечасно раскаивается в проступке своем, и что томительное сие чувство, может быть, есть главнейшая причина в расстройстве его жизненности*»[3].

Письмом от 8 апреля 1838 г. А.Х. Бенкендорф сообщил Д.Н. Болговскому «*о всемило-*

в ссылке, 1836–1838 гг.) // Коми народ в русской литературе XVIII–XIX вв. Сыктывкар, 1968. С. 21–46. Переиздание некоторых его сочинений см.: *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика / Вступ. ст. и комм. Ю. Манна. М., 1972.

[1] *Чаадаев П.Я.* Философические письма к г-же *** Письмо первое // Телескоп. 1836. № 15. О нем см.: *Гершензон М.О.* П.Я. Чаадаев, жизнь и мышление. СПб., 1908. Историю публикации «Философических писем» см.: *Тарасов Б.Н.* Чаадаев. М., 1990. С. 303–322. О пребывании Н.И. Надеждина в Вологде см.: *Гура В.В.* Вологодский край и его народная поэзия: (История собирания и изучения) // Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: сказки, песни, частушки / под ред. В.В. Гура. Архангельск, 1965. С. 5–20;. *Логинов В.* История закрытия журнала «Телескоп» Н.И. Надеждина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litera.ru/slova/loginov/teleskop.html; *В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон.* «Славная смерть “Телескопа”» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vivovoco.rsl.ru/VV/BOOKS/VATSURO/VATS_05.HTM.

[2] *Надеждин Н.И.* Выдержки из дорожных воспоминаний. Впечатления Парижа // Телескоп. 1836. Ч. 32. С. 81–119.

[3] Отношение военного губернатора г. Вологды и вологодского гражданского губернатора генерал-лейтенанта Д.Н. Болговского шефу жандармов графу А.Х. Бенкендорфу о пребывании в вологодской ссылке издателя Н.И. Надеждина. 6 сентября 1837 г. // ГАВО. Ф. 18, оп. 2, д. 16, л. 25–26.

стивейшем прощении издателя журнала "Телескоп" Н.И. Надеждина, но иметь под строгим надзором». Его быстрое прощение связано с тем, что он, по большому счету, был монархистом, сторонником существующих порядков. Его кратковременное пребывание полностью изменило московского профессора. Он решился всего себя посвятить служебной деятельности, и мечты о служебной карьере занимали его уже гораздо более[1].

После ссылки в связи с запретом жить в столицах Н.Н. Надеждин в 1838–1842 гг. жил в Одессе, где возглавлял местное Общество истории и древностей. В 1843 г. приехал в Петербург и занимался рассмотрением проблемам истории, этнографии, славяноведения. В 1845 г. стал одним из членов-учредителей Императорского Русского географического общества, в котором занимал пост председателя отделения этнографии и редактора «Географических известий». Одновременно в 1843–1856 гг. был редактором «Журнала Министерства внутренних дел»[2].

В период ссылки, во время пребывания в Усть-Сысольске с 28 июля 1837 г. по 11 января 1838 г., Н.И Надеждин подготовил и опубликовал несколько работ историко-географического и исторического характера в «Энциклопедическом лексиконе Плюшара» и других периодических изданиях. Некоторые из работ касались Коми края вообще и коми-зырян в частности[3]. В то же время он писал и о других финно-угорских народах. Статьи, написанные в этот период, показывают, что Н.И. Надеждин был достаточно информирован об этнической истории и этнографическом составе населения Европейского Севера и Урала. Так, исследователь связывал древнюю *Чудь* и *Югру* с финно-угорскими народами. Он придерживался классификации, близкой к современной классификации этих народов. Например, в статье «Вогулы» он объединяет манси с остяками (хантами) и вслед за ***А.И. Шегреном*** говорит о том, что вогулы в прошлом жили западнее, чем в начале XIX в. Но иногда он смешивает остяков с самоедами (ненцами). Это заметил еще ***Н.К. Чупин***, который говорил, что Н.И. Надеждин в данной статье для объяснения исторического топонима *ЮГРА* воспользовался рассказами усть-сысольских зырян и спутал коми этнонимы «*егра*» и «*йогра*», употребляемые для обозначения остяков (хантов), которых он принял за самоедов (ненцев)[4].

Наибольший интерес представляет его статья «Народная поэзия у зырян», написанная им после возвращения из ссылки[5]. Этот очерк, синкретичный по своему жанру и богатый по содержанию, образно передающий историю и культуру коми-зырян, открыл широкой публике этот народ. Дело в том, что сведения о коми народе, ранее добытые академической наукой, были малодоступны читателям, так как издавались на немецком языке, как работы ***А.И. Шегрена***, или печатались в специальных журналах. Н.И. Надеждин впервые в русской литературе обратил внимание на коми народную поэзию, оценив по достоинству ее красоту, опубликовав два образца коми свадебных причитаний: причет невесты и причет брата. Он с восторгом писал: «*Какая простота! Какая живопись! Какая музыка!*

---

[1] Материалы о пребывании Н.И. Надеждина в ссылке см.: *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. Изд. 2-е, СПб., 1909. С. 359–461; *Гура В.В.* Русские писатели в Вологодской области. Вологда, 1951. С. 60–67; *Немшилова З.Я.* Надеждин ссылкаын [Надеждин в ссылке. На коми языке] // Войвыв кодзув. 1974. № 11. С. 59–62; *Кошелев В.* Вологодская история «Никодима Надумко» // Вологодские давности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/dav/nos/ty/index.htm.

[2] Н.И. Надеждин (Некролог) // Вестн. ИРГО. 1855. Ч. 15; Отчет ИРГО за 1855 год. СПб., 1856; *Срезневский И.И.* Воспоминания о Н.И. Надеждине // Вестн. ИРГО. 1856. Ч. 16; *Геннадии Г.Н.* Список сочинений и изданий Н.И. Надеждина…

[3] *Надеждин Н.И.* Вологодская губерния; *Он же.* Гидрографический очерк Вологодской губернии; *Он же.* Вымь; Вычегда, Войпель // Энциклопедический лексикон Плюшара. М., 1836; *Он же*. Какие реки образуют Северную Двину // С.-Петерб. ведомости. 1844. № 233.

[4] *Чупин Н.К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. I. Пермь. 1873. С. 350.

[5] *Надеждин Н.И.* Народная поэзия у зырян // Утренняя звезда. 1839. Переиздание: В дебрях Севера… С. 57–73.

Тряхнув ученостью, я мог бы доказать, что в зырянской поэзии соединяются и восточная антифония, и классический ритм, и романтическая рифма»[1]. Но это статья содержит сведения не только о фольклоре. Это небольшое исследование о зырянах, написанное мастером, прекрасно владеющим пером. В нем воспеты лучшие качества коми народа: трудолюбие, добродушие, скромность, неистребимую тягу к знаниям. И хотя здесь не приводятся конкретные этнографические данные, статья овеяна духом устьсысольской старины. В 1839 г. надеждинский очерк как замечательное явление русской литературы был отмечен В.Г. Белинским[2].

С Усть-Сысольском была связана часть жизни известной русской писательницы ***Александры Осиповны Ишимовой*** (1805–1881). Ее отец О.Ф. Ишимов, известный адвокат, выступивший в 1819 г. в защиту крестьян, начавших тяжбу со своим помещиком, был выслан в этот уездный город вместе с семьей. К этому времени он успел послужить в Тобольске, где сначала был учителем, а затем директором народного училища. После был переведен в столицу, где работал в судебном ведомстве. Будучи в ссылке на Севере, О.Ф. Ишимов продолжил заниматься просветительской деятельностью и написал проект документа об «*улучшении состояния казенных крестьян Вологодской губернии*»[3].

Здесь А.О. Ишимова занималась самообразованием, переводила с немецкого и французского языков, давала частные уроки. Одним из ее учеников был ***В.Н. Латкин***, будущий золотопромышленник и путешественник, общественный деятель и сочинитель. После возвращения в Петербург А.О. Ишимова много писала и публиковалась, выпустив ряд книг для детей. В начале литературной деятельности ее поддержал А.С. Пушкин. Впечатления от периода, проведенного в Усть-Сысольске, позднее легли в основу повести «Зырянка», написанную на основе своих воспоминаний. И хотя повесть осталась незавершенной, ее можно считать одним из первых историко-этнографических описаний столицы Коми края, ибо она датируется 1821–1825 гг. Здесь в художественной форме дается яркая характеристика уездного общества[4].

В 1859 г. появляется двухтомник С.В. Максимова «Год на Севере», который можно охарактеризовать как прекрасный образец этнографической беллетристики. Автор к тому времени уже был известным писателем. ***Сергей Васильевич Максимов*** (1831–1901), путешественник, этнограф, очеркист родился в семье мелкопоместного дворянина[5]. В 1850 г. он после окончания Костромской гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета, а в 1852 г. перешел в Медико-хирургическую академию в Петербурге. За годы учебы познакомился со многими деятелями русской литературы. Начал печататься в 1854 г., опубликовав первый художественно-этнографический очерк «Крестьянские посиделки в Костромской губернии». В 1855 г. С.В. Максимов предпринимает свое первое большое путешествие по Владимирской, Нижегородской, Вятской и Костромской губерниям, результатом которого становится серия очерков, опубликованных в журнале «Библиотека для чтения». Позднее они составили отдельную книгу «Лесная глушь. Картины народного быта из воспоминаний и путевых заметок», изданную в 1871 г.

---

[1] *Надеждин Н.И.* Народная поэзия у зырян… С. 280.

[2] *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 4. С. 88.

[3] *Рощевская Л.П.* Ссыльные и коми краеведение // Родники пармы. Сыктывкар, 1993. Вып. 3. С. 162.

[4] *Ишимова А.О.* Зырянка // В дебрях Севера. Сыктывкар, 1999. С. 29–45. К этому очерку примыкает еще одна ее публикация: Уездный город 100 лет назад (Отрывок из воспоминаний А.И. Ишимовой) // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1923. № 2. С. 47–49.

[5] *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы. СПб., 1903; *Богданов В.В.* Сергей Васильевич Максимов (К десятилетию со дня смерти) // ЭО. 1911; Русские писатели. 1800–1917: биографич. слов. М., 1994. Т. 3. С. 485; *Мартынов А.* Бытописатель земли русской. М., 1987; *Щербаков М.И.* С.В. Максимов (Очерк творчества). М., 1966. Библиографию публикаций С.В. Максимова см.: *Максимов С.В.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. 20.

Именно тогда формируется стиль его произведений, в основе которых лежат «*личные наблюдения, голые факты, целостно взятые из жизни*»[1].

Очерки С.В. Максимова отличались правдивым изображением крестьянского быта, что принесло ему славу острого наблюдателя. Современники увидели в его произведениях «*желание понять народный быт как он есть, с создавшими его условиями, понять равноправно и человечно*»[2]. Талант писателя и практического наблюдателя позволил ему принять участие в так называемых литературных путешествиях, организованных Военно-морским министерством по предложению великого князя Константина Николаевича с целью знакомства русского общества с окраинами России. Писателю было предложено за казенный счет отправиться для обследования побережья Белого моря. С.В. Максимов с блеском выполнил задание, объехав все побережье, одновременно побывал на Печоре. Его впечатления вылились в ряд статей, опубликованных в журналах и изданных отдельной книгой в 1859 г.[3] Книга была удостоена малой золотой медали Русского географического общества. Среди достоинств данного произведения отмечались достоверность и точность в передаче фактов, поэтичность. Далекий северный край благодаря С.В. Максимову обрел свое неповторимое «лицо», проявившееся в характерах людей, картинах суровой природы, описаниях быта и нрава людей. В 1864 г., после выхода второго издания этой книги, в рецензии, опубликованной в «Сыне Отечества», утверждалось, что «*путевые воспоминания Максимова, с одной стороны, рассказы, а с другой — вы имеете полное право называть их и ученым рассуждением, и историческим исследованием, и статистическими сведениями, и географическим описаниями, с той только разницей, что над ученым иным исследованием вы уснете на первой же странице, а воспоминания Максимова прочтете с удовольствием*»[4]. Самое ценное в работах С.В. Максимова — это галерея великолепных психологических портретов людей, проживающих в разных уголках Руси, прекрасный источник по этнопсихологии. В их изображении он достиг совершенства, проникая в суть отношений между людьми. Так С.В. Максимов описывает коми-ижемцев: «*Святая приверженность к старине, с другой стороны, породила (как и естественно) между зырянами ту простодушную простоту, которая, по народному присловью, хуже воровства и по общим законам природы служит на горе и подчас на несчастие самого простодушного простака. Так, зыряне, любя принять и угостить гостя, сами, в свою очередь, сильно любят угощения, полагая в том свое благополучие, и видят уважение к своей личности во всяком поклоне стороннего человека, хотя бы человек этот делал то преднамеренно, с заискивающею целью. Тут зырянин забыва*ет *все стороннее, все свои выгоды и сделки и чтит гостеприимство как гостеприимство, и забывает (если только не прощает) долг в 6000 р. асс., как и сделал один из ижемцев, за то только, что при первом пробуждении его в доме его должника были ему готовы лошади, чтобы ехать на завтрак, потом на обед и на вечернее угощение, всегда обильное, сытное и жирное, и готов даже в простоте сердца прихвастнуть (вернувшись домой без денег, но с подарками) тем почетом, который получил он от толковых и истинно уже хитрых должников своих. Зато скуп он до край-*

[1] *Максимов С.В.* В дороге // Отечественные записки. 1860. № 8. С. 229.

[2] *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 70–71.

[3] *Максимов С.В*. Поездка на Печору // Морской сборник. 1858. Т. 33. Вып. 1. С. 35–87; Вып. 2. С. 235–266; Вып. 3. С. 1–28; Вып. 4. С. 159–202; *Он же*. Год на Севере. Поездка по Северным рекам. СПб., 1859. Кн. 1–2. Эта книга много раз переиздавалась. Например: То же. Архангельск, 1984; Литературные путешествия. М., 1986. Разделы, посвященные Коми краю, были опубликованы в сборнике: В дебрях Севера. Сыктывкар, 1983. С. 75–103; 2-е изд. Сыктывкар, 1999. С. 75–98; *Немшилова З.Я.* С.В. Максимов и его «Год на Севере» // *Немшилова З.Я.* Коми народ в русской литературе… С. 47–57.

[4] Цит. по: *Немшилова З.Я.* С.В. Максимов // В дебрях Севера… С. 76.

ности и кремнем смотрит на все то, что зарыто и заперто в его больших, кованых сундуках. Таковы, по крайней мере, ижемские зыряне старого закалу! Они умеют бражничать, умеют и копейку зашибать»[1].

Его меткие наблюдения не потеряли своего значения до настоящего времени. Например, он упоминает об обычае избегания оглашенных жениха и невесты перед свадьбой, который не отмечен у остальных групп коми (они, наоборот, часто вместе участвовали в предсвадебных играх молодежи).

Примерно в это же время появились «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», подписанные Павлом Мельниковым[2]. Это был литературный дебют известного прозаика, историка, исследователя старообрядчества и одновременно крупного чиновника ***Павла Ивановича Мельникова-Печерского*** (1818–1883)[3]. Он родился в Нижнем Новгороде в дворянской семье, получил домашнее образование. Детство прошло в г. Семенове, окруженном староверческими скитами, где он «с ранних лет напитался впечатлениями той природы и того быта, которые впоследствии изобразил нам с таким мастерством». В 1829–1834 гг. учился в Нижегородской гимназии, а с 1834 г. — на словесном факультете Казанского университета, где увлекся Востоком. В 1837 г. после окончания университета как «*казеннокоштный студент он обязан был отслужить определенное число лет по учебному ведомству*», но как окончивший курс с отличием получил право на стажировку за границей, что позднее позволило ему занять должность преподавателя в университете. Но случилось непоправимое: по неизвестной причине он на дружеском гулянии произнес «неприличные слова». Как пишет К. Бестужев-Рюмин, «*студенческие попойки — общий грех тогдашней восточно-русской молодежи*» — изменили судьбу Мельникова. Он был вызван к попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину и отправлен в сопровождении солдата на жительство в г. Шадринск Пермской губ. уездным учителем. В Перми он неожиданно получил прощение и был назначен исполняющим обязанности старшего учителя истории и статистики в местной гимназии. Урок, преподанный П.И. Мельникову начальством, подействовал. Он остепенился и стал примерным педагогом. Одновременно его заинтересовала местная история. В продолжение службы в Перми он объездил округу города, начал собирать материалы на историческую тематику. Здесь он прослужил до осени 1839 г., когда был переведен в Нижний Новгород. Именно во время этого «принудительного» путешествия им были сделаны записи по истории и экономике различных местностей России, от Саровской пустыни до Перми.

Здесь можно встретить несколько замечаний о культуре коми-пермяков. П.И. Мельников в своем очерке отмечает: он слышал, что «*пермяки забыли язык свой и говорят по-русски*»[4]. Поэтому автор был удивлен, услышав от ямщика песню на пермяцком языке. В своем очерке он использовал несколько песен на пермяцком языке — *силан*. Кроме песен, он приводит и текст сказки об Бобей (Бабочка), а также текст сказания о Пере-богатыре, эпическом герое коми-пермяков. Его рассуждения о пермяках содержат данные о Биармии, скандинавах, об их походах на Русь. П.И. Мельников предполагал, что формант – *гордъ* местных топонимов — остаток древних нормандских названий, а само название

---

[1] В дебрях Севера… С. 88–89.

[2] *Мельников П.* Дорожные записки на пути их Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные зап. 1839. № 11, 12; 1840. № 3, 4, 8–10, 12, 13; 1841. № 3, 4, 9, 10; 1842. № 2, 3; То же // Мельников П.И. Полное собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 12. С. 139–396.

[3] *Усов П.С.* Этнограф-беллетрист [П.И. Мельников-Печерский] // Исторический вестн. 1884. № 9. С. 473–511; № 10. С. 25–72; № 11. С. 301–361; № 12. С. 538–539; *Он же.* Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский). Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1898. Там же см.: Библиография П.И. Мельникова. С. 7–10; *А.С.* Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский) // Пермские ГВ. 1903. № 26; *Соколова В.Ф.* П.И. Мельников (Андрей Печерский): очерк жизни и творчества. Горький, 1981.

[4] *Мельников П.* Дорожные записки на пути… 1840. № 13. Смесь. С. 35.

Пермь, Пермия, Пемъ есть искаженное от *Бяомія, Беормія*. Кроме того, он возводит этимологию этого термина к *bairg, beorg* — гора, а самих пермяков — к жителям гор. Очерк показывает, что П.И. Мельников достаточно хорошо знал историю местного края. Одновременно он изображает пермяков и приводит небольшой словарь пермяцких слов. Интересен его вывод о том, что большая часть рек камского бассейны имеет «значение на языке пермяческом», поэтому исследователь составляет большой список гидронимов с объяснениями из языка коми-пермяков.

Путевые записки П.И. Мельникова представляют интерес еще по одной причине. В них мы встречаем единственное сохранившееся описание домашнего музея ***Ф.А. Волегова*** и характеристику его научной деятельности.

В дальнейшем П.И. Мельников преподавал в различных местах, был чиновником по особым поручениям при нижегородском губернаторе, чиновником Министерства внутренних дел, где занимался исследованием старообрядцев, сочинил книги «В лесах» и «На горах», принесшие ему славу. Как этнограф написал несколько работ о традиционной культуре мордвы.

Примерно на десять лет раньше, в 1821 г., публика ознакомилась с «Путешествиями в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей» ***Василия Николаевича Берха*** (1781–1835), морского офицера, известного русского литератора и историка[1]. Родился в Москве. Он окончил Морской кадетский корпус в Петербурге и принял участие в первом русском кругосветном плавании 1803–1806 гг. под начальством Ю.Ф. Лисянского. С 1806 г. на службе в Адмиралтейском департаменте. В 1809 г. оставил флот по болезни, а в 1810 г. поступил на службу советником Пермской казенной палаты. В 1821 г. В.Н. Берх вновь переехал в Петербург, где сначала служил в Адмиралтейском департаменте, а с 1827 г. заведовал Гидрографическим депо Морского министерства. В это время он издал серию книг по истории российского морского флота. Был членом так называемого Румянцевского кружка, который собирался у графа Н.П. Румянцева, известного русского государственного и общественного деятеля, мецената, собирателя, владельца Румянцевской библиотеки и музеума[2].

Находясь в Перми, он одним из первых стал изучать прошлое Прикамья, где провел десять лет своей жизни. Например, Л.Д. Макаров считает, что именно с именем В.Н. Берха связано начало накопления массива сведений, как финно-угорских, так и славяно-русских, о древностях Верхнего Прикамья[3]. В.Н. Берх активно занимался историко-археографическими и историческими разысканиями, собрав превосходный материал по истории Северного Приуралья, чем снискал славу дотошного исследователя. Он провел в районе Чердыни первые археологические раскопки на Урале и обнаружил весьма посредственный материал, который никак не соотносились с отдельными богатыми находками восточного серебра в этом регионе[4]. Своими исследованиями В.Н. Берх подверг

---

[1] *Берх В.Н.* Письмо к одному знаменитому любителю русской истории о следах древностей в Пермской губернии // Сын Отечества. 1819; *Он же.* Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. СПб., 1821; *Он же.* Путешествиями в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

[2] Письма графа Н.П. Румянцева к В.Н. Берху. 1817–1822 // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1877. Вып. 6. О деятельности Н.П. Румянцева на поприще собирания рукописей и исторических документов см.: *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1985; *Барышева Е.А.* Румянцевский кружок и становление этнографической науки // ЭО. 1990. № 4. С. 90–104.

[3] *Макаров Л.Д.* Из истории археологического исследования русских городских поселений бассейна р. Камы // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998. С. 137.

[4] *Бруцкая Л.А.* История Пермского Приуралья в трудах В.Н. Берха // Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 15–18; *Она же.* Археографическая работа В.Н. Берха в Пермской губернии // III Уральские археографические чтения «Археография и изучение духовной культуры». Свердловск, 1987. С. 54–55.

сомнению теорию о нахождении на Урале богатой *Биармии*, которую располагали здесь некоторые ученые. «*Ежели бы жители местностей сих были действительно на такой ступени просвещения, на которой нам хотят представить, то памятники величия их, например, признаки больших городов и значительных развалин, достигли бы и до наших дней*», — писал он. Согласно В.Г. Белинскому, плоды историко-литературного творчества В.Н. Берха трудно определимы по виду и жанру, каждое сочинение содержит и хронологический пересказ событий (без попытки их истолкования), и публикацию новых исторических документов, и пояснение отдельных подробностей; такие книги хороши для справки и могут облегчить труд настоящего историка. По-видимому, он первым в XIX в. опубликовал один из вариантов коми-пермяцкого сказания о Пере-богатыре[1]. Поэтому его книга о путешествии в Чердынь является ценным источником для современных исследователей. Перу В.Н. Берха принадлежит и отдельная статья, рассматривающая монастыри на территории Коми края.

Арсеньев Флегонт Арсеньевич (1832–1889) был одним из тех плодовитых писателей Русского Севера, которые оставили после себя целый ряд интересных, но уже подзабытых литературных произведений[2]. Большинство российских читателей XIX в. знало Ф.А. Арсеньева как своеобразного автора многочисленных охотничьих рассказов. Он познакомил широкую читательскую аудиторию с почти неизвестным тогда Коми краем, с его своеобразным народом — зырянами, их образом жизни, промыслами, историей, природой. Но нам он интересен не только как беллетрист, в творчестве которого звучала «зырянская» тема, но и как один из серьезных местных краеведов, один из лучших знатоков промыслов коми-зырян.

Он родился в Мологском у. Ярославской губ. в семье исправника (по другим данным — в крестьянской). С 1844 г. учился в частном пансионе, но потом несколько лет пробыл дома. Пребывание в частном пансионе противоречит крестьянскому происхождению Ф.А. Арсеньева, ибо оно требовало другого сословного статуса и наличия у родителей средств для такого образования. Л.П. Рощевская и А.А. Бровина ссылаются на архивные материалы о его мещанском происхождении, в частности на «Формулярный список»[3]. В 1849–1851 гг. продолжил образование в Рыбинске, в Романовском (или Романо-Борисоглебском) училище, затем в Демидовом лицее в Ярославле (1851–1854), но не окончил его, «выдержал испытание на звание домашнего наставника по русскому языку». В это время Арсеньев становится страстным охотником. Позднее он писал: «*Весь род наш — страстные охотники и любители рыбной ловли, эти качества перешли и ко мне, должно быть, по наследству*». Этой страсти он посвятил целую серию изумительных охотничьих рассказов[4]. Литературная деятельность началась в 1875 г. с публикации очерков «Шексна и ее окрестности» в «Ярославских губернских ведомостях».

Не окончив лицей, Ф.А. Арсеньев отправился в Усть-Сысольск, где в 1875 г. по назначению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа получил место учителя русского языка в местном уездном училище. Как пишет З.Я. Немшилова, в то время в училище царила атмосфера общего интереса учителей к местному краеведению. Ф.А. Арсеньев, имевший к этому моменту литературный

---

[1] *Берх В.Н.* Путешествия в города Чердынь… С. 118–119.

[2] *Егоров О.А.* Арсеньев Ф.А. // Русские писатели: биографич. слов. М., 1989. Т. 1. С. 109; *Немшилова З.Я.* Арсеньев Ф.А. // Республика Коми: энцикл. Сыктывкар, 1997. Т. 1. С. 231.

[3] *Рощевская Л.П., Бровина А.А.* Библиотечное дело на Европейском Севере в конце XVIII — начале XX века. Сыктывкар, 2002. С. 155.

[4] Позднее они составили две отдельные книги: *Арсеньев Ф.А.* Охотничьи рассказы. СПб., 1864; 2-е изд., доп. М., 1885; *Он же.* Картины дальнего Севера. Из охотничьих воспоминаний. Вологда, 1881. Эта сторона его творчества была положительно оценена С.Т. Аксаковым, главным писателем охотничьей темы в русской литературе. Библиографию работ Ф.А. Арсеньева см.: *Веселовские Ал. и Ал-др.* Вологжане-краеведы... С. 3–6, там же см. сводку отзывов на его публикации на охотничью тематику; *Егоров О.А*. Арсеньев Ф.А. ... С. 109.

опыт, активно включился в «зырянскую» тему, опубликовав ряд статей. Здесь он пробыл до 1862 г., потом переехал в Вологду. Там он в 1862–1867 гг. учительствовал в Вологодском уездном училище, а с 1876 г. — секретарь Вологодского губернского статистического комитета и редактор многих местных изданий, в том числе неофициальной части губернских ведомостей, «Памятных книг по Вологодской губернии» и «Вологодского сборника». Все эти годы он был верен себе и продолжал разрабатывать коми тему на страницах местной и центральной печати. В 1882 г. Ф.А. Арсеньев был назначен чиновником по крестьянским делам в Усть-Сысольский уезд и вновь переехал туда, с 1885 г. — почетный мировой судья. Умер и похоронен в Усть-Сысольске[1].

Ф.А. Арсеньев написал много работ, из них только Коми краю он посвятил более 30 исследований, в которых касался различных сторон жизни народа[2]. Широта его интересов простиралась от статистического описания Вологодской губернии до истории Ульяновского монастыря[3]. Например, «Хозяйственно-статистический очерк Вологодской губернии» он представил для публикации в ИРГО, членом-корреспондентом которого являлся[4]. В ходе рассмотрения этого материала рецензент А.Ф. фон Бушен отметил «*значимость представленной работы г. Арсеньева*», составленной по программе Департамента земледелия и сельской промышленности. Прежде чем издать ее в качестве отдельной книжки, Ф.А. Арсеньев справился, какое решение приняли в Императорском Вольном экономическом обществе и Департаменте сельского хозяйства, куда одновременно были доставлены копии этой работы.

Существует мнение, что Ф.А. Арсеньев часто пользовался своим служебным положением и не всегда честно распоряжался поступавшими к нему как к секретарю статистического комитета материалами, публикуя их за своей подписью, а иногда действуя как плагиатор[5]. Но мы присоединяемся к мнению В.П. Шляпина: «*С именем Ф. Арсеньева связано много рассказов интересных, книг ценных и работ полезных. Не было бы его, не было бы многого из того, что им подписано. И за это можно сказать ему спасибо*». Его произведения содержат немало ценного этнографического материала по описанию быта коми крестьян и охотничьих промыслов, которым пользуются исследователи до настоящего времени.

Для исследователя этнографии коми-зырян наибольший интерес представляет книга Ф.А. Арсеньева «Зыряне и их охотничьи промыслы»[6]. По мнению В.А. Семенова, в ней впервые детально описаны охотничьи и рыболовные промыслы коми-зырян[7]. Но здесь представлены и собственные взгляды Ф.А. Арсеньева на историю коми. Он исходил из постулата, что «*зыряне не имели историка, который передал бы нам их древнее состояние, значение между народами соседственными и самые условия общежития*». Этот пробел он, видимо, и решил восполнить.

Ф.А. Арсеньев говорит о родстве финнов и зырян. Чтобы сделать этот вывод, он сопо-

---

[1] *Веселовские Ал. и Ал-др*. Вологжане-краеведы… С. 3; *Егоров О.А.* Арсеньев Ф.А.... С. 109; *Шляпкин В.П.* Из моих жизненных встреч. Флегонт Арсеньевич Арсеньев // Быть на Устюзе…: истор.-краевед. сб. Вологда, 1993. С. 31–39.

[2] *Богословский Н.А.* Зыряне и зырянский край в русской литературе // Коми му. 1927. № 6–7. С. 60–63; Библиографический указатель литературы о Коми АССР. Сыктывкар, 1963. С. 196.

[3] См., например: *Арсеньев Ф.А.* Рыбные ловли у зырян. Н. Новгород, 1875; *Он же.* Хозяйственно-статистический очерк Вологодской губернии, составленный по сведениям за 1869 год // Памятная книжка Вологодской губернии на 1873 год. Вологда, 1873. С. 1–66; *Он же.* Статистические сведения о печорском населении в пределах Усть-Сысольского уезда // Вологодские ГВ. 1888. № 19; *Он же.* Ульяновский монастырь у зырян. Троице-Стефановская новообщежительская обитель. Описание составлено по поручению иноков Ульяновской обители. М., 1889.

[4] *Арсеньев Ф.А.* Хозяйственно-статистический очерк Вологодской губернии, составленный по сведениям за 1869 год…

[5] *Шляпкин В.П.* Из моих жизненных встреч… С. 37–39.

[6] *Арсеньев Ф.А.* Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873.

[7] *Семенов В.А.* Этнография коми (зырян)… С. 8.

ставляет свои наблюдения с описанием финнов Тацита: «*Финны обитают в соседстве с Венедами, в полунощной Европе; не имеют ни домов, ни коней, ни оружия; рыба, коренья и травы служат им пищею, а звериныя кожи — одеждою; они угрюмы и беспечны; не столько боятся гнева богов, сколько рабства и неволи; счастливая независимость есть редкое и единственное их благо в мире. Этот нравоописательный очерк Финнов, за столько веков сделанный Тацитом, в некоторых местах так живо характеризует коренного Зырянина, что этот последний кажется не побочным потомком, а более родным братом Тацитовским Финнам — так мало подвинули Зырянина вперед целые столетия!*»

Рассуждая об общности финских племен, через много лет Ф.А. Арсеньев утверждал: «*Таким образом, нет несомненных филологических данных, которые позволяли бы делать неоспоримые предположения касательно происхождения зырян и определить их сродство с Финнами. Однако же нельзя отрицать, что зырянский язык имеет близкое сходство с говором наших северных инородцев, каковы Вогулы, Остяки и другие. Такая догадка подтверждается одинаковостью привычек, нравов и обычаев зырян с указанными инородцами*». Ф.А. Арсеньев отождествляет все финно-угорские племена, живущие на Европейском Севере: «*После всего сказанного можно сделать следующие выводы касательно зырян: по своему происхождению зыряне составляют ветвь того народа Финского племени, который в древности занимал все северное побережье теперешней России и часть Сибири, обширнейшего пространства полуночных земель, известных древним бытописателям под именем Биармии*»[1]. Из вышеприведенных цитат видно, что, понимая в общем место коми-зырян в классификации финно-угорских народов, он шел интуитивно, зачастую пользуясь мифологическими сведениями, приводимыми Тацитом и скандинавскими сагами, но, по-видимому, не был знаком с научными сочинениями своих современников, в которых рассматривались эти проблемы. Поэтому его рассуждения имеют исключительно исторический интерес для характеристики распространения идеи финно-угорского родства в России. Но фактические данные, приведенные им, не устарели и в наши дни. Несколько ранее многие детали этого экскурса в историю проблемы происхождения зырян были опубликованы в специальной статье[2].

Описания Ф.А Арсеньева технологии звериного промысла у коми достаточно подробны. Исследователь отмечал, что «*зырянин — плохой земледелец, но зато он неутомимый и изобретательный охотник. Это настоящий сын лесов, в жизни которого звериные промыслы составляют главное средство к пропитанию и источник к оплате податей, особенно в тех местностях, где природа вознаграждает труды земледельца*». Рассуждая о месте и роли охоты в хозяйстве коми, он верно замечает, что «*теперь, с постепенным разрежением лесов, уже не дающих надежного приюта ни бобру, ни кунице, ни росомахе, край промышленный потерял свое прежнее значение, от чего резко понизилось народное благосостояние, а с ним постепенно утрачивается и родовой тип честного Зырянина, отличавшегося в прежние времена необыкновенною простотою нравов в своем домашнем быту*»[3]. Здесь хотелось бы отметить, что Ф.А. Арсеньев недооценивал роль земледелия у коми-зырян. Уже в XIX в. их хозяйство было комплексным, в котором земледелие и животноводство играли роль стабилизирующего фактора, были основой благосостояния коми-зырян.

В книге, посвященной истории Ульяновского монастыря, Ф.А. Арсеньев неоднократно касается древнего мировоззрения коми-зырян. Во-первых, он приводит описание их

[1] *Арсеньев Ф.А.* История Зырянского народа // Ульяновский монастырь у Зырян. Сыктывкар, 1994. С. 18, 21 и т.д.

[2] *[Арсеньев Ф.А]* Зыряне: (Исторический очерк) // ПКВГ на 1867 и 1868 гг. Вологда, 1868. Паг. 3. С. 101–118.

[3] *Арсеньев Ф.А.* Зыряне и их охотничьи промыслы… С. 13, 15.

верований: «*В суеверных преданиях зырян открываются следы грубого язычества: поклоняясь идолам, они почитали и духов, имевших, по их мнению, неотразимую власть над природой и человеком. Так они верили в существование леших, домовых, лесных и водяных, представляя их безобразными страшилищами, созданными на устрашение человечества; некоторым озерам и рекам приписывали очистительную святость, омывая себя в известное время их водами*»[1]. Автор также описывает идолов, которым поклонялись древние зыряне: «*Русские источники сохранили нам имена двух зырянских идолов, которых современные зыряне не знают и не помнят». Это "Войпель" — существо доброе и "Ёма" — существо злое. Наряду с поклонением этим идолам зыряне поклонялись "Богу Вышняго", которого называли Ен*». Далее характеризуется деятельность ***Стефана Пермского*** и раскрывается история монастыря.

Следует отметить еще один очерк Арсеньева — «О промышленных делах и торговых сношениях в Зырянском крае», опубликованный во время жизни в Вологде[2]. В нем он пытается определить причины упадка благосостояния коми-зырян, которое зависело, по его мнению, от рыбной ловли и охоты, а также от состояния местной торговли.

Особое место в описаниях коми народа в русской литературе принадлежит П.В. Засодимскому (1843–1912), известному в прошлом прозаику и публицисту. ***Павел Владимирович Засодимский (Вологдин)*** родился в Великом Устюге в небогатой дворянской семье, детство провел в г. Никольске, Вологодской губернии. Затем учился в Вологодской гимназии, после окончания которой в 1963 г. поступил вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета[3]. Но «по недостатку средств» он вынужден был бросить университет и начать работу учителем, ибо законченное гимназическое образование давало ему право на звание домашнего учителя. Его педагогическая деятельность началась в провинции, в Саранском уезде Пензенской губ. Как пишут некоторые исследователи, выбор этого места был связан с тем, что именно в этой губернии возникла одна из первых ячеек «хождения в народ», в которую входили такие известные народники, как П. Войнаральский, М. Рогачев, С. Стпепняк-Кравчинский. Кстати, П. Войнаральский позже отбывал ссылку в Усть-Сысольске. П.В. Засодимский долгое время находился под надзором полиции, его книги были запрещены для чтения с 1884 г. После политического выступления в 1891 г. на похоронах революционера и общественного деятеля Н. Шелгунова был выслан из Петербурга в г. Любань Новгородской губ., где находился до осени 1892 г. Там же начинается его литературная деятельность. В 1876 г. он перебирается в Петербург. П.В. Засодимский вошел в историю русской литературы как один из писателей-народников, автор ряда широко известных в прошлом произведений, таких как «Хроника села Смурина», «Степные тайны», «По городам и весям» и др. В них он показывает беспросветную жизнь городских низов, разрабатывает тему «падшей женщины». Но постепенно его главными героями становятся крестьяне. Он пристально изучал меняющуюся жизнь села, а в 1875–1877 гг. осуществил большое путешествие по России, которое дало новый творческий толчок. Его произведения характеризуются детальным, дотошным, скрупулезным проникновением в крестьянские заботы и настроения. В его книгах впервые в русской литературе появляется образ кулачества. Одновременно П.В. Засодимский выступал и как детский писатель, и как критик.

---

[1] *Арсеньев Ф.А.* Ульяновский монастырь у Зырян. Сыктывкар, 1994 . С. 23.

[2] *Арсеньев Ф.А.* О промышленных делах и торговых сношениях в Зырянском крае. Этнографический очерк // ПКВГ на 1865 и 1866 гг. Вологда, 1866. 5. С. 1–62

[3] *Якушин Н.И.* По градам и весям. Очерки жизни и творчества П.В. Засодимского. Архангельск, 1965; *Спасибенко А.П.* Писатели-народники. М., 1968. С. 229–267; *Немшилова З.Я.* П.В. Засодимский // В дебрях Севера… С. 105–108; *Шпаковская Е.А., Рогалина Е.А.* Засодимский П.В. // Русские писатели. 1900–1917 гг. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 327–330.

Перу П.В. Засодимского принадлежат два произведения о Коми крае и народе коми: книги очерков «Лесное царство» и «В зырянском краю»[1]. Они написаны на основе его путешествия по Северу в 1877 г., когда писатель посетил места, расположенные вдоль течения Вычегды и Сысолы, Лузы, побывал в Усть-Сысольске. Эти книги — лучшее из того, что написано о коми в русской художественной литературе. Эта работа проанализирована в исследовании З.Я. Немшиловой[2]. Но исследовательница больше говорит о литературных достоинствах этих произведений, о психологическом восприятии народа коми, поэтому следует рассмотреть эти произведения как этнографический источник. Автор представляет широкую и достоверную картину материальной и духовной культуры народа коми в 1870-е гг.: прекрасное описание быта народа, его промыслов и хозяйства, в частности охоты, религиозных представлений, народной мифологии и т.д. Неслучайно эти работы цитируются до настоящего времени. Его этнографические зарисовки весьма ценны для изучения коми крестьянского быта и общественных отношений пореформенного времени. Правда, его очерк заканчивается одновременно пессимистически и оптимистически: «*Мрачно, угрюмо стоят зырянские леса. Глухо шумят мохнатые ели. О чем же шумят они? Поют ли песню о будущих подвигах зырян, и о славных деяниях их в мире умственного и нравственного развития или напевают им отходную? Кто знает*».

Земляком П.В. Засодимского был писатель-народник А.В. Круглов (1853–1915). ***Александр Васильевич Круглов*** также родился в Великом Устюге в семье штатного смотрителя местного уездного училища[3]. Мать будущего писателя была коми (зырянка). Детство его прошло в Вологде, в доме деда, богатого помещика. Сначала он учился в Вологодском уездном училище, а с 1862 г. — в Вологодской гимназии, но не закончил ее, так как «*из-за безумной выходки в классном сочинении разбил свою житейскую карьеру — вылетел из гимназии и сим отрезал себе путь к университету и к служебной карьере*»[4]. В 1869 г. А.В. Круглов окончил педагогические курсы и преподавал, был корректором в местной типографии, а в 1873 г. — сверхштатный чиновник по особым поручениям в Вологодской губернской казенной палате. В том же году переезжает в Петербург. В печати А.В. Круглов дебютировал в 1870 г. После переезда в Петербург литература становится основным видом его деятельности. В его писательской судьбе большое участие приняли Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Он много печатался в русских иллюстрированных еженедельных журналах. Выступая с позиций умеренного народничества, смешанного с некоторой долей религиозности, А.В. Круглов осознавал себя просветителем среднего читателя и всю жизнь старался воспитывать свою аудиторию. В произведениях А.В. Круглова наблюдается постоянный поиск положительного героя. В 1880–1890-е гг. он входит в число наиболее популярных детских писателей России. Отличался исключительной продуктивностью, написал более 100 книг.

Перу А.В. Круглова принадлежит несколько работ, посвященных Коми краю. Они были опубликованы в 1874–1887 гг.[5] Его об-

---

[1] *Засодимский П.В.* Лесное царство // Слово. 1878. № 10, 11; То же // Собр. соч. СПб., 1895. Т. 1. С. 541–586; То же // В дебрях Севера… С. 109–177; *Он же.* В зырянском краю (Путевые очерки) // Детское чтение. 1879. № 1. С. 63–102; То же. М., 1901; *Он же.* Из жизни лесной стороны // Собр. соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 242–263. Кроме того, рассказы на коми тему: «Петряевщина», «Мирское дитя» и «Пропал человек» — были опубликованы в журнале «Наблюдатель». Некоторую сводку его публикаций см.: *Дилакторский П.А.* Вологжане-писатели… С. 31–36.

[2] *Немшилова З.Я.* Зырянский край в творчестве писателя-народника. [П.В. Засодимский. Лесное царство] // Немшилова З.Я. Коми народ… С. 58–71.

[3] *Веселовские Ал. и Ал-др.* Вологжане-краеведы… С. 50–52; *Немшилова З.Я.* А.В. Круглов и зырянский край // Немшилова З.Я. Коми народ… С. 72–86.

[4] *Рейблат А.И.* Круглов А.В. // Русские писатели. 1900–1917 гг.: биографич. слов. М., 1994. Т. 3.С. 168.

[5] *Круглов А.В.* Зыряне. (Этнографический очерк) // Семейные вечера. 1874. № 2. С. 221–258; *Он же.* В зем-

ращение к коми материалу не было неожиданным. Ведь по материнской линии он был коми и, возможно, знал язык коми. Как показывает книга, традиционную культуру он знал досконально. Прямых сведений о том, ездил ли А.В. Круглов в Коми край, нет, но книга «Лесные люди» написаны в форме путевых очерков, глазами путешественника. В 1887–1916 гг. эта книга выдержала 4 издания. Цель, которую автор ставит перед собой, проста. Об этом он заявляет в предисловии книги: «*Бесспорно — зыряне народ по своим особенностям, обусловленными его происхождением и влиянием природы занимаемой им страны, заслуживает известности едва ли не более, чем другие народности, обитающие в северовосточной части Европейской России. На самом же деле зыряне известны гораздо менее всех других русских народов. Зырянский край — terra incognita не только для тех, кто вовсе не изучал географии*». И из этого вступления следует задача, которую автор ставит перед собой: «*Я хочу познакомить с зырянами обыкновенного читателя, познакомить более или менее подробно, в легкой форме этнографического рассказа, столь удачно выбранный нашим почтенным, высокоталантливым собратом, Вас. Ив. Немировичем-Данченко… Пользуясь трудами других писателей о зырянах, а также устными рассказами знающих людей и собственными впечатлениями, я надеюсь несколько подробнее и всестороннее познакомить читателя с племенем "коми-войтыр" — "лесными людьми"*»[1].

Внимание А.В. Круглова привлекает внешняя, бытовая сторона жизни коми-зырян. В его произведениях содержатся описания национальной одежды, обуви, верований, обычаев, традиционной кухни и т.д. В тексте широко используются коми слова, выражения, пословицы, поговорки, загадки, легенды. Его произведения помогают понять специфику уклада жизни народа коми во второй половине XIX в., особенности национального характера. Особенно остро морально-этические вопросы поднимаются в рассказах «Отверженные» и «Месть», в которых показываются характер и неписанные законы общения между коми-зырянскими охотниками. В результате появилась книга, наполненная этнографической информацией, выражающая симпатию к народу, его истории, фольклору, вообще коми культуре.

Немирович-Данченко Василий Иванович (1848/49–1934), писатель и публицист, на которого ссылается А.В. Круглов, принадлежал к числу тех людей, которые пробудили у отечественной творческой интеллигенции интерес к природе и людям Севера. Родился в Тифлисе в офицерской семье. Детство провел в походах по Дагестану и Грузии. Закончил Александровский кадетский корпус в Москве. В свое время выпустил 140 томов своих сочинений, опубликовал сотни репортажей в ведущих русских газетах; в наши дни он практически забыт. Литературную известность ему принесли впечатления от путешествия по Русскому Северу. В 1872 и 1873 гг. он совершил поездки в Архангельскую губернию, на Соловецкие острова, промыслы Мурманского побережья, Кольский полуостров. Написанные в популярном тогда жанре путевых заметок, или литературных путешествий, опубликованные сначала в литературных журналах, а потом вышедшие отдельными книгами, они содержат многочисленные этнографические, географические, экономические сведения, образуя в совокупности своеобразную энциклопедию Русского Севера второй половины XIX в.[2] В 1877–1878 гг. был воен-

---

ле Коми-войтыр. (В зырянском крае). Этнографические наброски // Пчела. 1876. № 27, 28; *Он же*. Зыряне и их домашний быт // Русский мир. 1879. № 20; *Он же.* Месть. Очерк зырянского быта // Северный вестник. 1885. № 4. С. 139–162; *Он же.* Лесные люди (зыряне). Очерки и впечатления. Новгород, 1886; 2-е изд. М., 1887; 3-е изд. М., 1898; 4-е изд. М., 1910; *Он же.* Пэдэр и Одэ. Повесть из зырянского быта. М., 1901; *Он же.* В северных лесах. Рассказы. СПб., 1895; *Он же.* Лесные люди. Отверженный. Месть // В дебрях Севера… С. 184–332. Библиографию А.В. Круглова см.: *Дилакторский П.А.* Вологжане-писатели… С. 51–60.

[1] В дебрях Севера… С. 184.

[2] *Немирович-Данченко В.И.* Страна холода. Виденное и слышанное. Белое море. — Мурман и Северная Норвегия. — Лапландия. — Новая Земля. — Вай-

ным корреспондентом в битве против турок на Балканах. Позднее принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Эмигрировал из советской России в 1921 г. в Берлин. С конца 1922 г. жил в Праге. В эмиграции продолжил литературное творчество. В 1928 г. выступил на Первом съезде русских писателей в Белграде и принял из рук югославского короля Александра орден св. Саввы за особые заслуги в развитии литературы и искусства.

Его перу принадлежит очерк «Зыряне», входящий в цикл рассказов о народах Российской империи и опубликованный в книге «Страна холода. Виденное и слышанное»[1]. А так как о путешествии Вас. И. Немировича-Данченко в Коми край сведений нет, то этот очерк является компилятивным. В некоторых местах автор ссылается на ***Ф.А. Арсеньева***, в других он использует их анонимно. И если его источниковедческая информативность незначительна, то общая, практическая ясна. Коми в этой книге выведены в числе других народов России, и таким образом они благодаря этой книге становятся известны большому кругу читателей. В 1876 г. предпринял путешествие по Уралу, результатом которого стала книга «Кама и Урал». В ней он описывает коми-пермяков[2].

Последними из плеяды российских писателей, разрабатывавших этнографическую тему и описывавших народы коми в своих художественных произведениях, были ***Калистрат Жаков*** и ***Алексей Ремизов***. Но в их творчестве коми тема получает новое звучание. Если у упомянутых выше писателей коми выступали в качестве действующего лица и они старались более или менее правдиво написать о них, то К. Жаков и А. Ремизов сделали в этом отношении значительный шаг вперед. В их произведениях мы видим чаще всего символический образ, коми мотивы интерпретируются для усиления мифологического понимания содержания их полусказок, полуреальности в лучших традициях мирового символизма и импрессионизма.

Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) — писатель, поэт[3]. Родом из московской купеческой семьи. В 1884 г. начинал учиться в 4-й московской гимназии, но позднее был переведен в Александровское коммерческое училище. В 1895–1897 гг. в качестве вольнослушателя учился на естественном отделении физико-математического факультета, одновременно посещая лекции на историко-филологическом и юридическом факультетах Московского университета. За участие в студенческой демонстрации в Петербурге 18 мая 1896 г., приуроченной к годовщине ходынской трагедии, он был арестован и изгнан из университета «*без права восстановления*»[4]. Сослан сначала в Пензу, а в 1898 г. (по другим данным — в 1899 г.) — в Усть-Сысольск, где он прожил год. Затем его перевели в Вологду, где он пробыл до 1903 г.[5] Именно в вологодской ссылке он сложился как писатель со своеобразной, очень оригинальной манерой. В это время в Вологде находились историк Павел Щеголев, философ Николай Бердяев, социал-революционеры Борис Савинков и Иван Каляев, большевик Анатолий Луначарский и другие. В общении с людьми, имеющими разные идеологические установки, формировалось мировоззрение А.М. Ремизова как писателя.

гач. Племена глухого угла. СПб., 1877; *Он же.* Кама и Урал (Очерки и воспоминания). СПб., 1890. *Он же.* Беломорье и Соловки. Воспоминания и рассказы. Киев, 1892.

[1] *Немирович-Данченко Вас. И.* Народы России. Зыряне // Нива. 1874. № 35. С. 555–558.

[2] *Немирович-Данченко Вас. И.* Кама и Урал (Очерки и воспоминания). СПб., 1890. *Рабинович Я.Б., Семенов В.Л.* Вас. И. Немирович-Данченко и его книга «Кама и Урал» // Исследования по истории Урала. Пермь, 1976. Вып. 4. С. 116–130.

[3] Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994; *Слабин Г.П.* Проза Ремизова. 1900–1921. СПб., 1997; *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и древнерусская литература. СПб., 2000; *Оботина Е.Д.* А.М. Ремизов и творческая практика писателя. М., 2008.

[4] *Грачева А.М.* Революционер Алексей Ремизов: миф или реальность // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 419–437.

[5] Воспоминания А.М. Ремизова о пребывании в Усть-Сысольске и Вологде см.: *Ремизов А.М.* Подстриженными глазами. Иверень // Собр. соч. Т. 8. М., 2000.

Позднее он писал о Вологде следующее: «*Вологда, подлинно Афины — "Северные Афины". А в начале этого века (невероятно, ведь так недавно, а как тысяча лет!) таким именем "Афины" звалась ссыльная Вологда, и слава о ней гремела во всех уголках России, где хоть какая-нибудь была и самая незаметная революционная организация, а где ее не было*»[1]. Далее он вспоминал, что «*все книги, выходившие в России, в первую голову посылались в Вологду. <...> И было известно все, что творилось на белом свете: из Арзамаса писал Горький, из Полтавы — Короленко, из Петербурга — Д. Философов, он высылал "Мир искусства", А.А. Шахматов, П.Б. Струве, Д.Е. Жуковский, из Москвы — В.Я. Брюсов, Леонид Андреев. Между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был подлинно "прямой провод"*»[2].

Уроженец Вологды Варлам Шаламов так вспоминал об этом времени: *«Нет в русском освободительном движении сколько-нибудь значительного деятеля, который не побывал бы в Вологде хотя бы на три месяца, месяца не регистрировался в полицейском участке. <...> Вот этот классический круговорот русского освободительного движения — Петербург-тюрьма-Вологда-заграница, — Петербург-тюрьма-Вологда — и создал за несколько веков особенный климат города, и нравственный, и культурный. Требования к личной жизни, к личному поведению были в Вологде выше, чем в любом другом русском городе*»[3].

После ссылки он отошел от революционной деятельности и полностью переключился на литературный труд. Эмигрировал в 1921 г., жил в Берлине, позднее в Париже.

Еще раньше, в 1902 г., появилось одно из первых опубликованных им произведений — поэтическая обработка зырянских свадебных причитаний «Плач девушки перед замужеством» (позднее вошло в книгу «Посолонь» под заглавием «Плача»)[4]. Эта публикация во многом состоялась благодаря помощи друзей-ссыльных — Ивана Каляева и Бориса Савинкова., представителей террористического направления в партии социал-революционеров. В частности, И. Каляев в 1905 г. убил вел. князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора. В 1902 г. И. Каляев находился в ссылке в Ярославле и работал корректором в местной газете «Северный край». Он часто приезжал в Вологду к Б.Савинкову и в одну из таких поездок взял с собой сочинение А.М. Ремизова.

В том же году «Плач…» был опубликован еще раз, на этот раз в Москве Леонидом Андреевым в его газете «Курьер», благодаря протекции А.М. Горького. В своем письме Л. Андрееву он написал: «*Посылаю тебе 2 рукописи: "Ночь" и перевод с зырянского. По-моему, обе рукописи зырянские, но напечатать и можно, и следует, если не ошибаюсь <...> — "Плач девушки…" — ей Богу хорош!*»[5].

После знакомства с коми народной культурой и его фольклором А.М. Ремизов пишет в 1907 г. цикл произведений «Посолонь», в котором автор красочным языком интерпретирует ряд преданий из мифологических представлений коми[6]. Впечатления о коми мифологии были так сильны, что он после освобождения из ссылки в 1905 г. в Херсоне пишет цикл из восьми стихотворений, который он называл «*Зырянский мир*»[7]. О мотивах этого цикла автор писал «*Живя в Устьсысольске, <...> в этом центре зырянского населения, я глазами пленника смотрел на неведомое мне нерусское царство и слушал рассказы тех простых людей, с которыми коротал долгие зимние дни-полуночи. Книги и рассказы просвещенных зырян: книги* ***К.Ф. Жакова*** *и рас-*

---

[1] *Ремизов А.М.* Иверень. Загогулины моей памяти // Север. Петрозаводск. 1991. № 4. С. 58.

[2] Там же. С. 61.

[3] *Шаламов В.* Четвертая Вологда. Вологда, 1994. С. 10–11.

[4] *Ремизов А.М.* Плач девушки перед замужеством // Северный Край. Ярославль. 1902. № 238.

[5] *Горький А.М.* Полн. Собр. соч.: Письма в 24 т. М., 1997. Т 3. С. 92.

[6] *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 3. Оказион. М., 2000. С. 51–58. Об истории написания и публикации этого цикла см.: Там же. С. 599–610.

[7] Там же. С. 600.

сказы ***В.В. Налимова*** *(надо: В.П.Налимова. — А.Т.) дали мне ту шапку-невидимку, в которой я сам на свой страх пошел по лесам и полям странной зырянской земли, как странна медноликая белая зырянская ночь*».

Возможно, А.М. Ремизов читал статью ***В.В. Кандинского,*** хотя он наверняка мог слышать подобные рассказы от местных жителей, особенно космогенический миф «Омоль и Ен», если быть точнее «Омöль и Ен», который пересказывается им в письме В.П. Щеголеву. Именно эти его первые сочинения позволили причислить А.М. Ремизова к младосимволистам, представителям «неомифологического» направлениям русского модернизма.

После знакомства с коми народной культурой и его фольклором А. Ремизов пишет цикл произведений «Полуночное солнце», в котором автор красочным языком интерпретирует ряд преданий из мифологических представлений коми[1].

Завершая раздел о русской этнографической беллетристике, в которой дается описание коми-зырян, следует упомянуть еще одного литератора. Речь идет об ***Иване Алексеевиче Шергине*** (1866–1930), авторе многочисленных книг рассказов и очерков о народе коми, о северном крае, издателе журнала «Вестник Севера»[2]. Он родился в селе Серегово Яренского уезда Вологодской области (ныне — Княжпогостский район Республики Коми). Провел обычное для крестьян детство и отрочество. Служил в царской армии. Литературой начал заниматься в 1906 г., когда в газете «Северная земля» опубликовал свои первые очерки. В 1908 г. вышла его первая книга под названием «Богатства севера»[3]. Всего перу И.А. Шергина принадлежат несколько книг[4].

Уже первая книга «Богатства Севера» была отмечена читателем. Это связано с тем, что в это время в Петербурге, Вологде и Архангельске бурно дебатировались вопросы будущего развития громадных районов Европейского Северо-Востока. Первые научные изыскания показали, что Север богат различными полезными ископаемыми, но добыть их и вывезти в центральные районы для переработки при существующей инфраструктуре невозможно. Появилось много футурологических концепций, высказанных А.С. Норманом, ***А.В. Журавским*** и другими, о будущем этого края, народов, живущих на этой территории и т.д. Книга И.А. Шергина — один из ответов на наболевшие вопросы. ***П.А. Сорокин***, откликнувшийся на сочинение И.А. Шергина, связал его появление с этой тенденцией: «*Подумайте, сами. Зырянский край — "это рай", "сокровищница богатства", "страна полуночной свежести" и etc <...> и вдруг — бедность, бедность и без конца беднота <...> проблема, нелегкая для решения, <...> но ведь она трудна для туго мыслящих ученых, а не г. Шергину. Раз, два и готово у него. На протяжении 152 стр. он решил и разрешил все, остается только его решения реализовать в действительности*»[5]. Рецензент категорически не согласен с автором в том, что «*Зырянский край ни кем до г. Шергина не исследован»,* заявляя, что только список работ, известных ему об этой территории, занял

[1] *Демин В.Н.* Коми мотивы в русской литературе начала XX века // Зыряне в истории русской словесности… С. 23–32; *Розанов Ю.В.* Северный маршрут Алексея Ремизова: поэзия и правда // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 299–310; *Он же*. Зырянский миф Алексея Ремизова // Рябининские чтения — 2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 435–437; *Он же*. Фольклоризм А.М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. Вологда, 2008.

[2] *Коняев Н.* И.А. Шергин // Север. 1990. № 10. С. 158–160.

[3] *Шергин И.А.* Богатства Севера. (Зырянский край). Путевые заметки, очерки, рассказы. СПб., 1908; *Он же.* Богатства Севера. Путевые заметки, очерки и рассказы. На Севере. Зырянский край. Ухтинская нефть и Удорский край. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1909.

[4] *Шергин И.А*. В дебрях Севера. На Севере. Архангельск. Зырянский край. Вымский уголок. Ухтинская нефть. СПб., 1910; *Он же.* На Севере. СПб., 1911; *Он же.* Жизнь на Севере. СПб., 1912; *Он же.* Поездка на Север. 2-е изд., перераб. СПб., 1912; *Он же.* В северных захолустьях. Пг., 1916; *Он же.* В северных трущобах. 2-е изд., перераб. Пг., 1916.

[5] *Сорокин П.А.* И.А. Шергин. Богатство Севера // Изв. АОИРС. № 12. С. 43–46.

«с десяток страниц Шергина. Да ведь какое дело г. Шергину до этого. Что ему литература и литературе до него. Он не знает — значит — нет». Далее следует критика мнения И.А. Шергина о современном социально-экономическом положении коми крестьянства. П.А. Сорокин приводит цифровые данные и доказывает, что И.А. Шергин не знает истинного положения с земледелием и скотоводством у коми. Так, автор говорит о громадном количестве неиспользуемых земель в Коми крае (здесь И.А. Шергин действительно находится под впечатлением рассуждений А.С. Нормана и А.В. Журавского, которые оперировали общестатистическими данными. — *А.Т.*). П.А. Сорокин на основе личных данных, собранных в экспедициях в 1902–1903 гг., и на материалах К.Ф. Жакова доказывает, что это глубокое заблуждение, что к началу XX в. вся территория Коми края была в сельскохозяйственном отношении освоена практически полностью и ее экстенсивное развитие далее невозможно. П.А. Сорокин приводит реальные цифры, отражающие количество скота в местных хозяйствах, число хозяйств, кормившихся своим хлебом, и т.д. Заканчивается очерк пожеланием: «*Зырянскому краю, чтобы Всевышний отвел его от таких бытописателей и публицистов, как г. Шергин*».

Но в его публикациях есть и рациональное зерно. Рассказы и очерки И.А. Шергина интересны богатым этнографическим материалом, в них он дал описание многих коми селений, жизни и труда крестьян Коми края. Начав свое литературное творчества с восторженного преклонения перед лицами, предлагавшими промышленное освоение края, позднее он увидел их истинное хищническое лицо и выступил против мародеров-«столбопромышленников». Основной задачей крупных промышленных компаний, таких как «Братья Нобель и К°» и других в Коми крае, была не разработка полезных ископаемых (нефти и угля), а ликвидация конкурентов, устранение этого региона из промышленной жизни России. Поэтому многие промышленники просто «столбили» перспективные районы, подавали заявки на их пользование, но ничего не делали для реального освоения этих богатств. И.А. Шергин, начиная с первых дней своей литературной деятельности, встал на защиту тех, кто безвинно пострадал и не мог добиться правды. В 1914 г. за свою публицистическую деятельность был привлечен к уголовной ответственности, а тираж издаваемого им журнала «Вестник Севера» арестован. Сыктывкарский литературовед ***П.Г. Доронин***, лично знавший Ивана Алексеевича Шергина, писал, что «*в 1916 году Шергин был арестован за свою публицистическую статью "Свободная Россия", около года сидел в Устюжской тюрьме, был осужден на ссылку в Сибирь*»[1]. Трудностями была наполнена его жизнь и после революции. Известно, что он ездил в Москву и был на приеме у В.И. Ленина. Вероятно, это одна из легенд, связанных с его жизнью. При проверке этого факта из его биографии выяснилось, что в списке лиц, принятых В.И. Лениным как председателем Совета народных комиссаров, фамилия И.А. Шергина не значится. В 1923 г. он публикует статью «Полезные ископаемые в Ухтинском крае»[2]. Это последняя известная публикация писателя. В 1925 г. он был арестован ОГПУ. Однако тогда его освободили по амнистии. Но в 1929 г. И.А. Шергина вновь арестовали, а в 1930-м его с братом приговорили к трем годам лагерей. В том же 1930 г. Иван Алексеевич умер от истощения на этапе[3].

---

[1] Цит. по: *Коняев Н.* И.А. Шергин…

[2] *Шергин И.А*. Полезные ископаемые в Ухтинском крае // Северное хозяйство. 1923. № 6. С. 48.

[3] *Попов А.А.* Вернуть из забвенья: (О писателе И.А. Шергине) // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): тез. докл. Сыктывкар, 1993. С. 68–70; *Полещиков В.* С чистой совестью // Вера–Эскöм. 1996. № 214–215.

Глава 4

РОЛЬ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ И КРАЕВЕДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НАРОДОВ КОМИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

4.1. Вологда как центр исследования традиционной культуры народов коми

Начиная с середины XIX в. в Вологде начинают заниматься изучением Коми края, в том числе и в этнографическом плане. Интерес к краю был обусловлен тем, что в это время основная часть территории, населенной коми-зырянами, административно входила в состав Вологодской губернии. Губернская администрация была заинтересована в получении достоверной информации о природных богатствах, населении, промыслах и занятиях местного населения. С этой целью в 1834 г. в Вологде, как и во многих других губерниях империи, был создан Губернский статистический комитет, который опубликовал значительное количество материалов. Исследователи, входившие в Статистический комитете в основном публиковались в специальных «Вологодских сборниках», выходивших в 1879–1887 гг., а также в Адрес-календарях и Памятных книжках Вологодской губернии[1]. В Памятных книжках для современного исследователя представляют интерес в первую очередь статистические данные по губернии, которые, кроме демографических сведений, давали материал социально-экономического характера[2]. Члены Статистического комитета активно публиковались в «Вологодских губернских и епархиальных ведомостях», которые долгое время были единственным периодическим изданием, выходившим в губернии[3].

Одновременно сотрудники Статистического комитета старались интенсифицировать краеведческую деятельность в губернии. Наиболее сознательно и последовательно этим занимался ***Николай Александрович Полиевктов*** (1844–1910). Уроженец Вологды, он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета с дипломом кандидата права[4]. Некоторое время работал в 3-й Санкт-Петербургской гимназии. По словам В.П. Шляпина, который знал его, какое-то

[1] Вологодский сб. Вологда, 1879–1887 Т. 1–5; Обзоры Вологодской губернии. Вологда, 1878–1914; Памятные книжки Вологодской губернии. Вологда, 1853–1916; Вологодский календарь. Вологда, 1881–1916. Об истории их издания см.: Памятные книжки губерний и областей Российской империи. Европейский Север. СПб., 2002. С. 369–371. Там же можно найти краткое описание содержания этих книжек и указатели к ним. С. 372–617.

[2] См., например: Статистический очерк Вологодской губернии // СКВГ на 1854 г. Вологда, б.г. С. 84–130; Очерк промышленности и торговли Вологодской губернии // СКВГ на 1856 г. Вологда, б.г. Паг. 2. С. 1–69; Статистический очерк Вологодской губ за 1860 г. // ПКВГ на 1861 г. Вологда, 1861. Паг. 2. С. 33–79 и т.д.

[3] *Степановский И.К.* Вологодские губернские ведомости в период 50-летнего их существования. 1838–1888. Вологда, 1888.

[4] *Дилакторский П.А.* Вологжане-писатели (материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии). Вологда, 1900. С. 87–89; *Веселовские Ал. и Ал-др*. Вологжане-краеведы... С. 82–84.

время преподавал русский язык в гимназиях столицы. После женитьбы у него возникли некоторые семейные неурядицы, он был объявлен сумасшедшим и помещен в больницу. Вологодские родственники увезли его в деревню, в Грязовецкий уезд. Поправившись, решил остаться в Вологде[1]. Преподавал в Вологодском реальном училище. С 1879 г. по 1886 г. состоял секретарем Вологодского губернского статистического комитета, одновременно редактором неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей». Опубликовал ряд общих работ по статистике Вологодской губернии[2]. Активно привлекал местную интеллигенцию к сбору данных по местной истории и этнографии, публиковал специальные руководства для составления отчета[3]. С его исследовательской деятельностью связана попытка создания губернского музея, для чего он написал специальную программу[4]. Кроме того, его перу принадлежат работы по коми этнографии[5]. Среди вологодских краеведов, исследующих традиционную культуру коми, интерес представляют ***Ф.А. Арсеньев***, ***Н.Я. Данилевский***, ***Н.А. Иваницкий***, ***В.П. Шляпин*** и др.

Одним из первых, кто обратился в Вологде к коми-зырянской тематике, был местный епископ ***Евгений (Болховитинов)***, который опубликовал статью «О древностях вологодских и зырянских»[6]. ***Болховитинов Евфимий Алексеевич*** (1767–1837) известен не только как крупнейший русский церковный деятель, но и как писатель-историк, библиограф, поэт, археолог, языковед, краевед, один из первых собирателей народных преданий[7]. Ректор Киевского университета М.А. Максимович, один из первых собирателей и издателей украинского фольклора, близко знавший митрополита в киевский период его жизни, позднее отмечал, что он обладал обширными историческими познаниями, был «*многоуважаемый издатель*», одержим страстью к собиранию исторических сведений, редкостных книг, крупный ученый, «*который оставил много фактического материала не только по церковной истории, но и русской литературе*»[8]. К концу жизни митрополит Евгений был действительным и почетным членом более 20 российских и зарубежных университетов,

---

[1] *Шляпин. В.П.* Из моих жизненных встреч.… // Быть на Устюзе: ист.-краевед. сб. Вологда, 1993. С. 39–43.

[2] Для исследователей Коми края до настоящего времени полезны некоторые его работы, например: *Полиевктов Н.А*. Статистические данные для вычисления пространства Вологодской губернии // Вологодские ГВ. 1879. № 10; *Он же.* Движение народонаселения Вологодской губернии за 1879 год // Вологодские ГВ. 1882. № 67–69; *Он же.* Движение народонаселения Вологодской губернии за 1880 год // Вологодские ГВ. 1883. № 5–6.

[3] *Полиевктов Н.А.* Несколько слов о характере и значении местной корреспонденции для неофициальной части Губернских ведомостей // Вологодские ГВ. 1879. № 19; *Он же*. Несколько слов о провинциальных корреспонденциях вообще и о корреспонденциях из Вологодской губернии в частности // Вологодские ГВ. 1879. № 35; *Он же*. Указания на характер корреспонденций, желательных для неофициальной части Вологодских губернских ведомостей // Вологодские ГВ. 1880. № 57–59, 67–78; *Он же*. Руководство по собиранию корреспондентских сообщений в редакцию неофициальной части Вологодских губернских ведомостей. Программы для собирания по этнографии, антропологии, общинному земледелию, кустарной производительности и сельских школ. Вологда, 1880.

[4] *Полиевктов Н.А.* Предполагаемое устройство естественно-промышленного и историко-этнографического музея Вологодской губернии // Вологодские ГВ. 1879. № 63.

[5] *Полиевктов Н.А.* Осенние промыслы и заработки крестьян Усть-Сысольского уезда в 1878 г. Статистический очерк, составленный по официальным сведениям // Вологодские ГВ. 1879. № 15; *Он же.* Промысловая охота в Вологодской губернии // Охота. 1892. № 17.

[6] *Евгений (Болховитинов).* О древностях вологодских и зырянских // Вестник Европы. 1813. Ч. 71. № 17. С. 27–47.

[7] *Ивановский М.* Митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов). СПб., 1872; *Шмурло Е.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888; *Полетаев Н.И.* Труды митрополита киевского Евгения по истории Русской церкви. Казань, 1899; *Введенский С.М.* Личность и ученая деятельность митрополита Евгения Болховитинова. Воронеж, 1912; Митрополит Евгений Болховитинов. Киев, 1995; Е.А. Болховитинов: иерарх церкви, ученый, просветитель. Воронеж, 1996; *Аббасов А.М.* Житие митрополита Евгения. Воронеж, 1996.

[8] *Максимович М.А.* Письмо о митрополите Евгении к П.Г. Лебединцеву // Киевские ЕВ. 1868. № 5. С. 201.

научных обществ. За свою долгую и плодотворную жизнь им подготовлено и издано около 100 различных работ: книг, брошюр, монографий, справочников и путеводителей. Его научная деятельность содействовала формированию целого ряда научных направлений в области общественных наук, таких как библиография, палеография, ономастика, топонимика, историография, историческое краеведение и др. Историк и писатель, иерарх церкви был знаком и дружил со многими представителями науки, литературы и искусства. С его именем связано основание университета Св. Владимира в Киеве и Румянцевского музея в Петербурге.

Он родился в Воронеже в 1767 г. Происходил из мелкопоместной дворянской семьи. Учился в Славяно-греко-латинской академии и одновременно в Московском университете. В академии Е.А. Болховитинов прослушал курс богословия и философии, освоил греческий и французский языки. В декабре 1788 г. Болховитинов возвратился в Воронеж, где был зачислен в штат местной духовной семинарии. 9 января 1789 г. он становится учителем риторики и французского языка, а 5 сентября 1790 г. — преподавателем богословия и философии. После личной трагедии — смерти детей и жены — Е.А. Болховитинов покидает Воронеж. В 1800 г. его определили в Петербург в Александро-Невскую духовную академию учителем философии и красноречия. 9 марта того же года Евфимий Алексеевич был пострижен в монашество и наречен именем Евгений. В Петербурге он активно занимается наукой, как церковной, так и светской. Появляются первые сочинения[1]. Он быстро продвигается по служебной церковной лестнице. Уже в 1804 г. становится епископом старорусским, викарием новгородским и переезжает в Новгород, где начинает активно собирать древние рукописи[2].

С 1808 по 1813 гг. Е.А. Болховитинов состоял епископом в Вологде. Как и в других местах, он занимался изучением местных древних рукописей. Известно, что он совершал пасторские поездки по епархии. Первая дальняя поездка была совершена им в с. Усть-Вымь, к месту основания епархии ***Стефаном Пермским***. Здесь он отслужил литургию и, по-видимому, просмотрел местные документы[3]. В 1813 г. он прислал в Усть-Вымь свою работу «История зырянского народа и их монастыря». Она отсутствует в списках его опубликованных работ, но сохранилась небольшая выписка из нее в собрании ***П.И. Савваитова***[4]. Возможно, позднее она была опубликована под другим названием[5]. Деятельность Евгения в Вологде позднее заинтересовала П.И. Савваитова, и он сам занимался сбором материалов. Они сохранились в его архиве[6]. Во время служения в Вологде еписко-

---

[1] *Евгений (Болховитинов)*. Рассуждение о надобности греческого языка для богословия. М., 1793; Рассуждение о древнем христианском богослужебном пении и особенно о пении Российской церкви. СПб., 1804; Рассуждение о том, что украшение нашей российской церкви сходны с древними восточными. Воронеж, 1800; Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из истории, архивских записок и сказаний Воронеж, 1800; Историческое исследование об иерархах Российской церкви. СПб., 1803; Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и ученом состоянии с присовокуплением описания различных ордынских народов, окружающих Грузию и родословных таблиц князей трех грузинских царств — Кахетинского, Карталинского и Имеретинского. СПб., 1802.

[2] *Жервэ Н.Н.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало изучения древностей Новгородской земли // Киевский болховитиновский сборник. Киев, 1993. С. 74–87.

[3] Из летописи о пермских епископах, бывших в Усть-Выми, которая писана в приезд его преосвященства Евгения, епископа Пермского 1808 года месяца июня 10 дня, протоиерея Семена Манакова // Рукописный отдел РНБ. Q XVII–229. Л. 20–22.

[4] Выписка с подлинной «Истории зырянского народа и их монастыря», присланных Евгением, епископом Вологодским в Усть-Вымскую Благовещенскую церковь // Рукописный отдел РНБ. Q XVII–229. Л. 18–19.

[5] *Евгений (Болховитинов).* О зырянском народе и зырянском монастыре // Вологодские ГВ. 1839. № 1–3.

[6] Собрание бумаг митрополита Евгения. 1808–1837 // Рукописный отдел РНБ. F XVII–50; Сборник из бумаг митрополита Евгения 1808–1837 // Рукописный отдел РНБ. F XVII–59; Выписки исторические о зырянском народе митрополита Евгения // Рукописный отдел РНБ. F XVII–62; Исторические сведения о Вологодской епархии и о Пермских, Вологодских и Устюжских пре-

пом была опубликована упоминавшаяся выше статья Е.А. Болховитинова «О древностях вологодских и зырянских». В ней он, в частности, первым в XIX в. попытался выяснить причину исчезновения книг на древнекоми языке, объясняя это «*темнотой пермских книг*» и тем, что «*высокое церковных книг красноречие и обилие не могло находить соответственных себе выражений на необразованном бедном и диком зырянском языке*»[1]. В Вологде он закончил свой знаменитый «Словарь русских светских писателей, и соотечественников и чужестранцев, писавших в России»[2]. Кроме того, здесь Евгений (Болховитинов) начал работать над «Историей монастырей Греко-российской церкви» и «Описанием монастырей Вологодской епархии». Последняя рукопись была опубликована вологодским краеведом Н.И. Суворовым[3].

В эти годы между Евгением и вологодским уездным лекарем А. Флеровым возник вопрос о «зырянских древностях», который трактовался ими как вопрос о древнезырянской письменности и т.н. «Зырянской Троице». Алексей Флеров — довольно слабо изученная личность. Исследователи приводят даже разные отчества этого человека. Костромина И.Н. называет его Федоровичем[4]. Но его статьи подписаны инициалами «А.П.». Он является автором первой печатной коми грамматики, изданной на русском языке[5]. Некоторое время он был преподавателем Вологодской духовной семинарии. Именно здесь, по-видимому, и возник его интерес к коми, ибо в семинарии всегда учились выходцы из Коми края.

В предисловии к своей книге он пишет, что «*для многочисленного племени зырянского ничего не сделано в отношении их просвещению, и они оставлены в том полудиком состоянии, в каком были найдены сперва великим их просветителем*». Понятно, что он не был профессиональным лингвистом, и он не смог подойти к коми языку с научной точки зрения, но его смелость надо только приветствовать. На его «Грамматике» чувствуется влияние «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. Сегодня известно, А. Флеров воспользовался рукописной грамматикой вологодского семинариста, зырянина Филиппа Козлова. Согласно титульному листу этой книги в 1813 г. он имел чин коллежского асессора, был корреспондентом Медицинского совета Министерства народного просвещения. В том же году А. Флеров состоял членом петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В 1813 г. на заседаниях Общества он выступал с докладами: «Замечания о заволоцкой чуди», «Историческое замечание о Югрaх»; «О Холмских и Лугских насыпях»[6].

В статье, опубликованной в журнале «Лицей», А. Флеров высказывает сожаление: «*Читая краткую церковную Российскую историю, сочиненную митрополитом Платоном, встретил я в ней несколько слов относительно первоначального просвещения Перми. Знаменитый автор (митроп. Платон) говорит: Св. Стефан Пермский искусен был в греческом языке, и, нашедши пермский народ без-*

освященных архиереях митрополита Евгения (Болховитинова) с рукописными дополнениями П.И. Савваитова // Выписки исторические о зырянском народе митрополита Евгения // Рукописный отдел РНБ. F XVII–68. Л. 84–100.

[1] *Евгений (Болховитинов)*. О древностях вологодских и зырянских // Вестник Европы. Ч. 71. 1813. № 17. С. 27–47; *Флеров А. П.* О древностях зырянских // Лицей. 1806. Ч . 4, кн. 3. С. 116–119.

[2] *Евгений (Болховитинов)*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. СПб., 1845. Т. 1–2.

[3] *Евгений (Болховитинов)*. История Российских монастырей // Рукописный отдел РНБ.. F I–781; *Евгений (Болховитинов)*. Список монастырей, прежде бывших и ныне существовавующих в Вологодской епархии / С прим. и после. Н.И. Суворова // Вологодские ЕВ. 1864. № 3. С. 68–77; № 4. С. 103–108; № 5. С. 138–143; №. 6. С. 164–173.

[4] *Костромина И.Н*. Флеров А.Ф. // Коми язык: Энцикл. М., 1998. С. 525; *Никитин А.* Книга с шифром «Норд» // Уральский библиофил. Пермь, 1987. С. 44–61.

[5] Зырянская грамматика, изданная от Главного правления училищ / Сочинил А. Флеров. СПб., 1813.

[6] [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.lib.pu.ru/rus/Volsnx/prot/prot13.html; *Флеров А.П. О заволоцкой чуди* // С.-Петерб. вестник. 1812. № 10.

грамотным, сочинил азбуку на их языке, научил их грамоте, и многие книги церковные на их язык перевел. Весьма сожалетельно, что ныне сей Пермской грамоты и книг на их языке не находится, хотя я весьма о том старался. Нашел только Пермскую азбуку, то есть по-русски написано, как в пермском языке буквы азбучные называются. Историку же весьма нужно все старание употребить отыскать сию азбуку и книги на Пермском языке, а из того можно бы было что-либо заключить надлежащее до Пермского народа».

А. Флерова удивляет то, что ученые не знают памятников письменности древнекоми языка. Он приводит описание иконы Святой троицы: «*Сей антик есть изображение Св. Троицы в виде трех ангелов, пришедших к Аврааму, за семь лет пред сим находившееся в соборной вологодской церкви и ныне, может быть, там же находящееся. Под изображением есть в нескольких строках надпись на зырянском языке. Характеры букв имеют сходство с некоторыми еврейскими и греческими».* Как видим, он впервые поставил вопрос о происхождении древнекоми письменности, который остается дискуссионным до настоящего времени. (Здесь идет речь о т.н. иконе «Зырянской Троицы». — *А.Т.*)

Евгений выступает в защиту своего коллеги и пишет, что митрополит Платон идет за И.И. Лепехиным, который видел и икону и писал о ней, а по поводу отсутствия у зырян текстов на древнем языке ссылается на собственные безрезультатные поиски. Далее он замечает на высказывание А. Флерова, что «*характеры букв имеют сходство с некоторыми еврейскими и греческими. Ни в одной из букв нет сего сходства, а больше сего похожи они на северные рунические, которых остатки, может быть, Св. Стефан застал еще у зырянских жрецов языческих, хотя в жизнеописании его и сказано, что он не нашел у зырян никаких письмен и сам изобрел им азбуку. Предположив у зырян уже существовавшую руническую азбуку, можно удобно отвечать на вопрос г. замечателя: "Почему Апостол Перми, вводя просвещение между ее народов, не употребил азбуку славянскую, или греческую, или еврейскую?" То есть, может быть, потому, чтоб зырян удобнее было учить их собственными буквами*».

Кроме того, Е. Болховитинов одним из первых высказывает интересную мысль о том, что «*некоторых зырянских звуков, и, например выговора их — Ж, Г. и О (с двумя над этой буквою точками) никак не можно в точности изобразить ни славянскими, ни греческими, ни ев еврейскими, и, следовательно, нужны были для оных особые буквы*». Эта фраза говорит о том, что Евгений сумел к этому моменту разобраться с фонетикой коми языка. Одновременно он сетует на то, что «*из самых зырян не мог еще никто разобрать и прочитать подписи под иконою, в вологодском соборе находящеюся, а книг нет нигде, писанных зырянскими буквами. Зыряне даже не понимают напечатанной у Лепехина русскими буквами заупокойной обедни, потому ли, что их язык удалился уже от праотеческого, или, как некоторые из глубоких знатоков сего языка утверждают, потому, что Св. Стефан, переводя сию обедню на весьма бедный в выражениях зырянский язык, выдумал сам некоторые у зырян неупотребительные слова, производя оные от корней зырянских*».

Позднее служил Калужским епископом, а в 1816 г. был возведен в сан архиепископа Псковского. В 1822 г. назначен митрополитом Киевским и Галицким в Киев, где и скончался в 1837 г. Творческое наследие митрополита Евгения огромно. По сути, им были обследованы пять крупных епархий, их церковные и светские архивы, которые легли в основу его сочинений. Каждый раз, являясь на новое место службы, Евгений с удивительной быстротой знакомился с местной церковной и светской историей, и по прошествии одного-двух лет издавал книгу. Кроме того, в результате этой деятельности им была собрана большая библиотека и коллекция рукописей[1]. Е.А. Болховитинов был знаком со многими выдающимися людьми русской культуры и состоял

[1] *Рукавицына Е.В.* Библиотека и архив митрополита Евгения (Е.А. Болховитинова): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев, 1995.

в переписке с ними. В частности, он длительное время переписывался с графом Н.П. Румянцевым, крупнейшим русским библиофилом и меценатом первой трети XIX в., снабжал его рукописями, редкими книгами, консультировал по вопросам русской истории, подбирал сотрудников и т.д. В этих письмах сохранилось немало любопытных деталей из жизни русского общества начала XIX в.[1]

В Вологде началась научная деятельность выдающегося русского ученого, публициста, философа, теоретика неославянофильства, панславянизма, ученого-ботаника, ихтиолога ***Николая Яковлевича Данилевского***, автора знаменитой книги «Россия и Европа»[2]. Во время пребывания в этом городе им было написано несколько работ, имеющих непосредственное отношение к традиционной культуре коми.

Н.Я. Данилевский (1822–1885) родился в дворянской семье на Орловщине, в Ливенском уезде, его отец — известный боевой кавалерийский генерал, участник войны 1812 г. В 1842 г. Н.Я. Данилевский окончил Царскосельский Александровский лицей, в который поступил в 1836 г. После выпуска записался чиновником канцелярии Военного министерства[3]. Одновременно Н.Я. Данилевский продолжил свое образование в качестве вольнослушателя естественного факультета Петербургского университета. Специализировался в области ботаники: в 1847 г. получает степень кандидата, а зимой 1848–1849 гг. держит магистерский экзамен. Но защитить магистерскую диссертацию ему не удалось. Летом 1849 г. вместе с П.П. Семеновым (будущим знаменитым русским путешественником и географом) по заданию Вольного экономического общества отправился изучать природу в Тульскую губернию. Там был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость по «делу Петрашевского», кружок которого он несколько раз посещал. Обстоятельства этого путешествия и ареста описаны сестрой П.П. Семенова, Н.П. Грот, женой известного слависта и скандинависта, академика Я.К. Грота[4]. И хотя после 100 дней заключения он был освобожден следственной комиссией, как бы сегодня сказали, «*из-за отсутствия состава преступления*», его высылают в Вологодскую губернию. Здесь он аккуратно исправлял в губернском правлении скромные обязанности чиновника особых поручений, главным образом статистика, переводчика и члена губернского статистического комитета.

27 июля 1852 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор обратился к А.Ф. Орлову, начальнику III отделения Его Императорского Величества канцелярии, с просьбой перевести Н.Я. Данилевского на службу из Вологодской в Самарскую губернию, указав при этом, что он знает «*сего чиновника с весьма хорошей стороны*», что наблюдавший за ним в Вологде тайный советник Волховской «*отзывается о нем самым лестным образом*» и что Н.Я. Данилевский «*с большею пользою и в служебном, и в ученом отношении может быть употреблен в Самарской губернии*».

Впоследствии, в конце 1850-х — начале 1860-х гг., Н.Я. Данилевский привлекался академиком Карлом фон Бэром в качестве сотрудника Каспийской экспедиции, а позднее и начальника экспедиции для исследования рыболовства. Он занимался изучением этой проблемы на Белом море, в Архангельской губернии и других местах России.

26 августа 1856 г. при коронации Александра II Николай Яковлевич был официально освобожден от полицейского надзора и зачислен чиновником Департамента сельского хо-

---

[1] Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками. Воронеж, Вып. 1. 1868; Вып. 2. 1870; Вып. 3. 1872.

[2] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1888. В последние годы эта книга неоднократно переиздавалась.

[3] *Страхов Н.Н.* Жизнь и деятельность Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа… С. 1–16.

[4] Грот Н.П. Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков. СПб., 1899. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.ostrov.ca/memoires/npgrot/

зяйства Министерства государственных имуществ, в котором он прослужил до конца своей жизни. В 1862 г. стал членом Ученого комитета, с 1871 г. входил в состав Совета министерства, с 1884 г. тайный советник в чине генерал-лейтенанта. Член-корреспондент Вольного экономического общества, с 1858 г. — член Русского географического общества. Умер в 1885 г. в Тифлисе (Тбилиси) во время очередной служебной командировки[1].

С первых дней пребывания в Вологде Н.Я. Данилевский активно занимался научно-исследовательской работой: изучал флору и фауну, климат, гидрографию, население Вологодской губернии, географическое и экономическое положение северных городов. У него уже был опыт такой деятельности, еще в 1846 г. он публикует свою первую научную статью[2]. Научную деятельность в Вологде он начал как экономический географ и климатолог, опубликовав в местной прессе несколько работ[3]. Например, его статья «О времени и количестве теплоты, нужной для созревания ячменя в Усть-Сысольске» характеризует развитие земледелия у коми-зырян[4]. Положения статьи в основном базировались на многолетних наблюдениях за этой культурой, проведенных учеными-ботаниками и краеведами Вологодской губернии в 1817–1847 гг. Сведения о влиянии климата на хозяйственный быт народа содержат и другие его работы[5]. В них чувствуется увлечение теорией географического детерминизма Карла Риттера и Льва Мечникова.

Представляет интерес его работа «Отрывок из статистического описания Вологодской губернии»[6]. В ней начинающий ученый впервые в российской практике дает подробную характеристику границ Вологодской губернии с точки зрения их экономического, физико-географического и статистического значения для развития губернии, классифицируя границы по группам в зависимости от их влияния на промышленность и торговую деятельность. В этом исследовании он уточняет территорию уездов Вологодской губернии, анализирует соотношение величины различных губерний Европейской части России, государств Западной Европы, отмечает значительное превосходство занимаемой ими площади над целыми губерниями, государствами и группами государств[7]. Надо отметить, что это была пионерская работа, ибо подобных исследований до него не проводилось ни местными, ни столичными учеными. Именно за это работа получила высокую оценку не только в губернии, но и за ее пределами.

Аналитическая работа «Климат Вологодской губернии», удостоенная Русским географическим обществом малой золотой медали, вызвала критику К.С. Веселовского[8]. К.С. Веселовский, в то время адъюнкт Академии наук по статистике и политической экономии,

---

[1] *Бестужев-Рюмин К.Г.* Николай Яковлевич Данилевский (некролог) // Изв. С.-Петерб. славянского благотворительного общ-ва. 1885. № 10; *Семенов П.Н.* Николай Яковлевич Данилевский. Некролог. СПб., 1885.

[2] *Данилевский Н.Я.* Статистические исследования о движении народонаселения в России за 1846 год. СПб., 1851.

[3] *Веселовские. А. и А.* Вологжане-краеведы… С. I–X.; *Силин В.И.* Вологодский этап в деятельности Н.Я. Данилевского // Изв. РГО. 2000. Т. 132. Вып. 4. С. 80–84; *Наумова О.А.* Н.Я. Данилевский в Вологодской губернии (по материалам Государственного архива Вологодской области) // Н.Я. Данилевский и современность. К 180-летию со дня рождения: материалы науч. межрегион. конф., состоявшейся в г. Москве 28 ноября 2002 г. Тверь, 2004. С. 65–67.

[4] *Данилевский Н.Я.* О времени и количестве теплоты, нужной для созревания ячменя в Усть-Сысольске // Вологодские ГВ. 1851. № 14, 15.

[5] *Данилевский Н.Я.* Гидрография Вологодской губернии // Вологодские ГВ. 1952. № 45–49; 1853. № 4, 10, 11, 16, 20, 22; *Он же.* Климат Вологодской губернии (Вологда, Грязовец, Тотьма, Устюг, Сольвычегодск, Усть-Сысольск, Яренск) // Зап. ИРГО. 1853. Кн. 9. С. 1–224.

[6] *Данилевский Н.Я.* Отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Вологодские ГВ. 1851. № 1, 2, 11, 12.

[7] Несколько позднее материалы Н.Я. Данилевского были использованы В.Г Пироговым в его «Статистическом очерке Вологодской губернии» (с. 9–18, 23–27).

[8] *Веселовский К.С.* Несколько замечаний по поводу сочинения Н.Я. Данилевского «Климат Вологодской губернии» // Зап. ИРГО. 1853. Кн. 9. С. 479–520.

позднее — ординарный академик, член Ученого комитета Министерства государственных имуществ, крупнейший отечественный специалист по сельскохозяйственной статистике и климатологии. Дискутируя о технической стороне проведения гидрометеорологических наблюдений на Севере в частности и в России вообще, ученые были близки во мнении, что хозяйственная и общественная жизнь народов имеет географическую обусловленность. В частности, это сочинение интересно характеристикой особенностей и зависимости сельского хозяйства от климатических условий региона, в особенности земледелия и овощеводства у коми-зырян.

Именно климатическими особенностями России, по их мнению, можно объяснить отличия между Россией и Европой[1]. Кстати, сам К.С. Веселовский также посвятил коми-зырянам специальное исследование[2].

В 1859 г. Н.Я. Данилевский вновь прибыл в Вологодскую губернию, но уже не как ссыльный, а как руководитель специальной экспедиции, организованной по высочайшему повелению. Целью экспедиции было «*исследование рыболовства и звероловства в Белом и Ледовитом морях и в притоках оных*». Одновременно экспедиция работала и в Архангельской губернии[3]. Материалы этих исследовательских занятий были обобщены им в специальной монографии[4]. Отметив, что Россия обладает огромными рыбными богатствами в своих реках, озерах и морях, Н.Я. Данилевский настойчиво проводил мысль о необходимости бережного отношения к этим богатствам, об опасности их утраты из-за хищнических промыслов, вырубки лесов по берегам рек и обмеления последних. Фактически в своих работах он выступал не только как ихтиолог, но и как эколог, экономист и государственный деятель, а также как юрист. В основу законодательства о рыболовстве и рыбных промыслах в России во второй половине XIX в. были положены предложения Н.Я. Данилевского.

Следует отметить отчет Н.Я. Данилевского «О мерах к обеспечению народного продовольствия на крайнем Севере России»[5]. В нем он тщательно проанализировал сложившуюся ситуацию и предложил ряд мер, которые были утверждены специальной комиссией. Ввиду недостатка в Архангельской губернии земель, удобных для землепашества, крестьянам было разрешено беспрепятственно расчищать участки лесов под пашни и сенокосы. Было решено построить Вятско-Двинскую железную дорогу, способствовать развитию среди крестьян лесных и морских промыслов, особенно рыболовства. Были приняты меры для уменьшения податей с «сельского» сословия и т.д.

Ознакомившись в 1881 г. с магистерской диссертацией К.Я. Грота «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X вв.», Н.Я. Данилевский написал автору обстоятельное письмо. В нем он не согласился с предположенным диссертантом маршрутом передвижения мадьяр со своей прародины, Урала, в Лебедию — в южно-славянские земли между Доном и Днепром, и предложил свой, логически обоснованный вариант этого маршрута. Он писал, что, если бы 80–100 тыс. угров двигались, как полагал К. Я. Грот, через муромские леса, они умерли бы с голоду. В то время эти леса были непроходимыми, а Угры — полукочевниками-скотоводами. Н.Я. Данилевскому представляется, что угры скорее двигались со своей прародины, района Пермской или Вятской губернии, строго на юг — в район, занимаемый Уфимской и Оренбургской губерниями. Здесь, по предположению Н.Я. Данилевского, они сделали многолетнюю оста-

---

[1] *Веселовский К.С.* Климат России. М., 1857; *Данилевский Н.Я.* «О климате России» К.С. Веселовского // Вестн. РГО. 1859. Т. 25. Отд. 4. С. 1–13.

[2] *Веселовский К.С.* О земледелии и климате Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии // Вестн. РГО. 1851. Кн. 1. Ч. 1. С. 39–61.

[3] Об этом см.: Извлечения из записки действительного статского советника Данилевского о состоянии Архангельского края // Архив РГО. Р. I, оп. 1, № 97.

[4] *Данилевский Н.Я.* Рыбные и звериные промыслы в Белом и Ледовитом морях // Исследования о состоянии рыболовства в России с 1860 по 1875 годы. СПб. Т. 6. 1862.

[5] Правительственный вестник. 1869.

новку, окончательно стали кочевниками и затем через Самарскую губернию перекочевали в Лебедию. Их временное поселение было названо Константином Багрянородным Лебедией из-за буйно растущей здесь, в степях Прикрымья, лебеды. Покоренный логикой размышлений Н.Я. Данилевского, поразительной ясностью, четкостью, изяществом и остроумием их изложения, К.Я. Грот опубликовал это письмо Н.Я. Данилевского в «Записках Русского географического общества», признав высокую научную ценность замечаний автора[1]. В этом же 1881 г. в Петербурге вышла брошюра под названием «О пути мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н.Я. Данилевского и К.Я. Грота», приглашавшая ученых к дальнейшему размышлению над этой проблемой.

Позднее Н.Я. Данилевским была выработана оригинальная система культурно-исторических типов и развития цивилизация[2]. В ней он отвергал идею о существовании общечеловеческой цивилизации, единого вида человека и развил концепцию замкнутых цивилизаций. Основу этих цивилизаций составлял народ, который рассматривался как конкретная реальность, особый биологический и культурно-исторический тип. Под ним он понимал племена и народы, объединенные общностью происхождения, языка и культуры, со своей собственной цивилизацией, не подлежащей передаче другому «типу» или заимствованию[3]. Известно, что одним из наиболее авторитетных сторонников и пропагандистов идей Данилевского на Западе был ***П.А. Сорокин***, выходец из Вологодской губернии и Коми края. В своем идеологическом развитии Н.Я. Данилевский прошел путь от увлечения социализмом до панславизма, а в научно-методологическом плане — от научного позитивизма до объективного идеализма и провиденциализма.

Хотелось бы остановиться на еще одной стороне общественной деятельности Н.Я. Данилевского. Речь идет о его естественно-научных взглядах и его участии в дискуссиях о дарвинизме, которые были актуальны для российского общества[4]. Он, как и его коллега К.Э. фон Бэр, принадлежал к числу критиков классического дарвинизма. Разбору этой теории он посвятил специальную большую работу[5]. Как отмечает Э.И. Колчинский, его сочинение стало одним из наиболее детально разработанных вариантов теологических и автогенетических концепций эволюции.

По мнению Н.Я. Данилевского, эволюция есть развертывание уже существующих зачатков; она строго направлена, так как наследственная изменчивость управляется жесткими законами, а эволюционные изменения, вызываемые внутренними факторами, всегда внезапны[6].

Прокопий Александрович Дилакторский (1868–1910), уроженец г. Кадникова Вологодской губ., библиограф, этнограф, краевед[7]. Один из современников характеризовал

---

[1] *Грот Я.К.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881; О пути Мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н. Я. Данилевского и К. Я. Грота // Известия ИРГО. Т. XIX. 1883. Вып. 3. С. 220–246.

[2] Об этом см.: *Страхов Н.Н.* Спор из-за книги Н.Я. Данилевского (Россия и Запад и Дарвинизм) // Русский Вестник. 1889. № 12. С. 186–203; *Захарова А.А.* Россия в философско-исторической концепции Н.Я. Данилевского. Томск, 1986; *Авдеева Л.Р.* Русские мыслители А.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. М., 1992; *Аринян А.Н., Михеев В.М.* Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М., 1966; *Пивоваров Ю.* Вполне русский и национальный человек // Очерки русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М., 1997. С. 149–205; *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». 2-е изд., испр. и доп. Тверь, 2001.

[3] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа… С. 77–78.

[4] Подробности об этом см.: *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб., 2006.

[5] *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. СПб., 1885. Т. 1. Ч. 1–2; 1889. Т. 2; *Страхов Н.Н.* Дарвинизм. Критическое исследование Данилевского. Рецензия. СПб., 1886.

[6] *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России… С. 178, 180–183, 197–199, 328.

[7] *Евдокимов И.В.* Библиограф Прокопий Александрович Дилакторский // Дилакторский П.А. Опыт указателя литературы по Северному краю. Вологда, 1921. С. I–X.

его следующим образом: «*Это был знающий библиограф, преимущественно в области русской литературы о Севере России. Знакомый со всеми мелочами, в особенности местного говора, Прокопий Александрович, еще живя в првинции, обратил на себя внимание академиков-профессоров своими дополняющими и корректными замечаниями к издающемуся при академии словарю русского языка и завязал сношения как сотрудник капитального издания с академией*»[1]. Происходил из дворян. Учился в Вологодском реальном училище, но не окончил его по болезни. Службу начал в Кадниковской уездной управе. Там же было положено начало его литературному творчеству, появились первые публикации по этнографии и фольклору местного уездного населения[2]. В начале 1890-х гг. П.А. Дилакторский переезжает в Вологду, где продолжает свою литературную деятельность. Здесь он занимается биобиблиографической деятельностью и собирает материалы для своих знаменитых словарей. По данным И. Евдокимова, именно П.А. Дилакторский стоял у истоков создания Вологодского общества изучения Северного края, выступив в печати с этой идеей[3]. По предложению академика А.А. Шахматова в 1905 г. он переезжает в Петербург, где становится сотрудником издаваемого Академией наук Словаря русского языка. В это же время он составляет Словарь областного вологодского наречия, оставшийся, к большому сожалению, неопубликованным. Пишет рецензии на различные этнографические и библиографические работы[4]. Умер в Петербурге в 1910 г.[5] Все оставшиеся после него рукописи были приобретены Вологодским обществом изучения Северного края.

Главным трудом жизни П.А. Дилакторского был «Опыт указателя литературы по Северному краю», в котором были собраны все опубликованные материалы по Северу с 1764 г. по 1904 г. (5073 учтенных наименований)[6]. Изданное уже после смерти автора усилиями и на средства Вологодского общества изучения Северного края, это сочинение по полноте охвата является одним из лучших дореволюционных региональных обзоров местной печати. Снабженное рядом специальных вспомогательных указателей (алфавитным, географическим и т.д.), оно удобно для пользователя, хотя в нем имеются незначительные пробелы. Так, по мнению В.И. Силина, здесь слабо представлены материалы, опубликованные в центральных изданиях, а также некоторые обобщающие исторические и статистические сочинения[7]. Тем не менее это крупнейший до сегодняшнего времени библиографический свод, в котором можно найти много интересного по традиционной культуре коми-зырян. Перу П.А. Дилакторского принадлежит книга «Вологжане-писатели», содержащая 130 биобиблиографических очерков, в котором имеется ряд сведений об исследователях Коми края[8]. Позднее автор подготовил новый вариант этой книги, увеличив количество очерков до 230 и исправив до-

---

[1] П.А. Дилакторский (Некролог) // Исторический Вестник. 1911. № 1. С. 404–405.

[2] *Непеин А.С.* Литературное наследство П.А. Дилакторского // Дилакторский П.А. Опыт указателя литературы по Северному краю. Вологда, 1921. С. XV–XVII.

[3] *Дилакторский П.А.* Нужно ли общество для изучения Вологодской губернии // Северный Край. 1902; *Он же*. Историческое краеведение на Русском Севере в XIX–XX вв.: письма к С. Н. Шубинскому // Библиография. 2004. № 5. С. 49–63.

[4] О его деятельности см.: *Евдокимов И.В*. О книжном и рукописном наследии покойного библиографа П.А. Дилакторского // Известия ВОИСК. 1914. Вып. 1. С. 69–72; *Веселовские А. и А.* Вологжане-краеведы…; *Орешина М.А.* Первый библиограф Северного края: П.А. Дилакторский // Библиография. 2004. С. 80–86; *Она же.* Из архивного наследия… С. 50–55, 68–70, 161–200.

[5] *Л.С.* Памяти П.А. Дилакторского // С.-Петерб. ведомости. 1910. 12 дек.; *Зеленин Д.К.* П.А. Дилакторский (1868–1910) // ЖС. 1911. Вып. № 3–4. С. 500–502.

[6] *Дилакторский П.А.* Опыт указателя литературы по Северному краю. Вологда, 1921.

[7] *Силин В.И.* Значение работ П.А. Дилакторского для современного краеведа // Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 2003. Ч. 4. С. 48–51.

[8] *Дилакторский П.А.* Вологжане-писатели. (Материалы для словаря писателей-уроженцев Вологодской губернии). Вологда, 1900.

пущенные в первом издании погрешности, но он не был издан и сохранился в его архиве. Частично его материалы использовали для своего словаря ***Ал.*** и ***А-др Веселовские***.

Николай Федорович Бунаков (1837–1904) — русский педагог, последователь К.Д. Ушинского, теоретик и практик начального обучения, методист русского языка, автор ряда учебников и учебных пособий[1]. Родился в Вологде в семье правителя канцелярии при Вологодском военном губернаторе. В 1854 г. окончил Вологодскую гимназию, где его соучеником был ***Г.С. Лыткин***.

Будучи производителем работ Губернского статистического комитета в 1860–1861 гг, он опубликовал несколько работ по статистике, в частности «Опыт населенных местностей Вологодской губ.»[2]. Для исследователя народного образования не потерял своего значения его обзор «Новые материалы для определения народного образования в Вологодской губернии»[3]. Ряд сведений по этнографии коми зырян содержали и его другие работы этого времени[4].

Начав свою педагогическую деятельность в 1854 г. преподавателем уездного училища в Тотьме, позднее в Кадникове, он в 1862–1864 гг. служил младшим учителем русского языка Вологодского уездного училища и губернской гимназии в Вологде. Н.Ф. Бунаков последовательно отстаивал идею всеобщего обязательного и бесплатного образования, требовал повышения уровня образования в народной школе и приближения его к потребностям жизни. Наряду с другими русскими учителями Н.Ф. Бунаков разрабатывал методы обучения детей родному языку, которые основывались на сознательном усвоении учащимися знаний и ставили своей целью развитие у детей логического мышления[5]. Свою методику он сначала разрабатывал в Воронеже, куда переехал из Вологды. В 1882 г. Комитет грамотности при Императорском Вольном экономическом обществе присудил ему золотую медаль за деятельность в пользу русской народной школы. С 1884 г. продолжил свои педагогические опыты в с. Петине Воронежской губ., где на собственные деньги построил народную школу. Там же он впервые в России начал борьбу с неграмотностью, привлекая учиться в свою школу взрослое население. Создатель первого сельского самодеятельного крестьянского театра. Активно пропагандировал свои методы организации школьного образования на различных съездах и земских курсах для учителей. В итоге его общественная деятельность была признана «*опасной*», и в 1902 г. он был арестован и лишен права заниматься педагогической деятельностью, а потом выслан под надзор полиции.

Является автором интересных мемуаров «Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной», изданных посмертно[6]. В этой книге мы встречаем одно из немногих дружеских известий о ***Г.С. Лыткине***: «*Зырянин Лыткин был солидный и трудолюбивый молодой человек, лет на 5 постарше меня. Не скажу, чтобы он был*

---

[1] *Македонов Л. В.* Николай Федорович Бунаков, его жизнь, деятельность. СПб., 1907; *Дилакторский П.А.* Вологжане-писатели… С. 14-15; *Соловьева В.М.* Педагогические взгляды и педагогическая деятельность Н.Ф. Бунакова. М., 1960.

[2] *Бунаков Н.Ф.* Опыт населенных местностей Вологодской губ. // ПКВГ на 1860 г. Вологда, 1860. Паг. 4. С. 1–23; *Он же*. Сельскохозяйственный очерк Вологодской губернии // Вологодские ГВ. 1858. № 5–24; *Он же*. О движении народонаселения // ЖМВД. 1859.

[3] *Бунаков Н.Ф.* Новые материалы для определения народного образования в Вологодской губернии // ПКВГ на 1865 и 1866 г. Вологда, 1866. Паг. 3. С. 102–120; *Он же*. Очерки народного образования Вологодской губернии // ЖМНП. 1864. Ч. 124. С. 117–132.

[4] *Бунаков Н.Ф.* Звериные промыслы в Вологодской губ. // Вологодские ГВ. 1857. № 9–11; *Он же*. Сельскохозяйственный очерк Вологодской губ. // Вологодские ГВ 1858. № 8–13, 15–29; *Он же*. Движение народонаселения в Вологодской губ. // ЖМВД. 1859. № 1; Вологодская губерния в 1859 г. Статистический очерк // Вологодские ГВ. 1860. № 36–37, 42–43, 50–52.

[5] См.:, например, *Бунаков Н.Ф.* Азбука и уроки чтения русского и церковно-славянского с постепенно-возрастающим числом букв. 15-е изд. СПб., 1880. Это пособие, по данным генерального каталога РНБ, выдержало 100 изданий.

[6] *Бунаков Н.Ф.* Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. М., 1909.

одарен особенно значительным умом и отличался даровитостью. Наоборот, в нем замечалось тугое понимание, слабая восприимчивость, некая тяжеловатость мысли. Но в нем была замечательная черта, которая ставила его выше всего класса, в особенное, исключительное положение и привлекала к нему: это его зырянофильский идеализм. Он мечтал и толковал о просвещении своего народа, к которому относился с преувеличенной, но трогательной верой в его способность к развитию и исторической роли, как настоящий зырянский патриот. И на свое образование он смотрел как средство для просвещения зырян, рано поставленного им целью своей жизни. Это был в своем роде Инсаров Тургенева. У нас немногие его понимали, большинство подсмеивались над этим зырянофильством, над этим неуклюжим и добродушным, но страшно упорным и настойчивым зырянским патриотом. Но все невольно любили и уважали Лыткина»[1].

Большую роль в становлении вологодского краеведения сыграли отец и сын А.И. и Н.А. Иваницкие[2].

Иваницкий Николай Александрович (1847–1899) — русский фольклорист, этнограф, краевед, очеркист, поэт, переводчик, ботаник. Он принадлежал к той замечательной плеяде людей второй половины XIX в., выходцев из русской интеллигенции, которые увидели в отечественной фольклористике и этнографии своеобразную отдушину, любимое делом. Его отец, Александр Иванович Иваницкий (1812–1850), происходил из обедневших вологодских дворян. Он окончил Санкт-Петербургский университет и с 1836 г. работал в Вологодской гимназии старшим учителем математики и физики. До этого некоторое время преподавал в Гатчинской гимназии. Современников поражали его энергия, любознательность, широкий научный и литературный кругозор. А.И. Иваницкий был автором сборника задач по арифметике, проводил метеорологические наблюдения в Вологде, сведения о которых публиковал в местных губернских ведомостях, заложил основы гербария дикорастущих растений окрестностей Вологды.

Родился Н.А. Иваницкий в Вологде, здесь прошло его детство и сюда он нередко приезжал позднее. С 1858 г. его семья проживала в столице, и там окончил 2-ю Петербургскую гимназию, а затем поступил в Военно-юридическое училище. Годы учебы в Петербурге совпали с бурной эпохой 1860-х гг., многочисленными студенческими выступлениями. Весной 1868 г. Н.А. Иваницкий был арестован и по распоряжению шефа корпуса жандармов графа П.А. Шувалова сослан под строгий надзор полиции в Вологодскую губернию как «*политически неблагонадежный, проявляющий крайне вредное для обществ направление под строгий надзор местных властей и негласный, но по возможности бдительный надзор и со стороны корпуса жандармов*»[3]. Основным местом жительства в ссылке был определен город Тотьма, где он и находился до 19 января 1871 г., когда получает освобождение из-под надзора полиции с предоставлением права жить где угодно, «*за исключением столиц и столичных губерний*» (это был период подъема его творчества), позднее — в Вологде, Кадникове, где создал городскую библиотеку, в Грязовце, Никольске, Вытегре, а также некоторое время в Усть-Сысольске[4].

---

[1] Цит. по: В дебрях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар, 1999. С. 196.

[2] *Дилакторский П. А.* Вологжане писатели... С. 38–40; *Веселовские А. и А.* Вологжане-краеведы… С. 28–30; *Силин В.И.* Славная династия Иваницких // Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 1998. Вып. 3. С. 57–67.

[3] Подробности и причины его ареста см.: *Чувьюров А.А.* Печорская экспедиция Н.А. Иваницкого // Памяти академика А.И. Шегрена. СПб., 2007. С. 96–97; *Новиков Н.В.* Н. А Иваницкий и его переписка с П. В. Шейном // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. III. М.; Л., 1958. С. 321.

[4] *Зверинцев Л.Н.* Николай Александрович Иваницкий (Некролог) // Олонецкие ГВ. 1899. № 92; *Круглов А.* Памяти Н.А. Иваницкого // Русские ведомости. 1899. № 350; То же // Олонецкие ГВ. 1900. № 5.

Жизнь Н.А. Иваницкого в ссылке живо и обстоятельно описана им самим[1]. В эти годы (1870–1885) Н.А. Иваницкий стал известен как ботаник и поэт. Он составил большой гербарий и список растений Вологодской губернии, которыми пользовались не только русские, но и многие зарубежные ученые[2]. Он автор большого количества работ по русской этнографии и фольклору[3]. Так как ему было строго запрещено жить в Петербурге, Н.А. Иваницкий некоторое время, в 1892–1893 гг., служил в Архангельске в канцелярии губернатора Н.Д. Голицына, а в 1895 г. переехал в Петрозаводск, где служил секретарем губернского правления. Его хлопоты о переезде в столицу не были удовлетворены, поэтому по личному прошению он был направлен Главным переселенческим управлением в Уссурийский край чиновником особых поручений VIII класса для оказания помощи переселенцам.

Н.А. Иваницкого привлекали романтика путешествий и заманчивые перспективы исследования этого дикого и неизученного края. 15 марта 1899 г. он вместе с первой партией переселенцев численностью в 850 чел. из Одессы на пароходе «Тамбов» отплыл на место назначения. Но эта поездка для Н.А. Иваницкого оказалась последней. Он заболел тифом и умер 11 ноября 1899 г. в Никольск-Уссурийском.

Предприняв в 1881 и 1885 г. поездки на Печору с целью изучения ботаники, он оставил интересные путевые очерки, в которых изобразил картины быта коми[4]. Позднее он опубликовал еще один очерк об этом путешествии[5]. В своей рукописи «Из Вологды на Печору», которая в настоящее время хранится в архиве РГО, Н.А. Иваницкий ярко передает специфику зырянской жизни, описывает ряд населенных пунктов, таких как Усть-Сысольск, верхневычегодские и верхнепечорские селения, Ульяновский монастырь. Интересно его замечание о разведении печорскими коми лис в специальных срубах-клетках. Он был удивлен отсутствием колесного транспорта у коми-зырян.

Кроме того, исследователь отрицает наличие оригинального фольклора («народной словесности» — в тексте) у коми, считая это научно доказанным фактом[6]. Но в этом очерке он сопоставляет коми предание «Яг морт» (Лесной человек) и русскую сказку «Верилока» и использует для объяснения этимологии некоторых русских слов коми язык. Так, слово *верилока* он объясняет с привлечением двух коми слов: *вӧр* — лес и *лёка* — плохо, зловредно, как злой, плохой лес; *яга-баба* из *яг* — лес, *баба* — женщина как лесная женщина[7]. Противореча своему утверждению, он приводит текст песни «Коми кыл — Коми язык» в качестве образца коми языка и его подстрочный перевод[8].

На самом деле этот текст не является образцом народного творчества, это стихотворение коми поэта ***И.А. Куратова***. Данная запись говорит о том, что, по-видимому, ко времени путешествия Н.А. Иваницкого часть творческого наследия коми поэта уже была известна печорским коми. Этот факт можно объяснить тем, что после смерти И.А. Куратова в г. Верном большая часть его архива оказалась именно на Печоре, в с. Троицко-Печорске, у его

---

[1] Записки Николая Александровича Иваницкого // Север. Кн. 2, 3–4, Вологда, 1923, С. 17–48, 29–68.

[2] О Н.А Иваницком-ботанике см. *Снятков А.А.* К истории изучения флоры Вологодского края // Север. Кн. 2 (6). Вологда, 1927. С. 85–88.

[3] Библиографию работ Н.А. Иваницкого см.: Русский фольклор. Библиографический указатель. 1881–1900. Л., 1990. С. 463; *Новиков Н.В.* Н.А. Иваницкий и его фольклорное собрание // Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960. С. 2–3.

[4] *Иваницкий Н.А.* Ботаническая прогулка из Вологды на Печору // Вологодские ГВ. 1882. № 32–36; *Он же.* Вологодская Печора (Из путевых записок) // Вологодские ГВ. 1886, №№ 17, 19, 20, 21; *Он же.* В Печорском крае // Нива. 1882. № 1. С. 4–15. Об этой поездке см.: Поездка Н.А. Иваницкого на Урал // Отчет ИРГО за 1882 г. СПб., 1883. С. 57.

[5] *Иваницкий Н.А.* Вологодская Печора. Из путевых записок // Вологодские ГВ. 1886. № 17, 19, 20, 21.

[6] *Иваницкий Н.А.* Из Вологды на Печору // Архив РГО. Разряд 7, оп. 1, № 50, л. 23.

[7] Там же. Л. 46–49.

[8] Там же. Л. 44–45.

родственников и была открыта лишь в 1923 г. коми этнографом и археологом ***А.С. Сидоровым***. Так как автор отмечает, что «*она не вышла из народа, но принята народом и поется*», возможно, что он видел часть этого архива, хотя и не упоминает об этом.

На Печоре его интересовало старообрядчество. Чтобы разобраться с ним, он обращался к местным священникам. Что из этого вышло во время посещения с. Щугор, видно из его статьи: «*Был глубоко разочарован, увидев перед собой нечто весьма ограниченное, приниженное и лицемерное. Поп рассыпался в жалобах на то, что в церковь к нему ходят лишь 10 человек, да и те "сомнительные", остальные ни за что не хотят крестить своих детей, не исповедуются, не причащаются, вообще не только избегают храма божия и его, отца духовного, но даже явно смеются над ними (придя в церковь, напр., становятся спиной к алтарю) и презирают его. Вот бы урядника сюда, — заключил он свою иерамиду*»[1].

Большой интерес для характеристики сельского хозяйства коми представляют статьи Н.А. Иваницкого о растениях, распространенных в Вологодской губернии[2]. Автор приводит ряд коми-зырянских названий цветов, трав и другой ботанической номенклатуры. Одновременно эта на первый взгляд сугубо ботаническая работа содержит ряд небольших, но ценных этнографических наблюдений: рассмотрение земледелия у коми-зырян, исходя из климатических отличий различных районов проживания коми, что говорит о приверженности автора к теории географического терминизма. Например, только у Н.А. Иваницкого можно встретить упоминание о том, что на Удоре для ускорения процесса оттаивания пашни с нее ранней весной вывозили снег. Кроме того, имеются сведения о коми народной медицине, в частности названия растений, которые используются при лечении разных болезней.

На основе этнографических и фольклорных материалов: народных песен, сказок, легенд, пословиц, поговорок и загадок, которые он записал в разных местах этого региона в 1880–1890-е гг., Н.А. Иваницкий публикует большой обобщающий труд «Материалы по этнографии Вологодской губернии», который был удостоен ОЛЕАЭ серебряной медали[3].

Вениамин Петрович Шляпин (1861–1943), краевед, историк Вологды и Великого Устюга[4]. Родился в семье священнослужителя Грязовецкого у. Вологодской губ., но воспитывался в семье бабушки, так как очень рано остался сиротой. После окончания Вологодского духовного училища в 1874 г. В.П. Шляпин поступил в Вологодскую духовную семинарию. Но духовная служба его не прельщала. Он решил учиться в Лазаревском институте восточных языков в Москве, но не поступил. В 1879 г. зачисляется писцом Вологодского статистического комитета и «Вологодских губернских ведомостей». В это же время он знакомится с ***Ф.А. Арсеньевым***, секретарем комитета, и под его влиянием начинает писать. В 1881 г. возобновляет обучение в Вологодской духовной семинарии, сохранив за собой должность писца. В 1883 г. уезжает учиться в Московскую духовную академию. Здесь он становится учеником В.О. Ключевского, который привил В.П. Шляпину любовь к историческим памятникам и опыт работы с ними.

В 1888 г., после окончания академии в 1887 г., возвращается в Вологду, где некоторое время состоит письмоводителем при Великоустюжском епископе. Затем начинается его деятельность в качестве учителя арифме-

---

[1] *Иваницкий Н.А.* Из Вологды на Печору… С. 128–129.

[2] *Иваницкий Н.А.* Список растений Вологодской губернии как дикорастущих, так и возделываемых на полях и разводимых в садах и огородах // Тр. Общ-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. 1883. Т. 13. Вып. 5. С. 1–112; *Он же*. Список растений, употребляемых в Вологодской губернии как лекарства // Изв. ОЛЕАЭ. Т. 59. Вып. 1. С. 147–155; *Ivanitzky N.* Über die Flora des Gouvernemets Wologda // Botanische Jahrbücher. Berlin, 1882. Bd. III. Helf 5.

[3] *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. 1890. Т. 69. Вып. 1. (ТЭО ИОЛЕАЭ. Кн. 11.) М., 1890.

[4] *Чебыкина Г.К.* В.П. Шляпин: историк и краевед // Быть на Устюзе: ист.-краевед. сб. Вологда, 1993. С. 21–27.

тики, геометрии, географии в местных учебных заведениях. В 1890 г. указом Святейшего Синода направляется в качестве учителя в Усть-Сысольск, где прожил 9 лет. В 1899 г. В.П. Шляпин был переведен в Устюжское духовное училище (г. Великий Устюг), в котором прожил до самой смерти. При переходе из Усть-Сысольска в Устюг получил следующий отзыв: «*Преподаватель арифметики, географии и природоведения В.П. Шляпин лучший из наставников училища. Преподает он энергично, наглядно и вразумительно, к делу относится добросовестно и по нравственному доброму своему характеру имеет благотворное влияние на учеников. Много занимается и научными трудами в области истории местного края*»[1].

В общей сложности он отдал преподаванию 30 лет жизни. Дослужился до чина статского советника, был награжден орденами Станислава III степени и Анны III степени. С момента организации в 1909 г. до закрытия в 1918 г. состоял товарищем председателя Комитета Великоустюжского древлехранилища.

В 1880-х гг. В.П. Шляпин начинает печататься в местной губернской печати. Его перу принадлежат более 40 трудов историко-краеведческого и археографического характера[2]. Из его разысканий наиболее существенным и серьезными являются публикации Жития Прокопия Устюжского и «Актов Великоустюжского Михало-Архангельского монастыря»[3].

В некоторых из его публикаций рассматривалась традиционная культура народов коми, и они были основаны на материалах, собранных во время работы в Усть-Сысольске. В первую очередь это касается работы «Удора»[4]. Немало интересного о хозяйстве Коми края можно найти в статье о статистическом описании Вологодской губернии 1882 г.[5] В.П. Шляпин публикует работу по истории школ в Коми крае[6]. Большой интерес представляют его автобиографические записки, в которых упоминаются Ф.А. Арсеньев, Д.Я. Попов и другие деятели вологодского и устьсысольского краеведения[7].

После революции, с 1920 по 1930 гг., Вениамин Петрович был сотрудником Северодвинского губернского архивного бюро. Благодаря его деятельности в это сложное время удалось спасти и сохранить ценнейшие материалы из местных монастырей и церквей, являющиеся документами по истории края. Он активно сотрудничал с Северодвинским губернским обществом изучения местного края, которое было организовано в Великом Устюге в 1923 г. Под его редакцией вышли 6 выпусков «Записок» общества, в том числе и исследование коми народа[8]. В декабре 1927 г. В.П. Шляпин был делегатом 3-й Всероссийской конференции по краеведению. После прекращения краеведческой деятельности в Великом Устюге он продолжил исследовательские занятия. В 1931 г. недолго находился под арестом, но был освобожден, страшные репрессии его не затронули. Последние годы жизни в основном писал «в стол». В своих автобиографических

---

[1] *Чебыкина Г.К.* В.П. Шляпин: историк и краевед… С. 23.

[2] Список работ В.П. Шляпина // *Веселовские Ал. и Ал-др.* Вологжане-краеведы… С. 160–167; Быть на Устюзе... С. 28–30.

[3] *Шляпин В.П.* Житие праведного Прокопия Устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопьевского собора. СПб., 1903; *Он же.* Акты Великоустюжского Михало-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912–1913. Ч. 1–2.

[4] *Шляпин В.П.* Удора. Из воспоминаний о путешествии на Удору в 1888 г. // Богатства Севера. 1920. № 6. С. 10–25; За работу. 1921. № 1. С. 76–83; № 2. С. 72–80; 1922. № l. С. 71–76.

[5] *Шляпин В.П.* Статистические сведения о составе волостей Вологодской губернии // Вологодские ГВ. 1882. № 81–87, 89, 92, 94–99; 1883. № 1–5, 7; То же // Вологод. сб. Вологда, 1883. Т. 3. С. 48–213.

[6] *Шляпин В.П.* Яренско-Усть-Сысольское духовное училище (Несколько сведений, относящихся к истории училища) // Вологодские ЕВ. 1900. № 7, 8, 11, 13, 15, 17; 1901. № 2, 3, 6, 9–12, 15. То же. Вологда, 1901. В ней содержится ряд биографических данных учителей, подвизавшихся на ниве местного краеведения.

[7] *Шляпин В.П.* Из моих жизненных встреч... С. 31–51 и др.

[8] *Шляпин В.П.* Яренск, бывший город, ныне село. (Исторический очерк) // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Великий Устюг, 1929. Вып. 6. С. 82–103.

заметках, написанных в эти годы, он с сожалением писал: «*По трудам моим меня знают в ученом мире и в Питере, и в Москве. В Устюге не знают, а в Питере знают. Это меня утешало*»[1]. Незадолго до смерти отдал все свои рукописи и сохранившиеся исторические материалы в Великоустюжский историко-архитектурный музей-заповедник, где они хранятся в настоящее время.

В 1909 г в Вологде по образцу Архангельского общества изучения Русского Севера было создано ***Вологодское общество изучения Северного края*** с целью «*изучения Севера Европейской России преимущественно в отношении историческом, географическом, научном, бытовом, культурном и экономическом, а также привлечение правительственного и общественного внимания к нуждам и особенностям Северного края*»[2]. Основные сферы деятельности общества — этнография, история, археология, естественно-научные изыскания. При обществе существовали музейно-библиографическая, историко-археологическая, естественно-историческая и географо-этнографическая ко миссии[3]. Открытию общества активно содействовал вологодский губернатор А.Н. Хвостов, который на первых порах стал своеобразным «локомотивом», обеспечившим прохождение учредительных документов в вышестоящих инстанциях. Вслед за губернатором в общество вступили многие губернские и уездные чиновники, что обеспечило административную поддержку его работы. Деятельность общества привлекала внимание местной печати, где регулярно публиковались материалы о нем[4].

Для ознакомления широкой общественности с результатами своей деятельности ВОИСК с 1914 г. организовало выпуск собственных «Известий Вологодского общества изучения Северного края»[5]. На выход первого номера один из местных общественных деятелей, ссыльный социалист-революционер и литератор ***Ферапонт Иванович Седенко*** (Петр Витязев), откликнулся следующими словами: «*Исторические исследования, бытовые особенности, экономические условия севера России, положение крестьянского хозяйства и его задачи в связи с географическим, климатическим положением Вологодской губернии — все это громадный материал, который давно ждет разработки. Приветствуя появление "Известий", мы от души желаем новому журналу стать главным двигателем в культурном развитии нашего края*»[6]. Благодаря усилиям членов Общества при нем в 1911 г. был основан музей, в котором сложилась небольшая, но интересная кол-

---

[1] *Чебыкина Г.К.* В.П. Шляпин: историк и краевед… С. 21.

[2] Устав Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1909. С. 3.

[3] *Колычев Ал.* О возникновении Вологодского общества изучения Северного края. (Страничка из прошлого) // Северный Край. 1922. Кн. 1. Январь–февраль. С. 38–39; *Трапезников В.Н.* Вологодское общество изучения Северного края и его музей как очаги родиноведения. Вологда, 1916; *Гр. Н.* За 15 лет. Краткий очерк деятельности Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1924; *Панов Л.С.* Вологодское общество изучения Северного края в общественно-политической жизни Вологодской губернии (1909–1918 годы) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: материалы науч. конф. Вологда, 2005. С. 176–184; *Коновалов Ф.Я.* Вологодское общество изучения Северного края в 1920-е годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: материалы науч. конф. Вологда, 2005. С. 184–194.

[4] Например, Ежегодник Вологодской губернии на 1914 год. Вологда, 1914; Обзор деятельности Вологодского Общества изучения Северного края // Изв. ВОИСК. 1914. Вып. 1; Из жизни Вологодского общества изучения Северного края // Изв. ВОИСК. 1914. Вып. 1; Из жизни Вологодского общества изучения Северного края // Изв. ВОИСК. 1915. Вып. 2; Из жизни Вологодского общества изучения Северного края // Изв. ВОИСК. 1916. Вып. 3; Отчет о деятельности ВОИСК за 1913 г. // Вологодский листок. 1914. № 673; Вологодское общество изучения Северного края в 1918, 1919 и 1920 годах // Северный край. 1922. Кн. 1. Январь–февраль.

[5] Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1914–1917. Вып. 1–4; Отзывы печати об «Известиях » // Изв. ВОИСК. 1916. Вып. 3.

[6] Вологодский листок. 1914. 13 мая.

лекция по культуре коми-зырян[1]. Общество просуществовало до 1930 г., хотя в его деятельности был перерыв, связанный с революцией и Гражданской войной. Сохранился архив общества[2]. С ним активно сотрудничали многие ученые и краеведы обоих столиц и городов Русского Севера: Д.А. Золотарев, ***П.А. Сорокин*** и др. Последний стал членом-корреспондентом общества в 1915 г., хотя сотрудничал с ним и ранее[3]. Например, в 1913 г. П.А. Сорокин три раза выступал с сообщениями на его заседаниях, в частности с докладом «Происхождение семьи и история человеческого брака».

Одним из деятельных членов общества был вологодский адвокат, историк-краевед, этнограф, социал-демократ, в недалеком прошлом политический ссыльный ***Владимир Николаевич Трапезников*** (1874–1937)[4]. Уроженец Перми, выпускник Пермской гимназии, после окончания в 1897 г. юридического факультета Казанского университета помощник присяжного поверенного, В.Н. Трапезников занимался в родном городе адвокатской деятельностью и был активным социал-демократом. Он был одним из организаторов пермской группы «Освобождение рабочего класса», которое находилось под воздействием ленинского «Союза освобождения рабочего класса». В 1902 г. был арестован и сослан в 1903 г. в Архангельскую губернию за организацию Пермской группы Российской социал-демократической рабочей партии. В 1905 г. принимал участие в вооруженном восстании в Мотовилихе, рабочем районе Перми.

Несколько раз подвергался арестам, в тюремной больнице написал большой научный труд «Очерки истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения», опубликовать который ему удалось лишь в 1911 г. в Архангельске[5]. В нем он изобразил картину заселения Урала русскими. Неопубликованной осталась вторая часть этого сочинения — «Очерки истории классовой борьбы в Пермском Приуралье во времена крепостного права» (уже название этой работы свидетельствует о ее марксистской направленности). Кроме того, им была написана «Летопись города Перми (XV в. — 1920)», опубликованная также через много лет[6]. Как отмечают С.И. Гилева и Е.Н. Шумилов, в своей «Летописи…» В.Н. Трапезников, в отличие от своих коллег-краеведов, основной упор делает на историю общественно-политической жизни города.

В период Первой русской революции ему, члену пермского, а затем нижегородского комитетов РСДРП, грозил каторжный судебный приговор, но после ареста в 1907 г., не дожидаясь окончания следствия, В.Н. Трапезникова сослали в Вологду. Здесь он остался до окончания срока: занимался юридической практикой и общественной и краеведческой деятельностью[7]. В 1910 г. стал членом Вологодского ОИСК. Его появление в обществе не осталось без внимания со стороны местного

---

[1] *Н-ъ А.* Музей Вологодского общества изучения Северного края // Вологодский листок. 1914. № 794.

[2] Труды Вологодского общества изучения Северного края. Ученый архив Вологодского Общества изучения Северного края и его научные ценности. Вологда, 1926; Рец.: Краеведение. 1927. № 1; Этнография. 1928. № 1. С. 147–148.

[3] Отчет Вологодского общества изучения Северного края за 1915 г. Вологда, 1916. С. 9.

[4] *Хитрово П.И.* Трапезников Владимир Николаевич // Революционеры Прикамья. 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь, 1966 С. 643–648; *Дойков Ю.В.* В.Н. Трапезников в Архангельске // Третьи Смышляевские чтения. Пермь, 1993. С. 57–59; *Он же*. В.Н. Трапезников в Архангельской губернии // Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 118–121; *Он же*. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1. (1889–1922). С. 362–366; *Гилева С.И., Шумилов Е.Н.* Трапезников В.Н. // Краеведы и краеведческие организации Перми: биобиблиограф. справ. Пермь, 2000. С. 269–270.

[5] *Трапезников В.Н.* Очерки истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV–XVII вв.) // Изв. АОИРС. 1911. № 12–15, 17, 20–24.

[6] *Трапезников В.Н.* Летопись города Перми (XV в. — 1920). Пермь, 1998.

[7] *Панов Л.С.* Переписка Ф.И. Витязева и В.Н. Трапезникова (Из истории Вологодского общества изучения Северного края) // Вологодская старина. Послужить Северу: ист.-худ. и краевед. сб. Вологда, 1995. С. 117–120.

жандармского управления. Это было связано с тем, что общество стало играть важную роль в местной политической жизни. Его культурно-просветительская деятельность приобрела левый характер, в чем местные жандармы усмотрели влияние социал-демократа В.Н. Трапезникова. В 1912 г. местные левые выдвинули его кандидатуру в IV Государственную думу, противопоставив тем самым председателю земской губернской управы А.А. Можайскому, но победить последнего на губернском избирательном собрании не удалось[1].

Деятельность В.Н. Трапезникова в обществе была разносторонней[2]. Он некоторое время состоял членом ревизионной комиссии, товарищем председателя Общества, председателем редакционной комиссии по изданию трудов общества. Был первым историографом общества. В 1915 г. выступил с докладом о его деятельности, который был опубликован в виде отдельной брошюры[3]. Большой успех имели его публичные лекции, например «Первобытное население Севера России», позднее опубликованная в виде статьи[4]. Выступал он и с политическими докладами. В частности, в докладе «Война и победа» он показал себя стойким «оборонцем», призывал к сплочению усилий для победы над «германским империализмом». В.Н. Трапезников был сторонником такого вида краеведческой деятельности, как научные экскурсии, которые он считал полезными, во-первых, потому что они дают представление о местном крае и, во-вторых, способствуют сближению с провинциальными краеведами. Он лично принимал участие в подобных мероприятиях. Например, в 1915 г. под его руководством состоялась поездка в Сольвычегодск, Великий Устюг и Тотьму, результатом которой стала большая статья[5].

Принял самое активное участие в бурных политических событиях 1917 г. в Вологде. В марте–апреле — член Временного губернского комитета, редактор «Вологодских губернских ведомостей», член губернской комиссии общественной безопасности. Выйдя со своими сторонниками из местной организации РСДРП, В.Н. Трапезников создал в Вологде социал-демократическую группу плехановцев «Единство». Эта организация, основываясь на его докладе, вскоре приняла резолюцию в поддержку Временного правительства и продолжения войны. Много выступал как лектор, митинговый оратор, автор листовок и газетных статей. Был избран гласным Городской думы, выдвинут кандидатом в Учредительное собрание. Резко осудил Октябрьскую революцию, выступал против установления власти Советов в губернии. Выдвигался 1917 г. в члены Учредительного собрания от марксистской группы «Единство». В марте — апреле 1918 г. редактировал местную газету «Северная Заря»; которая, выпустив 18-й номер, была закрыта президиумом исполкома Вологодского совета как орган противоправительственого направления. 8 июня 1918 г. М.С. Кедров издал приказ «*арестовать и предать суду Революционного Трибунала бывшего присяжного поверенного Трапезникова за контрреволюционную деятельность и призывы к неповиновению Советской власти и к свержению ее*»[6]. Поэтому В.Н. Трапезников покинул Вологду.

---

[1] *Панов Л.С.* Вологодское общество изучения Северного края … С. 178; *Он же.* Материалы общественного деятеля и краеведа В.Н. Трапезникова (1874–1937) в архивах Вологды и Перми // Историческое краеведение и архивы: материалы межрегион. конф. 18 марта 2004 г. Вологда, 2004. Вып. 11. С. 121–129.

[2] *Орешина М.А.* Из архивного наследия… С. 23–27 и т.д.

[3] *Трапезников В.Н.* Вологодское общество изучения Северного края и его музей как очаги родиноведения: докл., прочит. 22 ноября 1915 г. на заседании Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1916.

[4] *Трапезников В.Н.* Первобытное население севера России // Изв. ВОИСК. Вып. 3. С. 32–53.

[5] *Трапезников В.Н.* По городам древнего Заволочья (из экскурсии летом 1915 г.) // Русский экскурсант. 1916. № 5. С. 16–22; № 6. С. 8–16; № 7. С. 11–19.

[6] *Панов Л.С.* Об издании путеводителя по Вологодской губернии: (материалы из истории Вологодского общества изучения Северного края 1915–1922 годов) // Русская культура нового столетия. Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 240–248.

В это тревожное время В.Н. Трапезников издает книгу «Наш край. Популярный очерк Вологодской губернии (опыт родиноведения)», в которой имеется материал по Коми краю[1]. Эта книга — один из первых образцов региональных краеведческих сочинений, которые позже, в 1920-е гг., во время расцвета краеведческого движения в СССР, будут представлены в большом количестве.

У этой книги поучительная история. С момента создания Вологодская ОИСК хотела издать «Путеводитель по Вологодской губернии». Необходимость подобного сочинения обосновывалось тем, что «*с пробуждением в последнее время интереса к Северу чаще стали устраиваться экскурсии в этот далекий, угрюмый край. Чаще стали посещать его исследователи, предприниматели и обыкновенные туристы, находя здесь новый и богатый материал для своих поездок. Ведь прошлое Севера долго оставалось забытым, и теперь только начинает получать робкое освещение. Природные богатства Севера также долго оставались скрытыми. Суровый климат и унылая природа казались мало привлекательными. Но вот своеобразная могучая красота его постигнута, богатства найдены, и скучный раньше Север оживает, становится интересным*»[2].

Краткий путеводитель был издан в 1915 г., но многих не устраивал по содержанию. Поэтому Правление приняло решение издать новый путеводитель, поручив подготовить его В.Н. Трапезникову. Рукопись книги была готова в конце 1917 г., но в силу революционных событий опубликована она была только в 1918 г. под названием «Наш край». Она стала итогом всей научно-краеведческой деятельности автора в вологодский период его жизни (1907–1918 гг.).

Под этим географическим понятием он подразумевал всю территорию дореволюционного вологодского губернского пространства, хотя выход «*популярного очерка*» совпал во времени с новым административно-территориальным делением ее на Вологодскую и Северо-Двинскую губернии.

Книга делится на три неравные части. В первой дается описание пространства и границ губернии, рельефа, водных объектов, растительного и животного мира. Во второй — характеристика населения и хозяйственных занятий. В третьей — описание культурного пространства, краткая характеристика городов и населенных мест. Здесь нашлось место и церковной истории региона с его многочисленными культовыми сооружениями.

Как можно понять из этой книги, в описании этногенетической истории региона В.Н. Трапезников следует теории ***А.И. Шегрена*** и пользуется его ономастической методологией. Анализируя местную топонимику, В.Н. Трапезников прямо утверждал: «*По названиям этих урочищ и рек можно заключить, что зырянское племя или его предки некогда заселяли все пространство Вологодской губернии и, уходя на северо-восток под напором славянской колонизации, оставляли в наследие последующим поколениям свои названия рек, населенных мест и урочищ*»[3].

Характеризуя древнее население края как близкородственные племена финской группы, называвшиеся в древности чудью, В.Н. Трапезников отождествлял его с прямыми предками народа коми. Его рецензент, вологодский краевед, врач и ботаник А.А. Снятков, напротив, считал, что коми-зыряне не являются древнейшим вологодским населением. На берега Вычегды они пришли, скорее всего, не так давно, возможно, даже после начала славянской колонизации края[4].

---

[1] *Трапезников В.Н.* Наш край. Популярный очерк Вологодской губернии (опыт родиноведения). Вологда, 1918. Следует отметить более раннюю его работу: *Он же.* Первобытное население севера России // Изв. ВОИСК. 1916. Вып. 3. С. 32–53; *Он же.* Торговые сношения англичан с Россией через Северный край в XVI–XVII вв. // Северный край. Вологда, 1922. Кн. 1. С. 5–21.

[2] *Панов Л.С.* Об издании путеводителя по Вологодской губернии…

[3] *Снятков А.А.* В.Н. Трапезников. «Наш край» (Вологда, 1918) // Материалы по изучению и использованию производительных сил Северного края. Вып. II. Вологда, 1921. С. 127–131.

[4] Там же. С. 131.

Сегодня мы можем сказать, что оба они правы, ибо до славянской колонизации эта территория была заселена предками финно-угорских народов, которые оставили здесь финно-угорскую топонимику. Из финно-угорских языков В.Н. Трапезников пытался объяснить топоним «Вологда» от вепсского слова «*воугед*», которое звучало на языке исторической веси как «*валькеда*» и означало «*белая*»[1].

С 1918 по 1921 г. работал юрисконсультом и начальником секции музеев Управления обслуживания Наркомпроса в Москве. В 1921 г. был арестован органами ОГПУ и сослан на год в Архангельскую губернию, Печорский уезд, с. Усть-Цильма. Но был оставлен в Архангельске, где работал в «Северолесе». В 1930-е гг. находился в родной Перми, где сначала работал заведующим историко-бытовым отделом Пермского государственного музея, а потом юристом в различных организациях — в Пермском отделении Свердснабсбыта, на пермском заводе им. А.А. Шпагина, в тресте «Камлесосплав». 7 декабря 1937 г. был снова арестован «*за участие в контрреволюционной повстанческой организации*» и расстрелян 9 декабря 1937 г.

В биографии В.Н. Трапезникова имеется одна неясность. В конце 1917 г. он жил в Вологде. Но, по данным пермских газет, он читал лекции в Перми. Между Февральской и Октябрьской революциями Пермское губернское земство в преддверии выборов в Учредительное собрание организовало курсы для лекторов-пропагандистов. Как видно из опубликованной программы курсов, он был одним из лекторов. В.Н. Трапезников должен был прочитать несколько лекций: «Партия социал-демократов» (2 час.), «Научный социализм» (14 час.)[2].

ВОИСК имело хорошую научную репутацию. Об этом свидетельствует тот факт, что Русское антропологическое общество планировало провести здесь в 1915 г. съезд краеведческих научных обществ (Вологодского, Олонецкого, Рыбинского, Архангельского и т.д.), изучающих северный регион[3].

Рассматривая деятельность Вологодского общества изучения Северного края, необходимо вспомнить еще одного человека, который активно занимался научно-организационной работой. Речь идет о ***Ферапонте Ивановиче Седенко*** (1886–1938), взявшем литературный псевдоним Петр Витязев. Он родился в г. Аккермане (ныне Белгород-Днестровский, Республика Украина). Поступив в Новороссийский (Одесский) университет, он, однако, пренебрег учебой ради участия в политической борьбе в составе эсерских организаций и боевых отрядов, активно действовавших в Аккермане и Одессе в 1905–1907 гг. В январе 1907 г. 20-летний Ферапонт Седенко был арестован. Далее «*два года Вологодской губернии, три года Сибири, два года тюрем и этапов, наконец, остальные два года — скитания, бродяжничество и университет*»[4]. В 1910 г., будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, знакомится с ***П.А. Сорокиным***, дружба с которым продолжалась вплоть до высылки последнего из СССР. После участия в студенческих волнениях 1910–1911 гг. Ф.И. Седенко-Витязев вновь был арестован и выслан в Вологодскую губ., сначала в Грязовец, а потом в Вологду. Здесь он начинает заниматься литературной деятельностью, активно публикуется в местной печати[5]. Позднее, находясь уже в Петербурге, он неоднократно оказывал помощь сво-

---

[1] Здесь чувствуется влияние финского лингвиста Яло Калима, на книгу которого Трапезников опубликовал рецензию: *Трапезников В.Н. Kallma Jalo*, Die ostseefinnischen Lehnwörter in Russischen. Helsingfors. 1915 // Известия Вологодского общества изучения Северного Края. Вып. IV. Вологда. 1917. [Электронный ресурс.] Режим доступа http://www.booksite.ru/fulltext/Izves/tia/1917/1.htm

[2] Политические курсы Пермского губернского земства // Пермская земская неделя. 1917. № 24. 9 июля. Цит. по: *Андреев Н.В.* Учительство в Пермской губернии в марте–октябре 1917 г. // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранении, преемственность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Березники, 1999. С. 98–103.

[3] *Панов Л.С.* Переписка… С. 118.

[4] *Ратнер А.В.* Под псевдонимом «Петр Витязев» // Советская библиография. 1986. № 3. С. 56; *Везарова Л.А.* Ф.И. Витязев // Книга. Материалы и исследования. М., 1986. Сб. 53. С. 79–96.

[5] *Панов Л.С.* Переписка… С. 118.

им вологодским друзьям. Так, он связал ВОИСК с Русским антропологическим обществом, присылал книги, искал авторов, предлагал темы для совместных исследований. Например, для готовящегося третьего выпуска «Известий ВОИСК» он предлагал привлечь в качестве авторов ***П.А. Сорокина***, ***К.Ф. Жакова***, ***В.П. Налимова***, а также С.И. Руденко, Д.Н. Анучина, Д.А. Золотарева.

Ф.И. Витязев в конце 1915 г. отправился в действующую армию, на некоторое время прекратив литературную и научную деятельность. В 1917–1918 гг. он руководил кооперативным книжным издательством «Революционная мысль», в 1918–1926 гг. — издательством «Колос», выпускавшими литературу по истории общественной мысли, мемуары, беллетристику и книги по различным областям знаний. Написал и издал ряд работ по библиографии и книжному делу, собрал огромный архив по творческому наследию П.Л. Лаврова. В апреле 1930 г. Ф.И. Витязев был арестован и отправлен в лагерь на строительство Беломорканала, а затем благодаря хлопотам В.Н. Фигнер и М.И. Ульяновой, знавшей его еще по дореволюционной вологодской ссылке, переведен в Нижний Новгород и Ульяновск. В последнем городе, по иронии судьбы и рекомендации Марии Ильиничны, привлекался к работе в Музее В.И. Ленина. Переехав летом 1933 г. в Москву, Ф.И. Витязев сотрудничал с Государственным литературным музеем и его директором В.Д. Бонч-Бруевичем, участвовал в подготовке сборников серии «Литературное наследство», печатался в периодике. 2 апреля 1938 г. как «*активный участник антисоветской эсеровской террористической организации*» Ферапонт Иванович Седенко-Витязев был арестован. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 14 июня 1938 г. был приговорен к расстрелу[1].

На самом деле в краеведческом движении в Вологде, в том числе и в изучении коми-зырян, принимали участие намного больше людей, чем мы указали выше. Как и во многих других губерниях, в это движение были вовлечены многие учителя и священники. И хотя они зачастую оставили не больше пары статей, последние и сегодня интересны и ценны своими непосредственными наблюдениями. Поэтому мы отметим некоторых из них.

Учитель Велико-Устюжского уездного училища (арифметика и география) ***Ардашев Василий Федорович*** в конце 1850-х гг. опубликовал статью, посвященную зырянским загадкам и песням[2]. Охотничьим промыслам коми-зырян была посвящена работа учителя арифметики и геометрии Яренского уездного училища в 1840-1850 гг. ***Евгения Александровича Балова***[3].

В числе таких подвижников следует упомянуть ***Николая Дмитриевича Волкова,*** перу которого принадлежит одно из первых локальных описаний региональной группы удорских коми. Он был уроженцем Усть-Сысольского уезда, сыном дьячка. Позднее работал сельским учителем, сотрудником в Вологодском статистическом комитете[4].

В самом конце XIX в. деятельностью по христианизации предков коми ***Стефаном Пермским*** и церковной историей занимался ***Алексей Константинович Лебедев***. После окончания в 1878 г. Вологодской духовной семинарии он продолжил свое образование в 1878–1888 гг. в Московской духовной академии. Потом преподавал русский и латинский языки в Вологодской духовной семинарии. Ему было поручено произнести торжественную речь в память Стефана Пермского во время празднования 500-летия успения святителя коми-зырян[5].

---

[1] *Панов Л.С.* Переписка… С. 118.

[2] *Ардашев В.Ф.* Зырянские загадки и песни // Вологодские ГВ. 1859. № 6; *Дилакторский П.А*. Вологжане-писатели… С. 9.

[3] *Е.А.* Охотничьи промыслы в Усть-Сысольском, Яренском и Сольвычегодском уездах // Вологодские ГВ. 1846. № 14, 15; *Дилакторский П.А*. Вологжане-писатели… С. 11.

[4] *Волков Н.Д.* Удорский край. Этнографический очерк // Вологодские ГВ. 1879. № 33–38, 50–52; *Он же*. Вологодский сборник. Т. 1. Вологда. 1879. С. 1–35; *Дилакторский П.А*. Вологжане-писатели… С. 20–21.

[5] *Лебедев А.К.* Святая обитель среди зырян и ее строения // Церковные ведомости. 1895. № 23; *Он же.*

Очень интересные наблюдения об религиозном синкретизме у коми зырян оставил ***Николай Александрович Заварин*** (?–1870). Учился в Вологодской семинарии и Московской духовной академии, которую закончил магистром богословия. Преподавал в Тульской семинарии церковную историю, потом перевелся в Вологодскую епархию преподавателем семинарии[1].

4.2. Изучение народов коми в Архангельске

В сфере интересов архангельских краеведов в первую очередь оказались коми-ижемцы, особая этнографическая группа народа коми, район проживания которой после ряда административных реформ Российской империи оказался в пределах Архангельской губернии. Попытки обобщения известных к тому времени сведений о губернии предпринимались еще в начале XIX в. Этому во многом способствовала деятельность Императорского Вольного экономического общества, которое иногда рассылало различные исследовательские программы[2]. Именно в рамках этой деятельности появляется книга А.П. Пошмана «Архангельская губерния…»[3].

Статьи о коми появлялись и в «Архангельских губернских ведомостях». Позднее наиболее интересные из них были собраны в т.н. «Архангельском сборнике». Например, в первой части опубликованы материалы М.Ф. Истомина «Ижма», «Печора и Печорский край». Это был, по сути, отчет штабс-капитана Корпуса лесничих Боровского, командированного Министерством государственных имуществ в 1853 г. для исследования лесов Печорского края. Сведения о коми можно найти также в статье о Мезенском уезде[4].

Долгое время основным научно-методическим центром в губернии был местный Губернский статистический комитет, созданный, как и в Вологде, в 1864 г. Комитет занимался составлением «Памятных книжек Архангельской губернии» и уделял много внимания проблемам народонаселения и усовершенствования методики сбора данных о движении населения. По поручению Центрального статистического комитета им была организована перепись населения, составлены списки населенных мест, собраны сведения о землях, количестве строений в уездных городах и многое другое. Многие данные публиковались в «Памятных книжках», в статистическом разделе под различными наименованиями[5]. Кроме того, публиковались и некоторые специальные статьи, в которых поднимались вопросы коми-зырянской этнографии[6]. Одно-

---

Вологодские ЕВ. 1895. № 15; *Он же.* Св. Стефан, первый епископ Пермский. 1396–1896 // Вологодские ЕВ. 1896. № 5, 6; *Он же.* Церковно-приходские школы среди зырян // Народное образование. 1896. № 1. С. 74–81. О нем см.: *Дилакторский П.А*. Вологжане-писатели… С. 62–64.

[1] *Заварин Н.А.* О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской губернии // Вологодские ЕВ. 1868. № 21, 23, 24. О нем см.: *Дилакторский П.А*. Вологжане-писатели… С. 29–30.

[2] *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество в России. 1765–1917. Л., 1963. Например: Начертание общего топографического и физического описания Российской империи // Академические известия. 1780. Ч. 4. С. 101–137; Начертание ко всегдашней задаче и награждению тех сочинителей, кои хозяйственные описания частных Российских наместничеств сообщать будут // Тр. ВЭО. 1791. Ч. 13. С. 78–338; Программа для собирания сведений о сельской поземельной общине. СПб., 1878.

[3] *Пошман А.П*. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями. СПб., 1802.

[4] Архангельский сборник, или материалы для подробного описания Архангельской губернии, собранные из отдельных статьей, помещенных в разное время в Архангельских губернских ведомостях. В 6 частях. Часть 1. Общее и частное описание губернии в естественном, статистистическом и административном отношении. Кн. 2. Архангельск, 1865.

[5] *Заринский М.Г.* Материалы для статистики Архангельской губернии // СКАГ на 1850 год. Архангельск, 1850. Паг. 2. С. 43–105; *Он же.* Материалы для статистики Архангельской губернии // СКАГ на 1852 год. Архангельск, 1852. Отд. 2. С. 59–114; и т.д.

[6] См., например: *Шевцов П.В.* Очерк промышленности Мезенского уезда // ПКАГ на1864 г. Архангельск,

временно комитет разрабатывал и печатал собственные программы по изучению губернии[1]. Полученные материалы публиковались и анализировалась в местной печати. Так, в 1866 г. П.П. Чубинский подверг резкой критике «Описание Архангельской губернии», в котором он говорит о плагиате и серьезных ошибках, в частности в описании коми-зырян[2]. Кстати, он опубликовал собственную программу для описания губернии[3]. Подобные программы публиковались и позднее. Члены комитета принимали участие в различных мероприятиях по обследованию губернии. Сам же П.П. Чубинский был одним из участников Комиссии по исследованию Печорского края в 1867 г., специально организованной комитетом. Состав комиссии, цели и маршрут работы были опубликованы в отчете комитета[4].

По-видимому, первым из архангельских краеведов, обратившихся к описанию народов коми еще в XVIII в., был знаменитый местный историк, публикатор актовых источников и просветитель, общественный деятель ***Василий Васильевич Крестинин*** (1729–1795). Родился в Холмогорах в купеческой семье. Его отец своей инициативной деятельностью выбился в купеческое сословие и некоторое время занимал должность бургомистра Архангелогородской ратуши. Самостоятельно получил хорошее образование, знал латинский и немецкий языки. Начав трудовую жизнь в 18 лет (после разорения отца) с должности мещанского писаря, В.В. Крестинин прошел все ступени посадской карьеры, за что впоследствии заслужил звание «степенного гражданина». Деятельность В.В. Крестинина характеризовалась яркой гражданской позицией, он часто был инициатором различных проектов по улучшению положения как российского купечества, так и посадского населения, отстаивая их права перед государственной властью[5].

В.В. Крестинин проявлял огромный интерес к русской истории вообще и местной в частности. Собирал различные исторические документы, которые впоследствии передал в Петербургскую академию наук. Например, при его участии был обнаружен один из

1864. Паг. 1. С. 94–117; *Маликов А.К.* Очерк Архангельской губернии // СКАГ на 1870 г. Архангельск, 1870. Паг. 2. С. 16–168, *Минейко Г.О.* Статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии // СКАГ на 1875 г. Архангельск, 1874. Паг. С. 1–228; *Голубцов Н.А.* Свадьба у комиижемцев // ПКАГ на 1908 год. Архангельск, 1908. Отд. 2. С. 65–67.

[1] *Ефименко П.С.* Программа по этнографии // Архангельские ГВ. 1864. № 23, 24; *Он же.* Программа по этнографии // Архангельские ГВ. 1866. № 35; *Он же.* Программа для собирания народных юридических обычаев // Архангельские ГВ. 1868. № 4.

[2] *Чубинский П.* Отчет о деятельности Архангельского губернского статистического комитета // Архангельские ГВ. 1866. № 3.

[3] *Чубинский П.П.* Программа для географического и естественно-исторического описания губернии // Архангельские ГВ. 1865. № 28.

[4] О снаряжении экспедиции членов Архангельского губернского Статистического комитета по исследованию богатств Печорского края Белинского, Чубинского и Васильева // Архангельские ГВ. 1867. № 50, 1868. № 22; *Чубинский П.* Отчет Комиссии по исследованию Печорского края. Архангельск, 1867; *Тарапин В.* В Запечорьи // Архангельские ГВ. 1868. № 31, 34, 90, 91, 93–97, 99–102, 104; Исследование Печорского края // Вологодские ГВ. 1867. № 33; Земская газета. 1867. № 30; Отчет Архангел. губ. статистического комитета за 1867 и 1868 гг. Архангельск, 1868. С. 23–27; Об инструкции для членов экспедиции Архангел. статистического комитета см.: Об исследовании Печорского края // Архангельские ГВ. 1867. № 50.

[5] *Заринский Г.* Василий Васильевич Крестинин // Архангельские ГВ. 1858. № 43; *Рудаков В.* Василий Васильевич Крестинин // ЖМНП. 1895. № 5. Отд. 2. С. 219–225; Крестинин В.В. // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. Кнаппе–Кюхельбекер. С. 428–429; *Черняховский Ф.И.* Василий Васильевич Крестинин. Архангельск, 1955; *Полякова У.М.* В.В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60–90-е годы XVIII в. // История СССР. 1958. № 2. С. 78–102. *Цветкова Л.И., Овсянников О.В.* В.В. Крестинин: Страницы жизни // Патриот Севера: ист.-краевед. сб. Архангельск, 1985. С. 59–76; *Искюль С.Н.* В.В. Крестинин и его «Краткая история о городе Архангельском» // Патриот Севера: ист.-краевед. сб. Архангельск, 1985. С. 246–254; *Куратов А.А.* Архангельский историк Василий Крестинин // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1993. С. 54–74; *Котляров А.Н., Моисеева Г.В.* В.В. Крестинин // Историки России XVIII–XX в. М., 1997. С. 4–15. Список печатных трудов В.В. Крестинина см.: Поморский летописец. Альманах. Вып. I. С. 225–228.

древнейших списков «Русской Правды» Ярослава Мудрого. Во время путешествия по Русскому Северу академика ***И.И. Лепехина*** помогал ему в сборе материалов и в составлении «Дневных записок путешествия…». Некоторые сочинения В.В. Крестинина позднее были включены в четвертую часть этих «Дневных записок». Благодаря этому имя В.В. Крестинина как автора ряда оригинальных сочинений стало хорошо известно в петербургских ученых кругах. В советское время В.В. Крестинин-исследователь рассматривался как яркий предшественник буржуазной историографии в России. Так, по мнению А.А. Куратова, им впервые был предложен термин «источник»[1].

Не утратила значения его работа «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве на Севере»[2]. В этой работе он дал подробное описание имущественного положения «черносошного» крестьянства на Русском Севере, отметил наличие социального расслоения, а также охарактеризовал основные положения местного сельскохозяйственного производства. Его перу принадлежит несколько работ о торговле.

В 1786 г. В.В. Крестинин был избран членом-корреспондентом, а в 1790 г. — почетным членом Академии наук за свои многочисленные труды исторического характера. В своих работах «Краткое известие о земле Самоедской и о состоянии Самоедов, обитающих в Архангельском наместничестве» и «Вопросы и ответы о состоянии земли, обитаемой Самоедами и об их промыслах» он приводит сведения о коми-ижемцах и их хозяйственных занятиях, включая оленеводство[3]. По данным Г.Н. Моисеевой, он понимал язык коми. Несмотря на то что сведения о коми даются вскользь, при характеристике положения и занятий европейских ненцев они, тем не менее, значимы. Данные подтверждают факт существования коми оленеводства в конце XVIII столетия, позволяют уточнить ареал кочевок коми-ижемцев и т.д.

Кроме того, материалы В.В. Крестинина свидетельствуют, что основными поставщиками алкоголя ненцам в то время были жители Пустозерска, а не коми, которых принято было критиковать за торговлю водкой в тундре. Коми же поставляли хлеб и промышленные изделия для ненцев. Истории этого народа первый архангелогородский исследователь-историк касался и в других своих работах. Например, он считал, что двинский народ, т.е. жители Двинской земли, произошли от «половцев», или «команов», так он называл зырян, от их настоящего этнонима *коми*: коми — команы[4]. Этой проблеме посвящен также специальный очерк «Мнение о имени, языке и происхождении половцев», приложение к этой книге, в котором приводятся лингвистические данные по коми языку для решения проблемы происхождения двинян.

Возможно, дополнительные данные о коми можно обнаружить в его рукописях, которые в настоящее время хранятся в архиве Санкт-Петербургского института истории в фонде Воронцовых. В.В. Крестинин был корреспондентом президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова и снабжал его материалами по Архангельскому Северу. Благодаря

---

[1] Об историографических взглядах В.В. Крестинина см.: *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1965. Ч. 2. С. 296–322; *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших… С. 255–259; *Куратов А.А.* Василий Васильевич Крестинин — просветитель, общественный деятель, историк // Генеалогия на Русском Севере: связь с общественными науками. Архангельск, 2009. С. 134–145.

[2] *Крестинин В.В.* Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве на Севере. СПб., 1785.

[3] *Крестинин В.В.* Рассуждения о начале и происхождению самоедов, обитающих в архангельском наместничестве // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 2. С. 1–16; *Он же.* Краткое известие о земле Самоедской и о состоянии Самоедов и о состоянии Самоедов, обитающих в Архангельском наместничестве // Новыя ежемесячныя сочинения. 1786. Ч. 2. С. 16–58; *Он же.* Вопросы и ответы о вере самоедской // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 6. С. 29–45; *Он же.* Вопросы и ответы о состоянии земли, обитаемой Самоедами и о их промыслах // Новыя ежемесячныя сочинения. 1787. Ч. 7. С. 20–44.

[4] *Крестинин В.В.* Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен, сочиненные Василием Крестининым, архангелогородским гражданином. СПб., 1784. Ч. 1.

этому сохранилась часть его творческого наследия после страшного пожара 1793 г., в котором сгорел дом краеведа[1].

Среди архангельских краеведов этого периода наибольший вклад в изучение культуры народа коми внес М.Ф. Истомин

Михаил Федорович Истомин (1821–1862) — поэт, краевед, лингвист. Родился в семье священнослужителя в с. Ижма. Его отец, будучи священником местного Преображенского собора, был одним из первых миссионеров, работавших среди ненцев в тундре. В 1837 г. закончил Архангельское уездное духовное училище, а в 1843 г. — духовную семинарию. Но духовной карьере предпочел гражданскую службу. Служил в Архангельском губернском правлении, был редактором «Архангельских губернских ведомостей». Долгие годы был начальником архива Архангельского морского порта[2]. М.Ф. Истомина можно назвать «неформальным» летописцем Архангельска. Он не только публиковал материалы по истории города и изучения Северного Ледовитого океана, которые извлекал из местных архивов, но и вел современную хронику городской жизни, нередко в стихотворной форме[3].

Известно около 30 статей, написанных им и посвященных народной культуре коми. Среди них есть лингвистические работы, в которых рассматривается коми-ижемский диалект языка коми. Он одним из первых посвятил этому оригинальному диалекту несколько специальных работ[4]. Как этнографический источник не потеряли своего значения его разработки по традиционной культуре коми-ижемцев[5].

Но главная заслуга М.Ф. Истомина, по мнению В.Н. Мартынова, — это первая публикация коми мифологического предания «Яг-Морт», который позднее послужил основой для создания ряда оригинальных произведений ***И.А. Куратову***, ***К.Ф. Жакову*** и другим коми писателям, а в советское время — первого коми национального балета с одноименным названием[6]. В последнее время против этой точки зрения активно выступает сыктывкарский краевед А.А. Панюков, который оспаривает данные В.Н. Мартынова. А.А. Панюков обратил внимание на то, что об этом произведении не упоминает первый исследователь творчества М.Ф. Истомина — М. Симбирцев. Он также говорит о том, что М.Ф. Истомин никогда не публиковался в Вологде. По мнению А.А. Панюкова, его автором, точнее публикатором народного текста, который он услышал на коми языке и перевел на русский, является устьсысольский учитель и краевед ***М.И. Михайлов***. В то же время А.А. Панюков отметил грубый стиль предисловия публикатора, который пишет, что его текст приводится «*со всеми идиотизмами туземного языка*». Такое отношение не было

---

[1] О сохранившихся рукописях В.В. Крестинина см.: *Шаркова И.С.* Материалы по истории Севера в собрании Воронцовых Архива ЛОИИ АН СССР // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР (Северный археографический сборник). Вологда, 1978. Вып. 6. С. 128–134.

[2] *Симбирцев М.* Мих. Федор. Истомин. 1821–1862. (Краткий биографический очерк) // Архангельские ГВ. 1864. № 20. С. 161–167, № 21. С. 171; *Костромина И.Н., Мартынов В.Н.* Истомин М.Ф. // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 158–159.

[3] Например: *Истомин М.Ф.* Очерки Архангельска и его окрестностей // Архангельские ГВ. 1849. № 34; Соломбальский летописец // Архангельские ГВ. 1863. № 26–31, 33–37; Стихотворение «С нами Бог», в котором он описывает события в Архангельске, связанные с объявлением Крымской войны // Архангельские ГВ. 1854. № 12.

[4] *Истомин М.Ф.* О составе ижемско-зырянского наречия // Архангельские ГВ. 1847. № 1; *Он же.* Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов // Архангельские ГВ. 1857. № 12–20; *Он же.* Сборник ижемско-зырянских слов // Архангельские ГВ. 1857. № 21–34; Щёт (счет) на зырянском языке, употребляемый в Ижемской слободе // Общественные записки. 1830. Ч. 42. № 122.

[5] *Истомин М.Ф.* Ижма // Архангельские ГВ. 1846. № 24; То же // ПКАГ. 1862. С. 130–142; Переезд через Печору // Архангельские ГВ. 1855. № 14, 15;*Он же*. Промыслы и быт жителей Печорского края // Архангельские ГВ. 1859. № 10.

[6] *Мартынов В.И.* Петаліс Изьваысь [Вышел с Ижмы. На коми языке] // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1995. № 1. С. 65–69; *Он же.* Истомин Михаил Федорович // Литераторы земли Коми. Сыктывкар, 2000. С. 61.

присуще М.Ф. Истомину, которому коми язык был родным; как уже указывалось выше, он был первым исследователем коми-ижемского диалекта. М.И. Михайлов, наоборот, часто допускал некорректные высказывания в отношении коми-зырян[1].

Имел отношение к исследованию народа коми и его сын, ***Федор Михайлович Истомин***, известный русский этнограф и музыковед. Его перу, в частности, принадлежит специальная работа об этнографическом изучении Печорского края (о нем см. ниже)[2].

К началу XX в. получаемая правительственными учреждениями информация об Архангельской губернии не соответствовала потребностям общества. Это было вызвано тем, что общество не верило той информации, которую предоставляли власти. Рост численности и повышение квалификации местных краеведов способствовали отчужденности от получаемых результатов исследований, которые отправлялись в качестве эмпирического материала в вышестоящие инстанции и пропадали там. Во многом этому способствовало и то, что ученые общества обычно создавались при университетах, а статистические комитеты и ученые архивные комиссии были государственными учреждениями, которые регламентировали свою деятельность в соответствии с требованиями властей. Кризис в провинциальном краеведческом движении, как и многие проблемы в отечественном общественном развитии, был разрешен в ходе Первой русской революции. В ходе решения общедемократических проблем, таких как свобода слова, печати, совести, союзов и т.д., было разрешено создать общественные научные организации. Они, в свою очередь, способствовали дальнейшему развитию научных исследований.

Правовую базу деятельности подобных обществ обеспечивали «Временные правила об обществах и союзах»[3]. Согласно правилам эти общества не должны были преследовать коммерческих целей. Их устав утверждался Министром внутренних дел. Состав членов подобных научных обществ строго регламентировался «Временными правилами», например, в них не могли состоять студенты средних учебных заведений; лица, проживающие за границей; нижние чины, юнкера и лица, не достигшие 21 года, и т.д. Контроль над деятельностью подобных учреждений осуществлял местный губернатор[4]. Именно эти правила позволили создать на Русском Севере целую сеть региональных научно-краеведческих организаций: Архангельское общество изучения Русского Севера, Вологодское общество изучения Северного края, Общество изучения Олонецкой губернии. Непродолжительное время, потребовавшееся на их создание, обусловлено тем, что они готовились при непосредственном участии местных властей (в Архангельске — вице-губернатора

---

[1] *Панюков А.А.* «Яг-Морт» предание гижысь — М.И. Михайлов [Автор предания «Яг-Морт» — М.И. Михайлов] // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 2005. № 3. С. 58–62.

[2] *Истомин Ф.М.* Об этнографическом изучении Печорского края // Труды VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб., 1890. Отдел 8. Многие сыктывкарские исследователи, например В.И. Мартынов, приписывают эту публикацию его отцу — М.Ф. Истомину.

[3] Именной высочайший указ, данный Сенату. Собрание узаконений 1906 года, марта 7, статья 308 «О временных правилах об обществах и союзах» // ПСЗ Российской империи. СПб., 1909. Собр. третье. Т. 26. С. 201–204.

[4] Анализ «Временных правил» и их воздействия на научное сообщество см.: *Печников В.Н.* К истории разработки царского законодательства об обществах и союзах в период первой русской революции // Собрание аспирантских работ. Общественные науки. Право. Казань, 1976. С. 89–99; *Он же.* «Право» на образование союзов и его «осуществление» царизмом в первую русскую революцию (1905–1907 гг.) // Вопросы осуществления прав и обязанностей в развитом социалистическом обществе. Казань, 1983. С. 156–168; *Степанский А.Д.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982; *Он же.* Научные общества и съезды России на рубеже XIX–XX вв. и литература вопроса // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры. М., 1984. С. 187–210; *Он же.* История научных учреждений и организаций в дореволюционной России. М., 1987; *Он же.* Временные правила об обществах и союзах 4 марта 1906 г. // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты. М., 1989. С. 124–140.

А.Ф. Шидловского, в Петрозаводске — также А.Ф. Шидловского, перемещенного туда вице-губернатором). Это обеспечило их быструю регистрацию и избавило от лишнего контроля[1].

14 декабря 1908 г. в Архангельске было создано ***Архангельское общество изучения Русского Севера*** (АОИРС) с целью интенсификации исследований этого региона в историческом, бытовом, культурном и экономическом плане. Это первая в России общественная научная организация, примеру которой последовали другие. Кроме изучения Русского Севера в историческом, географическом, бытовом, культурном и экономическом отношениях, оно создавалось также для привлечения правительственного и общественного внимания к нуждам Севера[2]. Его членами и одновременно исполнителями были местные чиновники, учителя, священнослужители, земские деятели, журналисты. АОИРС собирало рукописи, исторические материалы, карты по истории Севера, публиковало исследовательские программы, организовывало экспедиции, выставки и т.д.[3]

Членами этого научного общества в разное время состояли ***В.В. Бартенев***, А. Борисов, А.И. Вилькицкий, ***К.Ф. Жаков, А.В. Журавский***, А.В. Кривошеин, Н.В. Пинегин, С.П. Писахов, И.В. Сосновский, Н.Н. Суханов, ***В.Н. Трапезников*** и другие. К августу 1918 г., когда Общество прекратило существование, в нем состояло 399 чел.

К 1917 г. АОИРС фактически стало методическим центром, объединившим всю краеведческую сеть громадного района. На свои средства общество с 1909 по 1919 г. издавало «Известия Архангельского общества Русского Севера», лучший краеведческий журнал дореволюционной России. В нем публиковались оригинальные статьи, сообщения и доклады по многим проблемам Русского Севера, был специальный раздел хроники о текущих научных и общественных событиях[4]. Одновременно присутствовала библиография научной и краеведческой литературы по северному региону.

Одним из учредителей общества и его душой был ***Александр Федорович Шидловский*** (1863–1942), русский государственный и общественный деятель, организатор краеведения, ученый-библиограф. Он происходил из старинной дворянской семьи, пришедшей на Русь из Литвы в XVI столетии. По материнской линии он был внуком декабриста. После окончания в 1885 г. Первой московской классической гимназии А.Ф. Шидловский поступил в Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, которое окончил в 1887 г. по I разряду, позже он проучился один год в Военно-юридической академии, но не окончил ее[5]. Из училища был выпущен корнетом лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. В эти годы он увлекся собиранием рукописей

---

[1] Анализ уставных документов этих обществ, их влияние на становление научно-краеведческих организаций России см.: *Орешкина М.А.* Русский Север начала XX в. и научно-краеведческие общества региона. М., 2003. С. 128–133.

[2] Устав Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1909; *Шипчинский В.Н.* О направлении деятельности Архангельского общества изучения русского Севера. // Изв. АОИРС. 1916. № 7–8. С. 325–327.

[3] Отчеты Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1909–1918; Наставление для собирания народных песен и других произведений народной словесности и музыки. Архангельск, 1916; *Куратов А.А.* Архангельское общество изучения Русского Севера // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Архангельск, 1999. С. 191–203; *Орешина М.А*. Русский Север... С. 160–178, 179–189; *Она же.* Из архивного наследия деятелей культуры Русского Севера второй половины XIX — начала XX века. М., 2006. С. 12–13, 31–32.

[4] Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. (Журнал жизни Северного края). Архангельск, 1909–1918 (24 выпуска в год). *Изюмов А.Ф.* Исторические статьи в Известиях Архангельского общества изучения русского Севера // Научный исторический журнал. 1914. Т. 2. Вып. 1. С. 57–63; *Рубцова М.А.* Этнографические материалы на страницах «Известий Архангельского общества изучения русского Севера» (1909–1917): тематико-библиографический указатель // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 267–270.

[5] *Шидловская В.П.* Поколенная роспись дворян Шидловских-Хилькевичей // Северные родословия. Архангельск, 2002. Вып. I. С. 72–81.

русских писателей, материалов к их биографиям, общался со многими известными библиофилами. Так, он обнаружил подлинник второго тома «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, считавшийся уничтоженным самим автором. В 1889 г. он проводил рекогносцировку и исследование путей сообщения от Варшавы до прусской границы. В 1896–1898 гг. был военным наблюдателем, следившим за прохождени ем военных грузов (военным комендантом с современной точки зрения. — *А.Т.*) на станции Чудово. В 1902 г. в звании штаб-ротмистра А.Ф. Шидловский был назначен преподавателем и курсовым офицером Пажеского корпуса, где создал общественную библиотеку и музей. К столетию этого аристократического военно-учебного заведения он издает историю Пажеского корпуса[1]. Затем была преподавательская работа в Кадетском корпусе в Петербурге, где он также организовал музей. В этот период А.Ф. Шидловский окончил Московский археологический институт. В 1903 г. он уволился из армии в чине полковника и был причислен к Министерству юстиции. Некоторое время служил инспектором тюрем Екатеринославской губернии.

Затем начинается его административная служба. В 1906 г. переводится на службу по ведомству МВД и назначается вятским вице-губернатором. В 1907 г. А.Ф. Шидловский назначается вице-губернатором Архангельской губернии. Здесь он начинает активно заниматься историко-краеведческими и библиографическими исследованиями[2]. В сфере его интересов оказались история освоения Русского Севера, история изучения этого края, а также роль Петра Великого в этом процессе[3]. Был одним из организаторов АОИРС. Активно содействовал организации и развитию научных и краеведческих исследований в Архангельской и Вологодской губерниях, в частности организации различных студенческих и научных экскурсий академику С.Ф. Платонову[4]. Его научно-организаторская и библиографическая деятельность в 1914 г. была удостоена большой серебряной медали Русского географического общества им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского.

С 1911 по январь 1917 гг. — вице-губернатор, а затем — губернатор Олонецкой губернии в Петрозаводске, где принял участие в создании Общества изучения Олонецкой губернии. Здесь он также продолжил свою краеведческую деятельность. Перед Февральской революцией в январе 1917 г. был назначен архангельским губернатором, но не успел занять этот пост и был уволен Временным правительством на пенсию. После этого в Петрограде он организовал товарищество «Библиофил», которое ставило перед собой задачи организации букинистической торговли в городе, библиографической работы и т.п.

Позднее как признанный специалист по Русскому Северу по рекомендации академика А.П. Карпинского был приглашен на работу в Комиссию по изучению естественных и производительных сил Академии наук. Здесь он занимал различные должности: заместителя заведующего, позднее заведующего отделом Севера. По своим служебным полномочиям являлся координатором всех научных иссле-

---

[1] *Шидловский А.Ф.* Пажи, убитые в разные войны. СПб., 1901.

[2] *Бученков А.Н.* Вице-губернатор-краевед // Библиография. 2001. № 1. С. 103–111; *Кораблева Н.А., Мошина Т.А* Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Петрозаводск, 2006. О научно-краеведческой деятельности А.Ф. Шидловского см.: *Орешина М.А* Из архивного наследия… С. 12, 16, 20, 21, 31, 37, 41, 45, 46, 48–49, 67, 123–135.

[3] *Шидловский А.Ф.* Исторические сведения о добывании нефти в Печорском крае. Архангельск, 1908; *Он же.* Петр Великий на Севере. Архангельск, 1909; *Он же.* Библиографический указатель литературы о Севере по материалам, собранным Архангельским обществом изучения Русского Севера. Новая Земля. СПб., 1910; *Он же.* Библиографический указатель литературы о Севере по материалам, собранным Архангельским обществом изучения Русского Севера. Указатель литературы о деятельности Петра Великого на Севере. Архангельск, 1910; *Он же.* Библиографический указатель литературы, касающийся Большеземельской тундры и оленеводства по материалам, собранным Архангельским обществом изучения Русского Севера. Архангельск, 1911; *Он же.* Шпицберген в русской истории и литературе. СПб., 1912.

[4] Переписку А.Ф. Шидловского и С.Ф. Платонова см.: *Орешина М.А*. Из архивного наследия… С. 123–130.

дований по Северу. В 1926 г. его перевели в бюро библиографии при КЕПСе[1]. В эти же годы он начал работать над большим библиографическим указателем «Литература местной библиографии. Топобиблиография СССР (Середина XIX в. — 1928 г.)[2]. Известно, что одновременно с этим А.Ф. Шидловский занимался составлением библиографии Печорского края по заданию Полярной комиссии АН СССР — «Библиографического указателя литературы по Коми-Зырянской области и Печорскому краю», который содержал 3500 названий. В 1929 г. был «*вычищен из Академии наук за дворянское происхождение*» и «*как враг пролетариата, не поддающийся перевоспитанию, и как бывший губернатор*» (впервые арестовывался еще в 1921 г.). По первому обвинению А.Ф. Шидловский апеллировал в Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции, который в 1933 г. отменил решение Комиссии по чистке Академии наук, приняв во внимание его научные заслуги, с пожеланием использовать его для дальнейшей работы по изучению Севера.

Большую помощь в этом деле ему оказали академик А.Е. Ферсман, руководители Арктического института В. Визе и Р.Л. Самойлович[3]. Например, Р.Л. Самойлович писал о нем: «*Шидловский был известен как либеральный администратор, особенно к невольным пришельцам. Многие политсыльные были обязаны ему оставлением в губернском городе*».

В это время он продолжал работу по договорам в Гидрологическом и Арктическом институтах по библиографической тематике (в последнем он создал фундаментальную библиотеку). Как и многих других граждан, его не обошла «сталинская репрессивная машина». 3 марта 1935 г. А.Ф. Шидловский был арестован, провел в тюрьме 6 дней, и после освобождения ему было предписано в кратчайшие сроки выехать за пределы города в избранное им самим место жительства («*как социально вредный элемент. Лишить права проживать в 15 режимных пунктах СССР без указания срока*»[4]). Был выслан из Ленинграда в Муром, где поживал его сын от первого брака, под надзор НКВД.

Все его многочисленные ходатайства об освобождении, например в Комиссию советского контроля ЦКК ВКП(б), а также И.В. Сталину, остались без удовлетворения[5]. В ссылке, вплоть до самой кончины 19 ноября 1942 г., он продолжал работу по библиографии Арктики и собрал более 50 тыс. библиографических карточек по Северу. После высылки в Муром он неоднократно обращался к Президенту Академии наук СССР академику В.Л. Комарову с просьбой помочь уехать из этого города и вернуться к научной работе. Он пишет о том, что он не имеет возможности работать, оторван от библиотек и архивов и вынужден «*проедать средства, вырученные от срочной продажи своего имущества и библиотеки перед отъездом*»[6]. И даже в этих условиях он пишет и публикует работы по истории освоения Русского Севера, в частности посвященные ***М.К. Сидорову*** и ***П.И. Крузенштерну***[7].

Судя по его переписке с известным географом и геологом, секретарем Полярной комиссии А.И. Толмачевым, им была подготовлена книга о П.И. Крузенштерне. А.И. Толмачев предлагал издать его Севкрайгизу в Архангельске, но безуспешно. В Муроме

---

[1] *Сабанцев А.Н.* О судьбе личной библиотеки А.Ф. Шидловского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archives.karelia.ru/nark/articles/library.php.

[2] В рукописном отделении Российской государственной библиотеки сохранилась машинописная копия этого указателя.

[3] Дойков Ю. Архангельские тени (По архивам ФСБ). Т.1. 1908–1942. Архангельск, 2008. С. 29.

[4] Там же. С. 34–48.

[5] Уголовно-архивное дело П-73522 (По обвинению Шидловского А.Ф., бывшего губернатора Олонецкой и Архангельской губерний). Цит. по: *Дойков Ю.* Архангельские тени… С. 463.

[6] Письма А.Ф. Шидловского В.Л. Комарову (Хранятся в архиве РАН. Ф. 277, оп. 4, д. 1594).

[7] *Шидловский А.Ф.* М.К. Сидоров и П.И. Крузенштерн (К истории открытия Северного морского пути) // Известия Государственного географического общества. 1939. Т. 71. № 6. С. 946–948.

А.Ф. Шидловский озаботился изданием рукописи ***В.А. Русанова*** «Несколько слов о зырянах». Они были знакомы по Архангельску, и А.Ф. Шидловский первым обратил внимание на научную ценность работы известного полярного исследователя. В Сыктывкаре сохранилась его переписка с ***Г.А. Старцевым***, бывшим в то время директором Коми областного краеведческого музея. А.Ф. Шидловский выясняет судьбу копии этой работы. В это время готовилась к печати книга материалов В.А. Русанова, и, по-видимому, редакторы обращались к А.Ф. Шидловскому за помощью, ибо не могли найти в архиве Академии наук эту рукопись[1]. Сборник трудов В.А. Русанова был издан в 1941 г.

Исследователь умер в Муроме во время Великой Отечественной войны.

В 1910 г. стараниями небольшой группы усть-сысольских краеведов во главе с ***А.А. Цембером*** было учреждено Устьсысольское отделение АОИРС — первое научно-общественное краеведческое объединение. Кроме того, с АОИРС была связана деятельность ряда лиц, оставивших большой след в изучении традиционной культуры народа коми, таких как ***П.А. Сорокин***, ***К.Ф. Жаков***, ***А.В. Журавский***, ***В.В. Бартенев***.

Попытки заниматься исследованием коми предпринимал и Архангельский городской публичный музей. Известно, что он собирал зырянские этнографические коллекции[2].

Изучение народов коми в Архангельске продолжилось и после революции. Продолжателем дела АОИРС стало Архангельское общество краеведения, образованное в 1923 г.[3] Из числа публикаций этого общества, касающихся этнографии коми, можно отметить работу Н.Е. Сапрыгина «Промыслы Печорского края», являющуюся результатом исследования, проведенного Архангельским союзом кооперативов еще в 1916 г.[4]

4.3. Изучение народов коми в Казани

В Казани основным центром изучения народов коми были Казанский университет и Общество археологии, истории и этнографии[5].

В 1869 г. при университете возникло Общество естествоиспытателей. Как гласил его Устав, научная деятельность общества направлена «*к исследованию местного края в естественно-историческом отношении и к изучению народонаселения восточной окраины Европейской России в антропологическом и частью в этнографическом отношении*»[6]. На основе отдела антропологии и этнографии Общества естествоиспытателей в 1878 г при Императорском Казанском университете было создано специальное Общество археологии, истории и этнографии

---

[1] *Рощевская Л.П., Сова В.А., Силин В.И.* Библиографическое описание Коми края архангельским губернатором А.Ф. Шидловским // Изв. ОИКК. № 1 (10). Сыктывкар, 2007. С. 47–51. Здесь вкралась неточность: А.Ф. Шидловский занимался коми библиографией тогда, когда уже не был губернатором. Авторы публикации этого письма не смогли датировать его, хотя это возможно сделать: Г.А. Старцев был директором музея в 1935–1936 гг.

[2] *Ежов Д.К.* Архангельский городской публичный музей // Историч. вестн. 1906. Октябрь. С. 253–255.

[3] О деятельности этого научно-краеведческого общества см.: *Дойков Ю.В.* А.А. Евдокимов. Судьба пророка в России. СПб., 1999. С. 99–101; *Попов Ан*. Систематический указатель материалов, напечатанных в изданиях Архангельского общества краеведения за 1923–1928 гг. // Краткий отчет о работе Второго краеведческого съезда в Архангельске. Архангельск, 1928.

[4] *Сапрыгин Н.Е.* Промыслы Печорского края. Архангельск, 1919.

[5] Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904): материалы для истории университета / собр. А.Н. Михайловский. Казань, 1901. Ч. 1; *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань, 1905; *Он же.* Деятельность Императорского Казанского университета. 1805–1906. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95-летие его существования. Казань, 1906.

[6] Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете за первое двадцатипятилетние его существования (1869–1894). Казань, 1894.

(ОАИЭ). Толчком его основанию прослужил IV Археологический съезд, который проходил в Казани. Именно в это время возникла идея об интенсификации местных разрозненных исторических исследований определенной координационной организацией[1]. Своей основной целью оно ставило задачу «*изучения прошедшего и настоящего русского и инородческого населения на территории бывших Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского царств, с принадлежащим к ней местностям*». Кроме того, общество «*отыскивало и приводило в известность собранные уже сведения и материалы археологии, истории и этнографии, хранящиеся в местных собраниях и у частных лиц, рассматривает их, оценивает и решает, какое может быть сделано из них употребление для науки*»[2]. В Уставе оговаривалось, что оно само «*проводит ученые исследования для собирания новых сведений или для проверки и пополнения тех, которые уже имеются, устраивая для этого экскурсии и выставки*». Так постепенно сложились основные сферы деятельности этого общества: археология, история, этнография, география, охрана Болгарских строений. Общество имело три отделения: археологическое, историческое, этнографическое. Кроме того, при обществе существовала специальная Комиссия по составлению археологической и этнографической карты. После организации общества возник вопрос о создании при нем публичного историко-этнографического музея. С этой инициативой выступил профессор В.М. Флоринский[3]. Позднее музей был создан и назван Музеем древностей и этнографии.

В результате претворения в жизнь указанных задач в поле зрения общества, кроме татар, башкир, чувашей, мордвы, марийцев, удмурт, оказались коми, в первую очередь коми-пермяки. В своей деятельности ОАИЭ стремилось объединить и координировать усилия профессиональных ученых и краеведов, занимающихся изучением истории, археологии и этнографии Волго-Уральского региона, Сибири и Средней Азии. При обществе действовали Музей археологии, нумизматический кабинет, библиотека, а также издавались «Известия ОАИЭ»[4]. Позднее, при его поддержке был основан Казанский научно-промышленный музей. Как и многие краеведческие организации, ОАИЭ было закрыто в 1931 г. в ходе «*социалистического переустройства краеведения в СССР*».

Первым председателем общества был избран ***П.Д. Шестаков***, в то время попечитель Казанского учебного округа. Членами ОАИЭ были ***Н.А Фирсов***, ***Н.И. Смирнов***, И.А. Бодуэн де Куртенэ, П.А. Осокин и другие известные деятели русской науки и культуры. С обществом тесно сотрудничали такие крупные ученые, как Е.А. Малов, В.В. Радлов, М.П. Веске, С.К. Кузнецов, А.А. Штукенберг, А.А. Спицын, Н.Ф. Катанов и др.

---

[1] Годичный отчет о состоянии деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1878 г. // Изв. ОАИЭ. Казань, 1879. Т. 2. С. 10–11.

[2] Устав Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете // Изв. ОАИЭ. 1878. Т. 1. С. 7–14; *Шпилевский С.М.* О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и возможностях содействия со стороны жителей местного края // Изв. ОАИЭ. Т. 3. 1880–1882. С. 3–32; *Катанов Н.Ф.* Обзор деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии за тридцать лет // Изв. ОАИЭ, 1908. Т. 24. Вып. 3. С. 238–246; *Ильинский Л.К.* Общество археологии, истории и этнографии при Казанском Университете // Краеведение. 1929. № 9; *Зорина Л.И.* Уральское общества любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Учен. зап. Свердлов. област. краевед. музея. Екатеринбург, 1996. Т. 1; История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при казанском университете. Казань, 2005.

[3] *Флоринский В.М.* Проект публичного историко-этнографического музея // Изв. ОАИЭ. 1878. Т. 1. С. 126–140.

[4] Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1878–1917. 29 т.; *Альфонсов И.В.* Указатель к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1878–1905 гг. (Т. 1–21) // Изв. ОАИЭ. 1906. Т. 21. Ч. 2, 4, 5; То же. Казань, 1906; *Воробьев Н.И.* Указатель к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете за 1906–1927 гг. (Т. 22–33). Казань, 1928.

Николай Алексеевич Фирсов (1831–1896) — русский историк, педагог, автор трудов по положению инородцев в России[1]. Родился 27 октября 1831 г. в г. Перми в семье местного священнослужителя. Окончил Пермскую духовную семинарию. В 1850–1855 гг. учился на историко-филологическом факультете Главного педагогического института в Петербурге, где его соучеником был Н.А. Добролюбов. С 1855 г. преподавал в Пермской мужской гимназии, куда был назначен старшим учителем истории. В родном городе началась его публицистическая деятельность: он опубликовал статью, посвященную женскому образованию в Перми. В 1858 г. становится помощником ***Д.Д. Смышляева*** по подготовке и изданию «Пермского сборника», был одним из ближайших его друзей. Д.Д. Смышляев в объявлении об издании этого сборника писал, что материалы присылать или на его имя, или на имя старшего учителя гимназии Н.А. Фирсова[2].

В сентябре 1859 г. был назначен сверхштатным учителем в Первую казанскую гимназию преподавателем русской словесности и прикомандирован к Казанскому университету для преподавания всеобщей истории. В 1861 г., после удаления из университета А.Н. Щапова, ему на время было поручено преподавание русской истории в этом учебном заведении. С 1862 г. он числился преподавателем Императорского Казанского университета, но в должности до получения магистерского звания утвержден не был. Это произошло лишь в 1867 г. Здесь он начал разработку «инородческого вопроса», представленного им в 1866 г. в качестве магистерской диссертации по русской истории под названием «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве»[3].

Работа Н.А. Фирсова в отечественной историографии была первым опытом рассмотрения как самого процесса, так и сущности и целей русской колонизации Европейского Северо-Востока, Поволжья и Зауралья и ее влияния на положение аборигенного населения этих регионов. Автор считал, что колонизация была положительным фактором в жизни этих народов. Он одним из первых в России рассматривал социально-экономические последствия этого явления для населения региона[4]. Кроме того, в его книге дается обзор положения финно-угорских и других народов перед вхождением их в состав Московского государства, четко определены границы средневековых государственных объединений в Приуралье. Например, Н.А. Фирсов пишет о Биармии, поднимает чудскую проблему, рассматривает локализацию Перми Великой и Югорской Земли. Приводит документы о миграции коми-зырянского населения в Сибирь, объясняя ее в первую очередь климатическими причинами. Не лишена информативности и вторая его крупная работа — «Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время», представленная в качестве докторской диссертации[5]. В ней он, как и в первой монографии, отмечает прогрессивный, просветительный характер колонизационной политики Московского государства, проводимой мирными способами. Кроме того, данная книга интересна с точки зрения изучения распространения православия в Поволжско-Уральском регионе, ибо она была написана светским ученым, который впервые предпринял попытку периодизации этого про-

---

[1] *Дмитриев А*. Памяти Н.А. Фирсова // Пермские ГВ. 1896. 2 мая.; Фирсов Н.А. [Некролог] // Исторический вестн. 1896. Июль. С. 1054; Фирсов Н.А. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804–1904). Казань, 1904. Ч. 1. С. 214–218.

[2] *Аверина Н.Ф.* Провинциальный шедерв и его создатель. К 150-летию «Пермского Сборника» // Смышляевский сборник. Исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. I / Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828–1893): Библиографический указатель. Пермь. 2009. С. 190–211.

[3] *Фирсов Н.А*. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

[4] *Ермолаев И.П.* Н.А. Фирсов как историк местного края // Вопросы истории, филологии и педагогики. Казань, 1967. Вып. 2. С. 59.

[5] *Фирсов Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время. Казань, 1869.

цесса; одновременно рассматриваются формы и методы деятельности церкви и государства вплоть до середины XVIII в.

С 1869 г. Н.А. Фирсов — экстраординарный, с 1870 г. — ординарный профессор русской истории Казанского университета. В 1871–1872 гг. — декан историко-филологического факультета, в 1872–1875 и 1881–1884 гг. — проректор университета. После выслуги лет в 1880 г. был оставлен на службе в университете, с 1886 г. — заслуженный профессор. Член ряда научных обществ, в том числе Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, председателем которого он являлся в 1888–1896 гг., некоторое время состоял в Пермской ученой архивной комиссии.

Среди исследователей, занимавшихся проблемами культуры народов коми в Казани, следует назвать ***Петра Дмитриевича Шестакова*** (1826–1889) — именитого русского историка, писателя, педагога, организатора образования[1].

Он родился в семье приходского священника в Масальском уезде Калужской губ. Оставшегося сиротой мальчика воспитал дядя, служащий Тверской казенной палаты. Окончив Тверское уездное училище, он продолжил образование в Тверской гимназии. В 1846 г. П.Д. Шестаков окончил историко-филологический факультет Московского университета и был определен преподавателем греческого языка Смоленской гимназии, но через год перевелся в родную Тверскую гимназию. С 1849 г. — преподаватель русской словесности 4-й московской гимназии, директором которой он стал в 1855 г. Некоторое время состоял инспектором студентов Московского университета. В 1855–1860 гг. — инспектор народных училищ Смоленской губернии. Здесь начинается его научная деятельность, результатом которой стали статьи по истории и географии губернии. Как проявивший блестящие организаторские способности, П.Д. Шестаков в 1863 г. был назначен сначала помощником, а в 1865 г. — попечителем Казанского учебного округа, в этой должности он прослужил до 1883 г., дослужившись до чина тайного советника. К этому моменту он уже был известен как серьезный организатор учебного процесса. Как ученый, он публиковал работы по истории педагогики, пропагандировал в российских условиях методики Песталоцци и Яна Коменского[2]. Одновременно принимал активное участие в обсуждении и разработке реформы народного образования. П.Д. Шестаков был яростным сторонником классической гимназической системы образования.

Как один из высокопоставленных чиновников Министерства народного просвещения, он жестко претворял в жизнь основную идеологическую парадигму того времени — уваровскую триаду «Православие — Самодержавие — Народность»[3]. Будучи ее убежденным сторонником, он опубликовал ряд сочинений, направленных на обоснование этих положений[4]. Современники считали его реакционером, потому что он был сторонником соблюдения достаточно жесткого университетского Устава 1863 г., ограничивающего права студентов. В 1871 г. 9 преподавателей Казанского университета публично подали в отставку в знак протеста против деятельности П.Д. Шестакова — увольнением из университета по

[1] *Агафонов Н.Я.* Памяти П.Д. Шестакова // Казанский биржевой листок. 1889. № 258; Петр Дмитриевич Шестаков [1826–1889. Некролог] // Учен. зап. Казан. ун-та. 1889. Т. 6. Вып. 6; *Фирсов Н.Н.* Памяти П.Д. Шестакова Мысли его об общественном воспитании в России. Казань // Изв. ОАИЭ. Т. 9. 1891. Вып. 1. С. 1–20; *Рождествин А.С.* Петр Дмитриевич Шестаков. Очерк жизни и педагогической деятельности. С портретом, автографом и полным библиографическим указателем сочинений. Казань, 1907; *Аксенов М.* Петр Дмитриевич Шестаков, замечательный педагог-гражданин второй половины XIX века. Смоленск, 1910.

[2] *Шестаков П.Д.* Песталоцци. Его жизнь и деятельность. М., 1864.

[3] О деятельности С.С. Уварова см.: *Виттейкер Ц.К.* Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999; *Зорин А.Л.* Теория официальной народности и ее немецкие источники // В раздумьях о России. XIX век. М., 1997. С. 112–148.

[4] *Шестаков П.Д.* Мысли о воспитании в духе православия и народности. Казань, 1893; 2-е изд. Казань, 1897.

его представлению известного русского анатома П.Ф. Лесгафта, который в это время выступал за то, чтобы разрешить женщинам обучаться в университете. В то же время он ратовал за увеличение учебной нагрузки и привлечение студентов к научной работе, считая, что «*занятия, развивающие ум, отдаляют университетских слушателей от мыслей и предприятий праздных, распространившихся в последнее время*»[1].

Возглавляя учебный округ, в состав которого входила огромная территория, населенная многими народами, он был вынужден учитывать этнический фактор. П.Д. Шестаков полагал, что следует идти на тактические уступки общественным деятелям с целью сохранения существующей системы государственного правления и православия. Поэтому он неоднократно подымал вопрос об открытии образовательных учреждений для инородцев: специальных школ, учительских семинарий. Именно П.Д. Шестаков поддержал Н.И. Ильминского, известного арабиста и тюрколога, ученого, который начал свою просветительскую деятельность у татар в Казани, разрешив открытие в 1863 г. в этом городе Татарской школы. Практическая деятельность Н.И. Ильминского через некоторое время вылилась в целую систему просвещения «инородцев». В основе его концепции — использование национального, «инородческого» языка на первых этапах начального образования, с постепенным переходом на русский[2]. Н.И. Ильминский ратовал также за перевод русских книг, в том числе религиозного содержания, на национальные языки, считая важным их использование в учебном процессе[3]. Например, с ним состоял в переписке по вопросам перевода педагогической литературы на коми язык ***Г.С. Лыткин***.

Во время службы П.Д. Шестакова в Казани исследования по изучению местного края интенсифицировались. Например, в 1878 г. появилось Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, которое объединило усилия университетской профессуры и местных краеведов. С момента основания общества вплоть до 1883 г. он был его бессменным председателем, а после отставки состоял почетным членом. П.Д. Шестаков как ученый интересовался в первую очередь вопросами распространения православия у народов России. Ему принадлежат статьи и книги, раскрывающие вопросы истории, археологии и этнографии Европейского Северо-Востока. В 1868 г. выходит работа, посвященная просветителям лопарей (саамов) Феодориту и Трифону Печенгскому, а позднее — Трифону Вятскому[4]. В этом ряду можно назвать и статьи, посвященные ***Стефану Пермскому*** и древнекоми языку[5]. Его исследования о Стефане были спровоцированы в первую очередь отмечавшимся в те годы 500-летием начала проповеди Стефана Пермского среди предков современных коми. П.Ф. Лимеров считает его первым ученым, обратившимся к жизни святителя и расшифровавшим со-

---

[1] Об этой истории см.: *Астафьев В.В.* Меж двух университетских уставов: 1863–1883 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 84–85.

[2] *Зеленин Д.К.* Н.И. Ильминский и просвещение инородцев // Русская школа. № 12. С. 175–194; *Спасский Н.А.* Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Самара, 1900.

[3] *Ильминский Н.И.* Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык // Православное обозрение. 1863. № 3; *Он же.* Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческие языки // Православное обозрение. 1870.

[4] *Шестаков П.Д.* Просветители лопарей, архимандрит Феодорит и св. Трифон Печенгский // ЖМНП, 1868. Ч. 139. Июль. С. 242–296; *Он же.* Житие преподобного отца нашего Трифона, вятского чудотворца. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1868; *Он же.* Некоторые сведения по распространению христианства у калмыков // ЖМНП. 1869. Ч. 145; *Он же.* Житие Трифона Вятского / изд. П.Д. Шестаковым. Казань, 1881.

[5] *Шестаков П.Д.* Св. Стефан, первосвятитель Пермский // Учен. зап. Казан. ун-та. 1868. Т. 4. С. 21–110; *Он же.* Чтение древнейшей зырянской надписи, единственно сохранившегося до сего времени памятника времен св. Стефана Великопермского // ЖМНП. 1871. Т. 153. № 1. Отд. II. С. 29–46; То же // Вологодские ЕВ. 1871. № 15. С. 556–567; *Он же.* Где книги, писанные зырянской и пермской азбукою, составленной Стефаном Великопермским.

хранившиеся древнекоми тексты[1]. Но я не согласен с таким мнением. Первую попытку расшифровки предпринял ***П.И. Савваитов*** в 1850 г., т.е. на 18 лет раньше**.** Используя имеющиеся к этому моменту переводы древнепермских надписей, опубликованные А. Флеровым, П.И. Савваитовым, П.Д. Шестаков предложил свой вариант, уточняющий их прочтение. Для этого он использовал открытую в Казани, в собрании Соловецкого монастыря, подпись епископа Пермского Филофея 1473 г. на этом уже забытом языке, а также рукописный список пермского алфавита[2]. Уточненная им надпись на иконе т.н. «Зырянской Троицы» была благосклонно принята коллегами, в первую очередь П.И. Савваитовым.

Наибольший вклад в изучение народов коми в Казани внес профессор Казанского университета, известный историк-славист и финно-угровед, яркий представитель Казанской исторической школы ***Иван Николаевич Смирнов*** (1856–1904). Он родился в Царевококшайском у. Казанской губ. в семье священника. Будучи выходцем из этой среды, после окончания духовного училища поступил в Казанскую духовную семинарию, но не стал священнослужителем. В 1874 г. И.Н. Смирнов определяется на историко-филологический факультет Казанского университета, который заканчивает в 1878 г. с золотой медалью и был оставлен для подготовки к профессорскому званию[3]. В 1881 г. защищает магистерскую, а в 1885 г. — докторскую диссертации. В это время область его научных интересов — история южных славян[4]. С 1881 г. И.Н. Смирнов приват-доцент, с 1884 г. — экстрординарный, а с 1886 г. — ординарный профессор по кафедре всеобщей истории Казанского университета. Состоял членом ОАИЭ. В 1893 г. вошел в состав общества и в разные годы выполнял обязанности ее секретаря и библиотекаря[5]. Выступал с докладами на заседаниях общества. Занимался составлением программ проведения этнографических исследований, которые представляют интерес как методические пособия и в настоящее время[6]. Был членом Пермской ученой архивной комиссии. В 1902 г. по предложению Н.Ф. Катанова избран почетным членом ОАИЭ «*во внимание его трудов по истории и этнографии Восточной России*»[7].

Его научные интересы были разнообразными[8]. Превосходная университетская школа (его учителями были такие видные казанские историки, как Н.А. Осокин, ***Н.А. Фирсов***, Д.А. Корсаков), научная эрудиция, знание славянских и западных языков обеспечили ученому большой исследовательский успех. Выступал с пропагандой этнографии как науки, пытаясь заинтересовать этнографическими исследованиями в первую очередь местных краеведов.

Особо хотелось бы остановиться на его публичной лекции «Задачи и значение местной этнографии», прочитанной им 6 и 12 апреля 1891 г. в пользу ОАИЭ в Казани и изданной

---

[1] *Лимеров П.Ф.* Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми. М., 2008. С. 5–6.

[2] *Обрезкова А.П.* Материалы о Стефане Пермском в Соловецком фонде библиотеки Казанского университета // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 21–22.

[3] *Ивановская Н.И.* Казанские исследователи истории Волго-Камского региона В.И. Заусайлов и И.Н. Смирнов // Материалы по этнографии. СПб., 2004. Т. 2: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 29.

[4] *Петровский Н.* О трудах И.Н Смирнова по славистике // Учен. зап. Казан. ун-та. 1904. Кн. 9. С. 40–47.

[5] Отчет Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1893 г. // Изв. ОАИЭ. 1894. Т. 12. Вып. 3. С. 53–56.

[6] *Смирнов И.Н.* Программа для собирания сведений о быте мордвы // Изв. ОАИЭ. 1892. Т. 10. Вып. 6. С. 650–660; *Он же.* Программа для собирания сведений об обрусении инородцев Восточной России // Изв. ОАИЭ. 1892. Т. 10. Вып. 5. С. 548–551.

[7] *Катанов Н.Ф.* Об избрании профессора И.Н. Смирнова почетным членом Общества во внимание его трудов по истории и этнографии Восточной России // Протоколы Общего собрания ОАИЭ за 1902 г. (Изв. ОАИЭ. 1903. Т. 19. Вып. 2. С. 17–18).

[8] Наиболее полную библиографию работ И.Н. Смирнова, составленную А. Ксенофонтовой, см.: *Смирнов И.Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. С. 289–295

отдельной брошюрой[1]. Одним из первых в русской этнографии он попытался дать определение понятию «местная этнография» и поставить задачи изучения местного края. Эта лекция крайне важна для понятия его методологии. Так, он говорит о материале этнографии, который рассматривается автором как все, в чем выражается творческая деятельность народа, чем он окружал себя в своем домашнем быту , в чем выразил свои понятия о правде, воззрения на мир, горе и радости. Далее он отмечает, что в России до эпохи освобождения крестьян внимание исследователей было поглощено верованиями и поэзией, а после этого — изучением обычного права и, в частности общины.

В этих областях накоплен громадный материал. А теперь, по мнению И.Н. Смирнова, следовало обратить внимание и на другие стороны народного быта. В частности, крайне слабо изучено народное жилище, как русское, так и инородческое, в отличие от финской и немецкой этнографии. Он отмечает крайне важное значение для выявления этнической истории народа одежды, бытовой утвари, народной терминологии и т.д.

Подробно останавливается он на т.н. «теории пережитков», которая крайне важна для этнографии. Задачей же местной этнографии он считает «*новый запас тщательно и добросовестно сделанных наблюдений. Но этот материал должен собираться систематически, как собирает ученый ботаник гербарий*». Чтобы выполнить эту задачу, по мнению ученого, необходимо создать круг активных наблюдателей.

Занимался историей русской этнографии, публиковал обзоры по русским и зарубежным музеям и научным обществам[2]. Был автором нескольких рецензий, в частности, на издания Финно-угорского общества в Гельсингфорсе и местные. И.Н. Смирнова занимали вопросы этнокультурных процессов в Поволжье, которые он обычно расценивал как «*обрусение инородцев*». Так, в заметке «Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края» исследователь обратил внимание на появление в фольклоре удмуртов и мордвы сюжетов из русских народных сказок и песен. Он отмечает, что обрусение происходит в сфере не только экономики (появление бурлачества у удмуртов), но и духовного наследия народа. Ученый призывает серьезно заняться изучением этого процесса, определением источника проникновения разных персонажей в фольклор поволжских финно-угров[3]. В статье «Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики» он исходит из того, что этот процесс « *есть несомненный и естественный результат истории*.». Средства, которыми правительство успешно может пользоваться для достижения этой цели, по мнению ученого, уже показаны историей. Это русская колонизация и школа со смешанным языком преподавания. Правительство должно регулировать направление колонизационных потоков и устранять моменты, которые озлобляют «инородцев» (притеснения чиновников и эксплуатация торговцев и т.д.)[4].

Занимал ученого и вопрос о роли финно-угров в происхождении русской народности[5]. Интерес к этнографии финно-угров у И.Н. Смирнова не был простой случайностью. Он родился в марийской семье и с дет-

---

[1] *Смирнов И.Н* . Задачи и значение местной этнографии. Казань, 1891.

[2] Можно указать следующие его работы: *Смирнов И.Н.* Итоги археологии, истории и этнографии Восточной Европы за 1892 г. // Изв. ОАИЭ. 1893. Т. 11. Вып. 1. С. 83–88; *Он же.* Итоги археологии, истории и этнографии Восточной Европы за 1893 г. // Изв. ОАИЭ. 1894. Т. 12. Вып. 1. С. 80–89; *Он же.* Итоги археологии, истории и этнографии Восточной Европы за 1894 г. // Изв. ОАИЭ. 1894. Т. 12. Вып. 6. С. 613–632; *Он же.* Урало-алтайский мир в русской археологической, исторической и этнографической литературе // Keleti Szemle. 1900. Ev. 1. S. 61–66.

[3] *Смирнов И.Н.* Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края // Изв. ОАИЭ. 1895. Т. 6. Вып. 1. С. 59–63.

[4] *Смирнов И.Н.* Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Историч. вестн. 1892. № 3. С. 753–765; Отклик на эту статью см.: Московские ведомости. 1892. № 66.

[5] *Смирнов И.Н.* Значение урало-алтайского мира в образовании и истории русской народности // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 35–36.

ства знал марийский язык и традиционную культуру этого народа. Кроме того, на него большое влияние оказал профессор М.П. Веске, переведенный в Казань из Дерптского (ныне Тартуского) университета для преподавания финно-угорских языков. Благодаря деятельности филолога М.П. Веске и историка и этнографа И.Н. Смирнова Казань в конце XIX в. стала центром русского финно-угроведения.

Наиболее известные работы И.Н. Смирнова — цикл его книг по восточным финнам: удмуртам, мордве, марийцам и коми-пермякам[1]. Монографии были написаны на основе экспедиций, начавшихся летом 1888 г., когда он с М.П. Веске объехал Казанскую, Нижегородскую, Костромскую, Уфимскую и Пермскую губ. Исследования продолжались до 1891 г. В них он предпринял попытку обобщить весь историко-этнографический материал о каждом народе: дать историографический обзор, источниковедческую базу, а затем описание традиционной культуры этого народа. При подготовке серии монографий им руководила мысль, что «*необходимо готовить активных наблюдателей, которые бы приступили к изучению инородческой жизни с заранее и самостоятельно поставленными вопросами, для чего и нужен свод всего, что известно об инородцах, нужно научно скомбинировать известные данные факты*». В одной из статьей он подчеркивал, что «*задача русских ученых — обработать, пользуясь приемами европейской научной техники это драгоценное сырье* (под которым И.Н. Смирнов понимал свод культурно-исторических данных в области быта финских племен. — *А.Т.*) *и не допустить того позорного дня, когда в русских архивах и библиотеках будут копаться, разыскивая это сырье, овладевшие старым и новым русским литературным языком англичане, немцы, французы*»[2].

Монографии вызвали большой интерес у отечественной научной общественности[3]. В 1898 г. он был удостоен Уваровской премии Академии наук. Отзывы о работах И.Н. Смирнова писали Д.Н. Анучин и Э.Н. Сетеля (Setälä E.N)[4]. Например, Э.Н. Сетеля, характеризуя труды Н.И. Смирнова как выдающиеся, в то же время отмечает некорректное с точки зрения лингвистики сопоставление некоторых слов и терминов. Слабым звеном методологии этнографических изысканий Н.И. Смирнова С.К. Кузнецов назвал проводимые им лингвистические параллели. Таким образом, И.Н. Смирнов активно способствовал развитию и становлению финно-угроведения как науки в России. Позднее за свои труды Н.И. Смирнов был удостоен малой золотой медали Русского географического общества. Мы сегодня можем лишь присоединиться к словам С.К. Кузнецова, который в некрологе на смерть ученого написал, что за «*этими монографиями покойного еще надолго, наверное, останется значение справочных пособий, без которых исследователю этнографу нельзя будет обойтись, как без систематического свода всех (или почти всех) литературных данных о наших инородцах*». Аналогичного мнения о работах Н.И. Смирнова придерживался Н. Харузин, который отмечал, что «*этнографическая литература, благодаря труду г. Смирнова обогатилась крупным вкладом: он послужит исходной точкой для дальнейших изысканий, цель которых будет заключаться в дополнении сведений почтенного автора и в выяснении и разработке во-*

---

[1] *Смирнов И.Н.* Черемисы (Историко-этнографический очерк) // Изв. ОАИЭ. Т. 7. С. 1–212; *Он же.* Вотяки (Историко-этнографический очерк) // Изв. ОАИЭ. Т. 8. С. 1–308; *Он же.* Пермяки // Изв. ОАИЭ. Т. 9. Вып. 2. С. 1–189; *Он же.* Мордва (Историко-этнографический очерк) // Изв. ОАИЭ. Т. 10. Вып. 1. С. 65–79; Вып. 2. С. 161–194; Вып. 3. С. 300–322; Вып. 5. С. 599–642; Т. 11. Вып. 5. С. 426–477; Вып. 6. С. 426–477.

[2] *Смирнов И.Н.* Наброски из истории финской культуры // ЭО. 1891. № 1. С. 60.

[3] См., например: *Ламанский В.И.* О трудах И.Н. Смирнова // Отчет ИРГО за 1895 год. СПб., 1896. С. 26–28; *Катанов Н.Ф.* О трудах И.Н. Смирнова по этнографии инородцев Восточной России // Учен. зап. Казан. ун-та. 1904. Кн. 9. С. 48–51.

[4] Отчет о 38-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1898. С. 37–43, 45–77; *Setälä E.N.* I.N. Smirnow´s Untersuchungen über die Ostfinnen. // JSFOu. 1900. Vol. 7; *Wichmann Y.J.* I.N. Smirnow´s Untersuchungen über die Ostfinnen // FUF. 1901. Bd. 1. Heft 2.

просов, только намеченных или недостаточно им освещенных»[1].

Рассматривая методы его работы, С.К. Кузнецов отмечал, что «*И.Н. Смирнов обладал способностью быстро ориентироваться в кругу ясных вопросов, быстро схватывать характерные черты и синтезировать их*»[2]. Он указывал, что методологически ему была близка социологическая методология Э. Тейлора и Г. Спенсера. Как исследователь, И.Н. Смирнов на первый план выдвигал систематизацию обширного материала, собранного его предшественниками. Его очерки обычно содержали подробный историографический обзор, анализ литературных источников. Как сторонник эволюционизма он на основе сравнительно-исторического метода давал описание и проводил анализ традиционной культуры восточных финно-угров, пытаясь рассмотреть эволюцию отдельных элементов материальной и духовной культуры от простого к сложному, особенно при описании верований и семейно-брачных отношений. Как сторонник идей Г. Спенсера и Э. Тейлора (а И.Н. Смирнов познакомился с последним в Казани в 1889 г.), казанский ученый придерживался теории «коммунального брака» у древних финно-угров и поэтому занимался поиском его пережитков у этих народов. Основные представления о развитии семейно-брачных отношений у финно-угров даны в разделе «Матриархат» в статье «Наброски из истории финской культуры»[3].

Как крупнейший специалист по этнографии народов Поволжья И.Н. Смирнов был приглашен в качестве научного правительственного эксперта по т.н. «мултанскому делу». Суть этого процесса, проходившего в 1892–1896 гг., заключалась в том, что семеро вотяков (удмуртов) обвинялись в убийстве русского старика-нищего с целью «*жертвоприношения своим языческим богам*»[4]. Исследователь попытался, оперируя данными удмуртского и финно-угорского фольклора и исходя из эволюционной теории, доказать возможность существования в далеком прошлом у удмуртов (вотяков) человеческих жертвоприношений[5]. Он исходил из того, что жертвоприношения, в том числе и человеческие, были широко распространены у многих народов как в прошлом, так и в XIX в. Считалось, что по мере развития человечество постепенно перешло от кровавого обычая к более простым, заменяя в этом действе человека домашними животными. Несмотря на то, что удмурты формально были православными, в большинстве своем они оставались язычниками и совершали во время молений жертвоприношения богам в виде различных домашних животных и птицы. Кстати, подобные обычаи сохранились у удмуртов до наших дней. Именно эволюционная линия лежала в основе рассуждений И.Н. Смирнова. Об этой проблеме он написал и в другой работе — «Наброски из истории финской культуры», где целый раздел посвящен каннибализму. Здесь ученый приводит новые примеры из фольклора саамов, эстонцев, коми-пермяков и остяков (манси), а также свидетельства из «Пермской летописи» ***Н.В. Шишонко*** и других публикаций[6]. И.Н. Смирнов обращается к научному сообществу с просьбой более серьезно отнестись к изучению «*поэзии финно-угров, в которых слышатся мотивы каннибализма — фигурируют людоеды-покойники, людоеды-духи, людоеды-мстители*». Также

---

[1] *Н. Х. [Харузин Н.]* И.Н. Смирнов. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань. 1895 // ЭО. 1896. № 1. С. 160.

[2] *Кузнецов С.К.* И.Н. Смирнов (умер 15 мая 1904 г. в Казани) // ЭО. 1904. № 2. С. 214–216.

[3] *Смирнов И.Н.* Наброски из истории финской культуры // ЭО. 1891. Вып. 2. С. 66–72.

[4] Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам / сост. А.Н. Баранов, В.Г. Короленко, В.И. Суходев. М., 1896; *Луппов П.Н.* Громкое дело мултанских удмуртов (удмуртов), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении. Ижевск, 1925; *Худяков М.Г.* Политическое значение мултанского дела и его отголоски в настоящее время // СЭ. 1932. № 1. С. 43–62; *Шатенштейн Л.* Мултанское дело (1892–1896). Ижевск, 1960.

[5] *Смирнов И.Н.* Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах поволжских финнов. Казань, 1889.

[6] *Смирнов И.Н.* Наброски из истории финской культуры... С. 61–66.

он отмечает, что с этим не могут согласиться скептики, «*недолюбливающие этнографических реставраций*»[1].

Данная авторская позиция вызвала критику со стороны российских и зарубежных исследователей[2]. Кстати, в небольшой заметке крупнейший финский языковед и этнограф ***Ю. Вихман*** высказался двойственно относительно этой проблемы. С одной стороны, он выступил против И.Н. Смирнова. А с другой стороны, исходя из анализа некоторых фольклорных и обрядовых материалов, зафиксированных им у различных финно-угорских народов, в том числе и у удмуртов, он делает тот же вывод, что и И.Н. Смирнов: сегодня не существуют обряды человеческих жертвоприношений у поволжских финнов, но в прошлом они могли иметь место. Он, как и казанский ученый, предлагает внимательно рассмотреть фольклор других финно-угорских народов, в которых «*найдутся, может быть, верные доказательства*»[3].

Точку зрения казанского профессора поддержал известный вятский краевед, крупнейший знаток этнографии удмуртов ***Н.Н. Блинов***, который также допускал возможность существования таких ритуальных действий в прошлом. Против мнений И.Н. Смирнова и Н.Н. Блинова аргументировано выступил другой вятский краевед, этнограф и историк П.Н. Луппов. В это время он был студентом Московской духовной академии и писал кандидатское сочинение о христианизации вотяков. На основе собственных материалов он опубликовал в газете «Вятский край» большую статью «Приносились ли вотяками человеческие жертвы в XVIII веке», где отрицал существование человеческих жертвоприношений у вотяков. Также отрицательно отнеся к построениям И.Н. Смирнова П. Богаевский[4]. П. Богаевский занимался изучением традиционной культуры удмуртов. Но при знакомстве с его книгой возникает несколько вопросов. Например, он пишет, что «*загадочное дело мултанских вотяков есть грубая подделка под ритуал вотяцкого жертвоприношения*»[5]. Кроме того, в своей рецензии на его сочинение М. Довнар-Запольский отмечал, что П. Богаевский доказывает отсутствие достоверных данных о существовании человеческих жертвоприношений у вотяков и что в убийстве Матюшина не соблюдены те стороны ритуала, в которых можно было бы увидеть принесение жертвы[6]. Высказывания оппонентов И.Н. Смирнова о несоблюдении ритуала позволяют поставить вопрос: что они имели в виду, о каком ритуале и у какого народа. Именно это обстоятельство позволяло советской этнографической историографии вплоть до недавнего времени относить И.Н. Смирнова к категории реакционных ученых[7].

После третьего процесса удмуртские крестьяне были оправданы. Вслед за эти «мултанским» процессом И.Н. Смирнов фактически отходит от финно-угорской этнографии и вновь обращается к истории южных славян.

В числе публикаций И.Н. Смирнова были и сочинения о коми-пермяках. Это статья об их семейном быте и большая монография

---

[1] *Смирнов И.Н.* Наброски из истории финской культуры… С. 62.

[2] Об этом см.: *Власова З.И.* Этнографическая деятельность В.Г. Короленко и ее общественное значение // Очерки истории русской этнографии, фольклора и антропологии. Вып. 4 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 94. С. 26–60); *Вихман Г.* Следы человеческих жертвоприношений у вотяков (По поводу труда проф. И.Н Смирнова о человеческих жертвоприношениях у вотяков и других народов) // Изв. ОАИЭ. 1893. Т. 11. Вып. 3. С. 291–293; *Короленко В.Г.* Избранные письма о Мултанском деле. Ижевск, 1939. Более подробную библиографию о деле и об отзывах на процесс см.: Удмурты. История, этнография, археология. (Библиографический указатель. 1751–2000). Ижевск, 2006. С. 88–94.

[3] *Вихман Г.* Следы… С. 293.

[4] *Богаевский П.* Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных. М., 1896.

[5] Там же. С. 95.

[6] *Донвар-Запольский М.* П. Богаевский. Мултанское «моление» в свете этнографических данных. М., 1896.

[7] См., например: *Мокшин Н.Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 126.

«Пермяки»[1]. В этом сочинении он активно использует разнообразные материалы пермских и екатеринбургских краеведов, затрагивавших проблемы традиционной культуры коми-пермяков. Среди его предшественников на этом поприще можно назвать ***Н.С. Попова***, Хлопина, В. Хлопова, ***Н. Рогова*** и т.д. Один из рецензентов этой книги, скрывшийся под псевдонимом М., пишет, что «*новый труд известного историка-этнографа отличается теми же достоинствами, которые мы привыкли видеть в его раньше появившихся монографиях о наших инородцах: тщательной разработкой обильного, иногда нового материала, систематичностью и ясностью изложения*»[2]. В первой главе Н.И. Смирнов дает критическую оценку более 60 сочинениям, в которых можно найти сведения о коми-пермяках, начиная от скандинавских саг до последних по времени написания книг и журнальных статей. Например, он считает, что биармы, биармийцы не являлись коми-зырянами и коми-пермяками, а были представителями западно-финских племен. В этом очерке он защищает ***Епифания Премудрого*** от критики митрополита ***Евгения (Болховитинова)*** и академика ***А.И. Шегрена***, которые видели в житии скорее риторические рассуждения, чем исторический источник.

Как и в других книгах о восточных финнах, для решения этногенетических проблем и выявления этнической принадлежности археологических памятников Приуралья и Поволжья И.Н. Смирнов активно использует ономастический метод ***А.И. Шегрена***, анализируя в первую очередь топонимистические данные. Он прямо указывает на то, что «*исследования Шегрена имеют право на исключительное внимание при решении вопроса о пределах древней Биармии и его ispo границах древней территории народа Коми. Шегрен выдвинул ряд новых данных, которыми может пользоваться историк при исследовании этого предмета. Этими источниками являются местные названия, личные имена (прозвания), народные предания, особенности русского говора страны*»[3]. Признавая, что труды А.И. Шегрена имеют большое научное значение, Н.И. Смирнов активно критикует основателя этого метода, отмечая его субъективизм, а также и ***М.А. Кастрена*** и Д. Европеуса, которые строили свои гипотезы происхождения финно-угорских народов лишь на основании топонимического и антропонимического материала. Например, И.Н. Смирнов не согласен с гипотезой А.И. Шегрена о первоначальном совпадении границ страны Коми и Биармии скандинавов[4]. Одновременно он не воспринимает и угорскую теорию Д. Европеуса. Отмечая наличие на значительной территории Европейского Севера нескольких коми топонимистических формантов, таких как *-ва*, *-шор*, *-йоль*, *-ю*, *-вож*, *-дор*, *-дин*, он расширяет территорию расселения предков современных коми. Это слабая сторона его теоретических построений, ибо анализ топонимов, основанный лишь на одной части названия, не всегда дает правильный результат. И.Н. Смирнов приравнивает к коми форманту *-ва* похожий на него *-ма*, предлагая относить последний к пермским языкам, например, в названиях рек Протва и Клязьма, которые невозможно объяснить без натяжек из восточно-финских языков[5]. Именно эту неточность в его лингвистических рассуждениях отмечали критики, о чем уже было сказано выше.

Книга И.Н. Смирнова долгое время была единственной монографией, ценнейшим сводом фактического материала, представлявшим весь спектр традиционной культуры коми-пермяков. Она как своеобразная этнографическая энциклопедия не утратила своего значения до нашего времени. Так же, как и другие его работы, она спровоцировала появление целой серии рецензий[6]. К концу своей научной карьеры

---

[1] *Смирнов И.Н.* О семейном быте пермяков // Изв. ОАИЭ. 1891. Т. 9. Вып. 3. С. 26–27; *Он же.* Пермяки. Историко-этнографический очерк // Изв. ОАИЭ. 1891. Т. 9. Вып. 2.

[2] *Смирнов И.Н.* Пермяки // ЭО. 1891. Кн. 4. С. 203–207.

[3] Там же. С. 37.

[4] Там же. С. 45.

[5] Там же. С. 80.

[6] *Харузин А.Н.* Смирнов И.Н. Пермяки // Русская мысль. 1891. Май. С. 350–351; *Долгоусов А.* Пермяки.

И.Н. Смирнов стал крупнейшим знатоком финно-угорских народов в России. В 1891 г. за свои исследования он был избран членом-корреспондентом Финно-угорского общества в Гельсингфорсе[1]. Его кончина была большой потерей для науки и вызвала многочисленные отклики[2].

После революции, в 1919 г., Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете активно обсуждало вопрос о переиздании монографий о восточных финнах И.Н. Смирнова, «*исходя из научной ценности его трудов*». С этой инициативой выступил известный исследователь культуры народов Поволжья профессор Н.В. Никольский. Возможно, что он в 1918 г. провел предварительные переговоры по этому вопросу с вдовой и дочкой И.Н. Смирнова, которые находились в это время Париже, и с его сыном, приват-доцентом Вал. Ив. Смирновым, которые выразили готовность предоставить обществу льготное право на переиздание его основных трудов. Совет ОАИЭ 9 февраля 1919 г. признал «*принципиально весьма желательным*» этот шаг и создал специальную комиссию для подготовки их к изданию. Так, для редактирования книги «Пермяки» было решено привлечь ***В.П. Налимова***[3]. К сожалению, эта идея не была претворена в жизнь.

4.4. Исследования народов коми в Перми

Интерес к народам коми в Перми также был обусловлен прагматическими целями. Основная часть этнической территории коми-пермяков входила в состав Пермской губернии, и местная администрация нуждалась в определенной информации об этом народе. Сбор и публикация подобного материала принимали разные формы. Например, они обобщались в специальных сочинениях. Из подобных можно упомянуть «Хозяйственное описание Пермской губернии» ***Н.С. Попова***, известного уральского бытописателя и краеведа, в которой имеется ряд этнографических сведений о коми-пермяках[4]. В нем представлены сведения о расселении пермяков, небольшой этнопсихологический очерк; обращается особенное внимание на то, что в отличие от местных русских, пермяки очень любят красный цвет, используя нитки этого цвета для украшения своей одежды. Н.С. Попов указывает растение, которое они используют для получения красной краски, — «*зеленики сыворочной травы, известной там под именем Марионы*». Дает небольшой обзор хозяйства пермяков. Большую ценность имеет его утверждение о том, что в Юрлинской волости проживают коми-пермяки. К настоящему времени в окрестностях этого села местное население считает себя русским, хотя топонимистический фон свидетельствует, что здесь проживали коми-пермяки. Фактически это единственный источник об имевшемся здесь коми-пермяцком населении. Н.С. Попов

Историко-этнографический очерк И.Н. Смирнова // Нижегородские ГВ. 1891. № 25; *Дмитриев А.А*. Новый труд о пермяках (по поводу монографии Н.И. Смирнова «Пермяки») // Екатеринбургская неделя. 1891. № 25; *Н.Х.* И.Н. Смирнов. Историко-этнографические очерки // ЭО. 1896. Кн. 1. С. 155–160.

[1] Société Finno-Ougrienne. 1903 // JSFOu. 1904. S. 4.

[2] См.: *Корсаков Д.* И.Н. Смирнов (Некролог) // Учен. зап. Казан. ун-та. 1904. Кн. 9. С. 35–39; *Фирсов Н.Н., Корсаков Д.* И.Н. Смирнов (Некролог) // Там же. С. 40–45; Памяти И.Н. Смирнова // Там же. С. 52–55; *Хвостов М.М.* Памяти И.Н. Смирнова // Сборник памяти И.Н. Смирнова / под ред. А.С. Рождественского. Казань, 1904; *Кузнецов С.К.* И.Н. Смирнов (Умер 15 мая 1904 г. в Казани) // ЭО. 1904. № 2. С. 214–216; *Малашенко В.С.* Иван Николаевич Смирнов // Тр. ПУАК. 1906. Т. 9. С. 133–134; *Setälä E.N.* Ivan Nikolaevich Smirnov (1856–1904) // FUF. 1904. Bd. IV. S. 85–88.

[3] Протоколы общих собраний и заседаний ОАИЭ за 1919 г. // Изв. ОАИЭ. 1920. Т. 30. Вып. 4. С. 14–15.

[4] *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ея состоянию сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах. Пермь, 1804. Ч. 1–2; *Он же.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного экономического общества, Высочайше одобренному и тщанием и иждивением оного общества изданное. СПб., 1811–1813. Ч. 1–3. О пермяках см.: Ч. 3. С. 61–67.

не смог обойти вопрос о происхождении этого народа. Он придерживался точки зрения, согласно которой Биармия располагалась именно здесь, связывая коми-пермяков с жителями этой легендарной страны, приводится большой список различных чудских мест. Кроме того, Н.С.Попов является публикатором коми-пермяцкого сказания о Пере-богатыре[1].

Попов Никита Савич (1763–1834) — уральский педагог, краевед, публицист. Родился в Красноуфимской крепости в семье местного священнослужителя[2]. После окончания Вятской духовной семинарии в 1783 г. был отправлен для продолжения обучения в Петербургское главное народное училище, преобразованное во время его обучения в учительскую семинарию, которая готовила преподавателей для местных народных училищ. Во время обучения в нем он получил солидные для того времени знания по естественной истории и географии, российской и всеобщей истории, российской словесности, в латинском и немецком языке. В этом учебном заведении в эти годы преподавали такие крупные русские ученые, как академики Н.Н. Озерецковский, В.М. Севергин, В.Ф. Зуев и т.д.[3]

В 1786 г. Н.С. Попов назначается преподавателем истории и географии в Пермское главное народное училище. Здесь готовили учителей для т.н. малых народных училищ, создаваемых в уездных городах. Можно сказать, что Н.С. Попов стоял у истоков народного образования в Пермской губернии. Кстати, позднее он стал первым историографом пермской школы, посвятив этой теме специальную работу. Правда, она сохранилась лишь в рукописи, но активно используется современными историками[4]. С 1806 по 1829 гг. — директор Пермской мужской гимназии, образованной на базе главного народного училища[5]. Одновременно с 1807 г. — директор народных училищ Пермской губернии. Как педагог, он был достаточно жестким человеком (известны случаи рукоприкладства в отношении учеников). Он не смог организовать нормальный процесс обучения, дела в гимназии вел плохо. Все это привело к тому, что Н.С. Попов был отправлен в отставку после 43 лет службы без пенсиона[6].

Несмотря на некоторые отрицательные характеристики, Н.С. Попов проявил себя как превосходный исследователь-краевед. Позднее Д.Н. Мамин-Сибиряк писал: «*Не знаю, почему, но Перми посчастливилось по части истории края. Первым явился на этом пути директор Пермской гимназии Никита Савич Попов, оставивший после себя классный труд "Хозяйственное описание Пермской губернии"*»[7]. Действительно, в течение жизни он изучал историю, географию, этнографию и природу Пермской губернии. С одной стороны, этому способствовала его профессиональная преподавательская деятельность, требовавшая подобных знаний. С другой — к этому его подталкивала местная администрация. Например, в 1801 г. он написал своему учителю Ф.И. Янковичу де Мириево в Петербург: *«Я почти с самого вступления в учительскую*

---

[1] *Попов Н.С.* Этнографические заметки о пермяках // ЖМВД. 1952. Ч. 39. С. 457.

[2] *Калинина Т.А.* Просветительская деятельность Н.С. Попова (80-е гг. XVIII–XIX вв.) // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998. С. 243; *Трофимов А.В.* О замечательном краеведе прошлого // Пятые Татищевские чтения: Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 22–24 апреля 2004. Екатеринбург, 2004. С. 346–349.

[3] *Поварова В.Е.* Научно-педагогическая деятельность профессоров и преподавателей Петербургской учительской семинарии в XVIII в. // Вопр. истории педагогики. М., 1973. С. 134.

[4] *Попов Н.С.* Исторические записки о народных училищах Пермской губернии с начала их открытия по нынешнее время, составленные, дополненные и исправленные в 1807 г. в Перми исторических наук учителем 8 класса Никитою Поповым // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 730, оп. 1, д. 101, л. 91–365.

[5] *Фирсов Н.А.* Об открытии народных училищ в Пермской губернии // Пермский сб. М., 1859. Кн. 1. Отдел I. С. 143–184.

[6] *Смышляев Д.Д.* Материалы для истории города Перми // Сб. ст. о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 66–67.

[7] *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Старая Пермь. Путевые очерки // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 295.

должность старался собирать сведения, относящиеся к Пермской истории и географии, делал замечания в рассуждении погод и тому подобного, давно имея намерение сочинить полное Пермской губернии описание и посвятить оное Высокопочтеннейшей Комиссии об учреждении школ в знак чувствительнейшей к ее благодеяниям признательности»[1]. Его мечта начала осуществляться, когда губернатор Пермской губернии К.Ф. Модерах предложил Н.С. Попову заняться исправлением описания, приложенного к гидрографической карте губернии, что было выполнено им добросовестно и в срок. Это сочинение предшествовало другой большой работе — подробному описанию губернии. При работе над этой книгой им была использована программа для описания губерний, разосланная Вольным экономическим обществом в 1790 г.[2] Например, по аналогичному плану было составлено «Описание Вологодской губернии» Брусилова.

Губернатор К.Ф. Модерах обеспечил его статистическими материалами, которые были обязаны собирать все городские, уездные и заводские управления губернии. Кроме того, губернатором были привлечены другие губернские чиновники, но реальным соавтором Н.С. Попова стал учитель математики Пермского главного народного училища Я.Т. Мензиховский (об этом свидетельствует Модерах в письме Вольному экономическому обществу)[3].

«Хозяйственное описание Пермской губернии» — одно из лучших подобных губернских сочинений. Оно получило должную оценку современников и не утратило своего научного значения до наших дней благодаря большому количеству разнообразных сведений. Но у этой книги есть один недостаток — отсутствие оглавления, и поэтому ею было крайне сложно пользоваться. Поэтому позднее ***Н.К. Чупин*** в одном из своих указателей опубликовал содержание книги Н.С. Попова[4]. Некоторые фрагменты из этой книги были напечатаны в «Казанском вестнике»[5]. Его перу принадлежали и другие публикации, охватывающие широкий круг вопросов и характеризующие состояние Урала[6].

Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства было основано в Петербурге в 1765 г. И хотя его основной целью было стремление перестроить сельское хозяйство, оно сыграло важную роль в изучении России[7].

Как было принято в XIX в. в России, изучением губернии занимался местный губернский Статистический комитет. Материалы своей деятельности он издавал в стандартной форме[8]. По мнению А.И. Андреева, знатока истории русской исторической науки второй

---

[1] Цит. по: *Калинина Т.А.* Просветительская деятельность Н.С. Попова… С. 247.

[2] Начертание ко всеглавнейшей задаче и награждению тех сочинителей, кои хозяйственные описания частных Российских наместничеств сообщать ему будут // Тр. ВЭО. 1791. Ч. 13. С. 278–338; *Рубинштейн Н.Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России // Вопр. географии. 1953. Сб. 31. С. 39–89.

[3] О подробностях работы над книгой см.: *Калинина Т.А.* Просветительская деятельность Н.С. Попова… С. 248–249.

[4] *Чупин Н.К.* Указатель сочинений, в которых заключаются географические и статистические сведения о Пермской губернии // Пермский край. М., 1860. Кн. 2. Приложение. С. 8–10.

[5] *Попов Н.С.* Замечания о Пермской губернии // Казанский вестн. 1816. № 53, 55, 71; 1917. № 8, 41, 79; 1818. № 3, 4, 11, 12; 1819. № 41.

[6] *Попов Н.С.* Нечто, относящееся к древностям Пермской губернии // Казанский вестн. 1812. № 24; *Он же.* Нечто из путешествия моего по Пермской губернии // Казанский вестн. 1812. № 37–38; *Он же.* Сведения о сельскохозяйственных и других промыслах из Пермской губернии. // Казанский вестн. 1817. № 34; *Он же.* Известия об Екатеринбургских золотых промыслах // Казанский вестн. 1818. № 51–52.

[7] Уставы Императорского вольного экономического общества и высочайшие рескрипты, ему данные. 1765–1898. СПб., 1899; *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество…

[8] Адрес-календари и справочные книжки Пермской губернии. Пермь, 1864–1916; Пермский край:: сб. сведений о Пермской губернии, издаваемый Пермским губернским статистическим комитетом. Пермь, 1892–1895. Т. 1–3; Обзор Пермской губернии. Пермь, 1898–1915.

половины XIX в., Пермь начиная с 1860-х гг. была одним из центров, где активно пропагандировались собирание материалов об инородцах края и изучение их прошлого (причем на очень высоком уровне). С этим мнением соотносится высказывание известного уральского писателя и журналиста Д.Н. Мамина-Сибиряка, который отмечал, что «*нужно заметить, что ни одна русская губерния не имеет такой обширной и разнообразной литературы, как Пермская, что объясняется как громадностью ее территории, так и разнообразием и обилием всевозможных богатств*»[1]. Хорошо известны работы ***Н.К. Чупина***, ***Д.Д. Смышляева***, ***А.А. Дмитриева***, ***В.Н. Шишонко***, много сделавших для изучения истории Пермского края[2]. Несмотря на то что Пермь была губернским городом, здесь долгое время не было крупных учебных и научных учреждений, а исследовательская деятельность велась местными краеведами разрозненно и частным образом[3]. Первым центром, который попытался координировать деятельность, стала Пермская губернская ученая архивная комиссия[4]. Она была образована в 1888 г. на основе общероссийского Положения о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях от 1884 г. Как особая административная структура она была официально утверждена министром внутренних дел в 1889 г. Инициатива ее создания принадлежала редактору журнала «Русской старины», известному писателю и историку, члену Санкт-Петербургского археологического института и Археографической комиссии Министерства народного просвещения М.И. Семевскому. Главной причиной, побудившей местные власти к созданию комиссии, стало массовое уничтожение архивных дел в государственных учреждениях. Потому основная цель комиссии заключалась в отборе наиболее ценных в научном плане документов, описании их и дальнейшем хранении в специально образованном историческом архиве. Кроме того, предусматривалась организация библиотеки и музея при комиссии[5]. Ее членами стали такие известные деятели местного краеведения, как ***А.А. Дмитриев***, Н.Н. Новокрещенных, ***Д.Д. Смышляев***, ***Ф.А. Теплоухов***. Первым председателем комиссии был избран ***В.Н. Шишонко***. В 1897 г. при комиссии на основе существовавшего Уральского общества любителей естествознания был организован Пермский научно-промышленный музей (ныне — Пермский краевой краеведческий музей). В «Трудах» — печатном органе комиссии — публиковались не только статьи и исследования ее членов, посвященные этнографии, историческим событиям в жизни края, но и ценные документы, описи, обзоры фондов, отчеты ПГУАК[6]. В декабре 1917 г.

---

[1] *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Старая Пермь… С. 295.

[2] *Андреев А.И.* Обзор русских исторических работ… С. 248.

[3] *Пирогова Е.П.* Традиции исторического краеведения на Урале во второй половине XIX в. (По материалам Пермской губернии) // Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе. Пермь, 1994. С. 51–56; *Она же.* Научно-краеведческие общества пореформенного Урала // Уральский сб. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 185–197; *Шилов А.В., Быстрых Т.И.* Краеведение Перми: прошлое и настоящее. Краткий исторический очерк // Краеведы и краеведческие организации Перми: биобиблиографич. справ. Пермь, 2000. С. 8–55.

[4] *Булах В.Н.* К вопросу о деятельности Пермской ученой архивной комиссии, 1888–1916 // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Сб. 1. С. 92–95; *Пирогова Е.П.* Изучение истории Урала Пермской ученой архивной комиссией // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Свердловск, 1990. Вып. 1. С. 95–98; *Она же.* Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сб. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 197–232.

[5] Собрание по вопросу об учреждении в Перми «Губернской ученой архивной комиссии» с Историческим при нем Архивом и Музеем // Тр. ПУАК. Пермь, 1892. Вып. 1. С. 6–15; Отчет о деятельности Пермской ученой архивной комиссии за первые три года ее существования, составленный по годовым отчетам комиссии // Там же. С. 15–22.

[6] О создании Пермской комиссии УОЛЕ см.: Записки УОЛЕ. 1891. Т. 13. Вып. 1. С. 87. Труды Пермской ГУАК. Пермь, 1892–1915. Вып. 1–12; *Скрыпченко Д.В.* Тр. Пермской ГУАК // Пермские ГВ. 1904. № 85; *Шведова О.И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 401–402;

председателем комиссии был избран Б.Д. Греков, в это время декан историко-филологического факультета Пермского университета, будущий академик и крупнейший советский историк. Комиссия прекратила свою деятельность в середине 1919 г.

В числе одного из основателей краеведческого движения в Перми и Пермской губернии и лиц, которые начинали изучение коми-пермяков, следует назвать ***Федота Алексеевича Волегова*** (1790–1856), первого коми-пермяцкого лингвиста и этнографа, представителя высшего звена местной строгановской администрации и одновременно первого летописца рода Строгановых[1]. Крупнейший дореволюционный историк Урала ***А.А. Дмитриев*** оценивал его «*как глубокого знатока местной истории, занимавшегося преимущественно изысканиями о Строгановских вотчинах и роде Строгановых*»[2]. Ф.А. Волегов происходил из крепостных крестьян этой известной на Урале и в России династии. Родился в дер. Старый Посад Оханского у. Пермской губ. Он был одним из первых представителей строгановской «крепостной интеллигенции», которая постепенно складывалась в пермских вотчинах этого известного российского династического рода. Она создавалась из числа наиболее талантливых дворовых людей, которым после соответствующей подготовки передавались некоторые управленческие функции, свойственные, по определению М.Д. Курмачовой, «интеллигентским профессиям»: писарям правлений и заводских контор, контролеров, лесничих, приказчиков. управляющих и т.д.[3] Детство его прошло у бабушки в с. Карагай на р. Обве, там же он выучился дома азбуке по псалтырю под руководством местного писца Ф. Черепанова и был отдан в местную школу. В 1805–1807 гг. учился в школе в с. Ильинское, центре Пермских имений Строгановых. В 1807–1819 гг. служил в Петербургской главной конторе Строгановых. В декабре 1819 г. получил вечную отпускную, вольную. Так и не получив специального образования, служил мелким чиновником 2-го отделения V департамента в Сенате (1820–1823 гг.), где и дослужился до чина сенатского регистратора, позднее работал помощником контролера в Департаменте путей сообщения (1823–1826 гг.). С июля 1826 г. был контролером в Военно-коннозаводском управлении. После выхода в отставку в ноябре 1827 г. возвратился на Урал, где в 1828 г. стал начальником Ильинского счетного отделения, а позднее — главным счетоводом Главного управления Пермского нераздельного имения Строгановых. После недолгой работы (с 1833 г. по 1834 г.) в качестве управляющего Ильинским окружным правлением Ф.А. Волегов в 1836 г. назначается управляющим Пермским имением графа Г.А. и А.Г. Строгановых в с. Новое Усолье, в этой должности служил до самой смерти в 1856 г.[4] За заслуги перед семейством

Издания губернских ученых архивных комиссий. 1884–1923. М., 1994. Вып. 2: Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Приморская и Псковская архивные комиссии.

[1] *Смышляев Д.Д.* Источники и пособия для изучения Пермского края. Пермь, 1876. С. 77–78; *Дмитриев А.А.* Ф.А. Волегов как историк Строгановых // Пермские ГВ. 1884. № 30–38; То же. Пермь, 1884; *Он же.* Федот Алексеевич Волегов (1790–1856). Его жизнь и переписка (научная) // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3. С. 122–175; *Он же.* Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902. Вып. 1. С. 4–6.

[2] *Дмитриев А.А.* Ф.А. Волегов как историк…

[3] *Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII — начало XIX в.). М., 1983. С. 7; *Мухин В.В.* Крепостные служащие вотчинных имений Урала в первой половине XIX века // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь, 1990. С. 16–26; *Голохвостова Н.В.* Крепостные служители майората Строгановых (по материалам «Послужной книги на служащих Ильинского округа) // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998. С. 228–242.

[4] *Царт М.Н.* Федот Алексеевич Волегов — историк Пермской земли // Календарь-справочник Пермской области. Пермь, 1970. С. 29; *Шилов А.В.* Из истории краеведения на Урале (краеведческая деятельность Ф.А. и В.А. Волеговых) // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — нач. XX в.). Пермь, 1986. С. 29–41; *Он же.* Из истории изучения этнографии и языка коми-пермяков в XIX веке (деятельность Ф.А Волегова) // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997. С. 302–305; *Он же.* Братья Ф.А.

Строгановых, как было сказано выше, он вместе со своей семьей получил вольную, а позднее был возведен в личное дворянство.

Это было связано с тем, что история рода Строгановых (Строгоновых) и их хозяйства в течение 1810–1820 гг. была в центре его научных интересов. Этой теме был посвящен ряд его статей, В частности, им впервые была составлена родословная Строгановых, создана на основе хранящихся в этой семье документов т.н. «Усольская летопись». Будучи чиновником он, как и его брат ***В.А. Волегов***, последовательно соблюдал интересы своих патронов. В то же время братьев можно назвать и просветителями коми-пермяков. Они были сторонниками распространения грамотности среди них, создавали школы и библиотеки. В течение всей жизни интересовался вопросами истории, этнографии и лингвистики коми-пермяков. С 1856 г. состоял членом-корреспондентом Пермского губернского статистического комитета. Много занимался историей Приуралья, особенно его интересовали период присоединения этого региона к Московскому государству и роль Строгановых в этом процессе, чему посвящено несколько сочинений[1]. В частности, он приписывал Строгановым инициативу в организации похода Ермака за Урал. А.В. Шилов пишет, что Ф.А. Волегов активно дискутировал с рядом историков и писателей того времени по этому непростому вопросу, утверждая вклад Строгановых в продвижении Московского государства за Урал и в Сибирь[2]. Опубликованные им материалы на основе скрупулезных подсчетов и «*выполненные с редкой добросовестностью*», предоставляют значительный материал для характеристики развития хозяйства на значительной территории Урала, на которой проживала большая часть коми-пермяков. Позднее они активно использовались как русскими, так и советскими историками.

Однако Ф.А. Волегов известен больше как коми-пермяцкий лексикограф, что связано со знанием им языка коми-пермяков. Эти «*внеслужебные занятия*» являлись результатом как его личных наблюдений, так опросов, проводимых им при разъездах по Пермяцкому краю. Им были созданы «Русско-пермяцкий словарь» (1833) и «Свод некоторых слов пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» (1835)[3]. Оба сочинения, к сожалению, долгое время существовали в рукописном варианте. Первому из них повезло больше: он был издан в наше время венгерским лингвистом и фольклористом Каролем Редеи[4]. Рукописи этих словарей были переданы составителем венгерскому лингвисту и этнографу ***А. Регули***, который в 1843 г. посетил с. Усолье, где в это время проживал Ф.А. Волегов. Так они оказались в Венгрии. Свод содержит 4000 слов: названия растений, животных, хозяйственных построек, предметов быта, одежды и т.д., многие из которых уже вышли из обихода. В 1977 г. был опубликован и второй его словарь[5]. Внимание Ф.А. Волегова к лингвистике было вызвано «*намерением сличить… с пермяцким и зырянским языком*» языки других народов Приуралья и «*из сего свода вывести*

и В.А. Волеговы в истории уральского краеведения // Проблемы исторического регионоведения. СПб., 2005. С. 114–127.

[1] *Волегов Ф.А.* О способах приготовлениях угля, смолы и дегтя в пермских имениях графа Строганова // Пермские ГВ. 1855. № 27; *Он же.* Исторические сведения о гг. Строгановых // Пермские ГВ. 1876. № 89–95, 97–102, 1877. № 1–4; *Он же.* Усольская летопись // Пермские ГВ. 1882. № 96–97; *Он же.* Хозяйственные записки по Пермскому имению гр. С.В. Строгановой, составленные в начале 1820 г. // Пермский край. Пермь, 1893. Т. 2. С. 97–137; *Он же.* Родословная господ Строгановых // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3. С. 176–199. О его краеведческой деятельности см.: Из трудов Ф.А. Волегова по истории Строгановых (сост. А. Дмитриев) // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г. Пермь, 1888.

[2] *Шилов А.В.* Братья Ф.А. и В.А. Волеговы в истории… С. 116–117.

[3] *Баталова Р.М.* Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII — первой половины XIX веков // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. С. 110–120.

[4] Permjakisches Worterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows von Karoli Redei. Budapest, 1988.

[5] *Алексеев А.А.* Ф.А. Волегов и его «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 года // Вопр. истории и грамматики чувашского языка. Чебоксары, 1977. С. 130–145.

заключение: точно ли язык тех и других сходен и одного ли они финского поколения, как почти все русские историки говорят»[1]. Анализируя собранные материалы, он приходит к выводу, что коми-пермяцкий, коми-зырянский и удмуртский языки являются родственными и сомневается в родстве их с чувашским языком, о чем писали некоторые исследователи.

Перу Ф.А. Волегова принадлежит и специальная публикация, посвященная коми-пермякам[2]. В ней он кратко охарактеризовал быт, одежду, пищу и нравственность представителей этой народности. Большой интерес представляет приведенный в статье небольшой русско-пермяцкий словарь. Ценность его в том, что этот лексикографический источник был составлен намного раньше словаря ***Н.А. Рогова***. К сожалению, большинство работ Ф.А. Волегова оставалось в рукописях и хранятся сегодня Государственном архиве Пермского края (фонд 672). Среди них уникальный «Солепромысловый словарь», который еще ждет своего исследователя. Некоторые из них публиковались уже после смерти автора. Так, большое значение для современных исследователей имеет его работа «Историко-статистические таблицы на Пермские имения Г.А. Строгановых с 1558 по 1750 гг.», в которой представлена широкая картина этнического расселения Пермского края[3]. К этнографии коми-пермяков имеет отношение живописание с. Пянтежского (в настоящее время — с. Пянтег), в котором говорится о почитании местным населением священной сосновой рощи. Кроме того, здесь автор упоминает о еловой роще, где коми-пермяками совершались жертвоприношения языческим идолам еще в 1830-е гг.[4] В этой статье присутствует одно уникальное сообщение. Ф.А. Волегов пишет, что жена и дочери священника носят кокошники по пермяцкому обычаю. Это позволяет говорить о том, что в начале XIX в. жители с. Пятнега еще не полностью обрусели, ибо носят нерусскую одежду. О том, что кокошник — элемент коми-пермяцкого женского костюма, упоминают многие исследователи.

Для современного исследователя политической и этнической истории Приуралья не потеряли значения работы брата Ф.А. Волегова — ***Волегова Василия Алексеевича*** (1806–1864)[5]. Он окончил Ильинское двухклассное приходское училище и в марте 1824 г. был переведен в Санкт-Петербургскую Строгановскую горнозаводскую школу, которую окончил в 1827 г. с аттестатом I разряда.

Школа сельского хозяйства и горнозаводских наук была основана С.В. Строгановой в 1824 г. Ее окончили ***А.Ф. Теплоухов***, ***Н.А. Рогов***, которые учились одновременно с ним. Основная задача школы — «*приготовлять людей крепостного и свободного звания: 1) для занятия мест приказчиков по имениям, коих исключительный промысел состоит в сельском хозяйстве, горных заводах и фабриках; 2) в ремесленники по употребительнейшим и нужнейшим ремеслам; 3) в хлебопашцы, которым на практике будет показано лучшее возделывание земли по разным системам*»[6]. Школа готовила, кроме того, преподавателей для училища в с. Ильинском.

Как и старший брат, он был служащим у Строгановых. С 1827 г. до марта 1828 г. работал в этой школе репетитором. В 1828–1830 гг. числился практикантом для различных поручений и одновременно был командирован для практического изучения горнозаводского дела «*на многие уральские казенные и частные золотые промыслы и заводы*». С 1830 г. по 1832 г. служил главным

---

[1] Permjakisches Worterverzeichnis… S. 8.

[2] *Волегов Ф.А.* Пермяки // Пермские ГВ. 1854. № 43.

[3] *Волегов Ф.А.* Историко-статистические таблицы на Пермские имения Г.А. Строгановых с 1558 по 1750 гг. // Памятная книжка Пермской губернии на 1889 год. Пермь, 1889. С. 1–49.

[4] *Волегов Ф.А.* Краткое описание села Пянтежского и находящейся в нем древней деревянной церкви // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1915. Вып. 5. С. 6–9.

[5] *Шилов А.В.* Из истории краеведения на Урале… С. 35.

[6] Цит. по: *Бейлин И.Г., Парнес В.А.* Александр Ефимович Теплоухов. М., 1969. С. 10.

смотрителем золотых промыслов в Билимбаевском округе, с 1834 г. по 1836 г. — начальником Добрянских металлургических заводов, с 1838 г. по 1846 г. — управляющим сначала Ильинским, а потом Усольским округами Пермского нераздельного имения Строгановых. С 1846 г. по 1864 г. — главноуправляющий всего Пермского нераздельного имения Строгановых. Активно помогал своему брату ***Ф.А. Волегову*** в подборе документов по истории рода Строгановых и их уральских вотчин. Сам В.А. Волегов является составителем ряда рукописных фольклорных сборников: «Загадки, записанные в Пермской губернии», «Простонародные сказки, рассказы, побасенки, игры и скороговорки», «Пословицы, употребляемые между простым народом в Пермском, Оханском и Соликамском у. Пермской губернии». Эти рукописи были представлены в Русское географическое общество и сохранились в его архиве[1]. Как писал о нем Д.Д. Смышляев, «*соединяя с замечательным умом большую любознательность в отношении к своей родине, Пермскому краю, г. Волегов собрал много интересных материалов*»[2]. Из напечатанных им сочинений можно упомянуть его «Очерки верхнекосвенского Урала», а также большую статью по истории Пугачевского восстания[3].

Необходимо отметить его увлечение т.н. чудскими древностями. Если его брат ограничивался сбором сведений о таких находках и отправке наиболее ценных из них в Петербург, в собрание Строгановых, то сам он занялся их коллекционированием. Например, благодаря В.А. Волегову был сохранен т.н. Таманский клад, выявленный и отправленный им в 1851 г. С.Г. Строганову[4]. ***П.И. Мельников***, посетивший в 1839 г. с. Ильинское, дал первое и единственное в литературе описание его «кабинета чудских древностей»[5]. Коллекция В.А. Волегова всегда привлекала ученых. Так, некоторые предметы из этого собрания были опубликованы историком, профессором Московского университета С.В. Ешевским[6]. В.А. Волегов пытался выявить этническую принадлежность предметов из своей коллекции древностей и сопоставить их с современными народами Урала. Этому была посвящена его статья «Остатки древностей Пермского края»[7]. В ней он связывал сохранившиеся в Пермском крае чудские селища с пермяками и зырянами. Кроме того, в этой статье исследователь приводит ряд гидронимов, которые объясняются данными из коми языка. В частности, он считал, что топоним Урал происходит также из коми-пермяцкого языка от слова *уралны* — охотиться за белками (белка по коми *ур*). Оригинальны этимологии слов пермяк — при помощи *парм-ек — парма* — житель горной, лесистой страны и зыряне — от слова *зыр* — лопата. Его перу принадлежит большая статья «Чудские городища», сохранившаяся в архиве Русского географического общества[8].

После смерти В.А. Волегова собрание его древностей и альбом рисунков, выполненных художником из строгановских крепостных

---

[1] Архив РГО. Ф. 29, оп. 1, № 48, 67–69. Более полный анализ фольклорных материалов братьев Волеговых см.: *Ганина М.А.* У истоков уральской фольклористики (собирание и публикация фольклора Пермской губернии в 1840–1850 годы) // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. 1968. № 193. С. 278–305.

[2] *Смышляев Д.Д.* Источники и пособия для изучения Пермского края. Пермь, 1887. С. 9.

[3] *Волегов Вас.* Очерки верхнекосвенского Урала // Пермские ГВ. 1855. № 37–45; *Он же.* Остатки древностей в Пермской губернии // Пермские ГВ. 1861. № 3; *Он же.* Исторические сведения о Пугачевском бунте // Пермские ГВ. 1864. № 2, 7, 8, 10, 18–20, 22, 25, 39, 40, 46, 49–52; 1865. № 16, 19, 25, 26, 43. О сборе материалов по истории крестьянской войны 1773–1775 гг. под руководством Е. Пугачева см.: *Шилов А.В.* Братья Ф.А. и В.А. Волеговы в истории… С. 118–120.

[4] *Спицын А.А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России, издаваемые Археологической комиссией. СПб., 1902. С. 1–4.

[5] *Мельников П.И.* Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1841. Т. 18. С. 63–65.

[6] *Ешевский С.В.* Заметки о Пермских древностях // Пермский сб. М., 1859. Кн. 1. С. 132–142.

[7] *Волегов В.А.* Остатки древностей Пермского края // Пермские ГВ. 1861. № 3; 1865. № 40.

[8] *Волегов В.А.* Чудские городища // Архив РГО. Ф. 29, оп. 1, № 8. Авторство установлено А.В. Шиловым.

Г.К. Козминых, поступили в пользование семейства ***Теплоуховых***.

Крупнейшим исследователем и организатором изучения истории Урала был ***Александр Алексеевич Дмитриев*** (1854–1902), один из замечательных людей дореволюционной Перми, которому, как он заметил, «*история Пермского края есть та почва, на которой я всегда отдыхаю душой*…». В одной из своих статьей В.А. Оборин отмечал, что «*А.А. Дмитриев по праву может считаться самым крупным историком Урала конца XIX в. Его исследования, основанные на тщательном изучении широкого и нового для своего времени круга источников, не потеряли своего значения и для наших дней и были использованы многими советскими историками. Высокую оценку его трудов дали видные дореволюционные историки*»[1].

Родился в г. Дедюхин Соликамского у. Пермской губ. в семье служащего, советника казенного соляного правления, после выхода отца в отставку семья переехала в Пермь. В 1872 г. окончил Пермскую мужскую гимназию, а в 1876 г. — историко-филологический факультет Казанского университета[2]. В университете его учителем был профессор Д.А. Корсаков, под руководством которого он занимался изучением и исследованием русских летописей. Именно тогда знакомство с документами побудило А.А. Дмитриева заняться историей Пермской земли. В своей «Автобиографии» он позднее отмечал, *что «двухгодичная специальная работа над источниками Новгородской истории естественно привела меня, уроженца Пермского края, к мысли заняться когда-нибудь специально историей Пермской земли, составлявшей некогда часть обширных Новгородских владений и затем постепенно вошедшей в состав земель великих государей Московских — сперва в церковном, потом и в гражданско-административном отношениях. К счастью, обстоятельства сложились именно так, что я имел возможность занять место преподавателя своего специального предмета в той самой Пермской гимназии, где я получил среднее образование и куда желал попасть более всего не столько по служебным, даже семейным, сколько по научным соображениям. Я занял это место с радужной надеждой привести в исполнение мою прежнюю студенческую мечту относительно изучения местной истории. Я был более многих других подготовлен к изучению истории именно Пермского края, который при том же, как родной для меня, всегда был особенно близок моему сердцу. С теплой любовью к делу, но не без некоторой робости на первых порах приступал я к изучению родной пермской старины на месте, в самом средоточии нынешней Пермской земли, благодарю Бога за столь счастливое сочетание обстоятельств моей жизни»*[3]. Таким образом, уже на студенческой скамье он овладел основными навыками научного анализа архивных материалов, методами палеографического анализа рукописей и чтения скорописи XIV–XVII вв. Затем много лет преподавал в различных учебных заведениях. Например, с 1877 г. — словесность, русский язык, историю и географию в Пермской Мариинской женской гимназии с 1880 г. — историю и географию в Пермской мужской гимназии. В 1890–1902 гг. работал инспектором народных училищ, сначала в Соликамске, а потом в Перми[4].

---

[1] *Оборин В.А.* Археографическая деятельность А.А. Дмитриева / Уральский археографический сборник за 1970 год. // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Пермь, 1971. Вып. 250. С. 181–185.

[2] *Смородина С.С.* Основные даты жизни и деятельности А.А. Дмитриева // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 113–118.

[3] *Дмитриев А.А.* Автобиографическая заметка автора-издателя // Дмитриев А.А. Пермская старина: сб. историч. ст. и материалов о Пермском крае. Пермь, 1889. Вып. 1: Древности бывшей Перми Великой. С. III–XIII.

[4] *Попов М.Я.* А.А.Дмитриев. Биографический очерк // Тр. ПУАК. 1902. Вып. 5. С. 7–27; *Покровский И.М.* Памяти Александра Алексеевича Дмитриева. Указатель печатных работ его и отзывов о них // Изв. ОАИЭ. 1903. Т. 19. Вып. 1. С. 69–90; *Малченко В.С., Новиков Н.Н.* Памяти А.А. Дмитриева // Тр. ПУАК. Вып. 6. 1906. 177–187; *Белдыцкий Н.П.* Памяти автора

С 1902 г., когда исполнилось 25 лет службы, он в отставке. А.А. Дмитриев отмечает, что на становление его как исследователя, кроме Д.А. Корсакова, большое влияние оказали ***Д.Д. Смышляев*** и ***Н.К.*** Чупин[1]. С 1881 г. по 1888 г. он предпринимает на личные средства 8 экскурсий (а точнее — археографических экспедиций) для ознакомления с отдельными уездами Пермской губернии, побывав в 10 из 12 уездов, истратив на это 3000 руб. Вообще, за 17 лет он совершил не менее подобных 20 поездок[2].

А.А. Дмитриев всегда подчеркивал частный характер своих исследований: «*Как частный и невластный любитель старины, нашел более целесообразным держаться экскурсиального приема местных исследований, в последнее время в широких размерах практикуемого почти всеми учеными обществами*». Позднее он писал, что его основной целью был поиск и сбор исторических бумаг в местных архивах, а также старинных рукописей и документов, преимущественно по истории местного края, хранящихся у частных лиц[3]. В результате его археографической деятельности было собрано более 400 уникальных документов. Кроме того, с той же целью он совершил поездки в Петербург и Москву. Именно собранные документы легли в основу его «Пермской Старины», изданной на собственные средства. В это время он начинает публиковать статьи по местной истории в различных периодических изданиях[4]. За 20 лет научно-публицистической деятельности им было опубликовано 140 работ, в том числе 9 книг. В сфере его интересов была история города Перми, которому А.А. Дмитриев посвятил большую монографию, биографии различных выдающихся деятелей Урала, история народного образования, уральских заводов, церквей и монастырей. Как он признавался позднее, «*история Пермского края есть та почва, на которой я всегда отдыхаю душой*»[5].

Он активно разыскивал и архивы местных краеведов и историков. Благодаря его разысканиям были собраны рукописи ***Ф.А. Волегова***, которые хранятся в настоящее время в Государственном архиве Пермского края. А.А. Дмитриев серьезно занимался биографическими исследованиями. В первую очередь его интересовали сведения о местных деятелях. Чтобы они сохранились в истории региона, издавал статьи о них, часть которых была издана отдельной книгой[6]. Как признанный знаток истории Урала, в 1884 г. он избирается действительным членом Уральского общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Кроме того, он был членом-сотрудником Археологического института в Петербурге, Финляндского археоло-

---

«Пермской старины» Александра Алексеевича Дмитриева // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. 4. С. 44–55; *Он же.* А.А. Дмитриев как автор «Пермской старины» // Памяти родных писателей. Пермь, 1914.

[1] *Дмитриев А.А.* Автобиографическая заметка автора-издателя… С. IV.

[2] *Оборин В.А.* Археографическая деятельность А.А. Дмитриева… С. 183.

[3] *Дмитриев А.А.* Соликамские летописи. Пермь, 1884. С. 4–5.

[4] См., например: *Дмитриев А.А.* О границах древней Перми Великой // Тр. ПУАК. Вып. 1. 1892. С. 63–74; *Он же.* Роль Строгановых в покорении Сибири (Новый пересмотр Сибирского вопроса) // ЖМНП. 1894. № 1. С. 1–45, № 2. С. 243–286; *Он же.* К 500-летию блаженной кончины св. Стефана, первосвятителя Пермского // Памятная книжка Пермской губернии на 1896. Пермь, 1896; *Он же*. Посох святителя Стефана и другие памятники его просветительской деятельности // Памятная книжка Пермской губернии на 1896. Отдел I. С. 16–27. Пермь, 1896. Полную библиографию трудов А.А. Дмитриева см.: Печатные работы А.А. Дмитриева // Тр. ПУАК. 1903. Вып. 6. С. 179–187.

[5] *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 г. до 1890 г. Первый опыт краткого изложения истории г. Перми. Составил Александр Дмитриев, преподаватель Пермской мужской и Мариинской женской гимназий и товарищ председателя Губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1889; *Смородина С.С.* Основные даты жизни… С. 49.

[6] *Дмитриев А.А.* Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Вып. I. 30 очерков А.А. Дмитриева. Пермь, 1902; *Он же.* Материалы для биографии памятных деятелей из пермских уроженцев // Тр. ПУАК. 1902. Вып. 5. С. 61–64.

гического общества, членом совета Тобольского губернского музея и т.д. А.А. Дмитриев являлся действительным членом Пермского губернского статистического комитета, а позднее — одним из организаторов в 1890 г. и первым председателем Пермской ученой архивной комиссии, редактором сборника «Пермский край» и ряда других изданий. Главная его заслуга — изучение процесса присоединения и колонизации Урала русским населением в XI–XVIII вв.[1]

Основной труд А.А. Дмитриева — «Пермская старина» — представлял, по замыслу автора, «*сплошное систематическое изложение истории всего Пермского края, предпринятого одним лицом, на основании множества отдельных исследований и массы уже напечатанного сырого материала*» и должен был выйти в 12 выпусках, охватывающих большой период времени — от новгородской колонизации до правления Петра Великого. Но этот труд не был завершен[2]. Например, в первом выпуске автор на основе большого количества исторических, этнографических и археологических источников делает историографический обзор вопроса о соотношении Биармии из скандинавских легенд с Пермью, а также проблемы Чудь — Пермь. Например, сделанный им обзор сторонников, которых он называет апологетами, и противников расположения Биармии в Предуралье не потерял своего значения до настоящего времени. Кстати, сам автор был противником теории о расположении этой мифической страны на территории Прикамья.

Немаловажное значение для нас имеют данные о процессе становления коми-пермяков крепостными. В различных выпусках имеется значительный материал по этнической истории Приуралья[3]. В предисловии к 8 выпуску он писал, что «*разные внешние обстоятельства, особенно материальные затруднения, крайний недостаток свободного от службы времени и полная невозможность одному работать по-прежнему на этом поприще, при отсутствии какой либо поддержки, побуждают нас отложить на неопределенное время продолжение настоящего издания*».

В восьми выпусках «Пермской старины» им была разработана периодизация истории колонизации этого региона, показана роль крестьянства, посадских и служилых людей, экономические результаты освоения, развитие местных органов управления, роль церкви, Строгановых в заселении края. Его работы до настоящего времени являются ценнейшим источником по истории формирования старожильческого населения строгановских владений[4]. При публикации документов А.А. Дмитриев стремился представить их с максимальной полнотой, сохраняя в точности язык и транскрипцию оригинала, сопровождая их при необходимости введением и источниковедческими комментариями. Эта серия и другие его работы имеют большое значение для изучения этнической истории Приуралья[5].

Выпуск «Пермской старины» вызвал отзывы со стороны ученых[6]. Например, на выход в свет первого выпуска откликнулся один из местных исследователей, ***И.Г. Остроумов***[7]. Высоко оценивая труд А.А. Дмитриева как одного из лучших знатоков истории Пермского края, рецензент делает несколько замечаний.

---

[1] *Андерсон Ф.А.* А.А. Дмитриев как историк Урала // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Пермь, 1951. Т. 6. Вып. 4. С. 25–48.

[2] *Дмитриев А.А*. Пермская старина. Пермь, 1890. Вып. 2. С. 3; *Рожков Н.А.* Несколько слов о значении «Пермской старины» А.А. Дмитриева // Тр. ПУАК. Вып. 9. С. 80–84.

[3] Там же. 1889. Вып. 1. С. 9.

[4] См., например: *Дмитриев А.А.* Исторический очерк поземельных отношений на Урале с половины XVIII века в районе бывших имений Григория Дмитриевича Строганова // Пермские ГВ. 1883. № 72–79.

[5] *Дмитриев А.А*. О границах древней Перми Великой // Тр. ПУАК. Вып. 1. С. 63–74.

[6] *Фирсов Н.Н.* Пермская старина: сб. истор. ст. и материалов А.А. Дмитриева // Изв. ОАИЭ. 1892. Т. 10. Вып. 2. С. 235–236.

[7] *Остроумов И.Г.* «Пермская старина». Сборник исторических статьей и материалов о Пермском крае Александра Дмитриева. Вып. 1. Древности бывшей Перми Великой (Пермь, 1889) // Зап. УОЛЕ. 1890–1891. Т. 12. Вып. 2. С. 122–124.

По его мнению, А.А. Дмитриев слишком прямолинейно доказывает тезис о прямой генетической связи современных ему коми-пермяков через пермичей с древнейшими обитателями региона — летописной Чудью и Пермью. В качестве возражения И.Г. Остроумов ссылается на мнение ***А.М. Кастрена***, который, хотя и писал, что «*Чудь — это один из народов финской группы*», не признавал его «*родоначальником современных финских инородцев*»[1].

В то же время И.Г. Остроумов дает лестный отзыв работе А.А. Дмитриева по сравнению с «Пермской летописью» ***В.Н. Шишонко***, первый выпуск которой был опубликован одновременно с работой А.А. Дмитриева. Рассматривая эти два сочинения, близкие по содержанию, И.Г. Остроумов отдает приоритет работе А.А. Дмитриева, ибо, по его мнению, «“*Летопись” В.Н. Шишонко издается лицом, не занимающимся самостоятельно историей и поэтому допускающим значительные промахи в географическом и историческом отношениях, между тем как автора-издателя “Старины” нельзя упрекнуть в этих недостатках*». А.А. Дмитриев, используя классификацию В.А. Бердинских, входил в число крупных провинциальных историков-любителей, которые инициировали масштабные исторические исследования «местной» или локальной истории, пытаясь осознать место региона в истории России. Он написал оригинальную целостную историю своего края[2]. Это своеобразная историческая энциклопедия Урала вплоть до XVIII в.

Современники отмечали его приверженность к письменным памятникам, которые, по его мнению, были важнейшими, ни с чем несравнимыми источниками. Говоря современным языком, он пользовался источниковедческим методом. Для него самым важным является поиск и публикация исторических документов, их критика, выявление неточностей, дополнение их на основе новых материалов, систематизация. Именно в этом русле и написаны его работы.

А.А. Дмитриев в своих сочинениях часто сопоставляет известные источники с теми документами, которые были обнаружены им в местных архивах: государственных, церковных, частных. Так, ему удалось найти и ввести в научный оборот неизвестные писцовые книги, грамоты, местные летописи. Иногда опубликованные им документы вызывали нешуточные дискуссии. Можно привести в качестве примера «Сказание Сибирской земли», обнаруженное А.А. Дмитриевым в Соликамском уезде, которое, по его мнению, было написано со слов самого Ермака и открывало факты взаимоотношений его с Строгановыми.

Именно доверия к «Сказанию Сибирской земли» и Ремизовской летописи касалась дискуссия между автором и С.А. Адриановым, который выступил рецензентом книг А.А. Дмитриева, выдвинутых на Уваровскую премию. Рецензент — недавно окончивший Петербургский университет студент, учитель гимназии, позднее русский литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик. Автор и рецензент не смогли придти к общему мнению о роли Строгановых и Ермака в покорении Сибири.

Дискуссия свелась к обсуждению некоторых моментов взаимоотношений этих исторических личностей, нюансам. Иногда обнаруживается непонимание рецензентом самой идеи «Пермской старины»[3]. Современный

[1] *Castren M. A*. Ethnologische Vorlesungen über Altaisch Völker… S. 91.

[2] *Бердинских В.А.* Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003.

[3] *Адрианов С.А*. А.А. Дмитриев. Пермская старина. СПб., 1896. Вып. 1–5. Отзыв о выпусках «Пермской старины» А.А. Дмитриева // Отчет о 37-м присуждении наград графа Уварова. 1897; *Он же.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Александра Дмитриева. Вып. V. Покорение Угорских земель и Сибири. Пермь, 1894 // ЖМНП. 1894. Июль. С. 190–203. *Дмитриев А.А*. Роль Строгановых в покорении Сибири (Новый пересмотр Сибирского вопроса) // ЖМНП. 1894. № 1. С. 1–45, № 2. С. 243–286; *Он же.* Ответ суровому критику г. Адрианову // Пермская старина. Вып. VII. Пермь, 1897. С. 1–12.

анализ и подход к этой проблеме представлен в работе А.Т. Шашкова[1].

Исследователь культуры народов коми найдет значительное количество материалов в книгах конкурента и соперника А.А. Дмитриева ***Шишонко Василия Никифоровича*** (1831–1889), врача, деятеля народного образования, археографа, активного собирателя и публикатора документов по истории Пермского края[2]. Он родился в Черниговской губернии в семье крепостного графини Е.А. Уваровой. После получения отцом вольной семья переехала в Новгород-Сиверский, где он окончил местную гимназию. Начал учиться на медицинском факультете Харьковского университета, а затем перешел в Петербургскую медико-хирургическую академию, которую закончил в 1856 г. В 1856–1863 гг. был лекарем в Грязовце, Великом Устюге и по делам службы бывал в Усть-Сысольском уезде. В 1863 г. он приехал в Пермь и сначала работал в должности оператора (хирурга), а позднее — инспектора врачебной управы, городского врача, главного врача губернской земской Александровской больницы. В области медицины он выступал не только как лечащий врач, но и организатор местного здравоохранения. Об этом свидетельствует его успешная деятельность во время противохолерной эпидемии в Перми. Весной 1865 г. он выдержал экзамен на степень доктора медицины в Казанском университете.

Одновременно В.Н. Шишонко был известен как неутомимый собиратель и публикатор исторических документов и этнографических материалов[3]. Занимался педагогической деятельностью в 1876–1879 гг. как инспектор народных училищ Екатеринбургского уезда, в 1879–1889 гг. — директор народных училищ Пермской губернии. Стоял у истоков образования Пермской губернской ученой архивной комиссии и был ее первым председателем. Состоял членом Русского географического общества, членом-корреспондентом Московского археологического общества. В 1868, 1870–1876 гг. — секретарь Пермского губернского статистического комитета.

Главным делом научной жизни В.Н. Шишонко была «Пермская летопись»[4]. Отвечая на вопрос о том, что заставило его взяться за составление «Пермской летописи», В.Н. Шишонко писал, что многие исторические акты прошлых столетий уже утрачены. Его тревожила проблема гибели исторических документов, с которой он лично неоднократно сталкивался. Так как многие подобные документы «*погибли в мелочных лавках, где они служили обертками при отпуске товаров*», то В.Н. Шишонко подчеркивал первостепенную цель своего труда — «*сохранить для потомства уцелевшие исторические акты путем печати*»[5]. За «Пермскую летопись» он получил большую серебряную медаль на Екатеринбургской научно-промышленной выставке 1887 г.

В работе автор пытается систематизировать известные письменные сведения о Перми

---

[1] *Шашков А.Т.* Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Изв. Урал. у-та. 1997. Сер. гум. наук. Вып. 1.

[2] *Вологдин П.* Василий Никифорович Шишонко: материалы для биографии // Пермские ГВ. 1889. № 97, 98, 99; *Дмитриев А.А.* Василий Никифорович Шишонко // Пермские ГВ. 1889. № 93; *В-н П.* Памяти Василия Никифоровича Шишонко. Научные труды и награды за них // Пермские ГВ. 1890. № 34, 38; Памяти Василия Никифоровича Шишонко. Некролог, похороны и материалы для биографии. Статьи А.А. Дмитриева, Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.А. Вологдина. Пермь, 1889; *Кустов В.А.* Педагог, историк, этнограф и фольклорист В.Н. Шишонко // На Западном Урале. Пермь, 1974. Вып. 6. С. 209–213; *Он же.* В.Н. Шишонко в общественной жизни Урала // Фольклор и литература Урала. Пермь. 1975. Вып. 2. С. 93-104; *Семенов В.Л.* Летописец Пермского края (В.Н. Шишонко. 1831–1889 г.). Пермь, 2002.

[3] См., например: Писцовые книги Пермской губернии, Соликамского и Кунгурского уездов / публ. и примеч. члена-секретаря Пермского статистического комитета и члена различных ученых обществ В. Шишонко. Пермь, 1872; Отрывки из народного творчества Пермской губ. Собрал директор народных училищ Пермской губернии В.Н. Шишонко. Пермь, 1882.

[4] *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 гг. Пермь, 1881–1889. Периоды 1–5.

[5] Цит. по: *Семенов В.Л.* Летописец Пермского края… С. 51.

и Пермском крае[1]. Но в связи с бесчисленными вставками, которыми автор пользуется для своих комментариев, работа превращается в довольно сложное занятие, ибо книга не имеет авторского оглавления и указателя. Например, И.Г. Остроумов в своей рецензии отмечал, что в «Летописи» В.Н. Шишонко не всегда удачно выбирает материал и группирует его: некоторые сведения вообще не касаются истории Пермского края, но занимают несколько страниц в книге. В то же время материалы, непосредственно относящиеся к истории края, часто передаются кратко, иногда даже в пересказе. Кроме того, недостаточные географические знания В.Н. Шишонко приводят к серьезным ошибкам и не имеют необходимых примечаний и разъяснений[2]. Все это осознавал и составитель «Пермской летописи», поэтому в последнем прижизненном изданном он составил особое приложение — «*Ключ к "Летописи", после чего отпадут все мелочные нарекания на "Летопись", появившиеся в последнее время в местной печати, стремящие отнять всякое достоинство моего труда*»[3]. Правда, позднее А.Н. Колотилов предложил свой вариант указателя к этому сложному сочинению[4]. Тем не менее «Летопись» остается ценным пособием по изучению истории и культуры Пермского края. По мнению, А.И. Андреева, «*при всех своих археографических недочетах это издание представляет все же единственное собрание материалов по истории Пермского края и его населения*»[5]. Дискуссия о добросовестности и качестве публикуемых материалов продолжается до нашего времени. Так, изучение писцовых книг М. Кайсарова 1623 г., одного из важнейших исторических источников для всего Пермского края, в том числе и для характеристики демографии и хозяйства коми-пермяков, дважды опубликованных В.Н. Шишонко (сначала отдельно, а потом включенных во второй выпуск «Пермской летописи»), вызвало скептическое отношение ***А.А. Дмитриева***, который предупредил, что это «*может быть обильным источником для научных заблуждений*». Л. Коловарский и Ю. Мельков, которые занимались анализом и сравнением этого опубликованного текста с оригиналами рукописных вариантов, также пришли к выводу, что «*данная публикация не может быть использована для серьезной научно-исследовательской работы, так как содержит сведения, искажающая экономическую характеристику уезда и не отвечает элементарным требованиям археографии*»[6].

Несмотря на некоторые недостатки, количество собранных и опубликованных В.Н. Шишонко документов огромно и не сопоставимо с теми ошибками, которые были допущены им при попытке их систематизации. «Пермская летопись» сохраняет свое значение как самый крупный сборник документов по истории Пермского края, без использования которых невозможно освещение исторического прошлого этого региона.

При внимательном рассмотрении в отдельных выпусках «Летописи» можно найти сведения о коми, например о некоторых коми поселениях за пределами их основной этнической территории. Так, в документах, опубликованных В.Н. Шишонко, упоминается деревня Зыряновская на реке Нейве, там же имеется деревня Кайгородская и т.д. Интересны его замечания о том, что жителями некоторых селений, таких как Майкор, Иньва, Егва и др., еще недавно были коми-пермяками. На это указывают топонимы. Можно встретить и топонимистические изыскания, в частности, объяснение названия реки Кува — от коми-пермяцкого слова *кува* — умираю; попытка

---

[1] *Оксенов А.* Пермская летопись с 1263 по 1881 гг. В 3 кн. / Сост. Василий Шишонко. Пермь, 1881–1884 // ЖМНП. 1886. Янв. С. 179–186.

[2] *Остроумов И.Г.* «Пермская старина»… С. 124.

[3] *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. V период. Пермь, 1889. Ч. 3: 1702–1715. Предисловие.

[4] *Колотилов А.Н.* Указатель к «Пермской летописи» В.Н. Шишонко / Предисл. Н.А. Рожкова, приват-доцента Имп. Москов. ун-та // Тр. ПУАК. 1904. Вып. 8.

[5] *Андреев А.И.* Обзор исторических работ… С. 273.

[6] *Коловарский Л., Мельков Ю.* Новый список писцовых книг Михаила Кайсарова // На Западном Урале. Молотов, 1952. С. 208.

объяснить термин Кудымкар и т.д. (автор определяет это название как мертвая вода). Имеется описание села Кудымкарского[1]. Следует отметить, что В.Н. Шишонко одним из немногих пермских краеведов упоминает Федора Любимова, священника Егвинской церкви, в будущем миссионера и протоиерея в г. Соликамске. Он характеризуется им как прекрасный знаток коми-пермяцкого языка, создатель азбуки и первый переводчик на этот язык, составитель первой грамматики и словаря коми языка[2].

В его архиве, который хранится в Перми, имеется значительное количество оригиналов и копий исторических документов по Вологодской, Пермской и Тобольской губерниям, а также фольклорный материал.

Для исследователей истории вообще и истории культуры Урала в частности большое значение имеет творчество ***Смышляева Дмитрия Дмитриевича*** (1828–1893), русского общественного и земского деятеля, историка, краеведа, библиографа, книгоиздателя, журналиста, редактора и издателя «Пермского сборника»[3]. Он обладал широкой эрудицией, владел несколькими иностранными языками и считался в пермском обществе «*самым передовым человеком*». Д.Д. Смышляев поддерживал дружеские отношения со многими известными людьми того времени: А.И. Герценом, ***П.И. Мельниковым*** (А. Печерским), Д.Н. Маминым-Сибиряком, Л.Н. Толстым, с местной уральской интеллигенцией. Как писал о нем Д.Н. Мамин-Сибиряк, это был «*ратоборец за все доброе и честное, неизменный друг людей знания, мысли и труда*»[4].

Происходил из известной на Урале купеческой семьи[5]. В 1844 г. окончил Пермскую мужскую гимназию, куда был определен в 1836 г.[6] Одним из гимназистских учителей Д.Д. Смышляева был ***П.И. Мельников*** (А. Печерский). Среди преподавателей гимназии были такие знатоки истории Урала, как А.Д. Крупенин, Ф.А. Прядильщиков, которые привили ему интерес к историко-краеведческой деятельности[7]. До 1857 г. Дмитрий Дмитриевич занимался коммерческой деятельностью, помогая отцу. В этот период он много ездил по стране, а в 1851 г. совершил путешествие на Всемирную выставку в Лондоне, после которой отправился в Германию, Францию, Грецию и Турцию. После смерти отца Д.Д. Смышляев в 1857 г. окончательно порывает с торговыми занятиями, к которым он никогда не чувствовал призвания, целиком посвятив себя общественной и просветитель-

---

[1] *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Пермь, 1889. V период. Ч. 3: 1702–1715. С. 602–603, 604–608, 608–609, 624, 621, 620–623.

[2] Там же. С. 609.

[3] *Дмитриев А.А.* Памяти Д.Д. Смышляева // Пермские ГВ. 1893. № 15; *Солодовникова Н.П.* Дмитрий Дмитриевич Смышляев: опыт биографического опыта // Пермские ГВ. 1900. 19, 21, 22, 24, 25, 30, 31 марта; 21, 23 апр.; *Дмитриев А.А.* Д.Д. Смышляев // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3. С. 1–11; *Он же.* Смышляев Д.Д. // Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902. С. 33–36; *Он же.* Смышляев Д.Д. // Тр. ПУАК. Пермь, 1902. Вып. 5. С. 61–64; *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь. 1913. С. 187–189; *Рабинович Я.Б.* Д.Д. Смышляев как общественный деятель и историк-краевед // Летописцы родного края: (Очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, 1990. С. 22–32; Д.Д. Смышляев — организатор изучения Пермского края // Бердинских В.А. Уездные историки… С. 220–223; Минаева О.А., Снигирева Л.А. Жизнь и деятельность Д.Д. Смышляева. Библиографический список // Вестник Смышляевских чтений. Премь. Вып. 5. С. 49–70; *Семенов В.Л.* Мировоззрение Д.Д. Смышляева: Идейное наследие и судьба пермского либерала. Пермь, 2001 .

[4] *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Именинник / Сост., вступ. статья А.И. Дергачева. Пермь, 1989.

[5] *Бруцкая Л.А.* Род Смышляевых в XVIII–XIX веках // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 63–65.

[6] *Старовойтов А.Ф.* Основные даты жизни и деятельности Дмитрия Дмитриевича Смышляева… С. 4–8.

[7] О преподавателях гимназии и значении этого учебного заведения для развития краеведческого движения в дореволюционном Перми см.: *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губ. Екатеринбург, 1879; *Дмитриев А.А.* Столетие Пермской гимназии. Казань, 1886; *Фирсов Н.А.* Материалы для истории Пермской гимназии. Пермь, 1894; *Калинина Т.А.* Пермская гимназия и Д.Д. Смышляев // Страницы прошлого… С. 70–73; *Аверина Н.Ф.* П.И. Мельников-Печерский и Пермский край // Вестн. Смышляевских чтений. Пермь, 1996. Вып. 2. С. 5–11.

ской деятельности. Смерть супруги в 1864 г. произвела на Д.Д. Смышляева тяжелое впечатление, и он отправился на Святую Землю. Посетив в 1864–1865 гг. Синай и Палестину, он вновь активно начинает заниматься изучением истории родного края[1].

В 1870–1879 гг. состоял первым после введения в губернии земства председателем Пермской губернской земской управы. Деятельность Д.Д. Смышляева на этом нелегком посту, его организаторский талант заслужили признание современников. Среди его основных заслуг на земском поприще можно назвать организацию финансово-хозяйственной деятельности губернского земства; реорганизацию Александровской больницы в Перми; формирование статистического дела; решение вопроса обеспечения продовольствием; создание земского литературного органа «Сборник Пермского земства» и т.д.[2]

В 1880–1884 гг. работал управляющим механическим заводом пермского заводчика И.И. Любимова В 1885 г. Д.Д. Смышляев в качестве уполномоченного Императорского Православного палестинского общества отправился в Иерусалим, где благодаря его стараниям был построен странноприимный дом для русских богомольцев. Иерусалимский патриарх по достоинству оценил его заслуги: Д.Д. Смышляев получил титул «рыцаря Гроба Господня»[3]. По возвращении на родину в 1890–1893 гг. — секретарь Пермского губернского статистического комитета. Редактировал «Пермские губернские ведомости», «Адрес-календари и памятные книжки» Пермской губернии. Особо следует отметить краеведческие сборники «Пермский сборник» и «Пермский край», публиковавшие материалы по истории, этнографии и статистики Пермского края, издание которых было начато по его инициативе в 1859 г.[4] Причем «Пермский сборник» полностью издавался на его личные средства.

По мнению В.А. Бердинских, это были первые в России историко-краеведческие региональные сборники, примеру которых позднее последовали многие губернские статистические комитеты[5]. Д.Д. Смышляев составил программу сборника, заявленную им в первом выпуске сборника: «*История Пермского края, произведения и различные особенности его природы, местные условия, более или менее благоприятные для его благосостояния, его промышленная деятельность, образ жизни и язык различных племен, населяющих губернию, — вот предметы, изучению которых посвящается предпринимаемое в г. Перми издание "Пермского сборника"*»[6]. Одновременно предполагалось публиковать «*статьи, касающиеся различных национальностей, вошедших в состав Пермского народонаселения, их образа жизни… археологические заметки*». Сложилась следующая структура сборника из 4 отделов: история, этнография, география со статистикой и естественными науками, смесь. Для написания статьей Д.Д. Смышляев приглашал представителей научно-краеведческой элиты Урала. Издание «Пермского сборника» вызвало большое количество положительных отзывов[7].

---

[1] Итогом первого путешествия на Святую Землю стали книги «Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 г.» (Пермь, 1877); «На пути к Синаю» (Пермь, 1878). Эти книги получили высокую оценку Ивана Аксакова, а средства от их продажи пошли в пользу черногорцев, пострадавших в борьбе с турками.

[2] *Пермяков К.Я.* Систематическое оглавление «Сборника Пермского земства» за 1872–1883 гг. Пермь. 1886; *Старовойтов А.* Роль Д.Д. Смышляев в развитии губернского города Пермь // Страницы прошлого... С. 58–63; *Нечаев М.Г.* Дмитрий Дмитриевич Смышляев — организатор Пермского губернского земства // Вестник Смышляевских чтений. Пермь. Вып. 5. С. 219–225.

[3] *Устюгова В.В.* Д.Д. Смышляев и Православное Палестинское общество // Страницы прошлого... С. 56–58; *Семенов В.Л.* Деятельность Д.Д. Смышляева в Императорском православном палестинском обществе в 1885–1889 гг. // Страницы прошлого… Пермь, 1999. Вып. 2. С. 79–84; *Лисовой Н.Н.* .Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв. М., 2006.

[4] *Фирсов Н.Н.* Сборники статьей о Пермской губ. Д. Смышляеева // Изв. ОАИЭ. 1892. Т. 10. Вып. 2. С. 236–237.

[5] *Бердинских В.А.* Уездные историки… С. 115.

[6] Пермский сб. М., 1859. Кн. 1. С. 3.

[7] Например: *Добролюбов Н.А*. Пермский сборник. Кн. I // Современник. 1850. Т. LXXVII. Октябрь. С. 357–

В 1872 г. он основал и до 1878 г. редактировал «Сборник Пермского земства» (т. 1–34). Насыщенные массой интересных материалов о Пермском крае, его истории, эти книги стали уникальным изданием в России того времени. Действительный и почетный член ряда научных обществ, в том числе Русского археологического общества, Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, Пермского губернского статистического комитета и Пермской ученой архивной комиссии, Уральского общества любителей естествознания и др.[1]

Для историографии этнографического изучения народов коми особую ценность представляет его работа «Источники и пособия для изучения Пермского края», в которой приведены аннотации на 1386 книг[2]. Эта работа фактически является каталогом его личной библиотеки, которую он собирал в течение многих лет и подарил Пермской гимназии перед своим отъездом в Палестину. В ней представлены многочисленные пермские издания, в том числе краеведческого характера, а также портреты местных краеведов. Благодаря этой книге Д.Д. Смышляева можно назвать «*отцом пермской библиографии*», ибо до него подобных изданий в Перми не было. В этом указателе отдельно выделены разделы по археологии, истории, этнографии, народонаселению и т.д.

Д.Д. Смышляевым было подготовлено 11 библиографических пособий по местному краеведению[3]. Некоторые из них сначала публиковались в «Пермских губернских ведомостях», а потом выходили отдельными изданиями. На закате своей ученой деятельности в 1891 г., подводя итог, Д.Д. Смышляев, используя современную терминологию, составил «дайджест» своих лучших работ. Во введении он указал: «*В разных изданиях, преимущественно в местных губернских ведомостях в течение тридцати лет мною напечатано до сотни статей о Пермском крае, в большинстве своем касающиеся его истории. Так как последние основаны на архивных документах и других достоверных источниках, а издания, в коих они помещены, стали со временем большой редкостью, то, выбрав из означенных статьей те, которые могут представлять в качестве сырого материала некоторый интерес для любителей пермской старины, я печатаю их в виде настоящего сборника*»[4]. Большой интерес представляет его большая статья, озаглавленная как «Материалы для биографии замечательных местных деятелей», в которой приведены

372; *Михайлов М.Л., Шелгунов Н.В*. Пермский сборник // Русское слово. 1859. Октябрь. С. 37–49; *Пыпин А.Н.* Пермский сборник. Книжка II // Современник. 1860. Т. LXXXI. Май. С. 62–66.

[1] *Непеин И.* Пермский летописец // Уральский следопыт. 1986. № 5. С. 50–51; *Рабинович Я.С.* Д.Д. Смышляев как общественный деятель и историк-краевед // Летописцы родного края. Свердловск, 1990. С. 22–32.

[2] *Смышляев Д.Д.* Источники и пособия для изучения Пермского края. Материалы для указателя книг и статьей, заключающих в себе сведения о Пермской губернии. Пермь, 1876.

[3] *Смышляев Д.Д*. Библиографические сведения о разных изданиях, касающихся Пермской губернии // Пермские ГВ. 1882. № 9–43; 1883. № 5; *Он же.* Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» в течение сорокалетия с 1841 по 1880 гг. // Сб. ст., касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей периода 1842–1881 гг. Пермь, 1882. Вып. 1. С. 1–83; *Он же.* Материалы для истории Пермской губернии и города Перми // Пермские ГВ. 1883. № 1–3; Указатель статей о Пермской губернии, помещенных в «Пермских губернских ведомостях». 1881–1884. Пермь, 1885; *Он же.* Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» в период с 1881 по 1882 гг. // Сб. ст., касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей периода 1882–1887 гг. Пермь, 1888. Вып. 2; *Он же.* Указатель статей по археологии, истории и этнографии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях»: 1867–1889 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. Пермь, 1891; *Он же.* Указатель статей о Пермской губернии // Сб. материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь, 1894. Вып. 6. Общую библиографию работ Д.Д. Смышляева см.: Вестник Смышляевских чтений. Пермь, 1994. Вып. 1. С. 44–51.

[4] *Смышляев Д.Д.* Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 1.

биографии ряда пермских историков и краеведов[1].

В ряде своих работ Д.Д. Смышляев касался этнографии и этнической истории Пермского края, в частности биармийской проблемы. Он считал, что биармийцы могли быть древними жителями Северо-Востока России. По его мнению, «*биармийцы был народ финского или чудского племени, вышедший в незапамятные времена с юго-востока нынешней Сибири. Первой от Чуди алтайской отделилась Чудь уральская, а от нее позже — балтийская, которая ныне обитает по Балтийскому морю, в Эстляндии, Финляндии и Лапландии. А Чудь, Пермь, Печора, Ямь и Угры составляли некогда один народ, жили, во времена Нестора в нынешних Пермской и Вологодской губерниях, в обширной северной стороне*». Как видно, он был сторонником классической теории происхождения финно-угорских народов, основу которой заложил ***А.И. Шегрен*** и ***М.А. Кастрен***. В то же время Д.Д. Смышляев не отождествлял этнонимы биармы и коми-пермяки. В своей статье он приводит интересную этимологию терминов Пермь, пермяк, зырянин. Название Пермь Д.Д. Смышляев считает нарицательным термином, восходящим к финскому слову *Päärmä*, что означает *Украйна*, то же что *Syrjä*. Следовательно, коми-пермяки и коми-зыряне — слова синонимические и означают жителей Украины, украинцев финского мира[2].

Завершая очерк о Д.Д. Смышляеве, можно привести оценку его деятельности, высказанную его современником и в какой-то мере конкурентом на научном поприще А.А. Дмитриевым, который написал, что «*ученым в прямом смысле он не был. <…> В лице Дмитрия Дмитриевича мы лишились благороднейшего человека и согражданина, полвека неустанно служившего верой и правдой своему отечеству и особенно своему родному Пермскому краю. В его лице сошел в могилу глубоко убежденный ратоборец за все доброе и честное, незаменный друг людей знания, мысли и труда*»[3]. Да, он не имел университетского образования, но его научно-организационная, издательская и краеведческая деятельность — блестящий пример занятия любителей местной старины и истории в деле разностороннего изучения своего края. Его авторитет в научном сообществе был достаточно высок, этим объясняется членство Д.Д. Смышляева в ряде научных обществ.

Большой интерес для современного исследователя представляют работы ***Рогова Николая Абрамовича*** (1825–1905) — коми-пермяцкого просветителя, переводчика, краеведа, лингвиста и этнографа[4]. Он родился в семье крепостного Строгановых. Был направлен в Строгановскую школу земледелия, сельского хозяйства, горнозаводских наук и ремесел в Петербурге. Эта школа была основана графом С.В. Строгановым в 1825 г. для подготовки управляющих имениями (образцовых приказчиков), лесничих, преподавателей ремесел и т.д. из числа смышленых крестьянских детей. В ней учились многие известные деятели Пермского края, такие как ***А.Е Теплоухов***, ***Ф.А.*** и ***В.А. Волегов*** и др.

С 1846 по 1858 г. Н.А. Рогов таксатор, а позднее и лесничий Пермского имения Строгановых (по другим данным — иньвенский окружной лесничий графини С.В. Строгановой). Иньвенская дача включала в себя территорию проживания южных (иньвенских) коми-пермяков, которых насчитывалось около 35 тыс. «*душ обоего пола*». Находясь в их среде, он начинает интересоваться культурой и языком коми. В 1851–1859 гг. работал над грамматикой и словарем коми-пермяцкого языка, собирал фольклор. Его труд «Опыт грамматики пермяцкого языка» в 1859 г. (еще в рукописи) был выдвинут академиком ***Ф.И. Видеманом*** на соискание Демидовской

[1] Материалы для биографии замечательных местных деятелей / Смышляев Д.Д. Сб. ст. о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 268–300.

[2] *Смышляев Д.Д.* Краткий обзор истории Пермского края // Смышляев Д.Д. Сб. ст. о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 4–6.

[3] *Дмитриев А.А.* Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902. Вып. 1. С. 35–38.

[4] *Костромина И.Н.* Рогов Н.А. // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 407–408.

премии и был удостоен половинной премии, а сама рукопись опубликована в 1860 г.[1]

Академик в своем отзыве писал: «*Автор не обладает основательностью школьного образования, а именно знакомства с разными языками; это лишило его возможности составить труд, вполне соответствующий требованиям науки. Но и то, что им исполнено, заслуживает полной признательности*»[2]. К грамматике Н.А. Рогов приложил в качестве иллюстрации материалы из коми-пермяцкого фольклора, а именно: загадки, поговорки, пословицы, песни, сказки с переводом на русский язык, а также небольшой разговорник и материалы по быту коми-пермяков. Позднее он опубликовал отдельный коми-пермяцкий словарь, который вновь был отмечен премией Академии наук[3]. В Российской национальной библиотеке хранится экземпляр этого словаря, который находился, судя по наклейке, в «Собственной Его Императорского Величества библиотеке в Анничковом дворце». Своими трудами Н.А. Рогов положил начало систематическому изучению грамматического строя и лексикографии коми-пермяцкого языка. Его словарь до революции был самым полным. Как он пишет в предисловии к этому сочинению, «*коренные пермяки заметно русеют и природный их язык начинает теряться и заменяться русским. Такое положение пермяков и пермяцкого языка подало мне повод думать, что пермяцкий язык вообще выйдет из употребления и потеряется. Чтобы сохранить памятник этого языка, я счел нужным в 1849 г. составить полный пермяцкий словарь*».

Прежде чем приступить к делу, Н.А. Рогов обращается в Императорское Русское географическое общество с вопросом, представляет ли пермяцкий язык какую-либо ценность и нужен ли словарь этого языка. Получив утвердительный ответ из общества, он отправил туда «*образчики словаря*». Они были рассмотрены академиком ***А.И. Шегреном***, который порекомендовал использовать в дальнейшей работе в качестве образца словарь и грамматику коми-зырянского языка ***П.И. Савваитова***. Эти книги стали для него эталоном, но основой была «*живая народная речь, которую старался изучить тщательно*». Значение первого печатного словаря коми-пермяцкого языка крайне велико, особенно его этнолингвистической части, ибо в ней зафиксированы многие термины материальной культуры, семейно-родственных отношений и т.д. Он до сих пор является предметом тщательного изучения лингвистов[4].

Из других опубликованных сочинений Н.А. Рогова следует отметить «Материалы для описания быта пермяков»[5]. В нем он удивительно обстоятельно описывает быт коми-пермяков Иньвенской дачи графини Строгановой. Эти статьи долгое время были главными литературными источниками по изучению традиционной культуры пермяков, наибольшую ценность представляют этнографические сведения. В первой части, опубликованной в «Журнале Министерства внутренних дел», автор касается в большей степени этнопсихологической характеристики коми-пермяков, их численности и районов проживания, общественных отношений, характеристики языка. Во второй статье представлено традиционное этнографическое описание. Н.А. Рогов вступает в дискуссию о Биармии и предлагает свою расшифровку этого термина из коми-пермяцкого языка: *би* — огонь, *ар* — маленькая рыбка, *му* — земля, т.е. земля маленькой рыбки. Исследователь пытается сопоставить Биармию с Волжской Булгарией, но не приводит серьезных аргументов. Большой

---

[1] *Рогов Н.А.* Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860; Об издании «Пермяцкой грамматики» г. Рогова и словаря. 1859–1869 (С.-Петерб. филиал архива Академии наук. Ф. 2, оп. 1–1859. № 28).

[2] 28-е присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1859. С. 32.

[3] *Рогов Н.А.* Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869.

[4] Лингвистическая оценка словаря дана Р.М. Баталовой в ее статье (К столетию со дня выхода пермяцко-русского словаря // Наш край. Кудымкар, 1970. С. 96–102).

[5] *Рогов Н.А.* Материалы для описания быта пермяков. Ч. 1 // ЖМВД. 1858. Т. 29. Кн. 4. Отд. 3. С. 45–126; *Он же.* Пермский сб. М., 1860. Т. 2. Отд. 2. С. 1–127.

раздел посвящен объяснению местных гидронимов. Автор верно отмечает распространение у пермяков двух антропологических типов. Далее следует описание народных верований пермяков, в первую очередь водяного, лешего и суседки. Дается описание колдовских действий с топором, играющих важную роль в магической практике этого народа. Затем следует описание устройства жилища, обрядов связанных со строительством и т.д. Имеются данные по традиционной одежде, пище, праздниках и т.д. В ней представлено подробное описание обрядов жизненного цикла: родин–свадьбы–похорон. Наибольший интерес во второй статье вызывают образцы коми-пермяцкого фольклора, в том числе причитания и свадебные песни, как на русском, так и коми-пермяцком языках. Большой пласт сведений из коми-пермяцкого фольклора был опубликован впервые в истории изучения этого народа. Эта работа оставалась единственной подобной публикацией до 1920-х гг.

К этой статье примыкает еще одна, более ранняя публикация[1]. О том, что эти публикации остаются ценнейшим этнографическим источником, свидетельствует тот факт, что к ним обращаются и в наше время. Например, А.П. Савельев пишет, что «*этот обзор будет полезен читателям не только возможностью обозрения прошлого… но и в какой-то степени позволит утолить исторический голод по жизни предков*»[2].

Важная роль в организации и изучении истории и традиционной культуры народов Приуралья принадлежала семейству ***Теплоуховых***[3].

Родоначальником этой династии был ***Александр Ефимович Теплоухов*** (1811–1885), русский лесовод и археолог, который представлял, по мнению А.В. Шмидта, «*необыкновенную фигуру для русской провинции 1860-х гг.*»[4]. Родился в семье крепостного фельдшера уральских имений графини С.В. Строгановой в с. Карагай (Карачайское) Оханского уезда[5]. В 1824 г. окончил Ильинское трехклассное училище. Как подающий надежды к обучению подросток был в том же году направлен в Петербургскую школу сельского хозяйства и горнозаводских наук «*для обучения в ней техническим наукам для занятия разных должностей по сельскому, соляному и горнозаводскому хозяйству*», которую окончил в 1830 г. с аттестатом высшего разряда. После некоторое время служил в петербургской конторе Строгановых. В 1833 г. был направлен в Германию, в Саксонскую горную академию, для обучения горным наукам. Но, как писал сам А.Е. Теплоухов, «*чувствуя более склонности к сельскому хозяйству и видя из лесных журналов, какое внимание пробудилось в России к лесохозяйству, я испросил разрешения заняться изучением лесных дел в Тарнадской королевской академии*». В 1838 г. закончил обучение в академии в Германии, где приобрел специальность ученого лесовода. По возвращении получил вольную и преподавал лесоводство в школе Строгановых в Петербурге в 1839–1847 гг. В Германии окреп его интерес к различным отраслям естественно-исторических и гуманитарных знаний. В нем сочетались большая эрудиция и острый и даровитый ум, тонкая наблюдательность. С 1847 г. он главный лесничий, одновременно член управления имениями графини Строгановой, а с 1864 г. по 1875 г. — главноуправляющий пермскими имением Строгановых. Одним из первых в отечественной науке раз-

---

[1] *Рогов Н.А.* Опыт статистического описания Иньвенской дачи // Пермские ГВ. 1856. № 36–44.

[2] *Савельев А.П.* Иньвенские пермяки в середине XIX века // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997. С. 195; *Власова Е.Г.* «Пермяки — народ не поэтический…». Материалы для описания быта пернмяков Н.А. Рогова // Вестник Смышляевских чтений. Пермь, 2002. Вып. 5. С. 229–237.

[3] *Трефилова Л.А.* Обзор семейного фонда Теплоуховых // Уральский археографический ежегодник за 1970. Пермь, 1971. (Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Вып. 250.) С. 197; *Голохвастова Н.В.* Теплоуховы как представители служительской интеллигенции пермских вотчин Строгановых // Ильинский: страницы истории. Пермь, 2004. С. 138–148.

[4] *Шмидт А.В.* Археологическое изучение… С. 179.

[5] Теплоухов А.Е. // Дмитриев А.А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902. Вып. 1. С. 40–42.

работал классификацию лесов, создал первое руководство по лесоустройству, методику картографирования лесных угодий и лесовоспроизводства, изучал водоохранную роль леса и взаимодействие леса и почвы. В имении Строгановых завел образцовое лесохозяйство по немецкому образу[1].

В своих научных воззрениях по лесоводству А.Е. Теплоухов намного опережал современников. Оценивая значение леса, он отмечал: «*Лес есть такое богатство природы, которым преимущественно человек должен пользоваться благоразумно. Имея в виду не одну личную временную выгоду, но, сберегая его для потомства: истребить лес недолго, но вырастить новый трудно; много нужно времени и терпения для того, чтобы дождаться, пока дерево достигнет до степени годности его к употреблению, особенно же для построек*».

Он опубликовал первое в России оригинальное руководство по лесоустройству помещичьих лесов для управителей, лесничих и землемеров, а затем — для них же специальное «*Наставление по лесохозяйству: леса, рубки леса, расчистка лесов, безлесие*».

Дело собирания древностей, которому он предался со страстным увлечением в 1864 г., со временем приняло научный характер[2]. Этому во многом способствовало его путешествие в 1863 г. по Западной Европе, когда он осмотрел различные музеи и познакомился со многими исследователями. Интерес к археологии и древностям у него был вызван разными причинами. Во-первых, регион к этому времени уже был известен своими многочисленными находками «чудских вещей». Их описания встречаются в сочинениях ***Д.-Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа*** и других ученых. Во-вторых, ими интересовались Строгановы, которые в 1840 г. рассылали циркуляры своим управляющим с требованиями присылки к ним в Петербург всех «*любопытных и изящных предметов*», случайно находимых при пахоте и земляных работах. На этой основе ***В.А. Волегов*** начал собирать свою коллекцию. В-третьих, остро стояла проблема сохранения этих памятников. Один из первых серьезных исследователей пермских древностей, профессор Московского университета С. Ешевский настаивал на необходимости сбора, описания и публикации древностей, находимых в Приуралье, так как большинство из них бесследно исчезают для науки. «*Чтобы приобрести или, по крайней мере, видеть сколько-нибудь ценные вещи, необходимо быть на месте почти в самую минуту их открытия. Иначе они будут за бесценок проданы промышленникам и переплавлены*»[3].

В 1875 г. после выхода на пенсию А.Е. Теплоухов начал проводить научные раскопки на Урале, впервые выделил костища в Прикамье как особый тип жертвенных мест, дал описание древней керамики, принимал участие во всероссийских археологических съездах. Связи с германскими археологами позволяли получать от них инструкции по проведению раскопок, консервации находок, их анализа и т.д. Пользуясь служебным положением, он получал большое количество различных древних предметов с огромных территорий Строгановских имений, тщательно классифицировал и описывал их. Как писал А.В. Шмидт, «*заинтересовавшись археологией, А.Е. Теплоухов привлек к делу собирания древностей лесничих, народных учителей, передовых крестьян. Торговцы-прасолы везли*

---

[1] *Теплоухов А.Е.* Краткое описание лесохозяйства в Пермском майорате графини Строгановой // Пермский сб. М., 1859. Кн. 1. Отд. 3; *Он же.* Исторический взгляд на лесохозяйство в Пермском нераздельном имении графов Строгоновых. Пермь, 1881; *Рогов Н.А.* Материалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых. Пермь, 1892; *Николаев С.Ф.* Хранители леса Александр Ефимович и Федор Александрович Теплоуховы. Пермь, 1957; *Бейлин И.Г.*, *Парнес В.А.* Александр Ефимович Теплоухов. М., 1969; *Бейлин И.Г.* У истоков науки о лесе (очерк о А.Е. Теплоухове). М., 1969.

[2] *Игнатьева О.В.* Деятельность А.Е. и Ф.А. Теплоуховых в отношении собирания и исследования пермского звериного стиля // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2003. Вып. 3. С. 123–137.

[3] *Ешевский С.* Заметка о пермских древностях // Пермский сборник. М., 1859. Кн.1. С. 134.

ему любопытные "штучки" из самых далеких и глухих местностей. Теплоухов не жалел денег для покупки интересных предметов, много переплачивая продавцам. <...> Находчик опрашивался по возможности подробнее; его показания записывались и хранились. Вследствие этого собрание Теплоухова представляет в высокой степени ценный научный материал, а не беспорядочную груду занятных вещиц, как, к сожалению, некоторые частные и даже музейные собрания»[1]. Некоторые археологические сведения сохранились в его дневниках[2]. Часть своих коллекций он позднее пожертвовал в Музей древностей и этнографии при Казанском обществе археологии, истории и этнографии[3]. После смерти Ф.А. Волегова в 1864 г. он купил у его вдовы дубликаты некоторых находок, таким образом значительно пополнив формирующуюся личную коллекцию. К нему также перешел и «археологический дневник» Ф.А. Волегова, где были записаны сведения об условиях нахождения собранных им древностей, а также рисунки с переметов, которые были отправлены последним в Петербург графу Г.С. Строганову.

А.Е. Теплоуховым опубликовано более 50 работ по лесоводству и археологии Урала[4]. В 1879 г. в Германии исследователь издает работу о раскопках «кострищ», для интерпретации которого как жертвенника широко использовал финно-угорские этнографические материалы[5]. В этой и других работах, рассматривая древнюю историю западных предгорий Урала, А.Е. Теплоухов исходил из того, что здесь в древности проживали финны. На это указывало то, что большая часть притоков р. Камы имеет финские названия. Но под финнами А.Е. Теплоухов понимал в первую очередь пермяков, а также зырян и вотяков. Чудь, с которой местное население связывало эти древности, — это исчезнувшее финское племя, которое покинуло эти места в момент появления русских. Так как древняя Чудь имела торговые связи с «*цивилизованными азиатским народами и оставила после себя богатые клады, то она стояла на более высоком уровне культуры, чем зыряне и пермяки*». Кроме того, в статье есть интересные замечания о тамгах у коми-пермяков, играх и способах домашнего приготовления керамики. Все свидетельствует о том, что А.Е. Теплоухов хорошо знал традиционную культуру коми-пермяков. В его архиве сохранились неопубликованные материалы по этнографии коми-пермяков[6].

Более подробное знакомство с работами А.Е. Теплоухова позволяет нам говорить о том, что он внес существенный вклад в изучение этнографии коми-пермяков. Но в отличие от статей археологических, этнографические материалы разбросаны в его специальных статьях по лесному хозяйству и практически не использовались исследователями коми-пермяков. Занимаясь организацией правильного лесного хозяйства в имениях Строгановых, на территории которых проживала большая часть коми-пермяков, он пытался рационализировать их образ жизни и хозяйства, стараясь, с одной стороны, максимально сохранить имеющиеся леса, а с другой — дать крестьянам лес для поддержания существова-

---

[1] *Шмидт А.В.* Изучение доисторического прошлого Предуралья и его задачи // Экономика. 1926. № 5. С. 75.

[2] Государственный архив Пермской области. Ф. 613, оп. 1, д. 342–348, 350.

[3] Описание чудских вещей, пожертвованных в Музей древностей и этнографии при Казанском обществе археологии, истории и этнографии г. членом-сотрудником А.Е. Теплоуховым // Изв. ОАИЭ. 1879. Т. 2. С. 176–179.

[4] См., например: *Теплоухов А.Е.* Руководство для управителей, лесничих и землемеров. М., 1846; *Он же.* Устройство лесов в помещичьих имениях. СПб., 1848; *Он же.* Краткое описание лесохозяйства Пермского майората графов Строгоновых // Пермский сборник. Кн. I. М. 1959. Отд. III. С. 35–70; Полную библиографию трудов А.Е. Теплоухова см.: *Бейлин И.Г., Парнес В.А.* Александр Ефимович Теплоухов… С. 147–150.

[5] *Teplouchov A.E.* Über die prähistorische Opferssttätten am Uralgebrige // Archiv für Anthropologie. 1879. Bd. 12. Hf. 2. Русский перевод: *Теплоухов А.Е.* О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Зап. УОЛЕ. 1880. Т. 6. Вып. 1. С. 1–31; *Он же.* Известия о чудском селище близ села Кудымкорского // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург, 1880. Т. 6. Вып. 1. С. 40–42.

[6] *Трефолева Л.А.* Обзор семейного фонда… С. 204.

ния. Так, исходя из местной жизни и европейского опыта, он предлагал оптимизировать процесс вырубки леса (его количества), необходимого и отпускаемого для строительства жилых и хозяйственных построек. По мнению А.Е. Теплоухова, крестьянская усадьба с одним работником должна состоять из избы четырехстенной, клети с сенями, крыльцом с рундуком, огороженного в три звена двором. Усадьба должна иметь, кроме того, хлев четырехстенный, конюшню, погреб, амбар четырехстенный, загон для скота крытый. Если семья имела двух-трех женатых работников (неотделившихся сыновей), полагалось иметь две избы и при необходимости увеличивалось число хозяйственных построек. Кроме того, он был против строительства двухэтажных деревянных домов, предлагая нижний делать каменным (кирпичным). Но, столкнувшись с действительностью, в которой таких усадеб у большинства пермяков не было, он объяснял это действиями лесовладельцев, которые не обеспечивали крестьян достаточным количеством материала.

В статье «О значении в лесохозяйстве крестьянской обуви, изготовляемой из древесной коры», которая была посвящена влиянию промыслов на сохранность частных лесных владений, он дает прекрасный обзор о лапотном промысле у коми-пермяков с. Иньва Соликамского уезда[1]. В ней он пишет, что пермяки «*строго держатся обычая носить обувь только лычную, хотя в здешних местах липы уже мало и липки надо покупать. Даже достаточные из них почитают непозволительной роскошью надевать сапоги, не желая отличиться от своих собратьев*». А.Е. Теплоухов отмечает патриархальность хозяйства коми-пермяков, которые предпочитают изготавливать дома одежду, обувь, утварь и т.д. Далее идет описание времени и места заготовки лыка, стоимости материала, лаптя и т.д. По данным исследователя, на год одному работнику нужно 16 пар лаптей, детям и старикам — меньше. Изготовление такого количества лаптей требует много времени, поэтому их плетут старики в зимнее время. Автор приводит интересное сравнение: для коми-пермяка изготовление лаптя такое же обычное дело, как для старух в Германии — вязание чулок, они этим заняты постоянно. По его мнению, заготовка лыка не является истреблением леса. Главная причина уничтожения леса в Пермском крае — пожары, вызванные деятельностью людей. Отмечая, что основой земледелия коми-пермяков является подсека, которая позволяет получать хороший урожай первые два года, а потом забрасывается, и выжигается новая пашня, он пишет, что таким образом лес используется нерационально. Одновременно несоблюдение правил безопасности при подсеке ведет к большому количеству пожаров, число которых начало возрастать после 1861 г., когда лес и выделяемые угодья стали платными (своеобразная форма самозахвата). А.Е. Теплоухов считает необходимым упорядочить лесное законодательство и установить умеренную, доступную для крестьян плату, а также изменить способ земледелия, внедряя пашенные формы.

А.Ф. Теплоухову принадлежит статья «Примерное исследование быта крестьян в хозяйственном отношении»[2]. Предисловие этой статьи фактически представляет собой программу для проведения подобных исследований. Автор заметил, что невозможно проводить сопоставление статистического материала по местному сельскому хозяйству, получаемого и публикуемого властями, так как они его сбор проводился по-разному. Критикуя существующие статистические методы изучения крестьянского хозяйства, он отметил, что крестьяне не желают показывать подлинное количество припасов, реальный размер урожая и сообщать другие сведения о своем хозяйстве, руководствуясь как иррациональной боязнью сглаза, так и, главным образом, стремлением избежать лишних поборов и налогов, прикрывшись сво-

[1] *Теплоухов А.Е.* О значении в лесохозяйстве крестьянской обуви, изготовляемой из древесной коры // Экономические записки. 1862. № 13. С. 96–100.

[2] *Теплоухов А.Е.* Примерное исследование быта крестьян в хозяйственном отношении // Пермский сб. М., 1860. Кн. 2. Отд. 3. С. 18–39.

ей бедностью. Разбирая принятую в 1850-х гг. методику сбора статистических сведений о крестьянском хозяйстве, А.Е. Теплоухов показывает ее полную несостоятельность. По его мнению, приказчик или другой начальник крестьян, озадаченный требованием собрать необходимую статистику, дает поручение писарю, который требует предоставить сведения от местного десятского, собирающего оброк. Последний обычно пользуется случаем, чтобы оправдаться в недостаточном сборе денег и хлеба, и указывает заниженные цифры. Так изначально неверные сведения, переделанные писарем, подписываются приказчиком и, пройдя еще ряд разных канцелярий, попадают в статистические сборники. Поэтому исследователь предлагает унифицировать сбор первоначального материала по строго определенной системе.

В статье также приводится расчет годового бюджета «малодостаточного» пермяка Верх-Юсьвенского ведомства Ильинского округа на 1856 г. В ней описываются состав семьи, ее обеспеченность землей и скотом, приход денег от сельского хозяйства и отхожих промыслов. Подробно расписана расходная часть, в частности обозначены налоги. Из этого описания видно, что приходная часть за год составила 54 р. 22 коп., а расходная — 52 р. 86 коп., т.е. чистая прибыль семьи за год составила всего 1 р. 36 коп. Это уникальный материал, характеризующий экономическую составляющую жизни, который не служил предметом исследования в сочинениях по традиционной культуре коми-пермяков. Следует упомянуть еще одну полузабытую статью А.Е. Теплоухова — «130 слов провинциальных и технических, употребляемых в Пермской губернии и относящихся до крестьянского хозяйства, лесоводства, горного дела и судостроения»[1]. Она содержит ряд терминов, характеризующих хозяйство жителей Пермского края.

А.Е. Теплоухов был членом Вольного экономического общества (1845), Петербургского общества поощрения лесного хозяйства (1839), Германского общества антропологии, этнологии и первобытной истории (1878), Антропологического общества в Вене (1883), Финского исторического общества в Хельсинки (1885), Пермского губернского статистического комитета и т.д. Почетный член Уральского общества любителей естествознания. Умер А.Ф. Теплоухов в 1885 г.[2]

По стопам отца пошел его сын — ***Федор Александрович Теплоухов*** (1845–1905), лесовод, ботаник, краевед, археолог, этнограф. Он родился и провел свое детство в Петербурге, а затем в с. Ильинском (после переезда отца). Окончил в 1863 г. Пермскую гимназию, а в 1868 г., как и отец, — Тарандскую лесную академию в Германии. После этого продолжил образование в Петровской земледельческой и лесной академии в Москве, которую закончил в 1872 г. со степенью кандидата лесоводства, ибо окончание иностранного лесного учебного заведения не давало права находиться на службе в России и состоять в существовавшем тогда корпусе лесничих[3].

С 1872 г. он младший таксатор, помощник главного лесничего, а в 1875–1905 гг. — главный лесничий Пермского нераздельного имения Строгановых. Усовершенствовал систему ведения лесного хозяйства, введенную в этих имениях своим отцом. Серьезно занимался ботаникой и орнитологией[4]. Один из организаторов Пермского научно-промышленного музея, основанного в 1890 г., и первый его почетный член. Почетный член Петербургского лесного института, Петербургского и Московского археологических обществ, УОЛЕ и ряда других научных обществ. Его деятельность по устройству лесно-

[1] *Теплоухов А.Е.* 130 слов провинциальных и технических, употребляемых в Пермской губернии и относящихся до крестьянского хозяйства, лесоводства, горного дела и судостроения // Учен. зап. Императорского Казан. ун-та. Казань, 1857. Кн. 3. С. 170–179.

[2] *Смышляев Д.Д.* Некролог Александр Ефимович Теплоухов // Пермские ГВ. 1885. № 33; То же // Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 285–288; Список трудов А.Е. Теплоухова см.: Там же. С. 288–292.

[3] *Николаев С.Ф.* Хранители леса... С. 32–42.

[4] Полный список публикаций Ф.А. Теплоухова см.: *Николаев С.Ф.* Хранители леса… С. 45–46.

го отдела Политехнической выставки 1872 г. была отмечена Большой серебряной медалью Московского общества испытателей природы, а в 1896 г. — золотой медалью Нижегородской Всероссийской художественно-промышленной выставки.

Он продолжил начатое отцом собирание археологических коллекций, ведение разведки и раскопок археологических памятников на Верхней Каме. При нем коллекция Теплоуховых насчитывала более 7000 предметов. Им же были написаны первые обобщающие работы по истории древнего земледелия, торговли и торговых путей, религиозных представлений Пермской Чуди; опубликованы материалы по каменному и бронзовому векам Верхнего Прикамья, наблюдения по народным праздникам и суевериям[1]. В своем отзыве о работах Ф.А. Теплоухова А.А. Спицын пишет, что «*они по богатству материала и стройности выводов и изложения представляют лучшие работы по пермским древностям и ставят имя их автора среди исследователей этих древностей на первое место*»[2]. Например, он предпринял первую попытку классификации древних земледельческих орудий с территории Урала. Все известные находки древних орудий труда с территории Приуралья он делит на 4 большие группы: 1) орудия для расчистки почвы от леса; 2) орудия для разделки и частичного взрыхления почвы; 3) орудия для полного взрыхления почвы (вспашки); 4) для сбора сельскохозяйственной продукции. Кстати, предложенная им классификация археологического материала с успехом может быть использована для описания сельского хозяйства лесной зоны. Как пишет Ф.А. Теплоухов, при составлении классификации он исходил из реалий местного подсечно-огневого земледелия, широко распространенного в Пермской губернии еще в середине XIX в., а также учитывал другие современные способы, приемы и орудия обработки земли. Он часто приводит примеры из хозяйственной практики коми-пермяков. По-видимому, Ф.А. Теплоухов был одним из первых русских археологов, который, собирая предметы древних культур, задумался, каким образом они использовались в давние времена. Он поставил ряд экспериментов с реконструированными им по древним образцам сельскохозяйственными орудиями по обработке почвы и убедился, что это вполне возможно. Таким образом, он стал одним из первых исследователей, восстановивших старинные орудия труда и способы обработки почвы[3]. Его перу также принадлежит первый каталог археологических коллекций Пермского научно-промышленного музея, почетным членом которого автор являлся (за заслуги в изучении древностей Пермского края)[4].

Ф.А. Теплоухов также исследовал собрание мелкой металлической пластики, которую мы сегодня называем «пермским звериным стилем». По мнению А.В. Шмидт, Ф.А. Теплоухову «*принадлежит одна из первых попыток разобраться в смысле и значении загадочных металлических изображений баснословных животных, так часто встречающихся на западном склоне Урала*»[5]. В 1892 г. Ф.А. Теплоухов, понимая всю важность публикации имеющихся в распоряжении его семьи большой коллекции находок, приступил к подготовке их для печати. Большую помощь в ее систематизации и описании ему оказал

---

[1] О деятельности Ф.А. Теплоухова как археолога см.: *Спицын А.А.* Древности Пермской Чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по Археологии России. 1902. Т. 26. Можно упомянуть некоторые его археологические работы: *Теплоухов Ф.А.* Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии // Тр. ПУАК. Пермь, 1892. Вып. 1. С. 27–63; *Он же.* Чудские жертвенные места на реке Колве // Тр. ПУАК. Пермь, 1896. Вып. 3. С. 131–151; *Он же.* Рисунки древностей Пермской Чуди, принадлежащие Пермскому музею // Тр. ПУАК. Пермь, 1896. Вып. 2. С. 152–163.

[2] *Спицын А.А.* Древности Пермской Чуди… С. 15.

[3] *Теплоухов Ф.А.* Земледельческие орудия Пермской Чуди // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 59–93.

[4] *Теплоухов Ф.А.* Древности Пермской чуди, принадлежащие Пермскому научно-промышленному музею // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1905. Вып. 2. С. 219–230.

[5] *Шмидт А.В.* Изучение доисторического прошлого… С. 75.

А.А. Спицын, который несколько раз приезжал в село Ильинское, а также поддерживал постоянную переписку с Ф.А. Теплоуховым, в одном из писем которого читаем: «*Ваша коллекция — двери, ведущие к пониманию древностей огромного района*». Фактически с него начинается систематическое изучение этого культурного феномена.

В первой части работы «Древности Пермской Чуди…» он дает видовую классификацию этих изображений, которая используется и современными исследователями[1]. Для истолкования предметов он, как и его отец, привлек широкий круг источников по финно-угорской этнографии, в частности по народным верованиям. Поэтому в его работе подробно описываются религиозные представления коми-зырян, коми-пермяков и обских угров. Пытаясь идентифицировать этническую принадлежность этих предметов, Ф.А. Теплоухов делает обзор преданий о Чуди, широко распространенных на Русском Севере и на Урале. Он приходит к выводу, что Чудь — это аборигенное население этого региона, а металлическая пластика — местного производства. Это было связано с тем, что большинство отечественных и зарубежных исследователей считали, что эти предметы или привозные, или заимствованы (привезены) из Передней Азии, Китая, Индии. Он соглашается с ***И.Н. Смирновым*** в том, что на западе Чудь являются предками современных коми-пермяков, а на востоке — обских угров. Но, уточняя эту гипотезу на основе имеющейся в его распоряжении культовой металлической пластики, Ф.А. Теплоухов приходит к выводу о том, что она принадлежала одному народу, с большой долей вероятности — обским уграм, которые в своей религиозной практике до настоящего времени используют металлические изображения личин, антропоморфные и зооморфные фигуры и т.д. Именно данный факт позволяет исследователю поддержать т.н. «угорскую» теорию Д.П. Европеуса о происхождении древних жителей этого региона[2].

В следующей работе Ф.А. Теплоухов выступил против теории существования ***Биармии*** на этой территории, заявив, что Пермский край не был посредником в торговле между Севером и Средней Азией[3]. Хотя в этом он не прав. Через Приуралье проходил Великий Волжский Путь, что сегодня считается уже аксиомой.

Перу Ф.А. Теплоухова принадлежат и несколько этнографических работ. Из них можно отметить его статью о колдовстве у коми-пермяков[4].

Вклад Ф.А. Теплоухова в археологию Приуралья А.А. Спицын отметил такими словами: «*По богатству материала и по стройности выводов и изложения представляют лучшие работы по пермским древностям и ставят имя их автора среди исследователей этих древностей на первое место*»[5].

Представителем третьего поколения фамилии Теплоуховых был ***Александр Федорович Теплоухов*** (1880–1943). Он также совмещал деятельность лесовода и историка, этнографа. Окончил в 1891 г. Пермскую гимназию. Судя по сохранившимся в Государственном архиве Пермского края документам, он в 1903 г. одновременно закончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета и Петербургский лесной институт. Вернувшись на Урал, А.Ф. Теплоухов стал помощником главного лесничего пермских имений графа Строганова. В 1912–1915 гг. состоял товарищем председателя Пермского научно-промышленного музея. В 1916 г. был призван в армию и отправлен на Румынский фронт, где прослу-

[1] *Теплоухов Ф.А.* Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Пермь, 1893. Т. 2. С. 3–74.

[2] Там же. С. 74.

[3] *Теплоухов Ф.А.* Древности Пермской Чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3. С. 247–290.

[4] *Теплоухов Ф.А.* «Кабала» или прошение лесному царю (из пермяцких суеверий) // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губ., издаваемый Пермским губ. стат. комитетом. Пермь, 1895. Т. 3. С. 291–299.

[5] *Спицын А.А.* Древности Пермской Чуди по коллекции… С.15.

жил до 1918 г. Затем работал лесничим в Иньвеньском округе (после переименования). В 1919 г. он находился сначала на службе в армии Колчака, с 1920 г. — в Красной армии. В 1920-е гг. А.Ф. Теплоухов вновь работает в области лесоводства[1]. Сначала консультант, а потом ученый секретарь Лесной комиссии Уральского областного Совета. В 1922 г. путешествовал на Ямал, занимаясь ботаническими изысканиями[2]. С начала 1930-х гг. работал в Ленинградском центральном научно-исследовательском институте лесного хозяйства.

В качестве таксатора лесной партии работал на Печоре, где одновременно занимался этнографическими наблюдениями. Правда, эти материалы не были опубликованы, но сохранились в семейном архиве[3]. В течение 1910–1912 гг., будучи на службе в Чердынском уезде, занимаясь таксацией и лесоустройством, А.Ф. Теплоухов собирал и материал по этнографии коми-пермяков. Этому способствовало то, что он активно сотрудничал с Этнографическим отделом Русского музея Александра III, собирая для него этнографические коллекции. От него в музей поступила коллекция традиционной одежды и фотографий. Более значительная коллекция фотографий хранится в Пермском краевом музее[4].

В 1916 г. он публикует большую статью о головных уборах коми-пермячек[5]. По полноте описания, достоверности и скрупулезности рассмотренного материала она и в настоящее время представляется образцом этнографического анализа и описания элементов традиционного костюма. Пожалуй, впервые в истории пермской этнографии работа была проиллюстрирована 43 фотографиями, в большей части теми, что выполнил сам автор во время своих разъездов по коми-пермяцким волостям. Исследователь заметил, что коми-пермяцкие женщины носили два вида головных уборов: шамшуру и кокошник, а в качестве верхней одежды — сарафаны. Причем все они уже вышли из употребления в Вологодской и Архангельской губерниях.

Следует отметить оригинальную статью А.Ф. Теплоухова «К истории мукомольного производства в Западной части Пермской губернии»[6]. Здесь представлены материалы по изготовлению и употреблению в домашнем обиходе ручных мельниц у коми-пермяков, а также их фотографии. Описание технологических подробностей уникально.

Характеризуя научное творчество А.Ф. Теплоухова как этнографа, мы должны отметить, что свой научный метод он заимствовал у ***А.И. Шегрена***. Именно ономастический метод, основу которого составлял анализ топографической и антропологической терминологии, совмещенный с историческими и этнографическими материалами, использует А.Ф. Теплоухов для решения проблем истории Севера и Урала. Но, исследуя этническую историю Прикамья, А.Ф. Теплоухов, в отличие от А.И. Шегрена, придерживается гипотезы Д. Европеуса об угорском происхождении населения, обитавшего на территории Европейского Севера до появления финнов и славян. Этой проблеме посвящена его работа «Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русскими народами»[7]. Это сочинение было

---

[1] *Овчинникова Б.Б.* У истоков уральской археологии: Теплоуховы // Изв. Урал. гос. ун-та. 1998. № 8. С. 54–62.

[2] *Теплоухов А.Ф.* По Ямалу (Путевые заметки) // Сибирская природа. Омск. 1922. № 2. С. 114–128.

[3] *Л.А*. Обзор семейного фонда… С. 213.

[4] *Черных А.В.* Традиционная культура коми-пермяков. Фотоколлекция А.Ф. Теплоухова по этнографии Урала начала XX в. из собрания Пермского краевого музея // Археология, этнография, антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 128–140.

[5] *Теплоухов А.Ф.* Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Сб. Пермского земства. Пермь, 1916. Т. 2. С. 122–137.

[6] *Теплоухов А.Ф.* К истории мукомольного производства в Западной части Пермской губернии // Зап. УОЛЕ. 1917. Т. 36. Вып. 9–12. С. 81–93; То же // Тр. ПУАК. 1915.

[7] *Теплоухов А.Ф.* Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русскими народами // Зап. УОЛЭ. 1924. Т. 39. С. 83–112. Эта статья вызвала отзыв финского этнографа и лингвиста

написано на основе анализа топонимистического и антропонимистического материала, собранного в течение ряда лет в различных географических и делопроизводительных документах.

Основной вывод автора: коми-зыряне и коми-пермяки пришли в Пермскую губернию через Вологодскую и Вятскую губернии достаточно поздно, вытеснив и ассимилировав здесь обских угров — хантов и манси; они не являются потомками Пермской Чуди, а пермские древности принадлежат уграм. Эта статья вызвала возражения со стороны ***А.Н. Грена***, ***И. Мошегова*** и ***В.И. Лыткина***[1]. Академик А.И. Соболевский также выступил против подобных рассуждений, заявив, что лингвистика предоставляет противоположные данные, выступает против угорской теории[2].

Позднее А.Ф. Теплоухов возвращается к этой теме в другой работе[3]. Свое отношение к проблеме происхождения коми-зырян и коми-пермяков он высказал в специальной статье «Пермяки и зыряне». Она представляет интерес в связи с приведенным списком литературы. В ней автор говорит о родстве этих народов, и в то же время приводит данные об их различиях в культурно-историческом плане[4]. Эта проблематика поднимается им и в других работах[5]. Столкнувшись с проблемой объяснения феномена культурной близости, но территориальной разобщенности коми-зырян и коми-пермяков, он предположил, что это можно истолковать переселением части прилузских и сысольских коми в Прикамье. А.Ф. Теплоухов писал, что «*в северо-западной части Пермской губ. пермяцкое население образовалось главным образом из зырян-пришельцев из Вологодской и Вятской губ., смешавшихся здесь с уграми и русскими*». Основанием для такого вывода послужило сходство ряда гидро- и топонимов верховьев Камы и бассейна Сысолы, некоторых фамилий и т.д.

Исследования Л.Н. Жеребцова, проводившиеся в советское время, выявили факты переселения коми населения с Сысолы и Лузы на Каму в XVI–XVIII вв. Но последний рассматривал этот факт как обратный миграционный поток[6]. В действительности происхождение коми-пермяков намного сложнее, и переселение небольшой группы коми-зырян не оказало на них значительного влияния. В современной науке проблема проживания угорского и самодийского населения на Европейском Севере до появления здесь финно-угров и русских иногда поднимается, но взгляды Д. Европеуса считаются некорректными и недоказанными[7].

Одна из ценнейших этнографических работ А.Ф. Теплоухова — «Обзор данных о гео-

---

Артура Каннисто: *Kannisto A*. A.F. Teplouchov. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях… // FUF. 1927. Bd. 18.

[1] *Грен А.Н.* А.Ф. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русскими народами // Коми му. 1925. № 6; *Лыткин В.И.* А.Ф. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русскими народами // Там же; *Мошегов И.* Пермь Великая в теории А.Ф. Теплоухова и по историческим данным // Там же.

[2] *Соболевский А.И.* К археологии Прикамья. По поводу статьи А.Ф. Теплоухова «Следы былого пребывания угорского народа…» // Перм. краевед. сб. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 1–2.

[3] *Теплоухов А.Ф.* Связь Пермяцкого края с Севером и Западом по историческим данным, географическим названиям и фамилиям жителей // Чердынский край. 1927. Вып. 2. С. 3–19.

[4] *Теплоухов А.Ф.* Пермяки и зыряне. [Попытка определить происхождение зырян и коми-пермяков] // Перм. краевед. сб. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 113–124.

[5] *Теплоухов А.Ф.* Фамилии и географические названия Пермяцкого края в этнографическом и историко-географическом отношениях // Коми му. 1925. № 9. С. 32–45; № 10–11. С. 83–95, № 12. С. 15–24; *Он же.* О фамилиях и географических названиях б. Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 11–12.

[6] *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные связи… С. 42.

[7] Последний по времени обзор по этой проблеме см.: *Напольских В.В*. «Угро-самодийская топонимика» в Прикамье: заблуждения и реальность // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002. С. 85–105.

графическом распространении пермяков»[1]. Это единственная специальная работа, в которой автор рассматривает динамику изменения этнических границ расселения коми-пермяков на основе разнообразных источников. В ней автор отмечает, с одной стороны, районы обрусения пермяков, а с другой — места, где происходил обратный процесс. Исследование основывается на анализе большого количества историко-статистических данных и литературы XVIII — начала XX в. Поводом для написания данной статьи А.Ф. Теплоухову послужила начавшаяся подготовка к проведению переписи в 1926 г. Поэтому он решил «*своевременно сообщить кое-какие данные, собранные мной лет 20 тому назад, об источниках по географическому распространению одного из народностей Урала — пермяков, выделенных в прошлом 1925 г. в самостоятельный национальный Коми-Пермяцкий округ. Как будет видно из дальнейшего, в источниках этих встречается немало ошибок и промахов, а поэтому указание на них, надо думать, поможет избежать их при предстоящей переписи*»[2].

Много лет посвятил изучению географии Прикамья, Верховий Печоры и истории народов, проживающих на Европейском Северо-Востоке (коми, русских, манси), крупнейший общественный деятель Прикамья Иван Яковлевич Кривощеков.

Б.Н. Вишневский, определяя вклад ***Ивана Яковлевича Кривощекова*** (1854–1915) в развитие коми-пермяцкой культуры, писал: «*Для Коми-Пермяцкого края И.Я. Кривощеков явился первым ученым, заложившим основы местной географии и краеведения. В лице первого коми-пермяцкого ученого край имел постоянного защитника интересов родного народа. И.Я. Кривощеков помогал коми-пермякам отстаивать свои права, где бы это ни пришлось, особенно в судах. Он защищал их интересы на земских собраниях, хлопотал об открытии новых школ для коми-пермяков, боролся за развитие здравоохранения, требуя срочных мер в борьбе с эпидемиями*»[3]. И.Я. Кривощеков был одним из ярких представителей коми-пермяцкого народа, он прославился как географ, историк-краевед, археолог, этнограф, общественный деятель.

Родился И.Я. Кривощеков 7 августа 1854 г. в селе Кудымкар в семье крепостных графини Строгановой[4]. Отец будущего исследователя, работая помощником бухгалтера в местном вотчинном правлении и интересуясь историей и этнографией, привил любовь к краеведению и своему сыну. Вообще, это была одаренная семья. Его отец, Я.К. Кривощеков, писал стихи, собирал материалы по местной истории, а дядя, А.К. Кривощеков, был хорошим художником и работал в Петербурге, у Строгановых

После обучения основам грамоты в местной церковной школе отец отдал мальчика в Строгановское мужское начальное училище, где он проучился два года, а затем был принят в Усольское училище, содержавшееся на средства владельцев соляных промыслов на Урале: Строгановых, Голицына, Всеволожских. Курс обучения в училище был рассчитан на четыре года и включал изучение таких практических учебных предметов, как история, география, арифметика, геометрия, черчение. Как способный ученик, И.Я. Кривощеков был направлен на средства Строгановых обучаться в Московскую земледельческую школу. Окончание этого учебного заведения изменило его социальный статус: из «*временно-обязанного инородца графини Строгановой*» он превратился в свободного «*помощника ученого управителя*». Однако ему не суждено было стать агрономом: по окончании школы в 1872 г., вернувшись на родину, он поступил на службу в пермское имение Строгановых

[1] *Теплоухов А.Ф.* Обзор данных о географическом распространении пермяков. Материалы для составления этнографической карты Уральской области // Зап. УОЛЕ. 1926. Т. 40. Вып. 2. С. 83–103.

[2] Там же. С. 83.

[3] *Вишневский Б.Н.* Географ-краевед И.Я. Кривощеков. Пермь, 1961. С. 91–92.

[4] Кривощеков И.Я. [Некролог] // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1917 г. Пермь, 1916; *Вишневский Б.Н.* Географ Урала и Прикамья И.Я. Кривощеков (1854–1916) // Изв. ВГО. 1954. Т. 86. Вып. 3. С. 271–278.

как практикант по лесному хозяйству. И.Я. Кривощеков все силы отдал изучению родного края. Во многом этому способствовало его знакомство и длительное сотрудничество со многими именитыми земляками, в том числе с семейством ***Теплоуховых***. Под руководством одного из первых русских ученых-лесоводов ***Александра Ефимовича Теплоухова*** И.Я. Кривощеков изучал лесное дело, а затем долгое время работал в качестве Иньвеньского окружного лесничего под непосредственным начальством его сына, ***Федора Александровича Теплоухова***, служившего с 1875 г. главным лесничим пермского имения Строгановых. И отец, и сын серьезно занимались археологией, им принадлежала знаменитая археологическая коллекция, послужившая основой для начала научного изучения прошлого Прикамья. Затем были работа на Добрянском заводе и служба в армии в Санкт-Петербурге. После этого И.Я. Кривощеков долго трудился на родине, в строгановских имениях. Ситуация изменилась в 1905 г., когда он принял участие в ряде общественно-политических мероприятий, направленных против местных властей. Он был вынужден уехать из Кудымкара сначала в Билимбей, затем в Верхотурье, а в 1909 г. — в Пермь. Основным видом деятельности становится служба в земстве в качестве агронома[1]. Здесь И.Я. Кривощеков некоторое время работал библиотекарем Пермского научно-промышленного музея и Пермской ученой архивной комиссии.

И.Я. Кривощекова как исследователя в первую очередь привлекали география, картография и статистика, демография[2]. Но одно из первых его сочинений было посвящено описанию с. Кудымкара, селения, которое считалось столицей Коми-Пермяцкого края[3]. Оно было написано на основе рукописной летописи, начатой его отцом, а продолженной Иваном Яковлевичем. Эта работа до настоящего времени остается ценнейшим историческим пособием[4]. Она содержит важные материалы по демографии коми-пермяков. Позднее исследователь озвучил свое кредо в области изучения местной истории и краеведения: «*Нам кажется, без любви к месту родины — деревне, уезду или губернии, не говоря уже о государстве, нельзя быть полезным гражданином, только эта любовь и при ней знание дают полезных общественных деятелей как для малых околотков, так и для больших районов и, наконец, для государства*». «*Для подрастающих поколений является полнейшая необходимость знать родной край. Без этих знаний всякий общественный деятель, на какой бы ступени развития не стоял, не может быть полезным сыном своей страны*»[5]. Он сотрудничал с Русским географическим обществом, в архиве которого сохранилась одна из присланных рукописей «О пермяках районов притоков Камы», в которой зафиксировано много интересных данных, в частности можно обнаружить любопытные сведения по колдовству[6].

Позднее он издает целую серию историко-географических карт: Пермской губернии, по отдельности Соликамского, Екатеринбургского, Верхотурского уездов[7]. За карту Пермской губернии был награжден бронзовой медалью Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге в 1887 г. В 1913 г. второе издание этой карты, исправленное и дополненное, принесло

---

[1] *Вишневский Б.Н.* Географ-краевед И.Я. Кривощеков… С. 15–17.

[2] Список его опубликованных работ см.: *Вишневский Б.Н.* Географ Урала и Прикамья И.Я. Кривощеков… С. 277–278.

[3] *Кривощеков И.Я.* С. Кудымкар, Соликамского у. // Пермские ГВ. 1893. № 103; *Он же.* Материалы для истории с. Кудымкара Соликамского у. Пермской губ. Пермь, 1894.

[4] Обзор этой работы см.: *Вишневский Б.Н.* Географ-краевед И.Я. Кривощеков... С. 21–32.

[5] *Кривощеков И.Я.* Географический очерк Пермской губернии. Екатеринбург, 1906.

[6] *Шешуков, Кривощеков И.Я.* О пермяках районов притоков Камы — Иньвы и Косьвы // Архив ИРГО. Р. 29, оп. 1, № 92.

[7] *Кривощеков И.Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. Пермь, 1910.

И.Я. Кривощекову серебряную медаль им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского Русского географического общества. Смерть помешала издать ему карту Чердынского у.[1]

Большое значение для изучения истории, хозяйства и культуры северных районов Урала имела изданная Иваном Яковлевичем Кривощековым серия географических словарей различных уездов Пермской губернии. Начало серии положил «Указатель к карте Соликамского уезда». По существу, это был один из первых в России уездных географических словарей[2]. Он был создан по оригинальной авторской программе, которая включала не только географические и топографические данные, но и социально-административную составляющую: административное устройство, описание промышленных, земских, кредитных, торговых заведений и т.д. Большое место в этом издании отводится указанию на общественные и культурные учреждения. Приводятся сведения по этнической демографии, земледелию, кустарным промыслам, а также этнографические и исторические сведения, фольклорный материал. Кроме того, словарю предшествовал историко-экономический очерк уезда. Основу словаря составляют краткие описания населенных пунктов, выстроенные в алфавитном порядке, что несколько затрудняет пользование им, так как сегодняшнее административное деление этого региона не соответствует аналогичному в XIX в., многие населенные пункты переименованы. Но в указателе содержится много интересных сведений: дата возникновения населенного пункта, этническая и демографическая ситуация, хозяйственные занятия, промыслы, известные археологические памятники и находки и т.д. Например, говоря о жителях дер. Аксеново Купроской вол., И.Я. Кривощеков отмечает, что они обрусевшие пермяки. О жителях с. Белоевского, расположенного на месте впадения речки Мегкор в реку Куву, он пишет, что они переселились с р. Обвы, волостей Ильинской, Богородской и др., превратились из русских в инородцев-пермяков под влиянием близкого соседства последних. Фактически мы имеем ценнейшую этнодемографическую информацию на 1895 г., т.е. перед Первой всероссийской переписью 1897 г., что позволяет уточнить данные последней. В некоторых статьях мы встречаем топонимистические замечания. Например, для с. Архангельское, жители которого являются пермякам-инородцами, он приводит «простонародное» название Карпово, которое, по его мнению, происходит от имени Карпика Тулупова, упоминавшегося еще в Кайсаровской переписи Перми Великой.

В 1914 г. вышла в свет одна из лучших работ И.Я. Кривощекова, посвященная истории и географии Пермского края, — Словарь географическо-статистический Чердынского уезда с приложением карты бассейна реки Кама, громадный труд, в котором были упорядочены и обобщены данные его предшественников и собственные многолетние наблюдения[3]. Эта работа до сих пор служит великолепным источником информации для историков, географов, этнографов и краеведов. Она состоит из нескольких частей.

В первой, по сути исторической, части И.Я Кривощеков рассматривает прошлое всего Европейского Северо-Востока, исследует миграцию народов, основываясь на археологических находках и собственных выводах. Он формулирует тезис о единстве происхождения чуди и народа коми, настаивает на том, что необходимо разделять приобских и прикамских остяков, которые в недалеком прошлом представляли собой некрещеных коми. Резюмируя свои воззрения, он пишет: «*Вслед-*

[1] *Вишневский Б.Н.* Памяти И.Я. Кривощекова // Русские ведомости. 1916. № 241; *Он же.* Картографический архив И.Я. Кривощекова // На Западном Урале. Молотов, 1956. С. 263–264; *Он же.* Географ-краевед И.Я. Кривощеков... С. 33–50; 96–104.

[2] *Кривощеков И.Я.* Указатель к карте Соликамского у. Пермской губ., составленный действительным членом УОЛЕ. С картой // Зап. УОЛЕ. 1897. Т. 17. Вып. 2. С. 155–304; *Кауфман И.М.* Русские географические словари (библиографический обзор) // Вопр. географии. 1947. Вып. 4. С. 168–188.

[3] *Кривощеков И.Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губ. с приложением карты бассейна р. Камы. Пермь, 1914.

ствие политических и религиозных изменений в жизни Перми Великой произошел распад аборигенов края на две группы: первая перешла от полукочевого образа жизни к земледелию и переменила религию, за ней установилось в письменных актах название пермян, пермичей, Великопермцев и т.д. Вторая группа, более консервативная, осталась при старой вере и полукочевом образе жизни, в письменных актах получила наименование ногайских татар, а у русских колонистов — чуди»[1]. Позднее исследователь опубликовал специальную работу, посвященную древней истории Европейского Севера[2]. Сегодня мы можем сказать, что автор ошибся. В настоящее время нет достоверных научных данных о том, что после распада прапермской группы какая-либо ее часть была ассимилирована тюрками или уграми. В материалах И.Я. Кривощекова просто фиксируются небольшие группы манси (остяков), которые еще обитали в это время на Урале.

Во второй части работы И.Я. Кривощеков описывает археологические находки, найденные в различных селениях по обе стороны Урала, и делает вывод об их композиционном, техническом и видовом сходстве, особенно у зоо- и орнитоморфных фигур. По его мнению, они свидетельствуют о существовании в прошлом у народов, населявших этот регион, культа животных и птиц. Но соотнести эти изображения с конкретным народом автор не смог, потому что «*пока указаний по археологии нет*»[3].

В третьей части исследования И.Я. Кривощеков приводит хронологию исторических событий для северо-восточного края, уделяя большое внимание данным летописей, церковным событиям, военным походам.

Четвертая часть сочинения — это экономико-географический очерк, позволяющий проанализировать, какие поселения были в верховьях Печоры. В частности, он приводит сведения о деревнях, многих из которых уже нет. В этих описаниях есть сведения о времени возникновения деревень и выселок, занятиях жителей и об их численности. Тем самым И.Я. Кривощеков зафиксировал картину этнического расселения на значительной части Западного Урала.

В 1916 г., после смерти И.Я. Кривощекова, вышла географическая карта Чердынского уезда, на которую были нанесены все населенные пункты, месторождения полезных ископаемых и многие другие интересные сведения. В этой книге имеется описание коми-пермяков. Например, И.Я. Кривощеков приводит такой психологический портрет представителей этой народности: «*В характере пермяка остаются и теперь присущие им общефинские черты: выжидать, откладывать, осторожность при опасности, когда она миновала, немногословность, сменяющаяся неудержимым потоком речей, преданность к тому, что древне уже известно, и нелюбовь к новшествам. Гостеприимно, честность, глубокое стремление к внутренней правде. Пермяка… узнаешь по его замкнутости, сдержанности, необщительности. Нужно время, чтобы он растаял и стал доверчивым, но тогда он становится верным другом*»[4].

Кроме того, И.Я. Кривощеков участвовал в издании некоторых книг как автор. Например, он написал разделы, посвященные народонаселению Прикамья и значительным населенным пунктам и т.д., в «Иллюстрированном путеводителе по р. Каме, по р. Вишере с Колвой»[5].

---

[1] *Кривощеков И.Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского… С. 46.

[2] *Кривощеков И.Я.* Древняя Пермь, Югра, Печора в их историческом прошлом до эпохи великих реформ императора Александра II // Пермские ЕВ. 1916. № 28–30, 32–34; 1917. № 4; То же // Изв. ПЕЦАО. 1917. Вып. 2. С. 50–55. Этой проблеме он посвятил специальные работы: К вопросу об исчезновении камской чуди // Тр. ПУАК. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 49–56; Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники (Археологическо-этнографические заметки по Чердынскому у. с картой) / Под ред. и с прим. А.Ф. Теплоухова // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. 4. С. 90–115.

[3] *Кривощеков И.Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского… С. 127.

[4] Там же. С. 601.

[5] Иллюстрированный путеводитель по р. Каме, по р. Вишере с Колвой. Пермь, 1911.

Одновременно И.Я. Кривощеков опубликовал несколько работ по этнической истории Прикамья, которые интересны и современному исследователю[1]. «Пермь Великая…» является одной из первых археологических карт Урала, на которой автор указал все известные к тому моменту находки, как из коллекции Теплоуховых, так и принадлежащие другим лицам. Причем исследователь предпринял попытку этнической идентификации этих артефактов, исходя из своей теории о том, что Пермская Чудь — это пермяки, остяки и вогулы, чересполосно проживавшие как на территории Чердынского края, так и более масштабно Перми Великой русских летописей[2]. Если сегодня его этногенетические разыскания имеют исключительно историографический интерес, то разбросанные в этой статье материалы по расселению этих народов обладают большой исторической ценностью. Следует помнить, что коми-пермяки, ханты и манси постоянно мигрировали в этом регионе. Например, фиксируя чудские находки около дер. Абагар, Пянтежской вол., он отмечает, что носители фамилии Чепуштановы — пермяки (она часто встречается у иньвеньских пермяков). Встречающихся в дер. Анисимово жителей по фамилии Оносовы И.Я. Кривощеков считает обрусевшими манси. Для этнографов представляет интерес любая информация о локальных почитаемых (священных) местах. Описывая дер. Амбор, он упоминает, что сплавщики леса обязательно молятся какому-то языческому божеству, называя его Амбором, чтобы он пропустил плоты. Здесь же он упоминает о подобном действии у с. Пянтег. Интересны его заметки о местных церковных праздниках. Например, в дер. Анисимово на р. Колве 20 июля (ст. ст.) происходит водосвятие и кропление лошадей и коров, а в церковь приносят живых баранов. Рассказывает он и об известном обычае коми-пермяков быкобоя, совершаемом 18 августа в с. Большая Коча[3]. Имеется описание поминок на Троицкую субботу в дер. Борина (Мокина) в Юксеевской вол., на которые приходили даже пермяки из-под Соликамска. Вообще поминки на Семик — коми-пермяцкий обычай. Исходя из того что этот обряд совершают русские жители с. Бондюжское, И.Я. Кривощеков высказывает мысль о том, что они обрусевшие пермяки. Список подобных примеров, которые подтверждают научную ценность данной работы, можно продолжить. Следует также отметить, что И.Я. Кривощеков четко указывает источник получения информации о том или ином событии, артефакте: или литературный источник, или личное наблюдение.

В сфере научно-краеведческих интересов И.Я. Кривощекова была и церковная история. Он состоял членом Пермского Епархиального церковно-археологического общества. Материалы по этому вопросу разбросаны по его словарям. Но он публиковал и отдельные статьи[4].

Смерть помешала ученому закончить последнюю работу — литературный свод по истории Перми, Югры, Печоры и Булгар, который, к сожалению, не сохранился, как и многие из собранных им материалов. И хотя он не был профессиональным дипломированным ученым, его вклад в изучение истории и этнографии Урала, в том числе и народов коми, весьма значителен.

Константин Дмитриевич Носилов (1858–1923) — путешественник, писатель, журналист, известный исследователь Севера. На рубеже XIX–XX вв. имя К.Д. Носилова было популярно в России, однако сегодня оно отсутствует в большинстве энциклопедических словарей. Возможно, этому во многом способствовало то, что он длительное время был сотрудником «Нового времени» А.С. Су-

[1] *Кривощеков И.Я.* Справка о прошлом Иньвеньского края // Зап. УОЛЕ. Т. 15. Вып. 1; *Он же.* Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники… С. 90–115.

[2] *Кривощеков И.Я.* Пермь Великая… С. 91–92.

[3] Там же. С. 92, 94, 96, 112. .

[4] См.:, например, *Кривощеков И.Я.* Иллюстрация к периоду перехода Прикамья от язычества к христианству // Изв. ПЕЦАО. 1917. Вып. 2. С. 19–24; *Он же.* Список пунктов с церковными археологическими памятниками в Пермской епархии // Изв. ПЕЦАО. 1917. Вып. 2. С. 25–29.

ворина, считавшегося в советское время ретроградом и реакционером. Он родился в селе Маслянском (Маслянке) Пермской губернии (ныне — Шадринский район Курганской обл.). Будучи выходцем из семьи потомственных священников, начал свою учебу в 1868 г. в Далматовском духовном училище при знаменитом уральском Далматовском монастыре, по окончании которого поступил в Пермскую духовную семинарию, где одним из его одноклассников был А.С. Попов, будущий изобретатель радио. Полный курс обучения, шесть классов, длился тринадцать лет. Из семинарии К.Д. Носилов был исключен в 1877 г. в связи с выступлениями против подавления личной свободы воспитанников; по другим сведениям, он ушел сам, не окончив четвертого класса. Это было рядовым событием: многие семинаристы бросали учебу по разным причинам, например, из 41 человека на его курсе 26 не доучились. По данным некоторых исследователей, позднее, в 1890-х гг., будучи в Париже, он слушал публичные лекции в Сорбонне знаменитого географа-путешественника Э. Реклю, который путешествовал по Уралу. Известно, что 1894–1895 гг. К.Д. Носилов провел в Западной Европе. Но, как пишет А.К. Омельчук, в это время Э. Реклю жил в Бельгии: знаменитый французский путешественник, популяризатор географии был участником Парижской коммуны на стороне коммунаров, фурьерист, вегетарианец, анархист, приятель и сторонник известного русского географа, одного из основоположников анархизма князя Петра Кропоткина, был вынужден покинуть родину и жить в Брюсселе[1].

После семинарии К.Д. Носилов в 1879 г. устраивается геологом на Богословские заводы (Северный Урал). В этом же году он путешествует по Северному Уралу, а затем по Крайнему Северу. Начинаются его географические, гидрологические, геологические и этнографические наблюдения. В 1879 г. состоялся его публицистический дебют в уральской прессе. Позднее К.Д. Носилов провел 3 года на Новой Земле, хорошо исследовал полуостров Ямал, бывал в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии, в Казахстане, на Алтае, в странах Западной Европы, в Китае, Египте, Палестине[2].

Представив зимой 1882 г. в Русское географическое общество проект экспедиции по Северному Уралу и получив одобрение, Константин Дмитриевич Носилов исследует гидрографию бассейнов рек Северная Сосьва и Сылва; основывает на собственные средства на р. Щекурья первую в данном регионе стационарную научную станцию; изучает жизнь малочисленных народностей региона (в первую очередь манси, ненцев); проводит опытные посевы злаков и овощей в Саранпауле. В это же время он активно занимается поиском и изучением возможных путей через Урал, предприняв в 1883 и в 1884 гг. путешествие на Печору с ненцами[3]. Важно его упоминание о том, что ненцы и манси уже в то время возили на переработку в Ижму оленьи шкуры. Этот факт остался без внимания современных исследователей.

В это время остро стояла проблема переброски сибирского хлеба на Европейский Север и поиска путей с Оби. Этим вопросом занимались многие русские предприниматели, такие как ***М.К. Сидоров и П.И. Крузенштерн***. Разыскания К.Д. Носилова легли в основу проложенного позднее А.М. Сибиряковым

---

[1] *Омельчук А.К.* К. Носилов [Писатель, путешественник, исследователь Тюменского Севера]. Свердловск, 1989. С. 18, 98–102.

[2] Константин Дмитриевич Носилов (Вступительный очерк) // *Носилов К.Д.* Северные рассказы. Свердловск, 1937; *Вехов Н.В.* Одиссея писателя и путешественника Носилова // Мир Севера. 1999. № 5–6. С. 68–71; *Он же.* Носилов К.Д. // Московский журнал. 1999. № 12. С. 29–33; *Он же.* Константин Дмитриевич Носилов и Север (1870–1910-е гг.). Шадринск, 2000; *Беспалова Л.Г.* Писатель-путешественник К.Д. Носилов // Космос Севера. Тюмень, 2000. Вып. 2. С. 119–136; *Осинцов Л.П.* Писатель и путешественник К.Д. Носилов на Обском Севере. Щадринск. 1971; *Он же.* Писатель и географ К.Д. Носилов. Челябинск, 1974; *Он же.* Носиловские дачи. Курган, 1993

[3] *Носилов. К.Д.* С Оби на Печору // Изв. ИРГО. 1884. Т. 20. Вып. 2. С. 173–181; *Он же.* Из письма в редакцию // Горный журнал. 1884. Вып 1. С. 278–280. Более подробно тяжести пути были описаны в одной из глав его книги «У вогулов» в 1904 г.

знаменитого северного Сибиряковского тракта, впервые реально соединившего Печору и Обь[1]. По-видимому, именно к этому времени относится его рукопись «Печора и Ижемский край», в которой зафиксировано ценное описание жителей с. Оранец на р. Печоре[2]. В книге «С Оби на Печору» он публикует любопытный очерк «Керка», где красочно описывает промысловый быт печорских охотников-зырян. В 1883 г. К.Д. Носилов избирается членом-корреспондентом Уральского общества любителей естествознания, а 14 января 1884 г. — членом-сотрудником Русского географического общества. Особую научную ценность представляют три его зимовки на Новой Земле и исследование Ямала.

Результаты путешествий и исследований К.Д. Носилова были отражены в многочисленных статьях, очерках и рассказах, печатавшихся в различных изданиях и выходивших отдельными книгами[3]. Как наблюдательный художник, он правдиво отобразил жизнь и быт северных народов царской России, подвергавшихся эксплуатации со стороны чиновников и купцов. Исследователь подчеркивал в людях Севера природный ум, знание ими родной природы, их художественную одаренность, смелость и мужественность в борьбе с суровой природой.

В 1918 г. К.Д. Носилов был вовлечен в дискуссию о уральском областничестве и автономии края. Во время Гражданской войны на территории Урала, оказавшегося под контролем Белого движения, Уральской областной думой было создано Уральское областное правительство. Хотя оно и признавало право Учредительного собрания на создание единого российского государства, на Урале возникает движение областников-автономистов, которое ратовало за автономию Урала[4]. В ноябре 1918 г. он публикует большую статью «К автономии Урала», в которой обосновывает основную идею этого движения[5]. В ней он говорит о самодостаточности Урала, который должен стать автономной структурой, «буфером» между Центральной Россией и Сибирью. А один из исследователей его творчества, В.П. Лукинских, упоминает о том, что писатель встречался в Тобольске с семьей Николая II. В это время он проживал на родине, в г. Щадринске. После освобождения Западной Сибири Красной Армией уехал в Абхазию, где умер в с. Цандрипш[6].

Из пермских исследователей народов коми начала XX в. следует отметить ***Николая Петровича Белдыцкого*** (1869–1929), писателя, путешественника и краеведа, совершившего ряд поездок по Северу и оставившего ценные описания многих народов, в том числе коми. Он родился, по одним источникам, в 1875 г., по другим — около 1871 г., в семье чердынского уездного служащего, страстного путешественника и охотоведа П.В. Белдыцкого, сотрудника журнала «Природа и охота». Его отец — выпускник Одесского ришельевского лицея, подпоручик в отставке, некоторое время был секретарем Чердынского уездного суда, на статской службе по Министерству государственных имуществ дослужившийся до чина титулярного советника[7]. В 1885 г. он

---

[1] *Носилов. К.Д.* С Оби на Печору. СПб., 1884.

[2] *Носилов. К.Д.* Печора и Ижемский край // Архив РГО. Р. 1, оп. 1, № 67.

[3] *Носилов К.Д.* Из путешествия на полуостров Ямал. СПб., 1894; *Он же.* Среди наших инородцев. Очерки и рассказы. СПб., 1903; *Он же.* Новая Земля. 1903; *Он же.* У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904; *Он же.* В снегах. Рассказы и очерки из жизни северных инородцев. М., 1907; *Он же.* На диком севере: первый сб. рассказов. М., 1908; *Он же.* За Полярным кругом: рассказы. М., 1912; *Он же.* В лесах. Рассказы и очерки. 4-е изд. М., 1917.

[4] *Апкаримова Е.Ю.* Урал XVIII — нач. XX в. Поиск региональной идентичности // Уральский исторический вестн. 2007. № 15. С. 56–66.

[5] *Носилов К.Д.* К автономии Урала // Урал. 1918. № 7. 24 (11) ноябрь.

[6] *Лукинских В.П.* Страницы жизни К.Д. Носилова // Вехи истории. Материалы Всероссийской (с международным участием) студен. истор.-краев. конференции 4–5 апреля 2007 г. Щадринск. 2007. С. 55–56.

[7] *Шарц А.К.* Писатель-краевед (К 90-летию со дня рождения) // Календарь-справочник Пермской области на 1965 г. Пермь, 1964. С. 109; *Силин В.И., Рощевская Л.П.* Работы Николая Петровича Белдыцкого о Коми крае // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 2003. Ч. 4. С. 59–66.

был избран гласным Чердынского уездного земства, но вскоре умер. Как указывают современники, у него была большая коллекция вещей чудской эпохи, других археологических и этнографических предметов[1]. Страсть к путешествиям и сочинительству по наследству передалась его сыну.

Н.П. Белдыцкий получил первоначальное образование на родине, окончив четырехклассное училище в г. Чердыне. По данным Д.А. Красноперова, в 15 лет он стал учителем[2]. Но в 1902 г. поступил на чиновничью службу в Шадринское земство. С 1906 г. работает в Перми. В губернский город Н.П. Белдыцкий приезжает уже состоявшимся писателем, опубликовавшим несколько значительных путевых очерков и книгу «В Парме»[3]. Эта книга посвящена описанию хозяйства и быта т.н. «верховцев» — жителей Тулпанской волости Чердынского уезда, старообрядцев-поморцев по своему конфессиональному признаку, но в ней можно обнаружить интересные сведения и о коми. Так, Н.П. Белдыцкий замечает, что жители с. Мамылм (ныне — Мамыль. *А.Т.*) в верховьях р. Печоры в прошлом были русскими, но благодаря постоянному общению с вологодскими зырянами они окончательно ассимилировались и утратили свой язык[4]. В настоящее время с. Мамыль является южной границей распространения коми в бассейне р.Печоры, и его жители уже не помнят о своем русском прошлом.

В Перми Н.П. Белдыцкий активно включился в краеведческую работу, был избран в общественный совет Пермского научно-промышленного музея, в котором исполнял обязанности секретаря и члена редакционной комиссии, стал инициатором издания газеты «Пермская земская неделя». В это время Николай Петрович пишет очерк о печорской нефти[5]. Много сил Н.П. Белдыцкий отдал совершенствованию местного народного образования, особенно в сельских районах. Этому посвящена специальная его работа — «Заметки по народному образованию Пермской губернии». Публиковал он работы и по истории местного края.

В 1919 г. Н.П. Белдыцкий покинул Пермь, где работал в отделе народного образования, эвакуировавшись вместе с Белыми войсками в Новониколаевск (Новосибирск). В Новосибирске Н.П. Белдыцкий продолжил деятельность в сфере народного образования и в Сибкрайиздате. В 1928 г. Н.П. Белдыцкий скончался[6].

В литературно-публицистическом творчестве этого писателя значительное место уделено коми-зырянам, в них содержится документальная информация непосредственного наблюдателя.

Впервые к зырянской тематике Н.П. Белдыцкий обратился в 1898 г., когда в «Пермских губернских ведомостях» появился цикл его статей о путешествии вместе с чердынскими купцами в Печорский край[7]. Вновь к той теме он обращается в 1910 г., когда публикует в Архангельске очерк «Несколько дней среди ижемских зырян»[8]. Это, как пишет

---

[1] *Дмитриев А.А.* Историко-археологические очерки Чердынского края // Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. С. 63.

[2] *Красноперов Д.А.* К биографии писателя-краеведа Н.П. Белдыцкого (по материалам Госархива Пермской области) // Смышляевские чтения: тез. сообщ. 17–18 октября 1992 г. Пермь, 1992. С. 50–52; Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 37–39.

[3] *Белдыцкий Н.П.* В Парме. Очерки северной части Чердынского уезда. Пермь, 1901; *Он же.* В низовьях Печоры (Из дорожного альбома) // Изв. АОИРС. 1911. № 4, 5, 8–9, 11; *Он же.* О Печорском крае. Очерки. Пермь; *Он же.* О Печорском крае // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. 4. С. 56–89; *Он же.* По Русскому Северу. Пермь, 1913.

[4] *Белдыцкий Н.П.* В Парме… С. 6.

[5] *Белдыцкий Н.П.* Нефть в Печорском районе // Зап. Пермского отдела Императорского Русского технического общества. 1907. Вып. 2.

[6] *Шишов А.* Н.П. Белдыцкий: Некролог // Уральский краевед. 1928. Вып. 2. С. 233; *Литвинова Е.Г.* Белдыцкий Н.П. // Краеведы и краеведческие организации... С. 76–77.

[7] *Белдыцкий Н.П.* Поездка на Печору // Пермские ГВ. 1898. № 16, 18, 24, 26, 38, 43, 46, 50, 57, 58, 63, 69, 85, 90, 94, 99, 105, 108.

[8] *Белдыцкий Н.П.* Несколько дней среди ижемских зырян // Изв. АОИРС. 1910. № 23.

сам автор, «*путевые впечатления туриста»,* которые переносят нас в поселение коми-ижемцев начала прошлого века.

Н.П. Белдыцкий отмечает, что, основываясь на очерках ***С.В. Максимова***, еще до прибытия в Ижму он был отрицательно настроен против ижемского населения, и это мнение при близком знакомстве с жителями изменилось. В своем очерке писатель приводит подробное описание Ижмы, отмечая, с одной стороны, благолепие храмов, а с другой — нищету и убогость народного образования. Далее следуют яркие описания ижемцев: «*Женщины гостям почти не показываются, разве только подадут чай и закуски. Большинство женщин очень красивы, и при этом отличаются своей нравственностью и скромностью. Семейные начала у ижемцев стоят очень высоко, и здесь большая редкость услышать о семейных несогласиях*»[1].

В своем очерке Н.П. Белдыцкий затронул весьма болезненную тему взаимоотношений самоедского (ненецкого) и коми-ижемского населения, ведь в течение очень длительного времени ижемцев обвиняли в спаивании самоедов, в том, что они насильно изгоняют из тундры этих коренных жителей-кочевников. Эта спекулятивная тема была очень актуальна в северно-русской публицистике начала XX в. (см., например, статьи ***А.В. Журавского***). Но его мнение достаточно взвешенное и объективное. Он пишет, что «*всего менее я могу сказать что-нибудь строго определенное о весьма важном вопросе — ижемско-самоедских взаимоотношениях. Я имел возможность выслушать только одну сторону в этом запутанном вопросе, а потому он для меня фактически освещен только на половину. Но я могу высказать чисто субъективный взгляд, непосредственно сложившийся от наслоения тех впечатлений, которые воспринимались мною при знакомстве с ижемцами, в беседах о них с русскими, а также от знакомства в дальнейшем моем путешествии по Печорскому краю с немногими представителями самоедского племени. И я должен сознаться, что все мои симпатии в данном случае на стороне ижемцев, как народе, несомненно способном к восприятию чужой культуры, энергичном, обладающем личной инициативой, а потому имеющем все основания рассчитывать на лучшее будущее. Я глубоко сомневаюсь, чтобы в наше время ижемцы могли хозяйничать в тундре так, как делалось это ранее русскими торговцами и предками ижемцев*»[2]. Следует выделить еще одну работу исследователя, посвященную этому району. В 1911 г. Н.П. Белдыцкий вновь обратился к проблемам Печорского края и опубликовал статью, в которой можно найти много интересных сведений, характеризующих экономическую жизнь населения бассейна Печоры, в том числе коми[3]. Данная статья интересна еще и тем, что в ней мы встречаем самое подробное описание существующих путей с Печоры на Каму. К большому сожалению, автор не всегда ссылается на источники, откуда берет статистические данные. В этом очерке он описывает охоту и рыболовство у коми-зырян, показывая, что это экономическая основа жизни местных жителей.

К исследуемой нами проблеме имеет отношение его путевой очерк «По Чердынскому Уралу на оленях»[4]. В нем большое место занимает описание жизни кочующих по Северному Уралу ижемцев, с которыми автор путешествовал и жил в чуме.

Н.П. Белдыцкий — один из первых исследователей, определивших место и роль чердынской (уральской) торговли и чердынских купцов в экономике и снабжении Печорского края, большую часть населения которого составляли коми. Эти вопросы поднимаются им в специальной статье о значении Якшинской пристани и рождественской ярмарки в этом торговом селе[5].

---

[1] *Белдыцкий Н.П.* Несколько дней... С. 13.

[2] Там же. С. 36.

[3] *Белдыцкий Н.П.* О Печорском крае // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. 4. С. 56–89.

[4] *Белдыцкий Н.П.* По Чердынскому Уралу на оленях // Изв. АОИРС. 1912. № 1. С. 27–30; № 2. С. 73–82.

[5] *Белдыцкий Н.П.* Торговый путь на Печору // Иллюстрированный сборник-ежегодник. Пермь, 1916. Вып. 2. С. 163–168.

Большой вклад в изучение традиционной культуры коми-пермяков внесли местные краеведы-священнослужители[1]. Постоянно общаясь со своей паствой, они замечали и подробно описывали многие детали местной жизни. Епархиальное начальство подталкивало их к этим занятиям, опубликовав в местных епархиальных ведомостях, например, специальную программу для составления церковных летописей. На страницах этого журнала было опубликовано немало работ, принадлежавших перу местных священников[2]. Но в отличие от профессиональных ученых, чиновников и журналистов, о них сохранилось крайне мало сведений.

Священник из с. Гайны ***Н. Попов*** в 1852 г. опубликовал любопытные «Этнографические заметки о пермяках»[3]. Они посвящены описанию коми-пермяков Гайнской волости, в то время одного из глухих уголков Пермского края. Здесь приводятся подробные описания устройства дома, костюма, музыкальных инструментов, похоронных и поминальных обрядов. Так, он отмечает, что здесь было принято ставить жернова в избе, напротив печи. Ценными являются сведения о роли женщины в коми обществе.

Неизвестный автор, бывший 12 лет священником в пермяцких приходах, опубликовал любопытную статью об их жизни[4]. Как служитель церкви, он фиксирует главным образом их верования. Поэтому нам интересны те сведения, которые сегодня относятся к представлениям о народном православии. В первую очередь, описываются жертвоприношения, которые проводятся в Ошибском приходе. По его данным, в некоторые местные часовни приносят куриц, барашков в жертву «богу», больную скотину часто пускали в «міръ», т.е. на общедеревенскую трапезу в пользу бога, наславшего болезнь (здесь речь идет о жертве духам, которых пермяки часто отождествляли с богом. — *А.Т.*). Автор пишет, что пермяки всех святых и иконы называют «богами», считают, что они имеют семьи, являются источниками несчастий и болезней и требуют жертв. Поэтом они, по мнению автора, остерегаются покупать новые иконы, которые могут принести много неприятного. Кроме того, в статье имеется ряд интересных наблюдений по традиционной культуре пермяков.

Священники писали и на исторические темы. Например, можно назвать статью ***Василия Евфимиевича Попова*** об Искоре и Покче, древних городах Пермского края, составленную на основе рукописей, хранившихся в архиве Покчинского храма[5]. Его жизнь прошла в родном Чердынском крае. Он окончил Пермскую духовную семинарию, был священником церкви в с. Покча, а позже служил в Ныробе[6]. Там он собирал материалы о пребывании в этом селе М.Н. Романова. Большой интерес для исследования фольклора Урала представляют его «Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии Василием Поповым»[7].

---

[1] *Новиков Н.Н.* Роль Пермской семинарии в изучении прошлого Пермского края. Страницы из истории Пермской духовной семинарии // Тр. ПУАК. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 249–265; *Степанов М.Н.* Пермская духовная семинария и подготовка кадров интеллигенции в XIX в. на Урале // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. Вып. 2. С. 84–88.

[2] Программа для составления церковных летописей // Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 г. Справочная книжка для духовенства. Пермь, 1894. С. 42–44; Укаатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губ., помещенных в Пермских епархиальных ведомостях в 1867–1893 гг. // Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 г. Справочная книжка для духовенства. Пермь. 1894. С. 113–122.

[3] *Попов Н.* Этнографические заметки о пермяках // ЖМВД. 1852. Ч. 39. Кн. 9. С. 456–464.

[4] Пермяки Ошибского прихода // Пермские ЕВ. 1889. № 13–14.

[5] *Попов В.Е.* Древнейшие города Перми Великой — Искор и Покча // Пермские ЕВ. 1889. № 19–21; То же // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь, 1891. Вып. 3.

[6] *Шестаков И.* Памяти о. Василия Евфимиевича Попова. // Пермские ГВ. 1896. № 65; *Чагин Н.Г.* В.Е. Попов — исследователь и общественный деятель Чердынского края // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 165–167.

[7] Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии Василием Поповым. М., 1880.

Много для изучения Пермского края сделал ***Попов Евгений Алексеевич*** (1824–1888), писатель, богослов, организатор и долгое время председатель Просветительного общества святого Стефана Великопермскаго в Перми, протоиерей. Родился в семье священника в г. Красноуфимске Пермской губернии. Образование получил в Пермской духовной семинарии в 1838–1844 гг., в которую поступил в восьмилетнем возрасте[1]. В 1844 г. был посвящен в священники села Тохтарево Красноуфимского уезда Пермской губернии, но в том же году талантливый молодой пастырь епископом Пермским Аркадием был переведен в г. Кунгур, где стал настоятелем местной Спасо-Преображенской церкви. Здесь он прослужил 9 лет, здесь же началась его литературная деятельность, появились первые богословские труды. В 1853 г. получил назначение на должность катехизатора и законоучителя в школу кантонистов в Перми, позднее стал приходским священником Рождество-Богородицкой церкви в этом городе. С 1862 г. некоторое время служил в Оханском уезде. В 1865 г. вернулся в Пермь, где был священником различных храмов. Одновременно с 1876 г. состоял директором Пермского губернского попечительного о тюрьмах комитета. Автор ряда богословских книг и сборников проповедей[2]. Известен как крупный историк Перми и Пермской епархии, автор нескольких книг по истории православия на Урале («Великопермская и Пермская епархия (1379–1879)» и «Святитель Стефан Великопермский»[3]). Состоял председателем Комитета по постройке часовни в г. Перми в память 500-летия проповеди св. Стефана Великопермского, а также председателем созданного в 1882 г. Пермского православного братства св. Стефана, епископа Пермского.

Оценивая труды Е.А. Попова, необходимо заметить, что в его работах по истории Пермской епархии имеется одна неточность. Рассматривая деятельность ***св. Стефана Пермского***, он, как и некоторые другие пермские исследователи, считал, что Стефан распространил свою миссионерскую деятельность до современной Пермской области. Это неверно. Он не был здесь и не проповедовал в этих краях. В преддверии празднования 500-летия начала пастырских трудов Стефана название средневековой Пермской епархии, которую иногда называли Великопермской, автоматически перенесли и на Пермскую губернию — Пермь Великую русских летописей и исторических документов позднего Средневековья. Но, тем не менее, в его трудах представлен богатый материалом по истории христианизации коми-пермяков и коми-зырян.

В то же время некоторые исследователи более объективно рассматривали этот процесс. Например, известный пермский краевед, священник А. Крупенин, автор большого числа сочинений о Пермском крае, несколько ранее писал, что «*хотя проповедь св. Стефана и не касалась собственно Пермской губернии, потому что он проповедовал и впоследствии был епископом на Усть-Выми, в губернии Вологодской, но апостольские труды его самого и ближайших сподвижников положили первое основание введения учения Христа и в здеш-*

[1] Сочинения пермского протоиерея Евгения Алексеевича Попова. Пермь, 1875; Протоиерей Евгений Алексеевич Попов, почетный член С-Петербургской духовной академии. Скончался 17 мая 1888 г. в Перми [Некролог]. Пермь, 1888; *Шестаков И.В.* Трудник Христов протоиерей города Перми Е.А. Попов. Очерк жизни и трудов. (По поводу 20-летия со дня кончины. 1888–1908). М., 1908; *Перескоков Л.В., Нечаев М.Г.* Попов Е.А. // Краеведы и краеведческие организации… С. 214–215: *Перескоков Л.В.* Отражение истории Пермского края в трудах протоиерея Евгения Попова // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 158–160.

[2] Например: *Попов Е.А.* Учение православно-кафологической веры, изложенной в беседах. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1866. Т. 1–4.

[3] *Попов Е.А*. М.М. Сперанский в Перми и Сибири. Пермь. 1879; *Он же.* Великопермская и Пермская епархия (1379–1879). Пятисотлетие проповеди св. Стефана Пермского, почти столетие Перми и почти трехсотлетие покорения Сибири. Протоиерея *Евгения Попова*, почетного члена С-Петербургской Духовной академии. Пермь, 1879; *Он же.* Памятник св. Стефану Великопермскому в Перми — часовня и образ в ней от святых мощей. Протоиерей *Евгений Попов*. Пермь, 1882; *Он же.* Святитель Стефан Великопермский. Пермь, 1885.

нем крае»[1]. Здесь А.Крупенин прав, так как лишь в 1462 г. епископ Пермский Иона (пятый на Усть-Вымской кафедре), крестил Пермь Великую, т.е. территорию Пермской губернии, и после этого название Великопермский стало иногда появляться в титуле епископов Пермских (в Усть-Выми) и Вологодских. Собственно Пермская епархия с центром в Перми была учреждена в 1799 г.[2] Его перу принадлежит также один из вариантов букваря на коми-пермяцком языке[3].

Самым оригинальным автором был ***Иаков Васильевич Шестаков*** (псевдоним — Яков Камасинский (1858–1918), уроженец села Камасинского (Камасина) Пермского уезда: миссионер, краевед, журналист, издатель, этнограф, фольклорист, общественный деятель[4]. Был единственным до революции активным издателем книг на коми-пермяцком языке. Издаваемые им небольшие брошюры, листовки религиозного и санитарно-гигиенического содержания служили делу просвещения этого народа. С 1868 по 1873 г. учился в Пермском духовном училище. В 1879 г. он закончил Пермскую духовную семинарию и началась его трудовая деятельность в качестве учителя «Закона Божьего» в Редикорском земском училище Чердынского у. Пермской губ., а позднее — в с. Уролке, где он начал изучать коми-пермяцкий язык. С 1881 г. учительствовал в Юксеевском инородческом (пермяцком) училище Соликамского у. Позднее работал в Хохловке, пригороде Перми. В начале 1887 г. И.В. Шестаков оставляет педагогическую деятельность и некоторое время как паломник посещает уральские монастыри, православные святыни Москвы, Петербурга, Киева, после чего получает сан священнослужителя.

Начиная с 1889 г. проживал в г. Чердынь. Здесь он был священником местной Успенской церкви, одновременно в 1889–1890 г. — законоучитель местного приходского училища. С 1891 г. 7 лет служил священником Свято-Николаевского собора в с. Кудымкар, в центре Коми-Пермяцкого края, одновременно состоя наблюдателем коми-пермяцких церковно-приходских школ и миссионером по Соликамскому уезду Пермской губ. Здесь И.В. Шестаков выучил коми-пермяцкий язык, составил «Пермяцкую азбуку» и одновременно перевел на этот язык «Литургию Иоанна Златоуста», «Закон Божий», организовал комиссию по переводу книг на коми-пермяцкий язык. Как замечал пермский краевед, его современник, ***И.Г. Остроумов***, «*непреодолимая потребность к писательству неизбежно раздвоилась у Шестакова: интересы церковности, с одной стороны, и быт окружающего его населения, с другой. А так как не обо всем может говорить открыто служитель алтаря, то для подписи некоторых статьей понадобился псевдоним, каковым и была взята фамилия Камасинского*»[5]. Его перу принадлежит несколько книг специального религиозного содержания, пособий для священнослужителей[6]. Со временем он стал видным знатоком уральского краеведения. Он написал много статей и более десятка книг по истории распространения христианства на Урале и христианизации местных «инородцев» (об отдельных монастырях, истории Пермской епархии[7]). К 500-летию со дня успения ***Сте-***

---

[1] *Крупенин А.* Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 7.

[2] *Вяткин В.В.* Пермской епархии — 200 лет. Вехи миссионерского пути // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1999. С. 72–78.

[3] Выддéмъ пермѧ̀къ-понда [Букварь на коми-пермяцком языке] // Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 г. Справочная книжка для духовенства. Пермь, 1894. С. 1–15.

[4] *Игнатьев А.А.* Священник И.В. Шестаков: очерк жизни и трудов. Сарапаул, 1918; *Нечаев М.Г.* Шестаков И.В. // Краеведы и краеведческие организации Перми. Пермь, 2000.

[5] *Остроумов И.Г.* Биографический словарь…

[6] Например: *Шестаков И.В.* Объяснение молитв, десяти заповедей закона божия и заповедей блаженства. Пермь, 1896; *Он же.* Объяснение устройства христианского храма, принадлежностей его, литургии и семи таинств. Пермь, 1896.

[7] *Шестаков И.В.* Инородческая женская обитель в Пермской губ. 2-е изд. М., 1899; *Он же.* История Камско-Березовскаго Богородицкаго миссионерского чере-

фана Пермского он издал специальную памятную книжку для местного епархиального духовенства, в которой проследил деятельность этого святителя[1]. Занимался составлением библиографий и памятных и справочных книг[2]. Собирал материалы по истории изучения местного края[3]. Был членом Пермской комиссии Уральского Общества любителей естествознания, Пермской ученой архивной комиссии. Особое место в его творчестве занимала этнографическая беллетристика и публицистика, которая была посвящена описанию коми-пермяков[4]. В 1905 г. в Москве и Сарапуле учредил книгоиздательство «Кама» для издания книг духовного содержания. Был одним из учредителей Пермского епархиального церковно-археологического общества. В 1898 г. был уволен со службы, в 1899 г. отрешен по суду от места священника, хотя и не лишен сана.

И.В. Шестаков является литературным героем романов М.А. Осоргина «Свидетель истории» и «Книга о концах». Писатель отмечал: «*Отец Яков — бесприходный поп, родом из приуральской губернии. Бесприходным стал после разных сложных событий и неприятностей, и семейных, и общественных и финансовых. В чем дело — никто точно не помнит, и в родные места отец Яков больше не жалует. Было что-то со сбором на голодающих и с приютом для девочек — история стародавняя*». В 1918 г. был убит в Хохловке под Пермью[5].

Выходцем из духовной среды был еще один пермский краевед и библиограф, общественный деятель ***Иван Григорьевич Остроумов*** (1861–1939). Родился в семье священника в с. Усолье Пермской губ. Начал учиться в Пермской духовной семинарии, по окончании которой в 1880 г. перевелся в Ярославский лицей. В 1881 г. за участие в студенческих беспорядках был арестован и выслан в Пермь[6]. С 1883 г. публикует статьи в различных газетах Урала. В 1886–1892 гг. — секретарь редакции и сотрудник газеты «Екатеринбургская неделя» в Екатеринбурге. С 1887 г. — член Уральского общества любителей естествознания.

С 1893 г. жил в Перми, работал сначала бухгалтером, потом начальником отдела Пермской казенной палаты. Здесь он активно

мисскаго мужскаго общежительнаго монастыря Уфимской епархии. СПб., 1906; *Он же.* Кочинская Ионо-Серафимовская женская инородческая обитель Чердынского у. Пермской губернии. Н. Новгород, 1911; *Он же.* Краткий исторический очерк столетия Пермской епархии. (1799 — 16 октября 1899). Пермь, 1899; *Он же*. История Пермской духовной семинарии. Екатеринбург, 1900–1904. Ч. 1–4.

[1] *Шестаков И.В.* Памятная книжка для духовенства, изданная по случаю 500-летия блаженной кончины святителя Стефана, епископа Великопермскаго. С приложением адрес-календаря Пермской епархии на 1896 г. С гравюрами: Святитель Стефан Великопермский, рака и посох его, Московский Кремлевский собор Спаса на бору, церковь-школа и часовня-школа среди инородцев-пермяков Пермской епархии и портрет архимандрита Иеронима (Лаговского). Пермь, 1896.

[2] *Шестаков И.В*. Указатель статьей по истории, археологии и этнографии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» со времени их выхода по август 1915 г. (Источники и пособия при изучении Прикамского края). Сарапул, 1915; *Он же.* Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 год и справочная книжка для духовенства. Пермь, 1894; *Он же.* Юбилейная памятная книга для духовенства, изданная по случаю 100-летия (1799 — 16 октября 1899 г.) Пермской епархии. С приложением адресов духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий. Пермь, 1899.

[3] *Шестаков И.В.* Люди науки, духовные и светские писатели из воспитанников Пермской духовной семинарии. Пермь, 1900; *Он же.* Труженик Христов. Протоиерей г. Перми Евгений Алексеевич Попов. Очерк жизни и трудов. (По поводу 20-летия со дня кончины. 1888–1908). М., 1908.

[4] *Шестаков И.В.* Инородцы-пермяки // Истор. Вестник. 1902. № 8; *Он же.* Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. М., 1905; *Он же.* Жертвоприношения закамских инородцев // ЭО. *Он же.* Верхнекамские инородцы. Опыт обозрения мероприятий земств Соликамского, Чердынского и Глазовского в целях культурного подъема камских инородцев. Архангельск, 1912.

[5] *Дамаскин (Орловский)*, игумен. Мученики, исповедальники и подвижники благочестия Русской Православной церкви XX в. Кн. 2. С. 114.

[6] Остроумов Иван Григорьевич. [Биография] [Пермь, 1928]; *Литвинова А.А*. Остроумов Г.И. // Краеведы и краеведческие организации… С. 201–202; *Богословский П.С.* Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае… С. 102–103.

занимался историко-краеведческой деятельностью, был членом Пермской ученой архивной комиссии, Пермского экономического общества, Пермского губернского статистического комитета, Пермской комиссии УОЛЕ. В эти годы Г.И. Остроумов сыграл большую роль в преобразовании последнего в 1901 г. в Пермский научно-промышленный музей, был хранителем этого музея и редактором отчетов музея за 1901–1905 гг., а также составителем «Материалов по изучению Пермского края» (вып. 1–3)[1]. В 1883 г. Г.И. Остроумов привлекался как редактор нелегальной газеты «Школа» по делу т.н. «пермских декабристов», после чего находился под негласным надзором полиции[2]. В 1906 г. за участие в антиправительственных выступлениях был выслан из Перми. Работал в Гродно, Тамбове, потом в Башкирии. Был организатором Центрального музея Башкирии. В 1925 г. вернулся в Пермь, где некоторое время трудился хранителем Пермского государственного музея. Одновременно исполнял обязанности зам. Председателя Общества краеведения и редактора ее изданий. Член-корреспондент Центрального бюро краеведения, и Ленинградского Общества изучения культуры финно-угорских народов. В 1929 г. вышел на пенсию и продолжил занятия общественной и краеведческой деятельностью.

Его исследовательская и публицистическая деятельность была разносторонней. Его как библиографа интересовала история изучения Пермского края. Он посвятил этой теме несколько публикаций[3]. Как этнографа его занимала тема вогулов-манси[4]. Как говорил И.Г. Остроумов на заседании УОЛЕ, он предполагает издать серию книг о народах губернии: «*Я пришел к мысли сгруппировать в одно целое все имеющиеся в литературе, данные о каждом инородческом племени, <...> в результате чего являлась бы возможно полная и верная картина исторической и современной жизни инородцев Уральского края <...>. Я приступил, начав с обработки материалов о племени вогул или манси*»[5]. И хотя его замысел не был осуществлен, собранные материалы позднее послужили основой для этнографического картографирования Пермского края. В 1891 г. он подготовил этнографическую карту Пермской губернии, так как предыдущая, составленная П.М. Вологодским в 1870-х гг., устарела. Кроме того, предполагалось, что она будет представлена на Географической выставке в Берне. В том же году карта после демонстрации в Швейцарии была выставлена на I Всероссийской гигиенической выставке в Петербурге (в этнографическом отделе) и удостоена серебряной медали. Для уточнения сведений о проживании определенного народа им были составлены специальные опросные листы, разосланные в волостные управления губернии. Именно ответы на эти листы позволили ему уточнить места обитания того или иного народа, в частности коми-пермяков[6].

Также его интересовала местная археология, много внимания он уделял картографированию. Впервые он нанес на карту все известные к этому времени доисторические памятники и предметы чудских древностей и попытался хронологически их систематизи-

---

[1] При открытии этого музея им была произнесена речь, в которой рассматривались цели и задачи ученого учреждения. Она была опубликована: *Остроумов И.Г.* История музеев, их настоящее и будущее // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1904. Вып. 1. С. 1–10.

[2] *Пирогова Е.Н.* История возникновения и деятельности Пермского экономического общества во второй половине XIX века // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь, 1990. С. 86.

[3] *Остроумов И.Г.* К изучению Пермской губернии: Обзор библиографической литературы и продолжение указателя автора. Пермь, 1892; *Он же.* К изучению Пермской губернии: Обзор библиографической литературы и продолжение указателя автора // Пермские ГВ. 1892. № 9; *Он же.* Ф.А. Теплоухов. Пермь, 1905.

[4] *Остроумов И.Г.* Вогулы-манси. Историко-этнографический очерк // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1904. Вып. 1. С. 155–202.

[5] Зап. УОЛЕ. 1891–1894. Т. 13. Вып. 2. С. 150, 202.

[6] *Остроумов И.Г.* Объяснительная записка к этнографической карте Пермской губернии. Екатеринбург, 1891; То же // Зап. УОЛЕ. 1891–1892. Т. 13. Вып. 1. С. 77.

ровать. Проанализировав известные ему материалы, И.Г. Остроумов делает вывод о том, что период расцвета древних культур — VIII–XI вв. н.э. и что они исчезли так же внезапно, как и появились в XII в. Автор не является сторонником теории, разрабатываемой своими предшественниками проф. ***И.Н. Смирновым*** и ***Ф.А. Теплоуховым***, о превращении Камской чуди в коми-зырян, коми-пермяков или обских угров, хотя и предполагает генетическую смену чудских племен в этом регионе[1]. Будучи одним из основателей Пермского научно-промышленного музея, а после революции и его сотрудником, им были изданы некоторые путеводители[2].

Хочется вспомнить еще одного священника, который не служил в Пермской епархии, но оставил описание коми-пермяков, проживавших в Вятской губернии. Речь идет о ***Николае Николаевиче Блинове*** (1839–1917), просветителе удмуртов, этнографе. Сын псаломщика Вятского кафедрального собора, он закончил Вятскую духовную семинарию, после окончания которой в 1861 г. стал приходским священником в с. Карсовай Глазовского у.[3] Здесь он начал заниматься этнографией и опубликовал статьи о пермяках[4].

Завершая очерк о пермском краеведении, хочется остановиться на деятельности ***Кружка по изучению Северного Края*** при Пермском университете, который был организован в 1916 г. ***Богословским Павлом Степановичем*** (1890–1966), известным писателем, литературоведом, археологом, фольклористом. Он родился в семье служащего в с. Веретия Соликамского у. Пермской губ. В 1913 г. окончил Петербургский историко-филологический и Петербургский археологический институты. Его учителями были такие известные ученые, как В.В. Латышев, А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Н.П. Лихачев. С 1913 г. — заведующий историко-этнографическим отделом Пермского научно-промышленного музея. Одновременно преподаватель русской литературы и латинского языка в Пермской гимназии.

В 1916–1932 гг.. — преподаватель и заведующий кафедрой русской литературы Пермского государственного университета[5]. В частности, некоторое время он читал курс «Язык и культура Коми».

Именно П.С. Богословский в пред- и послереволюционные годы стал основным организатором краеведческого движения в Перми. Для координации этого движения он организует научный кружок. Одновременно П.С. Богословский предполагал готовить кадры для развертывания исследовательской работы на местах. В это время ученый занимался разработкой методологии научно-краеведческой работы, исходя из необходимости комплексного изучения природно-культурного своеобразия конкретной местности, создал инструкции по сбору и систематизации краеведческого материала[6]. По мнению ученого, «*краеведение составляет один из надежных, прямых путей, ведущих к культурному воз-*

---

[1] *Остроумов И.Г.* Список географических пунктов, в которых найдены доисторические памятники и предметы // Пермский краеведческий сборник. 1926. Вып. 2. С. 5–12; *Он же.* Сводка сведений о находке доисторических предметов в Приуралье и несколько выводов из нее // Там же. С. 12–15.

[2] *Остроумов И.Г.* Пермский научно-промышленный музей. Краткий указатель. Пермь, 1907; *Он же.* Краткий путеводитель по геологическому подотделу. Пермь, 1928.

[3] *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1892. Т. 3. С. 381–389; *Бердинских В.* Уездные историки… С. 230–234.

[4] *Блинов Н.Н.* Заметки о пермяках Вятской губ. // Вятские ГВ. 1861. № 44, 45; *Он же.* Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсовайского прихода (Глазовского у.) // Вятские ГВ. 1865. № 34-36; *Он же.* Инородцы северо-восточной части Глазовского у. // Вятские ГВ. 1865. № 6.

[5] *Кашихин Л.С.* Фольклорист, литературовед // Календарь-справочник Пермской области на 1970 г. Пермь, 1969; *Шарц А.К.* П.С. Богословский. Библиографический указатель литературы. Пермь, 1969; *Богословская О.И.* П.С. Богословский // Профессора Пермского университета: биобиблиограф. указ. Пермь, 1991. С. 13–14; *Сидякина А.А.* Богословский П.С. // Краеведы и краеведческие организации… С. 83–85.

[6] *Богословский П.С.* Проблема историко-этнографического исследования Прикамско-Уральского края // Экономика. Пермь. 1925. № 8–9. С. 65–67; *Он же.* О собирании этнологических материалов // Экономика. Пермь. 1925. № 10. С. 53–55.

рождению нашей страны». П.С. Богословский не только сформулировал основные положения краеведческой работы, но и привлек к участию в ней местные руководящие силы[1]. В рамках развернувшейся в СССР дискуссии о месте, формах и методике проведения краеведческих исследований П.С. Богословский отстаивал традиционное видение этого движения. Об этом свидетельствуют его статьи, опубликованные в пермском журнале «Экономика». Местный сторонник «*нового краеведения*» Альбенский требовал перехода к новой системе, которая должна отвернуться от «*модного в прежние времена гробокопательства*», т.е. отказа от исторических, археологических и этнографических исследований. В своей статье он приводит положения, которые должны были лечь в основу нового краеведческого движения: «*должен быть выдвинут примат естественно-исторических исследований; историко-археологическая и историко-культурная работа при отсутствии марксистского подхода к ней должна быть удалена из работ по краеведению. Изучение края должно производиться с промышленным уклоном, а статистико-экономические работы (с марксистским подходом) должны составлять стержень работ по краеведению*»[2]. В ответ оппоненту П.С. Богословский выдвигает свою программу. Он считает необходимым продолжить работы исторического профиля. В связи с тем что при университете имелись Общества по изучению местного края в «*целях дифференциации сил*» кружок по изучению Северного края должен направить свою деятельность «*по преимуществу в сторону этнологических разысканий и истории местного края, сосредотачиваясь на физической антропологии, археологии, этнографии и диалектологии*»[3]. Он особо отмечает необходимость изучения местных угро-финских и тюрко-татарских народностей в историко-этнографическом отношении. В то же время отмечается важность сбора материалов по истории рабочего и революционного движения на Урале. Надо отметить, что его программные выступления о необходимости комплексного изучения региона, а так же написанные инструкции по сбору и систематизации краеведческого материала приобрели актуальность в свете развития современной регионалистики.

В 1920-е гг. П.С. Богословский публикует несколько обзорных статей, посвященных изучению Пермского края в лингвистическом и этнографическом отношениях[4]. Хотя его как исследователя прежде всего интересовали русский фольклор и этнография, история русской литературы[5]. Освещению этих вопросов он посвятил ряд научных работ. Не потеряли научного значения его теоретические работы по свадебным чинам[6].

---

[1] *Богословский П.С.* Краеведческая работа в Перми, ее перспективы и областное значение // Экономика. Пермь, 1923. № 9. С. 53–58; *Он же.* Задачи районной краеведческой работы // Экономика. Пермь, 1924. № 7; *Он же.* О постановке историко-культурных изучений Урала // Уральское краеведение. Свердловск, 1927. Вып. 1. С. 33–37; *Он же.* К подготовке краеведов-этнографов при Пермском университете // Экономика. Пермь, 1926. № 4.

[2] Первое совещание по краеведению Отделения изучения природы СССР Государственного тимирязевского научно-исследовательского института. Вологда, 1925; *Альбенский.* Как оживить краеведение // Экономика. Пермь, 1925. № 1. С. 63–64.

[3] *Богословский П.С.* О кружке по изучению Северного края при Пермском университете // Экономика. Пермь. 1926. № 5. С. 86–87.

[4] *Богословский П.С.* Об изучении Пермского края в лингвистическом и этнографическом отношении // Север. Вологда. 1924. № 1 (15). С. 133–144; *Он же.* Пермский край в историко-литературном отношении // Экономика. Пермь. 1925. № 2–3; *Он же.* Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 94–110; *Он же.* Пермская этнография за 1917–1926 гг. // Этнография. 1927. № 2; *Он же.* Научное этнографическое общество при Пермском университете. Пермь, 1930; *Шмидт А.В.* Деятельность научных учреждений в Перми и Пермской губернии // Новый Восток. 1922. № 2. С. 725–727.

[5] *Мазурина А.И.* Уральские материалы в собрании рукописей П.С. Богословского // Учен. зап. Перм. ун-та. 1969. № 192.

[6] *Богословский П.С.* Из местных историко-литературных разысканий // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 16–28; *Он же.* Крестьянская свадьба в лесах Вильвы Пермского округа //

Был членом Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания, Пермской ученой архивной комиссии. В 1928 г. П.С.Богословский был избран действительным членом Русского географического общества за труды в области фольклористики.

П.С. Богословский некоторое время занимал должность заведующего Губернским архивом (с 1922 г.) и и.о. директора Пермского научного музея (с 1924 г.). В 1932 г. П.С. Богословский был переведен в Московский центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы и Центральное бюро краеведения. В 1935 г. был арестован, осужден и отбывал наказание в Карагандинском исправительно-трудовом лагере до 1940 г. С 1940 по 1946 гг. преподавал в Карагандинском пединституте. В 1946 г., когда в Пермском университете возобновил работу филологический факультет, П.С. Богословский возвратился в родной город и до 1948 г. заведовал кафедрой русской литературы. П.С. Богословский — автор 185 научных трудов по фольклору, этнографии и истории Урала.

4.5. Изучение этнографии коми в Екатеринбурге

Еще одним центром уральского краеведения был Екатеринбург. Здесь находилась одна из крупнейших и авторитетнейших научно-краеведческих общественных организаций России — Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ). Оно было учреждено в Екатеринбурге 29 декабря 1870 г. представителями местного чиновничества и интеллигенции. Главными инициаторами ее создания были О.Е. Клер и ***Н.К. Чупин***. Среди многих подобных обществ, возникавших в разных городах России во второй половине XIX в., УОЛЕ выделялось не только численностью, но и размахом научно-исследовательской, собирательской, издательской и культурно-просветительской деятельности[1]. Бурное развитие Екатеринбурга, постпенно превращавшегося в крупный промышленный центр, требовало решения многих природных и исторических проблем региона. В связи с этим общество ставило своей целью: «а) *изучение и исследование Уральского края в естественно-историческом отношении*; б) *распространение естественно-исторических знаний в этом крае*», а также содействие развитию местной промышленности и техники, изучение природных богатств и т.д. Несмотря на то что первоначально предполагалось сосредоточить свои интересы на изучении природы Урала, уже в первые годы своей деятельности общество обращается к этнографии, археологии, статистике и истории региона[2]. Одновременно с открытием УОЛЕ были основаны его публичные библиотека и музей. Общество с 1873 г. по 1927 г. издавало научный журнал «Записки УОЛЕ»: вышли 40 томов, 106 выпусков[3]. В них можно найти ряд публикаций

Там же. С. 128–158; *Он же.* К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов (По этнографической литературе и рукописным материалам Русского географического общества) округа // Там же. 1927. Вып. 3. С. 1–63.

[1] *Архипова Н.П.* Роль УОЛЕ в развитии краеведения на Урале // Уч. зап. Свердловского гос. ун-та. Свердловск. 1959. Т. 2. Вып. 18. С. 3–22; *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Учен. зап. Свердлов. област. краевед. музея. Екатеринбург, 1996. Т. 1. С. 77–86; *Кустов В.А.* Вопросы собирания и изучения фольклора Среднего Урала в записках «УОЛЕ» 1870–1880 гг. // Фольклор Урала. Народная проза. Свердловск, 1976. Вып. 1. С. 89–93; *Тагильцева Н.Н.* «Золотой век» уральского краеведения (Уральское краеведение) // Уральский областник. Екатеринбург, 1996. № 5. С. 8–17. *Она же.* Основные этапы музейной деятельности в уральском регионе // Чердынь и Урал в историко-культурном наследии России. Пермь. 1999. С. 228–234; *Клер О.Е.* Уральское общество любителей естествознания. Исторический очерк. Екатеринбург, 1888; *Кащеевский.* Сороколетие Уральского общества любителей естествоиспытателей // Уральский край. 1910. № 220.

[2] *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания… С. 57–71; 121–132.

[3] *Сергеев С.И.* Систематический указатель статей «Записок общества» // Зап. УОЛЕ. 1890–1891. Т. 12. Вып. 2. С. 112–115.

о коми-пермяках[1]. В 1890 г. в Перми было открыто отделение УОЛЕ — Пермская комиссия, на базе которой позднее был создан Научно-промышленный музей, ставший в 1901 г. самостоятельным учреждением. Как и многие другие местные научно-краеведческие организации, оно распространяло различные программы для изучения местного края, в том числе по этнографии. Например, на общем собрании общества 15 ноября 1871 г. П.М. Вологодскому было предложено составить программу по этнографии. Во вступлении к Программе антропологии, этнографии и статистики разработчик отмечал: «*Уральский край, несмотря на множество произведенных относительно его исследований, представляет по своей обширности и богатой и разнообразной природе богатую почву для этнографии и статистике*»[2]. Позднее в документах общества подчеркивалось, что «*исследование географического распределения, нравов и обычаев племен, населяющих Уральский край, тем более необходимо в настоящее время, по общему мнению, некоторые из них вымирают или, по крайней мере, вырождаются*»[3]. П.М. Вологодский работал учителем словесности в местном женском уездном училище и живо интересовался стариной, занимался сбором фольклора и этнографического материала. В 1880 г. в Чердынском и Соликамском у. этнографический материал по коми-пермякам собирал член УОЛЕ М.В. Малахов Эти материалы были опубликованы в его «Посмертных записках»[4].

Первоначально УОЛЕ существовало за счет членских взносов, пожертвований частных лиц, пособий уральских земств и Екатеринбургской городской управы, а с 1895 г. стало получать крупное ежегодное правительственное пособие. В советское время начиная с 1921 г. финансировалось из госбюджета. В 1929 УОЛЕ, считавшееся потенциальным оплотом «контрреволюционной буржуазной интеллигенции», было закрыто, как и многие другие местные краеведческие организации.

Общество было инициатором и организатором Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в 1887 г., I съезда музейных деятелей Урала в 1921 г., II областного съезда деятелей краеведения в 1924 г. и других научных мероприятий. Музей УОЛЕ включал богатейшее собрание природных и исторических экспонатов, которое к 1910 г. насчитывало более 25 тыс. единиц хранения. Они были распределены между десятью отделами, среди которых были антропологический, археологический с этнографическим отделением. Членами этого научного общества были местные исследователи, которые затрагивали многие проблемы традиционной культуры народов коми, например, ***Теплоуховы***, ***И.Я. Кривощеков***, ***Н.К. Чупин*** и др.

С Екатеринбургом тесно связана деятельность ***Чупина Наркиза Константиновича (Кажбулатовича)*** (1824–1882) — историка, краеведа, этнографа, библиографа, педагога, географа. Он происходил из семьи мелкого чиновника. Его отец был аудитором горного военного суда Уральского горного округа. В 1835 г. Н.К. Чупин закончил Екатеринбургское уездное училище, после чего несколько лет работал письмоводителем. В 1838–1842 гг. учился в Пермской гимназии. Одним из его учителей был ***П.И. Мельников***, будущий писатель и историк старообрядчества, более известный под литературным именем Андрей Печерский. Именно в это время молодой Н.К. Чупин заинтересовался историей и краеведением. С 1842 по 1850 г. он — студент словесного отделения историко-филологического факультета Казанского университета. У Н.К. Чупина были выдающиеся лингвистические способности, которые позволили ему выучить около 20 древних и новых языков. В университете сформировался его научный интерес к истории. В силу ряда причин

---

[1] Например: *Вологдин П.* Письма о пермяках // Зап. УОЛЕ. 1887. Т. 10. Вып. 2. С. 153; *Малахов М.* Быкобой у Пермяков в день св. Флора и Лавра // Там же. Т. 11. Вып. 2. С. 85–96.

[2] *Вологодский П.М.* Объяснительная записка к «Программе антропологии, этнографии и статистики» // Зап. УОЛЕ. 1877. Т. 2. Вып. 2. С. 58.

[3] Записки УОЛЕ. 1877. Т. 2. Вып. 2. С. 128–129.

[4] *Малахов М.В.* Посмертные записки // Записки УОЛЕ. 1887. Т. 11. Вып. 1. С. 9–96.

в 1845 г. он был вынужден перейти вольнослушателем на естественный факультет, камеральное отделение которого он и закончил. Завершая университетский курс, Н.К. Чупин представил к защите диссертацию «История и статистика металлургической промышленности в России». Во время учебы в университете он начал писать на краеведческие темы, собирать материалы, которые позволили ему позднее опубликовать «Обозрение книг и журнальных статьей, заключающие в себе географические и статистические сведения о Казанской губернии. Записки путешественников русских и иностранных», фактически первый подобный указатель[1]. Об этом сочинении с похвалой отозвался известный библиограф Г.Н. Геннади. И хотя Н.К. Чупину было предложено остаться в университете для подготовки к профессорскому званию, он вернулся домой.

В 1852 г., после возвращения в Екатеринбург, он становится чиновником в канцелярии главного начальника горных заводов Урала В.А. Глинки. Весной 1853 г. в городе открылось Уральское горное училище, где Н.К. Чупин занял должности учителя и инспектора. Здесь он проработал до своей кончины, пройдя все ступеньки административной карьеры, став в 1863 г. его директором[2]. Одновременно начиная с 1861 г. Н.К. Чупин — преподаватель русской словесности и латинского языка в Екатеринбургской мужской гимназии. Он стоял у истоков основания УОЛЕ, ее действительный член с 1872, и почетный член — с 1882 г.; был членом Общества любителей естествознания при Казанском университете по отделению антропологии и этнографии. Автор более 50 статей по истории, этнографии, географии и горнозаводскому делу края[3]. В 1855 г. произошло его знакомство с другим известным патриотом Урала пермяком ***Д.Д. Смышляевым***, который высоко ценил труды екатеринбуржца и много сделал для сохранения и публикации его научного наследия[4]. Именно по просьбе Д.Д. Смышляева Н.К. Чупин вновь обратился к уральскому краеведению и опубликовал после долгого перерыва новую библиографическую работу — «Указатель сочинений, в которых заключаются географические и статистические сведения о Пермской губернии»[5]. По этому поводу М.И. Михайлов написал, что «*редакция "Пермского сборника" оказала важную услугу исследователям и значительно облегчила их труд. В приложении ко второй книжке напечатан прекрасно, критически составленный г. Н. Чупиным "Указатель"*»[6].

Н.К. Чупин прежде всего был историком горнозаводского Урала, именно этому посвящена большая часть публикаций. И.А. Гурьев, который специально занимался изучением

---

[1] *Чупин Н.К.* Обозрение книг и журнальных статьей, заключающие в себе географические и статистические сведения о Казанской губернии. Записки путешественников русских и иностранных // Казанские ГВ. 1851. № 10–27; Отдельное издание: Казань, 1851.

[2] *Смышляев Д.Д.* К биографии Н.К. Чупина // Пермские ГВ. 1883. № 6–7; *Грехов Б.П.* Выдающиеся уральцы и исследователи Урала. Свердловск, 1939; *Никитин Н.П.* Н.К. Чупин (1824–1882) // Отечественные экономико-георгафы XVIII–XX вв. М., 1957. С. 206–210; *Гомельская С.З.* Н.К. Чупин. Свердловск, 1982; *Гурьев И.А.* Горнозаводской Урал феодального периода в творчестве Н.К. Чупина // Летописцы родного края. Свердловск, 1990. С. 7–21; Наркиз Константинович Чупин (1824–1882). К 180-летию ученого-краеведа. Биобиблиографический указатель / Сост. Т.А. Колосова Екатеринбург, 2004.

[3] *Малахов М.В.* Наркиз Константинович Чупин. (Некролог) // Изв. ИРГО. 1882. Т. 18. Вып. 4. С. 271–280; *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1885. Вып. 2.

[4] *Смышляев Д.* Наркиз Константинович Чупин. (Некролог) // Пермские ГВ. 1882. № 31; *Он же.* Наркиз Константинович Чупин. (Некролог). Список трудов Наркиза Констановича Чупина // Сб. ст., касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период с 1842–1881 гг. Пермь, 1882. Вып. 1. С. 1–4; *Он же.* Н.К. Чупин // Смышляев Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 268–280; *Он же.* К портрету Н.К. Чупина // Пермский край. Пермь, 1893. Т. 2. С. 282–291.

[5] *Чупин Н.К.* Указатель сочинений, в которых заключаются географические и статистические сведения о Пермской губернии // Пермские ГВ. 1870. № 47–56, 61–63; 1871. № 8, 9, 11–17; 1873. № 67–68; 1874. № 2, 14–18, 21, 22, 24, 28–32; 1875. № 57–59; То же // Пермский сборник. Пермь, 1860. Кн. 2. Приложение. С. 1–17.

[6] *Михайлов М.И.* Русское слово. 1860. Май. С. 39–50.

деятельности екатеринбургского ученого, пишет, что «*он сознательно встал на путь отказа от обобщающих построений в истолковании исторического процесса и свою задачу видел только в точном воспроизведении единичных фактов истории горнозаводского Урала, тщательном изучении источников в целях установления их подлинности и достоверности*»[1].

Его научные интересы были обширны, в частности в его работах описываются многие народы Урала. Например, в рецензии об экспедиции, организованной Казанским обществом естествоиспытателей для изучения вогулов (манси), он критикует организаторов и участников за допущенные ошибки и дополняет их результаты собственными материалами, в частности вводит данные о манси, собранные ***А. Регули***[2].Эта рецензия свидетельствует, что он составлял «*Обозрение статьей о вогулах и сродственных с ними остяках в хронологическом порядке*», опубликованное позднее в его «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии». Его перу принадлежит также перевод на русский язык «Путешествия по Уралу Гумбольта, Эренберга и Розе в 1829 г.»[3] Этот перевод интересен значительным количеством дополнений историко-этнографического характера, сделанных Н.К. Чупиным. Например, он не соглашается с мнением немецких путешественников, которые вслед за Ю. Клапротом считают вотяков (удмуртов) частью коми-пермяков, а их язык — результатом смешения с языком черемисов (мари), и развивает научное положение о лингвистических различиях этих народов. Несколько ранее он публикует статью, основанную на материалах путешествия на Урал Мурчисона, де Вернеля и ***А.А. Кейзерлинга***[4]. Как писал о нем Д.Н. Мамин-Сибиряк, «*талантливый и бескорыстный труженик, с громадной эрудицией и характером аскета*», он жил полностью погруженным в изучение материалов об Урале. Во многом ему в исторических и статистических изысканиях помогала личная, богатая многими редкостями библиотека.

С конца 1860-х гг. Н.К. Чупин всерьез занялся написанием «Географического и статистического словаря Пермской губернии» — неофициальной энциклопедии Урала[5]. Автор поставил перед собой большую задачу: описать по возможности все горы, реки, озера, горные округа, рудники, села, тракты и т.д. К этому времени он выработал единую схему такого изображения, обобщив многие программы описаний различных губерний. Она включала географическое и статистическое описание округа (уезда), анализ промышленности (сельского и горнозаводского хозяйства), образования, внутреннего и внешнего быта населения, структуры власти (управления) и некоторых особенно замечательных местностей. Он хотел стать «объективным летописцем» Пермского края, ибо это давало ему возможность сделать достоянием общества имеющийся у него фактический материал по истории и культуре Урала. Он хорошо представлял, что эта работа потребует «*и знание края, и библиографических сведений, и труда немалого*», ибо «*материалов много, но противоречий в них немало, в которых нелегко разобраться*»[6]. И во многом ему это удалось.

На общем собрании УОЛЕ 22 марта 1873 г. он впервые представил на рассмотре-

---

[1] *Гурьев И.А.* Горнозаводской Урал… С. 13 и след.

[2] *Чупин Н.К.* О результатах экспедиции, организованной Казанским обществом естествоиспытателей в 1872 г. для исследования вогулов // Зап. УОЛЕ. 1874. Т. 1. Вып. 2. С. 145–156.

[3] *Чупин Н.К.* Путешествия по Уралу Гумбольта, Эренберга и Розе в 1829 г. / Пер. с нем. и примеч. Н.К. Чупин // Зап. УОЛЕ. 1874. Т. 1. Вып. 2. Приложение. С. 1–12, 13–23; 1975. Т. 2. Вып. 2. С. 25–30.

[4] *Чупин Н.К.* Геологическое путешествие по России Мурчисона, де Вернеля и гр. Кайзерлинга, замечания их относительно Казанской губернии // Казанские ГВ. 1864. № 11–17.

[5] *Чупин Н.К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873–1876. Т. 1. Вып. 1–3. А–И; Пермь, 1878–1880. Т. 2. Вып. 4–5. К–М; Пермь, 1886. Вып. 6–7. Ф–Ц // Сборник Пермского земства. Пермь, 1888. № 4. С. 156–157; Вып. 8. Щ, Ю, Я и Ѳ. Пермь, 1887.

[6] *Гурьев И.А.* Горнозаводской Урал… С. 19.

ние коллег «*начатый им Географический словарь Пермской губернии, прося содействия общества для собирания сведений о возможно большем числе пунктов, замечательных каким бы то ни было природными особенностями*»[1]. Присутствовавшие на заседании члены общества обещались предоставлять ему все имеющиеся у них сведения. Словарь начал выходить по частям начиная с 1873 г.; при жизни автора вышло всего 2 тома, со словами от «А» до «М», остальные части были изданы уже после его смерти. Но, к большому сожалению, в целом этот труд остался незаконченным[2]. Кроме статей, в которых описываются различные населенные пункты губернии, в нем содержатся материалы, посвященные отдельным народам, обитающим в этом регионе. Они описываются по определенному плану. Автор определяет этническую принадлежность народа. Но ключевое место принадлежит описанию расселения этого народа. Причем этническая картография рассматривается в исторической перспективе — от проживания народов в далеком прошлом до времени написания словарной статьи. Для современного исследователя важно, что Н.К. Чупин пытается определить места ассимиляции «инородцев», т.е. рассмотреть процесс ассимиляции, формы и методы этого движения. Вторая ценность этих «этнических» заметок — их библиографические приложения, которые иногда намного превосходят основную статью. Например, статья «Вогулы» имеет объем 5 страгниц, а аннотированный обзор литературы об этом народе занимает 21 страницу и содержит 60 источников. После выхода в свет первого выпуска Словаря председатель УОЛЕ О.Е. Клер высказался следующим образом: «*В этом обширнейшем труде сгруппированы все имеющиеся до сих пор в печати данные о Пермской губернии, множество новых исторических, статистических и других фактов, собранных нашим почтенным сочленом в течение более 26 лет, частью из местных горных архивов, частью из сообщений его многочисленных корреспондентов и почитателей, а что придает этому словарю особенно научное достоинство — это специальные познания автора по всем почти наукам и основанная на них критическая оценка сообщаемых сведений*»[3].

В этом словаре приводится ряд данных и о коми-пермяках. К большому сожалению, в нем отсутствует отдельная специальная статья, посвященная этому народу. Это связано с тем, что сочинение не было завершено, отсутствуют разделы на ряд букв, в том числе и на литеру «П». Поэтому многочисленные сведения об этом народе разбросаны по различным географическим статьям, что затрудняет их поиск. Например, ряд интересных сведений о них содержится в статье «Инвенская дача» и т.д. В некоторых случаях исследователь использует данные коми языка для объяснения некоторых местных топонимов. Необходимо отметить, что Н.К. Чупин отождествлял пермяков и зырян, считая их одним народом, в чем был прав, так как это действительно один народ, хотя и разобщенный территориально и говорящий в настоящее время на двух близких литературных языках. Например, в статье «Зыряне» он пишет, что русские «*зырян, обитающих в Пермской и Вятской губерниях*», называют пермяками. Аналогичное мнение представлено в разделе «Кудымкар»[4]. Кроме того, Н.К. Чупин приводит много сведений о чудских древностях.

Как писал ***Д.Д. Смышляев***, «*своими трудами по истории и географии Пермского края Н.К. Чупин приобрел обширную известность. Ученый в полном смысле слова, горячо любив-*

[1] Протоколы общих собраний и извлечений из журналов заседания Комитета УОЛЕ в Екатеринбурге // Зап. УОЛЕ. 1873. Т. 1. Вып. 2. С. 96.

[2] *Кривоногов В.Я.* История Урала в историко-географических сочинениях Н.К. Чупина // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Вып. 1. С. 79–91.

[3] Зап. УОЛЕ. 1877. Т. 2. Вып. 2. С. 200.

[4] *Чупин К.Н.* Инвенская дача // Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. С. 540–544. См. также: Кудымкар // Географический и статистический… Т. 1. С. 172–174; . Инва // Географический и статистический… Т. 1. С. 538–540; Зыряне // Географический и статистический словарь... Т. 1. С. 502–503; и т.д.

ший свою родину и отдавший на служение ей всецело свою жизнь, человек, обладавший громадной памятью, делавшей из него "ходячий архив"... покойный напоминал собой средневекового монаха, в тиши кельи поддерживающего свое знанье»[1].

4.6. Усть-Сысольск как основной центр коми краеведения

Крупнейшим центром краеведческих исследований традиционной культуры народов коми в течение всего XIX в. оставался Усть-Сысольск. В этом процессе активно участвовали местные чиновники, учителя, священнослужители и земские деятели. Их можно объединить как минимум в три группы:

1) т.н. усть-сысольская лексикографическая группа Н.П. Попова;

2) корреспонденты Русского географического общества;

3) самостоятельные исследователи.

4.6.1. Усть-сысольская лексикографическая группа Н.П. Попова

Возникновение этой группы связано с пребыванием в столице Коми края ***А.И. Шегрена***, который спровоцировал у представителей местного общества интерес к изучению истории и культуры родного края, пообещав им методическую помощь. ***А.А. Цембер*** писал об этом: «*В Усть-Сысольске уже давно составлялся словарь языка зырянского. ... Этот трудная работа была начата усть-сысольским мещанином Мальцевым, по внушению академика Шегрена, который в 1827 г. путешествовал по Вологодской губернии*»[2]. Следствием стало объединение местных уроженцев, которое в настоящее время иногда называют усть-сысольской лексикографической группой. Это была первая попытка создания в Коми крае «неформальной» краеведческой ячейки, после распада которой, вызванного, с одной стороны, постепенным уходом в мир иной ее участников, а с другой стороны, выполнением поставленной перед ними крупной научной задачи — составлением русско-зырянского словаря. И только уже в 1910-е гг. в Усть-Сысольске ***А.А. Цемберу*** удается создать филиал Архангельского Общества изучения Русского Севера, который попытался вновь объединить местных краеведов. Руководителем этой группы был ***Николай Павлович Попов*** (1801–1873). И хотя он был русским по национальности, но с детства слышал коми речь, так как жил в уездном центре, в который входила существенная часть территории, населенной коми народом[3]. По данным А.И. Туркина, на самом деле первым из местных краеведов начал составлять словарь коми-зырянского языка священник из с. Шежам Яренского у. Василий Михайлов[4]. В предисловии к своему словарю ***П.И. Савваитов*** упоминает об этом, отмечая, что «*малоизвестный рукописный Короткий зырянский словарь <...> Василия Михайлова, исправленный и дополненный усть-сысольским мещанином И.Р. Мальцевым гораздо лучше ...словарей Лепехина, Палласа, Кастрена*»[5]. Подобное сравнение не очень удачно, ибо в сочинениях ***И.И. Лепехина и П. С. Палласа*** нет настоящего словаря коми языка, а имеются лишь небольшие списки слов.

---

[1] *Смышляев Д.* Н.К. Чупин // Смышляев Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 269.

[2] *Цембер А.А.* Две корреспонденции из Усть-Сысольска 1833 г. (о зырянском словаре) // Коми му. 1927. № 19. С. 30.

[3] Письма Николая Попова Шегрену / Под. к изданию Марья Лейнонен // Арт-Лад. Сыктывкар. 2009. № 3. С. 114–120; Письма составителей первого русско-коми словаря академику Шегрену / Под. к изданию Марья Лейнонен // Арт-Лад. Сыктывкар. 2009. № 4. С. 25–40.

[4] *Туркин А.И.* Русско-зырянский словарь Н.П. Попова // СФУ. 1976. № 4. С. 293; То же. Арт-Лад. Сыктывкар. 2009. №. 3. С.101–109; *Габов С.* О «Полном рукописном русско-зырянском словаре коми языка Н.П. Попова // Пермистика–6: проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. Ижевск, 2000. С. 32–37.

[5] *Савваитов П.И.* Зырянско-русский... С. 1–2. Этот словарь сохранился в архиве ученого.

Н.П. Попов родился в небольшом уездном городе Яренске Вологодской губернии[1]. Окончил Павловский кадетский корпус, где в это время преподавал П.А. Плетнев, русский общественный деятель, писатель, друг А.С. Пушкина, издатель журнала «Современник», позднее — первый ректор Санкт-Петербургского университета. В 1834 г. в чине штабс-капитана Н.П. Попов выходит в отставку и поселяется в Усть-Сысольске, где штабс-лекарем служил его отец, Павел Попов. По сведениям ***Н.А. Иваницкого***, он 6 раз посылал в Санкт-Петербургскй ботанический сад Императорской Академии наук коллекции растений, которые были систематизированы его директором, академиком О. Фишером[2]. В этом городе он сначала занимал должность уездного стряпчего. С 1847 г. он дворянский заседатель Усть-Сысольского уездного суда. В 1861–1866 г. — член Вологодского губернского статистического комитета. Был одним из учредителей Публичной библиотеки в Усть-Сысольске[3]. Здесь он активно занимался исследованием коми языка, предложил свой вариант коми азбуки на основе кириллицы и в 1863 г. издал «Учебник зырянского языка». Как он упоминает в своем письме А.И. Шегрену, над созданием русско-зырянского словаря он задумался еще в 1831 г. В это время он еще служил. Реально этим делом он занялся уже в Усть-Сысольске.

По-видимому, Н.П. Попов был первым, кто ввел термин «зырянофил». Это говорит о том, что он пристально следил за ходом дискуссий в российском общественном движении. В своем письме А.И. Шегрену от сентября 1846 г. он причисляет себя к «зырянофилам», к ним же относит ***П.И. Савватиова,*** с которым он общался в Усть-Сысольске 1846 г. и помогал ему сборе материала по коми языку и фольклору. Вообще этот термин использовался только в их переписке и, насколько мне известно, больше не упоминался в более позднее время.

Более 20 лет Н.П. Попов руководил коллективом местных краеведов, занимающихся лексикографией. Эти работы были начаты местным мещанином Иваном Мальцевым (? — 1832), который преподавал коми язык ***А.И. Шегрену***. А.И. Шегрен так писал о нем: «*Во время посещения Усть-Сысольска в 1827 г. я открыл очень хорошо образованного и знающего коми язык человека по фамилии Мальцов и пытался подвигнуть его создать русско-коми словарь, обещая ему всякую свою помощь и пособия. Он хотел подумать и позднее, после возвращения моего из путешествия, известил, что он принялся за работу и начал собирать необходимые материалы. Но потом в своих письмах стал жаловаться на тяжелую жизнь, и хотя сообщал о том, что им сделана уже половина работы, пришло сообщение об его смерти*»[4].

Ранее И.Р. Мальцев (вообще-то он подписывал свои письма как Мальцов) уже участвовал в составлении словаря коми языка совместно с местным священником Василием Михайловым. Словарь сохранился в собрании ***П.И. Савваитова***[5]. В нем использовался не алфавитный, а групповой принцип объединения слов. Как видно из писем А.И. Шегрену, в 1829–1830 гг. И.Р. Мальцев переехал в с. Ношуль Вятской губ. в связи с женитьбой, где он продолжил свои краеведческие разыскания. Становится ясно, что в основу составляемого им словаря был положен «Российско-Немецкий и Немецко-Российский словарь» А.Е. Шмидта, который был прислан И.Р. Мальцеву А.И. Шегреном.

И.Р. Мальцев пишет своему петербургскому адресату, что им собраны пословицы, поговорки, описания «*свадебной церемонии*» и т.д. Кроме того, он говорит о собранном им

---

[1] *Туркин А.И.* Попов Н.П. // Коми язык: энцикл. Сыктывкар, 1998. С. 365–369.

[2] *Иваницкий Н.А.* Список растений… С. 3.

[3] *Рощевская Л.П., Бровина А.А.* Библиотечное дело на Европейском Севере в конце XVIII — начале XX века. Сыктывкар, 2002. С. 52.

[4] С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 1, оп. 2, № 34, § 697, л. 1–8.

[5] Короткий зырянский словарь, составленный Яренского у. Шежамской вол. священником Василием Михайловым, а правленый и дополненный усть-сысольским мещанином Иваном Р. Мальцевым // Рукописный отдел РНБ. О–XVI–10.

«*зырянском лечебнике*», составленном на основе народных знаний, а также «*физические их наговоры, запрещательныя и заклинательныя, заговорныя молитвы*». К июню 1830 г. И.Р. Мальцевым были подготовлены начерно разделы, содержащие слова на буквы «А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З». Кроме того, из сохранившихся в Хельсинки писем становится ясно, что И.Р. Мальцев является автором рукописи «Географическое описание Ношульской пристани», материалы которого вошли в книгу А.И. Шегрена «Зыряне…»[1].

После смерти И.Р. Мальцева занятия по составлению словаря были продолжены купеческим сыном А.С. Сухановым, крестьянином Ф.Я. Поповым и мелким чиновником А.С. Мориным под руководством Н.П. Попова. Алексей Степанович Суханов происходил из семьи известных устьсысольских купцов. Он также был знаком с А.И. Шегреном, который характеризовал его как знатока и пропагандиста коми языка [2]. Он не только собирал материалы, но и оказывал финансовую поддержку всей группе, потратив на различные расходы 100 руб. серебром. ***Филипп Якимович Попов*** (1893–1869) родился в крестьянской семье в с. Усть-Куломе. В 1843 г. в качестве переводчика сопровождал экспедицию ***А.А. Кейзерлинга*** и ***П.И. Крузенштерна*** в Печорский край. Столичные исследователи высоко оценивали его роль в достижении поставленных перед экспедицией задач. Например, П.И. Крузенштерн назвал его «*грамотным, расторопным и любознательным зырянином»* и особо отмечал, что *«описание рек Усть-Сысольского у., Печоры и верховьев Вычегды почерпнуты из заметок <…> усть-сысольского мещанина Филиппа Попова, который несколько лет старался собирать известия об этой стороне*»[3]. Ф.Я. Попов являлся автором переводов на коми язык нескольких книг, в частности «Наставления о посеве, уборке и хранении картофеля» (1847) — пособия, необходимого с точки зрения практического земледелия, ибо правительство в это время активно культивировало картофель в качестве сельскохозяйственной культуры. Изданная тиражом 1200 экземпляров, она быстро разошлась среди коми крестьян[4]. Афанасий Степанович Моторин (1822–1867) происходил из семьи дьячка. Учился в Вологодской семинарии, где познакомился с ***П.И. Савваитовым*** и помогал ему в «зырянских штудиях». После окончания семинарии некоторое время преподавал, а с октября 1845 г. — столоначальник Усть-Сысольского уездного земского суда. Потом служил приставом, исправником, заседателем суда. С 1867 г. — следователь первого участка Усть-Сысольского уездного суда. Занимался переводами на коми язык. Несколько бумаг о его переводческой деятельности и текстов сохранилось в собрании ***П.И. Савваитова***[5].

Именно А.С. Моторин редактировал последний вариант «Русско-зырянского словаря» Н.П. Попова. Эти люди в основном занимались сбором лексического материала, а Н.П. Попов — систематизацией полученного массива, распределением его в алфавитном порядке по принятой схеме и переписывании набело. В 1834 г. авторы представили в Академию наук в качестве образца часть словаря на литеру «К». Она получила положительный отзыв академика А.И. Шегрена, который указал на некоторые недостатки в системе правописания коми языка, а также просил положить в основу словаря алфавитный принцип.

---

[1] Письма Николая Попова Шегрену... С. 109–111, 126; Географическое описание Ношульской пристани // С.-Петерб. филиал РАН. Ф. 94; оп. 1. № 9/29–68. л. 114–138.

[2] С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 1, оп. 2, № 34, § 697, л. 1–8.

[3] *Кейзерлинг А*., *Крузенштерн П*. Печорский край в географическом… С. 424.

[4] *Попова Р.Л.* «Добровольным вызовом…» // Родники Пармы–90. Сыктывкар, 1990. С. 80–87. Дело 1847 г. об издании перевода «Наставления о картофеле» на зырянский язык // РГИА. Ф. 398, ед. хр. 2167.

[5] Например, С.А. Мориным был выполнен перевод на коми-зырянский язык «Бесед о присяге для свидетелей», отзыв на который был дан П.И. Савваитовым // Рукописный отдел РНБ. F. XVI–9, л. 103–104; Афанасий Моторин. Проповедь на Пасху на зырянском языке // Рукописный отдел РНБ. F. XVIII–111, л. 134–134 об.

О том, что подобный словарь был нужен как государству, так и ученым, говорит переписка вице-инспектора Корпуса лесничих К.Б. Бульмеринга с ученым лесничим Гильдеманом с просьбой предоставить Н.П. Попову список лесных терминов, что и было сделано[1]. В 1843 г. четыре тома этого коллективного труда, известного сегодня как «Русско-зырянский словарь, составленный Николаем Поповым», который содержал около 70 тыс. слов, был отправлен в Петербург, в Императорскую Академию наук. И хотя рукопись получила блестящий отзыв академика ***А.И. Шегрена***, знатока языка и культуры коми-зырян, словарь не был издан[2]. О составлении этого словаря было известно и П.И. Савваитову. Он писал, что, «*судя по времени и средствам, употребленным на составление сего Словаря, можно надеяться, что он будет весьма важным в своем роде пособием при изучении зырянского языка, особенно Вычегодскому наречию, которым заняться сочинитель имел более возможности, нежели другими наречиями*»[3]. Общая лингвистическая характеристика этой уникальной рукописи была дана А.И. Туркиным[4].

В это время коллектив Н.П. Попова приступил к работе над новым вариантом словаря, изменив методическую основу. Если первая версия была сделана по образцу «Нового и полного российско-французско-немецкого словаря» И. Гейма (1813), то новая собиралась по подобию «Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением Императорской Академии наук», изданного в 1847 г. Как писал сам Н.П. Попов, «*он немедленно приступил не к одному уже только исправлению некоторых недостатков словаря, а к совершенной его переделке, относительно как формы, так и верного перевода русских слов и выражений на зырянский язык*»[5]. Новый образец был готов в 1863 г. и состоял из 2426 страниц[6]. Он, как и первый вариант, был переписан рукой Н.П. Попова. Во всяком случае его прежние компаньоны, Ф.Я. Попов и А.С. Моторин, были еще живы. В предисловии к словарю исследователь отмечал, что «*все нужные к составлению словаря материалы собирались мною в местах зырянского населения, и живая речь народная была главным источником приобретаемых мною для этого сведений*». Сын Ф. Попова, ***В.Ф. Попов***, в своей заметке по этому поводу упоминает о некоей тяжбе между Николаем и Филиппом Поповыми, которая рассматривалась в Сенате, но не была завершена в связи с гибелью Ф. Попова[7].

Уже в наше время А.И. Туркин задается вопросом: выполнен этот вариант словаря непосредственно Н.П. Поповым или коллективом местных краеведов. Вопрос возник потому, что, хотя рукопись и написана одной рукой, но имеет многочисленные исправления и добавления. Он приводит надпись на рукописи ***Г.С. Лыткина*** о том, что встречаются вставки, сделанные Г. Моториным.

Окончательный вариант словаря был передан в Академию наук, где его рецензировал академик ***Ф.И. Видеман***, который высоко оценил выполненную работу, но потребовал внесения некоторых корректив, прежде чем издать его. Он отметил, что, «*хотя труд г. Попова и не в желаемом для лингвистики в порядке, все-таки содержит в себе клад зырянских слов, с богатством которого до сих пор*

---

[1] Дело 1843 г. о русско-зырянском словаре, составленном штабс-капитаном Н.П. Поповым // РГИА. Ф. 387, оп. 1, ед. хр. 5057.

[2] Отзыв о рукописном словаре Николая Попова академика Шегрена // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 86, 93.

[3] *Савваитов П.И.* Зырянско-русский… С. 1–2.

[4] *Туркин А.И.* Русско-зырянский словарь… С. 295–299. Текст словаря в настоящее время хранится в Институте восточных рукописей РАН: *Попов Н.П.* Русско-зырянский словарь // С.-Петерб. филиал Института востоковедения РАН. Р. 2, оп. 5. № 7, 8.

[5] О русско-зырянском словаре штабс-капитана Н. Попова // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 2, оп. 1–1863, № 1.

[6] *Попов Н.П.* Русско-зырянский словарь. 1863 г. // С.-Петерб. филиал Института востоковедения РАН. Р. 2, оп. 5, № 9–21.

[7] *Попов В.Ф.* По поводу заметки А. Цембера «Две корреспонденции из гор. Усть-Сысольска в 1833 г. // Коми му. 1927. № 1–2. С. 82–83.

далеко не может сравниться никакой другой сборник»[1].

В том же 1863 г. Н.П. Попов выдвинул свой труд на соискание Демидовской премии. Несмотря на положительный отзыв академика ***Ф.И. Видемана***, словарь не был удостоен премии, ибо, по положению о премии, она не присуждалась за рукописи. Но Академия приобрела оба варианта словаря за 1400 руб., что почти в два раза превышало сумму премии[2].

Позднее, когда словарь стал собственностью Академии, его материалами воспользовался ***Ф.И. Видеман*** для своего коми-немецкого словаря, первого крупного словаря коми на иностранном языке. В течение долгих лет он оставался единственным лексикографическим источником для зарубежных исследователей[3]. В дальнейшем Академия наук решила издать его и проучила подготовку к публикации ***Г.С. Лыткину*** и академику К.Г. Залеману. Работа была завершена лишь в 1907 г., а в 1908-м умер Г.С. Лыткин, все приостановилось. В результате подготовленный вариант был опубликован лишь в 1931 г.[4] В настоящее время лингвистическая составляющая этого словаря имеет лишь исторический характер, так как не получила практического применения, во-первых, из-за маленького тиража, во-вторых, из-за графической нормы второй половины XIX в. Значение этого рукописного словаря велико, ибо в нем зафиксирован громадный пласт культуры коми-зырян середины XIX в., который в таком объеме не был отмечен ни у одного из финно-угорских народов Российской империи. Рукопись сохранилась до наших дней и находится в архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН.

[1] *Видеман Ф.И.* О русско-зырянском словаре Н.П. Попова // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 2, оп. 1–1863, № 1.

[2] *Туркин А.И.* О втором варианте русско-зырянского словаря Н.П. Попова // СФУ. 1977. № 4. С. 293–296.

[3] *Widemann F.J.* Syrjanisch-deutsches Worterbuch nebst einem Wotjakisch-deutschen im Anbage und einem deutschen Register. SPb., 1880.

[4] *Лыткин Г.С.* Русско-зырянский словарь. Л., 1931.

4.6.2. Усть-сысольские корреспонденты Русского географического общества

С середины XIX в. изучение этнографии народов коми происходит в рамках комплексных исследований, организованных учрежденным в 1845 г. Императорским Русским географическим обществом. Оно было создано по инициативе ряда крупнейших ученых и общественных деятелей России, таких как К.И. Арсеньев, К.М. Бэр, Ф.П. Литке, ***Н.И. Надеждин***, ***А.И. Шегрен***[5]. Разослав в 1848 г. специально разработанную этнографическую анкету-программу, РГО организовало сбор материалов по этнографии народов России. В течение трех последующих лет в Петербург из провинций было отослано более 2500 рукописей. Подобная деятельность РГО продолжалась и в последующие годы. Некоторая часть материалов публиковалась в различных изданиях общества[6]. Но большинство из них хранится в архиве этого научного учреждения[7].

Одновременно сбором материалов начали заниматься созданные на местах губернские статистические комитеты, которые разрабатывали и рассылали собственные программы[8]. Все это стимулировало краевед-

[5] *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского Географического общества. СПб., 1896. 1845–1895. Ч. 1–3; *Берг Л.С.* Летопись Географического общества за 1845–1945 гг. Л., 1946; Географическое общество за 125 лет. Л., 1970.

[6] Указатель к изданиям Императорского Русского географического общества и его отделам. 1846–1875 гг. СПб., 1886; То же за 1876–1885 гг. СПб., 1887; То же за 1886–1895 гг. СПб., 1895; То же за 1895–1905 гг. СПб., 1910.

[7] *Зеленин Д.К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Пг., 1914–1916. Вып. 1–3; Описание коллекций рукописей научного архива Географического общества СССР. Л., 1973. Вып. 1. Полную сводку опубликованных указателей и обзор фондов архива ИРГО см.: *Матвеева Т.П.*, *Филонович Т.С.*, *Ярукова Л.И.* Русские географы и путешественники. Л., 1973.

[8] О подобных программах, касающихся Вологодской губернии см.: *Степановский И.К.* Вологодские губернские ведомости в период 50-летнего их существования. 1838–1888. Вологда, 1880.

ческое движение и появление в печати значительного количества публикаций по интересующей нас теме[1].

С ИРГО активно сотрудничали местные учителя. Они присылали в Петербург материалы, собранные по программам общества. Местные краеведы активно участвовали в работе экспедиций в качестве переводчиков и проводников, в составлении словарей и грамматик языка коми, собирали статистические сведения и т.д. Еще Н.И. Надеждин отмечал, что «*зыряне народ чудной. Они не только не пугаются учености, но даже питают к ней какое-то особое благоговение*».

В числе корреспондентов ИРГО был штатный смотритель Усть-Сысольского уездного училища ***Александр Попов***. В архиве ИРГО сохранилась его рукопись «Путевые заметки», датированная 1847 г. Это результат поездки автора по служебным делам из Усть-Сысольска на Вишеру. Рукопись содержит большой пласт этнографических сведений: описание жилища, одежды, ряд статистических сведений, рассуждения о происхождении коми, о сохранности коми языка. Судя по приведенным в рукописи материалам, Александр Попов является автором двух статей, опубликованных в это время в «Вологодских губернских ведомостях»[2].

Корреспондентом ИРГО был и ***Андрей Евфимьевич (Ефимович) Попов —*** учитель, языковед, переводчик (1819–1864). Он прислал в Петербург рукопись «Несколько поверий, примет и загадок Зырянского народа»[3]. В письме, которое прилагалось к этой рукописи, А.Е. Попов пишет, что его работа является откликом на высказанное ИРГО пожелание собрать сведения о разных народах, проживающих в России. Он заранее согласен с тем, что, если его записи не будут соответствовать правилам публикации, они подвергнутся редакторской правке. Одновременно он готов к дальнейшему сотрудничеству и высказывает желание прислать новые материалы. Но больше от него ничего не поступало. По-видимому, этому помешала его большая переводческая работа.

А.Е. Попов родился около 1816 г. в с. Богородск в семье священнослужителя местной Вишерской Богородской церкви[4]. Учился в Яренском духовном училище, в 1840 г. окончил Вологодскую духовную семинарию с званием студента, т.е. не был рукоположен в сан. В.И. Мартынов упоминает, что он некоторое время служил настоятелем Вишерской церкви, что противоречит данным П.А. Рукина, который пишет, что «*официальное служение его ограничилось преподавательской деятельностью в разных духовных училищах*», то есть вне церкви. В 1840 г. — учитель уездного духовного училища в Усть-Сысольске, позднее работал в Вологде и Яренске. Он с 1840 по 1853 гг. был преподавателем Вологодского духовного училища. В 1853 г. по собственному желанию был перемещен в г. Яренск, где и преподавал в местном духовном училище до своей кончины[5]. Вошел в историю культуры народа коми как крупнейший дореволюционный переводчик на коми язык светской и религиозной литературы[6]. Например, в 1842 г. он перевел и издал «Краткую священную историю на зырянском языке», в 1845-м — «Наставление, как уберечься от оспы, и прививка предохранительной оспы», в 1850-м —

---

[1] *Дилакторский П.А.* Опыт указателя литературы по Северному краю. Вологда, 1921.

[2] *Попов А.* Путевые заметки. Рукопись. 1847 // Архиве ИРГО. Раз. 53, оп. 1, № 9; *Он же.* Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // Вологодские ГВ. 1848. № 10–12; *Он же.* Мнение о происхождении зырян и очерк некоторых свойств их // Вологодские ГВ. 1848. № 23.

[3] *Попов А.Е.* Несколько поверий, примет и загадок Зырянского народа // Архиве ИРГО. Раз. 53, оп. 1, № 84.

[4] *Кострома И.* Попов А. Е. // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 364–365; *Мартынов В.И.* Попов Андрей Ефимович // Литераторы земли Коми. Сыктывкар, 2000. С. 139.

[5] *Шляпин В.П.* Яренско-Усть-Сысольское духовное училище: Несколько сведений, относящихся к истории училища // Вологодские ЕВ. 1900. № 7–8, 11, 13, 15, 17; 1901. №. 2, 3, 6, 9–12, 15; *Рукин П.А.* Злоключения одного из исследователей Зырянского края (Андрея Ефимовича Попова) // Изв. Вологод. общ-ва изучения Северного края. 1916. Вып. 4. С. 13–26

[6] *Никольский Н.В.* К истории зырянского языка // Изв. ОАИЭ. Казань, 1916. Т. 28. Вып. 6. С. 513–514.

«Полицейский и сельский судебный устав для государственных крестьян на русском и зырянском языках» и т.д.[1] Наряду с другими священнослужителями и учителями Усть-Сысольска по решению епископа Вологодского и Устюжского Феогноста принимал участие в обсуждении книги «Грамматика зырянского языка» ***П.И. Савваитова***[2]. Андрей Попов в 1843 г. выполнил перевод «Сокращенного Катехизиса» и подготовил русско-зырянский текст, но он не был издан, так как встретил возражения со стороны ***П.И. Савваитова***[3]. После получения первого отзыва П.И. Савваитова автор представил второй вариант перевода, который также не устроил рецензента[4]. Более благосклонное отношение к переводам А. Попова проявил академик ***А.И. Шегрен***, которому на рассмотрение были переданы его труды после холодного отзыва П.И. Савваитова. Однако и А.И. Шегрен высказал небольшие претензии, в первую очередь грамматического характера. В архиве академика сохранились текст перевода и несколько отзывов на него[5]. В 1861 г. А. Попов издает «Избранные места из книги Училища благочестия. Книга I», а в 1863 г. — «Избранные места из книги Училища благочестия на русском и зырянском языках с назидательными нравоучениями, приспособленными к понятиям зырян. Книга II». Перу Андрея Попова принадлежит также «Азбука для зырянского юношества, или легчайший способ зырянам научиться русской грамоте»[6].

В 1846 г. Андрей Попов обращается к преосвященному вологодскому Евлампию с запискою такого содержания: «*Преосвященнейший владыко, милостивейший отец и архипастырь! В наступающее каникулярное время, не предвидя здесь для себя никаких занятий, между тем всегда и преимущественно горя желанием по возможности знакомить своих соотечественников как с истинами религии, так и с благотворными началами просвещения, приемлю смелость сим всепокорнейше испрашивать у вашего преосвященства благословения архипастырского на поездку в Устьсысольский уезд до села Печоры. Побудительными причинами к настоящей моей поездке служат следующие обстоятельства: Во 1-х, мне как занимающемуся переводами книг на Зырянский язык для совершенства своих переводов и для ограждения оных от критиков не бесполезно знать главные наречия зырян со всеми видоизменениями произношений, что доселе преимущественно затруднило и затрудняет как переводчиков, так и рецензентов, и особенно последних, которые, не зная ни количества народа, разговаривающего известным наречием, не имея средства объяснять действительную или мнимую разность наречий, равно как не зная и основного зырянского, тем не менее, однако же, полагают препятствия трудам, истинно полезным. Во 2-х, важнейшею причиною к означенной поездке представляю то, что между зырянами Устьсысольского уезда, в приходах Керчемском Предтеченском и Печорском Троицком, более, нежели 4000 душ крестьян пребывает в каком-то жалком отношении к христианству, нося название старообрядцев. Не имея возможности обстоятельно с ними беседовать, я не берусь объяснять, как и отку-*

---

[1] *Доронин П.Г.* Социально-общественные деятели в Коми крае до Октябрьской революции (НАРК. Ф. Р–1346, оп. 1, № 41, л. 78).

[2] Донесения и замечания учителей Алексея и Андрея Поповых о сочинениях П.И. Савваитова «Грамматика зырянского языка» и словарях. Представлена епископу Вологодскому и Устюжскому Феогносту. 1855 (Рукописный отдел НРБ. F XVI-9, л. 56–73). Там же находятся и «Объяснения профессора П.И. Савваитова на отзыв учителей Поповых» (л. 75–90).

[3] *Савваитов П.И.* Рецензия на «Сокращенный Катехизис на русском и зырянском языках, составленный Андреем Поповым». Рукописный отдел НРБ. F XVIII–111, л. 91–95.

[4] *Савваитов П.И.* Черновики и беловики рецензий на работы Андрея Попова (Рукописный отдел НРБ. F XVIII–111, л. 95 об. — 100); Отрицательный отзыв П.И. Савваитова на его издание см.: *Никольский Н.В.* К истории зырянского языка… С. 517–521.

[5] Сокращенный катехизис, переведенный Андреем Поповым (Усть-Сысольск) на зырянский язык в 1843 г. // С.-Петерб. филиал архива АН. Ф. 94, оп. 1, № 22); Отзыв о переводах Андрея Попова академика Шегрена // С.-Петерб. филиал архива АН. Ф. 94, оп. 1, № 86, 95, 97–99.

[6] *Костромина И.Н.* Попов А.Е... С. 365.

да сей раскол проник в Зыряа, ниже того, к какой из известных в России сект они принадлежат. Но не менее того, по совести могу объяснить вашему преосвященству, что многие из них от рук строителей Таинств Божьих некоторые из таинств вовсе не приемлют. Это одно уже дает разуметь, как они жалки и нелепы в своих суждениях. Милостивейший архипастырь! Приняв во внимание все здесь объясненное и многое другое, касающееся до народа зырянского, благословите меня на означенное путешествие, и я, смею думать, что с помощью Божиею, при возносимой выну молитве вашего преосвященства к Великому Архиерею неба и земли о просвещении чад ваших, не бесполезно проведу предполагаемое время между зырянами».

Но сама поездка состоялась только в 1847 г. и вызвала небольшой скандал епархиального уровня. Благочинный Устьсысольского уезда, Подъельской Троицкой церкви, священник Константин Богородский обвинил его в «вызывающем поведении, требовании почестей, денег и т.д.». И хотя дело разрешилось в пользу Андрея Попова, оно доставило ему некоторые неприятности. Возможно, что именно во время этой поездки и были собраны материалы, представленные в ИРГО, так как в своем прошении Андрей Попов упоминает о программе Общества и своем желании подготовить отчет для нее[1].

В своем отчете владыке А.Е. Попов высказывает интересное мнение о распространении у коми старообрядчества, объясняя это невниманием к ним церковного руководства, малограмотностью местного священства[2].

И.Н. Костромина приписывает Андрею Попову работы, которые на самом деле сочинены ***Александром Поповым*** (об этом см. выше): хранящаяся в ИРГО рукопись подписана именем Александр. Вообще достаточно сложно разобраться с сохранившимися работами, подписанными фамилией Попов, так как это одна из широко распространенных в Коми крае фамилий. Соавтором рецензий А.Е. Попова на сочинения П.И. Савваитова был ***Алексей Иванович Попов*** (1815–1886), преподаватель Вологодской семинарии. Он родился в Усть-Сысольском уезде. В 1832–1838 гг. учился в Вологодской духовной семинарии, а в 1838–1842 гг. — в Московской духовной академии. С 1843 г., после отъезда П.И. Савваитова из Вологды, становится учителем коми языка в Вологодской семинарии. Он автор грамматики коми-зырянского языка. Выступал за введение обучения коми языка в коми-зырянских населенных пунктах, за активизацию использования коми литературного языка, переводов и издание книг на коми языке[3].

Из числа устьсысольских бытописателей, внесших значительный вклад в изучение краеведения, следует отметить отца и сына Е.В. и В.Е. Кичиных.

Евгений Васильевич Кичин (1818–?) был штатным смотрителем Усть-Сысольского духовного училища начиная с 1848 г.[4] П.Г. Доронин приводит другие даты — с 1840 по 1847 гг.[5]. С годами пребывания Е.В. Кичина в Усть-Сысольске некоторая неразбериха. Можно точно сказать, что в 1853–1854 гг. он служил в Усть-Сысольске. По данным Ф.И. Забоевой, Евгений Васильевич уехал из Усть-Сысольска в конце 1863 г. Но 1856 г. коллежский асессор Е.В. Кичин согласно «Справочной книге Вологодской губернии на 1856 г.» числится штатным смотрителем Вологодского уездного училища. Позже работал в Кадникове в местном уездном духовном училище. Состоял членом-корреспондентом Вологодского губернского статистического комитета. Был одним из немногих усть-

[1] *Рукин П.А.* Злоключения одного из исследователей Зырянского края…. С. 15–26.

[2] *Власова В.В.* Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар, 2010. С. 17.

[3] *Плосков И.А., Цыпанов Е.А.* Коми гижан культура панысьяс [Основатели коми литературной культуры. На коми языке]. Сыктывкар, 2002. С. 86–67.

[4] *Веселовские Ал. и Ал-др*. Вологжане-краеведы... С. 38.

[5] *Доронин П.Г.* Научно-исследовательские работы, принадлежащие членам-учредителям Усть-Сысольской общественной библиотеки // Нац. архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, ед. хр. 49, л. 4.

сысольских друзей основоположника коми литературы ***И.А. Куратова***[1]. Известен как историк Кадниковского и Тотемского уездов. Его перу принадлежат 25 историко-этнографических сочинений по истории Кадникова и его окрестностей. В Усть-Сысольске Е.В. Кичина также интересовала история местного края, в первую очередь г. Усть-Сысольска[2]. Активно сотрудничал с «Вологодскими губернскими ведомостями». Его небольшие заметки, содержащие большое количество деталей в области бытописания, представляют значительный интерес и в наши дни. В архиве ИРГО хранится рукопись его статьи «Заметки об Усть-Сысольске», датированная 1848 г.[3] Это одно из немногих сочинений, посвященное описанию быта городского коми населения и местного общества. С точки зрения этнографии интересна его статья «Братчина»[4].

Опубликовав библиографию Ивана Александровича Кускова, одного из основателей Российско-Американской компании, уроженца вологодского города Тотьмы, Е.В. Кичин стал одним из первых историографов Русской Америки[5].

Василий Евгеньевич Кичин родился в г. Усть-Сысольске в 1848 г. в семье учителя местного духовного училища ***Е.В. Кичина***. С 1863 г. по 1866 г. «*состоящий в XII классе*» В.Е. Кичин работал учителем истории, географии и смотрителем в Усть-Сысольском уездном училище. В 1867–1873 гг. преподавал в Вологде, а в 1873 г. вернулся в Усть-Сысольск, где до 1905 г. служил инспектором народных училищ Усть-Сысольского уезда и преподавал в городском училище и женской прогимназии, дослужившись до чина статского советника[6]. Был председателем уездного училищного совета, членом уездного отделения Стефано-Прокопьевского братства, которое занималась «борьбой с раскольниками». Состоял членом Вологодского губернского статистического комитета. Его учеником был ***К.Ф. Жаков***. Много сделал для расширения сети земских школ в уезде. В то же время он отрицательно относился к введению преподавания на коми языке. Но именно деятельность на ниве народного просвещения дала ему возможность изучить как Коми край, так и культуру ее жителей. Писатель-краевед ***Ф.А. Арсеньев*** отмечал, что он «*знакомился с зырянским языком и бытовыми потребностями туземного населения, чему свидетельством могут служить и литературные труды его*»[7]. В.Е. Кичин долгое время был корреспондентом «Вологодских губернских ведомостей», в которых был опубликован ряд его статей о Коми крае бытоописательного характера. Некоторые его публикации были подписаны псевдонимом «К.», «К-ин», среди них всречались заметки этнографического содержания[8]. В 1884 г. член Училищного совета В.Е. Кичин выступил на заседании местного земского собрания с инициативой устройства музея при

---

[1] Из воспоминаний учительницы Ф.И. Забоевой // Арт-Лад. 2004. № 2. С. 155.

[2] *Кичин Е.* Заметки о г. Усть-Сысольске // Северная Пчела. 1852. № 83, 84; *Он же.* Об основании г. Усть-Сысольска. // Вологодские ГВ. 1853. № 47–49; *Он же.* Корткерос. Зырянское селение // Северная Пчела. 1852. № 108; *Он же.* О поселениях новгородцев в зырянском крае // Вологодские ГВ. 1853. № 6.

[3] *Кичин Е.* Заметки об Усть-Сысольске // Архиве ИРГО. Раз. 7, оп. 1, № 61.

[4] *Кичин Е.* Братчина (зырянское обыкновение) // Вологодские ГВ. 1852. № 28.

[5] *Кичин Е.В.* Иван Александравич Кусков // Вологодские ГВ. 1845. № 8.

[6] *Веселовские Ал. и Ал-др*. Вологжане-краеведы… С. 38–40. *Мартынов В.И.* В.Е Кичин // Литераторы земли Коми: биобиблиограф. слов.-справ. Сыктывкар, 2000. С. 64.

[7] *Арсеньев Ф.А*. Об учреждении должности инспектора народных училищ в Усть-Сысольске…

[8] Например: *Кичин В.Е.* Нечто об Усть-Сысольске // Вологодские ГВ. 1865. № 34; *Он же.* Краткие статистические и этнографические сведения об Усть-Сысольском уезде // Вологодские ГВ. 1865. № 6; *Он же.* Поездка в Усть-Сысольск // Вологодские ГВ. 1866. № 6; *Он же.* В Зырянском крае. Размышления на краю обрыва // Вологодские ГВ. 1872. № 49; *Он же.* О зырянском крае // Изв. ИРГО по этнографическому отделению. 1875. Вып. 1; *Он же.* Город Усть-Сысольск 17, 18, 19 июня 1893 года // Вологодские ГВ. 1893. № 33; *Он же.* Воспоминания о праздновании в Усть-Сысольске в 1896 г. 500-летия со дня кончины св. Стефана Пермского — просветителя вычегодских и сысольских зырян // Вологодские ЕВ. 1908. №. 22. С. 503–511.

земской управе с помощью учителей уезда[1]. В.Е. Кичин был близко знаком с основоположником коми литературы ***И.А. Куратовым***, который в то время учительствовал в Усть-Сысольске. Именно В.Е. Кичину последний посвятил свою работу «Зырянский язык», опубликованную в «Вологодских губернских ведомостях».

Из устьсысольских учителей, подвизавшихся на ниве местной этнографии и краеведения, следует упомянуть также ***Федора Берга***. В 1854–1856 гг. он преподавал русский язык в Усть-Сысольском уездном училище, затем перевелся в Вятскую губернию. Его перу принадлежат несколько этнографических очерков, из которых один посвящен тщательному описанию современных прилузских коми, район обитания которых в то время относился к Вятской губ.[2] Преподавателем истории и географии Усть-Сысольского уездного училища в 1860–1862 гг. работал ***П.В. Кокшаров***. Позднее он служил в Вологде и занимался разбором документов по истории пермского письма. Ему принадлежат несколько работ, связанных с исследованием зырян[3].

Видным исследователем местной истории и этнографии середины XIX в. был ***Степан Егорьевич Мельников***[4]. О нем известно немного, но его литературное наследие велико. Он много печатался, велико его рукописное наследие, хранящееся в различных архивных хранилищах. Некоторые свои материалы он подписывал как чистопольский мещанин, что свидетельствует о том, что некоторое время он жил в г. Чистополе Казанской губ., где был зарегистрирован в сословии городских жителей. Что привело его на Север — неизвестно. П.Г. Доронин пишет, что С.Е. Мельников был купеческим приказчиком. В другой работе он указывает, что С.Е. Мельников в 1840–1850-х гг. долгое время проживал в Усть-Сысольске. По его данным, будучи студентом, он привлекался по делу С. Нечаева и находился под надзором полиции[5].

С.Е. Мельников хорошо знал Коми край, так как много путешествовал по региону по делам службы. Полученные в ходе поездок данные нередко становились основой для его рукописей и статей. Можно утверждать, что С.Е. Мельников знал коми язык. Следует упомянуть его статью об озере Синдор. В ней приводятся интересные сведения о рыболовстве у коми, а также ценный топонимический материал. Рукопись хранится в Российской национальной библиотеке[6]. К ним примыкает небольшая заметка о замечательных местах, находящихся в пределах Усть-Сысольского и Яренского у.[7]

Краеведческие интересы С.Е. Мельникова были достаточно широки. Он интересовался историей отдельных селений, церквей и монастырей и других достопримечательных мест Коми края, состоянием местных путей сообщения и торговлей[8]. За свои занятия цер-

---

[1] *Панюков А.* «Спецхран» культуры // Вестн. культуры Коми АССР. 1992. № 2. С. 73.

[2] *Берг Ф.* Заметки о зырянах // С.-Петерб. ведомости. 1859. № 42; *Он же.* Заметки о зырянах. // Вологодские ГВ. 1859. № 29; *Он же.* Зыряне. Этнографический очерк // Вятские ГВ. 1857. № 21, 26, 30, 39, 41; 1858. № 2, 5, 6; 1859. № 13, 14.

[3] *Кокшаров П.В.* Старинные русские и пермские названия месяцев // Вологодские ГВ. 1855. № 50; *Он же.* Из неизданных заметок о Зырянском крае // Вологодские ГВ. 1859. № 51; *Он же.* Две зырянские сказки // Вологодские ГВ. 1863. № 37; *Он же.* Прежняя сысольская ярмарка // Вологодские ГВ. 1864. № 3.

[4] *Веселовские Ал. и Ал-др.* Вологжане-краеведы... С. 61–62; *Плосков И.А.* С. Мельниковлӧн гижӧдъяс [Сочинения С. Мельникова] // Войвыв кодзув. 1996. № 1. С. 72–75.

[5] Цит. по: *Плосков И.А., Цыпанов Е.А.* Коми гижан культура… С. 88; *Доронин П.Г.* Научно-исследовательские работы… Л. 3.

[6] *Мельников С.* Селение Синдор и озеро того же имени в Яренском уезде // Вологодские ГВ. 1853. № 24. *Он же.* Путешествие в Синдор // Рукописный отдел РНБ. F-XVII–58, л. 72 об. — 77.

[7] *Мельников С.* Некоторые из замечательных мест Усть-Сысольского и Яренского уездов // Рукописный отдел РНБ. F-XVII–58, л. 78 об. — 79 об.

[8] *Мельников С.* Описание Спасской Ульяновской пустыни на р. Вычегде Вологодской губ. Усть-Сысольского уезда // Изв. Императорского Археологического общества. 1861. Т. 3. Вып. 2. С. 144–162; То же // Вологодские ЕВ. 1867. № 2. С. 43–57; То же // Вологодские ГВ. 1867. № 2, 3. (Рукопись статьи хранится в материалах П.И. Савваитова. F I–788, л. 311–

ковной историей был избран членом Усть-Сысольского уездного комитета Церковно-исторического и статистического описания Вологодской епархии.

С.Е. Мельников одним из первых в Коми крае начал заниматься археологическими изысканиями, за что был избран членом-корреспондентом Императорского Археологического общества[1]. Свои материалы (рукопись и коллекцию древних предметов) он в 1852 г. предоставил Археологическому обществу. Например, среди бумаг ***П.И. Савваитова*** сохранилось его письмо в РГО от 25 августа 1852 г. об отправке в Вологду археологических находок из с. Вотча. Там же имеется небольшая заметка о его археологических поисках в Яренском у.. В Императорское Археологическое общество он переслал свою работу «Зырянский пас» вместе с деревянным календарем[2].

Наиболее значительный вклад С.Е. Мельников внес в этнографическое изучение коми-зырян, опубликовав ряд интересных исследований[3]. По-видимому, С. Мельников был единственным исследователем, обратившим внимание на способ макияжа у коми женщин[4]. Одновременно С.Е. Мельников занимался сбором различных исторических материалов по Коми краю. Он посылал их в Императорскую Археографическую комиссию, о чем свидетельствует их переписка[5]. Сегодня его материалы составляют коллекцию 82 архива Санкт-Петербургского института истории (Яренская земская изба, 238 ед. хр.).

Следует подробно рассмотреть контакты С.Е. Мельникова с Русским географическим обществом, членом-корреспондентом которого он состоял[6]. В бумагах ***П.И. Савваитова***, которые хранятся в Российской национальной библиотеке, имеются отзывы на некоторые присланные С.Е. Мельниковым в РГО рукописи. 5 июня 1852 г. П.И. Савваитов по поводу представленных в общество чистопольским мещанином Е.С. Мельниковым «Материалов для зырянского языка» написал следующее:

320. Там же хранится рукопись «Краткое описание Иртовской Воскресенской церкви в Яренском уезде // F I–788, л. 322–327); Пути сообщения Усть-Сысольска с Вяткой // Вологодские ГВ. 1853. № 29; Сравнение старых цен с нынешними на меха пушных зверей в Усть-Сысольском уезде // Вологодские ГВ. 1852. № 8; То же // ЖМГИ. 1852. Т. 43. Отд. 4. С. 12–13; *Он же.* О ценах на разные предметы в Усть-Сысольске в XVII столетии и в настоящее время // Вологодские ГВ. 1852. № 32.

[1] *Мельников С.Е.* Археологические поиски в Яренском уезде // Записки Императорского Археологического общества. 1856. Т. 8 (Приложение). С. 121–124; *Королев К.С.* Археологические поиски усть-сысольского краеведа С.Е. Мельникова в середине XIX в. // Это нашей истории строки: материалы I Городской конференции по историческому краеведению. Сыктывкар, 1990. С. 5–7.

[2] *Мельников С.Е.* Об археологических открытиях, сделанных в Вологодской губернии. 1852. Рукопись // Архив ИИМК. Ф. 6, д. 193. Собрание предметов находится в Государственном Эрмитаже. *Он же.* Письмо в ИРГО // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 172 об.; *Он же.* Археологические поиски в Яренском у. Статья 1 // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 174 об. — 174 об.; *Он же.* Зырянский пас // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 185 об. — 188.

[3] *Мельников С.* Вечеринки и игрища в Усть-Сысольске [Вологодской губ.] // ЖС. 1898. Вып. 3–4. С. 480–481; *Он же.* Коляда в Усть-Сысольске [Вологодской губ.] // Там же. С. 481–482; *Он же.* Птица рык в Усть-Сысольском уезде и суеверие зырян // Вологодские ГВ. 1853. № 41; То же // Северная пчела. 1853. № 256; *Он же.* Разнообразная ловля оленей и предрассудок зырян // Вологодские ГВ. 1853. № 33; *Он же.* Зырянские бани // Вологодские ГВ. 1853. № 28; То же // Вестн. ИРГО. 1853. Ч. 7. Кн. 2. С. 39–40; *Он же.* Картины зырянского народного быта (Рукописный отдел РНБ. F-XVII–58, л. 82 об. — 89 об.)

[4] *Мельников С.Е.* Об искусственной чистоте и глянце лица девиц-зырянок // Рукописный отдел РНБ. F-XVII–58, л. 80 об. — 81.

[5] О доставлении мещанином Мельниковым старинных актов. 10 сентября 1852 — 25 октября 1855. 72 л. // С.-Петерб. филиал архива АН. Ф. 133, оп. 1, № 565; О рассмотрении старинных актов, доставленных в Императорское Русское географическое общество мещанином Мельниковым. 1853. 7 л. // С.-Петерб. филиал архива АН. Ф. 133, оп. 1, № 577.

[6] Материалы Стефана Егора Мельникова, члена Усть-Сысольского уездного комитета церковно-исторического и статистического описания Вологодской епархии, чистопольского мещанина, представленные в Императорское Русское географическое общество // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 168–247; F I–788, л. 311–328; F XVII–58, л. 72–101.

«*Зырянская азбука уже известна, зырянские пословицы и загадки, заметки о словах, употребляемые в игре зырянские мальчики, два заговора и две присказки могут быть хранимы до получения других сведений такого же рода. Впоследствии, когда запас таких сведений увеличится, можно будет воспользоваться ими для составления особенной этнографической статьи о зырянах. С.Е. Мельников заслуживает благодарности Общества за доставленные труды. В одном из своих отношений Мельников извещает, что им отыскан Лексикон славянских слов, переведенных на зырянский язык, и просит Общество выслать ему "для соображения и руководства при разысканиях" полную программу Общества. Не лишним считаю просить Мельникова о доставлении найденного им Лексикона, а в поощрение к дальнейшим занятиям выслать ему, сверх изданных Обществом программ, "Географические известия" и "Вестник РГО"*»[1]. Здесь же сохранилась маленькая заметка С.Е. Мельникова о том, что в хозяйстве у коми мало кур и петухов, яиц они не едят, а хранят их к Пасхе, так как они очень дороги[2].

На присланную им рукопись «Туныр Як, зырянский колдун и разбойник» П.И. Савваитов скептически замечает, чтобы «*он вместо сочинения зырянских повестей в стихах лучше записывал зырянские сказки и поверья на зырянском языке. Они были бы более ценными, чем его личные сочинения, ибо зырянский край очень мало известен*»[3]. Кстати, историки коми литературы не отмечают тот факт, что в середине XIX в. на коми языке пытался сочинять человек, для которого он не был родным. Среди подобных опытов С.Е. Мельникова можно назвать текст, озаглавленный им как зырянская сказка-быль «Лешакъяс, или Кедровые шишки», написанный в стихотворной форме[4]. В этом сочинении он использует некоторые коми-зырянские мотивы. Некоторые из его рукописей остались в Географическом обществе. Их можно объединить в несколько групп: 1) статьи историко-церковного характера[5]; 2) фольклор коми-зырян. Например, рукопись «Песни, предания, былины, сказки, пословицы и поговорки» содержит песни на лузском (лузско-летском по современной терминологии) диалекте, сказки о богатырях, 50 загадок и 50 пословиц и поговорок. В этой рукописи он отмечает, что *«в каждом зырянским уголке есть свои приятные и горькие воспоминания, свои предания, более или менее справедливые и замечательные*». В их числе детские прибаутки и считалки, тексты заговоров, поговорки, песни, сказки[6]. Интересна его заметка о прозвищах жителей Усть-Сысольского у.[7] Частично его фольклорные материалы приведены на коми языке[8]; 3) этнографические описания[9].

[1] Отзыв П.И. Савваитова на материалы чистопольского мещанина Мельникова // Рукописный отдел РНБ. F-XVII–70, л. 2–3.

[2] Отзыв П.И. Савваитова на статью С.Е. Мельников «О поверьях зырян» // Рукописный отдел РНБ. F-XVII–70, л. 4–5.

[3] Рукописный отдел РНБ. F-XVII–70, л. 6–7.

[4] Рукописный отдел РНБ. F-XVIII–111, л. 181–184 об.

[5] *Мельников С.* Воспоминание о Троицком монастыре на Вашке // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 172 об. — 176 об.; *Он же.* Краткое описание Калан-ской Ильинской церкви // Архив ИРГО. Раз. 7, оп. 1, № 5.

[6] *Мельников С.Е*. Песни, предания, былины, сказки, пословицы и поговорки. 23 стр. // Архив ИРГО.Раз. 53, оп. 1, № 85); *Он же.* Словарь русско-вотско-зырянский общеупотребительных слов // Архиве ИРГО. Раз. 63, оп. 1, № 6; *Он же.* Детские считалки с Печоры // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 169–169 об.; л. 189 об.; л. 202–203 об.; Там же. Л. 170 об. — 171 (сельскохозяйственные заговоры частично использованы автором в его статье о скотоводстве у зырян; Там же. Л. 194 об. — 200; Там же. Л. 171, 213 об. — 215; 190–190 об.; *Он же.* Мойд кыв-Йома Баба. (Зырянская сказка Баба-Яга). 4 л. // Архив ИРГО. Раз. 53, оп. 1, № 83); То же // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 216.

[7] *Мельников С.Е.* Заметка о прозвищах жителей Усть-Сысольского у. (Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 172 об. — 173).

[8] Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 170–171, 179–189 и т.д.

[9] *Мельников С*. Хозяйственные и этнографические сведения о зырянах // Рукописный отдел РНБ. F XVIII–111, л. 218–247. Здесь приводятся интересные сведения о суевериях у зырян, их вере в водяных и леших, домового, банного, праздновании престольных праздников и т.д.

Михайлов Михаил Иванович (1821–1853) родился в семье мелкого уездного судебного чиновника. Его отец — И.П. Михайлов — некоторое время был смотрителем уездной тюрьмы. В 1840 г. окончил Вологодскую духовную семинарию. Был учителем русского языка в Усть-Сысольском уездном училище в 1840–1853 гг. Скончался в Усть-Сысольске достаточно молодым. На это печальное событие откликнулись в Вологде обычным для того времени публичным объявлением: «*От Усть-Сысольского Сиротского суда объявляется, чтобы наследники, кредиторы и должники умершего учителя Усть-Сысольского уездного училища титулярного советника Михайла Иванова Михайлова явились в сей Суд, первые — с доказательствами на право наследия, вторые — с долговыми документами, а последние — с платежем денег*»[1].

В 1849 г. на основе собранных статистических и этнографических материалов в ходе поездки по северо-восточным районам Усть-Сысольског у. М.И. Михайлов публикует в «Вологодских губернских ведомостях» работу «Усть-Вымь». В 1851 г. она была опубликована в виде отдельной книги[2]. История создания этого сочинения известна со слов П.П. Ползунова: «*Так как педагогический персонал того времени не отличался развитием и даже простой грамотностью, то дирекция принимала меры к самообразованию учащихся и предлагала им заниматься сочинениями "для развития себя". При этом дирекция и давала темы для сочинений; была, между прочим, тема "Исторические памятники, предания и древние рукописи"*»[3]. М.И. Михайлов блестяще выполнил полученное от начальства задание — написал труд «Усть-Вымь».

Член-корреспондент РГО с 1852 г. Опубликовал серию этнографических работ[4]. В них он фактически описал культуру и быт коми-зырян середины XIX в. Единственный недостаток его краеведческой деятельности — разбросанность публикаций по многим периодическим изданиям. Именно статьи М.И. Михайлова послужили основной для источниковедческой базы книги ***К.А. Попова***. Последний, кстати, первым подверг критике работы М.И. Михайлова, в частности его книгу «Усть-Вымь». К.А. Попов отмечает, что труд М.И. Михайлова «*весьма объемистый*», но «*содержание далеко не соответствует объему монографии. Растянутость ее только вредит делу, и сильно вредит. Автор, видимо, желал, чтобы сочинение его составило целую большую книгу. Для достижения такой цели, он беспрестанно употребляет голая фразы и прибегает к повторениям; входит в рассуждения о предметах, к делу не относящихся, как, например, об отношениях Новгорода к Великим Князьям Московским, о покорении Вятки и Сибири т.п.*»[5] Далее рецензент отмечает, что, «*рассыпая фразы и ни на чем не основанные умозаключения, он чуть ли не на каждом шагу забывается, сам себе противо-*

---

[1] *Попов Вл.* Михайлов М.И. (Некролог) // Москвитянин. 1854. № 1 С. 74–76; *Веселовские Ал. и Ал-др.* Вологжане-краеведы... С. 66; *Мартынов В.И.* М.И. Михайлов // Мартынов В.И. Литераторы земли Коми… С. 113; Вологодские ГВ. 1853. № 19.

[2] *Михайлов М.И.* Усть-Вымь // Вологодские ГВ. 1850. № 1–14, 16. 17, 19-22, 25, 27, 28, 30, 32, 34, 35, 38–42, 44, 45, 46, 49, 50, 52; То же // Описание Усть-Выми. Вологда, 1851; *Он же.* Достопримечательности Усть-Выми // Вологодские ГВ. 1851. № 17, 44; *Он же.* Усть-Вымь. Вологда. 1851.

[3] *Ползунов П.П.* История Усть-Сысольского городского училища. Усть-Сысольск, 1912. С. 93, 97, 106.

[4] *Михайлов М.И.* Небдинская ярмарка в Усть-Сысольском уезде и несколько слов об ижемцах и самоедах // Вологодские ГВ. 1846. № 4; *Он же.* Заметки о зырянах // Москвитянин. 1849. № 16. Кн. 2. С. 116–131; *Он же.* Зыряне // Москвитянин. 1851. № 10. Кн. 1, 2. С. 33–39; *Он же.* Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уезда Вологодской губ. // ЖМВД. 1851. Т. 34. № 4. С. 69–98; *Он же.* О земледелии и скотоводстве у зырян Усть-Сысольского уезда // Вологодские ГВ. 1852. № 33, 34; То же // ЖМВД. 1851. Т. 35. №. 9. С. 349–360; *Он же.* Физические и нравственные свойства зырян // ЖМВД. 1852. № 1. С. 45–46; То же // Архангельские ГВ. 1852. № 20, 21; То же // Вологодские ГВ. 1853. № 17–19; То же // Журнал для чтения. 1852. № 401. С. 59–83; *Он же.* Домашний и семейный быт зырян // ЖМВД. 1852. № 3–4. С. 319–336; То же // Архангельские ГВ. 1852. № 22, 23.

[5] *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край... С. 21.

речит и иногда с иронией и упреками пространно опровергает собственные положения, как чужие». С этим положением мы можем согласиться (об этом см. ниже). По мнению К.А. Попова, это произошло потому, что, постоянно ссылаясь на Н.М. Карамзина и другие общеизвестные и доступные сочинения, он не указывает их полного названия и страницы. «*Поэтому мы, излагая историю Зырянского края, хотя и будем иметь в виду труды г. Михайлова, так как в них все-таки заключаются некоторые интересные данные, но не иначе, как каждый раз подвергая их тщательной критике*»[1]. Ознакомившись с мнением К.А. Попова о трудах М.И. Михайлова, мы не должны забывать, что книга первого выходит почти через 20 лет после работ М.И. Михайлова. За это время изменилась источниковедческая база, увеличилось количество исторических сочинений и публикаций документов о Русском Севере и Коми крае, поэтому К.А. Попов мог оперировать бóльшим количеством сведений.

Позднее историческую часть «Усть-Выми» серьезной критике подверг ***А.М. Мартюшев***. Во-первых, он поставил под сомнение источниковедческую базу труда М.И. Михайлова. Последний пишет, что он «*пользовался местными рукописями, тем более достоверными, что оне написаны были туземцами и основывались на свежих народных преданиях*». Именно гипотеческие источники, которых М. Михайлов не называет, а А.М. Мартюшев не знает, становятся основой для критических размышлений последнего[2]. Далее он приводит ряд несоответствий в описании некоторых известных исторических событий. Вердикт исследователя категоричен: «*…автор "Усть-Выми" перепутал все исторические события и совершенно не знал географических названий Коми края*»[3]. Мнение А.М. Мартюшева в какой-то степени перекликается с высказываниями К.А. Попова.

После публикации статьи А.М. Мартюшева появляется работа ***Чожмӧра* (*С.А. Попова*)** «В поисках исторической правды» с критикой высказываний М.И. Михайлова. В некторых моментах С.А. Попов соглашается с А.М. Мартюшевым, говоря, «*что злоупотребление литературным стилем, обширными литературными и субъективными отступлениями, догадками, возводимыми на степень достоверных фактов, — все это сильно уменьшает значение, и обширные отступления становятся порой наивными по рассуждению, что заставляет квалифицировать их словами т. Мартюшева "детским лепетом". Но, отбросив в сторону эти недостатки, мы будем иметь в распоряжении Михайлова обширный исторический материал, который им проработан*»[4]. Для доказательства последнего Чожмӧр (С.А. Попов) проводит тщательный историографический обзор, выявляя источниковедческую базу М.И. Михайлова, подтверждая использование последним некоторых рукописей и прослеживая их судьбу. В это время Чожмӧр (С.А. Попов) по заданию Общества изучения Коми края проводил поиск историко-этнографических материалов, хранящихся в Москве и Ленинграде[5].

В архиве Географического общества хранятся две рукописи М.И. Михайлова. Одна из них озаглавлена «Заметки о зырянах» и имеет помету: «1846 год. Усть-Сысольск»[6]. Несмотря на то, что в ней должно содержаться 190 страниц, в действительности их меньше: она состоит из отдельных тетрадей, их которых отсутствуют № 6, 7, 8 и заключение. Позднее рукопись подверглась редакционной

[1] *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край... С. 22.

[2] *Мартюшев А.М.* Коми народ как объект Московской завоевательной политики в XIV–XVI веках // Зап. Общества изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1928. Вып. 1. С. 58–59.

[3] Там же. С. 67.

[4] *Чожмӧр (С.А. Попов).* В поисках исторической правды // Зап. Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 1929. Вып. 3. С. 21–31.

[5] *Попов С.А.* Результаты работ по выявлению исторических документов о коми в Ленинграде и Москве // Зап. Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 1930. Вып. 5. С. 85–113.

[6] *Михайлов М.* Заметки о зырянах. Рукопись. 1846. // Архив ИРГО. Раз. 53, оп. 1, № 8.

правке ***Г.С. Лыткина***, он повсеместно переправил «зырян» на «пермяков». Работа в таком виде не была опубликована и частично вошла в различные публикации М.И. Михайлова. На основании имеющегося в распоряжении материала можно сделать два вывода: во-первых, М.И. Михайлов скептически относился к зырянам, считая их «*отсталым некультурным народом*» и давая им отрицательную характеристику[1]. Однако здесь он противоречит себе, отмечая далее их мужество, сметливость, прилежание и т.д. Во-вторых, он первым из исследователей отмечает, что зырянская культура очень разнообразна, что обычаи и обряды одного уровня в разных селах часто различаются.

Не потеряла своего научного значения другая рукопись М.И. Михайлова, посвященная описанию свадьбы. Это первая работа подобного рода, раскрывающая обряды коми-зырян[2]. До недавнего времени считалось, что именно М.И. Михайлов первым опубликовал на русском языке знаменитую коми легенду «Яг-Морт» («Лесной человек»), которая сыграла важную роль в становлении культуры народа коми. В настоящее время известно, что ее публикатором был архангельский краевед ***Ф.М. Истомин***[3].

Отмечая значение работ М.И. Михайлова для коми этнографии, следует сделать одно замечание. Автор, прожив сознательную жизнь в Коми крае, зная и понимая коми язык, о чем говорят его записи фольклора, в ряде его публикаций демонстрирует отрицательное отношение к описываемому народу. Например: «*Нравы зырян носят на себе печать грубого невежества, и мало продвинулись от первобытного состояния. <…> Зыряне добродушны, искренни и откровенны между собой, но скрытны, мстительны и недоверчивы к тем, кто выше их по уму и степени образования, не говоря о русских, которые мало пользуются их приязнью, самые туземцы, бывалые и видевши свет, воротившись домой, много теряют в глазах собратьев и не вдруг сыскивают их прежнее расположение*»[4]. Его взгляды не всегда согласуются с мнением других исследователей народов коми.

Одновременно в Усть-Сысольске работала группа местных исследователей, которая не относилась к губернским или центральным учреждениям, а занималась краеведческими исследованиями, удовлетворяя совй интерес, и помогала другим исследователям. Из числа таких знатоков местного края следует указать ***А.А.* и *В.А. Куратовых***, братьев основоположника коми литературы ***И.А. Куратова***.

Они родились в деревне Кибра (ныне — Куратово) Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в семье священнослужителя[5]. Оба брата по традиции закончили Вологодскую духовную семинарию и позднее служили приходскими священниками. Одновременно занимались переводами на коми язык книг духовного содержания (например, «Краткой священной истории»), читали проповеди на коми языке. За свои труды ***Афанасию Алексеевичу Куратову*** (1831–1886) в 1860 г. была высказана благодарность от Императорского Вольного экономического общества, а в 1864 г. — от епархиального начальства, хотя большинство его переводов так и не было опубликовано. Более сложной была судьба ***Василия Алексеевича Куратова*** (1820–1862). Он окончил Вологодскую духовную семинарию, служил священником Троицкой церкви в с. Визинга[6]. По свидетельству А.Н. Федоровой, «*это был человек образованный, с разносторонними интересами, занимался сбором произведений устного творчества своего народа, пытался создать грамматику коми языка, писал стихи*»[7]. За свои полемические

---

[1] *Михайлов М.* Заметки о зырянах... Л. 15–16.

[2] *Михайлов М.* Свадебные обычаи зырян. 1851 // Архив ИРГО. Раз. 53, оп. 1, № 81.

[3] *Панюков А.* «Яг-Морт» предание гижысь — М.И. Михайлов… С. 58–62.

[4] *Михайлов М.* Физические и нравственные свойства зырян // Вологодские ГВ. 1853. № 17–19.

[5] *Малыхина А.Г.* Родословное дерево Куратовского рода. Сыктывкар, 1997.

[6] *Федорова А.Н.* И.А. Куратов. Сыктывкар, 1975. С. 7.

[7] *Федорова А.Н.* Иван Куратов в Усть-Сысольске //

сочинения «Апология» был отстранен от должности и на некоторое время сослан в один из Велико-Устюжских монастырей. По сведениям А.Н. Федоровой, этому предшествовал запрос Вологодской консистории о том, «*не существует ли в Зырянском крае какое-то братство или потаенное скопище людей*». После возвращения сана ему запретили проповедовать на родине, и он служил священником Шатеневской церкви в Никольском уезде Вологодской губернии. До нас дошли тексты «Причитаний невесты», напечатанные анонимно ***П.И. Савваитовым*** в своей «Зырянской грамматике»**.** На то, что В.А. Куратов является автором этого собрания, стало известно благодаря его брату, ***И.А. Куратову*** [1].

Следует отметить сочинение «Медико-топография Усть-Сысолького уезда Вологодской губернии» ***Держевецкого Александра Игнатьевича*** (1837–1885), врача и краеведа[2]. Эта работа написана на пересечении двух наук — медицины и краеведения. В течение семи лет начиная с 1858 г. он работал в Усть-Сысольске в качестве уездного и городового врача и поэтому достаточно много путешествовал по уезду. В это время он собирал материалы по медицинской статистике уезда и одновременно по культуре и быту коми-зырян. Он писал о коми: «*Это народ умный, общественный, способный к восприятию просвещения».* Как врач, он обращал особое внимание на народную медицину, которая, по его мнению, *«богата и своими средствами, и своими деятелями, конкурировать с которыми нелегко*».

В его книге представлены сведения о географии, климате, флоре и фауне Коми края, демографические данные. А.И. Держевецкий высказывает мысль о происхождении коми-зырян от «чуди заволоцкой». Имеются сведения о чудских могилах, описание физических и нравственных свойств народа, обычаев и обрядов, жилища, пищи и т.д. Описывая семейную жизнь коми, он отмечает, что она «*представляет более отрадную картину, чем у русских бедных землевладельцев*». Кроме того, А.И. Держевецкий считал, что на нравственные устои зырян большое положительное влияние оказывало ранее трудовое воспитание детей. В своих исследованиях он поднимает проблему наличие в Коми крае большого количества незаконнорожденных детей, соотношение которых он определяет как 1:14[3]. Этот феномен автор связывает с присутствием в крае большого числа раскольников, которые считали церковный брак недозволенным обрядом и не венчались в церкви. А местные власти рассматривали детей, рожденных в невенчанном браке, незаконными.

В 1872 г. в Петербурге А.И. Держевецкий защитил работу «Медико-топография Усть-Сысолького уезда Вологодской губернии» в качестве диссертационного сочинения. И хотя его книга написана профессиональным медиком, она до настоящего времени остается практически единственным источником по народной медицине коми.

4.6.3. Политические ссыльные как исследователи этнографии народов коми

Особое место в исследовании традиционной культуры народов коми принадлежит политическим ссыльным. Территория, населенная коми, достаточно давно стала использоваться правительством как место, куда ссылали из столицы и других промышленно развитых городов центральных губерний определенные категории лиц на различный срок. Правительство использовало ссылку как средство изоляции, отстранения от государственной или общественной деятельности некоторых граждан. «Ссыльная» история в Коми крае неоднократно оказывалась в сфере интересов исследователей[4].

Куратовские чтения. Сыктывкар, 1976. Т. 2. С. 39.

[1] *Тираспольский Г.* Куратов В.А. // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 204–205.

[2] *Держевецкий А.И.* Медико-топография Усть-Сысолького уезда Вологодской губернии. [Б.м.], 1872.

[3] Там же. С. 72–73.

[4] См., например: *Расин Б.* Тюрьма без решеток: из истории царской ссылки. Сыктывкар, 1966; *Раевская Т.П.* Под гласным надзором полиции: ссыльные

Политические ссыльные в Коми крае появляются в XIX столетии. Многие из них воспринимали пребывание здесь как временную меру и не предпринимали действий к изменению своего статуса, то есть не стремились включиться в хозяйственную жизнь местного края. Их удел — просветительская деятельность. Ссыльные занимались преподаванием, оказанием медицинской помощи, содействовали распространению среди местного населения ремесел, создавали библиотеки и т.д. Для некоторых из них краеведческая работа становилась своеобразной отдушиной, которая позволяла выжить в этой сложной ситуации[1]. В частности, это отмечал один из первых историографов краеведения Вологодчины И.К. Степановский, писавший, что «*значительное оживление в местную интеллектуальную жизнь вносил особый разряд пришлых людей: Вологодская губ. была издавна местом ссылки… а с Польского восстания за ней укрепилась привилегия некоторых других областей — она стала губернией ссылки. И вот из рядов ссылаемых сюда людей появились люди, расшевелившие спящие в массах косного и малоразвитого населения умственные запросы и стремления к знаниям вообще, что… должно было отразиться и в деле изучения края*»[2]. Причем основное внимание уделялось прикладным, а не фундаментальным наукам. Ссыльные изучали местный язык, культуру, быт окружающего населения. Часто они становились участниками научных экспедиций, в этот северный край, позднее принимали участие в земском и кооперативном движении, активно занимались статистикой и т.д. Начало этому направлению деятельности положил ***Н. И. Надеждин***. Из других известных русских деятелей можно вспомнить ***А. Ф. Ишимову***, которая прожила в Усть-Сысольске вместе с сосланным отцом. Среди исследователей начала XX века следует упомянуть ***В.А. Русанова***, ***С.В. Мартынова***, ***Н.Н. Мамадышского, А.М. Ремизова*** и др.

Владимир Александрович Русанов (1875–1913) — русский арктический исследователь, геолог. Родился в г. Орле в семье купца второй гильдии. В 1889–1891 гг. учился в Орловской гимназии, а в 1891–1897 г. — в Орловской духовной семинарии. В 1897/98 учебном году состоял вольнослушателем есте-

---

большевики в Коми крае. Сыктывкар, 1974; *Мацук М.А.* Политическая ссылка на Европейском Севере в XVII веке // Вестн. культуры Коми АССР. 1990. № 1; *Чупров В.И.* Политическая ссылка в Коми крае в начале XX века (1900–1917 гг.). Сыктывкар, 1974. (Сер. препринтов «Научные доклады Коми филиала АН СССР». Вып. 12); *Рощевская Л.П.* Ссыльные Усть-Сысольска в 1862–1863 гг. // Это нашей истории строки: материалы I Городской конференции по историческому краеведению. Сыктывкар, 1990. С. 8–18; *Она же.* Вклад политических ссыльных XIX в. в развитие коми краеведения // Вестн. культуры Коми АССР. 1990. № 1. С. 48–49; *Она же.* Вклад ссыльных революционеров второй половины XIX века в развитие культуры Европейского Севера // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации: тез. докл. Архангельск, 1991. С. 186–187; *Она же.* Политические ссыльные на Европейском Севере во второй половине XIX века // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Сыктывкар, 1992. С. 47–48; *Она же.* Политическая ссылка на Европейском Севере в системе карательных мер России XIX века // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): тез. докл. Сыктывкар, 1993. С. 76–79; *Она же.* Ссыльные и коми краеведение // Родники Пармы. Сыктывкар, 1993. Вып. 3. С. 162–168; *Она же.* Этапы политической ссылки в Коми край в XVI — начале XX веков // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми. Сыктывкар, 1997. С. 106–109; *Она же.* Политическая ссылка // Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997. С. 44–46.

[1] *Супрун М.Н.* Политическая ссылка и изучение Европейского Севера России в конце XIX — начале XX века. (Тр. Коми научного центра АН СССР. № 112). Сыктывкар, 1989. С. 111–113; *Рощевская Л.П.* Роль ссыльных революционеров в развитии книжной культуры на Европейском Севере // Европейский Север: история и современность: тез. докл. Петрозаводск, 1990. С. 38–39; *Она же.* Вклад ссыльных революционеров второй половины XIX века в развитие культуры Европейского Севера // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации. С. 156–157; *Она же.* Политические ссыльные на Европейском Севере во второй половине XIX века // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Сыктывкар, 1992. С. 47–48; *Она же.* Ссыльные и коми краеведение // Родники Пармы. Сыктывкар, 1993. С. 162–168.

[2] *Степановский И.К.* Вологодский край. Страницы из истории североведения. Вологда, 1923. С. 16.

ственного факультета Университета св. Владимира в Киеве, ибо окончившие духовную семинарию не могли поступать в университет[1]. В 1897 г. был задержан в Киеве по делу Киевского рабочего союза и участие в студенческой забастовке, после чего его этапировали в столицу, где он содержался в тюрьме несколько месяцев. Ранее, еще в гимназии, он попал в поле зрения полиции как участник одного из революционных кружков, за что был исключен из гимназии и вынужден поступить в семинарию. Во время обучения в семинарии, в 1894 г., привлекался за участие в первом орловском марксистском кружке. После освобождения отправлен на родину, в Орел, под надзор местной полиции. Там неоднократно арестовывался «*за принадлежность к подпольному кружку, ведение устной пропаганды и передаче нелегальной литературы*». По мнению В. Корякина, В.А. Русанов не был крупным деятелем русского революционного подполья. Скорее его противоправная деятельность отражала позицию представителей разночинной интеллигенции того времени, которая отрицательно относилась к существующим порядкам. Его т.н. революционная деятельность была не более чем стихийным протестом против российской монархии. С этим мнением не согласен В. Пасецкий, который на основе архивных документов и воспоминаний участников революционного движения показывает, что В.А. Русанов сознательно и активно участвовал в этом движении. 30 января 1900 г. В.А. Русанов был арестован в третий раз. 26 июня 1901 г. «*на основе Высочайшего повеления, последовавшего в 31 дня мая 1901, в разрешение дознания по обвинению в государственном преступлении, он, Русанов, подлежит высылке в Вологодскую губернию под надзор полиции на 2 года, считая срок с 31 мая 1901 г.*»[2]

Так В.А. Русанов попал в Вологду, где занялся самообразованием. В то время там находилась большая группа сосланных революционеров, в числе которых был знаменитый террорист, эсер и писатель Борис Савинков, самобытный русский писатель ***Алексей Ремизов***, А.В. Луначарский, А.А. Богданов и др. Как вспоминал А.В. Луначарский, «*колония <…> была очень многочисленная и жила интенсивной, общественной и умственной жизнью*»[3]. В.А. Русанов обращается к вологодскому губернатору с просьбой разрешить уехать в Харбин, где бы он мог работать и содержать семью. Но «*в виду тенденции к рабочей пропаганде едва ли желательно пускать в Маньчжурию, где масса железнодорожных рабочих*» ему было отказано. Именно в это время он получает приглашение поработать в Усть-Сысольске. Губернское земство предложило ему место статистика в Усть-Сысольской земской управе. Вологодский губернатор обращается в Департамент полиции «*с ходатайством о разрешении ему поездки в Усть-Сысольский у. для статистических работ, предпринимаемых уездным земством*». По мнению губернатора, «*уезд малонаселен, а население, состоящее из зырян, не знающих русского языка, представляет из себя среду, мало пригодную для противоправительственной пропаганды*». Весной 1902 г. В.А. Русанов был переведен в г. Усть-Сысольск, где в 1902–1903 гг. работал статистиком Усть-Сысольской уездной земской управы, куда был принят заведующим статистического управления ***В.Ф. Поповым***. За этот период, преследуя цель сбора статистического материала, он совершил несколько поездок по Коми краю. Результаты этих исследований превзошли все ожидания: они дали не только огромный статистический материал, но и послужили делу изучения экономического уклада местного крестьянства и собирания этнографического материала. Во время экспедиции 1902 г. В.А. Русанов в районе р. Седъю сделал археологическое откры-

[1] *Островский Б.Г.* Безвременно ушедшие. Л., 1934; *Пасецкий В.* Отогревшие землю. М., 1971; *Белов М.И.* К 100-летию со дня рождения В.А. Русанова // Летопись Севера. 1977. С. 122–123; *Корякин В.* Владимир Александрович Русанов. М., 1987; *Он же.* Русанов. М., 2005.

[2] *Пасецкий В.* Отогревшие землю… С. 23–27, 29–38, 41.

[3] *Луначарский А.В.* Из вологодских воспоминаний // Север. 1923. Кн. 2. С. 1.

тие, обнаружив там большую пещеру с кремневыми наконечниками и предметами эпохи бронзы. Собранный материал был передан им в музей Вологодского общества изучения Северного края. Он принял участие в работе партии по подготовке переселенческих участков под начальством ***Л.Н. Рума*** на Верхней Вычегде. Основываясь на этих данных, позднее В.А. Русанов напишет монографию «Зыряне», в которой большое место отведено описанию промысловых артелей, существовавших у коми на рубеже XIX–XX вв. Первый раз она была издана в Париже, куда автор эмигрировал в 1903 г. после ссылки[1]. В ней, кроме обобщения материалов наблюдений, В.А. Русанов предлагает широкую программу экономического, политического и национально-культурного развития Коми края. В этой работе он большое место уделяет анализу экономической жизни зырян. Исследователь отмечает большое влияние на жизнь местного населения отхожих промыслов, лесозаготовки и разработки брусяного камня и постепенный отход от таких традиционных форм хозяйства, как охота и земледелие. По его мнению, эти нововведения *«отрывают зырян от их обычных занятий <…> создают новые и разнообразные потребности, производя решительную революцию в рутинных привычках и традиционных понятиях зырян»*. Кроме того, в его работе изображаются конфликты местного населения с приказчиками различных купеческих компаний, притесняющих их. В.А. Русанов пытался найти в местной жизни элементы «*начинающегося организовываться труда, единения зырянского населения»,* что показывает достаточное тесное знакомство автора с экономической теорией марксизма и возможность применения ее положений в таком далеком районе, как Печорский Север. Он преувеличил влияние рабочих нескольких небольших предприятий Коми края на развитие местного общества, заявляя, что «*зырянские рабочие, как и пролетарии всего мира, в нужный момент готовы действовать единодушно, организованно и решительно*»[2].

Исследователь выдвинул проект соединения Коми края с Уралом через верховья Печоры по волокам на Каму. Этот путь был давно известен местным жителям и активно использовался чердынскими купцами[3]. В архиве Русского географического общества хранится рукопись В.А. Русанова «Несколько слов о зырянах», которая являлась, по всей видимости, подготовительным вариантом опубликованной позднее монографии[4]. Основная тема, которая оказалась в поле зрения автора и зафиксирована в рукописи, — зырянская промысловая артель, в первую очередь охотничья, ее сущность и разнообразие. Большое место уделено описанию земледелия и рыболовства как основам комплексного хозяйства коми. В.А. Русанов также описывает народные технологии строительства. Подробно изображены лесозаготовка и брусяной промысел. Кроме того, В.А. Русанов принимал участие в изыскательских работах по устройству путей в регионе[5].

После завершения ссылки весной 1903 г. ему было запрещено на пять лет «*жительство в столицах и столичных губерниях*», поэтому осенью того же года он выезжает за границу с целью получения образования. В.А. Русанов едет в Париж, где становится студентом Сорбонны. Он изучает геологию, палеонтологию, другие естественные науки. С 1907 г. В.А. Русанов активно занимается исследованием Новой Земли. В 1908–1909 гг. — участник, а в 1910–1911 гг. — начальник экспедиции по изучению Новой Земли. Первый исследователь, который пешком пересек остров Северный и на моторно-парусных судах обошел вокруг Новой Земли. В 1912 г. возглавил экспедицию на боте «Геркулес» по обследованию угленосных районов Шпицбер-

[1] *Русанов В.А*. Зыряне. Париж, 1907; То же // Русанов В.А. Статьи, лекции, письма. М.; Л., 1954.

[2] *Русанов В.А.* Статьи… С. 354, 357. .

[3] *Русанов В.А*. Об изыскании водного пути из реки Печоры в Волжский бассейн. Вологда, 1904.

[4] *Русанов В.А.* Несколько слов о зырянах // Архив ИРГО. Раз. IV, оп. 1, № 897.

[5] *Русанов В.А*. Об изыскании водного пути из реки Печоры в Волжский бассейн. Вологда, 1904.

гена; затем отправился в плавание вокруг мыса Желания и пропал без вести со всем экипажем (время и обстоятельства гибели экспедиции остались невыясненными)[1]. В 1934 г. на островах у западного побережья Таймыра были обнаружены деревянный столб с надписью «Геркулес 1913» и некоторые личные вещи участников экспедиции.

Позднее активное участие в исследовании коми населения Печорского уезда принял ***Н.Н. Мамадышский***. В составе экспедиции А.В. Журавского им было впервые выполнено историко-социологическое обследование бассейна р. Усы.

4.7. Изучение этнографии народов коми в Тобольске

Центром краеведческой работы в Тобольске был губернский музей, основанный в 1870 г. Тобольским губернским статистическим комитетом и местными знатоками истории и природы края. Он существовал на общественных началах при местном Губернском статистическом комитете. Музей много сделал для изучения природы и населения местного края. Он организовывал специальные исследовательские экспедиции, проводил выставки, собирал естественно-исторические и этнографо-археологические коллекции, издавал «Ежегодник Тобольского губернского музея» — периодическое издание, в котором, кроме хроники деятельности музея, публиковались работы по проблемам естественных наук, торговли, промышленности, истории, антропологии и этнографии местного края, в том числе и по коми-зырянам, проживающим на севере Тобольского края.[2] С ним сотрудничали большинство местных краеведов, среди которых можно отметить ***Н.Л. Скалозубова***, ***В.В. Бартенева***, ***И.Н. Щухова***, в творчестве которых прозвучала коми-зырянская тематика.

Скалозубов (Сколозубов) Николай Лукич (1861–1915) — русский общественный деятель, агроном, краевед, основатель селекционного дела в Сибири, один из известных провинциальных этнографов конца XIX — начала XX в. Родился в г. Костроме, где учился в реальном училище. В 1885 г. окончил Петровскую сельскохозяйственную академию, ученик К.А. Тимирязева. Работал земским статистиком в Красноуфимском уезде, позднее — заведующим отделом текущей статистики Пермского губернского земства. Его работы по статистике местного края пользовались заслуженным уважением со стороны исследователей экономической жизни России.

С 1894 по 1906 г. Н.Л. Скалозубов работал правительственным агрономом Тобольской губернии. Им была создана система агрономической службы, сыгравшая большую роль в развитии сельского хозяйства Западной Сибири. За организацию и участие в крестьянском съезде в 1906 г. в Тобольске, где были выдвинуты политические требования, был уволен с должности и сослан в г. Березов[3]. Депутат II и III государственных дум, по своим политическим убеждениям примыкал к «трудовикам». Работал в бюджетной и аграрной комиссиях[4]. Выступал с резкой критикой аграрной и переселенческой политики царского правительства. В качестве председателя специальной думской комиссии расследовал деятельность экспедиции ***П.И. Соколова*** и критиковал методологическую основу проведения исследований**.** Именно Н.Л. Скалозубов спас от смертной казни известного революционера М.В. Фрунзе, организовав протестную акцию среди депутатов Думы.

---

[1] Под небом всех широт. Сборник очерков о русских путешествиях. М., 1961. С. 482–488.

[2] *Трофимова В.И.* Тобольскому государственному историко-архитектурному музею-заповеднику 100 лет: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобол. Гос. ист.-архитект. музея-заповедника. Свердловск, 1975. С. 4–15; *Надточий Ю.С.* Тобольский музей-заповедник. Свердловск, 1988.

[3] О политической деятельности Н.Л. Скалозубова см.: *Копылов Д., Прибыльский Ю.* Тобольск. Свердловск, 1969. С. 124–125, 140–141; *Надточий Ю.С.* Тобольский музей-заповедник… С. 90–92.

[4] *Родионов Ю.П.* Сибирские депутаты во II Государственной думе // По страницам российской истории. Омск, 1996. С. 50–57.

После завершения депутатской деятельности во II Государственной думе Н.Л. Скалозубов занимался устройством селекционной работы в Западной Сибири. На созданной им под г. Курганом опытной станции было выведено несколько сортов пшеницы, которые высоко оценил Н.И. Вавилов. Умер от сыпного тифа[1].

Во время жизни в Тобольске тесно сотрудничал с Тобольским губернским музеем. Изучал культуру и быт народов Тобольского Севера. К этнографии Н.Л. Скалозубов приобщился еще на Урале, когда в сферу его исследовательских интересов попали башкиры[2]. По мнению В.М. Суринова, ему был свойствен гуманизм, бережное отношение к культуре исследуемого народа, чужд шовинизм. Л.Н Скалозубов верил в жизнеспособность национальных меньшинств, стремился выявить их вклад в развитие общечеловеческой культуры[3]. Во время пребывания на посту консерватора (музейного хранителя) Тобольского губернского музея в 1894–1903 гг. впервые подвел под деятельность последнего научную основу[4]. 11 лет был редактором «Ежегодника Тобольского губернского музея», в котором опубликовал ряд статей различного содержания[5].

Во время работы в Тобольской губернии Н.Л. Скалозубов изучал состояние земледелия, рыболовства, маслоделия и других отраслей хозяйства местного населения. Активно собирал ботанические материалы, что входило в круг его профессиональных обязанностей. Академик И.П. Бородин считал его «*одним из усерднейших собирателей флоры Тобольской губернии*»[6]. Особенно велика роль Н.Л. Скалозубова в изучении и собирании материалов о сельском хозяйстве и кустарных промыслах в губернии[7]. В 1895 г. он предпринимает первую попытку классификации существующих в губернии кустарных промыслов[8]. В описании он расположил материал по уездам, отметил населенные пункты, распространенные в них промыслы, численность занимающихся крестьян и, что особенно ценно, приложил алфавитный и предметный указатели промыслов. Провел большую работу по организации этнографического отдела. Н.Л. Скалозубовым была проведена каталогизация собранных коллекций, он постоянно привозил из поездок предметы по традиционной культуре и быту народов, обитающих на территории губернии[9]. Был членом Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, Уральского общества любителей естествознания.

Коми-зыряне впервые оказались в сфере его научных интересов в 1896 г., когда он выступил в качестве помощника уполномоченного по проведению Всероссийской переписи населения по Тобольской губернии и проехал от Тобольска до Обдорска[10]. Как пишет Н.Л. Скалозубов, он решил воспользоваться

---

[1] *Пигнатти В.* Николай Лукич Скалозубов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1916. Вып. 27. С. 1–10; *Суманов Е.Я.* Агрономическая деятельность Н.Л. Скалозубова. // Советская агрономия. 1953. № 1. С. 76–78; *Шелухин И.С.* Николай Лукич Скалозубов. Новосибирск, 1961; *Суринов В.М.* К биографии Н.Л. Скалозубова // Исторический архив. 1961. № 6. С. 186–188; *Он же.* Николай Лукич Скалозубов (1861–1915). Из истории сибирского краеведения. // Ежегодник Тюменского областного музея. Тюмень, 1961–1962. Вып. 3. С. 70–81.

[2] *Скалозубов Н.Л.* Очерк экономического положения башкирского населения. Пермь, 1893.

[3] *Суринов В.М.* Этнографические исследования Н.Л. Скалозубова // ОИРЭФА. М., 1968. Вып. 4. С. 100. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 91).

[4] *Мальцев А.* Николай Лукич Скалозубов. Петроград, 1915.

[5] *Коновалова Е.Н.* Книга Тобольской губернии. 1790–1917 гг.: сводный каталог местных изданий. Новосибирск, 2006. С. 129–133, 122–175.

[6] *Бородин И.П.* Комплекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб., 1908. С. 107.

[7] Результатом исследований стала его книга «Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии». Тобольск, 1902.

[8] *Скалозубов Н.Л.* Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 4.

[9] *Суринов В.М.* Роль Н.Л. Скалозубова в научно-исследовательской работе Тобольского музея: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобол. гос. ист.-архитект. музея-заповедника. Свердловск, 1975. С. 22–25.

[10] *Скалозубов Н.Л.* От Тобольска до Обдорска. (Из путевого дневника) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1907. Вып. 16. С. 1–18.

этой возможностью для более обстоятельного знакомства с бытом и культурой местного населения и пополнения коллекции Тобольского губернского музея. Следует добавить, что речь идет о проведении Первой всеобщей переписи населения Российской империи, которая зафиксировала данные на 28 января 1897 г. Однако предварительное заполнение переписных листов на местах началось в декабре 1896 г. Они оформлялись специально назначенными счетчиками и содержали 14 вопросов, на которые должны были ответить глава и члены семьи. Итоги переписи по губерниям были опубликованы.

В опубликованной статье, основывающейся на полученных в ходе этой поездки материалах, он проанализировал специфику сельскохозяйственного производства, одежды, жилища у коми. Также он рассматривает вопрос о взаимоотношениях зырян с ненцами и хантами. Так, Н.Л. Скалозубов отмечает большие, прекрасно устроенные зырянские дома. Пишет о путях переправки сибирского хлеба на Печору, а также о торговле продуктами оленеводства. В его работе приводится точное описание женской одежды у коми. Н.Л. Скалозубов повествует также о попытках коми промышленников отказаться от употребления спиртных напитков.

Виктор Викторович Бартенев (Исагин) (1864–1821) — русский революционер, общественный деятель, краевед, исследователь культуры народов Севера. Его научная деятельность началась в Березове, Тобольской губернии. В.В. Бартенев происходил из старинного костромского дворянского рода[1].

Его родители были известными общественными деятелями, профессиональными революционерами, одними из организаторов русской секции I Интернационала. Мать, Е.Г. Бартенева (Броневская), была внучкой крупного военного администратора, генерал-лейтенанта С.Б. Броневского, сподвижника М.М. Сперанского, в 1835–1837 гг. генерал-губернатора Восточной Сибири. Омский публицист, краевед А. Омельчук называет С.Б. Броневского князем, а заодно и Е.Г. Бартеневу княжной, но это неверно, они не были князьями[2]. Она со своим мужем В.И. Бартеневым долгое время вместе с детьми жила в Швейцарии, где занимались революционной деятельностью, сотрудничая с М.А. Бакуниным. Позднее Е.Г. Бартенева отошла от анархистского направления в революционной деятельности, сблизилась с П.А. Лавровым и Г. Уткиным, сторонниками пропагандистской деятельности в русском освободительном движении, издавала и финансировала печатный орган русской секции I Интернационала — журнал «Народное дело». Была знакома с К. Марксом, участвовала в восстании Парижской коммуны. По возвращении в Россию в 1871 г. сотрудничала с «Отечественными записками», «Делом» и другими журналами, оказывала содействие революционерам, дружила с Н. Кибальчичем, Д. Клеменцем, С. Степняком-Кравчинским, Н.А. Морозовым. Участвовала в подготовке одного из покушений на Александра II. Скрывала некоторое время в 1878 г. Веру Засулич после освобождения ее из зала суда. В конце 1880-х — начале 1990-х гг. Е.Г. Бартенева была связана с социал-демократической группой М.И. Бруснева и участвовала в ее пропагандистской работе. В 1891 г. выслана в Псков. Здесь она занималась общественной работой: разрабатывала уставы для разных учреждений, занималась переводами, участвовала в создании общественной библиотеки, воскресной школы, потребительского общества. С 1898 г. жила в Санкт-Петербурге.

В 1874–1875 гг. В.В. Бартенев некоторое время учился в знаменитой питерской гимназии Карла Мая. В 1886–1890 гг. он студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Здесь он становится участником студенческих кружков. Один из основателей т.н. «экономического кружка»

---

[1] *Григорьев А.А.* Семья Бартеневых // Григорьев А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 27–30.

[2] *Омельчук А.* Обдорский ссыльный — приятель Ленина // Ямальский меридиан. 2009. № 12 (164). С. 25–28.

в Петербурге (1885), в который входил старший брат В.И. Ленина Александр Ульянов[1]. Кроме того был связан со студенческой организацией «кадровиков» и кружком молодежи военно-учебных заведений (юнкерских училищ)[2]. Принял активное участие в организации т.н. «добролюбовской демонстрации» 17 ноября 1886 г. С 1887 г. вел пропаганду среди рабочих столичных заводов. Одновременно он вместе с И.М. Гревсом занимался подготовкой особых программ по сбору краеведческих материалов. В 1890 г. впервые был арестован и ненадолго выслан в Псковскую губернию.

В 1891 г. в административном порядке за принадлежность к социал-демократической группе М.И. Бруснева и участие в Шелгуновской демонстрации был выслан в Сибирь[3]. Местом жительства для него был определен г. Березов, где он пробыл четыре года. В.С. Соболев в своей книге о президенте Императорской Академии наук вел. князе Константине Константиновиче (К.Р.) пишет, что он в январе 1895 г. ходатайствовал перед министром внутренних дел И.Н. Дурново об освобождении В.В. Бартенева и возможности сдать ему экзамены на степень в Петербургском университете. И.Н. Дурново в своем письме сообщил о том, что В.В. Бартеневу будет разрешено сдать экзамен в одном из провинциальных университетов[4].

После освобождения из ссылки в 1895 г. вернулся в Псков, а затем переехал в Торопец, где занимал должность акцизного чиновника. Тогда же он сдал кандидатский экзамен в Юрьевском университете. Участник нелегального собрания псковской революционной и оппозиционной интеллигенции с участием В.И. Ленина в 1900 г. Вообще-то с В.И. Ульяновым он был знаком намного раньше и переписывался с ним в 1888–1891 г, даже помогал ему в подготовке к сдаче экзаменов в университете[5].

Позднее В.В. Бартенев опубликует книгу «На крайнем Северо-Западе Сибири», написанную на основе личных впечатлениях[6]. Она вызвала положительные отклики в Тобольске. Спустя много лет, в 1928 г., писатель и общественный деятель С.П. Швецов, отбывавший ссылку в тех же местах, писал: «*В. Бартенев… дает широкую картину жизни Обдорского края, и в частности его русского населения. В ней экономика перекрещивается с этнографией, естественно-исторические особенности края с его культурой, общественная организация с просвещением населения*»[7]. Следует сказать, что В.В. Бартенев дал и характеристику коми населения Севера Тобольской губернии.

Тогда же начинается публицистическая деятельность Бартенева. Одновременно он печатает несколько работ по этнографии хантов. В 1907 г. В.В. Бартенев добивается перевода акцизным чиновником в Архангельск. К этому моменту у него меняются политические взгляды. Он становится кадетом, по списку которых выдвигается в депутаты Всероссийского Учредительного собрания в 1917 г, но безуспешно. Он продолжает общественно-краеведческую деятельность в Архангельском

---

[1] Бартенев Виктор Викторович (Исагин) // Деятели революционного движения в России Био-Библиографический словарь. Т. V. Социал-демократы. 1880–1904. Вып. 1. А–Б / Составлен Э.А. Корольчук и Ш.М. Левиным. М., 1931. С. 229–230; Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 17–29; *Дойков Ю.* Архангельские тени… С. 53–59.

[2] *Бартенев В.В.* Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х годов // От народничества к марксизму. Л. 1987. С. 162–221.

[3] *Рощевская Л.П.* Тобольский губернский музей и политические ссыльные: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобол. гос. ист.-архитект. музея-заповедника. Свердловск, 1975. С. 20; В.В. Бартенев // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века / Сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург, 1998. С. 112–114.

[4] *Соболев В.С.* Августейший президент Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук в 1889–1915 годы. СПб., 1993. С. 72.

[5] *Омельчук А.* Обдорский ссыльный — приятель Ленина... С. 25–28.

[6] *Бартенев В.В.* На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896.

[7] *Швецов С.* Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С. 84.

обществе изучения Русского Севера, одним из основателей которого был и состоял некоторое время казначеем. В его выступлениях звучат темы колонизации Севера, охраны прав и самоуправления инородцев, национальной политики, охраны памятников и т.д.

После революции и оставления Красной армией Архангельска В.В. Бартенев остался в этом городе. За период существования правительства Северной области, возглавляемого Н.В. Чайковским, он был главным редактором местной правительственной газеты «Архангельские вести». Одновременно был редактором «Известий АОИРС» в 1918–1919 гг. После изгнания английских интервентов и белых с Русского Севера в 1920 г. В.В. Бартенев за сотрудничество с ними был арестован и расстрелян в 1921 г.[1]

С Тобольском связана часть деятельности известного сибирского ученого-натуралиста, краеведа И.Н. Шухова (1894–1956). ***Иннокентий Николаевич Шухов*** родился в Омске 29.10.1894 (10.11.1894) в старинной дворянской семье потомственных военных. В восьми лет был отдан в Первый Сибирский императора Александра Первого кадетский корпус, полный курс которого окончил в 1911 г. В 1909 г. начал практиковаться в музее Западно-Сибирского отделения Русского географического общества (ЗСОРГО). По-видимому, этому способствовало то, что его отец долгое время был хранителем музея общества. С детства Иннокентий увлекался зоологией, ботаникой и астрономией. В 1910 г. совершил самостоятельное путешествие на Алтай, где изучал местную фауну. В 1911 г. со своим экспонатом «Биологическая группа птиц окрестностей Омска» участвовал в Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной и торгово-промышленной выставке[2].

В 1911 г. И.Н. Шухов поступил на естественно-исторический факультет Санкт-Петербургского психоневрологического института, который окончил в 1915 г. Одновременно учился на медицинских курсах. С 1911 по 1914 г. И.Н. Шухов на средства ЗСОРГО, Зоологического и Этнографического музеев Академии наук и Русского географического общества провел ряд экспедиций в низовьях Оби, по рекам Щучьей, Казыму, Тазу и других, в ходе которых занимался изучением ненцев, хантов, манси и коми-зырян. В результате путешествия им был собран большой зоологический и этнографический материал и написан ряд научных статей. В 1915 г. был призван в армию, окончил курс Владимирского военного училища и стрелковую школу, после чего отбыл на фронт. Ученый-офицер не оставлял исследовательской работы даже на фронте, где собрал коллекцию птиц, обитающих в Виленской губернии. В 1918 г. после демобилизации из армии в чине штабс-капитана вернулся в Омск и стал сверхштатным ассистентом зоологического кабинета Омского сельскохозяйственного института, при этом давал уроки по зоологии в одной из частных гимназий. В 1919 г. стал действительным членом ЗСОРГО, в 1920 г. — действительным членом Среднесибирского отдела РГО. С 1920 по 1924 г. жил в Красноярске, работал в Высшем политехникуме. Вернувшись в конце 1924 г. в Омск, И.Н. Шухов стал преподавателем, а затем и заведующим кафедрой охотоведения в Сибакадемии, был доцентом и секретарем Ученого бюро этого вуза; возобновил свою работу в ЗСОРГО. В 1927 г. по заданию Музея антропологии и этнографии АН

---

[1] *Дойков Ю.В.* А.А. Евдокимов. Судьба пророка в России. СПб., 1999. С. 93–94.

[2] *Ремизов А.В.* Знаток родного края: К 100-летию И. Н. Шухова // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. 1994. № 3. С. 7–11; *Он же.* «Маленький Пржевальский». [Очерк жизни и деятельности естествоиспытателя] // Иртышский вертоград. М., 1998. С. 218–222; *Он же.* Профессор И. Н. Шухов: факты биографии в документах личного архивного фонда // Научная конференция памяти Н. М. Ядринцева (29–30 окт. 1992 г.): тез. докл. Омск, 1992. Секция: История культуры Сибири — опыт, традиции, проблемы развития. С. 40–44.; *Пугачева Н.М.* Шухов Иннокентий Николаевич (1894–1956) // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 306–307; *Жук А.В.* Иннокентий Николаевич Шухов в 1894–1920 годах // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования. Омск, 1993. С. 62–65; Омская старина. Омск, 1995. Вып. 3. С. 54–64.

СССР и Комиссии по изучению производительных сил Академии наук СССР совершил ряд поездок по Тарскому округу, а в 1927–1930 гг. провел этнографические и антропологические исследования в Омском, Тарском, Ишимском и Тобольском округах.

Основываясь на данных, полученных в ходе этой экспедиции, И.Н. Шухов публикует большую статью о коми переселенцах, осевших в Тарском округе (ныне — в Омской области)[1]. Он был первым и долгое время единственным исследователем, побывавшим в этом районе и оставившим уникальные полевые материалы[2]. Кроме того, он сделал целую серию фотографий, запечатлевших материальную культуру коми переселенцев, ставших в настоящее время уникальными. Следует также отметить небольшую коллекцию, привезенную из этой экспедиции и состоящую из моделей различных строений, образцов охотничьих приспособлений, утвари, одежды, кукол[3]. Эта статья, по сути, является небольшой классической монографией, в которой приводится полное описание данной переселенческой группы, начиная от истории переселения с Вычегды до подробного описания быта и хозяйства. Эта работа по своему характеру уникальна, ибо, как показала моя поездка по Иртышу в 2007 г., в село Имшагай, где проживала основная группа коми населения, сегодня большинство коми уехали в разные места Омской области[4].

В октябре 1930 г. И.Н. Шухов был утвержден в должности профессора и назначен заведующим кафедрой охотоведения и звероводства Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства в Красноярске. С 1932 г. — начальник исследовательской партии Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению кедра «Инкедр». С 1933 г. — заведующий кафедрой зоологии Омского ветеринарного института. С 1934 г. по совместительству исполнял обязанности зав. кафедрой Омского педагогического института. В 1941–1947 гг. — ученый консультант по зоологии и этнографии Омского областного музея. Умер 28 июня 1956 г. в Омске[5].

Говоря об истории этнографических исследований в Западной Сибири, нельзя не отметить деятельность ***Александра Александровича Дунин-Горкавича*** (1854–1927), лесовода по образованию и занимаемой должности, но краеведа по призванию.

А.А. Дунин-Горкавич происходил из обедневшего польского дворянского рода. Он родился в Западной Белоруссии, окончил гимназию в г. Гродно, а затем Лисинское лесное училище. Трудовую деятельность начал под Москвой, где проводил съемку лесов[6]. В 1875 г. был призван на службу в армию и принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии. Затем работал лесничим в разных районах Европейской России.

В 1890 г. назначается лесничим Самаровского лесничества Тобольской губернии. Большую роль в становлении А.А. Дунина-

---

[1] *Шухов И.Н.* Зыряне в Тарском округе Сибирского края. // Коми Му. 1927. № 8. С. 39–43; *Он же.* Материалы по изучению племенного состава населения и его быта в Тарском округе // С.-Петерб. филиал архива АН. Ф. 135, оп. 2, № 341.

[2] Сведения о расселении коми в этом районе см.: *Шухов И.Н.* Краткий предварительный отчет о поездке в Тарский округ Сибирского края для обследования племенного состава населения // С.-Петерб. филиал архива АН. Ф. 135, оп. 1, № 29. С. 28–32.

[3] Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Кол. № И-1057; Кол. № 3659.

[4] Мне бы хотелось выразить благодарность председателю Региональной общественной организации Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Общество русской культуры», директору Колледжа русской культуры имени А.С. Знаменского в г. Сургуте Е.В. Лоншаковой за предоставленную возможность принять участие в экспедиции «Славянский ход–2007» (от Омска до Сургута), в ходе которой мне удалось побеседовать с несколькими потомками коми переселенцев из бывшего Тарского округа.

[5] *Палашенков А.Ф.* Памяти И.Н. Шухова // Изв. Омск. отд-ния ГО СССР. Омск, 1957. Вып 2 (9). С. 125–127.

[6] *Васильев В.И., Прибыльский Ю.П.* Деятельность А.А. Дунин-Горкавича в области этнографии Обского Севера // Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 110. (ОИРЭФА. М., 1982. Вып. 9. С. 141–148).

Горкавича как краеведа-исследователя сыграл ***Н.Л. Скалозубов***, в то время агроном Тобольской губернии. Именно с его подачи А.А. Дунин-Горкавич начал сбор этнографических материалов по культуре народов Обского Севера для различных выставок. В 1895 г. он получил большую серебряную медаль Курганской сельскохозяйственной выставки, а в 1896 г. — диплом Северного отдела Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде. С 1910 г. — чиновник по особым поручениям при главном управляющем землеустройством и земледелием. Прослужил на Тобольском Севере в общей сложности 13 лет[1].

В 1895–1897 гг. по поручению Министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Дунин-Горкавич предпринял масштабное обследование Тобольского Севера. За это время им было пройдено около 26,5 тыс. верст. Подобное исследования продолжилось позднее, например в 1900–1901 гг. в бассейне р. Казым, в 1902 г. — р. Конды. Материалы этих экспедиций были обобщены им в трехтомном сочинении «Тобольский Север»[2]. Эта книга демонстрирует блестящий пример комплексного подхода к изучению конкретной территории и взаимосвязи хозяйства и культуры с природными особенностями среды обитания.

В первом томе сочинения отдельная глава посвящена коми-зырянам, обитающим в нижнем течении р. Оби. А.А. Дунин-Горкавич четко очерчивает ареал их расселения и дает краткую этнопсихологическую характеристику: «народ-эксперт», как говорят в Обдорске о зырянах, характеризуя их ловкость и настойчивость, отмечает используемый местным населением термин «*северные жиды*». «*Народ этот крепкий, трудолюбивый и выносливый*»[3]. Далее следует описание зырянского оленеводства, мест их кочевий. Он первым из исследователей связал переселение части коми за Урал с т.н. «сибиряковским делом» — попыткой купца А.М. Сибирякова устроить круглогодичный транзитный путь между Печорой и Обью через Урал для оживления экономической жизни Западно-Сибирского региона и вывоза местных товаров. Для успешного функционирования этой дороги А.М. Сибиряков предлагал правительству поселить на всем ее протяжении выходцев из Европейской России, в первую очередь коми, одновременно законодательно урегулировав земельные и водные проблемы, ибо она пролегала в основном через инородческие территории. Но правительство отказалось от этой идеи, считая, что т достаточно южного железнодорожного пути через Екатеринбург–Тюмень, который в это время активно благоустраивался. Коми остались на Оби с неразрешенными юридическими проблемами. А.А. Дунин-Горкавич открыто пишет, что «*хуже всех — это положение зырян, которых здесь в настоящее время свыше тысячи душ, причем каждый год численность их возрастает благодаря переселению новых выходцев из-за Урала*». Большое место в очерке отведено характеристике хозяйства коми-зырян. Считая полезным для аборигенного населения края присутствие здесь зырян как сильных конкурентов местным, в первую очередь русским торговцам в плане повышения цен на закупаемое сырье, в то же время А.А. Дунин-Горкавич пишет об имеющихся отрицательных отзывах о них. Например: «*Зыряне везде сильные конкуренты русским торговцам и, естественно, вызывали недовольство и антипатию к себе последних. Очень вероятно, что по проискам и подстрекательствам русских торговцев поступают те жалобы от инородцев*». По мнению исследователя, доносы

[1] *Копотилов М.* А.А. Дунин-Горкавич. Памяти исследователя // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1927. № 1; *К-в М.* Алекс. Алексан. Дунин-Горкавич. (Некролог) // Уральское краеведение.

[2] *Дунин-Горкавич А.А*. Тобольский Север. СПб., 1904 Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения; То же. Т. 2: Географическое и статистическо-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Тобольск; То же. Тобольск, 1911. Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев.

[3] *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Т. 1. С. 119–127.

чаще всего инспирированы русскими торговцами, которые пытаются выжить их с этой территории. Для решения межнационального вопроса на Тобольском Севере необходимо срочно провести землеотвод, обозначив границы кочевий, а также установить предельные размеры оленьих стад, которые могут прокормиться на них. Это рациональное предложение, как и многие другие реальные его предложения по освоению этого края, не было претворено в жизнь, и проблема осталась неразрешенной. В частности, он предлагал поселить здесь коми на законных основаниях, определить места, на которых будет признано возможным, без стеснения инородцев, дальнейшее поселение вновь прибывающих зырян[1].

В 1905 г. А.А. Дунину-Горкавичу была присуждена серебряная медаль им. Н.Н. Пржевальского, основанная Русским географическим обществом, за совокупность работ по изучению севера Тобольской губернии[2]. После Октябрьской революции и завершения Гражданской войны А.А. Дунин-Горкавич остался в Тобольске. Он сотрудничал с советской властью, был консультантом Обь-Иртышского рыбопромышленного треста, занимался организацией кооперативного движения и проч., т.е. практически претворял в жизнь то, о чем писал ранее.

Экспедиции и путешествия русских ученых-естествоиспытателей, представителей страноведческого направления в российской науке не только расширили представления о географии Российской империи, но и дополнили ее значительным количеством этнографических сведений о народах коми.

Постепенно к началу XX в. при помощи многих исследователей складывается общая картина этнического состава Российской империи. В числе многих народов, населяющих бескрайние просторы страны, начинают четко выделяться финно-угорские этносы, в том числе и народы коми. Общие сведения о них помещаются как в специальные научные сочинения, так и в учебные пособия и научно-популярные очерки[3]. Появились первые специальные монографии по этнографии коми (***А.И. Шегрена***, ***К.А. Попова*** и ***И.Н. Смирнова***), в которых была представлена общая картина традиционной культуры народов коми, выявлены основные этнографические группы, районы обитания, предприняты попытки рассмотрения этногенеза и этнической истории этих народов, проанализированы вопросы взаимодействия с соседними народами.

Одновременно сведения о народах коми попадают и в зарубежные страноведческие сочинения. Например, можно указать книгу «Европейская Россия. Антропогеографический этюд» крупного немецкого географа, профессора Гейдельбергского университета А. Геттнера[4]. Он выделяет зырян в числе восточных финнов, указывает их численность, место проживания и т.д. А. Геттнер отмечает, что «*они отличаются способностью к торговле, поэтому сравнительно зажиточны и по быту мало отличаются от русских*». На верхней Каме он отмечает проживание пермяков, характеризуя их «*как сравнительно слабосильный и малоразвитый народ*».

---

[1] *Дунин-Горкавич А.А*. Очерк народностей Тобольского Севера // Изв. ИРГО. 1904. Т. 10. С. 58–59, 61, 77.

[2] Изв. ИРГО. 1905. Т. 41. Вып. 5. С. 46.

[3] См., например: География России: курс среднеучебных заведений / сост. А.В. Зеленин. СПб.., 1906. С. 182–184 (зыряне), 195 (пермяки); Природа и население России. СПб., 1906. С. 67 (зыряне), 78 (пермяки); Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского.

[4] «Европейская Россия. Антропогеографический этюд» Альфреда Геттнера / Пер. с нем. Л.Д. Синицкого. Приложение к журналу «Землеведение». М., 1906.

Глава 5

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМИ НАУЧНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ. КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.

Во второй половине XIX века — начале XX в. на территории Коми края начинает складываться национальная интеллигенция из числа выходцев из народа коми. Этому во многом способствовал рост численности школ на территории края и соответственно грамотных людей, что, в свою очередь, требовало увеличения численности учителей, врачей, писарей, местных чиновников. Именно из их среды вышли первые местные краеведы, о которых было сказано в предыдущей главе. В это время зарождается литература на коми языке. Наряду с этим появляются первые ученые, выходцы из коми народа, которые поставили перед собой цель исследовать историю народа коми и пропагандировать достижения традиционной культуры[1].

Позднее Н.Н. Поппе сформулировал вывод о том, что «*зыряне и вотяки всегда принадлежали к наиболее передовым восточно-финским народам: поставив себе целью самоизучение, эти два народа выдвинули немало исследователей из своей национальной среды. Этим и объясняется то обстоятельство, что в этнографическом отношении зыряне и вотяки могут считаться и наиболее изученными народами финно-угорского мира. Силами иностранцев, в данном случае и русских, никогда не могло быть налажено стационарное изучение финских народов, отдельные же поездки и экспедиции всегда могли дать материал лишь по известным сторонам быта этих народов. ...И если говорить вообще о самодеятельности финно-угорских народов в деле исследования быта, то в первую очередь необходимо упомянуть зырян и вотяков, деятельное сотрудничество которых с русскими исследователями, а порой и проявленная ими инициатива, привело к тому положению, в котором ныне находится этнографическое изучение пермских финнов*»[2].

Попытку систематики истории коми просветительства в XIX в. предпринял А.Е. Ванеев[3]. В основу классификации он положил социально-экономическую, формационную основу, характерную для советской историографии. Но обязательное деление общественных деятелей по идеологическому принципу на либералов, монархистов и т.д. не всегда «работало» при характеристике реального материала. Например, А.Е. Ванеев выделяет прогрессивно-демократический этап коми просветительства, основным представителем которого был основоположник профессиональной литературы на коми языке ***И.А. Кура-***

[1] О развитии культуры и просвещения на территории нынешней Республики Коми в дореволюционный период см.: *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 24–54.

[2] *Поппе Н.Н.* Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угорский сборник. Л., 1928. С. 51. (Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15.)

[3] *Ванеев А.Е.* Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар, 2001. С. 210.

тов. Но по двоичной системе исследователь должен был противопоставить ему реакционно-консервативный этап или, по крайней мере, представителей этого направления. Но противопоставления не было. Следующий этап А.Е. Ванеев определяет как либерально-демократический и в числе основных представителей называет ***Г.С. Лыткина*** и ***К.Ф. Жакова***. Таким образом, дихотомия требует наличия противоположного элемента. Но и здесь им противопоставить некого. Именно на этой основе было построено большинство периодизаций советского времени, когда противопоставлялись национально-шовинистические, буржуазные и социалистические (коммунистические) направления, школы, методологии. Завершающий предреволюционный период исследователь обозначает как научно-системный период, ярким представителем которого является ***П.А. Сорокин***. На наш взгляд, такая периодизация является достаточно условной. Г.С. Лыткин и К.Ф. Жаков были настоящими учеными, и их деятельность вполне соответствовала характеристикам последнего этапа развития коми просветительского движения. Из поля зрения А.Е. Ванеева выпал ***В.П. Налимов***, коми этнограф, которого также можно считать представителем научно-системного этапа. Поэтому до настоящего времени периодизация А.Е. Ванеева остается лишь рабочей гипотезой.

С А.Е. Ванеевым можно согласиться в том, что коми просветители на всех этапах преследовали высокие и благородные цели — пробуждение национального самосознания и духовное возрождение родного народа. Их объединяло пристальное внимание к истории, фольклору и этнографии народа коми.

Развитие коми просветительства во второй половине XIX — начале XX века характеризуется преемственностью деятельности этих исследователей. Можно утверждать, что Г.С. Лыткин, первый ученый из коми народа, начал свою бескорыстную деятельность под воздействием И.А. Куратова. Под влиянием научно-просветительской деятельности Г.С. Лыткина к науке обратились К.Ф. Жаков и В.П. Налимов. Кстати, именно В.П. Налимов опубликовал единственный некролог на смерть Г.С. Лыткина[1]. Открытием К.Ф. Жакова был П.А. Сорокин, который с его помощью получил высшее образование и стал ученым с мировым именем и известным общественно-политическим деятелем. Под влиянием К.Ф. Жакова обратился к изучению традиционной культуры коми и ***А.А. Цембер***. Именно он был инициатором создания первого в крае научного общества — филиала Архангельского общества изучения Русского Севера в Усть-Сысольске (ныне — Сыктывкаре).

В.П. Налимов и А.А. Цембер стали носителями идеи коми просвещения и научной традиций изучения культуры народа коми и в советское время передали эти идеи многочисленным исследователям в Усть-Сысольске (Сыктывкаре)[2]. Здесь я исхожу из мнения Г.П. Мягкова, считавшего, что научная школа — это не сумма личностей и их личных достижений, а устойчивая исследовательская традиция, допускавшая вариативность мнений, суждений и разночтений в рамках одного исследовательского «проекта»[3]. Именно общая идея гуманитарного изучения народа коми и позволяет мне говорить о становлении национальной этнографической школы.

У истоков научного подхода к изучению традиционной культуры и языка родного народа стоял ***Иван Алексеевич Куратов***, поэт, просветитель, языковед[4]. Родился в 1839 г. в с. Кибра (ныне — с. Куратово, Сысольский р-н Республики Коми) в семье священника, умер в 1875 г. в г. Верном (ныне — Алма-Ата, Республика Казахстан). Окончил Яренское

---

[1] *Nalimov V.* Georgij Lytkin // FUF. Bd. VII. 1907.

[2] О взаимоотношениях этих ученых см.: *Бурлыкина М.И.* А.С. Сидоров, К.Ф. Жаков, П.А. Сорокин: параллели судьбы // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2004. С. 41–47. (Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 5.)

[3] *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. С. 6.

[4] *Федорова А.Н.* И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар, 1975; *Микушев А.К.* Иван Алексеевич Куратов. Сыктывкар, 1956.

духовное училище (1854), Вологодскую духовную семинарию (1860), затем служил учителем Усть-Сысольского духовно-приходского училища. В 1866 г. окончил школу военных аудиторов в Казани, после чего был направлен в Туркестанский край военно-судебным чиновником.

И.А. Куратов — автор 20 работ по коми языку и теоретической лингвистике (при жизни ученого было опубликовано только две), среди которых можно выделить «Зырянский язык», «Грамматику зырянского языка», «Материалы для пермского толкового словаря». Разработал оригинальную классификацию коми частей речи, самобытно истолковал строение коми предложения, дополнительно обосновал классификацию коми диалектов с опорой на чередование *л-в*. Положил начало исследованию влияния русского языка на коми, аргументировал развитие коми письменности на кириллической основе. Деятельно пропагандировал коми язык как орудие просвещения коренных жителей Коми края. Первым обосновал гипотезу родства языковых семей Северной Евразии. Лингвистические работы И.А. Куратова получили одобрительную оценку академика Ф.И. Видемана, были известны ***Г.С. Лыткину***, оценены по достоинству учеными Казани.

Свод языковедческих исследований И.А. Куратова впервые был опубликован в 1939 г., тогда же началось изучение его научного наследия. Вклад И.А. Куратова в языкознание и степень его профессионализма как лингвиста современными специалистами оцениваются неоднозначно. Негативная оценка Куратова-языковеда обусловлена поверхностным подходом к его научному наследию и отрицательной реакцией на неумеренные похвалы, которыми осыпали И.А. Куратова в конце 1930-х гг. из пропагандистских соображений[1].

Наибольший интерес для современного исследователя имеет сопоставительный словарь коми языка И.А. Куратова, ставший доступным для ученых в 1979 г.[2] В словаре автор возвращается к традиции XVIII в. и проводит сравнительный анализ всех финно-угорских языков, за исключением вепсского, с татарским и санскритом, используя для этой цели одинаковый список слов. По замыслу И.А. Куратова, он должен был стать основой большого этимологического словаря коми языка. Поэтому данный незавершенный из-за ранней смерти автора словарь может быть использован для этногенетических изысканий.

Основоположником национальной научной школы изучения этнографии и истории народов коми был ***Георгий (Юрий) Степанович Лыткин*** (1835–1907), первый коми лингвист, историк и литератор, этнограф и фольклорист[3]. ***А.Н. Грен*** считал его «*настоящим основателем зырянской искусственной литературы и первым и, кажется, последним настоящим, подготовленным филологом из зырян*», подразумевая под этим написанные И.А. Куратовым художественные и научные сочинения на коми языке[4]. Начав свою научную деятельность как калмыковед, алтаист, он постепенно становится финно-угроведом, исследователем традиционной культуры народа, из среды которого вышел.

---

[1] *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов // Коми язык: энцик. М. 1998. С. 205–206; *Он же.* И.А. Куратов-языковед. Сыктывкар, 1980; *Он же.* Над рукописями И.А. Куратова. Сыктывкар, 1985. С. 15–46, 53–58, 69–101; *Гуляев Е.С.* Комментарии к высказываниям И.А. Куратова о языке // Куратовские чтения. Т. 2. Сыктывкар, 1976. С. 87–99.

[2] *Гуляев Е.С.* Сопоставительный словарь коми языка (Новые публикации из архива И.А. Куратова) // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1979. Т. 3. С. 109–129.

[3] *Чеусов А.* Г.С. Лыткин (К 88-й годовщине рождения) // Коми му. 1924. № 4–6. С. 42–43; *Он же.* К воспоминаниям о Г.С. Лыткине // Коми му. 1924. № 4–6; *Зоргенфрей Г.* Г.С. Лыткин (Библиографический очерк) // Коми му. 1927. № 4–5. С. 47–49; *Веселовские Ал. и Ал-др.* Вологжане-краеведы. Вологда, 1923. С. 58; *Лыткин В.И.* Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) // СФУ. 1975. № 4. С. 290–293; *Костромина И.* Медводзя коми ученӧй-лингвист (Г.С. Лыткин чужан лунсян 150 во) [Первый коми ученый-лингвист (к 150-летию со дня рождения). На коми языке] // Войвыв кодзув. Сыктывкар. 1985. № 6. С. 40–44; *Ванеев А.Е.* Георгий Степанович Лыткин // *Ванеев А.Е.* Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар, 2001. С. 123–145.

[4] *Грен А.Н.* Зырянская (Коми) литература // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. III. С. 81.

Г.С. Лыткин родился 25 мая (6 июня) 1835 г. в г. Усть-Сысольске (ныне — г. Сыктывкар) в купеческой семье. Его отец, Степан Иванович Лыткин, числился усть-сысольским купцом 2-й гильдии и имел достаточное состояние. Но после его смерти семья пережила тяжелый финансовый кризис в результате раздела имущества. Первоначальное образование получил дома под руководством мамы и старшей сестры, а позднее — в местном приходном училище. В 1848 г. Г.С. Лыткин после окончания Усть-Сысольского уездного училища первым учеником отправляется учиться в Вологодскую гимназию, которую заканчивает в 1854 г. Большую роль в продолжении его учебы сыграл преподаватель русского языка местного училища ***М.И. Михайлов***, краевед и историк Вологодского края, поддержавший стремление мальчика к знанию. В это же время Г.С. Лыткин знакомится с ***Александрой Осиповной Ишимовой***, будущей известной русской писательницей, проживавшей в то время в Усть-Сысольске со своим отцом, отправленным сюда в ссылку. Под ее влиянием начинает писать краеведческие заметки, которые подписывал «Зырянин Г.С.Л.»[1]. Его однокурсником по гимназии был ***Н.Ф. Бунаков***, в будущем известный педагог и общественный деятель. Позднее он в своей книге воспоминаний назвал Г.С. Лыткина зырянофилом и зырянским патриотом за его увлечение родным языком, историей и фольклором этого народа[2].

В гимназии Г.С. Лыткин мечтал о продолжении учебы в Александровском университете в Гельсингфорсе, хотел стать финно-угроведом. Но братья отказали ему в финансовой поддержке, и он отправился в столицу для дальнейшей учебы. В Москве он познакомился с известным русским историком и собирателем рукописей М.П. Погодиным, который морально поддержал стремление коми юноши к учебе. Позднее они несколько раз встречались и переписывались. В 1854 г. Г.С. Лыткин стал студентом Императорского Санкт-Петербургского университета. Определение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа гласило: «*Зачислить купеческого сына Г. Лыткина на I курс юридического факультета и разряда с 1 августа с.г., с тем, чтобы он выдержал приемные испытания по математике в декабре месяце 1854 г. Г. Лыткину немедленно представить деньги за слушание лекций в текущем сезоне*»[3]. Он был принят «в число 300 своекоштных студентов», то есть должен был платить за обучение[4]. Но юристом Лыткин не стал. В 1855 г. в Петербург из Казани был переведен факультет восточных языков. Г.С. Лыткин принимает решение перейти на этот факультет, потому что он не мог оплачивать свою учебу (в его личном деле сохранились просьбы об оказании ему материальной помощи), а на восточном факультете полагалась стипендия. Так он становится студентом монгольско-калмыцко-тюркского разряда факультета восточных языков. Имеются сведения, что одновременно он посещал лекции на историко-филологическом факультете. Уже в конце 1855 г. он, как «*оказывающий хорошие успехи в монгольском языке и отличное прилежание*», зачисляется в число стипендиатов Министерства народного просвещения[5]. В последующие годы он получал 300 рублей в год, что было достаточно для учебы. К примеру, учитель Главного народного училища в губернском городе получал жалование в 250 рублей. Во время учебы

---

[1] *Лыткин Г.С.* Тотьма. Путевые замечания в трех письмах // Луч. Журнал для девиц, издаваемый Александрой Ишимовой. 1853. Т. 7–8. Ванеев А.Е. упоминает еще несколько статей: «Сухона», «О Яренском девичьем училище», «Несколько писем о городе Усть-Сысольске, о зырянах», опубликованные в «Северной пчеле», «Лучи». Цит. по: *Ванеев А.Е.* Г.С. Лыткин… С. 123.

[2] *Бунаков Н.Ф.* Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. М., 1909. Цит. по: В дебрях Севера Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар, 1999. С. 196.

[3] Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина Попечителя Университета о принятии Г. Лыткина в число студентов. Начато 1 декабря 1854 г. Кончено 15 сентября 1861 г. // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. 7438, л. 1.

[4] Там же. Л. 1.

[5] Там же. Л. 13–14.

Г.С. Лыткин совместно с товарищем по учебе А. Михайловым совершил поездку в Калмыцкие степи для совершенствования знаний в калмыцком языке[1]. Собранные в ходе экспедиции материалы легли в основу его кандидатского сочинения «Исторический очерк знаменитого в буддийской иерархии ламы Зая-Пандиты, с показанием его влияния на распространение буддизма между ойротами и ученых его заслуг для калмыцкой литературы», которая была удостоена Советом университета золотой медали[2].

После окончания университета Г.С. Лыткин, проявивший склонности к наукам, был оставлен на восточном факультете для подготовки к профессорскому званию по калмыцкой лингвистике. Для этого он должен был продолжить сбор материалов по фольклору, истории и древней литературе калмыков. В связи с этим он в 1859 г. на два года командируется в Калмыцкие степи Астраханской и Ставропольской губерний[3]. В это время Г.С. Лыткин активно занимается калмыковедением, в изучении которого он достиг значительных успехов[4]. Он пишет оригинальные статьи по калмыцкой литературе, публикует тексты калмыцких исторических сочинений, переводит их с калмыцкого и монгольского языков на русский[5]. Готовит магистерскую диссертацию. По предложению своего учителя, профессора А.В. Попова, он должен быть стать преподавателем, лектором калмыцкого языка на Восточном факультете. Вместо этого в 1865 г. «*согласно наведенным справкам в делах канцелярии Попечителя С.-Петерб. университета, кандидат Г. Лыткин определен штатным преподавателем географии 6-й Ларинской гимназии с 1 августа 1865 г.*»[6].

Позднее в письме академику И. Срезневскому Г.С. Лыткин написал: «*Вообще я человек неудавшийся. Тогдашние реформы (1861) по учебной части вызвали сильное желание поработать на родине, где обещал… тогдашний министр народного просвещения устроить для меня особую инспекцию. Я ждал, наступила реакция — дело заглохло; 3 года в ожидании чего-либо благоприятного для дела пробыл в звании кандидата-педагога, потом (1865–1869) — сверхштатным учителем истории и географии*»[7]. Действительно, в его личном деле имеется обращение декана факультета восточных языков от 18 декабря 1861 г. в Совет университета «*об исходатайствовании Г. Лыткину места штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ, что было бы полезно для образования тамошнего края, заселенного зырянами, так как Г. Лыткин сам происходит из зырян и получил университетское образование*». На нем отмечено: принято решение «*просить Попечителя С-Петербургского учебного округа об опреде-*

---

[1] Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова в Калмыцкие степи для приготовления себя согласно предписания Министерства народного просвещения // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 1, д. 5843. 3 февраля 1858 г. — 1 августа 1865 г.. 51 лист.

[2] Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля. СПб., 1859. Приложение. С. 184.

[3] Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова… Л. 15 и далее; Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о командировке кандидата Г. Лыткина в калмыцкие стойбища. 1883 год // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 1, д. 8409.

[4] Характеристику его как востоковеда см.: *Бадмаев А.В*. Г.С. Лыткин как калмыковед // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ при Совете Министров Калмыцкой АССР. Элиста, 1967. Вып. 5 (Сер. филологическая). С. 115–124; История калмыцкой литературы. Элиста, 1981. Т. 1. С. 55.

[5] *Лыткин Г.С*. Исторический очерк письменности монголов и ойратов. Астрахань, 1859; *То же.* Астраханские ГВ. 1859. № 32, 33; *Он же.* Материалы для истории ойратов. Астрахань. 1860; *То же.* Астраханские ГВ. 1860. № 45, 46; 1861. №. 7, 8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26, 27, 28, 29; Сказание о Дербен-Ойратах, составленное нойоном Батур Убуша-Тюменем. Перевод и предисловие Юрия Лыткина. Астрахань, 1860.

[6] Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова… Л. 51.

[7] Г.С. Лыткин — И.С. Срезневскому // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 216, оп. 5, ед. хр. 367.

лении Г. Лыткина на должность штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ»[1]. Но положительного решения этот вопрос не имел.

Следует сказать еще об одной причине отказа — общественно-политического характера. Как утверждает известный в дореволюционной России общественный деятель, публицист Лонгин Федорович Пантелеев, «*из Астраханской губернии Г. Лыткин вернулся совершенно охладевшим к наукам, с сильно увлекшимся демократическим движением, горячим сторонником Чернышевского*»[2]. Он также пишет о том, что Г.С. Лыткин был членом общества «Земля и воля» и в его квартире некоторое время размещалась подпольная типография. Именно этот факт послужил, по-видимому, причиной того, что ему было отказано в занятии чиновничьего поста на родине. Г.С. Лыткин пишет И. Срезневскому, что он, «*находясь в расстроенном состоянии, предал огню свои дневниковые записки и другие под руку попавшие материалы, было ли это сделано с участием сознания разорвать связи с монголизмом и ойратизмом или с другой целью, не знал и не знаю*»[3].

В августе 1862 г. Г.С. Лыткин попал в распоряжение Министерства народного просвещения. Сначала его перевели в штат кандидатов-педагогов Санкт-Петербургского учебного округа и направили на подготовительные курсы. Позднее основным местом его работы становится VI Санкт-Петербургская классическая гимназия, в которой в качестве штатного преподавателя он числится с 8 августа 1869 г. Дослужившись до чина статского советника и выслужив установленные 40 лет службы, он продолжал преподавать. Но согласно принятым в то время правилам директор гимназии неоднократно обращался к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа с просьбой разрешить Г.С. Лыткину продолжить работу. В частности, директор гимназии Мор в письме от 2 мая 1902 г. на имя попечителя писал: «*Штатный преподаватель истории и географии вверенной мне гимназии статский советник Г. Лыткин, выслужив 1 августа с.г. 2-летний срок, на который он был оставлен по истечению 40 лет его службы, обратился ко мне с просьбой оставить его на таковой еще на 3 года. Свидетельствую перед Вашим Превосходительством об отличном усердии, ревности и полезности службы преподавателя Лыткина, а также о том, что он еще действительно в силах и впредь продолжить успешно свою педагогическую деятельность. Я считаю своим долгом исходить почтительно перед Вашим Превосходительством об оставлении его в настоящей должности вновь на 3 года*»[4]. Директор отмечает, что Г.С. Лыткин к 14 октября 1902 г, когда писалось обращение, «*прослужил по учебной части 42 года, 2 месяца и 14 дней*».

Кроме того, в разное время Г.С. Лыткин состоял преподавателем IV Санкт-Петербургской гимназии, гимназии Ставиской, Константиновского военного училища, Первой военной гимназии.

Г.С. Лыткин был автором гимназического учебника по общей географии, рекомендованной Министерством народного просвещения в качестве основного учебного пособия и выдержавшего 3 издания в 1890–1894 гг.[5]

---

[1] Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова… Л. 49 об.

[2] *Пантелеев Л.Ф.* Памяти Н.Г. Чернышевского // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 195.

[3] Г.С. Лыткин — И.С. Срезневскому // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 216, оп. 5, ед. хр. 367.

[4] Переписка VI С.-Петерб. гимназии за 1902 год с Попечителем учебного округа // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139, оп. 1, ед. хр. 9410, л. 35.

[5] Учебник общей географии / Сост. *Г.С. Лыткин*, преподаватель Санкт-Петербургской шестой гимназии. СПб., 1880; То же. 2-е изд., исправленное и доп. черт. СПб., 1894–1898; То же. 3-е изд., испр. и доп. чер. СПб., 1899; Географические таблицы / Сост. Г.С. Лыткин. Вып. 3: Обозрение европейских государств. СПб., 1874; Вып. 4: Обозрение Российской империи. СПб., 1878; *Г.С. Лыткин.* Учебник общей географии с таблицами. Курс I-го класса. Сведения из математической, физической и политической географии. СПб., 1888; *Он же*. Учебник общей географии с таблицами. Курс II-го

Удачно сложилась и личная жизнь Г.С. Лыткина. Он был женат, имел двух дочерей. В 1900 г. усыновил «*18-летнего незаконнорожденного воспитанника его Сергея*»[1]. Директор поддержал обращение Г.С. Лыткина к Государю Императору с просьбой разрешить усыновить его, сообщая, что «*служебная деятельность штатного преподавателя Ларинской гимназии статского советника Г. Лыткина, так же, как и его нравственные качества, представляют, по моему мнению, вполне достаточное основание к ходатайству об оказании ему монаршей милости по семейному его делу*». Позднейшие данные свидетельствуют, что его приемный сын, С.Г. Лыткин, был сотрудником Крестьянского поземельного банка (в частности в 1914 г. был помощником бухгалтера 1 разряда)[2].

К сбору материалов по этнографии и фольклору коми Г.С. Лыткин начал проявлять интерес в студенческие годы. Во время каникул в 1856 г. он приехал на родину, где занялся сбором подобных материалов. Позднее он писал, что большая часть этих материалов была утеряна в 1856 г. В его личном деле сохранились прошения об оказании ему материальной помощи, так как при возвращении с каникул он был ограблен в Нижнем Новгороде, что подтверждается наличием справки от тамошней полиции[3]. И. Костромина отмечает, что часть своего лексикографического материала он передал ***Н.П. Попову***, который в это время занимался разработкой второго варианта своего русско-зырянского словаря[4].

Серьезно решением этих проблем Г.С. Лыткин начинает заниматься в начале 1880-х гг. Это связано с тем, что в 1883 г. Русская православная церковь отмечала 500-летие начала миссионерской деятельности ***Стефана Пермского*** в землях предков современных коми — Перми Вычегодской, возведенного в 1383 г. в сан епископа Пермского. Именно в этом году опубликован его концептуальный историко-этнографический очерк «Пятисотлетие Зырянского края», некоторые идеи которого оказали существенное влияние на будущих историков Коми края[5]. На основе большого числа исторических документов Г.С. Лыткин воссоздал картину просветительской деятельности Стефана как представителя церкви. Таким образом, Г.С. Лыткин в своем очерке связал воедино историю Коми края и Московской Руси. Это основа его исторической концепции — история Коми края есть часть истории Московской Руси, ибо Стефан заложил основы владычества Московского государства. Именно он блестяще совершил мирное присоединение Зырянского края к Москве, разрешив таким образом длительный спор между Москвой и Великим Новгородом. Наиболее полно эта концепция изложена в другой работе — «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык»[6]. Итак, исторические работы Г.С. Лыткина имеют большое значение для выявления определенных этапов этнической истории народов коми. Сам исследователь в 1888 г. за свои труды по «*зырянскому языку и зырянской истории*» был избран членом-корреспондентом Финно-угорского общества в Гельсингфорсе[7]. Ранее, в 1870 г. он стал действительным членом Русского географического общества[8]

К книге «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык». Г.С. Лыткин

класса. Африка, Австралия, Азия и Америка. СПб., 1890; *Он же.* Учебник общей географии с таблицами. Курс III-го класса. Европа. СПб., 1890.

[1] Переписка VI С.-Петерб. гимназии за 1900 год с Попечителем учебного округа // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139, оп. 1, ед. хр. 8898, л. 84 и др.

[2] Весь Петербург. 1914. Столб. 223; С. 396.

[3] Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина Попечителя Университета о принятии Г. Лыткина в число студентов… Л. 19–25.

[4] *Костромина И.* Медводзя коми ученӧй-лингвист... С. 42.

[5] *Лыткин Г.С.* Пятисотлетие Зырянского края // ЖМНП. 1883. № 12. С. 275–326.

[6] *Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 4, 6, 9 и т. д.

[7] Société Finno-Ougrienne. 1903 // JSFOu. Bd. XXI. 1904. S. 3.

[8] Действия ИРГО за 1870 год. СПб., 1871. С. 46.

приложил «Объяснение к этнографической карте», в которой дал ряд обобщающих характеристик коми-зырян, часто в сравнении с коми-пермяками и вотяками (удмуртами). В этой книге опубликовано и несколько фольклорных текстов. Частично они были записаны самим автором, частично извлечены из книг ***П.И. Савваитова*** и ***Н. Рогова***.

Для исследователей традиционной культуры народов коми представляют интерес его лингвистические работы. В первую очередь следует отметить «Русско-зырянский словарь», изданный, к сожалению уже после смерти автора[1]. Он был подготовлен на основе первого варианта рукописного словаря ***Н.П. Попова***. Этот словарь содержит большое количество этнолингвистического материала, в том числе и вышедших из употребления терминов[2]. Это особенно актуально в настоящее время, когда ученые Республики Коми пытаются воссоздать т.н. *ва-коми* язык, чистый коми язык, и в современную языковую практику возвращаются многие слова, уже вышедшие из разговорной практики. Но Г.С. Лыткин существенно изменил словарь Н.П. Попов. По этому поводу он писал академику К.Г. Залеману: «*Я многое выпустил, многое изменил, кое-что внес свое; одним словом трудно сказать: словарь ли это Попова, или мой, составленный по Попову*»[3].

Важная заслуга Г.С. Лыткина заключается в том, что он впервые грамотно описал фонетическую систему языка коми, расшифровал памятники древнепермской (древнекоми) письменности, составил первые и до сих пор единственные сравнительные словари коми, удмуртского и мордовского языков[4]. По мнению В.И. Лыткина, одного из коми лингвистов, «*Г.С. Лыткин, вне всякого сомнения, является отцом коми языковедческой науки*»[5]. Кроме того, он впервые составил грамматику коми языка на родном наречии. Причем грамматическая терминология, предложенная им, используется до настоящего времени. По мнению Г.Г. Бараксанова, Г.С. Лыткин наиболее полно и последовательно использовал для коми языка т.н. фонологический (фонематический) принцип письма. (И это неудивительно — он имел специальную лингвистическую подготовку.) Для обозначения 33 фонем коми языка использовал буквы на основе кириллицы с общепринятыми в лингвистической науке знаками для обозначения мягкости[6]. В принципе эти диакритические знаки для коми языка были предложены еще ***А.И. Шегреном*** и стали активно использоваться Г.С. Лыткиным. Именно с этим был не согласен ***П.И. Савваитов***, который для обозначения мягкости согласных употреблял знак *j*, уже используемый в письменном языке для обозначения фонемы *Й*, что создавало дополнительные сложности как при письме, так и при чтении.

Г.С. Лыткин активно занимался переводом на коми язык различных текстов. Понимая, что употребление коми языка на родине было крайне ограничено, он попытался ввести этот язык в сферу богослужебной практики. Г.С. Лыткин писал: «*В детстве я любил посещать богослужение, совершаемое обыкновенно на славянском языке, и горько, горько плакал, что по незнанию языка, не понимаю того, что так складно поется и читается в церкви*»[7]. Это детское воспоминание послужило поводом для начала его переводческой деятельности церковной литературы. Из опу-

---

[1] *Лыткин Г.С.* Русско-зырянский словарь. Л., 1931. Рецензию на этот словарь У.Т. Уотилы см.: *Uotila U.T.* G.S. Lytkin. Русско-зырянский словарь // FUF. Bd. XXII. 1934. S. 13–15.

[2] *Костромина И.* О словарях Г.С. Лыткина // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. (Труды ИЯЛИ. Вып. 31). Сыктывкар, 1984. С. 114–129.

[3] Письмо Лыткина Г.С. — К.Г. Залеману // С-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 87, оп. 3, ед. хр. 23.

[4] *Лыткин Г.С.* К вопросу о зырянском языке и зырянской грамоте // ЖМНП. 1884. № 12. С. 91–108; *То же*. СПб., 1884; *Туркин А.И.* Лыткин Георгий (Юрий) Степанович // Коми язык: энцикл. С. 243–246.

[5] *Лыткин В.И.* Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) // СФУ. 1975. № 4. С. 293.

[6] *Бараксанов Г.Г.* Коми литературный язык XIX — начала XX в. // Rédei-Festschrift. Festchrift für Károli Rédei züm 60 .Geburtstag. Wien — Budapest, 1992. S. 43–48.

[7] *Лыткин Г.С.* Зырянский край … С. 16.

бликованных им переводов следует выделить «*Божественную литургию Св. Иоанна Златоуста*», «*Святое Евангелия от Матвея, Луки и Иоанна*», «*Псалтырь*», «*Деяния Св. Апостолов*», а также ряд важных молитв[1]. Причем он издавал свои переводы одновременно на русском и коми-зырянском языках[2]. Ученый выполнил и первый перевод на коми язык Жития Стефана Пермского. Работа Г.С. Лыткина была отмечена высшими государственными и церковными органами. Он был приглашен в Москву на торжественное богослужение, посвященное 500-летию принятия коми христианства как представитель «*зырянского народа*», состоявшееся в церкви Спас-на-Бору в Московском Кремле, где был похоронен свт. Стефан Пермский. 200 экземпляров его перевода «Божественной литургии» императрица Мария Федоровна повелела разослать «*в зырянские народные училища в ознаменование 500-летия утверждения учения Христа в зырянском крае*».

Для книги «*Зырянский край…»,* которую Г.С. Лыткин считал пособием по изучению русского языка для зырян, он выполнил ряд переводов из «Родного слова» Н.С. Ушинского, в частности включенные в эту книгу русские народные сказки и пословицы. Г.С. Лыткин, в отличие от своих земляков-просветителей, разработал программу по организации школы, ведущей обучение на коми языке. Он писал: «*Книгою под заглавием "Зырянский край и зырянский язык" нужно пользоваться в следующем порядке. Дети должны быть обучены сначала чтению и письму зырянской азбуки, затем зырянских числительных имен; далее чтению произведений народного творчества зырян без перевода их на русский язык. Когда дети достаточно освоятся с зырянской грамотою, необходимо перейти сначала к изучению русской гражданской азбуки, затем русских числительных имен, далее чтению русского перевода произведений творчества зырян. Только после этого изучается та часть, которая озаглавлена "Переводы с русского языка на зырянский"*»[3].

В предисловии он отмечал, что книга предназначалась «*для зырянских народных школ как пособие при изучении зырянами русского языка*». Далее Г.С. Лыткин писал: «*И в Вологодской гимназии, и в С.-Петербургском университете при изучении восточных языков не покидала меня мысль — быть когда-либо полезным подрастающему поколению зырян переводами книг религиозного содержания на зырянский язык и составлением такой книги, которая дала бы им возможность изучить русский язык, употребляемый и в церкви, и в науке, и в суде. Эту мысль я мог привести в исполнение только в последние 6–7 лет, в свободные от уроков часы, по вечерам, праздникам и в каникулы*»[4].

На полифункциональность книги указал С.А. Югов, рассматривавший историю становления детской литературы на коми языке, отмечая в первую очередь в ней христианские сюжеты[5].

Г.С. Лыткин хотел, чтобы на родине его книга стала настоящим учебным пособием, но этому не суждено было сбыться, несмотря на положительные отзывы, полученные из Казани от ***П.Д. Шестакова***, ***Н.И. Ильминмкого*** и др. Министерство народного просвещения не решилось рекомендовать ее в качестве учебника. Лишь в 1896 г., в год празднования

---

[1] Докладная записка Г.С. Лыткин о составлении книг на зырянском языке // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139, оп. 1, ед. хр. 9908.

[2] *Лыткин Г.С.* Мijан Господ′лӧн Jісус Крістослӧн Вежа Бурjӧр Матвеjс´ан´. Коми кыл вылӧ выл′ыс′ пуктыс Г.С. Лыткин. Питiр. [Нашего господа Иисуса Христа Евангелие от Матвея. На коми язык вновь перевел Г.С. Лыткин] СПб., 1882; *Он же.* Божественная литургия святого Иоанна Златоуста на славянском и зырянском языках. СПб., 1883; *Он же.* Евангелие от Матвея, Марка, Луки и Иоанна на русском и зырянском языках. СПб., 1885; *Он же.* Деяния святых апостолов на русском и зырянских языках. СПб., 1885; *Он же.* Псалтырь на русском и зырянском языках. СПб., 1885.

[3] *Лыткин Г.С.* Зырянский край … Предисловие. С. IV.

[4] Там же. С. II.

[5] *Югов А.С.* Христианские истоки коми детской литературы // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 61.

500-летия успения св. ***Стефана Пермского***, по решению великой княгини Александры Иосифовны 250 экземпляров книги было разослано по школам Коми края. В 1903 г. министерство предприняло новую попытку использовать книгу Г.С. Лыткина как учебное пособие, для чего она необходимо было получить отзыв. Учитель Усть-Сысольского приходского училища ***А.А. Цембер***, в будущем известный коми краевед, дал отрицательный отзыв на книгу, в первую очередь на его переводы, заявив, что они выполнены на древнекоми языке, который малопонятен современным коми-зырянам. Здесь трудно согласиться с А.А. Цембером, потому что и тогда, и в наше время сложно пользоваться фактически «мертвым» языком для составления связного текста. Но решение не было принято, наоборот, оно было переадресовано попечителям Санкт-Петербургского и Казанского ученых округов, в юрисдикцию которых выходили школы, находящиеся на территории обитания коми-зырян и коми-пермяков[1].

Понятие «древнекоми» язык, которое использовал А.А. Цембер как отрицательное, в действительности являлось попыткой Г.С. Лыткина отказаться от использования русских заимствований при переводах и заняться словотворчеством с использованием исконных коми слов для создания аналогов библейской терминологии. Как отмечает современный коми лингвист Е.А. Цыпанов, здесь имеется тенденция «*к изменению синтаксического построения переводного текста в сторону обретения исконных, разговорных, фольклорных структур, приближаясь к нормам разговорного коми языка. ...При этом переводчики просто копировали при переводе строение сложных предложений исходного текста*»[2]. Именно эту пуристическую тенденцию, то есть стремление Г.С. Лыткина вернуть чистоту и древние грамматические и лексикографические формы, не поняли его «конкурент» и рецензент. Как переводчик и лингвист Г.С. Лыткин опередил свое время, ибо подобное стремление к *ва-коми*, то есть чистому коми языку, как и в других финно-угорских языках в России, в настоящее время особенно актуально и обсуждаемо[3].

Педагогические воззрения Г.С. Лыткина близки идеям и практике выдающегося русского педагога и ученого, члена-корреспондента Императорской Академии наук, крупнейшего специалиста по восточным языкам Н.И. Ильминского[4]. И это не удивительно: они были знакомы[5].

Интересную рецензию под названием «Горе побежденным» дал на сочинение Г.С. Лыткина А.С. Суворин, владелец и редактор небезызвестного «Нового времени». Она не утратила своего значения и в наши дни. В ней автор пишет, что коми слова имеют древнюю традицию и чаще всего означают

---

[1] *Коровина И.Н.* «…Истинно зырянская энциклопедия» // Арт-Лад. Сыктывкар, 2004. № 4. С. 186–187.

[2] *Цыпанов Е.А.* Способы передачи русских придаточных предложений времени в коми переводах Евангелия от Матвея // LU. 2004. № 3. P. 195.

[3] *Цыпанов Е.А.* О компьютерном фонде «Выль коми кыввор» (Новая коми лексика) // LU. 2004. № 2. P. 129–134.

[4] *Тулуз Ева.* Николай Иванович Ильминский и финно-угорские народы // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 129–138. О педагогической системе Н.И. Ильминского см.: *Ильминский Н.И.* Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык. Казань; *Он же.* Школа для первоначального обучения детей крещенных татар в Казани // ЖМНП. 1867. Ч. CXXXIV. С. 293–328; *Рождествин А.С.* Н.И. Ильминский и его система инородческого образования в казанском крае. Казань, 1900; *Зеленин Д.К.* Н.И. Ильминский и просвещение инородцев // Русская школа. 1901. № 12. С. 175–194; *Миропиев М.* Русско-инородческие школы системы И.Н. Ильминского // ЖМНП. 1908. № 1. С. 183–210; *Знаменский П.* На память о Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1892; *Исхаков Р.Р.* Просветительско-миссионерская концепция Н.И. Ильминского в образовательной системе пореформенной Казани // Образование и просвещение в губернской Казани. Казань, 2009. С. 126–138.

[5] Из их переписки видно, что Н.И. Ильминский всячески поддерживал научно-литературное творчество Г.С. Лыткина и помогал ему, выступая в качестве посредника с К.П. Победоносцевым. Последний читал книгу «Зырянский край …» еще в корректурных листах и предлагал автору смягчить некоторые наиболее жесткие выражения. Об этом см.: *Обрезкова А.* Из переписки Г.С. Лыткина с Н.И. Ильминским // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 139–145.

как физическое, так и моральное истребление покоренных народов, стремление к уничтожению памятников их прошлой исторической жизни. Отмечая, что русские не истребляют покорившиеся им народы, но в то же время и не заботятся о сохранении памяти прошлого, ассимилируют коми, через несколько поколений изменяющихся в русских, и с пренебрежением отворачиваются от того, что может напомнить о происхождении народа, былой религии, нравов, обычаев, истории и языка. Далее он отмечает, что до настоящего времени никто серьезно не задавался вопросом о происхождении финнов и всех их разнообразных ветвей, раскинувшихся от Балтийского моря в глубь Азии. Поэтому А.С. Суворин приветствует появление книги Г.С. Лыткина, в которой последний ставит ряд важных научных вопросов. Однако, по мнению рецензента, зырянский исследователь повторяет ошибку своих предшественников, начиная историю коми народа с момента его христианизации и сосредотачиваясь лишь на биографии ***Стефана Пермского*** и его преемников, забывая собственно о народе, его прошлом и особенностях, который, возможно, существовал задолго до начала государства Российского. Отсюда главный вывод Суворина: «*г-н Лыткин по случаю 500-летия пермской кафедры мог дать более обстоятельную работу, полнее восстановить былую картину Северной России в его настоящем виде*»[1].

Деятельность Г.С. Лыткина не была спокойной. Ему постоянно приходилось доказывать свою правоту. Основным противником Г.С. Лыткина был ***П.И. Савваитов***, который оспаривал созданную первым фонетическую систему для коми языка, которая до настоящего времени считается лучшей[2]. Основная причина разногласий исследователей — использование разных форм правописания коми языка. П.И. Савваитов настаивал на собственном алфавите, а Г.С. Лыткин предлагал использовать при переводах т.н. «шегреновско-академический» вариант. П.И.Савваитов в борьбе со своим «конкурентом» использовал все методы борьбы, вплоть до «непарламентских», включая доносы и обращения на имя обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Например, в письме на его имя, датированном 1881 г., П.И. Савваитов возражал против принятого директором Хозяйственного управления Синода Ильминским решения об издании «Литургии Иоанна Златоуста» по определению великой княгини Александры Иосифовны[3]. П.И. Савваитов предложил сделать совместный перевод текста, а в основу издания положить его азбуку (шрифт). Далее он замечает, что Г.С. Лыткин настроен против его предложений и настаивает на своем варианте. Так как на тот момент решение было принято, то П.И. Савваитов обращается к обер-прокурору как к последней инстанции в этом споре, предоставив на рассмотрение исправленный текст рукописи Г.С. Лыткина и свой вариант[4]. Текст литургии был издан в переводе Г.С. Лыткина. Но в рукописях остались не получившие разрешения к печати «Акафистъ и служба св. Стефану Пермскому», «Начатки христианского православного учения», «Жизнеописание святых Кирилла и Мефодия», «Последование вечерни», «Последование утрени», «Чин поминовения усопших», «Воскресный апостол», «Воскресное Евангелие», «Часослов».

Н.В. Никольский, в отличие от П.И. Савваитова, отмечает, что «*в переводах Г.С. Лыткин стремится дать точное соответствие подлиннику, народному языку и, по возможности, избегать слов и выражений, противоре-*

---

[1] *Суворин А.С.* Горе побежденным // Новое время. 1889.

[2] *Лыткин В.И.* Коми язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969. С. 308.

[3] Великая княгиня Александра Иосифовна (1830–1911), урожденная принцесса Фредерика Генриетта Паулина Марианна Елизавета Саксен-Альтенбургская, с 1848 г. была замужем за великим князем Константином Николаевичем, сыном императора Николая I.

[4] Писарская копия письма П.И. Савваитова на имя Обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцеву от 26 августа 1881 г. // Рукописный отдел РНБ. F XVII–70, л. 10 — 10 об.

чащих достоинству содержания. К числу недочетов надо отнести слишком строгий буквализм»[1]. Отзыв аналогичной направленности был написан П.И. Савваитовым и на рукопись книги «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык». На заседании Ученого комитета Министерства народного просвещения П.И. Савваитов задал вопрос, «*каким правописанием издать книгу, так как алфавит Лыткина не русский и не коми, зачем он вводит новый мягкий знак и т.д.*» Затем риторически возглашает, зачем учить людей читать по-новому, если есть уже его грамматика[2]. П.И. Савваитову удалось задержать издание книги, которая в итоге была напечатана в 1884 г. в академической типографии т.н. «шегреновской» азбукой.

Прежде чем закончить очерк об этом замечательном человеке, хотелось бы остановиться на его литературном творчестве. Г.С. Лыткин стоял у истоков коми литературы. Современные историки коми литературы не придают значения тому факту, что первые публикации стихотворных текстов на коми языке принадлежат именно ему. Этому есть политическое объяснение: стихотворения Г.С. Лыткина были приурочены к смерти императора Николая Павловича и воцарению наследника Александра и носили ярко выраженный верноподданнический характер[3]. Именно по этой причине первой публикацией на коми языке считаются стихи ***И.А. Куратова***, коми поэта и просветителя, опубликованные в Вологде в 1866 г.[4] К сожалению, тексты остальных поэтических произведений Г.С. Лыткина считаются утерянными. Кроме того, П.Д. Драганов упоминает о сделанных Г.С. Лыткиным около 1856 г. переводах стихотворений А.С. Пушкина на коми-зырянский язык, но эти тексты нам неизвестны[5].

Научная деятельность Г.С. Лыткина удостоилась высокой оценки на родине его в 1920-е годы, в период «национального романтизма». Но вскоре все изменилось. Творчество Г.С. Лыткина начинает восприниматься отрицательно. В качестве резко негативной характеристики его творчества можно привести мнение ***В.М. Подорова***: «*Лыткин является крупным представителем русского великодержавного национализма, борцом за великодержавный русский язык. В лице Лыткина царское правительство встретило в Коми вполне преданного для него человека, прошедшего высшую школу, который не хуже Министерства народного просвещения и царской полиции внедрял в быт коми русский язык, рассматривая коми язык как подсобный для изучения русского языка*»[6]. Фактически Г.С. Лыткину в упрек была поставлена разработанная им национальная образовательная программа, которую он не смог претворить в жизнь. Подобным образом оценивали его научное наследие вплоть до конца 1960-х годов. Например, Я.Н. Безносиков, автор единственной до настоящего времени монографии, посвященной исследованию развития культуры в Коми АССР, повторил, «*что он служил делу официальных самодержавных властей и реакционного духовенства. Его деятельность по переводу Евангелия и других церковных книг была замечена и одобрена кругами придворной знати и верхами духовных ведомств. Его покровителем стал известный мракобес обер-прокурор Синода Победоносцев*»[7].

---

[1] *Никольский Н.В.* К истории зырянского языка // ИОАИЭ. 1916. Т. XXVIII. Вып. 6. С. 516.

[2] Цит. по**:** *Костромина И.Н.* «**...**Истинно зырянская энциклопедия»... С. 181–182.

[3] *Лыткин Г.С.* Коми бӧрданкыв Николай Мудрӧй кулӧм вылӧ (Зырянское слово на кончину Николая Мудрого).[Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. СПб., 1855; *Он же*. Коми кыв вор Александр Николаевеч царство пуксьӧм вылӧ (Зырянское слово на восшествие на престол Александра Николаевича). [Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. СПб., 1855.

[4] К. Зырянские песни. // ВГВ. 1866. № 2.3. О дискуссии вокруг этой публикации см.: *Чисталева Т.А.* Кто автор статьи «Зырянские песни» // Куратовские чтения. Сыктывкар. 1973. Т. 1. С. 106–112.

[5] Цит. по: *Ванеев А.Е.* Коми-зырянское просветительство. С. 130-131.

[6] *Подоров В.М.* Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1933. Т. 2. С. 72.

[7] *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР… С. 48–49.

В настоящее время его имя вписано в анналы истории родной коми культуры. В 1996 г. факсимильным способом была переиздана главная книга его жизни — «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык», первое издание которой давно стало библиографической редкостью.

Завершая повествование о деятельности Г.С. Лыткина, хотелось бы отметить тот факт, что его архив не сохранился, поэтому сложно судить о его знакомых. Некоторые из коллег были обозначены в очерке. В этой связи следует упомянуть русского классика — Л.Н. Толстого, — в библиотеке которого были обнаружены книга Г.С. Лыткина «Зырянский край и зырянский язык...» и его учебники по географии с надписью «Графу Льву Николаевичу Толстому от душевно почитающего Зырянина на память»[1].

Один из крупнейших представителей коми национальной культуры конца XIX — начала XX в. — ***Каллистрат Фалалеевич Жаков*** (1866–1826), ученый-энциклопедист, педагог, писатель, человек удивительной и трагической судьбы. Сыктывкарский исследователь, доктор исторических наук И.Л. Жеребцов назвал его «*зырянским Фаустом*»[2]. Его научные заслуги и общественное значение долгие годы замалчивались, в начале 1930-х гг. он был объявлен «*буржуазным националистом*» Но в настоящее время многогранная деятельность К.Ф. Жакова все чаще привлекает внимание ученых[3]. Нас в первую очередь интересуют его этнографические работы.

К.Ф. Жаков родился 18 сентября 1866 г. в д. Давпон под Усть-Сысольском, (ныне — это район г. Сыктывкара) в крестьянской семье. Его отец был талантливым резчиком по дереву, довольно известным в Коми крае. Его руками было украшено множество местных храмов. Имя мальчику придумал местный священник: «*Чем мудренее святое имя, тем мудрее будет человек*», — заявил он и, как мы можем теперь судить, не ошибся. Родители Жакова заметили стремление мальчика к знаниям и решили его выучить. В конце жизни К.Ф. Жаков писал Э. Гросвальду, одному из своих учеников: «*Друг мой! Я происхожу из мифологической среды одаренных зырян*»[4].

В 1877–1878 гг. К.Ф. Жаков учился в Выльгортском начальном училище, в 1878–1881 гг. — в Усть-Сысольском уездном училище. Там впервые проявились его способности в науках. Например, он самостоятельно (по самоучителю) изучил английский язык. В 1881 г. он отправляется в г. Тотьму Вологодской губернии и поступает в учительскую семинарию, куда брали наиболее подготовленных к обучению юношей из зырян (коми). Именно здесь он начинает самостоятельно знакомиться с научной литературой. Под воздействием книг Ч. Дарвина он становится материалистом, критически относящимся к божественному объяснению происхождения мира. «*Убедился я, что мысль — химическое соединение в мозгу, что человек — обезьян, что великого Бога нет на небе*», — с иронией вспоминал позднее о том времени К.Ф. Жаков[5]. В это время К.Ф. Жаков знакомится с находящимися в Тотьме политическим ссыльными, что не приветствовалось местной властью. В результате, получив награду за успехи в учебе, он был признан губернатором неблагонадежным и лишен права преподавания в школе «*как атеист, не признающий*

---

[1] Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографич. описание. I. Книги на русском языке. А–Л. М., 1972. С. 434–435.

[2] *Жеребцов И.Л.* Зырянский Фауст в поисках Бога // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 244–250. Хотя впервые этот термин в отношении данного ученого применил Сергей Белоконь, опубликовав в журнале «Даугава» в 1988 г. одноименную статью.

[3] *Канев С.Н.* Каллистрат Жаков: жизнь и судьба. Сыктывкар, 1990; *Демин В.Н., Микушев А.К., Лисовская Г.К. Кузнецова Т.Л.* Творчество К.Ф. Жакова // Научные доклады Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар, 1991. Вып. 269; *Туркин А.И.* Писатель, ученый, просветитель // Парма. М., 1991. № 4. С. 31–41; *Он же.* Жаков К.Ф. // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 124–126.

[4] Цит. по: *Белоконь. С.И.* Зырянский Фауст // Даугава. 1988. № 5. С. 113.

[5] *Жаков К.Ф.* Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1906. С. 95.

бога». Одновременно он был включен в число лиц, которым воспрещалось заниматься преподавательской деятельностью во всех учебных округах империи.

В 1884 г. он отправился в Вятскую губернию, где стал чернорабочим на Холуницком железоделательном заводе, надеясь со временем овладеть какой-нибудь рабочей специальностью. К.Ф. Жаков среди рабочих пользовался уважением как за физическую силу («*двухпудовой гирей играл, как мячиком*»), так и за знания (по выходным занимался с товарищами математикой)[1]. Но со временем К.Ф. Жаков понял, что это не его призвание и вернулся на родину. Позже некоторое время работал волостным писарем в с. Корткерос Усть-Сысольского у. Однако Вятка продолжала интересовать его, и позднее он неоднократно бывал в этом городе уже в ранге признанного ученого и общественного деятеля[2].

К.Ф. Жаков в 1887 г. приехал в Вологду, губернский центр, надеясь продолжить образование. Здесь в 1888 г. он поступил в 5-й класс местного реального училища Вознесенского, зарабатывая средства на жизнь репетиторством в местных состоятельных семьях. Во время учебы К.Ф. Жаков вновь с огромным интересом изучал философию, в особенности труды И. Канта. Былой материализм исчез без следа. Потрясенный словами И. Канта о непознаваемости сути вещей, он в 7-м классе решил покончить с собой, отравился и чудом выжил. После этого К.Ф. Жаков ушел из училища, но в 1891 г. вернулся в Вологду, чтобы сдать экзамены экстерном.

Желая получить высшее образование, в августе 1891 г. К.Ф. Жаков прибыл в Петербург, где поступил в Лесной институт, намереваясь стать лесничим и связать свою судьбу с зырянским лесом. В Петербурге он познакомился со своим земляком, известным педагогом и ученым ***Г.С. Лыткиным***. В это время у К.Ф. Жакова возродился былой интерес к Священному Писанию, к православной вере. «*Мне захотелось стать священником*», — вспоминал К.Ф. Жаков много лет спустя[3]. Он вновь оставил учебу, не закончив I курса, уехал в провинцию, в родную Вологодчину. Вообще, этот период в жизни Жакова характеризуется постоянным поиском своего «Я», метаниями от позитивизма к мистике, от рациональной философии к религии.

В конце декабря 1891 г. К.Ф. Жаков снова приехал в Вологду. По совету епископа Иллариона он становится послушником Заозерской пустыни, где ведет праведную жизнь: читает церковно-служебные книги, посещает богослужения и т.д. Но свойственный ему рационализм вновь берет верх. Через несколько месяцев он стал преподавать в монастырской школе арифметику. К.Ф. Жаков, увлекшись, рассказывал об астрономии, физике, о солнце и планетах, о происхождении человека. «*Есть ученые, которые говорят, что Адама не было и Евы и что люди произошли от обезьяны»* (имеется в виду учение Дарвина. — *А.Т.*)[4]. Слухи об этих «еретических» речах быстро распространились по монастырю. К К.Ф. Жакову стали относиться с подозрением, и он решил отказаться от мысли стать монахом и вернулся в Вологду. Здесь с мая 1892 г. до весны 1895 г. он находился под гласным надзором полиции, без права выезда из города. В это время К.Ф. Жаков активно занимался самообразованием, по лекциям друзей-студентов освоил университетский курс математики, изучал астрономию, древнегреческий и латинский языки.

Несмотря на чинимые местным начальством препятствия, он в 1895 г. сдает экзамены за курс гимназии и вновь отправляется учиться, теперь в Киев, потому что Москва и Петербург были для него закрыты из-за его «политической неблагонадежности». В 1896 г. тридцатилетний К.Ф. Жаков стал студентом Университета Святого Владимира. Один год

---

[1] *Жаков К.Ф.* Сквозь строй жизни… С. 107.

[2] *Лисовская Г.К.* К.Ф. Жаков в Вятке // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С. 347–348; *Плосков А.И.* Об одной «вятской» лекции К.Ф. Жакова // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С. 435–436.

[3] *Жаков К.Ф.* Сквозь строй жизни... С. 169.

[4] Там же.

он проучился на физико-математическом факультете, затем перешел на историко-филологический, ибо, как он позднее писал, стало «*чрезвычайно ясно, что моим настоящим делом является народоведение, изучение народа со стороны его языка, литературы, антропологических и бытовых особенностей и т.п. Мое происхождение из среды финских инородцев и моя любовь к народам Севера с одной стороны, неисследованность и важность так называемого финского вопроса, с другой, заставили меня взяться за изучение именно финских племен*»[1]. Одновременно занимался высшей математикой, астрономией, психологией. В Киеве в 1896 г., по воспоминаниям самого К.Ф. Жакова, начались его занятия литературным творчеством (поэзией)[2].

В 1899 г. К.Ф. Жаков уехал из Киева на родину, ездил по деревням, записывая коми сказки, поверия, легенды. В том же году ему удалось добиться перевода на словесное отделение историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Его прошение на имя ректора этого учебного заведения датировано сентябрем 1899 г.[3] К прошению были приложены, как требовали правила того времени, свидетельство о рождении и крещении, о венчании, явке к воинской службе, увольнительная для поступления на учебу. Среди них имеется свидетельство, выданное Киевской городской полицией, о том, что «*по собранным свидетельствам студент Университета Св. Владимира К.Ф. Жаков, 31 год, состояния бедного, имущества движимого и недвижимого в Киеве не имеет, и средств к жизни добывает уроками*»[4]. При переводе К.Ф. Жакову были зачтены его оценки. Кроме того, в его личном деле сохранилось письмо ректора Университета Св. Владимира своему коллеге в Санкт-Петербурге. В нем он сообщал, что «*студент 5 семестра историко-филологического факультета Университета Св. Владимира Каллистрат Фалалеевич Жаков в поданном мне 8 июля с. года прошении ходатайствует о переводе его, в виду материальных обстоятельств и предполагаемого им изучения финских языков и этнографии Северной России, а также жительством его родственников в С-Петербурге, в С.-Петербургский Университет. Вследствие сего и на основании § 5 Университетских правил, препровождая при сем на усмотрение и зависящее распоряжение Вашего Превосходительства по особой описи документы студента Жакова, имею честь сообщить, что Жаков вероисповедания православного, родился 18 сентября 1866 г., поступил в Университет в августе месяце 1896 г. по свидетельству зрелости Вологодской гимназии от 23 мая 1986 г. за № 491 и слушал лекции физико-математического факультета по отделению естественных наук в течение 2-х полугодий (1–2 семестр), из которых зачтено одно, а в августе 1897 г., согласно прошению, перечислен на историко-филологический факультет, коего лекции слушал в течение 4 полугодий (1–4) семестры, которые ему зачтены*». Затем перечисляются отметки, полученные по полукурсовым экзаменам, а также отмечается, что ему выплачивалась стипендия и он освобожден от платы за учебу на 1899–1900 академический год. Отмечается, что «*в бытность в университете Жаков поведения был отличного, ни в чем предосудительном не был замечен и к переходу его в С.-Петерб. университет препятствий со стороны Университета Св. Владимира не имеется*»[5] .

В 1901 г. К.Ф. Жаков окончил университет с дипломом I степени. Сохранилось свидетельство, в котором отмечается, что «*предъявитель сего К.Ф. Жаков, крестьянский сын*

---

[1] *Туркин А.И.* Писатель, ученый, просветитель… С. 33.

[2] Там же.

[3] Прошение К.Ф. Жакова на имя ректора Санкт-Петербургского университета // Личное дело студента Императорского С.-Петерб. ун-та Жакова Каллистрата Фалалеевича // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. № 37213, л. 3.

[4] Личное дело студента Императорского С.-Петерб. ун-та Жакова Каллистрата Фалалеевича // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. № 37213, л. 10.

[5] Личное дело студента Императорского С-Петерб. ун-та… Л. 1.

православного вероисповедания, родился 18 сентября 1866 г. в Усть-Сысольском уезде Вологодской губ. По свидетельству зрелости Вологодской гимназии был принят в число студентов Императорского С.-Петербургского университета в сентябре 1899 г. и зачислен на историко-филологический факультет, в котором слушал курсы: по греческому и латинскому языку, греческой и римской литературе, греческой и римской истории, греческим и римским древностям, философии, теории и истории искусств, сравнительному языкознанию, санскритскому языку, русскому языку и словесности, славянской филологии, истории западно-европейской литературы, русской и всеобщей истории. Участвовал в установленном в учебном плане порядке практических занятиях, подвергнут испытаниям из Богословия и немецкого языка, и, по выполнении всех условий, требуемых правилами о зачете полугодий, имеет 8 зачетных полугодий»[1]. Этот документ был выдан для предъявления в испытательную комиссию университета.

В том же году К.Ф. Жаков был оставлен на кафедре русского языка и литературы для подготовки к профессорскому званию[2]. Это было связано с тем, что его дипломное сочинение «О грамматическом строе зырянского языка» было высоко оценено его научным руководителем профессором И.Н. Ждановым. К.Ф. Жаков обращается на историко-филологический факультет с подобной просьбой, которая была рассмотрена и удовлетворена на двухлетний срок начиная с 1 сентября 1901 г. с назначением стипендии в размере 50 руб. в месяц. К личному делу прилагается отношение отделения по охранению общественной безопасности и порядка при Санкт-Петербургском градоначальнике о его политической благонадежности[3]. Профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ рекомендует К.Ф. Жакова для стажировки в Императорском Александровском университете в Гельсингфорсе (Хельсинки) для продолжения образования по вопросам финно-угорского языкознания[4]. В своей рекомендации он отмечал, что «*оставленный при Университете для подготовки к профессорскому званию на кафедре русского языкознания К.Ф. Жаков желает посвятить себя главным образом изучению угро-финских языков, для научного исследования которых пока им ни официального, ни формального нет. Пребывая в нашем Университете, г. Жаков мог бы, правда, пополнить свои знания по языкознанию преимущественно ариоевропейской группы, но никоим образом не может заняться непосредственно научного изучения языков, избранных нашим кандидатом под руководством первоклассных специалистов, каковы прежде всего сегодня профессоры Гельсингфорского университета. Поэтому, имея в виду, как личную поездку г. Жакова, так и пользу для науки, я позволю себе предложить факультету командировать К.Ф. Жакова в Гельсингфорс с исходатайствованием ему значительно увеличенной стипендии. На полученные им теперь 600 рублей в год ему невозможно было бы существовать в Гельсингфорсе, если принять в соображение его семейные условия. В заключение замечу, что, познакомившись с г. Жаковым поближе и беседуя с ним о научных вопросах, я пришел к выводу, что он заслуживает доверия и что из него может выйти деятельный специалист по финнологии. Впрочем, доказательством этого служат 4 изданных до сих пор или же 3 подготовленных к изданию научно-литературных труда г. Жакова. Профессор Бодуэн де Куртенэ. СПб. 4/17 октября 1902 г.*»[5]. Он напи-

[1] Личное дело студента Императорского С-Петерб. ун-та… Л. 12.

[2] Личное дело об оставлении при Университете Каллистрата Фалалеевича Жакова на кафедре русского языка и словесности // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 1, д. № 9605.

[3] Там же. Л. 11.

[4] Прошение К.Ф. Жакова на имя ректора СПб университета о выдаче ему свидетельства на проживание в Финляндии с 20 февраля по 1 марта 1902 г. // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. № 9605, л. 14.

[5] Личное дело об оставлении при Университете Каллистрата Фалалеевича Жакова… Л. 17.

сал инструкцию для стажировки К.Ф. Жакова[1].

Пока решался этот вопрос, К.Ф. Жаков совершил поездки в Саратовскую, Самарскую, Пензенскую, Пермскую, Вятскую и Костромскую губернии[2].

Несмотря на то что Совет историко-филологического факультета, ректор и попечитель С.-Петербургского университета поддержали предложение проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ, стажировки в Финляндии у К.Ф. Жакова не было[3]. Товарищ министра народного просвещения в январе 1903 г. сообщил, «*что Его Превосходительство не находит возможным удовлетворить просьбу о командировке К.Ф. Жакова за неимением в Министерстве народного просвещения свободных мест. В командировке же с пособием со средств Университета препятствий со стороны министерства не встретится, если о том будет возбуждено ходатайство*»[4].

Одновременно К.Ф. Жакову становится ясно, что он не может заниматься литературоведением. В своем письме одному из своих учителей, члену-корреспонденту Императорской Академии наук, проф. И.А. Шляпкину он 2 апреля 1903 г. писал: «*Нынешняя моя поездка в Пермскую губ. для исследования инородцев (пермяков) окончательно мне показала, как мало могу я сделать для истории литературы: литературный материал финских инородцев довольно скуден и в значительной мере уже использован разными русскими исследователями. На затруднительность работы по этим причинам я, помнится, жаловался Вам, когда имел удовольствие с Вами беседовать. Но четыре мои поездки к инородцам раскрыли передо мною богатство лингвистического материала. Возможность говорить с финскими инородцами на их языке доставила мне массу интересных явлений именно в области языков. Вследствие всего этого я, как Вы знаете, второй год занимаюсь сравнительным языкознанием под руководством профессора Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ.*

Так как я официально я оставлен при кафедре русского языка и литературы и срок моего оставления нынче весной оканчивается, то я обращаюсь к Вам, многоуважаемый Илья Александрович, с просьбой, не возбудите ли Вы в заседании факультета вопроса о продлении моего оставления при Университете»[5].

Именно по ходатайству своих учителей К.Ф. Жакову был продлен срок пребывания в университете на 1903/04 гг. и выдано пособие на проведение экспедиций в Саратовской и Самарской губерниях в 1903 г. и в Архангельской губернии в 1904 г. По поводу последней поездки К.Ф. Жаков в своем прошении писал, что, «*желая исследовать языка и особенностей жизни зырян по реке Ижме Архангельской губернии и быта самоедов, а также сбора словарных материалов языка последних, я решаюсь покорнейше просить, не найдет ли возможным Совет ИФФ выдать мне какое-либо пособие для поездки в Ижемский край*»[6].

В сентябре 1904 г. К.Ф. Жаков обращается в Совет историко-филологического факультета со следующим прошением: «*Желая продолжить свои занятия по сравнительному языкознанию и держать магистерский экзамен в феврале 1905 г., честь имею просить Совет предоставить мне возможность считаться оставленным при Университете на предстоящий 1904/1905 академический год. Как на отчет о своих работах, имею честь сослаться на свои сочинения, подготовленные к печати и находящиеся у академика К.Г. Залемана*»[7]. Из этого прошения видно, что магистерский экзамен К.Ф. Жаков выдержал и защитил диссертацию в 1905 г., а не в 1902 г., о чем пишут исследователи его творчества.

---

[1] Инструкция профессора Бодуэна де Куртенэ магистранту К.Ф. Жакову // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 737, оп. 151, д. № 326, л. 64.

[2] Там же. Л. 15, 16.

[3] Переписку по этому поводу см.: Там же. Л. 19, 22, 23.

[4] Там же. Л. 20.

[5] Цит. по: *Плосков И.А.* Из архивных материалов К.Ф. Жакова // Лад-Арт. Сыктывкар, 2001. № 3. С. 113.

[6] Там же. Л. 28.

[7] Там же. Л. 31.

В личном деле К.Ф. Жакова сохранился один любопытный документ, который требует своего объяснения. В сентябре 1905 г. С.-Петербургское губернское жандармское управление в письме на имя ректора с пометой «Секретно» попыталось выяснить, «*нет ли в числе лаборантов и хранителей С.-Петерб. университета, а также в числе оставленных для подготовки к профессорскому званию лица с фамилией "Жаков", а также его имени и отчества, если же он выбыл, то куд*а». В ответе ректора было написано, что «*в числе оставленных для подготовки к профессорскому званию состоял Каллистрат Фалалеевич Жаков по кафедре русского языка и словесности с 1 сентября 1901 г. по 1 сентября 1905 г., а с сего срока оставленным при Университете не состоит. И так как с истечения срока оставления при Университете связь с г. Жаковым Университет прекратил, то местопребывание его в настоящее время неизвестно*»[1]. К.Ф. Жаков, действительно, в это время уже не числился в университете.

Магистерская диссертация ученого называлась «Народная словесность зырян и русские сказки». В ней он впервые обращается к «Калевале», калевальской ритмике, легендарной Биармии. Может быть, именно в это время у него зародилась идея создания коми литературного эпоса «Биармия», позднее претворенная в жизнь[2]. Как пишет А.И. Туркин, «*университетские годы широко раскрыли разносторонние грани его дарования, послужили стартовой площадкой для новых творческих дерзаний и поисков*»[3].

Петербургский период жизни К.Ф. Жакова, длившийся до лета 1917 г., отмечен активной научно-педагогической и литературной деятельностью. Несмотря на то что он не получил должности в университете, два года читал там курс коми языка. По просьбе факультета, попечитель Петербургского учебного округа разрешил «*выдержавшему испытания на степень магистра сравнительного языкознания К.Ф. Жакову приватное преподавание зырянского языка на 1 год, не приурочивая это преподавание ни одной из кафедр*» с сентября 1906 г.[4]

Университет продолжал оказывать содействие К.Ф. Жакову в его исследованиях. В частности, университет выдал ему в 1908 г. пособие для поездки на Печору. Судя по документам, окончательно разрыв с эти учебным заведением произошел в 1913 г., когда Жаков попросил выдать ему документы, а именно — диплом и магистерское свидетельство, «*так как я в университете не служу, а пользуюсь лишь правами частного преподавателя*»[5].

В последующие годы К.Ф. Жаков преподавал русский язык, литературу и историю в разных петербургских учебных заведениях: женском пансионе польско-католического училища при костеле св. Станислава, в Окружной, 1-й и 10-й петербургских гимназиях. В 1906–1916 гг. К.Ф. Жаков преподавал на различных общеобразовательных курсах (Черняевских, Фребелевских), «курсах Энциклопедии высшего знания» и т.д.[6]

В 1908 г. академик В.М. Бехтерев пригласил его на кафедру логики в Психоневрологический институт, где К.Ф. Жаков до 1917 г. читал лекции по логике, этике, философии и стал профессором. Этот институт стал главным пристанищем выходца из Коми края. Долгое время ученый занимал в нем должность заведующего по студенческим делам. К.Ф. Жаков был любимцем студентов. Один из учеников К.Ф. Жакова по Чернявинским курсам и Психоневрологическому институту, земляк Ф.П. Чукичев, позднее писал, что «*он был душой курсов, учителем жизни. Он умел заражать людей беспредельной любовью*

[1] Цит. по: *Плосков И.А.* Из архивных материалов К.Ф. Жакова... Л. 34.

[2] Текст диссертации хранится в Архиве РГО. Раз. 53, оп. 1, № 91.

[3] *Туркин А.И.* Писатель, ученый, просветитель… С. 34.

[4] Там же. С. 35.

[5] Там же. С. 45.

[6] *Жакова Л.* К.Ф. Жаков как педагог // Лад-Арт. Сыктывкар, 2001. № 3. С. 114–123.

*к истине, науке и искусств*у»[1]. Его квартира в Петербурге, на Гатчинской ул., 19, всегда была открыта для людей. Например, писатель В. Шкловский, который был одним из его учеников в Окружной гимназии, вспоминает, что весной 1913 г. он встретил там писателя Александра Грина, который некоторое время жил на квартире К.Ф. Жакова по чужому паспорту, скрываясь от полиции[2]. Так, А.И. Туркин пишет, что в особом журнале Совета Министров в 1914 г. зафиксировано, что «*на квартире заведующего учебными делами института профессора Жакова для учащейся молодежи устраиваются чтения якобы для научных лекций, но на самом деле для обсуждения политического свойства вопросов*»[3]. В 1915 г. К.Ф. Жаков под давлением властей был снят с этой должности.

Психоневрологический институт открылся в Петрограде в июне 1907 г. как первое всесословное частное высшее учебное заведение. Он был создан В.М. Бехтеревым и стал весьма популярным. Среди студентов института преобладали «инородцы» и девушки, ибо эти две категории молодежи не имели доступа в государственные вузы. Так как обучение было платным, для поддержания неимущих устраивались благотворительные вечера, лекции, концерты. На них выступали все известные русские люди того времени. Это высшее учебное заведение ставило своей целью разработку и расширение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними ряда гуманитарных наук[4]. Так как институт был научно-исследовательским заведением, то его сотрудники первоочередной задачей считали всестороннее изучение мозга, а также придание психологии статуса учебной дисциплины, которая должна преподаваться всем студентам. Предполагалось, что в институте студентами будет получено широкое психологическое образование. Из общего курса, на котором были сосредоточены главным образом биологические, неврологические, исторические и общественные науки, с 1910 г. выделилась психологическая секция с научными дисциплинами, составляющими «разветвление психологии и философии»: индивидуальная, общественная и национальная психология, философские науки, общее языкознание и др. Профессорско-преподавательский состав института не уступал университетскому. Но в отличие от университета, в институте читались специальные лекции по социологии (М.М. Ковалевским и Е. де Роберти). Одновременно функционировали различные научные кружки, в том числе философские: «История философии» (руководитель К.Ф. Жаков), «Кружок по изучению теории познания» (руководитель К.Ф. Жаков), «Философско-экономический кружок» (руководитель И.В. Чернышев), «Философско-социологический кружок» (руководитель Е. де Роберти).

Власти видели в этом институте «рассадник крамолы» и неоднократно пытались его закрыть, что и было сделано за три дня до начала Февральской революции.

К.Ф. Жаков вел большую культурно-просветительскую работу, много ездил по стране с лекциями, бывал в Центральной России, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Финляндии, Китае, Японии. Сведения о подобных поездках отражены в центральной и провинциальной печати[5]. Почти ежегодно К.Ф. Жа-

---

[1] *Чукичев Ф.П.* Жаков как преподаватель // Архив Национального музея Республики Коми. Ф. 945, № 7.

[2] *Шкловский В.Б.* Ледоход // Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972. С. 204.

[3] *Туркин А.И.* Писатель, ученый, просветитель… С. 35.

[4] Справочная книга о Психоневрологическом институте на 1912/13 гг. СПб., 1912.

[5] См., например: Профессор К.Ф. Жаков (К его приезду в Архангельск) // Северное утро. 1911. № 49. (В статье сообщаются сведения о его биографии и предстоящих лекциях. В № 51, 52, 55, 56, 71 анонсируется краткое содержание лекций.); *Айнов.* Современная жизнь на Севере // Северное утро. 1911. № 80, 81. (В статье приводится реферат доклада К.Ф. Жакова на заседании «Общества взаимопомощи уроженцев Архангельской губернии в С.-Петербурге».); У проф. К.Ф. Жакова // Северное утро. 1913. № 130. (Интервью о его предстоящей поездке в Большеземельскую тундру. В № 132 за тот же год — сообщение о его лекции «Трагизм в русской литературе». В этом году во время пребывания в Архангельске он прочитал шесть публичных лекций.)

ков приезжал в Коми край, стараясь по мере сил содействовать просвещению местного населения. Неотъемлемой частью просвещения, народного образования он считал изучение родной культуры, истории родного народа. Ученый предлагал провести реформу школьного образования, не устраивавшего его из-за косности и начетничества. В ходе одной из таких поездок К.Ф. Жаков познакомился ***Питиримом Сорокиным***, которому позднее помог «выбиться в люди».

Отдельно следует остановиться на его поездке в Японию в 1913 г.[1] После этой поездки он высказал идею о генетической родственности зырянского и японского языков. В частности, он пишет, что выявил в японском языке 280 коми корней. Несмотря на нелепость такого утверждения, в нем есть определенное рациональное зерно, если исходить из гипотезы об урало-алтайской прародине финно-угров. Но это предположение вызвало серьезную критику[2]. Наиболее аргументировано против идей К.Ф. Жакова высказался оппонент, скрывшийся под псевдонимом «Морт». Из его высказываний видно, что он коми-зырянин, свободно владеет коми языком, знает грамматику этого языка и знаком с последними публикациями по лингвистике и этнографии коми. Разобрав статью К.Ф. Жакова, указав на многочисленные лексикографические и грамматические ошибки его умозаключений, автор рецензии приходит к выводу, что уважаемый профессор не привел ни одного достаточно ясного научного свидетельства об этом родстве. Отмечая экзальтированный характер записок автора, Морт заканчивает свою рецензию резким заключением: «*Когда нам не дают никаких доказательств этого родства, а просят верить на слово, то мы считаем вынужденными отказаться от подобного "родства", потому что "самозваными" сородичами ни японцев, ни кого другого быть не хотим*». Современные исследователи также скептически относятся к подобным построениям К.Ф. Жакова[3].

К.Ф. Жаков рассматривал язык как живой памятник истории, средство изучения прошлого народа. Наиболее полно его сравнительно-историческая методология использования данных языкознания для изучения этнической истории народа представлена в статье «*Судьбы финно-угорских племен в историческое и доисторическое время*»[4]. В ней он обосновывает финно-угорское родство, используя в качестве доказательства широкий круг лингвистических параллелей. В то же время он высказывался против урало-алтайской гипотезы происхождения финно-угорских народов, считая, что финно-угры «*не принадлежат к монгольской расе, а составляют особую европейскую расу*». Таким образом, он противоречит высказанной им самим идее родства зырянского и японского языков, что возможно только в общей урало-алтайской языковой семье. В то же время идея о возможности отдаленного урало-индоевропейского родства все чаще привлекает внимание лингвистов[5]. Далее К.Ф. Жаков рассматривает проблему финно-угорской прародины,

---

[1] *Жаков К.Ф.* В Японии // Вестн. знаний. 1913. Кн. 1; *Он же.* О соотношении японского и самодийского языков к угро-финским, в частности к зырянскому языку, и историко-культурные выводы // Изв. АОИРС. 1913. № 15. С. 711–713.

[2] Важные открытия: О сходстве японского и зырянского языков, выявленное К. Жаковым // Думы Забайкалья. Чита, 1912. 29 авг.; *Морт.* Родственны ли зыряне японцам? (По поводу поездки Жакова в Японию) // Изв. АОИРС. 1914. № 17, 20.

[3] О лингвистических взглядах К.Ф. Жакова см.: *Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л.* О некоторых взглядах Каллистрата Жакова на язык // LU. 1989. № 4. С. 288–291; *Туркин А.И.* К.Ф. Жаков как исследователь финно-угорских языков // LU. 1991. № 4. С. 277–283.

[4] *Жаков К.Ф.* Судьбы финно-угорских племен в историческое и доисторическое время // Изв. АОИРС. № 17. С. 409–412.

[5] *Серебренников Б.А.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // Тр. Акад. наук Литовской ССР. Вильнюс, 1957. Сер. А. Вып 1 (2); *Напольских В.В.* Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 2: Филология. Этнология; *Он же.* Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье середине I тыс. н.э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3–19.

которую он трактует как финскую. По его мнению, она охватывала огромную территорию: от Вислы — на западе, Дона — на юге, Уральских гор — на востоке и Ледовитого океана — на севере. Этот район был очерчен прежде всего на основе топонимических данных из коми языка, без привлечения сведений из других финно-угорских языков. В этом отражается влияние на методологию К.Ф. Жакова ономастической методологии ***А.И. Шегрена***, который впервые научно обосновал возможность использования подобного материала в этногенетических исследованиях. Хотя теоретический уровень изысканий последнего уже не соответствовал достижениям финно-угорского языкознания[1].

К.Ф. Жаков предлагал ввести в школе преподавание родного коми-зырянского языка, которому придавал огромное значение[2]. «*Язык — душа народа...*» — говорил К.Ф. Жаков. «*Долг каждой нации сохранять свой язык и охранять чужие языки, долг каждого человека — серьезно и свято относиться не только к языку современных культурных народов, но и к языку народов, не попавших в светлый круг культурно-исторической жизни, народов, исчезнувших или исчезающих*». Для свободного развития и функционирования коми языка и просвещения коми К.Ф. Жаков считал необходимым издание литературы и выпуск еженедельной газеты на коми языке. И хотя эта просветительская деятельность не получила должной поддержки со стороны властей, он остался в народной памяти как подвижник этого дела.

Начав свою научно-педагогическую деятельность как этнограф, фольклорист, лингвист, К.Ф. Жаков со временем все больше внимания стал уделять философии. Его мировоззрение базировалось на так называемой дуалистической философии: с одной стороны, он был материалистом, а с другой — идеалистом, критикующим субъективный идеализм с позиций идеализма объективного[3]. Он создал оригинальное философское учение, получившее название «лимитизм» (от лат. *limes* ‘предел’), т.е. философию предела, одно из ключевых положений которого гласило, что «*познание — переменная величина, идущая к своему пределу, к бытию*». Жаков считал, что для человеческого познания существует предел как в области философии, математики, физики, так и в других областях наук. Человек не может познать высшие законы, установленные богом. Согласно его теории первопричиной всего в мире является «Первопотенциал, или Бог». По мнению ученого, лимитизм синтезирует науку, искусство и религию и основан на математически точно вычисленных положениях. В начале XX в. К.Ф. Жаков окончательно перешел на позиции религиозной философии, но свое учение о Первопотенциале и «лимитизме» он адресовал не только религиозным людям: «*Лимитизм является почвою, на которой атеист способен объединиться с человеком верующим*», — говорил он. До конца своей жизни К.Ф. Жаков пропагандировал идеи лимитизма[4]. У этой теории было немало последователей. В тех местах, где жил К.Ф. Жаков, возникали философские кружки лимитистов. Так, с целью распространения идей лимитизма в сентябре 1920 г. в Риге было создано «Общество лимитивной философии в Латвии». Ранее подобное общество существовало в г. Юрьеве (ныне — г. Тарту). Но сегодня о философских разысканиях К.Ф. Жакова знают только специалисты по истории философии[5].

---

[1] Основы финно-угорского языкознания. Т. 1. С. 33–43.

[2] См., например: *Жаков К.Ф.* Доклад о необходимости среднего учебного заведения для Зырянского края // Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии 1907 года и доклады Управы с приложениями. Усть-Сысольск, 1908. С. 504–508.

[3] *Жаков К.Ф.* Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. СПб., 1907.

[4] *Жаков К.Ф.* Основы эволюционной теории познания (лимитизм). СПб., 1912; *Он же.* Лимитизм. 1 лекция. Пг., 1917; *Он же.* Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929; *Он же.* Лимитизм. Избранные главы // Арт-Лад. Сыктывкар, 2001. № 3. С. 86–95.

[5] *Грузенберг С.* Очерки современной русской философии. СПб., 1911.

Кроме философии и других упоминавшихся наук К.Ф. Жаков занимался литературоведением, математикой, астрономией, увлекался психологией, фармакологией, геологией, археологией и т.д.[1] В начале XX в. он был избран членом Парижского астрономического общества.

Отдельно следует рассмотреть его литературную деятельность. К.Ф. Жаков как писатель пользовался немалой известностью. Несмотря на то что он начал писать достаточно поздно (его первое сочинение было опубликовано, когда К.Ф. Жакову было 35 лет), его перу принадлежит много прозаических и поэтических произведений: очерки из жизни коми, удмуртов, коми-пермяков, русских, реалистические и фантастические рассказы, сказки, в которых чрезвычайно искусно использовал фольклор коми народа. Ему принадлежат более 60 беллетристических произведений, из которых 42 носят этнографический характер. В первый, начальный период творчества в своих реалистических рассказах и очерках он изображает нищенское и бесправное существование народов Севера России. С общедемократических позиций с явным сочувствием К.Ф. Жаков рисует трудящихся, крестьян-бедняков, представителей рабочего класса[2].

Наиболее значительным литературным трудом К.Ф. Жакова является автобиографическая повесть «Сквозь строй жизни»[3]. В этой книге уделяется внимание социально-экономической жизни Коми края, описанию народного быта. Генеральная нить книги — история человека, «*искателя знаний и истины*», *стремящегося* «*постичь причины горя страдающего любимого народа*». Главный герой книги — Гараморт — это сам К. Жаков. Алексей Айнов, откликнувшийся на выход первого тома этой книги, справедливо отметил, что «*легенда, сказка лишь канва, руководствуясь которой автор лишь вышивает узор своих задушевных мыслей… Скорбь о человечестве, гибнущем в тисках неправильных понятий цивилизаций, тоска по смутно-мелькающему впереди идеалу, вера в очищающую силу новых молодых народов — вот какой смысл многих произведений К.Ф. Жакова*»[4]. Были и другие рецензии. Например, одну из них написал товарищ ***П.А. Сорокина*** по университету, будущий экономист Н. Кондратьев[5]. По мнению Н. Кондратьева, новая книга К. Жакова, «*быть может, одна из самых задушевных и грустных, какую я когда-нибудь читал. И вполне понятно почему. Она явно биографического характера*». Далее рецензент отмечает, что в этой книге повествуется о поисках сильного, незаурядного человека, вышедшего из тайги Дальнего Севера и нашедшего свое место в современном культурном мире. Н. Кондратьев

---

[1] Например: *Жаков К.Ф.* Личность и общество в учениях Ницше, Достоевского и Толстого: Тезисы // Протоколы заседания Русского общества нормальной и патологической психологии за 1904 год. СПб., 1908. С. 163–166; *Он же.* Иван Карамазов: Попытка философского истолкования романа Достоевского «Братья Карамазовы» // Ясная Поляна. 1909. № 5. С. 25–32; № 6. С. 33–64; *Он же.* Леонид Андреев и его произведения // Леонид Андреев. Рассказ о семи повешенных. СПб., 1909. С. 3–34; *Жаков К.Ф.* Понятие бесконечности в алгебре, в анализе, в геометрии, в философии; проблема о бесконечности пространства, проблема о бесконечности вещества // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 1 (61). С. 568–580.

[2] Этим проблемам посвящены сборники его рассказов: «На севере, в поисках за Памом, Бур-Мортом». СПб., 1905; «Очерки жизни рабочих и крестьян на Севере». СПб., 1906; «Из жизни и фантазии». СПб., 1907; «В хвойных лесах. Рассказы Коми-Морта». СПб., 1908; «Под шум северного ветра». СПб., 1913; «Гарморт на Крайнем Севере». СПб., 1914 и др. Характеристику К.Ф. Жакова как литератора см.: *Лисовская. Г.К.* Новеллистика К.Ф. Жакова // Творчество К.Ф. Жакова… С. 11–23; *Она же.* Рассказ начала XX века и своеобразие рассказов К.Ф. Жакова // Становление и развитие коми фольклора и литературы. Сыктывкар, 1991 (Тр. ИЯЛИ); *Она же.* Жизнь Коми края в конце XIX — начале XX века по произведениям К.Ф. Жакова // Изв. ОИКК. Сыктывкар, 2007. № 1 (10). С. 134–140; *Pogodin A.* Żakov. Ethnologische Skizze über die Syrjänen // FUF. 1901. Bd. 1.

[3] *Жаков К.Ф.* Сквозь строй жизни. СПб., 1912–1914. Ч. 1–4. Литературоведческий анализ книги см.: *Кузнецова Т.Л.* Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // Творчество К.Ф. Жакова… С. 23–32.

[4] *Айнов А.* К.Ф. Жаков. Сквозь строй жизни // Северное утро. 1912. № 152.

[5] *Кондратьев Н.* Жаков К.Ф. «Сквозь строй жизни». Издание М.К. Костина. СПб. Т-во «Грамотность» // Изв. АОИРС. 1912. № 18. С. 824–830.

обращает внимание на внутренний конфликт героя, который, с одной стороны, стремится к знанию, в город, а с другой — не может оторваться от прежней жизни; между рационализмом знания, философией, и верой в традиционные представления. Именно конфликт ведет к утрате душевного покоя главным героем, а вместе с ним и автором. Отсюда его чувство одиночества, тоски. Н. Кондратьева интересует вопрос: где выход из этой ситуации? По его мнению, одни стали бы искать выход в пьянстве. Герой К. Жакова, как и автор, выбирает другой путь — поэзию, художественное творчество. Его герой восклицает: «жажда *высшей жизни — источник моего творчества. В нем мое спасение*». Кстати, этой идеи не поняли критики 1930-х гг., основывавшиеся на фразе К.Ф. Жакова: «*Здесь источник моей религиозности*». Но далее следуют слова: «*и поэзии*». Заканчивая рецензию, Н. Кондратьев замечает, что «*терзания эти — удел развитого могучего духа*». Они служат показателем духовного прогресса, и это явление очень типично для «*нашего современного общества*». В этом смысле К.Ф. Жаков не одинок.

Другой рецензент, А. Поведская, в первую очередь останавливается на «*оригинальном психологическом материале*» книги[1]. По ее мнению, книга К.Ф. Жакова представляет интерес не столько с художественной точки зрения, сколько с психологической. Ибо фигура К.Ф. Ж.акова, «*крестьянина-инородца, ныне профессора, писателя, представляет собой оригинальную фигур*у». Он прошел «сквозь строй жизни», пробил твердую стену, отделяющую крестьянина бедняка от человека более высокого культурного уровня. В произведении нарисован психологический портрет героя, который постоянно сравнивается с автором, его неудачами и успехами. А. Поведская отмечает одновременно «*сплошной стон больной измученной души*» и «*режущие горделивые самовосхвалени*я» по отношению к собственной книге. Указывается на проповедь эволюционной религии, которая пронизывает всю книгу. Но самым ценным А. Поведская считает то, что, несмотря на всю обрушившуюся на него критику с момента начала литературного и научного творчества, К.Ф. Жаков твердо придерживается собственных творческих приемов, сохраняет свой этнографический стиль. В защиту этого тезиса А. Поведская приводит цитату из его книги: «*Напрасно мне говорят друзья, чтобы спокойно писал я, чтобы созидал литературные произведения, применяясь ко вкусам современников, и меньше давал бы места выпадам. Я не могу слушать современников, ибо не знаю, что будет ценить потомство: литературу или правду*».

Рецензент отмечает еще один положительный момент книги — это пафос веры в силу *«первобытных народов*» [подразумевая под ними в первую очередь инородцев России. — *А.Т.*]. Ф. Жаков пишет: «*Я должен показать первобытным народам, что силы много в их груди, терпения, непочатый угол — стремлений, что буря. Мы способны к наукам, к искусству, ко всему высокому и благородному. Первобытные народы — источник жизни грядущей. Есть Бог, помогающий первобытным народам. Он поможет мне, если не победит міръ, то не быть побежденным*»[2]. В определенной степени К. Жаков был прав.

Необходимо остановиться на литературных сказках К.Ф. Жакова. Многократно бывая на Севере, он всегда собирал и записывал сказки и легенды. Выше уже было сказано, что его магистерская диссертация была посвящена сказкам народа коми. Это первая научная работа, в которой рассматривались проблемы коми фольклора. Чтобы передать красоту языка, образность сюжетов, колорит и картинность сказаний народов Севера, К.Ф. Жаков предпринимает серию публикаций коми сказок на русском языке с целью их популяризации[3]. Его философские сказки пу-

[1] *Поведская А.* «Сквозь строй жизни» К.Ф. Жакова // Изв. АОИРС. 1914. № 18. С. 579–583.

[2] *Жаков К.Ф.* Сквозь строй жизни. Пг., 1914. Ч. 3. С. 51.

[3] *Оронович В.* Творчество К. Жакова. (О северных сказках и поэмах К. Жакова) // Архангельские ведомости. 1911. № 32.

бликовались в научных журналах, провинциальных газетах. Часто он издавал их небольшими книжками за свой счет (для этого он основал в Петербурге небольшое издательство «Парма»)[1].

Блестящий анализ этих беллетристических произведений сделан его земляком, студентом Петербургского университета, начинающим ученым ***П.А. Сорокиным***, который в 1910 г. публикует статью «Грезы Севера». Она является рецензией на ряд сборников рассказов К.Ф. Жакова[2]. В оценке этнографической беллетристики К.Ф. Жакова П.А. Сорокин исходит из теоретического предположения, высказанного Шарлем Летурно в его книге «Литературные эволюции различных народов»: одной из особенностей финского художественного творчества является обилие фантазии и грез, богатство образов, красок и анекдотов. Ш. Летурно с этой точки зрения рассматривает «Калевалу». По мнению П.А. Сорокина, аналогичные мотивы — сказки, грезы, мечты — можно встретить в творчестве К.Ф. Жакова. Рассматривая главных героев беллетристических произведений К.Ф. Жакова, П.А. Сорокин выделяет несколько групп. Во-первых, сказочники, рассказчики, певцы, музыканты, исполнители. Их устами часто говорит сам ученый. Во-вторых, великие колдуны, среди которых много персонажей, реально зафиксированных в фольклоре коми тунов. (Позднее многие из этих действующих лиц появляются в работах ***А.С. Сидорова***.) Рецензент также пишет, что ему приходилось записывать аналогичные сказания у зырян. В то же время П.А. Сорокин отмечает, что К.Ф. Жаков, пользуясь художественными способами, описал основные типы коми-зырян, ибо он, «*сам зырянин, много занимавшийся этнографией зырян, до мелочи изучил их жизнь, обычаи, песни и душу и все это красиво набросал в этих очерках, проникнутым единством настроения и легкой грустью*». Далее он отмечает, что «*в творчестве Жакова раскрывается своеобразный мир, мир, богатый красками, аккордами и образами, таинственными звуками, окутанный мистицизмом*». И завершая свой очерк, П.А. Сорокин пишет: «*Кто ищет в искусстве новые миры, отличные от действительности (а эту роль и выполняет, по нашему мнению, искусство), тот получит известное эстетическое наслаждение от пропитанного запахом смолистых сосен мира, рисуемого Жаковым*».

Наивысшим достижением К.Ф. Жакова в этой области стала большая эпическая поэма «Биармия», сочиненная им на русском языке[3]. Она завершена во время пребывания в Финляндии в 1916 г. и направлена автором на суд А.М. Горького. К сожалению, поэма не была издана в те годы и сохранилась в личном архиве А.М. Горького[4]. В настоящее время известны два рукописных списка этой поэмы[5]. Это произведение является крупнейшим стихотворным творением К.Ф. Жакова. Оно состоит из 46 частей, содержит около 7 тыс. стихотворных строк на 215 страницах.

Об истории создания поэмы мы можем судить по авторскому предисловию, написанному по просьбе М. Горького и оставшемуся неопубликованным в сыктывкарском издании. В нем К.Ф. Жаков пытается убедить М. Горь-

---

[1] Можно указать некоторые из них: *Жаков К.Ф.* Уриила; Венулитто; Мили-Кили; Нева-Херге; Ниеганелла (Сказание о Зле). СПб., 1908; *Он же.* Атаман Шипича. СПб., 1910; *Он же.* Тогай. (Северное предание) // Вестн. знания. 1910. № 10. С. 1077–1085; То же // Северное утро. 1911. № 93, 98, 100, 102; *Он же.* Нялай // Северное утро. 1911. № 52, 54; *Он же.* Войморт. (Северная сказка) // Вологодский листок. 1911. № 282, 283; *Он же*. Бегство северных богов (Сказание) // Архангельские ведомости. 1911. № 33; *Он же*. Жизнь Гаморта // Северное утро. 1913. №. 132, 133, 136, 137, 141, 143, 148, 150, 154, 155 и т. д.

[2] *Сорокин П.А.* Грезы Севера. (К.Ф. Жаков. «На Север в поисках за Памом Бур Мортом», «В хвойных лесах», «Из жизни и фантазии», «Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере» // Изв. АОИРС. 1910. № 17. С. 33–37; То же // Арт-Лад. Сыктывкар, 2001. № 3. С. 102–106.

[3] *Жаков К.Ф.* Биармия. Коми литературный эпос / Сост., предисл., коммент. А.К. Микушева; пер. на коми М.В. Елькина. Сыктывкар, 1993.

[4] Литературоведческий анализ поэмы «Биармия» см.: *Демин В.Н.* Поэзия К.Ф. Жакова // Творчество К.Ф. Жакова… С. 32–41.

[5] *Микушев А.К.* Коми Калевала // Жаков К.Ф. Биармия… С. 6.

кого в том, что его поэма опирается на отечественные и зарубежные исторические источники. Он, как исследователь, прекрасно разбирался в источниковедении и историографии древней истории финно-угорских народов[1]. К.Ф. Жаков пишет по этому поводу: «*При современном состоянии этнографии и "доисторической, первобытной" истории можно сказать, что саги, как и былины, как и сказки, составляют поэтическую историю народа. Все, что говорится в сагах о Биармии, имело место, как доказывают другие данные у вогулов, остяков и других финских племен Восточной России и Сибири*»[2]. Но в конце предисловия ученый вынужден был признать, что сюжет поэмы — это «*вымышленное событие*», что в ней не отражены реальные исторические события[3].

Тем не менее К.Ф. Жаков создает фантастическую картину нереальной, мифологической страны, полную вымышленных героев. В основу произведения положены легенды и сказания многих народов Европейского Севера. В географическом плане события, судя по упоминаемым топонимам, действительно происходят на территории современного Коми края.

Современные исследователи литературы народа коми, А.К. Микушев и В.Н. Демин, считают, что мир поэмы «Биармия» — это мир, пронизанный поэтикой коми национальной мифологии. Но при подробном анализе текста мы видим, что К.Ф. Жаков испытывал сильное влияние текста «Калевалы». К этой проблеме он обращается еще раз в своей магистерской диссертации. О влиянии свидетельствует, в частности, тот факт, что «Биармия» написана т.н. калевальским стихотворным размером — калевальской ритмикой. Главный герой жаковской поэмы — великий тун, волшебник и певец Вӧрморт (Лесной человек) — соотносится с главным героем «Калевалы» — певцом Вяйнемейненом. Сюжет обоих произведений также совпадает: события разворачиваются вокруг сватовства главных героев. Различия лишь в том, что Э. Леннрот оперировал реальными фольклорными текстами, собранными им в ходе 11 путешествий по Финляндии и Карелии, составляя из них повествовательную картину, а К.Ф. Жаков придумал текст. Хотя он также собирал и записывал фольклор в ходе своих поездок, но эти записи не сохранились.

Основные литературные произведения К.Ф. Жакова можно отнести к жанру этнографической беллетристики. Они (за исключением нескольких стихотворений) были написаны на русском языке и опубликованы. По мнению А.Е. Ванеева, в своих литературно-художественных работах на фольклорно-этнографической основе К.Ф. Жаков ставил перед собой ряд просветительских задач: познакомить русское общество с жизнью малых народов, российских инородцев и обратить внимание на проблемы развития Севера.

Произведениям К.Ф. Жакова уделили внимание М. Горький, А. Блок, В. Брюсов. Например, в одном из писем на имя Л. Андреева М. Горький писал: «*Знаешь, в России есть интересный писатель Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура*»[4]. В архиве М. Горького сохранились письма К. Ф. Жакова к нему. Из них следует, что М. Горький читал некоторые его произведения и просил «*познакомить ... со всеми ...трудами*»[5]. Известно, что они были лично знакомы. Сказки К.Ф. Жакова издавались за рубежом и вызвали благожелательный отклик: его сравнивали с Д. Свифтом, автором знаменитых «Путешествий Гулливера». Некоторые произведения К.Ф. Жакова хранились в библиотеке Л.Н. Толстого. Так как они не имеют дарственных надписей, можно предположить, что книги были куплены или самим писателем, или кем-то из его окружения[6].

---

[1] См., например: *Жаков К.Ф.* Судьбы финно-угорских племен в историческое и доисторическое время // Научное обозрение. 1911. № 9. Окт. Стб. 1222–1223; То же // Изв. АОИРС. 1911. № 17. С. 409–412.

[2] Архив А.М. Горького при ИМЛИ РАН. Ф. 43667, РАв-пГ 19–3–1, с. 4.

[3] Там же. С. 18.

[4] Литературное наследство. Неизданная переписка А.М. Горького. Т. 72. С. 346–347.

[5] История коми литературы. Т. 2. С. 88.

[6] Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: библиографич. описание. М., 1972. I: Книги на русском языке. А–Л. С. 287.

К.Ф. Жаков не мог пройти мимо стоявших перед российским обществом начала XX в. проблем, не задумываться над путями его переустройства. Осенью 1905 г. в России после знаменитого царского манифеста от 17 октября, открывшего путь к демократическим переменам в стране, стали возникать многочисленные политические партии и группы. К.Ф. Жаков вошел в Демократический союз конституционалистов (переименованный в 1906 г. в Союз народной свободы) и возглавил эту партию, выступавшую за установление конституционной монархии, улучшение экономического положения населения, духовное освобождение человека. Но в 1906 г. он отошел от политической деятельности, разочаровавшись в ней и в возможностях существовавших партий, которые оценивал весьма скептически. Более он не занимался политической деятельностью.

Основной путь улучшения общественного устройства и жизни народа К.Ф. Жаков видел в просвещении людей. Свою задачу он образно сформулировал так: «*Мое дело маленькое: проповедовать о Боге моем, странствовать по земле, без лукавства, с наивностью ребенка описывать все виденное и слышанно*е».

Настал 1917 г. После закрытия Психоневрологического института К.Ф. Жаков находился за пределами Петрограда: лето этого года, как всегда, провел на хуторе жены близ города Валк, на границе Эстонии и Латвии. В конце 1917 г. он уехал в Псков, занятый белыми, и преподавал там психологию и педагогику в Псковском учительском институте и высшую математику в Мариинской женской гимназии до лета 1919 г. Происходившее в России во время Гражданской войны кровопролитие пугало и возмущало К.Ф. Жакова. Свою горечь он высказывал на страницах таллинских «Последних известий»: «*На устах у многих слова: “Прогресс, революция”, а на самом деле — толчение воды в ступе и проливание крови человеческой*». Он призывал «*лишить трона палачей, более не подчиняться им, прекратить ложь всех интернационалов и социалистов, дать просвещение народу оставшемуся, вернуться к здравому разуму от туманных пропагандистов-наемников*». К.Ф. Жаков написал обличительное письмо В.И. Ленину, резко критикуя политику коммунистов.

Позднее он вернулся в Прибалтику, жил сначала в г. Валга на границе Эстонии и Латвии, читал лекции в Юрьевском (Тартуском) университете и в Таллине по зырянскому языку, а в конце 1921 г. уехал в Ригу, где пытался устроиться на работу в университет, но безуспешно. Его ученики организовали здесь «Латвийское общество философии лимитизма» и «Академию философии лимитизма». Некоторое время Жаков читал публичные лекции в здании основной школы № 27. Среди его слушателей были поэт Янис Райнис, будущий государственный деятель Советской Латвии Юстас Палецкис, художник Н.К. Рерих[1].

Последние годы жизни ученый читал платные лекции, продолжал писать научные, научно-популярные и художественные произведения. Жизнь на чужбине оказалась для К.Ф. Жакова слишком тяжелой, и никаких надежд на ее улучшение не было. Он стал задумываться о возвращении на родину. В 1919 г. его избрали профессором философии Тамбовского университета, а в 1921 г. — преподавателем Института народного образования в Усть-Сысольске. Но Гражданская война помешала вернуться на родину. В 1925 г. К.Ф. Жаков вел переписку по поводу своего возвращения в РСФСР и начала преподавательской деятельности в Пермском университете, где он должен был организовать кафедру уральских языков. Была достигнута договоренность, но болезнь и смерть коми просветителя, ученого и писателя 20 января 1926 г. помешали его возвращению[2].

---

[1] О его интеллектуальной жизни в Латвии см.: *Ковальчук С.Н.* Взыскуя Истину. (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жаков, А.В. Вейдеман. Середина XIX в. — середина XX в.). Рига, 1998. С. 100–114.

[2] К.Ф. Жаков, бывший профессор Петербургского Психоневрологического института, философ и этнограф, исследователь зырянского народа, скончался

Похороны К.Ф. Жакова превратились в политическую акцию. Согласно завещанию философа его набальзамированное тело должно было сохраняться в специальном Храме лимитизма, из стен которого эта научная теория, как надеялся К.Ф. Жаков, будет распространяться по всему миру. Поэтому через день после похорон тело ученого было выкопано его учениками. Его студент Э. Барон хотел поместить прах ученого в специальный мавзолей возле своей дачи. Но после протестов рижской общественности и родных покойного останки К.Ф. Жакова вторично были преданы земле на Покровском православном кладбище г. Риги спустя месяц после первых похорон.

Смерть К.Ф. Жакова вызвала определенную ностальгическую реакцию. Появились новые отзывы о деятельности ученого, в которых он рассматривался как прогрессивный деятель, один из основоположников коми культуры[1]. Совершенно по-другому стали оценивать его деятельность через несколько лет. Начавшаяся борьба с «*национал-шовинизмом*» сделала его одним из главных персонажей для критики. Первым назвал К.Ф. Жакова «*реакционером и буржуазным националистом*» журналист и директор Коми издательства И.И. Оботуров. Именно его публикации послужили началом кампании по идеологической оценке прошлого коми культуры[2]. Особенно саркастически высказывались о К.Ф. Жакове в Архангельске. Характеризуя 1920-е гг. в Сыктывкаре, ***Н.И. Ульянов*** писал, что «*в это время канонизируются и возводятся в сан апостолов национальной культуры коми все сколько-нибудь видные фигуры старой буржуазной интеллигенции. Пишутся полные теплоты и задушевности статьи памяти Г.С. Лыткина и К.Ф. Жакова. Когда пришло известие о смерти Жакова <...> в Усть-Сысольске <...> состоялся торжественный вечер воспоминаний, посвященный его памяти. <...> Старые учителя, лесоводы, агрономы, бухгалтера, из которых иным было лет под 70, с необычайным подъемом и пафосом говорили о том, кто в продолжении десятилетий был властителем их дум. Из всех выступлений обрисовалась действительно гигантская фигура Каллистрата Фалалеевича Жакова, ярким метеором прозревшего быт коми деревни, оригинальностью и самобытностью своего мировоззрения и в своих ученых трудах внесшего немалую лепту в русскую науку*»[3].

По мнению Н.И. Ульянова, на самом деле «*профессор Жаков <...> был по своим воззрениям таким беспросветным идеалистом и филистером, что не способен был ни в малейшей степени к политическому мышлению или к роли человека, будирующего и собирающего вокруг себя передовые элементы своего народа. О силе его политической мысли лучше всего говорит фраза, которую он любил повторять: "нет крестьян и дворян на земле — есть люди, живущие под небом голубым на дивной земле"*»[4]. Именно это, по мысли Н.И. Ульянова, марксиста и сторонника классового устройства общества, говорит о политической неграмотности К.Ф. Жакова. Если бы Н.И. Ульянов знал, что о К.Ф. Жакове в местной печати положительно отзывался Л.Д. Троцкий, который посетил лекции последнего, его характеристики были бы более резкими[5].

Долгое время творчество К.Ф. Жакова оставалось под запретом. Так, после смерти вышли всего две его публикации в буржуазной Латвии: это стихотворение «Молитва»

20-го января в Риге, 60 лет от роду // Научный работник. 1926. № 5–6. С. 172. Об откликах на его смерть см.: *Лисовская Г.К.* Краткая хроника жизни… С. 48.

[1] *Янович Д.* Каллистрат Фалалеевич Жаков. 1865–1926 // Коми му. 1926. № 1–2; *Грузенберг С.О.* Зырянский подвижник науки [памяти профессора К.Ф. Жакова] // Вестн. знания. 1926. № 7. С. 485–486.

[2] Оботуров И. // Ордым. 1928. № 11–12. Об И.И. Оботурове см.: *Полещиков В.* Один из «врагов народа» // Родники Пармы. Сыктывкар, 1993; *Он же*. За семью печатями. Сыктывкар, 1995.

[3] *Ульянов Н.И.* Очерки истории народа Коми. С. 174.

[4] Там же. С. 118.

[5] *Т-цкий Л.Д.* Леонид Андреев и его пессимизм: лекция К.Ф. Жакова // Вологодская жизнь. 1990. 28 авг.

и сборник философских работ[1]. Его историко-этнографические работы и литературные произведения не включались в официальные указатели литературы[2]. Однако исследователи традиционной культуры коми обращались к фигуре К.Ф. Жакова. Например, его творчество было рассмотрено ***П.Г. Дорониным***, но работы последнего не были опубликованы[3], как и заметки ***Г.А. Старцева***[4]. Одной из первых к творчеству Жакова-фольклориста в послевоенное время обратилась В.А. Латышева[5]. В начале 1970-х гг. о нем писала его внучка, Л. Жакова[6]. Отрывки из книги «Сквозь строй жизни» были опубликованы в Венгрии. В 1980 г. бывший ученик К.Ф. Жакова по Психоневрологическому институту, народный поэт Латвии Янис Райнис впервые на литовском языке издал отрывки из поэмы «Биармия».

Однако официальная характеристика творчества К.Ф. Жакова еще оставалась отрицательной. А.Е. Ванеев, В.И. Лыткин, В.И. Мартынов в главе, посвященной дореволюционной коми литературе, характеризуют этого исследователя как «*представителя научной поповщины в философии», «носителя реакционных эстетических взглядов», «защитника русского самодержавия*». По мнению авторов, «*Жаков, с молодости зараженный крайним индивидуализмом и болезненным самолюбием и рано оторванный от родной среды, не ощущал под собой твердой социальной почвы*». Его литературное творчество характеризуется как романтическое. Литературная беллетристика писателя рассматривается как «*фольклорная стилистика*», пропитанная «*ядом жаковской идеалистической философии*». Отмечается, что его книга «Сквозь строй жизни» содержит богатый фактический материал с интересными и метко подмеченными деталями из быта и обычаев коми крестьян, но в то же время в произведении «*автор решительно отстаивал свои реакционные эстетические принципы*» и т.д.[7] Упомянутые авторы выражали официальную точку зрения, общепринятую в советском литературоведении, восходящую своими корнями к 1930-м гг. Но позднее они отказались от этого мнения. Например, В.И. Мартынов в своем словаре-справочнике «Литераторы земли Коми» не приводит прежних собственных одиозных характеристик К.Ф. Жакова, останавливаясь в основном на перечислении биографических сведений[8]. А.Е. Ванеев в своей последней работе пишет, что К.Ф. Жаков «*является одной из самых противоречивых и даже загадочных фигур среди коми-зырянских просветителей. И каждому времени были присущи взаимоисключающие, контрастные оценки. И только в конце XX века труды и деятельность К.Ф. Жакова получили более или менее объективную оценку*»[9].

Но настоящее возвращение имени и трудов К.Ф. Жакова началось в конце 1980-х гг., после того как появилась статья И.Л. Жеребцова. Начали переиздаваться его книги, а творчество стало предметом пристального изучения[10].

---

[1] Список прижизненных публикаций К.Ф. Жакова в его прибалтийский период см.: Культурные связи русских и коми на Европейском севере в XVII — начале XX вв. Методические указания и библиографический список трудов К.Ф. Жакова / Сост. Л.П. Рощевская. Сыктывкар, 1990. С. 18–20.

[2] Библиографический указатель литературы о Коми АССР. Сыктывкар, 1963.

[3] *Доронин П.Г.* Жизнь и творчество К.Ф. Жакова // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1346, оп. 1, № 190; *Он же.* Выписки из произведений Ф.К. Жакова. Материалы к его биографии // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1346, п. 1, № 272.

[4] *Старцев Г.А.* Жаков К.Ф. // Национальный архив Республики Коми. Ф. 961, оп. 1, № 3.

[5] *Латышева В.А.* К.Ф. Жаков и фольклор: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. конф. по финно-угроведению. Йошкар-Ола, 1969. С. 113–116.

[6] *Жакова Л., Трифонов Н.* Сквозь строй жизни // Север. 1974. № 8.

[7] История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 2. С. 84, 85 и след.

[8] *Мартынов В.И.* Жаков К.Ф. // Литераторы земли Коми. Сыктывкар, 2000. С. 46–48.

[9] *Ванеев А.Е.* Каллистрат Фалалеевич Жаков // Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар, 2001. С. 146.

[10] *Жаков К.Ф.* Язык есть зеркало жизни / публ. И. Жеребцова // Молодежь Севера. 1989. 5 мая. См. также: *Лисовская Г.К.* Краткая хроника жизни… С. 44–51;

В начале 1990-х гг. прах ученого был привезен из Риги в Сыктывкар, где и был захоронен в третий раз.

Впервые К.Ф. Жаков обратился к этнографии, или «к народоведению», еще в годы обучения в Киеве. Но профессионально он стал заниматься этнографическими исследованиями в Петербурге, обучаясь в университете.

В 1900 г. К.Ф. Жаков в первый раз отправляется в научную командировку на родину, в ходе которой он посетил села в бассейне р. Вычегды. По материалам этой поездки К.Ф. Жаков опубликовал свои первые этнографические научные работы: «Языческое миросозерцание зырян» и «Этнологический очерк зырян»[1]. За последнюю работу К.Ф. Жаков получил серебряную медаль Русского географического общества. В этих работах автор основное внимание уделил религиозным верованиям коми народа. Исследования К.Ф. Жакова заинтересовали известных российских и финских ученых. Академик В.И. Ламанский предсказал ему блестящее научное будущее. Его земляк, этнограф и антрополог ***В.П. Налимов***, откликнулся в Москве рецензией, а в Гельсингфорсе отозвался А. Погодин[2].

В марте 1904 г. К.Ф. Жаков обращается в отделение этнографии РГО «*с просьбой об исходатайствовании ему Обществом открытого листа для поездки с этнографическими целями летом 1904 г. среди пермяков*»[3]. Это положило начало долгому сотрудничеству ученого с данной научной организацией. К тому времени К.Ф. Жаков уже был известен обществу, так как еще в 1901 г. получил малую серебряную медаль Императорского Русского географического общества за сообщение «О зырянах»[4].

Следующий раз магистрант Петербургского университета К.Ф. Жаков обращается в РГО в 1906 г., с тем, чтобы общество выдало ему «*открытый лист на губернии Самарскую, Пермскую, Вологодскую и Костромскую для поездки с целью этнографических и антропологических наблюдений над южнофинским племенем Мордва и для изучения в Чердынском уезде "пермских" названий местности, урочищ и т.д.*»[5]. Его прошение было удовлетворено.

1 февраля 1908 г. К.Ф. Жаков сделал доклад о зырянах, посвященный его исследованиям в 1907 г. Как записано в протоколе, на заседании возникли оживленные прения, в которых приняли участие Д.К. Зеленин, В.И. Анучин, П.Н. Луппов, Ф.Г. Шубин[6]. Известно, что в 1907 г. Императорская Академия наук направила К.Ф. Жакова в научную командировку на р. Вычегду[7]. В отчете Отделения русского языка и словесности Императорской АН зафиксировано, что оно содействовало магистранту по кафедре сравнительного языкознания Петербургского университета К.Ф. Жакову в поездке с целью этнографических исследований в р-не Вычегды и Ижмы.

В приложении к отчету имеется его записка «К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии»[8]. Из нее видно, что К.Ф. Жакова в то время в первую очередь интересовали вопросы топонимики, ибо, как он писал, «*приехав в село или дерев-*

Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990; *Жаков К.Ф.* Биармия. Сыктывкар, 1993.

[1] *Жаков К.Ф.* Языческое миросозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. № 3, С. 63–84; *Он же.* Этнологический очерк зырян // ЖС. 1901. № 1. С. 3–36.

[2] *Налимов В.* Жаков К. Этнологический очерк зырян // ЭО. 1903. № 3. С. 177–179; *Pogodin A.* Žakov. Этнологический очерк зырян (ЖС. 1901. Т. 11. С. 3–36) // FUF. 1901. Bd. 1. S. 211–213.

[3] Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 12 марта 1904 г. // Изв. РГО. 1904. Т. 40. Вып. 5. С. 58.

[4] *Жаков К.Ф.* О зырянах // Изв. РГО. 1901. Т. 37. Вып. 4. С. 527–528.

[5] Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 5 мая 1906 г. // Изв. РГО. 1906. Т. 42. Вып. 5. С. 43.

[6] Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 1 февраля 1908 г. // Изв. РГО. 1908. Т. 49. Вып. 10. С. 15.

[7] Отчет о деятельности отделения русского языка и словесности за 1907 год, составленный ординарным академиком Н.П. Кондаковым // Сб. ОРЯС. СПб., 1908. Т. 84. С. 1–68.

[8] Приложение к отчету. С. 34–42.

ню, составлял карту ручья, рек, урочищ и т.д. с местными названиями, затем записывал фамилии крестьян, рассказы и легенды, касающиеся происхождения фамилий села и соседних местностей. Наконец, изучал особенности говоров»[1]. Можно говорить о том, что основным методом его исследовательской деятельности был ономастический.

В 1910 г. К.Ф. Жаков вновь обращается в РГО с просьбой о выдаче «*открытого письма для этнографической поездки в губернии Самарскую и Пермскую*» и получает его[2]. Аналогичный документ он получил в 1911 г. и в 1915 г.[3]

Для поездок на Север К.Ф. Жаков использовал и другие возможности. Например, в 1913 г. он был командирован Психоневрологическим институтом в Мезенский и Печорские уезды[4]. В сообщении архангельского журнала, который представлял местной публике петербургского исследователя, отмечалось, что он был лектором по зырянскому языку при Петербургском университете, а ныне состоит преподавателем Психоневрологического института по отделению психологии. 12 июля этого года ученый выступил на собрании членов Архангельского общества изучения Русского Севера с докладом «О соотношении японского и самоедского языков к угро-финским, в частности к зырянскому, и историко-культурные выводы из них»[5]. К.Ф. Жаков состоял действительным членом этого общества с 1910 г., а в 1916 г. был избран его представителем в Союзе исторических обществ России[6].

Кроме того, К.Ф. Жаков как ученый рассматривал и другие финно-угорские народы, в первую очередь ближайших родственников коми-зырян — коми-пермяков и удмуртов. Первым из них был посвящен очерк «По Иньве и Косьве», а вторым — «Вотяки» и «Некоторые черты из исторической и психической жизни вотяков»[7]. В декабре 1902 г. на заседании Отделения этнографии Императорского Русского географического общества К.Ф. Жаков выступил с докладами, которые легли в основу этих публикаций.

Следует отметить и филологические разыскания К.Ф. Жакова, не имевшего специального образования. Например, он благодаря поддержке академика К. Залемана опубликовал статью «Описание зырянской рукописи, датированной первой половиной XIX века (ранее 1835 г.)»[8].

Одним из крупнейших исследователей в истории изучения народов коми является ***Василий Петрович Налимов*** (1879–1938). Выходец из коми-зырян, получивший высшее образование, он стал одним из лучших знатоков языка, фольклора и традиционной культуры народов коми и стоял у истоков формирования коми интеллигенции[9].

---

[1] Приложение к отчету. С. 35.

[2] Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 3 мая. 1910 г. // Изв. РГО. 1910. Т. 46. Вып. 8–10. С. 87.

[3] Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 29 апреля 1911 г. // Изв. РГО. 1908. Т. 49. Вып. 10. С. 15; Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 12 мая 1915 г. // Изв. РГО. 1915. Т. 51. Вып. 10. С. 69.

[4] Изв. АОИРС. 1913. № 13. С. 611.

[5] Там же. № 15. С. 711–713.

[6] Там же. 1916. № 3.

[7] *Жаков К.Ф.* По Иньве и Косьве (у пермяков). Этнографический очерк // ЖС. 1903. Вып. 4. С. 409–421; То же // Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. Сарапул, 1906. С. 89–110; *Жаков К.Ф.* Вотяки // Научное обозрение. 1902. № 11. С. 93–102; *Он же.* Некоторые черты из исторической и психической жизни вотяков (историко-этнографический очерк) // ЖС. 1903. Вып. 1–2. С. 172–187.

[8] *Жаков К.Ф.* Описание зырянской рукописи, датированной первой половиной XIX века (ранее 1835 г.) // Изв. Акад. наук. 1902. (Автограф статьи находится в С.-Петерб. филиале архива АН. Раз. IV, ед. хр. 311).

[9] *Налимов В.В.* Мой отец // Человек. 1992. № 3. С.93-103; № 4. С. 63–84; *Он же*. Канатоходец. М., 1994. С. 27–92; *Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Этнограф Василий Налимов // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 269–278; *Терюков А.И.* Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми. В.П. Налимов // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 3. С. 130–135; *Он же.* Ученик Д.Н. Анучина В.П. Налимов // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы VI Междунар. науч. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск; СПб., 1998. Ч. 2. С. 96–98; *Котылева И.Н.* Неизвестный Налимов // Арт-Лад. Сыктывкар, 2004. С. 178–183; *Неса-*

Василий Петрович Налимов родился 7 (20) марта 1879 г. в селе Выльгорт Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне — с. Выльгорт Сыктывдинского района Республики Коми) в крестьянской семье. Село находилось рядом с уездным городом Усть-Сысольском (ныне Сыктывкар). Местное население занималось хлебопашеством, скотоводством, охотой, рыболовством, различными промыслами. Село Выльгорт было знаменито в Коми крае. Отсюда происходили коми писатель, просветитель, лингвист, философ, профессор ***К.Ф. Жаков*** (1866–1926); великолепный мастер музыкальных инструментов С. Налимов, изготовивший комплект инструментов для оркестра В.В. Андреева[1].

В.П. Налимов получил первоначальное образование в земском начальном училище в родном селе, затем в двухклассном городском училище в г. Усть-Сысольске. Его способности не остались незамеченными, и земство послало его учиться в Москву, в фельдшерскую школу, где он пробыл с 1894 по 1897 гг. Последующие 5 лет, 1897–1902 гг., В.П. Налимов работал фельдшером в различных уголках Коми края. В 1903 г. он переехал в Москву, работал по специальности на заводе Центрального электрического общества, а затем в клиниках медицинского факультета Московского университета.

В 1903 г. в Москве В.П. Налимов познакомился с академиком Д.Н. Анучиным, когда принес в Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете рукописи некоторых своих работ. Д.Н. Анучин рекомендовал к печати первые публикации В.П. Налимова (например, «Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян», статья посвящена мифологии коми-зырян, а также текст легенды о паме Шипиче[2]). Эти работы привлекли к молодому исследователю внимание московских ученых, таких как секретарь общества В.В. Богданов, председатель этнографического отдела общества профессор В.Ф. Миллер. Они поддержали стремление В.П. Налимова серьезно заняться этнографией и помогли поступить в Московский университет. Но для этого В.П. Налимову пришлось экстерном сдать экзамен за курс классической гимназии, что он и сделал в 1905 г. после самостоятельной подготовки (при содействии В.Ф. Миллера при Лазаревском институте восточных языков).

С 1906 по 1912 гг. В.П. Налимов учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, который окончил с дипломом первой степени по специальности «Антропология». Его научным руководителем был Д.Н. Анучин. В.П. Налимов проучился больше положенных для учебы четырех лет, что было связано с тем, что в 1908–1909 гг. он стажировался в Александровском университете в Гельсингфорсе (Хельсинки)[3]. Его ранние работы по коми этнографии заинтересовали финских ученых. В 1907 г. во время пребывания в России доцент Александровского университета В. Мансикка встретился с В.П. Налимовым и предложил сотрудничество с Финно-угорским обществом, признанным центром изучения культуры финно-угорских народов и языков[4].

нелис Д.А., Семенов В.А., Терюков А.И. Пути «инородца» в России. Василий Петрович Налимов // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск, 2010. С. 5–18.

[1] *Налимов С.И.* Преображенное село. Сыктывкар, 1977.

[2] *Налимов В.П.* Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян // ЭО. 1903. № 2. С. 76–86; *Он же.* Зырянская легенда о паме Шипиче // ЭО. 1903. № 2. С. 120–124.

[3] Об этой поездке имеются сведения в отчете о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1909-1910 академический год. Там отмечено, что В.П. Налимов занимался изучением финского языка и фольклора в Финляндии и продолжил обработку своих материалов по этнографии зырян и пермяков // ЭО. 1910. Вып. 3–4. С. 263.

[4] *Халиков А.Х.* Финно-угорское общество (Suomalais-Ugralainen Seura) и его роль в изучении языка, фольклора, археологии и этнографии народов Северного Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1985. С. 118–129; *Ravila Paavo*. La Societe Finno-ougrienne. 1883–1933 // JSFOu. 1933. № 46.

Это сотрудничество продолжалось в течение пяти лет, за это время В.П. Налимов совершил две экспедиции к коми-зырянам, одну — к коми-пермякам, а также сопровождал финского археолога А.М. Тальгрена в его поездке по Казанской губернии[1]. В информации о деятельности Финно-угорского общества сообщается, что «*студент Московского университета В. Налимов в 1907 г. на стипендию Финно-угорского общества совершил экспедицию к зырянам. Она продолжалась 4 месяца, с 30 мая по 30 сентября. Местом работы он избрал бассейн реки Сысолы, где он проехал до с. Ыб, и Вычегду, где обследовал селения до Усть-Кулома. Все его путешествия начинались из села Слобо*да (по-видимому, речь идет селе Слӧбӧда, в районе современного ПГТ Эжва. — *А.Т.*). *Основной целью его экспедиции было изучение религиозных представлений зырян, обычного права и семейной обрядности, а также легенд о Чуди для выявления проблемы заселения коми данного региона. Кроме сбора этнографического материала, он сделал антропологические измерения 366 человек, которые были переданы им в Русское антропологическое общество в Москве*»[2].

В 1907 г. В.П. Налимов получил от Финно-угорского общества 200 руб. В отчете о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ отмечается: «*Василий Петрович Налимов в течение одного месяца производил совместно с финским ученым Тальгреном археологические разыскания по р. Волге и Каме в пределах Казанской губ. Затем два с половиной месяца он единолично занимался этнографическими исследованиями и собиранием материалов по быту и верованиям пермяков, обитающих по р. Иньве и ее притокам в Соликамском у. Пермской губ. Им собран обширный материал по семейному и общественному быту пермяков, сделаны записи по свадебному ритуалу, собраны сведения о многих обрядах и пережитках языческого культа, сделаны наблюдения по пермяцкому языку в связи с диалектологией зырянского языка*»[3].

В.П. Налимов был знаком с большей частью финских ученых, которые в это время так или иначе были связаны с изучением коми: ***Ю. Вихманом***, ***У. Сирелиусом***, ***А. Хямялайненом***[4]. Его контакты с ними продолжались вплоть до начала 1930-х гг. и были прерваны в связи с резким обострением отношений между СССР и Финляндией[5].

В эти годы он много публикуется в журнале «Этнографическое обозрение», является сотрудником «Нового энциклопедического словаря», «Энциклопедического словаря Граната», печатается в Гельсингфорсе[6]. Активно сотрудничает с этнографическим отделом ИОЛЕАЭ, членом которого он был и на средства которого совершал свои научные поездки. Так, в 1907 г. он «*в течение 4-х месяцев занимался исследованиями и наблюдениями по антропологии зырян*»[7]. В 1908 г. «*В.П. На-*

---

[1] О его исследованиях по заданию Финно-угорского общества см.: Forschungreisn // FUF. 1907. Bd. 7. S. 68–69; FUF. 1908. Bd. 8. S. 234; FUF. 1909. Bd. 9. S. 211; Compte-rendu des travas de la Société Finno-ougrienne du 1906–1907 // JSFOu. 1908. Bd. 25. S. 60–61; То же за 1907–1908 // JSFOu. 1909. Bd. 26. S. 18; То же за 1908–1909 // JSFOu. 1911. Bd. 27. S. 25; Suomalais-ugrilainen Seura. 1911 // JSFOu. 1911. Bd. 27. S. 35.

[2] Forschungreisn // FUF. Bd. 7. S. 68–69.

[3] Отчет о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1908–1909 академический год // ЭО. 1909. № 2–3. С. 262.

[4] *Котылева И.Н.* Неизвестный Налимов… С. 180.

[5] Об этом см.: *Сакса А.И., Таввитсайнен Ю.-П.* А.М. Тальгрен и российская археология (по материалам переписки А.М. Тальгрена) // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный контекст и личность. СПб., 1996. С. 27–34; *Терюков А.И.* Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — в начале 1930-х годов // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб. С. 223–231.

[6] *Налимов В.П.* Загробный мир по верованиям зырян // ЭО. 1907. № 1–2. С. 1–23; *Он же.* Рецензия на статью Большакова «Община у зырян» // ЭО. 1907. № 3. С. 113–122; *Он же.* Zur Frage nach den ursprunglichen Bezeichungen bei den Syrjänen // JSFOu. 1908. № 25. S. 1–31. (Рец. Вл. Б. (Владимира Богданова) см.: ЭО. 1909. № 3–4. С. 263–268). В книге «Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России». М. Т. 2. Перу В.П. Налимова принадлежат очерки: Пермяки. С. 172–192; Башкиры. С. 197–217; Тептяри. С. 218–219; Мещеряки. С. 193–196.

[7] ЭО. 1910. Вып. 3–4. С. 268.

лимов ездил в Печорский край к зырянам для этнографических и антропологических целей. Им были продолжены прошлогодние занятия в тех местах»[1].

В.П. Налимов часто выступал с докладами на его заседаниях. Например, в 1909/1910 академическом году им было сделано два доклада: «Из жизни и верований пермяков Иньвеньского края» и «Системы родства у зырян и пермяков»[2].

Работы ученого были одобрены в научных кругах. В 1907 г. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии вручило В.П. Налимову большую серебряную медаль «*во внимание к его ценным работам по антропологии и этнографии зырян и в благодарность за доставленные Обществу лично собранные научные материалы о зырянах*»[3]. В 1910 г. Общество присудило В.П. Налимову премию имени великого князя Сергея Александровича, московского градоначальника и генерал-губернатора, дяди императора Николая II за рукописный труд «Материалы по этнографии зырян и пермяков». Премия была учреждена в 1892 г. в память международных научных конгрессов. Она переходила от одного отделения к другому. Размер премии — 100 рублей. Премия присуждалась в следующих номинациях: а) за самостоятельные научные исследования по духовному и материальному быту славянского и инородческого населения России; б) за научные этнографические труды руководящего и методологического характера; в) за собирание материалов по духовному быту русского и инородческого населения России, приготовленных к научному изданию, а также за систематические — более полные коллекции предметов, иллюстрирующих быт населения России. В.П. Налимов получил премию за собирание материалов по духовному быту русского и инородческого населения России.

Как писал рецензент, московский этнограф А.Н. Максимов, «*материалы В.П. Налимова представляют серьезный вклад в дело изучения зырян и пермяков, литература о которых, особенно о первых, очень небогата. Некоторые же отдельные, но очень важные вопросы зырянской этнографии обработаны им с надлежащей полнотой и отчетливостью. Собрание всех этих материалов требовало значительного труда и усилий, несомненно, заслуживающих поощрения. Наиболее соответствующей формой такого поощрения и является присуждение В.П. Налимову премии имени вл. князя Сергея Александровича*»[4].

После окончания университета В.П. Налимов сначала преподавал в гимназии г. Дмитрова, а с 1914 г. — в Нижнем Новгороде, сначала в реальном училище, а затем в университете. Он занимал должность профессора по кафедре географии и антропологии. В одном из писем В.П. Налимов также упоминает, что в это время состоял профессором Института народного образования[5]. Несколько ранее, в 1916–1917 гг., В.П. Налимов оканчивает магистратуру при Казанском университете и после защиты магистерской диссертации получает звание приват-доцента.

В 1922–1925 гг. работал профессором землеведения во Втором медицинском государственном университете, одновременно — профессором Медико-педологического института. Имеются сведения о том, что он читал лекции и в Московском государственном университете (МГУ): «*Член Антропологического отела В.П. Налимов получил новое назначение в Москве. Он занял должность преподавателя финской этнографии на*

---

[1] Отчет о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1908/1909 академический год // ЭО. 1907. Вып. 3. С. 182.

[2] Отчет о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1909/1910 академический год // ЭО. 1910. Вып. 3–4. С. 264.

[3] ЭО. 1908. Вып. 1–2. С. 228.

[4] Отзыв А.Н. Максимова о «Материалах по этнографии зырян и пермяков В.П. Налимова, представленных на соискание премии имени Великого князя Сергея Александровича» // ЭО. 1910. № 4. С. 263–268.

[5] *Котылева И.Н.* Выставка «Неизвестный Налимов»: штрихи к портрету ученого // Музеи и краеведение Сыктывкар, 2004. С. 25. (Тр. Национал. музея Республики Коми. Вып. 5.)

факультете общественных наук МГУ»[1]. В 1924–1928 гг. — ученый специалист Тимирязевского государственного научно-исследовательского института изучения и пропаганды основ диалектического материализма. Кроме того, В.П. Налимов преподавал в финно-угорской секции Научно-исследовательском институте по изучению народов Востока. В это же время он пытался стать профессором финно-угорской этнографии в МГУ. Сохранилось рекомендательное письмо профессора Казанского университета Бруно Адлера, в котором он положительно охарактеризовал вклад претендента в разработку проблем традиционной культуры финно-угорских народов[2]. Но кафедра финно-угроведения в МГУ не была создана, и назначение не состоялось.

С 1928 по 1938 гг. — профессор Географического научно-исследовательского института при МГУ, где он являлся научным руководителем по географической таксономии и активно занимался топонимическими исследованиями. Когда В.П. Налимов обратился с просьбой о приеме его на работу в НИИ географии, то профессор А. Борзов, директор института, в своем выступлении сказал: «*Заслушав заявление проф. Налимова о его желании перевестись в Географический НИИ при физмате 1 МГУ… Географический институт на своем заседании15/IV с.г. единогласно признал переход проф. Налимова весьма желательным, так как работы его, особенно в последние годы, имеют значительный антропо-географический интерес; кроме того, среди членов и аспирантов Географического института многие интересуются изучением Европейского Севера и антропо-географией финских народностей, и консультация проф. Налимова в этих вопросах была бы очень ценна в подобных работах института*»[3]. Позднее В.П. Налимов продолжил полевые исследования: в Большеземельской тундре (1925), Башкирии (1926), Казахстане (1928), на Кольском полуострове (1929) и в Печорском крае (1930), Приуралье и Поволжье (1931), но, к сожалению, эти материалы были потеряны.

Но наряду с видимым благополучием была и другая сторона жизни ученого. В 1933 г. В.П. Налимов был арестован по «делу СОФИНа» — «Союза освобождения финских народностей»[4] . Ему, как и другим участникам, было предъявлено обвинение «*в участии в широко разветвленной финно-угорской националистической антисоветской организации*», целью которой было отторжение от СССР Севера Европейской части и той территории, на которой проживали финно-угорские народы, присоединение их к Финляндии и создание т.н. «Великой Финляндии» от Балтики до Урала. По этому делу были арестованы многие представители финно-угорской интеллигенции, например удмуртский ученый и поэт Кузебай Герд (К.П. Чайников), коми поэт и лингвист Илля Вась (***В.И. Лыткин***), крупнейший финно-угровед, чл.-корр. АН СССР Д.В. Бубрих, закрыт ряд научно-просветительских национальных организаций. Предполагалось, что руководило подрывной организацией Финское посольство в Москве во главе с Послом Хяксли. Ученый был приговорен к трем годам ссылки в Норильск. Но за него заступился П.Г. Смидович, зам. председателя ВЦИК СССР и председате-

[1] Хроника деятельности антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ за 1921/22 учебный год // Русский антропологический журнал. 1923. Т. 12. Кн. 3–4.

[2] *Котылева И.Н.* Выставка «Неизвестный Налимов»… С. 28.

[3] Цит. по: *Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Этнограф Василий Налимов… С. 276.

[4] *Куликов К.И.* Удмуртская автономия. Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990. С. 97–171; *Popov A*. Дело о так называемых финских шпионах в СССР в 1930-е годы // Studia Slavonica Finlandensia. Helsinki, 1992. T. 9. S. 103–112; *Кузнецов Н.С.* «Дело», которого не было, или история «Союза освобождения финских народностей» // Удмуртия: массовые репрессии 1930–1950 годов. Исследования. Документы. Ижевск; Москва, 1993. С. 31–38; *Терюков А.И.* Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — в начале 1930-х годов // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997. С. 223–231.

ля Комитета Севера, а также другие партийные деятели. В первый раз В.П. Налимову удалось избежать наказания, приговор был отменен Прокуратурой СССР, он был освобожден и восстановлен на работе.

В 1938 г. последовал второй арест, на этот раз его арестовали как «*участника контрреволюционной буржуазно-националистической организации в Коми АССР, проводившей борьбу с ВКП(б) и Советской властью*»[1] . Он был арестован в Москве в августе 1938 г. и этапирован в Сыктывкар. Фактически по этому делу была ликвидирована большая группа партийно-советских работников, которые устанавливали в Коми крае советскую власть и осуществляли экономическое и культурное развитие края, а также представителей коми культуры и науки[2]. Вместе с ним были арестованы ***Г.А. Старцев***, ***А.С. Сидоров***, А.А. Чеусов и др**.** В.П. Налимову было предъявлено обвинение по статье 58, пункт 10, часть 1 и статье 58, пункт 11 УК РСФСР. Ему инкриминировались борьба с советской властью, шпионаж в пользу Германии и Финляндии.

Обзор основных обвинений против него приводит В.А. Семенов[3]. Однако следует уточнить следующий момент. В.А. Семенов в своих работах упоминает финского этнографа ***У.Т. Сирелиуса***, коллегу и хорошего знакомого В.П. Налимова, длительные контакты с которым стали частью обвинения в шпионаже. Это ошибочное утверждение: У.Т. Сирелиус никогда не был министром просвещения Финляндии (как полагает В.А. Семенов), он не занимался политической деятельностью. В конце 1938 г. В.П. Налимов был осужден и отбывал наказание в лагере в Коми АССР. Он несколько раз писал о своей невиновности, но безрезультатно. Не дождавшись пересмотра дела, В.П. Налимов умер 28 декабря 1939 г. в тюрьме. Так трагически закончилась жизнь крупного коми ученого[4].

Этнографией коми В.П. Налимов серьезно занялся в 1907 г., когда сопровождал в поездке по Коми краю финского этнографа ***У.Т. Сирелиуса***. Путешествие и работа под руководством крупнейшего финноугроведа оказали на начинающего ученого неизгладимое впечатление. Позднее В.П. Налимов использовал его методологические установки при проведении своих полевых исследований. Под руководством У.Т. Сирелиуса была создана программа-вопросник, по которой В.П. Налимов работал самостоятельно и на основе которой был собран материал, позднее отправленный в Гельсингфорс Финно-угорскому обществу. Совместно оба ученых совершили 4-месячное путешествие на Север. Собранные материалы В.П. Налимов положил в основу первых публикаций. Начиная с первых статей, В.П. Налимов показал себя как талантливый исследователь, великолепный знаток всех сторон жизни народа коми. Особенно много он сделал для изучения духовной культуры народа, в первую очередь мифологии, а также семейных обрядов и обрядов жизненного цикла. Его статьи в этой области, написанные в 1903–1910 гг., представляют огромную научную ценность, так как «*В.П. Налимов, как природный зырянин, с детства росший среди зырян, свободно владеющий зырянским языком и до сих пор сохранивший много личных связей с зырянами, находится в особо благоприятных условиях. Он имел возможность проникнуть в такие интимные сторо-*

---

[1] *Налимов В.В.* Канатоходец… С. 70–77.

[2] Они любили край родной. Сыктывкар, 1993; *Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Профессор В.П. Налимов, «финский шпион» // Родники Пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. 4. С. 195–196.

[3] *Семенов В.А.* Пути «инородца» в России царской и советской // Арт-Лад. Сыктывкар, 2000. № 1. С. 120–121; *Он же.* Жизнь и смерть профессора Налимова // Мыслители — выходцы из коми: В.П. и В.В. Налимовы. Сыктывкар, 2001. С. 12–17.

[4] Последние работы *В.П. Налимова* по этнографии: К этнологии Коми // Коми му. Усть-Сысольск, 1924. № 3. С. 43–50; К материалам по истории материальной культуры Коми // Коми му. 1925. № 2 (12). С. 15–19; № 3 (14), С. 59–68; № 5 (15). С. 23–30; Роль малых народов на фоне общечеловеческой культуры // Вотяки. Сборник по вопросам этнологии, быта и культуры вотяков. М., 1926. С. 1–8; Священные рощи удмуртов и мари // Охрана природы. 1928. Т. 1. № 4. С. 6–8.

ны народной жизни и верований, куда доступ постороннему наблюдателю очень труден»[1].

В работе «Загробный мир по верованиям зырян» зафиксировано большое количество сведений, как о загробном мире, так и о похоронных обрядах коми-зырян. По сути, это единственная специальная статья по мифологии загробного мира коми. Похоронные обряды играли важную роль в обрядовой жизни коми-зырян, так как являлись, по сути, переходными, обеспечивающими благополучный переход человека после завершения своей жизни на этом свете в мир предков. Процесс перехода имел большое значение для оставшихся в этом мире людей. Ибо знание и должное выполнение всех предписаний обеспечивает благополучие как умершего сородича, перешедшего в разряд предков, так и живых. Описанию этой коллизии посвящена существенная часть работы.

Следующая работа В.П. Налимова по данной теме вышла в 1908 г. в Хельсинки на немецком языке и лишь недавно была опубликована в русском переводе — «К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян»[2]. В данной статье В.П. Налимов, в противовес рассуждениям своих предшественников — Н.И. Смирнова и К.А. Попова[3], писавших о достаточно большой сексуальной свободе у коми-зырян и коми-пермяков, раскрывает широкую картину своеобразной сексуальной морали у коми, которая, с одной стороны, регулировала отношения между полами в физическом плане, а с другой — регламентировала ряд моментов во всех семейных обрядах: рождении — свадьбе — похоронах. Благодаря обилию личных наблюдений автора данная работа не утратила своего значения до настоящего времени.

Значительный интерес представляют и те материалы В.П. Налимова, которые были представлены на соискание премии имени вл. князя Сергея Александровича. Согласно отзыву рецензента они состояли из 8 тетрадей с 147 страницами текста и 1 рисунка, отдельной статьи в 50 страниц и 3 листов чертежей, а также необработанного материала в 129 конвертах, содержащих 1084 листов с записями[4]. Местонахождение данных материалов в настоящее время неизвестно. (Они не обнаружены в Сыктывкаре, где находится часть архива В.П. Налимова[5]; в семейном архиве сына; в фонде Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, хранящемся в архиве Института этнологи и антропологии РАН в Москве.)

Тем более значимо собрание, которое было представлено В.П. Налимовым в Финно-угорское общество в Хельсинки[6]. В 1989 г. я имел возможность просмотреть эти записи. В марте-апреле 1995 г. благодаря финансовой поддержке Международного научного фонда «Культурная инициатива» (фонд Сороса), предоставившего мне грант для поездки в Хельсинки, я смог детально и тщательно ознакомиться со всей коллекцией В.П. Налимова[7]. Так как сами материалы являются собственностью Финно-угорского общества (оно оплачивало экспедиции В.И. Налимова), то мне не разрешили их ксерокопировать, но было позволено сделать отдельные выписки и общее описание материалов. Все это позволяет сопоставить сохранившиеся и несохранившиеся сведения (по приведенным А.Н. Максимовым описаниям)[8].

---

[1] *Максимов А. Н.* Отзыв... С. 268.

[2] *Nalimov V.* Zur Frage nach den ursprunglichen Bezeichungen bei den Syrjänen // *JSFO*. № 25. 1908. S. 1–31; Русский перевод см. в кн.: Семья и социальная организация финно-угорских народов (Тр. ИЯЛИ. Вып. 49). Сыктывкар, 1991. С. 5–25.

[3] *Смирнов И.Н.* Пермяки. Историко-этнографический очерк…; *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край…

[4] *Максимов А.Н.* Отзыв... С. 264.

[5] Государственный архив Республики Коми. Ф. 1010, № 79 «Личные документы и переписка В.П. Налимова».

[6] Архив Финно-угорского общества, Хельсинки. Номера хранения: 1.38, 1.39, 1.40, 1.41, 1.42.1, 1.42.2, 1.42.3, 1.42.4.

[7] Об этом см.: *Терюков А.И.* Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 3 С. 130–135: *Он же.* Рукописный фонд В,П. Налимова в архиве Финно-Угорского общества // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск. 2010. С. 144–147.

[8] Подробное описание материалов В.П. Налимова в Хельсинки вызвано не только их огромным научным

Часть хельсинкских материалов представляет собой связный текст (статьи), посвященный определенному разделу духовной культуры коми. Они объединены под учетным номером 1.38 и представляют собой 4 тетради рукописей и 1 тетрадь машинописи, подписанные В.П. Налимовым. Всего в них 312 страниц (по нумерации автора — 151 лист).

Тетрадь I озаглавлена «ПЕЖ и УРЕС» и посвящена описанию греховной и заразной субстанции в «естественной философии зырян», некой заразы, которой подвергаются мужчина и женщина при половой жизни. ПЕЖ — это не имеющее образа и формы вещество, которое часто оказывает вредное действие на нарушителя морально-этических норм коми. Описываются как сами нормы, так и последствия воздействия ПЕЖа и способы лечения от этой заразы. Рукопись не завершена, так как есть приписка автора: «Продолжение следует» (которое отсутствует). Похожая рукопись была передана В.П. Налимовым в этнографический отдел ОЛЕАЭ[1]. Частично эти материалы вошли в его статью «К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян».

Тетрадь II имеет название «ПЕЛЬ ВУНДАЛЫСЬ» (дословно — обрезающий ухо) и посвящена особому виду женского колдовства, которое совершается путем обрезания уха домашних животных, в первую очередь у коровы. Подобная тетрадь также была представлена в Москву.

Тетрадь III озаглавлена «ВОМИДЗ. КОМИ ВОЙТЫРЛӦН» (дословно — порча, сглаз). В ней В.П. Налимов пишет о существовании у коми особого вида непредумышленной порчи — сглазе — и способах борьбы с ней. Подобные записи были представлены в Москву.

В тетради IV рассматриваются моча и кал как вещества, употребляемые в колдовстве. Этих записей не было в московских бумагах, подобных сведений нет и у других авторов, вследствие чего этот фрагмент рукописи В.П. Налимова представляет особый интерес.

Тетрадь V озаглавлена «КЕРНЫ» (дословно — нанести вред, напустить порчу, околдовать) и посвящена разнообразным вариантам колдовской практики у коми, в частности при родах, свадьбе и похоронах. В Москве существовали четыре тетради, объединенные этим термином, в Хельсинки же оказалась всего одна.

Следующая часть хельсинского собрания — это две большие папки, озаглавленные как материалы по коми этнографии (шифр 1.39 и 1.40), которые содержат 2484 листов различного размера записей В.П. Налимова по коми этнографии, фольклору, языку, топонимике (согласно А.Н. Максимову в Москве было всего 1087 листов подобных записей). Эти записи представляют колоссальный интерес для исследователей благодаря описанию живого народного быта, в частности, народных верований, семейной обрядности коми, обычного права и т.д. На этом сходство московских и хельсинских материалов заканчивается.

Однако в Хельсинки имеются и другие материалы. Это рукопись статьи «К вопросу о первобытных отношениях полов у зырян» (шифр 1.41, о ней см. выше). Рукопись статьи «Эволюция некоторых элементов морали Коми в связи с генезисом двух зырянских заповедей ЕН МАЙБЫРТ — ЕН КОНЕРТ», 35 страниц (шифр 1.42.1.), подписана: «профессор В.П. Налимов». Не датирована, машинопись. Есть приписка о ее подготовке к публикации в сборнике в честь профессора ***Ю. Вихмана***, но там она не опубликована[2]. Интересная статья об основах традиционной морали коми «Не называй никого счастливым,

значением. К сожалению, часто о трудах В.П. Налимова пишут не соответствующие действительности вещи. Так, Д.А. Несанелис в своей статье «Встречи и переписка с Василием Васильевичем Налимовым» пишет о фундаментальном трехтомном труде «Материалы по этнографии зырян и пермяков», что не соответствует действительности. Это вызвано незнанием фактического материала. На самом деле речь идет о записях, собранных в конвертах по отдельным разделам.

[1] *Максимов А.Н.* Отзыв… С. 265.

[2] Juhlakirja Yrjö Wichmannin kuusikymmenvuotispäiväksi // MSFOu. Vol. 58. 1928.

не называй никого несчастливым, жалким. Тогда ты никого не сглазишь». В ней представлено большое количество сведений о магии и колдовстве вообще, об охотничьей магии, сглазе и т. д., в том числе в обрядах жизненного цикла. Следующая работа озаглавлена как «Тотемизм восточных финнов Пермской группы», 10 стр. (шифр. 1.42.2). Машинопись с авторскими исправлениями. Не датирована. Интересная по подбору материала, но во многом весьма спорная работа. Кроме того, под шифром 1.42.3 и 1.42.4 имеются два письма В.П. Налимова на имя профессора К.Ф. Карьялайнена с кратким отчетом о проделанной экспедиционной работе в 1908 г. и два вопросника, по которым он работал в поле. К сожалению, в Хельсинки отсутствует большая статья, посвященная номенклатуре родства у коми, которая упоминается А.Н. Максимовым.

В своих последних работах В.П. Налимов с методологической точки зрения выступает как сторонник географического детерминизма в становлении народной культуры. Например, высказывая мнение о становлении культуры народа коми, ученый пишет, что «*быт и весь уклад того или иного народа определяются внешней средой, географическим фактором*»[1]. Наиболее полно эта методология отражена в его работе «Одежда, украшения и их возникновение», которая была опубликована в наши дни[2]. В ней присутствуют, с одной стороны, ссылки на Ф. Ратцеля, немецкого ученого, основателя европейской антропогеографической школы, а с другой стороны, высказывания Б.Ф. Адлера, который был одним из наиболее ярых сторонников Ф. Ратцеля в России[3].

Следует остановиться еще на одном вопросе — о заочной дискуссии между В.П. Налимовым и Д.К. Зелениным, материалы о которой были введены недавно в научный оборот[4]. Речь идет замечаниях Д.К. Зеленина об этнографических работах профессора В.П. Налимова, обнаруженных В.Э. Шараповым в архиве Д.К. Зеленина. Речь идет о рукописи «Тотемизм удмуртов и коми». Сама она не найдена, но есть его высказывания о ней. Мне бы хотелось отметить то, что публикаторы не обратили внимания на небольшое несоответствие. Рукопись в Хельсинки называется несколько иначе — «Тотемизм восточных финнов пермской группы». Возможно, у В.П. Налимова был другой вариант подобной статьи, как она оказалась у Д.К. Зеленина и куда делась, неизвестно.

Внимание Д.К. Зеленина привлекло название статьи, в которой присутствует слово тотемизм. Ученый был увлечен теорией тотемизма и посвятил этому несколько сочинений, он играл важную роль в его теории становления религии, в которой выделялись им три стадии — тотемизм, культ онгонов, шаманизм[5]. И если Д.К. Зеленин видит в статье В.П. Налимова материалы, свидетельствующие о существовании тотемизма у коми, то сам автор в своем ответе пытается уйти от этого понятия, он больше говорит о культе животных, который, по его мнению, может быть связан с тотемизмом.

Авторы публикации ставят вопрос о том, получил ли Д.К. Зеленин ответ, ибо в его архиве нет оригинала ответа В.П. Налимова.

В.П. Налимов был выдающимся исследователем традиционной культуры народов

---

[1] *Налимов В.П.* К материалам по истории материальной культуры коми // Коми му. 1925. № 2. С. 15.

[2] *Налимов В.П.* Одежда, украшения и их возникновение // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 3. С. 133–145.

[3] *Тома Л.Я.* Бруно Фридрихович Адлер (1874–1942) // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 136–145.

[4] *Шарапов В.Э.* Из эпистолярного наследия коми этнографа В.П. Налимова // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск, 2009. С. 458–464; *Семенов В.А., Шарапов В.Э.* Д.К. Зеленин о работах В.П. Налимова // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск, 2010. С. 319–326.

[5] Об этом см.: комментарии Т.Г. Ивановой к статье Д.К. Зеленина «Идеологическое перенесение на диких животных социально-родовой организации людей», опубликованной в книге: *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1935. М., 2004. С. 270–274. Обзор различных взглядов на проблему тотемизма см.: *Дмитриева Т.Н.*Современное состояние проблемы тотемизма // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1981. С. 54–72.

коми. В течение длительного времени ученые не отдавали ему должного, просто упоминая его имя[1]. В советское время единственную оценку научного наследия В.П. Налимова, и то отрицательную, дал Ю.В. Гагарин. Он полагал, что точка зрения В.П. Налимова о соотношении у коми древнего язычества и православного христианства «*отражала общую тенденцию представителей буржуазно-националистического течения, которое в 20-е годы охватило часть советской интеллигенции*»[2]. Сегодня такая оценка выглядит излишне резкой и не вполне справедливой. Задача современных исследователей — восстановить доброе имя В.П. Налимова. В настоящее время В.П. Налимов занял свое место в истории этнографии народа коми как один из крупнейших исследователей традиционной культуры этого народа. Ведь еще до революции его материалы активно использовались многими исследователями, в частности финскими. Например, ***Уно Харва-Холмберг*** широко использовал их при написании диссертации, впоследствии изданной в качестве монографии «Водяные божества финских народов»[3]. Недавно появилась публикация о материалах по этнографии коми-пермяков в хельсинском собрании В.П. Налимова[4]. Кроме того, некоторые материалы приведены в электронной энциклопедии «Налимовские чтения», подготовленной в Сыктывкаре в 2005 г.

Рассматривая вклад России в мировую цивилизацию в уходящем XX столетии, можно смело говорить о том, что, несмотря на все катаклизмы и трагедии, он существен. В анналы мировой истории было вписано значительное количество имен, деятельность которых существенно способствовала развитию науки, техники и культуры человечества. Одной из таких знаковых фигур является ***Питирим Александрович Сорокин*** (1889–1968), основоположник современной социологии как отдельной ветви гуманитарной науки. Его жизнь является воплощением традиционной «американской мечты». Потеряв в 1922 г. при высылке из СССР все, что у него было: работу, книги, рукописи и т.д., позднее в США он благодаря своим знаниям, упорству, труду стал научной элитой на новой родине, учителем всех крупнейших социологов западного мира. В последние годы имя этого замечательного человека, долгие годы известное только узкому кругу специалистов, было возвращено на Родину. Начали издаваться многие его фундаментальные сочинения в переводе на русский язык, некогда вызывавшие бурные дискуссии, проводятся конференции, посвященные его памяти и идеям[5]. Также увидела свет его биография на русском языке[6]. Многие работы П.А. Сорокина, например «Человек и общество в бедствии», актуальны и сегодня в современной России. Последняя работа, опуб-

---

[1] См., например: *Терюков А.И.* История изучения погребального обряда коми-зырян // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы Института этнографии в X пятилетке. Л., 1983. С. 79–80.

[2] *Гагарин Ю.В.* История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С. 22.

[3] *Holmberg-Harva Uno*. Die Wassergottheiten der Finisch-ugrischen Völker // MSFOu. 1913. Vol. 32. Об этом см.: *Шарапов В.Э.* Материалы В.П. Налимова по традиционному мировоззрению коми в исследованиях европейсеких финно-угроведов первой половины XX века // Арт-Лад. Сыктывкар, 2000. № 1. С 144–146.

[4] *Чагин Г.Н.* В.П.Налимов и этнография иньвенских коми-пермяков // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск; Сыктывкар, 2010. С. 147–166.

[5] *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; *Он же*. Преступление и кара, и наказание и награда. СПб., 1999; *Он же.* Social and cultural dynamics. N.Y., 1937–1941. Vol. 1–4. Перевод: Социальная и культурная динамика. СПб., 2000; *Он же.* Из истории русской общественной мысли. СПб., 2000; *Он же.* Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000; *Он же.* Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. СПб., 2003.

[6] *Голосенко И.А.* Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991; *Кротов П.П., Липский А.В*. Путидороги «большого человека» // Родники Пармы. Сыктывкар, 1990; *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин. Страницы жизни. СПб.; Архангельск, 1992; *Он же.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1. (1889–1922). Архангельск, 2008. *Сапов В.В.* «Творческая эволюция» П.А. Сорокина // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.

ликованная в Америке в 1942 г., посвящена рассмотрению событий 1918–1922 гг. в России, раздираемой Гражданской войной, эпидемиями и голодом. В ней автор дает блестящий анализ явлений, сопровождающих эпоху кризиса. Эта книга содержит глубокий анализ причин, закономерностей, типичных последствий войн и революций, катастроф и конфликтов, их влияния на человека и общество. Но ученый не ограничивается их рассмотрением, а предлагает пути выхода из бедствий. По его мнению, бедствия — это не только зло, но в какой-то степени и благо. Нанося разрушения, пагубно влияя на человека и общество, они вместе с тем, как это ни парадоксально, играют конструктивную роль в истории культуры, стимулируя созидательную деятельность человечества. Бедствия неизбежны. Человек может их усилить или достойно выйти из них, и зависит лишь от него, какой выбрать путь.

Для многих людей на Западе выходцы из России — олицетворение русской культуры. Но они часто не подозревают, что, по сути, русская культура многонациональна. Ибо, будучи государством многоэтничным, в России веками складывалась культура, которая была следствием взаимодействия многих национальных традиций и индивидуальной деятельности представителей различных народов, населявших бескрайние просторы Российской империи. Несмотря на сословный характер российского общества, талантливые люди из инородцев (термин употребляется для обозначения всего нерусского населения России, как это было принято до революции) часто оказывались в числе представителей царской администрации, деятелей культуры и искусства. Кстати, позднее, уже в зрелом возрасте, П.А. Сорокин опубликовал одну из своих фундаментальных работ — «Социальную и культурную динамику», в которой проанализировал различные аспекты социальной стратиграфии и возможные механизмы изменения социального статуса человека в различные периоды существования человечества[1]. Судьба П.А. Сорокина, родившегося в коми-зырянской тайге, отражает сложный культурно-исторический процесс. В книге своих беллетристических воспоминаний «Долгий путь», изданных в США, в достаточно красочной форме, как это было принято на Западе, он показал свой путь, который он прошел от выходца из коми-зырянского села Турья до руководителя кафедры Гарвардского университета[2].

П.А. Сорокин родился 23 января 1889 г. в небольшом селении Турья, на берегу священной для коми народа реки Вымь. Недалеко от места его рождения в 1379 г. начал проповедь Священного Писания среди коми великоустюгский монах Стефан Храп, ставший в 1380 г. первым православным епископом Коми края под именем ***Стефан Пермский***. Выходцем из Великого Устюга был и отец нашего героя, А.П. Сорокин, «*золотых, серебряных и чеканных дел мастер*», ремесленник, который занимался изготовлением церковной утвари, ремонтом храмов. Впоследствии П.А. Сорокин несколько раз пересекался с этим городом. Нарекли мальчика в честь одного из местночтимых пермских святителей, четвертого Пермского епископа Питирима, деятельность которого проходила недалеко, во «*владычном городке*» Усть-Выми в 1444–1455 гг., память которого праздновалась Русской православной церковью 29 января. Мальчик очень рано потерял мать и фактически воспитывался теткой по матери, в простой коми крестьянской семье. В десять лет он остался без отца. Позднее в одном из своих писем он прямо называет себя зырянином[3].

В 1901 г. недалеко от отчего дома он окончил церковно-приходскую школу, после этого поступил в двухклассную школу в с. Гам, где завершил обучение в 1904 г. Тяга к знаниям

---

[1] *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.

[2] *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991.

[3] Это письмо было отправлено ученым редактору издательства «Посредник», который пытался издать серию книг «Народы всего мира», и П.А. Сорокин готов был написать для нее о зырянах. Цит. по: *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 76–77.

и успехи в обучении позволили ему поступить за казенный счет в церковно-учительскую школу в с. Хреново Костромской губ. Именно в Хренове Питирим знакомится с эсерами, политической партией, с которой он будет связан до конца 1918 г. Но это знакомство помешало ему окончить школу, так как он был изгнан из нее по политическим причинам. В декабре 1906 года он был задержан в Кинешме уездным исправником за революционную пропаганду и четыре месяца провел в местной тюрьме[1]. П.А. Сорокин был вынужден вернуться домой. Но в этот момент судьба преподнесла ему щедрый подарок.

В 1907 г. молодой парень знакомится с выдающимся коми просветителем, философом, этнографом, писателем ***Каллистратом Жаковым***, который в это время занимался этнографическими и статистическими исследованиями Коми края. К.Ф. Жаков, выходец из Коми края, к этому моменту был достаточно известным человеком на Русском Севере. Эта встреча и совместное путешествие по Выми и верхней Печоре изменили планы и весь образ жизни нашего героя. П.А. Сорокин вместе с К.Ф. Жаковым отправляется в Петербург. В столице он сначала учился на Черняевских курсах, затем сдал экстерном экзамены за курс классической гимназии в Великом Устюге. Вообще Вологодский край сыграл важную роль в становлении П.А. Сорокина как ученого и общественного деятеля[2]. В 1909 г. он становится студентом Психоневрологического института, первого в России частного, внесословного негосударственного высшего учебного заведения, основанного выдающимся психиатром В.М. Бехтеревым[3]. Прошение П.А. Сорокина было датировано 3 августа 1909 г. Но он не смог оплатить учебу, и внес лишь 30 руб. из необходимых 75 руб. за семестр. Лишь письменная гарантия, данная ***К.Ф. Жаковым***, позволила ему начать учебу[4]. В апреле 1911 г. П.А. Сорокин забрал свои документы из института «*в виду того, что вследствие невзноса платы за право учится я принужден выбыть из Института, честь имею просить канцелярию Института выдать мне мои документы*»[5].

В 1910 г. он на общих основаниях поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета[6]. Его прошение о приеме в университет датировано 5 июля 1910 г.[7] Представляет интерес его свидетельство о зрелости с указанием полученных отметок при сдаче экзаменов экстерном: он получил 5 «отлично» и 6 «хорошо»[8]. К делу также приложено свидетельство о политической благонадежности, выданное Управлением Санкт-Петербургского градоначальника, имеющее помету «Секретно». Именно в университете под влиянием таких крупных ученых, как социолог М.М. Ковалевский, юрист Л. Петражицкий, экономист М.Н. Туган-Барановский, историк М.Н. Ростовцев, философ Н.О. Лосский, формируются его научные интересы. Историю русского права он слушал у В.Н. Латкина, внука своего земляка ***В.Н. Латкина***. Интересно, беседовали ли они о судьбах Коми края вовремя своих встреч на лекциях[9]. 8 марта 1914 г. П.А. Сорокин получает свидетельство об окончании университета: «*Предъявитель сего, П.А. Сорокин, православного вероисповедания, мещанин, родившийся 23 января 1889 г., был принят по свидетельству зрелости гимназии г. Великого Устюга от 4 июня 1909 г. за № 340 в число студентов С.-Петербургского университета в июле*

---

[1] *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 23–25.

[2] *Панов Л.С.* «Жизнь движется и в Вологде». Питирим Сорокин в общественной жизни Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 181–202.

[3] Психоневрологический институт. Личное дело № 366. 1909–1910 учебный год. Питирим Александрович Сорокин // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 115, оп. 2, д. № 8799.

[4] Карточка-записка К.Ф. Жакова // Там же. Л. 7–8.

[5] Там же. Л. 5.

[6] Личное дело студента Санкт-Петербургского университета Питирима Александровича Сорокина // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. № 56272.

[7] Там же. Л. 4.

[8] Там же. Л. 5.

[9] Об студенческих годах и учителях П.А. Сорокина см.: *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 34–38.

1910 г. и зачислен на юридический факультет, на котором слушал курсы: по Истории римского права, Догме римского права, Истории русского права, Государственному праву, Церковному праву, Политическому праву, Политической экономии, Статистике, Гражданскому праву и Судопроизводству, Торговому праву и Судопроизводству, Уголовному праву и Судопроизводству, Финансовому праву, Международному праву, Энциклопедическому праву, Истории философии и по выполнению всех условий, требуемых правилами об зачете полугодий, имеет 8 зачетных полугодий. В удостоверение сего на основании статьи 77 Общего устава Императорского Российского университета от 23 августа 1884 г., выдано это свидетельство от юридического факультета за положенными подписями и с приложенной университетской печати»[1].

П.А. Сорокин, начиная как этнограф, исследователь традиционных народных верований и семейно-брачных отношений у коми, чему были посвящены его первые публикации, постепенно увлекается социологией. В начале XX в. социология бурно развивалась, определяла предмет своего исследования, методы и практику. В это время в России социология во многом противопоставлялась марксизму, ибо социологи активно искали методы и схемы преобразования страны иными, нежели марксистскими, средствами и способами. Будучи студентом, он начинает публиковать научные и популярные статьи.

И.А. Голосенко пишет, что во время учебы в университете П.А. Сорокин опубликовал более 50 работ по антропологии (точнее — этнографии), социологии, философии. К завершению обучения в университете Сорокин издает большую книгу «Преступление и кара, наказание и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали», которую позднее защитил в качестве магистерской диссертации[2]. В 1914 г., после окончания университета с дипломом первой степени, был оставлен при кафедре уголовного права и судопроизводства для подготовки к профессорскому званию[3].

В деле сохранилась следующая характеристика: «*П.Сорокин известен многим членам факультета как молодой человек, обладающий выдающимися умственными способностями, трудолюбием и любовью к науке. Уже на студенческой скамье он заявил себя в ряде напечатанных им работ. <...> Оставление Сорокина на факультете для подготовки к профессорству поможет выработать из него крупную научную силу*»[4].

В январе 1917 г. П.А. Сорокин стал приват-доцентом университета, что обеспечило ему профессорскую карьеру. Кроме того, на 1914/1915 гг. был избран ассистентом кафедры социологии Психоневрологического института. В это время среди его студентов были Михаил Кольцов (Михаил Фрилянд), Исаак Бабель. На март 1917 г. была назначена защита его магистерской диссертации.

Одновременно начинается общественная и партийная работа П.А. Сорокина, что привело к кратковременному аресту ученого в 1913 г. К Февральской революции он уже один из крупных эсеровских пропагандистов-публицистов, активно выступающий в печати с критикой царского режима. После Февральской революции П.А. Сорокин стал членом редакции газеты «Дело народа», созданной эсерами, спустя некоторое время оставил это издание и стал редактором газеты «Воля народа»[5]. Между февралем и октябрем —

---

[1] *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… Л. 8; Переписка о допуске П.А. Сорокина к экзаменам за университетский курс // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 27, д. № 667.

[2] Об экзамене П.А. Сорокина на ученую степень магистра уголовного права // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, № 4605. О реакции российской научной общественности на эту книги см.: *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 68–78.

[3] Дело об оставлении П.А. Сорокина при университете // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, № 10917.

[4] Там же. П. 17, 21.

[5] О политической и публицистической деятельности П.А. Сорокина после февраля 1917 г. см.: *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 141–230.

секретарь и советник А.Ф. Керенского, точнее — по его просьбе занял пост секретаря по проблемам науки во Временном правительстве[1]. Между двумя революциями входил в состав Особого совещания по изготовлению проекта положения о выборах в Учредительное собрание. 2 января 1918 г. он был арестован и 57 дней провел в Петропавловской крепости как один из противников Советского правительства вместе с рядом членов Учредительного собрания, депутатом которого П.А. Сорокин был избран от крестьян Коми края. Но основной причиной ареста было участие П.А. Сорокина в работе в редакции газеты «Воля народа», стоявшей на эсеровских позициях.

После освобождения 23 февраля 1918 г. он уезжает сначала в Москву, а потом на Волгу. В мае 1818 г. принимает участие в заседании Совета партии социал-революционеров, который взял курс на вооруженную борьбу с большевиками. По заданию «Союза Возрождения России» он становится организатором антибольшевистского движения на Севере, в Вологде и Архангельске[2]. В это время он осознал бессмысленность братоубийственной Гражданской войны и добровольно сдался советским властям. В родном Великом Устюге был приговорен к смертной казни. Здесь П.А. Сорокин 29 октября 1918 г. выступил со своим знаменитым политическим заявлением о выходе из партии эсеров, сложении звания члена Учредительного собрания, отказе от политической деятельности и призывом к соратникам по партии сделать то же самое[3]. Одновременно он заявил о намерении вернуться к научной деятельности.

Это письмо было замечено в Москве, а его автор был освобожден. Этому предшествовали публикации в газете «Правда» статьи В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина» и редакционной статьи «Отречение Питирима Сорокина»[4]. Существенную роль в решении этого конфликта сыграли его университетские товарищи, видные большевики Л. Пятаков, Л. Карахан, которые обратили внимание В.И. Ленина на опубликованное письмо П.А. Сорокина[5]. Интересен факт, что в Москве после освобождения П.А. Сорокина был устроен вечер, на котором присутствовал В.И. Ленин[6]. Это говорит о том, что власти придавали большое значение этому событию и пытались использовать его в пропагандистских целях.

Ученый вернулся в Петроград, его восстановили на работе в университете, где он основал факультет социологии и читал лекции. В это же время он публикует первое на русском языке обстоятельное пособие «Система социологии» в двух томах[7]. Из переписки с известным украинским социологом и обществоведом Н.Е. Шаповалом видно, что летом 1922 г. П.А. Сорокин готовился к командировке за границу: он был приглашен Иллинойским университетом в США. П.А. Сорокин по этому поводу писал Н.Е. Шаповалу: «*Хочется года два-три побыть за рубежом и научно подковаться. <…> Тем более что наш опыт идет к концу и для социолога больше не интересен. Между тем через год-два предстоит огромная работа по возрождению России*»[8]. 17 июля 1922 г. он радостно сообщил своему украинскому коллеге, что «*по предложению университета командировку получил, оно подтверждено Наркомпросом и все документы отправлены в ГПУ*»[9].

---

[1] Эти сведения в основном известны со слов самого П.А. Сорокина, документальных подтверждений нет.

[2] О этой деятельности подробно написано в книге Ю. Дойкова.

[3] Письмо П.А. Сорокина в редакцию газеты // Крестьянские и Рабочие Думы. 1918. 29 окт.

[4] *Ленин В.И.* Ценные признания Питирима Сорокина // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 188–197; Отречение Питирима Сорокина // Правда. 1918. 20 нояб.

[5] *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 209–218, 221–223.

[6] Информацию об этом см.: Правда. 1918. 22 нояб.

[7] *Сорокин П.А.* Система социологии. Пг., 1920. Т. 1–2.

[8] Письма П.А. Сорокина к Н.Е. Шаповалу (1922-1931) // Сорокин П. Социология революции. М., 2005. Приложение 2. С. 551.

[9] Там же. С. 553.

Однако это было видимое благополучие. В глубине души П.А. Сорокин не принял новой идеологии и продолжал выступать в научных дискуссиях против нее. Так, в журнале «Экономист» появилась крайне резкая рецензия ученого на учебник «Теория исторического материализма» Николая Бухарина, молодого марксиста, которого высоко оценивал В.И. Ленин. Публикуются другие работы, в которых ученый выступает против практики и методов построения социализма[1]. Одновременно в печати П.А. Сорокин резко критиковался как ученый[2]. В конечном счете, П.А. Сорокин осенью 1922 г. оказался на борту т.н. «*философского парохода*», на котором советскую Россию были вынуждены покинуть многие известные люди. (Это условная формулировка, ибо П.А. Сорокин уехал из России по железной дороге, через Ригу[3].)

История этой политической акции до недавнего времени была известна в общих чертах и основывалась лишь на мемуары высланных деятелей русской культуры, в том числе и П.А. Сорокина. Сегодня можно говорить об этом событии более подробно, уже основываясь на опубликованных материалах[4].

К лету 1922 г. у руководства Советской России складывается мнение о том, что некоторые деятели науки и культуры саботируют распоряжения новой власти и, таким образом, являются противниками существующего в стране строя. Отрицание новой идеологии принимало различные формы. По заданию Политбюро РКП(б) советские спецслужбы составили «проскрипционные» списки, в которые были включены представители университетских и литературных кругов Петрограда, Москвы, Казани и других городов. 10 августа 1922 г. Политбюро утвердило список высылаемых лиц. В петроградском списке антисоветской интеллигенции, который насчитывал 49 человек, на первом месте стояла фамилия П.А. Сорокина; причем в этом списке он упоминается дважды, второй раз — как автор известного оппозиционного журнала «Экономист» под псевдонимом Н. Чаадаев[5]. Список был подписан руководителями Петрограда — Л. Каменевым, Д. Курским и И. Уншлихтом. В отличие от московского списка, в котором давалась достаточно подробная характеристика каждому предложенному к высылке человеку и оценка его политической деятельности, в петроградском списке присутствовал лишь просто перечень фамилий[6].

После ареста П.А. Сорокин, как и остальные привлеченные по этому делу люди, подписал следующий документ:

«ПОДПИСКА

*Дана сия мною, гр[аждани*ном*] Сорокиным Питирим Александровичем IV отд[елению] СОГПУ в том, что обязуюсь согласно постановления ГПУ в 10-дневный срок ликвидировать свои служебные и личные дела и выехать за свой счет заграницу. По истечении срока перед отъездом обязуюсь с полученными документами явиться в IV отд[еления]*

---

[1] О публикациях этого периода см.: Библиография трудов П.А. Сорокина // Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000. С. 276–299.

[2] *Бормотов С.С.* Борьба советских ученых-марксистов против социологических идей П.А. Сорокина в первые послеоктябрьские годы (1917–1922) // Философские науки. 1971. № 3.

[3] *Артизов А.Н.* «Очистим Россию надолго» (К истории высылки интеллигенции в 1922 г.) // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 72.

[4] *Сапов В.В.* Высылка 1922 года: попытка осмысления // Социологические исследования. 1990. № 3; *Коган Л.А.* «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопр. философии. 1993. № 9; *Гловацкий М.Е.* «Философский пароход»: год 1922. Историографические этюды. Екатеринбург, 2002; «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. / Вступ. ст. и комм. В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 126–170; *Макаров В.Г.* Архивные тайны: интеллигенция и власть. «Власть ваша, а правда наша» (к 80-летию высылки интеллигенции из советской России в 1922 г.) // Вопр. философии. 2002. № 10. С. 108–155; *Макаров В.Г.*, *Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода» (судьба интеллигенции, репрессированной летом–осенью 1922 г.) // Вопр. философии. 2003. № 7. С. 113–137; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. М., 2005.

[5] Достаточно подробно перипетии высылки П.А. Сорокина описаны в: *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 324–330.

[6] *Артизов А.Н.* Очистим Россию надолго… С. 73.

СОГПУ нач[альнику] отд[еления] тов[арищу] Зарайскому для сообщения времени отъезда.

Питирим Александрович Сорокин

13/9 [19]22 г.»[1]

20 сентября 1922 г. ГПУ приняло по делу № 15962 в отношении П.А. Сорокина о выезде за границу следующее решение:

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 15962 о гр. Сорокине Питирим Александровиче

Арестован 19/9 1922 года, находится на свободе.

По наведенным справкам о прежней судимости в Уч[етно]-Р[азыскного] О[тдела] ГПУ не проходит.

1922 года августа _ дня. Я, сотрудник для поручений IV отделения СО ГПУ — Шешкен, рассмотрев дело за № 15962 нашел

что гр[аждании] Сорокин Питирим Александрович

С момента Октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, при чем в моменты внешних для РСФСР затруднений, свою контрреволюционную деятельность усиливал.

А посему, на основании п. 2 лит. Е Положения о ГПУ от 6/11 с.г.:

В целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Сорокина полагаю выслать его из пределов РСФСР ЗА ГРАНИЦУ БЕССРОЧНО.

Принимая во внимание заявление, поданное гр-ом Сорокиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд заграницу за свой счет, для устройства личных и служебных дел дать 7 дней, с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока и после явки немедленно выехать за границу.

Пом[ощник] Нач[альника] IV Отделения Шешкен

20/9–22

СОГЛАСЕН Зарайский

Андреева 21/9–22

Утверждаю Ягода 23/9–22»[2].

Однако это печальное событие было лишь началом его известности. Сначала он оказался в Германии, затем в Праге, позже по приглашению коллег переехал в США, где началась его преподавательская деятельность в Университете Миннесоты. Через несколько лет он осел в Гарварде, где и проработал большую часть своей жизни[3]. Именно здесь П.А. Сорокина ожидала мировая слава, он становится живым классиком. Он много работает, одна за другой выходят его книги, а ученики распространяют его идеи по всему миру[4]. Вскоре после приезда в США он прочитал цикл лекций по социологии русской революции, которые несколько позднее вошли в первую опубликованную им за рубежом книгу — «Социологию революции», в которой он выступил одновременно как наблюдатель и аналитик[5]. На Запа-

---

[1] ЦА ФСБ РФ. Д. № 47804, л. 2. Подлинник. Рукопись. Автограф.

[2] ЦА ФСБ РФ. Д. № 47804, л. 4. Подлинник. Рукопись. Автограф. В этом документе имеется одна неточность, которую не отметил следователь: П.А. Сорокин арестовывался ВЧК и был судим. Это еще раз подтверждает, что дело в отношении него, как и в отношении других высланных, велось формально, решение было принято, и оно должно было быть исполнено.

[3] До недавнего времени основной информацией о его жизни в эмиграции была автобиографическая книга П.А. Сорокина. В последнее время появились новые источники, в первую очередь его переписка, например уже с упоминавшимся выше Н.Е. Шаповалом, и воспоминания хорошо знавших его людей. По-новому на этот период жизни П.А. Сорокина позволяют взглянуть воспоминания В.Д. Лутохина, бывшего редактора журнала «Экономист»: *Лутохин Д.А.* Зарубежные пастыри // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1997. Вып. 22. С. 7–49. Некоторые новые сведения о личной жизни П.А. Сорокина в Америке присутствуют в недавно опубликованных воспоминаниях жены и сына: *Сорокина Е.* Моя жизнь с Питиримом Сорокиным // Арт-Лад. Сыктывкар, 2004. № 1. С. 98–125; *Сорокин С.* Жизнь с Питиримом Сорокиным. Воспоминания младшего сына // Там же. С. 126–154.

[4] *Zimmerman C.C.* Sociological Theories of Pitirim A. Sorokin. Bombey, 1973; Idem. Sorokin. The World's Greatest Sociologist. Saskatoon, 1968; *Johnston B.V.* Pitirim A. Sorokin. An Intellektual Biography. Lawerence, 1995.

[5] *Sorokin P.A.* The Sociology of Revolution. Phil.; L., 1925. Русский перевод: *Сорокин П.* Социология революции. М., 2005.

де это был первый опыт исследования событий, произошедших в России и приведших к падению царизма, изданный на английском языке. Проведя анализ русской и еще 70 революций, П.А. Сорокин нарисовал схему революционного процесса, выделив три больших этапа. На первом этапе наблюдается динамичный (социальный, интеллектуальный, эмоциональный) протест против власти, который в итоге приводит к ее низложению. В ходе второго этапа происходит перестройка социальной структуры общества, сопровождаемая насилием, кровопролитием и террором. На третьем — люди, общество, уставшее от катаклизмов и потрясений, ищет порядка и стабильности, в результате чего происходит восстановление новой социальной структуры со всеми атрибутами. Позднее многие из выводов вошли в другую его работу — «Социальную и культурную динамику», в которой он проанализировал революции и войны (религиозные, этнические, крестьянские, гражданские, мировые и прочие), случившиеся за последние 2000 лет мировой истории. П.А. Сорокин, хотя и рассматривал болезненную для себя тему, из-за которой он вынужден был покинуть Родину, оставался объективным. У него мы не найдем злобных антисоветских выпадов, хотя он и не разделял марксистской идеологии. Не участвовал он и в различных антисоветских организациях, которые или призывали, или предпринимали попытки свержения советской власти. Из переписки с Н.Е. Шаповалом видно, что он не оставлял надежды на возвращение на Родину. Например, в одном из писем 1925 г. он писал, что «*оставаться в Америке, я, конечно, не думаю навсегда. С изменением обстоятельств в России вернусь туда. Родина есть родина*».

Более того, он в 1950–1960 гг. был одним из создателей т.н. «теории конвергенции» — теории, которая усматривала в общественном развитии современного общества тенденцию к сближению двух социальных систем — капитализма и социализма с их последующим синтезом в некое «смешанное общество», сочетающее положительные черты и свойства каждого из них. Эта теория основывалась на одной из главных научных идей П.А. Сорокина, суть которой заключалась в следующем: XX век — это эпоха кризиса, процесс перехода суперсистемы (мира, многих обществ) от чувственного к умозрительному мировоззрению, сопровождаемый длительным периодом социальных и культурных потрясений.

Как было выше сказано, П.А. Сорокин начинал свою научную карьеру как этнограф, исследователь традиционной культуры коми-зырян[1].

На становление Сорокина-исследователя большое влияние оказал Максим Максимович Ковалевский, крупнейший российский ученый-гуманитарий начала XX в. П.А. Сорокин впоследствии широко применял его методологию. М.М. Ковалевский — создатель т.н. генетической социологии, направления, занимающегося изучением зарождения, становления и развития различных общественных институтов[2]. Он рассматривал социологию как науку о социальных организмах и изменениях, призванную выявлять законы, управляющие социальными процессами. В изучении этих процессов он активно использовал сравнительно-исторический и сравнительно-этнографический методы. М.М. Ковалевский в своих этнографических работах подчеркивал тесную связь между этнографией и психологией, а фольклор рассматривал как ценней-

---

[1] *Микушев А.К.* Роль Питирима Сорокина в становлении коми-зырянской этнографии // Социологические идеи П.А. Сорокина и современное общество. Сыктывкар, 1992. С. 70–72; *Семенов В.А.*, *Несанелис Д.А.* У истоков этнографии коми (к 100-летию со дня рождения П.А. Сорокина) // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1998. С. 4–7. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 43); *Несанелис Д.А. Семенов В.А.* К критике некоторых этнографических идей П.А. Сорокина // Вестн. культуры Коми ССР. 1991. № 4. С. 85–87; *Они же.* Традиционная этнография коми в трудах П.А. Сорокина // Рубеж. 1991. Вып. 1. С. 47–56; *Семенов В.А.* Комментарий к одному этнографическому наблюдению П.А. Сорокина // Социологические идеи П.А. Сорокина и современное общество. Сыктывкар, 1992. С. 75–76; *Рощевская Л.П.* Культурные контакты П.А. Сорокина // Вестн. культуры Коми ССР. 1991. № 4. С. 87–89.

[2] *Хайлова Н.Б.* М.М. Ковалевский // Ковалевский М.М. Моя жизнь. М., 2005. С. 3–38.

ший источник для изучения духовной жизни народа, своеобразную форму коллективной психологии. Прогресс социальных институтов трактовался им как поступательное движение вперед, т.е. он был эволюционистом.

Один из сложных вопросов биографии нашего героя — его взаимоотношения с М.М. Ковалевским. Очень часто его биографы говорят о том, что П.А. Сорокин был его секретарем. Насколько это верно, сказать сложно. В личном фонде М.М. Ковалевского, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, мне не удалось найти следов их переписки, общения организационного характера, поручений академика, отчетов выполнения его поручений и т.д. Известно, что П.А. Сорокин опубликовал ряд статьей, посвященных творчеству этого выдающегося ученого. О том, что они были лично знакомы, можно судить по письму П.А. Сорокина, отправленного из харьковского имения М.М. Ковалевского летом 1915 г. Кроме того, имеется одно письмо П.А. Сорокина на имя М.М. Ковалевского, в котором молодой ученый называет себя его секретарем. Оно было вызвано его арестом в феврале 1913 г.

Как мне кажется, в своем обращении на имя академика он дает ему таким образом повод защитить себя. И действительно, М.М. Ковалевский обращается на имя министра внутренних дел по этому поводу и получает интересный ответ от директора Департамента полиции С.П. Белецкого. Выясняется, что П.А. Сорокин был задержан «*ввиду сведений о его близости к рабочей группе партии социал-революционеров*», предполагавших протестные акции во время юбилейных торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых. «*Упомянутый Сорокин <...> из под стражи освобожден и переписка о нем прекращена без всяких для него последствий*»[1].

Летом 1912 г. П.А. Сорокин обращается в Императорское Русское географическое общество за содействием для поездки с научной целью на Русский Север. В итоге он получает удостоверение ИРГО, подписанное вице-президентом Общества П.П. Семеновым-Тянь-Шанским, в котором отмечалось, что «*предъявитель сего, Питирим Александрович Сорокин, отправляется с этнографическими целями в Вологодскую и Архангельскую губернии. В высшей степени заинтересованный в успехе означенного научного предприятия Совет ИРГО обращается с усерднейшей просьбой ко всем лицам и учреждениям, с коими г-ну Сорокину доведется выступать в сношения при исполнении принятой им на себе задачи, <...> оказывать ему законное покровительство и возможное содействие*»[2].

Этому предшествовала его самостоятельная поездка на Удору, в один из отдаленных районов Коми края[3]. Во время этой поездки он встретился с венгерским лингвистом ***Д.Р. Фокош-Фуксом.***

Будучи этнографом, П.А. Сорокин достаточно серьезно занимался проблемой брака и семьи у коми-зырян. Этот аспект традиционной культуры рассматривается практически во всех его ранних этнографических работах[4]. Как видно из «Дневника путешествия на Удору», он собирал материалы по этим проблемам. Кроме того он посвятил анализу этого вопроса специальную статью[5]. Позднее он обращался к этой теме в своих социологических исследованиях[6]. В какой-то мере его интерес к этой проблематике понятен: профессионально занимаясь социологией под руководством М.М. Ковалевского, крупнейшего

[1] Цит. по: *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 83.

[2] Цит. по: *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 55.

[3] Дневник этого путешествия хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома). Опубликован Ю. Дойковым. *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона… С. 57–66. Об этом путешествии см. также: *Сорокин П.* Пестрое кружево. Архангельск, 1993.

[4] *Сорокин П.А.* Пережитки анимизма у зырян // Изв. АОИРС. 1910. № 20. С. 49–62; № 22. С. 39–47; *Он же.* Современные зыряне // Изв. АОИРС. 1911. № 18, 22, 23, 24.

[5] *Сорокин П.А.* К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Изв. АОИРС. № 1.

[6] Обзор этого направления в теоретических воззрениях П.А. Сорокина см.: *Ломоносова М.* Социология семьи П.А. Сорокина // Гендерные исследования в контексте социологического образования. СПб., 2005. С. 56–66.

российского исследователя обычного права у народов России, в первую очередь кавказских, он пытался применить его методологию в другом регионе, в прочих культурно-исторических условиях.

Существующие у коми семейно-брачные отношения П.А. Сорокин рассматривает с точки зрения теории эволюции в рамках общего всемирно-исторического развития. Он испытывал влияние идей позитивизма Г. Спенсера, его учения о всеобщей механистической эволюции. Эволюцию П.А. Сорокин рассматривал как развитие всех явлений — от простейших неорганических до нравственных и социальных. Отмечая в своих статьях сексуальную свободу отношений в некоторых районах обитания коми-зырян, в первую очередь на Печоре, ученый рассматривает это явления как пережиток форм сексуальных отношений, известных под термином «групповой брак». По его мнению, свобода — явление универсальное, через которое прошли все народы. Позднее сведения своих полевых наблюдений П.А. Сорокин использовал в книге «Брак в старину: многомужество и многоженство»[1]. В ней он с точки зрения эволюционизма рассматривает историю развития форм брака как процесс изменения от первобытного, группового брака к современному моногамному. Наблюдаемую у многих народов, в том числе «*у зырян, пермяков, вотяков, черемисов и мордвы значительную половую свободу*», он считает пережитком древней формы брака. По его мнению, в процессе исторического развития, умственного и нравственного усовершенствования человечества происходит ограничение свободы брачного общения. И существующие у разных народов обычаи религиозного гетеризма, полигамии, полиандрии, левирата и т.д. являются пережитком первобытного промискуитета.

Вторая проблема, исследованием которой занимался П.А. Сорокин, связана с проблемой религиозных представлений коми-зырян. Она рассматривалась им в нескольких статьях[2]. В них он выступает как эволюционист, усматривая в ряде проявлений сакрального характера у коми пережитки анимизма и тотемизма. В этой области основу его методологии составляет теория анимизма и метод пережитков Э. Тейлора, крупнейшего английского религиоведа. Приведенные П.А. Сорокиным данные непосредственно укладываются в рамки этой научной теории. Исследователь прямо говорит о своих методологических предпочтениях. Кроме того, на него большое влияние оказали Спенсер и социология религии Э. Дюркгейма. Последнему П.А. Сорокин посвятил три статьи.

Излагаемые ученым этнографические наблюдения и сделанные им выводы показывают, что его теоретические поиски находились в русле генеральной линии развития русской этнографии того времени. Собранные и опубликованные П.А. Сорокиным данные по традиционной культуре народов коми до настоящего времени являются важной источниковедческой базой.

В начале XX столетия в Усть-Сысольске появляется первое научное краеведческое общество — отделение Архангельского общества изучения Русского Севера. Оно было основано в 1910 г. стараниями нескольких местных интеллигентов: ***А.А. Цембера***, А.Ф. Старовского, Н.П. Чеусова и др. Общество объединяло разных людей: депутата Государственной думы IV созыва С.Н. Клочкова, учителя П.П. Мотохова, начинающих поэта В.Т. Чисталева и писателя М.Н. Лебедева, земских деятелей, учителей, крестьян. Эти люди занимались в первую очередь сбором фольклорного и историко-этнографического материала. В 1914 г. в обществе насчитывалось 94 членов и членов-корреспондентов. Некоторые из них публиковались в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера». Как и общество в Архангельске, его Усть-Сысольское отделение просуществовало до 1919 г.

---

[1] *Сорокин П.А.* Брак в старину: многомужество и многоженство. Рига, 1913.

[2] *Сорокин П.А.* Пережитки анимизма у зырян…; *Он же.* К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян // Изв. ВОИСК. Вып. 4. С. 48–55.

Последней по времени крупной фигурой дореволюционного периода нарождающегося местного краеведческого движения в Усть-Сысольске был ***Андрей Андреевич Цембер*** (1874–1957) — краевед, фольклорист и лингвист, исследователь Коми края, организатор наук[1]. Его научно-просветительская деятельность пришлась на рубеж XIX–XX вв.

Он родился в Усть-Сысольске, в семье мелкого местного чиновника, восходящего своими корнями к польским ссыльным, сосланным в эти дальние места за участие в восстании 1830–1831 гг. Правда, после революции его стали считали коми по национальности, так как его бабушка и мама были коми. Учился в местной приходской школе. Окончил Тотемскую учительскую семинарию, в которой учился на средства Усть-Сысольского земства, со свидетельством учителя начального училища. В 1893–1896 гг. работал учителем в небольшом коми селении Керчемья. Позднее — учитель Усть-Сысольского трехклассного городского мужского училища (с 1912 г. — высшего начального училища). Одновременно в Усть-Сысольске преподавал в женской воскресной школе для обучения неграмотных и малограмотных из числа взрослого населения. В 1899 г. выступил инициатором создания и открытия публичной библиотеки в Усть-Сысольске. В 1904 г. оставил преподавательскую работу и был назначен канцелярским служителем Усть-Сысольского уездного съезда, позднее — заведующим школьным хозяйством Усть-Сысольского земства, а также сборщиком денег в казенных винных лавках.

Л.П. Рощевская, которая одной из первых обратилась к творчеству А.А. Цембера, выделяет в его научном творчестве три периода: 1907–1916, 1918–1922, 1923–1929 гг.[2] Соглашаясь в общем с этой периодизацией, мы бы хотели немного уточнить ее.

Она пишет, что в 1907–1916 гг. Цембер в основном занимался фольклорно-этнографическими и лингвистическим изысканиями. Л. Рощевская считает началом научной деятельности А.А. Цембера 1907 г., когда усть-сысольский краевед начал сотрудничать с ***У.Т. Сирелиусом***. Но на самом деле научно-краеведческая деятельность А.А. Цембера началась под влиянием финского ученого ***Ю.Й. Вихмана***, который в 1901–1902 гг. посетил Коми край. А.А. Цембер в тот момент был помощником-переводчиком и проводником финского ученого. Как он упоминает в своем дневнике, усть-сысольский преподаватель обучал гельсингфорсского лингвиста коми языку[3]. В 1902 г. Финно-угорское общество по его рекомендации оказало А.А. Цемберу содействие в поездке по рекам Вычегде и Локчим, из которой он привез записи 12 сказок, 2 детские сказки, 4 песни, 15 причитаний, 30 загадок, а также словарь местных диалектизмов и топонимов[4]. Позднее эти материалы были отправлены Ю.Й. Вихману. По моему мнению, 1907 г. необходимо заменить 1901-й.

В 1907 г. А.А. Цембер активно помогает другому финскому ученому — ***У.Т. Сирелиусу***, который некоторое время жил у него. В свом дневнике первый сделал следующую запись: «*21 июня я с доцентом Гельсингфорсского университета выехал в Мордино собирать этнографические сведения. Пробыли в Мордино до 26 июня и собрали много одежды старинной и посуды и прочей утвари, имеющей чисто зырянское происхождение, а не перенятое у русских.* (Эти предметы в настоящее время хранятся в Национальном музее

---

[1] *Рощевская Л.П.* Книги Андрея Цембера // Уральский библиофил. Челябинск, 1989. С. 175–188; *Она же.* Исторические взгляды А.А. Цембера // Проблемы изучения и преподавания историографии истории СССР в высшей школе. Сыктывкар, 1989. С. 49–57; *Таскаев М.В.* Некоторые факты из биографии А.А. Цембера // Это нашей истории строки: материалы Первой городской конференции по историческому краеведению. Сыктывкар, 1990. С. 35–40; *Он же.* Ветеран коми краеведения // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 255–268; *Туркин А.И.* Цембер А.А. // Коми язык: энцикл. Сыктывкар, 1998. С. 544–546.

[2] *Рощевская Л.П.* Исторические взгляды А.А. Цембера // Проблемы изучения и преподавания историографии истории СССР в высшей школе. Сыктывкар, 1989. С. 49–57.

[3] Цит. по: *Рощевская Л.П.* Книги Андрея Цембера… С. 177.

[4] Forschungsreisen // FUF. 1902. Bd. 2. S. 82.

Финляндии. — *А.Т.*)»[1]. После отъезда У.Т. Сирелиуса А.А. Цембер писал ему в Гельсингфорс о возможности приобретения новой коллекции для Национального музея Финляндии в с. Подъельск и Усть-Кулом[2]. Позднее заняться сбором фольклора коми народа А.А. Цемберу посоветовал земляк, выходец из Коми края — профессор ***К.Ф. Жаков***. Как видно из дневников А.А. Цембера, они познакомились в июле-августе 1908 г., когда К.Ф. Жаков находился в Усть-Сысольске, приехав на свою родину после работы в экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии под руководством ***П.И. Соколова***[3]. В нем А.А. Цембер упоминает, что читал К.Ф. Жакову переведенную им и его женой на коми язык его литературную сказку «Майбыр»[4]. К.Ф. Жаков писал в основном по-русски, и Цемберы таким образом хотели познакомить жителей Коми края с творчеством столичного ученого на родном языке. Как видно из дневника, знакомство с К.Ф. Жаковым продолжилось позднее. Так, в 1909 г.он стал восприемником (крестным отцом) родившегося сына А.А. Цембера, по желанию которого младенца назвали Георгием (Юрием) в честь ***Г.С. Лыткина***[5].

Пребывание в Усть-Сысольске в 1911 г. венгерского лингвиста и этнографа ***Д.Р. Фокош-Фукса*** дало новый толчок местному краеведческому движению. Одним из главных его помощников был А.А. Цембер. В «Известиях АОИРС» написано, что «*г. Фукс в г. Усть-Сысольске изучает вычегодский говор зырянского языка под руководством составителя русско-зырянского словаря А.А. Цембера*»[6]. Позднее он писал, что «*записывал эти сказки, как рассказывали мне, так я и писал, не изменяя ни одного слова. Так мне советовал Фукс*». Д. Р. Фокош-Фукс считал А.А. Цембера продолжателем дела коми просветителя ***Г.С. Лыткина*** в борьбе за сохранение коми языка. Кроме того, Д. Р. Фокош-Фукс прислал ему свои публикации по материалам этой экспедиции. В настоящее время они хранятся в Национальной библиотеке Республики Коми.

В 1910 г. по инициативе А.А. Цембера было основано Усть-Сысольское отделение Архангельского общества изучения Русского Севера. Сам ученый членом этого общества стал несколько ранее, и его сотрудничество с ним заключалось в предоставлении в Архангельск материалов о краеведении в Коми крае. Целью общества, как было записано в его Уставе, было изучение истории, географии, этнографии Усть-Сысольского у., привлечение внимания правительства и общества к нуждам и особенностям уезда. В том же 1911 г. при нем, финансируемый Уездным земским собранием, был открыт краеведческий музей. Во многом организации музея способствовало то, что местная интеллигенция отрицательно рассматривала вывоз культурных артефактов с территории края, особенно сборы ***У.Т. Сирелиуса*** и ***Балога***. Например, слушательница высших Бестужевских курсов В.П. Куликова, выступая в 1911 г. на заседании местного уездного Земского собрания, останавливаясь на сборах и вывозе местных культурных ценностей, заявила: «*Кто может поручиться, что не случится совершенной утраты вещей*», предлагала создать в Усть-Сысольске свой «*Музей редкостей и древностей Зырянского края*»[7].

Итогом краеведческой работы А.А. Цембера в предреволюционные годы стала публикация фольклорного и фольклорно-литературного сборников на коми языке, в которые вошли 32 песни и несколько свадебных причитаний, а также «Русско-зырянского словаря», изданного на свои собственные средства тиражом в 1000 экземпляров[8]. В сборнике

[1] *Цембер А.А.* Дневник. Сыктывкар, 1997. С. 34.

[2] *Шарапов В.Э.* Пермская экспедиция У.Т. Сирелиуса // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 126–127.

[3] *Рощевская Л.П.* К.Ф. Жаков о поэте И.А. Куратове // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1990. Т. 6. С. 84–85.

[4] *Цембер А.А.* Дневник… С. 37.

[5] Там же. С. 38.

[6] Изв. АОИРС. 1911. № 13. С. 71.

[7] Цит. по: *Панюков А.* «Спецхран» культуры // Вестн. культуры Коми ССР. Сыктывкар, 1992. № 3. С. 74.

[8] *Цембер А.А.* Коми мойданкывяс [Коми сказки. На коми языке]. Усть-Сысольск, 1913; *Он же.* Коми

«Коми мойдан да съыланкывяс» он впервые опубликовал стихотворные произведения некоторых коми поэтов этого времени, выдав их за фольклорные тексты. Несмотря на небольшой объем, фактически эти сборники были первыми специальными изданиями текстов на коми языке в России. Ранее подобный сборник был издан в Австро-Венгрии венгерским фольклористом ***Д. Фокош-Фуксом***. Словарь коми языка, составленный автором в алфавитном порядке на основе русской графики, содержал около 4000 слов, коми азбуку, таблицу склонения существительных и спряжения глаголов, числительные и народный счет денег, а также своеобразный краткий коми-русский разговорник. Он сыграл важную роль в изучении и усвоении русского языка коми учащимися в качестве начального учебного пособия и стал первым общедоступным сочинением для учеников местных школ, так как Министерство народного просвещения разрешило размещать его в библиотеках народных начальных училищ, расположенных в местностях с коми населением.

В 1916 г. А.А. Цембер уехал в Вологду. Это было связано с тем, что с ведением в 1914 г., в начале Первой мировой войны, «сухого закона» была прекращена продажа водки и закрыты казенные винные лавки. Он остался без акцизной службы, которая приносила его многодетной семье существенный денежный доход. Поэтому его, как члена Российской биржевой артели, сначала назначили в Вологду, а затем в 1916 г. — в Донбасс, в Юзовку, на должность главного кассира Рабочего кооператива, где он прожил до 1918 г. В Усть-Сысольске по возвращении на родину его деятельность начинается с должности делопроизводителя школьного подотдела Отдела народного образования. В том же году А.А. Цембер становится членом РКП(б). Он активно участвует в становлении новой советской школы, распространении литературы на языке коми. Например, он был автором первого публичного обращения к жителям края с просьбой собирать коми фольклор, который он считал неотъемлемой частью литературы на коми языке[1]. В 1919–1921 гг. А.А. Цембер подготовил переработанный, увеличенный по объему вариант Русско-зырянского и зырянско-русского словаря. Но, к сожалению, здесь его постигла неудача, ибо Русско-зырянский словарь был издан без упоминания о его авторе. Хотя А.А. Цембер и пытался восстановить свое имя, но сделать это ему не удалось[2]. Работал преподавателем коми языка в Усть-Сысольске. В 1919 г. некоторое время состоял в Москве в должности заведующего зырянским отделом при Народном комиссариате по делам национальностей, позднее — зырянским инструктором отдела просвещения национальных меньшинств. По-видимому, в это время ему приходилось общаться с И.В. Сталиным, который возглавлял этот наркомат, а также с другими руководителями Советской России. Тогда же он принял участие в работе Всероссийского совещания по национальным вопросам в августе 1919 г.

В конце 1919 г. А.А. Цембер вновь прибыл в Коми край и начал учительствовать. Здесь он становится инициатором общественного обсуждения т.н. «молодцовского» шрифта коми языка[3]. В это время он был ярым сторонником создания коми письменности на основе латиницы и активно участвовал в т.н. процессе «зырянизации». Это был период романтического увлечения национальными языками в Советской России и попыток ведения государственного делопроизводства на национальных языках, т.е. создания реального дву-

---

мойдан да съыланкывъяс [Коми сказки и песни. На коми языке]. Усть-Сысольск, 1914; *Он же.* Русско-зырянский словарь. Усть-Сысольск, 1910.

[1] *Цембер А.А.* От комиссии по собиранию и созданию зырянской литературы для школы и народа // Изв. Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. 1918. № 56.

[2] *Таскаев М.В.* Ветеран коми краеведения… С. 256–257. Об этой истории в версии А.А. Цембера см.: *Цембер А.А.* Дневник… С. 74–75, 77.

[3] *Таскаев М.В.* Ветеран коми краеведения... С. 258–259. О В.А. Молодцове см.: *Жеребцов И.Л.* Создатель коми алфавита // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 205–223.

язычия в стране[1]. Это коснулось и Коми края. Данной проблеме была посвящена статья А.А. Цембера «Народное образование у зырян», в которой он дал прекрасный обзор развития образования в Коми крае и заметил, что «*зырянский язык в последнее время приобретает права гражданства*»[2]. Но после завершения дискуссии по «молодцовскому» алфавиту он был разочарован и начал выступать против использования языка коми в качестве литературного, предлагал ограничить его употребление бытовой сферой и перейти на русский язык в административной области. А.А. Цембер писал: «*Я начинаю соглашаться с теми, которые говорят, что зырянский язык — мертворожденное дитя. Если это так, предоставим мертвеца мертвецам, а мы, живые, пойдем через русский язык к всемирному языку*»[3]. Последний раз против «молодцовского» шрифта он выступил на конференции коми литературных работников в августе 1923 г., но также безуспешно[4]. Все это А.А. Цемберу припомнили в 1930-е гг. и обвинили его в великодержавном шовинизме.

Деятельность А.А. Цембера характеризовалась подобным образом вплоть до 1970-х гг. Например, Я.Н. Безносиков повторил аналогичную оценку: «*За этими левацкими фразами нетрудно заметить пренебрежительное отношение к родному языку, вольную или невольную поддержку великодержавных тенденций*»[5].

После этого он постепенно отходит от лингвистических проблем и начинает активно заниматься историей, по сути, становится первым исследователем революционных событий в Коми крае[6]. По данным Л.П. Рощевской, этой проблеме он посвятил 12 статей общим объемом более 5 п.л.[7] Данными работами А.А. Цембера как фактическим материалом активно пользовался ***Н.И. Ульянов*** в своей книге, посвященной истории коми-зырян. Затем наступил период забвения, и только в наши дни его исследования начали рассматриваться как исторические источники, оставленные нам участником этих событий.

В 1922 г. А.А. Цембер становится заведующим Коми областным архивом[8]. Этому предшествовала его работа заведующим бюро Истпарта при обкоме РКП(б). За 14 лет, пока он возглавлял архив, ему удалось перевезти из закрываемых церквей, монастырей, волостных правлений на территории Коми края значительное количество разнообразных документов, в частности местные церковные летописи, метрические книги и т.д., которые сохранились во многом лишь благодаря его инициативной деятельности[9]. Он привозил многие дела из Вологды, Яренска, Великого Устюга и т.д. На основе анализа этих документов исследователь написал несколько работ по истории Коми края, которые помогают расширить границы наших познаний о далеких временах[10].

---

[1] Об этом процессе в Коми крае см.: *Шахов Н.* Зырянизация // Коми му. 1924. № 1–2. С. 65–73; *Он же.* Зырянизация // Коми му. 1925. № 10–11. С. 96–105.

[2] *Цембер А.А.* Народное образование у зырян // Жизнь национальностей. 1919. № 36–37.

[3] Югыд туй. 1923. 23 апр.

[4] Итоги конференции коми литературных работников // Югыд туй. 1926. № 179; Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937: сб. док-тов. Сыктывкар, 1979. С. 96.

[5] *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 73.

[6] *Цембер А.А.* 1917 год в Усть-Сысольске // Изв. Коми ОК РКП(б). 1923. № 7–8. С. 49–54; № 9. С. 60–65; *Он же.* К материалам по истории революции в Коми крае. Усть-Сысольск в 1918 г. // Коми му. 1924. № 1–2. С. 79–85; № 4–6. С. 102–106; № 7–10. С. 87–92; 1925. № 2. С. 31–35; № 12. С. 30–36; *Он же.* Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы // Коми му. 1926. № 9. С. 28–33; № 12. С. 22–25; 1927. № 9. С. 25; 1928. № 1. С. 31–36; № 3. С. 39–43; № 6. С. 39–41; *Он же.* Десять лет тому назад. Февральская революция в Усть-Сысольске // Коми му. 1927. № 10–11. С. 55–58.

[7] *Рощевская Л.П.* Исторические взгляды А.А. Цембера… С. 50. Там же см. характеристику этих работ.

[8] Постановление Президиума Коми облисполкома № 380 // Культурное строительство… С. 91.

[9] Об условиях, в которых ему пришлось работать, см.: *Макеева Е.А., Панчишина Н.Ф.* Весь многолетний труд. Из дневников А.А. Цембера (1932–1936 гг.) // Родники Пармы. Сыктывкар, 1990. Вып. 2. С. 87–95.

[10] *Цембер А.А.* Две корреспонденции из г. Усть-Сысольска в 1838 г. // Коми му. 1926. № 12. С. 29–30;

В 1918–1919 гг. А.А. Цембер в качестве секретаря вошел в состав «Комиссии по собиранию и созданию зырянской литературы для школы и народа». В декабре 1918 г. комиссия обратилась к коми народу с призывом активно собирать произведения устного народного творчества[1]. В августе 1919 г. ученый принял участие в работе Всероссийского совещания нерусских народов в Москве. С момента создания в 1924 г. Общества изучения Коми он был одним из активных членов этой авторитетной общественной краеведческой организации. Часто выезжая в различные районы Коми, участвовал в местных учительских конференциях, занимался организацией краеведческой работы, проводил методическую работу, помогая советами в составлении программ историко-этнографического характера. А.А. Цембер опубликовал ряд работ исторического плана, в частности, он первым попытался проанализировать общественно-политическую ситуацию в регионе в предреволюционные и революционные годы.

В начале 1920-х гг. принимал активное участие дискуссиях о формах и методах проведения т.н. «зырянизции», в том числе об использовании коми языка во всех сферах общественной жизни. Активно сотрудничал с местными журналами «Коми му» (Коми край) и «Культура фронт» (Культурный фронт). В частности, опубликовал статьи о путешествии ***И.И. Лепехина***[2]. В 1932 г. был принят членом секции научных работников при Коми педагогическом институте.

Начиная с 1927 г. для А.А. Цембера настали трудные времена. В Рабоче-крестьянскую инспекцию Коми Автономной Области кто-то писал на него доносы. Он считал, что в основе этих писем лежит простое «подсиживание». В 1929 г. его исключают из партии «*за отрыв от масс, партийной жизни и пассивность*»[3]. А.А. Цембер подал апелляцию и в следующем, 1930 г. его сначала восстановили, а через полгода вновь исключили. В местных газетах началась настоящая травля исследователя как «*великодержавного шовиниста, отрицающего рост национальной культуры*»[4]. Но он не отчаялся и обратился в Центральную контрольную комиссию ВКП(б), его восстанавливают в партии. В 1933 г. А.А. Цембер преподавал архивоведение в Коми педагогическом институте, созданном в 1932 г. в Сыктывкаре.

В феврале 1936 г. он был отстранен от должности заведующего областным архивом «*в связи с выявленными злоупотреблениями*»[5]. 16 февраля 1936 г. А.А. Цембер записал в своем дневнике: «*Сегодня надо считать одним из несчастливейших дней моей жизни. Сегодня сдавал свою должность директора областного архива. Весь многолетний труд сдал по доносу подлеца, клеветника и клязузника*»[6]. Известно, что ранее, в начале 1934 г., его пытались арестовать и осудить за связи с эсерами. А.А. Цембер, защищаясь от обвинений в свой адрес, приводил высказывания ***Н.И. Ульянова***, который считал его работы «*в высшей степени ценным, так как они представляют собой единственную сводку данных о революции в Коми крае*»[7]. Однако его противники приводили высказывания другого историка, ***В.М. Подорова***, который критиковал А.А. Цембера за то, что тот «*утверждал… что рабочий класс Коми не принимал никакого участия в социалистической революции*»[8].

Он же. Разбойное дело 1777 г. // Коми му. 1927. № 6–7. С. 93–95; *Он же.* Алименты в 17 столетии в зырянском крае // Коми му. 1927. № 6–7. С. 45; *Он же.* К истории основания Сереговского солеварного завода // Зап. ОИКК. 1929. Вып. 2. С. 48–50.

[1] Культурное строительство в Коми АССР… С. 26–27.

[2] *Цембер А.А.* Путешествие академика Лепехина в 1771–1772 гг. // Коми му. 1927. № 4–5. С. 54–57. Полный список трудов А.А. Цембера см.: *Цембер А.А.* Дневник… С. 182–183.

[3] *Цембер А.А.* Дневник… С. 84–87.

[4] *Таскаев М.В.* Ветеран коми краеведения… С. 263–265.

[5] *Макеева Е.А., Панчишина Н.Ф.* Весь многолетний труд… С. 93.

[6] *Рощевская Л.П.* Исторические взгляды А.А. Цембера… С. 55.

[7] *Ульянов Н.И.* Очерки истории… С. 120.

[8] *Подоров В.М.* Очерки по истории Коми… С. 184–185.

В апреле 1936 г. обвинения в срыве архивной работы прозвучали в его адрес в постановлении Президиума Областного исполкома. Вскоре, в 1936 г., А.А. Цембер уехал из Сыктывкара в Пятигорск, где жила его дочь, и провел там остаток жизни. Умер в 1957 г. В Пятигорске он пережил немецкую оккупацию. В 1946 г. в письме к коми писателю М.Н. Лебедеву он написал о своем одиночестве: в войну погибли три сына, позже умерла жена.

Завершая очерк об исследователе А.А. Цембере, следует вспомнить, что он — один из немногих коми краеведов, которых в 1920–1930-е гг. миновали арест и другие серьезные гонения, хотя его и разлучили с любимым делом.

Глава 6

ОБРАЗОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА В СЫКТЫВКАРЕ в 1920–1940-е гг.

После Октябрьской революции 1917 г. и завершения Гражданской войны изучение проблем этнографии народов коми перемещается в Усть-Сысольск (ныне — г. Сыктывкар). В первую очередь это было связано с тем, что народ коми — объект изучения — в августе 1921 г. был объединен в составе отдельной административной единицы — Автономной области Коми (зырян)[1].

Это создало как теоретические предпосылки, так и практическую необходимость для интенсификации изучения Коми края вообще и его историко-этнографической составляющей в частности.

Сегодня в развитии этнографии коми первой половины XX в. выделяются три самостоятельных периода. Первый период — 1920-е гг., который характеризуется интенсификацией исследований. Второй — 1930-е, в которые происходит фактическое прекращение научных изысканий в данной области. Третий — 1940-е гг. — восстановление статус-кво этнографии коми как науки.

6.1. Этнография народов коми в 1920-е гг.

1920-е гг. были, если образно говорить об этом времени, ***золотым веком этнографии коми***[2]. В это время появилось значительное количество публикаций, в которых затрагивалась обозначенная тематика. Исследователей, которые активно работали в данной области, условно можно разделить на две большие группы: ученые, начавшие научную деятельность еще до революции и ставшие знатоками краеведения и этнографии в советское время. К первым следует отнести ***В.П. Налимова***, ***А.А. Цембера***, ***А.Н. Грена***. К 1930-м гг. В.П. Налимов был уже «патриархом» в этой отрасли знания, к мнению которого прислушивались многие начинающие исследователи. К сожалению, в это время прекратилась научная деятельность в области этнографии коми ***К.Ф. Жакова*** и ***П.А. Сорокина***. К.Ф. Жаков, в силу разных причин оказавшийся после революции в Риге, скончался в 1926 г. П.А. Сорокин, который начинал свою научную деятельность как этнограф, изучавший традиционную культуру народов коми, в 1922 г. был выслан из СССР в США, где стал выдающимся ученым, основоположником современной социологии. Во вторую группу входили люди, объединившиеся в Усть-Сы-

[1] *Жеребцов И.Л. Сметанин А.Ф., Таскакев М.В., Жданов Л.А.* Создатели Коми автономии. Сыктывкар, 2006.

[2] Например, в 1920-е гг. в местной и центральной печати были опубликованы более 37 работ этнографического характера. Подсчитано по: Bibliographia Studiorum Uralicorum. 1917–1987. Библиографический указатель работ по уралистике. М., 1989. Т. 2. Ч. 1: Этнография. По данным составителей сборника «Они любили край родной» (с. 293–296), в 1920–1930-е гг. были опубликованы 57 работ фольклорно-этнографического характера.

сольске (Сыктывкаре) вокруг Общества изучения Коми края и Института народного образования. Они делали первые шаги в науке. Среди них в первую очередь следует упомянуть ***В.И. Лыткина***, ***А.С. Сидорова и Г.А. Старцева***, которые начинали как краеведы-любители, но, получив образование, стали профессиональными учеными.

Главная особенность этого периода — масштабное участие местных краеведов в изучении традиционной культуры народов коми, что было обусловлено в первую очередь фактическим отсутствием в Коми крае специальных научных учреждений, которые занимались бы изучением этих вопросов[1]. Существовавший в Усть-Сысольске отдел Архангельского общества изучения Русского Севера прекратил свою деятельность сразу после революции, в годы Гражданской войны. Созданный членами отдела местный краеведческий музей не стал центром серьезной научной работы. Кроме того, не было специальных научных кадров. Но потребность в исследовании родного края существовала, интерес к национальной культуре и истории народа коми возрастал. Во многом этот интерес стимулировали действия по созданию Автономной области Коми (зырян), ибо было необходимо обосновать родственность культур разных групп коми народа, проживавших перед революцией в разных губерниях. Эта деятельность нашла выражение в создании в 1922 г. Общества изучения Коми края, которое стало своеобразной местной «академией наук»[2]. Толчком к объединению местной интеллигенции послужил приезд в Усть-Сысольск профессора ***А.Н. Грена***, который стал первым председателем этого общества.

6.1.1. Общество изучения Коми края

Общество изучения Коми края (ОИКК) сыграло ведущую роль в организации масштабных исследований традиционной культуры народов коми. Оно было учреждено 16 мая 1922 г. в Усть-Сысольске преподавателями Института народного образования, сотрудниками Областного отдела народного образования, Областного статистического бюро и других областных партийных и советских учреждений, «*осознавших важность краеведческой работы*». В числе организаторов можно назвать ***А.Н. Грена***, ***А.С. Сидорова***, А.А. Чеусова, М.А. Молодцову и др. Позднее отделения ОИКК возникли в 16 селах Коми области, а также в Москве, Перми, Ленинграде и Вятке (в форме студенческих кружков). Впоследствии, в 1924 г., благодаря усилиям ОИКК возобновил свою деятельность краеведческий музей, и была создана научная библиотека. Например, в 1925 г. в рядах ОИКК насчитывалось 554 члена[3]. По данным на 1929 г., общество поддерживало связи с 64 научными организациями, как в СССР, так и за его пределами (в Эстонии это Академическое общество родного языка, в Финляндии — Финно-угорское общество, в Венгрии — Академия наук; в числе зарубежных контактов указываются даже контакты с Манчжурией)[4].

Основными целями ОИКК являлись «*всестороннее изучение Коми области*» и «*распространение знаний среди трудящихся*». Члены ОИКК активно изучали язык коми, этнографию и археологию, фольклор, историю, экономику, статистику. Развернулась работа по изучению природы и природных богатств.

---

[1] *Жеребцов И.Л.* «Золотой век» коми краеведения // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 5–71; *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Кузнецова Т.Л.* Их объединило краеведение. Сыктывкар, 2008.

[2] О деятельности Общества изучения Коми края см.: Они любили край родной. Сыктывкар, 1993; *Малкова Т.А.* Издания Общества изучения Коми края как источник по истории научных исследований в Коми области в 20-е годы XX века // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. С. 71–77. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 54); Научный поиск продолжается. Институту языка, литературы и истории Коми научного центра УРО РАН 25 лет. Сыктывкар, 1995. С. 6–21; *Жеребцов И.Л.* «Золотой век» коми краеведения. С. 5–71; *Он же.* Общество изучения Коми края // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 384–385.

[3] *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 110.

[4] Культурное строительство в Коми АССР… С. 157.

В качестве методической помощи ОИКК разрабатывало специальные программы. Деятельность ОИКК вызвала бурный рост краеведческого движения, что поставило на повестку дня проблему координации деятельности кружков на местах. С этой целью в 1925 г. была проведена Коми областная краеведческая конференция, на которой было избрано областное бюро краеведения[1].

В деятельности общества приняли участие немногочисленные специалисты и краеведы. Например, с ним активно сотрудничали местные исследователи ***А.С. Сидоров***, ***А.Н. Грен***, ***В.И. Лыткин***, ***А.М. Мартюшев***, ***А.А. Цембер*** и др. Одновременно к работе привлекались исследователи — выходцы из других мест, такие как ***В.П. Налимов*** (Москва), ***Г.А. Старцев*** (Ленинград), ***К. Герд*** (Ижевск), ***И.Н. Мошегов*** (Финляндия).

Результаты своих разысканий члены ОИКК публиковали в журнале «Коми му» (Земля Коми), который выходил в 1924–1929 гг. в Усть-Сысольске. Это первый специальный краеведческий периодический журнал, который широко освещал многие проблемы культуры народов коми[2]. Он выходил тиражом 1000 экземпляров, весьма приличным для местного издания, причем 760 журналов расходились по подписке, а 40 — обменивались[3]. Издание неоднократно отмечалось в хронике краеведческой работы страны: «*Журнал имеет изящную внешность, печатается на хорошей бумаге, выходит ежемесячно. Издание это делает большую культурную работу, к которой с интересом присматриваются*»[4]. Кроме того, позднее, в 1928–1930 гг., общество издало пять выпусков «Записок ОИКК», а также два «Сборника комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка».

Одновременно ОИКК считало крайне важным налаживание контактов с различными научными и другими краеведческими организациями за пределами Коми области. Например, был налажен обмен литературой с 54 научными и иными центрами в СССР и 14 зарубежными странами. Кроме того, к проводимым исследованиям привлекались специалисты из Москвы, Ижевска, Перми, Ленинграда. Деятельность местных исследователей не оставалась незамеченной за пределами Коми области. Например, Д.В. Бубрих отмечал, что «*много работают коми-зыряне. Из их среды выдвинулся ряд работников, которые все уже переросли чисто практический интерес к родному языку*»[5].

Алексей Николаевич Грен (1862–1932) — русский лингвист-кавказовед, педагог, журналист, издатель, этнограф. Родился в Екатеринбурге в семье офицера. В 1885 г. А.Н. Грен окончил факультет восточных языков, а в 1886 г. — естественно-исторический факультет Санкт-Петербургского университета[6]. После университета он некоторое время был помощником консерватора Азиатского музея Академии наук. В 1886 г. Академией был направлен на Кавказ для изучения мингрельского языка. С 1887 г. работал инспектором народных училищ Тифлисской губернии. Затем — преподавательская деятельность. С 1892 г. он приват-доцент истории Востока Харьковского университета[7], с 1893 г. — Университета Святого Владимира в Киеве.

---

[1] *Грен А.Н.* Задачи предстоящей Коми областной краеведческой конференции // Коми му. 1925. № 3–4. С. 80.

[2] *Лобанова О.Н., Рощевская Л.П.* Журнал «Коми му (1924–1929) // Вестник культуры Коми АССР. 1990. № 1. С. 19–20.

[3] Культурные связи русских и коми на Европейском Севере в XVII — начале XX вв. Методические указания по спецкурсу и роспись содержания журналов «Коми му» и «Записки Общества изучения Коми Края» / сост. О.В. Орлова. Сыктывкар, 1995. С. 3.

[4] Краеведение. 1925. № 3–4. С. 345–346.

[5] *Бубрих Д.В.* Финно-угорское языкознание в СССР // Финно-угорский сб. Л., 1928. С. 124. (Тр. комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15.)

[6] *Попов А.А.* Лингвист и этнограф Зырянского края, основатель Общества по его изучению // Они любили край родной... С. 105–114.

[7] *Халановский М.Г.*, *Багалей Д.И.* Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков, 1908. С. 293–295.

Публикует ряд сочинений по истории Кавказа[1]. В 1904 г. А.Н. Грену было запрещено заниматься педагогической деятельностью, после чего он стал редактором ряда научно-популярных журналов. Например, в Киеве — редактором журнала «Россия и Азия», в 1907 г. в Москве — юмористического журнала «Москвитянин-задвижка» и газеты «Трибуна». Одновременно писал книги на разнообразную тематику[2]. Несколько раз побывал за границей. В 1913 г. переехал в Петербург и преподавал на Чернавинских курсах, где в это время работал ***К.Ф. Жаков***. А.Н. Грен читал историю, антропологию, историю педагогики и дидактику. К революции он был уже сложившимся специалистом-гуманитарием.

После революции, в 1918 г. — педагог Вологодского пединститута, где преподавал некоторые общественные науки. Его непосредственное знакомство с культурой коми началось в 1919 г., когда он возглавил археологическую экспедицию Вологодского педагогического института по изучению бассейна средней Вычегды[3]. В декабре 1921 г. А.Н. Грен обратился в Совет института с просьбой о переводе в Москву в Институт живых восточных языков преподавателем грузинского языка. Но вместо этого в начале 1922 г. он был направлен в Усть-Сысольск одним из педагогов в недавно созданный Институт народного образования и Коми педтехникума. Здесь он начал заниматься изучением коми этнографии, вел большую научно-исследовательскую работу, участвуя в экспедициях по сбору этнографических и фольклорных материалов, проводил археологические раскопки.

Следует сказать, что А.Н. Грен сыграл решающую роль в подготовке здешних краеведческих и научных кадров. В местном журнале «Коми му» он опубликовал серию статей, в которых раскрывался широкий спектр научных вопросов. Наибольший интерес представляет работа А.Н. Грена «Зырянская мифология», посвященная дохристианским верованиям коми[4]. Это обобщающая статья, в которой профессор А.Н. Грен очерчивает эволюционную линию развития религии народов коми, используя методологию историко-мифологической школы, в первую очередь исходя из теории пережитков. По его мнению, существующие научные данные укладываются в следующий теоретический ряд: анимизм, культ предков, демонизм, космогонические представления и мифология, т.е. развитие от простейших форм к высшим, более сложным. Вслед за ***П.А. Сорокиным*** он выявляет дуалистические представления о душе у коми-зырян. Одновременно исследователь пытается обосновать тезис о заимствовании большинства персонажей коми мифологии из иранского пантеона. Например, высшее божество

---

[1] *Грен А.Н.* Расы древнего мира и их историческая характеристика (Вступительная лекция по предмету истории Востока приват-доцента А.Н. Грена, читанная 6 сентября 1893 г). Киев, 1895; *Он же.* Краткий очерк истории Кавказского перешейка. Киев, 1895. Вып. 1; *Он же.* Библиографический список карт, картин, сочинений и статьей, относящихся к Терской области. А. Библиография до 1874 г. // Терской сборник; *Он же.* Чеченские тексты, записанные и переведенные под моим руководством Ибрагимом Могомедовым из аула Гехи. А. Текст в подлиннике. В. Сказки и легенды в русском переводе. С. Лингвистические заметки / сост. А. Грен, пр.-доц. истории Востока и этнографии в Киевском университете. Тифлис, 1897; То же // Сб. материалов для описания племен Кавказа. Вып. 22; *Он же.* Учебник истории Древнего Востока: пособие для государственного экзамена в русских университетах / Сост. пр.-доц. истории Востока Киевского университета Св. Владимира А.Н. Грен. Киев, 1898; *Он же.* Армения. Историко-литературный сборник по географии, истории и литературе армянского народа / Сост. и пер. А.Н. Грен. Киев, 1899.

[2] *Грен А.Н.* Спиритизм. Пятигорск, 1902. Вып. 1; *Он же.* Новый полный письмовник для влюбленных. М., 1911; *Он же.* Самоучитель немецкого языка. Полное руководство научиться в самое короткое время говорить, свободно читать и писать по-немецки / Сост. пр.-доц. Киевского университета А.Н. Грен. М., 1911; *Он же.* Гипнотизм. 2-е изд., доп. М., 1912; *Он же.* Барон Ротшильд и его сыновья; *Он же.* Полный курс гипнотизма и магнетизма пр.-доц. А.Н. Грена. М., 1912. Вып. 1–4.

[3] *Безносиков Я.Н.* Культурная революция… С. 110.

[4] *Грен А.Н.* Зырянская мифология // Коми му. 1924. № 4–6. С. 45–58; *Он же.* Зырянская мифология. Глава 3: Следы культа предков у зырян. Глава 4: Следы демонизма у зырян // Коми му. 1924. № 7–10. С. 30–39; *Он же.* Зырянская мифология. Дуалистическая религия у зырян и ее эсхатология // Коми му. 1925. № 1. С. 23–33.

коми ***Ен***, по его мнению, связано с киммерийским божеством ***Ану***. Кроме того, А.Н. Грен, как знаток кавказских языков, пытался найти в коми языке параллели, соответствия некоторым кавказским реалиям, а также обосновать тезис о прародине коми на Северном Кавказе. Правда, он сам относился к этим предположениям весьма скептически, считая их гипотезой, так как его познания в коми языке были крайне ограничены. Поэтому серьезные лингвистические исследования в этой области он не предпринимал. По-видимому, А.Н. Грен, начинавший научную деятельность как кавказовед, был знаком с работой венгерского лингвиста Б. Мункачи, посвященной сравнению финно-угорских и арийских (кавказских) языков и культур[1].

Вообще он был достаточно эрудированным специалистом, энциклопедически подготовленным. В 1924 г. А.Н. Грен стал инициатором первой в советское время дискуссии по проблемам алфавита языка коми[2]. Также он выдвинул идею латинизации коми алфавита, исходя из разрабатывавшейся в то время Комитетом нового алфавита системы письма для малочисленных народов СССР[3]. Но для того времени эта идея оказалась преждевременной. На это предложение А.Н. Грена откликнулся ярый сторонник перехода на латинскую графику В.М. Молодцов[4]. Дискуссия сошла на нет в связи с неожиданным отъездом его инициатора из Усть-Сысольска летом 1925 г. В настоящее время можно утверждать, что идея латинизации письменности была ошибочной, хотя некоторое время коми письменность все же существовала на основе латинской графики.

А.Н. Грену принадлежит интересная статья «Зырянская (коми) литература», в которой он попытался воссоздать историю зарождающей профессиональной литературы на коми языке[5]. Отцом этой, как он ее называет, «искусственной» литературы, по мнению исследователя, является ***Г.С. Лыткин***. Для нас наибольший интерес представляет обзор коми народной литературы, как А.Н. Грен обозначал фольклор. По его мнению, наиболее ценны для исследователя причитания, широко представленные в обрядовой практике этого народа. Ученый выделяет в фольклоре животный эпос, подразумевая под этим циклы сказок о животных, которые были очень распространены у коми; особый раздел мифологических сказаний, объясняющих происхождение мира, и богатырский эпос. Причем в последнем А.Н. Грен намечает три уровня: 1) связанный с коми мифологией; 2) разбойничий эпос; 3) заимствованный из русских былин. Так как А.Н. Грен хорошо знал кавказский материал, то в своих сопоставлениях он постоянно обращается то к библейским, то кавказским сюжетам.

Например, в статье «Существует ли у зырян литература?» он крайне скептически оценивал зарождающуюся профессиональную литературу на языке коми. В то же время в целях пропаганды культуры коми А.Н. Грен предпринял попытку литературной обработки на русском языке одного из вариантов коми предания о богатыре Иркабе. В свою обработку он включил ряд других коми фольклорных мотивов[6]. Это сочинение вызвало одобрительный отзыв известного коми поэта, драматурга и общественного деятеля В.А. Савина[7]. А.Н. Грену также принадлежит одна из первых критических статьей по истории коми профессионального театра[8].

---

[1] Munkácsi B. Arja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelekben. Budapest, 1901.

[2] *Попов А.А.* Лингвист и этнограф… С. 107–109.

[3] *Грен А.Н.* К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт // Коми му. 1924. № 3. С. 50–59.

[4] *Молодцов В.А.* Грен А.Н. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт // Коми му. 1924. № 3; 1924. № 7–10. С. 151–156.

[5] *Грен А.Н.* Зырянская (Коми) литература // Пермский краеведческий сб. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 80–86.

[6] *Грен А.Н.* Иркаб. Драматические сцены из зырянского былинного эпоса // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1929. Вып. 2. С. 75–96.

[7] *Савин В.А.* Иркаб // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1929. Вып. 2. С. 71–74.

[8] *Грен А.Н.* О театре в Коми области // Коми му. 1925. № 1. С. 51–53.

Современные исследователи культуры коми положительно оценивают усть-сысольский период деятельности этого яркого и самобытного ученого. За несколько лет, которые он провел в Коми крае, существенно расширился его научный кругозор благодаря основательному изучению проблем языкознания и этнографии коми. А.Н. Грен не только стал организатором первых научных исследований народа коми, но и в какой-то мере стимулировал интерес к этим научным проблемам у местных краеведов (***А.С. Сидорова***, ***В.И. Лыткина***, В.А. Молодцова, Н.А. Шахова и др.), которые позднее стали серьезными специалистами. Он постоянно муссировал вопрос о необходимости расширения и углубления научных гуманитарных исследований в регионе путем создания в Коми крае специального научного учреждения, особенно остро вставший после неудачной попытки создания Коми института народного образования. Например, ученый настаивал на развертывании краеведческих исследований при Коми педтехникуме, привлечения учащихся к этому процессу, что позднее было претворено в жизнь ***А.С. Сидоровым***. Впоследствии, в 1934 г., в Усть-Сысольске был создан исследовательский центр[1]. Кроме того, А.Н. Грен принадлежал к числу тех местных исследователей и общественных деятелей, которые в середине 1920-х гг. выступили против научного обоснования присоединения Коми края, предпринятого в Архангельске. Эта идея была высказана в книге «Северо-Восточная область. Материалы по районированию. Часть 1–2», изданной в Архангельске в 1924–1925 гг. Северным Облпланом. Эта книга вызвала резкую критику А.Н. Грена и ***А.С. Сидорова***[2].

Необходимо отметить еще один аспект деятельности профессора А.Н. Грена в Усть-Сысольске. Речь идет об организации специальной кафедры (факультета) при одном из центральных вузов страны для систематического исследования культуры финно-угорских народов и подготовки специалистов для этой цели. В письме в Наркомат просвещения в 1924 г. он писал: «…*Существует такая семья языков, которая имеет за собой массы населения России, которая оказала огромное влияние на русский язык и русскую культуру, к которой принадлежат многие из наших соседей и между тем в наших университетах нигде не имеется посвященных ей кафедр. Это угро-финская семья языков. И эта семья языков, имея представителей-профессоров в Венгрии и Финляндии, совершенно не изучается… Мало того, после смерти академика* ***Видемана*** *нет ни одного представителя финнологии в Российской академии наук. Чем это объясняется? А тем, что старые финнологи, Видеман, Альквист,* ***Кастрен****, а в старое время — Клапорт, давно уже лежат в могиле, а новых финнологов нет, так как этот предмет у нас нигде не читается, кроме Усть-Сысольска, где по финнологии работают проф. Грен и местные специалисты Молодцов,* ***Сидоров*** *и Чеусов, да еще отчасти в Перми… Угро-финнолоогия не читается ни в одном из русских университетов. Их, как оказывается, опередил Усть-Сысольск*»[3].

В 1925/1926 учебном году решался вопрос о работе А.Н. Грена в Пермском университете. Он был избран профессором по кафедре языка и культуры коми, в июне 1926 г. утвержден Наркомпросом РСФСР в должности профессора по курсу «Язык и культура коми», одновременно назначен председателем коми отделения и заведующим коми кабинетом университета. Но проработал в Перми недолго (1.10.1926–1.11.1927) и был вынужден оставить службу по болезни, уйдя на пенсию[4]. Однако во второй половине 1920-х гг.

---

[1] Комплексный Коми научно-исследовательский институт краеведения, который являлся научным центром изучения истории, языка, культуры коми народа.

[2] *Грен А.Н.* Что знает Архангельский Облплан о северо-восточных «инородцах» // Коми му. 1925. № 2. С. 49–51; *А.С.* (*Сидоров А.С.*) А.Н. Дьячков. Зыряне. (Статья под заглавием «Население» в сборнике «Северо-Восточная область. Материалы по районированию. Часть первая». Архангельск, 1924) // Коми му. 1925. № 2. С. 51–54.

[3] *Попов А.А.* Лингвист и этнограф… С. 113–114.

[4] Грен Алексей Николаевич. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.psu.ru.

А.Н. Грен состоял профессором Кубанского педагогического института в Ростове-на-Дону, а в 1930-х гг. работал в Абхазии, в Сухуми, где и умер[1].

В рамках общества начинает разрабатываться совершенно новая для коми краеведения и этнографии историко-демографическая проблематика на основе известных к тому моменту различных письменных источников: писцовых книг, ревизских сказок и других[2]. Это выразилось в публикации серии статей ***А.М. Мартюшевым***, посвященных динамике, численности и миграции местного населения. Эта проблематика вновь станет актуальной значительно позже, в конце 1980-х гг., когда ее стал активно разрабатывать И.Л. Жеребцов[3].

Мартюшев Алексей Макарович (1874–?) — коми общественный деятель и краевед. Родился в крестьянской семье в дер. Усть-Щугор на Печоре[4]. Грамоте его научил отец, служивший местным лесным объездчиком, позднее он самостоятельно занимался самообразованием. Несколько лет, будучи грамотным человеком, служил писарем в разных печорских селах: Усть-Кожве, Мохче[5]. В 1895 г. А.М. Мартюшев был призван в армию и служил сначала в Усть-Сысольске, а затем — в Тифлисе писарем в Окружном инженерном управлении. Вернувшись в 1899 г. на родину, работал конторщиком в шведской лесопромышленной фирме «Альфред Лидбек и К°». В конце 1900 г. началась его земская служба в качестве члена земской управы. Это позволило А.М. Мартюшеву объездить весь Усть-Сысольский уезд, большую часть Коми края. В это время он заинтересовался состоянием кустарных промыслов у коми. На основе собранных материалов ученый написал свою первую научно-краеведческую книгу[6]. Она до сих пор остается одним из главных источником о занятиях коми крестьян начала XX в.: о смолокурении, выделке лодок, глиняной и деревянной посуды, сапожничестве и т.д. В ней приводятся не только статистические сведения, но и, что более важно для исследователя традиционной культуры, описания ряда народных технологий. Его книга до настоящего времени является ценнейшим источником по брусяному промыслу, который он наблюдал с детства[7]. А.М. Мартюшев ратовал за улучшение бедственного положения здешнего населения, которое было стеснено отсутствием пахотных земель и было вынуждено заниматься отхожими промыслами. Кроме того, полученные в эти годы наблюдения в советское время он попытался обобщить в специальной статье, в которой предложил обсудить вопрос о земледелии у коми с точки зрения землеустройства[8]. В годы Первой русской революции исследователь оказался в числе прогрессивно настроенных местных деятелей[9]. Как он пишет в своей автобиографии: «*Под влиянием В.И. Беляева и* ***В.Ф. По-***

---

[1] *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. 3 // Кавказский этнографический сб. М.; Л., 1962. Вып. 3. С. 222. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 79.)

[2] *Жеребцов И.Л.* Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987. С. 67–72. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 42.)

[3] *Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998; *Он же.* Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография коми. Сыктывкар, 1999; *Он же.* Основные итоги этнодемографических исследований в Республике Коми в 1990-е годы // Северный регион России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000. С. 60–66.

[4] «Остался навсегда беспартийным…» (автобиография Алексея Мартюшева) // Родники Пармы — 93. Сыктывкар, 1993. С. 90–98.

[5] Там же С. 91–92; *Жеребцов И.Л.* Человек Февраля // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 183–184; *Он же.* Мартюшев А.М. // Республика Коми: энцикл. Сыктывкар, 1999. Т. 2. С. 255.

[6] *Мартюшев А.М.* Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда. Вятка, 1904.

[7] Этому промыслу была посвящена его специальная работа: *Мартюшев А.М.* К восстановлению разработок точильных изделий на Печоре // Коми му. 1925. № 8. С. 11–16.

[8] *Мартюшев А.М.* К вопросу о землевладении и землеустройстве в Коми области. (В дискуссионном порядке) // Коми му. 1924. № 3. С. 5–13.

[9] *Жеребцов И.Л.* Человек Февраля… С. 185–188.

пова *весьма быстро сделался сторонником конституционной монархии, вернее — сделался подголоском тех же Беляева и Попова, сочувствие которых в то время вертелось около программы кадетской партии*»[1]. Но эта симпатия к кадетам позднее была использована против него как знак нелояльности к советской власти. В результате А.М. Мартюшев был уволен со службы и, как считалось до недавнего времени, несколько лет крестьянствовал на Печоре. Однако существуют сведения о том, что в 1905 г. он был писарем в с. Щугор, и по его «*подстрекательству отобрали у притча местной церкви землю, прекратили сбор денег на отопление храма, содержание сторожа и просфирни*»[2]. Вообще действия А.М. Мартюшева характеризуются противоречивостью. В 1912 г. он, будучи учителем Позорихинской приходской школы, выступил против священника и одновременно подал епархиальному начальству прошение об определении его на праздную священническую должность при Щугорской церкви, но потом отозвал его[3]. В декабре 1914 г. учитель Щугорского духовного училища стал представителем приходского Попечительского совета о семьях, призванных на войну. В 1915 г. А.М. Мартюшев был призван в армию, воевал в Польше, затем под Ригой. Позднее его отправили служить в Петроград. А.М. Мартюшев предпринял попытку стать офицером, для чего сдал экзамены за гимназический курс при 10-й Петроградской гимназии и отправился в Гатчинское военное училище, но не прошел строевое обучение. Возможно, в это время он познакомился со своими земляками — ***К.Ф. Жаковым*** и ***П.А. Сорокиным***.

Февральская революция 1917 г. выдвинула А.М. Мартюшева из простой солдатской массы. Хотя и он не был революционером, но в силу своей начитанности и образованности выделился из числа своих однополчан. Недаром И.Л. Жеребцов назвал его «человеком Февраля»[4]. А.М. Мартюшев стал депутатом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В том же году демобилизовался, вернулся на родину и стал принимать активное участие в местном общественном движении, был одним из организаторов Общества обновления местной жизни. После Октябрьской революции был избран председателем Исполкома Усть-Сысольского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. После «большевизации» Совета в 1818 г. был снят с этой должности как контрреволюционер. А.М. Мартюшев отправился в Пермь, где участвовал в продовольственной экспедиции на Печору. В начале Гражданской войны он перебрался в Вологду. Но в 1919 г. вернулся в Усть-Сысольск как представитель Северосоюза для выявления возможностей развития кустарной промышленности и был избран председателем местного совета кооперативов. С этого времени по 1928 г. он принимает активное участие в общественной работе и научных исследованиях[5].

С 1924 г. А.М. Мартюшев сотрудничает с журналом «Коми му», в котором опубликовал ряд статей, становится членом Общества изучения Коми края. В 1928–1929 гг. он фактически руководитель этой исследовательской организации. Его научные работы касаются в основном экономических вопросов, раскрытие которых крайне важно при описании традиционного хозяйства коми-зырян. Позднее А.М. Мартюшев все больше интересует историческая тематика. Так, ему принадлежит первая попытка оценки Жития ***Стефана Пермского*** как исторического источника[6]. А.М. Мартюшев делает оригинальный вывод о том, что автором этого сочинения в той редакции, которая дошла до нашего времени, является не ***Епифаний***, а церковный писатель Пахомий Серб[7]. Это мнение не было поддер-

---

[1] «Остался навсегда беспартийный…»… С. 93.

[2] Летопись Щугорской Стефановской церкви // Изв. ОИКК. Сыктывкар, 2006. Вып. 2 (8). С. 130.

[3] «Остался навсегда…» С. 132–132.

[4] *Жеребцов И.Л.* Человек Февраля… С. 187.

[5] Там же. С. 191–198.

[6] *Мартюшев А.М.* Епифаниевая повесть как исторический документ о коми народе // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Сыктывкар, 1929. Вып. 2. С. 12–34.

[7] *Мартюшев А.М.* Епифаниевая повесть… С. 13–15.

жано учеными. Аргументированно против него выступил Чожмӧр (***С.А. Попов***), который пишет, «*что оригинал повести Епифания до нас не дошел*»[1]. Об этом упоминал еще В.О. Ключевский, который уточнял: «*Не удалось найти "Житие" в списках XV века, даже в XVI веке полные списки его редки. Самый ранний из известных — в т.н. Синодальных Четьи Минеях до Макарьеского состава — начала XVI века*»[2]. Поэтому С.А. Попов полагает, что для научного решения этой сложной источниковедческой проблемы следует провести тщательный разбор данного источника с привлечением всех известных списков. Сам факт обсуждения А.М. Мартюшевым вопроса об авторстве Жития Стефана Пермского говорит о большой начитанности усть-сысольского краеведа. Но его точка зрения была ошибочной. В настоящее время ученые не сомневаются в авторстве ***Епифания***. Однако считается, что по указанию митрополита Макария Пахомий Серб отредактировал его Житие Сергея Радонежского. Во второй половине XV в. Пахомий Серб создал акафист Стефану Пермскому и одновременно написал новое, краткое Житие Стефана, пользуясь сочинением Епифания Премудрого[3].

А.М. Мартюшев критикует данный литературно-исторический источник с атеистической точки зрения. Он отмечает, что «*все занимавшиеся изучением истории Коми народа или молча обходили "чудесные" действия Степана* (он использует такое написание имени святителя. — *А.Т.*), *или восхищались этими чудесами, характеризовали Степана, как посланника "божия" в Коми край. При таком отношении к делу выяснения истории Коми народа едва ли возможно осветить Степановскую эпоху сколько-нибудь правильно*»[4]. Вообще, эта работа иллюстрирует скептический настрой ее автора, хотя в ней можно обнаружить некое рациональное зерно. Так, он предлагает внимательно рассмотреть вопрос о дате рождения Стефана (обычно называют 1350 г.). А.М. Мартюшев считает, что святитель родился раньше: потому что если сопоставлять время смерти Прокопия Устюжского (1303), определившего в трехлетней девочке мать будущего святителя, то получается, что она родила его в 50 лет, что маловероятно. А.М. Мартюшев считает, что в тексте Жития имеется много темных мест, которые он пытается прояснить.

Одновременно появляется серия его историко-демографических работ, в которых А.М. Мартюшев прослеживает динамику развития коми этноса в XVII — начале XX в.[5] В частности, опубликовал важные данные о численности коми по материалам «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» 1786 г. И.Л. Жеребцов считает, что, не имея научной подготовки и не владея специальными методиками, он допустил ряд существенных ошибок и неточностей в определении темпов прироста народа коми, в частности, он преуменьшал численность коми населения[6]. Кроме того, он первым из исследовате-

---

[1] *Чожмӧр (С.А. Попов).* В поисках исторической правды // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Сыктывкар, 1929. Вып. 3. С. 31. С.А. Попов был одним из организаторов исторического изучения Коми края. Окончил Сыктывкарский педтехникум повышенного типа. Его учителем был А.С. Сидоров, который в 1924 г. привлек его к фольклорно-этнографической экспедиции на Печору. Позднее по заданию Общества изучения Коми края занимался поиском и описанием исторических документов в архивах Москвы и Ленинграда. В начале 1930-х гг. — директор Коми областного краеведческого музея. В 1933 г. арестован как участник контрреволюционной, националистической и шовинистической организации, после суда отбывал наказание в Казахстане и Оренбурге.

[2] *Ключевский В.О.* Древнерусския жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 92, прим. 2.

[3] *Пахомий Серб.* Житие Стефана Пермского // Чернецов А.В. «Самотворитель новыя грамоты» Стефан Пермский… С. 125–128.

[4] *Мартюшев А.М.* Епифаниевая повесть… С. 16.

[5] *Мартюшев А.М.* Население Коми области 300 лет тому назад. Алфавит фамилий и прозвищ, существовавших во время переписи населения Яренского уезда в 1646 г. // Коми му. 1927. № 1–2. С. 50–82; *Он же.* Движение народонаселения Коми области за 300 лет. (Материалы к истории народа коми) // Коми му. 1927. № 10–11. С. 41–55; 1928. № 1. С. 26–31.

[6] *Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998. С. 8; *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века). Сыктывкар, 2005. С. 13–14.

лей коми начал применять антропонимические данные для выявления путей миграции коми-зырянского населения[1]. С этих методологических позиций написана его статья о заселении Печорского края[2]. В ней также рассматривается этническая история коми-зырян, автор исследует вопросы взаимоотношения коми с русскими и ненцами. Кроме того, ученый занимался вопросом истории присоединения Коми края к Московскому государству и посвятил этому две статьи[3]. Во второй рассматривается вопрос о деятельности ***Стефана Пермского*** и его преемников в Усть-Выми до времени переноса епископской кафедры в Вологду. Автор предлагает критически относиться к сочинениям ***М.И. Михайлова*** и ***Г.С. Лыткина***, которые не были объективны в освещении исторического прошлого Коми края. По его мнению, общественно-политическая жизнь коми народа после того, как Коми край попал под власть Москвы, резко изменилась в сторону ограничения прав[4].

Наиболее емкую характеристику деятельности А.М. Мартюшева как исследователя-историка дал Чожмӧр (С.А. Попов): «*Автор не верит имеющимся документам, которые всегда, по его мнению, составлены позже, или на несколько столетий, или искажают действительность. К истолкованию факта он подходит с самой практической точки зрения, учитывая конкретнее особенности, условия, в которых приходилось совершаться данному событию. Этот подход является очень ценным и плодотворным при разборе исторических фактов, но игнорирование исторических документов, ироническое отношение к ним, с которыми т. Мартюшев далеко не всегда знаком, является вещью недопустимой*»[5]. Определенную роль в подобной трактовке исторических событий А.М. Мартюшевым сыграло и то, что он работал в эпоху национального романтизма, когда национальная идея часто превалировала над реальным знанием и мифологический подход был более значим. Кроме того, революционное время было наполнено пафосом критики прошлого знания и идей. Критиковали А.М. Мартюшева и другие усть-сысольские краеведы, в частности А.С. Забоев[6].

После закрытия в 1931 г. Общества изучения Коми края А.М. Мартюшев, как и многие представители местной творческой интеллигенции и краеведения, в рамках кампании по «*обличению контрреволюционеров и буржуазных националистов*» оказался под огнем резкой критики. Наиболее концентрированно эта критика была выражена в книге историка ***Н.И. Ульянова***. Так, последний прямо называет его «*эсером*», «*первым председателем кулацкого уисполкома*». По его мнению, А.М. Мартюшев был одним из тех, кто «*определял физиономию… журнала "Коми му", пропагандировал кулацкие и националистические идеи*»[7].

Формулированию подобного мнения способствовал ряд причин. Во-первых, А.М. Мартюшеву припомнили его близость с местными эсерами в 1905–1907 гг. и между Февральской и Октябрьской революциями. Он был вынужден публично покаяться в этом[8]. Во-вторых, в числе публикаций исследователя были работы, написанные в эпоху «*романтического краеведения*», в которых он присоединение Коми края к Московскому

---

[1] *Мартюшев А.М.* Население Коми области 300 лет тому назад...

[2] *Мартюшев А.М.* К истории заселения Печорского края // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Сыктывкар, 1929. Вып. 3. С. 44–66.

[3] *Мартюшев А.М.* Коми народ в первый период его исторической известности (материалы к истории Коми народа) // Коми му. 1928. № 2. С. 34–41. № 3.

[4] *Мартюшев А.М.* Коми народ как объект Московской завоевательной политики в XIV–XVI веках // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1928. Вып. 1. С. 54–79.

[5] *Чожмӧр (С.А. Попов).* В поисках исторической правды… С. 31.

[6] *Забоев А.С. (Сан-Антус)* Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей коми. (К вопросу о внутриобластном расселении) // Коми му. 1927. № 12. С. 20–31; 1928. № 1. С. 7–12.

[7] *Ульянов Н.И.* Очерки истории народа коми-зырян. М.; Л. С. 168.

[8] *Жеребцов И.Л.* Человек Февраля… С. 201.

государству называл колонизацией[1]. Подобная терминология в ту эпоху не приветствовалась. Но, как мне кажется, истинная причина крылась в ином. В то время развернулась дискуссия о новом районировании СССР и возможном включении территории Коми края в состав вновь организуемого Северного края с центром в Архангельске[2]. А.М. Мартюшев принял в ней активное участие, защищая право Автономной области Коми (зырян) на свою административную самостоятельность[3]. Н.И. Ульянов пишет об этом, «*что Мартюшев развил тонкую пропаганду, запугивая массы тем, что Коми область в случае включения в Северо-восточную область может по-прежнему остаться только сырьевым придатком для Архангельского порта. Он дал основные пункты, по которым развернулась в дальнейшем аргументация против вхождения коми в Северный край*»[4].

На рубеже 1932–1933 гг. А.М. Мартюшев был арестован и осужден как «*буржуазный националист и контрреволюционер*». Место и время его гибели неизвестны. Его работы перестали использоваться учеными, а имя постепенно было забыто. И лишь в конце 1970-х годов имя ученого вновь стало появляться на страницах научной печати. В последнее время имя А.М. Мартюшева чаще всего упоминается в связи с его политическими взглядами в становлении идеи коми государственности[5].

С деятельностью Общества изучения Коми края связан научный дебют целого ряда местных исследователей, которые сыграли впоследствии важную роль в изучении традиционной культуры народов коми. Среди них можно назвать ***А.С. Сидорова***, ***П.Г. Доронина***, ***В.И. Лыткина***, деятельность которых продолжилась в 1950–1960-е гг.

Алексей Семенович Сидоров (1892–1953) — разносторонне одаренный ученый, с именем которого связана целая эпоха в развитии коми языкознания, этнографии, литературоведения и археологии[6]. Начав свою научную деятельность как археолог, позднее он заинтересовался этнографией, а затем стал профессионально заниматься лингвистикой.

А.С. Сидоров родился 10 октября 1892 г. в селе Палевицы Яренского уезда Вологодской губернии (ныне — Сыктывдинский р-н Республики Коми), в крестьянской семье. В родном селе он окончил церковно-приходскую школу и двуклассное училище. С помощью местного учителя, снабдившего его небольшой суммой денег, в 1907 г. он отправился учиться в Тотемскую учительскую семинарию, которую окончил в 1911 г. и стал учителем. Потом работал преподавателем четырехклассной начальной школы в деревне Кони на Выми. В эти годы А.С. Сидоров проявил интерес к научным исследованиям: записывал

---

[1] *Мартюшев А.М.* Коми народ в первый период…; *Он же.* Коми народ как объект…

[2] Обзор этой дискуссии см.: *Ульянов Н.И.* Очерки истории… С. 163–179; *Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар, 1996. С. 75–90.

[3] *Мартюшев А.М.* Коми область в районировании Севера // Коми му. 1925. № 9. С. 3–13; *Он же.* Несколько слов о методах работы Северо-Восточного Облплана по вопросу о районировании СВО // Коми му. 1926. № 1. С. 34–41.

[4] *Ульянов Н.И.* Очерки истории народа... С. 176.

[5] См., например: *Жеребцов И.Л.* Они были первыми // Создатели коми автономии / И.Л. Жеребцов [и др.]. Сыктывкар, 2006. С. 121–123.

[6] *Плесовский Ф.В.* А.С. Сидоров // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 5–9. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 13); Алексей Семенович Сидоров // Исследователи Коми края / Сост. А.Г. Аксенова, Е.П. Березина, Т.В. Мульд, Л.Н. Рассыхаева. Сыктывкар, 1984; *Жеребцов И.Л.* Судьба ученого // Они любили свой край. Сыктывкар, 1993. С. 115–138; *Он же.* Трагедия ученого // Арт-Лад. Сыктывкар, 2002. № 4. С. 64–68; *Туркин А.И.* К столетию со дня рождения А.С. Сидорова // LU. 1992. № 4. С. 294–298; IV Симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар, 1992; *Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А.* Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар, 1995. (Люди науки. Вып. 9. Коми научный центр Уральского отделения РАН); Исследователь Коми края доктор филологических наук Алексей Семенович Сидоров (1892–1953). Каталог личного фонда / Под ред. М.И. Бурлыкиной, сост. Ж.В. Халюкова. Сыктывкар, 1997; А.С. Сидоров. Автобиография // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 97–99.

фольклор, изучал особенности говора местных жителей, обследовал археологические памятники («чудские ямы»). В 1915–1918 гг. он обучался в Вологодском учительском институте.

После возвращения на родину занимается просветительной деятельностью. Некоторое время А.С. Сидоров возглавлял Комиссариат народного просвещения Яренского уезда, в состав которого входила часть территории, населенная коми. Именно в Яренске 22 июня 1918 г он стал одним из организаторов и руководителей культурно-просветительского общества «Коми котыр», или Союза содействия материальному и духовному развитию Зырянского края. В Уставе общества говорилось, что его главной задачей является возрождение культуры народа коми[1]. Оно объединяло людей различных политических взглядов — от социал-демократических до эсеровских, поэтому оно просуществовало недолго и вскоре, в начале Гражданской войны, распалось.

В 1918 г. в с. Усть-Выми открылась учительская семинария, где А.С. Сидоров становится преподавателем. В это время он начинает собирать фольклор, изучать диалекты коми языка, исследовать памятники археологии, интересоваться этнографическими материалами. Именно 1918 г. Алексей Семенович считал годом начала своей научно-исследовательской деятельности. В это время он организовал сбор полевого материала и привлек для этой цели учащихся семинарии. С 1921 г. он руководил первым коми вузом — Институтом народного образования (с конца 1921 г. — Практическим институтом народного образования), который был создан при его непосредственном участии. Одновременно он преподавал в нем, читал лекции по этнографии, археологии, литературе коми, методике краеведения и музейному делу[2]. Некоторое время был заместителем председателя Областного комиссариата просвещения[3].

Особенно активно он стал заниматься научной работой после создания в мае 1922 г. знаменитого Общества изучения Коми края, много сделавшего для развития науки и культуры в Коми. А.С. Сидоров был одним из организаторов и лидеров этого общества[4]. Ученый в разные годы был членом правления ОИКК, заместителем председателя общества, с 1924 г. по 1926 г. входил в редколлегию популярного краеведческого журнала «Коми му», редактировал его краеведческий отдел. В 1925 г., когда состоялась Первая коми областная краеведческая конференция, А.С. Сидоров становится членом и секретарем областного бюро краеведения. Также он вошел в Комиссию по изучению производительных сил края, где занимался вопросами изучения культуры. В 1926–1927 гг. Алексей Семенович являлся членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения, располагавшегося в Москве.

Одновременно продолжалась его педагогическая деятельность. После реорганизации в 1923 г. Института народного образования в Педтехникум повышенного типа он отказался от руководящей работы и стал лектором, сосредоточившись в основном на работе в Обществе изучения коми края. Именно в это время он активно собирает материалы по традиционной культуре народов коми, которые послужили основой для его научных трудов, лично записывал их в экспедициях и использовал возможности учащихся, давая им задания на время каникул, а также привлекая их к работе экспедиций. Многие собранные материалы в то время не были использованы[5]. Например, лишь недавно было опубликовано на коми языке собрание загадок, записанных

---

[1] *Кузьивнова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути… С. 29.

[2] В письме в Наркомпрос РСФСР он назван председателем правления Коми института народного образования (см.: Культурное строительство в Коми АССР... С. 72).

[3] Культурное строительство в Коми АССР… С. 76.

[4] О деятельности Общества изучения Коми края см.: *Жеребцов И.Л.* «Золотой век» коми краеведения… С. 5–71.

[5] Так, Ф.В. Плесовский в своей книге «Свадьба народа коми» пишет, что большая часть использованного материала была получена им от дочери А.С. Сидорова Л.А. Сидоровой.

некоторыми студентами Педтехникума[1]. Одновременно А.С. Сидоров сам активно занимался сбором фольклорного материала[2]. Фольклор привлекал его как этнографический и лингвистический источник. Ученый использовал его в своей главной этнографической работе — «Знахарство, колдовство и порча у народа коми».

А.С. Сидоров также занимался сбором экспонатов для Областного краеведческого музея. Например, из своей поездки 1924 г. в верховья Вычегды из закрытого Ульяновского монастыря он привез 20 мешков книг и 134 церковных предмета, которым могли быть расхищены и утрачены. Среди них была икона Стефана Пермского с частью мощей святого в металлической оправе. В том же году он побывал в Ижме и Печоре[3].

Посещая различные уголки Коми края, А.С. Сидоров знакомился с работой местных краеведческих кружков и отделений общества. Он руководил подобным кружком при Усть-Сысольском педтехникуме. Этот кружок, по сути, являлся опорой общества. Здесь разрабатывались различные программы по изучению родного края для студентов и школьников. Сам Алексей Семенович вместе с коллегами подготовил и распространял программы по историко-этнографическому изучению и изучению терминов родства. Эта методическая работа в период становления коми краеведения была исключительно важной. Кроме того, он состоял в методическом бюро при Областном отделе народного образования, участвовал в составлении программ и планов для учебных заведений.

А.С. Сидоров был первым исследователем творчества основоположника коми профессиональной литературы — поэта ***И.А. Куратова***. В 1923 г. он обнаружил в архиве своего тестя (племянника поэта) забытые к тому времени рукописи И.А. Куратова. В том же году Сидоров сделал краткий обзор рукописного наследства поэта и опубликовал два его стихотворения. Это было первое сообщение об И.А. Куратове и первая публикация его произведений в советской печати. В последующие годы ученый активно работал над подготовкой полного собрания сочинений И.А. Куратова. Оно было издано в 1939 г., к 100-летию со дня рождения поэта, без упоминания имени А.С. Сидорова, который в то время находился в заключении[4].

В 1926–1932 гг. А.С. Сидоров работал и жил в Ленинграде[5]. В 1926 г. он был зачислен в качестве стажера в Государственную академию истории материальной культуры в Ленинграде. Его научным руководителем был назначен П.П. Ефименко, крупнейший советский археолог 1920–1930-х гг.[6] Не вполне понятно, почему П.П. Ефименко был выбран в качестве его научного руководителя, ведь он не занимался финно-угорской археологией. Возможно, потому, что родители П.П. Ефименко — известные историки и этнографы — отбывали ссылку в Холомогорах и Архангельске и занимались этнографией Русского Севера. В качестве научной темы А.С. Сидорова была определена «Археология Коми края», по окончании исследования которой должна была быть составлена «Археологическая карта Коми области». Это обуслов-

---

[1] Нӧдкывъяс. Чукӧртӧма Сыктывкарса педтехникумын велӧдчысьясӧн 1928–1929 воясӧ [Загадки. Собраны в 1928–1929 гг. учащимися Сыктывкарского педтехникума. На коми языке]. Подготовил Г. Беляев // Войвыв Кодзув. 2005. № 10. С. 62–67.

[2] *Микушев А.К.* Роль А.С. Сидорова в развитии коми фольклористики // IV Симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар, 1992. С. 60–63; *Он же.* Фольклористические интересы А.С. Сидорова (К 100-летию со дня рождения ученого) // Вестн. культуры Коми ССР. 1992. № 3. С. 29–34.

[3] *Сидоров А.С.* Ижмо-Печорский край (по данным полуторамесячной краеведческой поездки. Предварительный отчет по командировке в Ижмо-Печорский край по собиранию краеведческого материала // Коми му. 1924. № 7–10. С. 118–124.

[4] *Куратов И.А.* Художественнӧй произведениеяс. Т. 1; Лингвистические работы. Т. 2. Сыктывкар, 1939.

[5] *Терюков А.И.* А.С. Сидоров и Академия наук // IV Симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар, 1992. С. 85–86.

[6] *Формозов А.А.* О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. 3. С. 73–126.

лено тем, что к этому времени, после отъезда из Сыктывкара ***А.Н. Грена***, А.С. Сидоров стал единственным местным ученым, который занимался изучением древнейшего прошлого края[1].

В советское время ученый положил начало археологическим исследованиям в Коми крае, с 1919 г. регулярно производил археологические раскопки в бассейнах рек Выми, нижней Вычегды, Вашки и Мезени, уделял особое внимание средневековым памятникам, найденным на этой территории. Во второй ленинградский период ученый завершил составление Археологической карты Коми области (с приложением описательного текста)[2]. В ней он впервые обобщил как литературные данные, так и материалы собственных исследований по древнему прошлому Коми края[3]. Отдельные положения из этого сочинения были опубликованы уже после смерти автора[4].

Созданная в 1927 г. Русско-финская секция Комиссии по изучению племенного состава СССР (далее — РФС КИПС) приняла решение использовать для подготовки специалистов по финно-угроведению молодых представителей финно-угорских народностей, обучавшихся в ЛГУ и академических научно-исследовательских учреждениях Ленинграда[5].

В числе привлеченных к научной работе оказался и А.С. Сидоров. Сохранились документы, свидетельствующие о том, как это происходило. На одном из заседаний РФС КИПС в числе других был поставлен вопрос: «*6. О привлечении практикантов к работе секции. Постановили: привлечь А.С. Сидорова (Коми), если он не связан с работой в Яфетическом институте*»[6]. На следующем заседании председатель РФС КИПС Д.А. Золотарев докладывал следующее: «*А.С. Сидоров не состоит в Яфетическом институте штатным сотрудником, то есть не встречает препятствий к его работе в РФС. Золотарев предлагает П.П. Ефименко взять на себя ответственное руководство занятиями А.С. Сидорова*»[7]. На следующем заседании П.П. Ефименко так охарактеризовал своего подопечного: «*А.С. Сидоров, который предлагается мною в качестве кандидата в аспирантуру при Секции, сын крестьянина, зырянин по происхождению и один из видных местных работников по изучению местного края. Автобиографический очерк, помещенный в № 1–2 "Этнографии" за 1926 г., дает достаточное представление об его интересах в области этнографии, языка и прошлого края, и его организационной, немаловажной для края работе. Со своей стороны я хотел бы указать лишь на то, что из частных бесед с А.С. Сидоровым я вынес впечатление о большой жажде знания и сознание крупных пробелов в научно-исследовательской подготовке, препятствующие ему развернуть действительно незаурядные силы и способности в изучении родного края. Думается, что 1–2 года работы под руководством соответствующих специалистов, о чем он мечтает в своей автобиографии, помогут действительно ему стать ценным работником в трудных условиях краевой работы. Член секции П.П. Ефименко. 3 мая 1927 г.*»[8]. В это время А.С. Сидоров выступает на заседаниях секции с сообщениями, участвует в дискуссиях. Например, в извещении о заседании

---

[1] *Королев К.С.*, *Савельева Э.А.* Археологические исследования А.С. Сидорова // IV Симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар, 1992. С. 34–36. Список его публикаций по археологии см.: Археология Республики Коми (Библиографический указатель. 1852–1999). Сыктывкар, 2000. С. 10–11.

[2] Архив Института археологии РАН.

[3] *Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края // Коми му. 1924. № 4–6. С. 70–77; № 7–10. С. 51–64; 1925. № 1. С. 40–50; № 2. С. 24–26; 1926. № 6. С. 28–32; № 7. С. 38–42.

[4] *Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края // Изв. Коми филиала Всесоюз. географич. общ-ва. Сыктывкар, 1954. Вып. 2. С. 69–82.

[5] *Терюков А.И.* Финно-угорская этнография в Петербурге–Ленинграде… С. 7–17.

[6] Протоколы заседания Русско-финской секции КИПС за 1927 год // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 20, л. 64

[7] Там же. Л. 68.

[8] Там же. Л. 71.

РФС КИПС от 15 ноября 1927 г. говорится, что состоится доклад А.С. Сидорова «Похоронные обряды у коми-зырян»[1]. 22 декабря 1927 г. на заседании РФС КИПС он вновь выступил с докладом, который в протоколах обозначен как «Материалы по археологии Коми области». Докладчик остановился на исторических данных о заселении Коми области и дал подробную характеристику всех работ по изучению и выявлению археологических памятников области Коми, представил подробное описание памятников: находки каменной индустрии, бронзы, меди, городищ и могильников, обследованных им самим в течение последних лет. После доклада, вызвавшего оживленный обмен мнениями, было признано, что работы, произведенные А.С. Сидоровым, имеют большое научное значение[2]. 20 ноября 1928 г. он сделал доклад «Знаки семейной собственности у Коми»[3].

В докладной записке руководителя секции проф. Д.А. Золотарева на имя секретаря АН СССР академику С.Ф. Ольденбургу о деятельности Русско-финской секции сказано: «*4. Руководила подготовкой к научной работе выдвиженцев: …коми-зырянина А.С. Сидорова… которые, получив методические и материальные пособия от секции, обнаруживали определенные успехи в работе. Не говоря о докладах и участиях в текущей работе, позволю себе указать, что Сидоров за книгу "Знахарство, колдовство и порча у народа Коми" получил премию от Главнауки*»[4].

А.С. Сидоров в своем отчете о деятельности в 1927 г. отмечает, что он работал в Средне-Волжской археологической экспедиции в Чувашии, в Нижневычегодском районе Коми, проводил этнографические и археологические изыскания. На основании этих материалов им была составлена картотека (300 карточек) к археологической карте Коми области и написана статья о погребальный обрядах коми-зырян. Кроме того, по заданию Русско-финской секции занимался разбором и регистрацией коллекции предметов охотничьего быта у коми, приобретенного этнографическим отделом Русского музея у проф. Д. Соловьева, и коллекции по одежде коми-зырян. А.С. Сидоров написал статью «Знаки собственности "пасы" у коми». Одновременно прослушал курс лекций П.П. Ефименко «Финские древности», А.В. Шмидта «Бронзовый век в России», Н.Я. Мара «Общий курс о языке». Также принимал участие в подготовке пятилетнего плана исследования Коми области, намеченного к проведению в 1929 г.[5] Проект программы 10 января 1928 г. доложил на заседании Русско-финской секции ее председатель Д.А. Золотарев. Он сообщил, что в конце декабря Автономная область Коми обратилась в Академию наук с просьбой организовать комплексную экспедицию по исследованию области. Этот вопрос рассматривался на Совете КИПС. Было принято постановление о разработке плана экспедиции. В части, касающейся изучения человека, разработку сметы и плана работ поручили Русско-финской секции. ***Л.Л. Капицей*** и А.С. Сидоровым был разработан проект сметы и объяснительная записка к ней.

В 1929 г. исследованием должно было быть охвачено население Верхней Печоры до с. Усть-Щугора, а также по р. Илычу, Щугору и Подчерье. В состав отряда должны были войти этнограф, лингвист, археолог, антрополог-врач, кинооператор и 4 практиканта. Общая сумма, необходимая для работы в 1929 г., —

---

[1] Протоколы заседания Русско-финской секции КИПС… Л. 141.

[2] Там же. Л. 142, 148.

[3] Протокол заседания РФС КИПСа от 20 ноября 1928 год. Протоколы заседания Русско-финской секции КИПСа за 1927 год // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 39, л. 110.

[4] Докладная записка руководителя секции проф. Д.А. Золотарева на имя непременного секретаря АН СССР академику С.Ф. Ольденбурга о деятельности Русско-финской секции // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 51, л. 5.

[5] *Сидоров А.С.* Краткий отчет о выполнении летней научной командировки в Чувашскую АССР и Автономную область Коми для научных исследований // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 40, л. 202–203; *Он же.* Отчет о работе Русско-финской секции за истекший [1927] год // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 40, л. 188–189.

26 400 руб. Постановили: проект сметы и объяснительную записку принять; просить Золотарева, Капицу и Сидорова доработать их и создать окончательный вариант, вынести его в ближайшее время на обсуждение Северной комиссии АН СССР[1]. И хотя этот план не был осуществлен, его разработка была большим шагом на пути планирования научного изучения Коми края.

На заседании секции 21 ноября 1928 г. Д.А. Золотарев сообщил, что намечавшийся ранее план исследовательских работ в Коми области не может быть полностью осуществлен из-за ограниченности средств, отпускаемых областью на эти работы. Учитывая финансовые возможности, Северная комиссия Комиссии экспедиционных исследований АН СССР высказалась за целесообразность продолжить в ближайшее время лишь те работы, которые начаты (по археологии, лингвистике и истории), а новые работы сосредоточить на монографическом обследовании одного селения[2]. Тем не менее, в 1928 г. А.С. Сидоров вместе с лингвистом ***В.И. Лыткиным*** «*продолжил начатые в прошлом году работы, давшие материалы по палеоэтнографии и языку*»[3] .

Общение с крупнейшими специалистами по археологии и этнографии финно-угорских народов — Н.Я. Марром, А.А. Шахматовым, Д.А. Золотаревым, Д.К. Зелениным, Д.В. Бубрихом и другими — способствовало расширению научного кругозора и повышению квалификации исследователя А.С. Сидорова. Именно в эти годы происходит становление его как ученого широкого гуманитарного профиля — археолога, этнографа и лингвиста.

С 1929 г. он обучается в аспирантуре при Институте языка и мышления АН СССР. В это время он полностью переквалифицировался — стал лингвистом. Чтобы понять, почему это произошло, необходимо вспомнить, что в 1920–1930-е гг. на страницах печатных изданий, на конференциях велись оживленные дискуссии о коми алфавите, о литературных нормах коми языка и т.д. Важную роль в этом играли работы ***В.И. Лыткина***, В.А. Молодцова и, конечно, А.С.Сидорова[4]. Долгое время он был одним из главных специалистов в коми лингвистике.

К вопросам коми языка ученый впервые обратился еще в 1926 г., опубликовав небольшую заметку о яфетической теории как методике изучения коми языка[5]. Если говорить о его лингвистических взглядах, то надо помнить, что они сформировались в 1920-е гг., под воздействием нового учения о языке, разработанного академиком Н.Я. Марром. С яфетидологией А.С. Сидоров познакомился в Ленинграде во время стажировки и позднее — во время учебы в аспирантуре. О приверженности исследователя к этой научной теории говорит тот факт, что он опубликовал в Усть-Сысольске обзор работ Н.Я. Марра и специальную работу, в которой говорил о полезности этой теории для коми языкознания[6].

Будучи аспирантом, 16 марта 1929 г. он становится доцентом отделения национальных меньшинств, коми секции Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена (ныне —

---

[1] Протокол заседания РФС КИПС от 10 января 1928 год // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 20, л. 153.

[2] Протокол заседания РФС КИПС от 21 декабря 1928 года // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 39, л. 118.

[3] Протокол заседания РФС КИПС от 23 октября 1928 года // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 39, л. 101.

[4] Подробный анализ его лингвистической деятельности провели коми языковеды Г.В. Федюнева и Е.А. Цыпанов. См.: *Федюнева Г.В.* Алексей Семенович Сидоров // Сидоров А.С. Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992. С. 5–22; *Она же.* А.С. Сидоров — лингвист // Лексикология и лексикография коми языка. Сыктывкар, 1988. С. 6–12. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 41); *Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А.* Алексей Семенович Сидоров… С. 33–40; *Туркин А.И.* К столетию со дня рождения А.С. Сидорова // Linguistica Uralica. 1992. С. 294–298.

[5] *Сидоров А.С.* Яфетическая теория и коми язык // Коми му. 1926. № 10. С. 46–47.

[6] *Сидоров А.С.* Н.Я. Марр. По этапам развития яфетической теории: сб. ст.; Яфетическая теория. Программа общего курса учения о языке // Коми му. 1928. № 4. С. 43–44. Более подробно о его увлечении яфетологией см.: *Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А.* Алексей Семенович Сидоров… С. 34–38.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена). В 1933–1934 гг. — заведующий кафедрой коми языка и литературы Коми пединститута в Сыктывкаре. Возвращение в Сыктывкар было связано с открытием Коми педагогического института, куда были переведены преподаватели и студенты коми секции Пединститута им. А.И. Герцена. В 1934 г. он вернулся в Ленинград для разработки вопросов коми языка и культуры, где работал до 1937 г. в должности старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Центрального научно-исследовательского Института языка и письменности народов СССР. В сфере его интересов находились синтаксис языка коми, древнекоми письменность. Но его продолжали интересовать и другие разделы культуры коми.

К исследованию проблем традиционной культуры народов коми А.С. Сидоров обращается в середине 1920-х гг. Его прежде всего интересовали проблемы народных религиозных представлений. Первая этнографическая работа была посвящена тотемизму у коми. Затем появилась работа о пережитках культа промысловых животных[1]. В эти годы он опубликовал специальную программу по историко-этнографическому изучению коми народа, которая активно использовалась в его преподавательской практике[2]. Ему принадлежит одна из первых публикаций, посвященных сельскохозяйственным приметам коми[3].

В 1928 г. вышла в свет книга А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», содержащая уникальные данные о народной медицине коми, различных обрядах, суевериях, написанная на основе обширнейшего материала, собранного автором в 1918–1926 гг. в различных районах Коми края. Эта книга, как и другие его публикации, благодаря богатству и оригинальности этнографического материала, остается ценнейшим источником, ибо многое из того, что представлено в его книгах и отдельных публикациях, постепенно исчезло из традиционной народной культуры. Большое внимание ученый уделял сбору коми пословиц, загадок и примет. Вообще, все его этнографические работы богаты фольклорным материалом[4]. С именем ученого связано открытие т.н. «колдовского-разбойничего» эпоса у коми, центральными персонажами которого являлись богатыри-разбойники и колдуны. Эта книга вызвала дискуссию среди коми краеведов. Против автора выступил ***А.М. Мартюшев***[5]. А.С. Сидоров ответил на эту рецензию[6].

В 1935 г. местная печать в Сыктывкаре обвинила исследователя в том, что он — «*контрреволюционный кулацкий буржуазный националис*т». Руководитель Севкрайкома ВКП(б) (тогда в состав Северного края входила Коми область) Д.А. Конторин заявил, что в учебнике А.С. Сидорова по коми языку «*имеются места, которые угрожают тем, кто тронет кулака. И, тем не менее, этот учебник продается. <…> Виновные не привлечены к ответственности*». Критику высокого начальства подхватили на местах. Один из местных лингвистов разразился антисидоровской статьей: «*Под видом учебника преподносится антипартийный хлам с явно националистической установкой, деморализующе-пессимистическим содержанием <…> Книга имеет антипартийные установки, выраженные примерами, <…> пословицами и поговорками... Например, “испытало серд-*

---

[1] *Сидоров А.С.* Следы тотемических представлений в мировоззрении коми // Коми му. 1924. № 1–2. С. 43–50; *Он же.* Пережитки культа промысловых животных у охотников коми // Коми му. 1926. № 5. С. 29–33.

[2] *Сидоров А.С.* Программа по историко-этнографическому изучению Коми народа. Усть-Сысольск, 1924.

[3] *Сидоров А.С.* Онь Степ Тикон. Сельскохозяйственные приметы Коми Края // Коми му. 1926. № 5. С. 42–44.

[4] *Микушев А.К.* Фольклористические интересы А.С. Сидорова (к столетию со дня рождения) // Вестн. культуры Коми ССР. Сыктывкар, 1992. № 3. С. 29–33.

[5] *Мартюшев А.* Кое-что о колдунах и о книге А.С. Сидорова (*А.С. Сидоров.* Знахарство, колдовство и порча у коми народа. Л., 1928.) // Коми му. 1928. № 12. С. 37–41.

[6] *Сидоров А.* Кое-что о критике вообще и о А. Мартюшеве как критике // Коми му. 1929. № 7. С. 63–66.

це радость — обратно наступила печаль"». Учебник перестали распространять.

14 сентября 1937 г. в Ленинграде А.С. Сидоров был арестован по необоснованному обвинению в коми национализме. В санкции на арест, которая была выдана в Сыктывкаре, сказано, «*что он является членом контрреволюционной буржуазно-националистической организации Коми области, на протяжении ряда лет активно проводит буржуазно-националистическую деятельность, направленную против политики партии и советского правительства, подлежит аресту и привлечению к ответственности по ст. 58 п. 10. ч. 1 и ст. 58. п. II. УК РСФСР*». Он был этапирован в Сыктывкар[1]. Здесь на допросах А.С. Сидоров вынужден был «"*под принуждением*" *подписывать то, что считали нужным следователи. И, несмотря на то, что он несколько раз отказывался от своих признаний, 9 февраля 1940 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило ученого к трем годам заключения в лагере* "*за участие в антисоветской организации*"»[2]. А.С. Сидоров был отправлен в Каргопольский лагерь, из которого освободился осенью 1940 г. Лишенный права проживать в Ленинграде и Москве, он некоторое время трудился в Новгородской области совхозным рабочим, техником в топографической экспедиции.

В 1941 г. ученый вернулся на родину, в Сыктывкар и устроился на работу сплавщиком в Максаковскую запань. Несмотря на огромные сложности в жизни, Алексей Семенович смог завершить работу над монографией «Принадлежностный строй в коми языке», начатую еще в 1935 г. В январе 1942 г. он был принят младшим научным сотрудником в Коми научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и фольклора при Наркомпросе Коми АССР. В 1944 г. этот НИИ вошел в состав Базы АН СССР в Коми АССР (с 1949 г. — Коми филиал АН СССР) в качестве отдела. Несмотря на все ужасы репрессий, которые выпали на долю ученого, творческий потенциал А.С. Сидорова остался чрезвычайно высоким. В его научной деятельности началась «эпоха Ренессанса», он предчувствовал, что жить ему осталось недолго.

В 1945 г. в Карело-финском университете в Петрозаводске А.С. Сидоров защитил кандидатскую диссертацию, посвященную суффиксам в коми языке. В 1947 г. на заседании ученого совета Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР — докторскую диссертацию «Порядок слов в предложении коми языка», изданную в 1953 г. в Сыктывкаре. В эти годы ученым была разработана специальная программа диалектологического изучения Коми края, для отработки которой в поле он совершил несколько поездок в отдаленные районы. Он также работал также над составлением схематических карт коми диалектов.

Как было сказано выше, исследователь интересовался историей становления коми литературного языка и письменности. А.С. Сидоров открыл и впервые описал один немногих сохранившихся памятников древнепермского языка — т.н. гамский вариант рукописной обедни (перевод конца XIV в.). Результаты исследования памятников древнекоми языка были обобщены им в специальной работе[3]. Принимал активное участие в составлении нормативного Коми-русского словаря, изданного в 1948 г., работа над которым началась под руководством Д.В. Бубриха еще в 1942 г. и была закончена лишь в 1945 г.[4]

---

[1] *Холопова Д.* Дело из секретного архива // Красное знамя. Сыктывкар, 1992. № 198; *Она же.* Дела из секретного архива (о неизвестных страницах жизни С.А. Куратова и А.С. Сидорова) // Музей и краеведение. Тр. Национального музея Республики Коми. Сыктывкар. Вып. 1. С. 88–93.

[2] *Полещиков В.М.* За семью печатями. Сыктывкар, 1995.

[3] *Сидоров А.С.* Коми письменность эпохи раннего феодализма // Советское финно-угроведение. Л., 1948. Т. 1 (Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук); *Он же.* Коми литературный язык эпохи раннего феодализма по памятникам письменности. Сыктывкар, 1951 // Архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 1, оп. 2, ед. хр. 164.

[4] Коми-русский словарь / Сост. Д.В. Бубрих, А.С. Сидоров, Н.А. Колегова, М.А. Сахарова. Сыктывкар, 1948.

Начиная с 1945 г. все усилия отдавал своему главному делу — исследованию синтаксиса коми языка. Итогом почти десятилетней работы А.С. Сидорова стал фундаментальный труд в трех частях.

А.С. Сидоров был наиболее опытным и авторитетным ученым-гуманитарием этого периода в Коми филиале АН СССР. Он оказывал помощь молодым исследователям, давал консультации по различным вопросам, руководил аспирантами. Алексей Семенович не был хорошим оратором, слушать его выступления (доклады, лекции), по воспоминаниям Л.Н. Жеребцова, было трудно, но он умел точно и ясно разъяснить суть какого-либо вопроса, вызывавшего затруднения у начинающих ученых. А.С. Сидоров помогал не только языковедам, но и работникам других специальностей, проявлял искренний интерес к их трудам. Это было время становления гуманитарной академической науки в Коми АССР, специалистов было немного, и Алексею Семеновичу приходилось уделять внимание не только лингвистике, но и фольклористике, этнографии. Именно по его совету этнографическими исследованиями стал заниматься Л.Н. Жеребцов, впоследствии ставший крупнейшим коми этнографом второй половины XX в.[1]

Следует отдельно рассмотреть две этнографические работы А.С. Сидорова, опубликованные через много лет после его смерти. Одна из них — «Идеология древнего населения коми края» — была опубликована 1972 г. в сборнике, приуроченном к 80-летию со дня рождения ученого[2]. Вторая — «Пережитки первобытнообщинного строя в быте и языке коми», датированная 1950 г., — издана к 110-летию коми ученого[3]. Оба исследования объединяет попытка автора реконструировать некоторые детали и этапы развития у коми материнского рода в эпоху первобытнообщинного строя. Возможно, появлению работ способствовала проходившая в то время в гуманитарных науках дискуссия, приуроченная к очередному юбилею выхода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эта книга долгое время служила «краеугольным камнем» в построениях советских ученых о начальных этапах развития человеческого общества. А.С. Сидоров при помощи материалов обосновывал тезис о том, что коми, как и другие народы, пережили период матриархата, что отразилось в языке и быте коми.

В первой статье ученый для обоснования этого тезиса использует предметы т.н. «пермского звериного стиля», обнаруженные на территории Коми АССР. Нам представляется, что это ему не удалось. Анализ сюжетов образцов металлической пластики показал, что в их основе лежат зооморфные мотивы и отсутствуют женские персонажи. Поэтому, по мнению А.С. Сидорова, эти предметы произведены в момент завершения первобытнообщинного строя, в период перехода материнского рода в отцовский. Сами предметы он трактует как знаки родовой принадлежности. Поэтому данная работа в настоящее время имеет чисто историческое значение.

Вторая статья при обосновании указанного тезиса опирается на этнографический материал. А.С. Сидоров приводит ряд фактов, которые, с его точки зрения, являются пережитками матриархата. В поле зрения ученого попали элементы полового разделения труда, в первую очередь в хозяйственных занятиях. Подобное разделение было широко распространено у коми, хозяйство которых носило комплексный характер, в котором существенную роль играли охота, рыболовство и отхожие промыслы. В результате в семейной жизни коми важное место принадлежало женщинам, которые были вынуждены выполнять значительный объем хозяйственных работ во время отсутствия дома мужчин. То же можно сказать и о северных русских народах, у которых женщины занимали аналогичное высокое хозяйственно-социальное положение. С точки

---

[1] *Жеребцов И.Л.* Трагедия ученого… С. 65–67.

[2] *Сидоров А.С.* Идеология древнего населения коми края // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 10–23. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 13.)

[3] *Сидоров А.С.* Пережитки первобытнообщинного строя в быте и языке коми // Арт-Лад. Сыктывкар, 2002. № 4. С. 69–82.

зрения автора, признаками былой «коммунистической» общности являются бытовавшие у коми формы распределения сенокосов, пашен, дележа добычи при ловле рыбы, передача части добычи немощным старикам и т.д. Кроме того, по мнению А.С. Сидорова, лишь существованием в прошлом матриархата можно объяснить многие детали свадебной обрядности. В этой статье ценно то, что здесь впервые в литературе по традиционной культуре коми встречается достаточно подробный план описания свадьбы. Сама свадьба рассматривается А.С. Сидоровым как борьба между партиями невесты и жениха. Позднее на основе этих заметок и в большей степени материалов А.С. Сидорова Ф.В. Плесовским была написана специальная монография. Не потеряла своего значения и сводка материалов по терминологии родства у коми, используемой А.С. Сидоровым в этой статье.

Здесь мы видим попытку А.С. Сидорова написать статью в русле основной парадигмы советского обществознания — стадиальности и формационности общественного развития, того процесса, который сегодня иногда называют «пятичленкой». Все народы должны были обязательно пройти одинаковые этапы эволюционного развития: от первобытно-общинного строя с матриархатом и патриархатом через рабовладельческий строй, феодализм, капитализм (империализм) к социализму. Эту линию на коми материале пытались прочертить такие марксистские историки, как ***Н.И. Ульянов*** и ***В.М. Подоров*** и в конце 1950-х годов авторы «Очерков по истории Коми АССР»[1]. Несмотря на то что работы Н.И. Ульянова и в особенности В.М. Подорова показали, что эта линия не прослеживается и не подтверждается коми материалом, она продолжала изучаться и позднее, в 1950-е годы.

Эти работы А.С. Сидорова идеологически «притянуты» к марксистскому пониманию общественного развития и являются данью автора тому времени, тем не менее, они имеют большое научное значение благодаря фактическому материалу, который он приводит.

Уже будучи признанным ученым, А.С. Сидоров до конца жизни чувствовал определенное моральное стеснение: клеймо разоблаченного и наказанного по заслугам «врага народа» было смыто с него лишь через год после смерти. Поэтому каждый раз для того, чтобы, например, выступить с докладом в московском Институте языкознания, ему приходилось просить у милиции разрешения для временного проживания в Москве.

В начале 1953 г. А.С. Сидоров приехал в Москву для участия в защите кандидатской диссертации коми этнографа Л.Н. Жеребцова в качестве официального оппонента и работы в библиотеках. В начале марта состояние его здоровья ухудшилось. 21 марта 1953 г. он скончался.

В ОИКК началась научная и общественная деятельность ***Доронина Павла Григорьевича*** (1904–1967), коми писателя, историка, журналиста, автора ряда статей по этнографии, языку, фольклору, истории Коми АССР и истории коми литературы. Он родился в дер. Проньдор (Прокопьевка) (ныне — Сыктывдинский район Республики Коми). После учебы в местном земском начальном училище он поступил в Гамское двухклассное училище, которое окончил в 1917 г. В этом училище ранее учились ***П.А. Сорокин*** и ***Г.А. Старцев***. В 1918 г. П.Г. Доронин окончил Усть-Сысольское городское училище. В 1918–1919 гг. он работал в Прокопьевской волости секретарем комбеда, делопроизводителем, в 1919–1920 гг. учился в Палевицком высшем начальном училище и на педагогических курсах в Яренске. Позднее, в 1920 г., продолжил образование на историческом отделении Института народного образования в Усть-Сысольске и Коми педтехникуме повышенного типа. Затем работал учителем в ряде сел Коми края (с 1925 г. — в школах Глотово и Усть-Выми). В 1926 г. поступил на историко-этнографический факультет МГУ, но отучился лишь год. После этого вновь стал преподавать в различных школах Коми края. С 1930 г. занимается литературной работой, публикуя художест-

[1] Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1–2.

венные произведения на коми языке, работал редактором в различных периодических изданиях Коми области. С 1939 г. П.Г. Доронин — член Союз писателей. В 1941 г. он стал научным сотрудником Коми краеведческого музея, заведовал историческим отделом, собирал документы по истории Коми края. Участвовал в Великой Отечественной войне[1]. Принимал непосредственное участие в боевых действиях, был два раза ранен. Войну закончил в Германии, где затем некоторое время служил в советской группе войск в Германии на различных военно-хозяйственных должностях.

Еще во время учебы в техникуме он вступил в Общество изучения Коми края и с 1924 г. начал «*заниматься собиранием фольклора и этнографических материалов, а позже — изучением истории местного края*». Его научный дебют — небольшая статья «Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Усть-Вымского уезда», в которой он привел собранные на родине фольклорные и этнографические материалы[2]. По-видимому, в эти годы он активно собирал антропонимические и топонимические материалы, которые присутствуют в его архиве[3].

П.Г. Доронин «уцелел» в годы великого террора, когда погибли многие его коллеги. В начале 1930-х гг. он активно занимался фольклористикой, возглавлял фольклорную бригаду при Коми отделении Союза писателей СССР. Публиковал оригинальные литературные произведения на коми языке. Исследователи научного творчества П.Г. Доронина отмечают его масштабную и плодотворную собирательскую деятельность[4]. В эти годы он опубликовал несколько статей о коми фольклоре, а также составил и издал два фольклорных сборника[5]. Первый из них насчитывал 36 песен и 14 свадебных причитаний. Затем занялся литературоведением, опубликовал первую в Коми АССР литературоведческую монографию на коми языке, посвященную творчеству основоположника профессиональной коми литературы — ***И.А. Куратова***[6]. Этот труд был своеобразным ответом П.Г. Доронина своим коллегам по обществу — проф. ***А.Н. Грену*** и ***А.А. Цемберу***, которые не видели перспектив развития литературы на коми языке. В соответствии с требованиями времени в книге делался акцент на социально-исторический и идеологический анализ творчества поэта, а не на проблемы поэтики художественной методологии. С 1931 г. он серьезно занялся подготовкой учебных пособий для школ, опубликовал 11 хрестоматий и учебников по коми языку и общественным наукам.

В 1946 г. П.Г. Доронин — сотрудник сектора истории Коми научно-исследовательского института, где изучал историю присоединения Коми края к Московской Руси. Несмотря на активность и плодотворность его деятельности в этом направлении, большинство его трудов не были опубликованы[7]. На тот момент он был одним из ведущих специалистов в этой области исследований, так как сбор историче-

---

[1] *Ванеева И.* Доронин П.Г. // Республика Коми: энцикл. Т. 1. С. 414; Научный поиск продолжается… С. 25–27, 58–60; *Жеребцов И.Л.* П.Г. Доронин и собрание материалов о народонаселении Коми-зырянского и Коми-пермяцкого края // Архивы Уральского отделения Российской академии наук: тез. докл. Второй науч. конф. Сыктывкар, 2001.

[2] *Доронин П.Г.* Пережитки старины в быте крестьян Прокопьвской волости Усть-Вымского уезда // Коми му. 1924. № 1–2. С. 91–93.

[3] *Доронин П.Г.* Характерные фамилии по волостям Коми АССР // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 75; *Он же.* Происхождение фамилий и населенных мест на территории Коми АССР // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 76; *Он же.* Историческая топонимика Коми // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 48.

[4] *Микушев А.К., Рочев Ю.Г., Чисталев П.И.* История собирания и изучения коми фольклора // История коми литературы. Т. 1. С. 15.

[5] *Доронин П.Г.* Фольклорнӧй сборник / Сост. П.Г. Доронин. (Фольклорный сборник / Сост. П.Г. Доронин.) Сыктывкар, 1938.

[6] *Доронин П.Г.* И.А. Куратовлӧн творчество. (Творчество И.А. Куратова). Сыктывкар, 1939.

[7] См., например: Разложение первобытно-общинного строя и присоединение территории Коми в состав Московского государства. 1941–1949. 302 л. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 7; *Он же.* Расселение коми племен по историческим документам. 1947. 330 л. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 2.

ских сведений начал еще в конце 1920-х гг. и обладал огромной картотекой материалов[1]. Главной его заслуга в этот период — введение в научный оборот местного летописного свода, известного как Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская), или Коми-Вымская, летопись, ценнейшего исторического источника по истории Коми края[2]. Копия этой летописи была обнаружена П.Г. Дорониным в 1927 г., но не заинтересовала ученых.

В 1949 г. П.Г. Доронин был вынужден снова прекратить научные исследования из-за резкой критики в свой адрес в связи с «*некоторыми космополитическими извращениями сталинского учения о нации в области истории народа коми*» со стороны заместителя директора Коми базы АН СССР Н.И. Шишкина[3]. Спор между Н.И. Шишкиным и П.Г. Дорониным был в большей степени теоретическим. В основном он касался уровня развития древнекоми племен XII–XIV вв. и причин возникновения феодализма у предков коми. Он начался после выхода книги «Коми-Пермяцкий национальный округ»[4]. Однако и Н.И. Шишкин, и П.Г. Доронин стояли на одинаковых методологических позициях — проповедовали марксистско-ленинскую концепцию исторического развития общества и учения об общественных формациях, более известную сегодня как «пятичленка». Не отрицая основного постулата этой концепции — все народы без исключения должны пройти одинаковые стадии развития — они существенно расходились в оценке уровня общественного развития древних коми и истоков формирования у них феодализма. По мнению П.Г. Доронина, Н.И. Шишкин вслед за ***В. Подоровым***, ***Н.И. Ульяновым*** «*тенденциозно выпячивает вопрос о том, что коми племена по своему общественному развитию на рубеже I–II тыс. н.э. стояли не только на уровне с русско-славянскими племенам, но и гораздо выше последних*»[5]. Кроме того, Н.И. Шишкин в своих работах, по мнению оппонента, слишком преувеличивал влияние греческой и иранской культуры на коми (и сегодня нельзя говорить о прямом влиянии иранского и греческого миров на культуру народов коми, хотя некие отголоски контактов с иранцами в языке коми имеются). Одновременно П.Г. Доронин выступал против высказанной ***В. Подоровым*** еще в конце 1930-х гг. отрицательной оценки роли монастырской колонизации Коми края, в первую очередь против Стефана Пермского, и самого факта присоединения Коми края к Московскому княжеству. В ходе этой дискуссии обе стороны оперировали не только научными понятиями, но и политической терминологией того времени, обвиняя друг друга в использовании «*вредных буржуазно-националистических теорий*». В своем выступлении П.Г. Доронин отмечал, что «*состояние изучения истории народа коми <...> находилось на низком теоретическом уровне, допускались методологические ошибки в исследованиях*». Его выступление в защиту высказанных им идей было признано администрацией Коми Базы «*попыткой притупить остроту поставленного вопроса борьбы с космополитизмом, идеалистическим языкознанием и буржуазной историографией*». 2 июля 1949 г. состоялось еще одно заседание ученого совета Базы, на котором Н.И. Шишкин выступил с докладом «О методологии изучения истории и языка народа коми», в котором подверг резкой критике деятельность П.Г. Доронина. Последний, как было сказано в официальном письме руководства Базы,

---

[1] Например, им было составлено оставшееся неопубликованным «Описание архивных материалов по истории Коми, хранящееся в различных архивах». 1947. 503 л. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 86. В его архиве хранятся 40 различных сборников выписок по истории Коми края.

[2] Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. № 4. С. 241–271. О летописи см.: *Флоря Б.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

[3] Научный поиск продолжается… С. 31–32, 58–59.

[4] *Шишкин Н.И.* Коми-Пермяцкий национальный округ…

[5] *Доронин П.Г.* Фальсификация в вопросах периодизации первобытно-общинного строя и зарождения феодализма Коми // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 87, л. 3.

«*не только не признал свои антинаучные, антиисторические позиции и проистекающие отсюда ошибки в вопросах происхождения и истории народа коми, но, наоборот, усугубил эти ошибки*», ибо по-прежнему отстаивал свою точку зрения. В решении ученого совета Коми Базы 2 июля было записано, что «*лженаучные теории происхождения народа коми, протаскиваемые <...> П.Г. Дорониным <...> своими корнями идут к <...> концепции Бубриха и других идеалистов и формалистов буржуазной историографии*». В тот же день П.Г.Доронин был уволен.

Вообще дискуссия 1949 г. по истории народа коми еще ждет своего исследователя. С точки зрения современной науки она вызывает исключительно историографический интерес, но следует отметить, что она велась в рамках общенаучной дискуссии о языке через призму сталинской методологии. В архиве сохранились материалы выступлений П.Г. Доронина по этому вопросу в 1949 г. и позднее[1]. Лишь в 1950 г. ученый публично смог высказаться по этой проблеме в республиканской газете «Вӧрлэдзысь», издававшейся на коми языке[2].

Это была не первая критика его деятельности. Еще осенью 1935 г. П.Г. Доронин составил проект программы по истории коми литературы для средней школы, предложив включить в нее изучение рассказов ***К.Ф. Жакова*** «В коми деревне» и «Богословский завод». Судя по материалам его архива, он собирал сведения о творчестве своего земляка[3]. В декабре 1935 г. его программа подверглась резкой критике на страницах газеты «За новый Север» со стороны ***И.И. Оботурова***. Последний категорически потребовал исключить из программы произведения ***К.Ф. Жакова***, И.Т. Чисталева, Ф.В. Попова и некоторых других авторов. Он писал, что П.Г. Доронин хочет «*воспитывать коми детей на реакционных произведениях белогвардейца Жакова и прочих негодных произведениях*», которые *«дают извращенное представление о старой коми деревне и должны быть бесспорно изгнаны из советской школы*».

После этого П.Г. Доронин перешел на работу в журнал «Войвыв кодзув» («Полярная звезда», на коми языке), где публиковал статьи на историко-культурную тематику, позднее состоял уполномоченным Литфонда Союза писателей СССР в Коми АССР. По-видимому, именно в это время он начал собирать материалы по истории коми культуры и литературы, которые не были опубликованы и сохранились в его архиве[4].

Тем не менее, ученый продолжал заниматься научными изысканиями. В 1950-е гг. им были написаны две работы по административному устройству Коми края, которые остались неопубликованными[5]. В них рассматри-

---

[1] Сохранились варианты его статей, посвященных этом вопросу: *Доронин П.Г.* Фальсификация вопросов по истории Коми // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 88; *Он же.* Возникновение и развитие Биармийской теории и ее постановка по Н. Шишкину // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 89; *Он же.* Проблема этногенеза Коми в работах Н.И. Шишкина // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 90; *Он же.* Заметки по Биармийской теории // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 91; *Он же.* К вопросу о Биармии // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 92; *Он же.* Извращения в вопросах по истории Коми // Национальный архиве Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 93; *Он же.* Фальсификация вопросов истории Коми // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 94; *Он же.* Н.И. Шишкин об ошибках в изучении происхождения коми народа и его языка // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 95; *Он же.* Возникновение и развитие Биармийской теории. Биаромийская теория в постановке Н. Шишкина // Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1, оп. 12, д. 39а.

[2] *Доронин П.Г.* Грубая фальсификация в вопросах происхождения Коми // Вӧрлэдзысь. 1950. № 100.

[3] *Доронин П.Г.* Жизнь и творчество К.Ф. Жакова // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1346, оп. 1, № 190); *Он же.* Выписки из произведений Ф.К. Жакова. Материалы к его биографии // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1346, оп. 1, № 272.

[4] *Доронин П.Г.* Письменность и литература коми до Октябрьской социалистической революции // Архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. К–1, оп. К–11, ед. хр. К–250.

[5] *Доронин П.Г.* Административное деление и управление (Коми) краем в XVIII веке // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1349, оп. 1, № 14; *Он же.* Административное деление и управление Коми

ваются изменения этнической границы коми. По мнению И.Л. Жеребцова, это первые специальные работы по данному вопросу[1].

В сентябре 1962 г. П.Г. Доронин в очередной раз стал научным сотрудником Коми филиала АН СССР. К этому времени относится составление им «Хроники литературной жизни Коми АССР». Несмотря на часто необоснованную критику его научной деятельности, он являлся талантливым писателем и разносторонним ученым, внесшим большой вклад в изучение коми фольклора, литературы и истории (особенно периода Гражданской войны в Коми крае)[2].

Необходимо остановиться на рассмотрении рукописи П.Г. Доронина «Первобытно-общинный строй на территории Коми АССР»[3]. К сожалению, она не датирована. Возможно, рукопись написана в 1946–1949 гг., когда он активно занимался историей региона. В методологическом плане она выдержана в русле марксистко-ленинского учения об общественных формациях. Об этом говорят постоянные экскурсы и ссылки автора на основополагающую работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Особенно рельефно это влияние наблюдается при описании истории развития семейных отношений у коми (л. 80–99), хотя в этом разделе содержатся и этнографические материалы. По-видимому, рукопись не завершена. Тем не менее исследование достаточно информативно и может быть использовано в качестве источника по этнографии народов коми, хотя автор не всегда указывает источники полученных сведений по традиционной культуре народов коми. На наш взгляд, не утратили научного значения разделы, посвященные установлению этнической границы проживания коми (л. 25–62), которые перекликаются с более поздней работой Л.Н. Жеребцова[4]. В качестве этнографического источника можно использовать и материалы раздела «Древняя религия коми» (л. 100–156). Рассматривая этот вопрос в русле марксистской социологии религии, П.Г. Доронин пытается опровергнуть мнение о том, что к моменту принятия христианства у коми были представлены различные анимистические культы. Хотя весь представленный материал говорит об обратном.

Современный исследователь также может воспользоваться разделом, озаглавленным как «Сведения о занятиях, быте и религии коми народа»[5]. В нем собраны различные этнографические материалы по верованиям, занятиям и быту народа коми. По-видимому, это личные записи П.Г. Доронина, которые использовались им в научных разысканиях. Например, находящийся в этом сборнике космогонический миф о сотворении мира из яйца приводится П.Г. Дорониным в его работе «Первобытно-общинный строй на территории Коми АССР»[6]. По публикациям известно несколько таких мифов, но авторы редко указывают место записи тех или иных текстов. Он датирует запись, приводит сведения о месте записи и авторе текста, что придает мифу новую черту — его индивидуализм. В настоящее время, когда усилился интерес к деятельности ***Стефана Пермского***, большой значение имеют записанные П.Г. Дорониным нарративы, в которых содержатся предания о деятельности Стефана и его преемников в Коми крае (л. 11–21), которые также локализованы и авторизированы. Здесь же приводятся несколько фольклорных текстов колдовского цикла.

краем. Сыктывкар, 1957 // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1349, оп. 1, № 54.

[1] *Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII — середине XIX в.: территория и население. Сыктывкар, 1998. С. 10.

[2] В «Библиографическом указателе литературы о Коми АССР» учтены 36 его публикаций.

[3] *Доронин П.Г.* Первобытно-общинный строй на территории Коми АССР // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 1.

[4] *Жеребцов Л.Н.* Расселение народа коми… Возможно, П.Г. Доронин использовал некоторые разделы этой рукописи при публикации статьи «Историческое расселение народа коми» в мае 1941 г. в газете «Вӧрлэдзысь».

[5] *Доронин П.Г.* Сведения о занятиях, быте и религии коми народа // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 143.

[6] *Доронин П.Г.* Первобытно-общинный строй… Л. 146–149.

Другой видный коми исследователь — ***В.И. Лыткин*** — в эти годы занимался этнолингвистикой[1]. Не утратили научной ценности его статья о взаимодействиях древнерусского и коми языков и исследование, посвященное рассмотрению научных данных о коми-зырянах и коми-пермяках[2]. В.И. Лыткин принял участие в дискуссии, развернувшейся в связи с выходом в свет статей ***А.Ф. Теплоухова***[3]. Позднее он сосредоточился на коми лингвистике. Занимался сбором сведений о сохранившихся памятниках древнекоми языка[4].

Завершая раздел, посвященный развитию этнографии коми в 1920-е гг., следует остановиться на деятельности еще оного исследователя — ***И.Н. Мошегова***, более известный для читателей того времени под псевдонимами Игнатий Мёсшег, Иган, Игоннь Мёсшег. Он был связан с Обществом изучения Коми края, публиковался в Усть-Сысольске (Сыктывкаре), но жил в Финляндии.

Игнатий Николаевич Мошегов (1880–1965) — коми-пермяцкий историк и публицист, писатель[5]. Родился в Кочевском р-не Коми-Пермяцкого автономного округа в крестьянской семье. В 1900 г. окончил Бирскую инородческую учительскую семинарию и 8 лет работал учителем. В 1908 г. был уволен с должности учителя по политическим мотивам. Начиная с 1912 г. служил землемером. В 1915 г. он мобилизовался в армию и был направлен в офицерское училище в Ташкенте. Участник Первой мировой войны. Полтора года провел в германском плену. В декабре 1918 г. вернулся домой, на Урал, и вновь был мобилизован в армию, на этот раз в колчаковскую. После разгрома Колчака некоторое время служил в Красной Армии, но не принял Советскую власть. В 1920 г. нелегально прибыл сначала в Эстонию, а затем — в Финляндию. Видимых причин для такой резкой перемены места жительства не было, Советская власть проявила к нему, как и многим колчаковцам, лояльность. Там сначала И.Н. Мошегов читал лекции, работал в разных издательствах. В 1930 г. открыл магазин в Тампере, а в 1933 г. стал владельцем небольшого книжного магазина в Хельсинки.

В Финляндии И.Н. Мошегов начал заниматься наукой и политической публицистикой. Был избран иностранным членом ОИКК, в 1926–1928 гг. опубликовал ряд статей под псевдонимом Мёсшег[6]. Его публикации были посвящены описанию свидетельств былого древнего величия народа коми и его культуры. Он исходил из положения, что «*еще не было человека, который бы беспристрастно исследовал историю народа коми*». Но в опубликованных работах он, по мнению критиков, не привел каких-либо реальных данных, действительных свидетельств о прошлом коми

---

[1] *Лыткин В.И.* Языковой состав населения Нижней Вычегды в конце XIV в. (при Стефане Пермском) // Коми му. 1924. № 1–2. С. 55–57.

[2] *Лыткин В.И.* Некоторые следы взаимоотношений древнерусского и коми языков // Коми му. 1924. № 4–6. С. 78–83; *Он же.* Что говорят научные данные о коми-зырянах и коми-пермяках // Коми му. 1929. № 16–17. С. 34–38.

[3] *Лыткин В.И. [Рец.]* А.С. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая его смена пермским и русскими народами // Зап. УОЛЕ. 1923–1924. Т. 39 // Коми му. 1925. № 5. С. 70–72.

[4] О деятельности В.И. Лыткина см.: *Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Демин В.Н.* В.И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997; *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Тернистый путь к вершинам науки // Стоявшие у истоков (Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми). Сыктывкар, 2005. С. 78–102; Василий Ильич Лыткин. Биобиблиографический указатель. Сыктывкар, 1995.

[5] *Жеребцов И.Л.* История Перми Великой и Перми Вычегодской в работах коми-пермяцкого писателя И.Н. Мошегова // Пермский край: прошлое и настоящее (к 200-летию образования Пермской губернии). Пермь, 1997. С. 33–34; *Туркин А.И.* Мошегов И.Н // Республика Коми: энцикл. М., 999. Т. 2. С. 300; *Сурво А.А., Жеребцов И.Л.* Последний плен Игнатия Мошегова // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск, 2009. С. 452–458.

[6] *Мошег И.* Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом // Коми му. 1926. № 4. С. 34–37; *Он же.* Пера. (Из народных преданий) // Коми му. 1926. № 5. С. 38–42; *Он же.* Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми // Коми му. 1926. № 12. С. 18–21; *Он же.* Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми. Искусство. Письменность. Причины падения коми (пермской) культуры // Коми му. 1927. № 6–7. С. 67–70.

народа, а пытался лишь воскресить легенду о богатой и могущественной Биармии, будто бы существовавшей на Европейском Севере до прихода русских (славян). Мёсшег считал, что Биармия располагалась на территории Коми края, а предки коми были жителями этой легендарной страны. Он, в отличие от ***А.Н. Мартюшева***, преувеличивал численность населения Коми края, степень экономического и культурного развития коми-зырян «домосковского, дорусского» периода. По мнению исследователя, после присоединения края к Москве ситуация резко ухудшается, в результате войн и репрессий численность коми резко уменьшается. И.Н. Мошегов в своих работах затрагивал и вопрос этногенеза и расселения коми[1].

Его работы вызвали острую критику со стороны других членов ОИКК — ***А.Н. Мартюшева***, ***В.М. Подорова***, ***А.Ф. Теплоухова***. Последний, в частности, писал о «*безграничной фантазии*» Мёсшега[2]. Надо отметить, что эта дискуссия была малопродуктивна, ибо обе стороны в основном опирались на собственные эмоции, чем на имеющийся в их распоряжении материал, пытаясь трактовать достаточно краткие известия русских летописей о коми. Например, незначительность письменных источников И.Н. Мошегов объясняет тем, что «*правительство царей не только истребляло завоеванные народы, но, по силе, возможности старалось и истреблять и историю*»[3]. Редакция журнала «Коми му» была вынуждена объявить, что она не разделяет «*некоторые смелые выводы*» автора.

Мёсшег в 1922 г. издал в Хельсинки свою первую публицистическую книгу, направленную против советской власти, под названием «Правда о большевизме»[4]. Эта книга проникнута ярым антикоммунизмом, он характеризует *«большевизм как еврейский коммунизм»*[5]. А.А. Сурво и И.Л. Жеребцов пишут, что эта книжка была явно заказной, за ней стояли определенные круги. Он принимал активное участи в т.н. «племенной работе», то есть в пропагандистской деятельности среди финно-угорских народов за пределами Финляндии, в первую очередь на территории Карелии и Петербургской губ.[6]

Затем последовали еще несколько работ подобного характера: «В восточном чертовом котле. Воспоминания одного коми», «Крик помощи из тюрьмы народов», «Старая и сегодняшняя Москва и угнетенные народы Северо-Востока Европы» и т.д.[7] Публикация этих работ позволила причислить этого интересного непрофессионального историка к числу «изгоев» отечественной науки. Упоминавшийся выше ***Н.И. Ульянов*** в начале 1930-х гг. называл И.Н. Мошегова зырянским националистом с панфинляндским уклоном[8]. Имя И.Н. Мошегова фактически исчезло со страниц печати. Период забвения продолжался до 1990-х гг. Так, его имя и работы не попали в «Библиографический указатель литературы о Коми АССР», изданный в Сыктывкаре в 1963 г. По мнению Я.Н. Безносикова, «*в статьях А.Н. Грена, Мосшега и некоторых других авторов проводилась открытая линия на противопоставление народа коми русскому народу, отрицалось прогрессивное влияние передовой русской культуры на развитие коми национальной культуры*»[9].

---

[1] *Мёсшег И.* Судьба коми, живших по берегам р. Камы и ее притокам на север от Усолья // Коми му. № 5. С. 27–29; *Он же.* Пермь Великая в теории А.Ф. Теплоухова и по историческим данным // Коми му. 1926. № 6. С. 32–42; *Он же.* О судьбе коми, живших по реке Оби // Коми му. 1926. № 8. С. 36–38; *Он же.* Судьба коми, живших на Северной Двине и Сухоне — заволгчане // Коми му. 1927. № 1–2. С. 29–32; *Он же.* Где же была родина коми? // Коми му. 1927. № 4–5. С. 57–60.

[2] *Теплоухов А.Ф.* Пермь Великая по историческим данным и в фантазии И. Мёсшега // Коми му. 1927. № 6–7. С. 71–83.

[3] *Мёсшег И.* Ответ на критические статьи Мартюшева и Теплоухова // Коми му. 1928. № 4. С. 38–40.

[4] *Mösseg I.* Totuus bolshevismista. Helsinki, 1922.

[5] *Mösseg I.* Totuus bolshevismista… С. 39.

[6] *Сурво А.А., Жеребцов И.Л.* Последний плен Игнатия Мошегова… С. 454.

[7] *Mösseg I.* Idän hiidenkattilassa. *Он же.* Syrjäniläsen muistelmat. Jyväskylä, 1927; *Idem.* Hätähuuto kansojen vankilasta. Helsinki, № 1. 1930. № 2. 1932.

[8] *Ульянов Н.И.* Очерки истории… С. 116.

[9] *Безносиков Я.Н.* Культурная революция… С. 110.

То же случилось и в Финляндии. После ее поражения в 1944 г. во Второй мировой войне его сочинения попали в список запрещенных по идеологическим понятиям книг, были изъяты из библиотек и книжных магазинов в специальные хранилища. Поэтому Паула Кокконен, недавно опубликовавшая статью о И. Мошегове, озаглавила свою работу «Автор запрещенных книг»[1].

Руководство ОИКК считало развертывание научно-краеведческого движения только первым шагом на пути развития науки, в том числе этнографии, в Коми области. Не прекращая работы по укреплению местного краеведческого движения, общество неоднократно выступало с предложениями о создании специальных академических учреждений. Например, в 1927 г оно обратилось в Академию наук СССР с предложением организовать комплексное изучение Коми области[2]. Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик при Академии наук СССР 30 декабря 1927 г. поддержал идею проведения планомерных научных исследований Коми края. Подобный план, составленный ***Г.А. Старцевым***, также был предложен Комиссией по изучению племенного состава при АН СССР. Последний был командирован в Сыктывкар для согласования совместных действий. Но изменилась политическая ситуация, которая привела к свертыванию краеведческого движения, и план остался лишь проектом[3].

Высказывались и более радикальные предложения. Например, А.А. Чеусов ратовал за создание отдельной Коми академии наук и искусств. ***А.С. Сидоров*** в 1929–1930 гг. разработал проект положения о Коми краеведческом научно-исследовательском институте, целью которого должна была стать «*планомерная работа по поднятию культуры и хозяйства Коми области*». Эту работу, полагал А.С. Сидоров, следует вести в двух направлениях: 1) изучение естественных производственных сил (фауны, флоры, почв, недр, климата) и 2) исследование языка, фольклора и материальной культуры и быта коми и ненцев, истории этих народов. Но этот проект не был воплощен в жизнь.

В конце 1920-х гг. Коми автономная область оказалась в сфере интересов ряда геологических, ботанических, географических и лесоустроительных экспедиций. Например, только в 1927 г. таких экспедиций было 19[4]. Коми край издавна, начиная с XVIII в., привлекал ученых природными богатствами. Но в своем большинстве они оставались лежать в туне, без разработки. Например, неоднократно предпринимались попытки начать разработку ухтинской нефти, которые чаще всего заканчивались безрезультатно[5]. Начавшаяся в 1925–1926 гг. эпоха модернизации промышленности СССР требовала больших природных минеральных ресурсов. Благодаря работе изыскательных партий, кроме естественно-исторических материалов, характеризующих Коми край, появилась серия публикаций социально-экономического характера, позволяющих использовать их для характеристики хозяйства коми-зырян. Их колоссальная ценность в том, что они зафиксировали состояние коми общества перед коллективизацией и началом массовой экономической миграции в эти районы, которая впоследствии привела к серьезным изменениям в культуре и быту коми. К сожалению, большинство этих материалов хранится в центральных архивах Москвы, но некоторая их часть была опубликована в Сыктывкаре. На характеристике некоторых их них следует остановиться.

---

[1] *Kokkonen P.* Kiellettyjen kirjojen kirjottaja // Kansalliskirjasto. 2006. № 2. S. 30–35.

[2] *И.П.* К вопросу об организации всестороннего изучения Коми области силами Академии наук СССР // Коми му. 1928. № 1. С. 45–47.

[3] *Старцев Г.А.* Отчет о результатах командировки в 1927 г. в Коми область по установлению связей с местными организациями для производства исследовательских работ по этнологии с приложением первого пятилетнего плана НИИР в Коми области на 1928/29–1932/33 гг. // ПФА РАН. Ф. 135, оп. 2, ед. хр. 261.

[4] Краеведческая хроника // Коми му. 1927. № 7. С. 49–50.

[5] Первую практическую попытку промышленной разработки ухтинских месторождений нефти предпринимал М.К. Сидоров.

Например, по результатам работы Печорской лесоэкономической экспедиции Наркомата земледелия в 1926 г. появляется несколько работ одного из крупнейших отечественных охотоведов профессора — Д.К. Соловьева, которые касались охоты у коми-зырян[1]. Наиболее информативная из них — большая статья о звероводстве на Печоре[2]. О существовании этого промысла у коми-ижемцев упоминали многие исследователи, но Д.К. Соловьев впервые детально описал эту отрасль хозяйства. Используя местный опыт, ученый предлагал перевести частный процесс производства на заводской уровень, используя определенный алгоритм действий[3]. Эта тема рассматривается и в статьях В.Я. Генерозова[4]. Кроме того, Д.К. Соловьеву принадлежит специальная статья, в которой он рассматривает экономическую составляющую охотничьего промысла у коми[5]. В своих работах исследователь приводит ряд примеров обычного права в этой отрасли традиционного хозяйства у коми, которые использовались местным населением при решении морально-этических споров.

Из числа работников культуры, оставивших след в истории коми этнографии того времени, следует отметить ***Даниила Тимофеевича Яновича*** — этнографа и музееведа. Он был не ученым теоретиком, а практиком, и его деятельность в большей степени была связана с Областным краеведческим музеем и сбором коллекций по народам коми. Именно благодаря его усилиям фонды краеведческого музея г. Усть-Сысольска в 1920-е гг. пополнились интереснейшими материалами по этнографии коми ижемцев, уникальной коллекцией произведений русского и зарубежного искусства[6].

Даниил Тимофеевич Янович (1879–1940) родился в г. Боровичи Новгородской губ. в дворянской семье. Отец был юристом, после окончания Киевского университета работал судебным следователем, потом — городским судьей. В связи с разъездами отца по городам страны он обучался в разных классических гимназиях: г. Петербурга (Введенская гимназия), Твери и Владимира-на-Клязьме. В последнем городе Д.Т. Янович получил аттестат зрелости, с плохой отметкой по Закону Божьему, что воспрепятствовало его поступлению в Московский университет. Однако после поручительства профессора Н.А. Кулибина его приняли в Петербургский университет. Позднее он написал, что «*университетские годы провел в Петербурге, в Москве и Гельсингфорсе* (*где слушал на дому проф. этнографа Сирелижа (Сирелиуса), а в Этнографическом музее — Гейкеля*)»[7].

В Петербурге будущий этнограф «*с первого же курса делил время между слушанием лекций на физико-математическом факультете, на историческом цикле филологического и занятиями в Этнографическом музее Академии наук, под руководством академиков В.В. Радлова, С.Ф. Ольденбурга и хранителей отделов Д.А. Клеменца и Л.Я. Штернберга*». Это помогло ему получить «*солидный музейный практикум*». За проявленную склонность к собиранию научных материалов по этнографии его пригласили для работы в этнографический отдел Русского музея. Здесь

---

[1] *Милованович Д.* Работа Печорской лесо-экономической экспедиции Управления лесами НКЗ // Коми му. 1927. № 3. С. 40–45.

[2] *Соловьев Д.К.* О звероводстве на Печоре // Коми му. 1927. № 1–2. С. 3–20.

[3] *Соловьев Д.К.* Звероводство на Печоре и Госторг // Коми му. 1927. № 3. С. 14–16.

[4] *Генерозов В.Я.* Увеличение пушных ресурсов Коми области и акклиматизация в ней ондатры // Коми му. 1927. № 3. С. 3–11; *Он же.* Промышленное звероводство заграницею и перспективы крестьянского звероводства в Коми области // Коми му. 1927. № 4–5. С. 11–25; № 6–7. С. 37–41.

[5] *Соловьев Д.К.* Экономика охоты в Печорском крае // Коми му. 1927. № 8. С. 31–38; № 9. С. 12–24; *Он же.* Охотничье население Печорского края и его быт // Коми му. 1927. № 12. С. 31–37.

[6] *Поповцева Э.К.* Русское искусство XVIII — начала XX века. Живопись, графика, скульптура: Каталог. Сыктывкар, 1991; *Она же.* История возникновения в Республике Коми первых художественных коллекций // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 472–473.

[7] Анкета арестованного и Протокол допроса (Копия 3/ВГ) от 13 февраля 1935 г. УГБ УНКВД ЗСК. Цит. по: *Пьянкова Т.А.* Даниил Тимофеевич Янович. Страницы биографии // Музей и краеведение. Тр. Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2004. С. 35.

Д.Т. Янович специализировался на собирании предметов материальной культуры и «*увлекся изучением народного искусства и главным образом орнамента*». Во время учебы в Петербурге он прослушал лекции ***К.Ф. Жакова***, о чем говорит некролог, написанный Д.Т. Яновичем в журнале «Коми му»[1]. Именно тогда он познакомился с далеким северным краем: «*В беседах со мной Каллистрат Фалалеевич часто мечтал о систематическом обследовании всех древних городищ зырянского края, старых могильников и береговых стоянок; он часто совещался со мной по вопросу о собирании этнографической коллекции, объемлющей быт его родного народа, а также о сборе топографических названий в фонетически-правильной передаче народного говора — для точного определения территории, которую в былые, отдаленные времена занимали предки коми*».

Д.Т. Янович учился в Московском университете, точнее — прослушал курс отделения географии, этнографии и антропологии по физико-математическому факультету. «*Д.Т. Янович был студентом первого курса в течение 20-ти лет, так и не продвинувшись дальше. Роковым для него оказался экзамен по курсу общей физики, который он, учась на физико-математическом факультете, так и не смог преодолеть*»[2]. Здесь его приятелем был другой коми ученый — ***В.П. Налимов***.

Д.Т. Янович в университете специализировался у Д.Н. Анучина, который, по всей вероятности, и рекомендовал его для участия в комплексной экспедиции 1909 г. Академии наук на нижнюю Обь и Северный Урал и с которым Д.Т. Янович состоял в переписке по поводу обработки материалов этой экспедиции. Здесь он собирал материалы по этнографии и антропологии ненцев и обских угров («остяков и самоедов»)[3].

В 1913 г. назначен на должность помощника хранителя Художественно-промышленного музея имени Александра II при Строгановском училище, куда был приглашен специально для описания его богатейшего музейного собрания. После революции исследователь по решению музейного отдела Наркомпроса становится заведующим музеем и возглавляет его до 1924 г. В то же время он активно участвует в работе музейного отдела Комиссии по охране памятников искусства и старины г. Москвы.

Позднее Д.Т. Янович был председателем Экспертной комиссии при отделе художественных ценностей Наркомата внешней торговли и консультантом конторы «Новоэкспорт» Госторга, работал в Главнауке Наркомата просвещения, заведовал отделом народного быта и этнографической части Первой сельскохозяйственной и кустарной выставки, полярным подотделом Наркомнаца, был ученым секретарем Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ЦИК. Он участвовал в работе Ассоциации востоковедения, Общества изучения Урала, Сибири и Дальневосточного края, антропологического отделения Тимирязевского научно-исследовательского института.

В 1925 г. Д.Т. Янович как представитель Комитета Севера был направлен в Усть-Сысольск. Одной из его задач стало обследование музейного дела. Ученый отмечал, что музейное дело в Коми области находится в зачаточном состоянии. Однако при умелой деятельности в будущем на базе Краеведческого музея можно развернуть работу научного института[4]. Он ходатайствует в Областном исполкоме об отпуске средств на экспедиции по сбору этнографического материала. Уже в сентябре музей получает 1000 руб., и Д.Т. Янович вместе с ***В.П. Налимовым*** выезжают в тундру[5]. Маршрут экспедиции пролегает до с. Ижмы, затем через д. Петрунь на

[1] Об этом он пишет в некрологе на смерть К.Ф. Жакова: *Янович Д.Т.* Каллистрат Фалалеевич Жаков. 1865–1926 гг. // Коми му. 1926. № 1–2. С. 5–6.

[2] *Налимов В.В.* Мой отец // Парма. 1994. № 1–2. С. 38–39.

[3] *Мурашко О.А., Кренке Н.А.* Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М., 2001. С. 12–13.

[4] *Плаксина Н.* Судьба дарителя неизвестна // Республика. 2003. 14 нояб.

[5] *Зеновская В., Сивкова А.* Дар профессора Яновича // Республика. 1997. 31 мая.

с. Усть-Усу и доходит до с. Колвы. Здесь он выступил с докладом на Первом съезде самоедов. Условия жизни оленеводов, снабжение их продуктами, обеспечение медицинской помощью, административное и снабженческое разделение оленеводов-ижемцев и самоедов — вот основные проблемы, о решении которых он говорил в своем докладе. Эта экспедиция к ижемским коми, из которой он привез около 1000 экспонатов, имеет особое значение для Национального музея Республики Коми. Поступление было настолько значительным, что встал вопрос о расширении помещения музея «*вдвое больше прежнего*»[1]. Д.Т. Яновичем были привезены орудия труда, характеризующие земледелие и скотоводство, охоту и рыболовство, обработку дерева, шкур, средства передвижения и переноски тяжестей, деревянные посуда и утварь, предметы, связанные с приготовлением пищи (в их числе пасечницы с христианской и солярной символикой), одежда, обувь (в том числе деревянные боты с деревянными заплатками!). В его коллекции были предметы, связанные с шитьем, вязанием, прядением ткачеством (как образец сбора типичных вещей необходимо отметить уникальную коллекцию веретен, украшенных характерной для коми ижемцев трехгранно-выемчатой резьбой, насчитывающую 344 экземпляра), предметы личной гигиены, курительные принадлежности, культовые изделия (деревянный идол, киот-столбец) и т.д.

Первый раз Д.Т. Янович был арестован в 1920 г. за связь с военнопленными (освобожден через 32 дня). В 1931 г. осужден по ст. 58–11 УК РСФСР и отправлен в ссылку на три года, находился в ссылке в Иркутске, Красноярске и Новосибирске. Новый арест последовал в 1935 г. в Новосибирске, но был освобожден через четыре месяца.

В 1937 г., он перед очередным арестом в Москве работал в Бюро транскрипции Главного управления Государственной службы картографии и одновременно в Учпедгизе. На этот раз в обвинительном заключении ему инкриминировались систематическая контрреволюционная пропаганда и злостная клевета на руководство ВКП(б), что каралось по статье 58–10 УК РСФСР. Решением Особого совещания Д.Т. Янович за контрреволюционную деятельность осужден и отправлен в исправтрудлагерь сроком на восемь лет начиная с 27.10.1937. Он отбывал наказание в Карагандинском ИТЛ, в отделении Сарепта (ныне — п. Сарепта Карагандинской обл.), где умер от кровоизлияния в мозг в январе 1940 г.

В 1960–1970-е гг., оценивая деятельность этих ученых в области этнографии и археологии народов коми, обычно отмечалось, что в их трудах содержится огромный фактический материал, который не потерял своей актуальности и в наши дни. Но в то же время в угоду идеологических установок того времени их деятельность оценивалась критически. Например, Н.Я. Безносиков писал, что «*в ряде научных работ и статей трактовка и оценка отдельных исторических событий и фактов, экономического положения Коми области, прогнозов ее развития давались с позиции субъективного социологизма и национализма. Часто подчеркивалась "исключительная" самобытность народа коми, пропагандировалась так называемая "теория" существования могущественного биармийского государства. В статьях* ***А.Н. Грена, Мосшега*** *и некоторых других авторов проводилась открытая линия на противостояние народа коми русскому народу, отрицалось прогрессивное влияние передовой русской культуры на развитие коми национальной культуры*»[2]. Сегодня можно утверждать, что деятельность членов Общества изучения Коми края не была националистической. Она имела национально-просветительский характер и была направлена в первую очередь на поиск истоков традиционной культуры народов коми, определение места и роли этих народов в становлении многонационального Русского государства, путей развития собственной культуры этих народов. Деятель-

[1] В Коми областном музее // Коми му. 1926. № 4. С. 4.

[2] *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР… С. 110.

ность ОИКК можно определить как этномобилизирующую. Она была ориентирована в первую очередь на инициирование интереса к собственной культуре и истории у широких народных масс. Одновременно эта деятельность позволила коми самоидентифицироваться, с одной стороны, осознать свое единство, а с другой — выделиться из остальной финно-угорской массы. И если некоторые из ученых выступали с лозунгами, которые определялись как «*шовинистические*», то это было в первую очередь, как нам кажется, проявление эмоций, чувства любви к родному народу, языку и культуре, а не конкретное знание, которое достигалось деятельностью местных краеведов и ученых. Перефразируя высказывание В.И. Ленина, можно сказать, что это была «*детская болезнь левизны*» в коми краеведческом движении.

3.2. Этнография народов коми в 1930-е гг.

В начале 1930-х гг. наблюдается спад в изучении культуры народов коми. Он был обусловлен причинами скорее политическими, чем научными. В середине 1920-х — начале 1930-х гг. в Москве был взят курс на изменение целей и задач краеведческого движения: краеведение должно использоваться для решения конкретных, узких задач социалистического хозяйственного строительства. Краеведение стало рассматриваться не как историко-культурное, общегуманитарное направление, а как природно-экономическое, производственно-утилитарное. Как писал историк И.М. Гревс, один из выдающихся организаторов краеведческого движения в СССР, «*новое краеведение выступает у нас в настоящие дни под знаком общественной пользы, выдвигая практический, утилитарный принцип, оттого оно по преимуществу обращается к изучению современности, а изучая ее усиленно, стремится к постановке задач исследования производства и естественных производительных сил*»[1].

[1] *Гревс И.М.* История и краеведение // Краеведение. 1926. № 4. С. 496.

Представители «нового краеведения» требовали прекращения «*модного в прежние времена гробокопательства*», т.е. отказа от исторических, археологических и этнографических исследований[2]. Кроме того, были выдвинуты некоторые положения, которые должны были лечь в основу нового краеведческого движения: «*Должен быть выдвинут примат естественно-исторических исследований; историко-археологическая и историко-культурная работа при отсутствии марксистского подхода к ней должна быть удалена из работ по краеведению*».

Одновременно началась «чистка» движения от «чуждых элементов» и «вредителей». Началом этому процессу послужило публичное выступление начальника Главнауки М. Лядова, который прямо заявил, что «*сейчас почти вся сеть краеведческих обществ находится в чужих, враждебных руках*»[3]. Краеведы обвинялись в идеализации буржуазно-помещичьего строя, идеалистическом мракобесии, пропаганде религии, контрреволюционной трактовке исторического материала и т.д.[4] Жертвами этой политики стали многие ученые-гуманитарии, краеведы, представители духовенства.

Все эти процессы отразились и в Коми области. В рамках подобной политики в мае 1931 г. руководство ОИКК приняло решение о прекращении деятельности общества. В декабре 1931 г. при Окружном краеведческом музее был учрежден историко-этнографический кружок под председательством ***А.А. Цембера***, но просуществовал он недолго. В 1932 г.

[2] Первое совещание по краеведению Отделения изучения природы СССР Государственного тимирязевского научно-исследовательского института. Вологда, 1925.

[3] *Лядов М.* В первую очередь — внимание краеведческому музею // Комсомольская правда. 1929. 24 апр.

[4] *Дзенс-Литовский А.И.* На новых путях краеведческой работы (проблема производственного краеведения) // На новых путях краеведческой работы. Л., 1926. С. 5–6; *Рубинштейн Н.* Борьба с классовым врагом в краеведческой литературе и задачи историков-марксистов // Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново, 1931. С. 7.

Г.А. Старцев предпринял попытку организовать новый краеведческий центр под названием «Бюро краеведения и изучения производительных сил Коми области». При нем существовало 6 секций, в том числе отдел культуры и быта, который подготовил программу по изучению истории Коми края[1]. Но бюро не смогло широко развернуть свою деятельность. Этому в первую очередь помешали начавшиеся в 1932 г. аресты, в результате которых большинство активных членов бывшего ОИКК были репрессированы. После этого краеведческое движение, как и научные исследования в области этнографии, в Коми крае фактически прекратились. Примерно то же самое проходило на Урале, в Перми и Свердловске.

Созданные в 1931 г. Коми научно-исследовательский институт и Коми государственный педагогический институт не сумели организовать новые систематические исследования по изучению народа коми, в первую очередь потому, что не имели подготовленных кадров.

Значительный вклад в изучение традиционной культуры народов коми в 1930-е гг. внес ***Георгий Афанасьевич Старцев*** (1902–1943) — лингвист, этнограф, историк, фольклорист, музейный работник. Это одна из противоречивых фигур, входившая в состав нарождавшейся интеллигенции коми народа в 1920–1930 гг. Выходец из коми народа, получивший блестящее по тем временам образование, активно занимавшийся наукой, он все же не смог найти свое место в жизни. Как истинный марксист, член партии, Г.А. Старцев пытался внедрить в жизнь марксистскую методологию и закончил свою активную творческую жизнь как «*враг народа*». Личность Г.А. Старцева уже привлекала внимание исследователей[2].

Он родился 21.02.1902 г. в с. Онежье Яренского уезда Вологодской губ. (в настоящее время — с. Онежье Княжпогостского р-на Республики Коми) в крестьянской семье. По национальности — коми (зырянин). Окончил церковно-приходскую школу, двухклассное училище в с. Гам. Здесь находилось единственная в Коми крае учебное заведение повышенного типа, где учились многие представители коми интеллигенции. Так, это училище закончили ***П.А. Сорокин***, ***П.Г. Доронин***. Осенью 1918 г. был принят учащимся в только что созданную учительскую семинарию в с. Усть-Выми. Но началась Гражданская война, и в мае 1919 г. он стал добровольцем Красной Армии. Принимал участие в боях с белыми сначала на Северном фронте в качестве красноармейца Вашско-Мезенского полка 6-ой армии, на Северной Двине, а затем — под Петроградом против Юденича. В 1920 г. Г.А. Старцев вернулся на родину и вновь начал учиться, на этот раз на трехгодичных учительских курсах в г. Яренске. Но снова прервал образование.

Как активный участник дискуссий по вопросам организации Коми (зырянской) автономии на Первом Северо-Двинском губернском съезде по просвещению зырян, состоявшемся в Усть-Сысольске 12–13 сентября 1920 г., был избран в Комиссариат по делам национальностей от Автономной области Коми (зырян). В течение 1921 г. работал в должности секретаря Зырянского отдела (секции) этого наркомата в Москве[3]. В январе 1921 г. он возвращается в Усть-Сысольск, становится студентом Института народного образования и направляется на учебу в Петро-

---

[1] *Старцев Г.А.* Коми область // СЭ. 1932. № 2. С. 147–148.

[2] *Рогачев М.Б.* Забытое имя // Они любили край родной... С. 243–254.; *Полещиков В.М.* За семью печатями. Сыктывкар, 1995; *Он же.* Зову к покаянию. Сыктывкар, 1996; *Терюков А.И.* Г.А. Старцев в Ленинграде // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 2. С. 136–142; *Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б.* Становление профессиональной этнографии в Коми // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 49–63.

[3] О деятельности Зырянского отдела см.: *Белянцева Е.И.* Из истории Коми отдела при Народном комиссариате по делам национальностей (1918–1923) // Учен. зап. Горьков. ун-та. Сер. историко-филологическая. 1964. Вып. 65; *Жеребцов И.Л.* «Дело» Зырянского представительства // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. 4. С. 166–183.

град[1]. В том же 1921 г., до отъезда в Петроград, он составляет программу по изучению родного края, которая должна была издана Уездным комитетом РКСМ, но сведений об этом издании нет. По-видимому, это была частная инициатива Г.А. Старцева, которая свидетельствует о нем как о грамотном краеведе. Во вступлении исследователь говорит, что при составлении им были использованы программы профессора ***П.А. Сорокина*** и московского отдела Русского музея[2]. Одновременно Г.А. Старцев составляет для учителей методичку по краеведческой работе на коми языке. Это был первый опыт подобного краеведческого документа. Он озаглавлен «Тӧмалӧj горт гӧгӧр» («Познайте вокруг дома»)»[3]. С сентября 1921 г. по октябрь 1924 г. он студент педагогического отделения факультета общественных наук Петроградского (Ленинградского) государственного университета.

Несмотря на то что его официальным научным руководителем в период учебы был известный ученый, социолог, историк, юрист профессор Н.А. Гродескул, сам Г.А. Старцев своими учителями считал этнографов, профессоров Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза-Тана. Лев Яковлевич Штернберг и Владимир Германович Богораз-Тан принадлежали к террористическому направлению народничества в России. За свою революционную деятельность они были сосланы: первый — на Сахалин, второй — на Колыму, где занялись этнографией. К октябрю 1917 г. они уже были учеными с мировым именем (например на работы Л.Я. Штернберга по гилякам (нивхам) ссылался Ф. Энгельс) и стали основоположниками советской школы этнографии[4]. Г.А. Старцев работал с В.Г. Богоразом-Таном в Институте народов Севера. Сохранились воспоминания ученого о Л.Я. Штернберге, написанные в 1928 г., после смерти учителя: «*С проф. Л.Я. Штернбергом я познакомился в 1921 г. на одной из лекций по курсу этнографии. У меня тогда уже было твердое марксистское мировоззрение, сложившееся в результате чтения. <…> Плеханова, Вандервельде, Энгельса, Каутского. <…> Мне нужны были факты и усиление теоретической базы. К тому же у меня через краеведческие кружки под руководством* ***А.С. Сидорова*** *был или, вернее, сложился определенный интерес к этнографии. Лекции Л.Я. Штернберга как раз и дали мне толчок к окончательному выбору моей специальности. <…> Л.Я. Штернберга я уважаю прежде всего за его человеческое отношение к т.н. “инородцам”. Лев Яковлевич впервые мне, зырянину — инородцу, дал понять, что скрывается за этим словом. Он еще больше научил меня уважать, любить и изучать как самих туземцев, так и их культуру. <…> От Льва Яковлевича я получил широкое общее теоретическое развитие, научился ценить этнографию как наук*у»[5].

Обучаясь в университете, Г.А. Старцев прослушал большое количество общественно-политических и специальных исторических учебных курсов. Одновременно он занимался на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ и состоял вольнослушателем Археологического института (как видно из его личного дела, прослушал два курса). Ему посчастливилось слушать лекции выдающихся ученых: археолога, проф. А.А. Спицына; историков, проф. А.Е. Преснякова и проф. Е.В. Тарле; философов-марксистов М. Серебрякова, А. Фингерта и др.

В эти годы В.Г. Борогаз с целью привлечения студентов к научной работе организует

---

[1] *Жеребцов И.Л.* Дмитрий Батиев, известный и неизвестный // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 158–182.

[2] *Старцев Г.А.* Программа по изучению родного края // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–961, оп. 1, № 8, с. 39–48.

[3] *Старцев Г.А.* Тӧмалӧj горт гӧгӧр. [Познайте вокруг дома. На коми языке] // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–961, оп. 1, № 1, с. 13–20.

[4] *Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975; *Она же.* Ленинградская этнографическая школа в 20-е годы (у истоков советской этнографии) // СЭ. 1971. № 2; *Кулешова Н.Д.* В.Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск, 1975.

[5] *Старцев Г.* Воспоминания о Л.Я. Штернберге. Рукопись. 6.07.1928 // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 282, оп. 1, № 110, л. 70–71.

издание сборников студенческих работ, написанных на основе учебных экскурсий (экспедиций). В первом из них, носившем название «Революция в деревне», Г.А. Старцев публикует статью «Революция и зыряне». С этой статьи началась его научная деятельность[1].

Его педагогическая деятельность началась в 1924 г. преподавателем обществоведения в Фабрично-заводском училище при заводе им. Козицкого и одновременно заведующим кабинетом по ленинизму Коммунистического университета национальных меньшинств Запада.

Начиная с апреля 1925 г. Г.А. Старцев — младший ассистент восточной подсекции Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при ЛГУ (ИЛЯЗВ). Этому способствовали его учителя, предоставившие положительные отзывы о его работе. Например, Л.Я. Штернберг в своей рекомендации писал: «*Я вполне уверен, что при надлежащей поддержке со стороны университета из него выработается ценный научный работник-преподаватель*»[2]. Здесь он вел семинар по сравнительной этнографии финно-угорских народов. Круг его научных интересов — от «*изучения общественных форм субарктических народов Северо-Востока России и Сибири (самоедов, зырян, вогулов, остяков и пермяков)*» постепенно трансформировался «*в изучение языков и традиционной культуры коми-зырян, коми-пермяков, самоедов (ненцев), остяков (хантов), вогулов (манси)*»[3].

В марте 1926 г. Г.А. Старцев был зачислен в аспирантуру по факультету языка и материальной культуры ЛГУ, а в январе 1927 г. переведен в аспирантуру ИЛЯЗВ ЛГУ, которую окончил в 1929 г. Во время учебы в аспирантуре он посещал яфетический семинар академика Н.Я. Марра, занятия по финно-угорским языкам у известных лингвистов — проф. Д.В. Бубриха и Н.Н. Поппе. В качестве обязательного курса слушал лекции по общей теории диалектического материализма проф. М.Б. Серебрякова. В 1927 г. он в течение трех месяцев стажировался в Хельсинки (на кафедре финно-угроведения Хельсинкского университета) и Германии (в Венгерском институте при Берлинском университете), слушал лекции и общался с крупнейшими финно-угроведами Финляндии и Германии[4]. Исследователь совершенствует свои знания в немецком языке.

Сохранились две открытки, направленные им на имя В.Г. Богораза-Тана из Хельсинки и Берлина, в которых Г.А. Старцев делится со своим учителем впечатлениями о увиденном, например: «*Вчера устроили* (вместе с Д.В. Бубрихом, который также находился в это время в Берлине. — *А.Т.*) *прогулку по городу по подземной железной дороге. Я купил себе шляпу*»[5]. Впечатления от поездки в Хельсинки отражены в отчете о посещении Национального музея этого города с подробным описанием его экспозиций. Кроме теоретических изысканий, Г.А. Старцев неоднократно выезжал для полевых исследований в места проживания изучаемых народов: в Коми автономную область, Коми-Пермяцкий округ Уральской области, Березовский уезд Тобольской губернии, Большеземельскую тундру Архангельской губ.

После окончания обучения в аспирантуре в 1929 г. он представил в дирекцию ИЛЯЗВ ЛГУ документы, необходимые для получения квалификации, что в то время заменяло защиту диссертации. Для подтверждения уровня научной работы Г.А. Старцев представил три книги, написанные им за годы учебы: «Остяки», «Самоеды (ненча)» и «Финно-угорские народы», но остановился на «Самоедах». В деле сохранились заявление Г.А. Старцева, его от-

---

[1] *Старцев Г.* Революция и зыряне. (Культура и быт) // Революция в деревне. Л., 1924; *Он же*. Комсомол Коми Области // Комсомол в деревне. Л., 1925.

[2] Старцев Георгий Афанасьевич. Личное дело // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 302, оп. 2, ед. хр. 247, л. 5.

[3] Там же. Л. 4.

[4] О Венгерском институте см.: *Ольденбург С.Ф.* Венгерский институт при Берлинском университете // Научный работник. 1926. № 7–8. С. 100–105.

[5] Г.А. Старцев — В.Г. Богоразу-Тану из Берлина. Не датировано. Берлинский штемпель от 26. 09.27 // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 250, оп. 4, № 314.

чет, список трудов и отзыв проф. Н.Н. Поппе. В своем заявлении он пишет: «*Я вполне осознаю, что эти работы недостаточно вскрывают мою методологическую позицию, и объясняю это тем, что в подобных работах нет прямой возможности эту сторону выявить. О методологии можно говорить в работе, разрабатываемой тематически. К тематическим работам я имею возможность приступить только в последнее время. Круг вопросов для исследования на будущее время у меня определяется именно народами пермско-угорской группы и самоедов. Прилагаемые работы написаны в разное время и показывают скорее мой общий научный рост, нежели чисто теоретические достижения. В этих работах я скорее ставлю проблемы, нежели приближаюсь к их разрешению, хотя по некоторым вопросам я уже высказал вполне определенные выводы: культурное взаимодействие зырян и самоедов — явление позднее. Родовой строй самоедов не связан с тотемизмом. Классический тотемизм как особая стадия примитивной религии у самоедов и зырян отсутствует. Эти народы стоят на стадии анимистического и магического мышления. Классификация родства и свойства скрывает беспорядочную и кузенную форму первичного брачного института* (со многими из этих выводов можно согласиться и в настоящее время. — *А.Т.*)»[1]. Несмотря на то. что работы ученого были положительно оценены научным руководителем, решения о присвоении научной квалификации в деле нет. Почему решение не было принято — неизвестно. Вообще 1925–1930 гг. были самыми удачными в научном творчестве Г.А. Старцева. Он много пишет и публикуется, обращается к решению многих вопросов коми этнографии и становится лидером в этой области[2].

Будучи аспирантом, Г.А. Старцев начал преподавательскую деятельность, сначала на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ (семинарий по этнографии финно-угров, курс по этнографии пермских финно-угров), а с 1925 г. — на северном факультете Ленинградского восточного института (остяцкий и вогульский языки). В 1928 г. — преподаватель в Пединституте имени А.И. Герцена, сначала по совместительству, а с 1929 г. — в качестве штатного доцента и заведующего кафедрой. Здесь на коми секции он читал курсы «История коми народа», «История коми литературы» и т.д. Г.А. Старцев оставался на этой должности до своего отъезда в Сыктывкар. Одновременно с сентября 1930 по декабрь 1932 гг. он состоял доцентом, заведующим кафедрой урало-поволжских народов Ленинградского историко-филологического института.

Как член ВКП(б) Г.А. Старцев, как было принято в то время, занимался общественно-политической работой. В различное время он работал: 1) членом Центрального бюро краеведения от Ленинграда; 2) членом бюро Союза научных работников Ленинграда; 3) секретарем предметных комиссий по этнографии и национальных языков Пединститута им. Герцена и Института народов Севера; 4) руководителем партшкол I и II ступени по ленинизму и текущей политике на ряде заводов Ленинграда (им. Коминтерна, им. Козицкого, им. Радищева, трамвайного парка Леонова и т.д.). С октября 1923 по апрель 1924 гг. был мобилизован для выполнения партийной работы в армию и служил библиотекарем клуба 16 кавалерийской дивизии им. Киквидзе в Ленинграде.

В 1931 г. по просьбе Коми облисполкома в г. Сыктывкаре открывается Коми государственный пединститут и одновременно закрываются коми отделения в институтах Ленинграда и Вологды. Например, коми секция национального отделения Пединститута А.И. Герцена была расформирована согласно приказу Наркомпроса СССР от 21 декабря 1931 г. Студентов и преподавателей переводят в Сыктывкар. Это коснулось и Г. А. Старцева. 16 января 1932 гг. он был назначен заведующим

---

[1] *Старцев Г.А.* Дело о присвоении квалификации // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 302, оп. 4, № 32, л. 3.

[2] *Старцев Г.А.* О зауральских зырянах // Коми му. 1926. № 1–2; *Он же.* О влиянии самоедов на ижемских зырян // Коми му. 1926. № 11; *Он же.* Год оленевода-кочевника // Коми му. 1927. № 4–5; *Он же.* О древнем денежном счете коми-зырян // Этнограф-исследователь. 1927. № 1.

учебной частью и кафедрой истории института. Свой переезд в Сыктывкар Г.А. Старцев воспринял очень болезненно, считал это «*ссылкой*» и «*несправедливостью по отношению к себе как ученому*», так как не рассматривал преподавательскую деятельность как основную, в отличие от исследовательской. Г.А. Старцев работал в Сыктывкаре без инициативы, пропускал занятия, на этой почве у него возникли проблемы с руководством института. При первой же возможности уезжал в Ленинград, где у него осталась семья. Он старался отложить свой переезд в Сыктывкар, объясняя это тем, что его лекции начнутся лишь осенью 1933 г., но зарплату требовал. Например, в его личном деле, хранящемся в Сыктывкаре, сохранилась записка, отправленная из Ленинграда 30 октября 1932 г., в которой Г.А. Старцев просит прислать его жалование за ноябрь, ибо «*голодаем, продал брюки, жена продала также свой воротник. Осталось продать библиотеку*». Но все же он работал. Так, сохранилась программа по курсу коми фольклора, подготовленная им в Сыктывкаре и составленная достаточно профессионально, которая говорит о том, что Г.А. Старцев хорошо разбирался как в истории изучения коми фольклора, так и в основных его разделах[1]. Он неоднократно писал ходатайства в Наркомат просвещения, добиваясь перевода в Ленинград. Эти обращения, по-видимому, были настолько многочисленными, что Управление педагогических учреждений Наркомпроса РСФСР было вынуждено разослать следующий циркуляр. Он сохранился среди делопроизводственных документов Музея антропологии и этнографии АН СССР за 1935 г.:

«*Наркомпрос РСФСР. 17 сентября 1935 г.*

г. Ленинград, 47. Крестовский остров. Морской пр., 7. кв. 3 Г.А. Старцеву.

г. Ленинград, Музей антропологии и этнографии.

Копия: Сыктывкар, Коми пединститут.

Сообщаю, что НКП настоятельно возражает против Вашего перехода на работу в Ленинград.

Если Коми пединститут Вас использовать не может, то он пошлет Вас в другой институт.

Если Вы самовольно оставите институт, то нами будут приняты все меры к привлечению Вас к ответственности согласно соответствующим законоположениям.

Зав группой кадров». (подпись неразборчива)[2]

Несколько позднее руководству Пединститута Г.А. Старцев написал: «*Заранее чувствую, что для научно-исследовательской работы институт не создал и не стремится создавать условий. Это для меня и для других молодых научных работников — явная преждевременная смерть*»[3].

1935 г. он был уволен из Пединститута «*за невозможностью нагрузить его по специальности*», несмотря на то что Г.А. Старцев подготовил несколько курсов по этнографии и фольклору коми, используя старые ленинградские разработки. В эти же годы он завершил большую работу «Зыряне» — первый в советское время монографический очерк, который в силу разных причин остался неопубликованным. Рукопись содержит сведения о численности, языке, письменности, истории народа коми, в ней освещены хозяйственные занятия, материальная культура, семейно-брачные отношения, свадебные и похоронные обряды, верования. По мнению М.Б. Рогачева, на основе этой рукописи он ранее, в 1929 г., в Сыктывкаре издал книгу «Важӧн и ӧні», что в переводе с коми языка означает «Прежде и теперь, сегодня»[4]. Более 60 лет его книга оставалась единственным эт-

---

[1] *Старцев Г.А.* Коми фольклор (Программа) // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–961, оп. 1, № 8, л. 5. В этом же деле сохранился и конспект лекций курса, датированный автором 1933 г. и фактически являющийся рукописью его брошюры, изданной в Сыктывкаре.

[2] Музей антропологии и этнографии. Переписка с научными учреждениями и отдельными учеными СССР в 1935 г. // С.-Петерб. филиал архив РАН. Ф. 142, оп. 1 (1935), № 34, л. 44.

[3] *Рогачев М.Б.* Забытое имя... С. 250.

[4] *Старцев Г.А.* Важӧ и ӧні. Очерк по истории и этнографии Коми народа [Раньше и теперь. На коми языке]. Усть-Сысольск, 1929.

нографическим описанием народа коми, опубликованным на языке этого народа. Это был период творческого кризиса ученого, фактически в сыктывкарский период своей жизни Г.А. Старцев не опубликовал ни одной крупной научной работы. Сохранилось его письмо, в котором он пишет, что рассыпали набор его книг и уничтожили рукопись (о чем идет речь — непонятно). Далее идут страшные слова: «*Хочу уйти из этого мира в мир богов. Быть радостным мне трудно*»[1].

Некоторое время его основная деятельность в Сыктывкаре была связана с Областным краеведческим музеем, директором которого по совместительству он был назначен. В августе 1936 г. приказом Областного отдела народного образования он был освобожден от обязанностей директора музея. Этому предшествовало его исключение «*из рядов партии как двурушника, троцкиста и буржуазного националиста*»[2]. Причиной исключения из партии стали ошибки «*в печатании работ в 1920–1930 гг. <…>в экспозиции художественного и историко-революционного отделов музея, нежелание изъять из библиотеки контрреволюционную литературу*». Последняя фраза касалась книг и статьей ***Г.С. Лыткина***, ***К.Ф. Жакова***, ***П.А. Сорокина*** и бывших советских лидеров — Троцкого, Бухарина, Каменева и т.д.

Г.А. Старцев — автор более 40 работ по истории, этнографии и лингвистике ненцев, хантов, манси и коми[3]. Он начал печататься в 1923 г., когда опубликовал методическое пособие для работы школы I ступени на коми языке. В 1927 г. к 10-летию Октябрьской революции совместно с Н.Н. Поппе Г.А. Старцев публикует книгу «Финно-угорские народы», ставшие основным пособием по традиционной культуре этих народов до конца 1950-х гг.[4] Из других крупных его работ следует отметить книги «Остяки» и «Самоеды»[5]. Как ученый Г.А. Старцев не был аналитиком. Все его работы в большей степени носили, с одной стороны, описательный характер добросовестных сводок доступных ему литературных данных, а с другой стороны, в них достаточно много личных полевых материалов. Например, Б. Соколов, крупнейший советский фольклорист 1920–1930-х гг. высоко оценил статью Г.А. Старцева «Свадебные причитания зырян»: «*Пример исключительно научной ценности. Весь быт, психика, эстетика зырянского народа нашли яркое выражение в этих причитаниях. Благодаря стремящемуся к точному переводу перед нами оживают глубоко своеобразные приемы зырянской поэтики*»[6]. Как отмечал его научный руководитель проф. Н.Н. Поппе, в них «*не видно личных мнений автора*», что Н.Н. Поппе объяснял «*прежде всего излишней скромностью автора там, где он мог бы быть категоричным и предлагать свои гипотезы*».

Последняя серьезная публикация ученого — брошюра «Коми фольклор (его изучение и значение, жанры, детский фольклор, как и что изучать)»[7]. В ней Г.А. Старцев дает классификацию коми фольклора, а также представляет программу по сбору материала. С точки зрения современной науки несколько наивными представляются его попытки объяснять некоторые проблемы через призму яфетической теории и других «модных» в то время гипотез. Тем не менее вклад Г.А. Стар-

---

[1] Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–961, оп. 1, № 1, с. 11.

[2] Протоколы заседания Бюро ОК ВКП(б). Протокол № 163–164 от 20–21 августа 1936 г. // Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований. Ф. 1, оп. 1, д. № 291.)

[3] Список опубликованных работ Г.А. Старцева см.: *Терюков А.И.* Г.А. Старцев в Ленинграде // АртЛад. Сыктывкар. № 2. С. 136–142.

[4] *Поппе Н.Н., Старцев Г.А.* Финно-угорские народы. Очерки. Л., 1927.

[5] *Старцев Г.А.* Остяки. Социально-этнографический очерк. Л., 1928; *Он же.* Самоеды «Ненча». Л., 1930. См. также рецензию на последнюю книгу: Зап. ОИКК. 1930. Вып. 5. С. 117–120.

[6] *Старцев Г.А.* Свадебные причитания Зырян // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.

[7] *Старцев Г.А.* Коми фольклор (его изучение и значение, жанры, детский фольклор, как и что изучать)…

цева в науку достаточно значителен, так как ему удалось зафиксировать значительный этнографический материал, большая часть которого позднее была утрачена во время его ареста, но некоторые данные сохранилось в архивах Сыктывкара и Санкт-Петербурга.

В сентябре 1936 г. Г.А. Старцев вернулся в Ленинград. В ноябре–декабре 1936 г. он работал по договору в Публичной библиотеке, затем — учителем в некоторых школах Ленинграда. В его последней анкете упоминаются 4 средняя школа и школа взрослых Куйбышевского района, кроме того, он преподавал в 30 школе Приморского района, откуда был уволен 3.02.1937 «*за антипедагогический поступок, выразившийся в применении физической силы для удаления с урока недисциплинированного ученика 4 класса А. Степанова 15 лет*»[1]. С 27 марта по 29 июня 1937 г. он — библиотекарь I разряда в отделе национальных литератур Государственной Публичной библиотеки. В круг его обязанностей входила обработка литературы на восточно-финских языках и языках народов Севера, их систематизация, справочно-консультационная работа. На этой работе Г.А. Старцев проявил себя «*как специалист, знающий свое дело и дисциплинированный производственник, работающий с инициативой*»[2].

Г.А. Старцев состоял в рядах ВКП(б) с 1921 г. и был исключен из партии 20 августа 1936 г. Первый раз членом партии он стал еще в 1919 г., но, как он писал в своих анкетах, выбыл из-за разгрома Вашко-мезенского полка на Северной Двине и болезни тифом. Затем вновь вступил в партию в 1921 г. Его исключение из этой организации было связано с тем, что в 1930-е годы в общественных науках начали проявляться неблагоприятные тенденции: борьба с «национал-шовинизмом»; научная дискуссия все чаще подменялась навешиванием политических ярлыков. Коми край не был исключением. Под огонь подобной критики в Сыктывкаре попал и Г.А. Старцев. Он вынужден был выступать в местной прессе с критикой собственных ошибок, давал в ней периодизацию «*коми буржуазно-националистического движения*», критиковал многих друзей и коллег[3]. Начало его борьбы с «*ревизионистами*» относится к концу 1920-х гг., когда в письме на имя уполномоченного Наркомпроса по Ленинграду Б.П. Позерна в 1928 г. он дал резко отрицательную оценку деятельности Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народов с идеологической точки зрения и представил ее как антисоветскую[4].

На мой взгляд, Г.А. Старцев первым произнес обвинения в «*буржуазном национализме и субъективном идеализме*» в адрес ***Г С. Лыткина***, ***К.Ф. Жакова***, А.А. Чеусова и М.Н. Лебедева в отчете о своей поездке в Коми область в 1927 г.[5] После исключения из партии он подал ряд апелляций, сначала — в Северный крайком, а затем — в Комитет партийного контроля ЦК ВКП(б), но безрезультатно.

18 августа 1937 г. в Ленинграде Г.А. Старцев был арестован по делу о «*контрреволюционной организации блока правых, троцкистов и буржуазных националистов*» во главе с первым секретарем Коми обкома ВКП(б) А.А. Семичевым. Ему было предъявлено ставшее уже традиционным обвинение в контрреволюционной деятельности и в том, что он писал и печатал «*буржуазно-националистические статьи, будучи директором Коми областного музея, укрывал к/р литературу, исторический отдел музея целиком посвятил*

---

[1] Архивная справка Объединенного архива Комитета по образованию Мэрии Санкт-Петербурга, № 56/С от 17. 06. 97. (Хранится у автора.)

[2] Дело № 419. Г.А.Старцев. Отдел кадров РНБ (Хранится в архиве Российской национальной библиотеки.)

[3] См., например, его статью «Критиковать собственные ошибки», опубликованную в газете «За новый Север». 1935. 20 июня.

[4] Письмо Г.А. Старцева «Из жизни и работы Финно-угорского общества» // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2556, оп. 3, д. 54, л. 25–25 об.

[5] *Старцев Г.А.* Отчет о результатах командировки в область Коми по установлению связи с местными организациями для производства исследовательских работ по этнологии // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 2, № 261.

популяризации врагов народа — буржуазных националистов ***Г.С. Лыткина***, ***К.Ф. Жакова***, ***П.А. Сорокина*** *и т.д. С 1929 г. агент германской и финской разведок*»[1]. 24 августа 1939 г. был осужден и приговорен к 10 годам заключения. Но себя виновным не признал, от показаний отказался и обратился в Верховный суд с апелляцией. Его дело вновь было рассмотрено 10.09.1940 г. Особым совещанием НКВД СССР, который определил ему 5 лет ссылки. Ссылку Г.А. Старцев отбывал в Тасеевском р-не Красноярского края. Здесь он 24 октября 1942 г. был мобилизован в Красную армию[2]. В это время истек срок его ссылки. Ученый погиб в 1943 г. в боях под Сталинградом. Г.А. Старцев был реабилитирован постановлением Верховного суда Коми АССР № 4/360–к от 1 июня 1956 г., восстановлен в партии в 1989 г.

Завершить очерк о Г.А. Старцеве, о его сложном и в какой-то мере трагическом жизненном пути мне хотелось бы его словами, написанными в 1929 г.: «*В моей жизни слишком много "объективных случайностей" — туземная среда, примитивный уклад жизни, плохая постановка обучения в провинциальных средних учебных заведениях, исключительно бурная революционная эпоха в моем юношеском возрасте, ломка старой культуры и период создания калейдоскопично пестрых и новых форм социальной жизни общества и т.д. все это ломало меня физически и духовно и в то же время накладывало свой отпечаток и своеобразно, вместе с тем, меня оформляло. Но я был с жизнью, новой жизнью, сознательно или бессознательно нашел свое место в общественном разделении труда на данном этапе развития общества и сделал все, что мог. Таким я выхожу в свет, в "люди"*»[3]. Мне кажется, это высказывание прекрасно характеризует Г.А. Старцева.

Наличие значительного полевого и литературного материала по традиционной культуре народов коми требовало нового осмысления, но в то время не нашлось этнографа, который обобщил бы его на теоретическом и методическом уровнях того времени. Подобную попытку предпринял Г.А. Старцев, но его рукопись «Зыряне» осталась незавершенной из-за ареста[4].

В общих чертах характеристику традиционной культуры народов коми в 1930-е гг. предприняли историки ***Н.И. Ульянов*** и ***В.М. Подоров***. Творчество этих двух крупнейших исследователей истории и культуры народов коми вызывает неоднозначную оценку современных исследователей[5].

В 1932 г. в Ленинграде вышли «Очерки истории народа Коми» ***Николая Ивановича Ульянова***[6]. Н.И. Ульянов (1904–1985) родился в Петербурге в рабочей семье. Его родители были из крестьян дер. Ганежи Осминской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. По другим данным, он родился в дер. Ганежи и был привезен в Петербург ребенком[7]. Отец Н.И. Ульянова с 12 лет жил в Петербурге и крестьянского хозяйства не вел. В городе он работал слесарем-водопроводчиком и умер в 1918 г. после тяжелой болезни. Мать была прислугой у частных лиц, а после революции — уборщицей в школах и рабочих клубах. Семья жила трудно, и уже

---

[1] Цит. по копии «Обвинительного заключения по делу № 4037 по обвинению Г.А. Старцева по ст. 58, п. 1; ст. 58, п. 10, ч. 1; ст. 58, п. 11 УК РСФСР», которая хранится в Национальном музее Республики Коми (КП–4530, л. 137–140).

[2] *Полещиков В.* Олӧмыс кусі фронт вылын (Жизнь угасла на фронте. На коми языке) // Войвыв кодзув. 1995. № 6. С. 57–65; Справка Главного информационного центра МВД РФ № 34/3/3–1256 от 04.07.97. (Хранится у автора.)

[3] *Старцев Г.А.* Дело о присвоении квалификации // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 302, оп. 4, № 32, с. 8–9.

[4] *Старцев Г.А*. Зыряне // Национальный архив РК. Ф. 710, оп. 1, ед. хр. 4.

[5] *Жеребцов И.Л*. Клинком марксистко-ленинского анализа // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 442.

[6] *Ульянов Н.И*. Очерки истории народа Коми. М.; Л., 1932. На титульном листе название книги обозначено несколько иначе, чем на обложке, — «Очерки истории народа коми-зырян».

[7] *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов — петербургский историк в политической эмиграции // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2004. С. 104.

в 1917–1918 гг., после болезни отца, т.е. в 13–14 лет, Н.И. Ульянов был вынужден подрабатывать, в частности подручным водопроводчика. Позднее, уже в университете, он вел частные уроки, а также руководил драмкружками в рабочих клубах[1].

После окончания в 1916 г. начальной городской школы Н.И. Ульянов продолжил учебу в Высшем начальном городском четырехклассном училище, которое после революции было преобразовано в Единую трудовую школу II ступени.

С 1922 по 1927 г. он учился на факультете общественных наук Петроградского–Ленинградского университета[2]. Его дипломная работа «Влияние иностранного капитала на колонизацию Русского Севера в XVI–XVII вв.» заинтересовала академика С.Ф. Платонова, который дал ей лестный отзыв в своем докладе, сделанном на Неделе русских историков в Берлине в 1927 г.[3] Это первое упоминание о нем как историке-исследователе. По завершении учебы в университете был рекомендован для подготовки к дальнейшей научной работе. Далее была учеба в аспирантуре Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) в Москве. В 1929 г., после ликвидации РАНИИОН, Н.И. Ульянов перевелся в Институт истории Коммунистической академии и завершил обучение в аспирантуре в 1930 г. по специальности «История народов СССР». Среди его учителей были С.В. Бахрушин и А.Е. Пресняков, что позволяет сделать вывод о том, что Н.И. Ульянов получил блестящее образование. В 1928 г. он в течение восьми месяцев по совместительству работал временным сотрудником библиотеки Института В.И. Ленина и участвовал в описании фонда нелегальной печати РСДРП. Во время обучения в аспирантуре им были подготовлены 3 крупные работы: «Торговая книга конца XVI в.», «Общественно-политические взгляды Б.Н. Чичерина», «Колонизация и экономика Мурмана в XVII веке», последняя позднее была опубликована[4].

В это время определяются его научные интересы — история Русского Севера — и появляются первые публикации[5]. По-видимому, это способствовало тому, что по решению Культпропа ЦК ВКП(б) он после завершения аспирантуры был направлен профессором Северного краевого Комвуза им. В.М. Молотова в Архангельск. Здесь он активно работал, опубликовал две книги, посвященные Коми краю, а также отредактировал книгу по холмогорской резьбе по кости[6].

В Губархиве Архангельска он находит т.н. «Дело о панфинской пропаганде в Карелии» (под панфинской пропагандой в 1900-е гг. понимали деятельность лютеранских пасторов по распространению среди православных карел лютеранства и финского языка), на основе которого им была подготовлена специальная работа, позднее в Ленинграде рекомен-

---

[1] Личное дело № 43. Ульянов Николай Иванович. Автобиография // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 4734, л. 10–13.

[2] *Муравьев П.А.* Жизнь — это творчество // Отклики: сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью-Хэвен, 1986; *Багдасарян В.Э.* Историография Русского зарубежья: Н.И. Ульянов. М., 1997*; Брачев В.С., Лавров А.С.* Н.И. Ульянов — историк России // Вестн. СПбГУ. 1993. Сер. 6. Вып. 4 (27). С. 127–132; *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов // Вече. СПб., 1999. Вып. 12. С. 170–182; *Терюков А.И.* Н.И. Ульянов и его «Очерки истории народа Коми» // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 173–184; *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов — петербургский историк в политической эмиграции… С. 104–111.

[3] *Платонов С.Ф.* Проблема русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 113.

[4] *Ульянов Н.И.* Колонизация и экономика Мурмана в XVII веке // Исторический сборник. 1934. Т. 1. С. 89–139.

[5] Например: *Ульянов Н.И.* Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище // Сб. материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 20–161. (Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 28.)

[6] Кроме «Очерков…», следует назвать следующие работы — «Октябрьская революция и Гражданская война в Коми крае». Архангельск, 1932; *Зубахин Б.М.* Холмогорская резьба по кости. История и техника производства / под ред. Н. Ульянова. Архангельск, 1931.

дованная к печати в 1935 г., но не опубликованная из-за ареста[1]. За книгу «Очерки истории народа Коми» Н.И. Ульянову была присуждена ученая степень кандидата исторических наук (решение Президиума АН СССР от 15.06.1935).

В 1933 г. Н.И. Ульянов по состоянию здоровья вернулся в Ленинград. Здесь он 1 мая 1933 г. становится доцентом, а затем — профессором, и.о. заведующего кафедрой истории народов СССР «*с обязательной защитой докторской диссертации в течение 2-х лет*» Ленинградского историко-лингвистического института / Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Со 2 февраля 1934 г. он — ученый-специалист Историко-археографической комиссии, позднее преобразованной в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, в которой он проработал до своего ареста. Одновременно Н.И. Ульянов преподавал в Военно-политической академии им. Толмачева (до 1935 г.), откуда уволился по собственному желанию. После воссоздания исторического факультета ЛГУ Н.И. Ульянов был приглашен в качестве профессора[2]. Лекции, спецкурсы, семинары Н.И. Ульянова производили на студентов самое благоприятное впечатление «*своей манерой, любовью и знанием предмета, человеческим отношением*»[3]. В период работы в Ленинграде в сфере его научных интересов оказывается проблема крестьянского движения в России[4].

16 июня 1936 г. он был «*исключен из списков сотрудников ЛОИИ*» со странной формулировкой: «*по распоряжению дирекции*», а 2 июля того же года арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и троцкистской деятельности (ст. 58–10, 11 УК РСФСР) и приговорен к 5 годам лагерей.

У Н.И. Ульянова с властями были напряженные отношения. Как писал он сам, «*в революционном движении и Октябрьской революции не принимал участия из-за возраста (ему было 12–13 лет). Сознательной политической жизнью начал жить только в университете, где в 1925 г. вступил в комсомол*». В 1931 г. в Архангельске он стал кандидатом в члены ВКП(б), причем рекомендацию ему давали старые ленинградские рабочие-партийцы, знавшие его отца. Сам он в оппозициях и антипартийных группировках не состоял. Но 27 ноября 1935 г. был исключен из числа членов ВКП(б) за ошибочную формулировку в статье «Советский исторический фронт» в студенческой газете ЛИФЛИ[5].

В ЛИФЛИ большинство работавших там преподавателей были представителями т.н. «марксистского» направления в науке и являлись последователями М.Н. Покровского. После издания 16 мая 1934 г. Постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О восстановлении преподавания гражданской истории в школе» начинается компания по официальному разоблачению его учения[6]. В связи с этим Н.И. Ульянов написал, что «*до знаменитого постановления партии и правительства о преподавании гражданской истории в средней школе наша историческая наука быстро шла к своему вырождению. Благодаря левац-*

---

[1] В списке его научных трудов она обозначена как «Буржуазно-националистические движения и прафинская пропаганда в Карелии в 1905–1917 гг.» (Рукопись. 3 п.л. Принята к изданию) // Ульянов Н.И. Список трудов. Личное дело... Л. 7.

[2] Трудовой список Ульянова Николая Ивановича // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 133, оп. 3, ед. хр. 55; Ульянов Н. И. Автобиография... Л. 10–13.

[3] *Дейч Г.М.* Воспоминания советского историка. СПб., 2000. С. 50–51; *Рабинович М.Б.* Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 145.

[4] См.: *Ульянов Н.И.* Разинщина. Харьков, 1931; *Он же.* Крестьянская война в Московском государстве в начале XVII в.: сб. документов, подготовленный Н.И. Ульяновым. Л., 1935. Кроме того, в издательстве Военно-политической академии вышли два его учебных пособия: Феодальная Русь и усиление Москвы. Л., 1934; Московское феодальное государство XVI в. Л., 1934. Также были подготовлены к публикации следующие работы: Политические воззрения Б.Н. Чичерина» (3 п.л.); «Карелия в эпоху новгородского владычества» (1 п.л.); «Проблема второго издания крепостничества» (4 п.л.).

[5] *Ульянов Н.И.* Советский исторический фронт // За пролетарские кадры. 1935. 7 нояб.

[6] О этом см.: *Артизов А.Н.* Судьба историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопр. истории. 1994. № 7. С. 34–48.

ким элементам, засевшим в Наркомпросе, вокруг истории была создана атмосфера пренебрежительности и презрения, мотивированная неутилитарным характером этой науки. В такой атмосфере она могла только чахнуть, но не развиваться»[1]. Именно это послужило основой для недоверия к нему.

Это решение Н.И. Ульянов опротестовал в Парткомиссию Ленинградского обкома ВКП(б). Тем не менее он «*был допущен директивными органами к научной и преподавательской работе*» (такая запись была сделана на личном листке по учету кадров)[2]. Позднее он был приговорен к 5 годам лагерей. По словам П.Н. Базанова, он был арестован именно потому, что выступил в газете[3].

По словам П. Муравьева, срок Н. И. Ульянов отбывал сначала на Соловках, а затем в Норильске[4]. После освобождения из-под стражи перед войной в 1941 г. был направлен в Саратов, так как ему было запрещено проживать в столицах. После начала войны он был отправлен на окопные работы под Вязьму, где попал в немецкий плен и знаменитые Будгощские лагеря. Затем — побег и скитания по немецким тылам под Ленинградом, воссоединение с семьей и разъезды по глухим деревням Ленинградской области. В 1943 г. вместе с семьей Н.И. Ульянов был угнан в Германию, на заводы концерна BMW в Каршфельден под Мюнхеном. В 1945 г. он оказывается в американской зоне оккупации и стоит перед выбором: быть репатриированным в СССР или остаться на Западе. Он выбрал последнее. После скитаний по Западной Европе в 1947 г. Ульяновы оседают в Касабланке (Марокко), где Николай Иванович работал электросварщиком (эту специальность он приобрел в Норильске).

Получив некоторую финансовую свободу, Н. И. Ульянов начинает выезжать в Париж, где знакомится со многими известными русскими эмигрантами, например с С. Мельгуновым, Б. Зайцевым, Н. Берберовой, И. Одоевцевой и т.д. В эти годы он возобновляет научные изыскания, появляются его новые публикации. Но существовала и обратная сторона медали. Набирала обороты «холодная война», которой были нужны новые бойцы и пропагандисты. В начале 1953 г. Американский комитет по борьбе с большевизмом пригласил его в качестве главного редактора радиостанции «Освобождение». Но Н.И. Ульянов к этому моменту успел заглянуть за кулисы политической борьбы и, уяснив ситуацию, нашел силы отказаться от этой должности. Он не мог поступиться своими основными убеждениями — не бороться против своей Родины, сменить антикоммунизм оголтелой русофобской пропагандой, направленной на расчленение России. Как упоминает П. Муравьев, «*прямого участия в политической борьбе Н. И. не принимал, это не было его стихией. В Союзе борьбы за свободу России (созданном в 1947 г. С.П. Мельгуновым) он как бы представлял культурную оппозицию, противопоставляя политическим вылазкам серьезную культурную работу*»[5].

В 1953 г. Ульяновы переехали в Канаду, где исследователь читал лекции в Университете Монреаля, а в 1955 г. — в США, где он стал преподавателем Йельского университета (Нью-Хэвен, Коннектикут). Там ученый проработал до своей смерти в 1985 г. Несмотря на то что лучшие и наиболее плодотворные для научной работы годы (с 32 лет до 51 года) были безвозвратно потеряны, он успел поработать на факультете славянских языков и литературы. Сам Н.И. Ульянов в письме Б.И. Николаевскому от 20 августа 1951 г. так

---

[1] *Ульянов Н.И.* Советский исторический фронт…

[2] Эти сведения почерпнуты из автобиографии Н.И. Ульянова и других документов его личного дела // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 4734. Также см. Приказы по ЛОИИ за 27. 03. 34 — 5. 11. 36 // ПФА РАН. Ф. 133, оп. 1, № 1455.

[3] *Базанов П.Н.* Зарубежные издания петербуржца-эмигранта Н.И. Ульянова // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения–2006. СПб., 2006. С. 40–46.

[4] *Муравьев П.* Жизнь — это творчество // Отклики: сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Под ред. В. Сечкарева. Нью-Хэвен, 1986. С. 39–55. Данная статья является основным источником по описанию жизни Н.И. Ульянова в 1941–1985 гг.

[5] *Муравьев П.* Жизнь — это творчество… С. 44.

охарактеризовал последние 15 лет своей жизни: «*Пребывая в тюрьмах и лагерях, то в таких глухих углах вроде Марокко, в которых невозможно найти самой элементарной книги по русской истории, я, безусловно, отстал в области свой специальности, но смею думать, что ни способности научного мышления, ни исследовательской техники, ни тем более вкуса к истории не утратил*»[1].

В университете в течение ряда лет он читал курсы «История русской культуры», «Театр и драматургия в России», «Русская церковная архитектура». В русскоязычной печати начали появляться его эссе и художественные произведения[2]. Отклики на творчество Н.И. Ульянова со стороны видных деятелей русской зарубежной культур всегда были лестными. Его высоко ценили Б. Зайцев, М. Алданов, А. Ремизов, Г. Вернадский, Н. Лосский, С. Мельгунов и др. Хотя были случаи, когда Н.И. Ульянова не понимали и даже критиковали, например за публикацию «Замолчанный Маркс», в которой он привел серию антиславянских и антирусских высказываний К. Маркса[3]. То же касается и его фундаментального исследования «Происхождение украинского сепаратизма», который не был принят украиноязычной эмиграцией. Фактически Н.И. Ульяновым была выработана концепция развития сепаратизма в России, которая, по его мнению, была вызвана отсутствием реальной национальной политики у властей России[4]. Основными в России со времен Рюрика и Олега, в понимании Н.И. Ульянова, являются два фактора — многонациональность и большая территория[5]. По мнению исследователя, западные концепции решения национального вопроса в России совершенно неприменимы. «*В силу исторических условий и особых методов освоения окраины огромные массы русского люда давно уже вышли за пределы старого Московского царства и разлились по необъятным просторам одной шестой земного шара. Это не горсточка бельгийцев в Конго и голландцев в Индонезии, это огромные массивы, зачастую превышающие численно тот народ, в землях которого они осели. В общей сложности это может быть добрая половина всего русского народа. И эта половина окажется вдруг "за границей", на положении жестоко преследуемых людей. Это только мы, русские, в каждой своей политической платформе обеспечиваем национальным меньшинствам национально-культурную автономию, но ни одна еще сепаратистская группа не сделала подобного заявления в отношении русского народа*».

Далее он писал: «*Русские поставлены будут перед необходимостью обашкириваться, отатариваться, украинизироваться и т.д. Наш народ поэтому вынужден либо найти достойное для всех народов разрешение национального вопроса в рамках общего государства, либо, если это встречает саботаж и этому противопоставляется идея раздела России, грудью встать на защиту собственного существования*»[6]. Как мы видим, им были высказаны пророческие слова, которые актуальны для нашего времени.

Что послужило причиной занятия Н. И. Ульяновым историей народа коми: личный интерес или служебная необходимость — сейчас сложно определить. В результате его работы появилось первое действительно научное исследование, которое охватывало весь период развития этого народа. Его деятельность в этом направлении была поддержана руководством Северного краевого комвуза. В фондах Археографической комиссии Ленинградского отделения Института истории

---

[1] Цит. по: *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов — петербургский историк… С. 109.

[2] *Муравьев П.* Жизнь — это творчество… Полный список публикаций Н.И. Ульянова, подготовленный Н.Н. Ульяновой, см.: Отклики… С. 65–70.

[3] *Ульянов Н.И.* Замолчанный Маркс. (Статья русского историка) // Москва. 1990. № 10. С. 138–150; То же // Юность. 1995. № 4. С. 44–55.

[4] Об этом подробнее см.: *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов — петербургский историк… С. 109.

[5] *Ульянов Н.И.* История и утопия // Спуск флага. Нью-Хэвен, 1979. С. 68.

[6] *Ульянов Н.И.* Большевизм и национальный вопрос // Возрождение. 1951. № 13. С. 166.

сохранилась переписка между этими учреждениями, связанная с подбором различных исторических материалов в архивохранилищах Ленинграда и копированием их для исследования Н.И. Ульянова. Там же имеются сведения о его поездке в Москву с 20 октября по 2 ноября 1931 г. для работы в Московском древлехранилище, а также об оплате работы по подготовке рукописи книги (1500 руб.). Из этих материалов следует, что одновременно в Архангельске под его редакцией готовилась публикация документов по истории народа коми, посвященная 10-летию со дня образования Автономной области Коми, которое отмечалось в 1931 г. Архангельск согласовывал с Археографической комиссией список документов, предполагаемых к публикации, чтобы не было дублирования в этой работе[1]. К сожалению, этот сборник исторических документов не был издан по неизвестной причине. Сохранился список документов, которые исследователь хотел в него включить. Видимо, в результате этой работы появилась монография Н.И. Ульянова, сданная в издательство 15.09.1932 и подписанная в печать 19.10.1932.

Можно утверждать, что именно перу Н.И. Ульянова принадлежит первое полноценное историческое полотно истории народа коми начиная от глубокой древности до современности, изданное в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В этом смысле его непосредственным предшественником был академик ***А.И. Шегрен***, в работе которого были обобщены материалы по этой проблематике до 1830 г. включительно. Краткие сведения об истории Коми края имеются в большой этнографической работе ***К.А. Попова*** «Зыряне и зырянский край»[2]. Хотя в основном дореволюционных исследователей в большей степени интересовала история христианизации коми и присоединения Коми края к Московскому государству[3]. Ряд конкретных исследований по истории народа Коми был опубликован в 1920-х гг. в изданиях Общества изучения Коми края в Усть-Сысольске[4]. Однако первое полноценное историческое полотно было составлено именно Н.И. Ульяновым, что делает ценным и значительным его личный вклад в историографию коми. Тем не менее, сам ученый достаточно критически оценивал свой труд, называя его «*попыткой ответить на ряд вопросов, возникших в связи с переживаемым периодом и приобретших значительную политическую остроту*». Но время, в котором жил и трудился автор, наложило на его работу свой отпечаток.

В начале своего исследования Н.И. Ульянов критикует русских исследователей, которые «*не знали истории зырян в собственном смысле этого слова*», ибо «*представителям аристократической науки сама мысль об истории зырян казалась нелепой и смешной*». Приводя высказывание проф. С.В. Ешевского о том, «*финское или чудское племя мало чем заявило свое право на имя народа исторического*», Н.И. Ульянов в противовес ему справедливо заявляет, что «*коми народ завоевал право на внимание к себе и к своему прошлому*». Он исходил из положения, что изучение истории вызвано не простым любопытством; история есть особый метод познания настоящего при помощи фактов прошлого. Причем основным методом познания настоящего он считал марксистский. Поэтому в его работе во многих местах марксистская историография и яфетическое языкознание противопоставляются т.н. «*шовинистической гельсингфорской школе финнологии*» как абсолютно правильные и научные.

---

[1] Дело по изданию материалов по истории комизырян // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 133, оп. 1, № 1272.

[2] *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край. М., 1876.

[3] Например: *Лыткин Г.С.* Пятисотлетие зырянского края // ЖМНП. 1883. № 12; *Он же.* Зырянский край и зырянский язык при епископах пермских. СПб., 1889; *Красов А.В.* Зыряне и просветитель их св. Стефан. СПб., 1896; *Шестаков П.* Св. Стефан, просветитель Пермский // Учен. зап. Казан. ун-та. Казань, 1868. Т. 4.

[4] Например: *Мартюшев А.М.* Коми народ как объект московской завоевательной политики... С. 54–79; *Он же.* Коми народ в первый период... // Коми му. 1928. № 2. С. 34–41; № 3. С. 33–39; *Мосшег И.* Коми народ как участник…; *Александровский А.* Материалы по истории Коми Края (1768–1802) // Коми му. 1927. № 4–5.

Подобная критика финляндских ученых была вызвана широко распространенным в 1920-е гг. среди нарождающейся национальной научной интеллигенции финно-угорских народностей СССР мнением, согласно которому в Финляндии и финской науке видели пример рационального и правильного решения национального вопроса. И если книга Н. И. Ульянова лишь носит характер некоей научной дискуссии, то через некоторое время органы ГПУ в финно-угорских автономиях СССР сфабриковали несколько дел, в ходе которых фактически были ликвидированы многие выдающиеся представители науки и культуры народов коми, удмуртов, марийцев, карел, мордвы[1].

Именно политизированность книги Н.И. Ульянова вызывает критику современных историков. Автор в какой-то степени выполнял постановленную вышестоящими органами задачу. Дополнительный стимул для подобной трактовки истории народа коми в конце XIX — начале XX вв. ему давала развернувшаяся борьба между Архангельском и Усть-Сысольском (Сыктывкаром) в вопросах районирования Европейского Севера. Она завершилась победой Архангельска и включением Коми автономной области в 1929 г. в состав Северного края с центром в Архангельске[2]. Сопротивление этому сыктывкарских властей и представителей местной интеллигенции прямо называется Н.И. Ульяновым «местным национализмом», и с точки зрения «буржуазного национализма» критикуется деятельность крупнейших коми просветителей конца XIX — начала XX вв. ***Г.С. Лыткина***, ***К.Ф. Жакова***, ***П.А. Сорокина*** и др.[3] Именно эти высказывания позволили авторам сборника «Научный поиск продолжается» назвать Н.И. Ульянова человеком, в работе которого получила обоснование и утвердилась на десятилетия вперед одномерная персонификация т.н. идеологов коми буржуазии (Г.С. Лыткина, К.Ф. Жакова) и их последователей в Коми в 1920-е гг.[4]

Не отрицая ответственность Н.И. Ульянова за использованные характеристики и формулировки, я хочу лишь сказать, что не он стоял у истоков подобных трактовок. Борьба с «*национал-шовинизмом*» началась в Сыктывкаре и Коми области еще в начале 1930 г., когда на пленуме Коми обкома ВКП(б) «национал-шовинизм» был провозглашен «*главной политической опасностью для областной парторганизации*». В свете этих директив в течение апреля–мая 1930 г. в серии своих статей в различных периодических изданиях Коми области заведующий Коми госиздатом и редактор областной крестьянской газеты «Коми деревня» И.И. Оботуров первым заклеймил ***Г.С. Лыткина*** и ***К.Ф. Жакова*** как «*отцов коми национал-шовинизма*», а также других коми краеведов, ученых и писателей[5]. Подобные формулировки прозвучали из уст ***Г.А. Старцева*** еще в 1927 г.[6]

После ареста в 1936 г. имя Н.И. Ульянова исчезло из списка исследователей фактически до начала 1990-х гг. Например, авторы «Очерков по истории Коми АССР», изданных

---

[1] *Куликов К.И.* Дело «СОФИН». Ижевск, 1997; *Терюков А.И.* Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — начале 1930-х годов // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997. С. 223–231.

[2] *Кузивнова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути… С. 75–90.

[3] *Ульянов Н.И.* Очерки истории... С. 115–118, 164–178.

[4] Научный поиск продолжается... С. 23.

[5] Они любили край родной... С. 89–90, 90–91, 152–153. И.И. Оботуров (1903–1938) прошел сложный жизненный путь, занимал различные партийные и государственные должности, но закончил свою жизнь как «враг народа». О нем см.: *Полещиков В.М.* Один из «врагов народа» // Родники Пармы–93. Сыктывкар, 1993. С. 146–150; *Он же.* За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995. С. 190–196.

[6] *Старцев Г.А.* Отчет о результатах командировки в 1927 г. в Коми область по установлению связей с местными организациями для производства исследовательских работ по этнологии с приложением первого пятилетнего плана НИИР в Коми области на 1928/29–1932/33 гг. // С-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 2, ед. хр. 261. В несколько измененном виде опубликована как статья: Культурное строительство и научно-исследовательская работа в Коми области. (К 10-летнему юбилею Области Коми.) // СЭ. 1932. № 2.

в Сыктывкаре в 1955 г., пишут, что «*выпускаемый в свет 1 том "Очерков по истории Коми АССР" представляет собой первую попытку изложения истории народа коми с древнейших времен до Февральской революции включительно*», т.е. полностью игнорируют своих предшественников (как Н. И. Ульянова, так и В. М. Подорова), хотя и используют многие материалы, которые впервые они опубликовали[1]. По большому счету, до настоящего времени отсутствует научный анализ этих книг. Например, в изданной в Сыктывкаре «Истории Республики Коми» вообще нет историографического раздела, где был бы представлен научный анализ идей предшественников.

Фактически первые четыре главы книги Н.И. Ульянова посвящены этнической истории народа коми. Здесь представлен разбор сведений о Биармии, рассматриваются проблема происхождения народа, общественный и семейный быт в прошлом и настоящем, история христианизации и сведения о языческой религии и т.д. Как правильно замечает М.В. Кленов, автор впервые предлагает цельную концепцию древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока, т.е. Коми края, которая позднее без упоминания авторства начинает переходить из одной работы в другую[2]. По мнению Н.И. Ульянова, этот процесс можно разделить на пять основных периодов: 1) первыми в XI в. на Европейский Север проникают новгородцы; 2) с середины XII в. усиливаются противоречия между Новгородом и Суздальским княжеством в борьбе за пермские дани; 3) в XVI в. эта борьба завершается победой московских князей, которые продолжили колонизационную политику Суздаля; 4) решающую роль в окончательном подчинении Перми сыграла христианизация; 5) окончательное юридическое оформление перехода власти к Москве происходит в 1471 г.[3]

Немного позднее в Сыктывкаре были изданы «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)» ***Василия Максимовича*** Подорова[4]. С современной точки зрения сочинение В.М. Подорова можно охарактеризовать как очень идеологизированное. Во введении автор заявляет, «*что его книга представляет собой рассмотрение истории Коми с точки зрения марксистско-ленинской идеологии*»[5]. Именно с этой точки зрения он дает обзор работ по истории Коми края. Этнографические материалы используются им для характеристики народа коми. В частности, исходя из теории пережитков, он рассматривает эти данные как доказательство существования в прошлом у коми первобытно-коммунистического общества — обязательный начальный этап развития человеческого общества с точки зрения марксизма. Если отвлечься от идеологической направленности, то можно сказать, что эта работа богата этнографическими материалами, которые извлекаются В.М. Подоровым из различных публикаций. Но он не просто приводит эти сведения, а пытается дать им оценку. Например, он считает позицию ***А.С. Сидорова***, представленную им в книге «Знахарство, колдовство и порча у коми», антимарксистской[6]. Речь идет о времени появления религии и соотношении этого процесса с определенной стадией развития человеческого общества. Не вдаваясь в подробности сути критики А.С. Сидорова, сегодня мы можем говорить о том, что данное положение имеет исключительно историографический аспект. В книге имеется большое количество конкретного материала, характеризующего хозяйство и социальную структуру коми этноса на протяжении достаточно длительного времени исторического развития. Поэтому это исследование сегодня мож-

[1] Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1; 1962. Т. 2.

[2] *Кленов М.В.* Русская колонизация Европейского Северо-Востока по материалам археологических исследований // Музей и краеведение. Сыктывкар, 1997. С. 27. (Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 1.)

[3] *Ульянов Н.И.* Очерки истории... С. 60.

[4] *Подоров В.М.* Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1933. Т. 1–2.

[5] Там же. Т. 1. С. 16.

[6] Там же. С. 53.

но рекомендовать как один из фундаментальных источников. Однако имеющийся у него этнографический материал не позволяет автору проследить смену формаций, которая должна была обязательно происходить у каждого народа. Поэтому В.М. Подоров часто вынужден прикрывать лакуны материалами по другим финно-угорским народам, исходя из стадиальности существования тех или иных явлений.

Если рассматривать работу с методологической точки зрения, то В.М. Подоров был типичным представителем господствовавшей в то время марксистской формационной теории, согласно которой все народы проходят один эволюционный путь от первобытно-общинного строя до социализма. Поэтому он рассматривает историю коми народа сквозь призму смены этих формаций.

Характеристики многих деятелей культуры коми, составленные В.М. Подоровым, выглядят как политические портреты. Он уделяет много места анализу творчества ***К.Ф. Жакова***, который характеризуется им как главный идеолог коми буржуазии[1]. Поводом для критики послужила «*его широкая известность в Коми, особенно среди интеллигенции националистического толка, которая рассматривает его как национального героя, который в условиях царизма исключительно своими собственными силами достиг вершин научной мысли*». По мнению В.М. Подорова, именно в работах К.Ф. Жакова заложены идеи отделения Коми области от СССР и присоединения ее к Финляндии. ***Г.С. Лыткин*** определяется им как идеолог русского великодержавного национализма[2]. В.М. Подоров считал его главным проводником политики царского правительства. Именно с этой точки зрения рассматривается вся научная и особенно переводческая деятельность Г.С. Лыткина. Аналогичные характеристики получают и другие деятели коми культурно-просветительного движения, такие как Д.Я. Попов, А.А. Чеусов.

В.М. Подоров не принимал участия в дискуссиях о Коми автономии, связывая их с буржуазно-националистическим движением. Все критические разделы его исследования, как и книги ***Н.И. Ульянова***, можно отнести к дискуссиям по вопросу создания Северной области с центром в Архангельске, организованной в рамках проведения административной реформы в СССР. Местное руководство Коми автономной области не только выступало против этого, но и предлагало свой вариант — присоединение к Коми области Коми-пермяцкого округа и части Архангельской области, населенной ненцами и коми. Именно эти взгляды местной администрации руководством страны были признаны националистическими, а книги Н.И. Ульянова и В.М. Подорова подводили научную базу, обосновывали борьбу с этими идеями.

Позднее, несмотря на политический характер, книги В.М. Подорова были забыты, сам он подвергся резкой критике. В.Н. Давыдов, отмечая, что он предпринял первую попытку осветить вопросы социально-экономических отношений и классовой борьбы в Коми крае, пишет, что его книга имеет ряд серьезных недостатков, ей присущ социологизм, схематизм[3]. Так, автор пытался преувеличить роль местного пролетариата в революционных событиях 1905–1907 гг., хотя в Коми крае его численность была минимальной, соответственно и влияние незначительно. На В.М. Подорова отсутствуют ссылки в коллективной монографии «Очерки по истории Коми АССР», изданной в 1950-е гг. Но, как пишут Д.А. Несанелис и И.Л. Жеребцов, его книга оказала определенное влияние на Ю.В. Гагарина, занимавшегося изучением истории религии народа коми, хотя сам он не упоминает его имени. В первую очередь, это касается оценки места и роли Русской православной церкви в процессе присоединения Коми края к Московскому государству и т.д.[4]

---

[1] *Подоров В.М.* Очерки по истории коми… Т. 2. С. 54–68.

[2] Там же. Т. 2. С. 69–76.

[3] *Давыдов В.Н.* Классовая борьба в Коми крае в годы первой русской буржуазно-демократичесеской революции (1905–1907) // ИФС. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 27–28.

[4] *Несанелис Д.А, Жеребцов И.Л.* Ю.В. Гагарин — исследователь истории религии народа коми // Христиа-

К сожалению, биография В.М. Подорова мало изучена. Он родился в Усть-Сысольске в 1893 г. в крестьянской семье. Учился в Усть-Сысольске и Вологде. Во время Гражданской войны служил в Красной армии. После демобилизации в 1921 г. некоторое время работал в Сыктывкаре, заведовал Облполитпросветом, но вновь был мобилизован в армию. Затем учился во МГУ. В 1927 г. — аспирант НИИ народов Востока. Участвовал в деятельности Московского отделения Общества изучения Коми края. Его первая публикация, появившаяся в 1928 г., касалась вопроса о чуди и его отношения к народу коми[1]. Далее последовала вторая публикация[2]. Затем была работа в Ленинграде в одном из НИИ и преподавательская работа в Институте народов Севера. В 1931 г. он вернулся в Сыктывкар, где преподавал в местном пединституте. После отъезда из Сыктывкара В.М. Подоров в 1935–1937 гг. работал в Институте национальностей, в 1937 г. — в Государственном издательстве социально-экономической литературы в Москве. С 1938 г. — в Алма-Ате старшим научным сотрудником Казахстанского филиала АН СССР. В 1939 г. он снова в Москве, работает по договору в Институте истории АН СССР[3]. Сведений о его публикациях в этот период нам обнаружить не удалось[4]. В октябре 1941 г. — научный сотрудник Коми научно-исследовательского института языка, литературы, фольклора и истории. В мае 1942 г. был призван в армию. В 1944 г. В.М. Подоров вернулся из армии и был зачислен в отдел языка, письменности и истории Коми Базы АН СССР. На тот момент он имел ученое звание доцента. Тема его исследований была обозначена как «Народы Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» За один год он разработал эту тему и предоставил рукопись объемом 20 авторских листов. По мнению современных исследователей, его книга написана по идеологическим шаблонам тех времен и включала главы, посвященные описанию довоенного времени[5]. Здесь В.М. Подоров пишет о «*борьбе с буржуазными националистами*» и т.д. Быстрое по времени выполнение данной работы наводит на мысль, что он широко использовал свою прежнюю монографию. В августе 1945 г. В.М. Подоров уволился из Коми базы и уехал в Москву. О дальнейшей его жизни сведений нет.

К середине 1930-х гг. этнографические исследования народов коми постепенно прекращаются. Этому способствовало несколько причин. Во-первых, в это время в Сыктывкаре, как и во всей стране, краеведческое движение сводится на нет, что было вызвано советизацией краеведения. Это массовое начинание, направленное прежде всего на исследование местного края, постепенно подпадает под административный контроль властей, которые начинают централизованно определять тематику исследований, прежде всего производственную, не считаясь с местными условиями. Кроме того, следует учитывать идеологическое давление на это массовое движение, воспринимавшееся через призму идей марксизма. Эти процессы начинаются в конце 1920-х гг. Это время характеризуется активной критикой и проработкой руководителей движения в печати. Подобные события отразились и в Сыктывкаре[6]. В результате в мае 1931 г. Общество изучения Коми края было распущено.

Во-вторых, начались аресты, в ходе которых были задержаны специалисты, занимавшиеся историко-этнографическими

низация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 185–189.

[1] *Подоров В.М.* Что такое Чудь и его отношение к коми народу // Коми му. 1928. № 9–10. С. 70–81.

[2] *Подоров В.М.* Наказы крестьян коми по материалам Екатерининской законодательной комиссии 1767 года // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1929. № 2. С. 35–47.

[3] Научный поиск продолжается. Институту языка, литературы и истории Коми научного центра УРО РАН 25 лет. Сыктывкар, 1995. С. 57–58.

[4] Авторитетный указатель «История СССР. Указатель советской литературы. 1917–1952 гг.» (М., 1956–1958. Т. 1–2) не дает ссылок на его работы, кроме отмеченных выше.

[5] Научный поиск продолжается… С. 58.

[6] Подробнее об этом см.: Они любили край родной… С. 85–104.

исследованиями, такие как ***В.И. Лыткин***, ***В.П. Налимов***, ***А.М. Мартюшев***, ***А.С. Сидоров***, ***Г.А. Старцев***.

Первая «волна» арестов прошла в рамках так называемого дела «СОФИНа»[1]. Хотя в основном это дело было связано с Удмуртией, привлекались и представители других регионов (Москвы, Марийской обл. и т.д.). Всего было арестовано около 60 человек. Основная формулировка обвинительного заключения — «*программно-политические установки и деятельность организации ставили конечной целью отсоединение Удмуртской автономной области и других автономий (Марийской, Мордовской, Карельской и Коми-зырянской) от СССР*» и создание «*Единой финно-угорской федерации с демократической формой правления под протекторатом Финляндии*». По этому делу в январе 1933 г. в Москве были арестованы ***В.И. Лыткин*** и ***В.П. Налимов***, им инкриминировались связи с учеными финно-угроведами, общественными и политическими деятелями Финляндии, Эстонии, Германии, а сами они объявлялись шпионами. В.П. Налимов был приговорен к ссылке в Западную Сибирь на три года, а В.И. Лыткин — к пяти годам лагерей. С этим делом также связано прекращение деятельности Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН).

Представляется, что в основе этого дела лежало подозрение советских властей, что в 1920-е гг. нарождающаяся национальная научная интеллигенция финно-угорских народностей СССР видела в Финляндии и финской науке пример рационального и правильного решения национального вопроса. В то же время финляндское правительство проводило антисоветскую политику и внутри страны, и во внешних контактах. Были известны высказывания президента Финляндии П.Э. Свинхувуда о том, что «*Россия — единственный постоянный враг Финляндии, а любой враг России должен быть всегда другом Финляндии*»и т.п.[2] При этом Финляндия провозглашалась форпостом в борьбе против угрозы коммунизма, а ее восточная граница — «*восточным пределом Европы*»[3]. Такая позиция была характерна не только для правительства, но и для определенных кругов финляндской общественности. Усиленно пропагандировалось враждебное отношение ко всему, что связано не только с царской, но и с советской Россией, а иногда и с русским народом. Антирусские настроения, ненависть к русским — ryssaviha — приобретали, даже по оценкам некоторых финских исследователей, ярко выраженный шовинистический характер[4].

Возрождается высказанное еще в предреволюционное время К.-Э. Аспелундом выражение «Великая Финляндия» и подразумевавшее объединение всех финно-угорских народов России во главе с Финляндией. В те времена «Великая Финляндия» в представлении различных общественных и политических деятелей имела различные границы: от объединения Финляндии и Карелии до страны, простирающейся до Урала, а у самого К.-Э. Аспелунда — вплоть до Америки (Аляски)[5]. В течение двадцати с небольшим

[1] *Куликов К.И.* Удмуртская автономия. Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990; *Он же.* Дело «СОФИН». Ижевск, 1997; *Popov A*. Дело о так называемых финских шпионах в СССР в 1930-е годы // Studia Slavica Finlandensia. 1992. Т. 9. P. 103–112; *Кузнецов Н.С.* Из мрака. Ижевск, 1994; *Терюков А.И.* Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — начале 1930-х годов. // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997. С. 223–231.

[2] *Донгаров А.Г.* Война, которой могло не быть // Вопр. истории. 1990. № 5. С. 31.

[3] *Jutikkala E.* Geschichte Finlands. Stuttgart, 1964. P. 374.

[4] *Nygra T.* Venalaisvaistaisuus ja Suur-Suomi ajatus suomalaisen aarioikeiston ideologissa // Suomen Historiallien Seura. Historiallien arkisto. 1985. T. 86. P. 486; *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. М., 1995. С. 74–75.

[5] История возникновения идеи «Великой Финляндии» достаточно критично и подробно рассмотрена в работах некоторых финских исследователей, например: *Sihvo H.* Karjalan loytajt // Karjalan Seuran Julkaisut. Helsinki, 1969; *Alapuro R.* Akateeminen Karjala-Seura. Ylioppilasliike ja kansa 1920-ja — 1930-luvulla. Porvoo, 1973; Из российских исследователей этого вопроса ка-

лет после заключения Юрьевского мирного договора 1921 г. именно идеи «Великой Финляндии» были заложены в основу деятельности определенных кругов финского общества, в частности активистов академического Карельского общества и Ингерманландского союза (деятельность этих общественных организаций была запрещена после Второй мировой войны), которые культивировали образ «*плачущей Ингрии, дочери Финляндии*», велась речь о том, что «*еще взойдет солнце над той Ингрией, где не будет русских*»[1].

Главная «вина» финской науки, в первую очередь этнографии и лингвистики, с точки зрения ее критиков в СССР, — в том, что она достаточно давно и результативно разрабатывала идею финно-угорского родства. Основным направлением в финской этнографии начала XX в. было комплексное изучение всех аспектов финно-угроведения. Как пишет Н.В. Шлыгина, эта специфика финской этнографии была обусловлена общим ходом развития общественной мысли в Финляндии конца XIX — начала XX в. Фенноманское национальное движение этого времени было неразрывно связно с распространением идей о необходимости изучения родного народа, его истории, происхождения, поиском прародины и ходом формирования национальной культуры и определения места финнов в кругу родственных им по языку народов[2]. Изучение финно-угорских народов велось в первую очередь с позиции их культурного единства, наличия у них древнего единого культурного слоя, сохранившегося и в современных традиционных культурах. Именно на этих позициях стояли ***У.Т. Сирелиус***, ***А. Хямялайнен***, ***И. Маннинен***, Э. Сетеля, ***Ю. Вихман***, имена которых постоянно упоминаются как в книге Н.И. Ульянова, так и материалах по следственному делу «СОФИН». Наиболее полно эти научные идеи были обобщены в трехтомном исследовании «Финское племя», изданном под редакцией У.Т. Сирелиуса, авторами которого были все финляндские ученые-этнографы[3].

Необходимо отметить, что идеи финно-угорского родства получили некоторую негативную характеристику в политических настроениях, а иногда и в политической практике националистически настроенных экспансионистских группировок в Финляндии в 1920–1930 гг. Выражение «Великая Финляндия», порожденное финскими учеными и подразумевавшее объединение всех финно-угорских народов России, получило новое звучание. В то время как ученые Финляндии были увлечены действительно благородной идеей изучения и сохранения богатейшего наследия культуры народов финно-угорской языковой семьи, в сфере реальной политики выраженные ими идеи о единстве культуры выступали как опасное оружие. Здесь можно привести пример политики финнизации карел, которая проводилась в районах их проживания в Восточной Карелии[4]. Свою роль в этом сыграло и «подыгрывание» финских властей профашистскому лапусскому движению.

Откликом на дело «СОФИН» в Коми области было дело «О контрреволюционной организации национал-шовинистической интеллигенции в Коми области», инициированное ОГПУ по Северному краю в 1933 г.[5] Этот процесс прошел под знаком борьбы с противниками нового районирования на Севере

салась Н.В. Шлыгина. См.: История финской... С. 69–70.

[1] *Шлыгина Н.В.* Финляндская литература о переселении финнов-ингерманландцев на территорию Финляндии в годы Второй мировой войны // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 138–142; *Nevalainen P.* Inkerilainen Siirtovaki Suomessa 1940-luvulla. Keuru, 1990. P. 22–24; *Мусаев В.И.* Советско-финляндские отношения в 1920–1930-х гг. и судьба ингерманландской автономии // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 211–221; *Он же.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. Кишинев; СПб., 2001.

[2] *Шлыгина Н.В.* История финской... С. 61–62; *Hämälainen A.* Suomalais-igrilaisen kansatieten nykyisesta Vasemasta // Valvoja-Aika. 1939. P. 4 и далее.

[3] Suomen suku. Helsinki, 1923–1928.

[4] *Luntinen P.* Karjalaiset suomalaisuuden ja venalaisyyden rajalla — Venalaiset Suomessa 1909–1917 // Suomen Historiallinen Seura. Historiallinen arkisto. 1984. T. 83.

[5] *Морозов Н.* Истребительно-трудовые годы // Покаяние. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 43.

СССР (об этом см. раздел о ***А.М. Мартюшеве***)[1]. В числе репрессированных оказались А.М. Мартюшев, Д.А. Батиев, С.А. Попов и др.

Следующая волна репрессий прошла в конце 1930-х гг. и известна как «Дело о буржуазно-националистической организации в Коми АССР». Она коснулась широкого круга партийных, советских работников, а также деятелей науки и культуры Коми АССР (всего около 50 человек), в числе которых были ***В.П. Налимов***, ***А.С.Сидоров***, ***Г.А.*** Старцев[2]. Чаще всего им предъявлялось стандартное обвинение — «*участие в контрреволюционной буржуазно-националистической организации Коми области, на протяжении ряда лет проведение буржуазно-националистической деятельности, направленной против политики партии и Советского правительства*», — которое предусматривало привлечение их к уголовной ответственности по ст. 58 п. 10. ч. 1 и по статье 58 п. 2 УК РСФСР и наказание вплоть до расстрела.

Одновременно ученым предъявлялись обвинения в участии в эсеровской и кадетской оппозициях. Это в какой-то степени соответствует действительности. Многие из осужденных в то время или примыкали, или были членами партии кадетов или социал-революционеров. Знакомство с деятельностью этих партий обусловлено наличием значительных групп политических ссыльных, отправленных в Коми край после подавления революции 1905–1907 гг.[3] Так, с кадетами в Усть-Сысольске в 1905–1906 гг. активно сотрудничали ***В.Ф. Попов*** и ***А.М.*** Мартюшев[4]. За это В.Ф. Попов был уволен с должности земского статистика, а А.М. Мартюшев отсидел 3 месяца в усть-сысольской тюрьме. Позднее они вошли в проэсеровскую Партию обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда[5]. Известно, что идеологические установки партии социал-революционеров пользовались большой популярностью в Коми крае благодаря присутствию здесь многих представителей эсеров и деятельности ***П.А. Сорокина***. В.Ф. Попов был в числе тех, кто осудил «*захват власти большевиками в Петрограде*»[6]. А.М. Мартюшев позднее, в июле 1918 г., при большевизации Советов, был отстранен от должности председателя Усть-Сысольского уездного исполкома за связь с этой партией, хотя и избирался как беспартийный[7].

А.С. Сидоров, ставший комиссаром народного образования Яренского уездного исполкома в июне 1918 г, представлял в ней партию эсеров. В конце 1918 г., когда началась большевизация Коми края, именно в связи с партийной принадлежностью он был уволен и исключен из состава педсовета Яренского высшего начального училища[8].

---

[1] *Кузьиванова О.Ю.* Чистка аппарата в Коми автономной области // Вестн. культуры Коми АССР. 1990. № 1. С. 40–41; *Дмитриков М.П., Жеребцов И.Л.* Дмитрий Батиев // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): Тез. докл. Сыктывкар, 1993. С. 18–20; *Они же.* Трагедия Дмитрия Батиева // Родники Пармы. Сыктывкар, 1993. С. 78–90.

[2] *Жданов Л.А.* «Гнездо» троцкизма и национализма // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): Тез. докл. Сыктывкар, 1993. С. 23–26; *Жеребцов И.Л.* Репрессированные коми лингвисты // Там же. С. 26–29; *Холопова Д.Г.* Дела из секретного архива (о неизвестных страницах жизни С.А. Куратова и А.С. Сидорова) // Музей и краеведение. Сыктывкар, 1997. С. 88–93. (Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 1.)

[3] *Расин Б.* Тюрьма без решеток: из истории царской ссылки. Сыктывкар, 1966; *Он же.* Подвергнуть ссылке. Архангельск, 1971; *Раевская Т.П.* Под гласным надзором полиции: ссыльные большевики в Коми крае. Сыктывкар, 1974; *Мацук М.А.* Политическая ссылка на Европейском Севере в XVII веке // Вестн. культуры Коми АССР. 1990. № 1; *Чупров В.И.* Политическая ссылка в Коми крае в начале XX века (1900–1917 гг.). Сыктывкар, 1974. (Серия препринтов «Научные доклады Коми филиала АН СССР». Вып. 12).

[4] *Таскаев М.В.* Небольшевистское подполье в Коми крае (1905–1914) // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2000. С. 138–139. (Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 2.)

[5] *Таскаев М.В.* Небольшевистские партии и белая армия в Коми крае. Сыктывкар, 2000. С. 6–11.

[6] *Таскаев М.В.* «В борьбе обретешь ты право свое!» (эсеры в Коми крае) // Родники Пармы–93. Сыктывкар, 1993. С. 134, 136.

[7] *Таскаев М.В.* Небольшевистские партии… С. 29.

[8] Там же. С. 35, 43.

В период репрессий, борьбы с инакомыслием власти использовали информацию об участии в небольшевистских политических организациях как предлог для привлечения к уголовной ответственности ряда представителей коми интеллигенции.

Во второй половине 1930-х гг. ситуация в отечественной этнографии начала меняться к лучшему. Основной темой исследований стало изучение расцвета культуры народов СССР в условиях интенсивного строительства социализма и советского строя, начался подъем науки. В Институте этнографии АН СССР в Ленинграде с целью демонстрации этого процесса началась подготовка четырехтомного издания «Народы СССР», к созданию которого был привлечен широкий круг исследователей. Но к концу 1930-х гг. в республике фактически не осталось специалистов, которые могли бы разрабатывать эту тематику. Так, статья по народам коми для указанного коллективного труда была заказана ***А.С. Сидорову***, который добросовестно выполнил это поручение[1].

Несмотря на то что теоретические исследования были сопряжены с риском, сбор коллекций по традиционной культуре народов коми продолжался. В Ленинграде к этому процессу подключился этнографический отдел Русского музея. По его заданию в 1926 г. совершил командировку в Усть-Куломский район Коми автономной области (в современном административном делении — Троицко-Печорский район Республики Коми) Л.Л. Капица. К этому времени он был уже состоявшимся ученым-этнографом. Некоторые исследователи полагают, что это была экспедиция Этнографического музея, а на самом деле он побывал в 1925 г. на Севере в составе Печорской лесоэкономической экспедиции[2].

Капица Леонид Леонидович (1892–1930-е гг.) родился в Петербурге в семье военного инженера, генерала царской армии, одного из видных русских фортификаторов, строителя фортов Кронштадта[3]. Мама — Ольга Иеронимовна Капица (Стебницкая) — родилась в Тифлисе в семье военного топографа, географа Иеронима Стебницкого. Позднее он возглавил военно-топографическое бюро Главного штаба и стал председателем Отделения математической географии РГО, членом-корреспондентом ИАН с 1878 г, генералом от инфантерии. За достижения в изучении топографии и геодезии Кавказа был удостоен Константиновской медали — высшей награды РГО. О.И. Капица была известной детской писательницей и стояла у истоков изучения детского фольклора в России. Его младший брат — Петр Леонидович Капица — один из основателей физики низких температур и физики сильных магнитных полей, лауреат Нобелевской премии. В 1911 г., после окончания Кронштадтской гимназии, Л.Л. Капица поступил на естественное отделение Петербургского университета, специализировался в области антропологии и этнографии. В период обучения в университете Л.Л. Капица начал сотрудничество с этнографическим отделом Русского музея. Будучи студентом, в 1913 г. Л.Л. Капица начал работать в Архангельской губернии, изучал культуру русских поморов и саамов, «*вел антропологические наблюдения и измерения*», в 1914 и 1916 гг. приобретал этнографические коллекции (около 200 экспонатов), производил фотосъемки. В 1915 г. вместе с братом служил санитаром на поезде на Польском фронте. В 1916 г. он был приглашен в штат этнографического отдела Русского музея на должность регистратора.

В 1921 г. Л.Л. Капица под руководством Д.А. Золотарева работал в экспедициях в Кемском уезде Архангельской губернии,

---

[1] *Сидоров А.С.* Коми // Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. К–I, оп. 1, № 397). Статья получила благожелательный отзыв Д.В. Бубриха, но издание не было завершено, так как многие авторы этого проекта были репрессированы, пока собирался материал для издания.

[2] Отчет Государственного Русского музея за 1925 г. Л., 1926. С. 43, 52; Отчет Государственного Русского музея за 1926–1927 гг. Л., 1929. С. 21.

[3] Сыктывкарская исследовательница В.А. Сова почему-то называет Капицу Львом Львовичем, что не соответствует действительности: *Сова В.А.* Вклад музейных работников Ленинграда в изучение традиционной культуры коми (1920–1930 гг.) // Изв. ОИКК. Сыктывкар, 2007. № 1 (10). С. 148.

в 1927 г. — в Ухтинском р-не. В 1924 г. в течение пяти месяцев проходил стажировку в музеях Англии, Швеции, Дании и Франции, где изучал постановку музейного дела.

Маршрут его Верхнепечорской экспедиции 1926 г. включал посещение ряда населенных пунктов в бассейне р. Печоры: с. Троицко-Печорск, Усть-Илыч, Усть-Щугор, Покча, Савинобор, д. Воя, Дутово, Саръюдин, а также д. Кебырыб Усть-Вымского района. В ходе экспедиции им была собрана разнообразная по составу коллекция предметов быта и материальной культуры коми-зырян: предметы охоты, рыболовства, скотоводства, промыслов, народной медицины, которая в настоящее время хранится в Российском этнографическом музее. Кроме того, там же находится его коллекция фотографий. По материалам этой экспедиции Л.Л. Капица опубликовал небольшую брошюру[1]. По-видимому, в это время он стал куратором Русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава по изучению Коми области и ее населения[2]. Кроме того, по заданию Карело-Мурманской подкомиссии ИПИН занимался изучением карельского оленеводства[3].

Л.Л. Капица является одним из зачинателей этнографического кино, или визуальной антропологии, в СССР.

В начале 1926 г. Л.Л. Капица выступил в Русском музее с докладом «Опыт применения кино в этнографии (поездка к самоедам на Печору)»[4].

Подобные этнографические исследования возобновились уже после окончания Великой Отечественной войны. Этому во многом способствовало создание в 1944 г. Коми базы АН СССР, которая в 1949 г. была преобразована в Коми филиал АН СССР, где был создан сектор языка, письменности, литературы и истории[5]. В это время были восстановлены и этнографические темы, которыми стали в первую очередь заниматься Л.Н. Жеребцов и Л.П. Лашук. Фактически цельное монографическое описание народов коми было опубликовано лишь в 1958 г. В.Н. Белицер[6].

[1] *Капица Л.Л.* Снаряжение зырянского охотника. Л., 1926.

[2] Протокол № 1 заседания Русско-финской секции ИПИН от 22. 03. 1927 г. // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 20, л. 23.

[3] Протокол № 4 заседания Карело-Мурманской подкомиссии ИПИН от 22. 02. 1926 г. // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 20, л. 5.

[4] Отчет Государственного Русского музея за 1926–1927 гг. Л., 1929. С. 19.

[5] В научном поиске… С. 29–35.

[6] *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми. М., 1958.

Глава 7

РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИИ НАРОДОВ КОМИ. СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX в.

Значительный вклад в изучение традиционной культуры народов коми внесли зарубежные ученые. Устойчивый интерес к этим народам традиционно существовал в Финляндии и Венгрии. Именно в этих странах на рубеже XVIII–XIX вв. зародилась идея финно-угорского родства. Становление финно-угроведения как науки требовало получения достоверного научного материала, что можно было осуществить лишь путем проведения экспедиций в различных районах проживания родственных по языку народов. Поэтому в XIX в. исследователи из Финляндии и Венгрии неоднократно бывали у российских финно-угров, в том числе у народов коми.

7.1. Венгерские исследователи этнографии народов коми

Один из первых иностранных исследователей XIX в., описавший в своих сочинениях народы коми, — ***Регули Антал*** (***Antal Reguli***, 1819–1858) — венгерский филолог, этнограф, путешественник. Родился в семье адвоката. В 1828–1834 гг. учился в гимназии г. Секешфекшвареш (Sthuhlweissenburg); в 1834–1836 гг. изучал право и философию в Академии Дьере (Gyer); в 1836–1839 гг. — в Университете г. Пешт[1]. По-видимому, именно в это время А. Регули познакомился с сочинениями своих земляков — Я. Шайновича «Доказательство. Язык венгров и лопарей тождественен» и С. Дьярмати «Сродство языка венгерского с языками финского происхождения, грамматически доказанное»[2]. Эти исследователи впервые научно (на уровне грамматики) обосновали идею родства венгров с обскими утрами.

Вообще, для венгров проблема поиска прародины была весьма актуальна. Научное сообщество этой страны осознавало, что венгры не автохтонное население той территории, которую они называли Венгрией, что они пришли на эту землю. Вопрос: когда, как, откуда и кто был их ближайшим сородичем по языку — оставался открытым. Поэтому венгры с незапамятных времен интересовались этой проблемой[3].

---

[1] *Папай Й.* Памяти Антала Регули. Сургут, 1993; *Karjalainen K.F.* Den Andenken Anton Regulys // FUF. 1908. Bd. 8. S. 1–7; *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus // MSFOu. 1990. Vol. 206. S. 301–306.

[2] *Sajnovics J.* Demonstratio. Idioma Ungarorum et Lapponium idem esse. Hafnaas, 1770. О Я. Шайновиче см.: *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung... S. 209–212; *Lako Gy*. J. Sajnovics und sein Demonstratio // ALH. 1970. Bd. 20. S. 269–289;. *Gyarmathi S.* Affinitas lingvae hvngaricae cvm lingvis fennicae originis grammatice demonstrata. Gottingen, 1799. О С. Дьярмати см.: *Farkas J.* S. Gyarmathi und fnnisch-ugrische Sprachvergleichtung // Nachrichten der Academi der Wissenschaften in Göttingen. Philosopisch-Historische klasse. Göttingen, 1948. S. 110–136; *Домокош П.* О Шамуеле Дьярмати // Арт-Лад. Сыктывкар, 2005. № 4. С. 141–145.

[3] См., например: *Szamota I.* Régi magyar utazók Európában. 1532–1770. [Древние венгерские путешест-

Вновь интерес к этой проблеме возник в начале XIX столетия. Он был обусловлен, с одной стороны, развитием науки, возникновением идеи финно-угорского родства, а с другой стороны, ростом национального самосознания, осознанием венграми себя как отдельной нации и пониманием своей истории. Эта проблема была центральной в национальной мобилизации, консолидации мадьярской гуманитарной научной элиты. Программа решения этой проблемы концентрированно была высказана еще в 1807 г. Михаилом Балугянским, известным юристом и государственным деятелем, состоявшим на службе в России, выходцем из Венгрии (например, он был статс-секретарем при императоре Николае I). Им был составлен проект изменения системы судоустройства России по европейскому образцу.

Он одним из первых в Венгрии заявил о том, что прародину венгров надо искать в России. В частности, М. Балугянский писал: «*Я живу в столице той державы, откуда наши предки отправились в путь, и у меня нередко появляется желание: было бы хорошо, если бы была возможность наконец правильно определить происхождение венгров. <…> Есть кто считает, что венгры происходят от живущих в российской державе вогулов, другие считают — от остяков, башкирцев или других народов. Иногда по Волге отдельные люди из этих народов попадают в Петербург, но я их понимаю так же мало, как финнов… Мы не можем ожидать выяснения вопроса нашего происхождения ни от русских, ни от немцев, ни от французов. Наши ученые черпали только из ручьев, а не из источников. Необходимо объехать Россию, познать названные Анониумусом реки и горы, научиться финскому и родственным ему языкам, если мы хотим познать действительное наше происхождение. <…> Какое широкое поле было бы для ученых Венгрии, если оказалось бы возможным кому-либо из них объехать исключительно в этих целях могучую Русскую империю*»[1]. Одним из первых, кто внял этим словам и отправился в Россию, был А. Регули.

В 1839–1941 гг. А. Регули предпринял большое путешествие по Германии, Голландии, Бельгии, Дании, Швеции и Финляндии, в ходе которого познакомился с идеей финно-угорского родства. Она подтолкнула его заняться проблемами поиска прародины венгров, а также истоков и родственных связей венгерского языка, чему он посвятил оставшуюся жизнь[2]. В это время большое влияние на него оказал А.И. Арвидссон (A.I. Arwidsson, 1791–1858), финский историк, публицист и общественный деятель. А. Регули встречался с ним в Стокгольме, куда А.И. Арвидссон был вынужден в 1823 г. эмигрировать из Финляндии, после того как был уволен в 1822 г. из Академии Або (Университета Турку), где он был доцентом истории. А.И. Арвидссон принадлежал к первому поколению финских общественных деятелей, которое называли «Або-романтиками», или «ранними будителями», и входил в небольшую группу университетской молодежи в 1810–1820 гг., поставившую целью просвещение финского общества, стимулирование в ее рядах активности в создании финской национальной культуры на финском языке и в конечном счете финской нации[3]. Кроме него, в этот кружок входили И.Л. Рунеберг, Э. Леннрот, И.В. Снельман,

венники в Европе. 1532–1770. На венгерском языке]. Nagybecskerek, 1892; *Györffy Gy*. A maggarok elöderöl és a honfoglásoról. [О предках венгров и об обретении родины. На венгерском языке]. Budapest, 1975; *Тарди Л.* Ранние венгерские путешественники в Поволжье // Chuvash Studies. Budapest, 1982. С. 237–246; *Анненский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3.С. 71–112, *Эрдели Иштван*. Волжские болгары и венгры // Finno-Ugrica. 1998. № 1. С. 13–14.

[1] *Tardi L.* Balugyánszky Mihály. Budapest, 1954. S. 214–215.

2 *Kodalányi J.* Antal Regyli // Glaubenswelt und Folklore der sibirische Völker. Budapest, 1963. S. 17–28; *Mezey I.* Schwedische Einwirkungen auf die Entwicklung der altern ungarischen Sprachwissencchaft // Spräkliga Bidrag. Spr. B. Lund, 1965. Bd. 5. № 21.

[3] Об этом см.: *Карху Э.Р.* Малые народы в контексте истории. Петрозаводск, 1999. С. 60–67; *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung... S. 259–260.

А.И. Шегрен, много сделавшие для развития финской культуры, в том числе для разработки идеи финно-угорского родства. Для представителей «первого национального пробуждения» было характерно отношение к языку и нации, народу *kansakunta* как к неделимому единству, а сам языковый признак признавался основополагающим. Об этом свидетельствует высказывание А.И. Арвидссона: «*Пока наш родной язык сохраняется, мы чувствуем себя как народ. Если же язык отцов утрачивается, то и народ исчезает. Все, кто говорит на одном и том же языке, образуя естественную, неделимую общность, их связывает внутренняя связь души и мысли, что сильнее и крепче, чем все внешние связи. Язык образует духовную, страна — только материальную границу, но первая сильнее, так как дух значит более, чем материя*»[1].

Одновременно для представителей «национального пробуждения» было характерно негативное отношение к иностранным культурам, в первую очередь к западной. Например, они считали, что *«южные» культуры не подходят для северных народов*[2]. Поэтому финские романтики, как и представители этого течения в Европе, были приверженцами патриархальных нравов, национальной старины, прошлых форм культуры и т.д. Это стало идеологической основой для изучения народной культуры и поиска идей для формирования национального самосознания в прошлом, золотом веке человечества, который противопоставлялся времени «дикого» капитализма.

В этот период финны отчетливо стали осознавать свою этническую общность, и естественно возникла необходимость определения их места в мире, во времени и пространстве, среди родственных и соседних народов, что потребовало сравнительного изучения истории, языка и культуры. Поэтому для определенной части финской интеллигенции сбор фольклорного, лингвистического и исторического материала о древности и самобытности народной культуры становится важной общественной задачей. Одновременно в научной среде возникает интерес к культуре соседних народов, в первую очередь к финно-уграм.

Беседы с А.И. Арвидссоном усилили интерес А. Регули к этим идеям. Он решил серьезно заняться изучением истории Скандинавии и одновременно пришел к выводу о необходимости изучения финского языка в его сравнении с венгерским. Поэтому А. Регули едет в Гельсингфорс (Хельсинки) и изучает здесь финский, шведский и саамский (лопарский) языки. Его познания в финском языке были столь основательны, что он даже был приглашен в качестве лектора в Александровский университет в Гельсингфорсе. Одновременно он с помощью ***М.А. Кастрена*** знакомится с основами лингвистики и этнографии финно-угорских народов.

В Финляндии А. Регули принимает решение совершить путешествие по северу Скандинавии и России. В своем письме от 20 октября он так описывает свой план: зимой необходимо посетить Лапландию для изучения саамов (лопарей). Для этого он предполагал из района северной части Приботнии через Норвегию и Финляндию проехать на Кольский полуостров. Затем через Архангельскую и Олонецкую Карелию, изучив карельский язык, прибыть в Петербург. Петербург должен был стать началом нового путешествия, на этот раз на восток, для изучения восточных финнов. После посещения Приуралья и Зауралья он должен был вернуться в Венгрию через Южный Урал, познакомившись с культурой народов, говорящих на тюркских языках. Последний этап пути должен был пройти через Причерноморье и Молдавию[3].

Во время этой экспедиции венгерский ученый собирался изучать внешний вид, ремесло и промыслы, хозяйство, образ жизни, характер, одежду, обычаи, верования (суеверия), мифологию и древности (археологию) разных народов. Здесь ощутимо влияние его

---

[1] *Jutikkala E.* Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964. S. 275.

[2] Цит. по: *Шлыгина Н.В.* История финской этнографии. М., 1995. С. 21–22.

[3] *Kodalányi J.* Antal Regyli… S. 18–19.

консультанта — ***М.А. Кастрена***, который примерно в это время пришел к выводу об урало-алтайском родстве и поставил вопрос о необходимости проведения сравнительно-исторического исследования финно-угорских и тюркских языков. Частью такого большого и тщательного обследования мог стать план А. Регули. Но этому значительному проекту не суждено было осуществиться, ему помешали сначала болезнь исследователя, а затем — отсутствие денег. Эти проблемы постоянно преследовали А. Регули и вносили существенные изменения в его планы. Все поездки А. Регули совершал при финансовой поддержке своих родителей и друзей. Но этого было недостаточно, чтобы осуществить такой широкоформатный проект. Поэтому он неоднократно обращался в Венгерскую академию наук, которая один раз выделила всего 200 гульденов. На эти деньги ему удалось лишь ненадолго съездить в Лапландию, на Север Финляндии.

В 1841 г. А. Регули отправился из Гельсингфорса в Петербург, чтобы получить там поддержку. Его путь пролегал через Эстонию и Ингерманландию, где он также занимался сравнительно-историческим языкознанием, в частности изучением эстонского языка. В Ингерманландии им были сделаны записи свадебных причитаний у води. Пребывание в этом регионе стало началом его большого путешествия на восток.

Летом 1841 г. он прибыл в Петербург, где начал собирать различный материал по венграм и обским утрам. А. Регули работал в Библиотеке Академии наук. Продолжал изучать антропологию, этнографию, географию и историю. Встретился с антропологом и естествоиспытателем, академиком К.Э. Бэром, статистиком и этнографом академиком П.И. Кеппеном, лингвистом и этнографом академиком ***А.И. Шегреном***. Познакомится с методикой исследований этих крупнейших деятелей русской науки. К.Э. Бэр предложил академику А.И. Шегрену разделить между А. Регули и финским лингвистом ***М.А. Кастреном*** из Гельсингфорса выделенные Академией на экспедиционные нужды 3000 руб. Но А.И. Шегрен отклонил это предложение на том основании, что решение данного вопроса находится вне его компетенции. Фактически он к этому времени остановил свой выбор на М.А. Кастрене, проект обследования которого был для него в это время более актуальным, и активно защищал его интересы в Петербурге. Современные исследователи финно-угорской этнографии считают подобное решение А.И. Шегрена «*очевидно несправедливым и неверным*»[1]. Поэтому А. Регули был вынужден вернуться на родину.

Но в Венгрии идеи А. Регули о необходимости проведения широких экспедиционных работ в районе проживания финно-угорских народов неожиданно получили моральную поддержку в среде местных научных и общественных кругов. Поэтому ряд венгерских деятелей обратился в Венгерскую академию наук со специальным письмом, в котором подтверждалась политическая и научная значимость этого проект и была высказана просьба найти возможность для его финансирования[2].

Лишь получив стипендию Венгерской академии наук, а также моральную поддержку К.Э. Бэра, с которым у него сохранились хорошие отношения, поздней осенью 1843 г. А. Регули, наконец, отправился в новое путешествие, на этот раз к местам обитания хантов и манси на Северном Урале. Его маршрут из Москвы через Нижний Новгород пролегал на Казань и Пермь, через районы, населенные мордвой, марийцами, удмуртами и коми-пермяками. Эти народы также оказались включенными в его исследовательскую программу. Одновременно он изучал и тюркские народы: татар, чувашей и башкир.

---

[1] *Branch M.* A.J. Sjögren studies of North // MSFOu. Helsinki, 1973. V. 152. P. 261.

[2] *Baer K.E.* Kurzen Bericht Uber wissenschafliche Arbeiten und Reisen, welche zur näheren Kenntniss des Russichen Reichs in Bezuge auf seine Topographi, physische Beschaffenheit, seine Naturproducte, den Zustand seine Bewohner u.s.w. in der letzten Zeit ausgetüihrt, fortgesetzt oder eingeleitet sind // Beiträge zur Kenntniss des Russichen Reiches und angranzen den Länder Asiens. SPb., 1845–1855. Bd. 9. Vol. 1–2. S. 220–241.

В дальнейшем его основные разыскания проходили на Северном Урале, где он дошел до берега Северного Ледовитого океана и отправился обратно, сопровождаемый несколькими проводниками, по бездорожью и глухомани[1]. Потом из Перми через Соликамск и Богословский завод, Верхотурье он добрался до Тюмени, оттуда — в Тобольск. По Тоболу он сплавился до устья р. Конды, по течению которой углубился в Уральские горы. Далее его путь пролегал по берегам рек Пелым и Сосьва; сплавившись по последней, он попал на Обь и, исследуя ее левые притоки, добрался до Обдорска (Салехарда). Лишь в августе 1846 г. он вернулся в Петербург[2]. Во время своего путешествия А. Регули контактировал с академиком К. Бэром, который публиковал в русской академической печати выдержки из его писем[3].

А. Регули интересовали вопросы происхождения венгерского языка, прародины и сородичей венгров, которых он видел в народах, населяющих северную часть Уральских гор (преимущественно угро-финской языковой группы — манси и ханты). Он изучал их язык, особенности быта и обрядов. В результате был собран значительный этнографический и лингвистический материал. Одной из главных заслуг этой экспедиции явилось доказательство генетического родства языков венгров и манси, что подтверждают и современные ученые. Но в рамках нашей темы представляет большой интерес созданная им «Этнографическо-географическая карта области Северного Урала»[4]. Настоящая карта была выполнена А. Регули на основе собственных полевых материалов уже после возвращения из экспедиции в Петербурге по предложению Русского географического общества для будущей Уральской экспедиции. Эта работа позднее была высоко оценена ***Э.К. Гофманом***, который побывал на Урале в 1849–1850 гг. и убедился в правильности обозначенных на карте данных[5]. Фактически это была первая для этой территории подробная карта (хотя и выполненная глазомерной съемкой) с нанесением на нее большого числа местных географических названий: гор, рек, озер, населенных пунктов, которые тем самым были сохранены для мировой культуры, так как часть из них нигде больше не зафиксирована.

В письме к академику П.И. Кеппену в 1847 г. А. Регули писал: «*Карта моя, будучи составленная для этнографических целей, не должна быть рассматриваема с одной только географической точки зрения. Для интересов этнографа нет необходимости, чтобы в географическом начертании страны соблюдена была строгая математическая точность*»[6]. Это письмо в какой-то степени является объяснительной запиской к карте. Топонимический материал имеет колоссальное научное значение. «*Что касается до имен и названий мест, то они обозначены со всей полнотой там, где живут вогулы*»[7]. Например, зафиксированное им на Урале название *Егра* вновь сделало актуальной старую проблему дислокации летописной Югры. Появилась возможность нового обсуждения линии Югра — Егра — Угра и локализации этого эт-

---

[1] *Архипова Н.П., Ястребов Е.В.* Как были открыты Уральские горы. Очерки по истории открытия и изучения природы Урала. 3-е изд., перераб. Свердловск, 1990. С. 112–117; *Архипова Н.П.* С берегов Дуная на север Уральских гор. Путешествие Антала Регули // Природа. 1978. № 11. С. 103–109; *Карелин В.Г.* Географические открытия венгров на Урале // Уральское краеведение. Екатеринбург, 1996.

[2] Отчет о деятельности Русского географического общества за 1846–1847 гг. // Зап. РГО. СПб., 1849. Кн. 3; *Baer K.E.* Kurzen Bericht üiber wissenschafliche Arbeiten und Reisen... S. 220.

[3] Bulletin de la Classé historico-philologique de l´Academie Imperiale des Sciences de Sankt-Petersburg. T. 1. S. 297–300, 349–351; T. 2. S. 122–126, 205–206.

[4] *Reguli A.* Ethnographisch-geographische Karte der nördlihcen Uralgebiete, entworfen auf einer Reise in der Jahren 1844/1845. SPb., 1846.

[5] *Hofmann E.K.* Der Nordische Ural und Küsteugebierge Pae-Choi. SPb. Bd. 1. S. 4.

[6] Перевод письма венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского географического общества академику П.И. Кеппену от 21 января 1847 г. // Зап. РГО. СПб., 1849. Кн. 3. С. 160.

[7] Перевод письма венгерского путешественника… С. 160.

нонима на Урале[1]. По мнению А. Регули, в этом районе сохранился большой пласт пермской (коми) топонимики. Так, он подтверждает происхождение старого названия Салехарда — *Обдорск* — из коми языка, приводя образцы подобных топонимов в Приуралье, например: Соликамск коми-пермяки называли *Солдор*. Эти данные свидетельствуют, что А. Регули активно использовал ономастическую методологию ***А.И. Шегрена*** для решения этноисторических задач в сравнительно-историческом плане. А. Регули в своем письме из Казани академику К.Э. Бэру пишет, что в его планах в числе других задач — сбор топонимического и антропонимического материала[2].

Одновременно на этой карте впервые достоверно были нанесены этнические границы расселения коми-зырян, ненцев, хантов и манси, что крайне важно для выявления истории проживания и миграций этих народов в этом регионе. При их нанесении А. Регули столкнулся с проблемой определения земель, принадлежащим тем или иным народам, ибо действительные границы проживания не всегда соответствовали границам владения угодий и пастбищ. Так, он пишет, что рубежом владения охотничьих угодий между манси и коми с русскими на Северном Урале является собственно сам Уральский хребет, а точнее — водораздел между бассейнами Печоры и Оби, который соблюдается местным обычным правом. Ибо здесь, по мнению венгерского путешественника, проходит «*граница по правам звериной ловли*», и от пересечения этой невидимой линии «*требуют удовлетворения*»[3]. А. Регули, имевший юридическое образование, обратил внимание на хозяйственный характер вспыхивавших в этих местах межэтнических конфликтов. С подобной точки зрения рассматривается им и проблема бассейна р. Колвы. По его мнению, основанному на праве пользования, река должна рассматриваться как «*достояние зырян*». Но одновременно А. Регули понимает более сложную ситуацию сочетания «*права владения*» и «*права пользования*» в тундре, где коми-зыряне уже являются пользователями природы, т.е. пастбищ. Поэтому он одновременно четко указывает охотничьи угодья и оленьи пастбища ненцев и коми.

А. Регули затрагивает также вопрос торговли в этом регионе. Он, по-видимому, одним из первых исследователей дал характеристику торговых операций, совершаемых коми и русскими на Северном Урале и Тобольском Севере. Ученый отметил то, что впоследствии не замечали многие исследователи, касаясь сложных торгово-экономических взаимоотношений между русскими, коми, ненцами, хантами и манси. По его мнению, вторжение русских в тундру имело купеческий, торговый интерес, они были лишь торговыми посредниками, стремились получить от местных жителей товар, чтобы перепродать его в Европейской России. Коми экспансия имела «*интерес производителя*», ищущего рынок сбыта готового товара как в тундре, так и лесных районах Урала. Они покупали сырье не столько для последующей продажи, сколько для переработки и реализации уже в виде готовой продукции. Именно промышленный характер коми оленеводства вел к расширению территории проживания и кочевок в тундре. Сам характер коми оленеводства также хорошо описан А. Регули. Поэтому карта содержит важный компонент экономической географии, так как на ней нанесены районы распространения оленеводства, скотоводства и земледелия, различных видов лесов и т.д.

В этой статье венгерский ученый рассматривает и некоторые вопросы этнической истории Северного Урала. Используя зафиксированную на данной территории географическую терминологию, он приходит к выводу, что в прошлом эта местность была заселена самодийцами, а угры, в первую очередь манси, пришли сюда позднее, переняв у ненцев оленеводство.

---

[1] *Лыткин В.И.* К этимологии слов *Угры* и *Югра* // Этимология. 1968. С. 197–206; *Stipa G.J.* Finnisch-ugrische Sprachforschung… S. 305.

[2] *Baer K.E.* Kurzen Bericht uber wissenschafliche Arbeiten und Reisen... S. 244.

[3] Перевод письма венгерского… С. 163–164.

К сожалению, тяжелая болезнь и ранняя смерть помешали А. Регули полностью обработать свои полевые материалы, которые, как и у ***М.А. Кастрена***, были опубликованы уже после его кончины. Так, в 1864 г. Пал Хунфали опубликовал на основе материалов А. Регули книгу «Вогульские земли и вогулы»[1].

Одним из крупнейших зарубежных исследователей традиционной культуры народов коми в XX в. был венгерский ученый ***Давид Рафаэль Фокош-Фукс*** (***Dávid Raphael Fokos-Fuchs***, 1884–1977), лингвист, фольклорист[2]. Родился в небольшом городке Бишенц, в бывшей Австро-Венгрии, в семье школьного учителя. Его детство прошло в Братиславе (Прессбурге, как тогда назывался этот город в составе Австро-Венгерской империи). Здесь он окончил одну из местных гимназий (позднее Фокош-Фукс назвал Братиславу своей родиной)[3]. Именно тут у Д. Р. Фокош-Фукса возник интерес к венгерской и немецкой культуре, ибо в то время этот город был в основном венгеро- и немецкоязычным. В 1907 г. окончил филологический факультет Будапештского университета по специальности «Лингвистика», получив диплом учителя венгерского, латинского и немецкого языков и литературы. После этого он, следуя семейным традициям, почти 40 лет преподавал латынь и немецкий язык в разных гимназиях Будапешта, совмещая это занятие с научной деятельностью. Его университетские учителя, крупные венгерские лингвисты и фольклористы Йозеф Синнаи (Jozeif Szinnyei) и Бертант Мункачи (Bertánt Munkácsi), сумели увлечь своего студента сравнительно-исторической финно-угорской лингвистикой. По завершении университета он защитил докторскую диссертацию, которая была посвящена удмуртскому языку. Тогда же определились его научные интересы.

С целью совершенствования своих знаний в удмуртском языке молодой ученый принимает решение поехать в Поволжье. Он обратился в Венгерский комитет Международного общества изучения Средней и Восточной Азии за финансовой помощью. Секретарь комитета, крупнейший венгерский лингвист Б. Мункачи, посоветовал ему поехать к коми-зырянам, народу, близкому по языку к удмуртам, но изучением которого в Венгрии почти не занимались.

Идея создания особого международного общества, которое бы занималось изучением древней культуры Средней и Восточной Азии, впервые прозвучала на XII Съезде ориенталистов в Риме в 1899 г. Главной целью этой ассоциации было ускорить изучение исчезающих памятников различных цивилизаций на территории громадного Евразийского континента. По мнению подавляющего большинства присутствовавших на съезде ученых и гостей, центром этого учреждения должен был стать Петербург. На следующем, XIII Съезде, прошедшем в 1902 г., юридически подобная исследовательская организация была создана под названием Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Одновременно был утвержден Устав Союза. Основной задачей Союза стала координация научных исследований. Союз практически представлял собой ассоциацию региональных комитетов, создаваемых в различных европейских странах и обладающих полной автономией. Все они юридически и финансово были независимы друг от друга, но брали на себя обязатель-

---

[1] *Hunfaly P.A.* Vogul fold és nép. Pest, 1864.

[2] *Лыткин В.И.* Фокош-Фукс (к 75-летию со дня рождения) // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962. С. 270–274*; Туркин А.И.* Давид Фокош-Фукс как исследователь пермских языков // СФУ. 1974. № 4. С. 293–296; *Он же.* Давид Р. Фокош-Фукс // СФУ. 1978. № 1. С.78–79; *Ляшев В.А.* Давид Фокош-Фукс и коми-зырянская диалектология // Пермистика–2. Венгерские ученые и пермская филология. Устинов, 1987. С. 100–104; *Игушев Е.А*. Давид Рафаель Фокош-Фукс как исследователь коми языка // Там же. С. 105–108; *Рощевская Л.П. Чернышова В.Я*. Русские и зарубежные журналы начала XX века о путешествиях Б. Мункачи и Д.Р. Фокош-Фукса к финно-угорским народам России // Там же. С. 109–114; *Игушев Е.А.* Фокош-Фукс — историк коми языка // Вопросы удмуртского языкознания. Устинов, 1986. С. 11–13; *Itkonen Erkki.* D.R. Fokos-Fuchs. 1884–1977 // FUF. 1979. Bd. 43. S. 349–354.

[3] *Bereczki Gábor*. Der 90. Geburtstag von Dávid Fokos-Fuchs // СФУ. 1974. № 4. С. 291–293.

ства по содействию отдельным исследователям в научной деятельности. Русский комитет считался центральным и находился под покровительством императора Николая II. В число научных проблем, которыми занимался Союз, а также Русский комитет, входило изучение в лингвистическом и этнографическом плане, как тогда говорили, урало-алтайских народов, в том числе финно-угров[1]. Именно поэтому Русский комитет оказывал поддержку зарубежным исследователям: выдавал им открытый лист, который обеспечивал оказание помощи со стороны представителей местных администраций. Подобные национальные комитеты были созданы также в Венгрии и Финляндии[2].

Следуя пожеланиям своих учителей и благодаря финансовой поддержке почетной международной научной организации Д.Р. Фокош-Фукс в 1911 и 1913 гг. совершил две научные поездки в Коми край с целью изучения коми языка и культуры.

Существует определенная неясность с формой организации первой экспедиции. На заседании 13 мая 1911 г. Русский комитет рассмотрел ходатайство Венгерского комитета об оказании содействия и выдал открытый лист профессору Бенедикту Баратош-Балогу (Benedikt Barátosi Balogh) для проведения этнографических работ среди зырян и самоедов[3]. Но, по данным «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера», для проведения научных исследований среди самоедов в 1911 г. был командирован только один венгерский подданный, проф. Баратош-Балог[4]. Согласно данным финской печати, экспедиция действительно финансировалась Венгерским комитетом[5]. В этом сообщении указывается, что «*доктор Д.Р. Фокош-Фукс получил средства для изучения диалекта коми-зырян бассейна р. Мезени и Вашки*», т.е. он работал один и отдельно от своего земляка и коллеги. На самом деле и этот план не был воплощен: Д.Р. Фокош-Фукс ограничился пребыванием в Усть-Сысольске и изучением современного присыктывкарского диалекта коми языка, записями сказок, песен и загадок, а также проверкой и дополнением «Немецко-зырянского словаря» Ф.И. Видемана[6]. В качестве основного исходного материала для изучения языка он использовал фольклорные тексты. Во время первой поездки Д.Р. Фокош-Фукс работал в районах расселения носителей присыктывкарского и среднесысольского диалектов. Итогом этого путешествия стали «Образцы коми народной поэзии», которые содержали 84 текста различных жанров фольклора коми, опубликованные по правилам международной финно-угорской транскрипции и переведенные на венгерский язык[7]. Эта публикация впервые познакомила венгерскую научную общественность с большим массивом устной народной поэзии коми. После этого путешествия Д.Р. Фокош-Фукс был избран членом Венгерского комитета как путешественник по Уралу и писатель[8].

Его коллега, профессор Б. Баратош-Балог также побывал в Усть-Сысольске с 19 июля по 1 августа 1911 г., где занимался этнографическими наблюдениями. Затем он предпринял поездку к удорским коми и через Удору проехал до г. Мезени. Оттуда по р. Пезе Б. Баратош-Балог добрался до полуострова Канин Нос, где изучал ненцев[9]. После этого он через с. Несь доехал до Архангельска. Из заметки видно, что в районе Каниного Носа он занимался изучением коми-ижемского диалекта

[1] Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (в дальнейшем — Изв. РКИСВА). 1903. № 1. С. 1–12; 1910. № 10. С. 25–33.

[2] Устав Венгерского комитета см.: Изв. РКИСВА. 1905. № 5. С. 31–32.

[3] Изв. РКИСВА. Серия II. 1912. № 1. С. 64.

[4] Изв. АОИРС. 1911. № 11. С. 945.

[5] Forshungriesen // FUF. 1911. Bd. 11. S. 30

[6] *Wiedemann F.I.* Syrjänisch-Deutschen Wörterbuch: Nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhange und einem deutschen Register. SPb., 1880.

[7] *Fuchs D.R.* Zürjén népköltészeti mutatványok [Образцы зырянской народной поэзии. На венгерском языке] // NyK 1912. Ev. 41. S. 275–309, 456–475; 1913. Ev. 42. S. 86–173. Отд. издание: Zürjén népköltészeti mutatványok. Budapest, 1913.

[8] Список членов Венгерского комитета, избранных на 191–1916 гг. // Изв. РКИСВА. Серия II. 1914. № 3.

[9] Forshungriesen // FUF. 1911. Bd. 11. S. 30–31.

у кочевавших в этом районе коми и составил словарь из 4000 слов, а также записывал у них сказки. Эти материалы должны были, по мнению Б. Бартоша-Балога, дополнить собрания ***М.А. Кастрена*** и венгерского лингвиста Б. Буденца.

В отчете Русского комитета за 1912 г. указывается, что он оказал содействие членам Венгерского комитета Р. Фуксу, командированному для изучения зырян Архангельской, Вологодской и Пермской губерний и проф. Баратошу для проведения исследований среди зырян и самоедов[1]. Не вполне понятно, почему информация о работе 1911 г. вновь попала в отчет 1912 г.

В 1913 г. Русский комитет вновь принял решение о выдаче открытого листа «*доктору Рафаэлю Фуксу для изучения зырян Вологодской и Архангельской губерний*»[2]. На основе материалов второй поездки, продолжавшейся шесть недель, собранных среди нижневычегодских и удорских коми, он публикует свои записи под названием «Коми тексты»[3]. Кроме того, на базе этих материалов была написана его статья «Заметки к грамматике пермских языков»[4].

Уже первое путешествие Д.Р. Фокош-Фукса было отмечено в русских научных изданиях[5]. Информация об этом появилась в «Этнографическом обозрении» и «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера», в которых говорилось о целях и районах проведения исследований[6]. Правда, «Известия АОИРС» почему-то отмечают, что Р. Фукс совершил экспедицию «*в Пермскую губ. для лингвистических исследований среди зырян*», хотя он работал среди коми-зырян в Вологодской губернии.

Пребывание Д.Р. Фокош-Фукса в Усть-Сысольске в 1911 г. дало новый толчок местному краеведческому движению. Одним из главных помощников венгерского ученого был местный учитель и краевед ***А.А. Цембер***. В «Известиях АОИРС» написано, что «*г. Фукс в г. Усть-Сысольске изучает вычегодский говор зырянского языка под руководством составителя русско-зырянского словаря А.А. Цембера*»[7]. Ему также помогали ученик Тотетемской семинарии А.Н. Надеев, учитель А.Г. Фролов и др. Позднее А.А. Цембер отмечал, что он «*записывал эти сказки, как рассказывали мне, так я и писал, не изменяя ни одного слова. Так мне советовал Фукс*». Сам же Д.Р. Фокош-Фукс считал А.А. Цембера продолжателем дела коми просветителя ***Г.С. Лыткина*** в борьбе за сохранение коми языка.

Исследовательская деятельность Д.Р. Фокоша-Фукса продолжилась в период Первой мировой войны. В 1916–1917 гг. он занимался сбором диалектологического и фольклорного материала у коми и удмуртских военнопленных, оказавшихся в австрийском плену в лагерях на территории Венгрии[8]. При посредничестве Венгерской академии наук и поддержке Венгерского комитета Международного общества по изучению Средней и Восточной Азии Д.Р. Фокош-Фукс «*получил возможность усердно изучать удмуртов, марийцев и коми*». Как пишет Эдён Беке, «*он занимался этим во время своей службы в армии в местечке Komárot*»[9]. Кроме того, Эдён Беке пре-

---

[1] Обращение Венгерского комитета см.: Изв. РКИСВА. 1905. № 5. С. 31–32.

[2] Изв. РКИСВА. Серия II. 1914. № 3. С. 24, 46.

[3] *Fuchs D.R.* Zürjén szövegek [Зырянские тексты. На венгерском языке] // NyK. 1914. Ev. 43. S. 327–382; 1915. Ev. 44. S. 67–105; 1916. Ev. 44. S. 223–320; 1917. Ev. 44. S. 428–458; Ev. 45. S. 401–468. Отд. изд.: Zürjén szövegek [Зырянские тексты. На венгерском языке]. Budapest, 1917.

[4] *Fuchs D.R.* Beiträt zur Grammatik der permischen Sprachen // JSFOu. 1913–1918. Bd. 30.

[5] *Рощевская Л.П., Чернышова В.Я.* Русские и зарубежные журналы начала XX века... С. 109–114.

[6] ЭО. 1911. Вып. 1–2. С. 319; Изв. АОИРС. 1911. № 13. С. 71.

[7] Изв. АОИРС. 1911. № 13. С. 71.

[8] Rafael Fuchs jelentése züérién hadifoglalyokkal valü nyelvi tanulmány áról [Доклад Рафаеля Фукса о лингвистических исследованиях среди военнопленных-зырян. На венгерском языке] // KSz. 1913. Ev. 14. S. 228–230; Ödön Beke. Finnisch-ugrischen Spraschstudien in ungarischen Krigsge fangenenlageren // JSFOu. 1937–1938. Vol. 49. P. 1–15.

[9] *Ödön Beke.* Finnisch-ugrischen Spraschstudien… S. 13.

увеличивает результаты этой работы, утверждая, что записи от пленных являются открытием новых диалектов коми языка. Это не так, диалектные различия коми языка к тому времени были уже определены в работах отечественных и зарубежных лингвистов, в том числе в исследованиях самого Д.Р. Фокоша-Фукса[1]. С мая по август 1916 г. и с октября 1916 г. по февраль 1917 г. он беседовал с носителями пяти разных диалектных групп коми-зырянского языка. В статье, посвященной верованиям коми-зырян, он называет своих информантов: 30-летний Андрей Иванович Попов из дер. Гуменецкой с Прилузья; 28-летний Тимон Арсеньевич Кочанов из д. Фроловской на р. Пруб; 40-летний Сергей Григорьевич Попов из с. Мыелдино в верховьях Вычегды; 22-летний Иван Ларионович Канев из с. Кони на Выми и 27-летний Степан Алексеевич Цивилев из Усть-Сысольска. Когда в ноябре 1918 г. Д.Р. Фокош-Фукс решил продолжить работу с ними, то оказалось, что пленные уже вернулись на родину.

Лексический и фольклорный материал, полученный от них, лег в основу нескольких публикаций. На их основе же появилась большая статья, посвященная народным верованиям коми-зырян[2]. Она представляет собой тщательно сделанный обзор религиозных представлений коми-зырян, дополняющий, по мнению венгерского ученого, статью ***В.П. Налимова***[3]. Одновременно это первая крупная работа, в которой дается сравнительно-историческое описание верований коми-зырян в сопоставлении с другими финно-угорскими народами с привлечением материалов русских и, что крайне важно, венгерских и финских исследователей. Таким образом, научное значение этой статьи крайне велико, ибо, когда в 1960-х гг. возобновилось изучение народных верований коми, ученые уже не имели возможности общаться с информантами конца XIX — начала XX в. Соответственно, степень информационной достоверности по этим вопросам была низкой. В поле зрения венгерского ученого оказались космогонические мифы и представления, духи-божества (водяные, лешие и т.д.). Большой раздел статьи посвящен колдунам. Одновременно автор приводит некоторые фольклорные тексты. Но полностью весь собранный фольклорный материал вошел в сборник «Фольклор народа коми (зырян)», изданный венгерским ученым через много лет. В это же время был выпущен подобный сборник по фольклору удмуртов[4]. Во время работы с военнопленными он оказывал помощь австрийскому композитору ***Роберту Лаху***, который собирал среди них музыкальный фольклор.

Фундаментальный труд Д.Р. Фокоша-Фукса — «Коми-зырянский словарь», в котором обобщен уникальный фольклорный материал, накопленный исследователем при изучении коми языка[5]. Фактически он является коми-немецким толковым словарем, так как все пояснения даны на немецком языке. В двух томах содержится свыше 20 тыс. слов. В словаре широко представлена коми фразеология. До настоящего времени он остается одним из лучших подобных изданий.

Сочинения Д.Р. Фокоша-Фукса представляют собой великолепный этнографический источник, характеризующий коми общество начала XX в., так как содержат большой лексикографический материал по традиционной культуре, быту и религиозным верованиям народа коми. Для исследователей историко-культурных контактов коми-зырян с обскими

---

[1] Предварительные публикации записанных текстов см.: NyK. 1920. Ev. 45. S. 401–408; KSz. Ev. 16. S. 261; KSz. Ev. 17. S. 228

[2] *Fokos-Fuchs D.R.* Beitrage zur kenntnis des volksglauben der Syrjanen // FUF. 1923–1924. Bd. 16. S. 237–274.

[3] *Налимов В.П.* Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян // ЭО. 1903. № 2. С. 76–86.

[4] *Fokos-Fuchs D.R.* Volksdichtung der Komi (Syrjanen). Budapest, 1951; *Он же.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952. Рец.: *Liimola M.* D.R Fokos-Fuchs. Volksdichtung der Komi (Syrjanen) // FUF. 1953. Bd. 31; *Bernhard Munkáchi, D.R Fokos-Fuchs.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken // FUF. 1953. Bd. 31.

[5] *Fokos-Fuchs D.R.* Syrjanisches Wörterbuch. Budapest, 1959. Bd. 1–2. Рец.: *Jokinen Raija.* D.R Fokos-Fuchs. Syrjanisches Worterbuch // FUF. 1958. Bd. 33.

уграми не потеряла своего значения его статья «Из области заимствований»[1]. В ней венгерский ученый показывает, каким образом лексические заимствования могут служить ценным источником для изучения исторической фонетики и решения некоторых этногенетических вопросов. На основании коми заимствований в хантыйском и мансийском языках исследователь установил, что они произошли до XVII в., во время перехода *л* в *в* в коми диалектах. Обские угры взяли из коми языка слова из т.н. *л*-диалектов, и *в*-эловых диалектов в то время в коми языке еще не было. Позднее Фокош-Фукс пишет специальную статью по этимологии важных для понимания религиозных представлений коми слов *вежа* — святой, *вичко* — церковь и *вись* — жертва[2]. Приведенные им фольклорные и лингвистические материалы широко используются в современных этнографических исследованиях.

Д.Р. Фокош-Фукс занимался также исследованием языка удмуртов и хантов. Он автор большого количества работ по вопросам финно-угроведения[3]. В течение длительного времени читал лекции в Будапештском университете, профессором которого состоял с 1964 г. Кроме того, ученый был редактором ряда венгерских научных журналов, в первую очередь лингвистического и фольклористического характера, членом многих венгерских и международных научных обществ. В частности, секретарем, а позднее и президентом Венгерского этнографического общества, вице-президентом Венгерского лингвистического общества.

С коми военнопленными в австрийских лагерях в 1916–1917 гг. взаимодействовал и австрийский композитор Роберт Лах.

Роберт Лах (*Robert Lach, 1874–1958)*, австрийский музыковед и композитор. Родился в Вене, учился в Венской консерватории. В 1913 г. руководитель музыкального отдела Национальной библиотеки в Вене. С 1915 г. преподаватель, в 1920–1939 гг. профессор музыковедения, психологии и эстетики Венского университета. Труды Р. Лаха охватывают широкий круг научной проблематики — от музыки Средневековья и эпохи романтизма до вопросов музыкальной этнографии, музыкальной эстетики и психологии. Автор ряда работ по истории музыки и сравнительному музыковедению. Его исследование «Этюд к истории развития орнаментальной мелодии», в котором развитие музыки рассматривается во взаимосвязи культурно-исторических, психологических, антропологических и биологических факторов, заложило основу этого направления в современном музыковедении. Вслед за Берлинским архивом фонограмм подобное учреждение возникает в Вене. Для исследований Р. Лах активно использовал появившиеся технические средства сбора и записи народных мелодий. Так он оказался в лагерях военнопленных, записывая тексты у представителей различных этнических групп.

Изданный им в 1926 г. музыкально-текстовый сборник «Песни русских военнопленных. Т. 1: Финно-угорские народы. Ч. 1: Удмуртские, зырянские и пермяцкие песни» охватывал 69 коми текстов различного характера: солдатские, детские, любовно-лирические, семейно-бытовые песни, причитания[4]. Тексты сопровождаются нотными записями. Эти записи по разным причинам малоизвестны российским исследователям. Роберт Лах был крайне ограничен в выборе исполнителей. Песни записаны от пяти военнопленных, и лишь один из них музыкально одарен. Анализ материалов Р. Лаха приведен в работе коми композитора и музыковеда Александра

---

[1] *Fokos-Fuchs D.R.* Aus dem Gebeite Lehnbeziehnungen // ALH. 1953. S. 211–289.

[2] *Fokos-Fuchs D.R.* Etymologisches aus den permischen Sprachen // FUF. 1958. Bd. 33. S. 164–181.

[3] Биобиблиографию работ Д.Р. Фокош-Фукса см.: Зарубежные ученые — исследователи коми языка. Сыктывкар, 2003. С. 84–90; Veröffentlichungen von D.R. Fokos-Fuchs 1905–1973 // ALH. 1974. S. 15–27.

[4] *Lach Robert.* Gesange russicher Krigsgefanger. Bd. 1. Finnisch-ugrische Völker. 1 Abtielung. Wotjakische, syrjänische und permjakische Gesange.Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permjakische von Dr. Raphael Fuchs. Wien; Leipzig, 1926.

Осипова «Песни народа коми»[1]. При всей фрагментарности сборник представляет ценность, потому что фиксирует появление у коми частушек-импровизаций в период, предшествующий Первой мировой войне.

7.2. Финские исследователи этнографии народов коми

Путешествия А. Регули и Д. Фокоша-Фукса были их частными предприятиями, хотя и поддержанными научным сообществом. Постепенно изучение народов коми, как и других финно-угров, в Финляндии становится систематическим. Большую роль в этом сыграло Финно-угорское общество.

В 1860–1890-е гг. Финляндия постепенно становится крупнейшим центром изучения финно-угорских народов. Этому во многом способствовало то, что в России, несмотря на деятельность крупных российских финно-угроведов ***А.И. Шегрена***, ***Ф.И. Видемана***, не сложилась своя научная школа, не произошла институализация финно-угроведения как научной дисциплины. Они не оставили учеников, кроме того, в университетах не проводилась подготовка соответствующих специалистов[2]. В то время именно финские ученые разрабатывают теорию и практику специальной науки финно-угроведения и финно-угорской этнографии, в частности, путем сравнительного изучения истории, обычаев и обрядов родственных финнам народов[3]. С самого начала финно-угроведение складывалось как комплексная наука, объединявшая историков, этнографов, лингвистов, археологов. Большую роль в ее становлении в Финляндии в тот момент сыграли А.Э. Альквист, Ю. Крон, О. Доннер и И.Р. Аспелин.

Август Энгельбрехт Альквист, профессор кафедры финского языка Александровского университета с 1863 г., его ректор с 1884 по 1887 гг., филолог, поэт, публицист, активно разрабатывал методы лингвистической палеонтологии в финно-угроведении, рассматривал вопросы финской филологии с культурно-исторической точки зрения[4]. Так, он считал, что заимствование культурных понятий из одного языка в другой чаще всего свидетельствует о заимствовании одним народом у другого определенных предметов. Этому была посвящена его специальная статья «Культурные слова в западно-финских языках»[5]. Именно с этими целями А.Э. Альквист предпринял три поездки в 1854–1858, 1877 и 1880 гг. в районы обитания финно-угорских народов, в первую очередь к хантам и манси, и написал еще одну статью, посвятив ее анализу языку обских угров[6].

Юлиус Леопольд Крон, финский фольклорист и литературовед, вошел в историю мировой науки как создатель историко-географического метода, на основе которого сформировалась финская школа фольклористики[7]. Его метод был основан на принципе

---

[1] *Осипов А.Г.* Песни народа коми. Сыктывкар, 1964.

[2] *Терюков А.И.* Финно-угорская этнография в Петербурге–Ленинграде (XIX — 30-е гг. XX вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1989. С. 7–10.

[3] См., например, обзор по развитию финно-угроведения: *Setälä E.N.* Die finnisch-ugrischen studien als universitätfach // FUF. 1901. Bd. 1. Heft. 2. S. 40–67; *Stipa G.* Finnish-ugrische Sprachforschung...

[4] *Donner O.* August Engelbrekt Ahlqvist. 20 marrast. 1889 // ASSF. 1891. Vol. 17. S. 539–550; *Joki A.J.* August Ahlqvist — fennougritina [Август Альквист — финно-угровед. На финском языке] // Neuvostoliittoninstuutin vuosikirja. Helsinki, 1977. T. 25. S. 51–62.

[5] *Ahlqvist A.E.* Dei Kulturwörter der westfinischen Sprachen. Ein Beitrag zur der älteren kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors, 1875. В России основные идеи А. Альквиста легли в основу книги Л.Н. Майкова «О древней культуре западных финнов по данным их языка. По сочинению доктора Альквиста», изданную в СПб. в 1877 г.

[6] *Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland. 1828–1918 // The History of Leaning and Science in Finland. Helsinki, 1986. Vol. 11. S. 320–321; *Ahlqvist A.E.* Über die Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen // JSFOu. Bd. 8. S. 1–22.

[7] *Setälä E.N.* Julius Krohn // Valvoja. Vol. 8. P. 378–383; *Krohn K.* Über die finnische folkloristische metod // FUF. 1910. Bd. 10. S. 33–43; *Hautala J.* Die folkloristische Forschung in Finnland // JSFOu. Vol. 60. S. 1–48; *Он же.* Finish folklore research 1828–1918 // The History of Lean-

эволюционизма и стремлении найти или реконструировать первоначальную форму фольклорного текста (произведения), выявить, какие изменения он претерпел во времени и пространстве, что, в свою очередь, давало возможность найти отпечатки далекого прошлого, пережитки древнейших языческих верований, а также проследить историю контактов с окружающими народами.

В конце 1870-х гг. Иоганн Рейнгольд Аспелин, финский археолог, много сделавший для выявления происхождения финно-угров, совершил несколько экспедиций по Восточной России. И.Р. Аспелин считается основателем финно-угорской археологии[1]. Он впервые обратил внимание своих коллег в России и Скандинавии на необходимость тщательного изучения вещественных памятников прошлого и предметов материальной культуры финно-угорских народов. Опубликованная им серия «Древности северных финно-угров» преследовала цель дать археологическое обоснование гипотезе ***М.А. Кастрена*** о формировании финно-угров в район Алтайских гор[2]. И хотя эта попытка не была удачной, тем не менее его работы поставили на повестку дня необходимость тщательного изучения древностей на Севере Европы.

Именно по инициативе профессора археологии И.Р. Аспелина в 1870 г. в Финляндии появилась Финская ассоциация древностей, которая должна была «*привлечь внимание к собиранию и сохранению от разрушения памятников искусства и древностей родной страны, как то: поэзии, песен, сказаний — и пробуждения в финской нации чувства интереса к проявлениям прошлого*». Это был первый шаг на пути признания финской научной общественностью нового научного направления.

Завершением этого процесса стало учреждение в 1883 г. в Гельсингфорсе Финно-угорского общества, которое было приурочено к 50-летию со дня смерти ***М.А. Кастрена***[3]. Это стало возможно благодаря неутомимой деятельности группы энтузиастов-ученых во главе с профессором Отто Доннером[4]. В числе инициаторов создания общества — И. Аспелин, А. Альквист, З. Топелиус, Э. Ленрот. Цели и задачи общества были четко сформулированы уже в § 1 Устава: «*Содействовать получению сведений об финно-угорских народах для изучения их языков, археологии, древней истории и этнологии*»[5]. Благодаря частным пожертвованиям и регулярным субсидиям со стороны Сената Великого княжества Финляндского у общества появилась возможность проведения систематических экспедиций в районах проживания финно-угорских народов и публикации научных результатов этих разысканий[6]. Для ознакомления мировой на-

---

ing and Science in Finland. 1828–1918. Helsinki, 1968. Vol. 12; *Pentikäinen J.* Julius and Kaarele Krohn // Biographica: Nordic Folklorists of the Past. Uppsala, 1971. P. 11–33.

[1] *Nordman C.A.* Arkeologian ja kansatieteen tutkimus // Oma Maa. Helsinki, 1959. № 5.

[2] *Aspelin J.R.* Antiquites du nord fenno-ougrien. Helsingfors, 1877–1884.

[3] *Ravila P.* Suomalais-ugrilaisen Seura. 1883–1933 [Финно-угорское общество. 1883–1933. На финском языке] // JSFOu. 1933. Bd. 46. P. 1–67; *Mikkola J.J.* Vorbereitungen zur Grünlung der Finnisch-ugrischen gesellschaft // MSFOu. 1936. Vol. 71; *Aalto P.* Suomalais-ugrilaisen Seura. 1933–1958 [Финно-угорское общество. 1933–1958. На финском языке] // JSFOu. 1958. Vol. 60. P. 1–39; *Vuorela T.* Ethnology in Finland before 1920 // The History of Leaning and Science in Finland. Helsinki, 1977. Vol. 12. P. 22.

[4] Отто Доннер (1835–1909) — крупнейший финский лингвист и общественный деятель, профессор Александровского университета, сенатор, первый президент Финно-угорского общества. О нем см.: *Setälä E.N.* Otto Donner. In memoriam // JSFOu. 1910. Vol. 27. P. 1–28; *Он же.* Otto Donner // FUF. 1909. Bd. 9. S. 214–220; *Kannisto A.* Otto Donner — suomalais-ugrilaisten kielten tutkijana [Отто Доннер — специалист по финно-угорским языкам. На финском языке] // JSFOu. 1937–1938. Vol. 49. P. 3–16.

[5] Status de la Société Finno-Ougrine // JSFOu. 1886. Vol. 1. P. 1.

[6] Научные экспедиции Финно-угорского общества // Правительственный вестн. 1900. № 250; Из истории кафедры финского языка и литературы Гельсингфорского университета // Русская мысль. 1902. Т. 23. С. 127–141; *Погодин А.Л.* Гельсингфорсская школа филологов и лингвистов // ЖМНП. 1903. Июль. С. 128–156; *Он же.* Финно-угорское общество в 1903 г. // Финляндская газ. 1904. № 181; 1906. № 169; *Он же.* Труды финляндских ученых по изучению финских племен

учной общественности с результатами деятельности своих членов общество учреждает и издает до настоящего времени ряд печатных серий: журнал общества Suomalais-ugrilaisen Seura aikakauskirja — Journal de la Société Finno-Ougrienne с 1985 г.; Труды общества Suomalais-ugrilaisen Seura toimituksia — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne с 1890 г., сборники "Finnisch-ugrische Forschungen" с 1901 г. В этих научных изданиях опубликовано много материалов по языку и традиционной культуре народов коми[1].

Во второй половине XIX в. оформившееся в самостоятельную науку международное финно-угроведение включило в число объектов изучения наряду с другими народами коми-зырян и коми-пермяков[2].

В числе первых финских исследователей народов коми следует отметить ***Торстена Густафа Аминоффа*** (***Torsten Gustaf Aminoff***, 1838–1881) — финского лингвиста, работавшего в области пермской филологии. Он родился в семье инженера-землеустроителя в городе Нильсия на северо-востоке Финляндии. Т.Г. Аминофф происходил из знатного русского дворянского рода Аминовых (Аминевых). Этот род долго служил московским государям. Но в период Смутного времени его предок, Ф.Г. Аминов (Аминев), бывший воеводой в Иван-городе, переселился с семьей в Швецию, где в 1613 г. был причислен к шведскому дворянству[3]. После окончания Финляндского (Фридрихсгамского) кадетского корпуса состоял в Финляндском стрелковом батальоне, расквартированном в то время на территории современной Эстонии. Здесь Т.Г. Аминофф начал самостоятельно изучать сначала эстонский, а затем и другие финно-угорские языки. В 1861 г. он оставил военную службу в чине поручика и посвятил себя науке. Сдав экстерном экзамены за университетский курс, начинающий ученый провел некоторое время в северной Финляндии, занимаясь сбором фольклорного и лингвистического материала. Вслед за своим наставником, профессором А. Альквистом он считал, что только полевые исследования дают качественный материал для теоретических построений.

В 1873 г. появляется первая крупная работа Т.Г. Аминоффа — «Краткий очерк истории включения восточно-финских народов в состав Российского государства»[4]. Здесь Т.Г. Аминофф, кроме историко-политических вопросов, рассмотрел и ряд научных проблем. Например, он локализировал территорию древней прародины финно-угров к западу от Уральских гор, в районе Волго-Камья. Тем самым он одним из первых подверг сомнению авторитетную в то время гипотезу об уралоалтайском родстве и происхождении финно-угров ***М.А. Кастрена*** и ***Ф. Видеманна***.

Т.Г. Аминофф, полагавший, что качественный полевой материал является основой проведения научных исследований, предпринял в 1873 г. специальную поездку в Поволжье в надежде найти новые доказательства для упрочения своей гипотезы. Здесь он провел исследования среди удмуртов. Следствием этого путешествия стала его монография «Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка», опубликованная, правда, лишь в 1896 г. Знание пермских языков позволило Т.Г. Аминоффу позднее опубликовать материалы ***М.К. Кастрена*** по народам коми[5].

России // Финляндия. 1910. № 1. С. 3–8; *Он же.* Из области финно-русских культурных отношений // Финляндия. 1910. № 2. С. 42–45; То же // ИАОИРС. 1910. № 4. С. 1–4; *Кузнецов С.К.* Успехи этнологии в деле изучения финнов за последние 30 лет // ЭО. 1910. N 1–2; *Халиков А.Х.* Финно-угорское общество и его роль в изучении языка, фольклора, археологии и этнографии народов Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 9.

[1] Suomalais-ugrilaisen Seura Julkaisut. — Publication of the Finno-Ugrian Society. 1885–1995. Helsinki, 1995.

[2] Об изучении народов коми членами Финно-угорского общества см.: *Ravila P.* Suomalais-ugrilaisen Seura. 1883–1933… S. 41–44.

[3] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона С. 650–651.

[4] *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах… С. 37.

[5] *Aminoff T.G.* Syrjääniläisiä Häälauluja, kome koonnut M.A. Castren alkutekstistä suomenleisella ja saksalaisella käännöksellä varust T.G. Aminoff // Acta soc scient fennicae. Helsingforsiae. 1880. № 11; *Он же.* Syrjänische Hochzeitsgesänge. Mit finnischer und deutsher Uebersetzung hrsg T.G. Aminoff // Acta soc scient fennicae. Helsing-

На рубеже XIX–XX вв. коми вновь попадают в поле зрения финских исследователей, что было связано с образованием в 1883 г. в Хельсинки Финно-угорского общества, которое начало финансировать научные изыскания за пределами Великого княжества Финляндского. Поле долгого перерыва в Коми крае побывал Ю.Й. Вихман.

Юрье Йоосиппи Вихман (***Yrjö Jooseppi Wichmann***, 1868–1932) — финский лингвист, фольклорист, финно-угровед[1]. Родился в с. Лиминка в пасторской семье на севере Финляндии. Окончил лицей в г. Улеаборг (Оулу). В 1887–1891 гг. учился в Александровском университете в Гельсингфорсе (теперь — Хельсинкский университет), ученик крупнейшего финского фольклориста К. Крона. Во время учебы Ю.Й. Вихман начал увлекаться финно-угорской лингвистикой и фольклористикой. Затем он несколько лет преподавал финский язык в разных школах Финляндии.

Будучи студентом, Ю.Й. Вихман стал членом Финно-угорского общества, в архиве которого познакомился с материалами удмуртской экспедиции ***Т.Г. Аминоффа***. Именно тогда у него возникла идея совершить собственную поездку к удмуртам и другим финно-угорским народам в России. На средства этого общества в 1891 г. он поехал в Поволжье с целью изучения удмуртского языка. Во время этой поездки завязались дружеские контакты с казанскими профессорами Н.И. Ильминским и ***И.Н. Смирновым***, а также с местными краеведами.

В это время он начал печататься в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете», опубликовав в них три работы, в которых в основном знакомил российских коллег с работами финляндских ученых[2]. В 1894 г. состоялась вторая поездка Ю.Й. Вихмана к удмуртам. На основе этих полевых материалов в 1897 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию истории вокализма удмуртского языка в сопоставлении с коми[3]. В том же году стал доцентом, а в 1920 г. — профессором кафедры финно-угорской филологии в Хельсинкском университете.

С сентября 1901 по август 1902 гг. Ю.Й. Вихман проводил исследования среди коми-зырян[4]. Для этой поездки он получил т.н. Александровскую стипендию в размере 5140 финских марок, которую университет выделял для научных изысканий за пределами Великого княжества Финляндского[5]. В эту научную экспедицию он отправился уже зрелым полевиком, имеющим опыт путешествия среди русских финно-угров, собирательской ра-

---

forsiae, 1880. № 11. S. 203–231. См. рецензию Отто Доннера на это сочинение: *Donner O.* Syrjääniläisiä Häälauluja, kome koonnut M.A. Castren alkutekstistä suomenleisella ja saksalaisella käännöksellä varust T.G. Aminoff // Kirjallinen kaukauslehti. 1879. S. 106–107.

[1] *Кострома И.* Коми йӧзлӧ друг [Друг коми людей. На коми языке] // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1979. № 6. С. 58–61; *Туркин А.И.* Ю. Вихман — исследователь коми диалектов // Пермистика–2. Вихман и пермская филология. Ижевск, 1991. С. 45-52; *Он же.* Вихман Ю.И. // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 57–60; *Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland… P. 153-158; *Setälä E.N.* Yrjö Wichmann. 8.IX.1868–3.V.1932 // FUF. 1933. Bd. 21. H. 1–3. S. 1–4; *Kannisto A.* Puhe professori Yrjö Wihmann hautapatsaan vihkiäisissä Helsingin nautausmaalla lokak [Речь на открытии 3 октября 1936 г. в Хельсинки памятника на могиле профессора Ю. Вихмана. На финском языке] // JSFOu. 1937–1938. Vol. 49. P. 1–12. Более полную сводку публикаций Ю.И. Вихмана по коми языку и о нем см.: Зарубежные ученые — исследователи коми языка. Сыктывкар, 2003. С. 124–128.

[2] *Вихман Г.* (Wichmann J.) Письма из Гельсингфорса (заметки о финно-угорских исследованиях) // Изв. ОИАЭ. Т. 11. Вып. 2. С. 198–200; *Он же.* Письма из Гельсингфорса (сообщения о дешифровке В. Томсеном Орхонских и Енисейских надписей) // Изв. ОИАЭ. Т. 11. Вып. 4. С. 483–485; *Он же.* Следы человеческих жертвоприношений у вотяков (По поводу труда проф. И.Н Смирнова о человеческих жертвоприношениях у вотяков и других народов) // Изв. ОИАЭ. Т. 11. Вып. 3. С. 291–293.

[3] Краткое содержание этой работы см.: *Wichmann Y.J.* Suomen *vaski* sanan vastineet permiläisissä kielissä (votjakissa ja syrjäänissä) // Virittäjä. 1897. 23

[4] *Wichmann Y.J.* Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen 1901–1902 // JSFOu. 1903. Vol. 21. S. 3–47; Новые труды финских исследователей // ЭО. 1903. № 1. С. 157–158.

[5] Forschungsreisen // FUF. 1901. Bd. 1. S. 179, 236; То же // FUF. 1902. Bd. 2. S. 81–82.

боты, а также знающим русский язык. К этому моменту, в 1899 г., он опубликовал свою первую лингвистическую работу по коми языку, посвященную сопоставлению финского названия меди в удмуртском и коми языках[1]. Вообще, его занятия коми-зырянским языком начались еще в 1894 г. в Гельсингфорсе, где он познакомился с солдатом русской армии Г.И. Терентьевым, который был родом из Красноборска (с Печоры), и сделал свои первые записи лексикографического, грамматического и фольклорного характера[2]. Ученый ставил перед собой две задачи: во-первых, получить копии со всех имеющихся к тому времени в руках исследователей образцов древнепермской (древнекоми) письменности; во-вторых, составить как можно более полный словарь коми языка[3]. За основу нового словаря коми языка финский исследователь взял коми-немецкий словарь академика Ф.И. Видемана, который уже во многом не устраивал зарубежных исследователей и исправлением и дополнением которого он занимался во время своей экспедиции. Эти задачи были выполнены в плане собирательской деятельности, хотя их публикация осталась незавершенной.

Перед тем как отправиться в Коми край, Ю.Й. Вихман в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга, Москвы и Казани собирал сведения об образцах текстов на древнепермском языке времени ***Стефана Пермского***, копировал их, в частности материалы ***П.И. Савваитова*** (они сохранились в его архиве, позднее Ю.Й. Вихман попытался расшифровать их). Кроме того, им были сделаны копии с различных сохранившихся в архиве А.Й. Шегрена рукописей и документов о дискуссии, развернувшейся между ***А.Й. Шегреном***, ***П.И. Савваитовым***, ***НА. Роговым***, В. Кокшаровым по поводу «Грамматики зырянского языка» П.И. Савваитова. По записям в его дневнике известно, что во время пребывания в Петербурге финский ученый встречался с коми учеными — ***Г.С. Лыткиным*** и ***К.Ф. Жаковым*** — и консультировался с ними по поводу своей поездки в Зырянский край[4].

Затем через Вологду — Устюг — Котлас — Яренск Ю.Й. Вихман отправился в Усть-Сысольск. По сведениям И. Костромина, в фондах Вологодской духовной консистории сохранился любопытный документ о его пребывании в Вологде. В нем указывается, что правление консистории разрешило финскому ученому-лингвисту, известному своими работами по сравнительному языкознанию, изучать на местах коми язык, записывать фольклорный материал, копировать различные памятники коми письменности XIV–XVII вв.[5] Во время своей девятимесячной поездки он, кроме г. Усть-Сысольска, столицы Коми края, посетил еще ряд селений в южных районах проживания коми-зырян, а также юсьвенских коми-пермяков. Согласно отчету он успел побывать в с. Вожем, Визинге и Ношуль. В Вожеме он скопировал две древнекоми надписи со старых икон, которые впервые были прочтены и опубликованы ***П.И. Савваитовым***. Но они вызывали возражения со стороны других лингвистов, которые не доверяли его прорисовкам (в настоящее время эти копии, как и весь собранный им лексический и фольклорный материал, хранятся в архиве Финно-угорского общества в Хельсинки). Удорский диалект Ю.Й. Вихман изучал в беседах с жителем этого района, писарем из села Важгорт А. Ерегодским (Ярегодским), которого разыскали в Усть-Сысольске. По его заметкам видно, что с помощью информантов, обучавшихся в местном уездном училище: И. Попова из Троицко-Печорска, А. Мезенцева из Савинбора, Г. Шахтарова из Щугора, происходящих с р. Печоры,

[1] *Wichmann Y.J.* Die Verwandeten des finn. *vaski* (Kupfer) in der permischen Sprachen (Syrjänischen und Wotjakischen) // JSFOu. 1899. Vol. 16. P. 5–8.

[2] *Uotila T.E*. Vorwort // Wichmann Y.J. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenleher // Lexica Cocietats Fenno-ugricae. Helsinki, 1942. Vol. 7. S. 3.

[3] *Wichmann Y.J*. Kurzer Bericht… S. 4–7.

[4] *Микушев А.К.* Куратовские архивные материалы в Финляндии // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1976 / Т. 2. С. 44; *Туркин А.И*. Каллистрат Фаллалеевич Жаков // Жаков К. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар, 1990. С. 27.

[5] *Костромина И.* Коми йӧзлӧн друг... С. 58.

он сумел ознакомиться с этим диалектом. Вычегодский диалект Ю.Й. Вихман изучал при содействии помощника полицейского Климушева из Коквицы[1].

Помощь при работе с информантами ему оказал местный краевед ***А.А. Цембер***. Финский ученый отмечает, что по его настоянию была начата работа по сбору образцов народной поэзии среди зырян местными жителями. Финно-угорское общество по его рекомендации оказало помощь учителю местной народной школы зырянину А.А. Цемберу в 1902 г. в поездке рекам Вычегде и Локчим, из которой он привез записи 12 сказок, 2 детских сказок, 4 песен, 15 причитаний, 30 загадок, а также словарь местных диалектизмов и топонимов[2]. Из записей Ю.Й. Вихмана известны и другие его помощники-учителя: в Визинге он общался с бывшим солдатом, тюремным надзирателем В.А. Митюшевым; в Ношуле — с бывшим солдатом, крестьянином И. Шулеповым; в Усть-Сысольске — с сестрами Забоевыми; в Обьячево — с акцизным чиновником М.М. Юговым. По пути в Пермскую губернию в с. Летка он записал свадебные причитания от местной крестьянской девушки Дуни Поповой. В июне 1902 г. Ю.И. Вихман проработал в с. Юсьве у коми-пермяков, где его помощником был местный сельский учитель И.А. Быков, откуда через Казань в августе того же года он вернулся в Гельсингфорс (Хельсинки)[3]. В своем опубликованном отчете он писал: «*Собранные мною среди зырян материалы следующие: пять больших и три малых словаря, из которых первые относятся к диалектам Удоры, средней Вычегды, Сысолы, Лузы и к пермяцкому, а последующие — к диалектам Печоры, Летки и нижней Вычегды, и заметки по морфологии 6 диалектов (Удоры, средней Вычегды, Печоры, Сысолы, Лузы и пермяцкого)*»[4].

Ю.Й. Вихман, как и его финские коллеги, считал коми-пермяцкий язык одним из диалектов коми-зырянского языка, в отличие от русских лингвистов, исходивших из того, что это разные, хотя и близкородственные языки[5]. Отсюда видно, что, несмотря на то что маршрут путешествия Ю.Й. Вихмана пролегал по южным районам ареала обитания коми-зырян, ему удалось найти информантов из числа жителей северных и западных районов. В ходе своей поездки ученый завязал знакомства, которые продолжались и позднее. Так, в его архиве сохранились письма с материалами информантов из Коми края, поступившие в адрес Ю.Й. Вихмана в Гельсингфорс. Результатом этого научного путешествия стала его книга «Коми-зырянская народная поэзия», в которой все тексты были даны на коми и немецком языках. Этот сборник содержит 60 сказок, 36 текстов детских сказок, 15 причитаний, 43 песен, 191 пословицу и 278 загадок, всего более 550 фольклорных текстов[6].

С Ю.Й. Вихманом связано знакомство западной науки с именем первого коми профессионального поэта ***И.А. Куратова***. Во время путешествия финский ученый познакомился с его рукописями, сделал с них копии и опубликовал в своей книге. В своем отчете Ю.Й. Вихман пишет, что во время пребывания в с. Визинге ему «*удалось получить в свои руки несколько рукописей ныне покойного Ивана Куратова, бывшего усть-сысольского школьного учителя, впоследствии чиновника канцелярии Туркестанского правления. В частности, среди рукописей находились фрагменты очерка зырянской грамматики <…> и стихотворения, частью оригинальные, частью переводные. <…> Среди стихов Куратова есть несколько таких, которые имеют бесспорные поэтические достоинства*»[7]. Позднее финский ученый включил перевод двух его стихотворений на финском

[1] Forschungsreisen // FUF. 1902. Bd. 2. S. 81–82.

[2] Новые труды финских… С. 158; Forschungsreisen // FUF. 1902. Bd. 2. S. 82.

[3] *Uotila T.E.* Vorwort // Wichmann Y.J. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen … S. 6–7.

[4] *Wichmann Y.J.* Kurzer Bericht… S. 4–7.

[5] См., например: *Setälä E.N.* Über die benennungen der finnisch-ugrischen Völker und Sprachen und die abkürgungen dersellen // FUF. 1901. Bd. 1. S. 180.

[6] *Wichmann Y.J.* Syrjänische Volksdichtung // MSFOu. 1916. Vol. 33.

[7] *Wichmann Y.J.* Kurzer Bericht… S. 16.

языке в состав своего учебного пособия для студентов[1]. Сохранившиеся в Хельсинки копии до сих пор имеют большое значение в изучении корпуса стихов И.А. Куратова[2]. Г. Тираспольский считает Ю.Й. Вихмана «*зачинателем куратоведения*».

Позднее Ю.Й. Вихман написал специальную статью «Зыряне или коми» для издаваемого под названием «Финское племя» в Финляндии общего обзора финно-угорских народов[3]. Остался незавершенным его «Словарный состав зырянского языка с основами морфологии», изданный впоследствии его учеником ***Т.Э. Уотилой***[4]. Данный словарь содержит около 10 тысяч коми слов и благодаря приведенному там богатому фразеологическому материалу представляет собой ценнейший этнолингвистический источник для характеристики традиционной культуры народа коми[5]. В настоящее время он широко используется современными исследователями[6].

Несмотря на то что занятия Ю.Й. Вихмана древнепермским языком не были изданы, как видно из его записок, им были сделаны верные замечания о времени функционирования этой письменности, а также предпринята попытка выделения церковной лексики и ее происхождения[7]. Рая Бартенс считает, что Ю.Й. Вихман мог оказать большое влияние на ***В.И. Лыткина***, начинающего коми лингвиста и поэта, который в 1920-х гг. стажировался в Хельсинки и общался с ним. После возвращения в СССР В.И. Лыткин начал серьезно заниматься этой проблемой и выпустил книгу, посвященную описанию и анализу всех памятников древнепермской (древнекоми) письменности[8].

Не утратили значения и небольшие заметки Ю.Й. Вихмана о ненецких заимствованиях в коми языке и чувашских — в пермских[9]. Первая из них является расширенной рецензией на работу венгерского лингвиста И. Халаши (J. Halász) «К вопросу о венгерско-самоедских языковых отношениях». Рассмотрев ряд положений этой статьи, Ю.И. Вихман проанализировал некоторые этимологии, предложенные И. Халаши, и выдвинул целый ряд взаимных (коми-ненецких) заимствований, в первую очередь в оленеводческой лексике.

Одновременно Ю.Й. Вихман впервые выявил более 1000 этимологий коми слов, которые до настоящего времени представляют определенную ценность для исследователей, занимающихся этногенезом народов коми в частности и других финно-угорских народов в целом[10]. Например, в одной из своих заметок он рассмотрел происхождение коми слова *небӧг, ньебӧг* — книга, которое возво-

---

[1] *Wichmann Y.J.* Syrjänen Kieltä [Коми язык. На финском языке]. Helsingfors, 1903.

[2] *Микушев А.К.* Куратовские архивные материалы в Финляндии // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1976. Т. 2. С. 40–46; *Мартынов В.И.* История открытия и изучения рукописного наследия И.А. Куратова // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1990. Т. 6; *Тираспольский Г.* Кто же первым открыл рукописи И.А. Куратова // Арт–Лад. Сыктывкар, 2004. № 2. С. 114–116.

[3] *Wichmann Y.J.* Permiläiset kansat. Syrjäänit eli komilaiset [Пермские народы. Зыряне или коми. На финском языке] // Suomen Suku. Helsinki. Bd. 2. S. 322–350.

[4] *Wichmann Y.J.* Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenleher // Lexica Cocietats Fenno-ugricae. Helsinki, 1942. Vol. 7.

[5] Рецензию на словарь см.: *Toivonen Y.H.* Yrjö Wichmann Syrjanischer Wortschatz nebst Hauptzugen der Formenleher. Helsinki, 1942 // FUF. 1944. Bd. 28.

[6] См., например: *Ракин А.Н.* Словарь Вихмана и антропонимистическая лексика коми языка // Пермистика–2. Вихман и пермская филология. Ижевск, 1991. С. 71–76.

[7] Обзор его деятельности в этом направлении см.: *Бартенс Р.* Вежа Степанлӧн вичко терминология. (Церковная терминология святого Стефана. На коми языке) // Арт–Лад. Сыктывкар, 1997. С. 40–48.

[8] *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. М., 1952.

[9] *Wichmann Y.J.* Samojedisches lehnugen im Syrjänischen // FUF. 1902. Bd. 2. S. 165–183; *Он же.* Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen Sprache // MSFOu. Bd. 21; Отзыв *J. Landgrena* на эту работу см.: FUF. 1904. Bd. 4. S. 19–24.

[10] Этому был посвящен ряд его небольших статей: *Wichmann Y.J.* Etymologisches aus den permischen Sprachen. 1–3 // FUF. 1901. Bd. 1. S. 99–111; *Он же.* Etymologisches aus den permischen Sprachen. 4–14 // FUF. 1904. Bd. 3. S. 99–110; *Он же.* Etymologisches aus den permischen Sprachen. 15–28 // FUF. 1912. Bd. 7. S. 128–138 и т.д.

дится им к языку обских угров и является следствием контактов последних с ираноязычными народами. Вообще, изучение этих заметок показывает, что финский ученый был хорошо знаком не только с русскоязычной литературой, но и с архивными материалами. Например, в своей заметке о коми названии книги он ссылается на рукописи ***Д.Г. Мессершмидта***, что показывает, что Ю.Й. Вихман был знаком с ними[1]. Кроме того, его ссылка на Д.Г. Мессершмидта свидетельствует о бытовании слова *небӧг* в значении «книга» в начале XVIII в., ибо позднее, в XIX в., это слово было заменено русской лексемой «*книга*» и не употреблялось вплоть до конца XX в., до того времени, когда оно вновь было введено в коми литературный язык. Предложенные Ю.Й. Вихманом этимологии в настоящее время использованы В.И. Лыткиным и Е.С. Гуляевым в современном Этимологическом словаре коми языка[2].

Следует упомянуть, что Ю.Й. Вихман является автором большого количества статей по культуре удмуртов, марийцев и венгров. Необходимо отметить большую научно-организаторскую деятельность Ю.Й. Вихмана. С 1898 по 1905 г. он состоял секретарем, а с 1909 по 1932 г., до самой смерти, — вице-президентом Финно-угорского общества и принимал активное участие в планировании и проведении исследований финских ученых в России. В течение ряда лет был редактором крупнейшего финно-угроведческого журнала “Finnisch-Ugrischen Forschungen”, издаваемого в Хельсинки. Причем Ю.Й. Вихман внимательно следил за тем, что происходило в русском финно-угроведении. Например, он подверг сомнению идеи профессора Казанского университета ***Н.И. Смирнова***, допускавшего возможность существования у удмуртов человеческих жертвоприношений. Эта дискуссия развернулась в России в связи с так называемым «Мултанским делом». Ю.Й. Вихман ответил своему коллеге специальной статьей, в которой высказался о том что «*такие сказки не могут быть верным доказательством, особенно о вотяках (resp о пермяках etc.) потому, что такие рассказы мы встречаем у всех культурных народов*»[3]. Кроме того, он одним из первых в зарубежной этнографии опубликовал статью по этнодемографии восточных финно-угров[4].

В 1928 г. Ю.Й. Вихман подготовил для Финно-угорского общества обстоятельный доклад, позднее опубликованный в виде статьи под названием «Влияние мировой войны на финно-угорские народы и их научное изучение»[5]. В этой работе он проанализировал демографическую ситуацию у указанных этносов, сложившуюся в первой четверти XX в., отметив появление на политической карте мира трех независимых финно-угорских государств — Финляндии, Эстонии и Венгрии, правительства которых оказывают значительную поддержку финно-угорским исследованиям в своих странах. Несмотря на то что Первая мировая война на время приостановила поступательное развитие науки, ибо не было возможности проводить полевые исследования, были найдены новые формы изучения культуры этих этнических групп. Так, велась работа в лагерях для военнопленных, как это делали ***Д. Фокош-Фукс*** и ***Р. Лах***. В результате Революции 1917 г. многие финно-угорские народы получили автономию, во многом номинальную. Как самый положительный факт Ю.Й. Вихман отмечает у них подъем национального самосознания, появление интереса к изучению своей культуры. Он говорит о первых профессиональных ученых

[1] *Wichmann Y.J.* Etymologisches aus den permischen Sprachen. 1–3 // FUF. 1901. Bd. 1. S. 109.

[2] *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970; *Они же.* Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка // Коми филология. Сыктывкар, 1975. (Тр. ИЯЛИ КФ АН СССР. Вып. 18.)

[3] *Wichmann Y.J.* Следы человеческих… С. 291–293. Более подробно об этом было сказано в разделе, посвященном Н.И. Смирнову.

[4] *Wichmann Y.J.* Statistiche Mitteilungen über Mordvinen, Thceremissen, Wotjaken und Syrjänen // FUF. 1901. Bd. 1. S. 234–235.

[5] *Wichmann Y.J.* Wirkungen des Weltkrieges auf die finnisch-ugrieschen Völker und ihre wissenchaftliche Erforschung // JSFOu. 1928. Vol. 44. S. 10–19.

из среды финно-угров России, в том числе упоминает и удмуртского ученого Кузебая Герда. Его перу принадлежит единственная рецензия на книгу ***И. Мошегова***, коми-пермяцкого литератора, проживавшего в Финляндии и занимавшегося в то время общественно-политической критикой советского строя[1].

В те же годы Ю.Й. Вихман вновь обращается к истории и этнографии удмуртов, входит в редакционный совет по подготовке коллективной монографии «Финский род», которая должна была отразить достижения финно-угроведения за последние 100 лет. Написанный Ю.Й. Вихманом очерк истории и культуры народов коми и удмуртов для второго тома проекта был создан на основе личного знания жизни и быта этих народов, снабжен историческими, социологическими, антропологическими и лингвистическими материалами, а также почти исчерпывающим для того времени списком литературы[2].

Этнографическим изучением народов коми в 1907 г. занялся ***Ууно Таави Сирелиус*** (***U.T. Sirelius***, 1872–1929), ученый, которого можно назвать «*отцом финской этнографии*»[3]. Он родился на Карельском перешейке, в селе Яяски (ныне — г. Лесогорск Ленинградской обл.) и происходил из потомственной пасторской семьи, сменившей свою шведскую фамилию Сиира на латинизированную Сирелиус. С 1883 г. учился в Выборгском классическом лицее, при поступлении в который сменил свое имя Ууно Давид на финскую форму Ууно Таави. Это была единственная финноязычная школа в Выборге, ибо в большинстве школ города преподавание велось по-шведски. В числе его лицейских товарищей были многие впоследствии известные деятели Финляндии, например будущий министр путей сообщения Еркки Пуллонен, известный выборгский врач Антреа Карл Вилен и др.[4] Уже в лицее он увлекся музыкой и живописью, что впоследствии помогло ему делать неплохие рисунки во время своих путешествий.

В 1891 г. после окончания выборгского лицея У.Т. Сирелиус поступил на философский факультет Александровского (Хельсинского) университета, специализировался по кафедре финского языка и литературы. Еще в студенческие годы он начал собирать коллекции для Выборгского музея. Это занятие сблизило его со своим земляком Теодором Швиндтом, блестящим археологом и этнографом, в то время работавшим хранителем этнографических коллекций Государственного исторического музея в Хельсинки. Одновременно он был куратором Выборгского землячества (финские студенты объединялись в Гельсингфорсе в землячества по месту происхождения, над которыми назначались кураторы из числа преподавателей Университета)[5]. Университетские годы были для У.Т. Сирелиуса временем общественного и политического пробуждения. Период его студенчества совпал с периодом обострения отношений между правительством Российской империи и правящими кругами Великого княжества Финляндского. У.Т. Сирелиус, уже тогда обладавший ярко выраженными лидерскими качествами и твердой гражданской позицией, был избран председателем полулегальной студенческой организации «Верных конституционалистов», поддерживающей т.н. младофинское крыло фенноманской партии, выступавшее против проведения «русификации» в Великом княжестве и ограничения «финляндских

---

[1] *Wichmann Yrjö Mõsseg I.* Väestökysymyksiä y.m. / Virttäjä. 1924. S. 83.

[2] *Wichmann Y.* Permilaiset kansat [Пермские народы. На финском языке] // Suomen Suku. Helsinki, 1928. Vol. 2. S. 313–331.

[3] *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. М., 1995; *Talgren A.M.* U.T. Sirelius // Virttäjä. 1929; *Hämäläinen A.* U.T. Sirelius // Vahvoja-Aiki. 1929. S. 394–400; *Itkonen T.I.* Uuno Taavi Sirelius // Suomen Museo. 1930. Bd. 36. S. 1–3; *Lehtonen J.* U.T. Sirelius ja kansatiede [У.Т Сирелиус как этнограф. На финском языке]. Helsinki, 1972; *Vuorela T.* U.T. Sireliuksen julkaistus // Suomen Museo. 1961. Bd. 68. S. 97–106; *Он же.* Ethnology in Finland before 1920 // The History of Leaning and Science in Finland. Helsinki, 1977. Vol. 11.

[4] Viipurin Klassillinen Lyseo. 1879–1929. Viipuri, [Выборгский классический лицей. 1879–1929. Выборг, 1929. На финском языке].

[5] *Haltsonen S.* Theodor Schvindt. Kansatieilijä ja kotiseuduntutkija. Helsinki, 1947.

вольностей»[1]. Однако после всеобщей забастовки в 1905 г. организация была распущена, и У.Т. Сирелиус больше не занимался политической деятельностью, хотя долгие годы сотрудничал с младофинской газетой «Пяйвялехти», переименованной позднее в «Хельсингин Саномат».

Проблема выбора профессии, стоявшая перед У.Т. Сирелиусом, была несколько неожиданно на первый взгляд решена в 1897 г. Т. Швиндт во время своих отлучек или болезни оставлял помогавшего ему студента в качестве временного хранителя. Именно заболевший Т. Швиндт попросил своего земляка познакомить с этнографическими собраниями музея приехавшего в Гельсингфорс венгерского этнографа Яноша Янко[2].

Я. Янош входил в группу ученых, объединившихся вокруг венгерского востоковеда и этнографа графа Ене Зичи. Последний в это время был занят поисками прародины венгров, которая, по его мнению, располагалась на Кавказе. Но после двух неудачных экспедиций в этот регион он решил расширить районы поиска — в Средней Азии, Сибири, Монголии и на Дальнем Востоке, вплоть до Китая[3]. По его плану Я. Янош должен был заняться исследованиями хранящихся в музеях России, в том числе и в Финляндии, предметов по рыболовству. Е. Зичи предполагал, что именно рыболовство было древнейшим занятием венгров и сопоставление орудий и способов лова рыбы окажется решающим моментом в решении проблемы этногенеза этого народа. Беседы с венгерским коллегой неожиданно привели У.Т. Сирелиуса к этнографии. Позднее он признавался: «*Похоже, что провидение приговорило меня к этнографии*»[4]. Он, как и Е. Зичи, загорелся проблемой финно-угорского родства и возможностью решения этого вопроса с помощью анализа отдельных предметов материальной культуры разных народов. Впоследствии результатом его исследований стали трехтомный труд по рыболовству у финно-угорских народов и докторская диссертация.

В том же году У.Т. Сирелиус и Я. Янко отправились в поездку по России, работали в библиотеках и знакомились с музейными коллекциями Риги, Тарту, Санкт-Петербурга, Москвы, Смоленска и других городов. Находясь в России, У.Т. Сирелиус решил, по примеру Я. Янко, совершить экспедицию в Сибирь к обским утрам и достаточно быстро получил от Финно-угорского общества необходимые средства. Около 14 месяцев в 1898 г. и 1899–1900 гг. У.Т. Сирелиус в сопровождении своего земляка, ботаника Х. Штенберга провел «в поле», работая среди хантов и манси. Первоначально предполагалось совершить это путешествие совместно с венгерским ученым, но планы не осуществились, они остались добрыми коллегами, а позднее У.Т. Сирелиус откликнулся на смерть Я. Янко некрологом[5]. Скитаясь по таежным деревням, охотничьим зимовьям и стойбищам оленеводов, он собирал необходимый ему этнографический материал для будущей диссертационной работы[6]. Именно тогда в Зауралье финский ученый познакомился с коми и попытался разобраться в проблеме этнокультурных контактов между обскими уграми и коми. Например, У.Т. Сирелиус отмечал влияние коми на орнаментальные мотивы хантов, в частности в узорах вязаных изделий. В вышивке коми он находил сходство с мордвой[7].

---

[1] *Lehtonen J.* U.T. Sirelius ja kansatiede. S. 30–31.

[2] *Sirelius U.T.* János Jankó // FUF. 1902. Bd. 2. S. 85–89; *Balassa I.* Jankó János, az etnográfus // Ethnographia; *Kodolány J.* Finnisch Ethnology in Hungary // Friends and Relatives. Budapest, 1985. P. 100–102.

[3] *Zichy Eugéne.* Note de voyages en Sibérie // La Revue d'Europe. 1900. № 3–4; *Herman O.* Die Forshungsreisen des Grafen Eugen Zichi in Asien. «Dritte Reise». Budapest, 1900. Bd. 1.

[4] *Lehtonen J.* U.T. Sirelius ja kansatiede... P. 38.

[5] *Sirelius U.T.* János Jankó… S. 85–89.

[6] Об этих путешествиях см.: *Sirelius U.T.* Reise zu den Ostjken // SUSKJ. 1983. Vol. 11. Русский перевод: *Сирелиус У.Т.* Путешествие к хантам. Томск, 2001.

[7] *Сирелиус У.Т.* Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1907. Вып. 15; *Он же.* Изделия остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1910. Вып. 19. С. 58–63.

Уже в первых исследованиях У.Т. Сирелиус старался достичь «*ясного теоретического фона*», опираясь на принципы типологического, т.е. историко-генетического метода, основанного на эволюционной идее. Образцом для начинающего ученого служили методологические подходы к этнографическому материалу шведа Х. Столпе и венгра Я. Янко[1]. Впрочем, У.Т. Сирелиус не был полностью поглощен идеями эволюционизма в духе работ Л.Г. Моргана. Скорее в его исследованиях ощущается влияние немецкой этнографии, в частности, возникшей еще у Ф. Ратцеля тенденции делать изучение предметов культуры самостоятельной задачей исследования. «*Изучение предметов материальной культуры, например народной одежды и тканей, является,* — отмечал У.Т. Сирелиус, — *тем средством, с помощью которого можно проникнуть на различные уровни умственного развития человека, увидеть сцены жертвоприношений, образы божеств и сюжеты легенд, т.е. пролить свет на мировоззрение, представить картину мира наших предков, сохраняющуюся еще у некоторых наших родственных народов*»[2]. Кроме того, У.Т. Сирелиус использовал элементы теории культурных заимствований, разработанной в трудах ученых «культурно-исторической» школы в этнографии.

Большим достоинством У.Т. Сирелиуса как ученого было его постоянное стремление к саморазвитию и совершенствованию, в том числе и в области методологии науки. Несмотря на «лингвистическое» влияние его друга, профессора финского языка и литературы Е.Н. Сетеля, У.Т. Сирелиус отступал от традиционного принципа группировки финно-угорских народов, основанного на языковом родстве, рассматривал некоторые этнографические феномены в пределах определенных географических регионов. С течением времени У.Т. Сирелиус выработал свой методологический подход. Он писал: «*Изучение финно-угорской этнографии имеет большие перспективы, поскольку народы, являющиеся ее объектом, находятся на разных стадиях развития. Таким образом, быт народов, стоящих на более низких уровнях, способен пролить свет на ранний быт более развитых народов*». В сущности, эта идея не нова и встречается в общей форме еще у ***М.А. Кастрена***, который отмечал, что «*различие отдельных языков зависит не от развития рас, а от различия ступеней культуры, на которых стоят отдельные народы*»[3]. Тем не менее у У.Т. Сирелиуса эта идея применительно к этнографическому материалу находит более завершенное выражение.

Впоследствии метод, предложенный У.Т. Сирелиусом, был подвергнут серьезной критике его коллегами, отрицавшими возможность сохранения отдельных черт исходной культуры протофинно-угров до настоящего времени. Однако ученому удалось доказать, что традиционно-бытовая культура является одним из важнейших компонентов этнографии финно-угорских народов и что ее материалы необходимо учитывать при разработке проблем этногенеза, этнической истории и общественных отношений. Так, финский этнограф ***Ильмари Маннинен*** высказал мысль о том, что культура финно-угорских народов формировалась под сильным влиянием соседних народов и поэтому в наше время не имеет перспективы поиск некой единой линии культурного развития этих народов. Позднее эту точку зрения поддержал крупнейший финский этнограф XX в. К. Вилкуна[4].

Являясь приверженцем идей национального романтизма, представители которого стремились выявить корни общефинской культуры, У.Т. Сирелиус в своих исследованиях стремился выявить новые формы общефинского родства. Одновременно, будучи по-

---

[1] *Niranen T.* Pioneers of Finnisch Ethnology // Pioneers: The History of Finnisch Ethnology / Studia Fennica Ethnologica. 1. Tampere, 1992. P. 30.

[2] Цит. по: *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX в. Ижевск, 1999. С. 59.

[3] *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах... С. 60.

[4] *Manninen I.* Johdato // Suomen Suku. Helsinki, 1934. Vol. 3. S. 40; *Vilkuna K.* Kansatieteellinen tutkimuksemme // Viritäjä. 1946. P. 353–355.

борником эволюционной школы, он пытался определить истоки финской культуры. В его исследованиях проявляется стремление к изучению предметов материальной культуры, основные элементы которой, по его мнению, могут помочь исследователю проникнуть в различные области умственного развития человека, представить картину мира наших предков. Ибо, по мнению ученого, сравнительные разыскания в области материальной культуры являются определяющими в выявлении генезиса финно-угорских культур. Поэтому наряду с записями нарративов, т.е. устных текстов, У.Т. Сирелиус занимался сбором этнографических коллекций, которые начал собирать еще во время первых экспедиций 1888 и 1889–1900 гг. Причем собственные полевые материалы У.Т. Сирелиус активно использовал в своей фундаментальной работе о запорном рыболовстве финно-угров[1]. Кстати, коми-зырянам и применяемым ими различным заграждениям для ловли рыбы посвящен отдельный раздел этого исследования[2].

У.Т. Сирелиус одним из первых для фиксации полевых наблюдений начал использовать фотоаппарат, что позволяло ему иллюстрировать свои публикации большим количеством фотографий, научная ценность которых в наши дни весьма высока, ибо они позволяют нам реально представлять традиционную культуру некоторых финно-угорских народов рубежа XIX–XX вв. В 1980 г. небольшая часть этих уникальных фотографий была опубликована в альбоме «Большая медведица» и в его книге «Путешествие к хантам»[3].

В начале XX в. У.Т. Сирелиус был владельцем богатейшей коллекции этнографических фотографий по культуре финно-угров и считался одним из ведущих европейских фотографов, прекрасно владевших не только мастерством техники, но и эстетикой фотографического искусства. При этом каждый полевой снимок детально аннотировался, а нередко исследователь создавал и антропологические фотопортреты: три изображения человека (анфас, профиль и вид сзади), записывал точные данные о возрасте, национальности, месте рождения, семейном положении, цвете глаз и волос, перенесенных болезнях и сведения о происхождении родителей[4].

Неудивительно, что при такой исследовательской добросовестности У.Т. Сирелиус часто сталкивался с непониманием и недоброжелательностью со стороны своих информантов в местах исследований, в частности в коми селах. Вот что пишет ученый в своем дневнике: «*Вообще чувствовалось, что напряженность нарастала. Праздновавшиеся по соседству проводы невесты, на которых выпивки было достаточно, подлили масла в огонь и привели к финальной сцене. Когда я пошел фотографировать находившееся неподалеку место сплава, навстречу попалась компания пьяных мужиков и женщин, которые перекрыли мне дорогу. Я все же попытался пройти, но один из мужиков ухватился за стойку фотоаппарата. Начали кричать: "Что ты здесь делаешь, у тебя есть крест на шее, ты крещеный?" Кто-то вытащил из-под рубахи свой крест и указал на него. Я объяснил, что на моей родине крест ставится на куполе храма. Меня хотели отвести к волостному начальству. Кто-то пригрозил, что выкинет в реку*»[5].

Благодаря деятельности У.Т. Сирелиуса в Национальном музее Хельсинки была собрана значительная коллекция по финно-угорским народам, в том числе по народам коми. Последняя была собрана им во время т.н. пермской экспедиции 1907 г., когда он побывал у коми-зырян, пермяков и удмуртов[6].

---

[1] *Sirelius U.T.* Uber die Sperrfischer bei den finnisugrischen Volkern. Eine vergleichende ethnographische Untersuchung // SUSKJ. Helsinki, 1906. Vol. 3.

[2] Там же. С. 123–138.

[3] *Lehtinen Ildiko, Kukkonen Jukka*. Iso karhu. The Great Bear. Arkistokuvia etaisten kielisukulaistemme asuinsijoilta. Volga-Finnic, Permian Finnic и Ob-Ugrian Peoples. Lahti, 1980; *Сирелиус У.Т.* Путешествие к хантам...

[4] См., например: *Сирелиус У.Т.* Путешествие к хантам…

[5] *Сирелиус У.Т.* Из путешествия по северо-востоку России // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 1. С. 123.

[6] *Шарапов.В.Э.* Пермская экспедиция У.Т. Сирелиуса // Атлас Республики Коми. С. 126–127; *Загре-*

После возвращения из экспедиции к хантам он становится постоянным сотрудником Государственного этнографического музея. В 1906 г. У.Т. Сирелиус после ряда дополнительных этнографических и археологических экспедиций по Финляндии, а также научной командировки в Скандинавские страны и Германию успешно защитил диссертацию на соискание степени доктора философии, посвященную древнейшим способам рыболовства у финно-угорских народов. Вскоре увидела свет его монография, озаглавленная «О запрудном рыболовстве у финно-угорских народов» (1906), которая получила широкую известность в кругах финно-угроведов и способствовала утверждению его в должности доцента кафедры финно-угорской этнографии Гельсингфорсского университета.

После совершенной У.Т. Сирелиусом в 1907 г. поездки к коми и удмуртам вся жизнь исследователя проходила в «экспедиционном» темпе. Он совместил несколько направлений: практическую работу в качестве руководителя этнографического отдела, а затем и директора Национального музея Финляндии с преподавательской — в должности профессора по кафедре финно-угорской этнографии Гельсингфорсского университета. У.Т. Сирелиус продолжал полевую и камеральную работу этнографа-исследователя. Так, в 1911 г. он получил Александровскую стипендию университета для знакомства и работы в библиотеках и музеях Стокгольма, Берлина, Нюрнберга, Цюриха, Вены и Санкт-Петербурга с целью изучения материалов по охоте и резьбе по дереву. Затем он отправился в Архангельскую губернию, где также собирал сведения об одежде, охоте, народной архитектуре и резьбе по дереву[1]. Его маршрут пролегал из Архангельска на реку Пинегу, затем по Онеге и побережью Белого моря до Кандалакши и оттуда через северную Финляндию в Гельсингфорс. Из этой поездки он, как всегда, привез коллекцию фотографий и собрание образцов деревянной резьбы. Как сообщали «Известия АОИРС», «*доцент финно-угорской этнографии при Императорском Александровском университете в Финляндии, доктор философии У.Т. Сирелиус и художник В.И. Маттила командированы Финно-угорским обществом в Гельсингфорсе на 1 год для этнографических исследований в Архангельской и Олонецкой губерниях*»[2].

Продолжалась его преподавательская и общественная деятельность. Возглавив в 1921 г. кафедру финно-угорской этнографии, он фактически стал учителем большого числа финских этнографов, которые плодотворно работали на ниве этой науки. Одновременно У.Т. Сирелиус оставался заведующим этнографическим отделом Национального музея, где занимался систематизацией коллекций. Когда в 1928 г. было принято постановление Правительства Финляндии о том, что один человек не может совмещать должности заведующего кафедрой и заведующего этнографическим отделом, У.Т. Сирелиус ходатайствовал о назначении его на должность государственного археолога при Национальном музее. Но смерть помешала ему осуществить этот замысел.

У.Т. Сирелиус много и усердно работал, был плодотворным автором. Опираясь на высококачественный материал, музейные собрания и письменные источники, он издал несколько значительных трудов как по финно-угорской, так и по финской этнографии, освещая классические темы науки: народную архитектуру, историю народных костюмов, рыболовство, охоту и т.д.[3] Однако венцом его научной карьеры стала подготовка двухтомника «Финская народная культура» (1919–1920), который считался образцовой работой по финской традиционной культуре фактически до начала 70-х гг. XX в.[4]

бин А.Е. Финны об удмуртах… С. 63; *Sirelius U.T.* Matkakertomus kansatieteelliseltä matkalta permalaiskansain keskunteen kesää. 1907 // JSFOu. 1908. Vol. 25. S. 15–17.

[1] Forschungreisen // FUF. 1911. Bd. 11. S. 29–30.

[2] Изв. АОИРС. 1911. № 16. С. 338.

[3] Полную сводку библиографии работ У.Т. Сирелиуса см.: Suomen Museo. 1961. P. 96–107.

[4] *Sirelius U.T.* Suomen kansanomaista kulttuuria [Финская народная культура. На финском языке]. Helsinki, 1919, 1921. Bd. 1–2. Рецензию на эту работу см.:

Столь яркая фигура финской науки, как У.Т. Сирелиус, достигший во всех сферах своей деятельности успехов, отличавшийся трудолюбием и честолюбием, невольно вызывала интерес и уважение современников, что, возможно, послужило причиной появления своего рода «легенды» о У.Т. Сирелиусе, когда все последующие финские этнографы, его преемники по кафедре финно-угорской этнографии, «измерялись» его масштабом как своеобразным эталоном. Отчасти это справедливо, поскольку У.Т. Сирелиус заложил основы, на которых базируется современная финская этнографическая наука.

В начале XX в. У.Т. Сирелиус поставил перед собой задачу расширения фактологической базы сравнительно-исторических исследований по жилищу, промыслам, рыболовству и хозяйственному укладу финно-угров. Поэтому в 1907 г. Александровский университет и Финно-угорское общее Финляндии выделили ему средства на проведение подобных этнографических разысканий у пермских народов: коми, коми-пермяков и удмуртов[1]. По мнению финских исследователей, эти народы были изучены лишь с точки зрения языка и фольклора, а не этнографии (в 1894, 1901–1902 гг. у удмуртов и в Коми крае работал финский лингвист ***Ю. Вихман***).

На основе своих первых опытов этнографических наблюдений в России У.Т. Сирелиус в 1902 г. перед своей очередной поездкой к российским финно-уграм готовит и публикует на русском языке специальную инструкцию для сбора сведений по рыболовству[2]. Это первый вопросник, разработанный финскими учеными для изучения России. Он был разослан различным людям в России, но, по данным А.В. Загребина, ученый не получил ответов на свои запросы[3]. Такой результат не разочаровал его. Позднее он составил еще одну программу на русском языке, на этот раз по обрядам жизненного цикла: рождение–детство–смерть[4]. Так как этот вопросник имеет номер 1, то можно предположить, что у ученого были планы продолжить эту деятельность. Несмотря на то что У.Т. Сирелиус уже много путешествовал по России и знал нашу страну, видно, что он мыслил категориями Финляндии. Например, в своем предисловии ко второй программе он пишет, что «*она предлагается только вполне надежным и компетентным лицам, например, старым акушерам, могильщикам, знахарям и т.д.*». Предполагая увидеть среди своих информантов этих лиц, вполне обычных у него на родине, он упустил из виду то, что подобных персонажей не было в финно-угорских деревнях, а повивальная бабка и местный языческий жрец чаще всего были неграмотными и заполнить вопросник не могли, если бы даже и согласились. Поэтому на этом поприще его также ожидала неудача. Ответы на вопросник прислал только марийский собиратель-краевед Т. Евсевьев; кроме того, их использовал в своих исследованиях ***В.П. Налимов***[5]. Начавшаяся Первая мировая война сделала исследования финно-угорских народов при помощи специальных программ бессмысленными.

У.Т. Сирелиус начал свое т.н. «пермское» путешествие в июне 1907 г., выехав по железной дороге из Петербурга через Вятку до станции Мураши, с тем, чтобы добраться до села Летка. Отметим, что, следуя академической финно-угроведческой традиции начала XX в., У.Т. Сирелиус называет летских коми пермяками, что неверно. Летские коми говорят на одном из диалектов коми-зырянского языка. Как было сказано в очерке о Ю.Й. Вихмане, финская лингвистика вообще считала пермяцкий язык диалектом зырянского. Судя по записям исследователя в его полевом дневнике, далее маршрут его экспедиции по территории Коми

Harva (Holmberg) Uno. Sirelius U.T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Helsinki, 1919, 1921. Bd. 1–2 // AIKA. 1921. S. 300–302.

[1] Forschungreise // FUF. 1907. Bd. 7. S. 68–69.

[2] *Sirelius U.T.* Руководство для составления этнографического отчета о рыбной ловле у финских народов. Helsinki, 1902.

[3] *Загребин А.В.* Финны об удмуртах… С. 116.

[4] *Sirelius U.T.* Этнографические вопросные листы. I. Обычаи и верования, сопряженные с рождением, детством и смертью. Helsinki, 1914.

[5] *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах… С. 131–132.

края проходил через Усть-Сысольск — с. Вильгорт (на р. Сысоле) — с. Межадор — с. Мординское (на р. Локчим) — с. Усть-Кулом — д. Пожегдин (на р. Вычегде) — с. Скородум (на р. Вычегде) — с. Корткерос — и снова Усть-Сысольск[1]. В середине июля У.Т. Сирелиус собирался посетить ижемских коми, проживающих в Архангельской губернии. Но по ряду причин (в частности, из-за огромной коллекции экспонатов, собранной исследователем, и сложного пути в северные районы) был вынужден отказаться от этого первоначального плана и ограничился приобретением традиционной одежды и утвари ижемских коми-оленеводов, не выезжая из Усть-Сысольска. Уже в конце июля исследователь направился в Сарапульский уезд для проведения полевых этнографических исследований среди удмуртов.

При сборе материалов как у коми, так и удмуртов У.Т. Сирелиус уделял большое внимание не только охоте и рыболовству, что интересовало его в первую очередь, но и особенностям жилых строений, хозяйственному инвентарю, традиционной одежде и украшениям. Отметим, что коллекция экспонатов только по культуре коми, собранная в это время, насчитывает больше 400 предметов (различные элементы мужской и женской одежды, в том числе несколько десятков женских головных уборов, орудия прядения и ткачества, домашняя утварь и посуда, музыкальные инструменты и т.д.). По мнению В. Шарапова, к числу уникальных экспонатов можно отнести, в частности, женское украшение *моль перна*, состоящее из трех нательных крестов, а также смычок для *сигудка* с фигурной прорезной резьбой[2]. Путешествуя по Коми краю, У.Т. Сирелиус сделал более сотни уникальных фотографий, из которых к настоящему времени опубликована лишь незначительная часть[3]. Поэтому ценность этих материалов чрезвычайно велика. К сожалению, сам У.Т. Сирелиус при жизни не успел полностью обработать большую часть полевых материалов по традиционной культуре коми, собранных и записанных им в ходе экспедиции 1907 г. Лишь малая часть этих материалов была включена в различные публикации.

Например, сведения по народному жилищу у коми приводятся исследователем в его обобщающей работе по примитивным типам строений у финно-угров[4]. Данное исследование носит характер систематизации собранного автором материала по народной архитектуре у финно-угорских народов, их критического анализа и подведения итогов. В нем он впервые в финно-угорской этнографии классифицирует существующие жилые и хозяйственные постройки, выделяя в них два основных типа: строения с остроконечной крышей, восходящие к островерхому шатру, и строения с коньковой крышей, развившиеся от примитивного конькового шалаша (навеса). Причем его типология построена на основе теории пережитков — проблемы поиска первоначального, т.е. примитивного, типа. Как отмечал В.В. Богданов, откликнувшийся на выход книги рецензией, «*автор остроумно отделяет шатровый островерхий тип от конькового, находя как тому, так и другому примеры самых примитивных сооружений*»[5]. В.В. Богданов считает, что предложенная У.Т. Сирелиусом схема скорее говорит об эволюции жилища вообще, ибо оба главных типа, выделяемые им, могли появиться одновременно в одних и тех же «антропогеографических» условиях у разных племен, примеры чему и приводит финский ученый. Поэтому они не могут яв-

---

[1] Forschungreisen // FUF. 1907. Bd. 7. S. 67–68; *Sirelius U.T.* Permalaismatka muistinpano vihkoja, syrjaanit // Museovirasto: Kansatieteen kasikirjoitusarkisto. Цит. по: *Шарапов В.* «Пермская» экспедиция У.Т. Сирелиуса… С. 115.

[2] *Шарапов В.* «Пермская» экспедиция… С. 115.

[3] *Lehtinen Ildiko, Kukkonen Jukka.* Iso karhu. The Great Bear...; *Сирелиус У.Т.* Из путешествия по северо-востоку России // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 1. С. 118–125.

[4] *Sirelius U.T.* Über die primitiven wohnungen der finnischen und ob-ugrischen volker // FUF. 1906. Bd. 6. S. 76–103; FUF. 1907. Bd. 7. S. 55–128; FUF. 1908. Bd. 8. S. 8–59; FUF. 1909. Bd. 9. S. 17–113; FUF. 1911. Bd. 11. S. 23–123. Отдельное издание: Helsingfors, 1910.

[5] *Богданов В.В.* Sirelius U.T. Über die primitiven wohnungen der finnischen und ob-ugrischen volker. Helsingfors, 1910 // ЭО. 1911. № 1–2. С. 262–265.

ляться типичными ни в этническом, ни в эволюционном отношении при выявлении этногенетических проблем, а отражают в первую очередь регионально-природный характер. Возражая в некоторой степени против методологии У.Т. Сирелиуса, В.В. Богданов отмечает тщательность представленного исследования и обилие деталей. Поэтому оно может служить «*лучшим пособием и наиболее ценным источником для всех, кто занимается историей жилища*». Действительно, книга У.Т. Сирелиуса — своеобразная энциклопедия народного жилища для современных исследователей. Также ученый посвятил специальную работу рассмотрению жилища у коми[1].

Рассматривая деятельность У.Т. Сирелиуса как исследователя традиционной культуры народов коми, следует отметить еще один важный момент. Понимая, что он один не справится с поставленными задачами, финский ученый завязал контакты с местными жителями, благодаря которым ему блестяще удалось справиться с выполнением научной и музейной программы. Так, в селе Вильгорт к исследователю в качестве переводчиков и проводников присоединились А.А. Чеусов и будущий этнограф, студент Московского университета ***В.П. Налимов***, который в 1907 г. благодаря рекомендации У.Т. Сирелиуса стал стипендиатом Финно-угорского общества Финляндии[2]. После отъезда ученого к удмуртам В.П. Налимов и А.А. Чеусов самостоятельно продолжили полевые исследования в селах Лозым, Пажга, Ыб и Вад по специальному опроснику, подготовленному финским исследователем. Зимой 1907 г. они выслали в Финляндию подробный отчет о проделанной работе (в настоящее время часть этих рукописных материалов хранится в фондах архива Финно-угорского общества)[3].

В селе Усть-Кулом финский исследователь работал вместе с А.Г. Кузивановой. В селе Скородум большую помощь У.Т. Сирелиусу оказал учитель местного начального земского училища Помоздинской волости А.И. Шомысов[4]. Впоследствии У.Т. Сирелиус длительное время поддерживал переписку со своими помощниками, получая от них необходимые консультации, и заочно руководил не только сбором полевых материалов по материальной культуре и охотничьим промыслам у коми, но и некоторыми археологическими разысканиями. В переписке, в частности, обсуждалась и возможность выступления с докладами А.А. Чеусова и В.П. Налимова на семинарах Финно-угорского общества в Хельсинки, а также их участие на предполагаемом Съезде финно-угорских народов (согласно материалам личной переписки финского исследователя, они хранятся в рукописном этнографическом архиве Музейного ведомства Финляндии). Там же находится открытка от ***А.А. Цембера***, датированная августом 1907 г., с известием о возможности приобретения ряда экспонатов в селах Подъельск и Усть-Кулом для Национального музея Финляндии.

В 1907 г. А.А. Цембер активно помогал ***У.Т. Сирелиусу***, который некоторое время жил у него дома. В свом дневнике об этом он сделал следующую запись: «*21 июня я с доцентом Гельсингфорсского университета Уно Таави Сирелиусом выехал в Мордино собирать этнографические сведения. Пробыли в Мордино до 26 июня и собрали много одежды старинной и посуды и прочей утвари, имеющей чисто зырянское происхождение, а не перенятое у русских.* (Эти предметы сегодня хранятся в Национальном музее Финляндии. — *А.Т.*) *Уно Давидович сделал до 40 сним-*

---

[1] *Sirelius U.T.* Die syrjanische wohnung in ihrem verschiedenen entwicklungsstadien. Eine vergleichende untersuchung // MSFOu. 1928. № 58. S. 331–365.

[2] Forschungreisen // FUF. 1907. Bd. 7. S. 68–69; 1908. Bd. 8. S. 234; 1909. Bd. 9. S. 211.

[3] Характеристику материалов В.П. Налимова см.: *Терюков А.И.* Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми. В.П. Налимов // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 3. С. 130–135; *Шарапов В.Э.* Материалы В.П. Налимова по традиционному мировоззрению коми в исследованиях европейских финно-угроведов первой половины XX века // Арт–Лад. 2000. № 1. С. 144–146

[4] *Sirelius U.T.* Matkakertomus kansatieteelliselta matkalta permalaiskansain keskuuteen kesällä 1907 [Путевой отчет об этнографическом путешествии. На финском языке.] // JSFOu. 1908. Bd. 25. S. 15–17.

ков фотографических. ...Сирелиус один уехал на Пожег и остановился в Скородуме у Алексея Шомысова. Тут он пробыл 5 дней и приехал в город ко мне 7 июля. Затем ездил по приглашению ***Налимова*** *в Вильгорт и тут собирал различные вещи дня два*»[1].

Позднее, в 1920-е гг., У.Т. Сирелиус, будучи уже профессором финно-угорской этнографии Хельсинкского университета, заочно познакомился с коми этнографом ***Г.А. Старцевым*** и получил от него в подарок серию фотографий по охоте и рыболовству у вымских и вычегодских коми.

Находясь в экспедиции по Коми краю, У.Т. Сирелиус посылал в Хельсинки обширные публицистические репортажи о своей поездке, которые были опубликованы в 1907 г. на страницах популярного столичного еженедельника “HELSINGIN SANOMAT”.

По путевым заметкам У.Т. Сирелиуса видно, что сам он был несколько разочарован результатами экспедиции у коми и коми-пермяков, поскольку столкнулся с рядом непредвиденных с его стороны трудностей в общении с местным населением. Как пишет В. Шарапов, вероятно, находясь под впечатлением сибирских путешествий к «*слегка замкнутым в общении, но уступчивым и послушным*» жителям бассейна р. Обь, У.Т. Сирелиус был склонен объяснять недружелюбность, а в ряде случаев чрезмерную агрессивность по отношению к заграничному гостю со стороны коми населения отнюдь не собственным незнанием коми языка и определенных этикетных норм поведения, а «*сильным размытием традиционных устоев*». Представляется, что «“*романтические*” *впечатления известного финского ученого У.Т. Сирелиуса уже в начале XX в. объективно могли способствовать формированию в европейской академической среде представлений о* “*полностью обрусевшей*” *по своей культуре и укладу жизни, хотя и сохранившем свой язык, северном народе*»[2].

В этих очерках, предназначенных для широкого круга читателей, исследователь пытался дать общий обзор культуры и образа жизни в Коми крае, при этом постоянно сопоставляя по большому счету разные величины — Великое княжество Финляндское и Европейский Север. Отсюда — разные формы жизни. С одной стороны, это понимание и сочувствие, с другой, — наоборот, отрицание, критическое описание. Во многом здесь наблюдается идеологическая подоплека. Не называя виновных в таком положении Коми края, он, как «младофинн», красочно показал свое неприятие российской действительности, куда так активно пыталась «завести» Финляндию русская администрация Николая II. Крайнее раздражение финского ученого вызывает распространение среди коми пьянства. К этому он возвращается в своих очерках несколько раз. Например, У.Т. Сирелиус пишет, что «*зырянские праздники производят неприятное впечатление тем, что основной формой времяпрепровождения там является необузданное пьянство. В этом принимают участие как мужчины, так и женщины; не редкость и то, что опьяневшие родители дают попробовать из своих чаш даже грудным детям*»[3]. Он пытается выяснить причину этого социального зла. По его мнению, этому способствуют, с одной стороны, достаточно высокие заработки местного населения от промыслов, а с другой — государство, которое поощряет его посредством повсеместного устройства винных лавок. Также, по мнению ученого, крайне слабо пропагандируется трезвость[4].

У.Т. Сирелиуса тревожит проблема обрусения коми-зырян. Здесь он также высказывает двойственную оценку. С одной стороны, он отмечает, что в традиционной культуре, особенно в домашней и промысловой, еще сохраняется «*жизнь предков, давно сошедших в могилу*». С другой стороны, его беспокоит расширение использования русского языка

[1] *Цембер А.А.* Дневник. Сыктывкар, 1997. С. 34.

[2] *Шарапов В.* «Пермская» экспедиция… С. 116–117.

[3] *Сирелиус У.Т.* Из путешествия по северо-востоку России... // Арт-Лад. № 3. С. 175.

[4] Там же. С. 176.

в среде коми, что выражается в увеличении числа людей, говорящих по-русски, распространении школ, где преподается русский язык. И именно этот факт ученый определяет как главный «*русификационный фактор*». Подобный взгляд У.Т. Сирелиуса также объясним. В это время в Финляндии интеллигенция категорически выступала против введения русского языка в финской школе, считая это самым большим злом против своего народа. Они не понимали, что в условиях многонациональной Российской империи должен был быть общий язык, на котором могли изъясняться все жители страны. Заботило финского ученого и отсутствие национального самосознания у зырян. Главным признаком этого он считал отсутствие зырянской интеллигенции.

Положительно оценивая роль этих очерков в деле ознакомления финской общественности с жизнью «*сородичей по языку*», хотелось бы отметить, что их автор сделал в них, сознательно или несознательно, несколько ошибок, которые в общем не влияют на качество статей. Например: по его мнению, «*в отдаленных местах, например, в селениях по притокам Вычегды, мне рассказывали, что танец почти неизвестен зырянам. По крайней мере, сегодняшнее поколение не отличается особой песенной одаренностью. Даже те немногие песни, что можно услышать в деревне, в лучшем своем виде — переводные русские. Так что игры — редкость на зырянских празднествах*»[1]. С этим положением нельзя согласиться.

В это время у коми существовал широкий пласт народного музыкального творчества (песен, плясок). Об этом писал и коллега У.Т. Сирелиуса ***Ю.Й. Вихман***, побывавший в тех же местах в 1901–1902 гг. и записавший большое количество песенных текстов, которые, правда, были изданы лишь в 1916 г. в книге «Зырянская народная поэзия»[2]. Но У.Т. Сирелиус точно знал об этом. В настоящее время Д.А. Несанелис показал, что у коми-зырян были широко развиты игровые формы развлечений.

Говоря о коми-зырянской свадьбе, У.Т. Сирелиус обратил внимание на то, что все подарки, которые вручались невестой, перевязывались «*красивой вышитой лентой*». По-видимому, речь идет о тканных цветных узких поясках, которые специально изготавливались для свадьбы невестой. Вышивка у коми в это время была развита крайне слабо.

Заканчивая обозрение очерков, хотелось бы остановиться еще на одной ошибке, на этот раз сделанной В.Э. Шараповым в комментариях к публикации на русском языке отчета финского ученого. В них У.Т. Сирелиус назван министром иностранных дел Финляндии[3]. Эту должность он никогда не занимал. Министром в действительности некоторое время был его друг, известный финский лингвист Э.Н. Сетеля. Впервые об этом необоснованно написали Д. Несанелис и В. Семенов, и эту информацию начали использовать другие исследователи[4].

Интересно, что после экспедиции У.Т. Сирелиуса финские этнографы и фольклористы первой четверти XX в. больше не предпринимали длительных путешествий по Коми краю, несмотря на «*несистематическую изученность фольклора и этнографии*». Во многом этому способствовали различные политические события, в частности Первая мировая война и разразившиеся после нее революции. Тем не менее коми тематика продолжала присутствовать в их разысканиях.

Значительный вклад в изучение традиционной культуры, в частности мифологических представлений коми народа, был сделан ***Уно Нильсом Оскаром Холмбергом-Харва*** (Holmberg-Harva Uno, 1882–1949), крупнейшим финским исследователем народных ве-

---

[1] *Сирелиус У.Т.* Из путешествия по северо-востоку России... С. 175.

[2] *Wichmann Y.J.* Syrjänische Volksdichtung // MSFU. 1916. Vol. 33.

[3] *Сирелиус У.Т.* Из путешествия по северо-востоку России... № 3. С. 177. Примечание В.Э. Шарапова.

[4] *Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Одна родина — две судьбы // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 274.

рований у финно-угров[1]. Он родился в семье пастора. В 1902 г. окончил гимназию в г. Або (Турку), после чего начал учиться на теологическом факультете Александровского (Хельсинкского) университета, после окончания которого был рукоположен в сан. Начав пасторское служение, У. Холмберг-Харва через некоторое время пережил духовный кризис и отказался от сана.

В 1907 г. У. Холмберг-Харва вернулся в университет, на этот раз на историко-филологический факультет, где стал заниматься исследованием народных верований и народной мифологии финно-угорских народов. На формирование его как ученого большое влияние оказали Карел Крон и Эдуард Вестермарк, ученые, которые к этому моменту имели мировую известность. Выдающийся финский фольклорист и этнограф К. Крон стоял во главе национально ориентированных финских этнографов[2]. Именно он на кафедре финского фольклора Александровского университета разработал историко-географический метод исследования фольклорных текстов, которым широко пользовались ученые многих стран.

Эдвард А. Вестермарк (E.A Westermark, 1862–1939) по своим научным интересам отстоял от собственно финно-угорской этнографии, но его влияние на коллег на родине было велико. В основном он занимался общетеоретическими проблемами развития ранних этапов человеческого общества, а также проблемами происхождения религии и морали, семьи и брака. Свою экспедиционную деятельность он в основном вел в Северной Африке (7 полевых сезонов). Был сторонником британской социальной антропологии и пользовался методами социологических исследований. Вестермарк защитил докторскую диссертацию в 1889 г. в Александровском университете, а позднее, в 1907–1918 гг., состоял там профессором моральной философии, но его основная преподавательская деятельность была связана с Лондонским университетом и Школой экономических и политических наук. В частности, к числу его учеников в Англии принадлежал Бронислав Малиновский. В 1918 г. Э. Вестермарк стал первым ректором восстановленной Академии Або, Шведского университета в г. Турку[3]. Он, в отличие от К. Крона, придерживался либеральных взглядов, которые были присущи шведскоязычной части финляндской интеллигенции и профессуры, и отрицательно относился к националистической деятельности фенноманов.

Именно Э. Вестермарк, исходя из теологической подготовки и практики У. Холмберга-Харва, посоветовал последнему заняться изучением вопросов дохристианских верований. Близкие учителю методы британской эволюционной школы в этнографии стимулировали сравнительное изучение религии примитивных народов впоследствии и стали основой научных исследований начинающего ученого. Позднее, когда в 1914 г. У. Холмберг-Харва претендовал на должность доцента сравнительного религиоведения в Гельсингфорсе, Э. Вестермарк писал: «*Я сам посоветовал г-ну Хольмбергу, когда он учился у меня, заняться изучением религии финно-угорских народов на прочной научной основе*»[4] .

К началу XX в. финской наукой был накоплен значительный материал по традиционной культуре всех финно-угорских народов России. Наибольших успехов достигли лингвисты, преуспевшие в сборе языкового и фольклорного материала. Но в такой сложной, трансформирующейся под влиянием христианства и ислама сфере, как языческие верования и мифологические представления, еще не проводилось специальных исследований. Проблему нехватки качественного этнографического материала профессор К. Крон предло-

---

[1] *Haavio Martti.* Uno Harva in memorian // Virittaja. 1949. Vol. 53. S. 308–312; *Ravila P.* Uno Harva // FUF. 1951. Bd. 30. S. 289–291; *Anttonen V.* Uno (Holmberg) Harva as field ethnographer // Uralic Mythology and folklore. Edited M. Hoppal and J. Pentikäinen. Budapest, 1989. P. 33–48; *Загребин А.Е*. Финны об удмуртах… С. 72–80.

[2] *Pentikäinen J.* Julius and Kaarel Krohn // Bibliographica: Nordic Folklorists of the Past. Uppsala, 1971. P. 11–13.

[3] *Vuorela T.* Ethnology in Finland before 1920... P. 62.

[4] *Anttonen V.* Uno Harva ja suomalainen uskontotiede // Suomi. Helsinki, 1987. № 118. P. 51.

жил разрешить путем проведения специальной программы полевых исследований среди родственных финнам народов на предмет изучения их мифологии и религиозно-магической практики. Исполнителями этого научного проекта должны были стать молодые ученые, особые надежды связывались с У. Холмбергом-Харвой, имевшим, с одной стороны, специальное теологическое образование, а с другой — превосходную теоретическую этнографическую подготовку.

Чтобы самому познакомиться с мифологией и еще сохранившейся религиозной практикой, он в 1911 г. отправился к удмуртам, а в 1913 г. — к марийцам. Поездка к удмуртам финансировалась из специального фонда канцлера Александровского университета. Главной задачей был сбор материала по религии (особенно представлений о душе, культе мертвых и родовых (семейных) жертвоприношениях)[1].

Таким образом, У. Холмберг-Харва стал единственным финским ученым, проводившим специальные этнографические исследования в области народных религий. В своем отчете Финно-угорскому обществу после этой экспедиции ученый указывал, что целью его путешествия «*был сбор информации о представлениях, связанных с душой, культом умерших, и по возможности выявление основ, формирующих религиозную жизнь вотяков*»[2]. В результате была написана докторская диссертация, посвященная сравнительному анализу верований финно-угорских народов, связанных с водой и водными духами (божествами)[3]. Опираясь на собственные материалы, У. Холмберг-Харва пришел к выводу, что вера в антропоморфных духов-хранителей домашнего очага, лесов, воды и т.д. у пермских народов, в том числе у коми, возникла из обожествления всей природы, из тех природных сил, которые охраняли человеческую жизнь. Он рассматривал подобную тенденцию обожествления с точки зрения человеческой психологии: «*Древний человек персонифицировал природные явления и наделял их мыслительными способностями, которыми, как он полагал, можно управлять при помощи магии, жертвоприношений или молитв*»[4].

Большое влияние на становление У. Холмберг-Харвы как ученого оказал немецкий ученый Вильгельм Вундт с его теорией психологии народов (этнической психологии). В своей диссертации У. Холмберг-Харва, основываясь на идеях Э.Н. Сетеля и У.Т. Сирелиуса о языковом родстве финно-угорских народов, предполагал их культурное и религиозное единство. По мнению ученого, «*у всех у них на стадии господства присваивающего хозяйства основой их религиозных представлений были верования, связанные с духами-хранителями (помощниками), которым поклонялись в священных рощах у воды и которые сформировались на основе культа почитания умерших предков, мертвых. Почитавшиеся ими антропоморфные божества — явление более позднее*»[5].

Таким образом, уже в ранней работе У. Холмберг-Харва стремился к созданию уравновешенной модели, как пишет Вейко Анттонен, к некой «теории баланса», в которой господствовавшее в то время в Финляндии мнение К. Крона о культе умерших предков как основе религиозных представлений финно-угорских народов являлось лишь частью более сложного религиозного комплекса, включающего не только преанимистические, но и анимистические представления. Подобная трактовка природы язычества была разработана в трудах британских этнологов и сформировалась у него под воздействием Э. Вестермарка. В этой книге специальный раздел посвящен анализу представлений о водяных божествах у коми-зырян[6].

---

[1] Forchungreisen // FUF. 1911. Bd. 11. S. 31.

[2] Цит. по: *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах… С. 73.

[3] *Holmberg-Harva, Uno.* Die Wassergotteiten der Finisch-ugrischen Völker // MSFOu. 1913. Vol. 32.

[4] *Holmberg U.* Votjakkien taviaanjumala // Virittäjä. Helsinki, 1912. S. 99–106.

[5] *Holmberg-Harva U.* Die Wassergotteiten…

[6] Там же. С. 96–113. Русский перевод: *Уно Хольмберг*. Водяные божества у зырян // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 1. С. 104–113.

В очерке финский ученый показал великолепное знание русскоязычной литературы. Однако сам он у коми не был. Основные сведения по коми мифологии были извлечены им из статей ***К.Ф. Жакова***, ***К.А. Попова***, ***Н.И. Смирнова***, ***Г.С. Лыткина***, ***Яновича***, ***Хлопина***, ***Н. Рогова***, а также финских ученых. Но чаще всего У.Т. Холмберг-Харва ссылается на публикации и записи ***В.П. Налимова***, хранящиеся в архиве Финно-угорского общества в Хельсинки[1]. Анализ источниковедческой базы ученого показывает, что он был знаком с архивом Русского географического общества. В своем очерке, посвященном зырянам, У.Т. Холмберг-Харва сравнивает почитание божеств (духов) воды у этого народа с материалом по вотякам (удмуртам) и находит в них много общего, в первую очередь формы, способы и причины обращения к этим духам. При этом исследователь отмечает, что представления о духах воды сохранились у зырян вплоть до начала XX в., несмотря на то что он были христианизированы более 500 лет, и играли значительную роль в обрядовой жизни народа.

Позднее ученый принял активное участие в претворении в жизнь главного замысла своего учителя, профессора К. Крона — в обобщении материалов по дохристианским религиозным верованиям и мифологии финно-угорских народов. Это отразилось в большой коллективной работе, получившей общее название «Верования финского племени» — “Suomensuvun uskonnot” и состоявшей из шести томов. Из них четыре книги были написаны самим У. Холмбергом-Харвой и посвящены пермским финнам, саамам, марийцам и мордве. Остальные две книги содержали анализ верований обских угров, а также финнов и эстонцев.

Книга, посвященная коми и удмуртам, до сих пор остается самой полной сводкой данных о языческой религии пермских народов, написанной на основе личных полевых исследований и многочисленных письменных источников, умело интерпретированных автором[2]. В отличие от своих предшественников, ***А.И. Шегрена*** и ***М. Кастрена***, которые основывали свои исследования на лингвистических данных, или сторонников К. Крона, исходивших из данных фольклора, У. Холмберг-Харва выработал свой метод исследования — на основе комплексного анализа всех возможных источников с обязательным привлечением материалов наблюдений за молениями. Автор дал типологическую классификацию народных верований с разделением языческих божеств на высших и низших и указанием предназначенных для них жертвенных животных. Ученый подробно описал календарную обрядность народов коми и удмуртов с сопутствующими обрядами молений и жертвоприношений. Кроме того, он показал влияние христианства на эти верования, а также сравнил их с древними верованиями других финно-угорских народов.

В начале своей работы, после краткого историко-географического и библиографического очерков, автор в обширной главе привел множество примеров, на основании которых он делает предположение, что стержнем традиционной религии пермских народов, в том числе коми, является культ предков. Как указывает В. Анттонен, крупнейший финский исследователь научного творчества У. Холмберга-Харвы, необычность его исследовательских работ заключалась в новизне схемы, когда анализ общественных отношений, характера социальных групп, брака, родственных связей и правовых отношений опирался на религиозные мировоззрения, что было тогда довольно редким явлением в научной литературе[3]. Несмотря на то что методологические подходы У. Холмберга-Харва, примененные в работе, в наши дни кажутся несколько устаревшими, значение этой монографии не утрачено, по-

[1] Об этих материалах см.: *Терюков А.И.* Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми. В.П. Налимов... С. 130–135; *Шарапов В.* Материалы В.П. Налимова… С. 144–146.

[2] *Holmberg-Harva U.* Permalaisten uskonto (The Religion of the Permian). Porvoo, 1914.

[3] *Anntonen V.* Uno (Holmberg) Harva as a field-ethnographer // EUR. 1989. Vol. 1. P. 40.

скольку она построена на качественном, эмпирическим путем полученном фольклорном материале и многочисленных письменных источниках, умело интерпретированных автором, имеющим свой взгляд на проблему.

Известный финский фольклорист и этнограф Л. Хонко выделил три основных периода жизни и научного творчества У. Холмберга-Харвы. Ранний период (1909–1921) — в это время в его работах преобладают финно-угорская тематика и феноменология происхождения религии, продолжаются поиски в области теории генезиса религиозных верований. Период продолжающейся перспективы (1920–1933) — когда У. Холмберг-Харва приступает к исследованиям в области религиозных верований народов Северной Евразии на основе глубокого культурологического анализа. В период творческой зрелости (1933–1949) У. Холмберг-Харва освобождается от условностей общих генерализирующих теорий происхождения религий и в своих основополагающих работах в большей мере опирается на материальную основу фольклора и мифологии[1].

Успешная защита диссертации позволила У. Холмбергу-Харве в 1915 г. занять должность доцента кафедры сравнительного религиоведения Александровского университета. Тогда же У. Холмберг-Харва принялся за большую работу, которая должна была охватить комплекс мифологических представлений и религиозных верований финно-угорских и сибирских народов. В 1917 г. он в последний раз провел полевые исследования в России, на этот раз у хантов и эвенков. В 1919 г. состоялась поездка У. Холмберга-Харвы в США, где в 1927 г. на английском языке были опубликованы две его обширные монографии: «Финно-угорская мифология» и «Сибирская мифология»[2]. В результате широкомасштабных исследований мировоззрений финно-угорских и сибирских народов в 1926–1927 гг. У. Холмберг-Харва совершил последнюю полевую экспедицию, направленную на изучение образа жизни и фольклора саамов-сколтов, живших близ г. Петсамо.

В 1926 г. его приглашают в Университет г. Турку, который был восстановлен в качестве учебного учреждения после закрытия в 1824 г. и перевода его в Гельсингфорс[3]. Здесь он возглавил кафедру социологии (этнографии). Переехав в Турку, У. Холмберг-Харва много сил вложил в становление нового университета, а также вместе со своим учителем К. Кроном стал одним из основателей Международного сообщества фольклористов (Folklore Fellows Communications), одной из крупнейших и авторитетнейших международных научных организаций, которая продолжает свою деятельность и в настоящее время.

Из числа финских этнографов, затрагивавших вопросы этнографии народов коми в начале XX в., следует упомянуть ***Ильмари Маннинена*** (*Ilmari Justus Andreas Manninen*, 1894–1935)[4]. Он родился в г. Выборге в семье священнослужителя. Его детство прошло в финляндской Карелии. В 1912 г. окончил лицей в Йоенсуу. В 1912–1916 гг. И. Маннинен учился в Александровском университете и получил диплом по истории и этнологии. Здесь он изучал историю Скандинавских стран, финно-угорскую этнографию, фольклористику.

В университетские годы он начал заниматься историей и этнографией Олонецкой Карелии, в частности народной одеждой, чему были посвящены его первые научные работы[5]. В них он активно использовал сравни-

---

[1] *Honko L.* Uno Harva (1882–1949) // Biographica: Nordic Folklorists of the Past. Uppsala, 1971. P. 57–66.

[2] *Holmberg U.* Finno-ugric Mithology // The Mithology of all Races V. IV. Boston, 1927.

[3] The University of Turku. Turku, 1982.

[4] *Шлыгина Н.В.* История финской… С. 56–58; *Äyräpää A.* Ilmari Manninen // Suomen Museo. 1935. S. 1–4; *Vilkuna K.* Ilmari Manninen (Nekrolog) // Virittäja. 1935. S. 393–395; *Он же.* Ilmari Manninen // FUF. 1937. Bd. 24. S. 54–57; *Он же.* Ilmari Manninen // Kansatieteellinen Arkisto. Helsinki, 1957. Bd. 13. S. 8–10; *Krompecher B.* Ilmari Manninen (Nekrolog) // NyK. 1935. Bd. 49. S. 416–418; *Talve I.* Ilmari Manninen in Finland and Estonia // Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica. 1. Tampere, 1992. S. 50–76.

[5] Список опубликованных работ И. Маннинена см.: *Hirsjärvi A.* Veröfeentlichungen von Ilmari Manninen //

тельно-исторический метод, пытаясь рассмотреть эволюцию отдельных деталей народного костюма. В эти же годы его начинает интересовать тема, которую мы сегодня называем местной, или локальной, историей. Он опубликовал работу по церковной истории прихода Липери, где служил его отец в шведское время. Тогда же в сферу его интересов попадает Северо-Западное Приладожье, куда он совершил несколько поездок. После завершения обучения И. Маннинен был оставлен в докторантуре. Его научным руководителем стал Карле Крон. Научная тема — народная медицина, достаточно новая тема, находящаяся между фольклором и этнографией. Одной из первых его работ в этом направлении стала большая статья «Золото, серебро и медь в финских магических заклинаниях»[1]. Одновременно он работает в Финском национальном музее и преподает историю в средней школе в Наантали под Турку, а несколько позднее организует там музей. Позднее этому городку и находящемуся там женскому бенедиктинскому монастырю И. Маннинен посвятил небольшую книгу. В 1922 г. он защитил докторскую диссертацию, которая называлась «Демонические болезни в финских народных суевериях. Сравнительное изучение народной медицины»[2]. Его оппонентом выступил доцент ***Уно Харва-Холмберг***. В принципе это была инновационная работа, которая показала возможность использования фольклорных текстов в изучении народной медицины. В своей диссертации ученый привел большой сравнительный материал по другим финно-угорским народам, в частности по коми. Например, он ссылается на работы ***В.П. Налимова***.

В том же году он был приглашен в Тарту, где стал директором Эстонского народного музея и фактически руководителем и организатором эстонской этнографии как науки. На этот пост он был рекомендован профессором археологии А.М. Тальгреном, который был приглашен эстонскими властями для чтения лекций в Тарту[3]. А.М. Тальгрен характеризовал его как человека, хорошо знающего организацию работы музеев в Скандинавских странах. В Эстонии И. Маннинен провел 6 лет, начиная с 1 июля 1922 г. Он был вторым финским ученым, направленным финляндским правительством от Университета Турку и Финского национального музея для оказания практической помощи молодой Эстонской Республике. И. Маннинен использовал эти годы для знакомства с этнографической наукой Германии, Польши и Венгрии, а также для ежегодных поездок по Эстонии. В 1928 г. он посетил эстонскую Ингерманландию, а также побывал в Москве и Ленинграде. Как пишет Ю.Ф. Лиинус, И. Маннинен фактически внедрил в Тарту принципы современного музееведения. Он расширил собирательскую деятельность. До него эстонские этнографы в основном занимались сбором декорированных предметов, а сам музей в большей степени был музеем эстонского прикладного искусства.

И. Маннинен считал, что необходимо расширить ассортимент собираемых экспонатов и не следует бояться дубликатов при их сборе. По мнению ученого, «*для научного изучения большой запас вариантов — большая удача. При изучении географического распространения типов предметов часто полезным является наличие дубликатов. Существует достаточно много явлений, которые наблюдаются лишь в отдельных местностях. Без достаточного запаса дубликатов трудно определить границы распространения этих явлений. Установление же упомянутых границ может прояснить историю соответствующих явлений и благодаря этому осветить отношения между Эстонией и соседними народами в древности, а также отношения между отдельными уездами и культурными провинциями Эстонии*».

Kansatieteellinen Arkisto. Helsinki, 1957. Bd. 13. S. 179–190.

[1] *Manninen I.* Kulta, hopea ja vaski suomalaisissa taioissa. Kotiseutu, 1917. S. 40–54.

[2] *Manninen I.* Die dämonischen Krankheiten im finnishen Volksaberglauben // FFC. 1922. Bd. 45.

[3] *Линнус Ю.Ф.* А.М. Тальгрен и эстонские музеи // Скандинавский сборник. Тарту, 1983. Т. 28. С. 139.

И. Маннинен был сторонником культурно-типологического метода в изучении материальной культуры народов. Одновременно он понимал, что необходимо картографировать все явления народной культуры. Для этой цели он составил вопросники-программы по разным отраслям культуры (это показывает, что финский ученый хорошо знал опыт работы Русского географического общества). Для их заполнения И. Маннинен использовал учителей и учащихся сельских школ. Одновременно под его руководством началась подготовка основной экспозиции, посвященной эстонцам, которая была открыта в 1927 г., а в 1928 г. были экспонированы коллекции по остальным финно-угорским народам.

Одновременно он преподавал в местном университете, читая курсы по этнографии, в частности по этнографии финно-угорских народов[1]. Позднее на их основе он написал книгу «Финно-угорские народы» на финском и немецком языках[2]. В этом исследовании отдельная глава посвящена народам коми. В ней дается общий обзор традиционной культуры коми-пермяков и коми-зырян. Некоторые материалы по коми этнографии использовались им в других работах, в частности в статьях, посвященных сравнительному рассмотрению средств передвижения и одежды финно-угорских народов[3].

Но научного признания ученый добился благодаря книгам по традиционной культуре эстонцев — «Истории эстонской народной одежды» и «Материальной культуре эстонцев» в двух томах, которые до настоящего времени остаются ценнейшими этнографическими источниками и классическими справочниками по традиционной культуре эстонцев[4]. Первая из них была выполнена по образцу классической для этого раздела финской этнографии книги ***У.Т. Сирелиуса*** «История финского народного костюма»[5]. Также он опубликовал несколько работ по сету.

После возвращения в Финляндию И. Маннинен в 1929 г. становится заведующим этнографическим отделом Национального музея, сменив на этом посту ***У.Т. Сирелиуса***, и одновременно доцентом финно-угорской этнографии Хельсинкского университета. Во время пребывания в Эстонии он совершил несколько поездок за пределы Финляндии: в 1922 и 1925 гг. — в Швецию; в 1924 г. — в Польшу, Германию, Венгрию, Чехословакию и на Балканы. Похоже, он был одним из последних финских этнографов, побывавших в 1928 г. в СССР. Результатом этой поездки стали несколько статей, в которых он познакомил своих коллег в Финляндии с постановкой изучения финно-угорских народов в Советском Союзе.

Продолжалась и научная деятельность И. Маннинена. В 1931 г. он опубликовал статью, которая стала концептуальной, ибо в ней он впервые соотнес генетическое родство по языкам и различия в культуре. Рассматривая некоторые пережитки собирательства диких растений у народов севера Евразии, в первую очередь у финно-угров, он исходил из постулата о том, что народы, обитающие в сходных климатических условиях, должны употреблять в пищу одни и те же биологические виды растений. Но исследователь обнаружил, что это не соответствует действительности. Оказывается, что у разных народов, не связанных между собой родством, могут существовать одинаковые предпочтения к ягодам, травам, грибам, кореньям и в то же время различные способы их приготовления, что говорит о региональных особенностях, обусловленных другими фактора-

---

[1] *Линнус Ю.Ф.* Финский ученый Илмари Маннинен и эстонская этнография // Скандинавский сборник. Таллин, 1985. Т. 29. С. 104–114; *Luts Arvid.* The teaching of ethnograpy at the University of Tartu // Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica. 1. Tampere, 1992. S. 77–84.

[2] *Manninen I.* Suomensukuiset kansat [Финно-угорские народы. На финском языке]. Poorvo, 1929; *Он же.* Die finnisch-ugreischen Völker. Leipzig, 1932.

[3] *Manninen I.* Fortbewegungs — und Transportmittel. Dei Kleidung // Kansatieteellinen Arkisto. 13. S. 11–178.

[4] *Ränk G.* Ilmari Manninen and Estonian Ethnography // Acta Ethnologica. 1936. P. 124–126.

[5] *Sirelius U.T.* Suomen kansanpukujen historia. Helsinki, 1915.

ми, а не родством[1]. Поэтому в предисловии к третьему тому «Финского племени», редактором которого он был, И. Маннинен говорит, что невозможно доказать общность происхождения культуры финно-угорских народов на основе этнографических материалов. По его мнению, они слишком давно расселились в различных регионах и подверглись определенному влиянию своих соседей, а общие и древние формы культуры погребены под позднейшими слоями. Поэтому в решении этногенетических проблем следует учитывать региональный фактор и подход. По его мнению, ученые должны обратить внимание на взаимосвязи прибалтийско-финской и русской культур, ибо влияние последней — один из главных факторов наличия общих черт в культуре финно-угорских народов, расположенных далеко друг от друга[2].

Ровесником У. Холмберга-Харва и И. Маннинена был известный финский этнограф и лингвист ***Альберт Хямяляйнен*** (***Alberet Hämäläinen***, 1881–1949). Он родился в с. Леписто, на севере Центральной Финляндии, в крестьянской семье[3]. В 1902 г. после окончания лицея г. Хямеенлинна продолжил образование в Александровском университете в Гельсингфорсе, где занимался изучением финно-угорской лингвистики под руководством профессора Х. Паасонена и доцента ***Ю. Вихмана***. Тогда же определились и его научные интересы: русский язык и литература, финно-угорская этнография и музейное дело[4].

Успешно завершив университетский курс наук, как подающий большие надежды магистр философии А. Хямяляйнен получил в 1907 г. стипендию на проведение в течение трех лет полевых исследований среди финно-язычных народов России и стажировку в научных центрах Западной Европы. Этому во многом способствовало высказывание одного из его учителей, крупнейшего финского этнографа, проф. ***А.О. Хейкеля*** о том, что «*прежде чем заниматься умозрительными построениями, Вы должны ознакомиться с реальными фактами. Иными словами, если Вы хотите проникнуть в область материальной этнологии, Вы должны обратить свое внимание на местные музеи для того, чтобы Ваш взгляд был в состоянии отличить различные категории сходных предметов*»[5]. А.О. Хейкель, таким образом, предложил своему молодому коллеге познать душу народа через его быт и культуру, занявшись полевыми наблюдениями. В первой половине 1908 г. А. Хямяляйнен отправляется в Поволжье. Здесь он, несмотря на рекомендации А.О. Хейкеля, сконцентрировал внимание на изучении дохристианских верований и семейно-родовых обрядов, хотя и интересовался некоторыми сторонами материального производства финно-язычных народов этого региона. Основной маршрут его путешествия прошел через районы, населенные мордвой, удмуртами и марийцами[6]. Так, одной из первых его научных публикаций стала статья, посвященная жертвоприношениям у черемисов (марийцев), проиллюстрированная фотографиями и рисунками, показывающая, что он прекрасно освоил методику проведения полевых исследований финских ученых, которая требовала обязательного использования этих форм фиксации[7]. В проме-

---

[1] *Manninen I.* Überreste der Sammlerstufe und die Notnahrung aus dem Pflanzenreich bei den nordeurasischen, vorzugsweise der finnischen Völker // Eurasia Septentrijnalis Antique. 1931. Bd. 6.

[2] *Manninen I.* Johdanto // Suomen Suku. Helsihki, 1934. Bd. 3. S. 35.

[3] *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах… С. 66–72; *Itkonen T.I.* Albert Hämäläinen // Suomen Museum. 1950. Vol. 57. S. 73–76; *Vilkuna K.* Albert Hämäläinen // Virittäjä. 1935. P. 498–501.

[4] *Räsänen R.* Albert Hämäläinen — champion of Finno-Ugrian ethnology // Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica. 1. Tampere, 1992. P. 103–125.

[5] *Lehtinen I.* Feld expedition as source of Finno-Ugrian Ethnology // Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica. 1. Tampere, 1992. P. 43.

[6] *Hämäläinen A.* Matkakertomus [Рапорт о путешествии. На финском языке] // JSFOu. 1908. Bd. 25. S. 19–22.

[7] *Hämäläinen A.* Tšeremissiläistä uhritapoja [Черемисские жертвоприношения. На финском языке] // JSFOu. 1908. Bd. 25. S. 1–17.

жутке между экспедициями в Поволжье А. Хямяляйнен работал ассистентом библиотекаря в Славянской библиотеке Александровского университета, а также переводчиком Финляндского сената.

Результатом этой поездки стала диссертация, посвященная сравнительному анализу свадебной обрядности у мордвы, марийцев и удмуртов, которая была завершена им в 1913 г. В том же году она была опубликована Финно-угорским обществом[1]. Хотя его официальный оппонент ***У.Т. Сирелиус*** подверг диссертацию серьезной критике, она была доброжелательно принята коллегами. Спор разгорелся вокруг методологических приемов, использованных диссертантом. А. Хямяляйнен в своей работе опирался на популярные в то время в европейской этнологии идеи своего соотечественника, профессора Лондонского университета Э. Вестермарка. Последний в книге «История человеческого брака» отстаивал тезис о вечности моногамной семьи, исходя из биологической основы брачно-половых отношений[2]. В сравнительной части работы, в которой имеются материалы и по коми, А. Хямяляйнен выделил местные и заимствованные элементы свадебных обрядов, что свидетельствует об определенном влиянии на его научное мировоззрение диффузионистских идей. Он не только обратился к новой для финно-угорской этнографии проблематике, но сделал это, опираясь на передовые для его времени методологические подходы. В своей диссертации А. Хямяляйнен высказался против предложенной профессором ***И.Н. Смирновым*** гипотезы о существовании у финно-угорских народов «гетеризма», или «первобытного промискуитета» в системе семейно-брачных отношений, обоснованной им в своих монографиях по этнографии поволжских финно-угров. Только этим, по мнению Н.И. Смирнова, можно было объяснить, с одной стороны, наблюдавшуюся у них большую сексуальную свободу, а с другой стороны, наличие близкородственных брачных связей. Близкие к Н.И. Смирнову идеи высказывал и А.Н. Максимов[3]. А. Хямяляйнен на основе своих полевых наблюдений и интерпретации русскоязычной литературы приходит к выводу, что у финноязычных народов Поволжья существовала ярко выраженная традиция, по которой у них были запрещены браки между родственниками[4].

Неприятие его работы таким авторитетным ученым, как У.Т. Сирелиус, очевидно, послужило одной из причин того, что последующие 10 лет жизни А. Хямяляйнен провел в «добровольном изгнании», работая в основном учителем в лицее г. Хямеенлинна, который некогда закончил. Однако А. Хямяляйнен каждое лето проводил в этнографических поездках по Финляндии и внимательно следил за новыми веяниями в мировой этнографии. Например, он в 1911 г. направился в Австрию, где работал в Венской библиотеке и установил контакты с австрийскими учеными. В 1914 г. он провел лето Лондоне, знакомясь с английской этнологической школой. Позже, в 1922–1923 гг., он работал в музеях Лейпцига и Берлина[5]. На научные взгляды А. Хямяляйнена в то время несомненное влияние оказали Эд. Тейлор и Дж. Фрэзер. Сам он причислял себя к сторонникам эволюционистско-психологического направления в этнологии. В 1924–1931 гг., после смерти основателя этого музея и его первого директора А.О. Хейкеля, А. Хямяляйнен становится директором музея под открытым небом «Сеурасаари» и одновременно куратором Национального музея в Хельсинки.

В 1920 г. он издает одну из лучших, во многом передовую для финно-угорской этнографии книгу «Субстанция человеческого тела в магических обрядах финно-угорских

---

[1] *Hämäläinen A.* Mordvalaisten, tseremissien ja votjakkien kosinta -ja häätavoista // JSFOu. 1913. Vol. 29. S. 1–311.

[2] *Westermarck T.* The history of human marriage. L., 1901.

[3] *Максимов А.Н.* Что сделано по истории изучения семьи. М., 1901.

[4] Более подробно о взглядах финских этнографов на проблему брака и семьи у российских финно-угров см.: *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах… С. 141–144.

[5] *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии… С. 54.

народов». В ней он придерживался концепции Дж. Фрэзера о вере людей древности в колдовскую силу[1]. По сути, это первая попытка проведения этнопсихологического исследования симпатической магии финно-угорских народов, осуществленная на широком сравнительном фоне. Альберт Хямяляйнен в основном сосредоточился на анализе традиционных для финно-угорских народов поверий и запретов, связанных с человеческим телом, а также на представлениях о возможности оказания влияния на состояние и разум человека через воздействие на предметы, соприкасавшиеся с его телом. По методам исследования и рассматриваемой проблематике в один ряд с его работой можно поставить лишь упомянутую книгу о колдовстве у коми ***А.С. Сидорова***[2].

В 1931–1949 гг. А. Хямяляйнен возглавлял кафедру финно-угорской этнографии Хельсинкского университета. В это время появился ряд его новых работ. В них сходство обычаев у разных финно-угорских народов исследователь рассматривал чаще всего как результат заимствований, хотя и считал, что некоторые явления могли возникнуть конвергентно. Таким образом, А. Хямяляйнен иногда отходит от эволюционизма своих предшественников и учителей. К подобным выводам его подтолкнуло то, что сходство обычаев и обрядов наблюдается у разных народов, не всегда связанных генетическим родством. Но в то же время он постоянно сомневался и занимал позицию между эволюционизмом и школой культурных кругов, иногда противопоставляя последней традиционные для финской этнографии положения, которая всегда рассматривала развитие тех или иных явлений культуры народа с генетической точки зрения[3]. Особенно часто эволюционный метод использовался А. Хямяляйненом в работах по материальной культуре финно-угорских народов для того, чтобы показать в ретроспективе развитие отдельных элементов культуры и восстановление общей пракультуры этих этносов. Свидетельством его объективности и научной наблюдательности было то, что он отмечал большое влияние русских на обрядность финно-угорских народов[4].

Следует упомянуть еще об одной работе, в которой ученый касается коми-зырян, — «Черемисские и зырянские бани»[5]. В ней прослеживается воздействие на идеи автора эволюционной линии развития жилища у финно-угорских народов — от полуземлянки до наземного деревянного дома, которая была предложена А. Хейкелем и Н. Сеттеля. А. Хямяляйнен приводит новые материалы в подтверждение этой теории, привлекая для этого типологию бани у марийцев и коми, у которых он находит постройки со скрытыми в земле нижними венцами. Если для характеристики марийцев он приводит материалы собственных полевых наблюдений, то по коми, в первую очередь по коми-пермякам, он использует данные книги ***И.Н. Смирнова***. Последний рассматривал бани как древнейший тип постройки и строительной техники у коми. Исходя из наличия у финнов полуподземного жилища *pirtti* и полуподземной сауны, А. Хямяляйнен видит в этом дополнительное подтверждение финно-угорского родства. Кроме того, он приводит мнение о том, что, возможно, финский термин «сауна» (*sauna*) связан с коми-зырянским словом *чом*, которое обозначает холодную пристройку в доме, и с ненецким и коми-ижемским *чум* — переносным разборным жилищем оленеводов. Здесь следует отметить одну неточность, которую автор допустил при общем описании коми-зырянского жилища. Правильно отмечая деление дома у коми на три части — жилую, хозяйственную часть (*кум*) и помещение домашних

---

[1] *Hämäläinen A.* Ihmisruumiin substanssi suomalais-ugrilaisten kansojen taikuudessa. Taikapsykologinen tutkimus // MSFOu. 1920. Vol. 47.

[2] *Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. Л., 1928.

[3] *Hämäläinen A.* Suomalais-ugrilaisen kansatieteen nykyisestä asemasta // Valvoja-Aika. 1939. P. 1–2.

[4] *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии … С. 54–56.

[5] *Hämäläinen A.* Tšeremissen ja syrjäänien saunoista // Suomen museo. 1926. Bd. 33.

животных (*карта*), — он считает, что жилье и помещение для животных — это одно помещение. На самом деле это разные, отдельные части жилища, лишь объединенные одной крышей и разделенные стеной[1].

Несмотря на то что сам А. Хямяляйнен не посещал народы коми в ходе своих путешествий по России, он постоянно и активно использовал материалы по этнографии коми в своих сравнительно-исторических исследованиях. Также ученый посвятил исследованию этого народа специальные статьи. Например, он единственный из финских ученых, серьезно занимавшихся историей христианизации коми и ролью ***Стефана Пермского*** в культуре коми.

В 1908 г. он опубликовал специальную статью «Рассказ Епифания Премудрого о Святом Стефане и древнем народе коми», написанную на основе русских источников[2]. До него ***Стефан Пермский*** привлек внимание лишь ***Ю.Й. Вихмана***, но последний обратился к деятельности первосвятителя коми-зырян как лексикограф, изучая лексический состав древнепермского языка с целью выявления в нем заимствований из церковнославянского и русского языков[3]. Статья А. Хямяляйнена начинается с биографии автора жития — ***Епифания Премудрого*** — и его деятельности. Затем следует жизнеописание Стефана, включающее его деятельность по крещению предков современных коми. Отдельно рассматривается вопрос о создании Стефаном древнепермской письменности. Причем А. Хямяляйнен подчеркивает, что зыряне стали вторым после венгров финно-угорским народом, получившим письменность. Далее рассматриваются деятельность остальных пермских епископов, политическая история региона и вхождение Коми края в состав Московской Руси, а также источниковедческое значение жития для выявления древней культуры народа коми. В заключении финский ученый очень высоко оценивает информационную ценность сочинения Епифания Премудрого и не соглашается с мнением митрополита ***Евгения*** и академика ***А.И. Шегрена***, которые видели в нем скорее прекрасное литературное произведение, нежели историческое сочинение. Правда, ученый отмечает, что к житию надо относиться должным образом, отличая правду от вымысла[4].

Позднее А. Хямяляйнен обращался к этому вопросу несколько раз. Как оказалось, последняя научная работа исследователя, опубликованная уже после его смерти, также была посвящена Стефану Пермскому[5]. Она во многом повторяет положения предыдущей статьи, посвященной этому церковному деятелю.

Заканчивая характеристику А. Хямяляйнена как этнографа и рассматривая его вклад в изучение и популяризацию сведений о традиционной культуре коми, следует отметить, что большая часть его научной деятельности пришлась на период становления независимого Финляндского государства. Это был период, когда финские ученые не имели возможности проводить свои экспедиционные исследования в СССР. Так, Пентти Аалто в обзоре деятельности Финно-угорского общества за 1933–1958 гг., рассматривая деятельность финских ученых в изучении этнографии и лингвистики народов коми, упоминает только ***Т.Э. Уотила***, в частности его поездку в начале 1930-х гг. к коми-ижемцам в р-не Петсамо (Печенги) и работу в 1942 г. в среде коми военнопленных[6].

---

[1] *Hämäläinen A.* Tšeremissen ja syrjäänien saunoista… P. 26–27.

[2] *Hämäläinen A.* Epifanij Viisiaan antamant tiedot Pyhästä Tapanista ja hänen aikuissistaan syrjääneista // Epifanij Viisiaan tiedot. Suomi, 1908. № 2, 4, 6. Имеется перевод на коми язык: Епифаний Премудрӧлӧн вежа Стефан да важ коми войтыр йылысь висьталӧм // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 2. С. 124–135.

[3] Об этом см.: *Бартенс Р.* Вежа Степанлон вичко терминология. (Церковная терминология святого Стефана. На коми языке) // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 40–48.

[4] *Хамялайнен А.* Епифаний Премудрӧлӧн вежа Стефан… С. 134.

[5] *Hämäläinen A*. Der Hl. Stephan, der Apostol der Syrjänen // MSFOu. 1950. Vol. 98. S 53–72.

[6] *Aalto P.A.* Suomalais-ugrilaisen Seura. 1933–1958 // JSFOu. 1958. Vol. 60. P. 28.

Наоборот, контакты с финскими учеными для многих советских этнографов, представителей национальной интеллигенции, становились опасными. В 1930-е гг. многие из исследователей были объявлены финскими шпионами, буржуазными националистами, вредителями, работавшими на «*финских профессоров-фашистов Сирелиуса, Хямяляйнен, Вихмана*», и уничтожены[1]. Советское руководство имело определенные основания для таких утверждений. Например, А. Хямяляйнен участвовал в Гражданской войне в Финляндии на стороне белофиннов в качестве переводчика и сотрудника пресс-отдела Финляндского генерального штаба. Финские этнографы исполняли свой гражданский долг во время Советско-финской войны 1939–1940 гг. и Второй мировой войны 1941–1944 гг. на стороне, враждебной СССР. Не избежал этой участи и А. Хямяляйнен. Этому не помешало даже то, что сразу после завершения т.н. «Зимней войны» (советско-финского конфликта 1939–1940 гг.) он был единодушно избран первым председателем общества «Финляндия — СССР» и активно ратовал за улучшение отношений между этими странами. Во время «войны-продолжения» (так называют в Финляндии Великую отечественную войну 1941–1945 гг.) он служил начальником пресс-отдела Генерального штаба Вооруженных сил Финляндии. Позднее в качестве сотрудника разведывательного отдела Генштаба занимался организацией лагерей для советских военнопленных. Возможно, с его подачи ***Т.Е. Уотила*** начал сбор лингвистических и этнографических материалов среди представителей финно-угорских народов в финских лагерях. В 1943 г. он занимался организацией репатриации ингерманландских финнов, води и ижоры с оккупированной немцами территории Ленинградской области в Финляндию через Эстонию. Именно в это время им был создан и опубликован великолепный альбом по Ингерманландии.

Прежде чем закончить этот раздел, хотелось бы упомянуть еще одного финского ученого, научно-исследовательская деятельность которого также была связана с изучением коми языка и культуры среди военнопленных. Речь идет о ***Т.Э. Уотиле***. Научная деятельность этого лингвиста началась в 1930-е гг., когда благодаря его усилиям были завершены и опубликованы исследования его учителя — ***Ю.Й. Вихмана***. Собственные этнографические материалы Т.Э. Уотила, собранные среди коми военнопленных, оказавшихся в плену в Финляндии в 1941–1945 гг., и опубликованные в 1985–1995 гг., лежат за пределами хронологических рамок нашего исследования. Но так как этот материал восполняет огромную лакуну в этнографических исследованиях, возникшую в Коми АССР в 1930-е гг. по политическим причинам (об этом см. в главе 6), то мы остановимся на его деятельности и попытаемся оценить собранный им материал.

Тойво Эмиль Уотила (***Uotila Toievo Emil***, 1897–1947) — крупнейший финский лингвист первой половины XX в.[2] В 1921 г. он окончил Хельсинкский университет, был учеником ***Ю.Й. Вихмана***. Более 15 лет преподавал финский язык в разных школах и занимался изучением различных финно-угорских языков. В 1933 г. защитил докторскую диссертацию по истории системы согласных в пермских языках[3]. В этом же году стал доцентом кафедры финно-угорского языкознания Хельсинкского университета, где читал лекции по коми и удмуртскому языкам. В начале 1930-х гг. собирал материалы среди коми-ижемцев, оставшихся на территории Финляндии после передачи последней согласно Юрьевскому (Тартускому) мирному договору района Петсамо (Печенга). В 1938 г. вышла в свет его «Зырянская хрестоматия с грамматическим очерком и этимологическим

[1] *Куликов К.И.* Дело «СОФИН». Ижевск, 1997. Об этом подробнее см. в гл. 6.

[2] *Туркин А.И.* Уотила Т.Э. // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 505–506; *Itkonen E.* T.E. Uotila // Virittäjä. 1947. № 51. S. 203–206; *Ravila Paavo.* T.E. Uotila // FUF. 1951. Bd. 30. S. 34–36.

[3] Она была опубликована отдельной книгой: *Uotila T.E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in der permischen Sprachen // MSFOu. 1933. Vol. 65.

словарем»[1]. Эта книга написана на основе художественных произведений коми писателей, созданных и опубликованных на коми языке в послереволюционные годы. Она свидетельствует, что Т.Е. Уотила пристально следил за литературой, издаваемой на коми языке, которая еще поступала в то время в Хельсинки[2]. Так, он откликнулся специальной рецензией на «Русско-зырянский словарь» ***Г.С. Лыткина***[3]. Как и большинство финских лингвистов, активно занимался этимологией, посвятил несколько статей пермским заимствованиям[4]. В них он пытался определить заимствованную лексику в пермских языках, в том числе в коми, реконструировать древнюю историю коми народа. В 1942 г. под его редакцией появляется «Словарный запас коми-зырянского языка и основы морфологии», который был завершен Т.Э. Уотилой после смерти своего учителя ***Ю.Й. Вихмана*** и содержал около 10 000 слов[5]. Для современного исследователя, занимающегося этнической историей коми-зырян, не утратили значения его статьи о прибалтийско-финских, в частности о коми-вепсских, контактах и заимствованиях[6]. Коми язык он знал очень хорошо.

В 1942–1943 гг. Т.Э. Уотила ездил по лагерям и записывал различные тексты среди коми, удмуртов и марийцев. В 1985 г. Паула Кокконен из Хельсинкского университета начала издавать эти тексты[7]. Собранный материал публикатором сгруппирован в соответствии с принятым в настоящее время делением коми языка на диалекты и показывает, что Т.Э. Уотила беседовал с людьми, говорящими практически на всех диалектах. Набольшее число из информантов владели верхне-вычегодским диалектом (15 человек), по одному представителю — вымским, удорским, печорским, лузско-летским, верхне-сысольским[8]. Всего в четырех томах содержатся 766 текстов. Они представляют собой как образцы коми фольклора: сказки, былички, песни, причитания, загадки, поговорки, так и т.н. нарративы: рассказы о своей жизни, о хозяйственных занятиях, календарных и семейных обрядах и праздниках, о колхозах и т.д. Поэтому эти материалы имеют не только лингвистическое, но и этнографическое значение. Образцы коми фольклора, зафиксированные Т.Э. Уотилой, позволяют определить степень знания населением этого раздела традиционной народной культуры. Например, зафиксированные им образцы свадебных и похоронных причитаний, которые обычно исполняются женщинами, были известны мужчинам и могли исполняться ими. Все это позволяет высоко оценить научную ценность собранных Т.Э. Уотилой материалов, хотя их крайне редко используют.

---

[1] *Uotila T.E.* Syrjanische Chrestomathie mit grammatikalischem abris und etymologischem wörterverzeichuns. Helsinki, 1938.

[2] Краткую библиографию работ Т.Э. Уотила см.: Зарубежные ученые — исследователи коми языка. Сыктывкар, 2003. С. 156–157.

[3] *Uotila T.E.* G.S. Lytkin. Русско-зырянский словарь // FUF. 1934. Bd. 22.

[4] *Uotila T.E*. Etimologische Beitrage // FUF. 1939–1940. Bd. 26. S. 144–191; Lehnwörter des Permischen // JSFOu. 1943–1944. Vol. 411. P. 1–10.

[5] *Wichmann Y.J.* Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenleher. Bear. und hrsg. von *E.T. Uotila* // Lexica Cocietats Fenno-ugricae. Vol. 7. Helsinki, 1942.

[6] *Uotila T.E*. Huomautuksa syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista [Замечания о прибалтийско-финских заимствованиях в зырянском языке. На финском языке] // Virittäjä. 1936. № 40. S. 199–207; *Он же.* Vähan syrjäänin ja vepsän kosketuksista [О зырянско-вепсских контактах] // Virittäjä. 1947. № 51. S. 142–146, 233–234.

[7] Syrjanische Texte gesammelt von *T.E.Uotila.* B. 1. Komi-permjakisch // MSFOu. Helsinki, 1985. Vol. 186; Syrjanische Texte gesammelt von T.E. Uotila. B. 2. Komi-Syrjanisch // MSFOu. Helsinki, 1986. Vol. 193; Syrjanische Texte gesammelt von T.E. Uotila. B. 3. Komi-Syrjanisch // MSFOu. Helsinki, 1989. Vol. 202; Syrjanische Texte gesammelt von T.E. Uotila. B. 4 // MSFOu. Helsinki, 1995. Vol. 221.

[8] О судьбе этих людей см.: *Сивкова А.* Не пропавшие без вести // Дым отечества 1996–1997. Сыктывкар, 2006. С. 64–76.

Вместо заключения

Первые сведения о предках современных народов коми появляются в ходе знакомства и постоянного освоения человеком субарктической ойкумены на Европейском Севере. Этот процесс сопровождался не только хозяйственным освоением этой территории коми и русскими, но и кратковременным пребыванием на Севере различных торговцев, путешественников и авантюристов, искателей приключений (арабов, скандинавов, позднее англичан и голландцев). Европейский Север в этот период оказался в сфере освоения двух транзитных путей: 1) северо-восточной части великого восточного супохутно-водного пути, пролегшего от Англии и Скандинавии до Урала и далее на восток и юг, который проходил по рекам бассейна Северной Двины, Онеги, Мезени, Печоры, Камы, Оби; 2) морского пути вокруг Скандинавии в Белое море и к устью Северной Двины, освоенной к середине XVI в. Все это приводило, с одной стороны, к расширению географического знания, исторического пространства, а с другой стороны, к возрастанию интереса к «чужеродному» в этнокультурном и конфессиональном плане. В ходе такого познавательно-колонизационного процесса информация об этой территории и народах, ее населяющих, постепенно изменяется. Бывшая на первых этапах информация более мифологическая, чем реальная, со временем, к концу XVI–XVI вв., становится все более реальной. Если первые сведения о народах этого региона трудно идентифицируются в этническом плане, то к концу этого периода они становятся более реальными, появляются понимаемые этнонимии, топонимы, в том числе и первые этнографические описания народов коми. Поэтому к началу XVIII в. был накоплен существенный объем разносторонних сведений о народах коми, не всегда еще достоверных и доброжелательных, но включавших их в сферу научного знания.

В течение XVIII столетия появляются достаточно значительной количество данных о традиционной культуре народов коми. Они существенно отличаются от того, что известно нам от авторов предшествующих столетий не только количеством, но и качеством. Эти сведения не только более научно обоснованны, но в них значительно меньше материала легендарного, мифологического. Характерный для предшествующего времени эмпирический характер подбора фактов, при котором грань между фантастическим и достоверным знанием зачастую стирается, постепенно сменяется систематизацией, основанной на научной методологии, новой философской и исторической концепциях, вниманием к реальным общественным и хозяйственным отношениям у различных народов России, в том числе и у коми. Народоведческие описания и обобщения постепенно сменяются первичной рациональной теоретической обработкой. Например, хаотичность изложения материала в сочинении Н. Витсена у того же Ф.-И. Страленберга сменяется стремлением к систематизации собранного лингвистического материала в виде специальных таблиц.

Кроме того, этот этап, хронологически охватывающий фактически весь XVIII в., был связан общей идеей эпохи Просвещения — рационального познания окружающего мира. Народоведение было частью общей программы академических экспедиций, зафиксировавших огромный пласт этнокультурной информации, осмысление которой было предпринято многими выдающимися умами этой эпохи как в России, так и за ее пределами. А позднее принцип всеохватывающего энцик-

лопедизма, характерный для научного познания эпохи Просвещения, приводит к появлению первых монографических описаний, таких как у И.И. Лепехина, П.-С. Палласа и И.Г. Георги. Несмотря на то что они чрезвычайно пестры и многообразны, полученные данные позволили ученым сделать несколько важных выводов.

Во-первых, стало ясно, что коми-зыряне и коми-пермяки «однородные», как отмечал И.И. Лепехин, то есть родственные народы. Более или менее четко были очерчены границы их расселения, стала понятна система хозяйствования и т.д.

Во-вторых, эти исследования подтвердили, что народы коми являются родственными другим финно-угорским народам. Появились первые теории их происхождения, которые были сформулированы Д.Г. Мессершмидтом, Ф.-И. Страленбергом, Г.Ф. Миллером, В.Н. Татищевым, И.Э. Фишерорм, П.-С. Палласом и Г.-И. Георги[1].

В-третьих, началось изучение их древней истории, рассматривались проблемы вхождения народов коми в состав Русского государства.

В первой половине XIX в. народы коми в научном плане оказались в центре внимания формирующегося финно-угроведения, в рамках которого стремительно развивается сравнительно-исторический метод. Фактически это было началом становления самостоятельной научной дисциплины. В этом большую роль сыграли идеи эпохи романтизма, когда в рамках формирования европейских наций и национальных государств вновь возникают идеи восстановления древней истории своих народов. Именно поиски прародины финно-угров привели в Россию таких выдающихся исследователей, как А.И. Шегрен, М.А. Кастрен, А. Регули. В трудах этих ученых появляются первые научные гипотезы происхождения и этнической истории народов коми.

Экспедиции и путешествия русских ученых-естествоиспытателей, представителей страноведческого направления в российской науке не только расширили представления о географии Российской империи, но и принесли значительные этнографические сведения о народах коми.

К началу XX в. трудами многих исследователей постепенно складывается общая картина этнического состава Российской империи. В числе многих народов, населяющих бескрайние просторы страны, начинают четко различать финно-угорские народы, в том числе и народы коми. Общие сведения о них входят как в специальные научные сочинения, так и в учебные пособия и научно-популярные очерки[2]. Появились первые монографии по этнографии коми (***А.И. Шегрена***, ***К.А. Попова*** и ***И.Н. Смирнова***), в которых была дана общая картина традиционной культуры народов коми, выявлены основные этнографические группы, районы обитания, предприняты попытки рассмотрения этногенеза и этнической истории этих народов, рассмотрены вопросы взаимодействия с соседними народами. В этом большую роль сыграла русская гуманитарная наука, а также краеведы Архангельска, Вологды, Казани, Перми, Екатеринбурга, Тобольска.

Одновременно сведения о народах коми попадают и в зарубежные страноведческие сочинения. Например, можно указать книгу «Европейская Россия. Антропогеографический этюд» крупного немецкого географа, профессора Гейдельбергского университета А. Геттнера[3]. Он выделяет зырян в числе восточных финнов, указывает их численность, место проживания и т.д. А. Геттнер отмечает,

[1] *Терюков А.И.* Финно-угорские народы в российской науке XVIII века // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: материалы Юбилейной конф., посвящ. 70-летию ист. фак-та С.-Петерб. ун-та. СПб., 2004. С. 282–284.

[2] Например, см.: География России / сост. А.В. Зеленин. СПб., 1906. С. 182–184 (зыряне), 195 (пермяки); Природа и население России. Издание журнала «Вестник знания». СПб., 1906. С. 67 (зыряне), 78 (пермяки); Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. 1912. Т. 2.

[3] Европейская Россия. Антропогеографический этюд Альфреда Геттнера / пер. с нем. Л.Д. Синицкого. Приложение к журналу «Землеведение». М., 1906.

что «*они отличаются способностью к торговле, поэтому сравнительно зажиточны и по быту мало отличаются от русских*». Также он указывает на проживание пермяков на Верхней Каме, характеризуя их «*как сравнительно слабосильный и малоразвитый народ*». Но наиболее полно из зарубежных исследователей это было сделано в Финляндии ***И. Маниненом*** и в коллективном труде «Финский род»[1].

В конце XIX — XX в. начинает складываться коми национальная этнографическая школа. У истоков этой школы стояли ***Г.С. Лыткин***, ***К.Ф. Жаков***, ***П.А. Сорокин***, ***В.П. Налимов***. Именно на основе идейного наследия этих ученых в 1920–1940-е гг. происходит становление национального этнографического исследовательского центра в Усть-Сысольске (Сыктывкаре), который сумел организовать в эти годы сбор массовых этнографических данных, что подготовило почву для дальнейших исследований этнографии народов коми во второй половине XX в.

[1] *Manninen I.* Die finnisch-ugreischen Völker. Leipzig, 1932; Suomen Suku. Helsihki. Bd. 1–3.

Библиография

А.В. Журавский (некролог) // Изв. ОИОГ. 1914. № 5. С. 44–45.

А.В. Журавский (некролог) // Правительственный вестн. 1914. № 202.

Аверина Н.Ф.

1996. П.И. Мельников-Печерский и Пермский край // Вестн. Смышляевских чтений. Пермь. Вып. 2. С. 5–11.

2009. Провинциальный шедерв и его создатель. К 150-летию «Пермского сборника» // Смышляевский сборник: Исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. I / Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828–1893): Библиографический указатель. Пермь. С. 190–211.

Автономова Н.Б

Об этнографических исследованиях Василия Кандинского (Вологодская экспедиция 1889 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.komi.com/pole/publ/history/.

Авдеева Л.Р.

1992. Русские мыслители А.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. М.

Аделунг Ф.П.

1818. О важнейших изданиях С. Герберштейна «Записок о России» с критическим обозрением их содержания. С приложением портрета Герберштейна, рисунка и карты России. СПб.

1864. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. СПб. Т. 1–2.

Адрианов С.А.

1894. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Александра Дмитриева. Вып. V: Покорение Угорских земель и Сибири. Пермь, 1894 // ЖМНП. Июль. С. 190–203.

1897. А.А. Дмитриев. Пермская старина. Отзыв о вып. 1–5 «Пермской старины» А.А. Дмитриева // Отчет о 37-м присуждении наград графа Уварова. СПб.

Агафонов Н.Я.

1889. Памяти П.Д. Шестакова // Казанский биржевой листок. № 258.

Адрес-календари и справочные книжки Пермской губернии. Пермь, 1864–1916.

Айнов Ал.

1911. Современная жизнь на Севере // Северное утро. № 80, 81.

1912. К.Ф. Жаков. Сквозь строй жизни // Северное утро. № 152.

Азадовский М.К.

1965. Значение Географического общества в истории русской фольклористики // ОИРЭФА. М. Вып. 3. С. 5–17.

Аксенов М.

1910. Петр Дмитриевич Шестаков, замечательный педагог-гражданин второй половины XIX века. Смоленск.

1927. Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л. С. 17–29.

Александровский А.

1927. Материалы по истории Коми края (1768–1802) // Коми му. № 4–5.

Алексеев А.А.

1977. Ф.А. Волегов и его «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 года // Вопр. истории и грамматики чувашского языка. Чебоксары. С. 130–145.

Алексеев А.А., Ковтун Л.С.

1993. Азбуковники XVI–XVII вв.: старшая разновидность. Л., 1989.

Алексеев М.П.

1932. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. Иркутск. Т. 1. Ч. 1.

1936. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей (Вторая половина XVII в.). Введение, тексты и комментарии. Иркутск. Т. 1. Ч. 2.

1941. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. 2-е изд. Иркутск. Ч. 1–2.

Алексей Семенович Сидоров // Исследователи Коми края / сост. А.Г. Аксенова, Е.П. Березина, Т.В. Мульд, Л.Н. Рассыхаева. Сыктывкар, 1984.

Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994.

Алпатогв М.А.

1985. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М.

Альбенский.

1925. Как оживить краеведение // Экономика. Пермь. № 1. С. 63–64.

Альфонсов И.В.

1906. Указатель к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» за 1878–1905 гг. (Т. 1–21) // Изв. ОАИЭ. Т. 21. Ч. 2, 4, 5.

1906. Указатель к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Ка-

занском университете» за 1878–1905 гг. (Т. 1–21). Казань.

Английские путешественники о Московском государстве в XVI в // Иностранные путешественники о России. Л., 1937.

Андерсон Ф.

1951. А. Дмитриев как историк Урала // Учен. зап. Перм. ун-та. Пермь. Т. 6. Вып. 4.

Андреев А.И.

1928. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР // Финно-угорский сборник. Л. С. 243–329.

1936. Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири // СЭ. № 6. С. 93–103.

1937. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л. Т. 1. С. 59–144.

1939. Материалы по этнографии Сибири. XVIII в. // Советский Север. № 3. С. 73–83.

1960. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. М.

1960. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История российская. М.; Л. Т. 1.

1965. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л. Вып. 2: XVIII век (первая половина).

1999. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М. С. 66–149. Т. 1.

Андреев Н.В.

1999. Учительство в Пермской губернии в марте–октябре 1917 г. // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Березники. С. 98–103.

Андрей Владимирович Журавский // Северное утро. 1914. 15 авг.

Андрей Михайлович Шегрен // ЖМНП. 1855. Т. 86. Отд. 5. С. 1–8.

Анненский С.А.

1940. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л. Т. 3. С. 71–112.

Аннотированный указатель рукописных фондов Государственной публичной библиотеки. Вып. 4: Фонды русских деятелей XVIII–XX веков. Савваитов-Ястребцев. Л.

Анонимов И.Н.

1866. Записки о Московии барона Герберштейна. СПб.

Анучин Д.Н.

1890. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Труды Московского археологического общества. М. С. 277–282.

1908. Памяти А.И. Чупрова // Русские ведомости. № 44.

Апкаримова Е.Ю.

2007. Урал XVIII — нач. XX в. Поиск региональной идентичности // Уральский исторический вестн. № 15. С. 56–66.

Ардашев В.Ф.

1859. Зырянские загадки и песни // Вологодские ГВ. № 6.

Арсеньев Ф.А.

1858. Охота в окрестностях г. Усть-Сысольска. Белый бор // Журнал охоты. Т. 2. С. 177–191, 241–253.

1859. Охота в окрестностях г. Усть-Сысольска. Белый бор // Вологодские ГВ. № 25–30.

1864. Охотничьи рассказы. СПб.

1866. О промышленных делах и торговых сношениях в Зырянском крае. Этнографический очерк // ПКВГ на 1865 и 1866 гг. Вологда. Паг. 5. С. 1–62.

1866. Река Щугор (картины нашего Севера) // Вологодские ГВ. № 47.

1868. Зыряне: (Исторический очерк) // ПКВГ на 1867 и 1868 гг. Вологда Паг. 3. С. 101–118.

1872. Торговые сношения в Зырянском крае // Знание. № 7. С. 22–30.

1873. Хозяйственно-статистический очерк Вологодской губернии, составленный по сведениям за 1869 год // Памятная книжка Вологодской губернии на 1873 год. Вологда. Паг. 3. С. 1–66.

1873. Зыряне и их охотничьи промыслы. М.

1880. Движение населения Вологодской губ. за десятилетие с 1867 по 1877 гг. // Вологодский календарь на 1881 г. Вологда. Паг. 3. С. 28–44.

1881. Картины дальнего Севера. Из охотничьих воспоминаний. Вологда.

1882. Очерк кустарных промыслов по изделиям, собранным Вологодским губернским земством. Вологда.

1885. Охотничьи рассказы. 2-е изд., доп. М.

1888. Статистические сведения о печорском населении в пределах Усть-Сысольского уезда // Вологодские ГВ. № 19.

1889. Ульяновский монастырь у зырян. М.

1994. Ульяновский монастырь у зырян. Сыктывкар.

1994. История зырянского народа // Ульяновский монастырь у зырян. Сыктывкар.

Ардашев В.Ф.

1859. Зырянские загадки и песни // Вологодские ГВ. № 6.

Артизов А.Н.

1994. Судьба историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопр. истории. № 7. С. 34–48.

2003. «Очистим Россию надолго» (К истории высылки интеллигенции в 1922 г.) // Отечественные архивы. № 1. С. 65–96

Археология Республики Коми (Библиографический указатель. 1852–1999). Сыктывкар, 2000.

Архангельский сборник или материалы для подробного описания Архангельской губернии, собранные из отдельных статей, помещенных в разное время в Архангельских губернских ведомостях: в 6 ч. Ч. 1: Общее и частное описание губернии в естественном, статистическом и административном отношении. Кн. 2. Архангельск, 1865.

Архипова Н.П.

1954. Северноуральская экспедиция Русского географического общества // Зап. Урал. отдела ГО СССР. Свердловск. Вып. 1.

1978. С берегов Дуная на север Уральских гор. Путешествие Антала Регули // Природа. № 11. С. 103–109.

1994. Непроторенными путями: Э.К. Гофман — геолог, географ, путешественник. Екатеринбург.

2002. Вклад западноевропейских ученых XVIII–XIX веков в познание природы Урала // Изв. Урал. гос. ун-та. № 23. С. 135–145.

Архипова Н.П., Горчаковский П.Л.

1978. С берегов Дуная на север Уральских гор. Путешествие Антала Регули // Природа. № 11. С. 103–109.

Архипова Н.П., Ястребов Е.В.

1971. Как были открыты Уральские горы. Пермь.

1990. Как были открыты Уральские горы. Очерки по истории открытия и изучения природы Урала. 3-е изд., перераб. Свердловск.

Астафьев В.В.

2002. Меж двух университетских уставов: 1863–1883 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань. С. 78–96.

Атлас Республики Коми. М., 2001.

В.В.Б. [В.В. Богданов]

1906. Мартынов С.В. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб., 1905. // Землеведение. № 1–2. С. 197–201.

Б.Г.

1908. Памяти А.И. Чупрова // Исторический вестник. Т. 112. Апр. С. 233–248.

Бадмаев А.В.

1967. Г.С. Лыткин как калмыковед // Учен. зап. Калмык. НИИЯЛИ при Совете министров Калмыцкой АССР. Элиста. Вып. 5 (Сер. филологическая).

Багдасарян В.Э.

1997. Историография русского зарубежья: Н.И. Ульянов. М.

Базанов П.Н.

1999. Н.И. Ульянов // Вече. СПб. Вып. 12. С. 170–182.

2004. Н.И. Ульянов — петербургский историк в политической эмиграции // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб. С. 104–111.

2007. Зарубежные издания петербуржца-эмигранта Н.И. Ульянова // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения–2006. СПб. С. 40–46.

Бакланова Н.А., Андреев А.И.

1937. Обзор рукописей Г.Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л. Т. 1. С. 523–544.

1999. Обзор рукописей Г.Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // Миллер Г.Ф. История Сибири. М. Т. 1. 540–567.

Баклунд О.О.

1910. Экспедиция братьев Кузнецовых на Полярный Урал летом 1909 // Изв. ИРГО. Т. 45. Вып. 1–5. С. 35–51.

1911. Общий обзор деятельности экспедиции братьев Кузнецовых на Полярный Урал летом 1909 г. // Зап. ИАН. Сер. 8. Т. 28. № 1. С. 1–147.

Балов Е.А.

1846. Охотничьи промыслы в Усть-Сысольском, Яренском и Сольвычегодском уездах // Вологдские ГВ. № 14, 15.

Балуев Б.П.

2001. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». 2-е. изд., испр. и доп. Тверь.

Бараксанов Г.Г.

1992. Коми литературный язык XIX — начала XX в. // Rédei-Festschrift. Festschrift für Károli Rédei züm 60. Geburtstag. Wien; Budapest. S. 43–48.

Бараксанов Г., Жеребцов И.

1994. Илля Вась: малоизвестные страницы биографии (К 100-летию со дня рождения В.И. Лыткина) // Финно-угроведение. № 2. С. 62–71.

Бартенев В.В.

1896. На крайнем Северо-Западе Сибири. СПб.

1987. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х годов // От народничества к марксизму. Л. С. 162–221.

Бартенев Виктор Викторович (Исачин) // Деятели революционного движения в России Биобиблиографический словарь. Т. V: Социал-демократы. 1880–1904. Вып. 1. А–Б / сост. Э.А. Корольчук и Ш.М. Левиным. М., 1931. С. 229–230.

Бартенс Р.

1997. Вежа Степанлон вичко терминология. (Церковная терминология святого Стефана. На коми языке) // Арт–Лад. Сыктывкар. С. 40–48.

Барышева Е.А.

1990. Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // ЭО. № 3. С. 90–104.

Бартольд В.В.

1963. Арабские известия о руссах // Сочинения. М. Т. 3. Ч. 1. С. 810–858.

Бархатова Н.Н.

1955. Геологические исследования Русского географического общества (1845–1917). М.; Л.

Баскаков Н.А.

1981. Алтайская семья языков и ее изучение. Л.

Баталова Р.М.

1965. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII — первой половины XIX веков // Вопр. финно-угорского языкознания. М. С. 110–120.

1970. К столетию со дня выхода пермяцко-русского словаря // Наш край. Кудымкар. С. 96–102.

Бахрушин С.В.

1937. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л. Т. 1. С. 3–56.

1999. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л. Т. 1.

Безносиков Я.Н.

1968. Культурная революция в Коми АССР. М.

1970. Исторические исследования в Коми АССР за годы советской власти // Социалистические преобразования северной деревни. Вологда. С. 104–119.

Безносикова Л.М.

1998. Савваитов П.И // Коми язык: энцикл. М. С. 418.

Бейлин И.Г.

1969. У истоков науки о лесе (очерк о А.Е. Теплоухове). М.

Бейлин И.Г., Парнес В.А.

1969. Александр Ефимович Теплоухов. М.

Белавин А.М.

1990. О раннем этапе болгарско-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань. С. 125–129.

2000. Камский торговый путь. Экономические и этнокультурные контакты средневекового Предуралья. Пермь.

1992. Волжская Болгария и Пермское Предуралье в X–XIII вв. (К вопросу о культурном и экономическом взаимодействии): автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б.

1998. Этнокультурное взаимодействие средневекового населения Западного Урала с ближними и дальними соседями // Урал в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Екатеринбург. Ч. 1. С. 143–144.

Белавин А.М., Оборин В.А.

1986. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII в. // Волжская Булгария и Русь (К 1000-летию русско-булгарского договора). Казань. С. 63–75.

Беленький И.Л.

1990. Биография как историко-культурная проблема (к историографии темы в отечественной литературе) // Историческая биография: сб. обзоров. М. С. 136–164.

Белицер В.Н.

1958. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX в. М.

Белдыцкий Н.П.

1898. Поездка на Печору // Пермские ГВ. № 16, 18, 24, 26, 38, 43, 46, 50, 57, 58, 63, 69, 85, 90, 94, 99, 105, 108.

1901. В Парме. Очерки северной части Чердынского уезда. Пермь.

1907. Нефть в Печорском районе // Зап. Перм. отдела Императорского Русского технического общества. Вып. 2.

1910. Несколько дней среди ижемских зырян // Изв. АОИРС. № 23, 24.

1911. В низовьях Печоры (Из дорожного альбома) // Изв. АОИРС. № 4, 5, 8–9, 11.

1907. О Печорском крае. Очерки. Пермь.

1911. Памяти автора «Пермской старины» Александра Алексеевича Дмитриева // Материалы по изучению Пермского края. Пермь. Вып. 4. С. 44–55.

1911. О Печорском крае // Материалы по изучению Пермского края. Пермь. Вып. 4. С. 56–89.

1912. По Чердынскому Уралу на оленях // Изв. АОИРС. № 1. С. 27–30; № 2. С. 73–82.

1913. Ныробский узник. Древности и окрестности села Ныроб Чердынского уезда. Пермь.

1913. По Русскому Северу. Пермь.

1914. А.А. Дмитриев как автор «Пермской старины» // Памяти родных писателей. Пермь.

1916. Торговый путь на Печору // Иллюстрированный сборник-ежегодник. Пермь. Вып. 2. С. 163–168.

Белоброва О.А., Власов А.Н.

1988. Житие Прокопия Устюжского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Л. Ч. 1: А–К. С. 322–324.

Белов М.И.

1977. К 100-летию со дня рождения В.А. Русанова // Летопись Севера. С. 122–123.

Белоконь С.И.

1988. Зырянский Фауст // Даугава. № 5. С. 112–124.

Белоруков С.А.

1902–1909. Юрий Крижанич в России. М. Вып. 1–3.

Белковец Л.П.

1985. К вопросу об оценке историографических взглядов Г.Ф. Миллера // История СССР. № 4. С. 154–166.

1988. Г.Ф. Миллер в оценке отечественной историографии // Вопр. истории. № 12. С. 111–122.

1988. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск.

1988. Г.Ф. Миллер и публикация источников в первом историческом журнале Петербургской Академии наук // Источники по истории общественной мысли и культуре эпохи позднего феодализма. Новосибирск. С. 62–77.

1989. Г.Ф. Миллер и В.Н. Татищев // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск. С. 21–31.

Беляева И.М.

2001. Редкие книги в фонде Библиотеки РАН из собрания Д.Г. Мессершмидта // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб. С. 22–26.

Белянцева Е.И.

1964. Из истории Коми отдела при Народном комиссариате по делам национальностей (1918–1923) // Учен. зап. Горьков. ун-та. Сер. ист.-филол. Вып. 65.

Берг Л.С.

1946. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга 1725–1742 гг. М.; Л.

1946. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л.

1946. Летопись Географического общества за 1845–1945 гг. Л.

1949. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л.

Берг Ф.

1859. Заметки о зырянах // С.-Петерб. ведомости. № 42.

1859. Заметки о зырянах // Вологодские ГВ. № 29.

1857. Зыряне. Этнографический очерк // Вятские ГВ. № 21, 26, 30, 39. 41; 1858. № 2, 5, 6; 1859. № 13, 14.

Бердинских В.А.

2003. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М.

Берх В.Н.

1819. Письмо к одному знаменитому любителю русской истории о следах древностей в Пермской губернии // Сын Отечества.

1821. Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. СПб.

1821. Путешествиями в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.

1832. Описание зырянских пустынь // Северная Минерва. № 13. С. 1–15.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского университета за 100 лет его существования (1802–1902). Юрьев, 1902. Т. 1.

Биргегорд Улла.

2009. Первый шведский славист // Баренц-журнал. № 1. С. 18–24.

Бэр К.

1846. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Зап. РГО. Кн. 1. С. 94–115.

Беспалова Л.Г.

2000. Писатель-путешественник К.Д. Носилов // Космос Севера. Тюмень. Вып. 2. С. 119–136.

2002. Западносибирские предприниматели второй половины XIX — начала XX вв.: имена, биографии, судьбы. Тюмень. С. 73–81.

Бессонов Б.В.

1903. Поездка по Вологодской губ. к нефтяным богатствам на р. Ухту. СПб.

1908. Поездка по Вологодской губ. в Печорский край к Будущим водным путям на Сибирь. СПб.

1910. Водный путь на Сибирь по Вологодской губернии. Вологда.

Бессонов П.А.

1870. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православный благовестник. № 1, 2, 4, 5, 11, 12.

Бестужев-Рюмин К.

1883. П.Ив. Мельников // ЖМНП. № 3. С. 43–49.

1885. Николай Яковлевич Данилевский (некролог) // Изв. С.-Петерб. славян. благотворит. общ-ва. № 10.

Библиографический указатель литературы о Коми АССР. Сыктывкар, 1963.

Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографич. описание. I: Книги на русском языке. А–Л. М., 1972. С. 434–435.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Казань, 1904. Ч. 1.

Богаевский П.

1896. Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных. М.

Богданов И.

2002. Петербургская фамилия: Латкины. СПб.

Богословский Н.А.

1927. Зыряне и зырянский край в русской литературе // Коми му. № 3. С. 25–29; № 4–5. С. 39–42; № 6–7. С. 60–66.

Богословский П.С.

1923. Краеведческая работа в Перми, ее перспективы и областное значение // Экономика. Пермь. № 9.

1924. Задачи районной краеведческой работы // Экономика. Пермь. № 7.

1924. Об изучении Пермского края в лингвистическом и этнографическом отношении // Север. Вологда. № 1 (15). С. 133–143.

1925. Пермский край в историко-литературном отношении // Экономика. Пермь. № 2–3.

1925. Проблема историко-этнографического исследования Прикамско-Уральского края // Экономика. Пермь. № 8–9.

1925. О собирании этнологических материалов // Экономика. Пермь. № 10. С. 53–55.

1926. К подготовке краеведов-этнографов при Пермском университете // Экономика. Пермь. № 4.

1926. О кружке по изучению Северного края при Пермском университете // Экономика. Пермь. № 5. С. 86–87.

1926. Из местных историко-литературных разысканий // Пермский краеведческий сборник. Пермь. Вып. 2. С. 16–28.

1926. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Пермь. Вып. 2. С. 94–108.

1926. Крестьянская свадьба в лесах Вильвы Пермского округа // Пермский краеведческий сборник. Пермь. Вып. 2. С. 128–158.

1927. Пермская этнография за 1917–1926 гг. // Этнография. № 2.

1927. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов округа (По этнографической литературе и рукописным материалам Русского географического общества) // Пермский краеведческий сборник. Пермь. Вып. 3. С. 1–63.

1930. Научное этнографическое общество при Пермском университете. Пермь.

Бодянский О.М.

1848. Д. Флетчер. «О государстве Российском» // ЧИОИД. Вып. 1.

Большаков М.А.

1906. Община у зырян // ЖС. Вып. 1. С. 1–54; Вып. 2. С. 167–188; Вып. 3. С. 221; Вып. 4. С. 281–296.

1907. Община у зырян. М.

Большеземельская экспедиция А.В. Журавского // ЭО. 1905. № 4. С. 174.

Боштейн Г.И.

1956. Роль Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористики // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М. Вып. 1. С. 85–110. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 30.)

Бондарский М.С.

1947. Очерки по истории русского землеведения. М. Вып. 1.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.

2003. Иоганн Эберхард Фишер — исследователь истории и древностей Южной Сибири XVIII века // Немцы Сибири. История и культура. Новосибирск. С. 114–118.

Бородин И.П.

1908. Комплекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб.

Бормотов С.С.

1971. Борьба советских ученых-марксистов против социологических идей П.А. Сорокина в первые послеоктябрьские годы (1917–1922) // Философские науки. № 3.

Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А.

2000. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск. С. 47–104.

Блинов Н.Н.

1861. Заметки о пермяках Вятской губ. // Вятские ГВ. № 44, 45.

Бр. Р.К.

1861. Печорский край // ЖМГИ. Ч. 78. № 9. С. 15–46.

Брачев В.С., Лавров А.С.

1993. Н.И. Ульянов — историк России // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. Вып. 4 (27). С. 127–132.

Браун Ф.А.

1907. «Поездки скандинавов в Белое море» К.Ф. Тиандера // ЖМНП. Окт.

Бруцкая Л.А.

1987. Археографическая работа В.Н. Берха в Пермской губернии // III Уральские археографические чтения «Археография и изучение духовной культуры». Свердловск. С. 54–55.

1995. История Пермского Приуралья в трудах В.Н. Берха // Страницы прошлого: избр. материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. С. 15–18.

1995. Род Смышляевых в XVIII–XIX веках // Страницы прошлого: избр. материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. С. 63–65.

Бубрих Д.В.

1928. Финно-угорское языкознание в СССР // Финно-угорский сборник. Л. Вып. 15. (Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных территорий).

1950. Не достаточно ли емских теорий? // Изв. Карело-финского филиала АН СССР. № 1. С. 80–92.

Булах В.Н.

1974. К вопросу о деятельности Пермской ученой архивной комиссии, 1888–1916 // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск. Сб. 1. С. 92–95.

Булич С.К.

1904. Очерк истории языкознания в России // Зап. ист.-филол. фак-та С.-Петерб. ун-та. СПб. Ч. 75.

Бунаков Н.Ф.

1857. Звериные промыслы в Вологодской губ. // Вологодские ГВ. № 9–11.

1858. Сельскохозяйственный очерк Вологодской губ. // Вологодские ГВ. № 8–13, 15–29.

1859. Движение народонаселения в Вологодской губ. // ЖМВД. № 1.

1860. Опыт населенных местностей Вологодской губ. // ПКВГ на 1860 г. Вологда. Паг. 4. С. 1–23.

1860. Вологодская губерния в 1859 г. Статистический очерк // Вологодские ГВ. № 36–37, 42–43, 50–52.

1864. Очерки народного образования Вологодской губернии // ЖМНП. Ч. 124. С. 117–132.

1866. Новые материалы для определения народного образования в Вологодской губернии // ПКВГ на 1865 и 1866 г. Вологда. Паг. 3. С. 102–120.

1880. Азбука и уроки чтения русского и церковнославянского с постепенно возрастающим числом букв. 15-е изд. СПб.

1909. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. М.

Бурлыкина М.И.

1997. Исследователь Коми края доктор филологических наук Алексей Семенович Сидоров (1892–1953) / ред. М.И. Бурлыкина, сост. Ж.В. Халюкова. Сыктывкар.

2004. А.С. Сидоров, К.Ф. Жаков, П.А. Сорокин: параллели судьбы // Музеи и краеведение. Сыктывкар. Вып. 5. С. 41–47. (Тр. Национального музея Республики Коми.)

Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.

2002. Этнография в Казанском университете. Казань.

Бученков А.Н.

2001. Вице-губернатор-краевед // Библиография. № 1. С. 103–111.

Быковский С.Н.

1931. Яфетический предок восточных славян — киммерийцы // Изв. ГАИМК. Т. 8. № 8–10.

Бычков И.А.

1900–1902. Каталог собрания рукописей П.И. Савваитова, ныне принадлежащей Императорской Публичной библиотеке. СПб. Вып. 1–2.

Бычкова М.Е.

2007. География России в «Трактате о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Проблемы исторической географии и демографии в России. М. Вып. 1. С. 184–196.

1983. В дебрях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар,

1999. В дебрях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар,

В-н А. [***Пыпин А.Н.***]

1884. П.И. Мельников. Некролог // Вестн. Европы. № 4. С. 893–895.

В-н П.

1890. Памяти Василия Никифоровича Шишонко. Научные труды и награды за них // Пермские ГВ. № 34, 38.

Вавилов П.П.

1951. Пионер северного земледелия (А В Журавский. 1882–1914). Из истории русской агрономии // Советская агрономия. № 4.

Вавилов П.П., Кудрявцева Л.А.

1964. В.Н. Латкин и его дневник путешествия на Печору // Изв. Коми филиала ВГО. № 9. С. 70–75.

Вайровская С.В.

1997. Содействие земств в развитии кустарных промыслов в конце XIX — начале XX века (по материалам Коми края) // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми (Материалы по истории коми). Сыктывкар. С. 40–53.

Ваксель С.

1940. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л.

Важные открытия: о сходстве японского и зырянского языков, выявленном К. Жаковым // Думы Забайкалья. Чита, 1912. 29 авг.

Ванеев А.Е.

2001. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар.

2001. Иван Александрович Куратов // Ванеев А.Е. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар. С. 41–122.

2001. Георгий Степанович Лыткин // Ванеев А.Е. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар. С. 123–145.

2001. Каллистрат Фалаллеевич Жаков // Ванеев А.Е. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар. С. 146–183.

2001. Питирим Александрович Сорокин // Ванеев А.Е. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар. С. 184–209.

Ванеев А.Е., Лыткин В.И., Мартынов В.И.

1980. Коми литература второй половины XIX — начала XX века // История коми литературы. Сыктывкар. Т. 2. С. 84–92.

Ванеева И.

Доронин П.Г. // Республика Коми: энцикл. Т. 1. С. 414.

Василий Ильич Лыткин: Биобиблиографический указатель. Сыктывкар, 1995.

Васильев В.И., Прибыльский Ю.П.

1982. Деятельность А.А. Дунин-Горкавича в области этнографии Обского Севера // Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 110. М. С. 141–148. (ОИРЭФА. Вып. 9.)

Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.

«Славная смерть “Телескопа”» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vivovoco.rsl.ru/VV/BOOKS/VATSURO/VATS_05.HTM.

В дебрях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар, 1983.

Везарова Л.А.

1986. Ф.И. Витязев // Книга. Материалы и исследования. М. Сб. 53. С. 79–96.

Великие Минеи-Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием / под руковод. П.И. Савваитова. Вып. 1–3. СПб., 1868–1883.

Венгеров С.А.

1892. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб. Т. 3.

Веселовские Ал. и Ал-др.

1923. Вологжане-краеведы. Источники словаря. Вологда.

Веселовский К.С.

1851. О земледелии и климате Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии // Вестн. РГО. Кн. 1. Ч. 1. С. 39–61.

1853. Несколько замечаний по поводу сочинения Н.Я. Данилевского «Климат Вологодской губернии» // Зап. ИРГО. Кн. 9. С. 479–520.

1857. Климат России. М.

Весновский В.А.

1903. Замечательные уроженцы Екатеринбурга // Справочник-ежегодник «Весь Екатеринбург». Екатеринбург.

Вестберг Ф.

1908. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. № 1.

Вершинин Е.В., Шашков А.Т.

2004. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. ст. Сургут. С. 13.

Вехов Н.В.

1999. Одиссея писателя и путешественника Носилова // Мир Севера. № 5–6. С. 68–71.

1999. Носилов К.Д. // Московский журнал. № 12. С. 29–33.

2000. Константин Дмитриевич Носилов и Север (1870–1910-е гг.). Шадринск.

2001. Андрей Владимирович Журавский // Московский журнал. № 2.

2002. «Северная эпопея» В.И. Немировича-Данченко // Московский журнал. № 10.

2003. Архангельский губернатор Александр Платонович Энгельгарт // Московский журнал. № 5.

Витсен Николаас.

1996. Путешествие в Московию. 1664–1665: Дневник / пер. со староголланд. В.Г. Трисман. [Предисловие Р.И. Максимовой и В.Г. Трисман]. СПб.

2010. Северная и Восточная Тартария.Т. I–III. Амстердам.

Винтер Э.

1971. Научное исследование Сибири в Петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д.Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727). М.,

Виттейкер Ц.К.

1999. Граф С.С. Уваров и его время. СПб.

Вишневский Н.

1916. Памяти И.Я. Кривощекова // Русские ведомости. № 241.

1954. Географ Урала и Прикамья И.Я. Кривощеков (1854–1916) // Изв. Всесоюз. географич. общ-ва. Т. 86. Вып. 3. С. 271–278.

1956. Картографический архив И.Я. Кривощекова // На Западном Урале. Молотов. С. 263–264.

1961. Географ-краевед И.Я. Кривощеков. Пермь.

Вихман Георг (Wichmann J.)

1893. Письма из Гельсингфорса (заметки о финно-угорских исследованиях) // Изв. ОИАЭ. Т. 11. Вып. 2. С. 198–200.

1893. Письма из Гельсингфорса (сообщения об дешифровке В. Томсеном Орхонских и Енисейских надписей) // Изв. ОИАЭ. Т. 11. Вып. 4. С. 483–485.

1893. Следы человеческих жертвоприношений у вотяков (По поводу труда проф. И.Н Смирнова о человеческих жертвоприношениях у вотяков и других народов) // Изв. ОИАЭ. Т. 11. Вып. 3. С. 291–293.

Власов А.Н.

1988. К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л. С. 144–159.

1996. Миссия Русской православной церкви в Пермском крае // История Пермской епархии в памятниках письменной и устной прозы. Сыктывкар. С. 4–59.

Власов А.Н., Бунчук Т.Н.

1992. Житие Стефана Пермского // Вестн. культуры Коми ССР. № 2. С. 8–11; № 4. С. 8–9.

1993. Житие Стефана Пермского // Вестн. культуры Коми ССР. № 1. С. 40–43; № 2. С. 16–19.

Власов А.Н., Рыжова Е.А.

1989. Краткая повесть о житии Прокопия Устюжского // Устные и письменные традиции в духовной культуре народов Севера. Сыктывкар. С. 107–120.

1989. Повесть о житии Прокопия Устюжского в поздней северно-русской традиции // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар. С. 167–185.

Власова В.В.

2010. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар.

Власова Е.Г.

2002. «Пермяки — народ не поэтический…» Материалы для описания быта пернмяков Н.А. Рогова // Вестник Смышляевских чтений. Пермь. Вып. 5. С. 229–237.

Власова З.И.

1968. Этнографическая деятельность В.Г. Короленко и ее общественное значение // Очерки истории русской этнографии, фольклора и антропологии. Вып. 4. С. 26–60. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 94.)

Водарский Я.Е.

2007. Книга Н. Витсена «Северная и восточная Татария» как источник по исторической географии России конца XVII в. // Проблемы исторической географии и демографии в России. М. Вып. 1. С. 221–244.

Возвращение г. Кастрена из путешествия по Западной Сибири // Географические известия РГО. 1848.

Воробьев Н.И.

1928. Указатель к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете за 1906–1927 гг. Казань. Т. 22–33.

Волков Н.Д.

1879. Удорский край. Этнографический очерк // Вологодские ГВ. № 33–38, 50–52.

Волегов В.А.

1855. Очерки верхнекосвенского Урала // Пермские ГВ. № 37–45.

1855. Остатки древностей Пермского края // Пермские ГВ. № 3, 40.

Волегов Ф.А.

1854. Пермяки // Пермские ГВ. № 44.

1855. О способах приготовлениях угля, смолы и дегтя в пермских имениях графа Строганова // Пермские ГВ. № 27.

1876. Исторические сведения о гг. Строгановых // Пермские ГВ. № 89–95, 97–102.

1877. Исторические сведения о гг. Строгановых // Пермские ГВ. № 1–6.

1882. Усольская летопись // Пермские ГВ. № 96–97.

1889. Историко-статистические таблицы на Пермские имения Г.А. Строгановых с 1558 по 1750 гг. // Памятная книжка Пермской губернии на 1889 год. Пермь.

1893. Хозяйственные записки по Пермскому имению гр. С.В. Строгановой, составленные в начале 1820 г. // Пермский край. Пермь. Т. 2.

1895. Родословная господ Строгановых. Пермь.

1915. Краткое описание села Пянтежского и находящейся в нем древней деревянной церкви // Материалы по изучению Пермского края. Пермь. Вып. 5. С. 6–9.

Волков Н.Д.

1879. Удорский край. Этнографический очерк // Вологодские ГВ. № 33–38, 50–52.

1879. Удорский край. Этнографический очерк // Вологодский сборник. Т. 1. Вологда. С. 1–35.

Вологдин П.

1887. Письма о пермяках // Записки УОЛЕ. Т. 10. Вып. 2.

1889. Василий Никифорович Шишонко: материалы для биографии // Пермские ГВ. № 97, 98, 99.

Вологодский календарь. Вологда, 1881–1916.

Вологодский П.М.

1877. Объяснительная записка к «Программе антропологии, этнографии и статистики» // Записки УОЛЕ. Т. 2. Вып. 2.

Вологодский сборник. Вологда, 1879–1887. Т. 1–5.

Вольтер Э.А.

1891. Предварительный отчет о разборке бумаг и рукописей академика Шегрена // Зап. Императорской Академии наук. Т. 64. Кн. 1. С. 117.

Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири. Омск, 1992.

Высшее образование в России: очерк истории до 1917 г. / А.Я. Савельев [и др.]. М., 1995.

Высочайшия повеления «О предоставлении компании капитана Крузенштерна привилегии на вырубку лесов в Печорском крае» // ЖМГИ. 1863. Ч. 82. № 1. С. 12–15.

Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологической сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 241–271.

Вычегодско-Вымская летопись / публ. и коммент. И.Л. Жеребцова // Родники Пармы: науч.-популяр. сб. Сыктывкар, 1989. С. 23–34.

Вяткин В.В.

1999. Пермской епархии — 200 лет. Вехи миссионерского пути // Страницы прошлого: избр. материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. Вып. 2. С. 72–78.

Вяткина К.В.

1935. К вопросу о термине «Сибирь» // СЭ. № 1. С. 91–96.

Г.Э.

1914. Похороны А В. Журавского // Северное утро. № 199.

Габов С.И.

2000. О «Полном рукописном русско-зырянском словаре коми языка» Н.П. Попова // Пермистика–6: проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. Ижевск. С. 32–37.

Гагарин Ю.В.

1978. История религии и атеизма народа коми. М.

Гаген-Торн Н.И.

1971. Ленинградская этнографическая школа в 20-е годы (у истоков советской этнографии) // СЭ. № 2.

1975. Лев Яковлевич Штернберг. М.

Гамель И.

1865. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 1 // Прибавления к 8 т. Записок ИАН. 1865. № 1. С. 1–179.

1869. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 2 // Прибавления к 15 т. Записок ИАН. 1869. № 2. С. 181–308.

Ганина М.А.

1968. У истоков уральской фольклористики (собирание и публикация фольклора Пермской губернии в 1840–1850 годы) // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. № 193. С. 278–305.

Гебель Г.

1910. Биармия и низовья Северной Двины // Изв. АОИРС. № 9, 12.

Гельмерсен Г.П.

1857. Разбор сочинения г. Гофмана под заглавием «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции, снаряженной Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 гг. СПб., 1853–1856. Т. 1–2» // Извлечения из 26-го присуждения учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб. С. 117–128.

Геммерлинг В.В.

1910. К вопросу об исследовании Печорского края // Вестн. сельского хозяйства. № 8–9.

Геннадий Г.Н.

1856. Список сочинений и изданий Н.И. Надеждина // Вестн. РГО. Ч. 16.

Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. Т. 2. С. 217.

Геологическая изученность Арктики и Субарктики Союза ССР. Л., 1938.

Георги И.-Г.

1776–1777.Описания всех, в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, достопамятностей. СПб. Ч. 1–3.

1799. Описания всех в Российском государстве обитающих народов. Их житейских обрядов вер, обыкновений, жилищ, одежд, достопамятностей. Творение за несколько лет сим на немецком языке Иоганна Готлиба Георги, в переводе на русский язык весьма во многом изправленное и в новее сочиненное в четырех частях, со 100 гравированными изображениями народов и 8 виньедами. Иждивением книгопродавца Ивана Глазунова. СПб.

Генерозов В.Я.

1927. Увеличение пушных ресурсов Коми области и акклиматизация в ней ондатры // Коми му. № 3. С. 3–11.

1927. Промышленное звероводство заграницею и перспективы крестьянского звереводства в Коми области // Коми му. № 4–5. С. 11–25; № 6–7. С. 37–41.

Герберштейн Сигизмунд

1866. Записки о Московии (Rerum Moscoviticarum Commentarii) барона Герберштейна / с лат. Базельского издания 1556 г.; пер. И. Анонимов, преподаватель VII С.-Петерб. гимназии. СПб.

1908. Книга о Московитском посольстве // Новокомский И.П. Книга о московитском посольстве / введ., пер. и примеч. А.И. Маленина. СПб.

1988. Записки о Московии / пер. с лат. и нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко; вступ. ст. А.Л. Хорошкович; под ред. В.Л. Янина. М.

Гершензон М.О.

1908. П.Я. Чаадаев, жизнь и мышление. СПб.

Герье Вл.

1868–1871. Лейбниц и его время. СПб. Т. 1–2.

1871. Отношения Лейбница к России и Петру Великому По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке // Герье В.И. Лейбниц и его время. Т. 2. СПб. С. 41–42.

Гилева С.И., Шумилов Е.Н.

2000. Трапезников В.Н. // Краеведы и краеведческие организации Перми: биобиблиограф. справ. Пермь. С. 269–270.

Глазырина Г.В.

1996. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарий. М.

Гловацкий М.Е.

2002. «Философский пароход»: год 1922. Историографические этюды. Екатеринбург.

Гнучева В.Ф.

1940. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. // Труды Архива АН СССР. М.; Л.

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля. СПб., 1859

Голицын Н.В.

1899. Портфели Г.-Ф. Миллера. М.

Голосенко И.А.

1991. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар.

Голохвостова Н.В.

1998. Крепостные служители майората Строгановых (по материалам «Послужной книги на служащих Ильинского округа) // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь. С. 228–242.

2004. Теплоуховы как представители служительской интеллигенции пермских вотчин Строгановых // Ильинский: страницы истории. Пермь. С. 138–148.

Голубцов Н.А.

1908. Свадьба у коми-ижемцев // ПКАГ на 1908 год. Архангельск. Отд. 2. С. 65–67.

Гольдберг А.Л.

1963. Идея славянского единства в сочинениях Юрия Крижанича // ТОДРЛ. Л. Т. 19. С. 373–390.

Гомельская С.З.

1982. Н.К. Чупин. Свердловск.

Горчаковский П.Л.

2003. Уральский след академика В.Н. Сукачева // Изв. УрГУ. № 27.

Гр. Н.

1924. За 15 лет. Краткий очерк деятельности Вологодского общества изучения Северного края. Вологда.

Грамматика и словарь зырянского языка П. Савваитова // Географические известия РГО. 1848.

Грачева А.М.

1993. Революционер Алексей Ремизов: миф или реальность // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб. С. 419–437.

2000. Алексей Ремизов и древнерусская литература. СПб.

Грен А.Н.

1895. Расы древнего мира и их историческая характеристика (Вступительная лекция по предмету истории Востока приват-доцента А.Н. Грена, читанная 6 сентября 1893 г). Киев.

1895. Краткий очерк истории Кавказского перешейка. Киев. Вып. 1.

1897. Библиографический список карт, картин, сочинений т статьей, относящихся к Терской области. А. Библиография до 1874 г. // Терской сборник.

1897. Чеченские тексты, записанные и переведенные под моим руководством Ибрагимом Могомедовым из аула Гехи. А. Текст в подлиннике. В. Сказки и легенды в русском переводе. С. Лингвистические заметки / сост. А. Грен, пр.-доц. истории Востока и этнографии в Киевском университете. Тифлис.

1897. Чеченские тексты, записанные и переведенные под моим руководством Ибрагимом Могомедовым из аула Гехи. А. Текст в подлиннике. В. Сказки и легенды в русском переводе. С. Лингвистические заметки / сост. А. Грен, пр.-доц. истории Востока и этнографии в Киевском университете. // Сборник материалов для описания племен Кавказа. Вып. 22.

1898. Учебник истории Древнего Востока: пособие для государственного экзамена в русских университетах / сост. пр.-доц. истории Востока Киевского университета Св. Владимира А.Н. Грен. Киев.

1899. Армения. Историко-литературный сборник по географии, истории и литературе армянского народа / сост. и пер. А.Н. Грен. Киев.

1902. Спиритизм. Пятигорск. Вып. 1.

1911. Новый полный письмовник для влюбленных. М.

1911. Самоучитель немецкого языка. Полное руководство научиться в самое короткое время говорить, свободно читать и писать по-немецки / сост. пр.-доц. Киевского университета А.Н. Грен. М.

1912. Гипнотизм. 2-е изд., доп. М.

1912. Барон Ротшильд и его сыновья. М.

1912. Полный курс гипнотизма и магнетизма пр.-доц. А.Н. Грена. М. Вып. 1–4.

1924. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт // Коми му. № 3. С. 50–59.

1924. Зырянская мифология // Коми му. № 4–6. С. 45–58.

1924. Зырянская мифология. Глава третья. Следы культа предков у зырян. Глава четвертая. Следы демонизма у зырян // Коми му. № 7–10. С. 30–39.

1925. Зырянская мифология. Дуалистическая религия у зырян и ее эсхатология // Коми му. № 1. С. 3–33.

1925. О театре в Коми области // Коми му. № 1. С. 51–53.

1925. Что знает Архангельский Облплан о северо-восточных «инородцах» // Коми му. № 2. С. 49–51.

1925. Задачи предстоящей Коми областной краеведческой конференции // Коми му. № 3–4. С. 80.

1927. Зырянская (Коми) литература // Пермский краеведческий сборник. Пермь. Вып. 3. С. 80–86.

1929. Иркаб. Драматические сцены из зырянского былинного эпоса // Зап. Общества изучения Коми края. Усть-Сысольск. Вып. 2.

Грехов Б.П.

1939. Выдающиеся уральцы и исследователи Урала. Свердловск.

Грот К. Я.

1881. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб.

Грот Н.П.

1899. Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков. СПб. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.ostrov.ca/memoires/npgrot/

Грот Я.К.

1843. Кастрен и Ленрот в Русской Лапландии // Современник. Т. 29. С. 145–160.

1845. Путевые письма Кастрена из Северной России // Современник. Т. 39. С. 36–74

1850. Путевые письма Кастрена из Северной России // Олонецкие губернские ведомости. № 8, 9.

1852. Некролог Кастрена // С.-Петерб. ведомости. № 10.

1853. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // ЖМНП. № 2. С. 119–178.

1896. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Труды Я.К. Грота из русской истории. Исследования, очерки, критические заметки и материалы (1846–1890). СПб. С. 122–137;

Грузенберг С.О.

1911. Очерки современной русской философии. СПб.

1926. Зырянский подвижник науки [памяти профессора К.Ф. Жакова] // Вестн. знания. № 7. С. 485–486.

Гофман Э.К., Ковальский М.А.

1853–1856. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб. Т. 1–3.

Гуляев Е.С.

1979. Сопоставительный словарь коми языка (Новые публикации из архива И.А. Куратова) // Куратовские чтения. Сыктывкар. Т. 3. С. 109–129.

Гура В.В.

1965. Вологодский край и его народная поэзия: история собирания и изучения // Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки, песни, частушки / под ред. В.В. Гура. Архангельск.

Гурвич Д.

1949. М.В. Ломоносов и русская историческая наука // Вопр. истории. № 11. С. 107–119.

Гурьев И.А.

1990. Горнозаводской Урал феодального периода в творчестве Н.К. Чупина // Летописцы родного края. Свердловск. С. 7–21.

Гуя Я.

1974. Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М. С. 58–59.

Давлетшин Г.М.

1971. О географических и исторических знаниях волжских булгар домонгольского периода // Из истории ранних булгар. Казань. С. 97–101.

Давыдов В.Н.

1958. Классовая борьба в Коми крае в годы первой русской буржуазно-демократичесеской революции (1905–1907) // ИФС. Сыктывкар. Вып. 4. С. 27–52.

Дальман Д.

2001. Записки путешественников. Переписка Г.Ф. Миллера, Л. Эйлера и А.Ф. Бюшинга во время и после Второй камчатской экспедиции, 1733–1743 гг. // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб. С. 8–15.

Дамаскин (Орловский), игумен.

1996. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX в. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь. Кн. 2.

Данилевский Н.Я.

1847. Статистические исследования о движении народонаселения в России за 1846 год // ЖМВД.

1851. О времени и количестве теплоты, нужной для созревания ячменя в Усть-Сысольске // Вологодские ГВ. № 14, 15.

1851. Отрывок из статистического описания Вологодской губернии // Вологодские ГВ. № 1, 2, 11, 12.

1851. Статистические исследования о движении народонаселения в России за 1846 год. СПб.

1852. Гидрография Вологодской губернии // Вологодские ГВ. № 45–49.

1853. Гидрография Вологодской губернии // Вологодские ГВ. № 4, 10, 11, 16, 20, 22.

1853. Климат Вологодской губернии (Вологда, Грязовец Тотьма, Устюг, Сольвычегодск, Усть-Сысольск, Яренск) // Зап. ИРГО. Кн. 9. С. 1–224.

1877. Рыбные и звериные промыслы в Белом и Ледовитом морях // Исследования о состоянии рыболовства в России с 1860 по 1875 годы. СПб. Т. 6.

1885. Дарвинизм. Критическое исследование. Т. 1. Ч. 1–2.

1888. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.

1889. Дарвинизм. Критическое исследование. СПб. Т. 2.

Дворниченко А.Ю., Тихонов И.Л.

2004. Историческому факультету — 70 лет // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. СПб.

Деньгин А.

1828. Сведения о реке Печоре, собранные на местах Вологодским гражданином А. Деньгиным // Отечественные записки. Ч. 36. № 104. С. 349–379.

1831. Из записок вологодского купца А. Деньгина // Журнал мануфактур и торговли. Вып. 6. С. 99–110.

Дейч Г.М.

2000. Воспоминания советского историка. СПб.

Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам / сост. А.Н. Баранов, В.Г. Короленко, В.И. Суходев. М., 1896.

Демин В.Н.

1991. Поэзия К.Ф. Жакова // Творчество К.Ф. Жакова. Сыктывкар. С. 32–41.

2000. Коми мотивы в русской литературе начала XX века // Зыряне в истории русской словесности. Сыктывкар. С. 23–32.

Демин В.Н., Микушев А.К., Лисовская Г.К., Кузнецова Т.Л.

1991. Творчество К.Ф. Жакова // Научные доклады Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар. Вып. 269.

Дзенс-Литовский А.И.

1926. На новых путях краеведческой работы (проблема производственного краеведения) // На новых путях краеведческой работы. Л. С. 5–6

Дилакторский П.А.

1900. Вологжане-писатели. (Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии). Вологда.

1902. Нужно ли общество для изучения Вологодской губернии // Северный край.

1921. Опыт указателя литературы по Северному краю. Вологда.

2004. Историческое краеведение на Русском Севере в XIX–XX вв.: письма к С.Н. Шубинскому // Библиография. № 5. С. 49–63.

Дитмар Б.

1928. «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Землеведение. Т. 30. Вып. 4. С. 63–75.

Джаксон Т.Н.

1986. Бьярмия в отечественной историографии // История и археология Псковской земли: тез. докл. предстоящей науч.-практ. конф. Псков. С. 62–64.

1988. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л. С. 58–67.

1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988–1989. М.

1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М.

2000. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). 2-е изд. М.

2000. Четыре норвежских конунга на Руси. М.

Джаксон Т.Н., Глазырина Г.В.

1986. Русский Север в древнескандинавской письменности: отечественная историография вопроса о локализации Бьярмии // История и культура Архангельского Севера: (Досоветский период). Вологда. С. 7–14.

Добролюбов Н.А.

1850. Пермский сборник. Кн. I // Современник. Т. LXXVII. Октябрь. С. 357–372.

Добротворский

1883. Пермяки // Вестник Европы.

Дойков Ю.В.

1992. Две судьбы: Питирим Сорокин и Далмат Лутохин // Важская область. Шенкурнск. № 6. С. 17–31.

1992. Питирим Сорокин. Страницы жизни. СПб.; Архангельск.

1993. В.Н. Трапезников в Архангельске // Третьи Смышляевские чтения. Пермь. С. 57–59.

1995. Материалы Питирима Сорокина в Пушкинском Доме // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 60–68.

1999. А.А. Евдокимов. Судьба пророка в России. СПб.

2008. Архангельские тени (По архивам ФСБ). Т. 1: 1908–1942. Архангельск.

2008. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1. (1889–1922). Архангельск.

Доклад о Московском социал-демократическом движении на II съездеРСДРП // [Электронный ресурс]. Режим доступа http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/doklady_2_syezdu_files/107.htm.

Долгова С.Г.

2002. Шведские пленные в Москве // Шведы в Москве. М. С. 45–49.

Долгоусов А.

1891. Пермяки. Историко-этнографический очерк И.Н. Смирнова // Нижегородские губернские ведомости. № 25.

Донвар-Запольский М.

1896. П. Богаевский. Мултанское «моление» в свете этнографических данных. М.

Доронин П.Г.

1924. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьвской волости Усть-Вымского уезда // Коми му. № 1–2. С. 91–93.

1938. Фольклорнӧй сборник / сост. П.Г. Доронин. [Фольклорный сборник. На коми языке / сост. П.Г. Доронин]. Сыктывкар.

1939. И.А. Куратовлӧн творчество. [Творчество И.А. Куратова. На коми языке]. Сыктывкар.

Дмитриев А.А.

1877. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865. Пермь.

1878. На пути к Синаю. Пермь.

1883. Историко-археологические очерки Чердынского края // Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь.

1883. Исторический очерк поземельных отношений на Урале с половины XVIII века в районе бывших имений Григория Дмитриевича Строганова // Пермские ГВ. № 72–79.

1884. Соликамские летописи. Пермь.

1884. Ф.А. Волегов как историк Строгановых. Спорные вопросы в древней истории рода Строгановых. Пермь.

1886. Столетие Пермской гимназии. Казань.

1889. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. Пермь. Вып. 1: Древности бывшей Перми Великой.

1889. Василий Никифорович Шишонко // Пермские ГВ. № 93.

1889–1900. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. Пермь. Вып. 1–8.

1889. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 г. до 1890 г. Первый опыт краткого изложения истории г. Перми. Составил Александр Дмитриев, преподаватель Пермской мужской и Мариинской женской гимназий и товарищ председателя Губернской ученой архивной комиссии. Пермь.

1891. Новый труд о пермяках (по поводу монографии Н.И. Смирнова «Пермяки») // Екатеринбургская неделя. № 25.

1892. Происхождение названия и судьба Бухонина волока // Пермский край. Пермь. Т. 1. С. 134–137.

1892. О границах древней Перми Великой // Тр. ПУАК. Вып. 1. С. 63–74.

1893. Критические заметки по истории Перми Великой XVI века // Тр. ПУАК. Вып. 2.

1894. Роль Строгановых в покорении Сибири (Новый пересмотр Сибирского вопроса) // ЖМНП. № 1. С. 1–45; № 2. С. 243–286.

1895. Дмитрий Дмитриевич Смышляев // Пермский край. Пермь. Т. 3. С. 1–11.

1895. Федор Алексеевич Волегов. Очерк его жизни и переписка (научная) // Пермский край. Пермь Т. 3. С. 122–200.

1896. К 500-летию блаженной кончины св. Стефана, первосвятителя Пермского // Памятная книжка Пермской губернии на 1896 год. Пермь.

1896. Посох святителя Стефана и другие памятники его просветительской деятельности // Памятная книжка Пермской губернии на 1896. Отдел I. Пермь. С. 16–27.

1897. Ответ суровому критику г. Адрианову // Пермская старина. Вып. VII. Пермь. С.1–12.

1902. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь. Вып. 1. 30 очерков А.А. Дмитриева. Пермь.

1902. Смышляев Д.Д. // Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь. С. 33–36.

1902. Смышляев Д.Д. // Тр. ПУАК. Пермь. Вып. 5. С. 61–64.

Дмитриева Л.В.

2003. Шведы в Тобольске // Скандинавские чтения 2002 года. СПб. С. 439–443.

Дмитриков М.П., Жеребцов И.Л.

1993. Дмитрий Батиев // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): тез. докл. Сыктывкар. С. 18–20.

1993. Трагедия Дмитрия Батиева // Родники Пармы. Сыктывкар. С. 78–90.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2003.

Држевецкий А.И.

1872. Медико-топография Усть-Сысолького уезда Вологодской губернии.

Дроздов Н.И., Федорченко В.И.

2005. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802–1917 гг. Красноярск.

Дунин-Горкавич А.А.

1904. Тобольский Север. СПб. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения.

1905. Тобольский Север. Тобольск. Т. 2: Географическое и статистическо-экономическое описание страны по отдельным географическим районам.

1911. Тобольский Север. Тобольск. Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев.

Дубов И.В.

1989. Великий Волжский путь. Л.

Евгений (Болховитинов)

1813. О древностях вологодских и зырянских // Вестн. Европы. Ч. 71. № 17. С. 27–47.

1839. О зырянском народе и зырянском монастыре // Вологодские ГВ. № 1–3.

1845. Словарь русских светских писателей. М. Т. 1–2.

Список монастырей, прежде бывших и ныне существовавующих в Вологодской епархии / с прим. и после. Н.И. Суворова // Вологодские ЕВ. 1864. № 3. С. 68–77; № 4. С. 103–108; № 5. С. 138–143; №. 6. С. 164–173.

1867. О древностях вологодских и зырянских // Вологодские ЕВ. № 16. С. 535–545.

1995. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М.

Евдокимов И.В.

1914. О книжном и рукописном наследии покойного библиографа П.А. Дилакторского // Изв. ВОИСК. Вып. 1. С. 69–72.

1921. Библиограф Прокопий Александрович Дилакторский // Дилакторский П.А. Опыт указателя литературы по Северному краю. Вологда. С. 1–7.

1906. «Европейская Россия. Антропогеографический этюд» Альфреда Геттнера / пер. с нем. Л.Д. Синицкого // Приложение к журналу «Землеведение». М.

Егоров О.А.

1989. Арсеньев Ф.А. // Русские писатели. 1800–1917 гг.: биографич. слов. М. Т. 1. С. 109.

Ежегодник Вологодской губернии на 1914 год. Вологда, 1914.

Ежов Д.К.

1906. Архангельский городской публичный музей // Исторический вестн. Окт. С. 253–255.

Епифанов П.П.

1953. Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич // Вопр. истории. № 10. С. 18–36.

Ермолаев И.П.

1967. Н.А. Фирсов как историк местного края // Вопр. истории, филологии и педагогики. Казань. Вып. 2. С. 59

Ерюхин А.П.

1891. Историко-географические известия о севере Московского государства в XVI столетии, заключенные в «Записках о Московии» Герберштейна // Тр. Архангельского статистического комитета за 1890. Архангельск.

Е.А.

1846. Охотничьи промыслы в Усть-Сысольском, Яренском и Сольвычегодском уездах // ВГВ. № 14, 15.

Есаков В.А.

1978. География в России в XIX — начале XX в. (Открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). М.

1983. География в Московском университете: очерки организации преподавания, развития географической мысли (до 1917 г.). М.

1999. Очерки истории географии в России. М.

Есаков В.А., Соловьев А.И.

1966. Русские географические исследования Европейской России и Урала в XIX — начале XX веков. М.

Ешевский С.В.

1859. Заметки о Пермских древностях // Пермский сборник. М. Кн. 1. С. 132–142.

Ефименко П.С.

1864. Программа по этнографии // Архангельские ГВ. № 23, 24.

1866. Программа по этнографии // Архангельские ГВ. № 35.

1868. Программа для собирания народных юридических обычаев // Архангельские ГВ. № 4.

Ефимов А.В.

1950. Из истории Великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — первая половина XVIII в. М.

Жабина Н.

2008. Энгельгардты в истории России // Вестник библиотек России. № 4. С. 18–20.

Жаков К.Ф.

1901. Языческое миросозерцание зырян // Научное обозрение. № 3. С. 63–84.

1901. Этнологический очерк зырян // Живая старина. Вып. 1. С. 3–36.

1902. Вотяки // Научное обозрение. № 11. С. 93–102.

1902. Понятие бесконечности в алгебре, в анализе, в геометрии, в философии; проблема о бесконечности пространства, проблема о бесконечности вещества // Вопр. философии и психологии. Кн. 1 (61). С. 568–580.

1903. По Иньве и Косьве (у пермяков). Этнографический очерк // Живая старина. Вып. 4. С. 409–421.

1903. Некоторые черты из исторической и психической жизни вотяков // Живая старина. Вып. 1–2. С. 172–187.

1905. На севере, в поисках за Памом, Бур-Мортом. СПб.

1905. Очерки жизни рабочих и крестьян на Севере. СПб.

1906. По Иньве и Косьве // Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. Сарапул. С. 89–110.

1907. Из жизни и фантазии. СПб.

1907. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. СПб.

1907. К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1907 г. СПб. С. 34–42

1908. Зырянские сказки // Живая старина. Вып. 1. С. 93–102; Вып. 2. С. 232–242.

1908. Ниеганелла (Сказание о Зле). СПб.

1908. В хвойных лесах. Рассказы Коми-Морта. СПб.

1908. Личность и общество в учениях Ницше, Достоевского и Толстого: тез. // Протоколы заседания Русского общества нормальной и патологической психологии за 1904 год. СПб. С. 163–166.

1908. Из летней поездки к зырянам. О рукописях И.А. Куратова // Север. 14 авг.

1908. Доклад о необходимости среднего учебного заведения для Зырянского края // Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии 1907 года и доклады Управы с приложениями. Усть-Сысольск. С. 504–508.

1909. Историко-статистический очерк зырянского населения // Тр. экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губ. / под ред. П.И. Соколова. СПб. С. 1–77.

1909. Иван Карамазов: Попытка философского истолкования романа Достоевского «Братья Карамазовы» // Ясная Поляна. № 5. С. 25–32; № 6. С. 33–64.

1909. Леонид Андреев и его произведения // Леонид Андреев. Рассказ о семи повешенных. СПб. С. 3–34.

1910. Тогай (Северное предание) // Вестн. знания. № 10. С. 1077–1085.

1910. Атаман Шипича. СПб.

1911. Тогай (Северное предание) // Северное утро. № 93, 98, 100, 102.

1911. Нялай // Северное утро. № 52, 54.

1911. Войморт (Северная сказка) // Вологодский листок. № 282, 283.

1911. Бегство северных богов (Сказание) // Архангельские ведомости. № 33.

1911. Судьбы финно-угорских племен в историческое и доисторическое время // Научное обозрение. № 9. Окт. Стб. 1222–1223.

1911. Судьбы финно-угорских племен в историческое и доисторическое время // Изв. АОИРС. № 17. С. 409–412.

1912. Основы эволюционной теории познания (лимитизм). СПб.

1912–1914. Сквозь строй жизни. СПб. Ч. 1–4.

1913. Под шум северного ветра. СПб.

1913. Жизнь Гараморта // Северное утро. № 132, 133, 136, 137, 141, 143, 148, 150, 154, 155.

1913. В Японии // Вестн. знаний. Кн. 1.

1913. О соотношении японского и самодийского языков к угро-финским, в частности к зырянскому языку, и историко-культурные выводы // Изв. АОИРС. № 15. С. 711–713.

1914. Гарморт на Крайнем Севере. СПб.

1915. Пути возрождения Русского Севера вообще и в частности Зырянского края // Изв. АОИРС. № 3. С. 65–72.

1916. Педагогическая идея А.С. Черняева // Кораблев В., Никитин А. Александр Сергеевич Черняев. Биографический очерк. Пг. С. 53–58.

1917. Лимитизм. 1 лекция. Пг.

1917. Учение о душе. (Лекция, читанная в г. Юрьеве, в Учительском институте). Юрьев.

1929. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига.

1989. Язык есть зеркало жизни / публ. И. Жеребцова // Молодежь Севера. 5 мая.

1990. Под шум северного ветра. Сыктывкар.

1993. Биармия. Коми литературный эпос / сост., предисл., коммент. А.К. Микушева; пер. на коми М.В. Елькина. Сыктывкар.

2001. Лимитизм. Избранные главы // Арт–Лад. Сыктывкар. № 3. С. 86–95.

Жакова Л.

2001. К.Ф. Жаков как педагог // Лад–Арт. Сыктывкар. № 3. С. 114–123.

Жакова Л., Трифонов Н.

1974. Сквозь строй жизни // Север. № 8.

Жданов Л.А.

1993. «Гнездо» троцкизма и национализма // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): тез. докл. Сыктывкар. С. 23–26.

Жеребцов И.Л.

1987. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар. С. 67–72. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 42.)

1987. Динамика населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар.

1998. Клинком марксистско-ленинского анализа // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар. Т. 1. С. 443–463.

1993. «Золотой век» коми краеведения // Они любили край родной. Сыктывкар. С. 5–71

1993. Судьба ученого // Они любили край родной. Сыктывкар. С. 115–138.

1993. Дмитрий Батиев, известный и неизвестный // Они любили край родной. Сыктывкар. С. 158–182.

1993. Человек Февраля // Они любили край родной. Сыктывкар. С. 183–204.

1993. Создатель коми алфавита // Они любили край родной. Сыктывкар. С. 205–223.

1993. Репрессированные коми лингвисты // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): тез. докл. Сыктывкар. С. 26–29.

1996. «Дело» Зырянского представительства // Родники Пармы. Сыктывкар. Вып. 4. С. 166–183.

1997. Зырянский Фауст в поисках Бога // Арт–Лад. С. 244–250.

1997. История Перми Великой и Перми Вычегодской в работах коми-пермяцкого писателя И.Н. Мошегова // Пермский край: прошлое и настоящее (к 200-летию образования Пермской губернии). Пермь. С. 33–34

1998. Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар.

1999. Мартюшев А.М. // Республика Коми: энцикл. Сыктывкар. Т. 2. 1999. С. 255.

1999. Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография коми. Сыктывкар.

1999. Основные итоги этнодемографических исследований в Республике Коми в 1990-е годы // Северный регион России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар. С. 60–66.

2001. П.Г. Доронин и собрание материалов о народонаселении Коми-зырянского и Коми-пермяцкого края // Архивы Уральского отделения Российской академии наук: тез. докл. Второй науч. конф. Сыктывкар.

2001. Общество изучения Коми края // Атлас Республики Коми. М. С. 384–385.

2002. Трагедия ученого // Арт–Лад. Сыктывкар. № 4. С. 64–68.

2006. Они были первыми // Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Таскаев В.М., Жданов Л.А. Создатели Коми автономии. Сыктывкар. С. 121–126.

Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Демин В.Н.

1997. В.И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар.

Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б.

2007. Становление профессиональной этнографии в Коми // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар. С. 49–63.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.

2005. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века). Сыктывкар.

2005. Тернистый путь к вершинам науки // Стоявшие у истоков (Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми). Сыктывкар.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В., Жданов Л.А.

2006. Создатели Коми автономии. Сыктывкар.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Кузнецова Т.Л.

2008. Их объединило краеведение. Сыктывкар.

Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А.

1995. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар. (Люди науки. Вып. 9. Коми научный центр Урал. отдния РАН.)

Жеребцов Л.Н.

1975. К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока // Вопр. истории Коми

АССР (XVII — начало XX в). Сыктывкар. С. 3–16. (Тр. ИЯЛИ КФ АН СССР. Вып. 16.)

1982. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.

1985. Этнографическое изучение народа коми // Вопр. этнографии народов коми. Сыктывкар. С. 5–21. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 32.)

Жилинский А.А.

1918. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск.

Житие Прокопия Устюжского СПб., 1893.

Жук А.В.

1993. Иннокентий Николаевич Шухов в 1894–1920 годах // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования. Омск. С. 62–65.

Журавский А.В.

1905. О Западе Большой Земли // Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспытателей. Т. 35. № 2. С. 65–95.

1907. Как хозяйничают в Большеземельской тундре ижемцы // Голос Севера. № 132.

1908. Печорская естественно-историческая станция при Академии наук. Ее задачи и история возникновения. Архангельск.

1908. К проблеме колонизации Печорского края. Архангельск.

1908. Самоедское право. Материалы для законодательных предположений. Архангельск.

1908. Приполярная Россия в связи с разрешением общегосударственного аграрного и финансового кризиса (Экономический потенциал Севера). Архангельск.

1909. К самоедскому вопросу // Изв. АОИРС. № 12.

1909. Местное хозяйство и контроль государства (К вопросу о землеустройстве печорских самоедов). Архангельск.

1909. Сельскохозяйственный вопрос в Архангельской губ. в связи с колонизацией края // Изв. АОИРС. № 2. С. 37–42; № 3. С. 39–50.

1909. Северо-Печорская экспедиция // Изв. АОИРС. № 9. С. 59–64.

1909. Приполярная Россия // Известия АОИРС. № 13. С. 1–8

1909. Программа очередных срочных законодательных предложений к оживлению Крайнего Севера России // Архангельские ГВ. № 91

1910. Почему Печорский край // Изв. АОИРС. № 14.

1911. Европейский Русский Север. К вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск.

1915. Биогеографические формулы и проблемы. Полярные окраины в новом освещении // Изв. ИРГО. Т. 51. Вып. 4. С. 237–245.

Забоев А.С. (Сан-Антус)

1927. Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей коми. (К вопросу о внутриобластном расселении) // Коми му. № 12. С. 20–31.

1928. Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей коми. (К вопросу о внутриобластном расселении) // Коми му. №. 1. С. 7–12.

Забугин В.

1914. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование // Историческое обозрение. Т. 18.

Заварин Н.А.

1868. О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской губернии // Вологодские епархиальные ведомости. № 21, 23, 24.

Загоскин Н.П.

1905. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань.

1906. Деятельность Императорского Казанского университета. 1805–1906. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95-летие его существования. Казань.

Загребин А.Е.

1999. Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX в. Ижевск.

2006. Финно-угорские этнографические исследования в России. (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск.

Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М., 1969.

Заметка о поездке г. Истомина в северные губернии и привезенных им образцах одежды и утвари зырян // Харьковские ГВ. 1889. № 277.

Замысловский Е.

1880. Барон Герберштейн // Древняя и новая Россия. № 9. С. 320–327.

1884. Герберштейн и его историко-географические сведения о России. С приложением материалов для историко-географического атласа России XVI века // Зап. ист.-филол. фак-та С.-Петерб. ун-та. Т. 13.

Записки Чанселлора: открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай. Архангельск, 1998.

Заринский М.Г.

1850. Материалы для статистики Архангельской губернии // СКАГ на 1850 год. Архангельск. Паг. 2. С. 43–105.

1852. Материалы для статистики Архангельской губернии // СКАГ на 1852 год. Архангельск. Отд. 2. С. 59–114.

1858. Василий Васильевич Крестинин // Архангельские ГВ. № 43.

Засодимский П.В.

1878. Лесное царство // Слово. № 10, 11.

1895. Лесное царство // Собрание сочинений. СПб. Т. 1. С. 541–586.

1895. Из жизни лесной стороны // Собрание сочинений. СПб. Т. 2. С. 242–263.

1901. В зырянском краю (Путевые очерки). М.

Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого / сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспятых, В.Е. Возгрин. М.; Л., 1985. Т. 1; М., 1986. Т. 2.

Захарова А.А.

1986. Россия в философско-исторической концепции Н.Я. Данилевского. Томск.

Заходер Б.Н.

1956. Среднеазиатско-хорсанская география IX–X вв. о Поволжье и Восточной Европе // Учен. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 14. С. 6–30.

1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М. Т. 2.

Зарубежные ученые — исследователи коми языка. Сыктывкар, 2003.

Зверинцев Л.Н.

1899. Николай Александрович Иваницкий (Некролог) // Олонецкие губернские ведомости. № 92.

Зеленин Д.К.

1901. Н.И. Ильминский и просвещение инородцев // Русская школа. № 12. С. 175–194

1911. П.А. Дилакторский (1868–1910) // Живая старина. Вып. 3–4. С. 500–502.

1914–1916. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Пг. Вып. 1–3.

2004. Идеологическое перенесение на диких животных социально-родовой организации людей // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1935. М. С. 270–274.

Зеновская В., Сивкова А.

1997. Дар профессора Яновича // Республика. Сыктывкар. 31 мая.

Зиннер Э.П.

1961. Известия шведских военнопленных о Сибири // Учен. зап. Иркут. гос. пед. ин-та. Вып. 18 (10).

1968. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск.

Зорин А.Л.

1997. Теория официальной народности и ее немецкие источники // В раздумьях о России. XIX век. М. С. 112–148.

Зорина Л.И.

1996. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург.

Зоргенфрей Г.

1927. Г.С. Лыткин (Библиографический очерк) // Коми му. № 4–5. С. 47–49.

Зыряне в истории русской словесности: докл. науч. конф. Сыктывкар. 2000.

И.П.

1928. К вопросу об организации всестороннего изучения Коми области силами Академии наук СССР // Коми му. № 1. С. 45–47.

Иваницкий Н.А.

1882. Ботаническая прогулка из Вологды на Печору // Влогодские ГВ. № 32–36.

1882. В Печорском крае // Нива. № 1. С. 4–15

1883. Список растений Вологодской губернии, как дикорастущих, так и возделываемых на полях и разводимых в садах и огородах // Тр. Общ-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. Т. 13. Вып. 5. С. 1–112.

1886. Вологодская Печора. Из путевых записок // Вологодские ГВ. № 17, 19, 20, 21.

1890. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия ОЛЕАЭ. М. Т. 69. Вып. 1. (Тр. этнографич. отдела. Кн. 11.)

1923. Записки Николая Александровича Иваницкого // Север. Вологда. Кн. 2, 3–4. С. 17–48, 29–68.

Ивановская Н.И.

2004. Казанские исследователи истории Волго-Камского региона В.И. Заусайлов и И.Н. Смирнов // Материалы по этнографии. СПб. Т. 2: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 26–35.

2005. Забытые имена: путешественник и этнограф С.И. Сергель // Хранители: материалы XI Царскосельской науч. конф. СПб., С. 154–166.

2007. Этнографическая поездка на территорию коми С.И. Сергеля (май–сентябрь 1906) // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар. С. 141–151.

2011. Образ эпохи, образ народа (опыт биографического изучения собирателей Российского этнографического музея) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреновские чтения. СПб. С. 286–302.

Идес Избрант и ***Бранд Адам***

1967. Записки о русском посольстве в Китай. М.

Игнатьева О.В.

2003. Деятельность А.Е. и Ф.А. Теплоуховых в отношении собирания и исследования пермского звериного стиля // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 3. С. 123–137.

Игнатов М.Д.

1996. Языческая, православная и большевистская идеологии в истории Коми края // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. Т. 1: Пленарные доклады. История. С. 107–116.

2004. Собственное имя «Золотой бабы» и этимология гидронима «Обь» // Арт–Лад. № 3. С. 97–112.

2004. Собственное имя «Золотой бабы» и этимология гидронима «Обь» // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сыктывкар. Вып. 1. С. 199–219.

Игушев Е.А.

1987. Давид Рафаель Фокош-Фукс как исследователь коми языка // Пермистика–2. Венгерские ученые и пермская филология. Устинов. С. 105–108.

Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. (Журнал жизни Северного края). Архангельск, 1909–1918.

Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1914–1917. Вып. 1–4.

Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1878–1917.

Извлечение из путешествия экспедиции гр. Кейзерлинга и г. Крузенштерна в 1843 г. по Печоре // Зап. Военно-топографического депо. 1848. Ч. 12. С. 17–20.

Из жизни Вологодского общества изучения Северного края // Изв. ВОИСК. 1914. Вып. 1; 1915. Вып. 2; 1916. Вып. 3.

Изюмов А.Ф.

1914. Исторические статьи в Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера // Научный исторический журнал. Т. 3. Вып. 1. С. 57–63.

Иконников В.С.

1881. Граф Н.П. Румянцев. Деятельность его на пользу разработки русской истории и археологии. СПб.

1891–1892. Опыт русской историографии. Киев. Т. 1. Кн. 1–2; Т. 2. Кн. 1–2.

Иловайский Д.Н.

1875. Павел Иванович Мельников и его тридцатипятилетняя литературная деятельность // Русский архив. Кн. 1. С. 77–85.

Ильин-Томич А.А.

1989. Берх В.Н. // Русские писатели. 1800–1917: биографич. слов. М. Т. 1. С. 351–252.

Ильинский Л.К.

1929. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Краеведение. № 9.

Ильминский Н.И.

Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык. Казань.

1867. Школа для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани // ЖМНП. Ч. 134. С. 293–328

Иноходцев П.

1792. Описание городов Вологодского наместничества с их округами // Месяцеслов исторический и географический на 1792 г. С. 1–40.

Исландские саги. Ирландский эпос / М.И. Стеблин-Каменский. М., 1973.

Исследование Печорской экспедиции в Усть-Сысольском у. Вологодской губ. // Водное дело. 1910. № 3.

Исследование Печорского края // Вестник путей сообщения. 1909. № 26.

Исследователи Коми края / сост. А.Г. Аксенова, Е.П. Березина, Т.В. Мульд, Л.Н. Рассыхаева. Сыктывкар, 1984.

Истомин М.Ф.

1846. Ижма // Архангельские ГВ. № 24.

1847. О составе ижемско-зырянского наречия // Архангельские ГВ. № 1.

1849. Очерки Архангельска и его окрестностей // Архангельские ГВ. № 34.

1855. Переезд через Печору // Архангельские ГВ. № 14, 15.

1857. Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов // Архангельские ГВ. № 12–20.

1857. Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов. Архангельск.

1857. Сборник ижемско-зырянских слов // Архангельские ГВ. № 21–34.

1859. Промыслы и быт жителей Печорского края // Архангельские ГВ. № 10.

1861. Первые известия англичан об Архангельском крае // Архангельские ГВ. № 3.

1862. Ижма // ПКАГ. С. 130–142.

1863. Соломбальский летописец // Архангельские ГВ. № 26–31, 33–37.

Истомин Ф.М.

1885. Предварительный отчет о поездке в Архангельскую губернию летом 1884 г. // Изв. РГО. 1885. Т. 20. Вып. 5. С. 562–571.

1885. Сообщение об экспедиции Ф.М. Истомина в Архангельскую губернию // Правительственный вестн. № 171.

1886. О рукописных находках в Архангельской и Олонецкой губерниях // Изв. РГО. Т. 22. Вып. 5. С. 593–596.

1886. О свадебных обрядах Архангельской губ. // Изв. ИРГО. Т. 22. Вып. 2.

1887. Предварительный отчет о результатах экспедиции для собирания русских народных песен с напевами // Изв. РГО. Т. 23. Вып. 1. С. 35–51.

1890. Поездка в Печорский край летом 1889 г. // Изв. ИРГО. Т. 26. С. 142–179.

1890. Сообщение Ф.М. Истомина о Печорском крае // Московские ведомости. № 315. С. 3–4.

1890. Поездка в Печорский край летом 1889 г. // Изв. ИРГО. Т. 26. С. 142–179.

1890. Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1889 г. // Изв. РГО. Т. 26. Вып. 6. С. 432–459.

1890. О религиозном состоянии обывателей Печорского края // Церковные ведомости. Прибавления. № 19. С. 607–617.

1890. Об этнографическом изучении Печорского края // Тр. VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб.

1892. О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губ. // Живая старина. Вып. 3.

1894. Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1894 г. // Изв. ИРГО. Т. 31. С. 58–602.

Истомин Федор Михайлович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1896. Т. 1. С. 363–364.

Истомин Ф.М., Ляпунов С.М.

1894. Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1893 г. // Изв. РГО. Т. 30. Вып. 3. С. 331–354

История археологического исследования Сибири. Омск, 1990.

История коми литературы. Сыктывкар, 1979. Т. 1; 1980. Т. 2; 1981. Т. 3.

История русской экономической мысли. Т. 2. Ч. 1.

Исхаков Р.Р.

2009. Просветительско-миссионерская концепция Н.И. Ильминского в образовательной системе порефор-менной Казани // Образование и просвещение в губернской Казани. Казань. С. 126–138.

Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии / под ред. Л. Рума. Пермь, 1903. Т. 1: Результаты подворного исследования Верхневычегодских волостей, произведенного в 1902 г.

Ишимова А.О.

1837–1840. История России в рассказах для детей. СПб. Ч. 1–6; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1841. Ч. 1–3.

1843. Священная история в разговорах для маленьких детей. 2-е изд. СПб.

1923. Уездный город 100 лет назад (Отрывок из воспоминаний А.И. Ишимовой) // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. № 2. С. 47–49.

1999. Зырянка // В дебрях Севера. Сыктывкар. С. 29–45.

К.

1910. Экспедиция для изучения Севера (Экспедиция Соколова в Усть-Сысольском у. Вологодской губ.) // Архангельск. № 206–208.

К-в М.

Алекс. Алексан. Дунин-Горкавич. (Некролог) // Уральское краеведение.

Каблуков Н.А.

1900. А. И. Чупров. Биографический очерк // Чупров А.И. Речи и статьи. М. Т. I.

1909. Александр Иванович Чупров // Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1908 г. М. С. 415–445.

Казаков Е.П.

1997. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugria. Казань. № 1.

Казакова Н.А.

1972. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л. С. 248–266.

1988. Дмитрий Герасимов (Дмитрий Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л. Ч. 1: А–К. С. 195–196.

Казарин А.И.

1947. А. И. Чупров как экономист // Учен. зап. МГУ. Вып. 123.

Калинина Т.А.

1995. Пермская гимназия и Д.Д. Смышляев // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. С. 70–73.

1998. Просветительская деятельность Н.С. Попова (80-е гг. XVIII — XIX вв.) // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь. С. 242–253

Каменский А.Б.

1989. Академик Г.Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // История СССР. № 1. С. 144–159.

1996. Судьба и труды Г.Ф. Миллера // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.

Каменский З.А.

1984. Н.И. Надеждин: очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М.

Кандинский В.В.

1889. О наказаниях по решениям волостных судов Московской губернии // Тр. этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. Кн. 9: Сборник сведений для изучения крестьянского населения России. Вып. 1. С. 13–19.

1889. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык // ЭО.. № 3. Библиография. С. 166–168.

1889. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества // Этнографическое обозрение. № 3.

1890. Maxime Kovalevsky. Tableau des origines el de l´évolution de la famille et de la propriété. Stockholm // ЭО. № 4. С. 176–177.

1918. Ступени. Текст художника. М.

Канев С.Н.

1990. Каллистрат Жаков: жизнь и судьба. Сыктывкар.

Карамзин Н.М.

1993. История Государства Российского. М. Т. 5.

Карелин В.Г.

1996. Географические открытия венгров на Урале // Уральское краеведение. Екатеринбург.

Карл Овчаров [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.retro-almaty.kz/istoria/178-karp-ovcharov.html.

Карху Э.Р.

1994. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии. СПб. Т. 1. С. 15–16.

1999. Малые народы в контексте истории. Петрозаводск.

Кастрен М.А.

1999. Лапландия. Карелия. Россия // Матиас Александр Кастрен. Сочинения. Тюмень. Т. 1.

Каталог-указатель этнографических коллекций. Народы Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1: Финно-угорские народы / сост. Л.Л. Добрачева, А.Ю. Заднепровская, Е.Н. Котова. Л., 1990.

Катанов Н.

1903. Швед Филипп Иоганн Страленберг и его труд об истории России и Сибири // Изв. ОАИЭ. Т. 19. Вып. 2. С. 170–174.

1904. О трудах И.Н. Смирнова по этнографии инородцев Восточной России // Учен. зап. Казан. ун-та. Кн. 9.

1901. Голландский путешественник Николай Витзен и труд его об России и Сибири // Протоколы общих

собраний Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете за 1900 год. Вып. 4. С. 248–249. (Изв. ОАИЭ. Т. 17.)

Обзор деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии за тридцать лет // Изв. ОАИЭ. Т. 24. Вып. 3.

Кашихин Л.С.

1969. Фольклорист, литературовед // Календарь-справочник Пермской области на 1970 г. Пермь.

1995. Некоторые сведения о деятельности Д.Д. Смышляева в последние годы жизни (1889–1893) // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. С. 136–141.

Кащеевский.

1910. Сороколетие уральского Общества любителей естествоиспытателей // Уральский край. № 220.

Кауфман И.М.

1947. Русские географические словари (библиографический обзор) // Вопр. географии. Вып. 4. С. 168–188.

Кейзерлинг А., Крузенштерн П.

1848. Извлечение из путешествия экспедиции гр. Кейзерлинга и г. Крузенштерна в 1843 г. по Печоре // Зап. Военно-топографического депо. Ч. 12. С. 17–20.

1851. Печорский край в географическом и гидрографическом отношениях. Ст. 1–4 // ЖМВД. Ч. 34. С. 421–455; Ч. 35. С. 71–101, 235–251, 361–392.

Кейзерлинг Александр Андреевич // Райков Б.Е. Русские биологии-эволюционисты до Дарвина. М.; Л., 1959. Т. 4: Материалы к истории эволюционной идеи в России. С. 612–646.

Кеппен П.И.

1848. Странствующие финляндцы и производимые им этнографические исследования // С.-Петерб. ведомости. № 154.

1848. Странствующие финляндцы и производимые им этнографические исследования // Вятские ГВ. № 34.

1861. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб.

Кеппен Ф.П.

1895. Ученые труды П.С. Палласа // ЖМНП. № 4. С. 156–162.

Керимова М.М.

2006. Письма В.В. Кандинского к Н.Н. Харузину // Вестн. истории, литературы и искусства. № 3.

Керцелли С.В.

1909. Материалы для изучения оленеводства Большеземельской тундры // Архив ветеринарных наук. № 7.

1910. Архангельские тундры // Изв. АОИРС. № 23.

1911. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск.

1911. О типе ружья, наиболее пригодного для северного промышленника // Изв. АОИРС. № 10. С. 777–782; № 11. С. 854–869.

1913. Предварительный отчет об экспедиции, совершенной в 1911 г. архангельским ветеринарным инспектором С.В. Керцелли на острова Колгуев и Вайгач на средства, отпущенные Главным управлением землеустройства и земледелия // Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 г. Архангельск. С. 208–233.

1919. Избенное оленеводство и его значение в сельском хозяйстве. Пг.

1921. Материалы к изучению оленеводства. Опыт классификации оленеводства. Опытное дело в оленеводстве // Тр. Северной научно-промысловой экспедиции. Пг. Вып. 13.

Киркинен Х.

1981. О связях биармов и Скандинавии в Средние века // Скандинавский сборник. Таллин. Т. 26. С. 87–97.

Кирпичников А.Н.

1996. Россия XVII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб.

Кичин В.Е.

1865. Нечто об Усть-Сысольске // Вологодские ГВ. № 34.

1865. Краткие статистические и этнографические сведения об Усть-Сысольском уезде // Вологодские ГВ. № 6.

1866. Поездка в Усть-Сысольск // Вологодские ГВ. № 6.

1866. Зырянские песни // Вологодские ГВ. № 2, 3.

1872. В Зырянском крае. Размышления на краю обрыва // Вологодские ГВ. № 49.

1875. О зырянском крае // Изв. ИРГО по этнографическому отделению. Вып. 1.

1893. Город Усть-Сысольск 17, 18, 19 июня 1893 года // Вологодские ГВ. № 33.

1908. Воспоминания о праздновании в Усть-Сысольске в 1896 г. 500-летия со дня кончины св. Стефана Пермского — просветителя вычегодских и сысольских зырян // Вологодские епархиальные ведомости. № 22. С. 503–511.

Кичин Е.В.

1845. Иван Александравич Кусков // Вологодские ГВ. № 8.

1852. Заметки о г. Усть-Сысольске // Северная пчела. № 83, 84.

1852. Корткерос. Зырянское селение // Северная пчела. № 108.

1852. Братчина (зырянское обыкновение) // Вологодские ГВ. № 28.

1853. О поселениях новгородцев в зырянском крае // Вологодские ГВ. № 6.

1853. Об основании г. Усть-Сысольска // Вологодские ГВ. № 47–49.

Кленов М.В.

1997. Русская колонизация Европейского Северо-Востока по материалам археологических исследований // Музей и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар. Вып. 1. С. 24–32.

Клер О.Е.

1899. Уральское общество любителей естествознания. Исторический очерк. Екатеринбург.

Ключевский В.О.

1871. Древнерусския жития святых как исторический источник. М.

1918. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг.

Ковалевский Л.П.

1953. Книга Ахмада ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 922 г.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков.

Ковальчук С.Н.

1998. Взыскуя истину. (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жаков, А.В. Вейдеман. Середина XIX в. — середина XX в.). Рига.

Козлов В.П.

1985. Колумбы российских древностей. М.

Козмин Н.К.

1912. Надеждин Н.И. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1856 // Зап. ист.-филол. фак-та С.-Петерб. ун-та. СПб. Ч. 3.

Кокконен Паула.

2001. Кола кӧджса комияс йылысь фин гижӧдъясысь [О Кольских коми в финских сообщениях. На коми языке] // Пермистика–8. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар. С. 131–138.

Кокшаров П.В.

1855. Старинные русские и пермские названия месяцев // Вологодские ГВ. № 50.

1859. Из неизданных заметок о Зырянском крае // Вологодские ГВ. № 51.

1863. Две зырянские сказки // Вологодские ГВ. № 37

1863. Прежняя сысольская ярмарка // Вологодские ГВ. № 3.

Колотилов А.Н.

1904. Указатель к «Пермской Летописи» В.Н. Шишонко / предисл. Н.А. Рожкова // Тр. ПУАК. Вып. 8.

Колпакова Н.П.

1962. Песенная комиссия Русского географического общества // Русский фольклор. Т. 7. С. 354–366.

Колчинский Э.И.

1999. Немецкие ученые у истоков русской биологии // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб. С. 58–59.

2006. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.

Коловарский Л., Мельков Ю.

1952. Новый список писцовых книг Михаила Кайсарова // На Западном Урале. Молотов. С. 201–208.

Коми-Пермяцкий национальный округ. М.; Л., 1948.

Конаков Н.Д.

1983. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. М.

1997. Упряжное собаководство у коми // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми (Материалы по истории Коми). Сыктывкар. С. 124–127.

Кондаков Н.П.

1895. П.И. Савваитов: (некролог) // ЖМНП. № 9. С. 26–31.

Кондратьев Н.

1912. Жаков К.Ф. «Сквозь строй жизни» // Изв. АОИРС. № 18. С. 824–830.

Коновалов Ф.Я.

2005. Вологодское общество изучения Северного края в 1920-е годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса. Материалы научной конференции. Вологда. С. 184–194.

Коновалова Е.Н.

2006. Книга Тобольской губернии. 1790–1917 гг.: сводный каталог местных изданий. Новосибирск.

Кононов А.Н.

1982. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд., доп. и испр. М.

Константин Дмитриевич Носилов (Вступительный очерк) // Носилов К.Д. Северные рассказы. Свердловск, 1937.

Коняев Н.

1990. И.А. Шергин // Север. № 10. С. 158–160.

Кораблева Н.А., Мошина Т.А

2006. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Петрозаводск.

Королев В.

1987. России беспокойный гражданин. Сыктывкар.

Королев К.С., Савельева Э.А.

1990. Археологические поиски усть-сысольского краеведа С.Е. Мельникова в середине XIX в. // Это нашей истории строки: материалы I Городской конференции по историческому краеведению. Сыктывкар. С. 5–7.

1992. Археологические исследования А.С. Сидорова // IV Симпозиум по пермской филологии, посвящ. 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар. С. 34–36.

1996. К проблеме происхождения коми письменности // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар. С. 24–29.

2001. Средневековые арабские источники о народах Севера // Атлас Республики Коми. М. С. 236–237.

2001. Западноевропейские авторы XV–XVII веков о народе коми // Атлас Республики Коми. М. С. 252–253.

2001. Русские историки и путешественники о народе коми (XVIII — начало XIX века) // Атлас Республики Коми. М. С. 284–285.

2001. Биармия — страна тайн // Атлас Республики Коми. М. С. 240–243.

Короленко В.Г.

1939. Избранные письма о Мултанском деле. Ижевск.

Корсаков Д.

1904. Н.И. Смирнов (Некролог) // Учен. зап. Казан. ун-та. Кн. 9. С. 35–39.

Копанева А.Н.

2007. Сведения о финно-угорских народах в «Северной и восточной Тартарии» Николааса Витсена // Памяти академика А.И. Шегрена. СПб. С. 69–79.

Копанева А.Н., Копанева Н.П.

2010. Северная и Восточная Тартария Н. Витсена в России XVIII в. // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Амстердам. Т. III. С. 154–158.

Копанева Н.П.

2006. Земли Приобья в описаниях XVII в.: Николаас Витсен // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница: материалы междунар. симп. Екатеринбург. Ч. 1: Академические исследования северо-западной Сибири в XVIII в.: История организации и научное наследие. С. 258–268.

2010. О принципах публикации русского перевода Северной и Восточной Тартарии // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Амстердам. Т. III. С. 25–33.

Копотилов А.А.

1927. Дунин-Горкавич. Памяти исследователя // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. № 1.

Корф М.

1854. Матвей Меховский и его сочинение «Трактат о двух Сарматиях» // Отечественные записки. Т. 117. № 12. С. 137–160.

Корякин В.

1987. Владимир Александрович Русанов. М.

2005. Русанов. М.

Косвен М.О.

1961. Этнографические результаты Великой северной экспедиции. 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. М. Вып. 3. С. 166–212.

1962. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. 3 // Кавказский этнографический сборник. М.; Л. Вып. 3. С. 222. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 79.)

Копелевич Ю.Х.

1999. Г.Ф. Миллер и Петербургская академия наук // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб. С. 475–483.

Копылов Д., Прибыльский Ю.

1969. Тобольск. Свердловск.

Кордт В.А.

1893. Библиографические заметки об иностранных путешествиях по России до конца XVII в. Добавление и поправка к труду Ф. Аделунга. Юрьев.

Костромина И.

1976. П.И. Савваитов // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар. С. 124–130. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 17.)

1979. Коми йӧзлӧ друг [Друг коми людей. На коми языке] // Войвыв кодзув. Сыктывкар. № 6. С. 58–61.

1984. О словарях Г.С. Лыткина // Вопр. лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар. С. 114–129. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 31.)

1998. Попов А.Е. // Коми язык: энцикл. М. С. 364–365.

1998. Рогов Н.А. // Коми язык: энцикл. М. С. 407–408.

1998. Флеров А.В. // Коми язык: энцикл. М. С. 525.

2004. «…Истинно зырянская энциклопедия…» // Арт–Лад. № 4. С. 180–189.

Костромина И.Н., Мартынов В.И.

1998. Истомин М.Ф. // Коми язык: энцикл. М. С. 158–159.

Котляров А.Н., Моисеева Г.В.

1997. В.В. Крестинин // Историки России XVIII–XX в. М. С. 4–15.

Котляровский П.В.

1891. Экономический быт крестьян Усть-Сысольского уезда за 1890 г. // Вологодские ГВ. № 41, 42, 45, 46.

1893. Экономический быт государственных крестьян северо-восточной половины Вологодской губ. // Вологодские ГВ. 1892. № 24, 26–28, 30–31, 33, 35–38, 40–43, 45, 47–52; 1892. № 1–4; 7–8, 10–11,13.

Котов О.В.

1993. Керцелли С.В. — исследователь ижемского оленеводства // Научные экспедиции и исследования Коми края. Сыктывкар. С. 38–40.

Котов П.П.

2001. Экспедиции и обследования Коми края // Атлас Республики Коми. М. С. 302–305.

Котылева И.Н.

2004. Неизвестный Налимов // Арт–Лад. Сыктывкар. С. 178–183.

2004. Выставка «Неизвестный Налимов»: штрихи к портрету ученого // Музеи и краеведение Сыктывкар. (Тр. Национал. музея Республики Коми. Вып. 5.)

Кошелев В.

Вологодская история «Никодима Надумко» // Вологодские давности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/dav/nos/ty/index.htm.

Краеведы и краеведческие организации Перми: библиограф. справ. Пермь, 2000.

Красильникова Э.Д.

1960. Коми край XVII века в исторических исследованиях // Материалы III Коми республиканской молодежной науч. конф. Сыктывкар. С. 19–20.

1975. Участие населения Коми края в заселении и освоении Сибири во второй половине XVI–XVII вв. // Вопр. истории Коми АССР (XVII — начало XX в). Сыктывкар. С. 17–36. (Тр. ИЯЛИ КФ АН СССР. Вып. 16.)

Красноперов Д.П.

1992. К биографии писателя-краеведа Н.П. Белдыцкого // Смышляевские чтения*:* тез. сообщ. Пермь.

1995. Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь.

Краткий очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгарта в 1894 г. на Мурман, новую Землю и в Печорский край // Архангельские ГВ. 1894. № 71–72.

Крачковский И.Ю.

1957. Арабская георгафическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л. Т. 4.

Крестинин В.В // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. Кнаппе–Кюхельбекер. С. 42–429.

Крестинин В.В.

1784. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен, сочиненные Василием Крестининым, архангелогородским гражданином. СПб. Ч. 1.

1785. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве на Севере. СПб.

1786. Рассуждения о начале и происхождению самоедов, обитающих в архангельском наместничестве // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 2. С. 1–16.

1786. Краткое известие о земле Самоедской и о состоянии Самоедов и о состоянии Самоедов, обитающих в Архангельском наместничестве // Новыя ежемесячныя сочинения. СПб. Ч. 2. С. 16–58

1786. Вопросы и ответы о вере самоедской // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 6. С. 29–45.

1787. Вопросы и ответы о состоянии земли, обитаемой самоедами, и о их промыслах // Новыя ежемесячныя сочинения. Ч. 7. С. 20–44.

Кривоногов В.Я.

1974. История Урала в сочинениях Н.К. Чупина // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск. Вып. 1. С. 79–91.

Кривощеков И.Я.

1893. С. Кудымкар, Соликамского у. // Пермские ГВ. № 103.

1893. Материалы для истории с. Кудымкара Соликамского у, Пермской губ. Пермь.

1895. Указатель к карте Соликамского у. Пермской губ. С картой // Зап. УОЛЕ. Т. 17. Вып. 2. С. 157–304.

1904. Справка о прошлом Иньвеньского края // Зап. УОЛЕ. Т. 15. Вып. 1. С. 69.

1904. К вопросу об исчезновении камской чуди // Тр. ПУАК. Пермь. Вып. 7. С. 49–56.

1905. Географический очерк Пермской губернии. Екатеринбург.

1910. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 году. Пермь.

1911. Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники (Археологическо-этнографические заметки по Чердынскому у. с картой) Под ред. и с прим. А.Ф. Теплоухова // Материалы по изучению Пермского края. Пермь. Вып. 4. С. 90–115.

1914. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии с приложеием карты бассейна Камы и иллюстрациями. Пермь.

1916. Древняя Пермь, Югра, Печора в их историческом прошлом до эпохи великих реформ императора Александра II // Пермские епархиальные ведомости. № 28–30, 32–34.

1917. Древняя Пермь, Югра, Печора в их историческом прошлом до эпохи великих реформ императора Александра II // Пермские епархиальные ведомости. № 4.

1917. Иллюстрация к периоду перехода Прикамья от язычества к христианству // Изв. ПЕЦАО. Вып. 2. С. 19–24.

1917. Список пунктов с церковными археологическими памятниками в Пермской епархии // Изв. ПЕЦАО. Вып. 2. С. 25–29.

Кротов П.П., Липский А.В.

1990. Пути-дороги «большого человека» // Родники Пармы. Сыктывкар.

Краеведческая хроника // Коми му. 1927. № 7. С. 49–50.

Красов А.С.

1896. Зыряне и просветитель их святой Стефан, первый епископ Пермский и Устьвымский. СПб.

Круглов А.

1899. Памяти Н.А. Иваницкого // Русские ведомости. № 350.

1900. Памяти Н.А. Иваницкого // Олонецкие ГВ. № 5.

Круглов А.В.

1874. Зыряне. (Этнографический очерк) // Семейные вечера. № 2. С. 221–258.

1876. В земле Коми-войтыр. (В зырянском крае). Этнографические наброски // Пчела. № 27, 28.

1879. Зыряне и их домашний быт // Русский мир. № 20.

1887. Лесные люди (зыряне). Очерки и впечатления. М.

1983 Лесные люди. Отверженный. Месть // В дебрях Севера. Сыктывкар. С. 184–332.

Крузенштерн П.И.

1851. Печорский край в географическом и гидрографическом отношениях // ЖМВД. № 6–9.

1879. Путешествия П.И. Крузенштерна к Северному Уралу в 1874–1876 годах для исследования водного сообщения между притоками Печоры и Оби. СПб.

1879. Записка о Печорском крае. СПб.

1879. Экспедиция на р. Печору // Изв.РГО. Т. 15.

Крупенин А.

1859. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края // Пермский сборник. М. Кн. 1. С. 7.

Кузьиванова О.Ю.

1990. Чистка аппарата в Коми автономной области // Вестн. культуры Коми АССР. № 1. С. 40–41.

Кузьиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.

1996. В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар.

Кузнецов Н.С.

1993. «Дело», которого не было, или история «Союза освобождения финских народностей» // Удмуртия: массовые репрессии 1930–1950 годов. Исследования. Документы. Ижевск; М. С. 31–38.

Кузнецов С.К.

1904. И.Н. Смирнов // ЭО. № 2. С. 214–216.

1905. К вопросу о Биармии // ЭО. № 2–3.

1910. Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние 30 лет // ЭО. № 1–2.

Кузнецова З.И.

1958. Обзор памятников коми письменности XVIII в. // ИФС. Сыктывкар. Вып. 4. С. 213–240.

1976. Лексический материал по коми языку в работах Г.Ф. Миллера // Советское финно-угроведение. № 1. С. 59–62.

Кузнецова Т.Л.

1991. Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // Творчество К.Ф. Жакова… С. 23–32.

Кузьменко Ю.К.

1984. Лингвистическая концепция Расмуса Раска // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. Л.

Куликов К.И.

1997. Дело «СОФИН». Ижевск.

Кулешова Н.Д.

1975. В.Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск.

Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. Сборник документов. Сыктывкар, 1979.

Культурные связи русских и коми на Европейском севере в XVII — начале XX в.: метод. указания и библиографический список трудов К.Ф. Жакова / сост. Л.П. Рощевская. Сыктывкар, 1990.

Культурные связи русских и коми на Европейском Севере в XVII — начале XX в.: метод. указания по спецкурсу и роспись содержания журналов «Коми му» и «Записки Общества изучения Коми Края» / сост. О.В. Орлова. Сыктывкар, 1995.

Куратов А.А.

1993. Архангельский историк Василий Крестинин // Отечество: краеведческий альманах. М. С. 54–74.

1999. Архангельское общество изучения Русского Севера // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Архангельск. С. 191–203.

2006. Севернорусская ономастика // Археология и история Архангельского Севера. Архангельск. С. 186–202.

2009. Василий Васильевич Крестинин — просветитель, общественный деятель, историк // Генеалогия на Русском Севере: связь с общественными науками. Архангельск. С. 134–145.

Куратов И.А.

1939. Художественнӧй произведенияяс. Сыктывкар. Т. 1.

1939. Лингвистические работы. Сыктывкар. Т. 2.

Курдюмов М.Г.

1915. Описание актов, хранящихся в архиве Императорской Археографической комиссии. Коллекция П.И. Савваитова. Пг.

Курмачева М.Д.

1983. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII — начало XIX вв.). М.

Курочкин Г.Н.

1995. Большая охота за сибирским «могильным золотом» // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб. С. 9–17.

Кустова В.А.

1976. Вопросы собирания и изучения фольклора Среднего Урала в записках УОЛЕ 1870–1880 гг. // Фольклор Урала. Пермь.

Кустов В.А.

1974. Педагог, историк, этнограф и фольклорист В.Н. Шишонко // На Западном Урале. Пермь. Вып. 6. С. 209–213.

Л.С.

1910. Памяти П.А. Дилакторского // С.-Петерб. ведомости. 12 дек.

Ламанский В.И.

1856. 1) Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах, остяках; 2) Путешествие в Русскую Карелию // Вестн. РГО. СПб. Ч. 17, 18.

1896. О трудах И.Н. Смирнова // Отчет Императорского Русского географического общества за 1895 год. СПб.

Ларссон Ларс-Гуннар.

2003. Жизнь Ф.-Й. фон Страленберга и значение его трудов для финно-угорских штудий // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. Чебоксары. С. 15–18.

Латкин В.Н.

1844. Заметки о самоедах. Из дорожного дневника В.Н. Латкина // ЖМВД. № 7. С. 3–33.

1844. Поездка на Печору (Извлечение из дневника В.Н. Латкина) // ЖМГИ. Ч. 2. Смесь. С. 18–30, 129–144.

1844. Поездка на Печору // Московские ведомости. № 64, 65.

1844. Поездка на Печору // Вологодские ГВ. № 33, 34.

1844. Поездка на Печору // Архангельские ГВ. № 35–37.

1845. О зырянах // ЖМГИ. Ч. 15. Смесь. С. 1–5.

1853. Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Часть первая и вторая // Зап. ИРГО. Кн. 7.

1853. Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. СПб.

1863. О золотопромышленности в Сибири // С.-Петерб. ведомости. № 103.

1864. О золотопромышленности в Сибири. СПб.

1864. Ответ золотопромышленника на статьи, напечатанные в «Народном богатстве», № 81, и «Бирже-

вых ведомостях», № 89, по поводу составленных новых правил о золотопромышленности. СПб.

1867. Ответ корреспондентам Санкт-Петербургских ведомостей о Печорском деле // С.-Петерб. ведомости. № 40.

1893. О золотопромышленности в Сибири // Биржевые ведомости. № 193.

Латкин В.Н. (некролог) // Народная газ. 1867. № 44.

Латкин В.Н. (некролог) // Иллюстрированная газ. 1867. № 45.

Латкин В.Н. (некролог) // Голос. 1867. № 354.

Латкин В.Н. (некролог) // Вологодские ГВ. 1868. № 4.

Латкин В.Н. (некролог) // Русский архив. 1869. № 11–12.

Латкин В.Н. (некролог) // Отчет РГО за 1867 год. СПб. 1868.

Латкин В.Н. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 23а. С. 577.

Латышева В.А.

1969. К.Ф. Жаков и фольклор // Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. конф. по финно-угроведению. Йошкар-Ола. С. 113–116.

Лашкарев С.С.

1867. В.Н. Латкин и Печорская компания // Голос. № 354.

Лашук Л.П.

1958. Некоторые итоги изучения истории народа коми за годы советской власти // Тр. Коми филиала АН СССР. № 6.

1972. Формирование народности коми. М.

Лебедев А.К.

1895. Святая обитель среди зырян и ее строения // Церковные ведомости. № 23.

1895. Святая обитель среди зырян и ее строения // Вологодские епархиальные ведомости. № 15.

1896. Св. Стефан, первый епископ Пермский. 1396–1896 // Вологодские епархиальные ведомости. № 5, 6.

1896. Церковно-приходскаие школы среди зырян // Народное образование. № 1. С. 74–81.

Лебедев Д.М.

1950. География в России Петровского времени. М.; Л.

1957. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1728–1800). М.

Лейбниц Г.В.

1936. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л.

Ленарчич А.

2000. Жига Герберштейн: его среда и жизнь // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М. С. 13–103.

Лемке М.К.

1909. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. 2-е изд. СПб. С. 359–461.

Ленин В.И.

Ценные признания Питирима Сорокина // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 37. С. 188–197.

Леонов М.

1913. Проф. К.Ф. Жаков и землеустройство у зырян // Северное утро. № 157.

Леонтьев А.Е.

1986. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА АН СССР. Вып. 183. С. 3–9.

Лимеров П.Ф.

2003. Явление св. Стефана: рука Москвы или подвиг духа? // Арт–Лад. Сыктывкар. № 2. С. 111–123.

2008. Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми. М.

Линнус Ю.Ф.

1985. Финский ученый Илмари Маннинен и эстонская этнография // Скандинавский сборник. Таллин. Т. 29. С. 104–114.

Липский В.И.

1913–1915. История Санкт-Петербургского ботанического сада за 200 лет его существования. 1713–1913. СПб.; Пг. Т. 1–2.

Лисовой Н.Н.

2006. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.

Лисовская Г.К.

1991. Новеллистика К.Ф. Жакова // Творчество К.Ф. Жакова: науч. докл. Коми научного центра Урал. отд-ния АН СССР. С. 11–23.

1991. Рассказ начала XX века и своеобразие рассказов К.Ф. Жакова // Становление и развитие коми фольклора и литературы. Сыктывкар. (Тр. ИЯЛИ.)

1994. К.Ф. Жаков в Вятке // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): тез. докл. и сообщ. к Межрегион. конф. Киров. С. 347–348.

2007. Жизнь Коми края в конце XIX — начале XX века по произведениям К.Ф. Жакова // Изв. ОИКК. Сыктывкар. № 1 (10). С. 134–140.

Литвинова А.А.

2000. Остроумов Г.И. // Краеведы и и краеведческие организации г. Перми. Пермь. С. 201–202.

Литературное наследство. Неизданная переписка А.М. Горького. М. Т. 72.

Лихачев Д.С.

1999. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л.

1994. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.

Лобанова О.Н., Рощевская Л.П.

1920. Журнал «Коми му» (1924–1929) // Вестн. культуры Коми АССР. 1990. № 1. С. 19–20.

Ловягин А.М.

1910. Очерки отечествоведения и сравнительной географии. СПб. Вып. 2: Культурно-экономичкское обозрение.

Логинов В.

История закрытия журнала «Телескоп» Н.И. Надеждина [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим

доступа: http://www. litera.ru/slova/loginov/teleskop. html.

Ломоносов М.В.

1952. Древняя российская история // Полное собрание сочинений. М.; Л. Т. 6.

1952. Краткий российский летописец с родословием // Полное собрание сочинений. М.; Л. Т. 6. С. 295.

Ломоносова М.

2005. Социология семьи П.А. Сорокина // Гендерные исследования в контексте социологического образования. СПб. С. 56–66.

Лыткин В.И.

1925. А.Ф. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русскими народами // Коми му. № 6.

1952. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М.

1969. Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.

1975. Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) // СФУ. № 4. С. 290–293.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С.

1970. Краткий этимологический словарь коми языка. М.

1975. Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка // Коми филология. Сыктывкар. (Тр. ИЯЛИ КФ АН СССР. Вып. 18.)

Лыткин Г.С.

1855. Коми бӧрданкыв Николай Мудрӧй кулӧм вылӧ (Зырянское слово на кончину Николая Мудрого). [Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. СПб.

1855. Коми кыв вор Александр Николаевеч царство пуксьӧм вылӧ (Зырянское слово на вошествие на престол Александра Николаевича.). [Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. СПб.

1859. Исторический очерк письменности монголов и ойратов. Астрахань.

1859. Исторический очерк письменности монголов и ойратов // Астраханские ГВ. № 32, 33.

1860. Материалы для истории ойратов. Астрахань.

1860. Материалы для истории ойратов // Астраханские ГВ. 1860. № 45, 46; 1861. № 7, 8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26, 27, 28, 29.

1860. Сказание о Дербен-Ойратах, составленное нойоном Батур Убуша-Тюменем / пер. и предисл. Юрия Лыткина. Астрахань.

1874. Географические таблицы / сост. Г.С. Лыткин. СПб. Вып. 3: Обозрение европейских государств.

1878. Географические таблицы / сост. Г.С. Лыткин. СПб. Вып. 4: Обозрение Российской империи.

1880. Учебник общей географии / сост. Г.С. Лыткин, преподаватель С.-Петерб. 6-й гимназии. СПб.

1882. Мійан Господ′лӧн Јісус Крістослӧн Вежа Бурјӧр Матвејс′ан′. Коми кыл вылӧ выл′ыс′ пуктыс Г.С. Лыткин. Питір. [Нашего господа Иисуса Христа Евангелие от Матвея. На коми язык вновь перевел Г.С. Лыткин.] СПб.

1883. Пятисотлетие Зырянского края // ЖМНП. № 12. С. 275–326.

1883. Божественная литургия святого Иоанна Златоуста на славянском и зырянском языках. СПб.

1884. К вопросу о зырянском языке и зырянской грамоте // ЖМНП. № 12. С. 91–108.

1885. Евангелие от Матвея, Марка, Луки и Иоанна на русском и зырянском языках. СПб.

1885. Деяния святых апостолов на русском и зырянских языках. СПб.

1885. Псалтырь на русском и зырянском языках. СПб.

1894–1898. Учебник общей географии / сост. Г.С. Лыткин, преподаватель С.-Петерб. шестой гимназии. 2-е изд., испр. доп. черт. СПб.

1889. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб.

1899. Учебник общей географии / сост. Г.С. Лыткин, преподаватель С.-Петерб. 6-й гимназии. 3-е изд., испр. и доп. чер. СПб.

1931. Русско-зырянский словарь. Л.

Лукина Т.А.

1965. Иван Иванович Лепехин. М.

Лукинских В.П.

2007. Страницы жизни К.Д. Носилова // Вехи истории: материалы Всерос. (с международным участием) студен. ист.-краев. конф., 4–5 апреля 2007. Шадринск. С. 55–56.

Лукнов И.

Один из первых // Архангельский хронограф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.achroniclenarod.ru/mamad.html.

Луначарский А.В.

1923. Из вологодских воспоминаний // Север. Кн. 2.

Луппов П.Н.

1925. Громкое дело мултанских удмуртов (удмуртов), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении. Ижевск.

Лутохин Д.А.

1997. Зарубежные пастыри // Минувшее. Исторический альманах. СПб. Вып. 22. С. 7–49.

Лушина И.А.

2007. Некоторые проблемы исследования «Жития Стефана Пермского» в качестве исторического источника // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М. С. 241–254.

Любов.

1911. Защитите самоеда, помогите ему (Экономическая жизнь и взаимные отношения зырян и самоедов Печорского края) // Архангельск. № 5.

Любомиров П.Г.

1957. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX вв.). Л.

Лядов М.

1929. В первую очередь — внимание краеведческому музею // Комсомольская правда. 24 апр.

Ляйш В.

2000. О ранних переводах «Московии» Сигизмунда Герберштейна // Источниковедение и краеведение в культуре России. М. С. 76–79.

Ляшев В.А.

1987. Давид Фокош-Фукс и коми-зырянская диалектология // Пермистика–2. Венгерские ученые и пермская филология. Ижевск. С. 100–104.

1996. К истокам стефановского наследия // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар. С. 6–10.

М.

1891. Смирнов И.Н. Пермяки // ЭО. С. 203–207.

М.А. Кастрен (Некролог) // Вестн. РГО. 1852. Ч. 5.

Макарий.

1856. Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб.

Максимов.

1914. К убийству Журавского // Архангельск. № 193, 209.

Максимов А.Н.

1910. Отзыв А.Н. Максимова о «Материалах по этнографии зырян и пермяков В.П. Налимова, представленных на соискание премии имени Великого князя Сергея Александровича» // ЭО. № 4. С. 263–268.

Максимов С.В.

1858. Поездка на Печору // Морской сборник. Т. 33. Вып. 1. С. 35–87; Вып. 2. С. 235–266; Вып. 3. С. 1–28; Вып. 4. С. 159–202.

1859. Год на Севере. Поездка по Северным рекам. СПб. Кн. 1–2.

1984. Год на Севере. Архангельск. Кн. 1–2.

1986. Год на Севере. Кн. 1–2 // Литературные путешествия. М.

Максимова Р.И., Трисман В.Г.

1996. Предисловие // Николаас Витсен. Путешествие в Московию. СПб.

Малашенко В.С.

1906. Иван Николаевич Смирнов // Тр. ПУАК. Т. 9. С. 133–134.

Малахов М.В.

1882. Наркиз Константинович Чупин. (Некролог) // Изв. ИРГО. Т. 18. Вып. 4. С. 271–280.

1887. Посмертные записки // Зап. УОЛЕ. Т. 11. Вып. 1. С. 9–96.

1887. Быкобой у Пермяков в день св. Флора и Лавра // Зап. УОЛЕ. Т. 11. Вып. 2. С. 85–96.

Маликов А.К.

1870. Очерк Архангельской губернии // СКАГ на 1870 г. Архангельск. С. 16–168.

Малкова Т.А.

1993. Издания Общества изучения Коми края как источник по истории научных исследований в Коми области в 20-е годы XX века // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар. С. 71–77. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 54.)

1997. Из истории становления исследований по ветеринарии оленеводства Коми края в конце XIX — 30-х годах XX века // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми (Материалы по истории Коми). Сыктывкар. С. 70–84.

Малыхина А.Г.

1997. Родословное дерево Куратовского рода. Сыктывкар.

Мамадышский Н.Н.

1910. Усинский край. Подворно-экономическое исследование поселений р. Усы Печорского уезда в 1909 году. Архангельск.

Мамин-Сибиряк Д.Н.

1951. Старая Пермь. Путевые очерки // Собрание сочинений. Свердловск. Т. 12.

Макаров В.Г.

2002. Архивные тайны: интеллигенция и власть. «Власть ваша, а правда наша» (К 80-летию высылки интеллигенции из Советской России в 1922 г.) // Вопр. философии. № 10. С. 108–155.

Макаров В.Г., Христофоров В.С.

2003. Пассажиры «философского парохода» (судьба интеллигенции, репрессированной летом–осенью 1922 г.) // Вопр. философии. № 7. С.113–137.

Макаров Л.Д.

1998. Из истории археологического исследования русских городских поселений бассейна р. Камы // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь. С. 137–154.

Македонов Л.В.

1907. Николай Федорович Бунаков, его жизнь, деятельность. СПб.

Манькова И.Л.

2006. Печора–Обь–Енисей: поиски и исследования транспортных путей через Северный Урал, полуостров Ямал и Нижнее Приобье (XIX–начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. № 13. Ямальский выпуск. С. 156–167.

Маракуев В.

1877. П.-С. Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М.

Марков С.

1949. Известия о севере арабских географов // Летопись Севера.

Мартынов А.

1987. Бытописатель земли русской. М.

Мартынов В.И.

1990. История открытия и изучения рукописного наследия И.А. Куратова // Куратовские чтения. Сыктывкар. Т. 6.

1995. Петаліс Изьваысь [Вышел с Ижмы. На коми языке] // Войвыв кодзув. Сыктывкар. № 1. С. 65–69.

1997. Пэрымса Стэфансянь миян немӧдз [От Стефана Пермского до нашего века. На коми языке]. Сыктывкар.

2000. Жаков Каллистрат Фаллалеевич // Литераторы земли Коми: биобиблиограф. слов.-справ. Сыктывкар. С. 46–48.

2000. Истомин Михаил Федорович // Литераторы земли Коми: биобиблиограф. слов.-справ. Сыктывкар. С. 61.

2000. Е.В. Кичин // Литераторы земли Коми: биобиблиограф. слов.-справ. Сыктывкар. С. 64.

2000. М.И. Михайлов // Литераторы земли Коми: биобиблиограф. слов.-справ. Сыктывкар. С. 113.

2000. Попов Андрей Ефимович // Литераторы земли Коми: биобиблиограф. слов.-справ. Сыктывкар. С. 139.

Мартынов С.В.

1903. Современное положение русской деревни (Санитарно-экономическое описание с. Малышево Воронежского уезда). Воронеж.

1904. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда. Ч. 1–2. СПб.

1905. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб.

1913. Истинное проишествие (Из воспоминаний) // Заветы. № 2. С. 65–76.

1914. По «закону» // Заветы. № 7. С. 141–152.

Мартюшев А.М.

1904. Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда. Вятка.

1924. К вопросу о землевладении и землеустройстве в Коми области. (В дискуссионном порядке) // Коми му. № 3. С. 5–13.

1925. К восстановлению разработок точильных изделий на Печоре // Коми му. № 8. С. 11–16.

1925. Коми область в районировании Севера // Коми му. № 9. С. 3–13.

1926. Несколько слов о методах работы Северо-восточного Обплана по вопросу о районировании СВО // Коми му. № 1. С. 34–41.

1927. Население Коми области 300 лет тому назад. Алфавит фамилий и прозвищ, существовавших во время переписи населения Яренского уезда в 1646 г. // Коми му. № 1–2. С. 50–82.

1927. Движение народонаселения Коми области за 300 лет. (Материалы к истории народа коми) // Коми му. № 10–11. С. 41–55.

1928. Движение народонаселения Коми области за 300 лет. (Материалы к истории народа коми) // Коми му. № 1. С. 26–31.

1928. Коми народ в первый период его исторической известности (Материалы к истории Коми народа) // Коми му. № 2. С. 34–41; № 3. С. 33–41.

1928. Кое-что о колдунах и о книге А.С. Сидорова (*Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у коми народа. Л., 1928) // Коми му. № 12. С. 37–41.

1928. Коми народ как объект Московской завоевательной политики в XIV–XV вв. // Зап. ОИКК. Усть-Сысольск. Вып. 1. С. 54–79.

1929. Епифаниевая повесть как исторический документ о коми народе // Зап. ОИКК. Усть-Сысольск. Вып. 2. С. 44–66.

1929. К истории заселения Печорского края // Зап. ОИКК. Сыктывкар. Вып. 3. С. 44–66.

Матвеев А.К.

1969. А.М. Шегрен как исследователь субстратной топонимики Русского Севера // Взаимодействие языков. Свердловск. С. 105–110.

Матвеева Т.П., Филонович Т.С., Ярукова Л.И.

1973. Русские географы и путешественники. Л.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936.

Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885–1888.

Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках / сост. В.Ф. Гнучева // Труды архива АН ССС. М.; Л., 1940. Вып. 4.

Материалы по вопросу об исследовании колонизационной пригодности Печорского уезда. Архангельск, 1910.

Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. 3.

Матиас Александер Кастрен.

1999. Сочинения. Тюмень. Т. 1.

Матузова В.И.

1979. Английские средневековые источники IX–XIII вв. (Тексты, перевод, комментарии) // Древнейшие источники по истории народов СССР. М.

Матюшенко В.И.

1992. История археологических исследований в Сибири (до конца 1930-х гг.). Омск.

Мацук М.А.

1990. Политическая ссылка на Европейском Севере в XVII веке // Вестн. культуры Коми АССР. № 1.

Мезенин Н.А.

1978. Лауреаты Демидовских премий Петербургской академии наук. Л.

Мельников П.

1839–1842. Дорожные записки на пути их Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1839. № 11, 12; 1840. № 3, 4, 8–10, 12; 1841. № 3, 4, 9, 10; 1842. № 2, 3.

1898. Дорожные записки на пути их Тамбовской губернии в Сибирь // Полное собрание сочинений. СПб. Т. 12. С. 139–396.

Мельников П.И. // Русские писатели. 1800–1917: биографич. слов. М., 1994. Т. 3.

Мельников С.

1852. Сравнение старых цен с нынешними на меха пушных зверей в Усть-Сысольском уезде // Вологодские ГВ. № 8.

1852. Сравнение старых цен с нынешними на меха пушных зверей в Усть-Сысольском уезде // ЖМГИ. Отд. 4. Т. 43. С. 12–13.

1852. О ценах на разные предметы в Усть-Сысольске в XVII столетии и в настоящее время // Вологодские ГВ. № 32.

1852. Сведения о мансах, кочующих в Березовском уезде // Вестн. ИРГО. Ч. 5.

1853. Селение Синдор и озеро того же имени в Яренском уезде // Вологодские ГВ. № 24.

1853. Пути сообщения Усть-Сысольска с Вяткой // Вологодские ГВ. № 29.

1853. Зырянские бани // Вологодские ГВ. № 28.

1853. Разнообразная ловля оленей и предрассудок зырян // Вологодские ГВ. № 33.

1853. Птица рык в Усть-Сысольском уезде и суеверие зырян // Вологодские ГВ. 1853. № 41.

1853. Птица рык в Усть-Сысольском уезде и суеверие зырян // Северная пчела. № 256.

1853. Зырянские бани // Вестн. ИРГО. Ч. 7. Кн. 2. С. 39–40.

1856. Археологические поиски в Яренском уезде // Зап. Императорского археологического общества. Т. 8. (Приложение). С. 121–124.

1861. Описание Спасской Ульяновской пустыни на р. Вычегде Вологодской губ. Усть-Сысольского уезда // Изв. Императорского археологического общества. Т. 3. Вып. 2. С. 144–162.

1867. Описание Спасской Ульяновской пустыни на р. Вычегде Вологодской губ. Усть-Сысольского уезда // Вологодские епархиальные ведомости. № 2. С. 43–57; № 3. С. 87–93.

1867. Описание Спасской Ульяновской пустыни на р. Вычегде Вологодской губ. Усть-Сысольского уезда // Вологодские ГВ. № 2, 3.

1898. Вечеринки и игрища в Усть-Сысольске [Вологодской губ.] // ЖС. Вып. 3–4. С. 480–481.

1898. Коляда в Усть-Сысольске [Вологодской губ.] // ЖС. Вып. 3–4. С. 481–482.

Мельникова Е.А.

1977. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М.

1982. Этнонимы Севера европейской части СССР по древнескандинавским письменам и «Повести временных лет» // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л. С. 124–127.

1986. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, Комментарий // Древнейшие источники по истории народов СССР. М.

1998. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе V–XIV века. М.

Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.

1985. Древнескандинавские письменные источники по истории Европейского региона СССР // Вопр. истории. С. 36–53.

Меховский М.

1936. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.

Микушев А.К.

1959. Из истории русской науки о коми народной поэзии // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л. Т. 4. С. 230–239.

1973. Эпические формы коми фольклора. Л.

1975. Роль русской науки в развитии коми фольклористики // Фольклор Российской Федерации: материалы конф., посвящ. итогам и проблемам изучения народного творчества автономных республик (областей) РСФСР. Ленинград, ноябрь 1972 г. Л. С. 27–41.

1976. Куратовские архивные материалы в Финляндии // Куратовские чтения. Сыктывкар. Т. 2.

1992. Роль А.С. Сидорова в развитии коми фольклористики // IV Симпозиум по пермской филологии, посвящ. 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар. С. 60–63.

1992. Фольклористические интересы А.С. Сидорова (К 100-летию со дня рождения ученого) // Вестн. культуры Коми ССР. № 3. С. 29–34.

1992. Роль Питирима Сорокина в становлении коми-зырянской этнографии // Социологические идеи П.А. Сорокина и современное общество. Сыктывкар. С. 70–72.

1993. Коми Калевала // Жаков К.Ф. Биармия. Коми литературный эпос / сост., предисл., коммент. А.К. Микушева; пер. на коми М.В. Елькина. Сыктывкар.

Микушев А.К., Рочев Ю.Г., Чисталев П.И.

1979. История собирания и изучения коми фольклора // История коми литературы. Сыктывкар. Т. 1. С. 11–24.

Милованович Д.

1927. Работа Печорской лесоэкономической экспедиции Управления лесами НКЗ // Коми му. № 3. С. 40–45.

Миллер Г.Ф.

1750. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Сочиненно Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором Университета Академии наук и социетета аглинскаго членом. СПб. Ч. 1.

1773. О народах, издревле в России обитавших. СПб.

1791. Описание живущих в Казанской губернии Казанской губернии языческих народов, яко-то: Черемис, Чуваш и Вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как-то: на Казанско-татарском, Черемисском, Чувашском, Вотяцком, Мордовском, Пермском и Зырянском, и приобщенным переводом Господней молитвы “Отче наш” черемисском и чувашском языках, сочиненные Герардом Фридрихом Миллером, Императорской Академии Наук профессором, по возвращении его в 1743 г. из Камчатской экспедиции. СПб.

1937–1941. История Сибири. М.; Л. Т. 1–2.

1999. История Сибири. 2-е изд., доп. М. Т. 1.

2000. История Сибири. 2-е изд, доп. М. Т. 2.

2005. История Сибири. 2-е изд., доп. М. Т. 1–3.

Минаева О.А., Снигирева Л.А.

2008. Жизнь и деятельность Д.Д. Смышляева. Библиографический список // Вестник Смышляевских чтений. Пермь. Вып. 5. С. 49–70.

Минейко Г.О.

1874. Статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии // СКАГ на 1875 г. Архангельск. С. 1–228.

Мирзоев В.Г.

1963. Г.Ф. Миллер как историк Сибири в оценке русской дореволюционной и советской историографии // Учен. зап. Кемеров. пед. ин-та. № 5. С. 45–71.

1963. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово.

1970. Историография Сибири (домарксистский период). М.

Миропиев М.

1908. Русско-инородческие школы системы И.Н. Ильминского // ЖМНП. № 1. С. 183–210.

Михайлов М.И.

1846. Небдинская ярмарка в Усть-Сысольском уезде и несколько слов об ижемцах и самоедах // Вологодские ГВ. № 4.

1849. Заметки о зырянах // Москвитянин. № 16. Кн. 2. С. 116–131.

1850. Усть-Вымь // Вологодские ГВ. № 1–14, 16, 17, 19–22, 25, 27, 28, 30, 32, 34, 35, 38–42, 44, 45, 46, 49, 50, 52.

1851. Описание Усть-Выма. Вологда.

1851. Достопримечательности Усть-Выма // Вологодские ГВ. № 17, 44.

1851. Зыряне // Москвитянин. № 10. Кн. 1, 2. С. 33–39.

1851. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уезда Вологодской губ. // ЖМВД. Т. 34. № 4. С. 69–98.

1851. О земледелии и скотоводстве у зырян Усть-Сысольского уезда // ЖМВД. Т. 35. № 9. С. 349–360.

1852. Физические и нравственные свойства зырян // ЖМВД. № 1. С. 45–46.

1852. О земледелии и скотоводстве у зырян Усть-Сысольского уезда // Вологодские ГВ. № 33, 34.

1852. Домашний и семейный быт зырян // ЖМВД. № 3–4. С. 319–336.

1852. Домашний и семейный быт зырян // Архангельские ГВ. № 22, 23.

1852. Физические и нравственные свойства зырян // Журнал для чтения. № 401. С. 59–83.

1852. Физические и нравственные свойства зырян // Архангельские ГВ. № 20, 21.

1853. Физические и нравственные свойства зырян // Вологодские ГВ. № 17–19.

Михайлов М.Л., Шелгунов Н.В.

1859. Пермский сборник // Русское слово. Октябрь. С. 37–49

Михайловский М.

1836. Предуведомление от переводчика. Павел Иовий. Книга о посольстве Василия. Великого государя Московского к папе Клементу VII // Библиотека иностранных писателей о России. СПб. Т. 1. С. 6.

Михайловская А.И.

1982. Этнографическая работа в Приуралье и Поволжье (Научно-промышленные выставки) // ОИРЭФА. М. Вып. 9. С. 98–113.

Модзалевский Л.Б.

1927. Материалы для библиографии трудов М.А. Кастрена. (Памяти М.А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти) // Очерки по истории знаний. Л. Вып. 2. С. 131–141.

Мокшин Н.Ф.

1993. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск.

Молодцов В.А.

1924. Грен А.Н. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам коми и удмурт // Коми му. № 3, 7–10. С. 151–156.

Монгайт А.Л.

1971. Исторический комментарий // Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1135) / публ. О.Г. Большакова, А.А. Монгайта. М.

Моисеева Г.Н.

Крестинин В.В. // Словарь русских писателей XVII века.

Морозов Н.

1998. Истребительно-трудовые годы // Покаяние. Сыктывкар. Т. 1. С. 15–237.

Морозова Л.Е.

2007. Сочинения англичан о России XVI в: правда или вымысел // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М. С. 132–154.

Морт.

1914. Родственны ли зыряне японцам? (По поводу поездки Жакова в Японию) // Изв. АОИРС. № 17, 20.

Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / сост. В.Н. Бочкарев. СПб., 1914.

Мошегов (Мошег) И.Н.

1926. Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом // Коми му. № 4. С. 34–37.

1926. Пера. (Из народных преданий) // Коми му. № 5. С. 38–42.

1926. Судьба коми, живших по берегам р. Камы и ее притокам на север от Усолья // Коми му. № 5. С. 27–29.

1926. Из прошлого финской народной литературы // Коми му. № 7. С. 42–44.

1926. Пермь Великая в теории А.Ф. Теплоухова и по историческим данным // Коми му. № 6. С. 32–42.

1926. О судьбе коми, живших по реке Оби // Коми му. № 8. С. 36–38.

1926. Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми // Коми му. № 12. С. 18–21.

1927. Судьба коми, живших на Северной Двине и Сухоне — заволочане // Коми му. № 1–2. С. 29–32.

1927. Где же была родина коми? // Коми му. № 4–5. С. 57–60.

1927. Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми. Искусство. Письменность. Причины падения коми (пермской) культуры // Коми му. № 6–7. С. 67–70.

1928. Ответ на критические статьи Мартюшева и Теплоухова // Коми му. № 4. С. 38–40.

Мыльников А.С.

1999. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб.

Муравьев В.Б.

1975. Вехи забытых путей. М.

1977. Дорогами российских провинций. Путешествие Петра-Симона Палласа. М.

Муравьев П.

1986. Жизнь — это творчество // Отклики. Сборник статей памяти Николая Ивановича Ульянова. (1904–1985) / под ред. В. Сечкарева. Нью-Хэвен.

Мурашко О.А., Кренке Н.А.

2001. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М.

Мурчисон Р., Вернейль Е., Кейзерлинг А.

1849. Геологическое описание Европейской России и Уральского хребта. СПб.

Мусаев В.И.

1999. Советско-финляндские отношения в 1920–1930-х гг. и судьба ингерманландской автономии // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб. С. 211–221.

2001. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. Кишинев; СПб.

Мусанов А.

1999. Коми географические названия в дневниках шведских военнопленных // Финно-угорские народы: проблемы этнической и языковой идентификации. Сыктывкар. С. 69–71.

Мухин В.В.

1990. Крепостные служащие вотчинных имений Урала в первой половине XIX века // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь. С. 16–26.

Мягков Г.П.

2000. Научное сообщество в исторической науке Опыт «русской исторической школы» . Казань.

Н-нъ А.

1914. Музей Вологодского Общества изучения Северного края // Вологодский листок. № 794.

Наарден Б.

2010. Николаас Витсен и Тартария // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Т. III. Научные материалы. Амстердам. С. 35–137;

Н.И. Надеждин (Некролог) // Вестн. ИРГО. 1855. Ч. 15.

Н.Х.

1896. И.Н. Смирнов. Историко-этнографические очерки // ЭО. Кн. 1. С. 155–160.

Надеждин Н.И.

1836. Впечатления Парижа // Телескоп. № 5.

1836. Вологодская губерния // Энциклопедический лексикон Плюшара. М.

1836. Гидрографический очерк Вологодской губернии // Энциклопедический лексикон Плюшара. М.

1836. Вымь // Энциклопедический лексикон Плюшара. М.

1836. Вычегда // Энциклопедический лексикон Плюшара. М.

1836. Войпель // Энциклопедический лексикон Плюшара. М.

1838. Вогулы // Энциклопедический лексикон Плюшара. М.

1839. Народная поэзия у зырян // Утренняя звезда. СПб.

1844. Какие реки образуют Северную Двину // С.-Петерб. ведомости. № 233.

1846. Об этнографическом изучении народности русской // Зап. РГО. Кн. 2. С. 61–67.

1972. Литературная критика. Эстетика / вступ. ст. и коммент. Ю. Манна. М.

1999. Народная поэзия у зырян // В дебрях Севера… С. 57–73.

Надточий Ю.С.

1988. Тобольский музей-заповедник. Свердловск.

Найт Н.

2005. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М. С. 155–198.

Налимов В.В.

1992. Мой отец // Человек. № 3. С. 93–103; № 4. С. 63–84.

1994. Мой отец // Парма. № 1. С. 31–87.

1994. Канатоходец. М.

Налимов В.П.

1903. Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян // ЭО. № 2. С. 76–86.

1901. Зырянская легенда о паме Шипиче // ЭО. № 2. С. 120–124.

1907. Загробный мир по верованиям зырян // ЭО. № 1–2. С. 1–23.

Пермяки // Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России. М. Т. 2. С. 172–192.

Башкиры // Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России. М. Т. 2. С. 197–217.

Тептяри // Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России. М. Т. 2. С. 218–219.

Мещеряки // Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России. М. Т. 2. С. 193–196.

1924. К этнологии Коми (наброски) // Коми му. Усть-Сысольск. № 3. С. 43–50.

1925. К материалам по истории материальной культуры Коми // Коми му. № 2. С. 15–19; № 3. С. 59–68; № 5. С. 23–30.

1926. Роль малых народов на фоне общечеловеческой культуры // Вотяки. Сборник по вопросам этнологии, быта и культуры вотяков. М. С. 1–8.

1928. Священные рощи удмуртов и мари // Охрана природы. Т. 1. № 4. С. 6–8.

1991. К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар. С. 5–25. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 49.)

Налимов С.И.

1977. Преображенное село. Сыктывкар.

Напольских В.В.

1998. Давжды забытый (Д.Г. Мессершмидт — первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт–Лад. Сыктывкар. № 4. С. 146–156.

2001. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск.

2002. Угро-самодийская топонимика в Прикамье: заблуждения и реальность // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань. С. 85–105.

Насилов Д.М.

1978. Об алтайской языковой общности // Тюркологический сборник. 1974. М. С. 103.

Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии Василием Поповым. М., 1880.

Наставление для собирания народных песен и других произведений народной словесности и музыки. Архангельск, 1916.

Наумова О.А.

2004. Н. Я. Данилевский в Вологодской губернии (по материалам Государственного архива Вологодской области) // Н.Я. Данилевский и современность. (К 180-летию со дня рождения): материалы Науч. межрегион. конф., состоявшейся в г. Москве 28 ноября 2002 г. Тверь. С. 65–67.

Научный поиск продолжается. Институту языка, литературы и истории Коми научного центра УРО РАН 25 лет. Сыктывкар, 1995.

Начертание общего топографического и физического описания Российской империи // Академические известия. 1780. Ч. 4. С. 101–137.

Начертание ко всеглашней задаче и награждению тех сочинителей, кои хозяйственные описания частных Российских наместничеств сообщать будут // Труды ВЭО. 1791. Ч. 13. С. 78–338.

Некрасов Г.А.

1993. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М.

Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л.

1996. К 100-летию со дня рождения В.И. Лыткина. Деятельность В.И. Лыткина в комиссии по собиранию словаря изучению диалектов коми языка // Linguistica Uralica. Т. 32. № 1. С. 47–49.

Некролог. Чл.-сотруд. М.А. Кастрен // Отчет ИРГО за 1852 г. СПб., 1853.

Немирович-Данченко Вас.И.

1874. Народы России. Зыряне // Нива. № 35. С. 555–558.

1877. Страна холода. Виденное и слышанное. Белое море. — Мурман и Северная Норвегия. — Лапландия. — Новая Земля. — Вайгач. — Племена глухого угла. СПб.

1878. Год войны: в 3 т. СПб.

1890. Кама и Урал (Очерки и воспоминания). СПб.

1892. Беломорье и Соловки. Воспоминания и рассказы. Киев.

Немшилова З.Я.

1965. Коми народ в русской литературе XVIII–XIX вв. Сыктывкар.

1965. С.В. Максимов и его «Год на Севере» // Немшилова З.Я. Коми народ в русской литературе… С. 47–57.

1965. Зырянский край в творчестве писателя-народника. [П.В. Засодимский. Лесное царство] // Немшилова З.Я. Коми народ в русской литературе XVIII–XIX вв. Сыктывкар. С. 58–71.

1965. А.В. Круглов и зырянский край // Немшилова З.Я. Коми народ в русской литературе XVIII–XIX вв. Сыктывкар. С. 72–86.

1965. Страница, выпавшая из биографии (Н.И. Надеждин в ссылке, 1836–1838 гг.) // Коми народ в русской литературе XVIII–XIX вв. Сыктывкар. С. 21–46.

1974. Надеждин ссылкаын [Надеждин в ссылке. На коми языке] // Войвыв кодзув. № 11. С. 59–62.

1983. С.В. Максимов // В дебрях Севера… С. 75–105

1983. П.В. Засодимский // В дебрях Севера… С. 105–108.

1997. Арсеньев Ф.А. // Республика Коми: энцикл. Сыктывкар, Т. 1. С. 231.

Непеин А.С.

1921. Литературное наследство П.А. Дилакторского // Дилакторский П.А. Опыт указателя литературы по Северному краю. Вологда.

Несанелис Д.А.

1999. Встречи и переписка с Василием Васильевичем Налимовым // Арт–Лад. Сыктывкар. № 3. С. 146–154.

Несанелис Д.А., Жеребцов И.Л.

1996. Ю.В. Гагарин — исследователь истории религии народа коми // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. Т. 1. С. 185–189.

Несанелис Д.А., Семенов В.А.

1991. Традиционная этнография коми в трудах П.А. Сорокина // Рубеж. Вып. 1. С. 47–56.

1991. К критике некоторых этнографических идей П.А. Сорокина // Вестн. культуры Коми ССР. № 4. С. 85–87.

1993. Этнограф Василий Налимов // Они любили край родной. Сыктывкар. С. 269–278.

1996. Профессор В.П. Налимов, «финский шпион» // Родники Пармы. Сыктывкар. Вып. 4. С. 199–200.

1997. Одна родина — две судьбы // Арт–Лад. Сыктывкар. С. 266–276.

Несанелис Д.А., Семенов В.А., Терюков А.И.

2010. Пути «инородца» в России. Василий Петрович Налимов // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск. С. 5–18.

Нечаев М.Г.

2000. Краеведы и краеведческие организации Перми. Пермь.

2008. Дмитрий Дмитриевич Смышляев — организатор Пермского губернского земства // Вестник Смышляевских чтений. Пермь. Вып. 5. С. 219–225.

Низов В.В.

1996. Епифаний Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. Т. 1. С. 190–198.

Никитин А.

1987. Книга с шифром «Норд» // Уральский библиофил. Пермь. С.44–61.

Никитин Н.П.

1957. Н.К. Чупин. (1824–1882) // Отечественные экономико-георгафы XVIII–XX вв. М. С. 206–210.

Николаев С.Ф.

1957. Хранители леса. Пермь.

Никольский Н.В.

1916. К истории зырянского языка // Изв. ОАИЭ. Т. 28. Вып. 6. С. 516.

Новокомский П.И.

1836. Новокомский Павел Иовий (Джовио Паоло). Книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем, Великим князем Московским, к папе Клементу VII. Перевод с латинского М. Михайловского // Библиотека иностранных писателей о России. СПб. Т. 1. С. 1–93.

1908. Книга о посольстве Василия, Великого государя Московского к папе Клементу VII в которой с особой достоверностью описаны положения страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указуются заблуждения Страбона, Птолемея и других, писавших о Географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время, нигде не существуют // Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб.

Новиков Н.В.

1960. Н.А. Иваницкий и его фольклорное собрание // Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда.

1958. Н. А Иваницкий и его переписка с П. В. Шейном // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. III. М.; Л.

Новиков Н.Н.

1901. Роль Пермской семинарии в изучении прошлого Пермского края // Тр. ПУАК. Пермь. Вып. 4.

Новолянская М.Г.

1962. Д.-Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири // Изв. Государственного географического общества. Т. 94. № 3. С. 231–239.

1966. Филипп Иоганн Страленберг. М.; Л.

1970. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по истории Сибири. Л.

Норман А.С.

1902. Истинные богатства нашего Севера и возможность его заселения. СПб.

1902. Условия организации переселений на Север. СПб.

1902. По поводу замечания г. А. Энгельгарта на записку А.С. Н-на на «Истинные богатства нашего Севера и возможность его заселения». СПб.

1907. К вопросу о заселении Архангельской губернии и ответ г. Сущевскому. Архангельск.

1909. Почему необходимо заселение Архангельской губернии СПб.

1909. О колонизации Архангельской губернии и ответ газете «Архангельск». Архангельск.

1909. О колонизации Архангельской губернии и ответ газете «Архангельск» // Изв. АОИРС. № 10.

1910. Записка к вопросу об организации заселения и Архангельской губернии (составлена А.С. Норманом, действительным членом Русского географического общества, автором книги «Почему необходимо заселение Архангельской губернии»). СПб.

Носилов К.Д.

1884. С Оби на Печору // Изв. ИРГО. Т. 20. Вып. 2. С. 173–181.

1884. С Оби на Печору. СПб.

1884. Из письма в редакцию // Горный журнал. Вып. 1. С. 278–280.

1894. Из путешествия на полуостров Ямал. СПб.

1903. Среди наших инородцев. Очерки и рассказы. СПб.

1903. Новая Земля.

1904. У вогулов. Очерки и наброски. СПб.

1907. В снегах. Рассказы и очерки из жизни северных инородцев. М.

1908. На диком севере. Первый сборник рассказов. М.

1912. За Полярным кругом. Рассказы. М.

1917. В лесах. Рассказы и очерки. 4-е изд. М.

1918. К автономии Урала // Урал. № 7. 24 (11) ноябрь.

1937. Северные рассказы. Свердловск.

Носов Е.Н., Овсянников О.В.

1997. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб. С. 146–157.

Носов Я.Н.

1992. Подвиг ученого. К 110-летию со дня рождения Андрея Владимировича Журавского. Усть-Цильма.

Нёдкывъяс. Чукӧртӧма Сыктывкарса педтехникумын велӧдчысьясӧн 1928–1929 воясӧ [Загадки. Собраны в 1928–1929 гг. учащимися Сыктывкарского пед-

техникума. На коми языке] / подгот. Г. Беляев // Войвыв кодзув. 2005. № 10. С. 62–67.

О предоставлении капитану Крузенштерну прав на поставку лиственнического леса в Архангельск // Морской сб. 1859. № 6. С. 335–337.

О пути Мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н. Я. Данилевского и К. Я. Грота // Известия ИРГО. Т. XIX. 1883. Вып. 3. С. 220–246.

О результатах экспедиции 1909 года П.И. Соколова в Печорский край // Архангельские ГВ. 1909. № 88, 89, 101, 257.

Обзор Архангельской губернии. Архангельск, 1878–1914.

Обзор деятельности Вологодского общества изучения Северного края // Изв. ВОИСК. 1914. Вып. 1.

Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете за первое двадцатипятилетние его существования (1869–1894). Казань, 1894.

Обзор Пермской губернии. Пермь, 1898–1915.

Обзоры Вологодской губернии. Вологда, 1878–1914.

Об издании посмертных сочинений ученого путешественника академии, профессора Кастрена // Учен. зап. Императорской Академии наук. 1853. Т. 1. С. 366–370.

Оборин В.А.

1971. Археографическая деятельность А.А.Дмитриева // Учен. зап. Пермс. гос. ун-та. Пермь. Вып. 250. С. 181–195. (Уральский археографический ежегодник за 1970 г.)

Оботина Е.Д.

2008. А.М. Ремизов и творческая практика писателя. М.

Обрезкова А.

1996. Материалы о Стефане Пермском в Соловецком фонде библиотеки Казанского университета // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар. С. 20–23.

2003. Из переписки Г.С. Лыткина с Н.И. Ильминским // Арт–Лад. Сыктывкар. № 2. С. 139–145.

Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. 13.

Общий обзор путешествия Уральской экспедиции, составленный Корпуса топографов прапорщиком Юрьевым // Зап. Военно-топографического депо. 1852. Ч. 14. С. 25–27, 31–33, 81–90.

Объяснительная записка к «Программе антропологии, этнографии и статистики» // Зап. УОЛЕ. Т. 2. Вып. 1–2.

Овсянников О.В.

1985. В.В. Крестинин: Страницы жизни // Патриот Севера: историко-краеведческий сборник. Архангельск. С. 59–76.

Овчинникова Б.Б.

1998. У истоков уральской археологии: Теплоуховы // Изв. Урал. гос. ун-та. № 8. С. 54–62.

Огородников С.Ф.

1889. Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. Нояб. С. 68–137.

Оксенов А.

1886. Пермская Летопись с 1263 по 1881 гг. / сост. Василий Шишонко: в 3 кн. Пермь, 1881–1884 // ЖМНП. Янв. С. 179–186.

Ольденбург С.Ф.

1926. Венгерский институт при Берлинском университете // Научный работник. № 7–8. С. 100–105.

Омельчук А.К.

1989. К. Носилов [Писатель, путешественник, исследователь Тюменского Севера]. Свердловск.

2009. Обдорский ссыльный — приятель Ленина // Ямальский меридиан. № 12(164). С. 25–28.

Описание коллекций рукописей научного архива Географического общества СССР. Л., 1973. Вып. 1.

Орешина М.А.

2003. Русский Север начала XX в. и научно-краеведческие общества региона. М.

2004. Первый библиограф Северного края: П.А. Дилакторский // Библиография. С. 80–86.

2006. Из архивного наследия деятелей культуры Русского Севера второй половины XIX — начала XX века. М.

Орешкин В.В.

1963. Вольное экономическое общество в России. 1765–1917. Л.

Оронович В.

1911. Творчество К. Жакова. (О северных сказках и поэмах К. Жакова) // Архангельские ведомости. № 32.

Осинцов Л.П.

1974. Писатель и географ К.Д. Носилов. Челябинск.

1993. Носиловские дачи. Курган.

Осипов А.Г.

1964. Песни народа коми. Сыктывкар.

Осипов В.И.

1995. Петербургская академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII в. СПб.

«***Остался*** навсегда беспартийным…» (автобиография Алексея Мартюшева) // Родники Пармы–93. Сыктывкар, 1993. С. 90–98.

Островский Д.

1905. Вновь открытое описание России XVI века // Исторический вестн. № 5. С. 539–544.

Островский Б.Г.

1934. Безвременно ушедшие. Л.

1937. Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг. Архангельск.

Остроумов Иван Григорьевич. [Биография]. [Пермь, 1928].

Остроумов И.Г.

1890–1891. «Пермская старина». Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае

Александра Дмитриева. Вып. 1: Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889 // Зап. УОЛЕ. Т. 12. Вып. 2. С. 122–124.

1891. Объяснительная записка к этнографической карте Пермской губернии. Екатеринбург.

1892. К изучению Пермской губернии (обзор библиографической литературы и продолжение указателя автора). Пермь.

1892. К изучению Пермской губернии (обзор библиографической литературы и продолжение указателя автора) // ПГВ. № 9.

1904. История музеев, их настоящее и будущее // Материалы по изучению Пермского края. Пермь. Вып. 1. С. 1–10.

1904. Вогулы-манси. Историко-этнографический очерк // Материалы по изучению Пермского края. Пермь. Вып. 1. С. 155–202.

1905. Ф.А. Теплоухов. Пермь.

1907. Пермский научно-промышленный музей: крат. указ. Пермь.

1926. Сводка сведений о находке доисторических предметов в Приуралье и несколько выводов из нее // Пермский краеведческий сборник. Пермь. Вып. 2. С. 12–15.

1926. Список географических пунктов, в которых найдены доисторические памятники и предметы // Пермский краеведческий сборник. Пермь. Вып. 2. С. 5–12.

1928. Краткий путеводитель по геологическому подотделу. Пермь.

Остроумов С.

1956. Значение А.И. Чупрова в развитии русской статистики // Вестн. статистики. № 3.

Отзыв академика Ф.Н. Чернышева о трудах А.В. Журавского // Отчет ИРГО за 1905 год. С. 18–19.

Отчет о деятельности и занятиях Вологодского губернского статистического комитета. Вологда, 1866–1916.

Отчет о деятельности Вологодского губернского статистического комитета за 1867 год // Вологодские ГВ. 1868. № 20.

Отчет о деятельности ВОИСК за 1913 г. // Вологодский листок. 1914. № 673.

Отчет о деятельности Русского географического общества за 1846–1847 гг. // Зап. РГО. СПб., 1849. Кн. 3.

Отчет о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1908–1909 академический год // ЭО. 1907. Вып. 3.

Отчет о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1908–1909 академический год // ЭО. 1909. № 2–3.

Отчет о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1909–1910 академический год // ЭО. 1910. Вып. 3–4.

Отчет о льноводстве, льняном производстве и льняной торговле в северном районе члена Императорских обществ: Русского географического, Вольного экономического, Любителей естествознания, состоящем при Московском университете, Московского общества сельского хозяйства, члена и секретаря Архангельского статистического комитета Павла Чубинского. СПб., 1869.

Отчеты Архангельского общества исследователей Русского Севера. Архангельск, 1909–1918.

Отчеты Архангельского статистического комитета. Архангельск, 1864–1913.

Очерк жизни и трудов Кастрена // Вестн. РГО. 1853. Ч. 7.

Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1; 1962. Т. 2.

Очерк промышленности и торговли Вологодской губернии // СКВГ на 1856 г. Вологда, б.г. Паг. 2. С. 1–69.

П.И. Крузенштерн (некролог) // Кронштатский вестник. 1881. № 147

Павел Иванович Крузенштерн (Некролог) // Отчет ИРГО за 1881 год. СПб., 1882. С. 9

Павел Иванович Савваитов: юбилей его ученой деятельности, 1837–1887 // Русская старина. 1887. № 10. С. 820–821.

Павел Иовий.

1836. Книга о посольстве Василия, Великого государя Московского к папе Клементу VII // Библиотека иностранных писателей о России. СПб. Т. 1.

Панюков А.

1992. «Спецхран» культуры // Вестн. культуры Коми АССР. № 3. С. 73–75.

2005. «Яг-Морт» предание гижысь — М.И. Михайлов [М.И. Михайлов — автор предания «Яг-Морт». На коми языке] // Войвыв кодзув. № 3. С. 58–59.

Палашенков А.Ф.

1957. Памяти И.Н. Шухова // Изв. Омск. отд-ния ГО СССР. Омск. Вып 2 (9). С. 125–127.

Паллас П.-С.

1773–1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.

1780. Рассуждения о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с Венгерскими, различествующими от копей Римских // Академические известия. Ч. 5. С. 312–337.

1787–1789.Сравнительный словарь всех языков и наречий. СПб.

1790–1791. Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. СПб. Т. 1–4.

Памяти А.В. Журавского // Изв. АОИРС. 1914. № 17. С. 559–560.

Памяти автора «Пермской старины» Александра Алексеевича Дмитриева. Пермь, 1911.

Памяти Василия Никифоровича Шишонко. Некролог, похороны и материалы для биографии. Статьи А.А. Дмитриева, Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.А. Вологдина. Пермь, 1889

Памяти И.Н. Смирнова // Учен. зап. Казан. ун-та. 1904. Кн. 9. С. 52–55.

Памяти М.А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти // Очерки по истории знаний. Л., 1927. Вып. 2.

Памятные (справочные) книжки Архангельской губернии. Архангельск, 1850–1916.

Памятные книжки Вологодской губернии. Вологда, 1853–1916.

Памятные книжки губерний и областей Российской империи. Европейский Север. СПб., 2002.

Панов Л.С.

1995. Переписка Ф.И. Витязева и В.Н. Трапезникова (Из истории Вологодского общества изучения Северного края) // Вологодская старина. Послужить Северу. (Историко-художественный и краеведческий сборник). Вологда, С. 117–143.

1997. «Жизнь движется и в Вологде». Питирим Сорокин в общественной жизни Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2. С. 181–202.

2005. Вологодское общество изучения Северного края в общественно-политической жизни Вологодской губернии (1909–1918 годы) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: материалы науч. конф. Вологда. С. 176–184.

2007. Об издании путеводителя по Вологодской губернии: (материалы из истории Вологодского общества изучения Северного края 1915–1922 годов) // Русская культура нового столетия. Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда. С. 240–248.

Пантелеев Л.Ф.

1915. Памяти Н.Г. Чернышевского // Голос минувшего. № 1.

1958. Воспоминания. М.

Пасецкий В.М.

1965. Счастливый путь Александра Шренка // Пасецкий В.М. О чем шептались полярные маки. М. С. 108–130.

1970. Сын великого мореплавателя // Пасецкий В.М. Очарованный надеждой. Л. С. 66–81.

1970. Ради пользы России // Пасецкий В.М. Очарованный надеждой. Л. С. 185–199.

1971. Отогревшие землю. М.

Папай Й.

1993. Памяти Антала Регули. Сургут.

Пастушенко И.

2001–2002. Еще раз о локализации Вису // Fenno-Ugrica. № 1 (5–6). С. 56–64.

Пьянкова Т.А.

2004. Даниил Тимофеевич Янович. Страницы биографии // Музей и краеведение. Тр. Национального музея Республики Коми. Сыктывкар.

Пекарский П.П.

1862. Наука и литература в России при Петре I. СПб. Т. 1–2.

1862. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.,

Переписка Лейбница о славянских наречиях и древностях // Записки ИАН.

1870. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб. Т. 1–2.

Перевод письма венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского географического общества академику П.И. Кеппену от 21 января 1847 г. // Зап. РГО. СПб., 1849. Кн. 3. С. 159–175.

Перескоков Л.В.

1995. Отражение истории Пермского края в трудах протоиерея Евгения Попова // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. С. 158–160.

Перескоков Л.В., Нечаев М.Г.

2000. Попов Е.А. // Краеведы и краеведческие организации г. Перми: биобиблиографич. слов. Пермь. С. 214–215.

Перечень сочинений академика Шегрена, напечатанных с 1821 по 1854 год // Учен. зап. Императорской Академии наук по I и III отделениям. 1855. Т. 3. Ч. 4. С. 569–583.

Пермистика–2. Вихман и пермская филология. Устинов, 1991

Пермский край: сборник сведений о Пермской губернии, издаваемый Пермским губернским статистическим комитетом. Пермь, 1892–1895. Т. 1–3.

Пермяков К.Я.

1886. Систематическое оглавление «Сборника Пермского земства» за 1872–1883 гг. Пермь.

Песни русского народа: собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / записали: слова — Ф.М. Истомин; напевы — Г.О. Дютш. СПб., 1894.

Песни русского народа: собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / записали: слова — Ф.М. Истомин; напевы — С.М. Ляпунов. СПб., 1899.

Петр Дмитриевич Шестаков [1826–1889. Некролог] // Учен. зап. Казан. ун-та. 1889. Т. 6. Вып. 6.

Петренко Н.Н.

1997. Исторический путь православия в Коми крае // Арт–Лад. С. 53–55.

Петровский Н.

1904. О трудах Н.И. Смирнова по славистике // Учен. зап. Казан. ун-та. Кн. 9. С. 40–47.

Печников В.Н.

К истории разработки царского законодательства об обществах и союзах в период первой русской революции // Собрание аспирантских работ. Общественные науки. Право. Казань. С. 89–99.

1983. «Право» на образование союзов и его «осуществление» царизмом в первую русскую революцию (1905–1907 гг.) // Вопросы осуществления прав и обязанностей в развитом социалистическом обществе. Казань. С. 156–168.

Пештич С.Л.

1961. Русская историография XVIII в. Л. Ч. 1.

1965. Русская историография XVIII в. Л. Ч. 2.

1971. Русская историография XVIII в. Л. Ч. 3.

П.И. Савваитов. Некролог // Нижегородские ГВ. 1895. № 30.

П.И. Савваитов. Некролог // Правительственный вестн. 1895. № 153.

П.И Савваитов. [Некролог] // Исторический вестн. 1895. № 9. С. 820–821.

Пивоваров Ю.

1997. Вполне русский и национальный человек // Очерки русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М. С. 149–205.

Пирогов В.Г.

1864. Статистическом очерке Вологодской губернии // ПКВГ на 1864 г. Ряд 1. С. 1–154.

Пирлинг П.

1906. Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса. Тексты документов перевел Алексей Станкевич // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 4. С. 1–15.

Письма В.Кандинского к А.И. Чупрову // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1983. С. 341.

Письма графа Н.П. Румянцева к В.Н. Берху. 1817–1822 // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1877. Вып. 6.

Письма Николая Попова Шегрену / Под. к изданию Марья Лейнонен // Арт–Лад. Сыктывкар, 2009. № 3. С. 114–120.

Письма составителей первого русско-коми словаря академику Шегрену / подготов. к изд. Марья Лейнонен // Арт–Лад. Сыктывкар, 2009. № 4. С. 25–40.

Письма П.А. Сорокина к Н.Е. Шаповалу (1922–1931) // Сорокин П. Социология революции. М., 2005. Приложение 2.

1918. Письмо П.А. Сорокина в редакцию газеты // Крестьянские и рабочие думы. 29 окт.

Плаксина Н.

2003. Судьба дарителя неизвестна // Республика. 14 нояб.

Платонов С.Ф.

1929. Проблема Русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л. Вып. 35. С. 105–114.

Плесовский Ф.В.

1972. А.С. Сидоров // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар. С. 5–9. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 13.)

Полевой Б.П.

1973. О картах Северной Азии Н. Витсена // Известия АН СССР. (Сер. географ.). № 2. С. 124–133.

1999. Данные «Книги Большого Чертежу» в трудах Н. Витсена // Известия РГО. Т. 128. Вып. 1. С. 3–12.

Полиевктов Н.А.

1879. Статистические данные для вычисления пространства Вологодской губернии // Вологодские ГВ. № 10.

1879. Несколько слов о характере и значении местной корреспонденции для неофициальной части губернских ведомостей // Вологодские ГВ. № 19.

1879. Несколько слов о провинциальных корреспонденциях вообще и о корреспонденциях из Вологодской губернии в частности // Вологодские ГВ. № 35.

1879. Предполагаемое устройство естественно-промышленного и историко-этнографического музея Вологодской губернии // Вологодские ГВ. № 63.

1879. Осенние промыслы и заработки крестьян Усть-Сысольского уезда в 1878 г. Статистический очерк, составленный по официальным сведениям // Вологодские ГВ. № 15.

1880. Указания на характер корреспонденций, желательных для Неофициальной части Вологодских Губернских Ведомостей // Вологодские ГВ. № 57–59, 67–78.

1880. Руководство к собиранию корреспондентских сообщений в редакцию Неофициальной части Вологодских Губернских ведомостей. Программы для собирания по этнографии, антропологии, общинному земледелию, кустарной производительности и сельских школ. Вологда.

1882. Движение народонаселения Вологодской губернии за 1879 год // Вологодские ГВ. № 67–69.

1883. Движение народонаселения Вологодской губернии за 1880 год // Вологодские ГВ. № 5–6.

1892. Промысловая охота в Вологодской губернии // Охота. № 17.

Плосков И.А.

1994. Об одной «вятской» лекции К.Ф. Жакова // История и культура Волго-Вятского края. (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): тез. докл. и сообщ. к Межрегион. науч. конф. Киров. С. 435–436.

1998. П.И. Савваитов и Г.С. Лыткин — просветители коми // Север. № 5. С. 137–139.

2001. Из архивных материалов К.Ф. Жакова // Лад–Арт. № 3. С. 107–113.

2001. Из рукописей академика А. Шегрена (материалы о составлении коми словарей XIX века) // Родники Пармы. Сыктывкар. Вып. 6. С. 195–198.

Плосков И.А., Цыпанов Е.А.

2002. Коми гижан культура панысьяс [Основатели коми литературной культуры. На коми языке]. Сыктывкар.

Поварова В.Е.

1973. Научно-педагогическая деятельность профессоров и преподавателей Петербургской учительской семинарии в XVIII в. // Вопр. истории педагогики. М.

Поведская А.

1914. «Сквозь строй жизни» К.Ф. Жакова // Известия АОИРС. № 18. С. 579–583.

Повесть временных лет. Текст и перевод. М., 1950.

Погодин А.А.

1903. Гельсингфорская школа филологов и лингвистов // ЖМНП. Ч. 348. Июль. С. 128–156.

1904. Финно-угорское общество в 1903 г. // Финляндская газ. № 181.

1906. Финно-угорское общество в 1906 г. // Финляндская газ. № 169.

1910. Труды финляндских ученых по изучению финских племен России. // Финляндия. № 1. С. 3–8.

1910. Из области финно-русских культурных отношений // Финляндия. № 2. С. 42–45.

1910. Из области финно-русских культурных отношений // Изв. АОИРС. № 4. С. 1–4.

Погребысский И.Б.

1971. Готфрид Вильгельм Лейбниц. 1646–1711. М.

Под небом всех широт. Сборник очерков о русских путешествиях. М., 1961.

Подоров В.М.

1928. Что такое Чудь и его отношение к коми народу // Коми му. № 9–10. С. 70–81.

1929. Наказы крестьян коми по материалам Екатерининской законодательной комиссии 1767 года // Зап. ОИКК. Усть-Сысольск. № 2. С. 35–47.

1933. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар. Т. 1–2.

Поездка на Печору купца Латкина // Северная пчела. 1844. № 242.

Поездка чл.-сотр. Ф.М. Истомина в Печорский край // Отчет ИРГО за 1884 год. СПб., 1885.

Поездка чл.-сотр. Ф.М. Истомина в Печорский край // Изв. РГО. 1886. Т. 22. Вып. 5. С. 593–596.

Покровский И.М.

1903. Памяти Александра Алексеевича Дмитриева // Изв. ОАИЭ. Т. 19. Вып. 1. С. 69–90.

Полевой П. П.И Савваитов. [Некролог] // Нива. 1895. № 31. С. 745–746.

Полещиков В.М.

1993. Один из «врагов народа» // Родники Пармы. Сыктывкар. С. 46–150.

1995. Олӧмыс кусi фронт вылын (Жизнь угасла на фронте. На коми языке) // Войвыв кодзув. № 6. С. 57–65.

1995. За семью печатями. Сыктывкар.

1996. Зову к покаянию. Сыктывкар.

1996. С чистой совестью // Вера–Эскӧм. № 214–215.

Ползунов П.П.

1912. История Усть-Сысольского городского училища. Усть-Сысольск.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1841–1927. Т. 1–24.

Полубояринова М.Д.

1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.

2002. Торговля Болгара // Великий Волжский путь: История формирования и развития: материалы круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария». Казань. С. 21–30.

Польсин И.И.

1928. Новый источник по истории Русского Севера // Север. № 7–8.

Поляк А.Н.

2001. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. М. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. С. 79–101.

Полякова У.М.

1958. В.В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60–90-е годы XVIII в. // История СССР. № 2. С. 78–102.

Понарядов В.В.

1996. О возможной связи стефановской письменности с древнетюркской руникой // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. Т. 2: Филология. Этнология. С. 238–242.

2003. Загадки древнепермской письменности // Арт–Лад. Сыктывкар. № 2. С. 124–128.

Поппе Н.Н.

1928. Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угороский сборник. Л.

Попов А.А.

1993. Лингвист и этнограф Зырянского края, основатель общества по его изучению // Они любили край родной. Сыктывкар. С. 105–114.

1993. Вернуть из забвенья: (О писателе И.А. Шергине) // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): тез. докл. Сыктывкар. С. 68–70.

Попов А.Е.

1848. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // Вологодские ГВ. № 10–12.

1848. Мнение о происхождении зырян и очерк некоторых свойств их // Вологодские ГВ. № 23.

Попов А.Н.

1914. П.П. Чубинский на Севере (К 30-летию со дня его смерти) // Изв. АОИРС. № 3. С. 70–87.

Попов Ан.

1928. Систематический указатель материалов, напечатанных в изданиях Архангельского общества краеведения за 1923–1928 гг. // Краткий отчет о работе II Краеведческого съезда в Архангельске. Архангельск.

Попов Вл.

1854. Михайлов М.И. (Некролог) // Москвитянин. № 1 С. 74–76.

Попов В.Е.

1889. Древнейшие города Перми Великой — Искор и Покча // Пермские епархиальные вежомости. № 19–21.

1891. Древнейшие города Перми Великой — Искор и Покча // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь. Вып. 3.

Попов В.Ф.

1896. Земельные порядки у зырян // Северный вестн. № 1.

1901. Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства и промыслов за весну 1900 г. Вологда.

1903. Полеводство и порядки землепользования у крестьян Усть-Сысольского уезда // Итоги земледельческого исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда / под ред. Л.Н. Рума. Пермь.

1904. Сборник сведений о состоянии внеземледельческих промыслов населения в зиму 1902–1903 г. Вологда.

1906. Земельно-хозяйственное описание Деревянской волости. Вологда.

1908. К вопросу об общине у зырян. (По поводу статьи М.А. Большакова) // ЖС. Вып. II. С. 158–169; Вып. III. С. 301–311

1916. Сборник сведений о земельно-экономическом положении и промыслах Яренского уезда за зимний период 1915–1916 г. Яренск.

1925. Перспективы земледельческого и промышленного развития Коми области // Коми му. № 9. С. 25–31; № 10–11. С. 69–75.

1926. Материалы к познанию коми народа // Коми му. № 10. С. 21–26; № 11. С. 23–30.

1927. По поводу заметки А. Цембера «Две корреспонденции из гор. Усть-Сысольска в 1833 г. // Коми му. № 1–2. С. 82–83.

Попов Е.А.

1866. Учение православно-кафологической веры, изложенной в беседах. 2-е изд., испр. и доп. СПб. Т. 1–4.

1879. Великопермская и Пермская епархия (1379–1879 годы). Пятисотлетие проповеди св. Стефана Пермского, почти столетие Перми и почти трехсотлетие покорения Сибири. Протоиерея Евгения Попова, почетного члена С.-Петербургской духовной академии. Пермь.

1879. М.М. Сперанский в Перми и Сибири. Пермь.

1882. Памятник св. Стефану Великопермскому в Перми — часовня и образ в ней от святых мощей. Протоиерей Евгений Попов. Пермь.

1885. Святитель Стефан Великопермский. (Жизнь его с литографированным портретом). Пермь.

1894. Выддéмъ пермя̀къ-понда [Букварь на коми-пермяцком языке] // Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 г. Справочная книжка для духовенства. Пермь. С, 1–15.

Попов К.А.

1853. Несколько слов о движении народонаселения Вологодской губернии за 1850 г. // Вологодские ГВ. № 42, 45

1854. Два способа заключения брачных союзов у зырян // Вологодские ГВ. № 4

1860. Попов К.А. Два слова о причинах дороговизны хлеба в Вологде в 1661 и 1662 годах [По поводу статьи Н.И. Суворова «Воспоминание о бывших в XVII столетии двух хлебных неурожаях в Вологодском крае»] // Вологодские ГВ. 26 нояб.

1877. Охотничье право собственности у зырян // Изв. ИОЛЕАЭ. М. Т. 28. С. 96–102. (Тр. этнографического отдела ИОЛЕАЭ. Кн. 4.)

1872. Колонизация Заволочья и обрусение Заволочской Чуди // Беседа. № 2, 3.

1874. Зыряне и зырянский край // Тр. этнографического отдела ИОЛЕАЭ. М. Т. 13. Вып. 2.

Попов М.Я.

1902. А.А.Дмитриев. Биографический очерк // Тр. ПУАК. Вып. 5.

Попов Н.

1852. Этнографические заметки о пермяках // ЖМВД. Ч. 39. Кн. 9. С. 456–464.

1861. В.Н. Татищев и его время. М.

Попов Н.С.

1804. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ея состоянию сообразно начертанию Санкт-Петербургского вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах. Пермь. Ч. 1–2.

1811–1813. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного экономического общества, Высочайше одобренному и тщанием и иждивением оного общества изданное. СПб. Ч. 1–3.

1811. Сведения о сельскохозяйственных и других промыслах из Пермской губернии. № 34.

1812. Нечто, относящееся к древностям Пермской губернии // Казанский вестн. № 24.

1812. Нечто из путешествия моего по Пермской губернии // Казанский вестн. № 37–38.

1816. Замечания о Пермской губернии // Казанский вестн. № 53, 55, 71.

1917. Замечания о Пермской губернии // Казанский вестн. № 8, 41, 79.

1818. Известия о Екатеринбургских золотых промыслах // Казанский вестн. № 51–52.

1818. Замечания о Пермской губернии // Казанский вестн. № 3, 4, 11, 12.

1819. Замечания о Пермской губернии // Казанский вестн. № 41.

1852. Этнографические заметки о пермяках // ЖМВД. Ч. 39.

Попов С.А.

1930. Результаты работ по выявлению исторических документов о коми в Ленинграде и Москве // Зап. ОИКК. Сыктывкар. Вып. 5. С. 85–113.

Попова Р.Л.

1990. «Добровольным вызовом…» // Родники Пармы–90. Сыктывкар. С. 80–87.

1993. Заботясь о народе // Родники Пармы–93. Сыктывкар. С. 65–78.

Поповцева Э.К.

1991. Русское искусство XVIII — начала XX века. Живопись, графика, скульптура: каталог. Сыктывкар.

2001. История возникновения в Республике Коми первых художественных коллекций // Атлас Республики Коми. М. С. 472–473.

Поппе Н.Н.

1928. Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угорский сборник Л. С. 51–60. (Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15.)

Поппе Н.Н., Старцев Г.А.

1927. Финно-угорские народы. Очерки. Л.

Последние известия с Печоры // ЖМГИ. 1861. Ч. 78. № 12. С. 91–92.

Потолицын В.П.

1993. Исследователь нашего Севера // Родники Пармы–93. Сыктывкар. С. 60–65.

Поэзия скальдов / пер. С.В. Петрова; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1979.

П.Р.С. П.И. Савваитов. (Некролог) // Московские ведомости. 1895. № 193.

Похлебкин В.В

1962. Переписка Н.П. Румянцева с финляндскими учеными // Скандинавский сборник. Вып. 5. С. 322–323.

Прахов М.

1864. Об издании Герберштейна с русским переводом и объяснениями // Зап. Императорской Академии наук. Т. 4. С. 246–264.

Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904). Материалы для истории университета / собрал А.Н. Михайловский. Казань, 1901. Ч. 1.

Пирогова Е.П.

1990. История возникновения и деятельности Пермского экономического общества во второй половине XIX века // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь. С. 81–99.

1990. Изучение истории Урала Пермской ученой архивной комиссией // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Свердловск. Вып. 1. С. 95–98.

1994. Традиции исторического краеведения на Урале во второй половине XIX в. (По материалам Пермской губернии) // Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе. Пермь. С. 51–56.

1998. Научно-краеведческие общества пореформенного Урала // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург. Вып. 2. С. 185–197.

1999. Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург. Вып. 3. С. 197–232.

Программа для собирания сведений о сельской поземельной общине. СПб., 1878.

Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII века глазами дипломатов). М., 1991.

Протоиерей Евгений Алексеевич Попов, почетный член С.-Петербургской духовной академии. Скончался 17 мая 1888 г. в Перми [Некролог]. Пермь, 1888.

Протоколы Вологодского Губернского Статистического Комитета Вологда, 1862–1879.

Протоколы общих собраний и извлечения из журналов заседания комитета УОЛЕ в Екатеринбурге за 1783 год // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург. 1784. Т. 1. Вып. 2.

Профессор К.Ф. Жаков (К его приезду в Архангельск) // Северное утро. 1911. № 49, 51, 52, 55, 56, 71.

Профессор Кастрен. Некролог // ЖМНП. 1852. Май. С. 57–61.

Прохоров Г.М.

1988. Епифаний Премудрый. Дробленкова Н.Ф. Библиография литературы о Епифании Премудром // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Л. Ч. 1. С. 211–220.

1992. Глаголица среди миссионерских азбук // Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ. СПб. Т. 45. С. 178–199.

1995. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления / под ред. Г.М. Прохорова. СПб. С. 3–47.

Пугачева Н.М.

1994. Шухов Иннокентий Николаевич (1894–1956) // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М. С. 306–307.

Путевые письма Кастрена из Северной России // Современник. 1845. Т. 39. С. 36–74.

Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северу России и Сибири: 1834–1844, 1845–1849 // Магазин землеведения и путешествий. 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 5–69.

Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1135) / публ. О.Г. Большакова, А.А. Монгайта. М., 1971.

Путешествие г. Латкина по северо-восточной части Архангельской губ. // С.-Петерб. ведомости. 1844. № 140. С. 637–638; № 141. С. 641–642.

Путешествие доктора Шегрена для исследования обитающих в России народов финского племени // С.-Петерб. ведомости. 1829. № 128, 130–133.

Путешествие доктора Шегрена для исследования обитающих в России народов финского племени // Исторический, статистический, географический журнал. 1829. Ч. 3. № 8. С. 99–103; Ч. 4. № 11. С. 98–112; № 12. С. 191–193.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент., под ред. акад. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.

Путешествия [Кастрена] по Лапландии, Северу России и Сибири (1834–1844, 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. 1869. Т. 6.

Пушкарев Л.И.

1945. Об оценке деятельности Юрия Крижанича // Вопр. истории. № 1. С. 77–86.

1984. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М.

Пьянкова Т.А.

2004. Даниил Тимофеевич Янович. Страницы биографии // Музей и краеведение Сыктывкар. С. 35. (Тр. Национального музея Республики Коми.)

Пыпин А.Н.

1860. Пермский сборник. Книжка II // Современник. Т. LXXXI. Май. С. 62–66.

1891. История русской этнографии. СПб. Т. 2.

Рабинович М.Б.

1996. Воспоминания долгой жизни. СПб.

Рабинович Я.Б., Семенов В.Л.

1976. Вас. И. Немирович-Данченко и его книга «Кама и Урал» // Исследования по истории Урала. Пермь, Вып. 4. С. 116–130.

Рабинович Я.С.

1990. Д.Д. Смышляев как общественный деятель и историк-краевед // Летописцы родного края: (Очерки об исследователях истории Урала). Свердловск. С. 22–32.

Раевская Т.П.

1974. Под гласным надзором полиции: ссыльные большевики в Коми крае. Сыктывкар.

Райков Б.Е.

1959. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.; Л. Т. 4: Материалы к истории эволюционной идеи в России.

Разумова А.П.

1954. Из истории русской фольклористики. М.; Л.

Расин Б.

1966. Тюрьма без решеток: Из истории царской ссылки. Сыктывкар.

Ратнер А.В.

1986. Под псевдонимом «Петр Витязев» // Советская библиография. № 3. С. 56.

Рейблат А.И.

1914. Круглов А.В. // Русские писатели. 1900–1917 гг.: биографич. слов. М. Т. 3. С. 168.

Рейтенфельс Я.

1905. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. / пер. с лат. А. Станкевича. СПб.

1849. Результаты этнографического путешествия по Сибири г. Кастрена // Географические известия ИРГО.

Ремизов А.В.

1994. Знаток родного края: К 100-летию И. Н. Шухова // Изв. Омского государственного историко-краеведческого музея. № 3. С. 7–11.

1998. Маленький Пржевальский. [Очерк жизни и деятельности естествоиспытателя] // Иртышский вертоград. М. С. 218–222.

1992. Профессор И.Н. Шухов: Факты биографии в документах личного архивного фонда // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева (29–30 окт. 1992 г.). Омск. С. 40–44.

Ремизов А.М.

1902. Плачь девушки перед замужеством // Северный Край. Ярославль. № 238.

1991. Иверень. Загогулины моей памяти // Север. Петрозаводск. № 4.

2000. Оказион. Собр. соч. Т.3. М.

2000. Подстриженными глазами. Иверень. Собр. соч. Т. 8. М.

Республика Коми: энцикл. Сыктывкар, 1997. Т. 1–3.

Рихтер Г.Д., Исаченко А.Г., Калесник С.В.

1947. Андрей Александрович Григорьев. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия географических наук. Вып. 1. М., – Л.

I960. Андрей Александрович Григорьев // Изв. ВГО. Т. 101. Вып. 1. С. 87–88.

Рогачев М.Б.

1993. Забытое имя // Они любили край родной. Сыктывкар. С. 243–254.

Рогов А.

1892. Материалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых. Пермь.

Рогов Н.А.

1856. Опыт статистического описания Инвенской дачи // Пермские ГВ. № 36–44.

1858. Материалы для описания быта пермяков // ЖМВД. Т. 29. Кн. 4. С. 45–126.

Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М. Т. 1. С. 1–127.

1860. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб.

1869. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб.

Рогожин Н.М.

1991. Введение // Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М. С. 6–7.

Рождествин А.С.

1900. Н.И. Ильминский и его система инородческого образования в казанском крае. Казань.

1907. Петр Дмитриевич Шестаков. Очерк жизни и педагогической деятельности. С портретом, автографом и полным библиографическим указателем сочинений. Казань.

Розанов Ю.В.

2004. Северный маршрут Алексея Ремизова: поэзия и правда // Вопр. литературы. № 6. С. 299–310.

2007. Зырянский миф Алексея Ремизова // Рябининские чтения–2007: материалы V Науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск. С. 435–437.

2008. Фольклоризм А.М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. Вологда.

Рощевская Л.П.

1975. Тобольский губернский музей и политические ссыльные // Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск. С. 20.

1989. Книги Андрея Цембера // Уральский библиофил. Челябинск. С. 175–188.

1989. Исторические взгляды А.А. Цембера // Проблемы изучения и преподавания историографии истории СССР в высшей школе. Сыктывкар. С. 49–57.

1990. Вклад политических ссыльных XIX в. в развитие коми краеведения // Вестн. культуры Коми АССР. № 1. С. 48–49.

1990. Ссыльные Усть-Сысольска в 1862–1863 гг. // Это нашей истории строки: материалы I Городской конф. по историческому краеведению. Сыктывкар. С. 8–18.

1990. К.Ф. Жаков о поэте И.А. Куратове // Куратовские чтения. Сыктывкар. Т. 6. С. 81–86.

1991. Культурные контакты П.А. Сорокина // Вестн. культуры Коми ССР. № 4. С. 87–89.

1991. Вклад ссыльных революционеров второй половины XIX века в развитие культуры Европейского Севера // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации: тез. докл. Архангельск. С. 186–187.

1992. Политические ссыльные на Европейском Севере во второй половине XIX века // Проблемы исто-

рической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Сыктывкар. С. 47–48.

1993. Политическая ссылка на Европейском Севере в системе карательных мер России XIX века // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): тез. докл. Сыктывкар. С. 76–79.

1993. Ссыльные и коми краеведение // Родники Пармы. Сыктывкар. Вып. 3. С. 162–168.

1997. Политическая ссылка // Историко-культурный атлас Республики Коми. М. С. 44–46.

1997. Этапы политической ссылки в Коми край в XVI — начале XX веков // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми. Сыктывкар. С. 106–109.

2000. Обзор архивного материала финно-угроведа А.С. Сидорова // LU. № 1. С. 50–54.

Рощевская Л.П., Бровина А.А.

2002. Библиотечное дело на Европейском Севере в конце XVIII — начале XX века. Сыктывкар.

Рощевская Л.П., Сова В.А., Силин В.И.

2007. Библиографическое описние Коми края архангельским губернатором А.Ф. Шидловским // Изв. ОИКК. Сыктывкар. № 1 (10). С. 42–51.

Рощевская Л.П., Чернышова В.Я.

1987. Русские и зарубежные журналы начала XX века о путешествиях Б. Мункачи и Д.Р. Фокош-Фукса к финно-угорским народам России // Пермистика–2. Венгерские ученые и пермская филология. Ижевск. С. 109–114.

Рубинштейн Н.

1931. Борьба с классовым врагом в краеведческой литературе и задачи историков-марксистов // Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново.

Рубинштейн Н.Л.

1953. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России // Вопр. географии. Сб. 31. С. 39–89.

Рубцова М.А.

1992. Этнографические материалы на страницах «Известий Архангельского общества изучения русского Севера» (1909–1917): тематико-библиографический указатель // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб. С. 297–270.

Рудаков В.

1895. Василий Васильевич Крестинин // ЖМНП. № 5. Отд. 2. С. 219–225.

Руденко К.А.

2002. Волжская Булгария в системе торговых путей Средневековья // Великий Волжский путь: история формирования и развития: материалы круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария». Казань. С. 31–52.

Руднев Д.Д.

1905. Предварительный отчет о Большеземельской экспедиции 1904 г. // Изв. ИРГО. Т. 41. Вып. 3. С. 571–585.

Рукин П.А.

1916. Злоключения одного из исследователей Зырянского края (Андрея Ефимовича Попова) // Изв. Вологодского общества изучения Северного края. Вып. 4. С. 13–26.

Рума Л.Н.

1902. Объяснительная записка к отчету о работах партии по заготоаке переселенческих участков в Пермской и Вологодской губерниях, произведенных в 1901 г. Пермь.

1902. К вопросу о колонизационных предложениях Летского и Ношульского лестничеств Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. (Объяснительная записка исп. Об. Производителя работ старш. топографа Л. Рума к Отчету об исследованиях 1901 г.) Пермь.

1903. Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Т. 1 / под. ред. Л. Рума. Результаты подворного исследования Верхневычегодских волостей, произведенного в 1902 г. Пермь.

Русанов В.А.

1904. Об изыскании водного пути из реки Печоры в Волжский бассейн. Вологда.

1907. Зыряне. Париж.

1954. Статьи, лекции, письма. М.; Л.

Русские писатели-богословы. Историки церкви. Исследователи и толкователи Священного писания: Биобиблиографический указатель. 2-е изд. М., 2001.

Русские ботаники: слов. М., 1950.

Русские географы и путешественники Л., 1971.

Русский фольклор. Библиографический указатель. 1881–1900. Л., 1990.

Рыбаков Б.А.

1974. Дмитрий Герасимов и Сигизмунд Герберштейн // Русские карты Московии XV — начала XVI века. М. С. 70–110.

Рыжков Н.А.

1906. Несколько слов о значении «Пермской Старины» А.А. Дмитриева // Тр. ПУАК. Т. 11. С. 81–84.

Сабанцев А.Н.

О судьбе личной библиотеки А.Ф. Шидловского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archives.karelia.ru/nark/articles/library.php.

Сабурова Л.М.

1977. Русское географическое общество и этнографические исследования (Дооктябрьский период) // ОИРЭФА. М. Вып. 7. С. 5–11.

Савваитов П.И.

1841. Вологодские песни // Москвитянин. Ч. 2. № 3. С. 270–271.

1842. Дорожные заметки: от Вологды до Устюга // Москвитянин. Ч. 6. № 12. С. 310–336.

1842. Некоторые сведения об Усть-Сысольском уезде Вологодской губ. // Москвитянин. Ч. 4. № 8. С. 428–433.

1843. Некоторые сведения об Усть-Сысольском уезде Вологодской губ. // Вологодские ГВ. № 27.

1844. Библейской герменевтики или толковательного богословия. СПб.

1850. Грамматика зырянского языка. СПб.

1850. Зырянско-русский и русско-зырянский словарь. СПб.

1857. Православное учение о способе толкования Священного Писания. СПб.

1858. Начало и распространение христианства в Вологодской епархии. Учреждение Вологодской епархии // Вестн. РГО. Ч. 22. № 2. С. 11–25.

1859. Библейская герменевтика. СПб.

1859. Ур и шайт. Зырянские названия копейки и рубля. Извлечено из записки Г.С. Лыткина // Изв. Императорского Археологического общества. Т. 2. Вып. 1. С. 56–57.

1865. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенное. СПб.

1871. О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной св. Стефаном // Тр. I Археологического съезда в Москве. М. Т. 2. С. 408–416.

1872. Путешествия новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия, с предисловием и примечаниями. СПб.

1873. О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной св. Стефаном. М.

1878. Священное Писание. СПб.

1885. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб. Т. 1.

1888. Новгородская летопись по Синодальному хартейному списку. СПб.

1896. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенное. 2-е изд. СПб.

Сакса А.И., Таввитсайнен Ю.-П.

1996. А.М. Тальгрен и российская археология (по материалам переписки А.М. Тальгрена) // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный контекст и личность. СПб. С. 27–34.

Савельев А.П.

1997. Иньвенские пермяки в середине XIX века // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар. С. 195–213.

Савельева Е.А.

1986. Русские переводы книги Ф.-И. Страленберга в первой половине XVIII века // Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л. Т. 2.

Савельева Э.А.

1996. Европейский Северо-Восток накануне христианизации // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. С. 16–26.

Сальников.

2000. К истории одного путешествия // Арт–Лад. Сыктывкар. № 4. С. 100–107.

Сануков К.

2000. Финно–угристика о финно-угорских народах России: основные этапы и тенденции развития исследований // Финно-угроведение. № 1. С. 3–6.

Сапов В.В.

1990. Высылка 1922 года: попытка осмысления // Социологические исследования. № 3.

1994. «Творческая эволюция» П.А. Сорокина // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.

Сарабьянов Д.В., Автономова Н.Б.

1994. Василий Кандинский. М.

Сборник писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому СПб., 1873.

Свенске К.Ф.

1855. Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 год, составленный К.Ф. Свенске. СПб. Т. 1.

1857. Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 год, составленный К.Ф. Свенске. СПб. Т. 2.

Свердлов М.Б.

1960. Сведения скандинавов о географии Восточной Европы IX–XI вв. // История географических знаний и открытий на Севере Европы. М.; Л. С. 39–58.

Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления / под ред. Г.М. Прохорова. СПб., 1995.

Севастьянова А.А.

1990. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. Ярославль.

Семевский М.И.

1887. Павел Иванович Савваитов: юбилей его ученой деятельности, 1837–1887 // Русская старина. № 10. С. 245–262. Приложен список трудов П.И. Савваитова, составленный М.И Семевским.

1887. Павел Иванович Савваитов: юбилей его ученой деятельности, 1837–1887. СПб.,

1888. Знакомые. СПб.

Семенов В.А.

1986. Этнография коми (зырян). Сыктывкар.

1992. Комментарий к одному этнографическому наблюдению П.А. Сорокина // Социологические идеи П.А. Сорокина и современное общество. Сыктывкар. С. 75–76.

2000. Пути «инородца» в России царской и советской // Арт–Лад. Сыктывкар. № 1. С. 117–121.

2001. Жизнь и смерть профессора Налимова // Мыслители-выходцы из коми: В.П. и В.В. Налимовы: материалы Налимовских чтений. Сыктывкар. С. 9–17.

Семенов В.А., Несанелис Д.А.

1898. У истоков этнографии коми (К 100-летию со дня рождения П.А. Сорокина) // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар. С. 4–7. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 43.)

Семенов В.Л.

1999. Деятельность Д.Д. Смышляева в Императорском православном палестинском обществе в 1885–

1889 гг. // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. Вып. 2. С. 79–84.

2001. Мировоззрение Д.Д. Смышляева: Идейное наследие и судьба пермского либерала. Пермь.

2002. Летописец Пермского края (В.Н. Шишонко, 1831–1889 г.). Пермь.

Семенов П.П.

1896. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. СПб. Ч. 1–3.

Семенов П.Н.

1885. Николай Яковлевич Данилевский. Некролог. СПб.

Середонин С.М.

1870. Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР. Кн. 3. Разд. 4.

1891. Сочинение Джильса Флетчера «Of Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб.

Сергеев С.И.

Систематический указатель статей «Записок Общества» // Зап. УОЛЕ. Т. 12. Вып. 1–2.

Сергель С.И.

1906. Поездка к зырянам // Живая старина.

1925. Географические экскурсии в лодке и пешком: пособие для преподавателя по организации экскурсий. М.

1927. Год кочевки с лопарями. М.

1928. В зырянском крае. М.; Л.

1929. На парусном судне. М.

1929. Водный туризм. М.; Л.

1930. На лыжах по Скандинавскому Северу. М.; Л.

1936. Географические экскурсии в лодке и пешком: пособие для преподавателя по организации экскурсий. М.

2004. Экскурсия к норвежским лопарям (публикация А.Ю. Заднепровской) // Материалы по этнографии. СПб. Т. 2: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 280–334.

Сидоров А.С.

1924. А.Н. Дьячков. Зыряне. Статья под заглавием «Население» в сборнике «Северо-Восточная область. Материалы по районированию. Ч. 1». Архангельск // Коми му. 1925. № 2. С. 51–54.

1924. Программа по историко-этнографическому изучению Коми народа. Усть-Сысольск.

1924. Следы тотемических представлений в мировоззрении коми // Коми му. № 1–2. С. 43–50.

1924. Ижмо-Печорский край (по данным полуторамесячной краеведческой поездки). Предварительный отчет по командировке в Ижмо-Печорский край по собиранию краеведческого материала // Коми му. № 7–10. С. 118–124.

1924–1926. Памятники древности в пределах Коми края // Коми му. 1924. № 4–6. С. 70–77; № 7–10. С. 51–64; 1925. № 1. С. 40–50; № 2. С. 24–26; 1926. № 6. С. 28–32; № 7. С. 38–42.

1926. Пережитки культа промысловых животных у охотников коми // Коми му. № 5. С. 29–33.

1926. Он Степ Тикон. Сельскохозяйственные приметы Коми края // Коми му. № 5. С. 42–44.

1926. Яфетическая теория и коми язык // Коми му. № 10. С. 46–47.

1987. Знахарство, колдовство и порча у народа Коми. Материалы по психологии колдовства. Л.

1928. Н.Я. Марр. По этапам развития яфетической теории: сб. ст.; яфетическая теория; программа общего курса учения о языке // Коми му. № 4. С. 43–44.

1929. Кое-что о критике вообще и о А. Мартюшеве как критике // Коми му. № 7. С. 63–66.

1954. Памятники древности в пределах Коми края // Изв. Коми филиала ВГО. Сыктывкар. Вып. 2. С. 69–82.

1948. Коми письменность эпохи раннего феодализма // Советское финно-угроведение. Л. Т. 1. (Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук.)

1972. Идеология древнего населения коми края // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар. С. 10–23. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 13.)

1996. Автобиография // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар. С. 97–99

1997. Знахарство, колдовство и порча у народа Коми. Материалы по психологии колдовства. Репринт. переиздание. СПб.

2002. Пережитки первобытнообщинного строя в быте и языке коми // Арт–Лад. Сыктывкар. № 4. С. 69–82.

Сидоров М.К.

1867. Беседы о Севере России. СПб.

1870. Север России. СПб.

1872. Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб.

1882. О нефти на Севере России СПб.

1882. Труды для ознакомления с Севером России СПб.

Силин В.И.

1998. Славная династия Иваницких // Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар. Вып. 3. С. 57–67.

2000. Вологодский этап в деятельности Н.Я. Данилевского // Изв. РГО. Т. 132. Вып. 4. С. 80–84.

1895. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар. Ч. 4.

2003. Значение работ П.А. Дилакторского для современного краеведа // Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар. Ч. 4. С. 48–51.

Силин В.И., Рощевская Л.П.

2003. Работы Николая Петровича Белдыцкого о Коми крае // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар. Ч. 4. С. 59–66.

Симбирцев М.

1864. Мих. Федор. Истомин. 1821–1862 (Краткий биографический очерк) // Архангельские ГВ. № 20. С. 161–167; № 21. С. 171.

Сирелиус У.Т.

1907. Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. Вып. 15.

1910. Изделия остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. Вып. 19. С. 58–63.

1998. Из путешествия по северо-востоку России // Арт–Лад. Сыктывкар. № 1. С. 114–135; № 3. С. 172–177.

2001. Путешествие к хантам. Томск.

Скабичевский А.М.

1903. История новейшей русской литературы. СПб.

Скрипицын В.А.

1903. Воистину человек. Из воспоминаний об А.П. Энгельгардте. СПб.

Скрыпченко Д.В.

1904. Труды Пермской ГУАК // Пермские ведомости. № 85.

Сказание о Стефане Пермском. Свод разнообразных преданий, историй и сведений о жизни и трудах Святителя Стефана, епископа Пермского, волхва Пама низвергнувшего и просветившего Север дикий светом Христовой веры. Сыктывкар, 1992.

Скалозубов Н.Л.

1893. Очерк экономического положения башкирского населения. Пермь.

1902. Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск.

От Тобольска до Обдорска // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск.

Слово о жизни и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом // Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4.

Слабин Г.П.

1997. Проза Ремизова. 1900–1921. СПб.

Смагина Г.И.

1999. Педагогические взгляды Г.Ф. Миллера // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб. С. 497–504.

2000. Немцы-учителя и устроители учебных заведений Петербурга в XVIII веке // Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур. М. С. 205.

Смерть А.В. Журавского // Землеведение. 1914. Т. 21. Кн. 3. С. 170.

Смирнов И.Н.

1885. Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края // Изв. ОАИЭ. Т. 6. Вып. 1.

1889. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах поволжских финнов. Казань.

1891. Пермяки // Изв. ОАИЭ. Т. 9. Вып. 2.

1891. О семейном быте пермяков // Изв. ОАИЭ. Т. 9.

1891. Задачи и значение местной этнографии. Казань.

1891. Наброски из истории финской культуры // ЭО. № 1. С. 60–73.

1892. Программа для собирания сведений об обрусении инородцев Восточной России // Изв. ОАИЭ. Т. 10. Вып. 5.

1892. Программа для собирания сведений о быте мордвы // Изв. ОАИЭ. Т. 10. Вып. 6.

1892. Обрусение инородцев и задачи обруситель-ной политики // Исторический вестн. № 3.

1900. Урало-алтайский мир в русской археологической, исторической и этнографической литературе // Keleti Szemle. Ev. 1. S. 61–66.

1903. Значение урало-алтайского мира в образовании и истории русской народности // Вестн. и библиотека самообразования. № 35–36.

Смоленцев Л.Н.

1979. Печорские дали. Сыктывкар.

1982. Родные гнездовья. М.

1993. Великий зырянин // Родники Пармы–93. Сыктывкар. С. 15–27.

2003. Святитель Стефан Пермский — 1339–1396 // Арт–Лад. Сыктывкар. № 2. С. 100–110.

Смородина С.С.

1995. Основные даты жизни и деятельности А.А. Дмитриева // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. С. 113–118.

Смышляев Д.Д.

1867. Палестина. Из путевых заметок пермяка. СПб.

1870. Источники и пособия для изучения Пермского края. Материалы для указателя книг и статьей, заключающих в себе сведения о Пермской губернии // Пермские ГВ. № 47–59, 61, 63.

1876. Источники и пособия для изучения Пермского края. Материалы для указателя книг и статьей, заключающих в себе сведения о Пермской губернии. Пермь.

1877. Синай и Палестина. Из путевых записок 1865 года. Пермь.

1878. На пути к Синаю. Пермь.

1882. Библиографические сведения о разных изданиях, касающихся Пермской губернии // Пермские ГВ. № 9–43.

1882. Наркиз Константинович Чупин. (Некролог) // Пермские ГВ. № 31.

1882. Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» в период с 1842 по 1881 г. Вып. 1. Пермь.

1882. Наркиз Константинович Чупин. (Некролог) // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь. Вып. 1. С. 1–4.

1883. Библиографические сведения о разных изданиях, касающихся Пермской губернии // Пермские ГВ. № 5.

1883. Материалы для истории Пермской губернии и города Перми // Пермские ГВ. № 1–3.

1883. Краткий обзор истории Пермского края // Пермские ГВ. № 1, 2, 4.

1888. Сборник статей о Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских ведомостей в период с 1881 по 1882 г. Пермь. Вып. 2.

1891. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь.

1891. Список трудов Наркиза Константиновича Чупина // Смышляев Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь. С. 2–4.

1891. Краткий обзор истории Пермского края // Смышляев Д.Д. Сборник статьей о Пермской губернии. Пермь. С. 4–6.

1891. Указатель статей по археологии, истории и этнографии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях»: 1867–1889 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. Пермь.

1893. К портрету Н.К. Чупина // Пермский край. Т. 2. Пермь. С. 82–291.

1894. Указатель статей о Пермской губернии // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь. Вып. 4.

Снятков А.А.

1921. В.Н. Трапезников. «Наш край» (Вологда, 1918) // Материалы по изучению и использованию производительных сил Северного края. Вып. II. Вологда. С. 127–131.

1927. К истории изучения флоры Вологодского края» // Север. Вологда. Кн. 2 (6). С. 85–88.

Соболев В.С.

1993. Августейший президент Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук в 1889–1915 годы. СПб.

Соболевский А.И.

1926. К археологии Прикамья. По поводу статьи А.Ф. Теплоухова «Следы былого пребывания угорского народа…» // Пермский краеведческий сборник. Пермь. Вып. 2. С. 1–2.

Сова В.А.

2007. Вклад музейных работников Ленинграда в изучение традиционной культуры коми (1920–1930 гг.) // Изв. ОИКК. № 1 (10). С. 148.

Соколов И.И

1935. С.В. Керцелли (некролог) // Бюллетень Арктического института СССР. Вып. 3–4. С. 84–85

Соколов П.И.

1909. Труды экспедиции для исследования земель Печорского края Вологодской губернии / под ред. П.И. Соколова. СПб. Т. 1.

1910. Труды экспедиции для исследования земель Печорского края Вологодской губернии / под ред. П.И. Соколова. СПб. Т. 2: Усть-Сысольский уезд. Район Усть-Сысольского и части Вычегодского лесничеств.

1913. Что сделала экспедиция по исследованию Печорского края // Бог помочь. № 3.

Соколова В.Ф.

1981. П.И. Мельников (Андрей Печерский): очерк жизни и творчества. Горький.

Соловьев В.В.

1993. Дореволюционная литература о коми крестьянской семье эпохи позднего феодализма. // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар. С. 24–28. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 54.)

Соловьев В.М.

1960. Педагогические взгляды и педагогическая деятельность Н.Ф. Бунакова. М.

Соловьев Д.К.

1927. О звероводстве на Печоре // Коми му. № 1–2. С. 3–20.

1927. Звероводство на Печоре и Госторг // Коми му. № 3. С. 14–16.

1927. Экономика охоты в Печорском крае // Коми му. № 8. С. 31–38; № 9. С. 12–24.

1927. Охотничье население Печорского края и его быт // Коми му. № 12. С. 31–37.

Солодовникова Н.П.

1900. Дмитрий Дмитриевич Смышляев: опыт биографического опыта // Пермские ГВ. 19, 21, 22, 24, 25, 30, 31 марта; 21, 23 апр.

Сорокин П.А.

1909. Печорская экспедиция и колонизация зырянского края // Изв. АОИРС. № 8–9. С. 645–651; № 11. С. 863–866.

1910. Пережитки анимизма у зырян // Изв. АОИРС. № 20. С. 49–62; № 22. С. 39–47.

1910. Грезы Севера. (*Жаков К.Ф.* На Север в поисках за Памом Бур Мортом», «В хвойных лесах», «Из жизни и фантазии», «Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере») // Изв. АОИРС. № 17. С. 33–37; То же // Арт–Лад. Сыктывкар, 2001. № 3. С. 102–106.

1910. Рецензия на книгу И.А. Шергина «Богатство Севера» (Зырянский край) // Изв. АОИРС. № 12.

1911. Современные зыряне // Изв. АОИРС. № 18, 22, 23, 24.

1911. Печорская экспедиция и колонизация зырянского края // Изв. АОИРС. № 8–9. С. 645–651; № 11. С. 863–866.

1911. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Изв. АОИРС. № 1.

1911. Главнейшие теории прогресса в современной социологии // Вестн. знания. № 9.

1911. К вопросу об эволюции в прогрессе // Вестн. психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. Вып. 3.

1913. Брак в старину: Многомужество и многоженство. Рига.

1917. К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян // Изв. ВОИСК. Вып. 4. С. 48–55.

1918. Письмо в редакцию // Крестьянские и рабочие думы. Великий Устюг. № 75.

1920. Система социологии. Пг. Т. 1–2.

1922. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную формацию // Экономист. № 1.

1922. Влияние голода на социально-экономическую организацию общества // Экономист. № 2.

1922. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии (Пг., 1922) // Экономист. № 3.

1922. Голод и идеология общества // Экономист. № 4–5.

1922. Война и милитаризация общества // Артельное дело. № 1–4.

1922. Голод и психические переживания // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. Вып. 1.

1990. Колонизационные вожделения // Социологические исследования. № 2. С. 134–138.

1991. Долгий путь. Автобиографический роман: пер. с англ. Сыктывкар.

1992. Человек. Цивилизация. Общество. М.

1993. Пестрое кружево. Архангельск.

1994. Преступление и кара, наказание и награда. СПб.

1999. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 2000; Социальная и культурная динамика. СПб.

2000. Из истории русской общественной мысли. СПб.

2000. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.

2003. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.

2005. Социология революции. М.

Сорокин С.

2004. Жизнь с Питиримом Сорокиным. Воспоминания младшего сына // Арт–Лад. Сыктывкар. № 1. С. 126–154.

Сорокина Е.

2004. Моя жизнь с Питиримом Сорокиным // Арт–Лад. Сыктывкар. № 1. С. 98–125.

Сочинения пермского протоиерея Евгения Алексеевича Попова. Пермь, 1875.

Спасибенко А.П.

1968. Писатели-народники. М.

Спасский Н.А.

1900. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Самара.

Спицын А.А.

1902. Древности Пермской Чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. Т. 26.

Справочная книга о Психоневрологическом институте на 1912/13 гг. СПб., 1912.

Срезневский И.И.

1856. Воспоминания о Н.И. Надеждине // Вестн. РГО. Ч. 16.

1873. Труды П.И. Савваитова // Зап. Академии наук. Т. 22. Кн. 1.

Старовойтов А.

1995. Основные даты жизни и деятельности Дмитрия Дмитриевича Смышляева // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. С. 4–8.

1995. Роль Д.Д. Смышляев в развитии губернского города Пермь // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. С. 58–63.

Старцев Г.А.

1924. Революция и зыряне. (Культура и быт) // Революция в деревне. Л.

1925. Комсомол Коми Области // Комсомол в деревне. Л.

1926. Свадебные причитания зырян // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л.

1926. О зауральских зырянах // Коми му. № 1–2.

1926. О влиянии самоедов на ижемских зырян // Коми му. № 11.

1927. Финно-угорские народы / (совместно с Н.Н. Попе). Л.

1927. Год оленевода-кочевника // Коми му. № 4–5.

1927. О древнем денежном счете коми-зырян // Этнограф-исследователь. № 1.

1928. Остяки. Социально-этнографический очерк. Л.

1929. Важö и öні. Очерк по истории и этнографии Коми народа [Раньше и теперь. На коми языке]. Усть-Сысольск.

1930. Самоеды «Ненча». Л.

1932. Культурное строительство и научно-исследовательская работа в Коми области. (К 10-летнему юбилею Области Коми.) // СЭ. № 2. С. 147–148.

Коми фольклор (его изучение и значение, жанры, детский фольклор, как и что изучать).

Статистический очерк Вологодской губернии // СКВГ на 1854 г. Вологда, б.г. С. 84–130.

Статистический очерк Вологодской губ за 1860 г. // ПКВГ на 1861 г. Вологда, 1861. Паг. 2. С. 33–79.

Стеблин-Каменский И.М.

1979. Древнескандинавская литература. М.

1984. Мир саги. Становление литературы. М.

Степанов М.Н.

1999. Пермская духовная семинария и подготовка кадров интеллигенции в XIX в. на Урале // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. Вып. 2. С. 84–88.

Степанов Н.Н.

1946. Русское географическое общество и этнография (1845–1861) // СЭ. № 4. С. 187–206.

1956. В.Н. Татищев и русская этнография // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М. Вып. 1. С. 71–84 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 30.)

Степановский И.К.

1888. Вологодские губернские ведомости в период 50-летнего их существования. 1838–1888. Вологда.

1890. Труды местных исследователей по истории и археологии края // Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда. С. 527–566.

1923. Вологодский край. Страницы из истории североведения. Вологда.

Степанский А.Д.

1982. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М.

1987. История научных учреждений и организаций в дореволюционной России. М.

1989. Временные правила об обществах и союзах 4 марта 1906 г. // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты. М. С. 124–140.

Страленберг Ф.И.

1985–1986. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого / сост. Е.А. Соловьева, Ю.Н. Беспятых, В.Е. Возгрин. М.; Л. Т. 1–2.

Страхов Н.Н.

1886. Дарвинизм. Критическое исследование Данилевского. Рецензия. СПб.

1888. Жизнь и деятельность Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.

1889. Спор из-за книги Н.Я. Данилевского (Россия и Запад и Дарвинизм) // Русский вестник. № 12. С. 186–203.

Суворин А.С.

1889. Горе побежденным // Новое время.

Суворов И.Н.

1899. Академик Шегрен в Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. № 256, 257.

Суманов Е.Я.

1953. Агрономическая деятельность Н.Л. Скалозубова // Советская агрономия. № 1. С. 76–78.

Супрун М.Н.

1989. Политическая ссылка и изучение Европейского Севера России в конце XIX — начале XX века. Сыктывкар. С. 111–113. (Тр. Коми научного центра АН СССР. № 112).

Сурво А.А., Жеребцов И.Л.

2009. Последний плен Игнатия Мошегова // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск. С. 452–458.

Суринов В.М.

1961. К биографии Н.Л. Скалозубова // Исторический архив. № 6. С. 186–188.

1961–1962. Николай Лукич Скалозубов (1861–1915). Из истории сибирского краеведения // Ежегодник Тюменского областного музея. Тюмень. Вып. 3. С. 70–81.

1968. Этнографические исследования Н.Л. Скалозубова // Очерки истории русской этнографии фольклористики и антропологии. М. Вып. 4. С. 100. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 91.)

1975. Роль Н.Л. Скалозубова в научно-исследовательской работе Тобольского музея // Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск. С. 22–25.

Сухогузов П.Г.

1993. Карты нашего Севера // Родники Пармы–93. Сыктывкар. С. 178–179.

Сухомлинов М.И.

1875. История Российской академии. Вып. 2. СПб.

Сытин А.К.

1999. Петр Симон Паллас и его коллекции // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб. С. 66–77.

Табаленкова И.Н.

1996. Библиографический указатель изданий, посвященных Стефану Пермскому // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы. К 600-летию со дня представления Стефана Пермского. Сыктывкар. С. 121–151.

Тагильцева Н.Н.

1996. «Золотой век» уральского краеведения (Уральское краеведение) // Уральский областник. Екатеринбург. № 5. С. 8–17.

Танфильев Г.И.

1911. Пределы лесов в Полярной России по исследованиям в тундре Тиманских самоедов с приложением сокращенного дневника путешествия. Одесса.

Таранович В.П.

1934. Путешествие академика И.И. Лепехина по северу Европейской России в 1771 и 1772 гг. // Труды Ин-та истории науки и техники. Л. Сер. 1. Вып. 4. С. 349–364; Вып. 5. С. 545–568.

Тарасов Б.Н.

1990. Чаадаев. М.

Таратин В.В.

1868. Запечорьи // Архангельские ГВ. № 31, 34, 90, 91, 93–97, 99–102, 104.

Тарди Л.

1982. Ранние венгерские путешественники в Поволжье // Chuvash Studies. Budapest. С. 237–246.

Таскаев М.В.

1990. Некоторые факты из биографии А.А. Цембера // Это нашей истории строки. Материалы I Городской конференции по историческому краеведению. Сыктывкар. С. 35–40.

1906. Ветеран коми краеведения // Они любили край родной. Сыктывкар. С. 255–268.

1993. «В борьбе обретешь ты право свое!» (эсеры в Коми крае) // Родники Пармы–93. Сыктывкар. С. 132–138.

1996. Комиссар в рясе // Родники Пармы. Сыктывкар. Вып. 4. С. 65.

2000. Небольшевистское подполье в Коми крае (1905–1914) // Музеи и краеведение: тр. Национального музея Республики Коми. Сыктывкар. Вып. 2. С. 132–140.

2000. Небольшевистские партии и белая армия в Коми крае. Сыктывкар.

Татищев В.Н.

1893. История российская. М.; Л. Т. 1; 1925. Т. 2.

1950. Избранные труды по географии России. М.

Творчество К.Ф. Жакова / Демин В.Н., Микушев А.К., Лисовская Г.К. Кузнецова Т.Л. // Науч. докл. Коми

научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар, 1991. Вып. 269.

Теплоухов А.Е.

1846. Устройство лесов в помещичьих имениях. СПб.

1846. Руководство для управителей, лесничих и землемеров. М.

1857. 130 слов провинциальных и технических, употребляемых в Пермской губернии и относящихся до крестьянского хозяйства, лесоводства, горного дела и судостроения // Учен. зап. Императорского Казан. ун-та. Казань. Кн. 3. С. 170–179.

1859. Краткое описание лесохозяйства в Пермском майорате графини Строгановой // Пермский сборник. М. Отд. 3. Кн. 1. С. 35–70.

1860. Примерное исследование быта крестьян в хозяйственном отношении // Пермский сборник. М. Отд. 3. Кн. 2. С. 18–39.

1862. О значении в лесохозяйстве крестьянской обуви, изготовляемой из древесной коры // Экономические записки. № 13. С. 96–100.

1879. Описание чудских вещей, пожертвованных в Музей древностей и этнографии при Казанском обществе археологии, истории и этнографии // Изв. ОАИЭ. Т. 2. С. 176–179.

1880. Известия о чудском селище близ села Кудымкорского // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург. Т. 6. Вып. 1.

1880. О доисторических жертвенных местах на Урале // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург. Т. 6. Вып. 1.

Теплоухов А.Ф.

1915. К истории мукомольного производства в Западной части Пермской губернии // Тр. ПУАК.

1916. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Сб. Пермского земства. Пермь, Т. 2. С. 122–137.

1917. К истории мукомольного производства в Западной части Пермской губернии // Зап. УОЛЕ. Т. 36. Вып. 9–12. С. 81–93.

1922. По Ямалу (Путевые заметки) // Сибирская природа. Омск. № 2. С. 114–128.

1924. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русскими народами // Зап. УОЛЭ. Т. 39. С. 83–112.

1925. Фамилии и географические названия Пермяцкого края в этнографическом и историко-географическом отношениях // Коми му. № 9. С. 32–45; № 10–11. С. 83–95; № 12. С. 15–24.

1925. О фамилиях и географических названиях б. Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов // Кунгугско-Красноуфимский край. № 11–12.

1926. Пермяки и зыряне. [Попытка определить происхождение зырян и коми-пермяков] // Пермский краеведческий сборник. Пермь. Вып. 2. С. 113–124.

1926. Обзор данных о географическом распространении пермяков. Материалы для составления этнографической карты Уральской области // Зап. УОЛЕ. Т. 40. Вып. 2. С. 83–103.

1927. Пермь Великая по историческим данным и в фантазии И. Мёсшега // Коми му. № 6–7. С. 71–83.

1927. Связь Пермяцкого края с Севером и Западом по историческим данным, географическим названиям и фамилиям жителей // Чердынский край. Вып. 2. С. 3–19.

Теплоухов Ф.А.

1892. Земледельческие орудия Пермской Чуди // Пермский край. Пермь. Т. 1. С. 59–93.

1892. Вещественные памятники каменного и бронзового век в западной части Пермской губернии // Тр. ПУАК. Вып. 1. С. 27–63.

1893. Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Пермь. Т. 2. С. 1–74.

1895. Древности Пермской Чуди из серебра и золота и ее торговые пути. Пермь.

1895. «Кабала» или прошение лесному царю (из пермяцких суеверий) // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губ., издаваемый Пермским губ. стат. комитетом. Пермь. Т. 3. С. 291–299.

1905. Древности Пермской чуди, принадлежащие пермскому научно-промышленному музею // Материалы по изучению Пермского края. Пермь. Вып. 2. С. 219–230.

Терюков А.И.

1983. История изучения погребального обряда коми-зырян // Крат. содержание докл. науч. сессии, посвящ. основным итогам работы Ин-та этнографии в X пятилетке. Л. С. 79–80.

1999. Изучение обрядов жизненного цикла народов коми // Проблемы общей этнографии и музееведения. Л. С. 14–15.

1989. Финно-угорская этнография в Петербурге–Ленинграде (XIX — 30-е гг. XX в.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л. С. 7–17.

1992. П.А. Сорокин в архивах Санкт-Петербурга // Социологические идеи П. Сорокина и современное общество: тез. докл. Междунар. науч. конф. Сыктывкар. С. 80–81.

1992. История изучения мифологии коми // Уральская мифология: тез. докл. Междунар. симпозиума Сыктывкар. С. 113–116.

1992. А.С. Сидоров и Академия наук // IV Симпозиум по пермской филологии, посвящ. 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар. С. 85–86.

1993. А.И. Шегрен как директор Этнографического музея // Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения «Шегрен — академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук: к 200-летию со дня рождения». СПб.

1993. Коллекции А.В. Журавского в Музее антропологии к этнографии имени Петра Великого (Судьба собирателя) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб. Вып. 2–3. С. 254–265.

1996. А.И. Шегрен и граф Н.П. Румянцев // Румянцевские чтения. М. Ч. 2. С. 256–262.

1997. Празднование 500-летия со дня блаженной кончины св. Стефана, епископа Пермского в 1896 г.

Приложение 1: Опыт библиографии о деятельности Стефана Пермского // Арт–Лад. Сыктывкар. С. 23–25.

1997. Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — начале 1930-х годов // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб. С. 223–231.

1998. А.И. Шегрен и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. СПб. С. 3–15.

1998. Ученик Д.Н. Анучина В.П. Налимов // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы VI Междунар. науч. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск; СПб. Ч. 2. С. 96–98.

1999. Г.А. Старцев в Ленинграде // Арт–Лад. Сыктывкар. № 2. С. 136–142.

1999. Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми. В.П. Налимов // Арт–Лад. Сыктывкар. № 3. С.130–135.

1999. Санкт-Петербургская Императорская академия наук и становление современного финно-угроведения // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук: материалы Междунар. конф. СПб. Т. 2. С. 227–233.

2000. Н.И. Ульянов и его «Очерки истории народа Коми» // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб. Вып. 2. С. 173–184.

2003. Андрей Владимирович Журавский: жизнь и идеи // Русская наука в биографических очерках. СПб. С. 73–84.

2003. Академик А.И. Шегрен — первый директор Этнографического музея Академии наук академик А.И. Шегрен // Русская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. СПб. Вып. 1. С. 185–190.

2004. Финно-угорские народы в российской науке XVIII века // Мавродинские чтения. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: материалы юбилейной конф., посвящ. 70-летию истор. фак-та С.-Петерб. ун-та. СПб. С. 282–284.

2005. Петербург и финская наука // Санкт-Петербург — Хельсинки. Хельсинки — Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб. С. 19–26.

2007. К историографии этнической истории Русского Севера: А.И. Шегрен // Нестор. № 10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб. С. 360–380.

2007. К вопросу о методике этногенетических исследований академика А.И. Шегрена // Памяти академика А.И. Шегрена. 1794–1855. СПб. С. 52–63.

2008. Швеция и становление современного финно-угроведения в конце XVII–начале XVIII в. // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. СПб. С. 5–18.

2008. Коллекция Ф.М. Истомина из Печорского края в собрании МАЭ // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб. С. 231–235

2008. Г.С. Лыткин — коми-зырянский просветитель // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб. Вып. 4. С. 229–244.

2008. Из истории перевода Священного Писания на язык коми-зырян (П.И. Савваитов и Г.С. Лыткин) // Христианство в регионах мира. СПб. С. 206–222.

Тиандер. К.Ф.

1901. О происхождении имени Пермь // ЖМНП. Янв.

1904. Матиас Кастрен — основатель финнологии // ЖМНП. Май. С. 1–68.

1902. Поездка норманнов на Белое море // Изв. Отделения русского языка и словесности ИАН. Т. 7. Кн. 3. С. 127–155.

1906. Поездки скандинавов в Белое море // Зап. ист.-филол. фак-та С.-Петерб. ун-та. Ч. 79.

Тираспольский Г.И.

1980. И.А. Куратов-языковед. Сыктывкар.

1998. Куратов В.А. // Коми язык: энцикл. М. С. 204–205.

2004. Кто же первым открыл рукописи И.А. Куратова // Арт–Лад. Сыктывкар. Вып. 2. С. 110–120.

Титов А.А.

1906. История перевода сочинений Флетчера // Флетчер. О государстве Российском. СПб.

Титова З.Д.

1978. Ранние страницы этнографического изучения Сибири. (Дневник путешествия Д.-Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М. Вып. 8. С. 5–14. (Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 107.)

1982. Этнографическая библиография в изданиях Русского географического общества (1845–1917) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М. Вып. 9. С. 34–47. (Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 110.)

2001. И.Э. Фишер — участник Второй Камчатской экспедиции (неопубликованные материалы середины XVIII в.) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб. С. 27–32.

Титков О.А.

2007. Материалы экспедиции 1909 г. земского начальника Корвин-Круковский Л.В. как источник по исследованию нравственных аспектов повседневной жизни крестьянства Печорского края // Изв. ОИКК. Сыктывкар. № 1 (10). С. 17–24.

Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века / сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург, 1998.

Токарев С.А.

1951. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии // СЭ. № 2.

1966. История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М.

1978. История зарубежной этнографии. М.

1978. Истоки этнографической науки. М.

Тома Л.Я.

2004. Бруно Фридрихович Адлер (1874–1942) // Вопр. истории. № 8. С. 136–145.

Томсен В.

1938. История языкознания до конца XIX века. (Краткий обзор основных моментов). М.

Трапезников В.Н.

1911. Очерки истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV–XVII вв.) // Изв. АОИРС. № 12–15, 17, 20–24.

1916. Первобытное население севера России // Изв. ВОИСК. Вып. 3. С. 32–53.

1916. Вологодское Общество изучения Северного края и его музей как очаги родиноведения: доклад, читанный 22 нояб. 1915 г. в заседании Вологодского общества изучения Северного края. Вологда.

1916. По городам древнего Заволочья (из экскурсии летом 1915 г.) // Русский экскурсант. № 5. С. 16–22; № 6. С. 8–16; № 7. С. 11–19.

1918. Наш край. Популярный очерк Вологодской губернии (опыт родиноведения). Вологда

1922. Торговые сношения англичан с Россией через Северный край в XVI – XVII вв. // Северный край. Вологда. Кн. 1. С. 5–21.

1917. *Kallma Jalo.* Die ostseefinnischen Lehnwörter in Russischen. Helsingfors. 1915 // Известия Вологодского общества изучения Северного Края. Выпуск IV. Вологда [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/Izves/tia/1917/1.htm.

Трефилова Л.А.

1971. Обзор семейного фонда Теплоуховых // Уральский археографический ежегодник за 1970. Пермь. (Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Вып. 250.)

Трофимова В.И.

1975. Тобольскому государственному историко-архитектурному музею-заповеднику 100 лет // Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобол. гос. историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск.

Труды Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1865–1891.

Труды Вологодского общества изучения Северного края. Ученый архив Вологодского общества изучения Северного края и его научные ценности. Вологда, 1926

Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1892–1915. Вып. 1–12.

Труды экспедиции для исследования земель Печорского края Вологодской губернии / под ред. П.И. Соколова. СПб., 1909. Т. 1.

Труды экспедиции для исследования земель Печорского края Вологодской губернии / под ред. П.И. Соколова. Т. 2: Усть-Сысольский уезд. Район Усть-Сысольского и части Вычегодского лесничеств.

Труды экспедиции 1909 г. земского начальника Корвин-Круковский Л.В. по обследованию 5-го участка Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии и по предварительному исследованию вопроса о возможности соединения водным, через Урал путем бассейнов Оби и Печоры. СПб., 1910

Т-цкий Л.Д.

1909. Леонид Андреев и иго пессимизм: Лекция К.Ф. Жакова // Вологодская жизнь. 28 авг.

Тулубьев И.И.

1910. О колонизации Печорского уезда. Архангельск.

Тулуз Ева.

2003. Николай Иванович Ильминский и финно-угорские народы // Арт–Лад. Сыктывкар. № 2. С. 129–145.

Туркин А.И.

1974. Давид Фокош-Фукс как исследователь пермских языков // СФУ. № 4. С. 293–296.

1976. Русско-зырянский словарь Н.П. Попова // СФУ. № 4. С. 293–299.

1977. О втором варианте русско-зырянского словаря Н.П. Попова // СФУ. № 4. С. 293–296.

1977. Материалы по коми языкам в архиве А.М. Шегрена // Вопр. финно-угорской филологии. Л. Вып. 3. С. 86–93.

1978. Давид Р. Фокош-Фукс // СФУ. № 1. С. 78–79.

1991. Писатель, ученый, просветитель // Парма. № 4. С. 31–41.

1991. К.Ф. Жаков как исследователь финно-угорских языков // Linguistica Uralica. Т. 32. № 3. С. 277–283.

1992. К столетию со дня рождения А.С. Сидорова // Linguistica Uralica. Т. 4. С. 294–298.

1993. К. Ф. Жаков в Эстонии // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар. С. 120–127.

1994. А.М. Шегрен как исследователь пермских языков (К 200-летию со дня рождения) // Linguistica Uralica. Т. 30. № 2. С. 128–132.

1995–1996. К 100-летию со дня рождения В.И. Лыткина. Малоизвестные страницы жизни. I–III // Linguistica Uralica. Т. 31. № 3. С. 207–213; № 4. С. 288–290; Т. 32. 1996. № 1. С. 43–46.

1996. Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. Т. 2: Филология. Этнология. С. 278–283.

1998. Вихман Ю.И. // Коми язык: энцикл. М. С. 57–60.

1998. Жаков К.Ф. // Коми язык: энцикл. М. С. 124–126.

1998. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович // Коми язык: энцикл. М. С. 243–246.

1998. Попов Н.П. // Коми язык: энцикл. Сыктывкар. С. 365–369.

1998. Сидоров А.С. // Коми язык: энцикл. М. С. 422–426.

1998. Цембер А.А. // Коми язык: энцикл. М. С. 544–546.

1992. Мошегов И.Н. // Республика Коми: энцикл. Т. 2. С. 300.

1936. Об одном малоизвестном памятнике древнепермской письменности // Festscrift für Rija Bartens zum 25.10.1993. Helsinki. P. 277–281.

Турчин В.

1993. В.В. Кандинский в Московском университете // Вопр. искусствознания. № 2–3. С. 194–212.

Тыжнов И.И.

1887. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVII века // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению» 1887 года. СПб. С. 134–135.

Шаламов В.

1994. Четвертая Вологда. Вологда.

Шапиро А.Л.

1993. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М.

Шарапов В.Э.

2000. Материалы В.П. Налимова по традиционному мировоззрению коми в исследованиях европейских финно-угроведов первой половины XX века // Арт–Лад. № 1. С. 144–146.

1989. «Пермская» экспедиция У.Т. Сирелиуса // Арт–Лад. № 1. С. 114–117.

2001. Пермская экспедиция У.Т. Сирелиуса // Атлас Республики Коми. М. С. 126–127.

2009. Из эпистолярного наследия коми этнографа В.П. Налимова // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск, С.458–464

Шаркова И.С.

1978. Материалы по истории Севера в собрании Воронцовых Архива ЛОИИ АН СССР // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Вологда. С. 128–134. (Северный археографический сборник. Вып. 6.)

Шарыпкин Д.М.

1976. Русские дневники шведов — полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе. Л. С. 50–85.

Шашков А.Т.

Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Изв. Урал. ун-та. 1997. Сер. гум. наук. Вып. 1.

Шарц А.К.

1964. Писатель-краевед (К 90-летию со дня рождения) // Календарь-справочник Пермской области на 1965 г. Пермь. С. 109.

Шаскольский И.П.

1950. О емской теории Шегрена и ее последователях. (К статье Д.В. Бубриха «Не достаточно ли емских теорий?») // Изв. Карело-финского филиала АН СССР. № 1. С. 93–102.

Шатенштейн Л.

1960. Мултанское дело (1892–1896). Ижевск.

Шебалдина Г.В.

2002. Московские перекрестки полтавских пленников // Шведы в Москве. М. С. 50–62.

2005. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. М.

Шведова О.И.

1958. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 г. М. С. 401–402.

Швецов П.В.

1864. Очерк промышленности Мезенского уезда // ПКАГ на1864 г. Архангельск. Пг. С. 94–117.

Швецов С.

1928. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. № 3. С. 84.

Шегрен А.И.

1831. О древних местах жительства Еми. Материал для истории чудских племен в России // Чтения Императорской Академии наук. СПб. Т. 1. С. 14–23.

Шегрен — академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук. К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993.

Щербакова А.А.

1905. История ботаники в России (додарвиновский период). Новосибирск.

Шергин И.А.

1908. Богатства Севера. СПб.

1909. Богатства Севера. Путевые заметки, очерки и рассказы. На Севере. Зырянский край. Ухтинская нефть и Удорский край. 2-е изд., перед. и доп. СПб.

1910. В дебрях Севера. На Севере. Архангельск. Зырянский край. Вымский уголок. Ухтинская нефть. СПб.

1911. На Севере. СПб.

1916. В северных трущобах. СПб.

1923. Полезные ископаемые в Ухтинском крае // Северное хозяйство. № 6. С. 48.

Шестаков П.Д.

1864. Песталоцци. Его жизнь и деятельность. М.

1868. Просветители лопарей, архимандрит Феодорит и св. Трифон Печенгский. СПб.

1868. Житие преподобного отца нашего Трифона, вятского чудотворца. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань.

1868. Святой Стефан, первосвятитель Пермский // Учен. зап. Казан. ун-та. Т. 4. С. 21–110.

1868. Святой Стефан, первосвятитель Пермский. Казань.

1871. Чтение древнейшей зырянской надписи, единственно сохранившегося до сего времени памятника времен св. Стефана Великопермского // ЖМНП. Отд. 2. Т. 153. № 1. С. 29–46.

1871. Чтение древнейшей зырянской надписи, единственно сохранившегося до сего времени памятника времен св. Стефана Великопермского // Вологодские епархиальные ведомости. № 15. С. 556–567.

1881. Житие Трифона Вятского. Вятка.

1893. Мысли о воспитании в духе православия и народности. Казань.

1897. Мысли о воспитании в духе православия и народности. 2-е изд. Казань.

Шестаков И.В.

1894. Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 год и справочная книжка для духовенства. Пермь.

1896. Объяснение молитв, десяти заповедей закона божия и заповедей блаженства. Пермь.

1896. Объяснение устройства христианского храма, принадлежностей его, литургии и семи таинств. Пермь.

1896. Памяти о. Василия Евфимиевича Попова // Пермские ГВ. № 65.

1896. Памятная книжка для духовенства, изданная по случаю 500-летия блаженной кончины святителя Стефана, епископа Великопермскаго. С приложением Адрес-календаря Пермской епархии на 1896 г. С гравюрами: Святитель Стефан Великопермский, рака и посох его, Московский Кремлевский собор Спаса на бору, церковь-школа и часовня-школа среди инородцев-пермяков Пермской епархии и портрет архимандрита Иеронима (Лаговского). Пермь.

1899. Краткий исторический очерк столетия Пермской епархии. (1799–1899). Пермь.

1899. Инородческая женская обитель в Пермской губ. 2-е изд. М.

1899. Юбилейная памятная книга для духовенства, изданная по случаю 100-летия (1799–1899 гг.) Пермской епархии. С приложением адресов духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий. Пермь.

1900–1904. История Пермской духовной семинарии. Екатеринбург. Ч. 1–4.

1905. Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. М.

1906. История Камско-Березовскаго Богородицкаго миссионерского черемисскаго мужскаго общежительнаго монастыря Уфимской епархии. СПб.

1908. Труженик Христов. Протоиерей г. Перми Евгений Алексеевич Попов. Очерк жизни и трудов. (По поводу 20-летия со дня кончины. 1888–1908). М.

1911. Кочинская Ионо-Серафимовская женская инородческая обитель Чердынского у. Пермской губернии. Н. Новгород.

1912. Верхнекамские инородцы. Опыт обозрения мероприятий земств Соликамского, Чердынского и Глазовского в целях культурного подъема камских инородцев. Архангельск.

1915. Указатель статьей по истории, археологии и этнографии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» со времени их выхода по август 1915 года. (Источники и пособия при изучении Прикамского края). Сарапул.

Шидловская В.П.

2002. Поколенная роспись дворян Шидловских-Хилькевичей // Северные родословия. Архангельск. Вып. 1. С. 72–81.

Шидловский А.Ф.

1908. Исторические сведения о добывании нефти в Печорском крае. Архангельск.

1909. Петр Великий на Севере. Архангельск.

1909. Библиографический указатель литературы о Севере по материалам, собранным Архангельским обществом изучения Русского Севера. Новая Земля. СПб.

1910. Библиографический указатель литературы о Севере по материалам, собранным Архангельским обществом изучения Русского Севера. Указатель литературы о деятельности Петра Великого на Севере. Архангельск.

1911. Библиографический указатель литературы, касающийся Большеземельской тундры и оленеводства по материалам, собранным Архангельским обществом изучения Русского Севера. Архангельск.

1912. Шпицберген в русской истории и литературе. СПб.

1939. М.К. Сидоров и П.И. Крузенштерн (К истории открытия Северного морского пути) // Изв. ВГО. Т. 71. Вып. 6. С. 646–648.

Шилов А.В.

1986. Из истории краеведения на Урале (краеведческая деятельность Ф.А. и В.А. Волеговых) // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — нач. XX в.). Пермь.

1997. Из истории изучения этнографии и языка коми-пермяков в XIX веке (деятельность Ф.А. Волегова) // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Кудымкар. С. 302–305.

2005. Братья Ф.А. и В.А. Волеговы в истории уральского краеведения // Проблемы исторического регионоведения. СПб. С. 114–127.

Шилов А.В., Быстрых Т.И.

2000. Краеведение Перми: Прошлое и настоящее. Краткий исторический очерк // Краеведы и краеведческие организации Перми: биобиблиограф. справ. Пермь. С. 8–55.

Шипчинский В.Н.

1916. О направлении деятельности Архангельского общества изучения русского Севера // Изв. АОИРС. № 7–8. С. 325–327.

Шишло Б.

2003. Истоки и источники русской антропологии (этнографии): взгляд из Парижа // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра: материалы Междунар. науч. конф. СПб. Вып. 1. С. 257–265.

2008. Об этнографическом опыте Василия Кандинского: взгляд этнолога // Турчин В. Кандинский. Опыт разных лет. Сумма искусств. Художник в России и в Германии М. С. 276–293.

Шишов А.

1928. Н.П. Белдыцкий: некролог // Уральский краевед. Вып. 2. С. 233.

Шишонко В.Н.

1872. Писцовые книги Пермской губернии, Соликамского и Кунгурского уездов. Публикация и примечания члена-секретаря Пермского статистического комитета и члена различных ученых обществ В. Шишонко. Пермь.

1879. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губ. Екатеринбург.

1881–1887. Пермская летопись с 1263 по 1881 гг. Периоды I–V. Пермь. Кн. 1–6.

1882. Отрывки из народного творчества Пермской губ. Собрал директор народных училищ Пермской губернии В.Н. Шишонко. Пермь.

Шкловский В.Б.

1972. Ледоход // Воспоминания об Александре Грине. Л.

Шмидт А.В.

1922. Деятельность научных учреждений в Перми и Пермской губернии // Новый Восток. № 2. С. 725–727.

1926. Изучение доисторического прошлого Предуралья и его задачи // Экономика. Пермь. № 5. С. 75–78.

Шмидт Ф.Б., Никитин С.Н.

Граф Александр Андреевич Кейзерлинг (Некролог). СПб.

1891. Граф Александр Андреевич Кейзерлинг (Некролог) // Изв. Геологического комитета. Т. 10. № 4.

Шлыгина Н.В.

1995. История финской этнологии. 1880–1980 гг. М.

Шляпин В.П.

1882. Статистические сведения о составе волостей Вологодской губернии // Вологодские ГВ. № 81–87, 89, 92, 94–99.

1883. Статистические сведения о составе волостей Вологодской губернии // Вологодские ГВ. № 1–5, 7.

1883. Статистические сведения о составе волостей Вологодской губернии // Вологодский сборник. Вологда. Т. 3.

1901. Яренско-Усть-Сысольское духовное училище (Несколько сведений, относящихся к истории училища). Вологда.

1903. Житие праведного Прокопия Устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопьевского собора. СПб.

1912–1913. Акты Великоустюжского Михало-Архангельского монастыря. Великий Устюг. Ч. 1–2.

1920. Удора. Из воспоминаний о путешествии на Удору в 1888 г. // Богатства Севера. № 6. С. 10–25.

1921. Удора. Из воспоминаний о путешествии на Удору в 1888 г. // За работу. № 1. С. 76–83; № 2. С. 72–80.

1922. Удора. Из воспоминаний о путешествии на Удору в 1888 г. // За работу. № l. С. 71–76.

1929. Яренск, бывший город, ныне село. (Исторический очерк) // Зап. Северо-Двинского общества изучения местного края. Великий Устюг. Вып. 6. С. 82–103.

1993. Из моих жизненных встреч. Флегонт Арсеньевич Арсеньев // Быть на Устюге. Историко-краеведческий сборник. Вологда. С. 31–39.

Шокарев С.

1997. Введение // Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии / Утверждение династии. М. С. 417.

Шпаковская Е.А., Рогалина Е.А.

1999. Засодимский П.В. // Русские писатели. 1900–1917 гг.: биографич. слов. М. Т. 1. С. 327–330.

Шпилевский С.М.

1884. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии // Изв. ОАИЭ. Т. 3.

Шренк А.И.

1863. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным уральским горам в 1837 г. СПб.

1850. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии // Записки ИРГО. Кн. IV. СПб. С. 123–167

Штаден Генрих.

1925. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / пер. и вступ. ст. И.И. Полосина // Записки прошлого. Воспоминания и письма / под ред. С.В. Бахрушина и М. Цявловского. М.

Шубин С.И.

1996. Архангельские оппортунисты: из истории регионализма в годы нэпа // Холодный дом России: доклады, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера. Архангельск. С. 52–62.

Шульга-Нестеренко.

1853. Экспедиция капитана 2-го ранга Крузенштерна в Печорский край // Вестник ИРГО. № 7. С. 57–61.

Шухов И.Н.

1927. Зыряне в Тарском округе Сибирского края // Коми му. № 8.

Щеглов И. В.

1993. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882. Сургут. С. 219, 272, 273, 346.

Щетинина Г.И.

1978. Центры изучения истории в дореволюционной Академии наук // История и историки. Историографический ежегодник. М.

Чаадаев П.Я.

1836. Философические письма к г-же*** Письмо первое // Телескоп. № 15.

Чагин Н.Г.

1999. В.Е. Попов — исследователь и общественный деятель Чердынского края // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь. С. 165–167.

Чагин Г.Н.

2010. В.П.Налимов и этнография иньвенских коми-пермяков // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск; Сыктывкар. С. 147–166

Чебыкина Г.К.

1993. В.П. Шляпин: историк и краевед // Быть на Устюге. Историко-краеведческий сборник. Вологда. С. 21–27.

Чернецов А.В.

1995. «Самотворитель новыя грамоты» Стефан Пермский // Древнерусская книжность. (Творчество и деятельность Стефана Пермского, естественнонаучные и сокровенные знания на Руси). М. С. 48–118.

Черепнин Л.В.

1966. А.Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки: Из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII — начале XIX в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв.: экономика, политика, культура. М.

Черказьянова И.В.

2001. Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России. Российско-германский диалог. СПб. С. 159.

Черный А.П.

1904. Краткие наставления для собирания сведений по этнографии и природоведению. Архангельск.

Черных А.В.

2010. Традиционная культура коми-пермяков. Фотоколлекция А.Ф. Теплоухова по этнографии Урала начала XX в. из собрания Пермского краевого музея // Археология, этнография, антропология Евразии. № 2 (42). С. 128–140.

Чернышев Ф.Н.

По поводу возбужденного Архангельским губернатором ходатайства о геологическом исследовании Печорского края // Изв. Геологического комитета. Т. 7. № 9. С. 129–132.

1891. О ходе работ Тиманской экспедиции в 1890 г. // Зап. Минералогического общ-ва. Сер. 2. Т. 28. С. 458–492.

Чеусов А.А.

1924. Г.С. Лыткин (К 88-й годовщине рождения) // Коми му. № 4–6. С. 42–43.

К воспоминаниям о Г.С. Лыткине // Коми му. № 4–6. С. 43–44.

Чожмор (С.А. Попов)

1928. Избраннедес о зырянах (сгренах) // Коми му. № 1 (47). С. 36–39.

1929. В поисках исторической правды // Зап. ОИКК. Сыктывкар. Вып. 3. С. 21–31.

Чубинский П.

1865. Программа для географического и естественно-истрического описания губернии // Архангельские ГВ. № 28.

1866. Отчет о деятельности губернский Архангельского статистического комитета // Архангельские ГВ. № 3.

1867. Отчет Комиссии по исследованию Печорского края. Архангельск.

1880. О состоянии хлебной торговли и производительности в Северном районе // Тр. экспедиции, снаряженной Императорским Вольным экономическим и Императорским Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и производительности в России. 1868–1877. СПб., Т. 1. Вып. 6.

Чувьюров А.А.

2007. Печорская экспедиция Н.А. Иваницкого // Памяти академика А.И. Шегрена. СПб. С. 95–110.

Чупин Н.К.

1851. Обозрение книг и журнальных статьей, заключающие в себе географические и статистические сведения о Казанской губернии. Записки путешественников русских и иностранных // Казанские ГВ. № 10–27.

1860. Указатель сочинений, в которых заключаются географические и статистические сведения о Пермской губернии // Пермский сборник. Пермь. Кн. 2. Приложение. С. 1–17.

1864. Геологическое путешествие по России Мурчисона, де Вернеля и гр. Кайзерлинга, замечания их относительно Казанской губернии // Казанские ГВ. № 11–17.

1873–1880. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь. Т. 1. Вып. 1–3: А–И; Т. 2. Вып. 4–5: К–М.

1873. Полуторастолетие Екатеринбурга. 1723–1873. Пермь.

1874. О результатах экспедиции, организованной Казанским обществом естествоиспытателей в 1872 г. для исследования вогулов // Зап. УОЛЕ. Т. 1. Вып. 2. С. 145–156.

1874–1875. Путешествия по Уралу Гумбольта, Эренберга и Розе в 1829 г. // Зап. УОЛЕ. Т. 2. Вып. 2. Приложение. С. 123; 1975. Т. 2. Вып. 2. С. 25–30.

1886. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь. Вып. 6: Н.

1887. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь. Щ, Ю, Я и О.

1888. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Вып. 7: Ф–Ц. // Сборник Пермского земства. Пермь. № 4.

Чупров А.И.

1909. Крестьянский вопрос. М.

Чупров В.И.

1974. Политическая ссылка в Коми крае в начале XX века (1900–1917 гг.). Сыктывкар. (Сер. препринтов «Научные доклады Коми филиала АН СССР». Вып. 12.)

1994. Землевладение и экономический быт крестьян Яренского уезда во второй половине XIX в. // Вычегодский край в истории России. Сыктывкар. С. 46–49.

Хайлова Н.Б.

2005. М.М. Ковалевский // Ковалевский М.М. Моя жизнь. М. С. 3–38.

Халановский М.Г., Багалей Д.И.

1908. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков.

Халиков А.Х.

1985. Финно-угорское общество и его роль в изучении языка, фольклора, археологии и этнографии народов среднего Поволжья // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Харитонова Е.Д., Серова С.В.

1990. Пермский областной краеведческий музей. Пермь.

Харузин А.Н.

1891. Смирнов И.Н. Пермяки // Русская мысль. Май.

Н.Х. [Харузин Н.]

1896. И.Н. Смирнов. Мордва. Историко-этнографический очерк. (Казань, 1895) // ЭО. № 1. С. 155–160.

Хвостов М.М.

1904. Памяти И.Н. Смирнова // Сборник памяти Н.И. Смирнова / под ред. проф. А.С. Рождественского. Казань.

Хеннинг Р.

1961. Арабские купцы на севере России // Неведомые земли. М. Т. 2. С. 265–266.

Хитрово П.И.

1966. Трапезников Владимир Николаевич // Революционеры Прикамья. 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь. С. 643–648.

Хлопин.

1849. Несколько слов о Пермяках // Изв. Географического общества.

Хлопов В.

1852. Имущественный и нравственный быт пермяков // ЖМГИ. 3. № 2.

Холопова Д.Г.

1992. Дело из секретного архива // Красное знамя. Сыктывкар. № 198

1997. Дела из секретного архива (о неизвестных страницах жизни С.А. Куратова и А.С. Сидорова) // Музей и краеведение. Сыктывкар. С. 88–93. (Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 1.)

Хорошев А.С.

1986. Политическая история русской колонизации (XI–XVI вв.). М.

Хорошкевич А.Л.

2000. Герберштейниана сегодня // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М. С. 107–118.

2000. Русь и русские в «Записках об Московии» // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М. С. 127–184.

Хотев П.И.

1999. Немцы — читатели библиотеки Петербургской Академии наук (1724–1736 гг.) // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб. С. 23.

Хохлов В.П.

1994. Родословная фамилии Шренк // Краеведческий вестник. Владивосток. Вып. 3.

Хрестоматия по культуре чувашского края. Дореволюционный период / под ред. М.И. Скворцова. Чебоксары, 2001.

Христофоров В.С.

2002. «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. / вступ. ст. и коммен. В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. № 5. С. 126–170.

Хроника деятельности антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ за 1921/22 учебный год // Русский антропологический журнал. 1923. Т. 12. Кн. 3–4.

Худяков М.Г.

1932. Политическое значение мултанского дела и его отголоски в настоящее время // СЭ. № 1. С. 43–62.

Хузангай А.П.

2003. Шведский «прибавочный элемент» в чувашской компаративистике // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. Чебоксары.

Убийство А.В Журавского // Архангельск. № 185.

Указатель к изданиям Императорского Русского географического общества и его отделам. 1846–1875 гг. СПб., 1886.

Указатель к изданиям Императорского Русского географического общества и его отделам. 1876–1885 гг. СПб., 1887.

Указатель к изданиям Императорского Русского географического общества и его отделам. 1886–1895 гг. СПб., 1895.

Указатель к изданиям Императорского Русского географического общества и его отделам. 1895–1905 гг. СПб., 1910.

Ульянов Н.И.

1930. Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л. С. 20–161. (Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 28.)

1931. Зубахин Б.М. Холмогорская резьба по кости. История и техника производства / под ред. Н. Ульянова. Архангельск.

1931. Разинщина. Харьков.

1932. Очерки истории народа Коми. М.; Л.

1932. Октябрьская Революция и Гражданская война в Коми крае. Архангельск.

1934. Колонизация и экономика Мурмана в XVII веке // Исторический сборник. Т. 1. С. 89–139.

1934. Феодальная Русь и усиление Москвы. Л.

1934. Московское феодальное государство XVI в. Л.

1935. Крестьянская война в Московском государстве в начале XVII в.: сб. док-ов / подгот. Н.И. Ульяновым. Л.

1935. Советский исторический фронт // За пролетарские кадры. 7 нояб. № 20 (94).

1951. Большевизм и национальный вопрос // Возрождение. № 13. С. 166.

1979. История и утопия // Спуск флага. New Haven.

1990. Замолчанный Маркс. (Статья русского историка) // Москва. № 10. С. 138–150.

1995. Замолчанный Маркс. (Статья русского историка) // Юность. № 4. С. 44–55.

Ульяновский А.

1868. Село Усть-Цильма // Архангельские ГВ. № 26.

У проф. К.Ф. Жакова // Северное утро. 1913. № 130.

Уральская экспедиция, предпринятая Русским географическим обществом // ЖМВД. 1847. Ч. 18. № 5. С. 333–342.

Уральская экспедиция // ЖМНП. Ч. 53. С. 42; Ч. 54. С. 6–8; Ч. 56. С. 1–4.

Усов П.С.

1884. Этнограф-беллетрист [П.И. Мельников-Печерский] // Исторический вестн. № 9. С. 473–511; № 10. С. 25–72; № 11. С. 301–361; № 12. С. 538–539.

1898. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский). Его жизнь и литературная деятельность. СПб.

Устав Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1909.

Уставы Императорского вольного экономического общества и высочайшие рескрипты, ему данные. 1765–1898. СПб., 1899.

Устюгова В.В.

1995. Д.Д. Смышляев и Православное Палестинское общество // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. С. 56–58.

Царт М.Н.

1970. Федот Алексеевич Волегов — истории Пермской земли // Календарь-справочник Пермской области. Пермь.

Цветкова Л.И., Овсянников О.В.

1985. В.В. Крестинин. Страницы жизни // Патриот Севера. Архангельск. С. 59–76.

Цембер А.А.

1910. Русско-зырянский словарь. Усть-Сысольск.

1913. Коми мойданкывяс. Усть-Сысольск.

1914. Коми мойдан да сьыланкывъяс. Усть-Сысольск.

1918. От комиссии по собиранию и созданию зырянской литературы для школы и народа // Изв. Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. № 56.

1919. Народное образование у зырян // Жизнь национальностей. № 36–37.

1923. 1917 год в Усть-Сысольске // Известия Коми ОК РКП(б). № 7–8. С. 49–54; № 9. С. 60–65.

1924. К материалам по истории революции в Коми крае. Усть-Сысольск в 1918 г. // Коми му. № 1–2. С. 79–85; № 4–6. С. 102–106; № 7–10. С. 87–92.

1925. К материалам по истории революции в Коми крае. Усть-Сысольск в 1918 г. // Коми му. № 2. С. 31–35; № 12. С. 30–36.

1926. Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы // Коми му. № 9. С. 28–33; № 12. С. 22–25.

1926. Две корреспонденции из г. Усть-Сысольска в 1838 г. // Коми му. № 12. С. 29–30.

1927. Разбойное дело 1777 г. // Коми му. № 6–7. С. 93–95

1927. Путешествие академика Лепехина в 1771–1772 году // Коми му. № 4–5. С. 54–57.

1927. Алименты в XVII столетии в зырянском крае // Коми му. № 6–7. С. 45.

1927. Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы // Коми му. № 9. С. 25.

1927. Десять лет тому назад. Февральская революция в Усть-Сысольске // Коми му. № 10–11. С. 55–58.

1928. Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы // Коми му. № 1. С. 31–36; № 3. С. 39–43; № 6. С. 39–41.

1929. К истории основания Сереговского солеварного завода // Зап. ОИКК. Вып. 2. С. 48–50.

Цыпанов Е.А.

2003. Коми язык как государственный: мечта или реальность? // Арт–Лад. Сыктывкар. № 2. С. 4–24.

2004. О компьютерном фонде «Выль коми кыввор» (Новая коми лексика) // LU. № 2. P. 129–134.

2004. Способы передачи русских придаточных предложений времени в коми переводах Евангелия от Матвея // LU. № 3. P. 188–196.

Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л.

1989. О некоторых взглядах Каллистрата Жакова на язык // СФУ. 1989. № 4. С. 288–291

1990. Лингвистические исследования Общества изучения Коми края // LU. № 4. С. 306–313.

Цыпанов Е.А., Плосков И.

1992. Общественная оценка древнекоми письменности (к 620-летию коми письма) // LU. № 3. С. 208–213.

Федорова А.Н.

1975. И.А. Куратов. Сыктывкар.

1976. Иван Куратов в Усть-Сысольске // Куратовские чтения. Сыктывкар. Т. 2.

Федорова О.

2003. Морская династия Крузенштернов в истории России // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект. СПб. Вып. 1. С. 51–59.

Федюнева Г.В.

1988. А.С. Сидоров — лингвист // Лексикология и лексикография коми языка. Сыктывкар. С. 6–12. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 41.)

1992. Алексей Семенович Сидоров // Сидоров А.С. Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар. С. 5–22.

Филиппова В.В.

2002. Фольклорные традиции с. Керчомья Усть-Куломского района (к изучению микролокальной фольклорной традиции) // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования: материалы конф. Сыктывкар. С. 22–27.

2006. Обрядовая поэзия коми в записях XIX века // Вопросы коми филологии. Сыктывкар. С. 39–45.

Фирсов Н.А.

1858. Очерк воспитания девиц в Пермской губернии // Русский педагогический вестн. № 10–12.

1859. Об открытии народных училищ в Пермской губернии // Пермский сборник. М. Кн. 1.

1866. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань.

1869. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время. Казань.

1891. Памяти Петра Дмитриевича Шестакова. Мысли его об общественном воспитании в России во-

обще и инородческого населения в Северо-Восточной части России в частности // Изв ОАИЭ. Т. 9. Вып. 1. С. 1–20.

1894. Материалы для истории Пермской гимназии. Пермь.

Фирсов Н.Н.

1892. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов А.А. Дмитриева // Изв. ОАИЭ. Т. 10. Вып. 2. С. 235–236.

Фирсов Н.Н., Корсаков Д.

1904. Н.И. Смирнов (Некролог) // Учен. зап. Казан. ун-та. Кн. 9. С. 40–45.

Фишер И.Э.

1755. Рассуждение И.Э. Фишера о гиперборийцах или о народе за севером находящемся // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Февр. С. 130–135.

1774. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненным на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской академии наук и профессором древностей и истории, также членом исторического Геттингенского собрания Иоганном Ебергердом Фишером. СПб.

Флеров А.

1806. О древностях зырянских // Лицей. 1806. Ч. 4. Кн. 3. С. 116–119.

1812. О заволоцкой чуди // С.-Петерб. вестн. № 10.

1813. Зырянская грамматика. СПб.

Флетчер Дж.

1813. О государстве Российском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб.

2002. О государстве Российском. М.

Флоря Б.

1967. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М.

Формозов А.А.

1995. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел». 1830–1860 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб. С. 28–35.

2002. О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. М. Вып. 3. С. 73–126.

Фрадкин Н.Г.

1950. Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. М.

Фрейдин И.Л.

1975. Сидоров М.К. // Летопись Севера. М. Т. 5.

Эбергард Избраннедес.

1789. Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай И.Э. посланником в 1692 году, марта 14 // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М. Ч. 8. С. 360–470.

Экспедиция братьев Н.Г. и Г.Г. Кузнецовых на Северный Урал // Землеведение. 1909. Кн. 4. С. 70–74.

Элерт А.Х.

1990. Экспедиционные материалы Г.Ч. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск.

1999. Миллер Г.Ф. — этнограф сибирских народов // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб. С. 484–489.

1999. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск.

2006. Герхард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 1: Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: История организации и научное наследие: материалы Междунар. симп. Екатеринбург. С. 15–28.

Энгельгардт А.П.

1892. Очерк крестьянских хозяйств в Казанской и других средневолжских губерниях. Казань.

1897. Русский Север. Путевые записки. СПб.

1902. Замечания по поводу записки А.С. Н-на «Истинные богатства нашего Севера и возможность его заселения», [представленной Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности]. СПб.

1902. Черноземная Россия. Очерк экономического положения края. Саратов.

1904. Положение в земледельческой промышленности России и средства по ее улучшению. Посмертный труд А.П. Энгельгардта. СПб.

Эпштейн Е.М.

1958. Деятельность В.В. Крестинина по изучению Русского Севера // Учен. зап. Петрозавод. ун-та. Петрозаводск. Т. 7. Вып. 1: Исторические и филологические науки.

Эрдели Ишгван.

1998. Волжские болгары и венгры // Finno-Ugrica. № 1. С. 13–14.

Этнографические замечания и наблюдения [Кастрена] о лопарях, корелах, саамах и остяках, извлеченных из его путешествий 1834–1844 гг. // Этнографический сборник РГО. 1858. Ч. 4.

Югов А.С.

1996. Христианские истоки коми детской литературы // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар. С. 59–63.

Юрченков В.А.

1992. Знаток и исследователь религии // Вестн. Мордов. ун-та. № 3.

1995. Взгляд со стороны. Саранск.

Юхм А.И.

1971. Поездка В.Н. Татищева в Швецию (1724–1726 гг.) // Исторические записки. М. С. 269–335.

Языков Д.Д.

1885. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб. Вып. 2.

Якушин Н.И.

1965. По градам и весям. Очерки жизни и творчества П. Засодимского. Вологда.

Янович Д.Т.

1926. Каллистрат Фалалеевич Жаков. 1865–1926 // Коми му. № 1–2. С. 5–6.

Ярош Г.

1968. Ф.И. Табберт-Страленберг — спутник исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта // Изв. Сибирского отделения наук. Т. 1 (136). Вып. 1. С. 68–72.

Ястребов Е.В.

1970. Сведения о Приуралье и Уральских горах в описаниях арабских путешественников и географов X–XIV вв. // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Пермь. № 230. С. 171–188.

Aalto P.A.

1958. Suomalais-ugrilaisen Seura. 1933–1958 // JSFOu. Vol. 60.

1971. Oriental studies in Finland. 1829–1918 // The History of Leaning and Science in Finland. Helsinki. Vol. 10.

Brand Adam.

1712. Neu vermehrte Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise... Berlin.

Adelung F.S.

1827. Siegmund Freiher von Herberstein. Mit besonderer Rücksicht für seine Reisen in Russlan. SPb. Русский перевод: СПб., 1827.

Adelung J.C.

1806. Mithridatres oder allgemeine Sprachenkunde. Berlin. Vol. 1.

Alapuro R.

1973. Akateeminen Karjala-Seura. Ylioppilasliike ja kansa 1920-ja — 1930-luvulla. Porvoo.

Ahlqvist A.E.

1875. Andr. Joh. Sjögrenin elamakerta ja kirjoitukest // Kieletär. Helsinki. № 2. S. 3–20.

1875. Dei Kulturwörter der westfinischen Sprachen. Ein Beitrag zur der älteren kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors.

Amburger E.

1957. Fremde Unternehmer in Russland bis zur Oktoberrevolution im Jahre 1917 // Zeitschrift für Firmengeschichte und Unternehmer-Biographie. Baden-Baden. № 4.

Aminoff T.G.

1880. Syrjääniläisiä häälauluja.Alkutekstistä suomenleisella ja saksalaisella käännöksellä varust T.G. Aminoff // Acta soc scient fennicae. Helsingforsiae. № 11.

1880. Hochzeitsgesänge. Mit finnischer und deutsher Ubersetzung hrsg T.G. Aminoff // Acta soc scient fennicae. Helsingforsiae. № 11. S. 203–231.

Andersen M.S.

1958. Britain's discovery of Russia 1553–1815. L.

Anttonen V.

1987. Uno Harva ja suomalainen uskopntotiede // Suomi. № 118.

1989. Uno (Holmberg) Harva as field ethnographer // Uralic Mythology and folklore / ed. M. Hoppal and J. Pentikäinen. Budapest. P. 33–48.

Arne T.

1914. La Suéde et l´Orient. Etudes archéologiques sur les relations de la Sude et de l´Orient pendant l´age des Vicing. Uppsala.

Aspelin J.R.

1877–1884.Antiquites du nord fenno-ougrien. Helsimngfors. Vol. 1–5.

August Ludwig Schlazer und Russland. Berlin, 1961.

Bibliographia Studiorum Uralicorum. 1917–1987. Библиографический указатель работ по уралистике. Т. 2. Ч. 1. Этнография. М., 1989.

Birgegard U.

1993. Johan Gabriel Sparfvenfelt and the Lexicon Slavonicum; his contribution to the 17th centry Slavonic lexicography. Uppsala, 1985 // Вопр. языкознания. № 1–3. С. 147–151.

Beke Ödön

1937–1938.Finnisch-ugrischen Spraschstudien in ungarischen Krigsgefangenenlageren // JSFOu. Vol. 49. P. 1–15.

Bereczki Gábor

1974. Der 90. Geburtstag von Dávid Fokos-Fuchs // СФУ. № 4. С. 291–293.

Black J.L.

1986. G.F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston; Montreal.

Branch M.

1901. Sjögren studies of North // MSFOu. Helsinki. Vol. 152.

1906. The Akademy of Science in St. Petersburg as center of Finno-Ugrian studies 1760–1860 // JSFOu. Vol. 86.

1999. The Akademy of Science in St. Petersburg as a center for the study of nationalities in the North — East Baltic // National History and Identity / Studia Fennica. Ethnologica. 6. P. 122–137.

Brentjes Burchard, von

Dannil Gotlib Messerchmidt — der Pioner der sibirischen Archeologi // UAJ. NF. Bd. 8. S. 137–138.

Büsching A.F.

1785. Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwüdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer. Halle. Th. 3. S. 1–160.

Castren M.A.

2001. Elementa grammatices Syrjäehae. Helsigforsiae.

1844. Anteckningar om savolotscheskaja Tschud // Suomi. S. 1–22.

1853. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844. SPb.

1853–1858. Nordische reisen und Forschungen. Bd. 1–12. SPb.

Domaschnev S.

1780. Acta Academie Scientiarum Imperrialis Petropolitane. SPb.

Donner O.

1891. August Engelbrekt Ahlqvist. 20 marrast. 1889 // ASSF. Vol. 17. S. 539–550.

Gottfried Wilhelm Leibniz.

2005. Sämtliche Schriften und Briefe. Bd. 8. Berlin.

Ibn Fadlan.

1988. A Voyages chez les Bulgares de la Volga. Sindbad.

Ides E.Y.

1704. Dreijaarige reize naar China, te Lande gedan door den Moskovischen Afgezan, E. Ysbrants Ides van Moskou af, Groot Ustiga, Siriania, Permia, Sibirien, Daour, Groot Tartaryen Tot in China. Amsterdam.

Itkonen Erkki.

1979. D.R. Fokos-Fuchs. 1884–1977 // FUF. Bd. 43.

Itkonen T.I.

1950. Albert Hämäläinen // SM. Vol. 57.

Ivanitzky N.

1882. Über die Flora des Gouvernemets Wologda // Botanische Jahrbücher. Berlin. Bd. III. Helf 5.

Jarring G.

1976. Strahlenberg in schwediscer Literatur und Wissenschaft, Ein biobibliographische Übersicht // UAJ. Bd. 48. S. 121–123.

Jarosch G.

1966. Tabbert-Strahlenberg als Reisegefährte Messerschmidt // Quellen und Stulien zur Geschichte Osteuropas. Berlin. Vol. 15. S. 215–220.

Joki A.J.

1977. August Ahlqvist fennougritina // Neuvostoliittoninstuutin vuosikirja. Helsinki. T. 25. S. 51–62.

Jovius (Giovio) Paolo

1525. Novocomensis libellus de legatione Basilii, Mfgni Principis Moschouiae, ad Clementem VII pont. max… Romae.

Jutikkala E.

1964. Geschichte Finnlands. Stuttgart.

Farkas J., von.

1948. S Gyarmathi und fnnisch-ugrische Sprachvergleichtung // Nachrichten der Academi der Wissenschaften in Göttingen. Philosopisch-Historische klasse. Göttingen. S. 110–136.

August Ludwig Schlazer und finnish-ugrische Geschihts-, Sprach- und Volkskunde // Ural-Altaische Jahrbucher. Bd. 24. № 1–2. S. 1–22.

Fischer J.E.

1965. Vocabularum continens trecenta vocabula triginta guator gentium, maxime ex parte sibiricanim. 1741–1747. Опубликовано: Doerfer G. Altere westeuropaische Quellen zur Kalmickischen Sprachgeschichte // Asiatische Forschungen. Vol. 18.

Fehlig Bodo, von.

1982. Index zu P.S. Pallas´ «Flora Rossica» // UAJ. NF. Bd. 2. S. 114–137.

Fletcher G.

1966. Of the Russe Commonwealth. Cambridge; Mass.

Fuchs D.R. (Fokos-Fuchs D.R.)

1911. Eine Studirenreisen zu Syrjänen // KeletiSzemle. Budapest. Ev. 12. Szám. 1–2. S. 229–260.

1912–1913. Zürjén népköltészeti mutatványok. NyK. Ev. 41. S. 275–309; Ev. 42. S. 86–173.

1913. Zürjén népköltészeti mutatványok. Budapest.

1914–1917. Zürjen szövegek. NyK. Ev. 43. S. 327–382; Ev. 44. S. 67–105, 223–320, 428–458; Ev. 45. S. 401–468.

1917. Zürjén szövegek. Budapest.

1923–1924. Beitrage zur kenntnis des volksglauben der Syrjanen // FUF. Bd. 16. S. 237–274.

1951. Volksdichtung der Komi (Syrjänen). Budapest.

1952. Volksbrauche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki.

1953. Aus dem Gebeite Lehnbeziehnungen // ALH. S. 211–289.

1959. Syrjänisches Worterbuch. Budapest. Bd. 1–2.

Fraehn C.M.

1823. Ibn-Fozlfns und anderer araber Berichte über die Russen. SPb.

Gyarmathi S.

1799. Affinitas lingvae hvngaricae cvm lingvis fennicae originis grammatice demonstrata. Gottingen.

Györffy Gy.

1975. A maggarok elöderöl és a honfoglásoról. [О предках венгров и об обретении родины. На венгерском языке]. Budapest.

Gulya Janos.

1984. J.E. Fischer (1697–1771) und Uralische Etimologieforschung // Linguistica et Philologica. Gedenkschrift für Björn Collinder. Wien. S. 183–189.

1995. Fischer J.E. Vocabalarium Sibiricum (1747). Der etimologisch-vergleichende Anteil. Bearbeitet und herausgegeben von Janos Gylia. Frankfurt am Main. (Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia).

Das 18 Jaharhundert und Sibirien // UAJ. NF. Bd. 11. S. 193–195.

Haltsonen S.

1947. Theodor Schvindt. Kansatieilijä ja kotiseuduntutkija. Helsinki.

1954. Antti Juhanna Hippingin tutkielma suomalaisesta kirjallisuudesta v. 1820 // Kirjallisuudentutkijain seuran vuosikirja. Helsinki. V. 13. S. 125–136.

1956. Anti Juhanna Sjogren ja kansantietous // Kalevalaseuran vuosikirja. Bd. 36. S. 204–222.

Hautala J.

1992. Finish folklore research 1828–1918 // The History of Leaning and Science in Finland. 1828–1918. Helsinki. Vol. 12.

Henning G.

1914. Die Reisberichte über Sibirien von Gerberstein bis Ides // Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig. S. 241–394.

Herberstein S., von.

1549. Rerum Moskoviticarum Commentarrii. Vindobonae.

Hirsjärvi A.

1957. Veröfeentlichungen von Ilmari Manninen // Kansatieteellinen Arkisto. Helsinki. Bd. 13. S. 179–190.

Hoffmann E.K.

1928. Geognostishe Beobachtungen, angestellt auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1823–1826. Berlin.

1856. Der Nordische Ural und Küsteugebierge Pae-Choi. Bd. 1–2.

Holmberg-Harva Uno.

1913. Die Wassergottheiten der Finisch-ugrischen Völker // MSFOu. Vol. 32.

1914. Permalaisten uskonto // The Religion of the Permian. Porvoo.

1927. Finno-ugric Mithology // The Mithology of all Races. Boston. Vol. 4.

Honko L.

1971. Uno Harva (1882–1949) // Biographica: Nordic Folklorists of the Past Uppsala.

Hämäläinen A.

1908. Tšeremissien uhritapoja [Черемисские жертвоприношения. На финском языке] // JSFOu. Bd. 25. S. 1–17.

1908. Matkakertomus [Рапорт о путешествии. На финском языке] // JSFOu. Bd. 25. S. 19–22.

1908. Epifanij Viisiaan antamant tiedot Pyhästä Tapanista ja hänen aikuissistaan syrjääneista // Epifanij Viisiaan tiedot. Helsinki.

1913. Mordvalaisten, tseremissien ja votjakkien kosinta ja häätavoista. // MSFOu. Vol. 29.

1920. Ihmisruumiin substanssi suomalais-ugrilaisten kansojen taikuudessa. Taikapsykologinen tutkimus // MSFOu. Vol. 47.

1926. Tšeremissen ja syrjäänien saunoista // Suomen museo. Bd. 33.

1937–1938. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karls XII über die finnisch-ugrischen Völker // JSFOu. Vol. 49. P. 1–55.

1939. Suomalais-ugrilaisen kansatieteen nykyissestä asemasta // Valvoja-Aika.

1950. Der Hl. Stephan, der Apostol der Syrjänen // MSFOu. Vol. 98.

Hundt M. (Hg).

1999. Beschreibung der dreijahrigen chinesischen Riese. Die russische Gesandtschaft von Moskau nach Peking 1692 bis 1695 in Darstellungen von Eberhard Isbrand Ides und Adam Brand. Stuttgart.

Jutikkala E.

1964. Geschichte Finlands. Stuttgart.

Kannisto A.

1937–1938. Puhe professori Yrjö Wihmann hautapatsaan vihkiäisissä Helsingin nautausmaalla lokak // JSFOu. Vol. 49.

1937–1938. Otto Donner suomalais-ugrilaisten kielten tutkijana // JSFOu. Vol. 49.

Karjalainen K.F.

1908. Den Andenken Anton Regulys // FUF. Bd. 8.

Keyserling A., Krusenstern P.

1846. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land im Jare 1843. SPb.

Keuning J.

1954. Nicolaas Witsen as a cartographer // Imago Mundi. Bd. XI. S. 95–104.

Kodalányi J.

1963. Antal Regyli // Glaubenswelt und Folklore der sibirische Völker. Budapest. S. 17–28.

1985. Finnisch Ethnology in Hungary // Friends and Relatives. Budapest. P. 100–102.

Kokkonen P.

2006. Kiellettyjen kirjojen kirjottaja // Kansalliskirjasto. № 2. S. 30–35.

Korhonen M.

1902. Finno-Ugrian Language Studies in Finland. 1828–1918 // The History of Leaning and Science in Finland. Helsinki. Vol. 11.

Krohn K.

1910. Über die finnische folkloristische metod // FUF. Bd. 10. S. 33–43.

Lako Gy.J.

1970. Sajnovics und sein Demonstratio // ALH. Bd. 20. S. 269–289.

Lach Robert.

1926. Gesange russicher Krigsgefanger. Finnisch-ugrische Völker. 1 Abtielung. Wotjakische, syrjänische und permjakische Gesange.Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permjakische von Dr. Raphael Fuchs. Wien; Leipzig. Bd. 1.

Lehtinen Idiko, Kukkonen Jukka.

1980. Iso karhu. The Great Bear. Arkistokuvia etaisten kielisukulaistemme asuinsijoilta. Volga-Finnic, Permian Finnic и Ob-Ugrian Peoples. Lahti.

Lehtonen J.U.E.

1972. U.T. Sirelius ja kansatiede // Kansatieteelllinen Arkisto. Helsinki. Vol. 23.

1992. Feld expedition as source of Finno-Ugrian Ethnology // Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica. 1. Tampere.

Luntinen P.

1984. Karjalaiset suomalaisuuden ja venalaisyyden rajalla — Venalaiset Suomessa 1909–1917 // Suomen Historiallinen Seura. Historiallinen arkisto. T. 83.

Manninen I.

1934. Johdato // Suomen Suku. Helsinki. Vol. 3.

Markwart J.

1924. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Lander aus dem 10 Jh. // Ungarische Jarbücer. Bd. 6. № 3–4.

Maceijz Miechowa.

1517. Tractatus de duabus Sarmatiic Asiana et Europiana et de cjntentis in eis.

Manaster Ramer A., Sidwell P.

1997. The truth about Stralenberg,s classification of the languages Norteastern Eurasia // JSFOu. Vol. 87.

Manninen I.

1922. Die dämonischen Krankheiten im finnishen Volksaberglauben // FFC. Bd. 45.

1929. Suomensukuiset kansat [Финно-угорские народы. На финском языке]. Poorvo.

1931. Überreste der Sammlerstufe und die Notnahrung aus dem Pflanzenreich bei den nordeurasischen, vorzug-

sweise der finnischen Völker // Eurasia Septentrijnalis Antique. Bd. 6.

1932. Die finnisch-ugreischen Völker. Leipzig.

1934. Johdanto [Предисловие] // Suomen Suku. [Финское племя]. Helsihki. Bd. 3. S. 3–46.

1957. Fortbewegungs — und Transportmittel. Dei Kleidung // KA. Helsinki. № 13. S. 11–178.

Messerschmidt D.G.

1962–1968. Forschungsreise durch Sibiria 1720–1727. Berlin. Bd. 1–5.

Mezey Istwán

1965. Schwedische Einwirkungen auf die Entwicklung der altern ungarischen Sprachwissencchaft // Spräkliga Bidrag. Spr. B. Lund. V. 5. № 21.

Miquel A.

1997. Ibn Fadlān // Dictionnaire de l´Islam. Religion et civilization / Encyclopaedia Universalis. Albin Michel. P.

Mikkola J.J.

1936. Vorbereitungen zur Grünlung der Finnisch-ugrischen gesellschaft // MSFOu. Vol. 71.

Möschey I.

1922. Comi (Zyraniens et permiens) // L´Est Eurepeén. Revue mensulle illustreé des questions politiques, économiques, historiques et intellectuelles. 3-me année. n;o. 13–14. 20 Déc. 418–421 Varsovie.

Mösseg I.

1921. Syrjäänien sankari Pera. Kansantarina // Kalevalaseuran vuosikirja. Helsinki. № 1. S. 236–142

1922. Totuus bolshevismista Hennokanslaisen, punaarmeijasta Suomen paenneen kvaus. Koktmuksistaan. Helsinki.

1923. Bjarmia ja Venäjän tiedemiehet // Suomalainen Suomi. Helsinki. № 7. S. 82–86.

1923. Syrjäänit // kansanvalistusseura kalenteri. Helsinki. № 43. S. 127–134.

1923. Les people asservis par la Russie. II. Tcherémisses // L´Est Eurepeén. Revue mensulle illustreé des questions politiques, économiques, historiques et intellectuelles. 4-me année n;o. 1. Varsovie.

1923. Les people asservis par la Russie. III. Les Votiaqes. IV. Les Mordoviniens // L´Est Eurepeén. Revue mensulle illustreé des questions politiques, économiques, historiques et intellectuelles. 4-me année n;o. 3–4. S. 248–251. Varsovie.

1923. Les people asservis par la Russie. Comi. Quelques détails sur leur histoire avant la domination Rusi // L´Est Eurepeén. Revue mensulle illustreé des questions politiques, économiques, historiques et intellectuelles. 4-me année n; o. 7–8. 20 Oct. S. 475–478. Varsovie.

1927. Idän hiidenkattilassa. Erään syrjäniläsen muistelmat. Jyväskylä.

1930. Hätähuuto kansojen vankilasta. Helsinki. T. 1.

1932. Hätähuuto kansojen vankilasta. Helsinki. T. 2.

1931. Moskwa dawna i dzisiejza a narodu podbine polnocno-wschodniej Europy. Warszawa.

1939. Tunnetteko salaperäistä Venäjää? 1. Ovarko mainehikkaat bjamialaiset kuuoller? Helsinki.

1942. Komi-kansan. 1. Syrjäänien vaiheet // Heimolitto. Helsinki. № 5. S. 102–105.

Murchison R., Verneuil E., Keyserling A.

1849. Geologie des europäischeen Russland und Urals. SPb.

Munkácsi B.

1901. Arja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelekben/ Budapest.

Bernhard Munkáchi, D.R Fokos-Fuchs.

1953. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken // FUF. Bd. 31.

Nalimov V.P.

1908. Zur Frage nahc den ursprunglichen Bezeichungen bei den Syrjänen // JSFO. № 25. S. 1–31.

1907. Georgij Lytkin // FUF. Bd. VII.

Nehring A.

1897. Freiherr von Herberstein. Wien.

Nevalainen P.

1990. Inkerilainen Siirtovaki Suomessa 1940-luvulla. Keuru.

Nordman C.A.

1959. Arkeologian ja kansatieteen tutkimus // Oma Maa. Helsinki. № 5.

Niranen T.

1992. Pioneers of Finnisch Ethnology // Pioneers: The History of Finnisch Ethnology / Studia Fennica Ethnologica. I. Tampere. P. 30.

Nygra T.

1969. Venalaisvaistaisuus ja Suur-Suomi ajatus suomalaisen aarioikeiston ideologissa // Suomen Historiallien Seura. Historiallien arkisto. 1985. T. 86.

Ödön Beke.

1937–1938. Finnisch-ugrischen Spraschstudien in ungarischen Krigsgefangenenlageren // JSFOu. Vol. 49. P. 1–15.

Pallas P.S.

1782. Nachricht von D.G.Messerschmidts siebenjahrigee Raise in Sibirien // Neue Nordische Beytrage zur physikalischen und geographischen Erd- und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. SPb. Bd. 3. S. 97–158.

1784–1788. Flora Rossica. SPb.

1787–1789. Linguanim titus orbis vocabularia comparativa. Vol. 1–2. Petropoli.

Paulson Ivar.

1958. Die primitiven Seelenvorstellungen der nordeurasischen Völker // The Etnographical Museum of Sweden. Monographic Series. №. 5. Stockholm.

Pentikäinen J.

1971. Julius and Kaarele Krohn // Biographica: Nordic Folklorists of the Past. Uppsala. P. 11–33.

Pogodin A.

1901. Žakov. Этнологический очерк зырян (ЖС. 1901. Т. 11. С. 3–36) // FUF. Bd. 1. S. 211–213.

Ravila Paavo

1933. Suomalais-ugrilaisen Seura. 1883–1933 // JSFOu. Bd. 46.

1949. T.E. Uotila // FUF. Bd. 30. S. 34–36.

1951. Uno Harva // FUF. Bd. 30. S. 75.

Redei K.

1988. Permjakisches Worterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows. Budapest.

Reguli A.

1846. Ethnographisch-geographische Karte der nördlihcen Uralgebiete, entworfen auf einer Reise in der Jahren 1844/1845. SPb.

Reutenfels J.

De rebys Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tetrium. Patavii MDCLXXX. Typis Petri Mariae Frambotti Bibliopol. Sup. Perm.

Richter L.

1946. G.W. Leibniz und sein Ruslandbild. Berlin.

Räsänen R.

1992. Albert Hämäläinen — champion of Finno-Ugrian ethnology // Pioneers: The History of Finnish Ethnology. Tampere. (Studia Fennica, Ethnologica. 1.)

Sajnovics J.

1770. Demonstratio. Idioma Ungarorum et Lapponium idem esse. Hafnaas.

Setälä E.N.

1900. I.N. Smirnow´s Untersuchungen über die Ostfinnen // JSFo. Vol. 17.

1901. Die finnisch-ugrischen studien als universitätfach // FUF. Bd. 1. Heft. 2. S. 40–67.

1901. Über die benennungen der finnisch-ugrischen Völker und Sprachen und die abkürgungen dersellen // FUF. Bd. 1. S. 180.

1904. Ivan Nikolaevich Smirnov. (1856–1904) // FUF. Bd. 4. S. 85–88.

Julius Krohn // Valvoja. Vol. 8. P. 378–383.

1909. Otto Donner // FUF. Bd. 9.

1910. Otto Donner. In memoriam // JSFOu. Vol. 27. P. 1–28.

1913–1918. Mathias Alexander Castrénin satavuotiaspäivänä // JSFOu. Bd. 30. S. 22.

1933. Yrjö Wichmann 8.IX.1868–3.V.1932 // FUF. Bd. 21. H. 1–3. S. 1–4.

Sihvo H.

1969. Karjalan loytajt // Karjalan Seuran Julkaisut. Helsinki.

Sjögren A.J.

1821. Uber die finnische Sprache und ihre literature. SPb.

1832. Uber die ältertn Wohnsitze der Jemen. I–II // Mémoires de l´Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. SPb. Vol. 1. P. 263–345.

1832. Wann und wie wurden Sawolotschje und Sawolotschjen Tschuden Russisch? // Mémoires de l´Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. SPb. Vol. 1. P. 491–526.

1832. Über geammatischen Bau der syrjänischen Sprachen mit Rücksicht auf die Finnischen // Mémoires de l´Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. SPb. Vol. 1. P. 149–169.

1861. Die Syrjänen: ein historisch-statistisch-philologiscer Versuch // Sjögren A.J. Gesfmmelte Schriften. SPb. Bd. 1. S. 235–459.

Schloezer A.L.

1771. Allgemeine Nordische Geschichte. Halle.

Schrenck A.G.

1848–1850. Peise nach dem Nordiosten des europäischen Russlands, durchdie Tundren der Samojeden zum arktichen Uralgebirge. Dorpart. Th. 1–2.

Sirelius U.T.

1902. János Jankó // FUF. Bd. 2. S. 85–89.

1904. Uber die Sperrfischer bei den finnis-ugrischen Volkern. Eine vergleichende ethnographische Untersuchung // SUSKJ. Helsinki. Vol. 3.

1908. Matkakertomus kansatieteelliseltä matkalta permalaiskansain keskunteen kesää // JSFOu. Vol. 25. S. 15–17.

1908–1911. Über die primitiven wohnungen der finnischen und ob-ugrischen volker // FUF. 1907. Bd. 7. S. 55–128; 1908. Bd. 8. S. 8–59; 1909. Bd. 9. S. 17–113; 1911. Bd. 11. S. 23–123.

1910. Über die primitiven wohnungen der finnischen und ob-ugrischen volker. Helsingfors.

1919, 1921. Suomen kansanomaista kulttuuria. Helsinki. Bd. 1–2.

1928. Die syrjanische wohnung in ihrem verschiedenen entwicklungsstadien. Eine vergleichende untersuchung // SUST. № 58. S. 331–356.

1983. Reise zu den Ostjken // SUSKJ. Vol. 11.

Status de la Société Finno-Ougrine // JSFOu. 1886. Vol. 1.

Sorokin P.

1937–1941. Social and cultural dynamics. N.Y. Vol. 1–4.

1925. The Sociology of Revolution. Phil.; L.,

Stipa G.

1961. Der Ursprung der permischen Sprachen // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischtn Gesellschaft. Wiesbaden. Bd. 110. H. 2. Noue Folge. Bd. 35.

1990. Finnish-ugrische Sprachforschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus // MSFOu. Vol. 206.

Storch H.

1798. Materialen zur Kenntniss des Russischen Reichs. Riga. Vol. 1.

Stralenberg P.I.

1730. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia in so weit solches das ganze Russische Reich und Sibirien und grossen Tatarey in sich begruffet, in iner Historich-Geographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten, und vielen andem unbekannten Nachrichten vorgestelle, nebst einer noch neimahls ans Licht gegebenen Tabula Polydlotta von zwei und dreizigerley Arten Tatariscvher Völkersprachen und einem Kalmuckischen Vokabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Landcarte von de benannten Länderen und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Scythische

Antiqyität betreffen; Bei Gelegenheit der Schwedischen Kriegsgefangenschafft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstatteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget von Philipp Johann von Stralenberg. Stocholm.

1975. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. With an Introduction by J.R. Krueger // Studia Uralo-Altaica. Szeged. Bd. 8.

Stralenberg F.J. // Svenskt biografiskt handelexikon. Stokholm, 1906. Bd. 2. S. 541.

Strindberg A.

1879. Philipp Johann Strahlenberg och hans Karta ofver Asien // Svenska Sälleskapet för Antropologi och Geogrtafi. Geografiska Sektion Tidskrift. № 6.

Streseman E.

1962. Leben und Werk von Peter Simon Pallas // Lomonosov, Schlazer, Pallas. Deutsche-Russische Wissenschaftsbeziehungen im 18 Jahrhundert. Berlin. S. 247–257.

Strindberg A.

1879. Philipp Johann Strahlenberg och hans Karta ofver Asien // Svenska Sälleskapet för Antropologi och Geogrtafi. Geografiska Sektion Tidskrift. № 6.

Suomalais-ugrilaisen Seura Julkaisut / publication of the Finno-Ugrian Society. 1885–1995. Helsinki, 1995.

Szamota I.

1892. Régi magyar utazók Európában. 1532–1770. [Древние венгерские путешественники в Европе. На венгерском языке. 1532–1770]. Nagybecskerek.

Talve I.

1992. Ilmari Manninen in Finland and Estonia // Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica. 1. Tampere.

Tardi L.

1954. Balugyánszky Mihály. Budapest.

Teplouchov A.E.

1879. Über die prähistorische Opferssttätten am Uralgebrige // Archiv für Anthropologie. Bd. 12. Hf. 2

Teryukov A.I.

1986. Concering the question of komi-samoyed ethno-cultural parallels / Traces of the Central Asian cultur in the North // MSFOu. Vol. 194. P. 249–261.

The University of Turku. Turku, 1982.

Toivonen Y.H.

1944. Yrjö Wichmann Syrjanischer Wortschatz nebst Hauptzugen der Formenleher (Helsinki, 1942) // FUF. Bd. 28.

Unverzagt G.-J.

1725. Die Gesandschaft... von Gross-Russland und den Sinesischen Kayser. Lubeck.

Uotila T.E.

1933. Zur Geschichte des Konsonantismus in der permischen Sprachen // MSFOu. Vol. 65.

1934. G.S. Lytkin. Русско-зырянский словарь // FUF. Bd. 22.

1936. Huomautuksa syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista // Virittäjä. № 40. S. 199–207.

1939–1940. Etimologische Beitrage // FUF. Bd. 26. S. 144–191.

1942. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenleher. Helsinki. Bear. und hrsg. von E.T. Uotila // Lexica Cocietats Fenno-ugricae. Vol. 7.

1943–1944. Lehnwörter des Permischen // JSFOu. Vol. 411.

1947. Vähan syrjäänin ja vepsän kosketuksista // Virittäjä. № 51. S. 142–146, 233–234.

1985. Syrjänische Texte gesammelt von T.E. Uotila. B. 1: Komi-Permjakisch // MSFOu. Helsinki. Vol. 186.

1986. Syrjänische Texte gesammelt von T.E. Uotila. B. 2: Komi-Syrjänisch // MSFOu. Helsinki. Vol. 193.

1989. Syrjänische Texte gesammelt von T.E. Uotila. B. 3: Komi-Syrjänisch // MSFOu. Helsinki. Vol. 202.

1995. Syrjänische Texte gesammelt von T.E. Uotila. B. 4: Komi-Syrjänisch // MSFOu. Helsinki. Vol. 221.

Baer K.E., von.

1845–1855. Kurzen Bericht Uber wissenschafliche Arbeiten und Reisen, welche zur näheren Kenntniss des Russichen Reichs in Bezuge auf seine Topographi, physische Beschaffenheit, seine Naturproducte, den Zustand seine Bewohner u.s.w. in der letzten Zeit ausgetüihrt, fortgesetzt oder eingeleitet sind // Beiträge zur Kenntniss des Russichen Reiches und angranzen den Länder Asiens. SPb. Bd. 9. Vol. 1–2. S. 230–241.

Vilkuna K.

1937. Ilmari Maninenn // FUF. Bd. 24. S. 54–57.

1946. Kansatieteellinen tutkimuksemme // Viritäjä. P. 353–355.

1957. Ilmari Manninen // Kansatieteellinen Arkisto. Helsinki. Bd. 13. S. 8–10.

Vuorela T.

1960. Ethnology in Finland before 1920 // The History of Leaning and Science in Finland. Helsinki. Vol. 11.

Witsen N.

1878. Nord er Oost Tartarye, Ofte bondigh Ontwerp van eenige dier landen en volken. Amsterdam.

Weiss Peg.

1995. Kandinsky and Old Russia. The Artist as Ethnographer and Shaman. New Haven; L.

Wessel Katri, von.

2003–2004. Leibniz und das Finnisch-Ugrische in seinen Brifwechsel (Teil 1) // UAJ. NF. Bd. 18. S. 67–102.

Wichmann Y.J.

1899. Die Verwandeten des finn. vaski (Kupfer) in der permischen Sprachen (Syrjänischen und Wotjakischen) // JSFOu. Vol. 16.

1901. Statistiche Mitteilungen über Mordvinen, Thceremissen, Wotlken und Syrjänen // FUF. Bd. 1. S. 234–235.

1901. I.N. Smirnow´s Untersuchungen über die Ostfinnen // FUF. Bd. 1. Heft 2.

1901. Etymologisches aus den permischen Sprachen. 1–3 // FUF. Bd. 1.

1902. Samojedisches Lehtung im Syrjänischen // FUF. Bd. 2. S. 165–183.

1903. Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen Shrache // JSFOu. Vol. 23. S. 1–171.

1903. Syrjänen Kieltä. Helsingfors.

1912. Etymologisches aus den permischen Sprachen. 15–28 // FUF. Bd. 12.

1960. Etymologisches aus den permischen Sprachen. 4–14 // FUF. Bd. 3.

1960. Kurzer Bericht über einen Studienreise zu den Syrjänen 1901–1902 // JSFOu. Vol. 21. S. 3–47.

1928. Wirkungen des Weltkrieges auf die finnisch-ugrieschen Völker und ihre wissenchaftliche Erforschung // JSFOu. Vol. 44. S. 10–19.

1928. Syrjäänit eli komilaiset // Suomen Suku. Helsinki. O. 2. S. 322–350.

Следы человеческих жертвоприношений у вотяков // ИОФИЭ. Т. 11. Вып. 3.

1930. Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrischen Volker und ihre wissenschaftliche Erforschung // JSFOu. Vol. 44. Helf. 4. S. 10–19.

1942. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenleher. Helsinki. Bear. und hrsg. von E.T. Uotila // Lexica Cocietats Fenno-ugricae. Vol. 7.

2001. Syrjänische Volksdichtung. // MSFu. Vol. 33.

Widemann F.J.

1880. Syrjanisch-deutsches Worterbuch nebst einem Wotjakisch — deutschen im Anbage und einem deutschen Register. SPb.

Winter E.

1953. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Ruβlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin.

Witsen N.

1692. Noord en Oost Tartarie, behezende eene Beschryving van verscheldene Gewesten, in de Noorder en Oestelykste Deelen van Asien en Europa, zedert naauw keurig onderzoek van veele Jaaren, en eigen onderwin dig outworhen, beschreven,geteekent, en int licht gegeven, door Mr Nicolaas Witsen, Burgemeester te Amsterdam, etc. etc. etc. Amsterdam.

Zabughin V.

1909–1912. Giulio Pomponio Leto. Roma. Vol. 1–2.

Zichy Eugéne

1900. Note de voyages en Sibérie // La Revue d′Europe. № 3–4.

Zimmerman C.C.

1973. Sociological Theories of Pitirim A. Sorokin. Bombey.

1968. Sorokin. The World, s Greatest Sociologist. Saskatoon.

Список использованных архивных материалов

Российский государственный исторический архив

Дело 1843 года о русско-зырянском словаре, составленном штабс-капитаном Н.П. Поповым. Ф. 387. Оп. 1. Ед. хр. 5057.

Дело 1847 г. об издании перевода «Наставления о картофеле» на зырянский язык. Ф. 398. Оп. 1. Ед. хр. 2167.

Шегрен А.М. Историк. Дело об утверждении его в звании адъюнкта Академии наук. Ф. 733. Оп. 12. Д. 396.

Государственный архив истории Санкт-Петербурга

Дело об оставлении П.А. Сорокина при Университете. Ф. 14. Оп. 3. Д. 10917.

Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова для приготовления себя, согласно предписания Министерства народного просвещения. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5843. 3 февр. 1858 г. — 1 авг. 1865. 51 л.

Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о командировке кандидата Г. Лыткина в калмыцкие стойбища. 1883 год. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8409.

Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина попечителя Университета о принятии Г. Лыткина в число студентов. Начато 1 декабря 1854 г. Кончено 15 сентября 1861 г. Ф. 14. Оп. 3. Д. 7438. Л. 1.

Инструкция профессора Бодуэна де Куртенэ магистранту К.Ф. Жакову. Ф. 737. Оп. 151. Д. 326. Л. 64.

Личное дело об оставлении при Университете Каллистрата Фалалеевича Жакова на кафедре русского языка и словесности. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9605.

Личное дело студента Императорского Санкт-Петербургского университета Жакова Каллистрата Фалалеевича. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37213. Л. 3.

Личное дело студента Санкт-Петербургского университета А.В. Журавского. Ф. 14. Оп. 3. Д. 38986.

Личное дело студента Санкт-Петербургского университета Питирима Александровича Сорокина. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56272.

Об экзамене П.А. Сорокина на ученую степень магистра уголовного права. Ф. 14. Оп. 3. Д. 4605

Переписка о допуске П.А. Сорокина к экзаменам за университетский курс. Ф. 14. Оп. 27. Д. 667.

Переписка VI С.-Петерб. гимназии за 1900 год с Попечителем учебного округа. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 8898. Л. 84 и др.

Переписка VI С.-Петерб. гимназии за 1902 год с Попечителем учебного округа. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 9410. Л. 35.

Психоневрологический институт. Личное дело № 366. 1909–1910 учебный год. Питирим Александрович Сорокин. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8799.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Старцев Г.А. Из жизни и работы Финно-угорского общества. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 54. Л. 25–25 об.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Видеман Ф.И. О русско-зырянском словаре штабс-капитана Н. Попова. Ф. 2. Оп. 1–1863. № 1.

Г.А. Старцев — В.Г. Богоразу-Тану из Берлина. Не датировано. Берлинский штемпель от 26. 09.27. Ф. 250. Оп. 4. № 314.

Г.С. Лыткин — И.С. Срезневскому. Ф. 216. Оп. 5. Ед. хр. 367.

Географическое описание Ношульской пристани. Ф. 94. Оп. 1. № 9/29–68. Л. 114–138.

Дело по изданию материалов по истории комизырян. Ф. 133. Оп. 1. № 1272.

Дневник Шегрена. Ф. 94. Оп. 1. № 256.

Докладная записка руководителя секции проф. Д.А. Золотарева на имя непременного секретаря АН СССР академику С.Ф. Ольденбурга о деятельности Русско-финской секции. Ф. 135. Оп. 1. № 51.

Документы по делу третейского суда между академиком В. В. Радловым и Л. Я. Штернбергом, с одной стороны, и Б Ф. Адлером с другой стороны. Разр. 2. Оп. 1. № 286.

Достопримечательное известие о реке Печоре с впадающими в оную водами и обитающими близ ее различных народах, с изъяснением существующих там неистощимых богатств из трех царств природы с весьма любопытными предположениями об улучшении торговли, навигации и промышленности в тамошнем крае. С достоверными примечаниями, собранных по опытам и очевидным сведениям в течение нескольких лет во время своих путешествий Вологодским гражданином Александром Деньгиным. Вологда. 1826. Ф. 94. Оп. 1. № 5/1–48. Л. 88–109 об.

Евангелие от Матвея на пермяцком языке, поднесенное А.И. Шегрену управляющим Строгановскими имениями в Пермской губернии Львом Озлоповским. Ф. 94. Оп. 1. № 218.

Замечания о зырянских древностях. Ф. 94. Оп. 1. № 9/29–68. Л. 139 об. – 149 об.

Известия о зырянах. Ф. 94. Оп. 1. № 9/29–68. Л. 446–451.

Канцелярия президента АН великого князя К.К. Романова. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 34.

Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка, собранные соликамского духовного правления третьего благочиния села Егвиеского Николаевской церкви благочинного иерея Федором Любимовым 1814 года мая 24 дня. Ф. 94. Оп. 1. № 5/1–48. Л. 271–288 об.

Краткое статистическое описание Пермской губернии. Ф. 94. Оп. 1. № 6/1–10. Л. 244–286 об.

Личное дело № 43. Ульянов Николай Иванович. Автобиография. Ф. 4. Оп. 4. № 4734. Л. 10–13.

Материалы о М.А. Кастрене. Ф. 250. Оп. 1. № 210.

Музей антропологии и этнографии. Переписка по сбору коллекций, январь 1906 — декабрь 1908 гг. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 58.

Музей антропологии и этнографии. Переписка с научными учреждениями и отдельными учеными СССР в 1935 г. Ф. 142. Оп. 1 (1935). № 34. Л. 44.

О путешествии доктора Кастрена в Сибирь для этнографических и лингвистических исследований. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 6.

О русско-зырянском словаре Н. Попова. 1862–1907. Ф. 2. Оп. 1–1862. № 19.

Отзыв академика А.М. Шегрена о рукописи М.А. Кастрена «Основания зырянской грамматики. Ф. 2. Оп. 1–1843. № 1. Л. 178–183.

Об издании «Пермяцкой грамматики» г. Рогова и словаря. 1859–1869. Ф. 2. Оп. 1–1859. № 28.

Об определении по Сибирской экспедиции магистра Кастрена. Ф. 4. Оп. 2 (1844). № 129.

О доставлении мещанином Мельниковым старинных актов. 10 сент. 1852 – 25 окт. 1855. 72 л. Ф. 133. Оп. 1. № 565.

О рассмотрении старинных актов, доставленных в Императорское Русское географическое общество мещанином Мельниковым. 1853. 7 л. Ф. 133. Оп. 1. № 577.

Описание древней Перми и Пермской губернии, сочиненной в 1824 г. пермским губернским заседателем [Сущевским]. Ф. 94. Оп. 1. 49 л. с об.

Отзыв академика Шегрена о книге «Усть-Сысола», составленный учителем Усть-Сысольского уездного училища В.М. Михайловым. Ф. 94. Оп. 1. № 101.

Отзыв о переводах Андрея Попова академика Шегрена. Ф. 94. Оп. 1. № 86, 95, 97–99.

Отзыв о переводах П. Савваитова академика Шегрена. Ф. 94. Оп. 1. № 73, 76, 87.

Отзыв о рукописном словаре Николая Попова академика Шегрена. Ф. 94. Оп. 1. № 86, 93.

О третейском суде между академиком В.В. Радловым, Л.Я. Штернбергом и проф. Б.Ф. Адлером, как представителями Музея антропологии и этнографии, и назначении ревизии. Ф. 2. Оп. I–I9I0. № 54.

Переписка с Печорской естественноисторической станцией. ПФЛ РАН. Ф. 2. Оп. I–1906. Ед. хр. 37.

Приказы по ЛОИИ за 27. 03. 34 — 5. 11. 36. Ф. 133. Оп. 1. № 1455.

Примечания академика Шегрена на «Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка», составленные протоиереем Ф. Любимовым. Ф. 94. Оп. 1. № 109.

Протоколы заседания Русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава СССР за 1927 год. Ф. 135. Оп. 1. № 20.

Протокол заседания Русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава СССР от 10 января 1928. Ф. 135. Оп. 1. № 20. Л. 153.

Протокол заседания Русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава СССР от 23 октября 1928. Ф. 135. Оп. 1. № 39. Л. 101.

Протокол заседания Русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава СССР от 20 ноября 1928. Ф. 135. Оп. 1. № 39. Л. 110.

Протокол заседания Русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава СССР от 21 декабря 1928. Ф. 135. Оп. 1. № 39. Л. 118.

Протоколы заседания финно-угорской секции Ленинградского отделения Центрального Института языка и письменности АН СССР от 30 июня и 2 июля 1937 г. Ф. 302. Оп. 1. 235. Л. 44–49.

Сидоров А.С. К вопросу о происхождении спряжения в коми языке. Ф. 77. Оп. 7. № 107.

Сидоров А.С. Краткий отчет о выполнении летней научной командировки в Чувашскую АССР и Автономную область Коми для научных исследований. Ф. 135. Оп. 1. № 40. Л. 202–203.

Сидоров А.С. Отчет о работе Русско-финской секции за истекший [1927] год. Ф. 135. Оп. 1. № 40. Л. 188–189.

Сидоров А.С. 15.03.1937 — 20.09.1937. И.о. ст. н. с. ЛОЦИЯ. Ф. 77. Оп. 5. № 125.

Сидоров А.С. Принадлежно-указательные личные суффиксы в коми языке: диссертация. Ф. 77. Оп. 7. № 247.

Сокращенный катехизис, переведенный Андреем Поповым (Усть-Сысольск) на зырянский язык в 1843 г. Ф. 94. Оп. 1. № 229.

Список Перми Великой с 7090 г. Ф. 94. Оп. 1. № 5/1–48. Л. 296–299 об.

Старцев Г.А. Дело о присвоении квалификации. Ф. 302. Оп. 4. № 32.

Старцев Георгий Афанасьевич. Личное дело. Ф. 302. Оп. 2. Ед. хр. 247.

Старцев Г. Воспоминания о Л.Я. Штернберге. Рукопись. 6.07.1928. Ф. 282. Оп. 1. № 110. Л. 70–71.

Старцев Г.А. Отчет о результатах командировки в 1927 г. в Коми область по установлению связей с местными организациями для производства исследовательских работ по этнологии с приложением первого пятилетнего плана НИИР в Коми области на 1928/29 — 1932/33 гг. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 261.

Статистические сведения от Яранского земского суда Вятской губернии. Ф. 94. Оп. 1. № 5/1–48. Л. 175–203.

Собрание зырянских пословиц и поговорок. Ф. 94. Оп. 1. № 10/1–38. Л. 145–160.

Сокращенная физикомедицинская табель Пермской губернии за 1816–1825 гг. Ф. 94. Оп. 1. № 6/1–10. Л. 348–371.

Трудовой список Ульянова Николая Ивановича. Ф. 133. Оп. 3. № 55.

Флеров А. Зырянская грамматика. СПб., 1813. С исправлениями и замечаниями А.И. Шегрена. Ф. 94. Оп. 1. № 103.

Формулярный список о службе и достоинстве ординарного академика Императорской Академии наук статского советника Шегрена. 5 янв. 1855 г. Дело Комитета Правления Императорской академии наук о смерти академика Шегрена и назначении вдове его пенсии. 7 янв. 1855 — 25 июня 1876 гг. Ф. 4. Оп. 4. № 656. Л. 3.

Шухов И.Н. Краткий предварительный отчет о поездке в Тарский округ Сибирского края для обследования племенного состава населения. Ф. 135. Оп. 1. № 29. С. 28–32.

Шухов И.Н. Материалы по изучению племенного состава населения и его быта в Тарском округе. Ф. 135. Оп. 2. № 341.

Архив Института истории материальной культуры

Мельников С.Е. Об археологических открытиях, сделанных в Вологодской губернии. 1852. Рукопись. Ф. 6. Д. 193. 20 л.

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Попов Н.П. Русско-зырянский словарь. Архив востоковедов. Разд. II. Оп. 5. № 7, 8.

Попов Н.П. Русско-зырянский словарь. 1863 г. Архив востоковедов. Разд. II. Оп. 5. № 9–21.

Архив Русского географического общества

Голубцов Н.А. Перечень объектов для составления статистических таблиц для исследования санитарного состояния Печорского края. 1903. 1 л. Разряд 1. Оп. 1. № 87.

Жаков К.Ф. Народная словесность зырян и русские сказки. Р. 53. Оп. 1. № 91.

Иваницкий Н.А. Из Вологды на Печору. Р. 7. Оп. 1. № 50. Л. 23.

Истомин Ф.М. Поездка в Печорский край летом 1889 г. Р. I. Оп. 1. № 88.

Кичин Е. Заметки об Усть-Сысольске. Р. 7. Оп. 1. № 61.

Крузенштерн П.И. Замечания о Печорском крае. Ф. 10. Оп. 1. Д. 69.

Мартынов С.В. Печорский край — опыт медико-санитарного описания. Р. I. Оп. 1. № 98. 10 л.

Мартынов С.В. Описание волостей Печорского у. с приложением статистических таблиц (исследование 1903 г.) Р. I. Оп. 1. № 101. 185 л.

Мартынов С.В. Печорский край. Р. I. Оп. 1. № 102. 58 л.

Мельников С.Е. Краткое описание Каланской Ильинской церкви. Р. 7. Оп. 1. № 5.

Мельников С.Е. Мойд кыв — Йома Баба. (Зырянская сказка Баба-яга). Р. 53. Оп. 1. № 83. 4 л.

Мельников С.Е. Песни, предания, былины, сказки, пословицы и поговорки. Р. 53. Оп. 1. №. 85. 23 стр.

Мельников С.Е. Словарь русско-вотско-зырянский общеупотребительных слов. Р. 63. Оп. 1. № 6.

Михайлов М. Заметки о зырянах. Рукопись. 1846 Р. 53. Оп. 1. № 8.

Михайлов М. Свадебные обычаи зырян. 1851. Р. 53. Оп. 1. № 81.

Носилов К.Д. Печора и Ижемский край. Р. 1. Оп. 1. № 67. 16 л.

Попов А. Путевые заметки. 1847. Р. 53. Оп. 1. № 9.

Попов А.Е. Несколько поверий, примет и загадок Зырянского народа. Р. 53. Оп. 1. № 84.

Русанов В.А. Несколько слов о зырянах. Р. IV. Оп. 1. № 897.

Тихомиров Д. Описание построек в Печорском уезде Архангельской губернии. 1903 г. 96 л. 20 рис. Р. 1. Оп. 1. № 94.

Тихомиров Д. Описание построек в Печорском уезде Архангельской губернии. 1903 г. 44 л. 20 рис. Р. 1. Оп. 1. № 94.

Шешуков, Кривощеков И.Я. О пермяках районов притоков Камы — Иньвы и Косьвы. Р. 29. Оп. 1. № 92.

Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

А.С. Сидоров. Коми. К–I. Оп. 1. № 397.

Архив Российской национальной библиотеки

Дело № 419. Г.А. Старцев. Отдел кадров ГПБ.

Рукописное отделение Российской национальной библиотеки

Афанасий Моторин. Проповедь на Пасху на зырянском языке. F XVIII–111. Л. 134–134 об.

Выписка с подлинной «Истории зырянского народа и их монастыря», присланных Евгением, епископом Вологодским в Усть-Вымскую Благовещенскую церковь. Q XVII–229. Л. 18–19.

Выписки исторические о зырянском народе митрополита Евгения. F XVII–62.

Донесения и замечания учителей Алексея и Андрея Поповых о сочинениях П.И. Савваитова «Грамматика зырянского языка» и словарях. Представлена епископу Вологодскому и Устюжскому Феогносту. 1855. Оригинал. F XVI–9. Л. 56–73.

Из летописи о пермских епископах, бывших в Усть-Выми, которая писана в приезд его преосвященства Евгения, епископа Пермского 1808 года месяца июня 10 дня, протоиерея Семена Манакова. Q XVII–229. Л. 20–22.

Исторические сведения о Вологодской епархии Ио Пермских, Вологодских и Устюжских преосвященных архиереях митрополита Евгения (Болховитинова) с рукописными дополнениями П.И. Савваитова // Выписки исторические о зырянском народе митрополита Евгения. F XVII–68. Л. 84–100.

Короткий зырянский словарь, составленный Яренского у. Шежамской вол. священником Василием Михайловым, а правленый и дополненный усть-сысольским мещанином Иваном Р. Мальцевым. 22 л. O XVI–10.

Материалы и черновики книги П.И. Савваитова «Грамматики зырянского языка». F XVIII–111. Л. 40–90.

Материалы Стефана Егора Мельникова, члена Усть-Сысольского уездного комитета церковно-исторического и статистического описания Вологодской епархии, чистопольского мещанина, представленные в Императорское Русское географическое общество. F XVIII–111. Л. 168–247; F I–788. Л. 311–328; F XVII–58. Л. 72–101.

Мнение академика А.М. Шегрена о «Зырянской грамматике» П.И. Савваитова // Сборник материалов по истории изучения зырянского языка. F XVI–9. Л. 2–14, 14–21 об.

Мельников С. Археологические поиски в Яренском у. Ст. 1. F XVIII–111. Л. 174 об.–174 об.

Мельников С. Воспоминание о Троицком монастыре на Вашке. F XVIII–111. Л. 172 об.–176 об.

Мельников С. Детские считалки с Печоры. F XVIII–111. Л. 169–169 об.

Мельников С. Заговоры. F XVIII–111. Л. 170 об.–171; То же. Q XVIII–247. Л. 17–18 об.

Мельников С. Заметка о прозвищах жителей Усть-Сысольского у. F XVIII–111. Л. 172 об.–173.

Мельников С. Зырянский пас. F XVIII–111. Л. 185 об.–188.

Мельников С. Краткое описание Иртовской Воскресенской церкви (в Яренском уезде). F I–788. Л. 322–327.

Мельников С. Картины зырянского народного быта. F XVII–58. Л. 82 об.–89 об.

Мельников С. Лешакъяс или кедровые шишки. F XVIII–111. Л. 181–184 об.

Мельников С. Мойд кыв-Йома Баба. (Зырянская сказка Баба-яга) F XVIII–111. Л. 216.

Мельников С. Некоторые из замечательных мест Усть-Сысольского и Яренского уездов. F XVII–58. Л. 78 об.–79 об.

Мельников С. Описание Спасской Ульяновской пустыни на р. Вычегде Вологодской губ. Усть-Сысольского уезда. F I–788. Л. 311–320.

Мельников С. О поверьях зырян. F XVII–70. Л. 4–5.

Мельников С. Путешествие в Синдор. F XVII–58. Л. 72 об.–77.

Мельников С. Хозяйственные и этнографические сведения о зырянах. F XVIII–111. Л. 218–247.

Объяснения профессора П.И. Савваитова на отзыв учителей Поповых. Писарская копия. F XVI–9. Л. 75–90.

Отзыв П.И. Савваитова на материалы чистопольского мещанина Мельникова. F XVII–70. Л. 2–3.

Отзыв П.И. Савваитова на статью Мельников С.Е. «О поверьях зырян». F XVII–70. Л. 4–5.

Письмо П.И. Савваитова обер-прокурору Св. Синода П.К. Победоносцеву. Писарская копия // Сборник материалов о зырянах. F XVII–70. Л. 10–10 об.

Прошение П.И. Савваитова на имя Министра народного просвещения // Сборник материалов по истории изучения зырянского языка. F XVI–9. Л. 1.

Савваитов П.И. Количество земли, народонаселения, промыслы, торговля и судоходство в Усть-Сысольском у. (Вологодской губ). Подписанный автограф. 1842. Л. 4 об. –5 об.

Савваитов П.И. Материалы для изучения зырянских святцев [Название условное. Здесь мною объединены несколько материалов с прорисовками и оттисками с календаря и древнепермских букв. — А.Т.] F XVII–70. Л. 15–19.

Савваитов П.И. О предполагаемом в Усть-Выми праздновании 500-летия со времени Пермской епархии и присоединении Зырянского края к Москве. F XVII–70. Л. 12–14 об.

Савваитов П.И. Рецензия на «Сокращенный Катехизис на русском и зырянском языках, составленный Андреем Поповым». F XVIII–111. Л. 91–100.

Савваитов П.И. Список настоятелей и пустынь Вологодской епархии (с основания по 1851г. включительно) // Сборник материалов для истории Вологодской епархии. F I–787. Л. 21–76.

Сборник из бумаг митрополита Евгения 1808–1837. F XVII–59.

Сборник материалов о зырянах. F XVII–70.

Сборник материалов по истории изучения зырянского языка F XVI–9.

Сборник сочинений воспитанников Вологодской семинарии. 1841 г. Q XVII–231.

Собрание бумаг митрополита Евгения. 1808–1837. F XVII–50.

Российский этнографический музей

Переписка с С.И. Сергелем, студентом СПб университета, командированным для собирания этнографического материала у зырян Архангельской и Вологодской губ. и лопарского населения Скандинавского полуострова и Финляндии. Ф. 1. Оп. 2. Д. 566. Л. 4.

Описание С.И. Сергеля о зырянских постройках в Вологодской губернии (рукопись, чертежи). 1906 год. Ф. 1. Оп. 2. Д. 567.

Национальный архив Республики Коми

Доронин П.Г. Административное деление и управление (Коми) краем в XVIII веке. Ф. 1349. Оп. 1. № 14.

Доронин П.Г. Административное деление и управление Коми краем. Сыктывкар, 1957. Ф. 1349. Оп. 1. № 54.

Доронин П.Г. Выписки из произведений Ф.К. Жакова. Материалы к его биографии. Ф. 1346. Оп. 1. № 272.

Доронин П.Г. Жизнь и творчество К.Ф. Жакова. Ф. 1346. Оп. 1. № 190.

Доронин П.Г. Научно-исследовательские работы, принадлежащие членам-учредителям Усть-Сысолской общественной библиотеки. Ф. Р–1346. Оп. 1. Ед. хр. 49.

Доронин П.Г. Социально-общественные деятели в Коми крае до Октябрьской революции. Ф. Р–1346. Оп. 1 Ед. хр. 41.

Личные документы и переписка В.П. Налимова. Ф. 1010. № 79.

Материалы экспедиции Л.Н. Рума (Экономический обзор, доклады, переписка, ответы) об исследовании Усть-Сысольского у. в кололнизационном отношении (заселение переселенцами) // Ф. 273. оп. 1. Д. 572. 235 с.

Старцев Г.А. Жаков К.Ф. Ф. Р–961. Оп. 1. № 3.

Старцев Г.А. Зыряне. Ф. 710. Оп. 1. Ед. хр. 4.

Старцев Г.А. Коми фольклор (Программа). Ф. Р–961. Оп. 1. № 8. Л. 1–20.

Архив Коми научного центра Уральского отделения РАН

Доронин П.Г. Административное деление и управление (Коми) краем в XVIII веке. Ф. 1349. Оп. 1. № 14.

Доронин П.Г. Письменность и литература коми до Октябрьской социалистической революции. Ф. К–1. Оп. К–011. Ед. хр. К–250.

Сидоров А.С. Коми литературный язык эпохи раннего феодализма по памятникам письменности. Сыктывкар. 1951. Рукопись. Ф. 1. Оп. II. Ед. хр. 164.

Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований

Протоколы заседания Бюро ОК ВКПб за 1936 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.

Государственный архив Пермской области

Ф. 597. Дмитриев Александр Алекссевич.

Ф. 613. Теплоуховы

Государственный архив Вологодской области

Отношение военного губернатора г. Вологды и вологодского гражданского губернатора генерал-лейтенанта Д.Н. Болговского шефу жандармов графу А.Х. Бенкендорфу о пребывании в вологодской ссылке издателя Н.И. Надеждина. 6 сентября 1837 г. Ф. 18. Оп. 2. Д. 16. Л. 25–26.

Список сокращений

АОИРС — Архангельское общество изучения Русского Севера

ВГО — Всесоюзное географическое общество

ВОИСК — Вологодское общество изучения Северного края

ВЭО — Вольное экономическое общество

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГАИ СПб. — Государственный архив истории Санкт-Петербурга

ГВ — Губернские ведомости

ЕВ — Епархиальные ведомости

ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел

ЖМГИ — Журнал Министерства государственных имуществ

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЖС — Живая старина

ИАН — Известия Академии наук

ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете

ИОЛЕАЭ — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете

ИРГО (РГО) — Императорское Русское географическое общество

ИРКИСВА — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (СПб.)

ИФС — Историко-филологический сборник.

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории

КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил АН СССР

КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КФ ВГО — Коми филиал Всесоюзного географического общества

НАРК — Национальный архив Республики Коми

ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете

ОИКК — Общество изучения Коми края

ОИОГ — Общество изучения Олонецкой губернии

ОИРЭФА — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук

ПГУАК — Пензенская губернская ученая архивная комиссия

ПКВГ — Памятная книжка Вологодской губернии

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ПУАК — Пермская ученая архивная комиссия

РЭМ — Российский этнографический музей

СКАГ — Справочная книжка Архангельской губернии

СКВГ — Справочная книжка Вологодской губернии

СФУ — Советское финно-угроведение

СЭ — Советская этнография

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

Тр. ВЭО — Труды Вольного экономического общества

ТЭО ИОЛЕАЭ — Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете

УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания

УрГУ — Уральский государственный университет

ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

ЭО — Этнографическое обозрение

ALH — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae

FUF — Finnisch-Ugrische Forschungen

KA — Kansallisarkisto

LU — Linguistica Uralica

MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne

UAJ. NF. — Ural-Altaische Jahrbüscher. Noue Folge

UAJ — Ural-Altaische Jahrbüscher

JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne

SM — Sujmen Museem

SUST — Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Александр Иванович Терюков

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ КОМИ

Компьютерный макет Н.И. Пашковской

Подписано в печать 25.07.2011. Формат 84×108/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл.печ л. 45. Уч.-изд. л. 45.
Тираж 300 экз. Заказ № 12.

МАЭ РАН
190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3.

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.
Тел. 323-67-74, e-mail: izd_lema@mail.ru

ISBN 978-5-88431-217-3